

**РИЧАРД
ЭВАНС**

*Новейшее исследование
истории нацистской
Германии наконец дает ответ
на вопрос, каким на самом
деле был Третий рейх.*

1933–1939

ТРЕТИЙ РЕЙХ ДНИ ТРИУМФА

**РИЧАРД
ЭВАНС**

**ТРЕТИЙ РЕЙХ
ДНИ ТРИУМФА**

КЛАССИКА
ВОЕННОГО
ИСКУССТВА

КЛАССИКА
ВОЕННОГО
ИСКУССТВА

КЛАССИКА
ВОЕННОГО
ИСКУССТВА

**РИЧАРД
ЭВАНС**

**ТРЕТИЙ РЕЙХ
ДНИ ТРИУМФА
1933–1939**

**У-Фактория
Астрель**

УДК 94(430)''1933/39''
ББК 63.3(4Гем)
Э15

Перевод с английского Бориса Кобрицова и Андрея Галактионова

Эванс, Р.

Э15 Третий рейх. Дни триумфа: 1933–1939 / Ричард Эванс; пер. с англ. Б. Кобрицова и А. Галактионова. — Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. — 958, [2] с.

ISBN 978-5-9757-0532-7 (ООО «Агентство прав «У-Фактория»)

ISBN 978-5-271-30709-6 (ООО «Издательство Астрель»)

В этой книге рассказывается история Третьего рейха — режима, созданного в Германии Гитлером и национал-социалистами — с момента, когда он прочно утвердился во власти летом 1933 года и до 1939 года, когда он развязал в Европе Вторую мировую войну. Нацисты пришли к власти в первой половине 1933 года на руинах Веймарской Республики, первой попытки Германии построить демократию, судьба которой сложилась не лучшим образом. К июлю они уже практически полностью проработали политику режима, который впоследствии управлял Германией до своего поражения почти через двенадцать лет в 1945 году. Они устранили открытую оппозицию на всех уровнях, создали однопартийное государство, и скоординировали все основные институты немецкого общества за исключением армии и церкви...

Трилогия Ричарда Эванса — захватывающее и в то же время крайне подробное и исторически достоверное повествование о самой трагической эпохе в немецкой и европейской истории прошлого века.

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги и брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.60.953.Д.012280.10.09 от 20.10.2009

Подписано в печать 10.09.2010. Формат 60×90¹/₁₆. Усл. печ. л. 60.

Тираж 3 000 экз. Заказ № 4024205.

ISBN 978-5-9757-0532-7 (ООО «Агентство прав «У-Фактория»)

ISBN 978-5-271-30709-6 (ООО «Издательство Астрель»)

© Richard J. Evans, 2005

© ООО «Агентство прав «У-Фактория»

© Кобрицов Б.П., Галактионов А.А., перевод на рус. яз.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В этой книге рассказывается история Третьего рейха — режима, созданного в Германии Гитлером и национал-социалистами — с момента, когда он прочно утвердился во власти летом 1933 года и до 1939 года, когда он развязал в Европе Вторую мировую войну. В томе «Третий рейх. Рождение империи», посвященном истории того, как появился нацизм, проанализировано развитие его идей и рассказывалось о том, как он пришел к власти в годы злополучной Веймарской республики. Позже выйдет еще один том «Третий рейх. Война», он затронет период с сентября 1939 по май 1945 года, там же будет рассмотрено наследие нацизма в Европе и в мире, сохранившееся в конце XX века и в наши дни. Подход, используемый в этих трех томах, описывается в предисловии к книге «Третий рейх. Рождение империи», и не стоит снова подробно на нем останавливаться. Те, кто уже прочитал эту книгу, могут сразу переходить к первой главе, а тем, кто ее не читал, возможно, будет интересен пролог, где вкратце описываются события, происходящие до конца июня 1933 года — того момента, когда начинается история, рассказанная далее.

В этой книге используется тематический подход, но в каждой главе я, как и в предыдущем томе, попытался сочетать повествование, описание и анализ и обрисовать стремительно меняющуюся ситуацию так, как она разворачивалась с течением времени. Третий рейх не был статичной, монолитной диктатурой; он был динамичен, в нем стремительно происходили изменения, и с самого начала его деятелями руководили ненависть и амбиции. Главенствовало над всем стремление к войне, войне, которая, по мнению Гитлера и других нацистов, вела к расовой перестройке центральной и восточной Европы и возрождению Германии как силы, главенствующей на Европейском континенте и вообще в мире. Во всех последующих главах, где рассматриваются соот-

ветственно репрессии и полицейский контроль, культура и пропаганда, религия и образование, экономика, общественная и повседневная жизнь, расовая политика и антисемитизм и, наконец, внешняя политика, ясно прослеживается стремление подготовить Германию и ее народ к большой войне. Но про это стремление нельзя было сказать, что оно рационально и реализуется четко и последовательно. В одной области за другой проявлялись противоречия и внутренняя нерациональность режима; неудержимый порыв начать войну уже сеял семена будущего поражения. Как и почему это происходило — вот один из основных вопросов, проходящий через всю книгу и связывающий воедино все ее главы. Столь же важны вопросы о степени власти Третьего рейха над немецким народом, принципах его работы, о том, в какой степени политикой режима управлял Гитлер, а в какой — широкий круг систематических факторов, присущих структуре Рейха, о том, насколько возможно было сопротивляться режиму, не соглашаться с ним или хотя бы просто не следовать диктатуре национал-социализма при режиме, требующем абсолютной преданности всех своих граждан, об отношениях Третьего рейха с современностью, о сходстве и различиях политики режима в разных областях с политикой других стран Европы и всего мира и о многом другом. Нить повествования определяется порядком глав в книге, события описываются по мере приближения к войне.

Конечно, выделение различных аспектов жизни в Третьем рейхе в отдельные темы облегчает связанное повествование, но у этого есть и свои недостатки, так как эти аспекты различными путями влияют друг на друга. Внешняя политика оказывала свое воздействие на расовую политику, расовая политика влияла на политику в образовании, пропаганда шла рука об руку с репрессиями, и так далее. Поэтому получается, что тема каждой главы раскрывается не до конца, каждую отдельную главу не стоит рассматривать как всеобъемлющее исследование тематики, которой она посвящена. Так, например, устранение евреев из экономики описывается в главе об экономике, а не о расовой политике, формулировка Гитлером целей войны в так называемом протоколе Хоссбаха в 1937 году рассматривается в главе о перевооружении, а не о внешней политике, а то, как Германия привела к антисемитизму Австрию, обсуждается в последней части, а не в главе про антисемитизм в 1938 году. Я надеюсь, что мое решение о структу-

ре книги оправданно, но логику книги можно проследить, только прочитав ее последовательно, от начала до конца. Если кто-то хочет использовать ее просто для цитат, я рекомендую обратиться к алфавитному указателю, по которому вы сможете найти интересующую вас информацию по основным темам книги, по событиям и по персоналиям.

В работе над этой книгой мне помогли превосходные базы книг в Библиотеке Кембриджского университета, Библиотека Винера и Немецкий исторический институт в Лондоне. The Staatsarchiv der Freien- und Hansestadt Hamburg и Forschungsstelle für Zeitgeschichte в Гамбурге любезно позволили просмотреть неопубликованные дневники Луизы Зольмиц, а Бернгард Фульда великодушно предоставил копии номеров немецких газет. Очень помогли советы и поддержка многих друзей и коллег. Мой агент Эндрю Уайли и его команда, в особенности Кристофер Орам и Михал Шавит, уделили много времени работе над этим проектом. Стефани Чан, Кристофер Кларк, Бернгард Фульда, Кристиан Гешель, Виктория Харрис, Робин Холлоуэй, Макс Хорстер, Валеска Хубер, сэр Иен Кершо, Скотт Мойерс, Джонатан Петропулос, Дэвид Рэйнолдс, Кристин Семменс, Адам Туз, Николаус Вашманн и Саймон Уиндер прочитали первые черновики, спасли меня от многих ошибок и сделали множество полезных предложений: я в долгу перед ними за их помощь. Кристиан Гешель любезно проверил примечания и библиографию. Саймон Уиндер и Скотт Мойерс были прекрасными редакторами, их советы и воодушевление были для меня очень важны. Очень ценными для меня были консультации и предложения Норберта Фрея, Гэвина Стэмпа, Риккарда Томани, Дэвида Уэлча и многих других. Дэвид Уотсон — прекрасный литературный редактор; Элисон Хэнеси приложила большие усилия к поиску информации о фотографиях; Андрас Березнай предоставил очень полезную информацию о картах. Кристин Л. Кортон прочитала весь труд, и кроме профессиональных советов, была бесценна ее поддержка в течение многих лет. Наши сыновья Мэтью и Николас, которым посвящена эта книга, как и ее предшественница, помогали отвлекаться от мрачной тематики этой работы. Я благодарен им всем.

Ричард Дж. Эванс
Кембридж, май 2005

ПРОЛОГ

I

Третий рейх пришел к власти в первой половине 1933 года на руинах Веймарской республики, первой попытки Германии построить демократию, судьба которой сложилась не лучшим образом. К июлю нацисты уже практически полностью проработали политику режима, который впоследствии управлял Германией до своего поражения почти через двенадцать лет в 1945 году. Они устранили открытую оппозицию на всех уровнях, создали однопартийное государство и скоординировали все основные институты немецкого общества, за исключением армии и церкви. Многие пытались объяснить, как им удалось так быстро достичь тотального превосходства в немецкой политике и обществе. Одна точка зрения указывает на извечную слабость немецкого характера, которая заставила его враждебно отнестись к демократии, следовать за беспринципными лидерами и слушать милитаристов и демагогов. Но если вспомнить девятнадцатый век, то мы почти не увидим там подтверждения такому предположению. Либеральные и демократические движения были не слабее, чем во многих других странах. Возможно, более уместно сказать о том, что немецкое национальное государство было создано сравнительно поздно. После того как в 1806 году пала Священная Римская империя, созданная Карлом Великим за тысячу лет до этого, — знаменитый Тысячелетний рейх, который хотел повторить Гитлер, — Германия была разобщена, до тех пор пока войны, инспирированные Бисмарком в 1864—1871 годах, не привели к созданию того, что позднее назвали Вторым рейхом — Германской империей во главе с кайзером. Во многих отношениях это было современное государство: там был национальный парламент, который в отличие от, на-

пример, британского парламента избирался голосованием всего мужского населения и явка избирателей составляла 80%; политические партии были хорошо организованы и являлись признанной частью политической системы. Социал-демократическая партия, которая в 1914 году была самой многочисленной (в ней было миллион членов), выступала за демократию, равенство, эмансипацию женщин и прекращение расовой дискриминации и предрассудков, включая антисемитизм. Экономика Германии была самой динамично развивающейся в мире, к концу века она быстро превзошла британскую, а в самых продвинутых областях, таких как электрическая и химическая промышленность, составляла конкуренцию даже американской. К концу века в Германии превалировали ценности среднего класса, его культура и образцы поведения. В картинах экспрессионистов, таких как Макс Бекман и Эрнст Людвиг Кирхер, пьесах Франка Ведекинда и романах Томаса Манна стали проявляться современные тенденции в искусстве и культуре.

Конечно, у бисмарковского рейха была и обратная сторона. В некоторых областях по-прежнему держали свои позиции аристократические привилегии, власть парламентов по-прежнему была ограничена, и крупные промышленники в Германии, как и в США, относились к профсоюзам резко враждебно. Преследование Бисмарком сначала католиков в 1870-х годах, затем еще только опережающей Социал-демократической партии в 1880-х годах заставило граждан привыкнуть к тому, что целые социальные группы могут объявить «врагами рейха» и значительно урезать их гражданские свободы. Католики ответили тем, что попытались более тесно влиться в общественную и политическую систему, социал-демократы — тем, что стали жестко придерживаться закона и оставили идею жестокого сопротивления или жестокой революции; позднее, в 1933 году, обе эти стратегии поведения привели к печальному результату. В 1890-е годы появилось слишком много экстремистских политических течений, которые утверждали, что работа по объединению была не закончена из-за того, что слишком большое количество этнических немцев жило за пределами рейха, в особенности в Австрии, но также и во многих других частях Восточной Европы. Некоторые политики стали утверждать, что Германии требовалась большая

империя, простирающаяся за море, такая, как была в Великобритании, другие стали вызывать у представителей среднего класса чувство того, что большие предприятия их вытесняют: страх хозяина маленького магазина перед хозяином супермаркета, постоянное сожаление клерка о том, что в деловой сфере появляется все больше женщин-секретарей, чувство дезориентации, возникающее у буржуазии при встрече с экспрессионизмом или абстрактным искусством и многим другим из того, к чему привела безудержная социальная, экономическая и культурная модернизация. Эти группы легко нашли мишень для обвинений в маленькой социальной группе евреев, оставляющих всего 1% населения страны: они, как правило, были весьма успешны в немецком обществе, особенно с тех пор, как они в XIX веке были освобождены от юридических ограничений, наложенных на них. Для антисемитов евреи были источником всех их проблем. Они утверждали, что нужно ограничить гражданские права евреев и сдерживать их экономическую деятельность. Скоро от таких политических партий, как Партия Центра и консерваторы, голоса стали перетекать к молодым партиям антисемитов. В ответ на это они пообещали в своей программе уменьшить, как они выражались, подрывное влияние евреев на немецкое общество и культуру. В то же самое время в совсем другой общественной сфере социал-дарвинисты и евгенисты начинали утверждать, что немецкую расу нужно укрепить, отбросив традиционное христианское уважение к жизни и стерилизовав или даже убив слабых, немощных, преступников и безумных.

До 1914 года это все еще была точка зрения меньшинства; и никто не пытался объединить носителей таких взглядов в какую-то единую систему. Антисемитизм в немецком обществе был очень распространен, но случаи открытой жестокости по отношению к евреям все еще были редки. Изменила эту ситуацию Первая мировая война. В августе 1914 года радостные толпы встречали начало войны на площадях немецких городов, как это было и в других странах. Кайзер объявил, что не знает никаких больше партий, кроме НЕМЦЕВ. Дух 1914 года стал символом национального единства, так же как образ Бисмарка вызывал ностальгию по сильному и решительному политическому лидеру. Патовая ситуация в войне в 1916 году привела к тому, что во-

енная политика в Германии оказалась сосредоточена в руках двух генералов, одержавших большие победы на Восточном фронте, — Пауля фон Гинденбурга и Эриха Людендорфа. Но несмотря на их жесткое управление армией, Германия была неспособна противостоять мощи американцев, когда в 1917 году они вступили в войну. В ноябре 1918 года война была проиграна.

Поражение в Первой мировой войне было пагубно для Германии. Большинство немцев горько переживали из-за условий мирного договора, хотя они были не жестче, чем те, которые Германия хотела наложить на противников в случае победы. В них входило масштабное финансирование восстановления ущерба, который нанесла немецкая оккупация в Бельгии и Северной Франции, ликвидация подводного флота и ВВС, ограничение численности немецкой армии до 100 000 человек и запрещение ей иметь современное вооружение, такое как танки. Также от Германии были отторгнуты территории в пользу Франции и, прежде всего, Польши. Война также разрушила международную экономику, которая не могла восстановиться еще в течение тридцати лет. Дело было не только в том, что предстояли большие расходы, но и в том, что развал Габсбургской империи и создание в Восточной Европе новых независимых государств спровоцировали национальный экономический эгоизм, и международное сотрудничество в сфере экономики стало невозможно. Германия, в частности, оплачивала военные расходы, печатая деньги и надеясь на аннексию промышленных областей Франции и Бельгии. Немецкая экономика не могла оплатить восстановление разрушенного, не подняв налоги, но ни одно немецкое правительство не хотело этого делать, потому что это дало бы возможность оппонентам обвинить их в том, что они облагают немцев налогом, чтобы заплатить Франции. Результатом такой политики стала галопирующая инфляция. В 1913 году доллар стоил 4 бумажные марки; к концу 1919 года — уже 47; к июлю 1922 года — 493, к декабрю 1922 года — 7000. Выплачивать репарации нужно было золотом или товарами, а при таком уровне инфляции немцы не хотели и не могли этого делать. В январе 1923 года французские и бельгийские войска оккупировали Рур и начали изымать промышленные активы и продукцию. Немецкое правительство объявило о начале политики отказа от со-

трудничества. Это привело к беспрецедентному по масштабу снижению курса марки. Американский доллар стоил 353 000 марки в июле 1923 года; в августе — 4,5 миллиона; в октябре — 25 260 миллионов; в декабре — 4 триллиона, то есть четыре с двенадцатью нулями. Германия лицом к лицу столкнулась с экономическим крахом.

Затем инфляция остановилась. Была введена новая валюта; прекратилось пассивное противостояние франко-бельгийской оккупации; иностранные войска были выведены из страны; выплата репараций продолжилась. Инфляция разделила средние классы и настроила одни группы против других, так что никакая политическая партия не могла их объединить. Стабилизация после инфляции, сокращение расходов и рационализация означали массовую потерю работы как в промышленности, так и в государственной службе. Начиная с 1924 года миллионы людей оказались без работы. Предприниматели были недовольны тем, что правительство не помогало им в их дефляционном положении, и стали искать альтернативы. Для средних классов в целом инфляция означала моральную и культурную дезориентацию, которую еще усугубляло то, что они называли излишествами современной культуры 1920-х годов, от джаза и кабаре в Берлине до абстрактного искусства, атональной музыки и экспериментальной литературы, такой как, в частности, поэзия дадаистов. Подобная дезориентация происходила и в политике, так как поражение в войне вызвало падение рейха, отправление кайзера в ссылку и создание после революции 18 ноября 1918 года Веймарской республики. В Веймарской республике была современная конституция, пропорциональное представительство, а женщины имели право голоса, но все это не остановило падения республики. Настоящей проблемой конституции были независимые выборы президента, у которого были широкие чрезвычайные полномочия, согласно 48-й статье конституции он мог править посредством декретов.

Этим широко пользовался первый президент республики социал-демократ Фридрих Эберт. Когда в 1925 году он умер, на его место избрали фельдмаршала Пауля фон Гинденбурга, убежденного монархиста, который не был большим приверженцем конституции. В его руках 48-я статья оказалась роковой для существования республики.

Последним наследием Первой мировой войны стал культ жестокости, не только среди ветеранских союзов, таких как радикально настроенный правый «Стальной шлем», но даже больше среди молодого поколения, людей, которые были слишком молоды, чтобы принять участие в боях, и теперь, на внутреннем фронте, старались подражать героическим поступкам старших товарищей. Война разделила политику на два полюса: слева были революционеры-коммунисты, а справа — различные радикальные группировки. Самыми известными из последних были Добровольческие корпуса — вооруженные отряды, которые правительство использовало для подавления революционных восстаний в Берлине и Мюнхене зимой 1918/1919 года. Добровольческие корпуса предприняли попытку совершить государственный переворот в Берлине в начале весны 1920 года, что привело к вооруженному восстанию левых в Руре. Восстания правых и левых происходили также в 1923 году. Даже в относительно стабильный период с 1924 по 1929 год в уличных боях было убито как минимум 170 человек из различных политических военизированных отрядов; в начале 1930-х годов количество ранений и смертей стало достигать ужасающих масштабов, только за год — с марта 1930 по март 1931 года — в стычках на улицах и в пивных погибло 300 человек. На место политической терпимости пришел жестокий экстремизм. Либеральные центристские и умеренные левые партии в середине 1920-х годов стремительно теряли электорат, идеи коммунистической революции отошли на второй план, и средние классы голосовали за партии, которые были ближе к правым. После 1920 года у тех партий, которые поддерживали Веймарскую республику, никогда не было большинства в парламенте. Еще позиция республики была подорвана тем, что судебная система часто оказывалась на стороне экстремистов и мятежников, которые заявляли, что ими руководит патриотизм, а также нейтральной позицией армии, которой все больше не нравилось то, что республика не могла убедить международное сообщество позволить Германии увеличить численность армии и провести техническое перевооружение, ограниченное Версальским договором. Немецкая демократия, которая создавалась в спешке и на ходу после пора-

жения в войне, отнюдь не была обречена на провал с самого начала, но события 1920-х годов говорили о том, что она никогда не сможет устойчиво встать на ноги.

II

В 1919 году в ультраправых кругах существовало огромное количество разнообразных экстремистских, антисемитских группировок, в особенности в Мюнхене, но в 1923 году одна из них выделялась среди остальных: Национал-социалистическая рабочая партия Германии (НСДАП), которой руководил Адольф Гитлер. О власти и влиянии Гитлера и нацистов написано так много, что необходимо уточнить: его партия стояла в стороне от большой политики до самого конца 1920-х годов. Иными словами, Гитлер не был политическим гением, который в одиночку обеспечил себе и своей партии широкую поддержку народа. Он родился в Австрии в 1889 году и был неудавшимся художником, ведущим богемный образ жизни. Он обладал одним большим талантом — управлять толпой при помощи своего красноречия. Его партия, основанная в 1919 году, была более динамична, более беспощадна и более жестока, чем другие ультраправые группировки. В 1923 году партия уже чувствовала себя достаточно уверенно, чтобы предпринять государственный переворот в Мюнхене, предварявший марш на Берлин, подобный «маршу на Рим», который годом ранее успешно провел Муссолини. Но им не удалось привлечь на свою сторону баварских консерваторов, и мятеж растворился в дыму оружейных залпов. Гитлера судили и поместили в Ландбергскую тюрьму, где он надиктовал своему помощнику Рудольфу Гессу автобиографический политический трактат «Моя борьба»; если быть точным, то это был не план на будущее, а собрание гитлеровских идей, предназначенное для всех, кто был готов его прочитать, где главное место занимал антисемитизм и идея расового завоевания Восточной Европы. Когда Гитлер вышел из тюрьмы, у него уже была сформирована идеология нацизма, собранная из разрозненных идей: антисемитизма, пангерманизма, евгеники и так называемой расовой гигиены, идей геополитического расширения, враждебности к демократии, к культурному модернизму, которые уже какое-то время хо-

дили в обществе, но не были объединены в систему. Он собрал себе команду единомышленников — талантливого пропагандиста Йозефа Геббельса, решительного и деятельного Германа Геринга и других, они создали ему образ сильного лидера и подкрепили его ощущение судьбы. Но несмотря на все это и несмотря на жестокости военизированных группировок штурмовиков на улицах, он ничего не добился в политике до самого конца 1920-х годов. В мае 1928 года нацисты набрали только 2,6% голосов, а победила «Большая коалиция» центристских и левых партий, возглавляемая социал-демократами. Но в октябре 1929 года рухнула биржа на Уолл-Стрит, увлекая за собой Германию и весь мир в глубокий экономический кризис. Американские банки отзывали займы, из которых с 1924 года финансировалось экономическое восстановление Германии. В результате немецкие банки были вынуждены лишать займов немецкие предприятия, и им ничего не оставалось, как только увольнять рабочих и объявлять о своем банкротстве, что многие из них и делали. За два с небольшим года больше трети рабочих в Германии лишились работы, и еще миллионы работали неполный день или со сниженной заработной платой. Система страхования от безработицы совершенно развалилась, и все большее число людей оставались без средств к существованию. Кризис накрыл и сельское хозяйство, так как во всем мире упал спрос на его продукцию.

Политические последствия безработицы стали настоящим бедствием. «Большая коалиция» распалась; все партии настолько расходились в том, как, по их мнению, нужно бороться с кризисом, что совершенно невозможно было достичь парламентского большинства и предпринять решительные действия. Рейхс-президент Гинденбург назначил комиссию экспертов, руководил которой католик и убежденный монархист Генрих Брюнинг. Она продолжила дефляционные сокращения, что только ухудшило ситуацию. Она действовала, используя право президента править в обход Рейхстага посредством декретов, согласно 48-й статье конституции. Рейхстаг стал утрачивать реальную политическую власть в пользу окружения Гинденбурга, который мог использовать свою возможность править через президентские декреты. А на улицах власть оказалась в руках сотен тысяч штурмовиков, устраивающих массовые побоища и погромы. Для тысяч моло-

дых людей, присоединившихся к штурмовикам, жестокость быстро стала образом жизни, почти наркотиком, и они обрушивали на коммунистов и социал-демократов такую же ярость, какую старшее поколение испытывало к врагу в 1914–1918 годах.

В начале 1930-х годов у многих штурмовиков не было работы. Однако поддержать нацистов людей заставила вовсе не безработица. Безработица более всего сыграла на руку коммунистам, они набирали все больше голосов и в ноябре 1932 года достигли 17%, что обеспечило партии 100 мест в Рейхстаге. Жесткие революционные речи коммунистов, обещания уничтожить капитализм и создать Советскую Германию напугали представителей средних классов, которые хорошо знали, что произошло с такими, как они, в Советской России после 1918 года. Потрясенные тем, что государство не смогло справиться с кризисом, в ужасе от растущего коммунистического движения, они стали покидать маленькие правые партии с их постоянными перебранками и присоединяться к нацистам. За ними последовали и другие социальные группы, включая мелких фермеров-протестантов, рабочих из тех районов, где были слабы социал-демократические традиции. В то время как все партии среднего класса потерпели полное поражение, социал-демократам и Партии Центра удалось избежать больших потерь. Но это было все, что осталось от умеренного центра к 1932 году: две партии, беспомощно зажатые в Рейхстаге между 100 коммунистами и 196 штурмовиками. Поляризация в политике достигла крайнего предела.

Как показали выборы в сентябре 1930 года и июле 1932 года, нацисты представляли собой довольно неоднородную партию социального протеста, с сильной поддержкой средних классов и относительно слабой, но все же очень значимой поддержкой со стороны рабочего класса. Их электорат уже не ограничивался, как раньше, протестантской мелкой буржуазией и фермерами. Другие партии, переживая за свои потери, старались выиграть у них на их собственном поле. У них не было никакой конкретной политики, а было скорее просто впечатление динамизма, которое производила нацистская партия. Нужно было избавиться от злосчастной Веймарской республики, а людей нужно было снова объединить в национальное сообщество, не знающее ни партий, ни классов, точно так же, как это было в 1914 году; Герма-

нии нужно было восстановить свои позиции на международной арене и снова стать лидирующей державой: примерно к этому сводилась нацистская программа. В 1928 году свою конкретную политику они подстраивали под своих избирателей, например, сдерживая свой антисемитизм там, где он не встречал поддержки, а он не встречал ее у большей части электората. Кроме нацистов и коммунистов, дерущихся на улицах, и тех, кто плел интриги вокруг президента Гинденбурга, соперничая за его внимание, в политическую игру вошел еще один участник — армия. Все более встревоженная подъемом коммунизма и растущим насилием на улицах, армия тоже видела в новой политической ситуации возможность избавиться от Веймарской демократии и установить авторитарный военный диктат, который, отказавшись от Версальского договора, перевооружит страну и подготовит ее к войне, и к Германии вернуться ее завоеванные территории, а возможно, она даст и намного больше.

Власть армии заключалась в том, что это была единственная сила, способная восстановить порядок в разбитой стране. Когда в 1932 году был переизбран Гинденбург, при большой поддержке социал-демократов, которые считали, что он все же лучше Гитлера, дни канцлера Брюнинга были сочтены. Ему не удалось ничего из того, что он планировал, от прекращения экономического кризиса до восстановления порядка в немецких городах. К тому же он досадил Гинденбургу тем, что не смог избавить его от конкуренции на выборах, и тем, что предложил отдать земли его личного поместья крестьянам, чтобы помочь им в их тяжелом положении. Армия озабочилась тем, чтобы избавиться от Брюнинга, потому что его дефляционная политика мешала перевооружению. Как и многие другие консервативные группы, они надеялись, что нацисты, которые к тому времени были самой большой политической партией, помогут им легализовать и организовать свержение Веймарской демократии. В мае 1932 года Брюнинг был вынужден уйти в отставку, и его место занял католик, землевладелец и аристократ Франц фон Папен, личный друг Гинденбурга.

Приход Папена к власти означал смертный приговор для Веймарской республики. Он использовал армию для того, чтобы сместить социал-демократическое правительство в Пруссии, и приготовился изменить Веймарскую конституцию, ограничив

право голоса и резко сократив законодательную власть Рейхстага. Он начал запрещать критические публикации в ежедневных газетах и ограничивать гражданские свободы людей. Но на выборах, которые он устроил в июле 1932 года, нацисты еще больше укрепили свои позиции, набрав 37,4% голосов. Попытка Папена заручиться поддержкой Гитлера и нацистов для своего правительства провалилась, Гитлер заявил, что у власти должен быть он, а не Папен. Не имея в результате практически никакой поддержки, Папен был вынужден уйти, когда армия потеряла терпение и протолкнула на эту должность вместо него своего человека. Новый глава правительства генерал Курт фон Шлейхер тоже не смог восстановить порядок и кооптировать в состав правительства нацистов, чтобы создать видимость того, что народ поддерживает его политику создания авторитарного государства. На выборах в Рейхстаг в ноябре 1932 года нацисты потеряли два миллиона голосов, это явное поражение и очевидная нехватка средств привели к тому, что в рядах партии произошло серьезное разделение. Имперский организационный руководитель, второй человек после Гитлера, Грегор Штрассер ушел от нацистов, разочлившись на то, что Гитлер не хотел вести переговоры с Гинденбургом и Папеном. Казалось, пришел подходящий момент, чтобы воспользоваться слабостью нацистов. 30 января 1933 года, с согласия армии, Гинденбург назначил Гитлера главой нового правительства, где все места, кроме двух, занимали консерваторы; вице-канцлером стал фон Папен.

III

На самом деле 30 января 1933 года начался захват власти нацистами, а не консервативная контрреволюция. Гитлер избежал тех ошибок, которые допустил десять лет назад: он добился своего поста без формального нарушения конституции, при поддержке консервативных правящих кругов и армии. Теперь задача состояла в том, чтобы превратить его позицию в еще одном Веймарском коалиционном кабинете в диктатуру однопартийного государства. Сначала все, что он мог сделать, — это усилить жестокость на улицах. Он убедил Папена назначить Германа Геринга прусским министром внутренних дел, а тот, вступив в

должность, сразу же сформировал из штурмовиков части вспомогательной полиции. Они неистовствовали, громя помещения профсоюзов, избивая коммунистов, срывая митинги социал-демократов. 28 февраля нацистам помогла случайность: голландский анархо-синдикалист Маринус ван дер Люббе в одиночку поджег здание Рейхстага в знак протеста против роста безработицы. Гитлер и Геринг смогли убедить кабинет начать репрессии в отношении Коммунистической партии. Четыре тысячи коммунистов, включая практически все партийное руководство, были немедленно арестованы, избиты, подвергнуты пыткам и брошены в только что открывшиеся концентрационные лагеря. Последующие несколько недель шла неослабевающая кампания жестокости и насилия. В конце марта прусская полиция сообщила, что в тюрьме находятся 20 000 коммунистов. К лету были арестованы 100 000 коммунистов, социал-демократов, представителей профсоюзов и других организаций; по официальной оценке, 600 из них умерли в лагерях. Эти действия были санкционированы чрезвычайным декретом, подписанным Гинденбургом в ночь после пожара. Декрет временно отменял гражданские свободы и давал полномочия кабинету принимать любые меры для защиты общественной безопасности. Йозеф Геббельс, ставший вскоре министром пропаганды, представил поступок, в одиночку совершенный ван дер Люббе, как результат коммунистического заговора с целью поднятия вооруженного восстания. Это убедило многих избирателей — представителей среднего класса — в том, что декрет был абсолютно оправдан.

Но правительство не запретило Компартию в полном, юридическом, смысле, так как боялось, что на выборах, организованных Гитлером 5 марта, электорат коммунистов перейдет к социал-демократам. При массовой нацистской пропаганде, которую оплачивал приток финансовых средств от промышленников, и жестоком устрашении, при котором было запрещено или сорвано проведение митингов большинства из конкурирующих политических партий, нацисты все еще не могли достичь абсолютного большинства голосов, набрав только 44%. Они смогли преодолеть 50-процентный барьера лишь с помощью их консервативных националистских партнеров по коалиции. Коммунисты получили 12% голосов, социал-демократы —

18%, а Партия Центра сохранила свои 11%. Это означало, что Гитлеру и его коллегам по кабинету было еще далеко до 2/3 голосов, которые были им необходимы, чтобы изменить конституцию. Но 23 ноября им все же удалось их набрать, когда они пригрозили, что если их не поддержат, начнется гражданская война, и когда они переманили на свою сторону представителей Партии Центра, пообещав, что Конкордат с папой гарантирует католикам их права. Так называемый Закон о полномочиях, принятый Рейхстагом, давал кабинету возможность править посредством декретов, не ссылаясь ни на Рейхстаг, ни на президента. Наряду с декретом, изданным после поджога Рейхстага, он создавал юридические возможности для установления диктатуры. Против него проголосовали только 94 социал-демократа.

В ноябре 1932 года на выборах в Рейхстаг нацисты получили 196 мест, националисты — союзники нацистов — 51 место. Социал-демократам и коммунистам досталось 221 место, но они не смогли никак воспрепятствовать захвату власти нацистами. В их рядах существовали серьезные разногласия. Коммунисты, получающие приказы из Москвы от Сталина, называли социал-демократов «социал-фашистами» и утверждали, что они были еще хуже нацистов. Социал-демократы не хотели сотрудничать с партией, чьей непопулярности и беспринципности они резонно опасались. Их военизированные организации сражались с нацистами на улицах, но им было далеко до армии, которая в 1933 году поддерживала нацистов; их численность также не превышала количества штурмовиков, которых в феврале 1933 года насчитывалось 3/4 миллиона. Социал-демократы в этой ситуации хотели избежать кровопролития и остались верны своей традиции подчиняться закону. Коммунисты считали, что Гитлер был последним выдохом умирающей капиталистической системы, которая скоро рухнет, и не видели необходимости готовить восстание. Наконец, о всеобщей забастовке тоже не могло быть речи, так как безработица составляла 35% и бастующих быстро заменили бы людьми, не имеющими работы и страстно желающими спасти себя и свои семьи от нищеты.

Геббельс велел учредить новый национальный праздник, Первое мая, что поддержали профсоюзы, давно этого добивающиеся, в итоге праздник стал так называемым Днем народного труда, сотни тысяч трудящихся собирались на площадях Герма-

нии под свастиками, чтобы послушать речи Гитлера и других нацистских руководителей, передаваемые по радио. На следующий день штурмовики по всей Германии ворвались в помещения социал-демократических организаций, разграбили их, после чего закрыли. Через несколько недель дух рабочего движения был окончательно сломлен массовыми арестами профсоюзных функционеров и руководства социал-демократов, многих из которых избивали, пытали в диких концентрационных лагерях. После этого мишенью стали другие партии. Либеральные и региональные партии, превратившиеся в ходе выборов в маленькие группировки на обочине большой политики, были вынуждены распуститься самостоятельно. Против националистов — партнеров Гитлера по коалиции — началась скрытая кампания, сопровождающаяся притеснением и арестами партийных функционеров и депутатов. Главный союзник Гитлера среди националистов Альфред Гугенберг был вынужден покинуть кабинет министров, а лидер фракции в Рейхстаге был найден мертвым в своем кабинете при подозрительных обстоятельствах. Протесты Гугенберга вызвали у Гитлера истерику, он угрожал устроить кровавую баню, если националисты продолжают сопротивляться. К концу июня националисты также прекратили свою политическую деятельность. Не меньше пострадала и оставшаяся независимая партия — Центра. Угрозы нацистов уволить государственных служащих-католиков и закрыть католические светские организации, а также паника, вызванная страхом папства перед наступлением коммунистов привели к тому, что в Риме было заключено соглашение. Партия согласилась на свой роспуск при условии, что будет окончательно принят Конкордат, что уже было обещано Законом о полномочиях. Это должно было гарантировать неприкосновенность католической церкви в Германии со всеми ее активами и организациями. Позже время показало, что он не стоил той бумаги, на которой был составлен. Тем временем Партия Центра вслед за остальными канула в Лету. К середине июля 1933 года Германия стала однопартийным государством, это положение закрепил закон, официально запретивший все партии, кроме нацистской.

Но отменены были не только партии и профсоюзы. Наступление нацистов на существующие институты затронуло все об-

щество. Каждое земельное правительство, каждый земельный парламент, каждый город и местный совет был безжалостно вычищен; Декрет о поджоге Рейхстага и Закон о полномочиях использовались для устранения предполагаемых врагов государства, что на самом деле означало — противников нацистов. Под контролем нацистов оказалась каждая национальная добровольческая организация и каждый местный клуб, начиная от промышленных и сельскохозяйственных групп и заканчивая спортивными ассоциациями, футбольными клубами, мужскими хорами, женскими сообществами — абсолютно все формы коллективной деятельности оказались под влиянием партийной идеологии. Все политические клубы и сообщества, продвигающие нацистские идеи, были объединены в рамках нацистской партии. Руководителей добровольных ассоциаций либо изгнали, либо их заставили подчиниться. Многие организации исключали из своих рядов членов, придерживающихся левых и либеральных взглядов, и присягали на верность новому государству и его институтам. Весь этот процесс (на нацистском жаргоне он назывался «координация») происходил по всей Германии с марта по июнь 1933 года. В конце концов единственными оставшимися ненацистскими организациями были армия и церковь вместе с относящимися к ней светскими учреждениями. По мере того как развивался этот процесс, правительство издало закон, позволяющий проводить чистки среди госслужащих, к которым относилось большинство жителей Германии: школьные учителя, сотрудники университетов, судьи и представители многих других профессий, не подлежащих правительственному контролю в других странах. Под чистки попали социал-демократы, либералы и немалое количество католиков и консерваторов. Чтобы сохранить свою работу в то время, когда безработица достигла небывалых масштабов, 1,6 миллиона человек вступили в нацистскую партию в период с 30 января по 1 мая 1933 года, когда руководство партии запретило принимать новых членов, а численность военизированных штурмовых отрядов к 1933 году превысила два миллиона человек.

Процент госслужащих, судей и представителей других подобных профессий, уволенных действительно по политическим причинам, был очень мал. Основной причиной увольнений была не

политика, а раса. Закон о госслужбе, принятый нацистами 7 апреля 1933 года, позволил уволить евреев, хотя Гинденбургу удалось включить в этот закон условие, по которому нельзя было увольнять евреев — ветеранов войны и тех, кто был назначен при кайзере, до 1914 года. Гитлер заявлял, что евреи — это подрывной, паразитический элемент, и от них нужно избавиться. На самом деле большинство евреев относились к среднему классу и придерживались либеральных или консервативных политических взглядов, если вообще каких-либо. Тем не менее Гитлер считал, что они намеренно разрушали Германию во время Первой мировой войны и вызвали революцию, приведшую к созданию Веймарской республики. Несколько социалистических и коммунистических руководителей действительно были евреями, но большинство ими не были. Но нацистам было все равно. На следующий день после мартовских выборов штурмовики бушевали на улице Курфюрстендамм, где располагаются фешенебельные магазины, выискивая евреев и избивая их. Осквернялись синагоги, и по всей Германии группы штурмовиков врываются в здания судов, выводили оттуда еврейских судей и адвокатов, избивая их резиновыми дубинками, и велели им никогда не возвращаться. Если евреи обнаруживались среди арестованных коммунистов и социал-демократов, то с ними обходились особенно сурово. К концу июня 1933 года штурмовики убили более 40 евреев. О таких случаях широко сообщалось в зарубежной прессе. Это явилось поводом для Гитлера, Геббельса и нацистского руководства запустить в действие план, который они давно вынашивали, — объявить национальный бойкот еврейским магазинам и предприятиям. 1 апреля 1933 года штурмовики с угрожающим видом вставали у их дверей, предупреждая людей, что туда лучше не заходить. Большинство немцев, не являвшихся евреями, послушались, но без особого энтузиазма. Самые крупные еврейские фирмы трогать не стали, потому что они вносили слишком большой вклад в экономику. Через несколько дней, поняв, что население такие меры не очень воодушевляют, Гитлер прекратил их. Но избиения, жестокости и бойкоты оказали свое воздействие на еврейское сообщество в Германии, к концу года 37 000 евреев покинули страну. Гонения на евреев, которых режим определял не по религиозному признаку, а по

расовому, особенно сильно затронули науку, культуру и искусство. Еврейские дирижеры и музыканты, такие как Бруно Вальтер и Отто Клемперер, были уволены, либо им не давали выступать. Кино и радио тоже скоро были очищены от евреев и политических оппонентов нацистов. Ненацистские газеты закрывались или оказывались под контролем партии, также нацисты стали руководить союзом журналистов и ассоциацией издателей газет. Левым и либеральным писателям, таким как Бертольд Брехт и Томас Манн, не давали публиковаться, многие из них уехали из страны. Особую ярость Гитлер приберег для художников-модернистов, таких как Пауль Клее, Макс Бекман, Эрнст Людвиг Кирхер и Василий Кандинский. Еще до 1914 года его не приняли в Венскую академию художеств, потому что сочли его крайне реалистичные рисунки зданий бесталанными. При Веймарской республике художники-абстракционисты и экспрессионисты заработали себе благосостояние и репутацию произведениями, которые Гитлер считал безобразной и бессмысленной мазней. Гитлер отчаянно нападал на современное искусство в своих речах, директоров музеев и галерей увольняли, а те, кто приходил на их место, с энтузиазмом убирали работы модернистов с выставок. Если модернисты, такие как художник Клее и композитор Шенберг, занимали должности в государственных образовательных учреждениях, их всех увольняли.

В целом в 1933-м и последующие годы из Германии эмигрировало около 2000 людей искусства. Сюда входили практически все, кто обладал мировой известностью. Антиинтеллектуализм нацистов подчеркивали и события, происходящие в университетах. Здесь также увольняли еврейских преподавателей. Среди уехавших были Альберт Эйнштейн, Густав Герц, Эрвин Шредингер, Макс Борн и еще 20 ученых, бывших до этого или ставших впоследствии нобелевскими лауреатами. К 1934 году около 1600 из 5000 университетских преподавателей были вынуждены оставить свою работу, треть потому, что они были евреями, и еще треть потому, что они были политическими оппонентами нацистов. Из страны эмигрировало 16% профессоров и ассистентов физики. В университетах чистки, как правило, проводили студенты, которым помогали несколько профессоров-нацистов, таких как философ Мартин Хайдеггер. Проводя яростные демон-

страции, они вынуждали эмигрировать профессоров еврейской национальности или левых взглядов. А затем 10 мая 1933 года они организовали демонстрации на главных площадях 19 университетских городков, во время которых огромное количество книг неугодных режиму авторов сложили в кучу и подожгли. Нацисты старались добиться осуществления культурной революции, при которой должно было свестись на нет чуждое Германии культурное влияние, прежде всего еврейское, но также это касалось и модернистской культуры в более широком смысле, и должен был возродиться немецкий дух. Немцы не просто вынуждены были уступить Третьему рейху, они должны были всем сердцем и всей душой поддержать его. Основным средством достижения этой цели стало создание Министерства пропаганды, руководил которым Геббельс, скоро оно стало контролировать всю немецкую культуру и искусство. Тем не менее нацизм во многих отношениях был очень современным явлением, он был готов использовать самые последние технологии, новейшее оружие и самые научные методы подчинения немецкого общества своим требованиям. Раса для нацистов представляла собой научное понятие, и сделав ее основой всей своей политики, они утверждали, что применяют к человеческому обществу глубоко научный метод. Ни религиозные убеждения, ни угрызения совести, ни давние традиции не должны были мешать этой революции. Но летом 1933 года Гитлер был вынужден сообщить своим последователям, что пришло время прекратить революцию. Германии на какое-то время нужна была стабильность. Именно отсюда начинается эта книга, с момента, когда все, что осталось от Веймарской республики, было уничтожено и наступило время Третьего рейха.

ГЛАВА 1

ПОЛИЦЕЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО

«Ночь длинных ножей»

I

6 июля 1933 года Гитлер собрал руководителей нацистского движения, чтобы сделать общий обзор текущей ситуации. Он сказал, что национал-социалистическая революция совершилась, власть теперь принадлежала им и только им. Теперь, заявил он, пришло время укрепить режим. Больше не должно быть разговоров о том, что за «захватом власти» последует «вторая революция», разговоров, подобных тем, которые велись среди одетых в коричневые рубашки руководителей военизированного крыла НСДАП – Штурмовых отрядов (Sturmabteilung) или СА:

«Революция — это не перманентное состояние. И она не должна превратиться в перманентное состояние. Революционный поток был высвобожден, но его нужно пустить по безопасному руслу эволюции... Девиз второй революции был оправдан до тех пор, пока некоторые в Германии еще придерживались таких точек зрения, от которых было недалеко и до контрреволюции. Но больше таких людей нет. Без всякого сомнения, мы утопим в крови все подобные попытки. Так как вторая революция может быть направлена только против первой»¹.

В течение последующих недель к этому заявлению добавилось множество подобных высказываний со стороны других нацистских лидеров, разве что эти высказывания не содержали столь открытых угроз. Министерства юстиции и внутренних дел настаивали на том, чтобы как можно скорее покончить со сти-

хийными проявлениями жестокости, а Имперское министерство экономики было обеспокоено тем, что беспокойная обстановка создаст у международного экономического сообщества впечатление, что ситуация в Германии нестабильна, в результате сократятся инвестиции и замедлится восстановление страны. Министерство внутренних дел жаловалось на аресты госслужащих, Министерство юстиции — на аресты юристов. Жестокость штурмовиков продолжалась по всей стране, среди всех ее проявлений наиболее известна «кровавая неделя в Кёпенике» в июне 1933 года, когда молодые социал-демократы оказали сопротивление группе штурмовиков во время рейда на окраине Берлина. После обстрела социал-демократами трое штурмовиков погибли, штурмовики провели массовую мобилизацию и арестовали более 500 человек, пытая их впоследствии так жестоко, что девяносто один человек из них умер. Среди них было много известных политиков социал-демократов, включая бывшего премьер-министра Мекленбурга Йоханнеса Штеллингга². Естественно, такую жестокость нужно было контролировать: больше не было необходимости склонять к подчинению всех оппонентов нацистского движения и создавать однопартийное государство. Кроме того, Гитлера начало беспокоить то, какой властью буйные члены постоянно увеличивающихся СА наделяли своего лидера Эрнста Рёма, объявившего 30 мая 1933 года, что окончание национал-социалистической революции «еще впереди». «Клятвы верности, которые поступают каждый день от пасек и кегельбанов, ничего не меняют, — заявил Рём и добавил: — Даже если улицы получают современные названия». Другие могут праздновать победу нацистов, сказал он, но политические солдаты, сражавшиеся за нее, должны взять все в свои руки и продолжать дело³.

2 августа 1933 года Герман Геринг, обеспокоенный подобными заявлениями, действуя в рамках своих полномочий министра-президента Пруссии, отменил подписанный в феврале прошлого года приказ, делающий штурмовиков вспомогательными служащими прусской полиции. Министры других федеративных земель последовали его примеру. Штатные полицейские формирования получили больше свободы для маневров в противостоянии произволу штурмовиков. Прусское министерство юстиции организовало цен-

тральную надзорную службу, чтобы сократить количество убийств и других тяжких преступлений в концентрационных лагерях, хотя из-за этого также прекратилось судебное преследование членов СА и СС за жестокость, а те немногие, кого все-таки приговорили, были оправданы. Были введены жесткие правила о том, кто может применять превентивный арест и какие процедуры для этого требуются. Показательны запреты, содержащиеся в соответствующих правилах, принятые в апреле 1934 года: никто не мог подвергаться превентивному аресту по таким причинам, как клевета, увольнение сотрудников, возбуждение спорного судебного дела, если человек являлся законным представителем того, кого впоследствии посадили. Лишенные своего изначального предназначения — уличных боев и драк в питейных заведениях, а также полномочий руководить множеством небольших диких тюремных лагерей и импровизированных тюрем, СА неожиданно оказались не у дел⁴.

На выборах уже не было серьезной конкуренции, и штурмовики лишились возможности, которую им давали постоянные выборы начала 1930-х годов, — ходить по улицам и срывать митинги оппонентов. Стало расти разочарование. Весной 1933 года СА значительно расширились, так как к ним примкнуло множество сочувствующих и оппортунистов. В марте 1933 года Рём заявил, что присоединиться к ним мог любой «патриотично настроенный немец». В мае 1933 года набор в нацистскую партию был остановлен, так как руководство партии боялось, что в НСДАП вступало слишком много оппортунистов и движение оказывается засорено людьми, которые на самом деле не были верны нацизму, многие рассматривали членство в СА как альтернативу, ослабляя таким образом связь НСДАП с ее военизированным крылом. В дальнейшем количество членов СА еще больше расширилось за счет огромной ветеранской организации «Стальной шлем». В начале 1934 года штурмовиков было в шесть раз больше, чем в начале предыдущего года. Теперь мощь СА составляло около 3 миллионов человек, а если считать «Стальной шлем» и другие подобные военизированные организации, то 4,5 миллиона. По сравнению с ними рейхсвер, численность которого согласно Версальскому договору была ограничена 100 000, казался совсем крошечным. В то же самое время, несмотря на наложенные договором ограничения, армия все равно остава-

лась самой дисциплинированной и лучше всего экипированной боевой силой в стране. Весьма грозное предзнаменование гражданской войны заставляло ее вновь поднять голову⁵.

Недовольство штурмовиков не ограничивалось только завистью к рейхсверу и неприятием стабилизации политики после июля 1933 года. Многие из «старых бойцов» с негодованием относились к новичкам, которые примкнули к движению в 1933 году, когда НСДАП была уже в полной силе. Особенно напряженными были отношения со вступившими в организацию бывшими членами «Стального шлема». Это все чаще проявлялось в драках и потасовках в первые месяцы 1934 года. В Померании под санкции полиции попали бывшие подразделения «Стального шлема» (реорганизованные в Национал-социалистический немецкий союз фронтовиков), после того как одним из его бывших членов был убит лидер штурмовиков⁶. Возмущение штурмовиков ощущалось в более широких масштабах. Многие ожидали большого вознаграждения после устранения соперников нацистов и были разочарованы, когда лучшие «куски пирога» забрали себе политики и консервативные партнеры нацистов.

В 1934 году один активист СА писал: «После захвата власти все стало совсем по-другому. Те, кто до этого осуждал меня, теперь рассыпались похвалами. В своей семье и среди всех моих родственников, после нескольких лет горькой вражды, я считался номером один. От месяца к месяцу мои СА росли как на дрожжах, так, что к октябрю 1933 года под моим началом было 2200 членов (в январе их было 250), в результате к Рождеству меня повысили до обергруппенфюрера. Однако чем сильнее меня восхваляли обыватели, тем больше я подозревал, что эти негодяи видят меня у себя под колпаком... После присоединения «Стального шлема», когда все остановилось, я навлек на себя нападки реакционной клики, исподтишка пытавшейся представить меня перед моим начальством в смешном свете. В высших кругах СА и среди общественных властей в мой адрес звучали все возможные обвинения... Наконец, мне удалось стать местным бургомистром... так что я смог переломать шеи всем этим выдающимся обывателям и реакционным пережиткам прошлого⁷.

У многих ветеранов-штурмовиков, которым не удалось так высоко пробиться во власть, как этот обергруппенфюрер, по-

добные чувства были еще сильнее. Лишившись возможности реализовать свою жестокую энергию в политике, штурмовики все чаще стали выплескивать ее в уличных драках и потасовках по всей Германии, часто без каких-либо видимых политических мотивов. Банды штурмовиков напивались, провоцировали поздними ночами беспорядки, избивали ни в чем не повинных прохожих и нападали на полицейских, если те пытались им помешать. Попытка Рёма вывести штурмовиков из-под юрисдикции полиции и судов в декабре 1933 года только усугубила ситуацию, теперь штурмовикам говорили, что все дисциплинарные вопросы должны решаться внутри самой организации. Это фактически было разрешением на бездействие, хотя некоторые судебные преследования все же имели место. Рёму оказалось не по силам установить для СА особую юрисдикцию, которая бы занималась более чем 4000 судебных преследований членов СА и СС за различные виды преступлений, все еще разбираемых судами в мае 1934 года, большинство из которых были совершены в первые месяцы 1933 года. Многие другие судебные дела были прекращены, но эта цифра все-таки довольно велика. Более того, в рейхсвере был свой военный трибунал; организовав в рамках СА параллельную систему, Рём мог получить большой, равнозначный им орган внутри собственной организации. В июле предыдущего года он неофициально заявил, что руководитель СА за убийство члена СА может приговорить к смерти до 12 членов «враждебной организации, организовавшей убийство». Это было мрачным предзнаменованием того, какую судебную систему он собирался создать⁸. Конечно же, необходимо было придумать какой-то способ перевести всю эту неумную энергию в нужное русло. Но руководство СА только усугубило положение, пытаясь направить агрессивную энергию членов организации на то, что руководитель обергруппы СА «Восток» Эдмунд Хейнес назвал «продолжением немецкой революции»⁹. Как глава СА, Эрнст Рём, выступая на многочисленных парадах и собраниях в первые месяцы 1934 года, схожим образом подчеркивал революционную природу нацизма и начинал открытые атаки на руководство партии и в особенности немецкой армии, старших офицеров которой штурмовики обвиняли в том, что они в 1932 году на время отстранили их от их дел по приказу бывшего рейхсканцлера Ген-

риха Брюнинга. Рём сильно встревожил армейских офицеров своим заявлением о том, что он собирался сделать штурмовиков основной частью национальных вооруженных сил, которые должны превзойти, а затем, возможно, и заменить рейхсвер. Гитлер пытался отделаться от Рёма, сделав его в декабре 1933 года министром без портфеля, но учитывая, что на той стадии кабинет становился все более и более бесправным, это не принесло большой практической пользы и не вытеснило истинных амбиций Рёма, состоявших в том, чтобы получить должность военного министра, занимаемую в то время представителем армии генералом Вернером фон Бломбергом¹⁰.

Лишенный реальной власти в центре, Рём начал строить в рамках СА свой собственный культ и продолжал проповедовать необходимость дальнейшей революции¹¹. В январе 1934 года радикализм штурмовиков выразился на практике: они ворвались в отель «Кайзерхоф» в Берлине и сорвали празднование дня рождения бывшего кайзера, который там отмечала группа армейских офицеров¹². На следующий день Рём послал Бломбергу меморандум. Возможно, преувеличивая для выразительности его значение, Бломберг говорил, что согласно требованиям меморандума СА должны были заменить рейхсвер как основную вооруженную силу страны, обучение традиционному военному делу нужно было запретить и передать эту функцию штурмовикам¹³.

Офицеры рейхсвера увидели в штурмовиках нарастающую угрозу. С лета 1933 года Бломберг изменил позицию армии с формального политического нейтралитета на все более открытую поддержку режима. Бломберга и его соратников соблазнило данное Гитлером обещание значительно увеличить немецкую военную мощь, восстановив призыв. Их покорили заверения Гитлера в том, что он будет вести агрессивную внешнюю политику, которая достигнет своего апогея в возвращении земель, которые у Германии отобрал Версальский договор, и начале новой захватнической войны на востоке. Бломберг, в свою очередь, подчеркнуто демонстрировал свою верность Третьему рейху, приняв «Арийский параграф», запрещавший евреям служить в армии, и включив свастику в армейскую символику. Хотя это были преимущественно символические жесты, например, по настоянию президента Гинденбурга евреев — ветеранов войны

не могли уволить, на самом деле уволено было только около семидесяти солдат, однако это были серьезные уступки нацистскому режиму, которые показывали, в каких близких отношениях армия была с новым политическим режимом¹⁴.

Но в то же время рейхсвер отнюдь не стал нацистской организацией. Его относительная независимость опиралась на то, что в судьбе армии был заинтересован рейхспрезидент Пауль фон Гинденбург, ее формальный главнокомандующий. Действительно, после отставки консерватора и антинациста Курта фон Хаммерштейна Гинденбург отказался назначить командующим сухопутными войсками Вальтера фон Рейхенау, нациста, выбранного Гитлером и Бломбергом. Он поспособствовал назначению на это место генерала Вернера фон Фрича, популярного штабного офицера крепких консервативных взглядов, великолепного наездника, со строгими протестантскими взглядами на жизнь. Неженатый, трудоголик, человек с узким военным мировоззрением, Фрич как настоящий прусский офицер относился к вульгарным нацистам с высокомерным презрением. Его консервативное влияние поддерживал начальник Войскового управления генерал Людвиг Бек, назначенный на должность в конце 1933 года. Бек был скромным, осторожным и замкнутым человеком, вдовцом, чьим основным развлечением также была верховая езда. Пока две главные должности в армейском руководстве занимали Фрич и Бек, не было никакого шанса, что армия сдастся под напором СА. 28 февраля 1934 года Бломберг устроил встречу Гитлера с руководством СА и СС, где Рём был вынужден подписать соглашение, согласно которому он не должен пытаться заменить армию вооруженными формированиями в коричневых рубашках. Гитлер подчеркнул, что военную мощь Германии в будущем составит профессиональная и хорошо экипированная армия, для которой штурмовики станут только вспомогательной силой. Позднее, уже не при офицерах рейхсвера, Рём сказал своим людям, что не собирается подчиняться «этому нелепому капралу», и пригрозил отправить Гитлера «в отставку». Такое пренебрежение субординацией не осталось незамеченным. На самом деле, зная об отношении к нему Рёма, Гитлер поручил полиции вести за ним скрытое наблюдение¹⁵.

Конкуренция с СА привела к тому, что Бломберг и другие члены военного руководства стали стараться различными способами

завоевать расположение Гитлера. Рейхсвер рассматривал СА как потенциальный источник новобранцев. Но военных беспокоило то, что это открыло бы новые пути для их политических противников, а также то, что в состав руководства СА входили люди, с позором исключенные из состава вооруженных сил. Поэтому армейское руководство предпочло призвать к повторному введению всеобщей воинской повинности, для достижения которой Беком в 1933 году был разработан план. Гитлер обещал, что это произойдет еще некоторое время назад, когда говорил с руководством армии в феврале предыдущего года. Он тогда сказал британскому министру Энтони Идену, что на самом деле было бы ошибкой позволить существовать второй армии и что он собирается взять СА под контроль и укрепить международный авторитет, демилитаризовав их¹⁶. Однако несмотря на это, стали множиться истории о местных и региональных командирах штурмовиков, пророчащих создание «государства СА». Макс Хейдебреку, командиру СА в Руммельсбурге, приписывают слова: «Некоторые из армейских офицеров были настоящими мерзавцами. Большинство из офицеров слишком стары, и их нужно было заменить кем-то молодым. Мы хотим дождаться смерти папаши Гинденбурга, и тогда СА пойдет в атаку на армию. Что смогут сделать 100 000 солдат против намного превосходящей их мощи СА?»¹⁷ Члены СА начали препятствовать поставкам необходимого для армии снаряжения и оружия, конфисковать их. Однако в целом подобные инциденты носили местный, разовый и бессистемный характер. У Рёма никогда не было согласованного плана. Вразрез с последующими заявлениями Гитлера он не собирался немедленно начинать путч. На самом деле в начале июня он заявил, что по рекомендации своего доктора отправляется на лечение в Бад-Висзее (близ Мюнхена) и отправил СА в отпуск на весь июль¹⁸.

II

Продолжающиеся беспокойства и радикальные разглагольствования волновали уже не только руководство рейхсвера, но и некоторых консервативных соратников Гитлера по кабинету министров. Вплоть до принятия закона «О предоставлении чрезвычайных полномочий» кабинет продолжал регулярно встречаться, для

того чтобы продвигать проекты постановлений, чтобы они доходили до президента. С конца марта его начали обходить Имперская канцелярия и отдельные министры. Гитлеру не нравились пространные и подчас критические обсуждения, проходившие на встречах кабинета. Он предпочитал, чтобы постановления, прежде чем их представят полному собранию министров, прорабатывались как можно полнее. Так кабинет все чаще стал собираться только для того, чтобы проштамповать уже обговоренные законопроекты. До самых летних каникул 1933 года он собирался четыре или пять раз в месяц, также довольно частыми были встречи в сентябре и октябре 1933 года. Однако с ноября 1933 года можно проследить значительные изменения. Кабинет только один раз собирался в этом месяце, трижды в декабре, один раз в январе 1934 года, два раза в феврале и два в марте. Затем в апреле 1934 года он не собирался вообще, только один раз собирался в мае, в июне собраний снова не было. К тому времени он уже давно потерял свою силу и над ним доминировали, даже численно, нацисты. Это им удалось после того, как в марте 1933 года руководитель пропаганды нацистской партии Йозеф Геббельс был назначен имперским министром народного просвещения и пропаганды, за ним последовали Рудольф Гесс и Эрнст Рём — 1 декабря, а 1 мая 1934 года — имперский министр науки, воспитания и культуры Бернгард Руст. Националист Альфред Гутенберг ушел в отставку 29 июня 1933 года, и на посту имперского министра сельского хозяйства его заменил нацист Вальтер Дарре. 30 января в состав кабинета, назначенного Гинденбургом, входили только трое нацистов — сам Гитлер, министр внутренних дел Вильгельм Фрик и Герман Геринг в качестве министра без портфеля. Однако в мае 1934 года из 17 членов кабинета явное большинство — 9 человек — были нацистами со стажем. Даже человеку, настолько подверженному самообману и политической слепоте, как консерватор вице-канцлер Франц фон Папен, стало понятно, что изначальным ожиданиям, с которыми он и его коллеги-консерваторы вошли в кабинет 30 января 1933 года, было не суждено исполниться. Это не они манипулировали нацистами, а наоборот — нацисты ими, и не только манипулировали, но и угрожали и запугивали¹⁹.

Но, что удивительно, Папен совсем не отказался от своей мечты, открыто озвученной им в 1932 году, когда он занимал пост

канцлера, заключающейся в консервативном восстановлении прежних порядков, которое должно было проводиться при значительной поддержке нацистской партии. Летом 1933 года Эдгар Юнг, составляющий ему речи, продолжил отстаивать свое видение «Немецкой революции», которая включала бы «Деполитизацию масс, исключение их из процесса управления государством». Неистовый популизм СА казался серьезным препятствием для антидемократического, элитарного режима, который хотел установить Папен. Вокруг вице-канцлера собиралась группа молодых людей, разделяющих эти взгляды. Тем временем в ведомство вице-канцлера начало приходить все больше жалоб на жестокость и произвол нацистов. Они создавали у Папена и его команды все более негативное представление о последствиях «национальной революции», которую они до этого поддерживали и из-за которой на них в конечном итоге обрушился шквал негодования²⁰. В мае 1934 года Геббельс в своем дневнике жаловался на Папена, о котором ходили слухи, что он стал метить в кресло президента, когда Гинденбург, находясь уже в преклонном возрасте, скончался. Другие консервативные члены кабинета также удостоились презрения со стороны руководителей пропаганды нацистской партии («нужно было как можно скорее провести самую настоящую чистку», писал он²¹). Была очевидна опасность того, что команда Папена, уже под внимательным наблюдением полиции, объединит усилия с армией. На самом деле пресс-секретарь Папена Герберт фон Безе начинал устанавливать тесный контакт с генералами и старшими офицерами, которые были обеспокоены деятельностью СА и могли быть ему полезны. Было известно, что Гинденбург, долгое время являющийся буфером между армией и консерваторами с одной стороны и лидирующей нацистской партией с другой, в апреле 1934 года серьезно заболел. Вскоре стало ясно, что он уже не поправится. В начале апреля он уехал дожидаться конца в свое имение в Нойдеке, в Восточной Пруссии. Определенно, его уход должен был вызвать кризис, к которому режим нужно было подготовить²².

Критичность этого момента для режима усугублял также тот многим известный факт, что энтузиазм, с которым в 1933 году люди относились к «национальной революции», годом позже значительно угас. Штурмовики были не единственной частью

населения, разочарованной сложившейся ситуацией. Агенты социал-демократов сообщали своему руководству, переехавшему в Прагу, что люди апатичны, все время жалуются и без конца рассказывают политические шутки о нацистских лидерах. На нацистские митинги приходило мало народа. По-прежнему многие восхищались Гитлером, но и в его адрес уже началась прямая критика. Многие из обещаний нацистов остались невыполненными, в некоторых местах страх, что вновь начнется инфляция или внезапная война, вызвал у людей панику и заставил их массово скупать и запасать необходимые вещи. Образованные классы опасались, что вызванные штурмовиками беспорядки могут перерасти в настоящий хаос или, что еще хуже, в большевизм²³. Нацистские лидеры знали, что такое недовольное ворчание могут услышать и через гладкую оболочку политической жизни государства. Отвечая на вопросы американского журналиста Льюиса П. Лочнера, Гитлер изо всех сил старался подчеркнуть, какой безраздельной преданности он требует от своих подчиненных²⁴.

Ситуация достигала своего пика. Прусский министр-президент Герман Геринг, сам бывший руководитель СА, теперь так озабочен происходящими событиями, что 20 апреля 1934 года согласился передать контроль над прусской политической полицией в руки Генриха Гиммлера, позволив амбициозному молодому лидеру СС, который уже руководил политической полицией во всех остальных землях Германии, сосредоточить в своих руках весь аппарат политической полиции. СА, составной частью которых пока еще являлись СС, очевидно, были препятствием к достижению Гиммлером своих целей²⁵. Во время четырехдневного путешествия на военном корабле «Дойчланд» из Норвегии в середине апреля Гитлер, Бломберг и высшие военные офицеры, судя по всему, сошлись в том, что пыл СА необходимо сдерживать²⁶. Прошел май и первая половина июня, а Гитлер еще не предпринял никаких явных действий. Уже не в первый раз Геббельса стала огорчать внешняя нерешительность его начальника. В конце июня он писал: «Ситуация становится все более серьезной. Фюрер должен действовать. Иначе реакция будет для нас слишком серьезной»²⁷.

Последним толчком для Гитлера стало публичное обращение Папена в Марбургском университете 17 июня 1934 года, в кото-

ром он предостерег от «второй революции» и сделал выпад в сторону культа личности, сложившегося вокруг Гитлера. Он объявил, что настало время прекратить постоянные беспорядки нацистской революции. Речь, написанная советником Папена Эдгаром Юнгом, была направлена против «эгоистичности, слабых характеристик, неискренности, трусости и заносчивости», царивших в сердце так называемой «немецкой революции». Слушатели ответили на эту речь громом аплодисментов. Вскоре после этого, когда Папен появился на модных лошадиных бегах в Гамбурге, толпа встретила его криками одобрения и возгласами «Хайль Марбург»²⁸. После огорчительной для Гитлера встречи с Муссолини в Венеции Гитлер выпустил свое раздражение на Папена, даже еще до того, как узнал о его речи вице-канцлера в Марбурге. В обращении к тем, кто остался верным партии в Гере, Гитлер высказался против «маленьких пигмеев, пытающихся остановить идею нацистов». «Смешно, когда такой маленький червяк пытается противостоять такому мощному обновлению народа. Смешно, что такой маленький пигмей возомнил, что он способен несколькими пустыми фразами помешать колоссальному человеческому обновлению». Он грозился, что сжатый кулак народа «расплющит каждого, кто предпримет даже самую незначительную попытку саботажа»²⁹. В то же время Гитлер, в ответ на жалобу вице-канцлера, угрожавшего уйти в отставку, обещал остановить стремление СА устроить «вторую революцию», а также выдвинул предложение, слишком быстро принятое Папеном, обсудить всю ситуацию с больным президентом³⁰. Не в первый раз Папена убаюкало ложное чувство уверенности, которое принесли ему неискренние обещания Гитлера и неоправданная вера во влияние Гинденбурга.

Гитлер поспешил проконсультироваться с Гинденбургом. Прибыв в Нойдек 21 июня, он столкнулся с Бломбергом, обсуждавшим с президентом речь Папена. Военачальник дал понять, что если штурмовиков немедленно не прижать к стенке, Гинденбург будет готов объявить военное положение и сделать так, что власть окажется в руках армии³¹. Гитлер должен был начинать действовать, у него не было другого выбора. Он начал планировать свержение Рёма. Политическая полиция вместе с Гиммлером и его помощником Рейнгардом Гейдрихом, началь-

ником Службы безопасности СС, начала фабриковать доказательства того, что Рём и его штурмовики планировали всенародное восстание. Старшим офицерам СС представили эти «доказательства» и дали инструкции по тому, как справляться с возможным путем. Были составлены списки «политически неблагонадежных» людей, и 30 июня местным лидерам СС сообщили, что им могут повелеть убить некоторых из них, в особенности тех, кто оказывает сопротивление. Армия передала свои ресурсы в распоряжение СС, на случай серьезного конфликта³². «Горе постигнет каждого, решившего предать Фюрера и распространяющего снизу революционную агитацию³³».

27 июня Гитлер встретился с Бломбергом и Рейхенау для того, чтобы укрепить сотрудничество с армией; после этого они исключили Рёма из Союза немецких офицеров и привели армию в полную готовность. Бломберг опубликовал в главной ежедневной газете нацистской партии «Фёлькишер Беобахтер» статью, в которой было объявлено об абсолютной верности рейхсвера режиму. Тем временем Гитлер, судя по всему, узнал, что Гинденбург согласился на аудиенцию с Папеном, назначив ее на 30 июня, то есть на день, на который была запланирована акция против СА. Это утвердило нацистов во мнении, что нужно использовать эту возможность и ударить также по консерваторам³⁴. Нервный и беспокойный, Гитлер попытался избавиться от своих подозрений, отправившись на свадьбу местного гаулейтера в Эссене, откуда он позвонил адъютанту Рёма в пансионат в Бад-Висзее, приказав лидерам СА встретить его там утром 30 июня. Затем Гитлер в спешке провел в Бад-Годесберге конференцию с Геббельсом и Зеппом Дитрихом, офицером СС, командующим его личной охраной. Он сообщил удивленному Геббельсу, ожидавшему только удара по «реакционерам» и пребывающему в неведении касательно всего остального, что на следующий день начнется действия против Рёма³⁵. Геринг был отправлен в Берлин, чтобы руководить действиями, проводимыми там. Начали ходить фантастические слухи, и встревожились уже и сами СС. Ночью 29 июня около 3000 штурмовиков неистовствовали на улицах Мюнхена, кричали, что пресекут любую попытку предать их организацию, выкрикивали обвинения в адрес фюрера и армии. Впоследствии Адольф Вагнер, мюнхенский гаулейтер, вос-

становил спокойствие, но подобные демонстрации происходили и в других местах. Когда Гитлер узнал об этих событиях, прилетев в 4.30 утра 30 июня 1934 года в Мюнхенский аэропорт, он решил, что не может дожидаться запланированной конференции руководителей СА, на которой он собирался начать чистку. Теперь нельзя было терять ни минуты³⁶.

III

Гитлер со своим окружением отправился сначала в Министерство внутренних дел Баварии, где они столкнулись с организаторами демонстрации, проведенной на городских улицах прошлой ночью. В ярости он кричал им, что они будут расстреляны. Затем он лично сорвал с них погоны и знаки различия. Когда наказанных штурмовиков увезли в Мюнхенскую государственную тюрьму в Штадельхейме, Гитлер собрал группу охранников и полицейских и в сопровождении кортежа автомобилей с закрытым откидным верхом отправился в Бад-Висзее, в отель «Хансельбауер». В сопровождении своего телохранителя Юлиуса Шрека и группы вооруженных детективов Гитлер поднялся на второй этаж. Штурмовики отсыпались после большой попойки, прошедшей предыдущей ночью. Эрик Кемпка, отвозивший Гитлера в Висзее, так описал происходившее:

«Совсем не замечая меня, Гитлер входит в комнату, где находится обергруппенфюрер СА Хейнес. Я слышал, как он кричал: “Хейнес, если вы через пять минут не оденетесь, я тотчас пристрелю вас!” Я отхожу на несколько шагов назад, и офицер полиции шепчет мне, что Хейнес был в постели с 18-летним гауптгруппфюрером СА. Затем Хейнес выходит из комнаты, а перед ним семенит 18-летний светловолосый мальчик. “В прачечную вместе с ними”, — командует Шрек. Тем временем из комнаты выходит Рём в синем костюме с сигарой в зубах. Гитлер грозно на него смотрит, но ничего не говорит. Двое детективов отводят Рёма в вестибюль отеля, где он падает в кресло и заказывает у бармена кофе. Я стою в коридоре, немного поодаль, а детектив рассказывает мне, как арестовали Рёма. Гитлер в одиночку вошел в комнату Рёма с хлыстом в руке. За ним стояли два детектива с пистолетами, спущенными с предохранителя. Он выпал-

лил: “Рём, вы арестованы”. Рём сонно глядит на него, лежа на своих подушках. “Хайль, мой фюрер”. “Вы арестованы”, – проорал Гитлер во второй раз. Он повернулся кругом и вышел из комнаты. Тем временем наверху в коридоре тоже происходит бурная деятельность. Командиры СА выходят из своих комнат, и их арестовывают. Гитлер кричит на каждого из них: “Вы как-то связаны махинациями Рёма?” Конечно, никто из них еще ничего не говорит, но это их не спасает. Гитлер сам практически знает ответ; периодически он обращается к Геббельсу и Лютце с вопросами. После этого следует его решение “Арестован!”»³⁷.

Штурмовиков заперли в прачечной отеля и вскоре после этого отвезли в Штадельхейм. Гитлер со своей командой вернулись в Мюнхен. Тем временем руководители штурмовиков, прибывающие на главный вокзал в Мюнхене на запланированную встречу, были арестованы членами СС, как только они сошли с поезда³⁸.

Вернувшись в Мюнхен, Гитлер отправился в штаб-квартиру нацистской партии, оцепленную регулярными войсками, где произнес напыщенную тираду, направленную против Рёма и командиров СА, где говорилось, что они уволены и теперь будут расстреляны. «Недисциплинированные и непослушные люди, асоциальные и нездоровые элементы» будут уничтожены. Новым начальником штаба СА был объявлен один из высших командиров штурмовиков Виктор Лютце, некоторое время доносивший на Рёма и сопровождавший Гитлера в Бад-Висзее. Гитлер кричал: «Рёму платили французы, он предатель, он устраивал заговор против государства». Верные партийцы, собравшиеся послушать его обличительную речь, ответили одобрительными выкриками. Услужливый Рудольф Гесс предложил лично расстрелять предателей. Но в глубине души Гитлеру не хотелось, чтобы убивали Рёма, очень долго его поддерживающего. В конце концов 1 июля он сообщил ему, что тот может сам застрелиться из револьвера. Рём не использовал эту возможность, после чего Гитлер послал Теодора Эйке, коменданта концлагеря Дахау, и еще одного офицера СС, в Штадельхейм. Войдя в камеру Рёма, два офицера СС дали ему заряженный браунинг и велели покончить с собой; в случае отказа они обещали вернуться и расправиться с ним самостоятельно. Когда отведенное ему время вышло, они снова вошли в камеру и увидели, что Рём стоит лицом к ним с обнаженной

грудью в красноречивой позе, призванной подчеркнуть его верность и честь; не произнося ни слова, они тут же расстреляли его в упор. Кроме того, Гитлер приказал, чтобы расстреляли главу Силезских СА Эдмунда Хейнеса, поднявшего в 1934 году восстание против нацистской партии в Берлине, а также зачинщиков прошедшей предыдущей ночью мюнхенской демонстрации и еще троих человек. Остальные члены СА были доставлены в концентрационный лагерь в Дахау, где их жестоко избили эсэсовцы. В 6 часов вечера Гитлер улетел в Берлин, чтобы взять на себя руководство столичными делами, до этого Герман Геринг распоряжался там с беспощадностью, опровергавшей его репутацию сдержанного человека³⁹.

Геринг не ограничился одной акцией, направленной против лидеров СА. В кабинете Геринга, где заперлись прусский министр-президент, Гейдрих и Гиммлер, царила атмосфера «вопиющей кровожадности» и «ужасающей мстительности», как описал ее полицейский, наблюдавший за тем, как Геринг с криком приказывал убивать людей из списка («Расстрелять их... расстрелять... расстрелять немедленно»), как у него и его сообщников начинался приступ хриплого смеха, когда приходили новости об успешно совершенных убийствах. Расхаживая туда-сюда по комнате в белом кителе, белых ботинках и серо-синих брюках, Геринг приказал начать штурм ведомства вице-канцлера. Войдя туда с вооруженным подразделением СС, агенты гестапо сразу же застрелили секретаря Папена Герберта фон Бозе. Идеологический гуру вице-канцлера Эдгар Юнг, арестованный 25 июня, тоже был застрелен, а его тело бесцеремонно брошено в канаву; он был слишком выдающейся фигурой, чтобы застрелить его холодно-кровно. Убийство двух его ближайших соратников должно было быть весьма тревожным знаком. Находясь под стражей, Папен не выходил из дома, пока Гитлер думал, как с ним поступить⁴⁰.

С другими людьми, являвшимися столпами консервативного устройства, обходились не так хорошо. Генерал фон Шлейхер, который занимал пост рейхсканцлера до Гитлера и однажды охарактеризовал его как человека, неспособного занимать эту должность, был застрелен в своем доме вместе с женой. И он был не единственным убитым офицером. Генерал-майор Курт фон Бредов, которого подозревали в публикации за границей критичес-

ких статей в адрес режима, был убит у себя дома, застрелен, как сообщили газеты, при попытке сопротивления аресту в качестве участника печально известного заговора Рёма. Помимо всего прочего, эти убийства послужили предупреждением для командования рейхсвера о том, что неподчинение нацистскому режиму чревато последствиями. Бывший шеф полиции и руководитель «Католического действия» Эрих Клаузенер, теперь являющийся высокопоставленным чиновником Министерства транспорта, по приказу Гейдриха был застрелен, что должно было послужить предупреждением другому бывшему канцлеру Генриху Брюнингу, которому сообщили о проходящей чистке, после чего он покинул страну. Убийство Клаузенера дало католикам ясно понять, что к их независимой политической деятельности не будут относиться терпимо. Заявления, сделанные впоследствии руководством нацистской партии, о том, что эти люди были замешаны в бунте Рёма, были чистой выдумкой. Большинство из них Эдгар Юнг внес в список возможных членов будущего правительства, не спросив их об этом, а некоторым даже не сообщив. Включение в список означало для большинства из них смертный приговор⁴¹.

Также под прицел попал Грегор Штрассер, которого многие считали возможным главой нацистской партии в консервативном правительстве. Незадолго до назначения Гитлера рейхсканцлером в январе 1933 года Штрассер — имперский организационный руководитель НСДАП, руководивший созданием ее основных институтов, — в отчаянии подал в отставку, после того как Гитлер отказался вступать в какое-либо коалиционное правительство, кроме как в качестве его главы. В то время Штрассер вел переговоры со Шлейхером, и ходили слухи, что ему предложили пост в кабине Шлейхера в 1932 году. Хотя после своей отставки он и жил в уединении, нацисты продолжали воспринимать Штрассера как потенциальную угрозу, подходящего партнера по коалиции для консерваторов. Он также был давним личным врагом Гимmlера и Геринга и, пока являлся членом высшего руководства партии, не скупился на критические речи о них. По приказу Геринга его арестовали, доставили в штаб-квартиру полиции и там расстреляли. Друга и помощника Штрассера Пауля Шульца, бывшего чиновника высшего ранга в СА, агенты Геринга тоже разыскали и увезли в лес, чтобы там расстрелять. Выходя из машины в месте, вы-

бранном для расстрела, он пустился в бегство, а когда в него попали из пистолета, притворился мертвым, хотя его только слегка ранило. Ему удалось бежать, когда люди Геринга пошли к машине за полотном, в которое собирались завернуть его тело, а затем ему удалось договориться лично с Гитлером о том, чтобы его выслали из Германии. Другой жертвой, которой удалось спастись, был капитан Эрхардт, командовавший Добровольческой бригадой во время Капповского путча в 1920 году, помогавший Гитлеру в 1923 году; он сбежал, когда полиция вошла к нему домой, а затем смог перебраться через границу в Австрию⁴².

В Берлине «операция» происходила не так, как в Мюнхене, где по приказу Гитлера со всей страны собирались лидеры СА. В Мюнхене основной целью были штурмовики, в Берлине – консерваторы. Операция была заранее тщательно спланирована. Эрнсту Мюллеру, руководителю Службы безопасности СС в Бреслау, 29 июня в Берлине передали запечатанное письмо, датированное более поздним числом, а затем отправили домой на частном самолете, предоставленном Герингом. Утром 30 июня Гейдрих по телефону приказал ему вскрыть конверт, в котором содержался список штурмовиков, которых нужно было «устранить», а также указание занять штаб-квартиру полиции и вызвать представителей руководства СА на встречу. Дальнейшие приказы включали захват оружейных складов СА и других принадлежащих им зданий, охрану аэропортов и радиопередатчиков. Мюллер в точности исполнил их инструкции. Ближе к вечеру уже не только все полицейские камеры, но и многие другие помещения были до отказа набиты шокированными заключенными в коричневых рубашках. Гейдрих несколько раз звонил Мюллеру и требовал казни людей из списка, которых не устранили в Мюнхене. Их привозили в штаб-квартиру СС, срывали погоны, а ночью увозили в соседний лес и расстреливали⁴³.

На следующее утро, 1 июля, расстрелы и аресты продолжились. В общей атмосфере жестокости Гитлер и его приспешники пользовались возможностью свести старые счеты и устранить личных врагов. Некоторые из них были слишком важны, чтобы их трогать, особенно это касалось генерала Эриха Людендорфа, причинявшего гестапо головную боль своими ультраправыми антимаасонскими кампаниями; героя Первой мировой войны

оставили в покое; ему дали умереть спокойно 20 декабря 1937 года, и режим позволил похоронить его со всеми почестями. Но в Баварии бывшего премьер-министра Густава Риттера фон Кара, игравшего главную роль в подавлении «пивного путча» в 1923 году, разорвали на куски члены СС. Музыкальный критик Вильгельм Эдуард Шмид также был убит, его перепутали с Людвигом Шмиттом, который некогда поддерживал радикальные взгляды брата Грегора Штрассера Отто. Отто Штрассера заставили выйти из партии за его революционные взгляды, и с тех пор, как он оказался в безопасности за границей, он продолжал обрушивать на Гитлера шквал критики. 1 июля был арестован и расстрелян в Дахау баварский политик-консерватор Отто Балершедт, который однажды подал на Гитлера иск за срыв политического митинга, на котором он выступал в 1921 году, в результате чего лидер нацистов провел месяц в Штадельхейме. Один старший офицер СС, Эрих фон дем Бах-Зелевски, выбрал момент для того, чтобы избавиться от своего ненавистного врага, командира местных кавалерийских частей СС барона Антона фон Хохберг унд Бухвальда, застрелив его в собственном доме. В Силезии местный руководитель СС Удо фон Войрш организовал расстрел своего бывшего оппонента Эмиля Зембаха, несмотря на, то что ранее договорился с Гиммлером, что Зембаха нужно отправить в Берлин и разобратся с ним там. Волна жестокости хлынула еще в одну, совсем другую область. В Хиршберге были арестованы и застрелены «при попытке к бегству» четверо евреев. Руководителя Еврейской лиги ветеранов в Глогау увезли в лес и расстреляли⁴⁴.

Несмотря на то что у всех этих действий были сугубо личные мотивы, нацисты не теряли времени и изобретали пропагандистские оправдания для всех убийств. На следующий день Геббельс опубликовал длинный доклад об «операции», в котором утверждалось, что Рём и Шлейхер готовили «вторую революцию», которая повергла бы рейх в хаос. «Любой сжатый кулак, поднятый на фюрера и его режим, — заявлял он, предостерегая от любого сопротивления, — будет разжат, и если необходимо, то силой»⁴⁵. Несмотря на это, Гитлеру еще много предстояло объяснить, и здесь не последнее место занимала армия, двух старших офицеров которой он убил во время чистки. Обращаясь к кабинету 3 июля, Гитлер заявил, что Рём вместе с Шлейхером, Гrego-

ром Штрассером и французским правительством в течение года вынашивал против него заговор. Он был вынужден действовать, так как эти заговоры 30 июня грозили довести до переворота. Если против того, что он сделал, были возражения со стороны закона, то он отвечал, что подобающий судебный процесс в тех условиях был невозможен. «Если на борту корабля назревает бунт, то капитан не только вправе, он просто обязан его подавить». Поэтому не должно быть никакого суда, а только закон, легализующий эти уже совершенные действия, эту мысль горячо поддержал имперский министр юстиции Гюртнер. «Поданный им пример должен стать полезным уроком на будущее. Он раз и навсегда укрепил власть правительства рейха»⁴⁶. В прессе Геббельс особо подчеркивал то, насколько широко и глубоко поддерживаются эти действия, для того чтобы убедить население, что порядок не был нарушен, а, наоборот, был восстановлен. В газетных заголовках писали о том, что Бломберг и Гинденбург официально одобрили эти действия, а в других статьях писали о «заявлениях о верности со всей Германии» и «повсеместном восхищении и трепете перед Вождем». В общем, события описывались как чистка от опасных и вырождающихся элементов в нацистском движении. Некоторых из лидеров штурмовиков уличали в педерастии, а одного «застали в постели в самом неприглядном положении»⁴⁷.

Когда 13 июля был собран Рейхстаг, Гитлер в подробностях разобрал эти замечания в своем выступлении по радио, прозвучавшем на всю страну в пивных, барах и на площадях. Окруженный членами СС в стальных шлемах, он представил аудитории фантастическую и изобретательную паутину высказываний и суждений о предполагаемом заговоре, направленном на свержение рейха. Он назвал четыре группы мятежников, замешанных в этом деле: уличные драчуны коммунисты, просочившиеся в СА, политические лидеры, так и не примирившиеся с событиями 30 января 1933 года, не имеющие корней элементы, верившие в перманентную революцию, и «трутни» из высших классов, желающие как-то наполнить свои пустые жизни слухами, сплетнями и сговорами. По его словам, теперь он понимал, что попытки сдержать произвол СА не удавались из-за того, что он являлся частью назревающего заговора по разруше-

нию общественного порядка. Он был вынужден действовать, не прибегая к помощи закона:

«Если кто-то меня осудит и спросит, почему мы не обратились в обычные суды, я скажу только, что в тот час я был в ответе за судьбу немецкой нации и был Верховным судьей немецкого народа!.. Я отдал приказ расстрелять группы людей, на которых лежала основная ответственность за этот заговор... Нация должна знать, что никто не может угрожать ее существованию, гарантированному внутренним законом и порядком, и остаться безнаказанным! И каждый человек должен запомнить раз и навсегда: если он поднимет руку, чтобы нанести удар государству, тогда ему будет суждена неминуемая смерть»⁴⁸.

Это открытое признание абсолютной незаконности своих действий не привело ни к какой критике со стороны судебных властей. Наоборот, в Рейхстаге горячо аплодировали оправданию Гитлера и приняли резолюцию с благодарностью за его действия. Статс-секретарь Мейсснер направил телеграмму от имени больного президента Гинденбурга, где сообщалось о его поздравлениях. Закон быстро приняли, и эти события задним числом были признаны законными⁴⁹.

Агенты социал-демократов сообщали, что события сначала вызвали у населения замешательство. Каждого, кто открыто критиковал эти действия, тут же арестовывали. В прессе сообщили, что полиция вынесла резкое предупреждение «ниспровергателям и злонамеренным агитаторам». За «распространение слухов и оскорбительную клевету самого движения и его фюрера» грозили концлагерем. Эта волна репрессий, продолжившаяся в начале августа, посеяла в людях тревогу, страх ареста. Многие подозревали, что за событиями 30 июня стояло больше, чем сообщалось, и полицейское руководство обращало внимание на царящую повсеместно атмосферу слухов, сплетен, пересудов, ворчания и жалоб. Министерство пропаганды во внутреннем меморандуме с тревогой отметило, что повсюду ходят «бесконечные и бессмысленные слухи». Организованная после этого кампания в прессе не особо помогла победить такие настроения. Разногласия, вышедшие на поверхность после конфликта, дали повод бывшим социал-демократам и немецким националистам делать оптимистичные предсказания о том, что «Гитлера скоро прикончат»⁵⁰.

Однако большинство людей почувствовали облегчение, по крайней мере оттого, что Гитлер предпринял действия против «шишек» из СА, что улицы, как казалось, теперь будут защищены от произвола пьяных и необузданных штурмовиков⁵¹.

Весьма типичной оказалась реакция консервативной школьной учительницы из Гамбурга Луизы Зольмиц, которая так восторгалась коалиционным правительством и Днем Потсдама в 1933 году («Этот великий, незабываемо красивый день в Германии»), что возможная социалистическая направленность режима беспокоила ее только тогда, когда начали конфисковывать имущество эмигрировавших евреев, таких как Альберт Эйнштейн («Им не следует этого делать. Нужно правильно относиться к понятию собственности; иначе это будет большевизм»). Как многие другие, она считала 30 июня 1934 года «днем, который разбил нас вдребезги до самого основания». Заявления о «моральных проступках» большинства из убитых («позор для всей Германии») частично убедили ее, и она проводила время, обмениваясь слухами с друзьями и слушая затаив дыхание радио в доме ее друга, чтобы узнать последние новости. Когда стали проясняться подробности, восхищение Гитлером взяло над ней верх. «Личная отвага, решительность и действенность, которые он продемонстрировал в Мюнхене, решительность и действенность, которые просто уникальны». Она сравнивала его с Фридрихом Великим, королем Пруссии, или Наполеоном. То, что, как она отметила, «не было суда, не было военного трибунала с барабанным боем», по-видимому, только усилило ее восхищение. Она была целиком убеждена, что Рём вместе со Шлейхером готовили переворот.

Луиза Зольмиц отметила, что это было последним из политических приключений бывшего канцлера, вызывавшего всеобщее недоверие. Облегчение, которое она почувствовала, и доверие, которым прониклась после первоначального смятения, были типичны для большинства представителей среднего класса в Германии. Гитлера поддерживали во многом еще из-за того, что в середине 1933 года он уже восстановил порядок на улицах и стабильность на политической сцене, а теперь сделал это еще раз. На следующий день после операции перед Имперской канцелярией собрались толпы народа, поющие «Хорст Вессель» и

торжественно заявляющие о своей верности партии, хотя не совсем понятно, что двигало ими: воодушевление, нервозность или облегчение. По всеобщему признанию, быстрые и решительные действия Гитлера шли на пользу его репутации. Контраст с беспорядочностью и радикализмом партии, по мнению многих, был здесь еще сильнее, чем раньше⁵². Многие, как, например, бывший социал-демократ Йохен Клеппер, были шокированы убийством жены Шлейхера, которую ни в чем нельзя было подозревать⁵³. Только самые недовольные режимом с горечью отмечали, что единственное, что было плохого в этой чистке — это то, что было казнено слишком мало нацистов⁵⁴.

Чистка получилась весьма масштабной. Гитлер сам сообщил Рейхстагу 13 июля 1934 года, что было убито 74 человека, а арестованных у одного только Геринга было более тысячи человек. В общей сложности как минимум 85 человек были убиты без каких-либо судебных разбирательств⁵⁵. 12 убитых были депутатами Рейхстага. Лидеры СА и их люди в большинстве своем ничего не подозревали; на самом деле многие из них встретили смерть, будучи уверенными, что их арест и казнь совершаются по приказу армии, и клялись в вечной преданности фюреру. В последующие дни продолжились аресты и увольнения, направленные в основном на самые буйные и испорченные элементы в рядах штурмовиков. Алкоголизм, гомосексуализм, воровство, бунтарское поведение — все, что обеспечило штурмовикам дурную славу, старательно вычищалось. Пьяные драки с участием штурмовиков все еще продолжались, но уже не в таких опасных количествах, в каких это происходило в последние месяцы перед 30 июня 1930 года. Лишенные иллюзий, лишенные своих функций, неспособные более самоутвердиться, штурмовики начали в массовом порядке уходить из организации, только в августе и сентябре 1934 года оттуда ушло 100 000 человек. С 2,9 миллиона в августе 1934 года численность СА упала до 1,6 миллиона в октябре 1935-го и 1,2 миллиона в апреле 1938 года. Прием новобранцев ограничивался строгими требованиями и квотами. Многие молодые люди не стали вступать в отряды из-за того, что снизился уровень безработицы и в 1935 году была введена воинская повинность⁵⁶.

Однако хотя они больше не угрожали армии и государству, запас жестокости и агрессии у штурмовиков никуда не исчез.

Это ясно видно из доклада одного из руководителей СА о событиях в лагере штурмовиков, происходивших ночью во время Нюрнбергского съезда в 1934 году. Он отметил, что все были пьяны, а наутро в ходе большой драки между двумя региональными группами несколько человек получили ножевые ранения. По дороге обратно в лагерь штурмовики били машины, кидали в окна бутылки и камни и избивали жителей. Чтобы попытаться остановить беспорядки, были мобилизованы все силы нюрнбергской полиции. Одного из штурмовиков вытащили из отхожего места, в которое он свалился в пьяном помутнении, но вскоре после этого он умер от отравления газообразным хлором. В лагере стало тихо только в 4 утра, к этому времени шестеро были убиты, тридцать человек ранены, а еще двадцать пострадали, запрыгивая или спрыгивая с машин или грузовиков, хватаясь за их борта или вываливаясь из них во время движения. Такие случаи повторялись и на других мероприятиях. Ограниченные, сократившиеся в количестве, лишённые самостоятельности и, как заявляли нацистские лидеры, очищенные от самых радикальных, жестоких и испорченных элементов, СА, тем не менее, по прежнему могли представлять источник агрессии, если это требовалось режиму, а иногда даже если и не требовалось⁵⁷.

Тем временем армия вздохнула с облегчением. Генерал Бломберг выразил благодарность и уверил Гитлера в полной преданности ему армии. Он поздравил Гитлера с принятием «военного решения» разделаться с «предателями и убийцами». Генерал фон Рейхенау скоро оправдал хладнокровное убийство одного из самых высокопоставленных и известных народу офицеров Курта фон Шлейхера в официальном сообщении, где говорилось, что он был замешан в заговоре с участием Рёма и зарубежных властей, направленного на разрушение государства, и что его застрелили при попытке оказать вооруженное сопротивление аресту. Он ничего не сказал о том, была ли в этом замешана его жена, которую также расстреляли. Чтобы отпраздновать это событие, офицеры откупорили бутылки шампанского. И молодые горячие головы, вроде лейтенанта Клауса фон Штауффенберга, который сравнил эти события со вскрытием нарыва, и старшие офицеры, такие как генерал-майор Эрвин фон Вицлебен, который рассказывал своим знакомым офицерам, что хотел бы быть там и видеть расстрел Рё-

ма, — все они так радовались, что даже Бломберг нашел это неподобающим. Только один человек, отставной капитан, бывший высокопоставленный чиновник Имперской канцелярии Эрвин Планк, считал это ликование неуместным. «Если вы будете просто наблюдать, не пошевелив и пальцем, — говорил он генералу фон Фричу, — рано или поздно вас ждет такая же судьба»⁵⁸.

Репрессии и сопротивление

I

По мере того как развивались эти события, состояние президента Гинденбурга стабильно ухудшалось. Когда 1 августа Гитлер приехал к нему в Нойдек, глава государства и бывший военачальник Первой мировой войны по ошибке, которая ярко проиллюстрировала смещение равновесия во власти, происходившее между ними в последние четыре месяца, назвал его «Величество», очевидно, думая, что разговаривает с кайзером⁵⁹. Учитывая его физические и умственные расстройства, врачи Гинденбурга сказали Гитлеру, что президент проживет еще только 24 часа. Прилетев обратно в Берлин, Гитлер тем же вечером собрал совещание кабинета. Не дожидаясь смерти престарелого президента, кабинет выпустил указ, который должен был вступить в силу после кончины Гинденбурга, о том, чтобы соединить две должности — президента и рейхсканцлера — и передать полномочия от первого к последнему. Гитлеру не пришлось долго ждать. В 9 утра 2 августа 1934 года президент наконец отошел в мир иной. Многие консервативные немцы считали, что это означает конец эпохи. Как писала в своем дневнике Луиза Зольмиц, «он был настоящим борцом и безупречным созданием и унес свою, нашу, эпоху с собой в могилу». Также он унес с собой свою должность. Гитлер объявил, что титул рейхспрезидента был неразрывно связан с именем великого покойного. Было бы неправильно снова его использовать. В будущем Гитлер станет известен как «фюрер и рейхсканцлер». С этой целью был издан закон, который был ратифицирован национальным плебисцитом, проведенным 19 августа⁶⁰.

После этого Гитлер стал во всех смыслах главой государства. Очень важно здесь было то, что вооруженные силы присягали именно главе государства. 2 августа 1934 года по всей Германии были созваны войска и их заставили дать новую присягу, составленную генералом фон Рейхенау без какого-либо согласования с самим Гитлером. Раньше военные присягали абстрактной Веймарской конституции и безымянной личности президента. Теперь же все было совсем по-другому: «Даю перед богом святую клятву, что буду беспрекословно подчиняться вождю немецкого рейха и народа Адольфу Гитлеру, Верховному главнокомандующему вооруженных сил, и как доблестный солдат всегда, в любое время готов рисковать своей жизнью ради этой клятвы»⁶¹. И это не было простой формальностью. Так, в немецкой армии присяга означала гораздо больше, чем ее аналоги где-либо еще. Ей посвящались специальные обучающие курсы, на которых особое внимание уделялось долгу и чести и приводились примеры того, что влечет за собой ее нарушение. Наверно, важнее всего было то, что присягали теперь в безусловном подчинении Гитлеру, независимо от того, соответствовали ли его приказы закону. В старой клятве, напротив, на первом месте стояла конституция и «постановления закона» немецкой нации⁶².

Лишь некоторые из офицеров до конца понимали, что означает эта клятва. У некоторых были сомнения. Вечером после принесения присяги генерал-майор Людвиг Бек, консервативный, трудолюбивый офицер артиллерии, представитель среднего класса, дослужившийся к 1934 году до старшего штабного офицера и главы Войскового управления (переименованного в 1935 году в Генеральный штаб), сказал, что 2 августа «самый черный день в моей жизни». Но большинство либо поддерживали Гитлера, выполнившего за последние восемнадцать месяцев данные армии обещания, или не догадывались о том, что эта клятва может значить. Сам Гитлер нисколько не сомневался в важности этого шага. Объявив о вступлении в силу закона, дающего новой присяге обратную юридическую силу 20 августа 1934 года, он написал льстивое письмо с благодарностью Вернеру фон Бломбергу, министру обороны, где выразил свою признательность и пообещал, что верность со стороны армии будет взаимна. Бломбергу это доставило большое удовольствие, и он приказал, чтобы воору-

женные силы обращались к Гитлеру «мой фюрер» вместо гражданского обращения «господин Гитлер», которое они использовали до этого⁶³. Военная присяга послужила моделью для подобной клятвы, которую теперь должны были давать госслужащие. И это тоже была клятва «вождю Германского рейха и народа», хотя такой должности не было ни в одной конституции, это было власть Гитлера, а не немецкого государства⁶⁴.

Эти события окончательно укрепили власть Гитлера как «вождя». Как в 1939 году объяснил молодой специалист по конституционному праву Эрнст Рудольф Губер, это должность не была государственной, ее узаконивала «всеобщая воля народа»: «Власть вождя тотальна и всеобъемлюща: она сочетает в себе все возможности, которыми обладает государство; она покрывает каждую ячейку жизни человека, она объединяет всех членов немецкого общества, дающих клятву верности и покорности вождю. Власть вождя не подлежит никакой проверке и никакому контролю; и никакие личные права, которые люди так ревностно охраняют, не ограничивают ее; она свободна и независима, она доминирует над всем и ничего не стесняет ее».

Губер в своей трактовке *Конституционного права Великогерманского рейха*, которая впоследствии стала классической работой, заявил, что мнение Гитлера представляло «объективную» волю народа, и таким образом он мог противостоять «ошибочному общественному мнению» и подавлять эгоистичную волю отдельного человека. Как отметил другой толкователь Вернер Бест, нацистский интеллектуал, бывший центральной фигурой в «Боксгеймском деле» в 1931 году, слово Гитлера — это был закон, который перевешивал любой другой закон. Его власть была дана ему не государством, а историей. Поэтому со временем его чисто конституционный второстепенный титул рейхсканцлера тихо исчез⁶⁵.

Не только сам Гитлер, но и все нацистское движение в целом с презрением относилось к букве закона и к государственным учреждениям. С самого начала они ставили себя выше закона, и это продолжилось даже после того, как они отказались от идеи прямого переворота как пути к власти. Для нацистов пуля и урна для голосования как инструменты власти не исключали, а дополняли друг друга. К голосованию относились с цинизмом как к способу

формального политического узаконивания; воля народа выражалась не через свободное изложение общественного мнения, а посредством личности Гитлера и внедрения нацистского движения в историческую судьбу Германии, даже если сами немцы были с этим не согласны. Более того, нацисты с самого начала игнорировали общепринятые нормы закона, например такие, что люди не должны совершать убийств, жестокостей, разрушений, краж, так как считали, что история и интересы немецкой («арийской») расы оправдывали крайние меры во время кризиса, последовавшего за поражением Германии в войне⁶⁶.

Но в то же время, по крайней мере в первые годы существования Третьего рейха, нельзя было просто проигнорировать или подавить массивный аппарат бюрократической, юридической, полицейской, пенитенциарной и военной систем, унаследованных от Веймарской республики и в еще большей степени от рейха Бисмарка. В Германии существовало то, что ссыльный политолог Эрнст Френкель назвал «Двойным государством», так называется его знаменитая книга, опубликованная в США в 1941 году. С одной стороны, существовало «нормативное государство», ограниченное правилами, процедурами, законами и состоящее из официальных институтов, таких как Имперская канцелярия, министерства, местные власти и так далее, а с другой стороны, было «прогрессивное государство», система, существующая, по сути, за рамками закона, система, которую узаконивает власть «вождя», находящегося выше закона⁶⁷. Теоретики, такие как Губер, четко разграничивали «власть государства и власть вождя» и проясняли, что последняя всегда доминировала над первой. Таким образом, поступки, формально противоречащие закону, такие как убийства, совершенные в «Ночь длинных ножей», были санкционированы властью вождя и, следовательно, отнюдь не были противозаконными. Аресты, заключения под стражу, убийства совершались не полицией или органами юстиции, а членами СС, и формальный аппарат закона и государства практически лез из кожи вон, чтобы оправдать эти проявления жестокости с точки зрения закона. Это наглядно подтверждало то, что между «нормативной» и «прерогативной» властью в нацистской Германии на самом деле было очень мало серьезных конфликтов. Первой все больше

приходилось уступать последней, и с течением времени ее все больше пронизывал дух власти вождя, правила смягчались, на законы переставали обращать внимание, а про угрызения совести забыли. Уже в начале июля 1933 года Ганс-Генрих Ламмерс, начальник Имперской канцелярии, начал подписывать свои письма «Хайль Гитлер! (Heil Hitler!)»⁶⁸. К концу месяца все госслужащие, включая учителей в университетах, юристов и других государственных работников, должны были при ведении своих дел использовать «Немецкое приветствие». Не сказать «Хайль Гитлер» или не отдать нацистское приветствие, когда того требовала ситуация, считалось явным признаком диссидентства⁶⁹. Это были чисто внешние знаки покорности режиму, и после того как режим укрепился во власти, они сразу стали использоваться гораздо активнее.

Министры, такие, как, например, Франц Гюртнер, который был рейхсминистром юстиции в двух кабинетах, предшествовавших гитлеровскому, и сохранил свою должность при Третьем рейхе, продолжали прикладывать большие усилия, чтобы узаконить гитлеровский произвол через формальные законодательные акты. Для этого им снова и снова приходилось изобретать фразы и понятия, по которым получалось бы, что приказы Гитлера соответствовали существующим нормам и правилам. В некоторых случаях, как, например, с «Ночью длинных ножей», это также означало принятие законов, имеющих обратную силу, легализовавших действия, противозаконность которых была совершенно очевидна. 1 декабря 1933 года преимущество прерогативной власти над нормативной было формально закреплено в законе, гарантирующем единство партии и государства, хотя неоднозначность терминов, используемых в тексте закона, лишала его ощутимой эффективности. На самом деле эта ситуация означала, что государственные и партийные органы постоянно противостояли друг другу, нацистские лидеры все время вмешивались в политику государства и навязывали свои решения властям, как на местных, так и на более высоких уровнях. Гитлер пытался контролировать вмешательство гаулейтеров нацистской партии и других партийных деятелей в дела государства, в особенности в 1934 году, когда это могло подорвать экономическую политику в некоторых областях. Он объявил, что теперь, когда государство было в руках нацистов, партия

являлась только инструментом пропаганды. Но оказалось, что и это практически ни к чему не привело⁷⁰.

Для начала Гитлер также предпринял некоторые меры, чтобы сделать партию более эффективной. Проблему создавала ее децентрализованная организация после отставки Грегора Штрассера в конце 1932 года. Постоянная конкуренция фракций и борьба за власть внутри партии позволяли умным госслужащим уменьшать влияние партии, натравливая фракции друг на друга. Желая снова централизовать партию, не отдавая власть потенциальным конкурентам, Гитлер сначала назначил Рудольфа Гесса, всегда сохранявшего ему верность, на должность «заместителя фюрера по партии», однако не уполномочив его контролировать организационные дела. Затем 1 декабря 1933 года он дал ему должность в кабинете. 27 июля 1934 года Гитлер издал указ, согласно которому все законы и указы, предлагаемые имперскими министрами, должны были проходить через Гесса. В 1935 году Гесс также получил полномочия проверять благонадежность высокопоставленных госслужащих, которых повышали по службе или назначали на новую должность. Все это позволило партии очень широко влиять на государство. Сам Гесс с трудом справлялся с такими полномочиями. У него не было серьезных амбиций помимо исполнения воли Гитлера. Однако его властью все активнее пользовался Мартин Борман, начальник штаба Гесса с 1 июля 1933 года, чья амбициозность не вызывала сомнений. Борман создал детально разработанный аппарат «Штаба заместителя фюрера», разделенный на различные отделы, где работали верные ему люди, разделявшие его твердое намерение централизовать партию и систематически ее использовать для того, чтобы разработать определенную политику и проталкивать ее через государственную гражданскую службу. В 1935 году Борман принял на себя управление альпийской штаб-квартирой Гитлера в Оберзальцберге в Баварии. Его присутствие там давало ему возможность выполнять роль личного секретаря Гитлера и осуществлять все больший контроль над тем, кого стоит допускать к вождю. Теперь ведомство Бормана начало конкурировать с Имперской канцелярией, официальным государственным органом, которым управлял Ганс Генрих Ламмерс, чиновник, занимавший один из самых высоких постов в стране, причем для Третьего

рейха такая ситуация была вполне типична. Когда Гитлер был в Берлине, Ламмерсу было проще к нему попасть, а значит, и его влияние было сильнее, но вождь все больше времени проводил в Оберзальцберге, где Борман мог не допустить до Гитлера даже самого Ламмерса⁷¹.

Подобную двойственность можно было наблюдать на всех уровнях, когда беспорядки, вызванные борьбой за власть в 1933 году, начали проходить, в Третьем рейхе осталось множество конкурирующих друг с другом структур. Руководители рейха, министры-президенты и гаулейтеры, все они боролись за власть в федеральных землях, в том числе в Пруссии, занимавшей около половины всей немецкой территории. Эти столкновения удалось частично прекратить, лишь назначив в апреле 1933 года гаулейтеров имперскими наместниками соответствующих земель и провинций. Следующий шаг был предпринят 30 января 1934 года, когда под давлением министерства внутренних дел, возглавляемого Вильгельмом Фриком, новый закон ликвидировал все федеральные земли, вместе с их правительствами и парламентами, а их министерства присоединялись к соответствующим имперским министерствам. Так, было отменено федеративное устройство, которое в течение тысячи лет в неизменной форме характеризовало немецкую политическую систему и снова начало это делать после 1945 года. Однако некоторые элементы федерализма все же сохранились, так что процесс еще не был завершен. Партийные гаулейтеры сохранили свои должности имперских наместников, они по-прежнему имели очень большое влияние в партийной иерархии. Они оказывали существенное влияние на местные и региональные дела, хотя закон о местном управлении рейха 1935 года отменил местные выборы, и бургомистров стало назначать Министерство внутренних дел в Берлине. Это в свою очередь вызвало враждебный настрой у крайслейтеров (окружных руководителей) НСДАП, которые часто пользовались данным им по закону правом назначать местных чиновников для того, чтобы вмешиваться в дела местного правительства и продвигать на определенные должности своих друзей или подчиненных, которые часто совсем не годились на эти должности⁷².

Не стоит и говорить, что эта борьба никогда не подразумевала фактической оппозиции руководству партии и его политике. По-

сле чисток 1933 года подавляющее большинство государственных чиновников были либо членами нацистской партии, либо активно ее поддерживали. Это же касалось руководителей некоторых министерств в Берлине. Их положение поддерживали такие значимые в партии фигуры, как Герман Геринг, которому удалось не допустить многие из предложенных изменений в управлении Пруссии. На самом деле противостояние гаулейтеров говорило о том, что реформа никогда не заходила так далеко, как этого хотело Имперское министерство внутренних дел, административная структура земель во многом осталась нетронутой, даже после того, как большинство аспектов их автономии и все, что осталось от представляющих их организаций, было отменено⁷³. Система управления в Третьем рейхе была очень хаотичной, и историки уже давно отбросили мысль о том, что Третий рейх был четко работающим, полностью централизованным государством. На самом деле беспорядочная груда соперничающих учреждений с пересекающимися полномочиями благополучно не давали нормативному государственному аппарату защитить себя от вторжения «прерогативного» аппарата и обрекли его на постепенную потерю власти и самостоятельности.

Тем временем после беспорядков, происходивших летом и в начале осени 1934 года, Гитлер стал постепенно готовиться к тому, что он может оказаться не в состоянии руководить, лишиться власти. В «Ночи длинных ножей» ключевую роль сыграл не Гесс и не Гиммлер, а грозный, беспощадный и решительный Герман Геринг. 7 декабря 1934 года Гитлер издал указ, по которому Геринг становился его «заместителем по всем вопросам управления государством» на случай, если он окажется неспособен сам выполнять свои обязанности. Несколькими днями позже позицию Геринга как второго человека в Третьем рейхе окончательно укрепил другой закон, изданный 13 декабря, в котором Гитлер объявил Геринга своим преемником, этот закон также предписывал госслужащим, армии, СА и СС после его смерти немедленно присягнуть на верность Герингу. Герингу предстояло воспользоваться этим положением в последующие несколько лет для того, чтобы обеспечить себе в Третьем рейхе позицию столь мощную, что ее сравнивали с государством внутри государства. При этом его назначение заместителем Гитлера также показало, насколько быст-

ро после смерти Гинденбурга фактическое и формальное распределение власти в Третьем рейхе стало зависеть не от конституционных правил и предписаний, а от конкретных личностей. Теперь Третий рейх окончательно превратился в диктаторское государство, в котором вождь мог делать все, что хотел, в том числе ни на кого не ссылаясь назначать собственного преемника⁷⁴.

II

О личностной природе гитлеровской власти наиболее четко говорило то, какой авторитет и какую власть получили СС. Изначально являющиеся личной охраной Гитлера – Охранными отрядами (*Schutzstaffel*, отсюда аббревиатура – СС), они присягали на верность только ему и не подчинялись никаким законам, кроме тех, которые установил лично он. Генрих Гиммлер, руководитель СС с 1929 года, активно занимался их развитием, и к весне 1933 года они уже обладали силой 50 000 человек. Внутри этого большого войска Гитлер снова произвел отбор и выделил элиту, из которой сформировал «Штабную охрану», в 1933 году переименованную в «Лейбштандарт Адольф Гитлер»; были сформированы и другие элитные группы СС, которые должны были использоваться для особых заданий: полицейского патрулирования, террора и операций, подобных «Ночи длинных ножей»⁷⁵. Уже к 1934 году планы Гиммлера относительно СС стали более претенциозны, он не хотел, чтобы они были просто верным войском, которое Гитлер мог использовать при первой необходимости. Он задумал сделать СС ядром и основой нового расового порядка нацистов. Гиммлер хотел, чтобы, не в пример штурмовикам с их плебейским беспорядком, в рядах СС царила строгая дисциплина, пуританские нравы, расовая чистота, беспрекословное послушание, в них должны были сочетаться все качества, которые он считал лучшими у немецкой расы. Постепенно выходили на пенсию эсэсовцы старшего поколения, многие из которых открыли счет своим жестокостям еще в Свободном корпусе в первые годы существования Веймарской республики, и на их место приходило молодое, более образованное поколение офицеров⁷⁶.

Гиммлер тщательно продумал иерархию офицеров СС, у каждого уровня было свое помпезное название – обергруппенфю-

рер, штандартенфюрер и так далее — и свои собственные знаки отличия на красивой униформе военного покроя, которую носили все офицеры. Эта униформа нового образца теперь включала в себя не только присутствовавший изначально значок организации с черепом, но и псевдоруническое начертание букв «SS», имеющее форму двойной молнии; вскоре на печатных машинках СС появилась особая клавиша с руническим обозначением, предназначенная для его использования в официальной корреспонденции и служебных записках. Впоследствии появились новые звание и знаки отличия. Гиммлер даже увеличил финансирование своей организации, присуждая тем, кто выделял для организации средства, почетные звания и титулы, такие как «почетный член», и от промышленников, банкиров и бизнесменов стали стабильно поступать деньги. Другим источником средств был «Кружок друзей рейхсфюрера СС», куда входили такие люди, как банкир Фридрих Флик, директор «И.Г. Фарбен» Генрих Бютефиш и представители таких фирм, как «Сименс-Шуккерт», «Дойче банк», «Рейнметалл-Бозиг» и «Гамбург-Америка-лини». Многие из этих людей в награду получили почетные звания СС. Они, конечно, понимали, что это не было пустым жестом, так как их сотрудничество с СС давало защиту от вмешательства некоторых слишком пылких членов партии в их дела. Неудивительно, что журнал, основанный Гиммлером для его «друзей», к сентябрю 1939 года имел тираж 365 000, и совместные финансовые вложения «друзей» колебались от полумиллиона до миллиона рейхсмарок в год⁷⁷.

Эти меры могли помешать тому, чтобы сохранить состав СС сплоченным, элитным, поэтому в период с 1933 по 1935 год Гиммлер исключил из раздувшегося состава СС не менее 60 000 человек. В частности, он избавился от гомосексуалистов, алкоголиков и бывших оппортунистов, которых нельзя было с уверенностью назвать убежденными нацистами. Кроме всего прочего, с 1935 года он стал требовать доказательства чисто арийского происхождения, как он это называл, до 1800 года для рядовых членов и до 1750 года для офицеров. Кандидаты в СС и его члены выискивали доказательство своей расовой чистоты в приходских книгах или нанимали профессиональных генеалогов, чтобы они сделали это за них. Для подтверждения своего

«арийского» происхождения новобранцы теперь должны были проходить медицинское обследование; Гиммлер считал, что со временем, если расовую эволюцию направить так, как нужно, принимать стали бы только светловолосых кандидатов. Уже с 1931 года, чтобы вступить в брак, каждый член СС должен был получить специальное разрешение от Гиммлера или его ведомства; его давали только в том случае, если невеста также подходила по расовому признаку⁷⁸. Но все сложилось совсем не так, как он планировал. Например, из 106 304 эсэсовцев, обратившихся за брачными сертификатами с 1932 по 1940 год, только 958 получили отказ, несмотря на то, что только 7518 человек соответствовали всем требованиям. Несколько сотен человек, которых исключили из СС за несоблюдение правил, касающихся брака, вскоре были восстановлены. Появление новой расовой элиты определенно затягивалось⁷⁹.

У элиты, сформированной в СС, постепенно выработались качества, отличающиеся от того расового превосходства, которого хотел добиться Гиммлер. Прежде всего, что разительно отличало их от СА, они были очень высокообразованны⁸⁰. Руководители СС, такие как Вернер Бест, Отто Олендорф, Вальтер Шелленберг, Франц Зикс, имели университетские дипломы и даже ученые степени. Рожденные в самом начале Первой мировой войны, они были слишком молоды, чтобы иметь фронтовой опыт, но зато они были пропитаны тем националистским фанатизмом, который был так распространен в 1920-х годах в университетах, в которых они учились. Их взросление проходило в эпоху неопределенности, политическая система была нестабильна, деньги, по крайней мере на какое-то время, потеряли свою стоимость, а о постоянной работе или стабильной карьере не могло идти и речи, они потеряли всякие моральные ориентиры, а может, они даже и не успели сформироваться. Только в нацистском движении такие молодые люди могли видеть возможность сохранить свою личность и моральные ценности, могли видеть перспективы на будущее. Типичным представителем этого поколения был Отто Олендорф, родившийся в 1907 году в обеспеченной семье фермеров-протестантов с консервативными националистскими политическими взглядами. Олендорф вступил в штурмовой отряд в 1925 году, когда он еще учился в средней

школе, а в 1927 году перешел в СС, тогда же, когда он вступил в нацистскую партию. С 1928 по 1931 год он изучал право и политологию в Лейпцигском и Гёттингенском университетах, затем провел год в университете Павии, чтобы больше узнать об итальянском фашизме. Жизнь развеяла у него иллюзии о прочности «корпоративного государства», но также она направила его интересы в русло экономики; он начал серьезно ее изучать, однако его попытки получить докторскую степень и сделать карьеру в науке не увенчались успехом. С 1936 года он сосредоточился на работе в СС, где он получил должность начальника экономического отдела Службы безопасности (*Sicherheitsdienst*; SD). Здесь из-за его критики нацистской экономики за то, что она вредит среднему классу, у него с одной стороны появились проблемы, а с другой — репутация умного и уверенного человека. Вероятно, именно эти способности, которые также означали готовность воспринимать и высказывать горькую правду, позволили ему в 1939 году занять пост руководителя Управления СД/внутренние области⁸¹.

Сама по себе Служба безопасности была организована после того, как в начале 1931 года появились сообщения о том, что в нацистскую партию просочились враги. Гиммлер основал Службу безопасности для того, чтобы расследовать эти заявления и передать это дело в руки человека, которого повсеместно боялись и ненавидели больше, чем кого-либо другого из руководства нацистского режима, — Рейнгарда Гейдриха. Родившийся в 1904 году в высококультурной семье среднего класса — его отец был оперным певцом, а мать актрисой, — Гейдрих был прекрасным скрипачом, как говорили его современники, он играл с большим чувством, часто доводившим до слез. Высокий, стройный, светловолосый, впечатление от его блистательной внешности могли испортить только его вытянутое лицо и маленькие, близко посаженные глаза. Также он добился больших успехов в фехтовании. Еще в 16 лет он вступил в Добровольческий корпус, в 1922 году он был принят на флот и стал курсантом военноморского училища, а к 1928 году, работая в службе связи, дослужился до лейтенанта. Его будущее в вооруженных силах выглядело обеспеченным⁸². Но Гейдриху оказалось также легко завести врагов. Морякам не нравился его резкий, властолюбивый

нрав, и они часто насмехались над его высоким голосом. Его многочисленные истории с женщинами принесли ему проблемы с начальством — на него пожаловался отец одной из его девушек, директор «И.Г. Фарбен» и друг адмирала Редера, главнокомандующего ВМФ. Проблема не ограничилась тем, что девушка оказалась беременна, Гейдриху пришлось предстать перед военно-морским судом чести, он попытался перенести ответственность за зачатие на нее, что привело офицеров в ярость, и в результате в апреле 1931 года он был уволен из флота. Гейдрих женился на другой девушке, Лине фон Остен, у которой были твердые нацистские убеждения и семейные связи с руководителем СС в Мюнхене бароном Карлом фон Эберштайном, после этого у Гейдриха появилась работа в СС, и он немедленно приступил к делу, начав выискивать пробравшихся в СС врагов. Он выполнял свою задачу столь щепетильно, что убедил Гимmlера в необходимости расширения сферы деятельности Службы безопасности и превращения ее в ядро новой немецкой полиции и в контролирующий орган. Его навязчивые расследования настроили против него некоторых старых нацистов, включая гаулейтера Галле-Мерсебурга, который стал действовать против него и заявил о еврейских корнях Гейдриха. Расследование, проведенное по указанию Грегора Штрассера, который был в то время имперским организационным руководителем НСДАП, показало, что эти заявления не соответствовали действительности, однако слухи продолжали доставлять ему неприятности до конца его карьеры и периодически появлялись даже после его смерти⁸³.

Но ничего из этого не остановило стремительного прихода Гейдриха к власти. Несентиментальный, холодный, знающий свое дело, жадный до власти и полностью убежденный, что цель оправдывает средства, он вскоре заразил и Гимmlера идеей о том, что СС и его СД должны стать основой новой всеобъемлющей системы контроля. Уже 9 марта 1933 года они вдвоем добились перехода под их влияние баварской политической полиции, сделав политическую секцию автономной и назначив на некоторые главные посты сотрудников СД. Так, они распространяли свой контроль над службами политической полиции в одной земле за другой, пользуясь поддержкой имперского министра внутренних дел Вильгельма Фрика. Здесь, на пути к созданию

объединенной национальной системы политической полиции, они столкнулись с большим препятствием в лице Германа Геринга, министра-президента Пруссии, который 30 ноября 1933 года организовал для Пруссии отдельную службу политической полиции. Она была основана на политической секции Берлинского полицей-президиума, который при Веймарской республике выполнял роль центра по сбору информации о коммунистах, в его состав входили профессиональные полицейские. Новый независимый орган, который возглавил кадровый полицейский Рудольф Дильс, стал известен как тайная государственная полиция (*Geheime Staatspolizei*), или сокращенно гестапо⁸⁴.

Конфликты, бушевавшие в первые месяцы 1934 года, впоследствии разрешились, так как Геринг почувствовал необходимость противостоять все возрастающей опасности, которую он видел в штурмовиках Рёма. В 1933 году Дильс с радостью следовал нацистскому политическому курсу, но его профессиональная беспристрастность помешала бы ему всеми правдами и неправдами противостоять штурмовикам. 20 апреля 1934 года Геринг заменил Дильса на посту руководителя гестапо Гиммлером⁸⁵. После чего Гиммлер и Гейдрих натравили друг на друга Геринга и Фрика и, устранив формальные связи между СС и СА после «Ночи длинных ножей», получили новое пространство для маневра. Герингу и Фрику пришлось признать, что они были не в состоянии контролировать гестапо, хоть и заявляли о своей формальной власти в нем. В то время как Геринг в ноябре 1934 года наконец прекратил все свои попытки сохранить контроль над гестапо, Фрик и министерство внутренних дел продолжали бюрократическую борьбу. В 1936 году она наконец завершилась в пользу Гиммлера. Новым законом, принятым 10 февраля, гестапо было выведено из-под юрисдикции судов, для того, чтобы, выступая против его действий, никто не мог обратиться ни к какой внешней организации. Затем 17 июня указом Гитлера Гиммлер был назначен шефом германской полиции. Теперь Гиммлер мог поставить Гейдриха во главе гестапо и криминальной полиции, а также Службы безопасности СС, в то время как полицией порядка управлял эсэсовец Курт Далюге. Полиция и СС фактически начали смешиваться друг с другом, все больше профессиональных полицейских вступало в СС и все больше эсэсовцев

занимало должности в подразделениях полиции. Таким образом, основное учреждение правопорядка в рейхе стало стремительно переходить от «нормативной» власти к власти «прерогативной», в 1939 году этот переход обозначило то, что Служба безопасности СС и полиция безопасности стали подчиняться Главному управлению имперской безопасности, контролируемому сверху Гиммлером и Гейдрихом⁸⁶.

III

Основной задачей изощенного аппарата полицейского контроля и репрессий в Третьем рейхе было вычисление и арест врагов нацистского режима в Германии. Серьезную оппозицию нацистам в первые годы существования режима составляли только коммунисты и социал-демократы. На последних свободных выборах в Германии в ноябре 1932 года левые политические партии получили 13,1 миллиона голосов, у нацистов было 11,7 миллиона. Они представляли огромную долю немецкого электората. Однако у них не было эффективных средств противостоять жестокости нацистов. Весь их аппарат, включая такие военизированные крылья, как «Союз бойцов красного фронта» и «Рейхсбаннер», а также связанные с ними организации, такие как профсоюзы, были безжалостно уничтожены уже в первые месяцы 1933 года, их руководители были отправлены в ссылку или в тюрьму. Многие из тех, кто в них участвовал или их поддерживал, даже если это было очень давно, были изолированы и дезориентированы. За бывшими активистами постоянно и неотступно следили, переписка и все их контакты прослеживались. Разделенные, озлобленные, взятые врасплох стремительным и вероломным захватом власти нацистами, они поначалу были совсем беспомощны и не знали, что им делать. О том, чтобы вновь организовать и сформировать сильное движение сопротивления, не могло быть и речи⁸⁷.

Однако в некоторых аспектах социал-демократы и коммунисты были лучше подготовлены к сопротивлению, чем все другие группировки в нацистской Германии. Рабочее движение в прошлом постоянно запрещалось и подавлялось: во время политических репрессий Меттерниха в начале XIX века, во время послереволюционной реакции 1850-х и начала 1860-х годов и осо-

бенно во время действия антисоциалистического закона Бисмарка 1878—1890 годов. И не было ничего нового в том, что эти группы ушли в подполье. На самом деле некоторые ветераны времен закона против социалистов, когда социал-демократы разработали целую сеть секретных контактов и коммуникаций, действовали и при нацистах, спустя около сорока лет. Наслушавшись историй об их героизме и отчаянных безрассудствах в 1880-х годах и разочаровавшись в компромиссах, на которые партия пошла в последние годы существования Веймарской республики, многие молодые социал-демократы с удовольствием предвкушали возврат к революционным традициям партии. Если уж Бисмарк — политик мирового масштаба — не смог их сокрушить, то на успех Гитлера тем более не приходилось рассчитывать. Активисты социал-демократов тут же начали нелегально печатать листовки, плакаты и газеты и тайно распространять их среди тех, кто сочувствовал их идеям, чтобы попытаться укрепить их решимость сопротивляться попыткам режима сломить их. Многим придавало сил основанное на марксистской теории убеждение, которое в тот период превалировало в умах социал-демократов, о том, что нацистский режим не продержится долго. Это была последняя отчаянная попытка самосохранения капиталистической системы, которая, потерпев поражение в 1929 году, оказалась в глубочайшем кризисе. Все, что было необходимо, — это держаться вместе и ждать, пока Третий рейх развалится сам. Распространяя ясную и точную информацию об истинном положении вещей в Германии, было бы возможно разрушить идеологическое основание режима и приготовить массы к тому, чтобы устранить его⁸⁸.

Во многих частях Германии, в особенности в ее центральных промышленных областях с их традициями солидарности рабочему движению, сохранявшимися десятки лет, быстро собирались и начинали действовать тайные группы. Далее, в менее благоприятной культурной среде, социал-демократам удавалось перегруппировываться и тайно продолжать свою деятельность. Например, в Ганновере молодой Вернер Блюменберг, который впоследствии стал известен как последователь Маркса, основал «Социалистический фронт», насчитывавший около 250 членов и выпускавший mimeографированные бюллетени — «Социалис-

тические листки» (*Sozialistische Blätter*) — тиражом 1500 экземпляров, которые члены организации распространяли среди своих людей в регионе⁸⁹. Подобные группы меньшей численности были созданы в баварских городах Аугсбург и Регенсбург и даже в «столице» нацистского движения — в Мюнхене. Они расклеивали по ночам плакаты на улицах, убеждали людей проголосовать «против» на плебисците 19 августа 1934 года. На рабочих местах они оставляли листовки с призывами или краткими сводками новостей, содержащими критику того, что говорит про эти события нацистская машина пропаганды. По всей Германии в эту работу были вовлечены тысячи бывших активистов Социал-демократической партии. Особенные усилия они прикладывали к тому, чтобы сохранить контакты с руководством партии, находящимся в Праге. Их целью было не просто поднять массы, а держать вместе всех людей, верных партии и торговому союзу, и дожидаться лучших времен. Большинство из них жили двойной жизнью, внешне подчиняясь режиму, но в свободное время тайно участвуя в оппозиционной деятельности.

Некоторые во время путешествий за границу собирали листовки и буклеты, такие как «Новый Форвэрдс» (*Neue Vorwärts*), которые печатали покинувшие страну члены партии, провозили их в Германию и распространяли среди тех, кто остался на родине. Кроме того, они доставляли руководству партии подробную информацию о том, что происходило в Германии, каждый месяц предоставляя им довольно объективные и все более реалистичные прогнозы о возможности переворота⁹⁰.

Однако эти мероприятия вряд ли помогли бы сохранить солидарность со стороны бывших социал-демократов, что было основной целью, не говоря уже о распространении повстанческих идей в массах. И у этого было множество причин. Сопrotивлению не хватало руководства. Почти все выдающиеся социал-демократы отправились в ссылку, а те, кто решил остаться, были слишком известны, чтобы долго скрываться от внимания полиции: например, депутат Рейхстага от Силезии Отто Бухвиц несколько раз совершал рискованные поступки — путешествуя по Германии, он распространял незаконную партийную литературу. Но и ему в конце концов пришлось смириться с неизбежным и позволить подпольному движению вывезти себя в Данию в нача-

ле августа 1933 года⁹¹. К этому времени все остальные оставшиеся в Германии руководители социал-демократической партии уже находились в тюрьме, в концлагере, или были мертвы, или их просто заставили замолчать. Руководство, находящееся вне страны, не смогло их успешно заменить. Из-за его бескомпромиссной позиции партия к тому времени уже лишилась многих из своих членов, которые решили остаться в Германии в 1933 году, а в январе 1934 года «Пражский манифест» только усугубил положение, призывая к радикальной политике экспроприации, разрушению крупных фирм и зданий, после того как Гитлер лишится власти⁹². Многим местным оппозиционным группам это не нравилось. В то же время партия не смогла убедить других в том, что руководство уже стряхнуло с себя ту пассивность и тот фатализм, которые подрывали в них волю к сопротивлению в 1932–1933 годах⁹³. Некоторые маленькие, более радикальные группы были недовольны действиями партии, считая их проявлениями слабости, и начинали действовать независимо под разнообразными названиями, такими как Международный союз социалистической борьбы, Социалисты-революционеры Германии или Красные ударные отряды (чисто берлинская организация). Они в свою очередь конфликтовали с другими подпольными группами, сохранявшими верность руководству в Праге, не соглашаясь с ними в вопросах не только политики, но и тактики⁹⁴.

В таких условиях любая идея подвигнуть массы на открытое противостояние режиму была обречена на провал, а такой цели традиционно придерживались все подпольные группировки в европейской истории. Найти опору в народных массах было практически невозможно. Жалкие остатки культуры рабочего движения, сохранившиеся в Третьем рейхе, были малочисленны и, как правило, не представляли никакой важности. Нацисты слишком тщательно «координировали» все виды ассоциативной деятельности в регионах. Полиция или муниципальные власти быстро вычисляли и закрывали секции кролиководства, гимнастические клубы и другие подобные организации, которые изменили названия, выкинув оттуда термины, связанные с социал-демократией, но сохранили прежнее руководство. То есть сопротивление со стороны социал-демократов никогда не могло стать

чем-то большим, чем несколько маленьких, локально организованных элитных групп активистов. А нацистский режим, наоборот, никак нельзя было назвать режимом маленькой группы авторитарной элиты, подобно режимам Маттерниха или Бисмарка; с самого начала нацистские ораторы объявляли о том, что он призван представлять людей в целом, мобилизуя их на поддержку нового вида государства, которое устранил внутреннее разделение и создаст для немецкой расы новое национальное сообщество. Это был печальный факт, с которым вскоре пришлось столкнуться активистам социал-демократического движения⁹⁵.

На выборах, проводившихся ежегодно и требующих участия всех представителей цеха, постоянно большое количество людей воздерживалось от голосования, возможно, причиной этого была память о социал-демократических профсоюзах. Так много бюллетеней было оставлено пустыми или испорчено, что в 1934 и 1935 годах результаты не стали оглашать публично. А затем голосование вообще отменили⁹⁶. Гестапо отслеживало многих «марксистов», распространявших листовки, призывающие проголосовать «нет» на плебисците 19 августа 1934 года, только в Рейнской области было арестовано более 1200 из них. Массовые аресты социал-демократов захлестнули и другие части Германии, в частности Гамбург. После того как Социал-демократическое сопротивление выпустило специальные листовки, началась еще одна волна арестов. К концу года формальная подпольная организация социал-демократов была успешно разрушена. Однако даже только количество членов, которое раньше было у партии, и сохранившиеся сильная культура и традиции привели к тому, что сотни тысяч старых социал-демократов в своих сердцах остались верны фундаментальным ценностям своей партии. По всему Третьему рейху сохранились слабо организованные, неформальные, лишенные центра группы социал-демократов, сохраняющих эти идеи и ценности, хотя и абсолютно неспособных воплотить их в жизнь⁹⁷.

Небольшое число радикально настроенных социал-демократов, собиравшихся с 1929 года в группе, носившей название «Новое начало» (Neu Beginnen), придерживалось мнения, что основным условием для успешного сопротивления рабочих было объединение немецкого рабочего движения, разделение которого на социал-демократов и коммунистов, по их мнению, только помо-

гало развитию фашизма. Около сотни членов группы, поддерживаемые несколько большим количеством сочувствующих, затрачивали немалые усилия на попытки объединить две эти партии. При этом они использовали тактику внедрения своих людей в ячейки коммунистической партии, которые затем старались изменить курс партии изнутри. Манифест организации, написанный ее лидером Вальтером Лёвенгеймом и опубликованный в Карлсбаде в августе 1933 года тиражом 12 000 экземпляров, вызвал некоторые споры в рядах сопротивления, после того как его тайно распространили в Германии. Но в 1935 году Лёвенгейм сделал вывод, что шансы на успех были крайне малы и продолжать не было смысла. Хотя некоторые, как, например, будущий историк Франсис Карстен, и пытались продолжать борьбу, проводимые гестапо облавы скоро лишили последние остатки партии возможности сопротивляться; сам Карстен иммигрировал и занялся написанием докторской диссертации по ранней истории Пруссии. Похожим образом работали и другие небольшие группы как в стране, так и за ее пределами, такие как, например, Международный союз социалистической борьбы и Социалистическая рабочая партия Германии, одним из ведущих членов которой был молодой человек Вилли Брандт, бежавший в Скандинавию, а после войны ставший бургомистром Западного Берлина и позже федеральным канцлером ФРГ. Однако все эти группы отвергали политику обеих рабочих партий, считая, что она устарела и сеет разногласия, при этом ничего не предлагая вместо нее⁹⁸.

Враждебное отношение коммунистов сделало невозможным создание объединенного фронта. С конца 1920-х годов Коммунистическая партия Германии следовала «ультралевому» политическому курсу Москвы, где социал-демократов клеймили как «социал-фашистов» и считали, что они на самом деле являются основным препятствием для пролетарской революции. События 1933 и 1934 годов никак не повлияли на эту ситуацию. В мае 1933 года центральный комитет Коммунистической партии принял политический курс, направленный против «социал-фашизма», который Коминтерн назвал «абсолютно правильным». «Несмотря на полное устранение социал-фашистов из государственного аппарата, на жесткое подавление организации Социал-демократической партии и ее прессы, как и наших собствен-

ных, они как и прежде обеспечивают основную общественную поддержку для диктатуры капиталистов. В 1932 году те, кто выступал против ультралевого курса и за сотрудничество с социал-демократами, такими как Герман Реммеле и Гейнц Нойман, уже были исключены из руководства партии, и теперь на их месте находился, по крайней мере номинально, неизменно верный Эрнст Тельман, хотя он оказался не у дел, с тех пор как после пожара в Рейхстаге в феврале 1933 года сразу был арестован и заключен в тюрьму. Несмотря на все доказательства, в 1933 году Фриц Хеккерт, одна из ключевых фигур в коммунистическом движении Германии, провозгласил: «Для рабочего класса существует только один настоящий враг — фашистская буржуазия и социал-демократия, ее основная общественная поддержка»⁹⁹.

Такие до смешного далекие от реальности взгляды основывались не только на беспрекословной покорности Москве. В них также отразилось давнее наследие вражды между двумя основными рабочими партиями, начавшееся во время революции 1918 года и тогда, когда по инициативе социал-демократов членами Добровольческого корпуса были убиты лидеры коммунистов Карл Либкнехт и Роза Люксембург. В свою очередь социал-демократы знали, что большевики в России уничтожали своих противников тысячами и что среди первых жертв были меньшевики, придерживающиеся самых близких к ним взглядов. Безработица, повлиявшая на коммунистов больше, чем на социал-демократов, сделала отношения двух партий еще более напряженными. В 1931–1934 годах никто не рассматривал перспективы сотрудничества ни в рядах социал-демократической партии, ни среди коммунистов.

Социал-демократы могли похвастаться гораздо большим количеством членов, чем коммунисты, — в начале 1933 года их было больше миллиона, а коммунистов — всего около 180 000, кроме того, социал-демократы оставались верны своей партии дольше, чем коммунисты — своей. Однако же многолетние чистки и постоянные наказания для внутренних диссидентов сплотили и дисциплинировали коммунистов, кроме того, традиция подпольной, секретной работы, более современная и эффективная, чем у социал-демократов, позволила коммунистам быстро организовать по всей Германии свои незаконные ячейки, как только прошел шок первых месяцев 1933 года. Как ни парадоксально,

неспособность партии реально взглянуть на вещи оказалась для них еще одним положительным фактором. Коммунисты верили, что не только нацизм, но и вся капиталистическая система окончательно рухнет уже через несколько месяцев, и при первом же случае рисковали своей свободой и жизнью в борьбе, которая должна была очень скоро закончиться безоговорочной победой пролетарской революции¹⁰⁰.

Однако в чем заключалась эта борьба? Хотя нацисты в своей пропаганде в 1933 году и пугали неминуемой коммунистической революцией, на самом деле реорганизованная Немецкая коммунистическая партия могла сделать немногим больше, чем их соперники социал-демократы. Было совершено несколько актов саботажа, и еще горстка коммунистов попыталась завладеть военной информацией и передать ее Советскому Союзу. Но подавляющее большинство, тысячи продолжающих сопротивление коммунистов могли только сосредоточиться на том, чтобы в условиях подполья не дать движению развалиться и быть готовыми к тому дню, когда нацизм рухнет вместе со всей капиталистической системой, которая, по их мнению, поддерживала этот режим. Они проводили тайные собрания, распространяли незаконно ввезенную в страну политическую пропаганду, собирали членские взносы, печатали и распространяли грубые mimeографированные листовки и бюллетени, иногда в весьма больших количествах, стараясь привлечь как можно больше людей и настроить их против режима. Они организовали тайную сеть по распространению журналов и листовок, которые печатали коммунисты, живущие за пределами Германии, и которые затем курьеры ввозили в страну. Сопротивление внутри Германии и руководство, находящееся вне ее, активно взаимодействовали: например, газету «Красное знамя» издавали за рубежом, а печатали в нескольких центрах внутри страны, в частности в незаконной типографии в Золинген-Олигс, где один-два раза в месяц печатали около 10 000 копий каждого издания. В нескольких местах коммунисты проводили тайные первомайские демонстрации, поднимали красные флаги, водружали изображения серпа и молота на здания и писали свои лозунги на железнодорожных станциях. Как и социал-демократы, коммунисты распространяли листовки с призывом голосовать «нет» на плебисците 19 августа 1934 года¹⁰¹.

Без сомнения, в первые годы существования Третьего рейха коммунисты были более активны и более настойчивы в организации сопротивления, чем социал-демократы. Более преданные, более фанатичные, чем социал-демократы, они, помимо прочего, по инструкции от находящегося в ссылке руководства старались сделать свое присутствие в Германии максимально заметным. Курьеры и агенты приезжали и уезжали из Парижа, Брюсселя, Праги и других зарубежных центров, часто под чужим именем, стараясь все время поддерживать работу движения или реанимировать его там, где оно разваливалось. После рейдов и арестов они тут же с беспечной настойчивостью принимались в большом количестве распространять листовки, обличающие жестокость полиции и указывающие на неспособность режима сломить сопротивление. Но такая тактика выдавала бездействие партии, делая его видимым не только для рабочих, но и для гестапо¹⁰². Бюрократическая структура и привычки партии также помогали полиции вычислять и отслеживать ее членов, казначеи и секретари, такие как, например, Ганс Пфейфер в Дюссельдорфе, шепетильно хранили копии писем, протоколы собраний, записи о взносах и списки членов, все эти документы были бесценны для режима, когда оказывались в руках полиции¹⁰³. Те же проблемы, с которыми столкнулись социал-демократы, встали и перед коммунистами — осложненное общение с руководством, находящимся вне страны, разрушение социальной и культурной инфраструктуры рабочего движения, ссылка, заключение в тюрьму или смерть самых опытных и талантливых руководителей¹⁰⁴.

Несмотря на то что партия славилась своей дисциплиной, внутри ссыльного руководства все же возникло серьезное разделение на ультралевое большинство, продолжавшее изливать желчь на социал-демократов, и Коммунистический интернационал, который осознал тяжесть поражения, которое потерпела партия, и поэтому начал призывать к сотрудничеству с социал-демократами на «народном фронте» в борьбе с фашизмом. В январе 1935 года Коммунистический интернационал открыто осудил прежнюю политику партии, назвав ее «ограниченной», и начал утихомиривать ее революционные речи. Чувствуя, откуда дует ветер, небольшое, но постепенно растущее число немецких коммунистов стало следовать новому московскому курсу. Ими

руководили Вальтер Ульбрихт, бывший берлинский коммунистический лидер, и Вильгельм Пик, который долгое время был депутатом Рейхстага и товарищем Либкнехта и Люксембург в их последние дни перед тем, как они были убиты членами Свободного корпуса во время «восстания Спартака» 1919 года. Наряду с такой сменой идеологических ориентиров была расформирована и централизованная структура партии в Германии, столь полезная для гестапо, теперь на ее место пришла более широкая структура, различные части которой находились далеко друг от друга. Казалось, что теперь путь к эффективной борьбе рабочего класса против нацистов был открыт¹⁰⁵.

Но было уже слишком поздно. Местное руководство и многие рядовые члены коммунистического сопротивления слишком долго боролись с социал-демократами, чтобы теперь забыть о своей ненависти. Когда в середине 1934 года в Эссене 7000 рабочих вышли на демонстрацию к могилам коммунистов, умерших в заключении, местное коммунистическое руководство дало понять, что социал-демократам, «против которых всегда боролись погибшие», здесь не будут рады. Более того, Ульбрихт, который должен был создать Народный фронт коммунистов и социал-демократов, находясь в Париже, обладал талантом настраивать людей против себя. Некоторые считали, что он осознанно был настолько резок, что обвинил социал-демократов в неудаче политической линии, которую он сам так или иначе не поддерживал. Также оказалось невозможным сообщить о новом партийном курсе многим активистам внутри Германии, учитывая, как бдительно за курьерами следило гестапо. Немецкие социал-демократы со своей стороны сохранили к Народному фронту, который добивался настоящего, хоть и неустойчивого сотрудничества с Францией и Испанией, такое же подозрительное отношение, как и к «Объединенному фронту», известной тактике коммунистов, направленной против них при Веймарской республике. Наследие вражды, зародившейся в 1919–1923 годах, оказалось слишком сильным, чтобы в Германии действительно началось сотрудничество¹⁰⁶.

В любом случае, к тому времени, когда Народный фронт заработал в полную силу, как коммунисты, так и социал-демократы уже сильно пострадали от гестапо. Массовые аресты, проведен-

ные в июне и июле 1933 года, заставили провести реорганизацию движения, но гестапо вскоре начало отслеживать новые организации и арестовывать их членов тоже. Судьба Дюссельдорфского отделения нелегального коммунистического сопротивления, судя по всему, была вполне типична. Большой промышленный центр, где у людей традиционно были радикальные взгляды, Дюссельдорф был оплотом Коммунистической партии, набравшей здесь 78 000 голосов на выборах в Рейхстаг в ноябре 1932 года, это на 8000 превысило результат нацистов и более чем вдвое — результат социал-демократов. Местная партийная ячейка сильно пострадала от арестов, последовавших после пожара и издания связанного с ним декрета, но под руководством 27-летнего Гуго Пауля партия реорганизовалась и стала стабильно выпускать листовки и заниматься пропагандой. Однако в июне 1933 года гестапо завладело документами партии и арестовало Пауля в доме человека, печатавшего листовки. Жестокими методами было проведено расследование, в ходе которого выяснились имена других активистов, и к концу июля было арестовано более девятнадцати из них. Тайное руководство партии в Берлине послало для Пауля несколько замен, часто меняя их, чтобы избежать разоблачения, и к весне 1934 года в местную организацию входило около 700 человек, они печатали внутренние бюллетени тиражом 4000—5000 копий и распространяли листовки, раскладывая их ночами по почтовым ящикам или разбрасывая с крыш зданий, таких как железнодорожные станции, банки, кинотеатры, гостиницы, с помощью приспособления под названием «попрыгунчик» (*Knallfrosch*). Особым своим успехом партия считала распространение язвительного текста, касающегося «Ночи длинных ножей».

Однако гестапо смогло превратить одного из тайных участников коммунистического движения Вильгельма Гатера в двойного агента, и вскоре после того, как в 1934 году, освободившись из тюрьмы, он снова вступил в местную коммунистическую партию, начались аресты — шестьдесят в центральном районе города, а затем еще пятьдесят в рабочем районе Фридрихштадта. Другие коммунисты, подвергшиеся аресту и пыткам, предпочитали покончить с собой, чем предать своих товарищей. При этом, несмотря на репрессии, убийство Рёма усилило оптимизм по поводу неминуемого крушения режима, и состав партии вы-

рос, достигнув 4000 в районах Нижнего Рейна и Рура вместе взятых. Но это не продлилось долго. Гестапо под руководством Гиммлера и Гейдриха становилось все более централизованным и эффективным, а аресты продолжались; важнее всего было то, что 27 марта 1935 года было взято под стражу все тайное национальное руководство коммунистической партии в Берлине. В результате местные и региональные группы потеряли руководителей и оказались дезориентированы, их боевой дух подорвало еще и растущее разочарование в ультралевом политическом курсе, к которому с конца 1920-х годов стремилась партия. Члены партии уходили или попадали под арест, и в результате тайная организация партии в Руре и Нижнем Рейне развалилась на части. К тому моменту, когда в июне 1935 года появился новый районный руководитель, она состояла лишь из нескольких изолированных групп. У него было мало времени, чтобы доложить обо всем находящемся за границей руководству, но вскоре пришла и его очередь оказаться под арестом¹⁰⁷.

Практически во всех остальных областях Германии происходило то же самое. Например, в Галле-Мерсебурге в начале 1935 года полицейский шпион привел гестапо на заседание районного руководства; арестованных пытали, чтобы заставить их выдать имена других членов; их документы были изъяты, последовали новые аресты, новые пытки, и затем арестовали еще 700 человек, полностью развалив местную организацию коммунистической партии и совершенно деморализовав немногочисленных оставшихся членов. Партийцы теперь были политически парализованы взаимными (и небезосновательными) подозрениями¹⁰⁸. Посредством тщательного сбора информации, обысков, жестоких допросов и пыток подозреваемых, прибегая к помощи шпионов и информаторов, к концу 1934 года гестапо смогло победить организованное сопротивление коммунистической партии, включая ее занимающуюся социальной поддержкой организацию «Красная помощь» (*Rote Hilfe*), которая помогала семьям попавших в тюрьму и погибших в тяжелые времена. С этого момента собираться могли только маленькие группы коммунистов, не имеющие формальной организации, а во многих местах не существовало даже и таких групп¹⁰⁹. Они практически прекратили свои попытки поднять массы на борьбу и вместо этого

стали просто готовиться к тому времени, когда нацизм наконец падет. Из всех групп, продолжавших сопротивление нацизму в первые годы существования Третьего рейха, коммунисты были самыми упорными и бесстрашными. В результате они заплатили самую высокую цену¹¹⁰.

У коммунистов, нашедших убежище от репрессий в Советском Союзе, участь была не намного лучше, чем у их товарищей, оставшихся в Германии. Нарастающая угроза фашизма в Европе, неудачная сельскохозяйственная коллективизация в России и на Украине, трудности и тяготы подгоняемого промышленного роста — все это вызывало у советского правительства нарастающую паранойю. Когда в 1934 году был убит один из самых выдающихся и популярных представителей молодого поколения большевистских лидеров Сергей Киров, очевидно, при участии членов большевистской партии, советский вождь Иосиф Сталин начал организовывать массовые аресты большевиков, запустив, таким образом, масштабную чистку, которая стала быстро набирать обороты. Вскоре коммунистов, занимавших руководящие посты, начали тысячами арестовывать и расстреливать, на показательных судах, предаваемых широкой огласке, их заставляли признаваться в невероятных преступлениях — изменах и попытках свержения власти. Чистка быстро распространилась в ряды партии, где чиновники и обычные члены соревновались друг с другом, донося на предполагаемых предателей-заговорщиков в своих собственных рядах. «Архипелаг ГУЛаг» протянулся через самые негостеприимные области Советского Союза, прежде всего Сибирь, и к концу 1930-х годов он был готов лопнуть от миллионов заключенных. Было установлено, что со времени, когда Сталин пришел к власти, и до его смерти в 1953 году в Советском Союзе было расстреляно больше чем три четверти миллиона человек и как минимум два и три четверти миллиона человек погибло в лагерях¹¹¹.

В этой атмосфере страха и взаимных обвинений все, что выбивалось из обычного порядка вещей, могло стать причиной для ареста, заключения, пыток и казни. Если человек как-либо контактировал с иностранным правительством или даже просто жил до этого в другой стране, он вызывал подозрения. Вскоре в ходе этих чисток немецких коммунистов начало засасывать в разру-

шительный водоворот. Тысячи коммунистов из Германии, искавших в сталинской России убежища, были арестованы, отправлены в лагеря или сосланы в Сибирь. Более 1100 из них приписали различные преступления, сталинская тайная полиция пыталась их, а затем они на длительное время были отправлены в лагерь с тяжелейшими условиями. Многих из них казнили. В число убитых входили некоторые действующие или бывшие члены политбюро: Гейнц Нейман, бывший руководитель пропаганды, чьи призывы к применению жестокости в 1932–1933 годах были отвергнуты политбюро, Гуго Эберлейн, друживший с Розой Люксембург, чья критика в адрес Ленина не привела в Советском Союзе к хорошим последствиям, и Герман Реммеле, в 1933 году имевший неосторожность сказать, что захват власти нацистами означал поражение рабочего класса. Из сорока четырех коммунистов, принадлежавших с 1920 по 1933 год к политбюро немецкой коммунистической партии, в сталинских чистках в России погибло больше, чем в руках гестапо и нацистов в Германии¹¹².

«Враги народа»

I

Арестованный за поджог Рейхстага 27–28 февраля 1933 года молодой голландский анархист Маринус ван дер Люббе, должно быть, знал, что ему никогда не покинуть тюрьмы живым. Гитлер действительно сказал именно так. Он объявил, что виновные будут повешены. Но эти слова тут же вызвали у него трудности с законом. Повешение было излюбленным способом казни на его родине в Австрии, но не в Германии, где в течение почти целого века применялось исключительно обезглавливание. Более того, немецкий уголовный кодекс не подразумевал смертного наказания за поджог, если при этом нет погибших, а в результате того, что совершил ван дер Люббе, никто не погиб. Отбросив в сторону щепетильность юрисконсультов и бюрократов из Имперского министерства юстиции, кабинет убедил президента Гинденбурга издать 29 марта 1933 года декрет, по которому задним чис-

лом назначалась смертная казнь за преступления, включающие заговор и поджог, совершенные начиная с 31 января, когда Гитлер официально вступил в должность. Некоторые газеты еще осмеливались писать, что это было покушением на фундаментальные принципы закона, в частности на то, что наказание не может задним числом назначаться за преступления, не предполагавшие таких наказаний в момент их совершения. Если бы за поджог назначалась смертная казнь в то время, когда ван дер Люббе совершал свое преступление, это могло бы удержать его от такого поступка. Теперь, совершая преступление, никто не мог быть уверен, каким будет наказание¹¹³.

Гитлер и Геринг не только были твердо намерены казнить ван дер Люббе, они также хотели повесить вину за поджог на Коммунистическую партию Германии, которую они успешно объявили вне закона, основываясь на утверждении, что за попыткой поджога стояла именно она. Поэтому 21 сентября 1933 года, чтобы ответить на обвинения в поджоге и государственной измене, перед судом рейха в Лейпциге предстал не только ван дер Люббе, но также Георгий Димитров, болгарский руководитель западноевропейского бюро Коммунистического интернационала в Берлине, два члена его команды и руководитель коммунистической фракции Рейхстага Эрнст Торглер. Председательствовал в суде консервативно настроенный судья, бывший политик из Народной партии Вильгельм Бюнгер. Но Бюнгер, при своих политических предрассудках, был человеком старой закалки и строго придерживался буквы закона. Димитров защищался находчиво и ловко, и когда Германа Геринга вызвали давать показания, Димитров заставил его выглядеть полным дураком. Сочетая свою компетентность в судебном деле со страстной риторикой коммуниста, Димитров смог добиться оправдания всех обвиняемых кроме самого ван дер Люббе, которого гильотинировали вскоре после этого. Трех болгар тут же опять арестовали, теперь это сделало гестапо, и выслали в Советский Союз; Торглер пережил войну и затем стал социал-демократом¹¹⁴.

Суд проявил осторожность и заключил, что Коммунистическая партия на самом деле хотела начать революцию и для этих целей планировала поджог, и что изданный после поджога Рейхстага декрет был оправдан, но что против Димитрова и других

коммунистов было недостаточно доказательств, чтобы признать их виновными¹¹⁵. Нацистское руководство было унижено. Ежедневная нацистская газета «Фёлькишер Беобахтер» назвала это нарушением правосудия, «демонстрирующим необходимость масштабной реформы нашей юридической жизни, которая во многом до сих пор следует по пути устаревшей, чуждой народу либеральной мысли»¹¹⁶.

За несколько месяцев Гитлер перевел дела о заговорах в компетенцию особой Народной судебной палаты, учрежденной 24 апреля 1934 года. Она должна была рассматривать политические преступления быстро и в соответствии с национал-социалистскими принципами; двоим профессиональным судьям, рассматривающим дело, должны были помогать трое судей, не являющихся профессионалами, из нацистской партии, СС, СА и других подобных организаций. Начиная с июня 1936 года, после некоторого периода, когда председатели все время сменяли друг друга, эту должность занял Отто Георг Тирак (1889 г.р.), нацист со стажем, в 1933 году назначенный министром юстиции Саксонии, а двумя годами позже — вице-президентом Имперской судебной палаты¹¹⁷. Тираку предстояло сыграть крайне важную роль в разрушении судебной системы во время войны. Он добавил в уже весьма политизированную судебную процедуру новый, идеологический аспект.

Тем временем продолжалась подготовка к суду над лидером Коммунистической партии Эрнстом Тельманом, после которого на приговоре коммунистам за попытку в 1933 году начать революционное восстание должна была быть поставлена последняя печать. Из обвинений было составлено досье, Тельману приписывалось планирование кампании, в которой использовался бы террор, взрывы, массовое отравление, взятие заложников. Однако суд пришлось отложить из-за нехватки убедительных доказательств. Тельман как бывший лидер одной из немецких политических партий был весьма важной персоной, и поэтому за разрешением присутствовать на суде обращалось более тысячи иностранных журналистов. А это уже дало режиму паузу, чтобы подумать. Тельман вполне мог попытаться обернуть суд себе на пользу. Решение о смертном приговоре было принято еще до суда. Однако, вспоминая опыт суда после поджога Рейхстага, нацистское руко-

водство, особенно Геббельс, боялись устраивать очередной большой показательный суд. Поэтому нацистское руководство в итоге сочло более безопасным держать Тельмана под превентивным арестом изолированным, в темной камере в государственной тюрьме Моабит, в Берлине, затем в Ганновере и Бауцене, без официального решения суда. Коммунистическая партия использовала его заключение по максимуму, формально оставив его на посту председателя. Когда в 1934 году коммунисты, переодетые эсэсовцами, попытались вызволить его из тюрьмы, в последнюю минуту их операция провалилась, так как в ряды группы влился агент гестапо. За Тельманом внимательно наблюдали, его переписка с семьей подвергалась цензуре, и шансов на побег у него не было. Он так и не предстал перед судом, и формально ему не предъявлялось никаких обвинений. Он оставался в тюрьме, а по всему миру коммунисты и их сторонники постоянно организовывали международные кампании за его освобождение¹¹⁸.

Лишенная возможности устроить показательный суд над Тельманом, Народная судебная палата предпочла сначала хотя бы разобратся с менее громкими преступлениями. Ее целью было судить быстро, не обращая большого внимания на правила, что в данном случае сводило к минимуму гарантию защиты прав ответчика. В 1934 году суд утвердил 4 смертных приговора; в 1935 году эта цифра выросла до 9; в 1936 году — до 10; все эти приговоры, кроме одного, были приведены в действие. Однако когда в 1936 году в должность вступил Тирак, Народная судебная палата стала намного жестче, приговорив к смерти 37 человек в 1937 году, из них были казнены 28 человек, а в 1938-м — 17 человек, казнены были все кроме одного¹¹⁹. С 1934 по 1939 год перед народным судом предстали 3400 человек, почти все они были коммунистами или социал-демократами, те, кого не казнили, получили в среднем по шесть лет тюрьмы¹²⁰.

Народная судебная палата венчала всю новую систему «особых судов», организованную для того, чтобы разбирать политические преступления, часто весьма банальные, такие как, например, шутки про вождя. В этом, как и во многом другом, нацисты были не особо изобретательны, они просто копировали структуры подобных организаций, существовавших ранее, прежде всего «Народных судов», учрежденных в Баварии во время Белого Тер-

рора после неудавшейся революции 1919 года. На их суммарную юрисдикцию не было никаких жалоб¹²¹. Но у народной судебной палаты и у Особых судов не было монополии на политические дела. В период с 18 марта 1933 года по 2 января 1934 года обычными судами за участие в заговоре было осуждено 2000 человек; вдвое большее количество человек находилось в это время в повторном заключении. Сюда входили многие известные и не очень коммунисты и социал-демократы. Таким образом, новые суды, каждый из которых имел формальный юридический статус, работали параллельно с устоявшейся судебной системой, и входящие в эту систему суды также разбирали многие виды политических преступлений.

На самом деле было бы ошибкой считать, что обычные суды не претерпели значительных изменений с приходом диктатуры нацистов. Изменения произошли. Уже в первый полный год пребывания Гитлера в должности канцлера различными судами было вынесено в общей сложности 67 смертных приговоров по делам о политических преступлениях. Высшая мера наказания, которую в 1928 году благополучно упразднили, а затем в 1930-м снова ввели, но лишь за немногие преступления, теперь успешно применялась не только за убийство, но даже в большей степени за различные политические преступления. В 1933 году произошло 64 казни, в 1934 году — 79, в 1935-м — 94, в 1936-м — 68, в 1937-м — 106, в 1938-м — 117, подавляющее большинство из них было предано широкой огласке, по всему городу, в котором происходило преступление, Геббельс приказывал вывешивать яркие красные плакаты. Церемонии, которыми до этого сопровождалась казни, проводившиеся внутри городских тюрем, были отменены, и в 1936 году Гитлер лично издал указ о том, чтобы ручная секира, традиционная в Пруссии, но подвергающаяся резкой критике со стороны работников закона, включая и выдающихся нацистских юристов, была повсеместно заменена гильотиной¹²².

Прежде всего смертные приговоры прибегали для коммунистов, их применяли как к активистам «Союза красных фронтовиков», вызывавших враждебность у нацистов во время уличных погромов начала 1930-х годов, так и к членам Коммунистической партии, которые пытались бороться с нацистами при Третьем рейхе и обычно ограничивались тем, что печатали и распростра-

няли критические листовки и проводили секретные, по изначаль-
ному замыслу, собрания, где составляли заговоры по свержению
режима. Первыми были обезглавлены четыре молодых коммуни-
ста, арестованные по подозрению в участии в «Кровавом воскре-
сенье», произошедшем в Альтоне в июне 1932 года, когда несколь-
ко штурмовиков были застрелены — предположительно коммуни-
стами, а на самом деле запаниковавшими прусскими полицей-
скими, — когда они проходили по району прусского города, в ко-
тором жило много коммунистов. Осужденные Особым судом
Альтоны по сфабрикованным обвинениям в подготовке воору-
женного восстания, они обратились к Герману Герингу с просьбой
о смягчении наказания. Местный прокурор посоветовал ему дать
отказ: «Приведение приговоров в исполнение наглядно проде-
монстрирует всем, кто проявляет коммунистические наклонно-
сти, всю серьезность их положения; это еще долго будет их предо-
стерегать и послужит средством устрашения¹²³». Приговор был
исполнен в срок, и казнь получила широкую огласку в прессе¹²⁴.
Дух чистой мести — вот чем было вызвано решение заставить че-
тырнадцать коммунистов, осужденных на другом массовом про-
цессе, свидетельствовать об обезглавливании ручной секирой чет-
верых их товарищей—«красных моряков» во дворе Гамбургской
тюрьмы в 1934 году на церемонии, на которой также присутство-
вали штурмовики, эсэсовцы и мужчины-родственники активис-
тов Нацистской партии, умерших в уличных схватках в 1932 году.
Так как коммунисты повели себя непокорно, выкрикивали поли-
тические слоганы и оказывали палачам физическое сопротивле-
ние, было решено никогда так больше не делать¹²⁵.

II

Подавляющее большинство судей и прокуроров не выражало
по поводу этих действий особых сомнений, хотя один из бюро-
кратов-консерваторов из Имперского министерства юстиции на
полях черновика статистики исполнения смертных приговоров
сделал пометку о том, что одному человеку, казненному 28 сен-
тября 1933 года, было только 19 лет, и что была выражена между-
народная озабоченность количеством помилований пригово-
ренных коммунистов, таких как бывший депутат Рейхстага Аль-

берт Кайзер, казненный 17 декабря 1935 года. Женщины теперь тоже могли оказаться на плахе, что было невозможно в Веймарской республике, первой среди таких женщин стала коммунистка Эмма Тиме, казненная 26 августа 1933 года. Она и многие другие стали жертвами целого ряда новых законов, предписывающих высшую меру наказания, сюда входит закон от 21 марта 1933 года, дающий право приговорить к смерти любого, кого признают виновным в угрозе причинения вреда собственности с целью вызвать панику; закон от 4 апреля 1933 года, предусматривавший смертную казнь за акты саботажа; закон от 13 октября 1933 года, карающий смертью за преднамеренное убийство любого государственного или партийного чиновника, и другой, пожалуй самый значимый из всех названных, закон от 24 апреля 1933 года, вводивший обезглавливание как наказание для любого, кто планировал изменить конституцию или силой отделить любую часть Германии от рейха, или участвовал в заговоре с такой целью. То есть каждый, распространявший листовки («планирование»), критикующие диктаторскую политическую систему («конституцию»), теперь мог быть казнен; а на основании закона, принятого 20 декабря 1934 года, при особых обстоятельствах это могло произойти и с теми, кто произносил «ненавистнические» высказывания, в том числе шулки, о людях, занимающих высшие посты в партии и в государстве¹²⁶.

Руководил этим восстановлением и расширением применения высшей меры наказания имперский министр юстиции Франц Гюртнер, который был не нацистом, а консерваторм, в 1920 году он занимал пост министра юстиции Баварии и уже успел побывать имперским министром юстиции в кабинетах Папена и Шлейхера. Как и большинство консерваторов, Гюртнер горячо поддержал силовые методы устранения беспорядков, происходивших в 1933 и 1934 годах. После «Ночи длинных ножей» он занимался подготовкой законодательства, задним числом санкционирующего убийства, и пресек попытки некоторых местных обвинителей начать против убийц судебные разбирательства. Гюртнер верил в эффективность писаного права, каким бы драконовским оно ни было, он быстро организовал комиссию, которая исправила Имперский уголовный кодекс 1871 года с учетом особенностей Третьего рейха. Как выразился один из чле-

нов комиссии, криминолог Эдмунд Мезгер, их целью было объединить «принцип ответственности личности перед своим народом и принцип расового совершенствования народа как целого»¹²⁷. Комиссия заседала по многу часов и составляла объемистые проекты, но она была не в состоянии поспевать за той скоростью, с которой совершались уголовные преступления, и юридический педантизм ее рекомендаций был совсем не по душе нацистам, которые никогда им не следовали¹²⁸.

Тем временем судебная система испытывала все большее давление со стороны нацистов, которые жаловались, как, например, Рудольф Гесс, на «абсолютно не национал-социалистические тенденции» в некоторых судебных решениях. Прежде всего по жалобам Рейнгарда Гейдриха суды общей юрисдикции продолжали выносить «врагам государства» приговоры, «слишком мягкие по нормальным народным ощущениям». Для нацистов целью закона было не применение устоявшихся принципов правды и справедливости, а искоренение врагов государства и выражение истинного расового чувства людей. Как утверждалось в манифесте, выпущенном в 1936 году под именем Ганса Франка, имперского комиссара юстиции и главы Национал-социалистической лиги юристов: «Судья не ставится над гражданами как представитель государственной власти, но является членом живого германского общества. Он не призван навязывать закон, стоящий выше народного сообщества, или систему всеобщих ценностей. Его задача — охранять определенный порядок в расовом сообществе, устранять опасные элементы, преследовать все вредные для сообщества действия и разрешать разногласия между членами сообщества. Национал-социалистическая идеология, в особенности выраженная в программе партии и в речах нашего вождя, является основанием для интерпретации юридических источников»¹²⁹.

Но суды общей юрисдикции, судьи и прокуроры, какое бы суровое наказание они ни назначали коммунистам и другим политическим преступникам, никогда не следовали этому принципу до конца, ведь это бы потребовало отмены всех правил правосудия и превращения уличной жестокости периода до 1933 года в государственный принцип.

Никак не противясь полиции и СС, выводящих преступников за рамки судебной системы, не жалуясь на склонность геста-

по арестовывать заключенных сразу же после их освобождения из-под стражи и помещать их прямо в концентрационные лагеря, руководители судебных, юридических и карательных служб с радостью сотрудничали в этом всеобщем процессе низвержения нормы права. Государственные обвинители передавали преступников в лагеря, когда им не хватало доказательств или когда они не могли предстать перед судом по какой-либо другой причине, например, из-за того, что были слишком молоды. Судебные чиновники выпускали положения, предписывающие начальникам тюрем рекомендовать опасных заключенных (в особенности коммунистов) для помещения их под превентивный арест, что они и делали с тысячами осужденных. Например, в одной тюрьме, в Луккау, в группе из 364 заключенных, выбранных для исследования одним историком, 134 человека по четкой рекомендации руководства тюрьмы, как только они отбыли свое наказание, были переданы в гестапо¹³⁰. Работу этого принципа продемонстрировал начальник тюрьмы в Унтермассфельд, писавший 5 мая 1936 года тюрингскому гестапо про Макса К., типографского рабочего, которого в июне 1934 года приговорили к двум годам и трем месяцам заключения за его причастность к коммунистическому подполью. К. хорошо вел себя в тюрьме, но начальник тюрьмы и ее сотрудники проверили его семью и связи и не поверили, что он начал жизнь с нового листа. Он общал гестапо:

«В тюрьме К. не привлекал к себе особого внимания. Но учитывая его прошлую жизнь, я не могу поверить, что он поменял свои убеждения, и я полагаю, что как большинство ведущих коммунистов, он просто с помощью хитрого расчета старался избежать неприятностей. Я нахожу совершенно необходимым взять этого активного коммунистического лидера под превентивный арест, когда закончится срок его заключения»¹³¹.

На самом деле К. был только рядовым участником коммунистического движения, а вовсе не одним из руководителей. Но письмо, отправленное за 12 недель до его освобождения, оказало свое воздействие, и когда 12 июля 1936 года он вышел из тюрьмы, у тюремных ворот его ждало гестапо: на следующий день он уже был доставлен в концентрационный лагерь. Иногда некоторые тюремные чиновники старались отметить хорошее поведе-

ние и изменившийся характер таких заключенных, но если полиция считала, что они по-прежнему представляют угрозу, то это уже мало на что влияло. Вскоре эта система тюремных доносов распространилась также и на другие категории людей. Только в 1939 году министерство юстиции рейха потребовало прекратить помещение заключенных под превентивный арест по рекомендации, практику, которая, по всей очевидности, подрывала самые основы независимости судебной системы. Но это было бесполезно. Тюремные чиновники продолжали информировать полицию о датах выхода заключенных на свободу, они отдавали полиции камеры или даже целые блоки государственных тюрем для того, чтобы вместить тысячи заключенных, находящихся под «превентивным арестом» без официального предъявления обвинения и без всякого суда, и это происходило не только в период неразберихи и массовых арестов марта—июня 1933 года¹³².

Попытки судебного аппарата сохранить для себя некоторую степень автономии в решении вопросов с преступниками редко приводили к заметному результату. Гюртнеру удалось остановить перевод заключенных в концентрационные лагеря до окончания срока заключения, но у него не было принципиальных возражений против их перевода после окончания этого срока, он возражал только против формального участия в этом деле тюремных властей. Нескончаемый шквал критики, которую эсэсовцы обрушивали на судебные органы за их мягкость, не привел к увольнению или принужденному выходу на пенсию ни одного из судей. Судебную беспредметность позиции Гюртнера и тщетность попыток судебного аппарата сопротивляться вмешательству СС хорошо иллюстрирует кампания Министерства юстиции против жестокости полицейских допросов. С самого начала существования Третьего рейха после серии допросов, проводимых полицией и гестапо, заключенные часто возвращались в свои камеры избитыми, с синяками и тяжелыми повреждениями, что не могло уйти от внимания адвокатов, родственников и друзей. Министерство юстиции сочло эту практику сомнительной. Репутация правоохранительного аппарата в Германии от этого явно не выигрывала. После долгих переговоров на заседании, прошедшем 4 июня 1937 года, был найден компромисс, полиция и министерство юстиции сошлись на том, что такие самовольные избиения должны

прекратиться. Было решено, что впредь допрашиваемый может получить максимум 25 ударов в присутствии врача и для этого должна использоваться «стандартная трость для битья»¹³³.

III

Традиционная судебная и пенитенциарная система Третьего рейха наряду с осуществлением новых репрессий полицейского государства также продолжала разбирать обычные, неполитические, преступления — воровство, грабежи, убийства и т.д. Здесь также начинала чаще использоваться высшая мера наказания, так как новая система перешла к применению смертных приговоров, которые были вынесены в последние годы существования Веймарской республики, но не приводились в исполнение из-за нестабильности политической ситуации в начале 1930-х годов. Нацисты пообещали, что больше не будет долгого ожидания казни, когда рассматриваются прошения о помиловании. «Минули дни фальшивой и приторной сентиментальности», удовлетворенно объявила в мае 1933 года одна ультраправая газета. К 1936 году около 90% вынесенных судами смертных приговоров были приведены в исполнение. Прокуроров и суды теперь подталкивали к тому, чтобы признавать любое причинение смерти предумышленным убийством, которое в отличие от непредумышленного каралось смертью, признавать всех преступников виновными и выносить самый суровый приговор, в результате чего количество смертных приговоров на 1000 человек взрослого населения увеличилось с 36 в 1928—1932 годах до 76 в 1933—1937 годах¹³⁴. Приводя в качестве доказательства работы криминологов за последние несколько десятилетий и отбрасывая в сторону все оговорки и неясности их основных положений, нацисты утверждали, что уголовные преступники — это по сути наследственные выродки, и их следует считать изгоями расы¹³⁵.

Последствия таких теорий для преступников, нарушивших уголовный кодекс, были крайне серьезными. Уже при Веймарской республике криминологи и полицейские силы, рассматривая предложения заключать «закоренелых преступников» в тюрьму пожизненно, чтобы защитить от них общество, во многом пришли к согласию. 24 ноября 1933 года их желания были исполнены,

когда был принят Закон об особо опасных рецидивистах, позволявший судам приговаривать любого преступника, осужденного за три или более уголовно наказуемых деяния, к «заключению в целях безопасности» в государственной тюрьме после того, как у них заканчивался срок приговора¹³⁶. К октябрю 1942 года такие приговоры получили более 14 000 преступников. В их число входили люди, на тот момент еще отбывающие свое заключение, которых начальство тюрьмы порекомендовало приговорить задним числом — в некоторых тюрьмах, например в Бранденбургской, для этого было рекомендовано больше трети заключенных. И совершили они не серьезные, а, наоборот, на удивление ничтожные преступления — мелкое воровство, угон велосипедов, кражи в магазинах. Большинство из них были бедными людьми без постоянной работы, начавшие воровать во время инфляции и продолжившие во время депрессии. Например, типичным можно назвать случай с возчиком, родившимся в 1899 году: в 1920-х и начале 1930-х годов он отбыл множество тюремных заключений за мелкое воровство, включая 11 месяцев за угон велосипеда и 7 месяцев за кражу пальто. Каждый раз, когда его отпускали, он выходил в общество с пригоршней марок, полученных за работу в тюрьме; со своей репутацией он не мог ни получить работу во время депрессии, ни убедить службы социального обеспечения выдать ему пособие. В июне 1933 года его приговорили за то, что, напившись, он украл звонок, клей и несколько других мелочей, когда он отбыл свой срок, его задним числом приговорили к заключению «в целях безопасности» в Бранденбургской тюрьме; оттуда он уже никогда не вышел. Такая же судьба постигла многих других людей¹³⁷.

Условия в тюрьмах в Третьем рейхе становились все хуже и хуже. Нацисты все время критиковали веймарские тюремные власти за то, что они были слишком мягки с преступниками, баловали их едой и развлечениями, на которые они не могли рассчитывать на свободе. Этому не стоило удивляться, очень многие из них, от Гитлера и Гесса до Бормана и Розенберга, во времена Веймарской республики сидели в тюрьме, и из-за их националистических политических взглядов с ними обращались с нескрываемой снисходительностью. На самом деле условия в тюрьмах при Веймарской республике были весьма строги, и во многих из них господствовал военный подход к тюремной жизни¹³⁸. Однако де-

лались также и попытки ввести в некоторых местах более гибкую систему администрации с упором на образование, реабилитацию и поощрение за хорошее поведение. Теперь все это резко прекратилось, к немалому облегчению большинства надзирателей и представителей тюремного начальства, которым это с самого начала не нравилось. Руководителей-реформистов не мешкая увольняли, вводился новый, более жесткий режим. Быстрое увеличение числа заключенных приводило к проблемам с гигиеной, питанием и вообще бытовыми условиями. Пищевые рационы сокращались до тех пор, пока заключенные не стали жаловаться на потерю веса и острое чувство голода. Болезни кожи и заражение паразитами стали даже более распространены, чем при далеко не идеальных условиях, которые были там во время Веймарской республики. Тяжелый труд поначалу не входил в число основных приоритетов, так как считалось, что это нарушает схемы по созданию рабочих мест на свободе, но вскоре политика изменилась с точностью до наоборот, и к 1938 году до 95% заключенных были задействованы в принудительных работах. Многих заключенных держали в специально для этого построенных трудовых лагерях, управляемых государственной тюремной службой, наиболее известно об использовании заключенных на расчистке болотистых местностей, культивации неплодородных земель в районе Эмсланд на севере Германии, где около 10 000 заключенных выполняли изнурительную работу: перекапывали и осушали неплодородные территории. Условия здесь были даже хуже, чем в обычных государственных тюрьмах, заключенных постоянно избивали, пороли, натравливали на них охранных собак и даже убивали. Многие из охранников до этого были штурмовиками и работали в основном из подобных лагерей до того, как в 1934 году они перешли к Министерству юстиции. Их отношение к делу повлияло и на других сотрудников, которые приходили в последующие годы. Здесь, в отличие от других лагерей, жестокость и произвол первых концентрационных лагерей 1933 года продолжались и в середине, и в конце 1930-х годов, так как начальство сверху никак в это не вмешивалось¹³⁹.

В обычных государственных тюрьмах и исправительных домах с 14 мая 1934 года согласно новым правилам вводились определенные изменения местного и регионального уровня, кото-

рые отменяли привилегии и вводили новые наказания для непокорных заключенных. Целями тюремного заключения теперь были объявлены возмездие и устрашение. Воспитательные программы сокращались и приобрели более ярко выраженный нацистский характер. Спорт и игры были заменены военной муштровкой. Жалобы заключенных теперь рассматривались более жестко. Преступник со стажем, который сидел в одной камере с политическим заключенным, коммунистом Фридрихом Шлоттербеком, без сомнения, испытал на себе условия тюремной жизни и степень, до которой они ухудшились. Старый зэк рассказал своему новому сокамернику: «Сначала они отпилили спинки у скамеек в обеденном зале. Они сочли это слишком удобным. Это нас портило. Позднее они вообще упразднили обеденный зал. Раньше по воскресеньям иногда проводились концерты или лекции с показом слайдов. Больше их не бывает. Еще из библиотеки убрали многие книги... Еда стала хуже. Ввели новые наказания. Например, семь дней в одиночной камере на хлебе и воде. Ощущения после того, как испробовал такое наказание, не самые приятные. Еще тебя помещают в карцер в цепях, скованного по рукам и ногам. Но хуже всего, если руки и ноги сковывают у тебя за спиной, тогда ты можешь только лежать на животе. Правила, по сути, не изменились. Просто они теперь строже выполняются»¹⁴⁰.

Проведя несколько лет в тюрьме, Шлоттербек лично увидел, что наказания постоянно ужесточались и применялись все чаще, несмотря на то, что большинство тюремщиков были старыми профессионалами, а не только что назначенными нацистами¹⁴¹. Многие руководители тюрем были недовольны отменой веймарских реформ. Они до сих пор хотели вернуться к былым дням периода Империи, когда в тюрьмах были широко распространены телесные наказания. Однако их желание вернуть тот порядок вещей, который казался им таким правильным, во многих государственных тюрьмах не могло осуществиться из-за значительного переполнения этих тюрем. Ситуация не улучшилась и тогда, когда в 1938 году в качестве помощников тюремщиков было нанято более 1000 нацистов, ветеранов уличных драк. Хоть они и были благодарны за предоставленную им работу, привить им какую-либо дисциплину оказалось невозможным. К государственным вла-

стям они относились с презрением и были слишком склонны к постоянному проявлению жестокости с использованием такого несвойственного для тюрем оружия, как резиновые дубинки¹⁴².

Тем, кого подвергли «заключению в целях безопасности», было особенно тяжело. Им назначили девять часов в день тяжелого труда и установили строгие военные порядки. В тюрьме они были пожизненно, и по мере того, как они старели, эти условия становились для них все более тяжелы. К 1939 году более четверти заключенных уже были старше пятидесяти лет. Все более распространенными становились членовредительство и суицид. «Мне не протянуть здесь еще трех лет, — писала в 1937 году одна заключенная своей сестре, — да, я украла, но, дорогая моя сестра, я скорее покончу с собой, чем останусь погребенной здесь заживо»¹⁴³. Новые законы и расширившиеся полномочия полиции в 1933 году увеличили среднее количество заключенных разных типов в государственных тюрьмах на 50%, а в конце февраля 1937 года оно достигло своего пика — 122 000 человек, для сравнения — десять лет назад их было только 69 000¹⁴⁴. В своей политике против преступности нацисты отнюдь не руководствовались разумным стремлением сократить количество обычных преступлений, таких как кражи и проявления жестокости, хотя от пожилых немцев в послевоенные годы нередко можно было услышать, что, какова бы ни была вина Гитлера, он хотя бы сделал улицы безопасными для честных граждан. На самом деле в августе 1934 года и апреле 1936-го были объявлены амнистии на нетяжкие, неполитические, уголовные преступления, оставившие не больше 720 000 судебных разбирательств, за которые назначили бы небольшие тюремные заключения или штрафы. Нацисты были заинтересованы в аресте вовсе не таких преступников. Однако так называемые закоренелые преступники под такие амнистии не попадали, что еще раз указывало на произвол тюремной системы у нацистов¹⁴⁵.

Одновременно издавались новые законы и декреты, объявлявшие какие-либо деяния преступными, некоторые из них имели обратную силу. Одной из важнейших целей создания этих законов была пропаганда. Так, например, в 1938 году Гитлер издал новый закон, по которому разбой на дорогах задним числом стал караться смертью после того, как в 1938 году двоих человек

признали виновными в этом преступлении и приговорили их к тюремному заключению. В результате их отправили на гильотину¹⁴⁶. Всем видам преступлений придавался политический или идеологический оттенок, и даже вора и карманникам приписывали наследственное вырождение, а такие размыто сформулированные преступления как «ропот», или «безделье», стали основанием для заключения на неопределенный срок. Наказания все сильнее начинали не соответствовать преступлениям, а служили для того, чтобы защищать предполагаемые всеобщие интересы «расового сообщества» в условиях, когда наблюдались отклонения от установленных нацистами норм. Полиция, прокуратура и суды все чаще относили целые категории людей к наследственным преступникам, пренебрегая законами, арестовывали таких людей тысячами и приговаривали без всякого суда.

Такие девиантные и маргинальные, но более или менее принятые обществом профессии, как проституция, также стали считаться «асоциальными» и попадали под те же санкции.

Размытые и нечеткие законы и декреты позволяли полиции проводить аресты и задержания почти без ограничений, в то время как суды не сильно отставали, принимая политику подавления и контроля, при том что режим постоянно критиковал их за то, что они якобы были слишком мягки. И все это активно поддерживали, только с небольшими и нередко чисто техническими оговорками, многие криминологи, специалисты по наказаниям, юристы, судьи и разнообразные профессиональные эксперты — такие как криминолог, профессор Эдмунд Мезгер, член комиссии, ответственной за подготовку нового уголовного кодекса, который в учебнике, опубликованном в 1933 году, объявил, что целью карательной политики было «исключение из расового сообщества элементов, вредящих народу и расе»¹⁴⁷. Как показывает высказывание Мезгера, преступность, девиантное поведение и политическая оппозиция были для нацистов разными аспектами одного и того же явления, проблема, как они называли ее, «чужеродных элементов в сообществе» (*Gemeinschaftsfremde*), людей, которые по каким-либо причинам не являлись «товарищами по народу» (*Volksgenossen*) и поэтому должны были быть силой изолированы от общества. Ведущий полицейский эксперт того периода Пауль Вернер обобщил эту мысль в 1939 году, объ-

явив, что только те, кто полностью интегрировался в «расовое сообщество», могут получить полные права его членов; любой, кто был хотя бы просто «безразличен» к этому, действовал «с позиций преступного или асоциального менталитета» и потому был «преступным врагом государства», и полиции следовало «сразиться» с такими людьми и «сломить» их¹⁴⁸.

Инструменты террора

I

Систематизация нацистского механизма подавления и контроля, проводимая под эгидой СС Генриха Гиммлера, оказала ощутимое влияние на концентрационные лагеря¹⁴⁹. В первые месяцы 1933 года в период захвата власти было наспех построено по меньшей мере 70 лагерей, наряду с неизвестным, но вероятно даже бóльшим количеством пыточных и маленьких тюрем, принадлежавших штурмовым отрядам. В то время в них находилось 45 000 узников, которых тюремщики избивали, пытали и подвергали унижительным ритуалам. В результате такого жестокого обращения погибли 700 человек. Подавляющее большинство из них были коммунистами, социал-демократами и членами профсоюзов. Однако большинство из этих первых концентрационных лагерей и неофициальных пыточных было закрыто во второй половине 1933 года и первые два или три месяца 1934 года. Один из самых печально известных лагерей, дикий концлагерь, организованный в верфи Вулкан в Штеттине, был закрыт в феврале 1934 года по приказу прокуратуры. Некоторые офицеры СС и СА, руководившие пытками, предстали перед судом и получили значительные сроки. Как раз перед этим после ряда официальных и неофициальных амнистий множество напуганных и измученных заключенных оказались на свободе. Только 31 июля 1933 года была освобождена треть всех узников лагеря. К маю 1934 года осталось только четверть от того количества заключенных, которое было там в предыдущем году, и режим начинал регулировать и систематизировать условия содержания тех, кто остался в лагере¹⁵⁰.

Незадолго до этого, в июне 1933 года, баварская прокуратура выдвинула обвинения против коменданта Дахау Векерле, а также врача и начальника администрации лагеря за соучастие в убийстве заключенных¹⁵¹. Гиммлер непосредственно участвовал в назначении Векерле и составлении правил для лагеря, хотя и не очень последовательно, 26 июня 1933 года ему пришлось уволить его и назначить нового коменданта. Это был Теодор Эйке, бывший полицейский с весьма сомнительным прошлым. Родившийся в 1892 году, Эйке был армейским казначеем, а затем охранником, а к концу 1931 года дослужился в СС до командира штурмбанна и под его началом находились 1000 человек. Однако в следующем году, когда его обвинили в подготовке терактов с использованием взрывчатки, ему пришлось бежать в Италию. Там он официально возглавил лагерь беженцев, а затем вернулся в Германию, чтобы принять участие в захвате власти нацистами. Но вскоре он сильно поссорился с Йозефом Бюркелем, гаулейтером Пфальца, который в результате отправил его в психбольницу; встревоженный Гиммлер устроил ему психиатрическую проверку, которая показала, что он здоров¹⁵². Один из его сотрудников в Дахау Рудольф Хёсс назвал его «упрямым нацистом старой закалки», который относился к заключенным первых концлагерей, а это были в основном коммунисты, как к «заклятым врагам государства, к которым нужно относиться со всей суровостью и которых нужно сломить при первой же попытке к сопротивлению»¹⁵³.

В июне 1933 года Гиммлер вспомнил, что Эйке довольно успешно организовал лагерь в Италии, и поставил его руководить Дахау. Позднее новый комендант обнаружил, что некоторые надсмотрщики в лагере коррумпированы, что он плохо оборудован, а мораль находится на весьма низком уровне. Не хватало «патронов, винтовок, не говоря уже об автоматах. Из всех сотрудников только трое могли обращаться с автоматом. Мои люди были расквартированы в зданиях фабрик, где постоянно стояли сквозняки. Повсюду царил нищета». Повсюду – это значило среди тюремщиков; но он не говорил ни о какой нищете среди заключенных. Эйке уволил половину из 120 человек, работавших в лагере, и назначил на их место других. В октябре 1933 года он издал всеобъемлющий свод правил, в котором в отличие от тех, что были ранее, устанавливались нормы поведения также и для охраны.

Благодаря этому там, где раньше царили жестокость и произвол, теперь начали устанавливаться порядок и единообразие. Эти правила оказались самыми что ни на есть драконовскими. Заключенные, обсуждавшие политику лагеря с целью «подстрекательства или распространения злонамеренной пропаганды», подлежали повешению. Саботаж, нападение на охранника, любой вид мятежа или неподчинение карались расстрелом. Менее серьезные нарушения влекли за собой ряд менее суровых наказаний. Сюда входило помещение в одиночную камеру на хлебе и воде на период, зависящий от совершенного нарушения; телесные наказания (двадцать пять ударов тростью); муштровка; привязывание к столбу или дереву на несколько часов; тяжелая работа; запрещение пользоваться почтой. Было еще дополнительное наказание, состоявшее в продлении срока заключения¹⁵⁴.

Система Эйке была направлена на то, чтобы исключить индивидуальные наказания и защитить офицеров и охранников от судебных обвинений, установив бюрократический аппарат, обеспечивающий письменное оправдание производимым наказаниям. Теперь можно было сказать, что там, где раньше были жестокость и произвол, теперь все вопросы подлежали формальному урегулированию. Например, избиения должны были проводиться несколькими эсэсовцами в присутствии остальных заключенных, и все наказания должны были письменно фиксироваться. Были установлены строгие правила, регулирующие поведение охранников-эсэсовцев. Они должны были вести себя по-военному. Им не подобало вступать в частные беседы с заключенными. Их обязали соблюдать выверенный с точностью до минуты порядок, когда они проводили ежедневные переклички, следили за заключенными в тюремной мастерской, отдавали команды и приводили в исполнение наказания. Заключенным выдали одинаковую униформу и назначили им четкие обязанности по поддержанию чистоты и порядка в их жилом пространстве. Также появилось санитарное и медицинское обеспечение, которого явно не было во многих лагерях в начале 1933 года. Кроме того, для заключенных была введена тяжелая непрерывная работа за пределами лагеря. Эйке установил среди сотрудников систематическое, иерархически организованное распределение труда. Охранники теперь должны были носить на

воротничках специальную эмблему: «мертвую голову». Вскоре под этим названием были созданы особые формирования СС, ставшие автономными в 1934 году. Это символизировало доктрину Эйке о крайней суровости к заключенным. Как позднее вспоминал Рудольф Хёсс:

«Эйке хотел с помощью постоянных инструкций и подходящих приказов, касающихся опасных криминальных наклонностей заключенных, настроить своих эсэсовцев агрессивно по отношению к узникам тюрьмы. Они должны были «обращаться с ними жестко» и раз и навсегда искоренить любое сочувствие к ним. Такими средствами ему удалось воспитать в простодушных людях такую ненависть и неприязнь к заключенным, которую человеку со стороны трудно и вообразить»¹⁵⁵.

После того как Хёсс вступил в СС, Гиммлер, с которым они познакомились в Союзе «Крови и почвы», предложил ему присоединиться к соединениям СС «Мертвая голова» — охранникам концентрационных лагерей в Дахау. Здесь его привычка к дисциплине и трудолюбие помогли ему быстро продвинуться в должности. В 1936 году он получил офицерское звание и стал отвечать за склады и имущество заключенных.

Сам некогда будучи заключенным государственной тюрьмы, Хёсс позднее писал, что для большинства узников концентрационных лагерей самым тяжелым психологическим бременем была неопределенность их срока. Если преступник, отбывающий заключение в тюрьме, знал, когда его освободят, то для узника концлагеря освобождение зависело от капризов специальной комиссии, собиравшейся раз в квартал, и любой из охранников-эсэсовцев мог поспособствовать продлению этого срока. В том лагерном мире, который создал Эйке, охранники могли чувствовать себя весьма вольготно. Подробно проработанные правила давали охранникам разнообразнейшие возможности применять по отношению к заключенным жестокость за действительные или предполагаемые нарушения на всех уровнях. Эти правила были установлены во многом для того, чтобы юридически оправдать такое запугивание заключенных. Хёсс сам говорил о том, что не может видеть жестоких наказаний, избиений, бичевания, которые проводились с заключенными. Он с неприязнью писал о «вульгарных, злобных, отвратительных, недоразвитых

тварях» среди охранников, которые компенсировали свое чувство неполноценности, вымещая свою злость на заключенных. Дух ненависти стоял повсюду. Хёсс, как и многие другие охранники-эсэсовцы, считал, что здесь насмерть сцепились два враждующих мира, коммунисты и социал-демократы с одной стороны и СС с другой. Правила Эйке гарантировали победу последних¹⁵⁶. Неудивительно, что, реорганизовав Дахау, Эйке заслужил поощрение со стороны Гиммлера, который 4 июля 1934 года назначил его инспектором концентрационных лагерей всего рейха. 11 июля Эйке получил высшее звание группенфюрера, как и Гейдрих, глава Службы безопасности¹⁵⁷. Принцип, по которому Эйке систематизировал режим концентрационного лагеря, стал использоваться во всех немецких лагерях. Так как убийства, совершаемые охранниками лагеря, привлекали внимание государственных прокуроров, Эйке издал тайный приказ не приводить в исполнение высшую меру наказания за серьезные нарушения; она должна была остаться как мера «устрашения». Количество самовольно произведенных убийств стало резко сокращаться, хотя этому поспособствовало еще и общее уменьшение числа заключенных. Количество смертей в Дахау снизилось с 24 в 1933 году до 14 в 1934 (не считая тех, кого расстреляли в ходе чистки СА), 13 в 1935 году и 10 в 1936-м¹⁵⁸.

Точно так же, как он захватывал контроль и централизовал полицейские подразделения по всей Германии, в 1934 и 1935 году Гиммлер перевел концентрационные лагеря под контроль СС, в этом ему помогло то, что после «путча Рёма» СС стали мощнее и влиятельнее. К этому времени за решеткой осталось только 3000 человек, а это означало, что диктаторский режим обеспечил себе более или менее надежную базу. Наряду с систематизацией шел еще и параллельный процесс централизации. В 1935 году были ликвидированы лагеря Ораниенбург и Фульсбюттель, в 1936 году — Эстервеген, в 1937 году — Заксенбург. В августе 1937 года в Германии было уже только четыре концентрационных лагеря: Дахау, Заксенхаузен (куда в следующем году был переведен Хёсс), Бухенвальд и Лихтенбург, последний предназначался для женщин. Это отчасти означало, что режим чувствовал себя все более уверенно, а левая оппозиция была благополучно повержена. Было принято решение, что социал-демократы и коммунисты полу-

чили свой урок, и за период с 1933 по 1936 год их выпустили на свободу. Те, кто остался под стражей, либо были слишком выдающимися людьми, чтобы их выпускать, как, например, бывший лидер коммунистов Эрнст Тельман, либо считались ядром движения и могли продолжить борьбу в случае их освобождения. Относительно небольшие цифры также указывали на то, что режим успешно подчинил себе государственную судебную и пенитенциарную систему, так что после закрытия маленьких лагерей и пыточных, организованных СА в 1933 году, действительные и предполагаемые враги Третьего рейха направлялись в основном именно в официальные государственные тюрьмы. Например, летом 1937 года общее количество политических заключенных в лагерях казалось абсолютно незначительным по сравнению с 14 000 человек, которых официально обвинили в политических преступлениях и держали в государственных тюрьмах. После жестокостей и репрессий, которые так обширно применялись в 1933 году, теперь с нарушителями политических норм Третьего рейха разбиралось уже в основном государство, а не СС или СА¹⁵⁹. И здесь заключенных становилось меньше, политических преступников выпускали на свободу.

Победа над коммунистическим сопротивлением в середине 1930-х годов привела к тому, что количество приговоренных за государственную измену сократилось с 5255 человек в 1937 году до 1126 человек в 1939-м, соответственно, в государственных тюрьмах количество заключенных, считающихся политическими, сократилось с 23 000 в июне до 11 265 в декабре 1938 года¹⁶⁰. Но это было все-таки больше, чем в концентрационных лагерях; полиция, суды и система тюрем по-прежнему играли в политических репрессиях Третьего рейха более важную роль, чем СС и концентрационные лагеря, по меньшей мере до начала войны.

К февралю 1936 года Гитлер одобрил новую систему, при которой гиммлеровские СС и гестапо должны были уже не только предотвращать возобновление сопротивления со стороны бывших коммунистов и социал-демократов, теперь, когда сопротивление рабочих было успешно сломлено, они должны были заняться очищением германской расы от нежелательных элементов. К ним относились прежде всего закоренелые преступники, люди, ведущие асоциальный образ жизни и вообще думающие и

поступающие не как нормальные «здоровые члены» общества. При этом евреев не относили к отдельной категории: целью было очистить германскую расу, как это понимали Гитлер и Гиммлер, от всех нежелательных и вырождающихся элементов. Таким образом, состав заключенных в лагерях стал меняться, и их количество стало расти. Например, в июле 1937 года 330 из 1146 заключенных Дахау были профессиональными преступниками, 230 были отправлены на трудовую повинность, а 93 были арестованы в рамках кампании баварской полиции против бродяжничества и попрошайничества. К тому времени 57% заключенных вообще не считались политическими, что резко контрастировало с ситуацией 1933–1934 годов¹⁶¹. Кардинальным образом менялась суть лагерей и их функции. Если раньше концентрационные лагеря были частью большой системы, включавшей также Народную судебную палату и Особые суды, призванной бороться с политической оппозицией, прежде всего с сопротивлением коммунистической партии, то теперь они стали инструментом расового и социального планирования. Концентрационные лагеря превратились в нечто вроде свалки для «расово выражающихся людей»¹⁶². Смена функций, а также то, что Гиммлеру удалось добиться иммунитета для охранников и служащих лагеря от судебного преследования за все, что они делали внутри периметра лагеря, привело к тому, что количество смертей среди заключенных резко возросло после относительного спада в середине 1930-х годов¹⁶³. В 1937 году в Дахау произошло 69 смертей, в семь раз больше, чем в предыдущем году, причем количество заключенных практически не изменилось и составляло примерно 2200. В 1938 году количество смертей в лагере снова резко возросло до 370 человек, при гораздо большем общем количестве узников, составлявшем 8000 человек. В Бухенвальде, где условия были намного хуже, в 1937 году на 2200 заключенных пришлось 48 смертей, в 1938-м из 7420 узников погиб 771, а в 1939 году из 8390 заключенных погибло ни много ни мало 1235 человек, на эти последние две цифры во многом повлияла эпидемия тифа, разразившаяся в лагере зимой 1938–1939 годов¹⁶⁴.

Борьба против людей, «чуждых сообществу», на самом деле началась сразу же в 1933 году, когда полиция арестовала несколько сотен «профессиональных преступников» во время первой из

нескольких операций, нацеленных помимо прочего на организованные преступные группировки в Берлине¹⁶⁵. В сентябре 1933 года 100 000 нищих и бродяг были арестованы в рамках «Имперской недели нищих», начавшейся одновременно с первой программой Зимней помощи, заключавшейся в сборе добровольных пожертвований безработным и нуждающимся, это замечательно иллюстрировало то, как в новом рейхе сочетались друг с другом социальная поддержка и применение силы¹⁶⁶. Подобные нарушители, как правило, все-таки не оказывались в лагерях, но 13 ноября 1933 года в Пруссии те, кто совершил уголовные преступления или преступления сексуального характера, подлежали превентивному заключению в лагеря, 500 человек из них пробыли там до 1935 года. После того как полиция была централизована и перешла во власть СС, эта политика начала распространяться и приходила в систему. В марте 1937 года Гиммлер приказал арестовать 2000 так называемых профессиональных, или закоренелых, преступников, то есть осужденных несколько раз, независимо от того, насколько незначительны были их преступления; в отличие от тех, кто был «заключен в целях безопасности», чью судьбу определял суд, их отправляли прямо в концлагеря вообще без всякого судебного разбирательства. Изданный 14 декабря 1937 года декрет позволял арестовывать и заключать в концлагеря любого, кого режим и различные его органы, работающие теперь в более тесном, чем раньше, сотрудничестве с полицией, причисляли к асоциальным элементам. Вскоре после этого прусский и имперский министры внутренних дел расширили определение асоциального элемента до любого человека, чья позиция не соответствовала позиции расового сообщества, к ним относились в том числе цыгане, проститутки, сутенеры, нищие, бродяги и хулиганы. При некоторых обстоятельствах сюда могли входить даже нарушители дорожного движения, а также те, кто долгое время не имел работы, чьи имена полиция узнавала на биржах труда. Это объясняли тем, что найти работу в то время уже было вполне возможно, а значит, они просто не хотели работать и нуждались в перевоспитании¹⁶⁷.

В апреле 1938 года гестапо начало серию облав по всей Германии. Не обходили эти рейды и ночлежки вроде той, где Гитлер однажды нашел кров, когда еще до Первой мировой войны он

жил в Вене, был беден и не имел работы. К июню 1938 года только в лагере Бухенвальд было около 2000 таких людей. На этом этапе 13 июня криминальная полиция, выполняя приказ Гейдриха, начала другую серию облав на бродяг и нищих. Полиция также арестовывала безработных мужчин с постоянным местом жительства. Во многих областях они шли даже дальше инструкций Гейдриха и брали под стражу всех безработных мужчин. Гейдрих приказал произвести по 200 арестов в каждом полицейском округе, но франкфуртская полиция арестовала 400, а их коллеги в Гамбурге 700 человек. Общее количество арестов по стране превышало 10 000¹⁶⁸. Экономические соображения, которые играли в этих действиях весьма важную роль, видны из документов, оправдывающих предупреждающее задержание этих людей. Например, в документах по одному 54-летнему мужчине, арестованному в Дуйсбурге в июне 1938 года в рамках кампании против асоциальных людей, значилось:

«Согласно информации, полученной от местной службы социальной поддержки, С. следует охарактеризовать как человека, уклоняющегося от работы. Он не заботится о своей жене и двоих детях, из-за чего их приходится поддерживать на государственные средства. Он никогда не приступал к выполнению возложенных на него трудовых обязанностей. Он предавался пьянству. Он истратил все свое пособие. Он получил несколько предупреждений от службы социальной поддержки, и его можно назвать классическим примером асоциального, безответственного, уклоняющегося от работы человека»¹⁶⁹. Оказавшись в концлагере Заксенхаузен, этот человек продержался чуть больше 18 месяцев и умер, согласно лагерным документам, от общей физической слабости¹⁷⁰.

Массы людей, которых называли асоциальными, вызвали в тюрьмах переполнение и истощили тюремные ресурсы. Например, Заксенхаузен летом 1938 года принял более 6000 человек; последствия такого переполнения в лагере, где до этого общее количество заключенных не превышало 2500 человек, были ужасающими. В Бухенвальде в августе 1938 года 4600 человек из 8000 были отнесены к не желающим работать. Из-за постоянного притока новых заключенных было открыто два новых лагеря для уголовных преступников и «асоциальных элементов» —

Флоссенбург и Маутхаузен; оба управлялись СС, но были приданы дочерней организации, основанной 29 апреля 1938 года — компании «Немецкие каменные и земляные работы». Под руководством этого нового предприятия заключенные должны были работать в каменоломнях, взрывая и добывая гранит для осуществления грандиозных строительных проектов Гитлера и его архитектора Альберта Шпеера¹⁷¹. Асоциальные элементы были низшим слоем лагерного общества, точно так же, как и на свободе. Охранники плохо с ними обращались, они по определению не могли принять никаких мер, чтобы защитить себя, как это делали политические заключенные. Другие заключенные смотрели на них свысока, и они играли очень небольшую роль в лагерной жизни. Среди них было особенно много смертей и болезней. Во время амнистии по случаю дня рождения Гитлера 20 апреля 1939 года только несколько человек из них оказались на свободе. Остальные остались там навсегда. Хотя их количество и сокращалось, накануне войны они все еще представляли собой большую часть всех заключенных. Например, по данным подсчета 31 декабря 1938 года, в Бухенвальде 8892 из 12 921 находящихся под превентивным арестом были отнесены к асоциальным элементам; годом позже эта цифра составляла 8212 из 12 221. Облавы коренным образом изменили контингент лагерей¹⁷².

II

Накануне войны количество людей, находящихся в лагерях, снова возросло с 7500 человек до 21 000, и теперь состав заключенных лагеря был более разнообразен, чем в первые годы режима, когда людей в основном отправляли туда за политические преступления¹⁷³. Заключенные были сконцентрированы в нескольких сравнительно больших лагерях — Бухенвальде, Дахау, Флоссенбурге, Равенсбрюке (женский лагерь, пришедший на смену Лихтенбургу в мае 1939 года), Маутхаузену и Заксенхаузену. Одна только потребность СС в стройматериалах привела к открытию лагерного филиала (или «внешнего лагеря» — *Aussenlager*) Заксенхаузена в районе Гамбурга — Нойенгамме, где должны были производиться кирпичи для планируемой Гитлером реконструкции порта на Эльбе. За ним вскоре должны были последовать и другие новые лаге-

ря. Труд становился все более важной функцией лагерей¹⁷⁴. Однако этот труд был невосполняем и условия в новых лагерях были даже жестче, чем в тех, что им предшествовали в середине 1930-х годов. Начиная с зимы 1935/36 года лагерное руководство в некоторых местах стало требовать, чтобы различные категории заключенных носили на униформе соответствующие обозначения, и зимой 1937/87 года это стало стандартом для всей системы. С этого момента каждый заключенный должен был носить на своей полосатой униформе на левой стороне груди перевернутый треугольник, черный для асоциальных элементов, зеленый для профессиональных преступников, синий для вернувшихся еврейских эмигрантов (эта категория была довольно небольшая), красный для политических заключенных, фиолетовый для Свидетелей Иеговы, розовый для гомосексуалистов. Заключенные евреи приписывались к какой-либо из этих категорий (обычно их относили к политическим), но помимо этого под знаком своей категории они должны были носить желтый треугольник, он не был перевернут, и были видны только его края, так что вместе эти два треугольника образовывали Звезду Давида. Конечно, эти категории часто присуждались без особого разбора, невнимательно, а иногда и совершенно произвольно, но для лагерных властей это ничего не значило. Давая политическим заключенным небольшие привилегии, они могли возбудить у остальных категорий негодование; ставя уголовных преступников старшими над остальными, они могли еще больше увеличить разрыв между разными категориями¹⁷⁵.

Жестокость условий лагерной жизни в конце 1930-х годов хорошо передана в мемуарах некоторых из тех, кому удалось там выжить. Одним из таких людей был Вальтер Поллер, социал-демократ, родившийся в 1900 году, при Веймарской республике бывший редактором газеты. Поллер стал активным участником социал-демократического сопротивления после того, как его уволили в 1933 году. Его арестовали в начале ноября 1934 года за государственную измену после того, как гестапо выяснило, что он был автором оппозиционных листовок, это был третий его арест с начала 1933 года. В конце его четырехлетнего тюремного срока его сразу же снова арестовали и отправили в Бухенвальд. Там он на собственном опыте убедился в невероятной жестокости, ставшей тогда нормой для концлагерей. Сразу по прибытии Поллер и

другие такие же заключенные подверглись жестокому и совершенно неоправданному избиению со стороны охранников-эсэсовцев, которые, загоняя заключенных в лагерь, били их прикладами винтовок и резиновыми дубинками, когда они бежали. Когда они оказались в основных бараках для политических заключенных, грязные, в крови и синяках, офицер СС прочитал им свою версию лагерных правил, он сказал им: «Вы здесь, и здесь вам не санаторий! Скоро это до вас дойдет, а кто не поймет, того очень скоро заставят понять. Можете не сомневаться... Вы здесь, не тюремные узники, отбывающие наказание, назначенное судом, вы «заключенные», просто-напросто, и если вы не знаете, что это значит, то очень скоро поймете. Вы опозорены и беззащитны! У вас нет прав, ваша судьба — это судьба рабов! Аминь»¹⁷⁶.

Вскоре Поллер обнаружил, что хотя политическим заключенным выдавалась лагерная форма лучшего качества и селили их отдельно от остальных, работа за стенами лагеря, которой его каждый день нагружали, была для него слишком тяжела. Социал-демократы и коммунисты, заключенные в лагере, которые хорошо организовались и наладили неформальную систему взаимопомощи, добились его назначения на работу секретаря у лагерного врача. В таком положении Поллер смог не только дожить до своего освобождения в мае 1940 года, но и понаблюдать за каждодневной жизнью лагеря. В ней существовало некоторое самоуправление, старшие заключенные отвечали каждый за свой барак, а капо — за то, чтобы собирать заключенных и проводить перекличку в случае необходимости, причем многие из них при выполнении этой задачи в своей жестокости могли потягаться с охранниками. Но все заключенные, независимо от их положения, были целиком во власти СС, которые не стеснялись пользоваться своей абсолютной властью над жизнью и смертью заключенных всегда, когда им этого хотелось¹⁷⁷.

По словам Поллера, каждый день заключенных поднимали в четыре или пять утра, в зависимости от времени года, затем они очень быстро должны были умыться, одеться, убрать кровати, как в армии, поесть и выйти на плац на перекличку. Любое нарушение, такое как плохо убранная кровать, опоздание на перекличку, повлекло бы за собой поток ругани и ударов от капо или от охранников, штрафной наряд, где условия работы были осо-

бенно тяжелы. Переключка была еще одним поводом для избиений и оскорблений. Однажды в 1937 году Поллер видел, как двух политических заключенных вытащили из строя, вывели за ворота лагеря и расстреляли по никому не ведомым причинам. Эсэсовцы без проблем использовали до боли подробно составленные правила, чтобы обвинять заключенных, которые им не нравились, в нарушениях — иногда очень расплывчатых, как, например, лень в работе — и приказывать бить их плетью, а эту процедуру следовало официально фиксировать на желтом двухстраничном бланке. Заключенных часто заставляли смотреть, как эсэсовцы привязывали нарушителя за руки и за ноги к скамейке лицом вниз и избивали тростью. По словам Поллера, эти избиения ни разу не соответствовали прописанным в документах правилам. Заключенные, приговоренные согласно правилам к пяти, десяти или двадцати пяти ударам, должны были сами отсчитывать их вслух, а если они забывали это делать, избиение начиналось сначала. Вместо предписанной правилами трости для избиений часто использовалась плеть, кожаный ремень или даже стальной прут. Часто избиения заканчивались только когда нарушитель терял сознание. Часто тюремное начальство старалось заглушить крики тех, кого подвергали избиению, приказывая лагерному ансамблю, состоящему из заключенных с музыкальными данными, играть в это время марш или петь песни¹⁷⁸.

За более серьезные нарушения правил заключенных помещали «под арест», держали несколько дней или недель подряд в маленькой, темной, неотапливаемой камере на хлебе и воде. Зимой такое наказание могло оказаться не лучше смертного приговора. Более распространено было подвешивание на перекладине за запястья на несколько часов, что вызывало длительную боль в мышцах и их повреждение, а иногда, если это продолжалось достаточно долго — потерю сознания и смерть. Особую ярость охранников вызывали попытки побега, так как они понимали, что, учитывая их малое количество по сравнению с количеством заключенных, массовый побег был вполне возможен. Если кого-то ловили, то их впоследствии жестоко избивали, иногда до смерти, на глазах у остальных, или публично вешали их на лагерьной площади, таким образом комендант предупреждал весь лагерь о том, что такова будет судьба всех, кто попыта-

ется сбежать. Однажды в Заксенхаузене заключенного, пойманного при попытке к бегству, вытащили на лагерный плац, жестоко избили, заколотили в маленький деревянный ящик и оставили там на неделю на виду у всех заключенных, пока он не умер¹⁷⁹. После таких угроз заключенные сосредоточились на том, чтобы просто остаться в живых. В течение дня те из них, у кого были особые трудовые навыки, работали в лагере в маленьких мастерских; однако большинство из них выводили из лагеря на трудовые наряды, где они выполняли тяжелую работу: выкапывали камни для лагерных дорог, добывали мел и гравий или расчищали местность от булыжников. И здесь тоже охранники избивали тех, кто, по их мнению, работал недостаточно усердно или недостаточно быстро, и стреляли без предупреждения в любого, кто слишком далеко отходил от основной группы. Поздно вечером заключенных отправляли обратно в лагерь на еще одну долгую переключку, где они иногда часами стояли навтыжку, мокрые, грязные и изнуренные. Иногда зимой люди замертво падали из-за гипотермии. Лагерные охранники предупреждали, что любой, кого увидят на улице после того, как в бараках выключат свет, будет застрелен¹⁸⁰.

Произвол и жестокость, иногда даже садизм охранников указывали на жестокость и садизм, которым подвергались они сами, когда проходили обучение перед вступлением в ряды СС. К концу 1930-х годов около 6000 эсэсовцев расположились в Дахау и 3000 — в Бухенвальде. Наряды охранников лагеря (гораздо меньшего размера) брались именно из этих подразделений, состоявших в основном из молодых людей, выходцев из низших классов: например, в Дахау это были дети фермеров, а в Бухенвальде к ним добавлялись некоторые молодые люди из мелкой буржуазии и рабочего класса. В большинстве своем с плохим образованием и уже привыкшие к физическим трудностям, они были приучены к тому, чтобы быть жесткими, привыкли, что во время обучения офицеры кричали на них, поливали руганью и оскорблениями, привыкли получать унижительные наказания, если у них что-то не получалось. Один из новобранцев СС позднее вспоминал, что любой, кто во время тренировок с оружием ронял патрон, должен был поднять его с земли зубами. В идеологических наставлениях, которые им давали, в основном подчеркивалась необходи-

мость быть жестким перед лицом врагов немецкой расы, которых они должны были встретить в лагере. Оказавшись в лагере, они жили в бараках, отрезанные от остального мира, у них было мало развлечений, мало возможностей встретиться с девушками, они были обречены на каждодневную скуку. При таких обстоятельствах было неудивительно, что они жестко обращались с заключенными, поливали их вульгарными оскорблениями, подкрепляли чувство собственной значимости, назначая им по малейшему поводу тяжелые наказания, разгоняли свою скуку, придумывая разнообразнейшие жестокие шутки, или мстили за собственные физические унижения и трудности, обращаясь с ними так же; в конце концов, это был единственный способ воспитания и поддержания дисциплины, который они знали. Те, кто вступил в СС после 1934 года, в общем, конечно, знали, на что идут, поэтому они приходили уже с определенными идеологическими взглядами; однако каждый, кто не хотел участвовать в каждодневном причинении боли и запугивании в лагерях, вполне могли оттуда уволиться, многие так и делали, особенно в 1937 и 1938 годах, когда лагерный режим стал значительно жестче. Например, в 1937 году ряды СС покинуло около 8000 человек, включая 146 членов «Мертвой головы», 81 из них сделал это по собственному желанию. 1 апреля 1937 года Эйке издал приказ о том, что любой из членов этих подразделений, «кто не способен подчиняться и ищет компромиссов, должен уйти». Один из охранников, приступивший к своим обязанностям примерно в Пасху, в 1937 году попросил своего командира освободить его от должности после того, как он увидел, как избивают заключенных, и услышал крики из камер. Он сказал, что хочет быть солдатом, а не тюремным надзирателем. Его заставляли муштровать провинившихся узников, Эйке лично пытался заставить его передумать, но он был непреклонен, и 30 июля 1937 года его просьба была исполнена. Можно предположить, что те, кто остался, были глубоко привержены своей работе и не испытывали беспокойства или угрызений совести из-за страданий, которым подвергали узников¹⁸¹.

Многие тысячи узников были освобождены из лагерей, в особенности в 1933–1934 годах. Один из старших чиновников сказал Вальтеру Поллеру, когда выдавал ему бумаги об освобожде-

нии: «Я знаю, что ты видел здесь такое, чего общество пока не может до конца понять. Ты не должен никому об этом рассказывать. Ты это знаешь, не правда ли? А если ты не послушаешься, ты снова окажешься здесь, и тогда ты знаешь, что с тобой произойдет»¹⁸².

Заключенным было запрещено общаться с друзьями и родственниками, офицерам и надсмотрщикам не разрешалось говорить об их работе с посторонними. То, что происходило в лагерях, должно было быть покрыто пеленой тайны. Попытки обычной полиции и прокуратуры расследовать совершавшиеся в лагерях убийства обычно пресекались¹⁸³. К 1936 году концентрационные лагеря оказались вне ограничений закона. С другой стороны, режим не делал никакой тайны из самого факта их существования. Открытие Дахау в 1933 году было широко освещено в прессе, а в дальнейшем появлялись истории о том, как туда отправляли коммунистов, марксистов, членов «Рейхсбаннера», угрожавших государственной безопасности; как в сотни раз увеличивалось количество заключенных; как отправляли на работы; и как не соответствовали действительности зловещие истории о том, что происходило в их стенах. Опубликованное в прессе предупреждение, чтобы люди не пытались заглядывать внутрь лагерей, что при попытке залезть на стену они будут застрелены, только усиливало всеобщий страх, и было похоже, что эти истории будут распространяться¹⁸⁴. Происходившее в лагерях было просто безымянным ужасом, который был еще сильнее из-за того, что о его реальности можно было догадаться по изуверченным телам и душам тех, кто оттуда выходил. Это было практически единственное ужасающее указание на то, что происходило с людьми, которые участвовали в политическом сопротивлении или проявляли политическое инакомыслие, или, до 1938–1939 годов, отступали от норм поведения, которых должны были придерживаться граждане Третьего рейха¹⁸⁵.

III

Нигде нацистский террор не проявился с такой очевидностью, как в растущем и крепнущем гестапо с его зловещей репутацией. С тех пор как было покончено с первой волной массовой жестокости среди штурмовиков, роль полиции в отслеживании

и аресте политических и других преступников стала для репрессивного аппарата режима ощутимо важнее. Гестапо очень быстро получило почти мистический статус всевидящей и всезнающей силы, обеспечивающей государственную безопасность и правопорядок. Люди вскоре начали подозревать, что у них были агенты в каждой пивной или клубе, были шпионы у каждого рабочего места на каждой фабрике, информаторы таились в каждом автобусе и трамвае, стояли на каждом перекрестке¹⁸⁶. На самом деле все было совсем не так. Гестапо было очень маленькой организацией с небольшим количеством наемных агентов и информаторов. В городе кораблестроителей Штеттин в 1934 году был всего 41 сотрудник гестапо, столько же, сколько во Франкфурте-на-Майне; в Бремене в 1935 году было только 44 сотрудника гестапо, а в Ганновере — 42. В марте 1937 года в окружном отделении на Нижнем Рейне, контролирующем 4 миллиона человек населения, был только 281 агент в штаб-квартире в Дюссельдорфе и различных местных подразделениях. Эти люди, вопреки легендам, были вовсе не фанатичными нацистами, а профессиональными полицейскими, поступившими на службу еще при Веймарской республике, а в некоторых случаях даже раньше. Многие из них считали себя прежде всего профессионалами с хорошей подготовкой. Например, в Вюрцбурге только руководитель отделения гестапо и его заместитель к концу января 1933 года вступили в НСДАП; остальные держались в стороне от политики. При этом в 1939 году из 20 000 сотрудников гестапо по всей Германии только 3000 были также членами СС, хотя с самого начала существования Третьего рейха их организацией руководил глава СС Генрих Гиммлер¹⁸⁷.

В число профессиональных полицейских, которыми было укомплектовано гестапо, входил и его начальник Генрих Мюллер, о котором местный функционер НСДАП писал в 1937 году: «Мы с трудом можем представить его в рядах партии». Во внутривнутрипартийном меморандуме того же года значилось, что было непонятно, как «такой отвратительный противник движения мог стать начальником гестапо, особенно после того, как он однажды назвал Гитлера “иммигрировавшим безработным маляром” и “австрийским дезертиром”». Однако другие функционеры НСДАП отмечали, что Мюллер был «необыкновенно амбициозен» и «при лю-

бой системе стремился к признанию со стороны начальства». Причина, по которой он так долго продержался при нацистском режиме, — это его фанатичный антикоммунизм, который зародился в нем, когда он в возрасте девятнадцати лет, работая полицейским, начал свое первое дело — убийство «Красной Армией» заложников в революционном Мюнхене после окончания Первой мировой войны. При Веймарской республике он управлял антикоммунистическим отделением Мюнхенской политической полиции и ставил сокрушение коммунизма выше всего, в том числе того, что нацисты любили называть «юридической педантичностью». Более того, Мюллер, который в возрасте 17 лет добровольно пошел на военную службу и впоследствии несколько раз был награжден за храбрость, был ярым поборником уважения и дисциплины и относился к задачам, которые перед ним ставили, как будто это были военные команды. Настоящий трудоголик, работавший без выходных и, похоже, никогда не болевший, Мюллер был твердо настроен служить немецкому государству, независимо от того, какую это принимало политическую форму, и считал, что это была не только его, а общая обязанность — без вопросов повиноваться его диктатуре. Впечатленный его образцовой трудоспособностью и самоотдачей, Гейдрих оставил его в организации и включил его вместе со всей его командой в Службу безопасности¹⁸⁸.

Большинство из тех, кто занимал в гестапо высшие должности, были скорее служащими, чем оперативниками. Большую часть времени они проводили за тем, что составляли и обновляли сложные картотеки, разбирались с потоком поступающих инструкций и правил, заполняли разнообразные бумаги и документы и делили полномочия с другими отделами и учреждениями. Уже и без того очень подробная картотека по коммунистам и сочувствующим им, составленная политической полицией при Веймарской республике, все время дополнялась, для того чтобы иметь полную информацию о «врагах государства», которых делили на несколько категорий, предполагающих разное обращение с ними. Ярлыки на карточках указывали на то, к какой категории принадлежал человек, у коммунистов ярлык был темно-красным, у социал-демократов светло-красным, у «недовольных» фиолетовым. Бюрократия в немецкой полиции имела весьма давнюю традицию. В основном она заключалась именно

в составлении подобных баз данных, за которыми служащие все время должны были следить, по этой причине бюджет штаб-квартиры гестапо в Берлине вырос с одного миллиона рейхсмарок в 1933 году до целых сорока миллионов в 1937-м¹⁸⁹.

На основе собственных расследований в гестапо заводилось меньше десяти процентов дел. Какие-то составлялись по сведениям от наемных информаторов и шпионов, большинство из которых не было профессионалами. Свой вклад сюда вносили и другие организации, которые могли удостоверить личность, такие как организации по регистрации населения, местная полиция, а также железные дороги и почта. Иногда гестапо обращалось к известным активистам нацистской партии с просьбой выследить оппозиционеров. Судя по всему, в случае отказа этим людям ничего особенного не грозило. Однажды гестапо вышло на связь с активисткой Союза немецких девушек Мелитой Машман и попросило пошпионить за семьей ее бывшего друга, брата которого состояли в коммунистической молодежной группе сопротивления. Она отказалась и в дальнейшем писала: «Они каждый день покупали мне, и мои национал-социалистические убеждения стали уже не такими прочными». Однако после этого с ней ничего не произошло. Так или иначе, через некоторое время она все же согласилась. Одна из руководительниц Союза немецких девушек убедила ее, что группа сопротивления «подвергает опасности будущее Германии». Она послушалась, но в конечном итоге у нее не получилось убедить семью друга в ее добрых намерениях, и когда она пришла к ним в день, на который было назначено собрание, дом оказался пуст. «Чиновник из гестапо, который ожидал снаружи, — вспоминала она, — крепко ругаясь, прогнал меня». По ее мнению, остаться после этого в Союзе немецких девушек ей помогло только то, что ее ценили как хорошего пропагандиста¹⁹⁰.

Чаще всего информация о деятельности групп сопротивления поступала от самих коммунистов или социал-демократов, чья воля была сломлена пытками и которые в итоге согласились доносить на своих бывших товарищей. Агенты гестапо могли проводить в своих конторах большую часть своего времени, но их обязанности включали в себя жестокие допросы, где всю грязную работу делали специально нанятые головорезы из СС. Допрос в гестапо наглядно изобразил моряк-коммунист Рихард

Кребс, оставшийся в Германии после пожара в Рейхстаге и работавший там как секретный курьер Коминтерна. Кребса арестовали в Гамбурге в 1933 году и в течение нескольких недель били и бичевали его, он был полностью отрезан от внешнего мира, ему не позволяли связываться ни с адвокатом, ни с семьей, ни с друзьями. Между допросами его держали в тесной камере прикованным к койке, не позволяли мыться, его большой палец был сломан во время одного из допросов, и ему не давали его перевязать. Выясняя мельчайшие подробности, чиновник гестапо осыпал его вопросами, на которые его явно навели сведения, полученные от информаторов, и объемистое полицейское досье, которое составлялось на него с начала 1920-х годов. Кребса по-прежнему большую часть времени держали в местной тюрьме Фюльсбюттель и периодически отвозили в штаб-квартиру гестапо в Гамбурге, чтобы его там допросили полицейские, наблюдавшие за избиванием. Через несколько недель спина Кребса превратилась в кровавое месиво, его почки были серьезно повреждены, его намеренно били именно туда, одно ухо перестало слышать. Несмотря на такое обращение, он отказался раскрыть какие-либо подробности об организации, на которую он работал¹⁹¹.

Когда его привезли в Берлин в главное управление гестапо, Кребса поразили более утонченные и менее жестокие методы, которые там применялись. Здесь пытки сводились к изматыванию заключенных долгим стоянием в неудобных положениях, а не к грубой физической силе. Но атмосфера была такая же, как в Гамбурге. «Мрачные коридоры, кабинеты, обставленные по-спартански просто, угрозы, пинки, солдаты, водящие по всему зданию скованных людей, крики, шеренги девушек и женщин, стоящих носом к стене, переполненные пепельницы, портреты Гитлера и его помощников, запах кофе, изящно одетые девушки, работающие с большой скоростью за печатными машинками, девушки, которым, казалось, не было дела до всей грязи и агонии, царящей вокруг них, стопки конфискованных публикаций, печатные станки, книги, рисунки и агенты гестапо, спящие на столах»¹⁹².

Вскоре тактика гестапо по отношению к непокорному моряку стала по-прежнему жестокой. Позднее Кребс рассказывал, как его снова подвергли многочасовому избиванию резиновыми дубинками и как он встретил нескольких бывших товарищей, чья

воля была сломлена таким же способом. Однако еще больше пострадало его моральное состояние, когда члены гестапо сказали ему, что арестовали его жену, когда она вернулась в Германию, чтобы отыскать их сына, который был у них отобран и после этого исчез в службе социальной поддержки. В отчаянной попытке не дать гестапо причинить его жене еще какой-нибудь вред он подошел к другим коммунистам, сидящим в тюрьме, и предложил им, что скажет гестапо о своем желании работать на них, а на самом деле будет действовать в интересах коммунистической партии как двойной агент. Благополучно скрыв от них то, что его жена вышла из партии вскоре после его ареста, он представил свою хитрость как способ спасти преданного партии товарища из тисков режима. Уловка сработала, и они согласились. В марте 1934 года он уступил требованиям гестапо, которое, по крайней мере сначала, сочло, что он действительно сменил лагерь¹⁹³. Ситуация коренным образом поменялась. Кребса вскоре освободили по амнистии, и он возобновил свои отношения с Коминтерном. Многие из того, что он сообщал гестапо, судя по всему, либо не соответствовало действительности, либо было уже известно им из других источников. У гестапо появились подозрения, они не стали освобождать его жену, и она умерла за решеткой в ноябре 1938 года. Убедив гестапо, что он сможет принести больше пользы на международной арене, Кребс добился разрешения выехать в США. Оттуда он уже не вернулся¹⁹⁴. Эта история показывает, насколько тесно стали сотрудничать гестапо, СС, суды и лагеря. Из нее также видно то невероятное упорство, с которым нацисты выкачивали из агентов-коммунистов информацию о сопротивлении, и та беспощадность, с которой они преследовали свою цель — заставить их начать работать на Третий рейх, а не на Коммунистический интернационал¹⁹⁵.

IV

Информация, которую гестапо получало от коммунистов и социал-демократов под пытками в тюремных камерах, была важна в основном для того, чтобы отслеживать организованную политическую оппозицию. Когда дело касалось случайных замечаний, политических шуток и отдельных нарушений различ-

ных нацистских законов, более важную роль играли донесения различных агентов нацистской партии, а также простых людей. Например, в Саарбрюккене не менее 87,5% дел о злостной клевете на режим, разбираемых районным отделением гестапо, было составлено по сообщениям хозяев гостиниц, трактиров, людей, сидящих в барах, коллег обвиняемых, людей, услышавших на улице подозрительное замечание, или членов семей обвиняемых¹⁹⁶. В гестапо приходило так много доносов, что даже фанатичные руководители Нацистской партии, такие как Рейнгард Гейдрих, жаловались на их количество, а районное отделение гестапо в Саарбрюккене выразило озабоченность «постоянным разрастанием ужасной системы доносов». В особенности их беспокоило то, что многие доносы, по-видимому, делались по личным, а не по политическим мотивам. Возможно, руководители партии и поощряли людей сообщать о проявлениях неверности, инакомыслия, жалобах, но они хотели, чтобы это было проявлением верности режиму, а не средством выместить свои личные обиды или удовлетворить собственные желания. 37% из 213 доносов, которые впоследствии проанализировал один историк, возникли из-за личных конфликтов, еще у 39% вообще не было видимого мотива, только 24% определенно были сделаны по соображениям политической верности режиму. Доносили на шумных и буйных соседей, живущих в их доме, служащие доносили на тех, кто мешал их карьерному росту, мелкие предприниматели доносили на конкурентов, друзья и коллеги ссорились, и это также заканчивалось доносом в гестапо. Даже школьники и студенты иногда доносили на своих учителей. Независимо от того, каков был мотив, гестапо рассматривало их все. Если донос был необоснован, они просто убирали его в папку и ничего не предпринимали. Но во многих случаях донос мог привести к аресту, пыткам, тюремному заключению и даже смерти человека, на которого он был сделан¹⁹⁷.

В делах о «злостной клевете» полиция, гестапо и суд чаще всего были довольно снисходительны, если подозреваемый относился к среднему классу, а если это был рабочий, они были гораздо жестче, хотя большинство преступников были представителями мелкой буржуазии, это говорит о том, что в этой социальной группе доносы были наиболее распространены. Основываясь на

этом законе, Особые суды развернули суровую борьбу со всеми, пусть даже случайными проявлениями несогласия, которые остались бы незамеченными в нормальной, демократической политической системе, в 1933 году они приговорили 3700 человек и отправили большинство из них в тюрьму на срок, составляющий в среднем шесть месяцев. На две трети обвиняемых по этому закону Франкфуртским особым судом донесли за их высказывания собутыльники из баров и пивных. Большинство из преступников относилось к рабочему классу, и, наверно, из-за того, что суды заподозрили в них скрытых коммунистов и социал-демократов, получили более суровые наказания, чем члены НСДАП или представители среднего и высшего классов¹⁹⁸.

Однако в ходе изучения нескольких тысяч дел о злостной клевете, разбираемых Мюнхенским особым судом, выяснилось, что процент случаев, когда обвиняемый действовал по чисто политическим мотивам, сократился с 50 в 1933 году до примерно 12 в 1936–1939 годах. Теперь суд работал уже не над тем, чтобы сломить волю к сопротивлению коммунистов и социал-демократов, как в 1933–1934 годах, а над тем, чтобы не допустить никакой критики в адрес режима, и действительно, в 1930-х годах среди подсудимых стало немного больше бывших нацистов и консерваторов и значительно больше католиков¹⁹⁹.

Среди высказываний, отправлявших нарушителей за решетку по Закону о злонамеренной клевете, были заявления о том, что нацисты подавляли свободу человека, что госслужащим слишком много платили, что шокирующая антисемитская газета Юлиуса Штрейхера «Штурмер» была позором для культурного общества, что в Дахау избивали заключенных, что Гитлер — «австрийский дезертир», что все штурмовики — бывшие коммунисты (это было излюбленным обвинением консервативных католиков) и что Герман Геринг и другие ключевые фигуры Третьего рейха — коррумпированы. Нарушители редко были радикальными, принципиальными и изощренными критиками режима, а их высказывания, как правило, не выходили за рамки невразумительных, необоснованных недовольных реплик с переходом на личности²⁰⁰. Некоторых чиновников смущало то, что «вынесение приговоров всяким болтунам занимает большую часть времени Особых судов», как сказал в 1937 году чиновник. Он считал, что большинство из тех, кого

арестовывали и судили по Закону о злостной клевете, были просто ворчунами, которые не оказывали режиму совершенно никакого серьезного сопротивления. «И хотя очень важно крепко ударить по изменнической словесной пропаганде, — продолжал он, — существует также значительная опасность того, что непомерно жесткое наказание за безобидную, в общем-то, болтовню испортит отношения и вызовет недопонимание между осужденным и его родственниками и друзьями». Но он ошибался. Шутки и грубые замечания о нацистских лидерах в принципе никогда не перерастали в реальное противостояние; в большинстве случаев это было немногим больше, чем выпускание пара. Но руководители режима хотели не просто подавить у граждан активную оппозицию; они старались устранить даже самые незначительные признаки недовольства и избавиться от всего, что противоречило бы массовой и искренней поддержке населением всего происходящего. С этой точки зрения злостная клевета и политические шутки были столь же недопустимы, как открытая критика или сопротивление²⁰¹.

Нарушители часто оказывались в суде по чистой случайности. Например, в 1938 году одним весенним днем некий актер сел за стол в ресторане у вокзала в Мюнхене; за столом уже сидела семейная пара, он не был с ними знаком, и у них завязалась беседа. Когда он начал критиковать внешнюю политику режима, по их реакции он понял, что зашел слишком далеко; он спешно встал из-за стола, чтобы сесть в поезд, по крайней мере, так он потом говорил. Муж с женой хотели его найти, но не смогли. Поэтому они передали его описание полиции, которая выследила его и спустя два дня арестовала. Другие оказывались в суде в результате личных конфликтов, выходивших из-под контроля, как в случае с одним пьяным почтальоном, который стал оскорблять Гитлера в присутствии двоих младших партийных чиновников, с которыми он был знаком. Когда они попытались заставить его замолчать, он осложнил ситуацию еще больше, сказав про одного из них, что он не способен выполнять свои партийные обязанности, тот решил, что восстановить его авторитет среди завсегдатаев бара может только донос на обидчика в полицию. По каким бы причинам люди ни доносили, свободно выражать свои мысли при посторонних определенно было опасно; никогда нельзя было знать, кто тебя слушает. И дело было даже

не столько в том, что доносы были частыми, сколько в том, что они были непредсказуемы. Из-за этого люди верили, что агенты гестапо, наемные и добровольные, были везде и что полиция знала обо всем происходящем в стране²⁰².

Важную роль играли доносы от обычных людей. Подавляющее большинство из них поступало от мужчин; в места, где доносчики могли услышать подозрительные высказывания, такие как пивные и бары, женщины по существовавшим общественным нормам, как правило, не ходили, и даже если женщина слышала подобное высказывание, например на лестнице в подъезде или в похожей ситуации, то она чаще всего сначала рассказывала об этом мужу или отцу, а уже они сообщали об этом полиции. Соотношение в разных местах было разное, но в среднем примерно четверо из пяти доносчиков были мужчинами. Точно так же мужчины преобладали и среди тех, на кого составлялись доносы. Политика в Третьем рейхе, даже на таком примитивном уровне, была делом мужчин²⁰³. Однако доносы были только одним из многих различных имеющихся у гестапо средств подавления и контроля, и конечно, количество людей, которые на самом деле отправляли доносы, было крайне мало по сравнению с общей численностью населения. Изучение 825 произвольно отобранных историком расследований, проведенных Дюссельдорфским отделением гестапо за период с 1933 по 1944 год, показало, что 26% основывались на информации, полученной от простых людей, 17% — на сведениях, собранных криминальной полицией и другими правоохранительными и контролирующими органами, такими как СС, 15% — от собственных офицеров и информаторов гестапо, 13% — от людей, допрашиваемых в гестаповских тюрьмах, 7% — от местных властей и других государственных учреждений и 6% — от различных нацистских партийных организаций²⁰⁴. Некоторые из них тоже могли изначально основываться на доносах, которые обычные граждане направляли в партийные органы или местным властям. Но несомненно, партийные органы были очень важны для того, чтобы отправлять всех недовольных в Особые суды. В баварском городе Аугсбург было отмечено, что в местах, где существует крепкая традиция солидарности рабочего движения и организованная оппозиция режиму, доносов делается меньше, чем

там, где широко поддерживают нацистов. 42% доносчиков принадлежали нацистской партии или одной из ее организаций, и 30% из них вступили в партию до 1933 года²⁰⁵.

Роль активных нацистов в том, чтобы доносить на тех, кто позволял себе критические и неконформистские заявления, была особенно высока в 1933, 1934 и 1935 годах. Неудивительно, что в Аугсбурге 54% из тех, на кого были сделаны доносы, — это бывшие коммунисты или социал-демократы, но при этом 22% из них были нацистами, это говорило о том, что режим в то время не был защищен от критики со стороны самих членов партии. Как и в других частях Германии, многие заявления, услышанные доносчиками, были сделаны в барах и пивных, что говорит о давней традиции обсуждения в этих заведениях политики. Но удивительнее всего то, что хотя в 1933 году три четверти всех критических замечаний, которые разбирались в судах, были подслушаны в Аугсбургских барах и пивных, в 1934 году их пропорция упала до двух третей, а в 1935 году она уже едва превышала половину. Через несколько лет она составляла уже только одну десятую часть. Конечно, из-за страха, что разговор подслушают, свободные беседы в пивных велись все реже и реже, оказался разрушен еще один аспект общественной жизни, который до этого существовал свободно от нацистского контроля²⁰⁶.

Среди населения стали распространяться страх и беспокойство, во многом это происходило из-за того, что люди знали о постоянной опасности доноса за неосторожное слово или фразу, сказанные в общественном месте. «Все сжались от страха, — писал 19 августа 1933 года в своем дневнике еврейский профессор Виктор Клемперер, — ни письма, ни телефонные разговоры, ни сказанное на улице слово теперь не безопасны. Все боятся, что стоящий рядом человек окажется информатором²⁰⁷» И дело было даже не в том, были ли на самом деле повсюду информаторы, а то, что люди думали, что они были. Лишенный последних иллюзий писатель и журналист Фридрих Рек-Маллечевен запечатлел ненависть, которую он и его друзья испытывали к Гитлеру, в частном пространстве своего дневника, 9 сентября 1937 года задавал риторический вопрос: знает ли кто-нибудь за пределами Германии, до какой степени нас лишили юридического статуса,

что это значит — бояться, что какой-нибудь истеричный прохожий донесет на тебя. «Как, — спрашивал он, — иностранцы могут понять “смерти подобное одиночество” тех, кто не поддерживал нацистов^{208?}»

Люди, конечно, могли попытаться смягчить свой страх, пошутив друг с другом над этой ситуацией, лучше всего с глазу на глаз. «В будущем, — говорилось в одной шутке, — зубы в Германии будут удалять через нос, потому что никому больше не позволяют открывать рта». Некоторые начали поговаривать, что скоро два друга при встрече будут обмениваться уже не «немецкими приветствиями», а «немецкими оглядываниями», то есть будут оглядываться, чтобы убедиться, что никто не может их подслушать. Завершив потенциально «вредительскую» беседу, вместо «Хайль Гитлер» можно было бы произносить «Ты тоже кое-что сказал!²⁰⁹» Юмор, конечно, мог основываться и на реальных событиях: «Как-то в Швейцарии одна нацистская “шишка” спрашивает о предназначении некоего общественного здания. “Это наше министерство флота”, — отвечает швейцарец. Нацист насмехается над ним: “Зачем вам министерство флота, у вас же всего два-три корабля?” Швейцарец говорит: “Да — а тогда зачем вам в Германии Министерство юстиции?”»²¹⁰.

Сами по себе политические шутки были неизбежны, людям было необходимо сбросить напряжение, но все знали, что они тоже могли быть опасны. «Зимой двое мужчин стоят в трамвае и совершают под своими пальто какие-то странные движения руками, — рассказывается в другой шутке, — и один из пассажиров спрашивает своего приятеля: “Посмотри на этих двоих, что они делают?” “А, я знаю их, они глухонемые, они рассказывают друг другу политические шутки²¹¹”» На практике люди, конечно, часто рассказывали друг другу политические шутки открыто, в пивных, трамваях или встретившись на улице, как показывают документы агентов гестапо, которые их арестовывали. Власти сами понимали, что юмор обычно помогал людям смириться с режимом, они редко пытались всерьез с ним бороться. Как в марте 1937 года отметил один полицейский чиновник: «На какое-то время политические шутки стали настоящей бедой. Так как эти шутки являются выражением здорового духа и в них нет ничего вредоносного, как неоднократно подчеркивалось на высшем правительственном

уровне, нет никаких причин возражать против них. Но если они содержат клевету, тогда по соображениям безопасности мы не можем и не должны мириться с их распространением»²¹².

Журналист Йохен Клеппер поддерживал эту точку зрения, летом 1934 года он покорно заявлял: «Из-за всех их политических шуток и личного недовольства люди до сих пор полны заблуждений о Третьем рейхе»²¹³. Тех, кого арестовывали за неуважительный юмор, если у них до этого не было судимостей, часто отпускали. Дела продолжали разбирать, только если обвиняемый числился как оппозиционер, часто дело заканчивалось небольшим тюремным сроком. В конечном счете была важна не сама шутка, а личность того, кто ее рассказал, и было неудивительно, что подавляющее большинство из тех, кого посадили в тюрьму по соответствующему закону (за «злостную клевету»), были коммунисты и социал-демократы из рабочего класса²¹⁴. И все же больше всего людей поражал произвол, который устраивала полиция, и беззащитность тех, кого она арестовывала. Как говорилось еще в одной шутке: «На границе с Бельгией однажды появилась толпа кроликов, которые заявили, что они политические беженцы.

— Гестапо хочет арестовать всех жирафов как врагов государства.

— Но ведь вы не жирафы!

— Мы знаем, но попробуйте объяснить это гестапо»²¹⁵.

Страх, что тебя подслушают, сдадут гестапо или арестуют, распространялся даже на частные беседы, письма и телефонные звонки. Уже в марте и апреле 1933 года Виктор Клемперер жаловался в своем дневнике: «Никто уже не осмеливается ничего говорить, все боятся»²¹⁶. Декрет, изданный после поджога Рейхстага, позволял гестапо распечатывать письма, прослушивать их телефоны, «поэтому, — рассказывал Клемперер, — люди не осмеливаются писать письма, люди не осмеливаются звонить друг другу, они встречаются друг с другом лично и считают шансы»²¹⁷. В начале февраля 1933 года в Берлине журналистке Шарлотте Берадт ее друг социал-демократ рассказал про свой сон, в котором Геббельс пришел к нему на работу, ему оказалось крайне тяжело поднять руку, чтобы отдать Геббельсу нацистское приветствие, когда через полчаса ему это наконец удалось, Геббельс холодно проговорил: «Мне не нужно ваше приветствие». Самоотчужденность,

потеря индивидуальности, изоляция, страх, сомнения, все чувства, которые здесь выразились, настолько поразили Берадт, что она решила начать собирать сны разных людей. К тому времени, когда в 1939 году она уехала в Англию, сведений, которые она собирала, ненавязчиво расспрашивая друзей и знакомых, в особенности врачей, обычно не вызывающих у пациентов подозрений, если они расспрашивали про их сны, хватило для того, чтобы составить книгу, даже после того, как она отсеяла сны, не имеющие явного политического подтекста²¹⁸.

Многие из снов, собранных Берадт, свидетельствовали о том, как люди боялись слежки. В 1934 году одному врачу приснилось, что все стены его кабинета и всех соседних домов и квартир вдруг исчезли, а из громкоговорителя донеслось, что это было сделано «в соответствии с Законом об отмене стен, принятом семнадцатого числа сего месяца». Некой женщине приснилось, что она находится в опере и смотрит «Волшебную флейту» Моцарта, когда была спета строка «Это точно дьявол», в ее ложу зашел отряд полиции, потому что они заметили, что слово «дьявол» она ассоциировала с Гитлером. Когда она огляделась вокруг, ища помощи, пожилой мужчина в соседней ложе плюнул в нее. Одна девушка рассказывала, что видела во сне, как два ангела, нарисованные на картинках, висящих у нее над кроватью, опустили свои обычно обращенные к небу глаза, чтобы наблюдать за ней. Несколько человек видели во сне, что их посадили в тюрьму за колючую проволоку или что их телефонные разговоры прерывали, как один мужчина, который после того, как сказал своему брату по телефону: «Я больше не могу ни от чего получать удовольствие», увидел сон, в котором его телефон зазвонил и голос представился без всякого выражения: «Служба проверки телефонных разговоров», человек тут же понял, что находиться в депрессии в Третьем рейхе было преступлением, и попросил прощения, но в ответ была лишь тишина. Некоторые во сне совершали небольшие попытки сопротивления, которые всегда оказывались тщетными, как одна женщина, которой приснилось, что она каждую ночь убирает свастику с нацистского флага, но каждое утро она снова оказывалась на своем месте²¹⁹. Пересказывая и анализируя все эти сны, Шарлотта Берадт вспоминала высказывание Роберта Лея, руководителя Трудового фронта: «Во всей Германии только один чело-

век все еще имеет личную жизнь — это спящий человек». Она пришла к мрачному выводу, что собранные ею сны указывали на то, что даже это было не так²²⁰.

V

Гестапо, НСДАП и СА обращали свое внимание не только на оппонентов, мятежников и инакомыслящих, но и на тех, кто не проявлял достаточного энтузиазма к Третьему рейху и его политике. У каждой группы домов был свой «смотритель блока» (блокварт), это было распространенное название для разнообразных чиновников низшего ранга, чьей задачей было следить за тем, чтобы по особым случаям все вывешивали флаги, ходили на митинги и парады. В каждой местной организации (ортгруппе) было в среднем 8 ячеек, каждая из которых делилась на 50 блоков, по 50 домов в каждом. Функционеры нацистской партии, которыми обычно являлись эти местные чиновники низшего ранга, следили каждый за одним блоком и в свою очередь назначали себе помощников, следящих за каждым многоквартирным домом или группой домов. Уже к 1935 году таких функционеров было 200 000, а включая их помощников, к началу войны было почти два миллиона блоквартов. Согласно партийной статистике, более двух третей политических руководителей были представителями среднего класса, и их особенно не любили в местах, где жил рабочий класс с ярко выраженным коммунистическим или социал-демократическим прошлым. Часто они были первыми, к кому обращались доноскички, они проводили подробную слежку за инакомыслящими, евреями и теми, кто поддерживал с ними контакт, и политически ненадежными людьми, обычно выступавшими против нацистов. За их коричнево-золотую униформу с красными петлицами на воротниках их иронически называли «золотыми фазанами». В их обязанности входило сообщать о сплетниках и обо всех, кто нарушал правила, установленные районными партийными органами, передавать их имена и информацию об их проступках в гестапо. Те, кто не угодил блоквартам, могли лишиться государственных пособий и социальных выплат. У других органов огромной нацистской партии — от службы соцзащиты до Германского трудового фронта и женской

организации — тоже были такие чиновники на местах, и все они выполняли подобные функции наблюдения и контроля²²¹. На фабриках и предприятиях функции блокквартиров выполняли члены Германского трудового фронта, начальники, бригадиры и нацистская Служба безопасности. К тем, кто не соблюдал правила, начинали относиться предвзято, отказывали в продвижении по службе, поручали неприятные обязанности или даже увольняли²²². «Ничего нельзя было сказать, — вспоминал позднее один из сотрудников машиностроительного завода Крупп, — у тебя за спиной всегда стоял бригадир, никто не мог на это осмелиться»²²³. Нацистская машина запугивания дошла даже до самых незначительных деталей повседневной жизни и работы.

Политика устрашения была особенно очевидна на национальных плебисцитах и выборах, которые Гитлер время от времени проводил, чтобы придать своим действиям видимую законность, особенно это касалось внешней политики. На то, как крепко сжались тиски режима, указывает растущее количество голосов, которые он получал на этих пропагандистских мероприятиях, легализованных законом от 14 июля 1933 года, принятого одновременно с законом, превращающим Германию в однопартийное государство. Новый закон позволял государству «спрашивать мнение народа» по определенным политическим решениям по своей инициативе, что резко отличалось от ситуации при Веймарской республике, когда власть организовывать плебисциты принадлежала народу. При Третьем рейхе плебисциты и выборы превратились в пропагандистские ритуалы, на которых режим всеми доступными средствами мобилизовал электорат, чтобы заставить выглядеть законными те противоречивые меры, которые он предпринимал²²⁴. Первая возможность использовать эти методы появилась на выборах в Рейхстаг 12 ноября 1933 года. Декрет, ликвидировавший Рейхстаг, также навсегда упразднил региональные государственные парламенты, чье коллективное собрание, рейхсрат, верхняя палата национальной законодательной власти, был устранен в начале 1934 года. На выборах в Рейхстаг избирателям раздали список всего с одной партией, напротив которой они могли поставить «да» или «нет». Чтобы успокоить избирателей из среднего класса, в список входило несколько консерваторов, не являющихся нацистами. Массовая пропагандистская кампания, включающая вы-

ступление по радио Гинденбурга, поддерживалась приказом, тайно отданным Министерством внутренних дел, расценивать испорченные бюллетени как голос «за». Некоторые скептики утверждали, что это произошло бы в любом случае. Например, Виктор Клемперер 23 октября в своем дневнике отметил, что «никто не осмелится проигнорировать голосование, и никто при голосовании не ответит “нет”». Потому что: 1) никто не верит в то, что голосование действительно тайное, 2) “нет” все равно будут считать за “да”»²²⁵. Немногие осмеливались открыто жаловаться на манипуляцию, но те, кто все-таки жаловался, говорили о таких нарушениях, как нумерация бюллетеней, из-за которой голосование переставало быть тайным, заполнение пустых бюллетеней, исключение из списка избирателей противников режима и многие другие. Тех, кто демонстративно отказывался голосовать, арестовывали; а присутствие на избирательных участках нацистов и штурмовиков заставляло людей доказывать свою верность режиму и голосовать открыто и не заходить в кабины для голосования. С помощью таких методов режим добился 88% голосов «за», хотя было отброшено почти 3,5 миллиона испорченных бюллетеней. Около 5% голосующих ставили крестик напротив слова «нет» на сопутствующем плебисците²²⁶.

Методы, использующиеся для достижения подобных результатов, стали очевидны на плебисците, проводимом 19 августа 1934 года, чтобы окончательно утвердить то, что народ одобрял самоназначение Гитлера на пост главы государства. Тайные сообщения от агентов социал-демократов в штаб-квартиру их партии, находящуюся за границей, отмечали, что вокруг избирательных участков стояли штурмовики, создавая «атмосферу ужаса, которая успешно оказывала свое воздействие даже там, где не было никакого прямого запугивания». Во многих местах кабин для голосования вообще не было, или доступ к ним преграждали штурмовики, или на них висела табличка «Сюда входят только предатели». Членов клубов и сообществ штурмовики в полном составе приводили на избирательные участки и заставляли публично голосовать. На некоторых участках в бюллетенях уже было отмечено «да», а на других испорченные бюллетени засчитывались как голос «за». Голоса «против» часто заменяли на один или несколько поддельных бюллетеней с голосом «за», причем это делалось

так часто, что количество голосов превысило количество избирателей. Степень запугивания в разных областях была разная, на Рейне, где агенты социал-демократов отметили самый высокий уровень устрашения и фальсификации, количество голосов «да» было существенно выше среднего, 94,8%, напротив, в некоторых рейнских избирательных округах, где контроль был не столь силен, до половины бюллетеней содержали голос «нет» или были испорчены. В Гамбурге «за» проголосовало только 73%, в Берлине — всего 74%, а в некоторых городах, таких как Вильмерсдорф и Шарлоттенбург, бывших некогда коммунистическими цитаделями, процент проголосовавших «за» был меньше 70. Примечательно, что в целом при таких условиях режим смог набрать только 85% голосов. Пять миллионов избирателей отказались одобрить закон, либо проголосовав «нет», либо испортив свой бюллетень²²⁷. Причем даже при таком массовом давлении на избирателей многие из них все же считали эти выборы свободными: в день голосования Луиза Зольмиц сказала, что это был «плебисцит, на котором невозможно было предугадать результат, по крайней мере я не могла»²²⁸. Виктор Клемперер был менее оптимистичен: «Треть сказала “да” из-за страха, треть из-за помрачения, а еще треть — из-за страха и помрачения»²²⁹.

Через четыре года режим настолько отточил свою технику манипуляции и устрашения, что на плебисците в апреле 1938 года по объединению с Австрией, на котором избиратель голосовал также и за то, что он одобряет Гитлера и его действия, 99% избирателей проголосовали «да». Объединение этих двух вопросов само по себе уже давало понять, что те, кто голосовал против объединения, голосовали также и против Гитлера, а значит, могли попасть под действие закона о заговорах. Отряды штурмовиков время от времени проходили по всем улицам, вытаскивали людей из дома и отвозили их на избирательные участки. Тех, кто был болен и прикован к постели, заставляли голосовать на передвижных участках, которые приносили прямо к ним домой. Тех, кто отказывался голосовать или заявлял о намерении поставить «нет», избивали, вешали на них табличку «Я предал народ» и водили по улицам, вокруг пивных, где на них кричали и плевали, либо их бесцеремонно отправляли в дома для умалишенных. Во многих районах тех, про кого знали, что они не поддерживают режим, за-

ранее арестовывали и держали под стражей до окончания выборов. В других местах выдавались бюллетени, на которых были проставлены номера с помощью печатной машинки без ленты, такой же номер стоял напротив фамилии избирателя в списке. 7 мая 1938 года Кобленцкое отделение СД сообщило, что таким образом они смогли «обнаружить тех, кто проголосовал «против» или испортил свой бюллетень». В точных подробностях и без всякого юмора сообщалось: «для того чтобы просмотреть эти номера, использовалось молоко со снятыми сливками». Во многих городах избирателей заставляли голосовать публично, за длинными столами, у которых стояли группы штурмовиков; где-то им просто выдавались бланки, в которых штурмовики уже отметили «за». Даже там, где сохранялась видимость тайного голосования, еще до выборов начали ходить слухи, что все бюллетени будут помечены и при подсчете можно будет определить, кому какой бюллетень принадлежит, в некоторых местах так и делалось. Там, где, несмотря на все предосторожности, все-таки появлялось значительное количество бюллетеней с голосом «против», их попросту не учитывали. А если избиратель совершал необычный шаг и публично объявлял о том, что воздержался от голосования, как сделал католический епископ Йоаннес Шпролл в знак протеста против включения в список нацистской партии Альфреда Розенберга и Роберта Лея, реакция на это была жесткой; поступок епископа Шпролла привел к буйным демонстрациям штурмовиков возле его храма и его увольнению из епархии, арестовывать его режим не стал, посчитав, что он слишком важная персона²³⁰. Несмотря даже на такие случаи, многие немцы, поддерживающие нацистов, на подобных плебисцитах были полны гордости за полученные результаты. «99 процентов за фюрера, — ликовала Луиза Зольмиц, — это должно поразить другие страны»²³¹.

VI

Насколько глубоко устрашение и запугивание проникли в немецкое общество при нацистах? Возможно, из-за явных манипуляций и запугивания результаты выборов не могли служить достоверным свидетельством отношения народа к власти, но, без сомнения, люди не только критиковали власть и сопротивлялись

ей, но часто и поддерживали ее. По крайней мере в некоторых моментах, таких как, например, ремилитаризация Рейнланда и присоединение Австрии, по этим вопросам большинство, скорее всего, проголосовало бы «за», даже если бы выборы были абсолютно свободными. Более того, для большинства немцев нацистский террор, как мы увидели, быстро превращался из реальности, как это было во время почти повсеместной жестокости в первой половине 1933 года, в угрозы, которые редко претворялись в дело. В 1933 году стремительными темпами был создан огромный аппарат наблюдения и контроля, для того чтобы отслеживать, арестовывать и наказывать всех, кто сопротивлялся нацистскому режиму, включая целую треть избирателей, проголосовавших за другие партии на последних свободных выборах в Германии. К концу 1935 года организованное сопротивление было окончательно сломлено. «Ночь длинных ножей» была уроком и для инакомыслящих в рядах самого нацистского движения, прежде всего, конечно, для миллионов людей, принадлежавших буйному военизированному движению штурмовиков. Политиков из многих других партий, от демократов до националистов, арестовывали, запугивали, даже убивали, чтобы убедить других подчиниться. Но начиная с 1936 года очевидный террор уже все чаще был направлен на относительно небольшие группы людей, такие как ярые и упорные коммунисты и социал-демократы, асоциальные и уклоняющиеся от работы граждане, мелкие преступники и, как мы позднее увидим в этой книге, евреи и гомосексуалисты. На подавляющее большинство немцев, включая миллионы бывших коммунистов и социал-демократов, перестала давить угроза ареста, заключения в тюрьму или концентрационный лагерь, конечно, если они вели себя спокойно²³².

Недавно некоторые историки, основываясь на этих фактах, стали заявлять, что нацисты для управления людьми и вовсе не пользовались террором. Жестокость и запугивания редко касались жизни простых немцев. По крайней мере после 1933 года террор применялся очень избирательно, преимущественно к маленьким и маргинальным группам, преследование которых подавляющее большинство простых немцев не только поддерживали, но и помогали его осуществлять и сами в нем участвовали. С этой точки зрения, в немецком обществе при нацистах существовал

«самоконтроль»²³³. И речь здесь идет не только о доносах, сделанных из личных интересов, но и о большой идеологической подоплеке, которая, например, была очевидна в случае с Аугсбургом. Статистика доносов, включающих, например, сообщения в гестапо от постояльцев гостиниц, посетителей баров или «коллег по работе», не содержит никаких данных о том, сколько из них были на самом деле верными членами партии или занимали должности в таких организациях, как Германский трудовой фронт; а таких, судя по всему, было много, учитывая то, как много людей к середине 1930-х годов вступили в нацистскую партию или стали членами дочерних организаций, таких как СА, Гитлерюгенд и т.п. Если мы посмотрим на то, кто был заключен в лагерях в любой из периодов существования Третьего рейха, мы обнаружим, что подавляющее большинство из них — члены тех меньшинств, на кого большинство населения Германии смотрело с подозрением.

Однако говорить о самоконтролирующемся обществе — значит недооценить элемент идущего сверху террора и устрашения в Третьем рейхе²³⁴. Во все годы те дела, которые оказывались на столе у гестапо, касались только малой части всех высказываний, подлежащих ответственности. О большинстве из них никому ничего не сообщали. Что касается поведения большинства немцев, доносы были исключением, а не правилом. Например, в Липе, районе с 176 000 жителей, общее количество доносов, отправленных в партийные органы с 1933 по 1945 год, было только 242; максимум за год отправлялся 51 донос, минимум — 3²³⁵. Более того, в 1937 году во всем рейхе в гестапо сообщили только о 17 168 случаях нарушения закона о «злостной клевете». Действительное число нарушений, скорее всего, было в сотни раз больше. То есть подавляющее большинство свидетелей таких нарушений по каким-то причинам не хотели становиться доносчиками. Вероятно, был силен страх стать изгоем или жертвой ответного доноса или страх мести, в особенности в рабочих районах. Кроме того, наблюдение осуществлялось не простыми гражданами, а гестапо; пока донос не получало гестапо, ничего не происходило, у доноса появлялся какой-то смысл, только когда гестапо начинало преследование инакомыслящих или девиантно ведущих себя людей. После того как они сломали сопротивление рабочего движения, гестапо занялось подавлением гораздо большего количества случаев неповинове-

ния, не носящих идеологического характера, и тех, кого туда приводили для допросов и расследования, ждали действительно серьезные последствия, начиная со зверской жестокости и пыток, которые офицеры гестапо или проводили сами, или наблюдали за ними, и заканчивая судом, тюрьмой и лагерями²³⁶.

При этом гестапо прибегало к помощи целой сети работающих на режим чиновников от смотрителей блока и выше, и само существование такой сети, центром которой было гестапо, побуждало граждан писать доносы. Нацистские чиновники знали, что если они не будут бороться с неповиновением, у них самих запросто могут возникнуть проблемы; также они знали, что если обращать на него внимание гестапо, это создаст им репутацию истинных служителей Третьего рейха. Таким образом, наблюдение за жителями Германии осуществляли не они сами, а гестапо и органы, которые оно в это вовлекало²³⁷.

В защиту того мнения, что большинство немцев одобряло репрессии режима, приводится аргумент, что нацисты отнюдь не скрывали проводимых репрессий и существования соответствующих организаций, а, напротив, регулярно объявляли в газетах и прочих пропагандистских органах режима о казнях, тюремных заключениях и других вердиктах, выносимых судами за неповиновение, «злостную клевету» и так далее. Это значит, утверждают приверженцы такой точки зрения, что подавляющее большинство простых людей, читающих газеты, не возражали против этих действий. Но гласность была палкой о двух концах, террор, направленный на непокорных и диссидентов, выставлялся напоказ для того, чтобы убедить миллионы простых немцев не ходить тем же путем. Открытая угроза концлагеря для тех, кто распространял слухи о «путче Рёма», всего лишь сделала явным то, что было скрыто в каждом подобном сообщении. Точно так же слова высших руководителей полиции и СС, таких как Рейнгард Гейдрих и Вернер Бест, о том, что гестапо работает в интересах немецкого народа и с его помощью, проводя этническое и политическое очищение, охватывающее все общество, не стоит принимать за чистую монету: нацисты, внушая свою идеологию, все время повторяли, что весь народ поддерживает режим во всех его проявлениях, но на самом деле то огромное честолюбие, которое нацисты так открыто выражали, было просто еще одним инстру-

ментом устрашения, это внушало людям мысль, что агенты были повсюду и знали обо всем, что происходит²³⁸.

Представителей презируемых режимом меньшинств для верности заключали в концлагеря; но не следует забывать о гораздо большем количестве людей, осужденных судом и отправленных в тюрьмы или лагеря по политическим и другим причинам. Чем больше мы отдаляемся во времени от нацистской Германии, тем сложнее становится историку, живущему при демократической политической системе, в культуре, уважающей права личности, напрячь свое воображение настолько, чтобы понять поведение людей в таком государстве, как нацистская Германия, где даже самая небольшая критика в адрес режима и его руководителей могла повлечь за собой тюремное заключение, пытки и даже смерть. По всей видимости, такие репрессии поддерживала совсем небольшая часть населения, это были активные сторонники и члены партии, как, например, «смотрители блоков», консервативные немцы из высшего и среднего классов, которые считали, что лучшее место для марксистов так или иначе было в тюрьме. Однако и они весьма хорошо понимали, что нужно быть очень осторожным в словах и поступках, чтобы избежать опасности, которая стала крайне очевидна, когда и в этих группах появилось сопротивление. Выстрелы, сразившие Курта фон Шлейхера, Герберта фон Безе, Эдгара Юнга, Густава фон Кара, Эриха Клаузенера и Курта фон Бредова в начале июля 1934 года, также явились предупреждением консерваторам из высших и средних классов, чтобы они прижали свои головы, если не хотят получить в них пулю²³⁹.

Обычные консервативные граждане, такие как Луиза Зольмиц, не помышлявшие ни о какой политической борьбе, могли не обращать никакого внимания на стремление режима устранить своих противников, так явно проявившееся в конце июня — начале июля 1934 года, и радоваться тому, что наконец восстановился порядок, о котором они так мечтали; для таких людей штурмовики Рёма казались столь же опасными, как «Рейхсбаннер» или Союз красных фронтовиков времен Веймарской республики. Однако, находясь за закрытыми дверями, они не могли забыть о судьбе группы консерваторов, объединившихся вокруг вице-канцлера фон Папена. Массовым запугиваниям подверглась не только та треть населения, которая разделяла идеи остав-

шихся к 1933 году марксистов. На самом деле не успело еще завершиться жестокое кровопролитие «Ночи длинных ножей», как уже начались преследования и аресты другой, еще большей по размеру, социальной группы — немецких католиков, публично высказывающих свое мнение, в котором было все больше критики. Но более широко применялись такие меры, как Закон о злобной клевете, призванный бороться с самыми незначительными проявлениями инакомыслия и сулящий тюремное заключение для тех, кто позволял себе шутки про Гитлера и Геринга. Конечно, это касалось в первую очередь представителей немецкого рабочего класса, но, в конце концов, рабочий класс составлял около половины всего населения, кроме того, представители среднего и даже высшего класса также могли предстать перед Особым судом. Когда по этому закону удавалось кого-либо осудить, то это служило еще одним инструментом массового запугивания, сгущало стоящую повсюду атмосферу страха и обеспечивало всеобщее молчание, что давало режиму возможность совершать даже еще более тяжкие преступления, не боясь, что общество их не одобрит или окажет сопротивление²⁴⁰.

Правда в том, то нацистский террор вовсе не был направлен только на всеми презируемые меньшинства, угроза ареста, судебного преследования, заключения в тюрьму, где условия становились все более жесткими и невыносимыми, нависала над всеми жителями Третьего рейха, даже, как мы видели по делам, разбираемым Особыми судами, над самими членами партии. Режим через устрашение заставлял людей согласиться с ним, налагая на тех, кто осмеливался ему перечить, самые разнообразные санкции, методично дезориентируя людей, лишая их традиционного общественного и культурного окружения, то есть пивных, клубов, добровольных ассоциаций, прежде всего, если режим считал, что они несут потенциальную угрозу для него, как, например, рабочее движение. Страх и террор с самого начала были в политическом арсенале нацистов²⁴¹. Государство и партия могли их использовать, потому что через несколько месяцев после назначения Гитлера рейхсканцлером все немцы уже были лишены практически всех основных человеческих и гражданских прав, которые имели при Веймарской республике. Закон никак не мог защитить от государства, если государство или какие-либо его органы подозрева-

ли, что гражданин не желает соглашаться с его политикой и целями. Напротив, издавалось множество новых, часто совершенно драконовских законов, которые фактически давали полиции гестапо и СС карт-бланш на какое угодно обращение с любым, кого подозревали в отклонении от установленных Третьим рейхом норм поведения. В этой ситуации не было удивительным то, что обычные люди и чиновники низшего уровня в нацистской партии стали нагнетать атмосферу всепроникающего террора и устрашения, посылая в гестапо свои собственные добровольные доносы на людей, проявляющих отклоняющееся поведение.

В то же время гестапо было только одной частью гораздо более широкой сети наблюдения, террора и судебных преследований, устанавливаемой нацистским режимом в 1930-х годах; в нее входили также СА и СС, криминальная полиция, тюремная система, социальные службы и службы трудоустройства, медицинские учреждения, центры здравоохранения, больницы, Гитлерюгенд, блокквартиры и даже такие, очевидно политически нейтральные организации, как налоговая служба, железная дорога и почта. Все они снабжали гестапо, суды и прокуратуру информацией о диссидентах и людях, отклоняющихся от нормы, образуя таким образом не имеющую четкой структуры, нескоординированную, зато всепроникающую систему контроля, в которой гестапо было всего лишь одной организацией из многих²⁴². Все, что происходило в Третьем рейхе, было пронизано атмосферой страха и террора, которая никогда не ослабевала, а, наоборот, становилась все более и более сильной. «Вы знаете, что такое страх? — спросил один пожилой рабочий у человека, который брал у него интервью спустя несколько лет после того, как все закончилось. — Нет. Страх — это Третий рейх»²⁴³. Однако же террор был только одним из методов управления, которыми пользовался Третий рейх. Ведь нацисты не хотели просто выбить из людей пассивное, угрюмое согласие. Они хотели, чтобы народ с радостным воодушевлением принял их идеи и их политику, хотели переменить человеческие умы и души и создать новую немецкую культуру, в которой воплощались только нацистские ценности. Это означало проведение пропаганды, и здесь, как мы увидим далее, для достижения своих целей они тоже шли на беспрецедентные меры.

ГЛАВА 2

МОБИЛИЗАЦИЯ ДУХА

Просвещение народа

I

«Революция, которую мы совершили, — объявил 15 ноября 1933 года Йозеф Геббельс, — всеобъемлюща. Она затронула все сферы жизни людей и кардинально их перестроила. Она полностью поменяла отношение людей друг к другу, к государству и к насущным вопросам». Он говорил, что это была «революция, идущая снизу», двигателем которой стали рядовые немцы, потому что она привела к «превращению немецкой нации в народ». Превращение в единый народ означало установление во всей нации единства духа, потому что, как Геббельс уже объявлял в марте, «30 января эпоха индивидуализма наконец-то завершилась... на место отдельной личности теперь придет сообщество людей». «Революции, — продолжал он, — никогда не ограничиваются одной только областью политики. Отсюда они распространяются на все другие сферы социального существования людей. Экономика и культура, точные и гуманитарные науки, искусство не защищены от ее влияния». В этом процессе невозможно держать нейтралитет, никто не может остаться в стороне, прикрываясь ложными заявлениями о своей объективности или об искусстве ради искусства. Потому что, заявлял он, «искусство — это не абсолютное понятие, жизнь ему может дать только жизнь людей» и поэтому «не существует искусства без политического уклона»¹.

Революция, о которой говорил Геббельс, не была социальной или экономической, такой как французская революция

1789 года или русская революция 1917 года. Не была она и той непрекращающейся революцией, которую, судя по всему, замыслил Рём и его штурмовики, до того, как в 1934 году они были разбиты. Это была культурная революция. Ее целью было углубление и усиление политической власти нацистов, для которого нужно было насадить всему немецкому народу нацистское мышление. Не 37% населения — как сказал Геббельс 25 марта 1933 года, имея в виду самое большое количество голосов, которые нацистам когда-либо удавалось получить на свободных выборах в Германии, — а все 100% должны быть на их стороне². Именно с этой целью 13 марта 1933 года Гитлер создал новое Министерство народного просвещения и пропаганды и посадил в министерское кресло самого Геббельса³. 25 марта Геббельс определил задачу министерства как «духовную мобилизацию» немецкого народа, непрерывное возрождение духа народного энтузиазма, который, по заявлениям нацистов, придавал людям сил в начале войны в 1914 году. Веру нацистов в положительную силу пропаганды во многом подкреплял опыт Первой мировой войны, когда они почувствовали, что британцам удалось распутить несколько разрушительных мифов о Германии. Министерство, в которое входили молодые, убежденные нацистские идеологи, старалось не просто в лучшем свете представить режим и его политику, а создать впечатление, что весь немецкий народ воодушевленно принимал все, что делали нацисты. Одной из самых удивительных мер, сделавших Третий рейх новым диктаторским режимом, было непрекращающееся стремление обеспечить всем поступкам партии народное признание. Почти с самого начала существования режима в стране стали постоянно проводиться плебисциты, где у людей спрашивали их мнение по текущим вопросам. Было очень непросто добиться того, чтобы по всем вопросам люди выражали четкое и практически единодушное согласие с действиями партии, и прежде всего фюрера. Даже если они знали, а они должны были это понимать, что на самом деле это согласие было далеко не искренним, даже только видимость непрекращающегося восхищения Третьим рейхом и истеричное массовое преклонение перед фюрером определенно должно было подействовать на тех, кто относился к режиму скептически или нейтрально, и тоже заставить их плыть

по течению, согласившись со всеобщим мнением. Также это должно было отбить у оппонентов режима желание говорить и действовать, убедив их, что добиться поддержки от сограждан для них совершенно нереально⁴.

Геббельс даже и не пытался скрыть, что общенародное признание Третьего рейха было делом рук самого режима. Министерство пропаганды должно было направлять и координировать то, как народ воспринимает режим и его политику. «Все происходящее за кулисами, — говорил он, — помогает режиссировать то, что происходит на сцене»⁵. Сюда входили церемонии и ритуалы, такие как парады с факелами, проводившиеся в честь назначения Гитлера рейхсканцлером 30 января 1933 года, официального государственного открытия Рейхстага в Потсдаме 21 марта 1933 года, ежегодного съезда НСДАП, проводившегося каждую осень в Нюрнберге, Дня народного труда 1 мая и по многим другим поводам. В традиционный календарь добавлялись новые праздники и торжества, включая День рождения Гитлера (20 апреля) и церемонию в память о путче 9 ноября 1923 года. По всей Германии начали менять названия улиц, чтобы избавиться от напоминаний о демократическом прошлом, которые вдруг стали неудобны или нежелательны, или для того, чтобы воздать хвалу Гитлеру, или другим высокопоставленным нацистам, или пожертвовавшим собой героям нацистского движения, таким как Хорст Вессель, в честь которого теперь был назван рабочий район Берлина Фридрихсхайн. В Гамбурге одной из улиц присвоили имя семнадцатилетнего Отто Блёкера, члена Гитлерюгенда, застреленного во время вооруженного нападения коммунистов на штаб-квартиру местного отделения партии 26 февраля 1933 года⁶. И подобных примеров было множество.

Но больше всех остальных чествовали Гитлера. К началу 1930-х годов культ Гитлера в партии уже достиг существенных масштабов, но теперь на его распространение по всей нации были пущены все средства, имеющиеся у государства, не только через слова и образы, но и бесчисленные тонкие символические способы⁷. Начиная с марта 1933 года многие города принялись объявлять Гитлера их почетным горожанином. К концу 1933 года почти в каждом городе главная площадь была названа *Adolf-*

Hitler-Platz. Уже 20 апреля 1933 года, в 44-й день рождения Гитлера, во всех городах были развешаны флаги и установлены транспаранты, на деревенских домах по всей Германии были развешаны гирлянды, праздничные украшения появились в витринах магазинов и даже на общественном транспорте. По улицам проходили праздничные парады и процессии с факелами, а в храмах совершались особые службы о фюрере. В пропагандистской машине Геббельса Гитлер красноречиво сравнивался с Бисмарком, а министр образования Баварии Ганс Шемм пошел еще дальше, назвав его «художником и зодчим, которого нам послал Господь Бог», он говорил, что Гитлер создавал «новое лицо Германии», что придавало народу его «окончательную форму» после «всех событий этих двух тысяч лет»: «В личности Гитлера воплотились столь долгие ожидания немецкого народа»⁸. На плакатах и иллюстрациях в журналах, в новостях и кино Гитлер изображался как человек из траншеи, доброжелательный, не только разносторонний гений, предчувствующий судьбу, но еще и скромный, простой человек с небольшими потребностями, который презирал богатство и хвастовство, был добр к детям и животным, скорбел о старых товарищах, павших в тяжелые времена. Солдат, художник, рабочий, правитель, политик – его изображали как человека, с которым могут быть солидарны все слои немецкого общества. Многих простых немцев ошеломило то, насколько масштабна и активна была его пропаганда. Эмоции, захватившие Луизу Зольмиц, когда она стояла на улице, ожидая прибытия Гитлера в ее родной город Гамбург, были вполне типичны. «Я никогда не забуду тот момент, когда он проезжал мимо нас в своей коричневой форме, отдавая гитлеровское приветствие в своей личной, особой манере... воодушевление [толпы] вознеслось до небес... Она шла домой, стараясь осмыслить «великие моменты, которые я только что пережила»⁹.

Наиболее очевидным показателем того, насколько глубоко культ личности Гитлера внедрился в повседневную жизнь, было введение Немецкого приветствия – «Хайль Гитлер!» (*Heil Hitler*), – которое начиная с июля должно было использоваться госслужащими во всех официальных письмах. Вдобавок к этому было введено Гитлеровское приветствие, вытянутая вверх правая рука, которое иногда сопровождалось выкрикиванием

того же «Хайль Гитлер», это также было обязательным, на этот раз для всех граждан, когда пелся национальный гимн или песня Хорста Весселя. «Каждый, кто не хочет попасть под подозрение в том, что он осознанно идет против общества, должен отдавать Гитлеровское приветствие», — говорилось в декрете¹⁰. Такие ритуалы не только формально закрепляли солидарность сторонников партии, но также отделяли тех, кто стоял в стороне от режима. Они еще более укрепляли власть Гитлера¹¹. После смерти Гинденбурга и последовавшего за ней плебисцита, посвященного выбору нового главы государства 19 августа 1934 года, проходящего под слоганом «Гитлер за Германию — вся Германия за Гитлера», культ фюрера более не знал пределов. В ходе своей пропаганды Геббельс так представил «Ночь длинных ножей», что Гитлера стали поддерживать еще больше, как человека, который снова спас Германию от беспорядков, нанес удар по разросшимся амбициям партийных «шишек» и вернул в партию приличия и мораль¹². С этого момента если в народе появлялась какая-либо критика, то она была направлена на младших партийных работников, а сам фюрер оставался неприкосновенным¹³.

Куль Гитлера достиг своего апогея на съезде партии в Нюрнберге в 1934 году, втором из проводившихся при новом режиме. Пятьсот поездов свезли четверть миллиона человек на специально для этого построенную железнодорожную станцию. Чтобы разместить участников, был сооружен огромный палаточный городок, а чтобы их накормить и напоить, привезли колоссальные количества продуктов. На самом съезде совершались самые разнообразные «ритуалы». На протяжении целой недели участники прославляли нацистское движение, сохранившее единство после беспокойного лета прошлого года. За городом на огромном поле Цеппелина тесно стоящие шеренги сотен и тысяч штурмовиков в униформе, эсэсовцев и активистов Нацистской партии приняли участие в ритуальном обмене приветствиями с Гитлером. «Хайль, мои люди!» — кричал он, — и сто тысяч голосов в унисон отвечали ему: «Хайль, мой фюрер!» С наступлением темноты речи, хоровое пение и парады сменились факельными шествиями и эффектными церемониями, в небо направили лучи более сотни прожекторов, участники и зрители оказались,

как выразился британский посол, внутри «ледяного собора». Проекторы на арене высвечивали тридцать тысяч красных, черных и белых знамен со свастиками, которые двигались сквозь шеренги людей в коричневых рубашках. В самый пафосный момент церемонии «знамя крови» — флаг, который несли во время пивного путча 1923 года, был ритуально «посвящен», его прикладывали к новым флагам, чтобы передать его ауру жестокой борьбы и кровавых жертв¹⁴.

Американский корреспондент Уильям Ш. Ширер был весьма впечатлен, когда впервые посетил съезд нацистской партии. «Мне, кажется, становятся понятны причины поразительного успеха Гитлера», — признался он в своем дневнике 5 сентября 1934 года. «В чем то подражая обрядам Католической церкви, он вернул в серую и пресную жизнь немцев двадцатого века пышность, красочность и мистицизм. Церемония открытия, состоявшаяся этим утром на полях Луитпольда, в окрестностях Нюрнберга, была не просто колоссальным представлением; в ней был какой-то мистицизм и религиозный подъем, как в католическом соборе на пасхальной или рождественской службе».

Когда вошел Гитлер со своим окружением и стал медленно спускаться к центральному проходу, «тридцать тысяч рук взметнулись вверх, отдавая приветствие». Стоя на подиуме под «знаменем крови», Гесс зачитал имена погибших в путче 1923 года, и им была отдана дань молчания. «При такой атмосфере, — писал Ширер, — неудивительно, что каждое слово из уст Гитлера казалось Словом, ниспосланным с небес». Ширер воочию увидел, какие эмоции присутствие Гитлера вызывало у его сторонников, когда накануне съезда фюрер ехал с близлежащего аэродрома в Нюрнберг на машине с открытым верхом, приветствуя поднятой рукой кричащие толпы, выстроившиеся вдоль улиц старого города. Ширер продолжал: «Я оказался в толпе из десяти тысяч истеричных людей, стоящих перед гостиницей Гитлера и кричавших: «Мы хотим видеть нашего фюрера». Меня поразили их лица, особенно лица женщин, когда Гитлер наконец на мгновение появился на балконе. Это напомнило мне безумные лица, которые я когда-то видел в Луизиане, у собиравшихся в путь последователей секты трясунов. Они смотрели на него, как будто это был Мессия, их лица превратились во что-то определенно нече-

ловеческое. Если бы он оставался на виду больше нескольких мгновений, я думаю, многие женщины упали бы от возбуждения в обморок»¹⁵.

Одно «грандиозное действо» сменяло другое, писал Ширер, а кульминацией стал постановочный бой, который продемонстрировали на поле Цеппелина военные подразделения. Завершило все мероприятие шествие по улицам города военных и военизированных подразделений, которым, казалось, не было конца, все это создавало у Ширера сильное ощущение «явной дисциплинированной силы», которой при нацистском режиме обладали немцы. Таким выразительным способом, через массовые представления, где огромные массы людей согласованно двигались и маршировали, выстраивались рядами или терпеливо стояли, образуя на поле огромные геометрические фигуры, съезд прежде всего должен был вселить в людей чувство вновь обретенного единства; причем Гитлер и Геббельс собирались передать его не только Германии, но и всему миру¹⁶.

Именно для этой цели Гитлер распорядился, чтобы весь съезд был заснят на пленку, и поручил эту работу Лени Рифеншталь, приказав, чтобы ей предоставили все для этого необходимое. Имея в распоряжении четыре фургона со звуковым оборудованием, шесть камер, которыми управляли шестнадцать операторов, у каждого из которых был помощник, Рифеншталь сняла документальный фильм, каких еще не было. Команда из 120 человек, используя новые технологии, такие как телеобъективы и широкоугольная съемка, добились эффекта, который многие нашли чарующим, когда в 1935 году фильм вышел под выбранным лично Гитлером названием «Триумф воли». Как позднее объясняла Рифеншталь, речь шла не только о воле немецкого народа, но, кроме того и прежде всего, о воле Гитлера, которого постоянно снимали ее камеры, одного, спускающегося на самолете сквозь облака на землю Нюрнберга, стоящего в своей машине с открытым верхом, проезжающей по городу под радостные крики выстроившейся вдоль улиц толпы, остановившегося, чтобы принять букет от маленькой девочки, обращающегося с речью к своим последователям на фоне пустого неба, ритуально прикладывающего к новым знаменам партии «знамя крови» и,

наконец, на арене Луитпольда, где он доводил себя до исступления, обращаясь к народу с речью, заставившей их в унисон кричать «Ура победе!», как будто на службе в возрожденческой церкви, а Рудольф Гесс с фанатичной преданностью кричал «Партия — это Гитлер! Но Гитлер — это Германия, так же как Германия — это Гитлер! Гитлер! Ура победе!» (Sieg heil)¹⁷.

«Триумф воли» удивлял своей монументальностью и тем, как в нем были представлены широкие дисциплинированные массы,двигающиеся абсолютно согласованно, как будто это было одно тело, а не тысячи. Для небольшого снятия напряжения в фильм включены вставки, в которых показаны молодые штурмовики, играющие в жесткие мужские игры, эти кадры сменяются сценами, восхваляющими мужское тело, где они снимают одежду и прыгают в озеро, здесь сказались и личные пристрастия Рифеншталь, в которых выражалась нацистская идеология. Реальность, крившаяся за всем этим, не была достойна такого восхваления: пьянство, скандалы, жестокие драки с нанесением увечий, убийства, которые происходили «за кадром»¹⁸. Но при съемках фильма у Рифеншталь были и более тонкие способы подправить существующую реальность, она не только изображала мероприятия съезда не в том порядке, в каком они происходили; также она специально для камеры устраивала репетиции и постановочные сцены, пользуясь разрешением Гитлера в любой момент вмешиваться в ход мероприятий. На самом деле некоторые сцены имели смысл только если смотреть их на экране. Один из самых поразительных моментов фильма, когда Гитлер медленно двигался через широкий проход между неподвижными, хранящими молчание сотысячными рядами одетых в форму членов военизированных подразделений, сопровождаемый Гиммлером и новым руководителем штурмовиков Лютце, чтобы возложить венок в память о погибших за режим, не мог произвести видимое впечатление на кого-то кроме горстки людей, принимавших в этом участие. В последних кадрах фильма весь экран заполнили колонны марширующих штурмовиков и эсэсовцев в черных рубашках и стальных шлемах, не оставляя у зрителей сомнения не только в дисциплине и скоординированности народных масс в Германии, но также (и это было более зловеще) в преобладании в их организации военных принципов. Фильм

считался документальным, но по своей сути был пропагандистским, он должен был убедить Германию и весь мир в силе, мощи и решимости немецкого народа, руководимого Гитлером¹⁹. Это был единственный снятый в Третьем рейхе фильм о Гитлере, в нем уже было сказано все, что нужно было сказать, второй фильм был уже попросту не нужен. Он вышел в марте 1935 года и получил всеобщее признание не только на родине, но и за рубежом. Фильм получил Национальную кинематографическую премию, которую Рифеншталь вручил Йозеф Геббельс, назвавший этот фильм «Великолепным кинематографическим представлением Фюрера», также он получил золотую медаль на Венецианском кинофестивале в 1935 году и Гран-при Парижского кинофестиваля в 1937 году. Фильм продолжали показывать в кинотеатрах, и хотя после войны его запретили к показу, он до сих пор остается одним из величайших классических произведений документальной пропаганды двадцатого века²⁰.

Забавно, что, когда было издано распоряжение снять «Триумф воли» и когда шли съемки, имперский министр пропаганды выступал резко против этого фильма; годом раньше Рифеншталь уже предпринимала первую и неудавшуюся попытку снять подобную картину, получившую название «Триумф веры». Рифеншталь не была членом нацистской партии и так ей и не стала, и Геббельс весьма огорчал тот факт, что она была напрямую назначена Гитлером, миновав тот путь, по которому, как он считал, должны проходить все пропагандистские работы²¹. Более того, «Триумф воли» нарушал все принципы, которые по приказу Геббельса должны были соблюдаться в киноиндустрии. Обращаясь 28 марта 1933 года к работникам кинопромышленности, Геббельс критиковал чисто пропагандистские фильмы, которые «не отвечали духу современности»: «Новое движение не исчерпывается тем, чтобы маршировать и дуть в трубы», — говорил он. Хвалебно отзываясь о фильме советского режиссера Сергея Эйзенштейна «Броненосец Потемкин», он утверждал, что не только идеи фильма делают его хорошим, но также и способности создавших его людей. Кино должно соответствовать новому духу эпохи, но в нем также должны учитываться вкусы публики²². Пропаганда, говорил Геббельс, наиболее эффективна, когда она идет не напрямую. «В этом секрет пропаганды:

проникнуть внутрь человека, над которым требуется установить контроль, так, чтобы он даже не заметил, что в него хотят проникнуть. Конечно, у пропаганды есть цели, но цель нужно скрыть так ловко и так по-умному, чтобы человек, на которого пропаганда направлена, совсем этого не замечал»²³.

Соответственно этой политике по приказу Геббельса, а может, и им самим была написана едкая рецензия на один из первых нацистских фильмов под названием «Штурмовик Бранд», снятый в начале 1930-х годов, где очень грубо, надуманно и с явно пропагандистскими целями изображался шестнадцатилетний школьник из рабочей семьи, который вопреки своему отцу социал-демократу вступил в ряды штурмовиков; на работе его преследует профсоюз, состоящий в основном из евреев, а впоследствии его убивают коммунисты, он становится мучеником за нацистский режим. Геббельс считал, что фильм вряд ли сделает кого-то сторонником нацизма. Он предназначался для уже обращенных. В октябре он выступил с резкой критикой другого фильма, в котором прославлялась жизнь и смерть штурмовика Хорста Весселя, которого в 1930 году застрелил один из коммунистов. В фильме рассказывается история, подобная той, что показана в «Штурмовике Бранде», но с гораздо более выраженными антисемитскими мотивами. Коммунисты, которые потом застрелили героя, были одурачены еврейскими преступниками и интеллектуалами. Геббельс заявил, что фильм не соответствует памяти о Весселе. «Мы, национал-социалисты, — говорил он, — не видим никакой пользы в том, когда наши СА маршируют на сцене или на экране. Их место — на улицах. Такое показное представление нацистской идеологии не заменит настоящего искусства»²⁴.

Утром в день премьеры фильма про Хорста Весселя, на которую должны были прийти многие важные фигуры берлинского общества, включая кронпринца, старшего сына последнего кайзера и активного сторонника нацистов, Геббельс вынес официальный запрет на его показ. Его своевольные действия привели в ярость сторонников этого фильма, в том числе Путци Ганфштенгля, одного из старых друзей Гитлера, который сочинил для фильма музыку и лично выделил немалые суммы денег, необходимые на его финансирование. После того как он обратился с жалобой лично к Гитлеру и Геббельсу, партия наконец-то пошла

ему навстречу, и запрет был отменен при одном условии, что название фильма изменят на «Ганс Вестмар: один из многих». В таком виде фильм получил широкое одобрение у прессы и у зрителей, которые во многих кинотеатрах ставали, когда в последних кадрах звучала песня Хорста Весселя²⁵.

Но и Геббельс добился своего. Этот спор убедил Гитлера в том, что в будущем министр пропаганды должен иметь более эффективный контроль над кинопромышленностью. Геббельс использовал его, чтобы остановить производство таких прямолнейных пропагандистских фильмов, которые, возможно, были популярны среди преданных «ветеранов», но были неуместны для того времени, когда Нацистская партия уже укрепила свою власть²⁶.

II

1930-е годы во всем мире стали золотым веком кинематографа, в котором появился звук, а в некоторых фильмах и цвет. Количество зрителей в Германии росло, за период с 1932–1933 по 1937–1938 годы количество посещений кинотеатра в год для среднего немца выросло с четырех раз до примерно восьми, то есть почти вдвое²⁷. В начале и середине 1930-х годов из Германии уехали многие знаменитые актеры и режиссеры; некоторые, как Марлен Дитрих, последовав за соблазнами Голливуда, другие, как Фриц Ланг, по политическим причинам. Но большинство остались. Одним из самых известных был Эмиль Яннингс, получивший в 1920-х годах во время работы в Голливуде один из первых в истории Оскаров за роль в фильме «Последний приказ». Вскоре после того, как Яннингс вернулся в Германию, его стали снимать только в сугубо политических фильмах, таких как «Властелин» (*Der Herrscher*), фильм, воспевающий мощную власть, представлял собой вольную интерпретацию известной пьесы Герхарта Гауптмана, действие в нем происходило в богатой семье промышленников, представителей среднего класса, прототипом которой стали Круппы, сценарист Теа фон Харбоу до этого работала над немыми фильмами, такими как «Метрополис» и «Доктор Мабузе» Фрица Ланга, а в 1930-х годах перешла на кино со звуком. Огромной популярностью у посе-

тителей кинотеатров пользовались новые звезды, такие как Цара Леандер, а некоторые актеры, например немец Теодор Лоос, казалось, совсем не сходили с экранов. Появилось новое поколение режиссеров, закладывающих в кино нацистские идеи, самым выдающимся из них, пожалуй, был Фейт Харлан²⁸. Однако из тех, кто занимал важное место в киноиндустрии Третьего рейха, не все избежали жесткого наблюдения. В 1935 и 1936 годах НСДАП призывала зрителей интересоваться расовой и политической принадлежностью актеров, играющих основные роли. Постоянно поступали запросы об одном из самых любимых публикой немецких актеров Гансе Альберсе, о котором ходили слухи, что он женат на еврейке. Это действительно было так, его жена Ханзи Бург была еврейкой, но Альберс добился того, чтобы на время существования Третьего рейха она оставалась в Швейцарии, в безопасности. Зная об этом, Геббельс чувствовал, что он не в силах что-либо предпринять, учитывая невероятную популярность Альберса, и чиновники из Министерства пропаганды неуклонно отрицали существование Ханзи Бург²⁹.

Такие актеры, как Альберс и Яннингс, внесли свой вклад в придание немецкому кино в 1930-х годах невероятной популярности. Однако эти успехи уравнивались тем, что немецкая киноиндустрия была все более изолирована. Продажи немецких фильмов за рубеж стремительно падали. Отчасти это было вызвано тем, что они были все более политизированы, а качество их ухудшалось, но главной причиной было враждебное отношение иностранных дистрибьюторов, особенно если они были евреями или не поддерживали политику партии, установившей жесткий контроль над их коллегами в Германии. Но еще более важно с коммерческой точки зрения было то, что практически прекратился импорт в Германию иностранного кино. Проблемы, с которыми сталкивались иностранные фильмы, можно проиллюстрировать на примере странного персонажа Микки Мауса, ставшего невероятно популярным в Германии в 1930-х годах; рынок наполнился множеством разнообразных товаров с его изображением — от фигурок до комиксов. В 1931 году в одной померанской газете было опубликовано резкое заявление о том, что «Микки Маус — это самый неказистый и жалкий из всех когда либо придуманных идеалов». Но это было только редкое

исключение. Микки был так популярен у немецкого зрителя, что нацистские киноцензоры, можно сказать, были вынуждены пропустить в показ все диснеевские «Забавные симфонии». Особенно критикам пришелся по душе диснеевский мультфильм «Три поросенка», так как в нем содержалась сцена, которую Дисней впоследствии вырезал, где большой злой волк появился у дверей дома одного из поросят под видом бродячего торговца, с карикатурным фальшивым носом, который нацисты без труда могли трактовать как еврейский. Единственным исключением стал «Безумный Доктор», в котором сумасшедший ученый пытался скрестить пса Плуто с цыпленком, этот мультфильм запретили, либо из-за того, что его можно было трактовать как сатиру на евгенические идеи нацистов, либо, что более вероятно, его посчитали слишком страшным для детей³⁰.

Однако и диснеевские мультфильмы, столь популярные у немцев, скоро встретили трудности в прокате. Основная причина была финансовая. Рой Дисней, руководящий финансовой стороной бизнеса своего брата, 20 декабря 1933 года заключил новый контракт с УФА на поставку фильмов Уолта Диснея в Германию, но 12 ноября 1934 года немецкое правительство в четыре раза увеличило налог на импорт этих фильмов, заставляя дистрибьюторов выплачивать по 20 000 рейхсмарок за каждый купленный иностранный фильм. Государство также ввело строгий контроль за экспортом валюты, что практически лишило иностранные компании возможности получить в Германии прибыль. В результате «Юниверсал» и «Уорнер Бразерз» закрыли в Германии свой бизнес, а Диснею его популярность у немцев так и не принесла никакой прибыли. Ситуация не стала заметно лучше и после того, как 19 февраля 1935 года в правила были внесены изменения. С этого момента налог на покупку зарубежных фильмов зависел от экспорта немецкого кино. Но немцы к тому времени перестали снимать кино, которое хотели бы показывать иностранные дистрибьюторы. Даже если бы такие фильмы и были, негативное отношение американских дистрибьюторов и зрителей к нацистскому антисемитизму все равно сильно затруднило бы их показ. Осенью 1937 года истек контракт Диснея с УФА, кроме того, ситуация осложнилась тем, что были списаны средства, накопленные Диснеем в Германии, отчасти для то-

го, чтобы покрыть банкротство основного дистрибьютора. Визит в Берлин Роя Диснея не смог решить эту проблему, и к 1939 году диснеевские мультфильмы в Германии практически не показывались. Исключением из этого правила посчастливилось стать Адольфу Гитлеру, которому в 1937 году министр пропаганды Йозеф Геббельс подарил на Рождество восемнадцать мультфильмов с Микки Маусом³¹.

Ко второй половине 1930-х годов государственный контроль над американской киноиндустрией стал еще жестче, благодаря Банку кредитования кино, созданному в июне 1933 года, чтобы помочь производителям кино заработать деньги в тяжелых условиях депрессии. К 1936 году он финансировал около трех четвертей всех немецких художественных фильмов и не стеснялся отказывать в поддержке тем проектам, которые он не одобрял. Тем временем контроль министра пропаганды над кадровым составом всех отраслей киноиндустрии еще более укрепился благодаря тому, что 14 июля 1933 года была создана Имперская палата кино, возглавляемая самим Геббельсом. Каждый, кто устраивался на работу в индустрию кино, теперь обязан был стать членом палаты, десять отделов которой затрагивали каждую сторону кинематографического бизнеса в Германии³². Создание палаты стало важным шагом на пути к полному контролю. В следующем году Геббельс получил еще большую власть благодаря тому, что две крупнейшие кинокомпании, УФА и «Тобис», потерпели финансовый кризис и были благополучно национализированы. К 1939 году около двух третей всего немецкого кино производилось компаниями, финансируемыми государством³³. Немецкая киноакадемия, созданная в 1938 году, стала организовывать обучение для следующего поколения режиссеров, актеров, художников, операторов, техников, добиваясь того, чтобы они начали работать в духе нацистского режима. Кроме финансовых инструментов контроля существовали еще и юридические, прежде всего закон о кинематографе в Третьем рейхе, принятый 16 февраля 1934 года. По этому закону все сценарии обязательно должны были подвергаться цензуре. Также согласно ему все существующие организации, занимающиеся цензурой, объединялись в единый отдел Министерства пропаганды. А поправка, внесенная в 1935 году, позволяла Геббельсу запретить любой фильм, независимо от этой

организации. В качестве поощрения для производителей кино и в качестве руководства для зрителей были введены специальные обозначения «Ценен с художественной точки зрения», «Ценен с политической точки зрения» и так далее³⁴.

По замыслу Геббельса, в нацистской Германии производилось множество развлекательных фильмов. Согласно данным Министерства пропаганды, в 1934 году 55% показываемых фильмов были комедиями, 21% — драмами и 24% — политическими фильмами. В разные годы эти пропорции менялись, также были фильмы, которые можно было отнести к нескольким категориям. Однако в 1938 году к политическим были отнесены только 10%; 41% классифицировали как драмы и 49% — как комедии. Другими словами, пропорция политических фильмов сократилась, а количество драм резко возросло. Музыкальные фильмы, костюмированные драмы, романтические комедии и другие подобные жанры уводили от действительности и притупляли чувства; но они могли нести в себе и некое послание³⁵. Все кино, к какому бы жанру оно ни относилось, должно было соответствовать общим принципам, установленным Имперской палатой кино, многие из фильмов прославляли власть, пропагандировали крестьянские добродетели крови и почвы, чернили людей, ненавистных нацистскому режиму, таких как большевики и евреи, или использовали их в качестве злодеев в абсолютно неполитических драмах. Пацифистские фильмы в показ не пропускались, Министерство пропаганды добивалось того, чтобы любое жанровое кино придерживалось нужного направления. Так, например, в сентябре 1933 года журнал «Кинокурьер» осудил то, как в кино времен Веймарской республики изображался «уголовный класс, чью вредоносность и деструктивность фантазия жителей столицы раздула до невероятности», — это определено относилось к фильмам Фрица Ланга, таким как «Метрополис» и «М», также газета уверила своих читателей, что в будущем фильмы о преступлениях будут концентрировать внимание не на преступниках, а на «героях в форме или в гражданском», служащих своему народу в борьбе с преступностью³⁶. Таким образом, даже развлечения могли иметь политическую окраску³⁷.

Наряду с явной политической пропагандой существовала еще и кинохроника, прежде всего «Еженедельное обозрение»

(Wochenschau), которое начиная с октября 1938 года следовало показывать вместе с каждым коммерческим фильмом и которое помимо спорта, сплетен и тому подобного примерно наполовину было посвящено политическим вопросам. Стилизованное, основанное на клише, рассказанное на пронизанном нацистским духом языке сражений и борьбы, жестким и агрессивным голосом диктора, часто изображающее события, специально поставленные для камеры, оно имело весьма опосредованное отношение к реальности. К 1939 году все кинохроники, которыми изначально владели разные компании, одна из которых была американской («Еженедельное озвученное обозрение Фокс»), говорили одним голосом, управлял ими специальный отдел в Министерстве пропаганды, а поддерживал их Закон о кинохронике, принятый в 1936 году. Как и ко многим другим визуальным источникам, говорящим об истории нацистской Германии, к материалу кинохроник историк должен относиться с большой осторожностью³⁸. Что касается зрителей того времени, пропагандистские цели здесь были очевидны для всех, кроме самых недалеких из них.

III

Кинохроника не была для немцев основным способом узнавать о том, что происходит в мире: гораздо большее значение для них имело радио, ставшее очень популярным при Веймарской республике. Все люди, чья работа так или иначе относилась к радиовещанию, от дикторов до инженеров и торговых агентов, должны были стать членами Имперской палаты радио, основанной осенью 1933 года. Это дало Министерству пропаганды абсолютную власть принимать и увольнять сотрудников радиовещания. Немецкое радиовещание оказалось под контролем государства еще за год до этого: 1 апреля 1934 года региональные радиостанции были объединены в Радиокомпанию рейха и подчинены Министерству пропаганды. Нацисты расширили свое влияние также и на производство радиоприемников, выплачивая значительные субсидии производителям, которые изготавливали и продавали дешевые приборы, известные как «Народные радиоприемники» (Volksempfänger), их можно было купить за 76 рейхсмарок, а другую модификацию — меньшего размера — всего за 35.

Это не превышало средней еженедельной зарплаты рабочего, а при необходимости его можно было купить в рассрочку. В 1933 году было изготовлено уже полтора миллиона таких приемников, а к середине 1939 года радио было уже более чем в 70% домов, этот процент был больше, чем в любой другой стране включая США. С помощью радио в зоне действия правительственной пропаганды впервые оказались и многие деревенские жители. Распространение радио позволило режиму обращаться к тем частям страны, которые до этого были далеки от мира политики. Всего было произведено около семи миллионов таких приборов; к 1943 году каждый третий радиоприемник, используемый в Германии, был «Народным радиоприемником». Отличительной чертой этого аппарата было то, что его зона покрытия была ограничена, чтобы все, кто не находился в приграничных зонах, не могли настроить его на волны зарубежных радиостанций. По особым случаям речи Гитлера можно было транслировать в общественных местах, в фабричных цехах, конторах, школах и ресторанах. При звуке сирены люди должны были оставить все свои занятия и собраться вокруг громкоговорителя или просто в зоне его слышимости для совместного прослушивания. Также всем следовало слушать «Час народа», который передавали на всех станциях с семи до восьми часов. Составлялись даже планы по созданию национальной сети из 6000 громкоговорителей на столбах, которые облегчили бы общественные прослушивания; его реализации помешало только начало войны в 1939 году³⁹.

Уже 25 марта 1933 года Геббельс сообщил дикторам и руководителям радиостанций, что «радио будет очищено» от неконформистов и сторонников левых, и попросил их самим справиться с этой задачей, заявив, что в ином случае он сделает это сам. К лету эфир действительно был очищен. Часто у тех, кого увольняли, начинались после этого серьезные проблемы. Один из тех многих, кого это задело, был Йохен Клеппер. Он родился в 1903 году, сам он не был евреем, а была его жена, что само по себе вызывало подозрения. И хотя он был глубоко религиозным протестантом, у него было социал-демократическое прошлое. Анонимный донос привел к тому, что в июне 1933 года он был уволен с контролируемой государством радиостанции. Как многие из людей, оказавшихся в таком положении, он переживал за

свое финансовое будущее. Издание романов и поэм не компенсировало ему работы на радио, в любом случае он считал, что публиковаться ему тоже, вероятно, запретят. «Я не думаю, что за меня заступятся немецкие издатели», — писал он в отчаянии. «Как теперь издательство должно поддерживать автора на плаву, если он не соответствует “надеждам нации”?» Наконец его спасло назначение на работу в радиожурнал Издательской компании Ульштейна⁴⁰. Многим другим пришлось покинуть страну или выйти на пенсию, обрекая себя на бедность. Но Геббельс не остановился на одних только изменениях кадрового состава. В том же обращении к работникам радио он с удивительной беспристрастностью заявлял: «Нет ничего такого, что не имело бы политического уклона. Открытие принципа абсолютной объективности — это удел профессоров немецких университетов, а я не верю, что историю творят университетские профессора. Мы без всякого стеснения заявляем, что радио принадлежит нам и никому больше. И мы поставим радио на службу нашей идеологии, и никакая другая идеология здесь никогда не найдет своего выражения...»⁴¹.

Но, как и в случае с кино, Геббельс понимал, что люди не вынесут диеты, состоящей из одной только голой пропаганды. Уже в мае 1933 года он начал отклонять просьбы от руководителей нацистской партии, желавших услышать свой голос по радио, и ограничил трансляции политических речей до двух в месяц⁴².

Радио, говорил министр пропаганды, должно быть изобретательным, современным. «Первый закон, — говорил он руководителям радиостанций 25 марта 1933 года, — не становитесь скучными!» Они не должны были ставить в свою программу только военные марши и патриотические речи. Им следовало подключить свое воображение. Радио могло заставить весь народ следовать за режимом⁴³. Несмотря на это предупреждение, по радио первое время в больших количествах передавали политическую пропаганду, только в 1933 году было передано пятьдесят речей Гитлера. 1 мая 1934 года трансляция первомайских празднований с речами, песнями, маршами и всем остальным заняла не менее семнадцати часов эфирного времени. Неудивительно, что слушатели быстро пресытились такими излишествами и предпочитали по возможности слушать зарубежные радиостанции. Лишь потом на совет Геббельса, который он повторял постоянно, стали по-

немного обращать внимание. С 1932 по 1939 год постепенно росло количество времени, отводимого на музыкальные программы. К 1939 году общее количество часов, отведенных на «литературу» и «беседы», сократилось до примерно 7%; две трети эфирного времени теперь занимала музыка, причем на шесть седьмых она состояла из популярной, а не классической. Особенным успехом пользовался регулярный концерт по заявкам, который начали проводить с 1936 года, в нем звучали популярные композиции и развлекательная музыка, стиль которой со времен Веймарской республики, в общем, не изменился. Однако некоторые все же жаловались на то, что даже музыка была скучна, и им не хватало радиопьес, которые были так популярны при Веймарской республике⁴⁴. В 1938 году Служба безопасности жаловалась на «недовольство радиослушателей», проявляющееся в том, что почти все они с невиданной ранее регулярностью «ловят передачи иностранных станций на немецком языке»⁴⁵.

IV

Нельзя сказать, что многосоставная кампания Геббельса по мобилизации духа немецкого народа на службу Третьему рейху и его идеям проходила абсолютно гладко. Судя по тому, что происходило в различных сферах деятельности режима, ему еще было далеко до монополии в тех областях, которые, как утверждалось, были у него под контролем. Уже в ходе дискуссий, которые завершились созданием Министерства пропаганды, Гитлер не позволил Геббельсу получить полномочия руководить образовательным процессом, как он хотел, а передал эту функцию отдельному министерству, возглавляемому Бернгардом Рустом. Однако более серьезна для Геббельса была борьба за главенство в культурной сфере с самоназначенным идеологом партии Альфредом Розенбергом, который считал своим долгом распространение нацистской идеологии в немецкой культуре, в особенности его собственной замысловатой ее версии. В конце 1920-х годов Розенберг стал руководителем Союза борьбы за немецкую культуру (*Kampfbund für deutsche Kultur*), одной из многих создаваемых в то время специализированных организаций. В 1933 году Союз быстро начал брать «объединенные» немецкие сценические ор-

ганизации под свой контроль⁴⁶. Розенберг также стремился навязать идеологическую чистоту во многих других сферах немецкой культуры, включая музыку и изобразительные искусства, церкви, институты интеллектуальной жизни Германии, все те области, которые по изначальному замыслу Геббельса должны были быть под контролем Министерства пропаганды⁴⁷. Союз борьбы за немецкую культуру был немногочислен, но очень активен. Количество его членов возросло с 2100 в январе 1932 года до 6000 в следующем году, в апреле 1933 года оно составляло 10 000 человек, а в октябре следующего года — 38 000. Многие нападки на музыкантов, являющихся евреями или левыми, происходящие весной и в начале лета 1933 года, были организованы или спровоцированы Союзом борьбы за немецкую культуру, в который входило множество ультраправых музыкальных критиков и авторов. Кроме того, в распоряжении у Розенберга было мощное орудие пропаганды, «Расовое обозрение», ежедневная нацистская газета, в которой он был главным редактором. Для Геббельса эту ситуацию усугубляло еще и то, что взгляды Розенберга на искусство и музыку гораздо более совпадали со взглядами Гитлера, не единожды симпатия Геббельса к культурным новшествам грозила обеспечить превосходство Розенбергу⁴⁸.

У самого Геббельса не хватало времени на Розенберга, говорят, что он называл его основное произведение «Миф XX века» «философской отрыжкой»⁴⁹. В то время как ведомство Розенберга был только партийной организацией, преимущество Геббельса состояло в том, что он мог объединить свою партийную власть имперского руководителя пропаганды и власть уже полностью окрепшего имперского министерства, которое было политически непогрешимо, так как в его состав входили проверенные члены партии. Гитлер был невысокого мнения о политических способностях Розенберга, возможно, после того, какой беспорядок он устроил, когда его поставили во главе партии после неудавшегося «Пивного путча» в Мюнхене в 1923 году. Поэтому он отказался дать ему государственную должность. Более того, разделяя многие из его предубеждений, Гитлер был почти такого же низкого мнения о вычурных, псевдофилософских теориях Розенберга, как и Геббельс. Он никогда не допускал его в круг своих друзей и соратников. Уже к лету 1933 года разрыв, спрово-

цированный Союзом борьбы за немецкую культуру, стал неудобен с политической точки зрения⁵⁰. 22 сентября 1933 года Геббельсу удалось добиться принятия декрета об организации Имперской палаты культуры, в которой он сам был председателем. Она состояла из нескольких отдельных подсекций, также называемых палатами: литературы, театра, музыки, радио, кино, изобразительных искусств и прессы, согласно категориям, уже выделенным в министерстве. Некоторые из этих специализированных палат уже существовали до этого, как, например, Имперская палата кино, или находились в процессе формирования; теперь они стали монопольными государственными институтами. Таким образом, Геббельсу удалось увести из рук Розенберга немецкий театр. Требование закона, чтобы каждый, желающий работать в любой из этих областей, являлся членом соответствующей палаты, давало Геббельсу возможность исключать любого, чьи взгляды были неприемлемы для режима, и благополучно лишало Розенберга влияния в культурной сфере. Имперская палата культуры также помогала Геббельсу лучше обеспечивать пенсионные права и бороться с непрофессионализмом и низкой квалификацией сотрудников, хотя начиная с 1935 года его политика смягчилась. В то же время он постарался представить Имперскую палату культуры и ее специализированные палаты как форму культурного самоуправления. Министерство пропаганды лишь слегка направляло бы их, а реальная власть была бы в руках тех, кого назначили у себя старшими сами художники, музыканты, писатели, именно они должны были фактически председательствовать и выдавать инструкции на каждый день. Таким образом, министр пропаганды добился поддержки подавляющего большинства немцев, жизнь которых так или иначе зависела от искусства, а таких было немало: например, в 1937 году в Имперской палате изобразительного искусства состояло 35 000 человек, в палате музыки в том же году было 95 600 человек, а в палате театра — 41 100⁵¹.

Начало работы Имперской палаты культуры было ознаменовано пышной церемонией, председательствовал на которой сам Гитлер, церемония состоялась в Берлинском филармоническом зале 15 ноября 1933 года, на ней играл самый престижный из оркестров филармонии, дирижировал которым сначала Вильгельм

Фуртвенглер, а затем Рихард Штраус, после чего последовала речь Геббельса и хоровое пение «Проснись! День светлый настает!» из «Нюрнбергских мастерзингеров» Вагнера. От Розенберга впоследствии отделались, присвоив ему 24 января 1934 года помпезный, но ничего по сути не значащий титул «уполномоченного фюрера по контролю за общим духовным и мировоззренческим воспитанием национал-социалистической партии». Его Союз борьбы за немецкую культуру, получивший более нейтральное название Национал-социалистического культурного сообщества, продолжал свою деятельность; потеряв свое значение после победы над противниками нацистского режима, он превратился в нечто вроде штурмового отряда, работающего в культурной сфере, а в 1937 году и вовсе прекратил свое существование⁵². Розенберг продолжал время от времени причинять Геббельсу неприятности, но в конце концов, когда Геббельс перестал терпимо относиться к культурному модернизму, жестко осуждаемому Гитлером, Розенберг оказался неспособен поколебать превосходство министра пропаганды в культурной сфере⁵³.

Кроме Розенберга были и другие высокопоставленные персоны, которым Геббельс был вынужден противостоять. Гитлер, которому когда-то приходилось зарабатывать себе на жизнь, рисуя открытки, с большим личным интересом относился к изобразительным искусствам. Он был большим поклонником музыки Вагнера, у него возникла серьезная страсть к архитектуре, много времени он проводил за просмотром фильмов в собственном кинозале. Затем был Герман Геринг, чья должность министра-президента Пруссии давала ему возможность контролировать многие основные культурные учреждения, управляемые и финансируемые прусским государством, однако он не пытался широко влиять на культурную политику. В вопросы культуры был также глубоко вовлечен министр образования Бернгард Руст, в особенности если они касались молодежи. Он организовал комитет, состоящий из музыкантов, в число которых входили Вильгельм Фуртвенглер, пианист Вильгельм Бакхауз и другие, он должен был контролировать и фактически подвергать цензуре программы всех концертов и других музыкальных мероприятий в Берлине. Он осуществлял наблюдение за такими учреждениями, как консерватории и академии искусств. Судя по всему, его основной

заботой было не давать Министерству пропаганды вмешиваться в сферу его влияния, а такая вероятность существовала всегда, так как министерство с самого начала заявило о намерении распространить свое влияние также и на сферу образования. И наконец, Нацистский трудовой фронт, возглавляемый Робертом Леем; в 1933 году, когда он поглотил профсоюзы, в его составе оказались многие художники, музыканты и их организации, судя по всему, он был готов защищать свое положение, которое стал занимать в жизни музыкантов. Споры о разграничении сфер деятельности между этими организациями стали столь ожесточенными, что Министерство образования 15 июля 1933 года попыталось вообще запретить публичное обсуждение вопросов, касающихся искусства, хотя и безуспешно⁵⁴.

Как бы они ни различались и ни расходились в деталях, все нацистские культурные организации, их руководители всегда соглашались с тем, что евреев и политических противников нацистского режима необходимо как можно быстрее устранить из культурной жизни и что необходимо уничтожить «культурный большевизм», хотя они часто расходились во мнениях относительно того, к каким конкретно людям и работам стоило применять эти установки. В 1933-м и последующих годах около 2000 художников, писателей, музыкантов, актеров, режиссеров, журналистов, архитекторов и других людей, ведущих активную культурную деятельность, покинули Германию, некоторые потому что были не согласны с нацистским режимом, многие из-за того, что были евреями и лишились работы, обеспечивавшей их пропитание. Устранение евреев из Имперской палаты культуры потребовало некоторого времени, так как было против Министерство экономики, которое сочло это экономически невыгодным. Но к середине 1935 года это все-таки произошло⁵⁵. Немецкую культуру и средства массовой информации, очищенные от диссидентов, неконформистов и тех, кого режим считал нежелательными с расовой точки зрения, в будущем ждали тотальная регламентация и контроль. Многочисленные распри между главными претендентами на превосходство в нацистской партии мало способствовали тому, чтобы отдалить такое будущее, либо не способствовали этому вообще.

Пресса, литература, театр

I

В 1920-х и начале 1930-х годов не было никакого сомнения в том, какая из немецких газет была самой известной в стране и за рубежом. «Франкфуртер цайтунг» (Frankfurter Zeitung) — «Франкфуртская газета» — была известна во всем мире глубоким и объективным освещением событий, искренностью мнений и высокими интеллектуальными стандартами. Если иностранцы, желая знать, что происходило в стране, решали обратиться к какой-нибудь немецкой газете, то всегда выбирали именно ее. Газету возглавляла довольно небольшая группа людей, но они были очень образованны и многие из них оказывали ключевое влияние на формирование общественного мнения. Политически либеральное, это издание долгое время оставалось независимым от величайших газетных империй, сформировавшихся вокруг таких людей, как Альфред Гутенберг или семьи Моссе и Ульштейн. Их издательская и кадровая политика определялась не одним руководителем, а совместным решением редколлегии. Однако при Веймарской республике они столкнулись с финансовыми трудностями и были вынуждены передать контрольный пакет акций крупному химическому концерну «И.Г. Фарбен», который вскоре начал покушаться на их издательскую независимость, прежде всего в вопросах экономической политики. К 1932 году в их передовицах отстаивалась точка зрения о том, что пора было привести Гитлера и нацистов к коалиционному правительству и спасти Германию от кризиса, реформировав в авторитарном ключе Веймарскую конституцию⁵⁶.

В первые месяцы 1933 года редакция газеты прогнулась под сложившуюся ситуацию, стала печатать статьи, в которых поощрялись гонения на коммунистов после поджога Рейхстага, и перестала публиковать критику нацистской партии. Но либеральная репутация газеты привела к тому, что 11 марта 1933 года в редакцию ворвался вооруженный отряд штурмовиков и руководству пригрозили, что если она не будет во всех отношениях придерживаться нацистского курса, то будет закрыта.

Вскоре из газеты стали уходить сотрудники, и редколлегия поддавалась давлению Министерства пропаганды, требующего уволить из нее евреев; к концу 1936 года их там уже не осталось, хотя в редакции еще работали два полуеврея и два человека, у которых евреями были супруги. Увидев, к чему все идет, еврейская семья основателя газеты Леопольда Зоннемана 1 июня 1934 года продала свои акции «И.Г. Фарбен», которой теперь принадлежало 98% акций в материнской фирме газеты. На этом этапе нацисты не могли позволить себе отказать гигантскому химическому синдикату, чья помощь в программах перевооружения и создания рабочих мест была им весьма необходима. Изначально «И.Г. Фарбен» выкупило газету для того, чтобы обеспечить себе хорошую рекламу как внутри страны, так и за рубежом среди тех, чье мнение имело большой вес, но те, кто занимал там главные посты, например Карл Бош, также были политическими и культурными консерваторами, и они не хотели, чтобы газета лишилась своих главных особенностей. Геббельс и Гитлер тоже этого не хотели, они ценили международную репутацию газеты и не хотели вызывать подозрения у других стран, навязывая ей слишком радикальные изменения. Все это означало, что у газеты была несколько большая свобода действий, чем у остальной прессы⁵⁷.

Поэтому иностранные корреспонденты газеты продолжали присылать в нее материалы, содержащие критику нацистов другими государствами, до самой середины 1930-х годов. А ее редакторы, в особенности на культурных страницах, нередко отказывались печатать материалы, присланные из Министерства пропаганды, даже если на это был приказ Геббельса. Они старались, и иногда успешно, печатать статьи, подчеркивающие человеческие ценности, на которые, по их мнению, покушались нацисты. Многие из сорока новых членов редколлегии, назначенных с 1933 по 1939 год, до этого работали в изданиях, которые были у нацистов на плохом счету, включая социал-демократические, националистические и католические. Многие из них, как, например, Вальтер Диркс или Пауль Зете, в послевоенные годы стали знаменитыми западногерманскими журналистами. Также на своих постах смогли остаться известные писатели Дольф Штенбергер и Отто Зур, у которых были жены-еврейки⁵⁸. Входящие в штат писатели публиковали якобы исторические статьи

про Чингисхана или Робеспьера, в которых параллели с Гитлером были абсолютно очевидны для любого более-менее образованного читателя. Они виртуозно научились сообщать информацию, которая была неприятна режиму, с такими формулировками, как «абсолютно не соответствует действительности слух о том, что...», и затем история, представленная как ложь, рассказывалась в мельчайших подробностях. Вскоре газета получила репутацию практически единственного органа, из которого можно было что-нибудь узнать, и ее тираж снова стал увеличиваться⁵⁹.

Гестапо прекрасно знало о том, что «Франкфуртер цайтунг», в частности, содержала материалы, которые «следует считать злонамеренной агитацией», и что «сейчас как никогда “Франкфуртер цайтунг” посвящает себя защите интересов евреев»⁶⁰. На самом деле вплоть до 1938 года газета продолжала ставить имя Леопольда Зоннемана в шапку, прекратив это делать только после прямого указания от властей⁶¹. «Виртуозное мастерство, с которым они стараются исказить принципы национал-социализма и его образ мышления, изменить его смысл, — жаловались представители гестапо по другому случаю, — иногда просто поражает»⁶². Однако со временем, и в особенности после 1936 года, режим все чаще и чаще заставлял редакцию задуматься о своей безопасности. Бесчисленные компромиссы с Министерством пропаганды были неизбежны. Прямое сопротивление было невозможно. Уже в августе 1933 года английский журналист Генри Уикхем Стид отметил, что «либеральная газета, которая когда-то была предметом гордости, при новом режиме стала инструментом несвободы»⁶³. Иностранная пресса вскоре прекратила цитировать статьи из этой газеты, решив, что их стало практически невозможно отличить от потока мистификаций и пропаганды, постоянно извергаемого министерством Геббельса⁶⁴. В 1938 году, поняв, что больше нет необходимости влиять на общественное мнение, так как никакого общественного мнения в Германии уже не осталось, «И.Г. Фарбен» тайно продала эту фирму дочерней организации нацистской партии — «Издательскому дому Эхер», даже не озаботившись сообщить об этом сотрудникам газеты. 20 апреля 1939 года Макс Аманн, руководивший издательским направлением НСДАП, официально вручил эту газету Гитлеру в качестве подарка на день рождения. Ее функции выразителя

свободного, хотя и замаскированного, мнения пришел конец; читать ее стали все меньше, и в 1943 году газета была закрыта⁶⁵.

Уже то, что им так долго удавалось сохранить хотя бы какие-то остатки независимости, было удивительно. Осенью 1933 года над сотрудниками газет, как и над другими работниками культуры и пропаганды, установили централизованный контроль, была создана Имперская палата прессы, руководил которой Макс Аманн. Было невозможно работать в издательской отрасли, не являясь членом палаты. Аманн постепенно брал под свой контроль все большее количество газет, пользуясь непрочным финансовым положением прессы: во время депрессии он мог лишить неугодные издания дохода, заключив государственные контракты по рекламе не с ними, а с нацистскими газетами. Опасаясь, что подписка на либеральные газеты создаст плохую репутацию, читатели меняли свои предпочтения. К началу 1934 года тираж либеральной газеты «Берлинер Тагеблатт» («Берлинский еженедельный листок») упал со 130 000 до менее чем 75 000, а у другой, уважаемой «Фоссише цатург», — с 80 000 до менее чем 50 000. Нацисты расширили свою печатную империю с 59 ежедневных газет общим тиражом 782 121 экземплярах в начале 1933 года до 86 газет общим тиражом более трех миллионов к концу года. В 1934 году они купили большую еврейскую издательскую фирму Ульштейна, отвечающую за некоторые из самых уважаемых немецких ежедневных изданий. В 1935–1936 годах Аманн смог закрыть или выкупить от 500 до 600 газет, пользуясь возможностями, которые ему давали новые правила Имперской палаты прессы, установленные в апреле 1935 года и запрещающие конфессиональные газеты, газеты «для отдельных групп по интересам», не позволяющие коммерческим корпорациям, организациям, сообществам и другим организациям владеть газетами и дающие ему возможность закрывать газеты, которые не оправдывают себя финансово или которыми владеют люди не арийского происхождения. К 1939 году более двух третей немецких газет и журналов принадлежали «Издательскому дому Эхер» или контролировались им⁶⁶.

В то время как Аманн занимался скупкой немецких издательств, Геббельс и его сторонник Отто Дитрих, руководитель пресс-службы партии, расширяли свой контроль за их содержа-

нием. Дитрих добился того, что 4 октября 1933 года был принят новый закон, по которому редакторы были лично ответственны за содержание своих газет, он лишил владельцев издательств права увольнять сотрудников и установил правила, по которым в газетах нельзя было печатать ничего, что «было бы направлено на ослабление могущества германского рейха на международной арене и внутри страны, ослабление народной воли немецкого народа, немецкой обороны, культуры или экономики или повредить религиозным чувствам других людей». Членство в Имперской ассоциации немецкой прессы теперь было обязательно по закону, и его можно было лишиться, если журналист нарушил правила поведения, установленные профессиональными судами.

В результате за два года пребывания Гитлера в должности канцлера 1300 журналистам, среди которых были евреи, социал-демократы и левые либералы, запретили работать в газетах. Таким образом, Геббельс осуществлял контроль через издательства и журналистов, а Аманн делал это через палату прессы и собственников издательств⁶⁷.

Однако на региональном и местном уровне, где инициативу осуществлять контроль над прессой брали на себя нацисты среднего ранга, часто использовались сразу оба способа, в особенности там, где были организованы региональные газетные издательства. Вызванное тем или иным способом закрытие конкурирующих газет не только устранило альтернативу местным нацистским газетам, но также превращало их из маленьких предприятий, едва держащихся на плаву, в успешные и прибыльные компании⁶⁸.

Над всеми другими газетами нацистской эпохи возвышался «Народный обозреватель» — «Фёлькишер Беобахтер» (Völkischer Beobachter). Это была единственная среди немецких ежедневных газет, выходившая одновременно в Мюнхене и в Берлине. Она была рупором партийного руководства, необходимым чтением для тех, кто был верен партии или просто хотел, чтобы ему сказали, как нужно думать и во что верить. В частности, учителя подписывались на эту газету, чтобы использовать ее в классе и время от времени проверять, не взяты ли из нее работы их учеников, прежде чем критиковать их за стиль или содержание. Тираж газеты мгновенно вырос с 116 000 экземпляров в 1932 году до 1 192 500 в 1941 году, это была первая немецкая газета, у которой продавалось

более миллиона экземпляров в день. Ее редактор Йозеф Вейсс после 1933 года начал размещать на ее страницах серьезный фактологический материал, но также он побуждал авторов использовать в своих статьях язвительный, угрожающий, горделивый тон, таким образом ежедневно демонстрируя высокомерие нацистской партии и ее решимость сокрушить любого, кто потенциально может нести для нее угрозу. Однако он не смог убедить Макса Аманна профинансировать содержание постоянного кадрового состава иностранных корреспондентов, вместо этого в вопросах зарубежных новостей ему пришлось положиться на сообщения пресс-агентств. За «Фёлькишер Беобахтер» следовало множество других газет и журналов, среди которых прежде всего стоит отметить эпатажную газету «Штюрмер» (Der Stürmer; «Штурмовик») Юлиуса Штрейхера, тираж которой вырос с 65 000 в 1930 году до примерно 500 000 тремя годами позже, во многом благодаря заказам от различных нацистских организаций. Ее широко продавали на улицах, ее первую полосу выставляли в витринах, чтобы все могли ее видеть. Многие из размещенных там статей, рассказывающих о ритуальных убийствах и подобных зверствах, предположительно совершаемых евреями, были настолько неправдоподобны, а регулярные сообщения о сексуальных скандалах с участием мужчин-евреев и нееврейских немецких девушек были столь порнографичны, что многие люди не хотели, чтобы в их доме был хоть один номер этой газеты; иногда партийное руководство даже было вынуждено отзывать отдельные номера из продажи. С другой стороны, в ее редакцию приходило много читательских писем, где они доносили на своих соседей, не отдававших гитлеровское приветствие, или общались с евреями или в их высказываниях появлялась критика режима. Также стоит отметить, что эта газета организовывала общественные петиции о закрытии еврейских предприятий и подобных антисемитских мероприятиях. Заказам от партии также обязаны своими высокими тиражами такие известные партийные журналы, как «СА-Ман» (SA-Mann), которые в середине 1930-х годов распространялись среди членов Штурмовых отрядов по 750 000 экземпляров в неделю. Но по индивидуальной подписке немцы, как правило, получали иллюстрированные еженедельные журналы, где печатали менее политизированные статьи и фотографии⁶⁹.

Геббельс четко осознавал, что, осуществляя контроль над прессой, надо сделать так, чтобы вся она придерживалась единого курса. Чтобы было легче следить за содержанием печатных изданий из центра, в декабре 1933 года Министерство пропаганды взяло контроль над двумя основными пресс-агентствами – Телеграфным союзом Гуттенберга и конкурирующим с ним Телеграфным отделением Вольфа – и объединило их в «Немецкое бюро новостей» (Deutsche Nachrichten Bureau) – DNB. Оно не только предоставляло газетам информацию для внутренних и международных новостей, но также давало инструкции и комментарии по поводу того, как их нужно трактовать. Редакторам не разрешали получать новости из каких-либо источников, кроме своих собственных корреспондентов. Инструкции, которые Геббельс выдавал редакторам на регулярных пресс-конференциях или сообщал по телефону в региональные пресс-агентства, включали приказы о том, что нужно напечатать, и, довольно часто, запреты. «Ни в коем случае нельзя публиковать фотографии Людендорфа вместе с фюрером», – говорилось в одной из таких инструкций, изданной 6 апреля 1935 года. «Вчера посол фон Риббентроп попал в автомобильную аварию. В этой аварии серьезно пострадала его дочь. Сам посол остался невредим. Немецкая пресса не должна сообщать об этом происшествии», – говорилось в другой инструкции, изданной 14 апреля 1936 года. «В будущем имена высокопоставленных советских чиновников и политиков, если они являются евреями, будут упоминаться только так – приставка “еврей” и их “еврейское имя”», – сообщалось работникам немецкой прессы 24 апреля 1936 года. «Нельзя сообщать о визите руководителей СА из группы “Митте” в музей масонства во время их пребывания в Берлине», – проинструктировали издателей 25 апреля 1936 года. «Сообщения о Грете Гарбо могут быть позитивны», узнали они 20 ноября 1937 года, возможно, к своему облегчению⁷⁰. Указания были удивительно подробными, это делалось для того, чтобы не оставить редакторам возможности проявить инициативу⁷¹.

Нельзя сказать, что все эти меры были результативны. Как показал пример «Франкфуртер цайтунг», умный и решительный издатель или корреспондент все же мог вынести на газетные страницы новость, которую режим не хотел бы афишировать, или скры-

тую критику действий режима, замаскированную под рассказы о диктатуре в древнем Риме и древней Греции. 20 апреля 1935 года «Швейнитцер крейзблатт» (Schweinitzer Kreisblatt; «Швейнитцкий окружной листок») напечатала на первой полосе большую фотографию Гитлера, так, что его голова закрывала буквы «itzer» в названии, и осталось «Schwein», что в переводе с немецкого означает «свинья», в результате гестапо на три дня запретило эту газету, посчитав это оскорблением Гитлера. Не похоже, что это оскорбление получилось случайно⁷². Однако каковы бы ни были достижения «Франкфуртер цайтунг», большинство издателей и журналистов не могли или не хотели проявлять оригинальность и независимость, отклоняясь от пропаганды, которой они должны были обеспечивать своих читателей. Количество газет с 1932 по 1944 год сократилось с 4700 до 977, а количество журналов и разнообразной периодики за период с 1933 по 1938 год уменьшилось с 10 000 до 5000. А те, что сохранились, становились все более однообразны по содержанию. Более того, из-за все возрастающей важности радио как источника свежих и своевременных новостей газеты столкнулись с проблемой, которая существует и сегодня — как сохранить читателя, к тому моменту, как их напечатают, новости уже устаревают⁷³. В результате у публики, читающей газеты, стало расти недовольство, что подтверждалось опросами, постоянно проводимыми гестапо. «Однообразие в прессе, — говорилось в ежемесячном докладе отдела гестапо в Касселе в марте 1935 года, — совершенно невыносимо, в особенности для тех, кто разделяет национал-социалистические взгляды». Затем, говорилось далее в отчете, люди не понимают, почему они не могут прочитать в прессе о тех событиях, о которых все вокруг знают, но про которые власти считают, что эти вопросы слишком деликатны, чтобы о них говорить. По мнению гестапо, это способствовало распространению слухов, и, что так же плохо, подталкивало людей получать информацию из иностранных источников, в особенности из немецкоязычных газет, которые печатали в Швейцарии и которые продавались все большим тиражом даже в небольших сообществах далеко от крупных городов⁷⁴.

Но режим принял меры для решения и этой проблемы, и не только воспользовавшись своей возможностью конфисковать прессу, завозимую из-за границы. Имперская палата прессы кон-

тролировала Ассоциацию продавцов книг на немецких железных дорогах и сделала так, чтобы «основной обязанностью продавцов книг на станциях стало распространение немецких идей. Владельцев станционных книжных магазинов нужно проинструктировать, чтобы они уклонялись от всего, что способствовало бы распространению иностранных газет». То, что относилось к станционным киоскам, касалось также и крупных новостных агентств⁷⁵. С такими ограничениями неудивительно, что люди стали даже еще более недоверчивы к тому, что они читали в газетах, это было видно по отчетам гестапо в 1934—1935 годах. Вместо этого они обращались к другим источникам. Только в 1934 году тираж партийной прессы сократился более чем на миллион экземпляров. И если бы не массовые заказы нацистских партийных организаций, то в этом и последующих годах он упал бы еще больше. В Ельне тираж местной нацистской газеты с января 1934 года по январь 1935 года упал с 203 000 до 186 000 в январе 1935 года, в то время как тираж местной католической газеты за этот же период вырос с 81 000 до 88 000. Подобные тенденции наблюдались и в других районах Германии. Таким образом, не было ничего особо удивительного в том, что 24 апреля 1935 года были введены «Правила Аманна», позволявшие лишить любую газету лицензии, если она создает «несправедливую конкуренцию» или наносит «моральный вред» читателю. После этого у партийной прессы дела действительно пошли немного лучше; но только потому, что конкуренция исчезла, а людей угрозами и запугиваниями заставляли подписываться на партийные издания⁷⁶.

Таким образом, контроль за прессой постепенно становился все более жестким, по мере того, как режим находил способы вычислять тех, кто ему не повиновался. Журналистам, редакторам и другим сотрудникам газет приходилось принимать непростые решения о том, как далеко они могут зайти в выполнении требований режима, чтобы не потерять свою профессиональную целостность. Однако с течением времени у них не осталось выбора, кроме как почти полностью сдать, а тех, кто этого не делал, лишали должностей. Несмотря на то что Геббельс широко объявлял о том, что радиопередачи и газеты не должны быть скучными, он в конце концов надел на радио и прессу политическую смиренную рубашку, что привело к многочисленным жалобам от населе-

ния на то, что самые влиятельные средства массовой информации были скучны и однообразны, и на раболепие их сотрудников. Уже в 1934 году он рассказывал газетчикам, как он был доволен тем, что пресса сама, без указаний реагирует на текущие события так, как нужно⁷⁷. Но несколько лет спустя он со своим обычным цинизмом сделал вывод, что «любой, у кого есть хоть какой-то намек на честь, ни за что не станет журналистом»⁷⁸.

II

Написав книгу «Маленький человек, что же дальше?», опубликованную в июне 1932 года, Ганс Фаллада создал последний многотомный роман в Веймарской республике, пользовавшийся широкой популярностью. За первые десять месяцев было продано 40 000 экземпляров, роман печатали целых десять ежедневных газет, по нему сняли фильм, и он спас книгоиздателя Эрнста Ровольта от почти гарантированного банкротства. Название само по себе как будто объединяло в себе ощущения немцев в отчаянные последние месяцы 1932 года, когда из экономической депрессии и политического тупика, казалось, не было выхода. Многие читатели могли увидеть себя в главном герое романа, скромном служащем Йоханессе Пиннеберге, который проходил через одно унижение за другим. Его девушка оказалась беременна. Ему пришлось на ней жениться, несмотря на враждебное отношение ее отца. Чтобы найти квартиру, в которой они могли бы жить, ему пришлось пройти через множество страданий. А когда появился ребенок, ему пришлось привыкать к семейной жизни. После множества тревожных событий Пиннеберга постигло неизбежное лишение работы, и он присоединился к растущим рядам безработных. Но не в пример другим героям книги, он не пошел на преступление, чтобы свести концы с концами. Он встретил неприятности достойно и с честью. Он смог это сделать, прежде всего благодаря своей жене, которая, преодолев свою неопытность, создала домашний очаг, который стал убежищем от жестокостей и трудностей внешнего мира. На самом деле именно его жена, которую он называл Ягненок, стала центральным персонажем этой книги, именно ее образу, по всеобщему признанию, книга была обязана своей популярностью⁷⁹.

Ганс Фаллада — это творческий псевдоним Рудольфа Дитцена, который родился в 1893 году в Грейфсвальде и не был великим писателем или ключевой фигурой в мире литературы. Его романы и рассказы достигли своей популярности прежде всего из-за откровенного реализма и пристального внимания к мелочам повседневной жизни. Он был настоящим немцем, и ему было бы тяжело заработать на жизнь где-то, кроме своей страны. Поэтому для него вряд ли могла идти речь об эмиграции, в любом случае, как писатель, в общем, не политический, нееврейского происхождения, Рудольф Дитцен не видел причин уезжать из страны⁸⁰. Он не входил ни в какую политическую партию и был слишком популярным автором, чтобы его можно было принимать в такие организации, как Прусская академия искусств, и его произведения не считали слишком спорными с точки зрения режима. Его книги не вошли в число тех, которые горели погребальными кострами на похоронах литературной свободы в университетских городках Германии в мае 1933 года. Но литература была единственным способом, которым он мог заработать себе на жизнь, к тому же у него была дорогостоящая привычка выпивать. При Веймарской республике нервные срывы, наркомания, алкоголизм и различные правонарушения заставляли его долгое время проводить в тюрьмах или клиниках. В результате этого появился новый роман «Кто хоть раз хлебнул тюремной баланды...», который он завершил в ноябре 1933 года⁸¹.

Для того чтобы книгу разрешили опубликовать, Дитцен решил написать предисловие, говорящее, что такая ужасная система уголовного судопроизводства, которая изображалась в книге, была пережитком прошлого, хотя он наверняка знал, что все было как раз наоборот. Даже его издатель Эрнст Ровольт считал, что это было «слишком льстиво». Но сам Ровольт был обязан идти на компромиссы. Половина всех книг, которые он опубликовал до этого, была запрещена. И чтобы удержать свою фирму на плаву, он заменил эти книги другими, более приемлемыми, а также начал сотрудничать с хорошо известными «правыми», хотя и не все из них были нацистами, как, например, Эрнст фон Саломон, автор-националист, замешанный в убийстве Вальтера Ратенау, либерала, министра иностранных дел времен начала Веймарской республики. Но вместе с этим он работал над тем, чтобы обеспечить амери-

канскими визами своих авторов-евреев, чтобы они смогли эмигрировать, хотя, как частный работодатель, до 1936 года он не был обязан увольнять своих сотрудников еврейского происхождения, также он сохранял при себе самых значимых людей, таких, как редактор Дитцена Пауль Маер, который был евреем. Прибыль от продажи иностранных прав значительно уменьшилась из-за того, что Роволыт был вынужден сократить свой список. Чтобы попытаться облегчить эту ситуацию, Роволыт вступил в нацистскую партию, а сам тайно нанимал на разовой основе еврейских наборщиков и корректоров, иллюстраторов, бывших ранее коммунистами. Но ничего из этого не помогло, его фирму поглотил огромный издательский дом «Ульштейн», который уже сам являлся частью «Издательского дома Эхер», принадлежавшего нацистам, а в июле 1938 года его исключили из Имперской палаты литературы и запретили заниматься издательской деятельностью. Его фирма перешла к Немецкому издательскому ведомству, которое впоследствии ее свернуло. Он уехал в Бразилию, но в 1940 году, как ни странно, вернулся, так как считал, что режим был уже на последнем издыхании⁸².

Дитцен во многом полагался на личную поддержку редактора, и поэтому все эти события усложняли ему жизнь. Вернувшись в свой скромный деревенский домик в отдаленном уголке Мекленбурга, он надеялся продолжить зарабатывать себе на жизнь сказками и детскими книжками. В своих серьезных социальных романах он стремился не нарушать требования режима, чтобы не вызывать с его стороны недовольство, в то же время он старался сделать так, чтобы тематика его работ никак не касалась жестокого антисемитизма нацистов. Для автора, чьи работы были целиком посвящены современной жизни в Германии, это было непросто. В 1934 году Дитцен попытался найти какое-то равновесие, убрав из книги «Маленький человек, что же дальше?» все упоминания о штурмовиках. Он превратил жестокого штурмовика в задиру-вратаря, сохранив в то же время положительную характеристику персонажей-евреев. Он не стал лишать симпатии к коммунистам одну из главных героинь книги, Ягненка. Но самый последний его роман «Кто хоть раз хлебнул тюремной баланды...» подвергся в нацистской прессе жестокой критике за то, что в нем автор якобы симпатизировал

«выродкам» из преступного мира. Дитцен ответил новым романом «У нас когда-то был ребёнок» (1934), в котором действие происходило в деревне на севере Германии, и который, как он надеялся, должен был вписаться в нацистские идеалы «крови и почвы». В действительности книге не хватало некоторых важных для этого жанра особенностей, расизма, антиинтеллектуализма, плодovitых крестьянских женщин в качестве героев и прежде всего взгляда на землю как на источник обновления нации (на самом деле главный герой в жизни был неудачником и остался им до самого конца)⁸³.

Под растущим давлением со стороны режима Дитцен стал терять свое непрочное равновесие. С его следующим, не самым лучшим, романом «Старое сердце отправляется в путешествие» возникли проблемы, так как в нем в качестве объединяющей людей основы изображался не нацизм, а христианство. В результате Имперская палата литературы объявила его «нежелательным автором». И хотя вскоре его опять восстановили, у Дитцена снова начались приступы депрессии, настолько серьезные, что пришлось положить его в больницу. Однако другой роман «Волк среди волков», где действие происходило в 1923 году во времена инфляции, нацисты встретили гораздо более благожелательно («фантастическая книга», отметил Геббельс в своем дневнике 31 января 1938 года). Им понравилось его резко критическое изображение Веймарской республики, и когда в 1937 году книгу опубликовали, она стала весьма хорошо продаваться. Этот успех привел к появлению «Железного Густава», семейной саги, в которой действие развивалось вокруг одного консервативного извозчика, отказавшегося мириться с появлением автомобиля. Книга изначально писалась для того, чтобы по ней сняли фильм с Эмилем Яннингсом в главной роли, поэтому она привлекла внимание самого Геббельса, который вопреки изначальной задумке автора настаивал на том, чтобы действие перенесли в 1933 год и чтобы положительный герой стал нацистом, а отрицательный — коммунистом. Несмотря на то что Дитцен согласился на этот унижительный компромисс, фильм так никогда и не сняли, потому что у Альфреда Розенберга были серьезные возражения против того, чтобы по книге Ганса Фаллады снимали фильм, и после того как книгу подвергли критике как

разрушительную и вредоносную, ее тут же убрали из магазинов. «Железный Густав» оказался последним серьезным романом, который Дитцен издал при Третьем рейхе. Следующий роман «Пьяница», изображающий то, как человек становится алкоголиком, написанный от первого лица, шел поперек всего, что Третий рейх хотел видеть в литературе. Со всем этим на страницах рукописи тесно переплеталось написанное вверх ногами, между строк, поперек страницы, так, чтобы его было как можно сложнее расшифровать, долгое повествование о собственной жизни Дитцена при нацистах, жизни, израненной жесткой критикой со стороны режима и отягченной чувством вины за его компромиссы. Но рукопись не увидела дневного света до самой смерти Дитцена в 1947 году. Когда он писал ее, он был заточен в тюрьму для невменяемых. «Я знаю, что я слабый, — писал он своей матери вскоре после войны, — но я не плохой, никогда не был плохим»⁸⁴.

III

Страдания Рудольфа Дитцена показали, насколько ограничены были возможности у авторов, оставшихся в Германии. Практически все всемирно известные немецкие писатели покинули страну, включая Томаса и Генриха Маннов, Лиона Фейхтвангера, Бертольда Брехта, Арнольда Цвейга, Эриха Марии Ремарка и многих других. Здесь они быстро организовали издательские компании, снова начали выпуск журналов, запрещенных в Германии, ездили по разным местам, читая лекции и книги, и пытались предупредить весь остальной мир об угрозе нацизма. Многие произведения, описывающие приход к власти нацистов и первые годы существования Третьего рейха, от «Семьи Опперман» Фейхтвангера до «Вандсбекского топора» Цвейга, были написаны как раз в эмиграции во второй половине 1930-х годов. В некоторых из них, как, например, в «Карьере Артуро Ui» Брехта, задавался вопрос, почему никто не остановил приход к власти Гитлера; в других, как в «Мефисто» Клауса Манна, исследовалась личная и моральная мотивация тех, кто продолжал работать при режиме. Не стоит и говорить, что никто из них не печатали в самой Германии. Все писатели, связан-

ные при Веймарской республике с антифашистским движением и оставшиеся в Германии, либо находились под постоянным наблюдением, либо уже были в тюрьме⁸⁵.

Самым выдающимся из них, пожалуй, был журналист и эссеист с пацифистскими убеждениями Карл фон Осецки, редактор известной левой газеты «Вельтбюне» («Мировая сцена», *Die Weltbühne*), который беспощадно высмеивал Гитлера до 30 января 1933 года. С начала существования Третьего рейха он находился в концлагере, охрана обращалась с ним очень плохо, из-за этого на нем сосредоточилась международная кампания по присуждению Нобелевской премии мира, среди всего прочего за его работу, обличающую тайное перевооружение Германии в конце 1920-х годов. Кампания успешно привлекла внимание к его плохому состоянию здоровья и убедила Красный Крест надавить на режим, требуя его освобождения. Постоянные сообщения в иностранной прессе о побоях и унижениях, которые пришлось перенести Осецки, оказали свое воздействие, и в мае 1936 года журналиста перевели в берлинскую больницу, для того чтобы «не дать возможности иностранным СМИ обвинить немецкое правительство в том, что оно заставило Осецки умереть в тюрьме». Несмотря на все попытки немецкого правительства помешать этому, в ноябре 1936 года Осецки присудили Нобелевскую премию. Приехать в Осло и принять ее писателю не разрешили. На церемонии деньги забрал его представитель, а сам Осецки так и не получил ни пфеннига. Вскоре после этого Гитлер запретил гражданам Германии получать Нобелевскую премию и учредил вместо нее Немецкую национальную премию в области искусства и науки. Здоровье Осецки так и не восстановилось после издевательств в лагерях, и 4 мая 1938 года, проведя два года в больнице, он умер. На кремации разрешили присутствовать только его жене и врачу, по распоряжению режима его прах захоронили в неподписанной могиле⁸⁶.

Осецки стал символом оппозиции, по сути не опубликовав ни слова с тех пор, как исчезла Веймарская республика. Открыто критиковать режим, оставаясь в Германии, вскоре стало невозможно; самая активная литературная оппозиция была со стороны покинувших страну писателей-коммунистов, таких как Бертольд Брехт, Ян Петерсон или Вилли Бредель, чьи работы тайно провозили в Германию в незаконных брошюрах и журналах. Это

прекратилось после того, как гестапо расправилось с подпольным коммунистическим сопротивлением, то есть начиная с 1935 года⁸⁷. Оставшиеся в Германии авторы, которые не были столь политически активны, столкнулись с тем же выбором, который так тяжело дался Рудольфу Дитцену. Многие из них выбрали «внутреннюю иммиграцию», уклоняясь в своих произведениях от социальных тем и вместо внешних событий описывая свой внутренний мир, или отдаляясь от реальности настоящего времени, описывая далекое прошлое или выбирая темы, не связанные ни с каким конкретным временем. Иногда они использовали это как маску, чтобы скрытым образом критиковать режим, или, по крайней мере, писали романы, которые можно было так трактовать. Например, роман Вернера Бергенгрюна «Великий тиран и суд», опубликованный в 1935 году, удостоился похвалы от нацистских критиков как «роман о вожде эпохи Возрождения», Имперская палата литературы разрешила ему продолжать издаваться, несмотря на то, что его жена была на три четверти еврейкой. Однако многим нравилось у него критическое изображение тирании, злоупотреблений властью, террора и последующих угрызений совести виновного во всем этом тирана. При выпуске книги в печать цензоры Министерства пропаганды изменили название на «Искушение», устранили все очевидные параллели с Гитлером, такие как любовь тирана к архитектуре, и вырезали все аллюзии на политическую жизнь. Автор проявил осторожность и отрицал, что в роман была заложена какая-либо критика или сатира, он на самом деле начал писать книгу еще в 1933 году и хотел, чтобы это было пространное размышление на тему власти, а не прямая критика нацистской диктатуры. Как бы то ни было, изданная одним томом, без сокращений, без купюр, сделанных цензорами, под оригинальным названием, эта книга стала бесспорным лидером продаж. Политические условия, сложившиеся при Третьем рейхе, придали идеям книги такую остроту, которой автор никогда и не пытался достичь⁸⁸.

Критические произведения, такие как книга Бергенгрюна, принадлежали перу авторов консервативных политических убеждений, поэтому их, наверно, было легче провезти контрабандой, так как их написали авторы, никогда не вызывавшие подозрений, как это могли сделать представители левого крыла. Разочаровав-

шийся журналист и театральный критик Фридрих Рек-Малечевен смог опубликовать историческое исследование о том, как в XVI в. в городе Мюнстер анабаптисты, которыми руководил Ян Бокельзон, установили власть террора. Книга называлась «Бокельзон. История массовой истерии» (Берлин, 1937). Параллели с Гитлером, с тем, как он умел воодушевлять людей, были очевидны. Рек-Малечевен не был особенно известным автором, и его псевдо-аристократическое презрение к толпе принесло ему новых друзей. Совсем другая ситуация была с Эрнстом Юнгером, одним из самых выдающихся писателей — представителей правого крыла. Он уже был очень популярен своим живописным и героическим описанием жизни солдат во время Первой мировой войны, в 1920-х годах он был очень близок к нацистам, но при Третьем рейхе ему было не слишком комфортно. В своем небольшом романе «На мраморных утесах» Юнгер изобразил эфемерный, символический мир, который находился то в прошлом, то в настоящем, в центре повествования стоял тиран, пришедший к власти, подорвав разваливающуюся демократию, и теперь правящий с помощью силы и террора. Юнгер всегда, даже после 1945 года, отрицал, что, когда писал свой роман, ставил какие-то политические цели, но эфемерное, доиндустриальное место действия романа определенно напоминало нацистскую Германию. Книга, опубликованная в 1939 году, продавалась тиражом 12 000 экземпляров в год, и ее часто переиздавали. И при этом многие читатели считали ее мощной атакой на нацистский режим, очевидным литературным сопротивлением. В условиях Третьего рейха контекст мог повлиять на восприятие книги гораздо более, чем сам автор⁸⁹.

Наверно, Юнгера защищало то, что он был военным героем, которым весьма восхищались Гитлер и Геббельс. Другим защита никогда и не требовалась. Было множество писателей среднего уровня мастерства, готовых писать романы о «крови и почве», где действие происходило в идиллическом и мифическом мире немецких фермеров, романы, прославляющие героев нацистского пантеона, таких как погибший штурмовик Хорст Вессель, или раболопные стихи, воспевающие величие фюрера Германии⁹⁰. Обращаясь к палате культуры рейха, Геббельс, который когда-то сам написал роман, порекомендовал писателям изображать пробуждение Германии в позитивном ключе. В качестве ос-

нового подхода он рекомендовал «стальной романтизм»⁹¹. Рифмоплеты прославляли нацистские ценности и пробуждение немецкого духа. «Германия — не та, где парламенты и правительственные дворцы», писал в 1934 году Курт Эггерс, но

Там, где бурая земля приносит свои плоды,
Там, где владыка правит своею рукой, там Германия,
Там, где маршируют колонны и звучат боевые кличи, там Германия.
Там, где бедность и самопожертвование воздвигают себе памятники,
И там, где непокорные глаза глядят на врага,
Там, где сердца ненавидят и вздымаются кулаки,
Здесь дает побеги и всходит новая жизнь Германии⁹².

При Веймарской республике нацистские песни и стихи в основном были предназначены для поднятия духа членов партии в их борьбе против всего, что они ненавидели, — против Республики, евреев, реакционеров, парламентаризма. Но начиная с 1933 года в немецкой поэзии появился призыв уже ко всей немецкой нации мобилизоваться против врагов государства, как внутренних, так и внешних. Лютая ненависть продолжала звучать в литературе, но теперь ее заглушали бесконечные дифирамбы новой Германии, новому рейху и, прежде всего, новому фюреру. Представив, что он говорит от лица немецкого народа, лирик Фриц Штоке в 1934 году в своих стихах обращался к Гитлеру:

Приведи нас домой.
Пусть твоя тропа терниста
И ведет по краю пропасти,
Через крошево металла и камня
Мы пойдем за тобой,

Если ты попросишь отдать все, что у нас есть,
Мы отдадим, потому что верим тебе.

Мы присягаем тебе на верность,
Никто не сможет нарушить этой клятвы,
Даже ты — только смерть нарушит ее!
В этом смысл нашей жизни⁹³.

В таких стихах всегда присутствовала тема смерти, нацистская мифология, прославляющая самопожертвование и мученичество, расширялась и превращалась в общий для всего народа принцип⁹⁴.

Авторов таких стихов вряд ли можно было назвать известными. Одним из главных литературных и художественных течений в то время был экспрессионизм, приверженцы которого по большей части были представителями левого крыла, хотя некоторые из них, как, например, драматург Ганс Йост, начиная с 1933 года работали на нацистов; Йост стал руководителем Имперской палаты литературы и обладал при новом режиме значительной властью⁹⁵. Мировоззрение экспрессионистов на самом деле имело много общего с нацистским, оно включало в себя эмоциональное самовыражение, добродетели молодости, порочность индустриального мира, банальность буржуазии, перестройку человеческого духа в восстании против интеллектуализма. С другой стороны, оригинальность экспрессионизма обуславливается совершенно ненацистским отказом от натурализма в пользу прямого выражения эмоций, при котором авторы часто избегали реалистичного описания внешнего облика. Из-за своего радикального, нестандартного стиля экспрессионисты абсолютно не вписывались в культурный аппарат нацистов. Хорошим и широко известным примером того, как люди могли переходить от экспрессионизма к национал-социализму, является писатель Готфрид Бенн. У Бенна, который в 1920-х годах уже был состоявшимся поэтом, была и другая жизнь, он был практикующим врачом и занимался расовой гигиеной. В приходе нацистов к власти он увидел профессиональную возможность применить принципы евгеники на практике. Будучи до этого человеком аполитичным, он заявил о своей преданности рейху. И он энергично принялся за чистку академии от писателей-диссидентов. Когда его за это раскритиковал Клаус Манн, живущий за границей сын писателя Томаса Манна, сам также выдающийся писатель, Бенн ответил, что только те, кто остался в Германии, могут осознать, какой поток творческой энергии высвободился с приходом Третьего рейха⁹⁶.

Хотя его поэзия была чиста, возвышенна и отдалена от повседневной борьбы, Бенн тем не менее восхвалял режим, возродивший веру в немецкую природу и сельскую жизнь. Он считал

Гитлера великим восстановителем чести и достоинства Германии, но вскоре после первых чисток академии Бенн впал в немилость режима. А когда нацистские органы, отвечающие за культуру, пошли в атаку на экспрессионизм в музыке, живописи и литературе, он еще более усугубил свое положение, выступив в его защиту. То, что он делал это таким способом, который, по его мнению, должен был понравиться нацистам, как антилиберальный необузданный ариец, как порождение духа 1914 годов, не впечатлило тех, кто обвинил его в непатриотичности, чрезмерной интеллектуальности, извращенности и аморальности. «Если потребуется назвать того, кто является порождением большевистского духа, наслаждающегося безобразным, празднующего свои оргии в вырождающемся искусстве, — говорил ему один из его критиков, — тогда вы с полным правом можете первым оказаться у этого позорного столба». И стихотворения с названиями «Плоть», «Крестный ход проституток», «Кадриль сифилиса» и подобная «порнопоэзия» доказывают это, говорил он⁹⁷. В марте 1938 года Бенна исключили из Имперской палаты литературы. Ему запретили публиковаться, но еще до этого времени, в июле 1937 года, он получил должность в Военном министерстве. В январе 1934 года он писал: «Что касается будущего, я думаю, абсолютно очевидно, что в Германии нельзя разрешать издавать книги, содержание которых оскорбляет новое государство». Когда в эту категорию попали его собственные книги, из-за того, что их эстетический дух сочли чуждым культуре нового государства, ему было нечего на это ответить⁹⁸.

Судя по тому, с какими проблемами пришлось столкнуться Рудольфу Дитцену и Готфриду Бенну, у режима в распоряжении были самые разнообразные способы контролировать литературную деятельность граждан. Членство в Имперской палате литературы было обязательно не только для всех писателей, поэтов, сценаристов, драматургов, критиков и переводчиков, но также и для издательских домов, книжных магазинов, лавок букинистов, библиотек, выдающих книги, и всего связанного с торговлей книгами, включая научные, учебные и технические публикации. Евреев из нее исключали, так же как и диссидентов и людей с подозрительным политическим прошлым. Всему этому способствовало обилие различных организаций, занимающихся цензу-

рой. Их деятельность основывалась на декрете, изданном почти сразу же после назначения Гитлера рейхсканцлером 4 февраля 1933 года, что позволяло полиции конфисковать любые книги, которые «могли представлять угрозу общественной безопасности и порядку». С этим оружием цензоры уже практически и не нуждались в дополнительных полномочиях, данных им Декретом о поджоге Рейхстага 28 февраля 1933 года. Кроме того, Уголовный кодекс уже давно позволял конфисковать и изымать из печати предположительно опасные книги, и уже давно существовала юридическая традиция конфисковать и запрещать «грязную и мусорную литературу» (Schund- und Schmutzliteratur)⁹⁹.

Вскоре в библиотеки и книжные магазины стали приходить проверки, часто следующие одна за другой, их проводили гестапо, Министерство внутренних дел, суды, местные власти и Верховное управление по цензуре грязной и мусорной литературы, находящееся в Лейпциге. Гитлерюгенд, штурмовики и студенческие нацистские организации с такой же бдительностью боролись с книгами евреев, пацифистов, марксистов и других авторов, объявленных вне закона. Свою роль играли и Союз борьбы за немецкую культуру, и Официальная комиссия партии по цензуре, которые проверяли публикации, выходившие внутри самой партии. К декабрю 1933 года эти разнообразные организации запретили более тысячи книг. После сожжения книг в университетских городках 10 мая 1933 года в журнале книготорговли был опубликован черный список, состоящий из 300 книг от 139 авторов в сфере литературы, за ним следовал список из 68 авторов и 120 работ в сфере политики, а за ними еще списки, затрагивающие другие области. И это касалось не только немецких книг. Были запрещены различные зарубежные книги — от «Оливера Твиста» Чарльза Диккенса до «Айвенго» Вальтера Скотта, сюда входили практически все книги, написанные еврейскими авторами, либо в которых главный герой был евреем, либо касающиеся евреев. Зарубежные книги как таковые не запрещались, в Германии были популярны самые разные иностранные авторы, от Кнута Гамсуна до социального критика Джона Стейнбека и автора приключенческих рассказов С.С. Форестера, создателя вымышленного морского офицера капитана Горацио Хорнблауера. То, что в различных организациях, занимающихся цензурой

была определенная путаница, могло показаться неприятным любителям порядка, но цель этих организаций – устранение спорной литературы – была достигнута более чем на 100 процентов¹⁰⁰. Только в 1934 году 40 различных организаций, осуществляющих цензуру, запретили 4100 различных печатных работ¹⁰¹. В первые два или три года существования Третьего рейха литература, написанная еврейскими авторами, исчезла с прилавков магазинов, а произведения поэтов еврейского происхождения, таких как Генрих Гейне, теперь осуждались как поверхностное подражание истинной немецкой литературе. Работы классических писателей, не являющихся евреями, таких как Гете и Шиллер, переосмыслились так, как это было удобно для идеологии режима. Театральные пьесы, где выражается позитивное отношение к евреям и потому негодные режиму, такие как «Натан мудрый» Лессинга, убрались из репертуара театров¹⁰².

Контролировать театры было в некотором отношении проще, чем книги, так как все спектакли в основном представляли собой общественные события. Согласно закону о театре, принятому 15 марта 1934 года, это было поручено Министерству пропаганды, этот закон давал Геббельсу возможность лицензировать все театры, включая любительские драматические общества, и ограничил в этом отношении полномочия других организаций, в том числе полиции. Имперская палата театра в свою очередь лицензировала актеров, режиссеров, работников сцены и прочих сотрудников театра, как обычно, исключая евреев и политически неблагонадежных людей. Председатель палаты, литературный и художественный руководитель театра в рейхе, приказал, чтобы соотношение немецких и иностранных пьес в репертуаре каждого театра было четыре к одному, все новые пьесы он заранее подвергал цензуре. Больше противоречий вызвало то, что театральная палата ради экономических интересов профессиональных актеров, которые из-за Великой депрессии лишились работы, создавала проблемы любительским театральным труппам, а иногда и вовсе закрывала их. На министра пропаганды, который захватил контроль над палатой в марте 1935 года, обрушился поток жалоб от разгневанных местных любительских драматических сообществ¹⁰³. Как и в других областях, Геббельс проявил осторожность, чтобы культурная революция не

зашла слишком далеко и потребность людей в развлечениях не была задущена политической правильностью. Театры по всей Германии продолжали показывать качественные спектакли по классическим пьесам, и люди, чувствующие, что не могут принять режим, спасались мыслью о том, что хотя бы здесь немецкая культура еще жила и процветала. Такой выдающийся актер, как Густав Грюндгенс, после 1945 года заявил, что его театр, как и все остальные, остался островком высокой культуры среди окружающих его варварств Третьего рейха. Однако же он жил на вилле, которую «изъяли в пользу арийской расы» у ее предыдущего владельца-еврея, и поддерживал тесные отношения с Германом Герингом и его женой¹⁰⁴. Такие организации, как Мюнхенский камерный театр, не стали простыми инструментами нацистской пропаганды, совсем немногие сотрудники театра являлись членами партии. Но не все театры выдерживали давление со стороны режима. В то время как в Мюнхенском камерном театре только 5% пьес прямо или косвенно выражали нацистские идеи, в Дюссельдорфском театре эта пропорция была гораздо выше – 29%. Изучение деятельности четырех театров в Берлине, Любеке и Бохуме показало, что только в 8 процентах из 309 пьес, поставленных там за период с 1933 по 1945 год, можно было проследить нацистскую идеологию. Однако даже самые непокорные из театров не могли ставить новые, критические или радикальные пьесы, или пьесы, запрещенные режимом. Они должны были подчиняться диктату режима, по меньшей мере внешне, например в словах и том, как они представляли свои программы, или в отношениях с руководителями партии в Мюнхене. Их обращение к классике, по сути, было формой эскапизма, против которого Геббельс никогда не возражал, так как осознал, что данная людям возможность на время уйти от постоянных требований политической мобилизации и пропаганды давала определенные политические преимущества¹⁰⁵.

Геббельс терпимо относился к стандартному представлению классики в театрах, даже там, где, как в некоторых шекспировских пьесах, затрагивались темы тирании и восстания (хотя сюжет «Венецианского купца» гораздо больше импонировал нацистским культурным критикам). Но вскоре он предпринял другой радикальный шаг – создал новую, истинно нацистскую фор-

му театра, *Thingspiel*, или «Игру на собраниях» (от древнескандинавского слова, означающего собрание), которая была популярна лишь краткое время после основания рейха. В политических и псевдоскандинавских пьесах, написанных специально для этого, которые играли в специально построенных театрах на открытом воздухе, выразили в драматической форме нацистский культ почитания героев и восхваления павших за нацизм героев. В них также использовалась игра со зрителем, многоголосая декламация и другие элементы рабочего театрального движения веймарского периода, вдохновленного коммунистами. А некоторые используемые там приемы так сильно напоминали революционные аспекты экспрессионистской драмы, что даже Геббельс считал их весьма удобными. Но несмотря на то что было построено более сорока театров Thing и поставлено несколько сотен спектаклей, они не пользовались особой популярностью и не имели финансового успеха. В октябре 1935 года Геббельс запретил употреблять слово Thing применительно к партии, а в мае следующего года он запретил и использование в театре многоголосого чтения. В итоге все это театральное движение стало постепенно разваливаться, пока не развалилось совсем, и уже никогда не было восстановлено¹⁰⁶.

Геббельс считал, что драматурги, авторы романов и другие писатели должны стараться ухватить сам дух нового времени, а не его внешние проявления¹⁰⁷. Это давало авторам хоть какую-то свободу. Те, кто был достаточно осторожен и не шел против режима, в таких обстоятельствах могли достичь значительного успеха у покупающей и читающей книги публики, все еще готовой воспринимать новые произведения. Но несомненным было то, что многие из самых продаваемых в Германии книг в 1930-х годах часто касались близких нацистскому сердцу тем. «Шип», роман Куни Тремель-Эггерт, опубликованный в 1933 году, за десять лет был продан в количестве 750 000 экземпляров; в нем всего лишь в художественной форме излагались основные нацистские доктрины о месте женщины в обществе. Пауль Колестин Эттигхофер за период с 1936 по 1940 год продал 330 000 экземпляров романа «Верден, Высший суд». Романы Эттигхофера были скромным ответом на мрачное, реалистическое изображение Первой мировой войны в романе «На западном фронте без пере-

мен» Ремарка: они воспевали битву и были полны идеологизированных сцен героизма и самопожертвования на фронте. Еще сильнее нацистские мотивы выражены в романе Карла Алоиза Шензингера «Гитлерюге Квекс», опубликованном в 1932 году и к 1940 году разошедшемся в количестве 244 000 экземпляров, возможно, этому поспособствовало то, что по книге сняли фильм и показали его в кинотеатрах по всей Германии. Среди романов «крови и почвы» «Забытая деревня» Теодора Крёгера за период с 1934 по 1939 год была продана в количестве 325 000 экземпляров, а «Деревня на границе» Готфрида Ротакера с 1936 по 1940 год — в количестве 200 000. Некоторые крайне популярные книги, такие как «Команда совести» Ганса Зёберлейна, у которой за период с 1936 года, в котором она была выпущена, до 1943 года было продано 480 000 экземпляров, сохранили дух антисемитизма, не менее злобного, чем у самого Гитлера, в них часто звучит словосочетание «еврейский паразит» и другие подобные биологические термины, употребление которых означало скрытый призыв считать, что единственное, что можно сделать с евреями, — это их уничтожить. Многих популярных до этого авторов запретили, а значит, у этой литературы не было такой серьезной конкуренции, какая могла бы быть при других обстоятельствах¹⁰⁸. Более того, как и в случае с периодическими изданиями, чисто политические романы и истории приносили прибыль благодаря массовым заказам нацистов. Учитывая то, сколько усилий уходило на массовую пропаганду, направленную на увеличение продаж этих книг, было бы удивительно, если бы они плохо продавались. Пропандистские мероприятия, такие как немецкая книжная неделя, которая проводилась ежегодно начиная с 1934 года, ясно давали понять, что нацисты хотели видеть в немецких книгах. «В конце октября шестьдесят миллионов человек поднимутся под барабанный бой книжной рекламы», заявил один из организаторов мероприятия, проводимого в 1935 году. Эти «дни мобилизации» должны были «задействовать внутреннюю военную готовность духа к тому, чтобы возвысить наш народ»¹⁰⁹. На одном из таких мероприятий вице-президент Имперской палаты литературы, стоя под огромным, плакатом с лозунгом «Книга: меч духа», объявил: «Книги — это оружие. Оружие принадлежит воинам. Быть воином за Германию означает быть национал-социалистом»¹¹⁰.

Геббельс, однако, понимал, что здесь, как и в других областях культуры, людям необходимы развлечения, дающие им удовлетворенность жизнью и уводящие от насущных проблем. Ему удалось воспрепятствовать попытке Розенберга отдать предпочтение чисто идеологической литературе, и начиная с 1936 года в списках самых продаваемых книг основное место заняла популярная литература, лишь косвенно затрагивающая политические темы. Очень популярны были комические романы Генриха Шперля, такие как «Сожженный Рим и пунш из красного вина», который с 1933 по 1944 год был продан в количестве 565 000 экземпляров; в них в сатирическом свете представлен образ «маленького человека» эпохи Веймарской республики, неспособного перестроиться под новые условия Третьего рейха.

Еще более широкой популярностью пользовались научные романы Шензингера, представляющие собой полную противоположность ностальгической литературе «крови и почвы», прославляющие современные изобретения, научные открытия и промышленный рост: его «Анилин» был самым популярным из всех романов, опубликованных в Третьем рейхе, с 1937 по 1944 год было продано 920 000 экземпляров, а за ним последовал «Металл», с 1939 по 1943 год проданный в количестве 540 000 экземпляров. Иностранных авторов в нацистской Германии продолжали публиковать, если они не шли вразрез с нацистской идеологией.

Приключенческие романы Тригве Гульбраннсена с такими названиями, как «И леса поют вечно» и «Наследие Бьорндаля», опубликованные в Германии в 1934 и 1936 годах соответственно, за время существования Третьего рейха разошлись в количестве полумиллиона экземпляров, а еще один мировой бестселлер «Унесенные ветром» Маргарет Митчелл был распродан в количестве 300 000 экземпляров всего за четыре года издания, и это был только один, самый популярный роман из широкого круга американских произведений искусства, ввозимых в Германию в 1930-х годах¹¹¹. Многие книги, которые были опубликованы еще до 1914 года и все еще считались более-менее приемлемыми для режима, все так же продавались сотнями и тысячами экземпляров. Они позволяли вернуться в воображении в разумный и стабильный мир. Точно так же популярны были книги из-

вестного автора Карла Мая, чьи рассказы о Диком Западе, написанные в начале столетия, многие считали выражением идей нацизма еще до их появления; поэтому его книги любили многие убежденные нацисты, включая самого Гитлера¹¹². Обыкновенные немцы не проглатывали нацистскую литературу целиком, напротив, они сами выбирали, что хотели читать, и с середины 1930-х годов выбор зачастую падал на литературу, не связанную с нацизмом. Как и в других областях немецкой культуры, стремление партии создать нового человека, проникнутого нацистскими ценностями, реализовывалось здесь столь же ограничено, как и в других областях немецкой культуры¹¹³.

Проблемы ракурса

I

При Веймарской республике экспрессионизм наряду с «новой объективностью» (*Neue Sachlichkeit*) преобладал не только в немецкой литературе, но и в изобразительном искусстве¹¹⁴. Типичным его проявлением, принятым широкими массами, были работы скульптора Эрнста Барлаха, на работу которого значительное влияние оказало примитивное крестьянское искусство, с которым он познакомился во время визита в Россию перед Первой мировой войной. Барлах изготавливал массивные, приземистые, стилизованные под народный стиль скульптуры людей, сначала вырезанные из дерева, затем из других материалов — таких как гипс и бронза. Скульптуры обычно выглядели монументально и неподвижно, за счет того, что люди на них изображались завернутыми в стилизованные балахоны и плащи. Они были весьма популярны, и после 1918 года он получал множество заказов на изготовление военных памятников во многих частях Германии. В 1919 году его избрали в Прусскую академию искусств, и в середине 1920-х годов он стал достаточно влиятельной фигурой; он был известен своей неприязнью к абстракционизму, тем, что критически относился к остальным представителям экспрессионизма и дистанцировался от них, а также своим упорным нежеланием участвовать в политике партии. Можно

было бы ожидать, что его искусство придется нацистам по душе, и на самом деле, Йозеф Геббельс в середине 1920-х годов написал в своем дневнике о своем восхищении одной из скульптур Барлаха, позднее говорили, что он поставил две его маленькие скульптуры у себя дома¹¹⁵. Министр пропаганды пригласил Барлаха и нескольких других экспрессионистов, таких как Карл Шмидт-Ротлуф, на церемонию открытия Имперской палаты культуры, его намерение поддержать их подкреплялось кампанией, организованной в Берлине членами Национал-социалистического союза германских студентов и направленной на популяризацию скандинавского модернизма, основанного на экспрессионизме, очищенном от евреев и абстрактных образов¹¹⁶.

Но эти попытки не увенчались успехом, с одной стороны, из-за враждебного отношения Альфреда Розенберга, с другой — из-за нежелания самого Барлаха идти на компромисс с режимом. Розенберг на страницах «Фёлькишер Беобахтер» раскритиковал Барлаха и экспрессионистов и назвал берлинских студентов старомодными революционерами, идущими по тому же пути, что и Отто Штрассер, презираемый нацистами сторонник левых. Барлах в свою очередь отклонил приглашение на открытие Имперской палаты культуры. Он почувствовал, что режим на местном уровне начинает враждебно к нему относиться, вскоре после назначения Гитлера рейхсканцлером в январе 1933 года его запланированные выставки и публикации его работ стали отменять. Созданные им памятники погибшим на войне к тому времени уже подвергались критике со стороны ассоциаций ветеранов — представителей правого крыла, таких как «Стальной шлем», за то, что он изображал немецких солдат, погибших в Первой мировой войне, не как героев, погибших за благородное дело. Немецкие расисты обвиняли Барлаха в том, что он изображал немецких солдат с чертами славянских «недочеловеков». Барлах жил в провинции Мекленбург, где большая часть населения поддерживала национал-социалистов, и ему начали присылать анонимные письма и приклеивать на дверь записки с оскорблениями. Он решил, что под таким давлением ему стоит отклонить заказ на новый военный мемориал в городе Штральзунд¹¹⁷. Барлах остался в Германии, надеясь на то, что Третий рейх все же будет уважать его творческую свободу, и из-за того, что, учи-

тывая его профессию, ему скорее всего было бы непросто зарабатывать на жизнь где-то еще¹¹⁸. К началу мая 1933 года иллюзий у него уже не оставалось. «Раболепная трусость, присущая этой грандиозной эпохе, — с горечью писал он своему брату, — заставляет краснеть до корней волос и даже еще сильнее от одной мысли, что ты немец»¹¹⁹.

То, что Барлах неудобен для режима, стало еще очевиднее в 1933—1934 годах. Самым противоречивым из его военных памятников была большая деревянная скульптура, расположенная в Магдебургском кафедральном соборе. На ней были изображены три фигуры — скелет в шлеме, женщина, закрывшаяся покрывалом и сжимающая в агонии кулаки, и человек с непокрытой головой, с противогазом, зажатым между локтей, закрывший глаза и обхвативший голову руками от отчаяния; фигуры поднимаются из земли перед тремя стилизованными изображениями солдат в шинелях, стоящих выютную. У солдата, стоящего посередине, на голове повязка, а его руки лежат на большом кресте, на котором написаны даты основных событий войны, таким образом, он представляет собой центр композиции. Вскоре после назначения Гитлера канцлером пресса стала проводить петиции за то, чтобы убрать памятник, это желание поддержал Альфред Розенберг, назвавший эти фигуры в выпуске «Фёлькишер Беобахтер» в июле 1933 года «несколько придурковатыми, угрюмыми, уродливыми типами в советских шлемах»¹²⁰. По мере того как между Министерством пропаганды, церковью и НСДАП медленно шли переговоры о том, чтобы его убрать, в прессе началась кампания против Барлаха. На обвинения в том, что он еврей, Барлах ответил, что он не хотел публично это опровергать, так как не видел в этом ничего оскорбительного. Его друзья изучили его происхождение и опубликовали доказательство того, что он не еврей. Сердце наполняется грустью, писал он, от мысли, что нужно заниматься такими вещами¹²¹. К концу 1934 года памятник все-таки убрали в хранилище¹²². В ответ на многочисленные нападки на его произведения, которые называли «антинемецкими», он указывал на то, что их корни лежат в севернонемецком крестьянстве, среди которого он жил. Сейчас, когда ему было за шестьдесят, он не мог понять, почему его скульптуры вызывают такую враждебную реакцию. Стараясь реабилитироваться, он

подписал декларацию в поддержку того, чтобы сделать Гитлера главой государства после смерти Гинденбурга в августе 1934 года. Но это совершенно не успокоило руководство нацистской партии в Мекленбурге, и региональная администрация начала удалять его работы из государственного музея.

Многие из почитателей творчества Барлаха, включая ярых сторонников нацистского движения, сочли такие действия неприемлемыми. Например, руководительница Союза немецких девушек Мелита Машман восхищалась его работами и не могла понять, почему нацисты называли его «выродком»¹²³. Но в конце концов Барлах все же поссорился с режимом из-за того, что его работы шли вразрез с нацистским восхвалением войны, потому что он не допускал компромиссов в своем искусстве, потому что он агрессивно отвечал на критику и потому что он не скрывал своего недовольства культурной политикой нацистской Германии. В 1936 году баварская полиция конфисковала из хранилища Мюнхенского издательства все экземпляры его нового альбома с рисунками. Они действовали по приказу Геббельса: «Запретил безумную книгу Барлаха, — писал он в своем дневнике. — Это не искусство. Это разрушительная, некомпетентная чушь. Ужасно! Эта отравка не должна попасть к нашим гражданам»¹²⁴. К этому гестапо добавило еще и оскорбление, назвав эти рисунки «большевистским проявлением разрушительного, не соответствующего нашей эпохе искусства». Книга оказалась в списке запрещенной литературы. Несмотря на непрекращающиеся протесты против происходящих с ним несправедливостей, Барлах все больше изолировался. В 1937 году он был вынужден покинуть Прусскую академию искусств. «Когда день ото дня приходится принимать на себя сокрушительные удары, работа прекращается сама по себе, — писал он. — Я похож на человека, которого преследовали и загнали в угол»¹²⁵. Его здоровье было серьезно подорвано, и 24 октября 1938 года он умер в больнице от сердечного приступа¹²⁶.

Скульптором, к которому нацисты испытывали неподдельную симпатию, был Арно Брекер. Брекер родился в 1900 году и принадлежал к более позднему поколению, чем Барлах. Еще в студенчестве он создал ряд скульптур, в которых четко прослеживалось влияние кого-то старше его по возрасту. Пробыв зна-

чительное время в Париже, с 1927 по 1932 год он оказался под эгидой Аристиды Майоля, чей образный стиль теперь определял и собственный стиль Брекера. Когда в начале 1933 года в Риме он работал над восстановлением поврежденной скульптуры Микеланджело, он встретил Геббельса, который распознал в нем талант и порекомендовал вернуться в Германию. Брекер так и сделал, когда закончил со всеми своими делами в Париже. До этого он был аполитичен и так как жил за границей, то вообще мало что знал о политике Германии, поэтому нацисты довольно быстро его околдовали. Стиль Брекера сформировался в основном под влиянием мастеров, не являющихся немцами, — классической греческой скульптуры, Микеланджело, Майоля. Некоторые его работы, как, например, бюст художника-импрессиониста Макса Либермана, заверченный в 1934 году, были пронизательны, изящны и полны живописных деталей. Но вскоре он сгладил углы в своем творчестве, сделав его более безличностным, монументальным, уже не трогающим так сильно, теперь в его скульптурах была жесткость, твердость, агрессия, а не те мягкие человеческие качества, которыми он наделял их в 1920-х годах. К середине 1930-х годов Брекер перешел на массивные, мускулистые, крупномасштабные изображения обнаженных мужских тел, каменных арийских сверхлюдей¹²⁷.

Вскоре это начало приносить доход. Награды, полученные на конкурсе, проводившемся в 1936 году и посвященном теме спортивных достижений, обеспечивали ему все новые и новые официальные заказы. В 1937 году он вступил в нацистскую партию, чтобы легче было обеспечить себе покровительство властей. Брекер лично познакомился с Гитлером, который поставил сделанный им бюст Вагнера в своем доме в Берхтесгадене. В день рождения Гитлера в 1937 году его номинировали на «Официального скульптора государства» и выделили ему большую мастерскую с сорока тремя сотрудниками, которые должны были помогать ему в работе. Он стал влиятельной фигурой, протектируемой Герингом и другими партийными руководителями, и был защищен от любой критики. В 1937 году его работа заняла почетное место в немецком павильоне Парижской всемирной выставки. В 1938 году он создал две массивные скульптуры обнаженных мужчин, которые должны были поставить у входа в только что построенную

Имперскую канцелярию — факельщика и меченосца. За ними последовали другие скульптуры, среди которых стоит отметить «Готовность», сделанную в 1939 году, это была мускулистая мужская фигура, смотрящая хмурым, полным ненависти взглядом на невидимого врага, его правая рука готова вынуть из ножен меч и начать битву. Брекер стал весьма обеспеченным человеком, он получал множество знаков отличия и наград, включая несколько домов, значительные субсидии и, конечно, высокую плату за его общественную работу. Без жизни, без человечности, стоящие в удивительно неестественных угрожающих позах, воплощающие пустую напыщенность мнимой коллективной воли, скульптуры Брекера стали знаком художественного вкуса Третьего рейха. Они очень напоминали машины и потому несомненно принадлежали двадцатому столетию; в них было предвкушение появления нового типа человека, бездумного, приземленного, агрессивного, готового к войне, и это было одной из основных задач культурной политики нацистов¹²⁸.

II

К тому времени как Брекер получил общественное признание, те, кто руководил делами культуры в Третьем рейхе, уже успешно избавились от абстрактного, модернистского искусства, которое они называли «дегенеративным». Здесь собственные вкусы Гитлера имели большее значение, чем во всех других культурных сферах, не считая архитектуры. Он сам когда-то хотел стать художником, но с самого начала он отвергал модернизм во всех его проявлениях¹²⁹. Оказавшись у власти, он превратил свои предрассудки в политику. 1 сентября 1933 года на съезде партии в Нюрнберге Гитлер заявил, что пришло время для нового немецкого искусства. Он говорил, что приход Третьего рейха «неизбежно ведет к тому, что все сферы человеческой жизни начинают ориентироваться по-новому». Результат этой «духовной революции» должен был чувствоваться и в искусстве. Искусство должно отражать расовую духовность народа. Нужно было отбросить мысль о том, что искусство интернационально, как декадентскую идею, созданную евреями. И он осуждал все, в чем видел проявление этой идеи, «в кубистско-дадаистском культе примитивизма

и в культурном большевизме», он объявил о «новом художественном возрождении человека-Арийца» и предупредил, что художникам-модернистам не простят их прошлых грехов:

«И в культурной сфере движение национал-социализма и его руководство не должны терпеть шутов и дилетантов, внезапно полинявших и таким образом, если ничего не происходило, занявших место в новом государстве так, что они могли говорить об искусстве и культурной политике. Их ужасные произведения в то время либо отражали их внутренний мир, и тогда им нужно медицинское наблюдение, и значит, они опасны для здоровья нации, или это все делалось для зарабатывания денег, и в этом случае они были виновны в мошенничестве, и тогда ими должна заняться уже совсем другая организация. Мы ни в коем случае не хотим, чтобы культурное возрождение нашего рейха было искажено такими элементами, это не их государство, а наше»¹³⁰.

Соответственно, в 1933 году прошла чистка, под которую попали художники-евреи, абстракционисты, художники из левого крыла и на самом деле практически все немецкие художники, у которых была какая-то репутация на международном уровне. В первое время, если Гитлер не оправдывал чью-то работу, то их не спасали даже заявления о том, что они поддерживают новый режим и лично руководство партии. Несколько выдающихся художников, сохранивших надежду на лучшие времена, таких как Эрнст Барлах, быстро лишились иллюзий¹³¹.

В 1933 году директоров музеев, если они были евреями, социал-демократами, либералами, сторонниками левых, без промедления смещали с занимаемых должностей и назначали на их должность более компетентных людей. Музей Фолькванг в Эссене даже отдали в руки офицеру СС Клаусу Графу Баудиссину, который потом закрасил фрески Оскара Шлеммера, художника, тесно сотрудничающего с Баухаусом. Директора музеев продолжали демонстрировать работы, которые не одобряло самое экстремальное крыло партии. Даже Баудиссин, хорошо разбирающийся в истории искусств, продолжал показывать работы Оскара Кокошки, Франса Маркаи, Эмиля Нольде до 1935 года. Эрнст Бухнер, директор государственной Баварской художественной галереи, член нацистской партии с 1 мая 1933 года, боролся за права выставлять работы еврейско-немецкого художника Макса

Либермана, и в 1935 году ему удалось противостоять попыткам Министерства образования и религии Бернгарда Руста заставить его продать картины Ван Гога и французских импрессионистов, не нравившихся нацистам. Когда Гитлер лично сместил с должности директора национальной галереи Людвига Юсти — сторонника модернизма, Алоиз Шардт, занявший его место, организовал новую зрелищную выставку немецкого искусства, куда входили работы Нольде и некоторых экспрессионистов. Когда с предварительным визитом галерею посетил министр образования Бернгард Руст, он пришел в ярость. Он тут же уволил нового директора и приказал, чтобы выставку отменили; Шардт эмигрировал в Соединенные Штаты, после того как в мае 1936 года организовал в небольшой берлинской галерее выставку работ Франца Марка, которую гестапо закрыло в тот же день. У Эберхарда Ханфштангля, который занял место Шардта, а до этого был директором галереи в Мюнхене, произошла такая же ситуация; он оказался на плохом счету у Гитлера, когда фюрер пришел с неожиданным визитом и увидел на стенах работы экспрессионистов. 30 октября 1936 года было закрыто новое отделение национальной галереи, после того как на одной из прошедших там выставок были представлены картины Пауля Клее¹³². Потом подобным образом было закрыто еще несколько выставок. Начиная с середины 1933 года директора музеев и галерей, включая тех, которых назначили сами нацисты, вели культурную войну с партийными руководителями, периодически требовавшими убирать с выставок различные картины. Немногие, как Ханфштангль, продолжали покупать произведения современного искусства, деликатно вычеркнув их из каталога музея. Но теперь время таких компромиссов и восстаний прошло¹³³.

С самого начала наиболее фанатичные директора галерей и музеев нацистского искусства организовывали показы модернистских работ, которые убрали с выставки, под такими названиями как «Палата ужасов живописи», «Образы культурного большевизма», «Зеркало декаданса в искусстве» или «Дух ноября: искусство на службе распада». В число таких художников вошли Макс Бекман, Отто Дикс и Джорж Гросс, Эрнст Людвиг Кирхер, Франц Марк, Август Маке, Карл Шмидт-Роттлуф и Эмиль Нольде. Кроме того, там были иностранные художники,

живущие в Германии, такие как Алексей Явленский и Василий Кандинский, и, конечно, кубисты и авангардисты из других стран¹³⁴. Включение туда Маке и Марка вызвало особые противоречия, потому что оба они были убиты на фронте во время Первой мировой войны, и ассоциации ветеранов утверждали, что это оскорбляло их память¹³⁵. Самые первые из этих выставок, проводившиеся еще в 1933 году, вызвали активный протест со стороны любителей искусства, что в некоторых случаях приводило к арестам. Но в течение весьма короткого промежутка времени такое противостояние стало невозможным. К середине 1930-х годов подобные выставки проводились уже в шестнадцати разных городах. В августе 1935 года Гитлер посетил самую значимую из них — в Дрездене. Подробно рассмотрев работы, он выступил с очередной обличительной речью на съезде партии в Нюрнберге, это был третий раз, когда он использовал это мероприятие, чтобы прочесть своим последователям лекцию по этой теме. Конечно же, Геббельсу необходимо было подстроиться под то, что говорил Гитлер, для того чтобы не дать Розенбергу, Русту и другим антимодернистам захватить власть в области культурной политики. Поэтому в июне 1936 года он начал действовать. «Передо мной предстали ужасные примеры большевизма в искусстве, — писал он в своем дневнике, как будто никогда не видел их раньше, — я хочу выставить это вырожденческое искусство на всеобщее обозрение в Берлине. Чтобы люди увидели и научились распознавать его». К концу месяца он получил разрешение Гитлера изъять из общественных коллекций произведения «дегенеративного немецкого искусства начиная с 1910 года» (тогда русским художником Василием Кандинским, живущим в Мюнхене, была создана первая абстрактная картина), чтобы продемонстрировать их людям. В Министерстве пропаганды многие не желали участвовать в осуществлении этого проекта. Такой политический оппортунизм был циничен даже для Геббельса. Но он знал, что нелюбовь Гитлера к модернизму в искусстве была неискоренима, и потому решил использовать ее себе на благо, хотя сам ее и не разделял¹³⁶.

Организацию выставки доверили Адольфу Циглеру, президенту Имперской палаты изобразительного искусства и автора классических ню, выполненных с таким педантичным реализ-

мом, что в народе он получил прозвище «Имперский мастер по лобковым волосам»¹³⁷. Получив заказ от Геринга и Гитлера, Циглер и его помощники начали ездить по галереям и музеям и отбирать работы для следующей выставки. Директора музеев, включая Бухнера и Ханфштангля, были в ярости, они отказывались в этом участвовать и умоляли Гитлера, чтобы им выплатили компенсацию, если конфискованные работы продавались за границу. Такое сопротивление не стали терпеть, и в результате Ханфштангль потерял работу в Берлинской национальной галерее. Из различных коллекций в Мюнхене изъяли сто восемь работ и примерно столько же из других музеев¹³⁸. Когда 19 июля 1937 года в Мюнхене открылась выставка дегенеративного искусства, до этого долго считавшегося художественным богатством Германии, посетители нашли, что представленные на ней примерно 650 работ специально были показаны в невыгодном виде, висели как попало, под неправильным углом, были плохо освещены, сливались друг с другом, подписаны они были примерно так: «Фермеры глазами евреев», «Оскорбление немецких женщин», «Насмешка над Богом»¹³⁹. Забавно, что диагональные линии и написанные на стенах слоганы были отчасти позаимствованы у движения дада, являющегося одной из главных мишеней выставки. Однако здесь они должны были подчеркивать сходство между картинами пациентов психбольниц, о которых при Веймарской республике много говорили либеральные психиатры, и искаженной перспективой в картинах кубистов и представителей других подобных течений, этот момент часто звучал в пропаганде, которой сопровождалась атака на вырожденческое искусство, создаваемое вырожденцами¹⁴⁰.

Гитлер посетил эту выставку перед тем, как она открылась для посетителей, и посвятил большую часть своей речи, предвещающей ее открытие, яростным обвинениям представленных на ней работ. «Никогда еще человеческая раса по своему темпераменту и внешнему облику не была так близка к античности, как сегодня. Спортивные игры, соревнования и единоборства привлекают миллионы молодых тел, и они все больше приближаются к форме и сложению, которых нельзя было достичь в течение тысяч лет, о которых нельзя было даже мечтать... такой человек, господ любители искусства, это человек нового века. Что вы

здесь собрали? Неказистые калеки и дебилы, женщины, которые могут вызвать только отвращение. Люди, которые ближе к животным, чем к людям, дети, которые, если бы они жили на самом деле, воспринимались бы всеми как божье проклятие!»¹⁴¹.

Он даже повелел Имперскому министерству внутренних дел изучить внешние дефекты, которые частично приводили к таким отклонениям. Он думал, что они передаются по наследству. Кубистов и других художников, не желающих в подробностях копировать человеческое тело, нужно было стерилизовать¹⁴².

На самом деле главным критерием для отбора работ на эту выставку был не эстетический, а расовый и политический. Из девяти секций, на которые она была разделена, только первая и последняя выделялись по эстетическому принципу. В других основное значение имела выбранная тема, а не ее выражение. В первую секцию входили картины, в которых нацисты увидели «варваризм изображения», «пестрые пятна краски» и «злостное пренебрежение всеми основными навыками, необходимыми для создания произведений изобразительного искусства». Ко второй относились работы, которые сочли богохульными, а к третьей — политические произведения, пропагандирующие анархизм и классовую борьбу. В четвертой секции были представлены картины, изображающие солдат как убийц либо как калек. Согласно каталогу в этих картинах «из сознания людей искоренялось глубоко сидящее уважение к каждой солдатской добродетели, мужеству, отваге, готовности к действию». Пятая часть была посвящена аморальному и порнографическому искусству (как было заявлено, большая часть работ была слишком омерзительна, чтобы их показывать). В шестой части выставки было представлено «истребление последних остатков расового самосознания» в картинах, в которых, по мысли организаторов, негры и проститутки представляли в качестве расового идеала. Подобным образом седьмая секция была посвящена картинам и рисункам, на которых в положительном свете изображались «идиоты, дебилы и паралитики». Седьмая секция была отдана работам еврейских художников. Последняя и самая большая секция посвящалась разным течениям, которые Флехтхейм, Уоллхейм и их сообщники придумывали, продвигали и продавали по сногшибательным ценам в течение нескольких лет, от дадаизма до кубизма и

далее. Все это, как говорилось в каталоге, должно было показать людям, что современное искусство не было обычной причудой: евреи и приверженцы культурного большевизма готовили «запланированную атаку на само существование искусства». Пять из десяти иллюстрированных разворотов в этой брошюре содержали антисемитские высказывания, которые просто должны были подчеркнуть эту мысль¹⁴³. Модернистское искусство, как утверждалось на многочисленных нацистских дискуссиях, прежде всего было результатом зарубежного влияния. Искусство должно было вернуться к немецкой душе. Что касается модернизма, один писатель в завершение своей мысли выразил пылкое желание: «Пускай все вырожденческое задохнется в собственной грязи, и никто не будет сочувствовать его судьбе»¹⁴⁴.

Выставка была невероятно популярна и к концу ноября 1937 года привлекла более двух миллионов посетителей. Вход был свободным, а пресса активно привлекала внимание людей к содержащимся там ужасам¹⁴⁵. Согласно заявлениям газет, экспонаты были «низкопробными продуктами меланхолической эпохи», «призраками прошлого» из тех времен, когда «свой триумф праздновали большевизм и дилетантство». Красноречивые описания и иллюстрации рассказывали читателям о том, что они увидят, придя на эту выставку¹⁴⁶. По крайней мере в первые несколько недель ее посещали в основном представители мюнхенской мелкой буржуазии, многие из которых никогда до этого не были на художественных выставках, и преданные сторонники партии, готовые с жадностью впитать новую форму антисемитской ненависти. То, что детям и молодым людям не разрешалось проходить на выставку из-за того, что экспонаты были слишком шокирующими, еще больше интриговало и приманивало посетителей. Но, несмотря на это, некоторые молодые люди все же попали туда, среди них был семнадцатилетний Питер Гюнтер, посетивший ее в июле. Сын либерального журналиста, который писал об искусстве и в 1935 году был изгнан из Имперской палаты литературы, Гюнтер неплохо разбирался в живописи. Атмосфера выставки показалась ему пугающей. Посетители, говорил он позднее, делали громкие замечания о том, как неумело были выполнены эти работы, о том, что критики, торговцы и директора музеев наверняка сговорились одурачить публику, под-

тверждением этой мысли для них могло послужить то, что к некоторым экспонатам были прикреплены таблички с указанной стоимостью этих работ (а она «выплачивалась из тех денег, которые немецкие рабочие люди отдавали в качестве налогов»). На одном из произведений Эриха Хеккеля был ценник на миллион марок; организаторы не сказали, что это была цена 1923 года, времен гиперинфляции, и для того времени она была очень низкой.

Некоторые партийные группы, посетившие эту выставку, отправляли в министерство телеграммы примерно такого содержания: «Художников нужно привязать к их картинам, так, чтобы каждый мог плюнуть им в лицо». Карола Рот, подруга художника Макса Бекмана, отметила, что посетители старшего возраста ходили по выставке качая головами, а более молодые активисты партии и штурмовики смеялись и глумились над экспонатами. Атмосфера ненависти и громких насмешек не оставляла места для других точек зрения; на самом деле это было важной частью самой выставки, превращающей ее в еще одно пропагандистское мероприятие режима. Однако позднее, когда молодой Питер Гюнтер пришел во второй раз, атмосфера, по его словам, была гораздо спокойнее, посетители задерживались у некоторых картин, которые им определенно нравились и на которые они пришли посмотреть, как они подозревали, в последний раз. Но в целом выставка определенно удалась. Как и многое в нацистской культуре, она позволяла простым консервативным гражданам рассказать вслух о своих предрассудках, которые они не спешили проявлять до этого¹⁴⁷.

Многие художники, чьи работы попали на выставку, были либо иностранцами, как Пабло Пикассо, Анри Матисс или Оскар Кокошка, либо эмигрантами, как Пауль Клее и Василий Кандинский. Но некоторые из них остались в Германии, в надежде, что ветер переменится и их реабилитируют. Макс Бекман, чья последняя персональная выставка прошла совсем недавно — в 1936 году в Гамбурге, уехал из Германии в Амстердам на следующий день после открытия выставки дегенеративного искусства. Но, хотя дела у него шли далеко не прекрасно, Бекман продолжал писать. В последующие тяжелые годы его поддерживали сочувствующие торговцы картинами и зарубежные поклонники¹⁴⁸. Остальным повезло меньше¹⁴⁹. Художник-экспрессионист Эрнст Людвиг

Кирхер, которому тогда, как и Бекману, было за пятьдесят, начиная с 1920-х годов жил в Швейцарии, но он гораздо больше, чем Бекман, зависел от немецкого рынка произведений искусства. Он не терял надежды вплоть до 1937 года. Но в июле 1937 его все же исключили из Прусской академии искусства, и комиссия Циглера конфисковала многие из его работ, отправив на выставку дегенеративного искусства ни много ни мало двадцать две из них. Кирхлер уже был болен, и на несколько лет его карьера художника прекратилась, повторить тот успех, который он имел с 1910 года до середины 1920-х в Берлине, ему не удалось уже никогда. Это стало для него последней каплей. «Я всегда надеялся, что Гитлер за всех немцев, — с горечью писал он, — а теперь он обратил в ничто славу столь многих действительно хороших художников немецкой крови. Те, кого это коснулось, были сильно опечалены, ведь те из них, кто действительно серьезно работал, хотели трудиться и трудились ради славы и чести Германии». Когда его работы продолжили конфисковать, он еще глубже погрузился в отчаяние. 15 июня 1938 года он уничтожил многие работы, которые хранил в своем уединенном деревенском доме в Швейцарии, вышел на улицу и выстрелил себе в сердце¹⁵⁰.

III

Тем временем режим, точно так же, как он поступал и в решении других вопросов, использовал возможность, которую давала выставка, для того чтобы издать новые законы, обобщающие его политические методы. За день до выставки Гитлер объявил, что время терпимости прошло: «С этого момента мы будем вести безжалостную войну против последних оставшихся элементов, подрывающих нашу культуру... Но теперь — я вас уверяю — все эти кучки болтунов, дилетантов и псевдохудожников, нагоняющие друг на друга пафос и таким образом друг друга поддерживающие, будут пойманы и устранены. Что касается нас, эти доисторические дикари и дилетанты могут отправляться назад в свои пещеры и продолжать там рисовать свои интернациональные наскальные рисунки»¹⁵¹.

«Болтунов» на самом деле уже заставили замолчать, когда Геббельс 27 ноября 1936 года издал закон, запрещающий всякую

критику искусства, которая, по его словам, «переросла в настоящий суд над искусством, в то время когда в нем господствовали иностранцы, евреи». Его место должны были занять «рассказы об искусстве», ограничивающиеся простым описанием. Все произведения искусства, выставяемые в общественных музеях и галереях, попадали туда только если их одобряло Министерство пропаганды и Имперская палата изобразительного искусства, а значит, критика художественных произведений слишком тесно граничила с критикой режима¹⁵². Чтобы работы модернистов больше никогда не попали на обозрение публики, Циглер объявил в своей речи на открытии выставки, что скоро все эти язвы исчезнут из немецких галерей¹⁵³. Вскоре после этого Геббельс сказал членам Имперской палаты культуры, что на «страшной, пугающей «Выставке дегенеративного искусства» в Мюнхене» были показаны «неумелые произведения искусства», «чудовищные, вырожденческие творения», созданные людьми «вчерашнего дня», «дряхлыми представителями... периода, который мы уже давно миновали, как интеллектуально, так и политически». 31 мая 1938 года был принят закон о конфискации продуктов дегенеративного искусства. Он задним числом легализовал изъятие вырожденческих произведений не только из галерей и музеев, но и из частных коллекций, без всякой компенсации, кроме некоторых исключительных случаев, когда было необходимо «избежать трудностей»¹⁵⁴. Программа конфискации осуществлялась под руководством комиссии, возглавляемой Адольфом Циглером и в которую входили торговец произведениями искусства Карл Хаберсток и фотограф Питлера Генрих Гоффман¹⁵⁵.

Эта комиссия увеличила количество изъятых работ примерно до 5000 картин, 12 000 рисунков, акварелей, работ, вырезанных по дереву, из 101 музея и галереи по всей Германии¹⁵⁶.

Некоторые зарубежные работы вернули тем иностранным организациям и частным лицам, у которых их позаимствовали немецкие музеи, около сорока отдали просто так, а некоторые обменяли. Кроме того, четырнадцать из самых ценных произведений Герман Геринг оставил для себя: четыре картины Винсента ван Гога, четыре Эдварда Мунка, три Франца Марка и по одной Поля Сезанна и Поля Гогена. Потом он продал их, чтобы ему хватило денег на покупку гобелена, которым он украсил Карин-

халле, роскошный охотничий дом, построенный им в память о своей первой жене; эта небольшая незаконная спекуляция показывает, как бы он вел себя, если бы в его руках оказались произведения искусства других европейских стран¹⁵⁷. Более того, в противовес этой выставке художники, покинувшие страну, и те, кто их поддерживал, быстро организовали выставки «Немецкого искусства XX в.», самые значимые из которых прошли в Лондоне, Париже и Бостоне, они привлекали внимание к тому, какова была репутация запрещенных художников за границей. В поисках твердой валюты, которая была ему так необходима, нацистский режим просто не мог игнорировать большой спрос, которым в других странах пользовалось модернистское искусство. Геббельс начал переговоры с Вильденштейном и другими торговцами картинами за пределами Германии и превратил комиссию Циглера в орган, над которым он имел уже более непосредственный контроль. Он был организован в мае 1938 года в рамках Министерства пропаганды, в него входили трое торговцев произведениями искусства, и отвечал он за распределение конфискованных работ. За последующие несколько лет вплоть до 1942 года от продажи 3000 конфискованных произведений искусства на специальный счет Рейхсбанка поступило более миллиона рейхсмарок. Самую широкую огласку получила продажа 125 работ Эрнста Барлаха, Марка Шагала, Отто Дикса, Поля Гогена, Винсента ван Гога, Жоржа Гросса, Эрнста Людвиг Кирхера, Пауля Клее, Макса Либермана, Анри Матисса, Амадео Модильяни, Пабло Пикассо, Мориса де Вламинка и других в галерее Фишер в Люцерне 30 июня 1939 года. И только тридцать одна работа не нашла своих покупателей. Часть дохода ушла в музеи и галереи, из которых изъяли работы, но большая их часть отправилась на счет в Лондоне, что дало Гитлеру возможность купить картины для его персональной коллекции. Таким образом, сохранились многие из конфискованных произведений¹⁵⁸.

Однако большинство из них не были сохранены. Общая сумма, вырученная на аукционе в Люцерне, чуть более полумиллиона шведских франков, была очень мала даже по стандартам того времени. Так как всем было известно о том, что нацисты в больших количествах конфискуют и продают произведения современного искусства, цены на них упали даже в негласных сделках.

Одна из картин Макса Бекмана «Южное побережье» была продана всего за 20 долларов. Судя по всему, от них не должно было быть большой прибыли. В конце концов, один миллион марок — это совсем не много. Однако было запланировано еще два аукциона, небольшую распродажу провели в августе 1939 года в Цюрихе, также вплоть до 1942 года проводились частные сделки, перевозить произведения искусства в больших количествах было нежелательно из-за надвигающейся угрозы войны¹⁵⁹. Все осложнялось еще и тем, что Гитлер лично проинспектировал и 12 167 картин, оставшихся на складе, и запретил возвращать их в коллекции. Похоже, что других вариантов, кроме как уничтожить все непроданные картины, просто не было. В конце концов, по мнению Циглера и его комиссии, они не представляли никакой ценности для искусства. Поэтому 20 марта 1939 года около 1004 картин и 3825 акварелей, рисунков и графических работ сложили во дворе центральной пожарной станции в Берлине и подожгли. Сожжение проводилось без зрителей, не сопровождалось никакими официальными церемониями и не освещалось в прессе. Но, тем не менее, все это очень напоминало сожжение книг, которое проводилось ранее, 10 мая 1933 года, на площадях университетских городков, и уничтожение книг, написанных евреями, представителями левого крыла и модернистами¹⁶⁰.

В конце концов, модернистское искусство в Германии просто-напросто уничтожили физически. Работы модернистов изъяли из коллекций и бросили в костер. Те немногие, которые можно было увидеть, демонстрировались на выставке вырожденческого искусства, которую теперь в сокращенной форме повезли по стране и которая за два последующих года привлекла множество посетителей в других городах, таких как Берлин, Дюссельдорф и Франкфурт¹⁶¹. Художников-модернистов либо вовсе выслали из страны, либо лишили их возможности публично демонстрировать свои работы. Но все-таки они не исчезли. Напротив, как в 1938 году сообщала служба безопасности СС, работы, в которых присутствовал «культурный большевизм» и «экспрессионизм», все же выставлялись в частных галереях и на выставках, особенно в Берлине. На конкурсе, проходившем в 1938 году в Берлине, эсэсовцы жаловались на то, что «выставки молодых художников по большей части являют собой картину вырождения и некомпе-

тентности, таким образом, эта часть молодого поколения художников противопоставила себя национал-социалистическим представлениям об искусстве»¹⁶². Казалось, нельзя было сказать, что в культурной сфере воцарились нацистские представления об искусстве, разве что если речь шла о грубом физическом устранении любой альтернативы. Но это было еще не все. В 1938 году СС также жаловались на то, что «сопротивление национал-социалистическим взглядам на искусство присутствует в весьма широких слоях нацистского общества... среди тех, кто не придерживается явных национал-социалистических взглядов». Особенно низкой популярностью пользовалась Имперская палата изобразительного искусства, которую, согласно сообщениям СС, не любили почти все немецкие художники¹⁶³. Она активно пользовалась своей обширной властью над 42 000 своих членов, к которым относились архитекторы, ландшафтные дизайнеры, художники по интерьерам, копировщики, торговцы антиквариатом, гончары, почти все, кто был как-то связан с изобразительными искусствами. Чтобы стать ее членом, необходимо было заполнить подробную анкету, в которой указывалось, к каким политическим течениям кандидат принадлежал до этого, к какой расе принадлежат члены его семьи¹⁶⁴. Тот, кого не принимали, не мог заниматься искусством. Некоторые, не имея больше возможности зарабатывать на жизнь, продавая свои работы, переходили на унижительную для них работу в сфере обслуживания. Например, в 1939 году Оскар Шлеммер красил в защитный цвет военные постройки¹⁶⁵.

Тем временем «немецкие» художники, такие как Арно Бреккер, процветали как никогда до этого. Их поощряло Министерство пропаганды, учредившее для художников, соответствовавших нацистскому идеалу, целый ряд наград, премий и титулов¹⁶⁶. Выставки во всей Германии теперь имели такие названия, как «Кровь и почва» или «Основные силы германской воли», и посвящались, например, портретам политических деятелей, прежде всего, конечно, самого Гитлера¹⁶⁷.

Более того, выставка дегенеративного искусства проходила не сама по себе, на самом деле она сопровождала «Большую немецкую художественную выставку», открытую днем ранее в Мюнхене¹⁶⁸. Огромная выставка после этого стала проводиться

ежегодно, начиналась она с пышного шествия по улицам Мюнхена, посвященного немецкой культуре, на ней были представлены пейзажи, натюрморты, портреты, аллегорические статуи и многое другое. Работы были посвящены таким темам, как природа, животные, материнство, промышленность, спорт, крестьянская жизнь и сельские ремесла, пожалуй, удивительно было то, что произведения не затрагивали темы войны. В массивных обезличенных изображениях обнаженной натуры просматривались рельефные, неосозаемые, сверхчеловеческие образы постоянства и безвременья, что сильно контрастировало с человеческим измерением того искусства, которое теперь называли дегенеративным¹⁶⁹. Гитлер сам предварительно просмотрел экспонаты и лично вычеркнул из списка выбранных для показа произведений примерно одну десятую их часть. Разочаровавшись в комиссии Циглера, которую он посчитал недостаточно жесткой, Гитлер поручил провести заключительный отбор своему фотографу Генриху Гоффману¹⁷⁰.

Сравнительно низкая посещаемость их выставки — чуть больше 400 000 человек, по сравнению почти с тремя миллионами человек, пришедших на выставку дегенеративного искусства в Мюнхене и когда ее возили по стране, возможно, была вызвана тем, что за вход нужно было платить¹⁷¹. Но все же и эта выставка была успешна. По словам Питера Гюнтера, посетители хвалили мастерское исполнение, реалистичность и правдоподобие статуй и картин (даже тех, которые создавались как аллегии) и в целом были под большим впечатлением от экспонатов. И здесь тоже, как заметил молодой человек, многие из посетителей были на художественной выставке впервые¹⁷². Нацистская культурная политика в первую очередь предназначалась именно для таких людей¹⁷³.

IV

Большая выставка немецкого искусства располагалась в специально для этого построенном выставочном зале, который архитектор Людвиг Троост сделал похожим на античный храм. Его крупные квадратные колонны, выстроившиеся перед массивным прямоугольным зданием, были совсем не похожи на тон-

кую, изящную архитектуру классицизма, которую Троост хотел повторить. Как и другие нацистские постройки, это здание прежде всего должно было создавать ощущение силы¹⁷⁴.

Дом немецкого искусства был только одним из престижных проектов, начатых Гитлером, как только он пришел к власти в 1933 году. На самом деле он думал о них еще в начале 1920-х годов. Гитлер представлял себя архитектором даже больше, чем художником, и уделял архитектуре больше внимания, чем любой другой форме искусства. «Каждая великая эпоха находит выражение своих ценностей в зданиях, — объявил он в 1938 году. — Когда люди внутренне переживают великие времена, они дают этому переживанию и внешнее выражение. Тогда их слово уже более убедительно, чем если его просто произнести, это слово в камне!»¹⁷⁵.

Все новые общественные здания Третьего рейха были выполнены в этом массивном, псевдоклассическом, монументальном стиле. Так же как общественные здания, которые Гитлер видел и рисовал на Рингштрассе в Вене в годы своей молодости, они были призваны создавать впечатление постоянства и прочности. Все они оказались под влиянием личных архитектурных и дизайнерских планов Гитлера. Гитлер тратил целые часы на работу с архитекторами, дорабатывая их идеи, корпел над моделями и обсуждал тонкие вопросы стиля и украшений. Уже в 1931—1932 годах он сотрудничал с Троостом, занимаясь реконструкцией площади Кёнигсплац в Мюнхене, а когда он пришел к власти, эти планы были реализованы на практике. Вместо старой штаб-квартиры партии в Коричневом доме появилось гигантское Фюрербану (Здание фюрера) и огромное Административное здание, вмещающее обширные приемные залы, со свастиками и орлами на фасаде. На каждом из них был балкон, с которого фюрер мог обращаться к толпам народа, которые должны были собираться под ним. Несмотря на их внешний облик, в конструкции и оборудовании этих новых зданий использовались передовые технологии, включая кондиционирование воздуха. К ним примыкали два здания, ставшие выражением свойственного нацистам культа почитания мертвых: это были храмы почета, посвященные нацистам, погибшим в «пивном путче» 1923 года. В каждом из них царил дух священного благоговения, тела мучеников, недавно извлеченные из земли, были размещены в саркофагах, установ-

ленных на помостах и открытых всем стихиям, по бокам располагались двадцать известняковых колонн, освещенных горящими факелами. Обширное, покрытое травой пространство самой Кёнигсплац было вымощено гранитными плитами общей площадью около 24 000 квадратных метров. «Здесь было создано нечто новое, — отметил комментатор, — и самое глубокое из его значений — политическое». Здесь организованные и дисциплинированные массы народа будут собираться и присягать на верность новому порядку. Он сделал вывод, что весь ансамбль представлял собой «идеологию, превращенную в камень»¹⁷⁶.

Как и в других областях, тем из нацистов, кто управлял делами культуры, потребовалось некоторое время, чтобы навязать свои взгляды. Имперская палата архитектуры вскоре отстранила от работы еврейских архитекторов, но несмотря на враждебное отношение нацистов к ультрасовременной архитектуре, оно не так активно боролось с модернистами, некоторые из которых, как, например, Мис ван дер Роэ, на некоторое время остались в Германии, хотя им было все труднее выполнять здесь свою работу. Однако к 1935 году наиболее экспериментальные типы модернизма были успешно искоренены; Мис вскоре эмигрировал в Нью-Йорк¹⁷⁷. К середине 1930-х годов постройки веймарской эпохи, такие как модернистские многоквартирные дома, уже были не в моде. Вместо этого нацистский идеал архитектуры жилища поощрял народный, псевдокрестьянский стиль, как тот, которого придерживался один из главных сторонников расовых теорий современного искусства Пауль Шульце-Наумбург. Они годились только для окраин, это значило, что такие многоквартирные дома надо строить и внутри городов, где наклонные крыши, однако, предпочитались плоским, так как считалось, что они выглядят более по-немецки¹⁷⁸. Но настоящей страстью Гитлера стали общественные здания. В Мюнхене было положено основание новой центральной железнодорожной станции, здания огромных размеров, которое, по замыслу архитектора, должно было стать самой высокой в мире стальной конструкцией, купол которой должен был быть выше двух башен Фрауэнкирхе, визитной карточки Мюнхена. Не только Мюнхен, но и другие города должны были превратиться в массивные каменные манифесты силы и постоянства Третьего рейха. Гамбург дол-

жен был украсить новый небоскреб, где расположилась бы региональная штаб-квартира нацистской партии, по высоте превосходящая Эмпайр-Стейт-Билдинг в Нью-Йорке, наверху должна была красоваться неоновая свастика, служившая бы маяком для приходящих кораблей. Вниз по реке пригород Отмаршен должен был быть снесен, чтобы уступить место колоссальному подвесному мосту через Эльбу. Мост должен был быть самым большим в мире, гораздо больше моста Золотые Ворота в Сан-Франциско, послужившего для него моделью¹⁷⁹.

В Берлине был построен огромный терминал аэропорта Темпельхоф, в котором было более 2000 помещений. В новом грандиозном здании Министерства авиации размещались роскошные залы с мраморными полами, свастиками и памятниками знаменитым немецким авиаторам. Большой Олимпийский стадион стоимостью 77 миллионов мог вместить 100 000 зрителей не только на спортивных мероприятиях, но и на больших нацистских съездах. И здесь в высоких примыкающих постройках были размещены памятники павшим, на этот раз немецким солдатам Первой мировой войны. К 1938 году Гитлер распорядился о строительстве нового здания Имперской канцелярии, потому что уже существующее здание казалось ему слишком скромным. Оно было даже больше и внушительнее, чем здания в Мюнхене. Длина основной галереи составляла около 500 футов; в два раза длиннее Зеркального зала в Версале, как отметил Гитлер¹⁸⁰. Открытая в 1939 году новая Имперская канцелярия, по словам одного наблюдателя, возвещала о «силе и богатстве Третьего рейха, превратившегося в сверхдержаву»¹⁸¹. На самом деле гигантизм этих проектов, которые должны были быть реализованы к началу 1950-х годов, то есть за весьма короткий промежуток времени, должен был означать то, что к этому времени Германия станет не просто сверхдержавой, а силой, доминирующей во всем мире¹⁸².

Проектировал новую Имперскую канцелярию не любимый архитектор Гитлера Пауль Троост, умерший в январе 1934 года, а новичок, которому в последующие годы предстояло сыграть большую роль в Третьем рейхе, молодой помощник Трооста Альберт Шпеер. Шпеер родился в 1905 году в Маннгейме и принадлежал к поколению профессионалов, на чьи амбиции повлияли

горечь и хаос Первой мировой войны, революции и гиперинфляции. Сын архитектора, а значит, представитель образованной мелкой буржуазии, Шпеер учился в Берлине у архитектора Генриха Тессенова, где завел тесные дружеские отношения с другими его учениками. Учитель прививал им открытый подход к архитектуре, не склоняя их ни к модернизму, ни к противоположным ему направлениям, он подчеркивал простоту форм и важность того, чтобы они вырабатывали свой стиль, основываясь на опыте немецкого народа. Как и в любом университете в середине и конце 1920-х годов, среди студентов господствовали правые настроения, и несмотря на свое либеральное происхождение, Шпеер все-таки им уступил. В 1931 году на встрече в пивной Гитлер обратился к берлинским студентам. Шпеер, находившийся среди слушателей, впоследствии признался, что его «захлестнула волна энтузиазма, которая, и это можно было почувствовать почти физически, несла слушателя за собой от одного предложения к другому. Она смыла любое недоверие, любые сомнения»¹⁸³.

Ошеломленный, Шпеер вступил в нацистскую партию и тут же принялся за работу, став добровольцем в Национал-социалистическом автокорпусе, и задумался о возможности вступления в СС, хотя так этого и не сделал. До 1932 года он занимался архитектурой независимо и, чтобы обеспечивать себе заказы, начал использовать свои партийные связи. Геббельс попросил его помочь с восстановлением и переделкой Министерства пропаганды, здания, созданного великим архитектором XIX века Фридрихом фон Шинкелем и разрушенного Геббельсом и группами штурмовиков, когда они входили туда. Неудивительно, что Геббельс осмелел попытку Шпеера сохранить то, что осталось от классических интерьеров Шинкеля, и через несколько месяцев после того, как Шпеер завершил свою задачу, распорядился, чтобы работу переделали, сделав ее более грандиозной. Но следующий проект молодого архитектора оказался более успешным. Просмотрев планы празднования Дня национального труда на поле Темпельхоф в Берлине 1 мая 1933 года, Шпеер посетовал на то, что в них не хватает фантазии, и ему поручили их доработать. Его удачные нововведения, такие как большие флаги, свастики и прожектора, побудили Геббельса поручить ему оформление Нюрнбергского съезда, который должны были провести позднее

в этом же году. Именно Шпеер в 1934 году придумал эффект «светового купола», создаваемый направленными вверх прожекторами, который так впечатлил иностранных гостей. Вскоре он занялся восстановлением служебных помещений нацистской партии и исправлением интерьера в новом доме Геббельса в Ванзее, рядом с Берлином. Шпеер чувствовал, что заряжается атмосферой целеустремленности, окружающей нацистских руководителей. Он работал очень усердно и делал все очень быстро. В мгновение ока, когда ему не было еще тридцати, он создал себе хорошую репутацию у нацистского руководства¹⁸⁴.

После смерти Трооста, которого Гитлер очень уважал, Шпеер тут же оказался в личном окружении фюрера, который назначил его своим консультантом по вопросам архитектуры, то есть человеком, с которым он мог говорить о своем увлечении без того почтения, которое, как он чувствовал, оказывалось Троосту. Шпеера поразило такое внимание, и он вместе с семьей переехал поближе к дому Гитлера в Берхтесгадене. Будучи частым гостем в домике Гитлера в горах, Шпеер был воодушевлен желанием фюрера строить большие монументальные здания в стиле, восходившем в конечном итоге к античному классицизму. Вскоре Гитлер стал поручать ему проекты, которые раз за разом становились все претенциознее, многие из них основывались на эскизах, которые Гитлер делал сам в начале и середине 1920-х годов. Шпееру доверили реконструкцию и расширение мест проведения съезда партии в Нюрнберге, для чего начиная с 1930 года нужно было построить ряд новых дорогостоящих грандиозных зданий, в том числе стадион на 405 000 человек, Конгрессхалле, вмещающий 60 000 человек и два больших поля: Цеппелина и Мартовское, окруженные колоннами и позволяющие разместить соответственно 250 000 и 500 000 человек¹⁸⁵.

Тем временем он проектировал и строил павильон Германии для Всемирной выставки 1937 года, еще одно огромное помпезное сооружение, самое большое на всей выставке. Центральное место в нем занимала массивная башня в псевдоклассическом стиле, образованная десятью колоннами с каннелюрами, соединенными сверху карнизом; башня возвышалась над всеми окружающими постройками, включая советский павильон, выше была только Эйфелева башня, стоящая в конце улицы, на кото-

рой располагались павильоны. По ночам в промежутках между колоннами светились красные свастики. Рядом с башней стоял длинный главный зал прямоугольной формы, без окон, который создавал ощущение монолитного единства. Немецкий искусствовед Пауль Вестхейм сказал, что это здание рождает зловещую и пророческую ассоциацию с крематорием, у которого башня играет роль трубы¹⁸⁶.

Успех Шпеера в роли архитектора подобных пропагандистских сооружений привел к тому, что Гитлер 30 января 1938 года назначил его генеральным инспектором по строительству имперской столицы, он отвечал за претворение в жизнь мегаломанских планов превращения Берлина к 1950 году в «столицу мира Германию». Берлин должна была прорезать большая ось из широких проспектов, предназначенная для военных парадов, в середине должна была стоять триумфальная арка высотой 400 футов, больше чем в два раза превосходящая по размерам Парижскую арку. Главная улица должна была вести к Большому залу, купол которого должен был достигать 250 метров в диаметре и быть самым большим в мире. В конце каждого из проспектов должен был быть аэропорт. Гитлер сам разработал этот план много лет назад и много раз обсуждал его со Шпеером, с тех пор как они впервые встретились. Теперь, решил он, пришло время воплотить его в жизнь¹⁸⁷. Это должно было длиться вечно и являться памятником Третьего рейха, в то время когда Гитлер уже давно уйдет со сцены. Чтобы освободить место для новых проспектов, людей выселяли из дома и здания сносились, впоследствии эти дороги были частично открыты для транспорта. Тем временем добавлялись новые здания, в том числе новая Имперская канцелярия, и вскоре Шпеер построил масштабную модель будущего города, над которой Гитлер в последующие годы провел не один час, что-то исправляя и сожалея о том, что сам так и не стал архитектором¹⁸⁸.

К середине 1930-х годов Шпеер возглавлял большую архитектурную фирму, приобретая опыт управления, который оказался для него очень полезен, когда во время войны он неожиданно занял более высокую и намного более важную должность. Многие из самых впечатляющих его проектов принадлежали не только ему одному, а были разработаны командой, члены которой, в

особенности Ганс Питер Клинке, однокашник Тессенова, сыграли не менее важную творческую роль, чем он сам. Кроме того, стиль, которого придерживались архитекторы в фирме, далеко не являлся собственным изобретением нацистов. Городская архитектура той эпохи в других странах также основывалась на принципах классицизма, а идея перепланировки города с использованием геометрических линий с широкими проспектами и большими общественными зданиями также была совсем не нова; в частности, план перестройки Берлина, созданный Шпеером, поразительно напоминал центр Вашингтона, столицы Соединенных Штатов, с его огромной центральной аллеей, окруженной большими неоклассическими постройками из сияющего белого камня. Архитектуру и городское планирование нацистов отличало прежде всего не то, что их стиль происходил от классицизма, а маниакальный гигантизм форм. Здания могли не очень отличаться от городских построек в других странах, но определенно они должны были быть значительно больше по размеру, чем то, что до этого видел мир. Это явственно прослеживалось уже в моделях Берлина, которые Шпеер с его руководителем очень долго изучали. Однажды, при частной встрече, он показал его своему 75-летнему отцу, который сам раньше был архитектором. «Вы все совершенно обезумели», — сказал ему пожилой отец¹⁸⁹.

От противоречий к гармонии

I

Когда министр пропаганды Йозеф Геббельс в ноябре 1933 года основал Имперскую палату музыки, ему удалось своеобразный маневр — он убедил Рихарда Штрауса стать председателем палаты. Еще до своего назначения на эту должность Штраус снискал одобрение режима, быстро заняв должность главного дирижера, которая изначально предназначалась для еврея Бруно Вальтера. Штраус не любил Вальтера, и его убедили, что если он не вмешается, Берлинский филармонический оркестр потеряет большую часть необходимой ему прибыли, так как публика перестанет

ходить на его концерты. Как можно было предполагать, режим использовал это событие в своих интересах¹⁹⁰. Вскоре после этого Штраус поспособствовал тому, чтобы сместили другого запрещенного дирижера Фрица Буша и итальянского дирижера-антифашиста Артура Тосканини, отказавшегося дирижировать на Байройтском фестивале по политическим причинам¹⁹¹. Поэтому вряд ли можно сомневаться в его верности новому режиму. В то время Штраусу было около семидесяти лет. За прошедшие десятилетия он обеспечил себе международную репутацию главного композитора Германии, намного превосходящего других по величине и популярности. Он очень четко осознавал свое превосходство и свою роль в истории. Он писал сочным стилем позднего романтизма и не был поклонником модернистской и атональной музыки; когда однажды его спросили, что он думает об атональной музыке Арнольда Шенберга, Штраус сказал, что ему было бы лучше заниматься уборкой снега¹⁹².

Несмотря на свою репутацию, Штраус все же остро осознавал, что ему не удалось сравняться с его великими предшественниками, такими как Бах, Бетховен, Брамс или Вагнер (говорят, что однажды он со смиренным самоосуждением отметил: «Возможно, я не первоклассный композитор, но я первый из композиторов второго класса»). Его отец, незаконный сын баварского судебного секретаря, благодаря своим собственным музыкальным талантам смог стать знаменитым валторнистом, но знание своего происхождения давало Штраусу чувство социальной незащищенности, от которого он так никогда и не смог избавиться. Рожденный в 1864 году, композитор достиг заметного общественного и финансового успеха в Вильгельмовском рейхе, а во времена Веймарской республики он, что неудивительно, стал большим политическим консерватором. На частном обеде в 1928 году эстет Курт Гарри Кеслер услышал, как он неодобрительно отзывался о Веймарской республике и призывал к установлению диктата, хотя Кеслер с некой снисходительностью отметил, что это могла быть и ирония¹⁹³.

Штраус воспользовался возможностью стать во главе всего, что происходило в музыкальной сфере в Германии. Он использовал свое право по рождению стать председателем Имперской палаты музыки. В течение многих лет он проводил кампании и ра-

ботал над такими вопросами, как, например, авторское право, которые в эпоху радио и граммофонов стали как никогда остры. Раздосадованный кажущейся неспособностью Веймарской республики защитить немецкую музыкальную традицию от потока популярной музыки, оперетт, мюзиклов и джаза, с одной стороны, и недавно появившихся атональной и модернистской музыки, с другой, Штраус решил, что Третий рейх должен прорваться сквозь проволоочки и путаницу законодательства и обеспечить ему и его делу то, что ему было нужно¹⁹⁴.

Штраус был опытным политиком в области культуры и поэтому он ждал от Геббельса какого-то вознаграждения за свою преданность. Министр пропаганды действительно не остался в долгу и в 1934 году создал центральное государственное ведомство по защите авторских прав на музыкальные произведения и присоединился к Бернской конвенции о защите авторских прав, согласно которой срок действия авторского права продлевался с тридцати до пятидесяти лет после смерти автора. Но Геббельс был не в восторге от стремления Штрауса использовать Имперскую палату музыки, чтобы навязать всем свою нелюбовь к дешевым опереттам, джазу и легкой развлекательной музыке, те, кого Штраус назначал в палату, не могли сравниться с людьми Геббельса в темном искусстве бюрократической войны и политических интриг. Вскоре представители министерства стали жаловаться на то, что палата управлялась не должным образом. Штраус не мог себя защитить, так как часто отсутствовал, занимаясь написанием музыки. Он был в напряженных отношениях со своим вице-президентом, выдающимся дирижером Вильгельмом Фуртвенглером. Вскоре они оба оказались не в ладах с режимом из-за того, что наняли музыкантов-евреев. Когда он был моложе, Штраус часто уничижительно отзывался о евреях, Фуртвенглер тоже разделял распространенные в правом крыле предрассудки о «безродных» евреях и «еврейском большевизме». Но это не мешало им, как и многим не убежденным, не фанатичным антисемитам, при необходимости работать с евреями¹⁹⁵.

У Штрауса это были либреттисты Гуго фон Гофманшталъ, умерший в 1929 году, и Стефан Цвейг, популярный писатель, вместе с которым в 1933–1934 годах он благополучно работал над новой оперой «Молчаливая женщина». Альфред Розенберг

увидел в этом возможность ослабить контроль Геббельса над музыкальными учреждениями и отметил, что не только либреттист «Молчаливой женщины» был евреем, но и у директора оперного театра, где должна была состояться премьера, жена была еврейкой. Когда Штраус настоял на том, чтобы имя Цвейга включили в программу, директор, которого сочли ответственным за это, был вынужден уйти в отставку. Со своей стороны Цвейг, живший в Австрии, уже подписал протест против политики режима вместе с писателем Томасом Манном, одним из самых громких критиков Третьего рейха. Он объявил, что не собирается больше работать со Штраусом, потому что не хочет работать на Германию, где евреи, такие же как он, подвергались преследованию. Пытаясь его переубедить, Штраус написал Цвейгу 17 июня 1935 года, что он стал председателем Имперской палаты музыки не потому, что поддерживал режим, а просто «из чувства долга» и «для того, чтобы предотвратить более страшные беды». К этому времени гестапо уже следило за Цвейгом и проверяло его почту. Они перехватили письмо, сделали его копию и послали ее в имперскую канцелярию. Различные партийные организации уже атаковали Штрауса не только за его сотрудничество с Цвейгом, но и за то, что он распространял свои произведения в принадлежащем евреям нотном магазине и нанял еврея, чтобы он сделал переложение его оперы для фортепиано. Под нарастающим давлением, разочарованный тем, как неэффективно композитор управлял Имперской палатой музыки, Геббельс решил, что Штраусу все же надо уйти. Композитора убедили 6 июля 1935 года отказаться от должности президента Имперской палаты музыки «по причине ухудшения здоровья». Тем временем показ «Молчаливой женщины» был прекращен, после того, как ее показали во второй раз, ее запретили на все время существования Третьего рейха¹⁹⁶.

Стараясь, чтобы провал «Молчаливой женщины» не постиг его во всем, Штраус написал письмо лично Гитлеру с просьбой об аудиенции. Вскрытое письмо, из-за которого его уволили, по его словам, было «неправильно понято, как будто я... недопонимал, что такое антисемитизм или понятие человеческого сообщества». Гитлер даже не стал утруждать себя ответом. Попытки поговорить с Геббельсом также были сурово отвергнуты. Штраус с горечью

отмечал: «Печален тот день, когда художник моего уровня должен спрашивать какого-то министра о том, что ему можно сочинять и показывать. Я тоже просто принадлежу нации «слуг и официантов» и я почти завидую моему товарищу Стефану Цвейгу, которого преследуют из-за его расы»¹⁹⁷. Но, несмотря на это, он попытался вернуться. Он сочинил официальный гимн для Олимпийских игр в Берлине в 1936 году, но его заказал Олимпийский комитет, а не немецкое правительство. То, что гимн заказали именно ему, и то, что он пользовался успехом, убедило Геббельса в том, что международная репутация Штрауса могла быть полезна для режима, и ему разрешили выехать за границу в качестве культурного посла Германии, и он снова заработал аплодисменты любителей музыки из других стран. Геббельс распорядился, чтобы он работал на имперском музыкальном фестивале 1938 года в Дюссельдорфе, и с его благословения Штраус вошел в состав жюри, получил от режима награды и поздравления с днем рождения. Композитор продолжал ставить новые оперы, включая «День мира» (*Der Friedenstag*, 1938), которая была рассчитана на то, чтобы ее принял режим, либретто написал ариец Йозеф Грегор, который, по мнению Штрауса, был гораздо слабее тех, с кем он работал до этого. Но это не компенсировало потери места у власти, на котором теперь искали благосклонности режима другие, более современные композиторы¹⁹⁸.

II

Однако до 1933 года было совершенно непонятно, что это были за композиторы. Простая приверженность нацистской партии не была вопросом первостепенной важности. Главное значение имела расовая принадлежность данного композитора, живого или мертвого. Согласно нацистским принципам, евреи были поверхностны, склонны к подражанию и неспособны к настоящему творчеству; и, что было еще хуже, они подрывали и разрушали настоящую музыку, соответствующую немецкой традиции. Например, утверждалось, что композитор Феликс Мендельсон всего лишь успешно имитирует истинную немецкую музыку; Густав Малер был композитором вырождения и распада; атональная музыка Арнольда Шенберга своим диссонансом нарушала

идею гармоничного немецкого расового сообщества. Министерство пропаганды поощряло публикацию всего, что помогало подорвать репутацию таких композиторов среди публики, посещающей концерты, — от псевдонаучных томов, таких как «Музыка и раса», опубликованного в 1932 году, до словарей, таких как «Энциклопедия евреев в музыке», появившаяся в 1935 году. Содержащийся в этих книгах посыл усиливался регулярно выходившими в специализированной музыкальной прессе статьями¹⁹⁹. Нацистские музыковеды не ограничивались только словами.

В мае 1938 года, вдохновленный выставкой дегенеративного искусства в Мюнхене, Ганс Северус Циглер, руководивший при Веймарской республике национальным театром, организовал выставку «Дегенеративная музыка» в Дюссельдорфе в рамках первого Имперского музыкального съезда. С помощью сотрудников кабинета Розенберга Циглер быстро набрал команду карикатуристов, техников, дизайнеров и организовал большую выставку, с секциями, посвященными еврейским композиторам и дирижерам, музыкальным критикам и преподавателям музыки, модернистской и атональной музыке и многому другому. «То, что было собрано на выставке “Дегенеративная музыка”, — возвещал он на церемонии открытия, — представляет собой настоящий шабаш ведьм и самый что ни на есть легкомысленный духовно-художественный культурный большевизм, это является выражением триумфа недочеловеков, высокомерной дерзости евреев и полного старческого маразма души». Проблему того, как показать людям, что на самом деле представляет собой эта музыка, решили, установив шесть аудиобудок, где посетители могли прослушать специально нарезанные граммофонные записи с отрывками произведений Арнольда Шенберга, Эрнста Кшеника и других. Одну из пластинок с записью отрывков из «Трехгрошевой оперы» впоследствии особенно старательно разыскивали. Перед ней образовывались длинные очереди, что говорило о ее устойчивой популярности у публики, которой уже несколько лет не давали слушать это произведение. Однако есть все основания полагать, что многие другие выставки подтверждали предрассудки консервативных любителей музыки, которые никогда не любили модернизма²⁰⁰. Это мероприятие и стоящие за ним радикальные намерения не вполне понравились Геббельсу, который предпочи-

тал использовать Имперскую палату музыки как средство контроля за музыкальными представлениями. В своем дневнике он отметил: «Выставку доктора Циглера «Дегенеративная музыка» много критикуют. Те части, которые вызывают сомнения, я убираю»²⁰¹. Выставка закрылась уже через три недели²⁰².

Тем временем внутри палаты было основано Имперское ведомство по музыкальной цензуре, которое публиковало списки запрещенных композиторов и работ, куда входил и Ирвинг Берлин, бывший евреем. Запрещались не только концерты, но и записи и трансляции всего и всех, попавших в список. Самая большая проблема возникла с Мендельсоном, многие произведения которого были очень популярны. Отдельные дирижеры время от времени продолжали исполнять его произведения, например, в феврале 1934 года Фуртвенглер дирижировал Берлинским филармоническим оркестром при исполнении «Сна в летнюю ночь» Мендельсона в честь 125-летия со дня рождения композитора, но когда состоялось это событие, газеты просто умалчали об этом, поэтому кроме тех слушателей, кто лично был на концерте, это никак ни на кого не повлияло. Когда в ноябре 1936 года в Лейпцигский Гевандхаус с гастрольями прибыл сэр Томас Бичам с Лондонским симфоническим оркестром, консервативный мэр города Карл Герделер разрешил возложить венок к памятнику Мендельсону, который так много сделал для укрепления англо-германского музыкального сотрудничества в XIX веке. Но когда наутро после концерта они взглянули на памятник, его там уже не было; местный партийный руководитель, пользуясь временным отсутствием Герделера, ночью убрал его и разбил на куски. Вскоре после своего возвращения Герделер ушел с должности мэра и стал относиться к нацистам со все большей неприязнью. Что касается отношения к Мендельсону, то и здесь все изменилось, если его музыку все же исполняли, то имя автора не указывалось. К 1938 году имя Мендельсона наконец исчезло из музыкальных изданий и каталогов звукозаписывающих компаний, и публичное исполнение его произведений практически прекратилось.

За период с 1933 по 1944 год различные композиторы целых сорок четыре раза пытались написать альтернативное музыкальное сопровождение к «Сну в летнюю ночь»; как нередко были

вынуждены признать критики, прослушивающие эти произведения, все они были заметно хуже²⁰³.

Известные работы нееврейских композиторов тоже часто подвергались критике, если слова к ним были написаны евреем, так, например, стихотворение Генриха Гейне «Лорелея» было так известно, что режим решил попытаться убедить общественность в том, что это не стихотворение еврея, а народная песня. С операми Вольфганга Амадея Моцарта возникали трудности иного плана. Три из самых любимых слушателями его опер «Так поступают все», «Женитьба Фигаро», «Дон Жуан» не только имели либретто, написанные его еврейским помощником Лоренцо да Понте, но и исполнялись в немецких переводах еврейским дирижером Германом Леви. Заказывая у нееврейского писателя Зигфрида Ангейзера новые переводы, которые потом использовались по всей Германии, ведомство Розенберга сумело отвлечь внимание от того, что оригинальная версия, так или иначе, была написана евреем. Розенберг поощрял «Арийскую обработку» ораторий Генделя, включающих множество сюжетов из Ветхого Завета, что вызвало негодование Имперской палаты музыки, которая 19 сентября 1934 года запретила изменения текста. Однако, несмотря на это, оратория Генделя «Иуда Маккавей» была исполнена без еврейских имен и ссылок на Библию под названием «Военачальник»²⁰⁴.

Композиторы, не являющиеся евреями, также могли навлечь на себя гнев ведомства Розенберга, если в их музыке был хоть какой-нибудь модернизм или атональность или она вызывала какие-то еще противоречия. Если они не были немцами, то для Имперской палаты музыки было не особенно важно то, исполняются их произведения или нет. Поэтому в 1930-х годах, несмотря на все нападки, все равно продолжали исполнять музыку Игоря Стравинского, ставшую одной из главных мишеней для насмешек на Выставке дегенеративной музыки. Композитор сам способствовал тому, чтобы его произведения исполнялись в Германии, а его знаменитая деловая хватка даже позволила ему получить особое разрешение на то, чтобы авторский гонорар ему выслали в Париж, где он жил со времени Первой мировой войны. В отношении иностранных композиторов Министерство пропаганды никогда не упускало из виду и дипломатических мо-

ментов — так, модернистские сочинения Белы Бартока не за-прещались, так как он был венгром, а Венгрия была союзником Германии. Сам Барток, ярый антифашист, сменил своих издате-лей в Германии, после того как их «преобразовали под требова-ния арийской расы», он заявлял о своей солидарности с запре-щенными композиторами и обратился в Министерство пропа-ганды с протестом, когда обнаружил, что его произведения не были представлены на Выставке дегенеративной музыки, но все это было бесполезно, его сочинения, как и сочинения Стравин-ского, продолжали исполнять в Германии²⁰⁵.

Если же композитор был немцем или даже австрийцем (а для нацистов это было одно и то же), то все было совсем по-друго-му. Ученики Арнольда Шенберга были на примете у нацистов из-за того, что были приверженцами двенадцатитоновой ато-нальности. Музыка Антона Веберна была запрещена с самого начала, а исполнение оркестровой концертной сюиты из все еще не законченной оперы «Лулу» в Берлине в 1934 году, на ко-тором дирижировал Эрих Клайбер, вызвало еще большее волне-ние, возмущенные слушатели кричали: «Ура Моцарту!» Один из ведущих музыкальных критиков, Ганс Гейнц Штукеншмидт, по-ложительно отзывавшийся об этой работе в Берлинской газете, был в результате исключен из Немецкой ассоциации музыкаль-ных критиков (входящей в Имперскую палату литературы) и больше не мог заниматься своей работой. До этого он уже нажил себе врагов тем, что упрямо защищал Стравинского. Им удалось воспрепятствовать его трудоустройству в Германии, и он был вынужден уехать в Прагу. Эрих Клайбер, дирижировавший на концерте, испугавшись того негодования, которое вызвало у властей исполнение этого произведения, два месяца спустя уехал из Германии и в 1938 году принял гражданство Аргентины. При Третьем рейхе музыку Шенберга уже никогда публично не исполняли²⁰⁶. Несомненно, свою роль в этом скандале сыграло еще и то, что «Лулу» была довольно специфичным произведени-ем, в ней поднималась тема проституции, а одним из героев был Джек Потрошитель. Другой ученик Шенберга, Винфрид Цилиг, не являвшийся евреем, продолжал использовать двенадцатито-новую технику, хотя атональность в его произведениях и не бы-ла резко выражена. Ему удалось избежать цензуры, и он продол-

жал работать дирижером и композитором. Его работы были посвящены крестьянской жизни, героическому самопожертвованию и другим темам, близким нацистской идеологии. Здесь, как и в работах еще одного-двух авторов, содержание восторжествовало над формой²⁰⁷.

Однако был один печально известный случай, когда ни форма, ни содержание оказались неприемлемы для властей, несмотря на то, что с первого взгляда и то и другое сочеталось с нацистской эстетикой. Пауль Хиндемит, который, пожалуй, был самым выдающимся из композиторов-модернистов времен Веймарской республики, в 1920-х годах заработал себе репутацию *enfant terrible*, но ближе к 1930-м годам сменил свой стиль на более приемлемый неоклассицизм. Этот переход в 1933 году отметили некоторые влиятельные фигуры нацистской культурной сцены, включая Геббельса, который постарался оставить его в Германии, так как, по всеобщему признанию, он был вторым по важности композитором страны после Штрауса. В начале существования Третьего рейха Хиндемит начал писать по собственному либретто оперу «Художник Матис», повествующую о средневековом немецком художнике Грюневальде Матисе, к которому очень хорошо относились нацистские искусствоведы. Опера повествует о том, как он упорно боролся за то, чтобы стать немецким художником, а в кульминации оперы он попадает под покровительство государства, которое наконец признало его талант. Новые элементы романтизма в музыке свидетельствуют о том, что композитор постоянно пытался сделать свой довольно академичный стиль приемлемым для широкой публики. Хотя он совершенно не скрывал своего враждебного отношения к фашизму до того, как нацисты захватили власть, Хиндемит решил остаться и попытать счастья. В ноябре 1933 года его назначили в государственный совет секции композиторов имперской палаты музыки. Фуртвенглером и Берлинским филармоническим оркестром 12 марта 1934 была впервые исполнена симфония в трех частях, основанная на музыке к «Художнику Матису», также были назначены ее последующие исполнения и запись граммофонной пластинки с ней. Казалось, все было сделано для того, чтобы Хиндемита признали ведущим композитором Третьего рейха²⁰⁸.

Но Геббельс не принял во внимание постоянных махинаций своего соперника на культурно-политической сцене Альфреда Розенберга. В течение 1934 года в музыкальной прессе появилась едкая критика музыкального стиля и политических убеждений, которых Хиндемит придерживался до этого, радиостанции и организации, устраивающие концерты, вынуждали запрещать исполнение его произведений, во многом это было спровоцировано Розенбергом. В ответ на эту кампанию дирижер Вильгельм Фуртвенглер 25 ноября в ежедневной газете решительно защищал композитора. К сожалению, он при этом осуждал в целом всю критику работ Хиндемита в нацистской музыкальной прессе. «Где бы мы оказались, — риторически спрашивал он, — если бы политические доносы в широком смысле применялись и к искусству?» Ситуация еще более обострилась, когда Фуртвенглер появился на трибуне на представлении «Тристана и Изольды» Вагнера в Берлинской государственной опере в день, когда была опубликована его статья, и его шумно поддержала публика, которая четко понимала, что дирижер защищает свободу искусства от вмешательства в нее режима. Геббельс и Геринг были тогда в театре и видели эту демонстрацию. Все это вывело проблему на новый уровень. Теперь Геббельсу и Розенбергу пришлось объединить усилия перед лицом такого открытого противостояния культурной политике режима. 4 декабря Геббельс вынудил Фуртвенглера оставить все свои должности в Берлинской государственной опере, в Берлинском филармоническом оркестре и Имперской палате музыки. С этого момента он должен был зарабатывать себе на жизнь как свободный художник. 6 декабря, обращаясь к представителям творческих профессий во Дворце спорта, министр пропаганды вспомнил слова Фуртвенглера о том, что время Хиндемита как музыкального провокатора прошло. Но «идеологический сход с рельсов невозможно оправдать, просто назвав произведения «юношеским творчеством». То, что Хиндемит был «чисто немецкого происхождения», просто показывало, «насколько глубоко еврейская интеллектуальная инфекция въелась в наше расовое тело»²⁰⁹.

Пораженный таким неожиданным падением, Фуртвенглер 28 февраля 1935 года встретился с Геббельсом и рассказал министру, что сожалеет о политическом подтексте, который некото-

рые увидели в его оригинальной статье. Он заверил министра, что ни в коем случае не собирался критиковать политику режима, касающуюся искусства²¹⁰. Вплоть до 27 июля 1936 года Геббельс писал в своем дневнике о «продолжительной беседе с Фуртвенглером в саду в Ванфриде». «Он весьма разумно рассказывает мне обо всех своих проблемах, — отметил министр пропаганды. — Он многое усвоил и теперь он полностью с нами»²¹¹. Уже в апреле 1935 года Фуртвенглер выступал в своей новой должности, как приглашенный дирижер, с Берлинским филармоническим оркестром. В его отсутствие последние остававшиеся в оркестре музыканты-евреи, на возвращении которых он настаивал, когда еще был главным дирижером, были уволены. Фуртвенглер очень неплохо справлялся на своем новом посту. В 1939 году он заработал более 200 000 рейхсмарок на своей работе и в других местах, что примерно в сто раз превышало доход среднестатистического рабочего. Он все еще думал о том, чтобы уехать из Германии, и в начале 1936 года ему предложили место главного дирижера в Нью-Йоркском филармоническом оркестре. Но Геринг дал ему понять, что если он примет это предложение, то обратно его уже не пустят. И то, что Фуртвенглер годом ранее капитулировал перед Геббельсом, вызвало в Соединенных Штатах яростную критику. После этого он дирижировал в «Нюрнбергских Мастерзингерах» на съезде партии в Нюрнберге в 1935 году, где было объявлено о введении новых дискриминационных законов против еврейского сообщества в Германии. Не только евреи из Нью-Йоркского филармонического оркестра, но и многие другие выразили свою озабоченность и пригрозили, что бойкотируют оркестр в случае его назначения. Если Фуртвенглер когда-либо и хотел уехать из Германии ради высокой должности в США, то он просто слишком замешкался. Поэтому он остался, чем заслужил одобрение режима²¹².

Хиндемит на неопределенное время оставил преподавание в Берлине, но еще остался в Германии, стараясь исправить ситуацию, публично отрекшись от атональной музыки и присягнув на верность Гитлеру. Режим также мог учесть его труды на благо музыкального образования. Его произведения продолжали звучать на окраинах музыкальной жизни страны, и он получил заказ на новую пьесу от воздушных войск Геринга. Но в прессе продолжи-

лись нападки на него и директора оперных театров, и организаторы концертов слишком волновались после фиаско, которое потерпел «Художник Матис», чтобы включать в свой репертуар его произведения. Но что еще более значимо, Гитлер не забыл о той дурной репутации, которую обеспечила Хиндемиту опера «Новости дня» в 1936 году. В 1936 году на ежегодном Нюрнбергском съезде Гитлер выступил с речью, в которой призвал партию удвоить усилия по очистке искусства. Министерство пропаганды тут же запретило какое бы то ни было исполнение музыки Хиндемита. Траклат композитора по гармонии был отправлен на Выставку дегенеративной музыки в 1938 году, и Хиндемит эмигрировал в Швейцарию, где в мае впервые была исполнена его опера «Художник Матис». Оттуда он впоследствии уехал в Соединенные Штаты. В конечном счете важным оказалось не то, что он искусственно пытался ужиться с режимом, а то, что даже спустя десять лет нацистские руководители вспоминали о тех противоречиях, которые вызвали его радикальные музыкальные произведения 1920-х годов. То, что его жена была наполовину еврейкой, не сыграло здесь никакой роли. Его давнее сотрудничество с Бертольдом Брехтом, а также с некоторыми еврейскими деятелями искусства все еще применяли как оружие против него. Все это позволило Розенбергу и его сторонникам использовать его как средство ослабить контроль Геббельса за сферой музыки и искусства. В этом они добились успеха, но в целом в сфере культурной политики их успех был не столь велик. К 1939 году Розенберг уже совсем потерял интерес к культурным вопросам и переключился на международную политику²¹³.

III

При том что нацистам было совсем непросто решить, какая музыка им не нравилась, еще сложнее было выработать более-менее постоянную политику касательно того, какую музыку стоит поощрять. При Третьем рейхе не появилось никакой по настоящему нацистской музыки, несмотря на все теории нацистских музыковедов²¹⁴. Те из композиторов, кто добился успеха, достигли этого отчасти благодаря тому, что не были евреями, отчасти потому, что сделали свой стиль более доступным, и отчас-

ти потому, что поднимали приемлемые для режима темы, такие как жизнь крестьян и национальные герои. Но музыку, которую они писали, на самом деле было невозможно свести к какому-то общему знаменателю. Более того, немногие из них, если такие вообще были, не попали под влияние модернистского стиля, который так ненавидели нацисты. Например, Вернер Эгк писал очень близко к стилистике Стравинского, часто помещая баварские народные песни в контекст резкого диссонанса. Однако опера Эгка «Волшебная скрипка», впервые исполненная в 1935 году, удостоилась аплодисментов режима за то, что в ней изображалось очарование и спокойствие сельской жизни. В центре сюжета оперы были злобные махинации негодяя Гульдензака («Мешок денег»), который в контексте Третьего рейха определенно был евреем. Шумную критику, которую устроили несколько человек, тут же пресекли, а Эгк укрепил свой триумф, объявив, что немецкая музыка не может быть столь сложной, чтобы ее нельзя было исполнить на съезде нацистской партии. В следующей опере Эгка «Пер Гюнт» главный злодей, а точнее злодеи тоже были как будто евреями – уродливыми вырожденками-троллями, оригинальная пьеса Ибсена была интерпретирована весьма вольно; сам Гитлер, посетив представление, где звучали не только обычные диссонансы Эгка, напоминающие Стравинского, но также танго и даже некоторые намеки на джаз, несмотря ни на что, так проникся услышанным, что после представления провозгласил Эгка достойным преемником Рихарда Вагнера²¹⁵.

Влияние Стравинского можно проследить и в музыке Карла Орффа, который терпеть не мог диссонанса и во время Веймарской республики яростно нападал на композиторов-модернистов, таких как Хиндемит. Прежде всего Орф получил поддержку режима тем, что разработал крупномасштабный проект по музыкальному образованию в школах, а затем успешно защитил его от ретроградской критики сторонников Розенберга, которым не понравилось то, что он использовал нестандартные инструменты. Хотя проект во многом полагался на народную музыку, он все же был слишком сложен и претенциозен, чтобы оказать большое влияние на организации, для которых предназначался, такие как Гитлерюгенд. Орф получил по-настоящему большую известность после первого же показа своей кантаты «Кармина

Бурана» в июне 1937 года. Кантата основывалась на средневековых светских стихах, у нее был сильный, простой ритм, исполнялась она одним голосом под аккомпанемент с множеством ударных. Ее примитивизм, частое использование неприличной лирики и преобладание латыни над немецким языком во многих местах вызвали подозрение у консервативных критиков — сторонников Розенберга; но благодаря своей образовательной деятельности Орф пользовался поддержкой влиятельных людей, и Розенберг уже ничего не мог сделать. «Кармина Бурана», мощная и оригинальная, но простая и легкая для восприятия, тут же обрела успех и стала исполняться по всей Германии. Его последующие произведения были уже не столь хороши, но за свою прибыль и репутацию Орф мог больше не беспокоиться. Если какие-либо известные произведения из созданных при Третьем рейхе и соответствовали идее нацистов о культуре, то «Кармина Бурана» определенно была в их числе: ее грубая тональность, жесткие повторяющиеся ритмы, средневековые тексты и народные мелодии, дурманящий навязчивый пульс, отсутствие пищи для размышлений, по-видимому, остановили разрастание модернизма и интеллектуализма в музыке, которые так не любили нацисты, и наконец вернули культуру к примитивной простоте далекого крестьянского прошлого²¹⁶.

Но, в конце концов, такие произведения, как «Кармина Бурана», несмотря на всю свою популярность, заняли в музыкальном пантеоне лишь второе место после великих композиторов предыдущих веков, которыми больше всего восхищался Гитлер. Среди них главное место занимал Рихард Вагнер. Гитлер был поклонником его опер со времен своей молодости в Линце и Вене перед Первой мировой войной. Они вложили в его сознание мифические картины героического германского прошлого. Также Вагнеру принадлежит авторство печально известного памфлета, направленного против «еврейства в музыке». Однако влияние композитора на Гитлера часто преувеличивалось. Гитлер никогда не называл творчество Вагнера источником своего антисемитизма, и нет никаких доказательств того, что он на самом деле читал произведения Вагнера. Он восхищался смелостью, которую композитор проявлял в сложных условиях, но никогда не говорил, что принял его идеи. Если Вагнер и повлиял на нацистов, то не

напрямую, а через антисемитские взгляды кружка, собранного после его смерти его вдовой Козимой, и через мифический мир, который он изображал в своих операх. По меньшей мере в этой области они населяли то же культурное пространство, наполненное мифическим германским национализмом. Привязанность Гитлера к Вагнеру и его музыке была очевидна. Уже в 1920-х годах он подружился с живущей в Англии невесткой Вагнера Винифред и ее мужем Зигфридом Вагнером, следившими за постановками произведений отца в большом оперном театре в Байройте. Они были верными сторонниками ультраправого движения. В Третьем рейхе они стали королевской семьей культурного мира²¹⁷.

Начиная с 1933 года Гитлер каждый год в течение десяти дней посещал музыкальный фестиваль Вагнеровской музыкальной драмы в Байройте. Он вкладывал большие деньги в оперный театр, который подчинялся не Министерству пропаганды, а лично ему. Он строил Вагнеру памятники и мемориалы и старался обеспечивать аншлаги на концертах его музыки, приказывая своим чиновникам в массовом порядке закупать билеты. Он даже предложил перестроить оперный театр в более грандиозном стиле, этого не произошло только по настоянию Винифред Вагнер, уверившей его, что уникальную акустику существующего здания, специально спроектированного композитором для исполнения его произведений, невозможно было повторить в большем пространстве. В художественные вопросы он вмешивался довольно часто, но довольно бессистемно. Личное покровительство Гитлера означало, что ни Геббельс, ни Розенберг, ни какой-либо другой из политиков Третьего рейха, занимавшихся культурой, не могли установить контроль на Байройтом. Таким образом, Винифред Вагнер и организаторы фестиваля, как ни странно, получили весьма большую культурную автономию. Они даже не являлись членами Имперской палаты театра. Однако они использовали свою свободу таким способом, который всецело соответствовал духу Третьего рейха. Ежегодный фестиваль в Байройте превратился в фестиваль Гитлера, где Гитлер приветствовал зрителей с балкона, его портрет был помещен на обложку программы, во всех гостиничных номерах была нацистская пропаганда, а улицы и дорожки вокруг театра были украшены флагами со свастикой²¹⁸.

Геббельс и другие нацистские лидеры ворчали по поводу пристрастия Гитлера к Вагнеру и считали его чудачеством. По настоянию Гитлера съезд партии в Нюрнберге начинался с торжественного исполнения «Нюрнбергских мастерзингеров». В 1933 году Гитлер распорядился, чтобы была выделена тысяча бесплатных билетов для партийных чиновников, но когда он вошел в свою ложу, то увидел, что театр был почти пуст, все партийцы решили, что чем провести пять часов за прослушиванием классической музыки, им лучше этим вечером выпить в одной из многочисленных пивных и кафе. В ярости Гитлер разослал патрули, чтобы они вытащили их из питейных заведений, но даже после этого театр не наполнился. И в следующем году ситуация не стала лучше. Когда были изданы жесткие указы, предписывающие посещать такие концерты, в зале можно было увидеть, как самые некультурные из партийных чиновников просто спят во время нескончаемого представления и просыпаются только в конце, чтоб наградить довольно равнодушными аплодисментами оперу, которую они не могли ни оценить, ни просто понять. После этого Гитлер ретировался, и эти билеты стали продавать простым зрителям²¹⁹. Но несмотря на такое отсутствие интереса у руководства партии, за исключением самого Гитлера, на культурной сцене влияние музыки Вагнера можно было заметить везде. Наемные композиторы в огромных количествах строчили вагнероподобные мелодии, чтобы при первой необходимости их можно было использовать на каком-либо мероприятии. Такая музыка звучала в фильмах, радиопередачах, кинохрониках. Возможно, пресыщение Вагнером было одной из причин, по которым при Третьем рейхе он стал менее популярен у руководителей оперных театров и у слушателей. Исполнение его произведений сократилось с 1837 в оперном сезоне 1932/1933 года до 1327 в сезоне 1938/1939 года, в то время как исполнение Верди выросло с 1265 до 1405 в 1937–1938 годах, а исполнение Пуччини в следующем году – с 762 до 1013. В списке пятнадцати самых популярных опер в 1932–1933 годах первое место занимала «Кармен» Бизе, и в нем было четыре работы Вагнера, на третьем-четвертом, пятом и шестом местах соответственно, тот же список в 1938–1939 годах возглавляла «Паяцы» Леонкавалло, а опера Вагнера там была только одна, на двенадцатом месте²²⁰. В репертуаре оркестров после 1933 года традиционная музыка в стилистике позднего романтизма

скупого, консервативного и очень антисемитски настроенного Ганса Пфифнера пришла на смену музыке второго после Рихарда Штрауса по частоте исполнения композитора XX века Густава Малера, которого теперь запретили. В то же самое время продолжалось исполнение произведений зарубежных композиторов, таких как Сибелиус, Дебюсси и Респиги, одновременно с такими ныне забытыми светилами нацистского музыкального пантеона, как Пауль Гренер и Макс Трапп. При всем этом между политическими и расовыми директивами режима, не меняющимся, консервативным музыкальным вкусом публики и необходимостью финансово поддерживать концертные залы и оперные театры на плаву, очевидно, были компромиссы²²¹.

Контролировать оперные театры и концертные залы, где исполнялась классическая музыка, было сравнительно легко. Но следить за тем, что происходило у людей дома, было гораздо тяжелее. Музыкальная культура у немецкого народа заложена весьма глубоко, существовали давние традиции совместного пения и игры на музыкальных инструментах в семейном кругу и среди друзей. Несомненно, если их не слушали любопытные соседи или зрители блока, люди продолжали играть дома на пианино свои любимые «Песни без слов» Мендельсона, несмотря на то, что нацистская пресса с презрением называла их «пустым лепетом»²²². Музыкальные клубы, хоры, любительские камерные ансамбли и все остальные маленькие, локальные организации, являвшиеся частью богатой музыкальной традиции Германии, — все они оказались под влиянием нацистов, но даже при этом маленькие группы людей могли собираться, чтобы поиграть и послушать ту камерную музыку, которую им хотелось, при условии, что они были достаточно осторожны в том, кого они к себе приглашали. Предварительная цензура Имперской палатой музыки печатных изданий музыкальных произведений затрагивала только новые пьесы. Домашнее исполнение Мендельсона не было актом сопротивления режиму и не являлось нарушением закона²²³. Но даже в публичном исполнении была некоторая свобода. Список произведений, запрещенных имперским ведомством по музыкальной цензуре, включал в себя преимущественно джаз, и даже в его второе издание, опубликованное 1 сентября 1939 года, входило только пятьдесят четыре произведения²²⁴.

Музыка — самое абстрактное из искусств, и поэтому при диктаторском режиме сложнее всего ее контролировать. Культурным цензорам Третьего рейха казалось, что они знают, чего хотят от музыки, в которой нет слов, выдающих идеологические наклонности автора: идеологической правильности в опере и в песнях, тональной простоты и отсутствия диссонанса. По их культурной идеологии, тональность и простота — это арийские качества, а сложность и атональность — еврейские. Однако увольнение и запрещение еврейских музыкантов и композиторов никак не повлияло на музыкальную жизнь страны, а только лишило ее самых выдающихся и интересных музыкантов. В конце концов, что такое тональная музыка и что такое диссонанс? Технические определения не говорили ни о чем, так как в техническом смысле диссонанс начали использовать еще до Баха и Моцарта. Конечно, крайние проявления атональности, прежде всего двенадцатитоновый метод, разработанный Арнольдом Шенбергом и его учениками, были преданы анафеме; с другой стороны, тональный романтизм, такой как у Гана Пфизнера или Рихарда Штрауса, вряд ли мог вызвать какие-то возражения. Но большинство композиторов работали в области, находящейся посередине между этими крайностями. Было необходимо провести четкую грань между тем, что нужно принимать, а что отвергать, часто это зависело от покровительства высокопоставленных членов партии на национальном или местном уровне, которые защищали автора от критики. Таким образом, такие деятели искусства, как Пауль Хиндемит и Вернер Экг, стали в некотором смысле пешками в политической игре Геббельса, Розенберга и других нацистских тиранов. А если композитор или музыкант переходил грань между искусством и политикой, даже симпатия Геббельса к модернизму не могла его спасти²²⁵.

В частности, Геббельс осознал, что музыка, как и другие направления немецкой культуры, тоже может дать людям убежище от суматохи повседневной жизни. Точно так же, как он поощрял развлекательные фильмы и легкую музыку по радио, он вскоре понял, что концерты всеми любимой классической музыки могут успокоить и отвлечь людей, помочь им смириться с тем, что они живут в Третьем рейхе. В свою очередь аудитория, по многим заявлениям, могла найти в концертах Фуртвенглера источник цен-

ностей, отличающихся от тех, которые пропагандировали нацисты, но если это и было так, то эти ценности оставались скрытыми в глубине их души, и на самом деле, учитывая то, насколько музыка оторвана от реального мира, было трудно представить, как это могло быть иначе. В любом случае музыка, по мнению Геббельса, как и другие искусства, была такой областью, где художник был относительно свободен. Ее можно было чистить и подвергать цезуре, и так оно и происходило, но в то же время ее нужно было поддерживать и поощрять, и, что самое главное, музыкант должен сам руководить своим представлением; государство, определенно, не вправе делать это за них. Министерство пропаганды старалось воспитывать новых музыкантов, организуя различные конкурсы, учреждая субсидии и улучшая условия выплаты гонорара. В марте 1938 года значительная реорганизация выплаты зарплат и пенсий помогла новым музыкантам, которые испытывали финансовые трудности из-за экономической депрессии, наконец заняться своим делом. Многие музыканты покинули страну, или попали под чистку, или бросили свою профессию, и их очень сильно не хватало, что усугублялось еще и расширением таких больших организаций, как армия, СС и трудовой фронт, в которых требовались военные ансамбли и оркестры. Все это по-прежнему обеспечивало жизнеспособность музыкальной сферы в Германии, и великие оркестры продолжали исполнять великую музыку под управлением великих дирижеров, хотя музыка была уже не так разнообразна и выдающихся дирижеров было уже не так много, как до 1933 года. Однако многие считали, что новых великих композиторов не появлялось. Такого мнения придерживался даже сам Штраус. Но если уж на то пошло, это только усиливало у него и без того непоколебимое чувство собственной важности как наследника великой традиции немецких композиторов. «Я последняя гора большого горного хребта, — говорил он, — после меня начинается равнина»²²⁶.

IV

Снижение влияния Альфреда Розенберга на культурную жизнь в середине 1930-х годов не могло спасти направление музыки, которое больше всех критиковали и позорили, а именно

джаз. Нацисты считали джаз вырождающимся направлением, чуждым немецкой музыкальной самобытности, они связывали его со всеми видами декаданса, говорили, что его создали расово неполноценные негры и евреи, джаз, свинг и другие формы популярной музыки заклеили сразу же, когда нацисты пришли к власти. Иностранные джазовые музыканты покинули страну, кто-то сам, а кто-то по принуждению, а в 1935 году немецким исполнителям популярной музыки запретили использовать иностранные псевдонимы, столь модные при Веймарской республике. В джазовые клубы, к которым в первые годы режима относились более-менее терпимо, все чаще стали совершаться рейды, и в этих рейдах участвовало все больше агентов гестапо и членов Имперской палаты музыки, которые запугивали музыкантов тем, что проверяли их документы, подтверждающие членство в Имперской палате музыки, и конфисковали ноты, если они играли музыку еврейских композиторов, входящих в черный список, таких как Ирвинг Берлин. Жестко контролируя радиопередачи, режим следил за тем, чтобы легкая музыка не слишком свинговала, а газеты трубили о том, что «музыку негров» запретили передавать по радиоволнам. Штурмовики патрулировали летние пляжи, куда часто ходили молодые люди с портативными заводными граммофонами, и разбивали хрупкие джазовые пластинки на куски. Музыку классических композиторов, использующих в своих произведениях джазовые ритмы, таких как Карл Амадеус Хартман, полностью запрещали. Потеряв возможность заработать на жизнь в Германии, но не желая уезжать, Хартман целиком зависел от концертов и записей за рубежом, и его репутация противника Третьего рейха создала для него значительную угрозу. На плаву его удерживали влиятельные и состоятельные друзья и родственники, не поддерживающие режим. В своей музыке он не шел на компромиссы с требованиями простоты и прямолинейности, которые выдвигал Третий рейх, и всеми силами старался отдалиться от режима еще больше, и брал уроки у Антона фон Веберна, ученика Шенберга, больше всех тяготеющего к модернизму. Хартман очень старался избежать гласности и снимал с себя подозрения тем, что пытался внешне соответствовать требованиям режима, например, всегда отдавал гитлеровское приветствие. Когда он

посвятил симфоническую поэму своим живым и умершим друзьям, заключенным в концлагере Дахау, он удостоверился, что посвящение обозначено только на оригинальной нотной записи, что его может прочесть только дирижер, его друг, на ее первом исполнении в Праге в 1935 году; нацисты никогда о нем не узнали²²⁷.

Джазовые ритмы в классической музыке легко можно было дискредитировать и заклеить как неприемлемые. Но в популярной музыке многое, если вообще не большая ее часть, не относилось ни к классике, ни к джазу, а находилось где-то посередине, либо принимая форму оперетты — а о них хорошо отзывался даже сам Гитлер, — либо танцевальной или эстрадной музыки, звучащей в кафе. Популярную музыку, звучавшую на танцплощадках, в ночных клубах, барах отелей и в других подобных местах, прежде всего в Берлине, контролировать было значительно сложнее, во многом из-за того, что невозможно было четко определить, что является джазом или свингом, а что нет. Те, кто покровительствовал таким заведениям, часто это были молодые обеспеченные представители высших классов, обычно могли защититься от пристального внимания со стороны агентов гестапо или Имперской палаты музыки. Привезенные из-за границы джазовые записи можно всегда было купить в маленьких магазинчиках, и даже Геббельс настолько ясно осознавал популярность джаза и свинга, что иногда позволял им звучать в позднем ночном эфире. И если эту музыку нельзя было слышать на немецких радиостанциях, то это всегда можно было сделать на волне радио Люксембург, где, как опасался Геббельс, транслировали и другие политически нежелательные передачи. Геббельс сам долгое время покровительствовал таким представлениям, как «Скала» в Берлине, где 3000 зрителей могли не только поглазеть на отплясывающий кордебалет, но и послушать музыку запрещенных композиторов, таких как еврей-американец Джордж Гершвин. Геббельс был взят врасплох, когда в газете Юлиуса Штрейхера «Штурмовик» появилась критика этой программы, причем хорошо обоснованная. Организаторы меняли программу всякий раз, когда кто-то из команды Геббельса заранее звонил и говорил, что он будет в зале и в программе не должно содержаться ничего, что оскорбляло бы на-

цистский вкус. Он пошел еще дальше и провел чистку в самой команде, реализовав программу, которую его заместитель впоследствии назвал «приручением»²²⁸.

Джаз и свинг вызывали у режима подозрение не в последнюю очередь и тем, что, как считали нацисты, они пропагандировали среди молодежи половую распущенность. Давление также шло и со стороны инструкторов по бальным танцам, которые хотели пресечь угрозу распространения танца свинг, новой причуды, вошедшей в моду летом 1937 года. Гитлерюгенд тоже без восторга отнеслись к свингу, вместо этого выступая за немецкие народные танцы. Местные власти вскоре начали накладывать запреты на эту новую моду. Гамбургская золотая молодежь, состоятельные торговцы и профессиональная элита с презрением отнеслись к таким ограничениям и выражали свое презрение публично, одеваясь в самую модную и элегантную британскую одежду, размахивая британскими флагами, нося под мышкой номера «Таймс» и приветствуя друг друга такими фразами, как «Hallo, Old Swing Boy!» («Привет, мой свинговый дружище!»). В клубах, барах, на частных вечеринках они танцевали под свинговую музыку и слушали записи джазовых исполнителей, запрещенные режимом. Они не собирались устраивать политический протест. Но в Третьем рейхе все было политизировано. Жизнелюбивая молодежь перешла грань, когда в 1937 году они решили выразить протест против приказа лидера Гитлерюгенда Бальдура фон Шираха, изданного 1 декабря 1936 года, по которому все молодые немцы должны были вступать в его организацию. Но более серьезно было то, что свободное общение евреев, полуевреев и неевреев в одной социальной среде шло вразрез с диктатурой расовой политики режима. То, что началось с подросткового культурного движения, переросло в проявление политического протеста. Во время войны оно приобретет еще более серьезные масштабы²²⁹.

О путанице и иррациональности в политике нацистов, касающейся музыки, где не было четких определений, где что-либо могли принять либо отвергнуть, руководствуясь только собственными капризами, может свидетельствовать история скромной губной гармошки — инструмента, в производстве которого

в 1920-е годы Германия была безусловным лидером. В середине и конце 1920-х годов экспорт Германией губных гармошек составлял 88% от их мирового оборота. Львиную долю от этого количества, более половины, то есть от 20 до 22 миллионов гармошек в год, производила компания «Хонер» в маленьком швабском городке Троссинген. Почти все они отправлялись в Соединенные Штаты. К этому времени многие рынки были уже почти перенасыщены, и из-за мирового экономического кризиса спрос на них падал. Поэтому компании пришлось вместо этого сосредоточить продажи в самой Германии. К сожалению, консервативное общество любителей классической музыки относилось к губной гармошке несерьезно и считало, что это вульгарный инструмент для непрофессионалов. Их представители добились того, что в 1931 году в прусских школах губная гармошка была запрещена. Семья Хонер ответила на это рекламой в американском стиле, где с гармошкой изображался немецкий боксер-тяжеловес Макс Шмелинг, вдобавок они предприняли контратаку и попытались убедить музыкальный мир в том, что их инструмент не нес в себе разрушения. После того как нацисты захватили власть, Эрнст Хонер, хоть он и не был убежденным национал-социалистом, вступил в партию для того, чтобы попытаться повысить свой авторитет, он стал пропагандировать губную гармошку как важную часть народной музыки, которую исполняли простые люди, как инструмент, который идеально подходит для штурмовиков и членов Гитлерюгенда, чтобы играть на нем, когда они собираются у костра и рассказывают патриотические истории²³⁰.

Но такая тактика не принесла успеха. Во-первых, народная музыка составляла только 2,5% из всего, что звучало по радио. Затем имперская палата музыки, в которой все еще много значили традиции, отметила, что этот инструмент современный, а во все не традиционный немецкий, и обратила внимание на то, что его использовали некоторые джазовые ансамбли, что, несомненно, клеймило его как неприемлемый. Гитлерюгенд запретил использование губной гармошки в ансамблях, хотя на индивидуальное исполнение этот запрет не распространялся. Полного запрета, судя по всему, ожидать не следовало. Но, в конце концов, никто, судя по всему, не знал, как охарактеризовать этот инстру-

мент, и никого это особо не волновало. Фирма Хонера смогла продолжить существование, у ее основателя даже была школа игры на губной гармошке на его родине в Троссингене, он еще надеялся, что губная гармошка когда-нибудь тоже станет таким же общепринятым инструментом, как остальные. Таким образом, даже здесь ограничения, контроль и распри внутри музыкального мира привели к трудностям. И даже скромная губная гармошка не осталась в стороне от придирчивого внимания нацистов²³¹.

V

Из всех современных режимов Третий рейх особенно выделялся своим искусством и массовой культурой. Гитлер в своих речах уделял этому больше времени, чем любой другой диктатор двадцатого века²³². Конечно, нацисты многое позаимствовали из ритуалов и символов фашистской Италии; а сплочение отдельных людей в единую, монолитную массу было характерно и для сталинской России, и для руководимой Франко Испании. Все эти режимы свели искусство к средству пропаганды и искоренили любое творческое инакомыслие, по меньшей мере попытались это сделать. Они боролись со сложными элитарными проявлениями модернизма и старались навязать художникам, писателям и музыкантам простой, понятный для широких масс стиль. Социалистический реализм в Советском Союзе имеет много общего с тем, что можно назвать расистским или националистским реализмом в Третьем рейхе. Как показала пропаганда начала 1930-х годов, времени, когда Гитлер еще не пришел к власти, обращение к визуальным и звуковым эмоциям может стать политическим оружием, возможность его использования рассматривали все политические группировки, даже социал-демократы, они полагали, что в том состоянии, в котором тогда находились народные массы, уже было недостаточно рациональных, вербальных, интеллектуальных обращений, которые использовались до этого. При Третьем рейхе оружие культурной пропаганды превратилось в инструмент государственной власти, как это было и в сталинской России. Художники и писатели по своей природе индивидуалисты. Как Советский Союз, так и нацистская Германия вели беспрестанную войну с индивидуализ-

мом, заявляя, что функцией искусства может быть только выражение духа народных масс. В обоих режимах музыку оказалось труднее всего контролировать, такие композиторы, как Прокофьев и Шостакович, продолжали создавать весьма своеобразные произведения, несмотря на некоторые попытки их дисциплинировать и на компромиссы с культурной диктатурой политических руководителей, на которые они иногда шли. В архитектуре стиль, который столь импонировал Троосту, Шпееру и другим подобным им архитекторам, не представлял собой ничего более, чем просто повторение основных особенностей конструкции общественных зданий той эпохи в Европе и Соединенных Штатах, только в большем масштабе. Враждебное отношение Гитлера к футуризму достигало крайних пределов и контрастировало с более спокойным отношением к нему у итальянских фашистов, у них одним из источников идеологии была художественная политика футуристов. Итальянская выставка футуризма, прошедшая в Берлине в 1934 году, вызвала неодобрение у нацистских критиков искусства, им хватило смелости заявить, что они больше не хотят видеть такого «большевизма в искусстве», несмотря на то, что художники выступали в поддержку фашизма. Но если посмотреть на здания Шпеера, скульптуры Брекера, музыку Эгка или фильмы Рифеншталь, становится ясно, что нацистская культура явно была частью культуры того времени. Она, несомненно, принадлежала к 1930-м годам и никак не обращалась к более ранним эпохам²³³. Учитывая все это, отношение Третьего рейха к культуре никак нельзя назвать уникальным²³⁴.

Однако в нем все же было нечто особенное. Конечно, не было ничего удивительного в том, что Гитлер сам очень интересовался изобразительными искусствами, учитывая его прежнюю жизнь и прежние амбиции. Определенно, именно из-за его выступлений, обличающих модернизм, политика партии начиная с 1937 года стала не столь снисходительна, как хотел бы этого Геббельс, и стала подавлять модернизм во всех его проявлениях. Но было бы неправильно сделать из этого вывод, что он также лично управлял культурной политикой во всех других областях²³⁵. Не считая страсти к Вагнеру, его мало интересовала музыка, которая столь абстрактна, что не поддается разделению на приемлемую и неприемлемую с точки зрения режима, и он мало что в ней пони-

мал; даже то воодушевление, которое вызвала у него к концу 1930-х годов музыка Антона Брукнера, в конце концов угасло. Не считая привычки смотреть поздними ночами старые фильмы и заказа Лени Рифеншталь на съемку «Триумфа воли», он особо не вмешивался в киноиндустрию, в основном оставив это Геббельсу, то же самое было и с радио, и с литературой. В каждой из этих областей у Геббельса было множество оппонентов, в первую очередь к ним, конечно, относился Альфред Розенберг, но, несмотря на это, уже в первые месяцы 1935 года ему удавалось весьма эффективно управлять Министерством пропаганды. Очевидно, что в культурной жизни Третьего рейха возникали значительные сложности, постоянно происходили какие-то случаи, когда нацисты не знали, что им делать, а также случаи, когда решение принималось случайным образом и могло бы быть совсем иным. Художники, писатели, музыканты и другие деятели искусства выработали различные стратегии, позволявшие им существовать при культурной диктатуре нацистов, это могло быть полное подчинение, или, как они говорили, минимальные необходимые компромиссы, на которые они шли ради искусства, или «внутренняя эмиграция» и даже полное молчание, которое при этом не всегда являлось требованием режима. Нормальная культурная жизнь при Третьем рейхе не исчезла полностью, как многие боялись. Люди все еще могли услышать симфонии Бетховена, увидеть работы старых мастеров в финансируемых государством галереях искусств, прочитать произведения классиков литературы, а в некоторых местах даже посетить джазовые клубы и танцплощадки, где исполнялись последние произведения в стиле свинг. Со своей стороны, Геббельс был достаточно искусным политиком, чтобы понимать потребность людей уходить таким образом от кахлодневных проблем, и давать им для этого возможность²³⁶.

Но при всем этом в сфере искусства все определялось навязываемой сверху культурной диктатурой. Как показала Выставка дегенеративного искусства, эстетические и стилистические соображения были в культурной политике нацистов лишь сравнительно незначительным фактором. Большее значение имели политические и идеологические соображения. Что бы ни происходило в искусстве в прошлом, нацисты хотели добиться того, чтобы произведения, создаваемые в то время, не противоречили их фундамен-

тальным ценностям и по возможности их пропагандировали. Основными особенностями культурной политики нацистов были антисемитизм, устранение из культурной жизни евреев, милитаризм, борьба с пацифизмом и общественным недовольством. Также сюда входили улучшение арийской расы, подавление слабых и негодных, воссоздание мифического мира крестьянской жизни с «кровью и почвой», устранение личностного, независимого творчества и поощрение безличностной культуры, которая служила коллективным потребностям народа и расы. Пожалуй, больше всего в нацистской культуре восхвалялась мощь и сила, наиболее очевидно это было в архитектуре. Расовая и политическая дискриминация, начавшаяся сразу с приходом режима, привела к тому, что из страны эмигрировали лучшие, самые широко признанные на мировом уровне писатели, художники и музыканты. Тех, кто остался, заставили молчать, их игнорировали, вынуждали идти на компромиссы или ставили их на службу главной цели нацистов: подготовить народ и государство к войне²³⁷. С этой целью нацисты предприняли беспрецедентную попытку привести в массы то, что они считали культурой, распространяя дешевые радиоприемники, проводя концерты на фабриках, показывая кино в отдаленных деревнях в мобильных кинотеатрах, показывая людям ужасы дегенеративного искусства и проводя многие другие мероприятия. Культура в Третьем рейхе больше не была прерогативой элиты, она должна была войти во все сферы общественной жизни в Германии²³⁸.

Политика нацистов в области культуры являлась частью всей нацистской политики и разделяла многие ее противоречия. Сам Гитлер оценивал и понимал искусство исключительно с политических позиций. В конце концов искусство должно было свестись к воспеванию власти и превратиться в инструмент пропаганды. Всегда готовый к подобным обвинениям, Геббельс 17 июня 1935 года объявил: «Национал-социалистическое движение... придерживается взгляда, что политика — это величайшее и благороднейшее из искусств. Ведь как скульптор обтесывает мертвый камень, придавая ему форму, дышащую жизнью, как художник оживляет краски, как композитор превращает мертвые ноты в мелодии, которые способны очаровать само Небо, так политик и государственный деятель превращает бесформенную толпу в живой народ. Поэтому искусство и политика — это вещи одного порядка»²³⁹.

Нацизм добавил в политику эстетики, но также он добавил в искусство политику²⁴⁰. «Нас часто обвиняют, — говорил Геббельс, — в том, что мы низводим немецкое искусство до уровня обычной пропаганды — каково это? Разве пропаганда — это то, до чего можно низвести? Разве пропаганда, как *мы* ее понимаем, не является тоже видом искусства? Искусство и пропаганда — это одно и то же, — продолжал он, — а их цель — это духовно мобилизовать весь немецкий народ. Национал-социализм — это не только политическая доктрина, это всеобщая, всеобъемлющая проекция всех общественных вопросов. Поэтому естественно, что вся наша жизнь должна на ней основываться. Мы надеемся, что придет день, когда никому уже не придется *говорить* о национал-социализме, потому что он станет воздухом, которым мы дышим! Поэтому национал-социализм не может ограничиваться пустыми словами — его нужно создавать руками и сердцем. Люди должны *внутренне* привыкнуть к такому поведению, это должно стать частью их собственных жизненных установок — только тогда можно будет признать, что из национал-социализма выросла новая культурная воля и что эта культурная воля естественным образом определяет все наше национальное существование. Однажды эта культурная воля приведет к духовному пробуждению нашего собственного времени»²⁴¹.

Из-за этой кампании в каждодневную жизнь вошли нацистские эмблемы, знаки, слова и понятия. Не только кино, радио, газеты, журналы, скульптура, живопись, литература, поэзия, архитектура, музыка, высокая культура, но и каждодневная культура подвергалась все большему влиянию нацистских идеалов и все больше ими ограничивалась. Нацистские нормы и правила проникли и в обычную жизнь, которая протекала между днями всеобщей идеологической мобилизации, такими как день рождения Гитлера или дата его назначения на пост рейхсканцлера. Виктор Клемперер отмечал, что с 1935 года режим начал подталкивать людей использовать новые псевдонемецкие названия месяцев. Луиза Зольмиц со своим обычным энтузиазмом тут же начала использовать их в своем дневнике вместо традиционных латинских названий: *Julmond*, *Brechmond* и т.д.²⁴².

В рекламе и дизайне начала использоваться нацистская символика и стилистика²⁴³. Иностранные рекламные агентства были

запрещены, и с помощью тех же средств, что и обычно, режим добивался того, чтобы реклама была «немецкой» по своей сути и по стилистике. Реклама потребительских товаров теперь должна была соответствовать требованиям режима, точно так же, как и искусство²⁴⁴. Предметы каждогодневного обихода быстро покрылись налетом политики. Уже в марте 1933 года Виктор Клемперер разглядел на купленном им тюбике зубной пасты нарисованную свастику²⁴⁵. Еще до этого в магазинах можно было купить подставки для яиц, шпильки, карандаши и чайные сервизы, украшенные свастиками, а детям можно было подарить игрушечных солдатиков в виде штурмовиков, музыкальные шкатулки, игравшие песню Хорста Весселя, или головоломки, где нужно было в правильном порядке расположить буквы имени великого вождя: L-I-T-R-E-N²⁴⁶. На производимую в Баухаусе мебель из стальных труб, которую немцы так любили, уходило слишком много ценного металла, который был необходим для производства оружия, поэтому, удачно совмещая идеологические и экономические выгоды, вместо этого стали производить лакированную мебель в псевдоприродном стиле, псевдо — потому что для ее изготовления все больше применялось массовое промышленное производство, хотя она и выглядела так, будто была сделана вручную²⁴⁷. Даже такие, казалось бы, нейтральные области, как ландшафтный дизайн и проектирование садов, не остались в стороне от этого процесса: искусственные формы и иностранная флора не допускались, приветствовался естественный вид с использованием немецких растений²⁴⁸. Те, кто любил собирать сигаретные карточки, теперь могли наклеивать их в альбом, посвященный «борьбе Третьего рейха». Среди карточек, которые могли оказаться в коллекции курильщиков, были такие, где Гитлер был изображен со светловолосым ребенком («Глаза фюрера — глаза отца»), Гитлер и технология, Гитлер и Гинденбург и, конечно, Гитлер и рабочие²⁴⁹. «Культурную атмосферу эпохе придавали не великие произведения искусства, а повседневные предметы»²⁵⁰.

Такой политический эстетизм создал иллюзию того, что волевые поступки властей немедленно решают социальные, экономические и национальные проблемы народа. Это отвлекало внимание людей от суровой реальности Германии, которая в начале

и середине 1930-х годов все еще страдала от тяжелой экономической депрессии, и занимало его сказками и мифами, показным воодушевлением от государства и его политики, чувством того, что люди жили в новом мире, по большей части иллюзорном. В развитой промышленной культуре, такой, какая была в Германии в 1930-х годах, эти иллюзии отчасти определялись такими возрожденными псевдоархаичными понятиями, как «кровь и почва», классические каноны в живописи, традиционная тональная музыка, массивные общественные здания; но средства для этого использовались самые современные — начиная с радио и кино и заканчивая новыми технологиями в полиграфии и методами в строительстве. Жителям деревень и маленьких городов, которых в Германии было большинство, все это, по-видимому, казалось чем-то удивительно новым и современным. Помимо всего прочего, нацистская культура, которой управляло Министерство пропаганды, была нацелена на борьбу с личностными мыслями и чувствами и на сплочение немцев в единую, послушную, дисциплинированную массу, такую, какой они казались на экране в «Триумфе воли» Рифеншталь²⁵¹. Эта цель выполнялась постепенно и по частям, отчасти из-за того, что изначально не было твердой уверенности в том, по какому пути стоит пустить культурную политику, отчасти из-за соперничества внутри партии; но при том радикализме, который начался в 1937–1938 годах, всем наконец стало ясно, какой политики нацисты придерживаются в культуре. К этому времени практически все организации, влияющие на формирование общественного мнения в Германии, управлялись Геббельсом и его Министерством пропаганды, они были скоординированы, очищены от действительных и возможных диссидентов, выстроены по арийским принципам и помещены под идеологический, финансовый и административный контроль. «Общественное мнение» как таковое благополучно перестало существовать; точка зрения, которая выражалась на экране, транслировалась по радио, печаталась в газетах, журналах и книгах, за очень редким исключением была точкой зрения режима. Регулярные сообщения от гестапо, местных и региональных руководителей держали Геббельса, Гимmlера и других нацистских лидеров в курсе того, что думает народ, и позволяли Министерству пропаганды

влиять на его мнение с помощью специально для этого разработанных кампаний пропаганды. Нацистская пропаганда была важным дополнением к нацистскому террору в подавлении открытого несогласия и обеспечении массовой поддержки режима. В этом отношении деятельность Министерства пропаганды была самым очевидным успехом партии²⁵².

Нацистская пропаганда проникла столь глубоко, столь всеобъемлюще вошла в немецкие средства массовой информации, что повлияла даже на сам язык, которым говорили и писали немцы. В своем доме в Дрездене Виктор Клемперер начал делать обзор нацистского языка — LTI — *Lingua Tertian Imperia*, языка Третьего рейха. Он отметил, что слова, которые в нормальном цивилизованном обществе имеют негативную коннотацию, при нацизме приобретали противоположный смысл: так, слова «фанатичный», «брутальный», «безжалостный», «бескомпромиссный», «жесткий» превратились в слова похвалы, а не осуждения. Немецкий язык превратился в язык превосходной степени — так, все, что делал режим, стало «лучшим» и «величайшим», его достижения — «беспрецедентными», «уникальными», «историческими» и «несравненными». Государственная статистика вышла далеко за пределы возможного. Все решения были «окончательными», изменения делались «навечно». Язык, которым говорили про Гитлера, отметил Клемперер, был весь пронизан религиозными метафорами; люди «верили в него», он был спасителем, орудием Провидения, его дух жил во всей немецкой нации, Третий рейх был «вечным Царством» немецкого народа, а те, кто умер за него, были «мучениками». Различные нацистские организации тоже обосновались в немецком языке, вводя свои аббревиатуры и акронимы, и их использование стало естественной частью повседневной жизни. Наверно, больше всего нацизм внес в немецкий язык боевых метафор: «битва за работу», «борьба за существование», «сражение за культуру». В руках аппарата нацистской пропаганды немецкий язык стал жестким, агрессивным и военизированным. Каждодневные вопросы обсуждали такими словами, которые больше подошли бы для поля боя. Даже язык подвергся военной мобилизации²⁵³.

Если языковые структуры и слова, присутствующие в языке, определяют человеческое мышление, то Третий рейх был готов

лишить общество возможности даже думать о недовольстве и сопротивлении, не говоря уже о претворении этого в жизнь. Но конечно, сознание большинства немцев сформировалось еще задолго до того, как Гитлер пришел к власти, а мощные культурные традиции, как те, которых придерживались миллионы католиков, социал-демократов и коммунистов, невозможно извести за один день. Даже среди миллионов людей, проголосовавших за Гитлера, были некоторые, если не большинство, кто при этом не голосовал за нацистскую идеологию в целом. Многие представители среднего класса поддержали на выборах нацистскую партию потому, что они специально использовали расплывчатые выражения, говоря о том, что будут делать, если придут к власти. Голосование 1932 года было прежде всего голосованием протеста, скорее негативным, чем позитивным. Мощная, изощренная, и всеобъемлющая пропаганда Геббельса, однако, не смогла убедить людей в том, что теперь в «храбром новом мире» гитлеровского Третьего рейха им придется отбросить те ценности и убеждения, которые были им особенно дороги. Кроме того, многие скоро устали от того, что режим постоянно заставляет их выражать одобрение своей политики и своих руководителей. «Иногда огромная гиперактивность в сфере культурной политики, — сообщало гестапо в Потсдамском регионе уже в августе 1934 года, — воспринимается как бремя, и потому эти предписания либо отвергаются, либо саботируются». Инициативы локальных управлений культуры жестко ограничивались из-за того, что в процессе координации создавались огромные массовые организации. Повсеместное введение принципа лидерства только все усугубляло. «Все вокруг очень схематизировано, и поэтому сейчас не создается ничего по-настоящему удачного, ведь удачные произведения всегда индивидуальны»²⁵⁴.

Спустя два месяца, в октябре 1934 года, Потсдамское районное управление гестапо сообщало, что когда режим требовал от народа выразить массовое признание, во время таких мероприятий как день рождения Гитлера, плебисциты и выборы, Первое мая и другие празднества, они делали это либо из искреннего энтузиазма, либо просто из страха, люди уставали, от необходимости все время ходить на собрания и демонстрации²⁵⁵. Что касается радио, кино, литературы и живописи, как мы уже увиде-

ли, все попытки Геббельса сделать пропаганду интереснее лишь навели на людей скуку, потому что индивидуальное творчество зажималось, цензура лишала культурную жизнь разнообразия, а монотонность той культуры, которую мог предложить нацизм, быстро стало утомлять. Даже нюрнбергские съезды вскоре перестали воодушевлять так, как раньше, даже несмотря на то, что на них ходили только самые фанатичные и восторженные сторонники Гитлера. Как в 1937 году агенты социал-демократов сообщали находящемуся в Праге руководству партии, с лишь слегка преувеличенным оптимизмом: «В первые два или три года нацистский дух был на высоте, и народ все еще обращал внимание на объявления Фюрера и удивлялся им. Когда активисты партии колоннами шли к вокзалам, на улицах нередко можно было увидеть группы мужчин и женщин, в особенности молодых, с воодушевлением поддерживавших воинов партии. Но все это в прошлом. Через какое-то время наскучивает даже самая величественная демонстрация силы. Напыщенные речи уже набили оскомину. Те, кто раньше голосовал за Гитлера, видят в партии уже не спасительную силу, а всеподавляющий аппарат власти, беспринципный и способный на все. Когда мимо маршируют партийные подразделения, направляющиеся на Нюрнбергский съезд, люди остаются безмолвны. Откуда-нибудь может донестись возглас «ура» от упорного сторонника партии, но он тут же смущенно замолкает, потому что никто его не подхватывает. Что касается населения, то для них эта пропаганда ничем не отличается от всего остального — такое же выкачивание денег и ничего больше. Картина никогда не меняется: военные, марширующие колонны, группы людей с флагами. Иногда их больше, иногда меньше. Люди мельком смотрят на них и идут своей дорогой»²⁵⁶.

Поэтому Геббельс, судя по всему, не смог осуществить свой план настоящей долгосрочной духовной мобилизации немецкого народа. Не считая небольшой группы фанатичных нацистских активистов, все, чего он добился, — это скучное выполнение народом правил, в 1933 году он считал, что этого явно недостаточно²⁵⁷.

Наиболее эффективна нацистская пропаганда была там, где нацистская идеология пересекалась с другими идеологиями. В каких-то сферах и кругах это было более выражено, чем в других.

У консервативных националистов из высших классов это пересечение было столь значительно, что такие люди, как вице-канцлер Франц фон Папен, министр обороны Вернер фон Бломберг, министр юстиции Франц Гюртнер или министр финансов Лутц Шверин фон Крозигк, в 1933 году с готовностью вошли в коалицию с нацистами и оставались в ней, несмотря на все свои собственные позиции, в последующие годы. Некоторые из них, как Папен, постепенно осознали, что различие между их убеждениями и убеждениями нацистов было больше, чем они думали сначала; другие, как Гюртнер, постепенно прониклись идеями нацистов под влиянием пропаганды и происходящих событий. Среди немцев — представителей среднего класса — широкую поддержку партии обеспечило негативное отношение пропаганды к «марксизму» и коммунизму, этому поспособствовали еще и яростные революционные речи коммунистов — поборников Советской Германии — и то, что социал-демократы поддерживали марксистские теории социалистического уничтожения существующих институтов капиталистического общества. Еще большее количество националистов сожалело о заключении мирного соглашения в 1919 году, они верили, что Германию необходимо объединить и возродить, таким образом, дух 1914 года после глубоких и губительных разделов веймарского периода. Но им не хватало сильного руководителя бисмаркской традиции. Подобным образом при Веймарской республике был очень распространен антисемитизм, хотя у организованного рабочего класса он никогда не встречал большой поддержки, веру в отсталость славян разделяли почти все коммунисты, а убеждение в расовой неполноценности черных африканцев было практически всеобщим.

На этой основе нацистская пропаганда смогла выработать единую концепцию, которая должна была быть близка большинству жителей Германии, хотя в ней, пожалуй, не было ни одного момента, который безоговорочно принимали бы все. Более того, убедить людей могла спекуляция на некоторых происходящих событиях, если при этом принимались во внимание их страхи и предрассудки. Например, то, как режим объяснил пожар Рейхстага в 1933 году, вряд ли могло быть правдой, и на самом деле на последующем суде это объяснение было опровергнуто. Однако людей, в которых уже вселили страх перед комму-

нистами, легко можно было убедить в том, что, поджигая национальный законодательный орган, ван дер Люббе действовал в интересах тайной революционной организации. Подобным образом убийства, совершенные по приказу Гитлера и Геринга во время «Ночи длинных ножей», однозначно были незаконными; но немецкая традиция относиться к закону как к творению государства и распространившийся страх дальнейших революционных жестокостей, которые, судя по всему, готовили штурмовики, убедили большинство людей в том, что Гитлер действовал легитимно. На самом деле за удивительно короткое время режиму удалось создать Гитлеру репутацию почти что сказочной неуязвимости: вся критика направлялась на его подчиненных, а на фюрера возлагали практически несбыточные надежды. Гитлер превратился в вождя, который был вне партии, почти что выше политики.

Для подавляющего большинства немцев, включая такие обычно непокорные сообщества, как католики и рабочий класс, Гитлер был вождем, который не способен причинить вреда²⁵⁸.

Но все-таки там, где нацистской пропаганде приходилось идти против глубоко укоренившихся принципов, повлиять на людей было гораздо сложнее. Соответственно, проще всего было с людьми, у которых не было четко оформившихся взглядов, то есть прежде всего с молодежью. Более того, что бы ни заявляли пропагандисты, у людей было четкое представление о текущей экономической и социальной ситуации. Они запросто могли не поверить пафосным заявлениям Министерства пропаганды. Провозглашение отмены классовых различий, создания единого национального сообщества или чудесного восстановления экономики ничего для них не значило, если их собственное отчаянное положение в 1930-х годах практически не улучшалось. Другими словами, когда речь заходила о таких конкретных вещах, как экономика или роль Германии в мире, то действенность пропаганды зависела от того, насколько она соответствовала правде. Успех обеспечивал режиму поддержку и заставлял людей верить в его цели, неудачи вызывали недоверие и сомнения в правильности его политики²⁵⁹. Но нацисты уверяли, что время было на их стороне. Проникновение в мысли и поступки всех немцев не зависело просто от власти и изощренности проводимой полити-

ческой пропаганды. В более долгой перспективе перестройка системы образования должна была помочь создать новое поколение немцев, которое не знало бы никаких ценностей, кроме нацистских. Однако есть одна область, в которой личные ценности людей сохранились даже тогда, когда марксизм, социализм и все другие политические и общественные идеологии уже давно приказали долго жить. Это была религия. Из политической осторожности и целесообразности Третий рейх в 1933 году прекратил гонения на церкви и зависящие от них светские организации. По мере того как он становился все более уверенным, он стал обращать внимание и на христианство и искать способы либо подстроить его под новую Германию, либо также разделиться с ним.

ГЛАВА 3 ПЕРЕСТРОЙКА ДУШ

Вопросы веры

I

Нацистам было не по душе конфессиональное разделение Германии, и точно так же, как они добивались единства в светских областях политики, культуры и общества, многие из них хотели, чтобы в стране была единая национальная религия с единой национальной Церковью. По их мнению, при Веймарской республике это разделение, подрывающее национальную волю, было спровоцировано острыми конфликтами в таких вопросах, как образование, социальное обеспечение, смешанные браки и местные крестные ходы¹. Немецкая евангелическая церковь казалась нацистам практически идеальным средством религиозного объединения немецкого народа. Соединив лютеранскую и кальвинистскую церкви с начала XIX века, евангелическая церковь, в отличие от католической, не клялась в верности никакому институту за пределами самой Германии, такому как папство. В политике они с давних пор придерживались крайне консервативных взглядов. Во время Бисмаркской империи эта церковь успешно исполняла роль орудия государства; король Пруссии, являвшийся также Германским императором, был главой Прусской евангелической церкви и, не скрывая этого, требовал от нее верности учреждениям, организованным в государстве. Немецкие националисты считали Германскую империю протестантским государством и в течение нескольких десятилетий предпринимали соответствующие действия, начиная от преследования католиков Би-

смарком в 1870-х годах и заканчивая распространившейся и часто смертельной враждебностью, которую проявляли немецкие войска к католическим священникам во время вторжения во Францию и Бельгию в 1914 году. Немецкое протестантское духовенство представило Первую мировую войну как крестовый поход против католиков во Франции и Бельгии и православных в России, было ясно, что для многих национализм и протестантизм стали двумя сторонами одной идеологической монеты².

Характерным примером того, как в общепринятой традиции немецкого протестантства сочетались патриотизм, милитаризм и религиозность, является берлинский пастор Мартин Нимёллер, родившийся в 1892 году, сам сын лютеранского пастора, но крещенный как кальвинист. Нимёллер стал кадетом на флоте, а затем во время Первой мировой войны служил на подводных лодках, в июне 1918 года он принял командование одной из них. Его военные воспоминания нельзя назвать шедевром, но эти воспоминания, где с таким смаком описывается то, как тонули вражеские торговые корабли, отличались воодушевлением, сравнимым с книгой Эрнста Юнгера «В стальных грозах». Когда, войдя в док в Киле в конце ноября 1918 года, он услышал по радио новость об окончании войны, он, как он сам выразился, почувствовал себя «чужим в своей собственной стране». Не было «ядра, объединяющего людей националистских убеждений», которые противостояли «политическим интриганам этой революции»³. Проработав некоторое время на ферме, он пришел к мысли, что ему необходимо внести свой вклад в освобождение народа от духовной катастрофы, которая, по его мнению, его постигла, и он стал учиться на пастора в Вестфалии. Являясь активным членом Немецкого национального студенческого союза, он поддержал неудавшийся Капповский путч в марте 1920 года, направленный на свержение республики. Он помогал финансировать подразделение студенческого добровольческого корпуса из 750 человек для борьбы с Красной армией, сформированного левыми группировками этого района. Позднее он участвовал в деятельности другой военизированной группировки, «Организации Эшереих». В 1923 году Нимёллер и его братья несли гроб националистского диверсанта Альберта Лео Шлагетера, застреленного французскими войсками в Дюссельдорфе во время оккупации Рура⁴.

Нельзя было сомневаться в том, что Нимёллер выступал против Веймарской республики, и в том, что он не поддерживал мирного соглашения 1919 года. Но предлагаемый им способ национального обновления был в такой же мере духовным, в какой и политическим. Занявшись в 1923 году работой по помощи в чрезвычайных обстоятельствах, финансируемой государством, в качестве бригадира на железной дороге, чтобы обеспечить средствами к существованию свою семью в условиях невероятной инфляции 1923 года, он вступил в отделение социального обеспечения протестантской церкви, внутреннюю миссию, где многое узнал о социальных проблемах, получил бесценный опыт руководства и установил связи в протестантском сообществе по всей Германии. В 1931 году он стал третьим пастором в Далеме, пригороде Берлина, где стояли роскошные виллы. Что характерно, он уделял равное количество времени прислуге, тем, кто работал в тех поместьях, и богатым, культурным семьям, жившим в этих больших и шикарных вилах. Такие пасторы, как Нимёллер, придерживающиеся четких правых убеждений, но являвшиеся при этом популистами, были в особенности подвержены нацистскому влиянию, и в марте 1933 года Нимёллер проголосовал за Гитлера. Уже в 1931 году в своем обращении по радио он выразил надежду на появление нового национального лидера, а в 1933 году он решил, что такой лидер появился в лице Адольфа Гитлера. В то время в его проповедях периодически вставал вопрос единого, позитивного христианства, к которому призывали нацисты и которое преодолело бы религиозное разделение, столько лет терзавшее Германию. Он вторил заявлению нацистов о том, что евреи при Веймарской республике имели слишком большое влияние. В 1935 году он читал проповеди о губительном влиянии евреев в мировой истории, что, по его мнению, было результатом проклятия, легшего на них после распятия Христа⁵.

Протестанты-националисты, такие, как Немёллер, считали своим врагом марксизм, в своем коммунистическом и социал-демократическом проявлении. Его атеистические доктрины де-христианизировали рабочий класс еще с конца девятнадцатого века⁶. Многие протестанты, включая высокопоставленных людей, таких как лютеранский епископ Теофил Вурм, видели в приходе Третьего рейха возможность наконец-то повернуть эту

тенденцию в обратную сторону, в особенности с тех пор, когда пункт 24 программы нацистской партии представил нацистское движение как «позитивное христианство» и объявил войну «еврейскому материализму». И на самом деле, в первые месяцы Третьего рейха протестантские пасторы с энтузиазмом проводили зрелищные массовые крещения детей, которые остались некрещеными в годы Веймарской республики, и даже массовые одновременные венчания штурмовиков и их невест, заключивших при старом режиме только гражданские браки⁷. Все социальные группы протестантского населения, насчитывающего около 40 миллионов человек, почти две трети всего населения Третьего рейха, также оказали партии самую широкую и глубокую поддержку, когда в 1930-х годах она достигла триумфа на выборах. Очень многие из тех, кто проголосовал за нацистов, раньше поддерживали типичную протестантскую партию — националистов. Нацисты извлекли из этого свою выгоду. В 1933 году они организовали массовое празднование 450 годовщины со дня рождения Мартина Лютера, объявив его своим предшественником⁸. Такие мероприятия, как День Потсдама в марте 1933 года, которые специально проводились в Гарнизонной церкви, чтобы подчеркнуть симбиоз протестантской религии и прусской традиции, пришлись по душе многим протестантам⁹.

В свете всего этого и в особенности в свете долгой истории государственного контроля было неудивительно, что в 1933 году предпринимались серьезные попытки сделать Евангелическую церковь нацистской. Гитлер, по-видимому, намеревался превратить ее в своеобразную национальную церковь, которая несла бы людям новые расовые и националистические доктрины режима и каждый день обращала бы множество католиков к нацизму¹⁰. Ключевую роль здесь должны были играть «Немецкие христиане», движение, организованное в мае 1932 года сторонниками нацизма среди духовенства. Их никак нельзя было назвать незначительным меньшинством. К середине 1930-х годов в их число входило уже 600 000 членов Евангелической церкви. Уже в ноябре 1932 года на выборах в Прусскую церковь они завладели третьей частью всех мест. Это давало им хорошую возможность завладеть всей церковью, а об этом намерении они сообщили на массовом митинге в Берлине в начале апреля 1933 года. Точно

так же, как государство централизовало федеральную структуру Германии посредством «координации» федеративных государств, так и «Немецкие христиане» настаивали на отмене федеральной структуры Евангелической церкви с 28 автономными региональными церквями и заменили ее централизованной Имперской церковью, контролируемой нацистами. При поддержке Гитлера эта церковь была успешно создана, выбранный большинством кандидат на пост имперского епископа Фриц фон Бодельшвинг был свергнут, проработав в своей должности только несколько недель, и вместо него нацисты назначили Людвига Мюллера. Пользуясь поддержкой массовой пропаганды, проводимой министерством Геббельса, «Немецкие христиане» одержали безусловную победу на церковных выборах 23 июля 1933 года¹¹.

Благодаря этим действиям лидирующее положение заняли протестанты, которые еще до прихода к власти нацистов объявляли своей целью противодействие «еврейской миссии в Германии», устранение «духа христианского космополитизма» и борьбу с «расовым смешением» как часть своей миссии установления «веры во Христа, подобающей нашей расе»¹². Такие взгляды встретили широкую поддержку со стороны духовенства и теологов. Уже в апреле 1933 года Баварская протестантская церковь распорядилась, чтобы в день рождения Гитлера из окон всех ее зданий были вывешены флаги. Летом в конгрегациях уже нередко можно было увидеть пасторов «Немецких христиан», читающих проповеди не в стихарях, а в униформе СА или даже СС и проводящих особые обряды посвящения флагов и других эмблем штурмовиков, которые присутствовали на службах в своей форме, добавляя явный элемент устрашения в политику Евангелической церкви на всех уровнях. Тем не менее «Немецкие христиане» отнюдь не были управляемыми страхом оппортунистами; напротив, они явились апогеем, крайней формой давней связи немецкого протестантизма с немецким национализмом. Они с воодушевлением вешали в своих церквях флаги со свастикой, наносили нацистскую символику на новые церковные колокола, проводили ритуалы и церемонии, в которых выражался симбиоз протестантской церкви и Третьего рейха¹³.

Объединению протестантской церкви помимо прочего способствовало еще и назначение юриста Августа Йегера государст-

венным инспектором евангелических церквей в Пруссии. Йегер объявил, что Гитлер заканчивает то, что начал Лютер. Они работали сообща над делом спасения немецкой расы. Иисус представлял собой «вспышку нордической породы посреди мира, терзаемого симптомами вырождения»¹⁴. В соответствии с «принципом лидерства» Йегер распустил выборные органы Прусской церкви и заменил многих должностных лиц «Немецкими христианами». Тем временем имперский епископ Людвиг Мюллер с помощью группы штурмовиков захватил контроль над администрацией Евангелистской церкви. В сентябре в Имперской церкви все настойчивее звучали призывы отстранить от церковной работы всех евреев¹⁵. Причем многие из них исходили от обычных пасторов. В особенности от молодых пасторов из мелкобуржуазных семей, пасторов, не имеющих академического образования, людей, жизнь которых сильно поменяла военная служба, и пасторов с расистскими убеждениями из областей возле восточных границ Германии, для которых протестантизм представлял немецкую культуру, как католицизм — польскую, а православие — русскую. Такие люди хотели иметь воинствующую церковь, основывающуюся на агрессивном распространении Евангелия, совершающую крестовые походы, чьи члены являются воинами, сражающимися за Христа и за Отечество, жесткими, твердыми и бескомпромиссными. Такое мускульное христианство в особенности пришлось по душе молодым людям, которые презирали феминизацию религии через благотворительность и акты милосердия. Такие люди готовы были предать анафеме традиционную набожность, делающую упор на грехе и покаянии, с образами страданий Христа и его Преображения. Вместо этого им был нужен образ Христа, являющего собой героический пример для немцев, в мире, который они видели перед собой здесь и сейчас. В их глазах на Гитлере был венец спасителя нации, восстанавливающего в обществе христианство и ведущего к пробуждению нации¹⁶.

II

13 ноября 1933 года, чтобы закрепить свой триумф в протестантской церкви, 20 000 «Немецких христиан» собравшихся во Дворце спорта в Берлине, потребовали увольнения всех пасто-

ров, еще не объявивших о своей верности режиму. На том же митинге региональный управляющий церкви Рейнгольд Краузе призвал к тому, чтобы убрать из христианской Библии «еврейский» Ветхий Завет и очистить Новый Завет от «теологии неполноценности Ребе Павла». Он объявил, что дух Христа тесно связан с нордическим духом. Также и крест, — добавил он, — это еврейский символ, неприемлемый для Третьего рейха¹⁷. Но его речь не обошлась без противоречий. При всей своей политической консервативности значительная часть протестантского духовенства считала, что критерием членства в церкви должна быть религия, а не раса. Их все больше беспокоило стремительное проникновение нацистского влияния в церковь и следующая за этим потеря самостоятельности. 27-летний берлинский теолог Дитрих Бонхёффер в апреле 1933 года выступил в защиту новообращенных евреев. Он участвовал в организации оппозиции «Немецким христианам» на церковных выборах. Оппозиционно настроенные пасторы вскоре начали собираться в группы, затем организовывать региональные синоды. Среди них был Мартин Нимёллер, который при всей его симпатии к режиму теперь считал, что расистская политизация церкви угрожает его традиционалистской концепции протестантского христианства. 11 сентября 1933 года с группой коллег он организовал Союз пасторов. Возглавляемый Бонхёффером и Нимёллером, к концу 1933 года Союз принял в свои ряды 6000 пасторов. Автономные епархиальные организации, поддержав этот протест, тоже начали реорганизовываться, используя единство, которым они обладали, для создания централизованного национального органа¹⁸.

Прежде всего сопротивление распространяли пасторы — представители среднего класса из образованных семей. Четвертая часть основной группы приходских священников, присоединившихся к сопротивлению и оставшихся с ним, были из семей теологов или пасторов; в целом военная служба не изменила их, и хотя они и были националистами, религия все же была для них важнее. Только 5% из них были членами нацистской партии, а среди пасторов «Немецких христиан» их было 40%. Многие из повстанцев были родом из центральных провинций Пруссии, расположенных далеко от спорных пограничных территорий. Они отвергли небиблейские теологические новшества «Немец-

ких христиан» и основывали свое движение прежде всего на группах изучения Библии, где женщин было гораздо больше, чем мужчин, в то время как у «Немецких христиан» преобладали мужчины. Основным убеждением повстанцев было благочестие, определяемое фундаментальным библейским учением, это отталкивало некоторых пасторов, бывших ранее либералами или социал-демократами, и потому они стояли в стороне от этого движения¹⁹.

Имперский епископ Мюллер старался подавить мятежников за счет того, что запрещал любое сомнение касательно их проповедей, дисциплинировал некоторых диссидентов и включил протестантские молодежные организации, куда входило более миллиона человек, в Гитлерюгенд. В то же самое время он демонстративно покинул движение «Немецкого христианства», чтобы показать свою беспристрастность. Но все это было напрасно. Пасторы-оппозиционеры пошли против его распоряжений и осудили «Нацистское христианство» со своих кафедр. Также они отвергли и Имперскую церковь и основали в противовес ей другую организацию — Исповедальную церковь, которая на встрече в Бармене в мае 1934 года приняла декларацию, автором которой был Карл Барт, согласно ей они отреклись от «Арийского параграфа» и постановили, что их вера основывается на Библии. Барт, бывший швейцарцем, но живущий в Бонне, вскоре был вынужден покинуть Германию и вернуться на родину, при этом обращения, которые он писал оттуда и в которых призывал протестантов сопротивляться вторжению режима и вернуться к чистой религии, основанной на Библии, продолжали оказывать значительное влияние на его последователей²⁰.

В результате этих событий имперский епископ Мюллер почувствовал, что ему необходимо уволить Краузе вскоре после съезда во Дворце спорта и прекратить дисциплинарные меры, принимаемые для подавления мятежников, которые вызывали беспорядок в движении «Немецкого христианства» и спровоцировали внутренние разногласия, продолжавшиеся больше года. Вскоре занимаемая Мюллером должность имперского епископа практически потеряла смысл из-за того, что Исповедальной церковью 22 ноября 1934 года было создано центральное, координирующее Временное управление Немецкой евангелической церкви²¹. Один

проповедник, вступивший в Исповедальную церковь, заявил, что «те, кто сейчас у власти, говорят только о себе и о своем собственном эго; никто не говорит о страхе божьем, и потому Третий рейх не сможет продержаться долго». Судя по некоторым записям, один франконский пастор на воскресной проповеди говорил, что «настоящий христианин не может одновременно быть национал-социалистом, а настоящий национал-социалист не может одновременно быть настоящим христианином». В частности, Мартин Нимёллер прочитал ряд проповедей, в которых было ясно видно его враждебное отношение к режиму. На собраниях в его приходе в Далеме, куда приходило по 1500 человек, Нимёллер публично обвинял Геббельса, Розенберга и Гюртнера в том, что некоторых непокорных пасторов посадили в тюрьму, по крайней мере один раз он точно так говорил; он зачитал списки имен пасторов, которых арестовали или запретили им говорить; 30 января 1937 года, в третью годовщину назначения Гитлера на пост рейхсканцлера, он читал проповедь по тексту, описывающему тюремное заключение апостола Павла; он также прочитал совместную молитву за неарийцев, которых лишили работы. Гестапо с беспокойством отметило, что 242 церкви в Потсдамском районе не вывесили флаги со свастиками 9 ноября 1939 года, в годовщину «пивного путча» 1923 года²². Политические режимы приходят и уходят, объявил другой проповедник; только Бог вечен. Гестапо отметило, что на такие проповеди обычно приходят все враги национал-социализма, не только «старые офицеры, которые не смогли приспособиться», крупные землевладельцы и т.д., но также и масоны, «и даже некоторые коммунисты, которые вдруг обнаружили, что в глубине души они религиозные люди»²³. Согласно другому сообщению гестапо, в Марбурге получила распространение песня:

Когда-то мы были коммунистами,
Членами «Стального шлема» и СДПП,
Сегодня мы Исповедальные христиане,
Борцы против НСДАП²⁴.

Вокруг Исповедальной церкви начали собираться оппозиционные элементы. Некоторые считали, что они представляют весьма реальную угрозу для нацистского режима²⁵.

Однако Исповедальная церковь не стала общим центром оппозиции, каким в 1980 году в Германской Демократической Республике стала протестантская церковь. Гитлер и нацистская партийная верхушка все еще считали религию слишком деликатной областью, чтобы силой насаждать политику Мюллера. Например, попытка Мегера сместить лютеранских епископов Вурма и Мейзера с их должностей привела к массовым демонстрациям, в которых особо отличились члены партии, также она явно оттолкнула многих сторонников нацизма среди фермеров Вюртемберга и Франконии. Епископов пришлось реабилитировать²⁶. Поэтому нацистские лидеры были вынуждены признать попытку «Немецких христиан» скоординировать Евангелическую церковь изнутри неудавшейся. По-прежнему многие влиятельные деятели Евангелической церкви отрицали свою верность Третьему рейху и отказывались предпринимать какие-либо политические действия. Даже в 1934 году, когда конфликт достиг своего пика, Дитрих Бонхёффер, один из наиболее радикальных мыслителей Исповедальной церкви, неожиданно выступил с критикой: «Мечтатели и наивные люди, такие как Нимёллер, все еще считают себя истинными национал-социалистами». Он считал, что немногие члены церкви когда-нибудь решатся на более широкое сопротивление нацизму и принесут этим пользу²⁷. В любом случае к 1937 году в протестантской церкви было либо глубокое разделение между «Немецкими христианами» и Исповедальной церковью, как в Берлине, Вестфалии, Рейнланде, либо там доминировали «Немецкие христиане», как в большинстве других областей Северной Германии. Многие обычные протестанты были измотаны ожесточенной внутренней борьбой и вообще ушли из церкви; это молчаливое большинство одинаково отталкивали и библейский фундаментализм, и нацистское христианство²⁸.

Кроме того, самый важный объект разногласий, требование немецких христиан исключить неарийцев из церкви, объяснялся не тем, что пасторы исповедующей церкви вообще отвергали антисемитизм, а тем, что они просто иначе на него смотрели. Они верили, что крещеные евреи по определению уже не являются евреями, а до некрещеных им не было особого дела. Сам Нимёллер публично заявил, что на евреях лежит вечное проклятие за то, что из-за них распяли Христа. Но этот аргумент он использовал, при-

зывая к тому, чтобы в Третьем рейхе прекратилось их преследование: если их осудил Бог, то не дело людей вмешиваться сюда с их ненавистью, в конце концов, разве Иисус не говорил христианам любить своих врагов? Таким образом, Нимёллер хотел обернуть аргументы нацистов против них самих. Евреи, — говорил он, — слишком гордились своей расовой принадлежностью к «семени Аврамову», чтобы слушать учение Христа; теперь расовая гордость ведет немцев по той же дороге, и не исключено, что немцы также будут навеки прокляты. Сейчас такие аргументы могут показаться антисемитскими, но тогда они произвели совсем другой эффект²⁹. Пасторов, крестивших еврейских детей и проповедующих добродетели Ветхого Завета, «Немецкие христиане» заклеямили как «еврейских пасторов» и постоянно осуждали и оскорбляли их. В 1930-х годах различие между «Немецкими христианами» и Исповедальной церковью было весьма существенно³⁰.

Евангелическая церковь, как государственное учреждение, в 1933 году была обязана принять «Арийский параграф» и уволить восемнадцать пасторов, которые под него попадали (еще одиннадцать разрешили остаться потому, что они воевали в Первой мировой войне). В течение нескольких десятилетий церковь занималась обращением евреев в христианство, но теперь эти попытки встречали все большее неодобрение. Исповедальная церковь появилась отчасти именно как протест против таких действий, которые встретили активное неприятие со стороны некоторых пасторов на местах. Многих мирян-протестантов также беспокоил неприкрытый расовый антисемитизм «Немецких христиан». Писатель, поэт и диктор Йохен Клеппер, женатый на еврейке, уже в марте 1933 года жаловался на антисемитизм режима. В своем дневнике он отметил, что «национальная революция» создала настоящую атмосферу преследования. Истинный протестант, Клеппер видел в антисемитизме, который никак не мог естественным образом сочетаться с христианством, отрицание христианского библейского наследия: «Я не антисемит, — писал он, — потому что верующий не может им быть. Я не семитофил, — писал он, — потому что верующий не может им быть, — но я верю в Божественную Тайну, переданную через евреев, и поэтому то, что Церковь терпит все происходящее, вызывает у меня одни страдания»³¹. Однако политические соображения тех, кто отвечал за сопротивление «Немецким

христианам» на организационном уровне, требовали осторожности. Даже Нимёллер призвал к «строгости» в отношении неарийских пасторов³². В соответствии с общей тенденцией обвинять кого угодно, кроме Гитлера, другой пастор Исповедальной церкви, критикуя лидерский принцип в религии, напомнил, что фюрера им послал Бог, и за все эти проблемы отвечал не Гитлер, а имперский епископ³³. Кроме того, если в деревнях люди массово обращались к Исповедальной церкви, это в основном происходило из-за того, что, как отмечалось в докладе гестапо в Потсдамском районе, «фермеры, судя по всему, хотят справлять свои религиозные обряды в традиционной форме; они являются частью сельских обычаев, и покончить с ними было бы невысказано». То, что касалось сельских областей, могло также относиться и к уменьшающимся городским конгрегациям, из которых уже давно ушли рабочие, но которые все еще были популярны у консервативных мелких производителей, в буржуазных и аристократических кругах. В отчете гестапо также говорилось, что режим пока не способен преодолеть такой врожденный традиционализм³⁴. Но на самом деле было сложно сказать, что еще он мог для этого сделать. Попытка «Немецких христиан» создать синтез немецкого протестантизма и нацистского расизма благополучно провалилась³⁵.

III

Тем временем за ключевыми фигурами Исповедальной церкви, такими как Нимёллер, установили наблюдение, и все чаще стали происходить официальные гонения на исповедальных пасторов, им сопутствовали попытки «Немецких христиан», иногда довольно жестокие, силой вернуть контроль над некоторыми церквями; вплоть до 1945 года «Немецким христианам» оставались верны многие протестанты³⁶. Режиму совсем не просто было вынести провал их попытки прижать церковь к ногтю. С неохотой Гитлер оставил свои амбиции превратить ее в официальную государственную церковь Третьего рейха. Вместо этого он распорядился создать новое министерство по делам церкви. Его организовали в июле 1935 года, и возглавил его 48-летний Ганс Керрл, с 1925 года являющийся членом партии, а также министром юстиции Пруссии с 1933 года и до того, как в следующем году министерство было рас-

пущено. Новое министерство получило самые широкие полномочия, которые Керрл не замедлил использовать, чтобы попытаться прижать мятежных пасторов³⁷. Керрл предпринимал серьезные репрессивные меры против Исповедальной церкви, в особенности против ее берлинского отделения, где были самые активные диссиденты. Пасторам запрещали проповедовать или прекращали выплачивать им зарплату. Им запретили учить в школах. Всем студентам-теологам приказали вступить в нацистские организации. Был конфискован крупный Протестантский издательский дом, а в Мюнхене была разрушена протестантская церковь. Нимёллера арестовали, а к концу 1937 года более 700 протестантских пасторов оказались в тюрьме. Их обвинили в том, что они не соблюли государственные законы, читая свои проповеди, не соблюли государственные запреты на сбор денег для Исповедальной церкви и другие официальные декреты и правила. В Потсдамском районе в 1935 году были арестованы сто два пастора за то, что зачитывали декларации синода Исповедальной церкви, хотя всех их впоследствии арестовали. В некоторых местах, когда они возвращались домой, их с триумфом встречали демонстрации членов «Стального шлема», сразу же прекративших сотрудничать со штурмовиками. «Все меры, принимаемые против Исповедальной церкви, — вынуждено было признать гестапо, — оказались бесполезными, они только сделали пасторов еще более непослушными»³⁸.

Суд над Нимёллером также не принес никакой пользы, и ни одно из серьезных обвинений не подтвердилось. Несколько свидетелей назвали его патриотом, и сам Нимёллер сказал, что совсем не был политическим оппонентом нацистов. Его тут же выпустили. Но когда 2 марта 1938 года его освободили, у тюремных ворот его ждало гестапо. Гитлер лично приказал, чтобы его снова арестовали. Нимёллера поместили в одиночную камеру в концентрационном лагере Заксенхаузен. В начале войны в сентябре 1939 года он снова захотел пойти на флот, но ему отказали. Он все еще настаивал, что его мятеж был чисто религиозным. Но несмотря на это, его арест и заключение в лагерь вызвали презрительное отношение к нему. Его каждый день поминали в молитвах, не только в Исповедальной церкви, но и в протестантских конгрегациях во многих других странах, где его считали мучеником за христианство. Его продолжительное тюремное заключение после

того, как он был оправдан судом, вызвало международное неодобрение перед режимом. Для того чтобы сгладить такое критическое отношение, Гитлер отпустил его на один день, чтобы повидаться с его умирающим отцом. То, что Нимёллер был личным заключенным Гитлера, давало ему некоторые привилегии и должно было успокоить мировую общественность. Его жене разрешили иногда навещать его, а когда после одного такого визита распространились новости о его слабом здоровье, протесты, поднявшиеся после этого, привели к тому, что ему улучшили рацион. Тем не менее когда в 1939 году жена Нимёллера лично попросила Гитлера, чтобы его освободили, фюрер ответил, что если это произойдет, то он соберет вокруг себя оппозиционную группу, которая создаст опасность для государства³⁹.

Нимёллера не обошли стороной ежедневные унижения и жестокости, которым подвергали заключенных охранники-эсэсовцы. Благодаря тому, как терпеливо он переносил такое обращение, и благодаря своей твердой вере в Бога он пользовался большим авторитетом среди заключенных, которых всех без разбора он считал жертвами злого режима. Именно тогда, увидев страдания заключенных-евреев, он отрекся от своих прежних антисемитских взглядов. С евреями, говорил он другому заключенному, нужно обращаться точно так же, как с другими немцами: раньше он ошибался, выступая за ограничение их гражданских прав. Хотя Нимёллеру давали сравнительно несложную работу, такую как рубка леса, его часто избивали по самому незначительному поводу. Однажды, в конце 1930-х годов, когда ему велели назвать свое имя, он ответил, что он пастор Нимёллер. Охранники жестоко избили его, требуя, чтобы он сказал «Я свинья Нимёллер». Много раз охранники, согласно мемуарам другого заключенного, которые он написал вскоре после этого, «заставляли его прыгать между ними на одной ноге, иногда нагибаться и прыгать. В это время они били его, чтобы он двигался быстрее. Однажды он определенно упомянул имя Бога (хотя я этого не слышал), я понял это по тому, что охранники закричали «*Schweinhund* зовет своего *Drecksgott* (грязного бога). Посмотрим, поможет ли он ему выбраться отсюда». Иногда комендант и другие офицеры подходили посмотреть на издевательства. И тогда охранники, услышав одобрительный смех, превосходили сами себя»⁴⁰.

В 1941 году, когда показалось возможным, что Нимёллер перейдет в католицизм, Гитлер перевел его вместе с несколькими католическими священниками в Дахау, где его держали в гораздо лучших условиях почти до конца войны. Но не было никаких перспектив, что Гитлер выпустит его, особенно когда Нимёллер решил, что в католицизм все-таки не обратится⁴¹. Тем временем в его приходе в шикарном районе Далем на окраине Берлина «Немецкие христиане» снова получили перевес, его соперник, старший пастор Эберхард Рёрихт, который до этого был в тени нимёллеровской харизмы, перехватил инициативу и выдворил из прихода основную группу сторонников Исповедальной церкви⁴².

Позднее, вспоминая его аресты и заключение в лагерях, Нимёллер сожалел о тех компромиссах, которые он заключал с режимом, и винил себя в том, что преследовал только религиозные интересы. В речи, которая более всего остального поспособствовала тому, что память о нем теперь живет во всем мире, он произнес: «Сначала они взяли коммунистов, но я не был коммунистом и ничего не сказал. Затем они взяли социал-демократов, но я не был социал-демократом, поэтому я ничего не сделал. Затем настала очередь профсоюзов, но я не был членом профсоюза. Затем они взяли евреев, но я не был евреем, поэтому я не сделал ничего особенного. Затем, когда они пришли и забрали меня, не осталось уже никого, кто бы за меня заступился»⁴³.

При том, что это знаменитое высказывание очень ярко демонстрирует его угрызения совести, оно также иллюстрирует узость его конфессионального кругозора и глубину конфессионального разделения в Германии; потому что была одна группа, про которую он ничего не сказал, — католики⁴⁴.

Католики и язычники

I

Гитлер одновременно восхищался католической церковью и боялся ее, во время, когда его назначили рейхсканцлером, в нее входили 20 миллионов немцев, то есть треть населения, в основном на юге и на западе. Как и Бисмарк до него, Гитлер не считал,

что католики до конца преданы нации, потому что их церковь организационно подчинялась не Немецкому государству, а Риму. Другие нацистские руководители, воспитанные в католической среде, такие как Йозеф Геббельс, тоже испытывали некоторый трепет перед мощной и продуманной организацией церкви и ее способностью убеждать своих членов в правильности ее веры. Гитлер восхищался преданностью своему делу, которую священникам давало безбрачие, и тесными связями церкви с простыми людьми⁴⁵. Заместитель Гитлера Рейнгард Гейдрих выступал против строгого католического воспитания с ненавистью к церкви, доходившей до фанатизма. В 1936 году Гейдрих назвал евреев и католическую церковь, действующую прежде всего через политические организации, такие как Партия Центра, двумя главными врагами нацизма. Как международная организация, — утверждал он, — католическая церковь все время подрывает расовую и духовную целостность немецкого народа⁴⁶. Кроме того, католики, в отличие от протестантов, были в основном представлены только одной политической партией — Партией Центра, сторонники которой, в отличие от большинства других партий, в основном остались ей верны и не откликнулись на призывы нацизма во время выборов начала 1930-х годов. По мнению нацистов, большую часть вины за это можно было возложить на духовенство, которое в своих проповедях активно выступало против нацистской партии, часто запрещало католикам вступать в нее и настаивало, чтобы прихожане голосовали за Партию Центра или аналогичную ей Баварскую народную партию⁴⁷. Поэтому для многих, если не для большинства нацистских лидеров, было крайне важно полностью подчинить режиму католическую церковь Германии.

Католическое сообщество в 1933 году уже согласилось оставить Партию Центра, которая к тому времени уже была связана с некоторыми другими однозначно политическими организациями, такими как католические профсоюзы, но они ожидали, что подавляющему большинству светских организаций, относящихся к католической концессии, позволят сохранить независимость. Эти ожидания казались многим католикам вполне резонными, учитывая, что официальный конкордат, заключенный между нацистским режимом и папой римским в июле 1933 года, должен был защитить католические светские организации в об-

мен на то, что церковь воздержится от всякого вмешательства в политику⁴⁸. Однако эти обещания были обозначены довольно размыто, и летом 1933 года режим начал конфисковывать собственность католических светских организаций и силой закрывал их, если они отказывались отдавать ее добровольно. 20 июля газетам запретили называться «католическими» (все газеты должны были быть «немецкими»), и 19 сентября 1933 года баварская политическая полиция под руководством Генриха Гиммлера запретила любую деятельность от лица католических организаций, кроме молодежных групп, церковных хоров, встречающихся для репетиций, и благотворительных организаций, рассматривающих заявления о получении пособий. Кардинал Бертрам, встревоженный этой ситуацией, в Бреслау 4 октября рассказал папе Пию XI о проблемах, к которым, по его мнению, могло привести стремление нацистов установить полный контроль над обществом, запрещение католических газет, вмешательство государства в церковную благотворительность и запрещение объединения католических добровольческих организаций. Другой важный церковный деятель кардинал Михаэль Фаульхабер публично осудил нападки на католиков — неарийцев. Хотя он не сказал ничего против евреев — некатоликов. В Ватикане кардинал Пачелли, бывший папский нунций в Германии, а теперь государственный секретарь при папе Пие XI, жаловался на немецкое Министерство иностранных дел и угрожал написать общественное письмо протеста. Но в итоге он так ничего и не сделал. Католическая иерархия в Германии сочла более эффективным издать общие декларации, поддерживающие режим, в надежде, что он перестанет принимать меры против католиков. Так, архиепископ Грёбер в Фрейбурге 10 октября 1933 года публично объявил: «Я полностью поддерживаю новое правительство и новый рейх», а затем использовал свою открытую верность режиму, чтобы попытаться убедить нацистские власти в Бадене прекратить нападки на церковь. Но церковные власти не могли слишком навязчиво протестовать против мер, которые им не нравились, потому что это означало вмешаться в политику, а согласившись на конкордат, церковь пообещала этого не делать⁴⁹.

На самом деле нацистское руководство знало о тех опасностях, которые могли вызвать нападки на глубоко укоренившиеся

традиции католического сообщества. Поэтому они действовали постепенно. В приказе, вышедшем 2 ноября 1933 года, Гиммлер даже настаивал на том, чтобы никаких антикатолических мер не принималось без его инструкций. Гестапо стало следить за всей деятельностью католиков, включая церковное служение, оно обращало особое внимание на мирян, которые занимали важные должности в Партии Центра и Баварской народной партии, составляло большие списки католиков, предположительно сопротивляющихся режиму⁵⁰. Нацистские руководители были особенно озабочены отказом католических молодежных организаций прекращать свою деятельность, а это означало, что Гитлерюгенд не мог достичь в католической среде больших результатов. Для строительства будущего был особенно важен контроль над молодым поколением. 15 марта 1934 года руководитель Гитлерюгенда Бальдур фон Ширах осудил разделяющее воздействие католических молодежных объединений и призвал родителей отправлять детей в свою организацию. Он также стал подталкивать членов Гитлерюгенда устраивать драки с членами католических молодежных объединений, насаждая насилие на улицах, которое оказалось столь эффективно в первой половине 1933 года в более широком масштабе⁵¹. Церковному руководству живо напомнили о том, что СС застрелили Эриха Клаузенера, генерального секретаря «Католического действия», важного светского учреждения, в его офисе в Берлине во время «Ночи длинных ножей» в 1934 году вместе с Адальбертом Пробстом, национальным директором Католической молодежной спортивной ассоциации. В Мюнхене в число застреленных людей вошел Фриц Герлих, редактор католического еженедельного издания «Прямой путь» (*Der gerade weg*) и известный противник режима. Также активно ходили слухи о том, что бывший руководитель Партии Центра и бывший рейхсканцлер Генрих Брюнинг тоже был в смертельном списке, но, к счастью, он в это время был в Лондоне, что его и спасло. Итог этих событий, которые происходили во время личных переговоров между Гитлером и католическим руководством о будущем католических светских организаций, был совершенно очевиден. Но руководство ничего не возразило против совершенных убийств. Вместо этого они, как и Евангелическая церковь, почувствовали облегчение

оттого, что такие, казалось бы, несокрушимые радикалы-эсэсовцы, как Рём, были повержены, и, по-видимому их вполне удовлетворяло объяснение, что убитые люди совершили суицид или были застрелены при попытке к бегству⁵².

II

Вскоре за этими событиями последовала смерть Гинденбурга, которого все считали представителем консервативной протестантской христианской веры, и прекращение нацистского проекта создания национальной церкви, объединенной вокруг идеи «Немецкого христианства». Все это позволило политикам принимать активные антикатолические меры. Именно в это время начались ожесточенные споры по поводу антихристианских работ нацистского идеолога Альфреда Розенберга, который публично отверг такие основополагающие доктрины, как бессмертие души и спасение Христом человечества от первородного греха. В своей книге «Миф XX века» Розенберг представил католичество как творение еврейского клерикализма и стал дальше развивать эти идеи в серии книг, опубликованных в середине 1930-х годов⁵³. Под разнос попали даже «Немецкие христиане». Они просили Гитлера опровергнуть эти идеи, но он никак на это не прореагировал. Публикации Розенберга были немедленно помещены в список книг, запрещенных католической церковью, а духовенство «Немецких христиан» ответило Розенбергу рядом яростных публикаций. В разнообразных брошюрах, книгах, на собраниях и проповедях учение Розенберга осуждалось, а его сторонники в нацистской партии предавались анафеме. Но режим воспринимал книги Розенберга всего лишь как выражение его личных взглядов. Он не чувствовал необходимости с этим бороться. Но в то же самое время режим осознавал, что такие противоречия заставляют католиков сопротивляться дальнейшему проникновению нацистской идеологии и нацистских организаций. Как отмечалось в докладе гестапо в мае 1935 года: «Многие духовные служители резко критически отзываются со своей кафедры о «Мифе» Розенберга и его работе «Ретрограды наших дней». Они осуждают дух нового времени, безбожие и элементы язычества, которые видят в национал-социализме»⁵⁴.

Вскоре противоречивое отношение к идеям Розенберга, по мнению нацистов, начало приобретать опасные формы, немецкие епископы стали публично отпускать упреки нацистской идеологии и призывали свою паству отвергать эти идеи⁵⁵. В своем пасхальном обращении, написанном 19 марта 1935 года, Клеменс фон Гален, епископ Мюнстерский, яростно раскритиковал книгу Розенберга. «В Германии снова появились язычники», — с тревогой отметил он, также он критически отозвался об идее расовой души Розенберга. «Так называемая расовая душа, — объявил Гален, — на самом деле ничего собой не представляет». В начале июля 1935 года Розенберг воспользовался возможностью выступить с критикой Галена на съезде в Мюнстере, в ответ на это истые мюнстерские католики в небывалом количестве вышли на улицы на ежегодную июльскую процессию, проводимую в память о том, как церковь пережила преследования Бисмарка полвека назад и — в этом случае — 400-летнюю годовщину поражения анабаптистов, которые во время Реформации устроили власть террора. 19 000 католиков, вдвое больше, чем обычно, вышли поддержать своего епископа, сделавшего громкое заявление, что он никогда не сдастся врагам церкви. В ответ на это местное отделение партии заявило, что совсем не собирается повторять попытки Бисмарка подавить независимость Церкви, местные чиновники сообщили в Берлин о том, что Гален сеет недовольство, и обвинили его во вмешательстве в политику⁵⁶. Гален лично написал Гитлеру жалобу на нацистских лидеров, таких как Бальдур фон Ширах, притесняющих духовенство⁵⁷. Достичь компромисса определенно было не просто. Затянув гайки Церкви, Гиммлер и гестапо начали вводить более жесткие меры против светских католических организаций и институтов, ограничивая общественные собрания, подвергая цензуре оставшиеся католические газеты и журналы, запрещая некоторые их номера и назначая редакторами этих газет проверенных нацистов. И Герман Геринг, и Вильгельм Фрик, имперский министр внутренних дел, высказывались против «политического католицизма», заявляя, что продолжительное существование католических светских организаций было несовместимо с духом новой эпохи⁵⁸. К концу 1935 года Геббельс и Министерство пропаганды взялись за разрешение этих противоречий, предъявляя

католическим организациям множество обвинений в коррупции, точно так же, как они обвиняли профсоюзы в 1933 году⁵⁹.

Новая тактика тоже не смогла заставить католиков оставить свою веру. Гестапо сообщало, что священство, при помощи исповедален и целой программы домашних визитов, настолько успешно отразило все атаки, что миряне, особенно в сельских районах, «считают то, что пишут в газетах, ложью или по крайней мере большим преувеличением»⁶⁰. Стремление привлечь всех молодых людей в Гитлерюгенд и Союз немецких девушек, его женский аналог, встретило активное сопротивление со стороны католических священников, про некоторых из которых сообщали, что они отказывались отпускать грехи девушкам, вступившим в Союз, а не в организацию католических девушек⁶¹. Такие случаи начали происходить все чаще. Католические конгрегации с нескрываемой яростью реагировали на попытки местного партийного руководства убрать религиозные изображения из общественных зданий, таких как, например, морги. Приветствуя гостей, пользующихся в Церкви большим почтением, они демонстративно выносили церковные флаги, а не свастики. Штурмовики устраивали общественные демонстрации, как, например, в Розенхайме, где они требовали увольнения учителя, который ругал детей за то, что они не посещали церковь («В Дахау его!» — кричали они)⁶². В июле 1937 года региональное правительство в Баварии жаловалось на то, что церковь становится «государством внутри государства», а местные нацисты злились на то, «что церковь призывает людей к сопротивлению самым открытым образом — с кафедры»⁶³. Недовольство политикой режима проявлялось даже на самом верху: когда 30 января 1937 года Гитлер проводил церемонию вручения золотого партийного значка оставшимся членам кабинета, не являющимся нацистами, министр почты и транспорта Петер Барон фон Эльц-Рюбенах, убежденный католик, отказался принять его и прямо в лицо сказал Гитлеру, чтобы он прекратил гонения на Церковь. В ярости и замешательстве Гитлер вылетел из комнаты, не сказав ни слова, а сообразительный Геббельс тут же устроил непокорному министру отставку⁶⁴.

В одной из областей конфликт перерос в открытый протест. Жители деревень в сельской, глубоко католической части южно-

го Ольденберга были огорчены сокращением религиозного образования в школах и тем, что министр образования этой земли поддерживал антикатолическую политику Розенберга. 4 ноября министр еще больше осложнил ситуацию, запретив религиозное освящение новых школьных зданий и приказав убрать религиозные символы, такие как распятия (а также и портреты Лютера), из всех государственных, муниципальных и приходских зданий, включая школы. Местное католическое духовенство выразило протест с трибуны. 10 ноября 3000 ветеранов войны, собравшиеся, чтобы отметить День памяти, слышали клятву священника никогда не мириться с тем, что из школ убирают распятия. Он сказал толпе, что будет бороться против этого декрета, и если понадобится, умрет за это, как ветераны умирали в Первой мировой войне. В знак протеста утром и вечером повсюду звонили в колокола. Региональному министерству образования торжественно передавали петиции. Люди украшали кресты на своих домах, большие кресты устанавливались на церковных башнях и подсвечивались по ночам электрическими лампами. Прихожане начали уходить из нацистской партии, в знак протеста прекратило работу одно из подразделений штурмовиков. На митинге, на который пришли 7000 обычных граждан, гаулейтер был вынужден объявить об отмене декрета. После этого по всему району снова зазвонили церковные колокола, были отслужены благодарственные службы, а по всей епархии, даже вдали от того места, где произошли эти события, было распространено обращение к пастве епископа фон Галена, с рассказами о произошедшем, поздравлениями с победой и клятвами никогда не иметь дела с врагами Христа. Все произошедшее сильно и надолго пошатнуло авторитет нацистской партии в южном Ольденбурге, где, несмотря на массовые манипуляции и запугивания, на выборах в рейхстаг 1938 года она получила 92% голосов, очень маленькое количество по сравнению с 99% процентами в том же регионе на выборах в марте 1936 года⁶⁵.

Даже еще до того, как был принят конкордат, кардинал Пачелли, государственный секретарь Ватикана, постоянно посылал немецкому правительству многочисленные, обстоятельные и подробно изложенные жалобы на жестокости по отношению к церкви, он перечислял сотни случаев, когда штурмовики закры-

вали католические светские организации, конфисковали деньги и оборудование, участвовали в антихристианской пропаганде, запрещали католические публикации и т.д. В ответ на это немецкое правительство постоянно повторяло Ватикану, что борьба с марксизмом и коммунизмом требовала единства немецкого народа, для чего нужно было прекратить конфессиональные разделения. Католические священники продолжали мешать этой борьбе, публично называя свастику «крестом Дьявола», отказываясь использовать гитлеровское приветствие, выгоняя штурмовиков с богослужения и продолжая нарушать конкордат включением в свои проповеди критики политического режима. Поэтому режим продолжал борьбу с культурной инфраструктурой католиков на многих фронтах. Одной из их целей определенно были католические молодежные организации, которые в мае 1934 года насчитывали 1,5 миллиона членов и включали в себя самые разные объединения, от католического аналога бойскаутов до разнообразных католических спортивных клубов, эти организации часто конфликтовали с Гитлерюгендом, хотя это порой сводилось только к выкрикиванию оскорблений. Католические молодежные организации с точки зрения режима были «антинационалистическими и антинационал-социалистическими», и поэтому от них нужно было избавиться. На членов этих организаций часто оказывали все большее давление, чтобы они ушли оттуда и вступили в Гитлерюгенд⁶⁶. Начиная с 1935 года Имперская палата театра начала запрещать музыкальные и театральные постановки, спонсируемые церковью, говоря, что они составляли финансовую и идеологическую конкуренцию концертам и постановкам, фактически спонсируя католическую политическую пропаганду и потому идя вразрез с конкордатом⁶⁷.

В этой области, как и во многих других, Пачелли продолжал противоречить немецкому правительству, делая долгие, подробные и красноречивые доклады. После того как началась кампания Геббельса против мнимой финансовой коррупции в Церкви, переговоры между Берлином и Римом приняли гораздо более резкий тон. Отношения были готовы перейти в открытую вражду⁶⁸. Ватикан жаловался на то, что власти установили пристальное наблюдение за церковными службами и проповедями в Германии, на «такое неприятное явление, как слежка информаторов

за каждым шагом, каждым словом, каждым официальным актом»⁶⁹. Во многих частях Германии католические священники вели спонтанные словесные сражения с местными партийными лидерами и чиновниками, пытающимися скоординировать религиозные школы и католические молодежные организации. Эти споры, по сообщениям региональных государственных чиновников, были единственным случаем открытого политического противостояния внутри Германии к концу 1930-х годов⁷⁰. Ситуация достигла своего пика, когда в январе 1937 года, встревоженная назревающим конфликтом, в Рим прибыла делегация высокопоставленных немецких епископов и кардиналов, включая Бертрама, Фаульхабера и Галена, чтобы сообщить о нарушении нацистами конкордата. Получив от папы благоприятный ответ, Аулабер составил окружное послание, которое Пачелли значительно расширил, приложив туда свою объемную переписку с немецким правительством и добавив жалобы, которые уже несколько лет посылал Ватикан. Папа одобрил этот документ, и его провезли в Германию, тайно распечатали в двенадцати различных местах, мальчики пешком или на велосипедах распространили его приходским священникам, и 21 марта 1937 года его зачитали почти на каждой кафедре для проповедей.

Написанное по-немецки и озаглавленное «С огромной обеспокоенностью» (*Mit brennender Sorge*), оно осуждало «ненависть» и «клевету», которые изливали на церковь нацисты⁷¹. Хотя большая часть документа была написана богословским языком, который было непросто понять светскому человеку, по крайней мере некоторая его часть была достаточно понятна. Когда речь заходила о политике режима касательно церкви, кардинал Пачелли определенно не стеснялся выражений. Он провозглашал: «Тот, кто превращает временные ценности: расу, или народ, или ту форму, которую принимает государство, или государственную власть, или другие блага человеческого социального устройства, дающие важное и почетное место в земном порядке вещей, в наивысшую из норм, превосходящую религиозные ценности, обожествляет и делает из них языческий культ, тот искажает и переворачивает порядок вещей, установленный Богом»⁷².

Для истинного верующего вечные ценности религии должны быть превыше всего. Для того чтобы их подорвать, говорилось да-

лее в окружном послании — немецкое правительство проводило «истребительную борьбу» против Церкви: «Принудительными мерами, как видимыми, так и скрытыми, запугиваниями, обещаниями экономических, профессиональных, гражданских и других неприятностей оказывается давление на доктринальную верность католиков и в особенности некоторых католических служащих, и это настолько же незаконно, насколько бесчеловечно»⁷³.

Разозленный этими обвинениями и встревоженный тем, что католическая церковь оказалась способна организовать протест на государственном уровне, не вызвав при его подготовке никаких подозрений даже у гестапо, Гитлер приказал, чтобы все экземпляры послания были изъяты, чтобы все, у кого их находили, попадали под арест, чтобы дальнейшая их публикация была запрещена и чтобы все распечатавшие его организации были закрыты⁷⁴.

Вооруженный с 1936 года новыми полномочиями шефа немецкой полиции, Гиммлер вывел кампанию против Церкви на новый уровень. Вместе со своим заместителем Рейнгардом Гейдрихом он запустил в церковные организации тайных агентов и начал полицейское притеснение духовенства. Еще крепче сжались тиски вокруг епархиальной прессы, были наложены ограничения на паломничество и религиозные процессии, были запрещены даже католические курсы супружеской жизни и воспитания детей, потому что в них не проявлялись национал-социалистические взгляды на эти вопросы. В 1938 году большинство католических молодежных объединений было закрыто на основании того, что они способствовали распространению «враждебных государству работ». В январе 1938 года было запрещено также «Католической действие», чьи лидеры в Германии поддерживали связь с прелатом Каасом, бывшим лидером Партии Центра⁷⁵. В Баварии и Саксонии было сокращено государственное финансирование Церкви, монастыри были распущены, а их средства конфискованы. Значительно участились обыски и аресты «политических» священников, в судах постоянно возбуждались и предавались огласке дела по обвинению в «злоупотреблении кафедрой». После ареста иезуитского священника Руперта Майера и суда над ним его разозленные сторонники устраивали демонстрации в суде, а в мюнхенской церкви Св. Михаила о нем читались специальные молитвы. Некоторые священники по-

прежнему отказывались встать на колени, сообщалось о священниках, которые отказывались отдавать нацистское приветствие и учили детей говорить «Хвала Иисусу Христу» вместо «Хайль Гитлер»⁷⁶. В ходе этой борьбы за все время существования Третьего рейха полиция и государство подвергли более трети католических священников различным наказаниям, в том числе тюремному заключению⁷⁷. Окружное послание определенно не привело ни к какому результату, кроме еще большего ухудшения отношений между Церковью и режимом.

В этой кампании участвовали не только полиция и судебная администрация. Свою роль сыграл и министр пропаганды Геббельс. После того как было распространено послание, он активизировал кампанию по обвинению священников в сексуальных домогательствах.

Пятнадцать монахов предстали перед судом по сфабрикованным обвинениям в гомосексуализме в доме для душевнобольных в Западной Германии, что, как это было сформулировано в прессе, было «хуже, чем Содом и Гоморра»⁷⁸. Они получили суровые тюремные приговоры, а в прессе по этому поводу появилось огромное количество сообщений. Вскоре последовали такие же ложные обвинения в сексуальных домогательствах к несовершеннолетним в детских домах и подобных учреждениях. До мая 1936 года в прессе появлялись сообщения о суде в Кобленце, где за подобные преступления были осуждены более 200 францисканцев⁷⁹. Эти газетные статьи перемежались с нацистскими высказываниями, осуждающими гомосексуализм. Они часто занимали всю первую полосу национальных газет. Меньшей огласке предавались обвинения католических священников в сексуальных преступлениях против девушек. При описании этих вымышленных обвинений в прессе утверждалось, что монастыри были «рассадниками омерзительной эпидемии», с которыми нужно покончить. В апреле 1937 года сообщалось (неизвестно только, насколько эта информация верна) о более тысячи священников и монахов, ожидающих суда по подобным обвинениям⁸⁰. Бульварная пресса, не мешкая, публиковала на своих страницах соответствующие статьи с такими названиями, как «Дома божии превратились в бордели и логово разврата», с требованиями, чтобы католическая церковь «сняла

маску», и прозрачными намеками на то, что гомосексуализм и педофилия были болезнью всей Церкви, а не просто частными случаями⁸¹. Эти процессы организовывались прежде всего Министерством пропаганды, которое отправляло в Министерство юстиции подробные отчеты и требовало, чтобы суды проходили так, чтобы им можно было придать максимальную огласку.

Особенно ужасно, как сообщала пресса, было то, что Церковь была на стороне обвиненных и считала их мучениками⁸². Когда прошло еще несколько судебных процессов, Министерство пропаганды начало кампанию, целью которой было представить Церковь сексуально испорченной и недостойной обучать молодых людей. О других сексуальных преступлениях сообщали очень мало, чтобы создать впечатление, что такие преступления происходят только в Церкви и являются побочным эффектом безбрачия, обязательного для священства. В одной статье говорилось, что католическая церковь была «язвой на здоровом расовом теле», которую нужно было вырезать⁸³. Кульминацией кампании стала яростная речь, которую 28 мая 1937 года зачитал лично имперский министр пропаганды перед 20 000 сторонников партии и которая была передана по радио; в этом выступлении он обличал католиков, «загрязняющих и отравляющих человеческую душу», и обещал, что «эту сексуальную чуму нужно уничтожить от корней до самых веток»⁸⁴. Он заявил слушателям, что это были не показательные суды по сфабрикованным обвинениям, как жаловалась католическая церковь, а необходимая «расправа», как говорилось в прессе, над «наследственно большими носителями монашеских привычек в монастырях и братствах» во имя моральной правильности, которая у настоящего немца должна быть врожденной. Государство постоянно боролось с систематическим подрывом морали у немецкого народа. А если епископы продолжают оспаривать факты, тогда они тоже предстанут перед судом. «Здесь у нас правит не Ватиканский закон, — предупредил он церковь, — а закон немецкого народа»⁸⁵.

Это было весьма характерно для Министерства пропаганды — сплести частичную правду с ложью, а затем по полной использовать все это в политических целях, которые весьма опосредованно относились к этим фактам или не относились к ним вообще. Целью Геббельса было убедить простых католиков в том, что

Церковь как организация была испорчена и аморальна. В частности, эти суды выполняли пропагандистские цели, что наряду с запугиваниями, устраиваемыми полицией, помогло нацистам начать кампанию по закрытию религиозных школ и замене их нерелигиозными «общественными школами», помогали этому еще и результаты родительского голосования, проводимого таким же точно образом, как и все нацистские голосования. Родителей принуждали подписывать уже подготовленные бумаги, где значилось, что они не хотят, «чтобы злоупотребляли образованием моего ребенка и поднимали религиозные беспокойства» и что они поддерживают лозунг «Один вождь, один народ, одна школа». Уже в начале 1936 года кардинал Бертрам жаловался лично Гитлеру на «неслыханный террор», происходящий в «Баварии, Вюртемберге и других местах. Тех, кто голосует за религиозные школы, относят к врагам государства». Но его обращение пропустили мимо ушей. Кампания, поддерживаемая массовой местной пропагандой, продолжалась⁸⁶. «Мы больше не хотим, чтобы нас учил священник!» — такие слова приписывала детям ведущая нацистская ежедневная газета 25 мая 1937 года под заголовком «Целый класс защищается от сексуального преступника в одеянии священника»⁸⁷.

Результаты кампании не заставили себя ждать. В 1934 году в Мюнхене 84% детей все еще числились в религиозных школах, но к концу 1937 года это количество упало до всего лишь 5%; как жаловалась Мюнхенская епархия, эти результаты были достигнуты «совершенно нечестными и незаконными средствами» и включали в себя «неописуемый террор, противоречащий всем принципам закона и правосудия», в том числе отказ в социальной помощи тем, кто не хотел голосовать за отмену школ. Летом 1939 года все религиозные школы в Германии были превращены в общественные школы, а все частные школы под управлением церковью были закрыты или национализированы, а работающие там монахи и священники — уволены. Пасторам и священникам все чаще запрещали преподавать в начальных школах. В то же самое время было сокращено количество классов религиозного обучения. Позднее в этом же году Национал-социалистический союз учителей обязал своих членов проходить религиозное обучение у запрещенного теперь духовенства, хотя не все этого по-

слушались. К 1939 году религиозное обучение в воскресных школах сократилось до получаса в неделю, а во многих районах они должны были следовать правилам, по которым Иисуса нельзя было считать евреем. Родителей, которые протестовали против таких мер — а их было немало, местные власти заставляли отзывать свои протесты, вызывали их на специальные собрания в школы и заставляли записывать своих детей на занятия по идеологическому воспитанию вместо религиозного, и даже угрожали им увольнением с работы в случае отказа. Подобным образом Министерство образования составляло планы по объединению или закрытию теологических факультетов в университетах, а с 1939 года в педагогических училищах освобождающиеся по приказу Министерства образования Берлина должности в области теологии уже никем не занимались. В некоторых областях, в особенности в Вюртемберге, где министр образования Мергенталер был настроен глубоко антихристиански, предпринимались попытки отменить религиозное обучение и заменить его курсами нацистского мировоззрения. К 1939 году режим не смог отменить религиозное воспитание, но его долгосрочные амбиции к этому времени стали совершенно ясны⁸⁸. К 1939 году сила и влияние католической церкви в Германии, как и протестантской, значительно ослабли. Их запугивали и устрашали до тех пор, пока они не ослабили свою критику режима из страха, что может получиться еще хуже. Частые угрозы тюремного заключения, сообщал местный правительственный чиновник в конце 1937 года, заставили духовенство вести себя «осторожно и сдержанно»⁸⁹. В некоторых районах гестапо также вступало в кампанию против церкви и успешно вытеснило католическую церковь из общественной жизни⁹⁰. Поступали некоторые сообщения о «стабилизации обстановки в церковной сфере»⁹¹. Из Рима кардинал Пачелли продолжал отправлять немецкому правительству нескончаемые жалобы, обвиняя его в постоянном нарушении конкордата⁹². Гитлер в конце концов решил прекратить открыто нарушать конкордат, хотя намеревался сделать это в сентябре 1937 года. Не стоило идти на риск испортить отношения с Ватиканом и вызвать протесты католических государств, в особенности Австрии, учитывая то, в каком шатком состоянии были международные отношения в конце 1930-х годов. Но неофициально

Министерство иностранных дел не делало секрета из того, что считало конкордат «устаревшим», потому что многие из его пунктов, в особенности те, которые касались образования, были в «фундаментальном противоречии с основными принципами национал-социализма»⁹³. Было проще действовать скрыто и избегать какого-либо упоминания о конкордате. На публике Гитлер продолжал призывать Церковь быть верной ему и подчеркивал, что Церковь по-прежнему получала значительную поддержку от государства. Но в частных разговорах он давал понять, что она будет совершенно отделена от государства, лишена финансирования из государственных налогов и станет чисто добровольной организацией, как и протестантская церковь. Католики в основной массе ничего не знали о его намерениях. При всей остроте конфликта, он не привел к отчуждению католического сообщества от Третьего рейха. Многие католики очень критически отзывались о Нацистской партии, в особенности о таких фанатиках, как Розенберг, но даже здесь фигура Гитлера оказалась не тронута критикой. Упорное стремление католического сообщества, идущее еще с бисмаркских времен, стать полноценной частью немецкой нации смягчило их отношение к режиму, проводящему антикатолическую политику, многие считали, что эту политику продвигают радикалы, а сам Гитлер ничего об этом не знал и не одобрял этого. Но это им только казалось. В долгосрочной перспективе, как Розенберг объявил в сентябре 1938 года, так как молодые люди теперь почти полностью были под контролем Гитлерюгенда и нацистской системы образования, Церковь потеряет власть над своими прихожанами, и католическая и Исповедальная церковь, в том виде, в каком они тогда существовали, исчезнут из жизни людей. Гитлер никогда не отказывался от этих своих слов⁹⁴.

III

Каким бы пугающим ни был этот нарастающий конфликт, в нем не было ничего нового, и происходил он не только в Германии. Как и старшее поколение социал-демократов в 1930-х годах, так и старшее поколение католиков подвергались преследованиям еще раньше. В 1870-х годах Бисмарк начал решительную

атаку на католическую церковь в Германии, в результате которой сотни католических священников оказались в тюрьме, а над духовенством светские власти стали проводить бесконечные проверки. Подобная политика, и примерно в то же время, проводилась секуляризованными правительствами Италии и Франции, где новые государства — объединенная итальянская монархия и французская Третья республика — лишили духовенства контроля над образованием и отдали его в руки учителей, назначенных государством, в школах, финансируемых государством. Такую политику тоже оправдывали массивной светской пропагандой, направленной против мнимой сексуальной развращенности католического священства, прежде всего в использовании исповедальни для обсуждения интимных секретов молодых католиков. Папа Пий IX сам частично провоцировал эти конфликты и подливал масло в огонь тем, что обличал секуляризацию и модернизм в «Перечне главнейших заблуждений нашего времени» (1864), и тем, что выпустил «Декларацию о папской непогрешимости» (1871). В XX веке преследование христианской церкви светскими властями значительно усилилось также в Мексике и в России, после того как в этих странах произошли революции. Разрушение международной организации, такой как Церковь, которая своими идеями принижала государство, могло явиться частью процесса создания новой нации или новой политической системы. В конце девятнадцатого — начале двадцатого века в западной Европе сельские учителя и сельские священники боролись на местном уровне за право оказывать влияние на умы молодых людей. Поэтому в жесткой борьбе между Церковью и государством в 1930-х годах не было ничего нового. Новым, наверное, было то, что нацисты отвергали рационалистический атеизм. Во всех других случаях преследование Церкви не было связано с продвижением альтернативной религии. Какими бы сильными ни были заявления государственной идеологии, эта идеология была светской, земной. Но в случае с Третьим рейхом не все было так просто⁹⁵.

Что должно было заменить Церковь в Германии, когда она наконец исчезнет? Нацистские лидеры придерживались по этому поводу разных мнений. Религиозные убеждения Гитлера и Геббельса еще несли в себе след христианства, хотя он был до-

вольно странным и значительно ослабел после неудачи, которую потерпел проект «Немецкого христианства» в 1934–1935 годах. Даже Розенберг при своей антирелигиозной позиции поддерживал «Немецких христиан», до того, как провалился захват власти над Евангелической церковью. По крайней мере сначала он восхищался Лютером, принимал доктрины средневекового мистика и считал, что христианство при внесении в него некоторых расовых поправок вполне может влиться в германскую религию, которая не нуждалась бы в священниках и служила бы интересам арийской расы. Но при том, что в середине 1930-х годов он публично выступал за такую новую религию, Розенберг стал самым заметным антихристианским оратором нацистской партии⁹⁶. «Миф XX века» разошелся тиражом более миллиона экземпляров⁹⁷ в, хотя впоследствии Гитлер отвергал любое предположение о том, что это было официальное учение партии. «Как многие региональные руководители, — отмечал он, — я читал из этого лишь немного». Он говорил, что книга «была написана слишком сложным для понимания языком». Он заявил, что, как только она начала продаваться, кардинал Фаульхабер публично осудил ее и занес в список книг, запрещенных церковью⁹⁸. Но нацистские руководители, несмотря на то что не все они смогли одолеть «Миф», не брезговали использовать его идеи для оправдания своей политики, как, например, Бальдур фон Ширах, который в 1934 году призывал молодых людей уходить из католических молодежных организаций и вступать в Гитлерюгенд, объявил, что «путь Розенберга — это путь немецкой молодежи»⁹⁹. В июле 1935 года в разгаре дискуссии по поводу нападок Розенберга на Церковь на собрании Союза нацистских студентов в Бернау один из участников заявил: «Можно быть либо нацистом, либо истинным христианином». «Христианство, — говорил он, — провоцирует разрыв расовых связей и национального расового сообщества... мы должны отказаться от Ветхого и Нового Заветов, потому что для нас решающей является только нацистская идея. Для нас существует только один пример — Адольф Гитлер — и никто больше»¹⁰⁰.

Такие антихристианские идеи были очень распространены у Гитлерюгенда и представляли все большую важность для партийной программы идеологического воспитания молодежи. На-

пример, дети, получающие обед в Национал-социалистической благотворительной организации, должны были прочитать нечто вроде благодарственной молитвы, но вместо имени Бога звучало имя фюрера¹⁰¹. В одном спортивном лагере для школьников во Фройберге детям рассказывали, что папа «наполовину еврей» и что они должны ненавидеть «восточноеврейское, расово чуждое христианское учение», несовместимое с национал-социализмом. Мать двенадцатилетнего члена Гитлерюгенда после того, как он вечером пришел домой, нашла у него в кармане следующий текст, в 1934 году члены Гитлерюгенда публично пели его на Нюрнбергском партийном съезде.

«Искупление человечества, — пели они, — это не крест, а свастика»¹⁰².

Такая пропаганда, по крайней мере отчасти, ставила своей целью устранение католических молодежных организаций, чтобы их члены вместо этого записались в Гитлерюгенд. Однако она также прививала людям глубоко антихристианскую этику, и нельзя недооценивать злость и эффективность, с которыми это делалось. Наблюдая за тем, как молодой член Гитлерюгенда входит в класс в августе 1936 года, Фредрик Рек-Маллечевен «видел, как его взгляд упал на распятие, висящее за учительским столом, как в одно мгновение его молодое и все еще нежное лицо исказилось яростью, как он сорвал со стены этот символ, являющийся главным во всех немецких соборах, основным в звенящих прогрессиях “Страстей по Матфею” и выбросил его через окно на улицу... С криком: “Лежи там, ты, грязный еврей!”»¹⁰³.

Кроме Ширахы среди нацистского руководства были и другие деятели, настроенные, безусловно, антихристиански. Неприкрытый языческий уклон членов партии, поборником которого был Эрих Людендорф в середине 1920-х годов, не исчез, когда в 1925 году Людендорф основал Танненбергский союз, а двумя годами позднее был исключен из партии. Роберт Лей, лидер Трудового фронта, в своем презрении к христианству и отрицании божественности Христа пошел еще дальше, чем Розенберг, хотя и не стал вслед за ним создавать другую религию¹⁰⁴. Еще более последователен в своем язычестве был Рихард Вальтер Дарре, чья идеология «крови и почвы» произвела такое

сильное впечатление на Генриха Гиммлера. Дарре считал, что обращение в христианство, навязанное хилыми латинянами, ослабило средневековых тевтонцев¹⁰⁵. Гиммлер под влиянием Дарре отрекся от христианской веры. В планах Гиммлера относительно СС после 1933 года они должны были стать расовой элитой в черных рубашках и стать квазирелигиозным орденом, со структурой, частично скопированной с иезуитов. Идеи, призванные их сплотить, были позаимствованы из ритуалов, положительно существовавших у германских язычников и верований Темных веков. Как в 1937 году значилось в плане СС: «Мы живем в эпоху последнего конфликта с христианством. Часть миссии СС — за следующие пятьдесят лет дать немецкому народу нехристианские идеологические основы, позволяющие им жить в согласии с собственной природой». Это должна была быть смесь из языческих религий викингов и тевтонцев, вагнеровских символов и чистой фантазии. СС разработали собственную причудливую брачную церемонию с рунами, чашей с огнем, музыкой Вагнера в качестве сопровождения и символами солнца. Гиммлер приказал семьям эсэсовцев не праздновать Рождество, а отмечать вместо этого летнее солнцестояние. 9 июня 1942 года Гиммлер заявил, что христианство — это «величайшая из эпидемий»; истинная мораль состоит не в том, чтобы возвышать дух отдельного человека, а в том, чтобы жертвовать собой на благо расы. Моральные ценности могут происходить только из осознания своего места в цепочке «ценной» наследственности и своего долга перед ней¹⁰⁶.

Когда стало ясно, что изначальным планам нацистов создать единую для всего Третьего рейха государственную церковь по принципу «Немецких христиан» не суждено сбыться, нацистские лидеры призывали членов партии официально покидать церковь. Розенберг, как и следовало ожидать, ушел из Церкви еще в 1933 году; Гиммлер и Гейдрих покинули ее в 1936 году, а после этого все в большем количестве стали уходить и региональные руководители. Министерство внутренних дел распорядилось, чтобы все, кто отрекался от Церкви, могли называть себя деистами (*gottglaäubig*), а партия издала декрет, по которому должностные лица не могли одновременно занимать какие-либо должности в католической или протестантской церквях. В 1936 году штурмовикам запрети-

ли носить форму на церковных службах, а в 1939 году этот запрет распространился и на всех членов партии. К 1939 году более 10% населения Берлина, 7,5% населения Гамбурга и от 5 до 6% жителей некоторых других больших городов были зарегистрированы как деисты, а этот термин мог включать в себя самые разные верования, в т.ч. язычество. Подавляющее большинство из них, скорее всего, были членами партии; например, в СС количество деистов достигло более 25%. Этот процесс ускорял еще и ряд мер, проводимых энергичным и очень антихристиански настроенным начальником штаба Рудольфа Гесса Мартином Борманом, который запрещал священникам и пасторам участвовать в деятельности партии, а начиная с мая 1939 года — вообще быть ее членами. Однако прежде чем население само стало бы участвовать в этом движении, предстояло пройти еще долгий путь. Один из агентов гестапо однажды слышал, как женщина на улице говорила: «Мы не позволим превратить нас в язычников»¹⁰⁷. Немецкое движение за веру, продвигающее новую расовую религию, основанную на смеси скандинавских и индийских церемоний, символов и текстов, никогда не имело более 40 000 приверженцев, а другие неоязыческие объединения были и того малочисленней¹⁰⁸. Тем не менее при всей непопулярности этого движения в конце 1930-х годов нацистская партия была готова разорвать все связи с христианством¹⁰⁹.

Розенберг, постоянно старавшийся прекратить публикации, где поддерживалась старая идея Имперской церкви, основанной на синтезе нацизма и христианства, и Геббельс, который, как всегда, относился к этому вопросу более спокойно, постоянно спорили по поводу того, куда этот процесс приведет, к значительно измененной форме «Немецкого христианства» или к абсолютному язычеству. Геббельс объединился с начальником личной канцелярии фюрера Филиппом Боулером, возглавлявшим Комиссию по защите национал-социалистической литературы. Геббельс поставил перед этой комиссией задачу проверять все публикации нацистской партии на идеологическую правильность. Ведомство Розенберга по контролю за общим духовным и мировоззренческим воспитанием постоянно пыталось присоединить к себе комиссию Боулера, которую считала идеологически слабой, но эти попытки не увенчались успехом, несмотря на

то, что они одержали небольшую тактическую победу, убедив Гитлера выступить против некоторых отдельных публикаций¹¹⁰. Другой, гораздо менее искусный игрок в этих запутанных играх, Ганс Керрл пытался продвинуть идею о примирении протестантизма и нацизма, но к 1935 году, когда он был назначен на должность, эта идея уже отжила свое, а упрямое нежелание Исповедальной церкви считаться с его планами заставило его выглядеть слабым и сделало уязвимым для более радикальных деятелей, таких как Гиммлер и Розенберг. Попытка его министерства аннулировать конкордат с католической церковью, также потерпела неудачу, так как Гитлер считал это дипломатически нежелательным. К 1939 году влияние Керрла все уменьшалось. Он оказался совершенно неспособен установить монополию на церковную политику, чего, по-видимому, все время пыталось добиться его министерство¹¹¹.

II

Таким образом, в политике нацистов, касающейся церкви, накануне войны была некоторая неразбериха. Их идеологическая линия определенно расходилась с христианством, хотя было еще очень далеко до того, чтобы народ принял предлагаемую нацистами неоязыческую альтернативу Церкви. Однако при всех идеологических конфликтах цель была ясна с самого начала — режим твердо намеревался устранить церкви как альтернативные режиму идеологические центры¹¹². Важность этой цели как нигде более была видна в отношении нацистов к «исследователям Библии», или Свидетелям Иеговы. Так как члены этой секты поклялись слушаться только Иегову, они наотрез отказывались клясться в верности Гитлеру. Они не отдавали германского приветствия, не ходили на политические демонстрации, не участвовали в выборах и отказывались служить в вооруженных силах. Хотя из-за их скромного происхождения — в основном это были представители среднего и рабочего классов — заявления гестапо о том, что они были прикрытием для групп сопротивления рабочего движения, не имели под собой никакого основания. На самом деле Свидетели чем-то напоминали маленькие антилиберальные политические секты, появившиеся

сразу после войны, какой когда-то был и сам нацизм. Для полиции было точно так же важно то, что управление их организацией осуществлялось не из Германии, а из Соединенных Штатов; штаб-квартира движения в Бруклине была одним из первых критиков европейского фашизма, а во время гражданской войны в Испании они поддерживали республиканцев. Как можно было ожидать, для того чтобы усмирить Свидетелей Иеговы, НСДАП и гестапо использовали грубое устрашение и травлю. Но это только сделало их еще упрямее. Поддерживаемые резолюцией, принятой на их международной конференции в Люцерне в 1936 году и осудившей немецкое правительство, они начали распространять «бунтарские листовки», как их называл режим. Полиция ответила на это арестами и судебными преследованиями, и к 1937 году в Особом суде во Фрейберге (Саксония) Свидетели Иеговы фигурировали более чем в половине дел. В других местах эта пропорция была так же велика ¹¹³.

В тюрьме Свидетели напрочь отказывались оставлять свою веру и идти на компромиссы с атеистическим государством. В то время как некоторые начальники тюрем и тюремные чиновники считали их просто безобидными дурачками, другие, такие как начальник Эйзенахской тюрьмы в Тюрингии, активно старались промывать им мозги и периодически проводили сеансы идеологического воспитания. Но за год его эксперимент, начатый в 1938 году, не принес ощутимых результатов, и его прекратили. Наказания и судебные преследования были для Свидетелей просто проверкой их веры, ниспосланной, как они считали, Богом. Многие из них в тюрьме отказывались работать, несмотря на постоянные наказания. Другие даже заходили еще дальше. Свидетель Иеговы Отто Грасхоф, приговоренный к четырем годам заключения в тюрьме в Вольфенбюттеле за то, что отказался служить в армии и пытался убедить другого молодого человека делать так же, устроил голодовку, когда его семью выселили из дома, а детей забрали. Накормить его силой не удалось, и в начале 1940 года он умер, его вес составлял меньше сорока килограммов ¹¹⁴.

Таким образом, юридические меры не оказывали на Свидетелей Иеговы никакого воздействия. Не в последнюю очередь им в этом помогали тесные связи семьи и их сообщества. Раздосадованные тем, что Свидетели отказываются подчиняться, полиция

и СС сразу после выхода из тюрьмы стали забирать их в концентрационные лагеря. Даже один из членов руководства Министерства юстиции критиковал судебную систему за то, что она не воспринимала с достаточной серьезностью угрозу, которую представляли собой Свидетели Иеговы. В Германии, — заявил он, — их было около двух миллионов. Это было большое преувеличение, на самом деле их было меньше 30 000. Также он заявил, что они работают прикрытием для коммунистов, хотя для такого заявления тоже не было ни малейших оснований. Тем не менее гестапо начало новую волну арестов. К концу существования Третьего рейха в тюрьмах находились около 10 000 Свидетелей, 2000 из них находились в лагерях, а около 950 умерло¹¹⁵. Но и здесь страдания только подталкивали их на новые благочестивые жертвы и мученичество. В некоторых отношениях они были идеальными заключенными, чистыми, аккуратными и старательными. Но эсэсовец Рудольф Хёсс, который в 1930-х годах был высокопоставленным чиновником в лагере Заксенхаузен, сообщал о том, что Свидетели отказывались вставать навтыжку, маршировать в парадах, снимать шапки или выказывать какие-либо знаки уважения охранникам, потому что почтение, как они говорили, причитается только Иегове. Когда к ним применяли телесные наказания, они просили еще, в знак своей веры. Когда их заставляли наблюдать за казнью других Свидетелей, отказывающихся выполнять работу, связанную с военным делом, или служить в армии, они только просили, чтобы им самим тоже позволили стать мучениками. По словам Хёсса, их фанатизм настолько впечатлил Гимmlера, что он часто приводил его в пример эсэсовцам¹¹⁶.

Однако Свидетели Иеговы были единственной религиозной группой, настолько враждебно относящейся к нацистскому государству. При всем мужестве многих крупных религиозных деятелей основных конфессий, никто из них не сопротивлялся режиму ни в каких вопросах, кроме чисто религиозных. Гестапо могло утверждать, что католические священники и пасторы Исповедальной церкви прятали однозначную оппозицию национал-социализму под покровом благочестивых речей, но правда была в том, что по целому ряду вопросов Церковь хранила молчание. И Евангелическая и католическая церкви были политически

консервативны, причем еще до того, как к власти пришли нацисты. Страх перед большевизмом и революцией, силами, которые снова показали зубы, судя по сообщениям о массовых истреблениях республиканцами священников в начале гражданской войны в Испании, укреплял их убеждение в том, что если уйдет нацизм, то его место займет что-то еще более страшное. Глубокое конфессиональное разделение, иногда приводящее к конфликтам, не оставляло никакого шанса, что католики и протестанты объединят свои усилия в борьбе с режимом. Католики всегда старались продемонстрировать свою верность немецкому государству, с тех пор как в 1870-х годах Бисмарк стал выражать сомнения в этом. Протестанты при Бисмаркской империи были идеологическим орудием государства, и многие годы они прочно идентифицировались с немецким национализмом. И там и там горячо приветствовалось подавление марксистской, коммунистической и либеральной политических партий, борьба с «безнравственностью» в живописи, литературе, кино и многие другие аспекты политики режима. Благодаря тому что как у католиков, так и у протестантов существовала давняя традиция антисемитизма, со стороны этих церквей не было официального протеста против антисемитских действий режима. Самое большее, на что они могли пойти, — это защитить евреев, обращенных в их собственную веру, но даже здесь их позиция не всегда была однозначна.

Но все-таки нацисты считали церкви самыми сильными и жесткими источниками идеологической оппозиции тем принципам, в которые они верили. Если бы они смогли победить их в идеологической войне, то несложно было бы сплотить немецкий народ в единую нацистскую массу. Несмотря на многочисленные неудачи, которые они терпели в их борьбе с церквями, в 1939 году они, казалось, были близки к победе. Многие не очень крупные чиновники считали, что лучшим способом справиться с церквями была разработка привлекательной альтернативы христианским ритуалам. Уже в 1935 году в докладе гестапо сообщалось, что «необходимо создать некоторый мистицизм, который окажет на массы даже большее влияние, чем тот, который создала христианская церковь на основе некоторых весьма устаревших традиций, окружив их атмосферой новой, непривычной магии и покрыв их налетом древности»¹¹⁷. Но, несмотря на то

что среди наиболее убежденных нацистов эти взгляды преобладали, партийное руководство, в первую очередь Генрих Гиммлер, Гитлер и Геринг, весьма скептически относилось к попыткам возродить то, что Геринг назвал «несерьезностью» «Вотана и Тора» и «Немецких свадеб». Нацистский министр образования Бернгард Руст яростно раскритиковал попытки «заменить Вальгаллой христианское Царство Небесное»¹¹⁸. А 6 сентября 1938 года сам Гитлер поддержал эту мысль, осудив попытки превратить нацизм в религию: «Национал-социализм — это холодное учение, основанное на реальности, на четком научном знании и его ментальном выражении. Раз мы открываем сердца людей этому учению и раз мы до сих пор продолжаем это делать, мы не собираемся навязывать народу мистику, не входящую в цели и задачи нашего учения... Потому что национал-социалистическое движение — это не культ, это расовая и политическая философия, выросшая из чисто расистских идей. По своей сути это не мистический культ; это культивирование и управление народом, основывающееся на крови. Поэтому у нас нет помещений для отправления культов, а есть помещения для людей. У нас нет мест для поклонения, у нас есть места для собраний и площади для парадов. У нас нет культовых сооружений, а есть спортивные и игровые площадки... Национал-социалистическое движение не может терпимо относиться к оккультизму и поискам Запредельного».

Нацизм, сказал он в заключение, основывается на уважении законов природы, которые даны нам Богом, а в центре его находится существо, которое Бог создал, чтобы он управлял Землей, а именно человек, нацизм служит Богу через служение человечеству. «Единственный известный нам культ — это культивация природы, то есть то, чего от нас хочет Бог»¹¹⁹.

В течение нескольких лет многие видели в нацизме подобие политической религии¹²⁰. Использование нацистами религиозного языка, ритуалов и символов, неоспоримые и неизменяемые догмы, поклонение Гитлеру как мессии, пришедшему спасти немецкий народ от слабости, вырождения и коррупции, демонизация евреев как всеобщего врага, обещание, что человек, терзаемый сомнениями и отчаянием после поражения Германии в 1918 году, родится снова в новом сияющем обществе верных — все это

очень сильно напоминало религию, лишенную сверхъестественности и примененную к миру, в котором люди живут на самом деле. Нацисты без колебаний использовали Десять Заповедей и Символ веры для создания националистического катехизиса веры в Германию и ее вождя, также они не боялись для описания того, как Гитлер собирал своих первых сторонников, таких как Геринг и Геббельс, пользоваться выражениями, которыми в Библии описывается то, как Иисус собирал своих первых учеников¹²¹. «Однажды вы услышали голос человека, — говорил Гитлер своим сторонникам 11 сентября 1936 года на Нюрнбергском партийном съезде, — и этот голос постучался в ваши сердца, пробудил вас, и вы пошли за этим голосом»¹²². Определенно, это во многом было рассчитано на дезориентированных людей, ищущих решение ужасных проблем, с которыми они столкнулись в окружавшем их хаосе. Также очевидно, что по мере того, как режим переходил от попыток объединить церкви к попытке их уничтожить, тем больше он сам становился похож на религию¹²³. Но нацистам нужно было быть очень осторожными, чтобы не переусердствовать с религиозными метафорами. Было бы так же просто описать нацизм, пользуясь военной терминологией: обещание превратить поражение в безоговорочную победу, образ нации, идущей в ногу, сокрушающей врагов и сомневающихся, образ людей, сливающихся в мотивированную военизированную массу, иерархическая командная структура, во главе которой стоял большой военачальник, и так далее; и хотя религия и милитаризм часто соединялись друг с другом, они также часто превращались в кардинально разные, враждующие силы¹²⁴.

Нацизм как идеология не был религией не просто потому, что так заявил Гитлер, и не потому, что нацизму нечего было сказать о загробной жизни и вечности или бессмертии души, как всем настоящим религиям, но еще и потому, и это особенно важно, что он был для этого слишком непоследователен. Нацистские лидеры не тратили времени на обсуждение подробностей своей идеологии, как средневековые схоласты или философы — сторонники марксизма-ленинизма, являющиеся их нынешним эквивалентом. Не существовало нацистских священных книг, текстами которых все бы пользовались, как бюрократы сталинской России использовали работы Маркса, Энгельса и Ленина: гитле-

ровская «Майн Кампф», хоть все и обязаны были иметь ее на книжной полке, была слишком многословной, слишком путаной и слишком автобиографичной, чтобы играть эту роль. Также нацизм не обещал никакой окончательной победы, после которой борьба должна прекратиться, напротив, это было учение постоянной войны, бесконечного конфликта. Оно не было всеобщим, как основные мировые религии или значимые политические идеологии, такие как социализм или коммунизм: оно было направлено только на один небольшой сегмент человечества, немцев, а все остальные считались ненужными и незначительными. Консервативные философы середины двадцатого века обычно считали, что нацизм как политическая религия удовлетворял потребность миллионов немцев в религиозной вере, которой они были лишены в эти атеистические времена. Но нельзя сводить режим только к этому. Миллионы католиков сопротивлялись или остались более или менее в стороне от его влияния. Миллионы протестантов, включая некоторых самых преданных, таких как «Немецкие христиане», наоборот, не стали стоять в стороне. Миллионы других людей отвергли их оболыстительные идеологические речи, несмотря на то, что были воспитаны в атеистической и антиклерикальной политической традиции немецкого трудового движения¹²⁵.

Религия не обязательно подразумевает отрицание демократии, рациональности и терпимости; некоторые историки отмечают, что и у лейбористского движения есть свои лозунги, свои ритуалы, свои догмы и своя эсхатология, хотя ничего из этого не помешало им принять демократию, рациональность и терпимость. И в конце концов, догматизм, вера в великого вождя, нетерпимость и надежда на избавление от зла свойственны не только религиозному образу мыслей и поведения. Нацисты действительно нередко использовали квазирелигиозные символы и ритуалы, но это был вопрос стиля, а не самой сути их доктрин. «Узурпация Гитлером религиозных функций, — отмечает один историк, — это на самом деле ненависть, свойственная и христианской традиции: ненависть к изменникам¹²⁶». На самом деле стержнем нацистских убеждений, как Гитлер заявил в своей речи в сентябре 1938 года, является вера в науку, нацистские представления о ней. Наука требовала продвижения интересов не

Бога, а человеческой расы, прежде всего немецкой расы, и ее будущего в мире, где неизбежно правят законы дарвиновской борьбы между расами и между индивидами. Это был единственный критерий морали, преобладающий над принципами любви и сострадания, которые всегда были таким важным элементом верований основных мировых религий¹²⁷. Представление о нацизме как о политической религии является не только чисто описательным, но и слишком огульным, чтобы иметь большой смысл; оно очень мало нам говорит о том, как работает нацизм и как его воспринимали различные общественные группы в Германии. То, что Третьему рейху не удалось найти замену христианству, и вообще бесполезность предпринимаемых им попыток были наиболее очевидны в политике, касающейся немецкой молодежи — будущего страны.

Завоевание молодежи

I

«Портрет Адольфа Гитлера висит почти в каждом классе. На лестнице рядом с мемориальной доской почетное место занимает особо ценный портрет фюрера, полученный из фонда Нёлтинга. Учителя и ученики в начале и конце урока отдают друг другу германское приветствие. По радио в актовом зале ученики слушают политические речи».

Так сообщал директор государственной школы в Висмаре в конце 1933—1934 учебного года, когда говорил о «превращении в национал-социалистическое государство, о котором так мечтали»¹²⁸. Он отметил, что этот процесс значительно облегчает членство учителей в Национал-социалистическом союзе учителей, а учеников — в Гитлерюгенде. Также его толкали вперед многочисленные новые правила и директивы, устанавливаемые правительством в Берлине или государственными органами в других частях Германии. Уже 30 июля 1933 года главный декрет установил «Правила для учебников истории», согласно которым уроки истории теперь должны строиться вокруг «понятия героизма в его германской форме, связанной с идеей лидерства». Вскоре

учащимся стали задавать сочинения на такие темы, как «Гитлер, приводящий нацию к единству», «Националистическая революция как начало новой эры», «Фильм «Гитлерюге Квекс» как произведение искусства» и «Я немец (а это слово означает гордость и долг)». У одного школьника, когда он в 1934 году писал сочинение «Адольф Гитлер в детстве», разыгралась фантазия:

«Когда Адольф Гитлер был мальчиком, он не любил сидеть дома. Он любил драться на улице с другими мальчиками. Почему он сегодня так долго был на улице? Его мама беспокойно перешла от плиты к столу, покачала головой, посмотрела на часы и подумала самое худшее о том, что мог снова натворить Адольф. За несколько часов до этого она видела из окна, как он ушел вместе с дюжиной других мальчиков, каждый из которых был почти на голову выше маленького Адольфа, и при случае они могли задать ему настоящую трепку.

Затем распахнулась дверь, и ее Адольф влетел в дом, на голове у него были шишки, а на лице были царапины, но глаза горели, он прокричал: «Мама, мальчики сделали меня сегодня своим командиром»¹²⁹.

Другой ребенок, ученик начальной школы, когда ему задали вопрос: «Были ли наши германские предки варварами?», тут же понял, как провести параллель с недавним прошлым. «Предположение, что наши предки были варварами, — писал он, — это такая же ложь, как то, что Германия одна виновата в развязывании Первой мировой войны. Было доказано, что у германских племен был очень высокий уровень культурного развития, даже в каменном веке»¹³⁰. Нацистский культ смерти тоже нашел свое выражение на уроках, детей просили написать про Хорста Весселя и других мучеников за нацизм. «Мы также не должны забывать тех, кто погиб за наше движение, — написал в 1938 году четырнадцатилетний ребенок и добавил: Думая об этом, мы также должны размышлять и о нашей собственной смерти»¹³¹.

Часто, задавая детям сочинения, учителя требовали, чтобы они отрыгнули антисемитскую желчь, которую в них заливал режим. Эрна, ученица начальной школы, послала свое эссе в газету «Штюрмер» Штрейхера, радостно объявив, что является ее читательницей. Выбрав тему «Евреи — это наше несчастье», она

написала: «К сожалению, до сих пор говорят: «Евреи — это тоже создания божьи, поэтому их тоже нужно уважать». Но мы говорим: «Паразиты — это тоже животные, но несмотря на это, мы их уничтожаем». Иногда, в особенности в рабочих районах, дети принимали другую точку зрения. Например, в 1935 году: «На уроке, посвященном тем, кто погиб за родину на войне, учитель сказал, что погибло также много евреев. Тотчас один юный нацист воскликнул: “Они умерли от страха! У евреев нет немецкой родины!”, в ответ на это другой ученик сказал: “Если Германия — это не их родина, и несмотря на это, они умерли за нее, то это даже больше, чем героизм”.»¹³².

Однако в студенческом эссе, написанном в 1938 году, отразились годы идеологического воспитания молодых людей. «Евреи, — говорилось в нем, — не представляют собой самостоятельной расы, это ветвь азиатской и восточной расы с примесью негроидной». Евреи, говорилось в нем далее, при Веймарской республике занимали 60% всех государственных постов (хотя на самом деле это количество было в разы меньше), театр также полностью принадлежал евреям (что тоже было очень грубым преувеличением). Несмотря на это, «вы никогда не увидите еврея за работой, потому что они только и делают, что вытягивают тяжким трудом заработанные деньги из кармана своих товарищей, не являющихся евреями». Он сделал вывод, что евреи «вели немецкий народ в пропасть. Теперь это время прошло»¹³³.

В студенческих сочинениях отразились резкие изменения в подходе к образованию, сделанные по распоряжению сверху. История, согласно директиве, принятой 9 мая 1933 года имперским министром внутренних дел Вильгельмом Фриком, должна была занимать в учебной программе основное место. Идея того, что история должна быть объективна, озвучена «Аллгемайне дойче лерерцайтунг» («Общей немецкой учительской газете»; Allgemeine Deutsche Lehrerzeitung) 9 августа 1933 года, создавала видимость либерализма. Целью истории было научить людей тому, что в жизни всегда главное место занимает борьба, что во всех событиях, происходивших в прошлом, настоящем и будущем, определяющее значение имеют кровь и раса. Центральными темами в новой системе образования стали отвага в бою, жертва ради великой цели, безграничное восхищение фюрером

и ненависть к врагам Германии — евреям¹³⁴. Эти темы проникли и в некоторые другие предметы. На биологии с конца 1933 года стали изучать законы наследственности, расовое учение, расовую гигиену, учение о семье и демографическую политику¹³⁵. При публикации новых книг теперь помещалось изображение Гитлера, часто в компании детей, на обложке или на титульном листе, а иногда и там и там. Маленькие дети разучивали стихотворения, такие как это:

Мой фюрер!

Я знаю тебя и люблю, как моих маму и папу.

Я всегда буду слушаться тебя, как папу и маму.

А когда я вырасту, я буду помогать тебе, как папе и маме,

И ты будешь доволен мной¹³⁶.

В книгах, таких как «Немецкая книга для чтения», выпущенная в 1936 году, было множество историй о том, как дети помогают фюреру, о преимуществах здоровой крестьянской жизни или о счастье арийских семей с большим количеством детей. Самым популярным был рассказ пресс-секретаря Гитлера Отто Дитриха, в котором говорилось о храбрости Гитлера, когда он летел на самолете сквозь большой шторм во время президентской предвыборной кампании в апреле 1932 года. Спокойствие вождя передано Дитриху и другим нацистам на самолете, который ветры бросали из стороны в сторону¹³⁷. К середине 1930-х годов не издавалось практически ни одной книги, в которой не говорилось бы добрых слов о той или иной нацистской организации¹³⁸. В книжках с картинками для самых маленьких евреи изображались как зловещие существа, прячущиеся в темных углах и готовые наброситься на ничего не подозревающего белокурого немецкого ребенка¹³⁹.

Некоторые учебники веймарской эпохи какое-то время еще использовались, хотя на местном и школьном уровне их все чаще подвергали цензуре, и уже в 1933 году в государственных комиссиях, проверявших учебники, провели чистки и оставили там только творения самых убежденных нацистов. Руководство образовательными учреждениями постоянно издавало новые директивы, а нацистские учительские организации в разных ча-

стях страны публиковали дополнительные учебные материалы. Таким образом, уже через несколько месяцев после установления власти нацистов учителя знали, чему они должны учить. Директива, изданная в январе 1934 года, обязывала все школы учить «в духе национал-социализма». Чтобы помочь достичь этой цели¹⁴⁰, региональное отделение в Бреслау Нацистского союза учителей к началу 1936 года издало более сотни дополнительных брошюр по различным тематикам, от «5000 лет свастики» до такой, как «Евреи и немецкая личность». Их продавали ученикам по 11 пфеннигов за каждую. В некоторых школах учителя дополнительно зачитывали своим ученикам статьи из газеты «Штюрмер» Юлиуса Штрейхера¹⁴¹. И все это поддерживала целая обойма требований от центрального правительства, начиная от обязательного прослушивания выступлений Гитлера по радио в школьных актовых залах и заканчивая обязательным требованием просматривать фильмы, выпускаемые отделением школьной пропаганды геббельсовского Министерства пропаганды начиная с 1934 года, включая фильмы, рассчитанные на молодую аудиторию, такие как «Гитлерюге Квекс» и «Ганс Вестмар». В каждой школе из библиотек убрали ненацистскую литературу и вместо этого поместили туда нацистские книги. Все чаще занятия отменялись, чтобы учителя и ученики могли отпраздновать разнообразные нацистские праздники, начиная с дня рождения Гитлера и заканчивая днем памяти мучеников, павших за нацистское движение. Школьные доски объявлений были покрыты плакатами с нацистской пропагандой, которые еще сильнее сгущали общую атмосферу идеологической обработки с самого начала Третьего рейха¹⁴².

Начиная с 1935 года региональные инициативы стали подкрепляться директивами от центра, затрагивающими самые разные школьные предметы в различные годы. К 1938 году эти директивы покрывали каждый учебный год и большинство предметов, даже тех, которые никак не касались идеологии¹⁴³. Обучение немецкому языку должно было фокусироваться на речевых моделях как результате расового происхождения, немецких словах как выражении немецкого национального сознания и речевых моделях как проявлении характера¹⁴⁴. Даже занятия по физике теперь были ориентированы на темы, относящиеся к военному делу, та-

кие как баллистика, аэродинамика и радиосвязь, хотя изучение основных физических принципов не имело никакого отношения к идеологии¹⁴⁵. Биологию превратили в изучение рас¹⁴⁶. В 1935 году также начали появляться книги по арифметике, оставленные под контролем Министерства образования. Основной особенностью этих книг было то, что в них была включена «социальная арифметика», делая расчеты, дети должны были проходить подсознательную идеологическую обработку, например, там были задачи, где школьники должны рассчитать, сколько будет стоить государству содержание в больницах психически больных людей¹⁴⁷. Еще в одной такой задаче говорилось: «Пропорция нордической крови у немецкого населения составляет $\frac{4}{5}$ населения, треть из них можно считать блондинами. По этим оценкам, сколько блондинов должно быть среди немецкого населения, если оно составляет 66 миллионов?»¹⁴⁸. Курс географии также был переработан с учетом нацистской идеологии, в нем должны были подчеркиваться «понятия дома, расы, героизма и органицизма, как значилось в заголовке одного пособия для учителей, «климат нужно рассматривать в связи с расой», учителям советовали, что изучение Востока — это хороший способ подойти к еврейскому вопросу¹⁴⁹. В бесчисленных книгах по географии продвигались такие вопросы, как жизненное пространство, кровь и почва, поддерживался миф о расовом превосходстве немцев¹⁵⁰. На картах мира и в новых учебниках подчеркивалась важность геополитики, скрытым образом выражалась идея «один народ, один рейх», или прослеживалось расширение германских племен по Восточной и Центральной Европе в Средние века¹⁵¹.

II

Несмотря на все эти новшества, у учителей еще оставалось некоторое пространство для маневра. В 1939 году многие сельские школы были весьма малы, а в большинстве начальных школ все еще было только один-два класса. Учителя в этих школах могли относительно свободно интерпретировать материалы, которые им навязывал режим. Более того, некоторые авторы учебников как будто тайно сговорились с чиновниками из Министерства образования и включили в свои книги много

идеологически нейтрального материала, оставляя учителям возможность выбора¹⁵². В одном пособии для учителей начальных классов, выпущенном Национал-социалистическим союзом учителей в 1938 году, утверждалось, что ядром школьной программы по-прежнему должны оставаться чтение, письмо и арифметика. Дети смогут принести больше пользы нации, если они сначала хорошо освоят цифры и буквы, а уже потом перейдут к другим задачам¹⁵³. Наиболее смысленные ученики, такие как художник Йозеф Бойс, который в это время учился в школе в католической Западной Германии, позднее вспоминали, что могли определить, какие из учителей были «скрытыми противниками режима»; иногда они, чтобы отделиться от режима, могли, отдавая гитлеровское приветствие, принять нестандартную позу или сделать соответствующее выражение лица¹⁵⁴. Один учитель в Кёльне каждое утро начинал занятия с ироничного приветствия «Хайль, Древнее германское племя!». Многие ясно давали понять, что поддерживают нацистскую идеологию только внешне¹⁵⁵. Но такая двусмысленность могла повредить образовательному процессу. По рассказу одной девочки, которая уехала из Германии в 1939 году в возрасте шестнадцати лет, дети прекрасно знали, что некоторые из учителей «вынуждены были притворяться нацистами, чтобы сохранить свою работу, а большинство учителей-мужчин имели семьи, которые от них зависели. Если кто-то хотел продвинуться по службе, он должен был показать, каким он был хорошим нацистом, независимо от того, верил ли он сам в то, что говорил. В последние два года мне тяжело было воспринимать информацию, потому что я никогда не знала, насколько сам учитель в это верил»¹⁵⁶.

На самом деле открытое неповиновение в школах стало практически невозможным еще задолго до войны¹⁵⁷.

Находясь на службе у государства, учителя попадали под действие закона о реорганизации профессиональной государственной службы, принятого 7 апреля 1933 года. С помощью сети следственных комитетов, организованных прусским министром образования Бернгардом Рустом, который сам был учителем и нацистским гаулейтером, были вычислены политически неблагонадежные педагоги. Состоящие из активных нацистов и контролируемые гаулейтерами и местными нацистскими чиновниками, эти комите-

ты добились увольнения 157 из 1065 мужчин — директоров школ в Пруссии, 37 из 515 мужчин — старших учителей и 280 из 11 348 штатных учителей. Не менее 23 из 68, то есть 32% всех женщин — директоров прусских средних школ также были уволены¹⁵⁸. В некоторых районах эта пропорция была больше. Например, в Берлине — цитадели коммунистов и социал-демократов — были уволены 83 из 622 директоров школ, а передовые учебные заведения, такие как Школа Карла Маркса в рабочем районе Нойкёльн, были реорганизованы по нацистскому плану, на этот раз уволены были 43 из 74 учителей¹⁵⁹. Учителей-евреев, которых не уволили в апреле 1933 года, в 1935 году заставили уйти на пенсию; два года спустя евреям и «наполовину евреям» официально запретили преподавать в нееврейских школах¹⁶⁰. Но в целом процент увольнений был относительно невысок. То, что уволили так мало учителей, не являющихся евреями, говорит о том, что подавляющее большинство учителей не были против нацистского режима. На самом деле они были одной из социальных групп, лучше всего представленных в НСДАП и ее высших эшелонах до 1933 года, это отражает, помимо всего прочего, широкое недовольство сокращением зарплат, увольнениями и потерей работы, так как Веймарская республика во время депрессии сократила государственные расходы на школы¹⁶¹.

Количество членов Национал-социалистического союза учителей, основанного в апреле 1927 года другим учителем, ставшим потом гаулейтером, Гансом Шеммом, резко увеличилось с 12 000 в конце января 1933 года до 220 000 к концу этого же года, так, однозначно заявив о своей верности режиму, учителя пытались сохранить работу. К 1936 году 97 процентов всех учителей, в общей сложности около 3000 000 человек, были членами Союза, а в следующем году Союз с некоторым запозданием смог объединить в себе все оставшиеся профессиональные ассоциации. Некоторые, как Союз католических учителей, были принудительно закрыты в 1937 году. Другие, такие как специализированные группы учителей по определенным предметам, продолжали существовать как отдельные организации или ветви Союза национал-социалистических учителей. С самого начала Союзу пришлось бороться с появлением конкурирующей организации, Немецкого объединения работников образования,

которое поддерживал оппонирующий Союзу нацист Вильгельм Фрик. И несмотря ни на что, эта организация была благополучно создана. Начиная с 6 мая 1936 года она официально отвечала за политическое воспитание учителей, для этой цели они проводили специальные курсы в своих специальных лагерях, курсы длились от одной до двух недель. Из учителей, работающих в немецких школах в 1939 году, это обучение прошли 215 000 человек. Как и во многих других нацистских лагерях, здесь проходила военная муштровка, физическая подготовка, маршировка, пение и т.д. Все курсанты на время пребывания в лагере должны были носить форму, напоминающую военную¹⁶².

Следовать указаниям нацистов учителей заставляли не только сверху. Слово, неосторожно сказанное в классе, могло повлечь за собой арест учителя. Однажды 38-летняя учительница из Рура рассказала классу шутку, которую, как она потом тут же поняла, можно было интерпретировать как критику режима; несмотря на ее просьбы не рассказывать об этом, один из учеников, имевший на нее зуб, рассказал обо всем своим родителям, а они сразу же сообщили в гестапо. Допросили не только учительницу, которая совсем не собиралась оскорблять государство, но и пятерых детей. Один из них сказал, что предыдущий учитель нравился им больше, и добавил, что это была не первая из рассказанных арестованной политических шуток. 20 января 1938 года она предстала перед Особым судом в Дюссельдорфе, ее признали виновной и велели заплатить штраф; было принято во внимание ее трехнедельное содержание под следствием. Ее уволили с работы еще несколько недель назад, когда эта история только началась. Вероятно, в повседневной школьной жизни, полной различных политических обязательств, страх доноса был очень велик. К учителям, находившимся под подозрением, часто приходили с проверкой, также сообщалось, что каждый учитель, старавшийся уменьшить все возрастающее нацистское влияние на образовательный процесс, «должен был думать над каждым словом, прежде чем сказать его, так как дети старых «партийных товарищей» всегда были рядом и могли донести»¹⁶³.

Давление оказывалось в двух направлениях; детей, не говорящих «Хайль Гитлер», как от них требовалось, могли наказать; например, в одном случае, когда католические девушки приветст-

вовали друг друга, говоря «H.u.S.n.w.K.», что, как узнала одна пронацистски настроенная девушка, означало «Heil und Sieg, nie wieder Krieg» («Приветствие и победа, пусть больше не будет войны»), началось настоящее полицейское расследование. Упор, который режим делал на физическую подготовку и военную дисциплину, сыграл на руку традиционалистам — любителям строгих нравов и только что оперившимся нацистам, работающим в школах. По мере того как систему образования стал пронизывать армейский дух, в школах стали все более распространяться телесные наказания. «На его уроках, — с восхищением писал директор об одном из своих учителей, — дует резкий ветер Пруссии, к которому не готовы хилые и ленивые ученики». Соответственно, детям, которые не могли встать в вертикальную стойку, не могли быстро среагировать и встать руки по швам, когда к ним обращались, или проявляли «слабость и мягкотелость», нацисты и сторонники строгой дисциплины из школьного руководства устраивали неприятности¹⁶⁴.

Но и учителям приходилось выдерживать шквал критики от взрослых активистов нацистской партии на всех уровнях, начиная с самого Гитлера и заканчивая тем, что одна группа учителей назвала «тоном, полным презрения к профессии учителя, со стороны имперского руководителя молодежи Бальдура фон Шираха». Далее эти учителя говорили, что такое презрение привело к тому, «что никто больше не хочет браться за профессию учителя, потому что чиновники высшего ранга так к ней относятся и ее больше не уважают»¹⁶⁵. И это не было пустой жалобой. Еще более отталкивающей эту профессию делало то, что государство все время оставляло зарплату на очень низком уровне, для того чтобы эти деньги можно было использовать на другие цели, например на вооружение. В маленьких сельских школах учителям было все сложнее сводить концы с концами, так как они были лишены таких традиционных источников дополнительного дохода, как работа с деревенскими документами, многие находили невозможной подработку в качестве церковного органиста или хормейстера во время нарастающего конфликта между Церковью и Партией¹⁶⁶. Все больше учителей рано выходили на пенсию или переходили на другую работу. В 1936 году в начальных школах было 1335 никем не занятых мест; к 1938 году это коли-

чество выросло до примерно 3000, в то время как 2500 выпускников, заканчивающих ежегодно педагогические училища, было определенно недостаточно, чтобы удовлетворить потребность школ в 8000 новых учителей каждый год¹⁶⁷. В результате к 1938 году среднее количество учеников в классе выросло до 43 по сравнению с 37 в 1927 году, в то время как меньше одной четырнадцатой всех школьных учителей были моложе сорока лет¹⁶⁸.

Те из учителей, кто не стал менять работу, вскоре потеряли то воодушевление, с которым они встретили приход Третьего рейха. Их разочаровывало то, что образование становилось все более военизированным. Сообщалось, что некоторые учителя говорили: «Мы всего-навсего один из отделов Министерства обороны¹⁶⁹». Никого не приводили в восторг тренировочные лагеря, которые они должны были посещать¹⁷⁰. Все больше времени приходилось тратить на курсы подготовки офицеров и военную тренировку¹⁷¹. Жизнь директоров и администрации в школах стала невыносима из-за нескончаемых правил и декретов, которые обрушивали на них самые разные организации, и одни часто противоречили другим. К концу 1934 года один социал-демократ описал ситуацию самыми резкими словами: «Мы практически потеряли все, что было достигнуто учителями за целое столетие. Осталась только внешняя оболочка; здания школ, учителя, ученики — все это на месте, но ушла душа и вся внутренняя организация. Их намеренно разрушили сверху. Теперь нельзя уже и думать о правильных методах работы в школах или о свободном образовании. Их место заняли зубрежка и побои, предписанные сверху методы работы и малодушно урезанные учебные материалы. Вместо свободы образования у нас остались узколобое наблюдение за школами и слежка за учителями и учениками. Учителям и ученикам не разрешают никаких свободных высказываний, никакого внутреннего, личностного сочувствия. Все это вытеснили военный дух и муштровка»¹⁷².

В каждой школе, как правило, был один или два фанатичных нациста, которые хотели любой ценой донести на своих коллег, если они высказывали неортодоксальные идеи. Самые убежденные из них даже открыто предупреждали коллег, что будут вынуждены донести на них, если они скажут что-либо неподобающее. Учительской комнаты все стали избегать, вместо того что-

бы вести там живые интеллектуальные дискуссии. В Бремене сообщали об одном учителе, который «резкими словами критикует то, что принимаемые им решения не конфиденциальны, то, что пишутся анонимные письма, а иногда их даже отправляют в политическую полицию», и призывает остановить «оскорбление чести и позорные доносы», так он обрисовал мрачную картину атмосферы, царящей в учительских комнатах национальных школ¹⁷³. Комитеты по управлению школой, родительские комитеты из демократических организаций превратились в контролирующие органы; с 1936 года директором больше не мог стать кто-то из сотрудников школы, их присылали со стороны¹⁷⁴. Это еще более усилило введенный в 1934 году принцип лидерства, директор теперь был «вождем» школы, учителя – его «свитой», они больше никак не могли влиять на управление школой, а просто должны были принимать присылаемые сверху указы¹⁷⁵. Во многих школах учителям также приходилось мириться с присутствием старых штурмовиков, которые нанимались туда охранниками или даже на руководящие должности¹⁷⁶. В каждой школе в помощь учителю назначались два или три «ассистента»; многим учителям не нравилось их постоянное присутствие в классе, так как они разглядели в них политических шпионов. Большинство из них не были подготовлены к такой работе, а многие вообще не имели образования. О том, как они вмешивались в учебный процесс со своей идеологией, стали ходить легенды. «Школьный ассистент, – шутили учителя между собой, – как аппендикс, бесполезен и легко воспаляется!»¹⁷⁷

III

Нацисты не хотели долго ждать, пока инертная образовательная система полностью под них перестроится, и со временем они стали пытаться обойти ее в своем стремлении идеологически обработать молодежь. Молодежью руководил Гитлерюгенд, который до 1933 года был относительно безуспешной ветвью нацистского движения по сравнению, например, с Национал-социалистическим союзом немецких студентов. В то время Гитлерюгенд не мог составить серьезную конкуренцию большому количеству молодежных групп, собиравшихся в протестант-

ских или католических молодежных организациях, молодежным крыльям других политических партий и прежде всего движению свободной молодежи, хранившему традиции *Wandervogel* («перелетных птиц»), и подобным слабо организованным группам, появившимся еще до Первой мировой войны. Молодежные организации, не связанные с нацизмом, не давали Гитлерюгенду расти, в 1930 году в нем состояло только 18 000 человек, а двумя годами позже это количество выросло только до 20 000. Однако к лету 1933 года, как и в других областях общественной жизни, нацисты распустили почти все мешающие им организации, которые, как мы увидели, было не так просто закрыть. Мальчиков и девочек жестко склоняли вступать в Гитлерюгенд и относящиеся к нему организации. Учителя должны были заставлять детей писать сочинения на такие темы, как «Почему я не вступаю в Гитлерюгенд», ученики, не вступающие туда, должны были терпеть постоянные издевательства от учителей и от своих товарищей на игровой площадке; в крайнем случае им даже могли отказать в выдаче аттестата, если они не вступали туда к окончанию школы. Работодатели разрешали проходить профобучение только членам Гитлерюгенда, что также являлось весьма ощутимым давлением на тех, кто скоро должен был закончить школу¹⁷⁸.

С июля 1936 года у Гитлерюгенда появилась официальная монополия на использование спортивных сооружений и организацию спортивных мероприятий для детей младше четырнадцати лет, для тех, кому было от 14 до 18, эта монополия действовала уже давно; в результате спортивные сооружения теперь были недоступны для тех, кто не являлся членом Гитлерюгенда. Членам Гитлерюгенда для проведения их мероприятий давали освобождение от школы. Результаты такого давления вскоре стали очевидны. К концу 1933 года в Гитлерюгенде было уже 2,3 миллиона мальчиков и девочек в возрасте от десяти до восемнадцати лет. К концу 1935 года эта цифра приближалась к четырем миллионам, а к началу 1939-го — достигла 8,7 миллиона. Учитывая, что общая численность немцев в возрасте от десяти до восемнадцати лет оставляла 8,87 миллиона, получалось, что Гитлерюгенду и связанным с ним организациям принадлежало почти все молодое поколение, особенно если еще учесть то, что евреям не разрешали туда вступать. С 1 декабря 1936 года Гитлерюгенд по-

лучил статус самостоятельного образовательного учреждения и больше не подчинялся Министерству внутренних дел. С этого момента он стал автономной организацией и отчитывался через своего лидера Бальдура фон Шираха непосредственно перед фюрером. С 25 марта 1939 года членство стало обязательным начиная с десятилетнего возраста, родителей могли оштрафовать, если они не записывали туда своих детей, или даже посадить их в тюрьму, если они активно сопротивлялись их вступлению¹⁷⁹.

Нацисты стремились создать новое поколение немцев именно с помощью Гитлерюгенда и связанных с ним организаций. Уже в «Майн Кампф» Гитлер посвятил много страниц рассказу о природе и целях образования в расовом государстве, которое он хотел построить в Германии¹⁸⁰. «Народное государство, — заявлял он, — в образовательном процессе должно отдавать приоритет не простому прививанию знаний, а воспитанию абсолютно здорового тела. Развитие умственных способностей — это только вторая по важности задача». Затем шло развитие характера, затем выработка силы воли, затем тренировка ответственности. «Ученые люди, если они физически немощные, слабовольные и трусливые пацифисты, не устроят бури в небесах». Теоретическая подготовка была бесполезна. «Молодой мозг не нужно обременять вещами, девяносто пять процентов которых он не сможет использовать». Теоретические предметы должны ограничиться «кратким изложением материала» и быть связанными с интересами государства: например, при изучении истории нужно отбросить ненужные подробности и сосредоточиться на развитии патриотизма. Физическая подготовка и выработка характера должны в конечном итоге готовить человека к военной службе — последней стадии образования. Важнейшей целью школ было «вживить расовое сознание и расовое чувство в инстинкты и в разум, вверить им сердца и головы молодежи»¹⁸¹.

Мы уже увидели, как эти средства применялись к немецким школам, после того как нацисты пришли к власти, поддерживаемые педагогическими доктринами нацистских теоретиков образования, таких как Эрнст Крик, ставшими обычными в педагогических училищах¹⁸². Но даже когда образование стало полностью централизованным и оказалось под полным контролем государства, традиционная система начального и высшего образования

все еще использовалась для этих целей весьма ограниченно. Как Гитлер заявил на Нюрнбергском партийном съезде в 1935 году: «С нашей точки зрения немецкий мальчик будущего должен быть стройным и гибким, быстрым как гончая, жестким, как наждак, и твердым, как крупновская сталь. Мы должны вывести новый тип человека, дисциплинированных и здоровых до мозга костей мужчин и девушек. Мы собираемся дать немецкому народу образование, начинающееся уже в молодости и никогда не кончающееся. Оно начинается, когда человек еще младенец, и заканчивается, когда он уже «старый вояка». Никто не сможет сказать, что у него есть время остаться одному, самому с собой»¹⁸³.

От членов Гитлерюгенда требовалось заучить эту речь наизусть и зачитывать ее при поднятии флага со свастикой¹⁸⁴.

Идеологическая обработка, которую проходили молодые немцы в Гитлерюгенде, была беспрерывна. Хотя она и позаимствовала свой стиль у других молодежных организаций: походы, песни, обычаи, церемонии, спорт и игры, было сразу видно, что управлялась она сверху вниз, не самими молодыми людьми, как старое молодежное движение, а согласно лидерскому принципу, Имперским управлением по делам молодежи под руководством Шираха. Организация издавала строгие указания по поводу того, какие мероприятия следует проводить. Все вступающие туда должны были лично присягнуть на верность Гитлеру. Обязательно было проходить обучение. Для каждой возрастной группы Гитлерюгенда был определенный список дисциплин, которым нужно было обучиться, сюда входили такие темы, как «Германские боги и герои», «Двадцатилетняя битва за Германию», «Адольф Гитлер и его соратники» или «Народ и его кровное наследие». Пели они только нацистские песни, а читали только нацистские книги. Специально подготовленные памятки сообщали руководителям, что говорить собравшимся детям и молодым людям, и предоставляли дополнительный материал для их идеологического воспитания¹⁸⁵. С течением времени на первый план выходило военное обучение. Кандидаты на вступление, даже самого младшего возраста, должны были пройти полное обследование состояния здоровья и физической подготовки, и только после этого они могли стать полноправными членами. 20 февраля 1938 года в гитлеровском списке основных подразделений значилось:

«В морских подразделениях Гитлерюгенда состоят 45 000 мальчиков. В автомобильные части Гитлерюгенда входят 60 000 мальчиков, 55 000 членов младшей группы Гитлерюгенда проходят авиационное обучение, учась управлять глайдерами. 74 000 членов Гитлерюгенда составляли его воздушные подразделения». Только в 1937 году тест на умение управлять глайдером прошли 15 000 мальчиков. Сегодня 1 200 000 членов Гитлерюгенда регулярно проходят обучение стрельбе из мелкокалиберной винтовки под руководством 7000 инструкторов¹⁸⁶.

На тренировках время уделялось в основном строевой подготовке, изучению азбуки Морзе, чтению карт и подобным занятиям у мальчиков, а девочки в основном учились выполнять работу медсестер и защите от авианалетов¹⁸⁷.

В результате, как тайно сообщали агенты социал-демократов своему руководству, находящемуся в Праге, если старшие мальчики и сохраняли некоторые убеждения, которые им привили их родители — социал-демократы, коммунисты или католики, то дети младшего возраста «с самого начала воспитывались в национал-социалистическом духе»¹⁸⁸.

Возможность ходить с Гитлерюгендом в походы по выходным, заниматься спортом и многими другими вещами, вероятно, сделала организацию привлекательной для детей из бедных рабочих семей, для которых раньше такие удовольствия были недоступны. Многие находили занятия в Гитлерюгенде захватывающими и чувствовали там собственную значимость¹⁸⁹. Идеализм определенно сыграл свою роль в привлечении молодых людей, вопреки желанию их родителей. Мелита Машман вступила в Союз немецких девушек 1 марта 1933 года, она сделала это тайно, потому что знала, что ее консервативные родители не одобряют этого. Ее попытки прочитать идеологические сочинения, такие как «Майн Кампф» Гитлера и «Основы XX века» Чемберлена, ни к чему не привели¹⁹⁰. Позднее она рассказывала, что тогда, как и многие другие ее друзья, дети представителей мелкой буржуазии, она считала жестокость и антисемитизм национал-социалистов временным излишеством, которое скоро пройдет. Союз немецких девочек дал ей чувство того, что у нее есть цель и что она не одна, и она днями и ночами посвящала себя этому, игнорируя то, чему ее учили, и огорчая своих родите-

лей. Но, как она писала позднее, «политикой она интересовалась только во вторую очередь, и то часто по принуждению»¹⁹¹. На мальчиков произвело свое воздействие то, что внимание постоянно уделялось соревнованиям, борьбе, героизму и лидерству, в спорте и не только. Судя по всему, случай, о котором сообщил агент социал-демократов осенью 1934 года, был не единственным в своем роде: «Сыну моего соседа 13 лет, и он состоит в Гитлерюгенде. Недавно вечером он пришел домой после тренировки и спросил отца: «Почему вы тогда не защитили себя? Я презираю вас, потому что в вас нет ни капли героизма. Ваша социал-демократия достойна только того, чтобы разбить ее в пух и прах, потому что у вас никогда не было ни одного героя!» Его отец сказал ему: «Ты ничего в этом не понимаешь». Но мальчик рассмеялся и поверил тому, что говорил его фюрер»¹⁹².

Старые социал-демократы были в отчаянии. Как говорил один из них, «подрастало целое поколение, которое не слышит ничего, кроме постоянно повторяемых слов «герои» и «героизм». Это поколение молодых людей больше ничего не хочет слышать от нас»¹⁹³.

Но, несмотря на эту массовую программу военной подготовки и идеологического воспитания, действие, которое Гитлерюгенд оказывал на молодых, было неоднозначно. По мере того как из самоорганизованного движения он превращался в обязательную организацию, служащую целям государства, он становился все менее привлекательным для молодежи. Идеологическое воспитание часто было поверхностным, так как руководители отделов Гитлерюгенда чаще были мужчинами грубой, антиинтеллектуальной традиции штурмовиков, а не образованными мыслителями, как руководители старого молодежного движения¹⁹⁴. Таким образом, большинство из них не могли точно выразить идеи национал-социализма. «Если бы режим сменился, — думал один из самых склонных к размышлениям молодых лидеров, — например, после поражения в войне, большинство из них без особого труда приспособились бы к новой ситуации»¹⁹⁵. Внимание к спортивным мероприятиям тоже препятствовало идеологическому воспитанию, так как интересы многих мальчиков и девочек ограничивались использованием спортивных сооружений и игровых площадок. Не всем детям приходилось по вкусу физичес-

кие упражнения. Особенно им не нравилась обязанность ходить со специальной коробочкой и собирать пожертвования, в особенности когда этим стали заниматься и в школе. Походы, в которые обычно отправлялись в 7.30 в воскресенье и длились они целый день (при этом дети из религиозных семей вынуждены были пропускать службы, что, конечно, было сделано специально), или обязательные занятия гимнастикой в восемь часов вечера в среду, — неудивительно, что некоторые люди соскучились по временам, когда они могли заниматься тем, чем хотели. При этом самим устраивать походы или другие мероприятия, как это делалось в молодежных движениях до 1933 года, им специально не разрешали¹⁹⁶.

В сентябре 1934 года руководство Гитлерюгенда в рабочем районе Гамбурга послало членам организации и их родителям большое обращение. В нем говорилось: «Оказывается, что вы не выполняете своих обязательств и не даете никаких объяснений вашему отсутствию. Вместо этого вы ищете удовольствий лично для себя. Вы снова начинаете придавать значение «либерально-марсистскому Я» и отвергаете национал-социалистическое «мы». Вы грешите против интересов нации. Вы оправдываетесь тем, что хотите пойти на свадьбу к знакомому, вы оправдываетесь тем, что перегружены домашними заданиями и хотите отправиться на велосипедную прогулку. А когда вы приходите в школу, то используете вашу деятельность в Гитлерюгенде как оправдание несделанной домашней работе»¹⁹⁷.

Больше всего ненависти было к военной дисциплине, которая со временем стала насаждаться все сильнее¹⁹⁸. Ширах объяснил, что будет применяться «принцип самоуправления, как это делалось в старом молодежном движении»¹⁹⁹, но на практике организацией эффективно руководили взрослые. Членов Гитлерюгенда муштровали взрослые штурмовики, заставляли их нырять в ледяную воду, зимой в течение долгого времени выполнять упражнения в легкой одежде, чтобы научить их физической выдержке, и подвергали их все более жестоким наказаниям, если они не слушались приказов. Поступали сообщения о том, как сурово наказывали мальчиков даже за небольшие провинности, их могли даже избивать пружинными крюками. Врачи жаловались на то, что многочасовая муштровка, маршировка по

ночам в полном обмундировании и военные упражнения при недостаточном питании разрушали умственное и физическое здоровье молодых людей²⁰⁰.

Агенты социал-демократов сообщали, что молодые люди пропускали вечерние тренировки или не платили взносы, в результате их исключали из организации, и они снова вступали туда только когда им необходимо было предъявить карточку члена Гитлер-югенда при поступлении на работу. В 1938 году один из агентов Саксонии сообщал: «Мальчики — непревзойденные мастера рассказывать свежие шутки о нацистских организациях. Они пропускают занятия в организации при любой возможности. В свободное время, когда они встречаются, чтобы поиграть у кого-нибудь из них дома, то с презрением говорят о “плане работы”»²⁰¹. Детям быстро наскучивало сидеть у костра и петь патриотические песни. «Большинство из них, — сообщал один агент социал-демократов, — хотят домой уже после первой песни»²⁰². Еженедельные парады, продолжающиеся с 7.30 до 9.30 вечера, отличались очень малой посещаемостью. У организации не было большой возможности наказать тех, кто туда не ходил. Пока они платили взносы, их не могли исключить, при этом многие молодые люди, как отметила одна молодая немка из Союза немецких девушек, «кроме уплаты взносов, практически ничего не делали», так как у пятнадцатилетних подростков было «множество других интересов». Особенно многочасовые тренировки изматывали тех, кто в своем подростковом возрасте уже работал²⁰³. Походы, которые когда-то были самым любимым мероприятием в молодежном движении, стремительно теряли популярность, так как становились все более военизированы. Как пожаловался один юноша, вернувшись из лагеря: «У нас почти не было свободного времени. Все делалось совершенно как в армии: подъем, первое построение, подъем флага, утренняя гимнастика, умывание, завтрак, «военные игры», обед и так далее до самого вечера. Несколько человек ушли из лагеря, потому что решили, что все это слишком тяжело и глупо. Между теми, кто жил в лагере, не было никакой взаимной поддержки. Товарищеских отношений почти не было, а были только команды и повиновение... Начальником лагеря был старший функционер Гитлерюгенда, типичный инструктор по строевой подготовке. Вся его воспитательная деятельность ограничи-

валась выкрикиванием команд, проведением военных упражнений и других тяжелых работ... Все, что было в лагере, — это гиперактивность и раздутый культ физической силы, никакого внутреннего развития и даже никакого активного и распланированного совместного отдыха»²⁰⁴.

Другой, вспоминая через несколько лет то время, когда он состоял в Гитлерюгенде, признался, что был очень «воодушевлен», когда вступил туда в десятилетнем возрасте, — «потому что какой мальчик не почувствует воодушевления, когда перед ним встанут такие высокие идеалы, как братство, верность, и честь?». Но вскоре «принуждение и беспрекословное подчинение» показали ему «излишними»²⁰⁵. «Бесконечное хождение по плацу нагоняло скуку, а наказания за самые незначительные нарушения иногда доводили до хандры, — вспоминал еще один, — но никто не жаловался, потому что единственным способом добиться успехов было показать свою выносливость, и это тоже имело свои последствия: выносливость и слепое подчинение вбивались в нас с того момента, как мы научились ходить»²⁰⁶.

Даже молодые нацисты были «разочарованы и раздосадованы». В глубине, под внешней оболочкой жила старая традиция молодежного движения, бунтарски настроенные мальчики разучивали старые, теперь уже запрещенные походные песни и в лагерях Гитлерюгенда напевали друг другу их мелодии в качестве отличительного знака; в этих лагерях они собирались вместе и по возможности устраивали свои собственные мероприятия²⁰⁷. Но многие другие социал-демократы, наблюдающие за этим процессом, сдерживали в себе желание увидеть свет в конце тоннеля и посылали мрачные сообщения о том, что молодежь забывает ценности старшего поколения и под влиянием Гитлерюгенда и идеологической обработки в школах становится жертвой нацистской идеологии. При всех своих недостатках движение Гитлерюгенда и школьная система, становящаяся все более нацистской, вбивали клин между родителями, все еще хранившими верность некоторым убеждениям и стандартам, к которым они привыкли, и их детьми, которые проходили идеологическую обработку на каждом этапе своей жизни. Один из таких агентов с грустью сообщал: «Родителям, не принимающим нацизм, очень тяжело повлиять на своих детей. Им приходится

просить ребенка не рассказывать в школе о том, что ему говорят дома. И тогда дети думают: «Ага! Значит, родителям приходится скрывать то, что они думают. Учитель позволяет себе говорить то, что думает, вслух. Значит, он, судя по всему, прав». Либо родители выражают свое мнение, не предупредив ребенка, что рассказывать о нем нельзя. Тогда их тут же арестовывают или в самом лучшем случае вызывают к учителю, который кричит на них и угрожает доложить властям. «Позови своего отца в школу!» — вот обычный ответ на вопросы ребенка, у которого появились сомнения и подозрения. Если, придя из школы, отец молчит, у ребенка появляется ощущение, что он согласился с тем, что ему сказал учитель, и тогда получается еще хуже, чем если бы отец ничего не говорил о своих взглядах»²⁰⁸.

Были даже еще более тревожные сообщения о детях, которые грозили донести на своих родителей властям, когда они пытались помешать им посещать собрания Гитлерюгенда. Подросткам было проще простого разозлить своих родителей, бывших социал-демократов, сказав им вместо «Доброе утро» «Хайль Гитлер». «Таким образом, война вошла в каждую семью», — говорила жена одного из активистов рабочего движения. «Хуже всего, — испуганно добавила она, — что приходится следить за собой в присутствии собственных детей»²⁰⁹.

Так государство и партия подрывали образовательные и социализирующие функции семьи. Бальдур фон Ширах знал, что существует такая критика, и отвечал на нее заявлениями, что у многих детей бедняков и рабочих и так не было настоящей семейной жизни. Он говорил, что родители — представители среднего класса, которые громче всех жаловались на то, что их детей заставляют много времени проводить вне дома, участвуя в мероприятиях, организованных Гитлерюгендом или Союзом немецких девушек, должны помнить, «что Гитлерюгенд призвал детей в сообщество национал-социалистической молодежи для того, чтобы у самых бедных сыновей и дочерей нашего народа впервые появилось что-то вроде семьи»²¹⁰. Но эти доводы только усилили негодование родителей — представителей рабочего класса. Воспитание детей, жаловались многие из них, больше не доставляет удовольствия. Униформа и снаряжение, которые нужны их детям в Гитлерюгенде, стоили дорого, а взамен они ни-

чего не получали. «Сегодня бездетные пары часто получают поздравления с тем, что у них нет детей. У родителей сейчас нет ничего, кроме обязанности кормить и одевать своих детей; а их образованием занимается прежде всего Гитлерюгенд»²¹¹. Однажды кто-то услышал, как один «старый вояка» с грустью жаловался на своего сына, активиста Гитлерюгенда: «Парень уже совершенно от нас отстранен. Как старый фронтовик я против любой войны, а этот парень ни о чем не думает, кроме войны, от которой он без ума. Это ужасно, иногда мне кажется, что мой парень будто бы шпион в семье»²¹².

Некоторые социал-демократы жаловались на то, что членство в Гитлерюгенде в целом приводило к тому, что молодежь становилась «грубее». Подавление любых дискуссий или дебатов, военная дисциплина, огромное внимание, уделяемое физическим навыкам и дисциплине, приводили к тому, что мальчишки становились жестокими и агрессивными, особенно по отношению к другим молодым людям, которые по каким-то причинам не вступили в Гитлерюгенд²¹³. Когда гитлерюгендовские группы ехали куда-то на поезде, они развлекались тем, что оскорбляли контролеров и угрожали им, когда они не говорили «Хайль Гитлер», проверяя у них билет. На лагеря, которые располагались в сельской местности, постоянно поступали жалобы от фермеров, у которых стали пропадать фрукты из садов. Тренировки, которым подвергали детей, были столь жесткими, что нередко они получали при этом различные травмы. На тренировках по «борьбе» игнорировались правила безопасности: «Чем больше крови проливалось на глазах у мальчишек на таких мероприятиях, тем сильнее они воодушевлялись». Как отмечал один из агентов социал-демократов, в Гитлерюгенде, как и в СА, армии и на трудовой повинности, росли грубость и дикость. «То, какой у них руководитель, и то, как они друг к другу относятся, низводит человека до уровня животного, все половые отношения превращаются в разврат. Многие заражаются венерическими заболеваниями». «Раз в месяц во многих подразделениях Гитлерюгенда проводится нечто вроде «секс-парадов», которые мы все помним с войны»²¹⁴. Гитлерюгенд отказывался осуществлять половое воспитание, заявляя, что это обязанность родителей. О случаях гомосексуального поведения среди руководителей

Гитлерюгенда замалчивали; не могло быть и речи о том, чтобы обратить на них внимание прессы, как произошло во время кампании, направленной на то, чтобы сфабриковать обвинения против католических священников в детских учреждениях. В одном особенно серьезном случае в 1935 году, когда Геббельс начал раздувать сексуальные скандалы вокруг Церкви, в гитлерюгендовском лагере несколько мальчиков изнасиловали другого мальчика, а затем зарезали его ножом, чтобы он никому не рассказал. Когда его мать узнала, что произошло, и сообщила об этом рейхскомиссару Мучману, он немедленно приказал, чтобы ее арестовали и посадили в тюрьму, чтобы скандал не вышел наружу. Родителей, которые жаловались на плохое обращение с их детьми в лагерях или забирали детей из организации ради их собственной пользы, часто обвиняли в том, что они разрушают Гитлерюгенд, а иногда их даже могли заставить молчать угрозами, что если они продолжат жаловаться, то детей у них отберут²¹⁵. Попытка, предпринятая не кем-нибудь, а самим Генрихом Гиммлером, в сотрудничестве с Ширахом, навязать дисциплину с помощью внутренней полиции Гитлерюгенда, организованной в 1934 году, привела в основном только к тому, что многие эсэсовцы смогли найти себе работу²¹⁶.

Особенный вред недисциплинированность Гитлерюгенда приносила школам. В школе подростки-активисты, которых режим осыпал заявлениями о ключевой роли, которую они играют в строительстве будущего страны, и привыкшие командовать группами детей младше их по возрасту, часто большими, чем классы в их школах, все чаще вели себя заносчиво по отношению к старшим. «Постоянно разжигая их самоуверенность, — признал один из руководителей Гитлерюгенда, — руководство развивает у многих мальчиков своеобразную мегаломанию, которая не дает им признавать никакой другой власти»²¹⁷. В борьбе между Гитлерюгендом и школами первый постепенно стал завоевывать превосходство²¹⁸. Члены Гитлерюгенда носили свою форму в школе, поэтому все чаще учителя видели, что их ученики своей одеждой подчеркивают то, что для них важнее не школа, а другая организация. Их самоуверенность стала еще больше, когда в январе 1934 года Гитлерюгенд официально получил статус образовательного учреждения, равнозначного школе²¹⁹.

Подростковая склонность к протесту направлялась в адрес таких социализирующих институтов, как школа, а также родители, семья и Церковь. После войны бывшие члены Гитлерюгенда, давая интервью, вспоминали, какие возможности давало им членство в этой организации²²⁰. Даже служба безопасности СС в 1939 году выражала беспокойство по поводу ухудшающихся отношений между Гитлерюгендом и учителями²²¹. В 1934 году агент социал-демократов сообщал о том, как один из «школьных лидеров» Гитлерюгенда сказал шестидесятилетнему учителю, когда холодным зимним утром на еженедельном общем построении в понедельник он не снял шапку, когда всей школой они исполняли национальный гимн и поднимали нацистский флаг, что если учитель сделает это снова, то он доложит об этом²²². Немногим учителям хватало сообразительности, чтобы вернуть себе контроль над учениками, не рискуя при этом, что на них донесут, как один учитель математики в Кельнской средней школе, который задал двум лидерам Гитлерюгенда, появившимся в его классе в униформе, особенно запутанные арифметические задачи со словами: «Как лидеры Гитлерюгенда, вы определено должны подавать хороший пример; вы точно сможете это решить!»²²³

IV

Школьная система в Третьем рейхе была формально под эгидой Бернгарда Руста, назначенного в 1933 году прусским министром образования и религии (Kultusminister). Руст сам был учителем, в партию он вступил рано и в 1925 году стал гаулейтером Ганновера и Брауншвейга. Когда Гитлера назначили канцлером, Русту было пятьдесят, то есть он был старше, чем другие нацистские руководители, которым было от тридцати до сорока или чуть-чуть побольше. 1 мая 1934 года Руст добился своего назначения в только что созданное Имперское министерство науки, образования и культуры, которое в начале 1935 года поглотило прусское министерство и фактически региональные министерства, а вопросами религии и церквей теперь стало заниматься Имперское министерство по делам церкви, которым, как мы видели ранее, руководил Ганс Керрл. 20 августа 1937 года Им-

перское министерство образования взяло на себя полный контроль за тем, кого принимать на работу учителями, а в 1939 году оно учредило Имперское экзаменационное ведомство, которое контролировало все проводившиеся экзамены. Кроме того, 20 марта 1937 года оно начало рационализацию школьной системы, которую давно ждали учителя и которая была запланирована еще при Веймарской республике, согласно ей школы должны были быть разделены на три основных типа, в зависимости от того, чему там уделяется основное внимание: языкам и гуманитарным наукам, естественным наукам и технике или классической культуре²²⁴. А 6 июля 1938 года режим издал другой закон, по которому прусская структура школ, установленная в 1927 году, расширялась на всю Германию, также этот закон устанавливал минимальный срок школьного обучения — восемь лет, для Баварии это был шаг вперед, так как до этого обязательный срок там составлял только семь лет, но для Шлезвиг-Гольштейна это был шаг назад, там обучение традиционно длилось девять лет. Также именно этот закон ввел общую для всех программу, в которую входило «всеобщее расовое воспитание»²²⁵.

В день рождения Гитлера 20 апреля 1933 года Руст основал три национальных политических образовательных организации, или НАПОЛАС — школы-интернаты, созданные по образцу старых прусских кадетских корпусов (упраздненных согласно Версальскому договору), призванных обучать новую элиту, которая будет управлять Третьим рейхом²²⁶. Также свою роль здесь могла сыграть необходимость задобрить президента Гинденбурга, который когда-то учился в одной из таких школ. К 1939 году существовало 16 таких учебных заведений²²⁷. Они предназначались для организации военного обучения, там были конюшни, мотоциклы, яхты и многое другое; спортивные дисциплины, которым там учили, имели выраженный аристократический оттенок, который усиливал у них ощущение того, что они на самом деле являются элитой. Те, кто заканчивал эти заведения, обычно шли офицерами в вооруженные силы, СС или в полицию²²⁸. Студентов отбирали в первую очередь по расовому признаку, этот вопрос решала медицинская экспертиза, которую проводил квалифицированный врач, а затем учитывались черты характера, проявленные кандидатами на вступительных испытаниях, состоя-

щих в первую очередь из спортивных соревнований, в которых от кандидатов требовалось проявить отвагу и агрессию²²⁹.

Но в то же самое время, по настоянию чиновников министерства Руста, в этих заведениях продолжали обучать предметам из программы обычных государственных школ со всеми теоретическими дисциплинами, как это требовалось от всех государственных образовательных учреждений. На партийном съезде в 1934 и 1935 годах Гитлер подчеркнул, что политическим образованием должна заниматься партия, а не государственные учреждения или назначаемые государством учителя. В соответствии с этой точкой зрения, управляли НАПОЛАС офицеры СС и СА, у которых не было никакого опыта в образовании. Администрация также назначила специальных «наставников» из этой же среды, которые должны были работать параллельно с профессиональными учителями, ведущими обычные занятия. Все сотрудники должны были регулярно проходить специальное обучение, а студентов заставляли по несколько недель в год работать на фабрике или на ферме, чтобы поддерживать контакт с народом. При таких обстоятельствах было неудивительно, что вскоре оказалось весьма непросто найти достаточное количество квалифицированных преподавателей. Те, кто там работал, часто делали это только потому, что когда-то при Веймарской республике сами закончили подобные прусские кадетские корпуса, и многие руководители сознательно пытались возродить некоторые традиции старых прусских кадетских корпусов. В 1934 году многие нацистские руководители уже понимали, что НАПОЛАС были скорее реакционным возвратом к старой прусской традиции, а не современными учреждениями, посвященными созданию новой элиты для Третьего рейха. Казалось, они были больше заинтересованы в подготовке офицеров для армии, а не руководителей для государства²³⁰. За каждодневное управление школами отвечал Иохим Хаупт, профессиональный педагог, опубликовавший при Веймарской республике ряд работ, в которых призывал к созданию новой системы образования, посвященной расовому и политическому обучению. Но после «Ночи длинных ножей» Хаупт попал под удар СС, которые прозрачно намекали на его гомосексуальность и заявляли, что Руст хочет от него избавиться, потому что он слишком большой реакционер. В ре-

зультате в 1935 году Хаупта уволили, и все управление и надзор за НАПОЛАС перешли к старшему офицеру СС Августу Хейсмейеру; в дальнейшем управление НАПОЛАС стало задачей СС. Они не достигли большого успеха как новый вид государственного образовательного учреждения. Их стандарты также не были достаточно высоки, чтобы предоставить режиму на будущее новые элитные руководящие кадры²³¹.

Как показали все эти события, Руст не мог добиться большого успеха, когда в дело вступали большие игроки. У него случались приступы депрессии, сменяющиеся периодами маниакального оптимизма и агрессии, в результате чего ему было трудно придерживаться постоянной политической линии; чиновники ему не доверяли и часто не пропускали его приказы, нередко он совершенно не мог справиться с хищнической агрессией своих оппонентов в высших эшелонах НСДАП. Кроме того, Руст страдал от прогрессирующего паралича лицевых мускулов, причинявшего ему боль, которая со временем усиливалась, это также не давало ему эффективно противостоять оппозиции²³². Его НАПОЛАС вскоре обошли две другие, более идеологические организации, которыми с самого начала управляло уже не государство, а партийные органы. 15 января 1937 года Бальдур фон Ширах и руководитель Немецкого трудового фронта сделали совместное заявление о том, что Гитлер по их просьбе приказал основать «Школы Адольфа Гитлера», средние школы, где руководить и определять программу будет Гитлерюгенд, а контролировать его будут местные руководители нацистской партии²³³. Наперекор яростным возражениям Руста 20 апреля 1937 года двое руководителей учредили первую «Школу Адольфа Гитлера». Их цель заключалась в том, чтобы в будущем никто не смог получить руководящую партийную должность, не пройдя обучения в этих учреждениях. Две трети учеников в «Школах Адольфа Гитлера» были пансионерами, Гитлерюгенд определял программу, которая уделяла физической и военной подготовке даже больше времени, чем НАПОЛАС. Как и в НАПОЛАС, в «Школах Адольфа Гитлера» не проводилось никакого религиозного обучения. Экзаменов не было, вместо них была так называемая Неделя достижений, где учащиеся должны были соревноваться друг с другом во всех изученных дисциплинах²³⁴. Привлекая членов Гитлер-

югенда со всей Германии, эти школы, предоставляющие образование для детей с двенадцатилетнего возраста, стали своеобразным средством общественной мобилизации, 20% учащихся по происхождению можно было в широком смысле отнести к рабочему классу²³⁵. Изначально для отбора студентов применялись только физические критерии, но к 1938 году стало ясно, что пренебрежение интеллектуальным развитием вызовет серьезные проблемы, потому что многие студенты не могли уловить даже самых основных политических идей, которые учителя пытались до них донести. С этого времени при оценке учащихся стал использоваться и академический критерий. Учителя, набранные в первые два года – все являлись лидерами Гитлерюгенда, – также были некомпетентны и, прежде чем позволить им приступить к своим обязанностям, их обязали пройти педагогическое обучение в университете. Идея Лея состояла в том, чтобы в каждом регионе была такая школа, управляемая гаулейтером партии; но руководство нацистской партии настояло на том, что расходы на это будут слишком велики для НСДАП, в результате этих школ появилось не так много. В 1938 году со всей страны в них было принято только 600 учеников, гораздо меньше, чем задумывалось изначально. Строительство зданий, в которых должны были разместиться школы, так и не было до конца завершено, и до 1941 года школы в основном использовали помещения, арендуемые у Орденского замка Зонтхофен²³⁶.

Орденские замки были следующим этапом в системе образования, основывающегося на партии, о котором мечтали Ширах и Лей. Они были специально рассчитаны на то, чтобы там учились выпускники «Школ Адольфа Гитлера», но чтобы их туда приняли, нужно было пройти профессиональное обучение или закончить университет и доказать здравость своих личных и идеологических суждений. Студенты не только ничего не платили за обучение, но и получали от школы карманные деньги. Существовало три Орденских замка, расположенных высоко в отдаленных сельских районах. Они были спроектированы с большим размахом ведущими архитекторами. Строительство началось в марте 1934 года, а готовы здания были двумя годами позднее. Они были рассчитаны на то, чтобы сформировать единую систему образования и тренировок. Первый год студенты долж-

ны были провести в Фалькенбурге, на озере Крессин в Померании, где их учили расовой биологии и устраивали различные спортивные мероприятия; на втором году обучения студенты должны были переехать в замок Фогельзанг на холмах Айфель в верховьях Рейна, где внимание уделялось в основном спорту; затем они должны были переехать в замок Зонтхофен в Альгое, горном районе Баварии, где они должны были проходить дальнейшее идеологическое обучение и заниматься опасными видами спорта, такими как скалолазание. Режим намеревался построить четвертый замок в Мариенбурге, где основное внимание уделялось бы изучению Восточной Европы, и, наконец, «Среднюю школу» на озере Чем в Баварии, где проводились бы исследования и проходили обучение учителя Орденских замков и «Школ Адольфа Гитлера». Но одновременно с учебой элитные студенты Орденских замков должны были трижды в год по одному месяцу работать в партийных организациях в регионах, приобретая таким образом практический опыт в политике; Орденские замки в свою очередь работали как центры обучения не только для учителей «Школ Адольфа Гитлера», но и для нацистских чиновников, которые проходили здесь краткосрочные курсы²³⁷. Как видно из названия, целью Орденских замков было создание современного варианта средневековых рыцарских и монашеских орденов: дисциплинированных, сплоченных и преданных делу; чтобы подчеркнуть это, студентов называли «юнкерами». Партия собиралась использовать их наряду со «Школами Адольфа Гитлера» для укрепления своей власти в будущем²³⁸.

По обычным учебным стандартам уровень образования в Орденских замках был невысок. Из-за того что основной упор делался на физическую подготовку и предметы, основанные на идеологии, они не могли стать полноценной заменой для обычных заведений высшего образования, на интеллектуальные способности студентов при отборе не обращали особого внимания. В июле 1939 года во внутреннем отчете партии замок Фогельзанг был резко раскритикован, там говорилось о низком интеллектуальном уровне выпускников и выражались серьезные сомнения в том, что они могут связно рассказать о нацистской идеологии, также там говорилось: «Лишь в самом небольшом количестве случаев прекрасное здоровье и сила говорят также и о выдаю-

щихся умственных способностях». Уже в 1937 году в газете Геббельса «Атака» были выражены сомнения по поводу эффективности этого учреждения, после того как корреспондент услышал, как один из первых выпускников «прочитал идеологически окрашенную лекцию, но при этом мало что сказал по существу». «Можно ли сказать, что туда набрали правильных людей?» — многозначительно вопрошал корреспондент. Двумя годами позднее ситуация в замке Фогельзанг переросла в хаос, когда выяснилось, что один из руководителей, Рихард Мандербах, отличившийся тем, что основал первое подразделение штурмовиков в районе Зигерланд в 1924 году, тайно крестил младшего из своих детей в католической церкви. Хотя Мандербах и отрицал, что вообще что-то знал об этом, в столовой и учительской юнкеры приветствовали его грубыми песнями и криками и требовали ответить, почему он являлся с «папами и священниками». Порядок восстановили, только когда 10 июня 1939 года он был уволен²³⁹. Как позднее отмечал один из студентов «Школы Адольфа Гитлера», расположенной в Орденском замке Зонтхофен, будущий голливудский актер Харди Крюгер, студентам постоянно говорили, что в будущем они станут руководителями нацистской Германии, поэтому было неудивительно, что они не терпели никаких отступлений от идеологии. Он добавил, что в атмосфере, где поощрялись физическая выносливость и беспощадность, среди мальчиков были широко распространены травля и физическое насилие старших мальчиков над младшими, стояла атмосфера дикости и жестокости²⁴⁰.

Те же самые идеи, которые вдохновили на создание «Школ Адольфа Гитлера», Орденских замков и в меньшей степени НАПОЛАС, также явно повлияли и на другую элитную школу, основанную под эгидой Эрнста Рёма и СА: Национал-социалистическую среднюю школу на Штарнбергском озере. Частная школа, принадлежащая штурмовикам, открылась в январе 1934 года и просуществовала только несколько месяцев, до тех пор, пока по приказу Гитлера не застрелили Рёма. В отчаянии директор школы старался сохранить ее, заручившись поддержкой сначала Франца Ксавера Шварца, имперского казначея, а затем штаба Рудольфа Гесса, где ключевым должностным лицом был Мартин Борман. 8 августа 1939 года Гесс переименовал ее в Импер-

скую школу НСДАП в Фельдафинге, к этому времени она уже стала самой успешной из всех нацистских элитных школ. Она располагалась в сорока виллах, некоторые из которых были конфискованы у их еврейских владельцев, учебным процессом в школах управлял Нацистский союз учителей, а все учителя и ученики автоматически являлись членами СА. Имея таких сильных покровителей в высших эшелонах партии, школа без особого труда получила щедрое финансирование и первоклассное оборудование, так как она была сильнее связана с учительской профессией, то в ней предоставлялось гораздо лучшее образование, чем в других элитных школах, хотя в ней также особое внимание уделялось спорту, физической подготовке и развитию характера. Но были и критики, которые считали, что ученики, часто это были наследники высокопоставленных партийных чиновников, учатся там только кутить и гулять²⁴¹. В целом ни одна из элитных школ не достигала стандартов старых немецких школ. В подходах к образованию эти школы были эклектичны и часто противоречивы, им не хватало цельной образовательной концепции, способной послужить основанием для обучения новой функциональной элиты, которая в будущем смогла бы управлять такой современной и высокотехнологичной нацией, как Германия. Накануне войны в шестнадцати НАПОЛАС, десяти «Школах Адольфа Гитлера» и Имперской школе училось в общей сложности 6000 мальчиков и 173 девочки, они составляли только малую часть всей системы школ-интернатов, в это же время в сентябре 1939 года в других пансионах занималось 36 746 учеников обоих полов, то есть в шесть раз больше²⁴².

Тем не менее накануне Второй мировой войны низкие учебные показатели, которые были очевидны в НАПОЛАС, «Школах Адольфа Гитлера» и Орденских замках, стали распространяться и на систему государственных школ. На всех уровнях формальному обучению уделялось все меньше внимания, в 1936 году количество часов, выделяемых в государственных школах на физическое воспитание и спорт, увеличилось до трех в неделю, затем, в 1938 году, — до пяти, на теоретические предметы выделялось меньше времени, чтобы оставить место для идеологического воспитания и подготовки к войне²⁴³. Дети все еще изучали чтение, письмо и арифметику, а в некоторых средних школах и го-

раздо больше этого, но не могло быть больших сомнений в том, что качество образования постепенно снижалось. К 1939 году работодатели стали жаловаться на слабые знания выпускников по языку и арифметике, и на то, что «с некоторого времени постоянно падает уровень школьных знаний экзаменуемых²⁴⁴». Но режим по этому поводу не волновался. Как заявил Ганс Шемм, руководитель Национал-социалистического союза учителей до 1935 года: «Цель нашего образования — это формирование характера», он пожаловался на то, что детей пичкают слишком большим количеством знаний, а это идет в ущерб формированию характера. Он сказал: «Пусть у нас будет на десять пудов меньше знаний, но на десять калорий больше характера!»²⁴⁵ Свое влияние оказали и растущая деморализация профессии учителя, и усиливающаяся нехватка сотрудников, и постоянное увеличение размера классов.

Как мы уже видели, Гитлерюгенд оказал на академическое образование глубоко разрушительное влияние. «Мероприятия Гитлерюгенда, — говорилось в одном из докладов социал-демократов в 1934 году, — постепенно разрушают школу. Учителям приходится практически каждую неделю отпускать учеников с занятий²⁴⁶. Отмена обязательных церемоний, приуроченных к Государственному дню молодежи, подготовка к которым каждый год занимала до 120 часов, не сыграла здесь большой роли²⁴⁷. Несмотря на военную дисциплину в школах, поступали многочисленные сообщения о беспорядках и нарушениях, жестокостях учеников по отношению друг к другу²⁴⁸. «Больше нельзя говорить о том, что у учителей есть какой-то авторитет, — отметил в 1937 году один из агентов социал-демократов. — В школе все решают маленькие, задравшие нос хулиганы из Гитлерюгенда»²⁴⁹.

В этом же году учителя одного из районов Франконии в полугодовом отчете своей ветви Союза национал-социалистических учителей жаловались на то, что отношение учеников к образованию постоянно давало повод к беспокойству и обоснованным жалобам. У многих из них нет ни желания работать, ни чувства долга. Многие ученики думают, что смогут сдать выпускные экзамены, просто отсидев за партой все положенные восемь лет, даже если они не дотягивают до требуемого интеллектуального стандарта. Подразделения Гитлерюгенда и Юнгфолька никак не

поддерживают школу, напротив, именно эти ученики, имеющие в Гитлерюгенде высокие звания, отличаются особенно непослушным поведением и ленью. Важно отметить, что дисциплина в школах падает, и это не может не беспокоить²⁵⁰.

К 1939 году уровень образования значительно снизился. Как отметил один из наблюдателей социал-демократов в июне 1937 года: «Наблюдаете ли вы за тем, как молодые люди играют и работают, читаете ли вы то, что они пишут, или приходите к ним домой, просматриваете ли вы их расписание или даже наблюдаете то, что происходит в лагере, вы увидите, что существует только одна воля, которая управляет всей этой тщательно спланированной и как никогда эффективно работающей машиной: воля к войне»²⁵¹.

«Битва против интеллекта»

I

Если нацисты прикладывали большие усилия к тому, чтобы после 1933 года переделать школьную систему под собственные цели, то на навязывание своих идей немецким университетам они не тратили так много сил. Оказывать влияние на высшее образование режим начал только в 1934 году, когда было основано Имперское министерство образования. Но даже тогда этот контроль не был очень жестким. Министр образования Бернгард Руст был не только слабым и нерешительным, кроме этого, он просто не интересовался университетами. Его извечная непоследовательность вскоре стала предметом для насмешек среди университетских профессоров, которые шутили, что правительство ввело новую минимальную единицу измерения — «один Руст», время, проходящее со времени издания декрета, до его отмены. Другие партийные лидеры также не особенно интересовались образованием. Когда в январе 1936 года, во время десятой годовщины создания Национал-социалистического союза студентов, Гитлер обратился к студенческой аудитории, он вскользь упомянул и о вопросах, напрямую касающихся студенчества, после этого он к ним уже никогда не обращался. Как это всегда происходило в Третьем рейхе, высшее образование стало предметом внутрипартийных рас-

прей, так как штаб заместителя фюрера по партии, которым номинально руководил Рудольф Гесс, но фактически там заправлял Мартин Борман, начал интересоваться тем, кого назначают на университетские должности. Финансирование исследований проходило под эгидой Министерства внутренних дел. В университетские дела также вмешивались и гаулейтеры. СА старались вербовать студентов к себе. Перестройкой университетской жизни в духе нацизма руководил Нацистский союз студентов. В министерстве считали, что основной функцией студенческого союза должна стать организация политического воспитания студентов и абитуриентов; но управление университетом было задачей ректора, которого в руководстве, выпущенном Министерством образования 1 апреля 1935 года, назвали вождем учреждения; обязанность остальных сотрудников и студентов заключалась в том, чтобы слушаться его и выполнять его команды²⁵².

Но из-за слабости Министерства образования последовательно применять этот принцип на практике было невозможно. Право назначения на преподавательские должности стало предметом борьбы между министерством, ректором, Нацистским союзом студентов, профессорами и местными партийными руководителями, все они продолжали заявлять о своем праве осуществлять внутри университета политический контроль. Как и Гитлерюгенд в школах, Нацистский союз студентов и его члены не стеснялись называть и обвинять тех учителей, которые, по их мнению, не придерживались партийной линии. В 1937 году один профессор в Гамбурге жаловался на то, что за предыдущие несколько лет не было проведено ни одного студенческого собрания, «на котором не увольняли бы кого-нибудь из профессоров, презрительно называя их при этом «закостеневшим сообществом», не способным учить молодое поколение в университетах»²⁵³. В 1936 году у студенческого союза появился новый руководитель, Густав Адольф Шеель. Еще будучи студентом, до 1933 года, он провел успешную кампанию, направленную на притеснение и устрашение профессора-пацифиста Эмиля Юлиуса Гумбеля в Гейдельбергском университете. Он укрепил позиции Союза, объединив все студенческие союзы и формально признав их право назначать собственных руководителей и проводить свои мероприятия. Шеель поддерживал отличные отно-

шения с Гессом и таким образом мог противостоять попыткам Министерства образования обуздать его расширяющееся влияние. Члены студенческой организации входили в ученые советы всех институтов, и теперь у них был доступ к конфиденциальной информации о том, кого назначат на университетские должности. Они без колебаний озвучили свои желания и цели. Было понятно, что если студентам не понравится новый ректор, они будут иметь возможность значительно затруднить ему жизнь и не замедлят этой возможностью воспользоваться, с 1937 года Министерство образования было вынуждено предварительно консультироваться со студенческой организацией, что давало Шеелю еще больший авторитет в управлении университетами²⁵⁴.

Но, в конце концов, влияние Нацистского союза студентов имело свои пределы. Хотя он и сорвал куш на общегерманских выборах еще до 1933 года, это была сравнительно небольшая организация, в которой накануне избрания Гитлера рейхсканцлером состояло не более 9000 человек. Так как многие из них относились к женскому отделению Союза или учились не в университетах, а в других высших учебных заведениях или в немецкоязычных университетах за пределами рейха, количество студентов мужского пола, учащихся в немецких университетах, в составе организации было менее 5000, то есть меньше пяти процентов всех студентов Германии²⁵⁵. Во время захвата власти и после него это количество значительно выросло, этому помогало еще и то, что для процесса объединения людей и организаций в 1933 году были характерны террор и оппортунизм. Кроме того, преимущественно националистская немецкая студенческая организация прониклась воодушевлением духа 1914 года, которому режим дал волю в первый период своего правления. Но и у Нацистского союза студентов в то время была своя конкуренция среди студентов. Весной 1933 года многие студенты вступили в ряды штурмовиков, и, следуя указанию Гитлера, данному в сентябре 1933 года, о том, что политическим воспитанием в студенческой организации должны заниматься СА, штурмовики организовали в университетах свои центры и настаивали на том, чтобы студенты вступали к ним. К примеру, в Гейдельбергском университете более половины студентов стали штурмовиками. В начале 1934 года Министерство внутренних дел ввело обязательные занятия по военной подготовке для студентов

мужского пола, проводили эти занятия штурмовики. Вскоре тренировки вместе с СА стали занимать по многу часов. Это серьезно повлияло на их учебу. Администрации университетов стали отмечать резкое падение успеваемости у студентов, так как студенты пропускали целые дни и даже недели занятий или приходили на лекции, измотанные ночными тренировками. Но и это было еще не все. 15 июня 1934 года ректор университета в Киле жаловался в Министерство образования: «Опасность представляет то, что «борьбой против интеллекта» называют борьбу против интеллигенции, которую ведет университетское ведомство СА. Также опасность кроется в том, что девиз «Жесткий солдатский тон» означает, что в первые три семестра студенты приобретают не просто жесткий, а грубый, вульгарный тон».

Некоторые руководители штурмовых отрядов даже говорили студентам, что их основная обязанность — быть штурмовиками: а учеба — это развлечение, которым нужно заниматься в свободное время. Такие заявления вызвали протест у большинства студентов. В июне 1934 года национального студенческого лидера Вольфганга Доната встретили «воем, топотом и свистом», когда он попытался выступить с обращением на митинге в Мюнхенском университете, в то время как некоторые преподаватели, которые осмеливались включить в свои лекции немного критики режима, срывали бурные аплодисменты. В некоторых университетах случались открытые драки между активистами нацистской партии и другими студентами²⁵⁶.

То, что эти события совпали с первым большим кризисом режима в июне 1934 года, было не случайно. Казнь руководства СА во время «Ночи длинных ножей» в конце месяца дала возможность провести глубокие реформы по укреплению влияния нацистов в студенческих органах. Управление Нацистским союзом студентов перешло в руки заместителя фюрера Рудольфа Гесса, и он переформировал его руководство, а в конце октября СА были успешно устранены из университетов и вместо тренировок со штурмовиками поставили спортивные занятия, которые не требовали столько времени и сил. Нацистский союз студентов начал стремительно расти, к 1939 году в него входило 51% всех студентов мужского пола и 71% — женского пола²⁵⁷. К этому времени Союзу удалось преодолеть упорное сопротивление традиционных студенче-

ских братств, в которые в 1933 году входило более половины всех студентов мужского пола. Как и другие консервативные организации, братства отчаянно сопротивлялись Веймарской республике и поддерживали захват власти нацистами; большинство их членов, по-видимому, вступило в партию к лету 1933 года. Но в то же время они были обязаны ввести лидерский принцип вместо коллективного управления, которое у них было раньше, назначить на высшие должности нацистов и лишить всех, у кого есть хоть какие-то еврейские корни, права быть членом, или «стариком», так назывались бывшие члены, чье финансовое влияние позволяло им оказывать решающее влияние на управление братствами. Но нацистским лидерам по-прежнему не нравились традиционные для братств аристократический тон и независимость, и, когда члены одного из самых элитных дуэльных братств в пьяном состоянии стали что-то говорить во время выступления Гитлера по радио, а через несколько дней во время бурного застолья с выпивкой и беспорядками стали громко рассуждать о том, ест ли Гитлер спаржу «ножом и вилкой или своими лапами», руководитель Гитлерюгенда Бальдур фон Ширах развернул против них массовую кампанию в прессе и приказал, чтобы ни один член Гитлерюгенда не вступал в будущем в эту постыдно реакционную организацию. Так как такое решение шло вразрез со взглядами статс-секретаря Имперской канцелярии Ганса Генриха Ламмерса, который сам был выдающимся и влиятельным «стариком», решением этого вопроса занялся лично Гитлер. В двухчасовом монологе перед собравшимися высокопоставленными нацистскими чиновниками фюрер дал понять, что в нацистском государстве братства должны исчезнуть как пережитки ушедшей аристократической эпохи. В мае 1936 года Гитлер и Гесс открыто осудили братства, и запретили членам партии вступать в них. Увидев, к чему все идет, Ламмерс к тому времени уже перестал защищать братства и к концу учебного года они либо разошлись, либо влились в Нацистский союз студентов²⁵⁸.

II

Таким образом, к середине 1930-х годов Нацистский союз студентов смог достичь превосходства, успешно отодвинув в сторону другие представляющие интересы студентов организа-

ции. Но сделано это было в контексте быстрого сокращения общего количества студентов. Одним из многих факторов, вызывавших недовольство студентов Веймарской республикой, было существенное переполнение, происходившее в университетах из-за того, что в систему высшего образования вошла большая возрастная группа тех, кто родился до 1914 года. Но при Третьем рейхе количество студентов в университетах сократилось: если в 1931 году оно составляло почти 104 000, то в 1939 году — меньше 41 000. В технических университетах сокращение количества студентов было разве что немного более плавным, с 22 000 в 1931 году до почти 12 000 восемью годами позже²⁵⁹. При этом общем сокращении некоторым специальностям повезло меньше остальных. В особенности пострадало юридическое направление. В 1932 году студенты-юристы составляли 19% от общего количества студентов, в 1939 году — уже только 11%. Такое же сокращение произошло и в гуманитарных специальностях, на которых в 1932 году училось 19% студентов, а через семь лет — уже только 11%. Естественные науки тоже пострадали, хотя и не в столь значительной степени, здесь процент учащихся за тот же период снизился с 12 до 8%. Это может показаться странным, но у теологических специальностей эти цифры остались на прежнем уровне 8–10%, а у экономических наук они даже немного выросли, с 6 до 8%. Но по-настоящему повезло медицине в 1932 году, на связанных с ней специальностях уже училась треть студентов, а к 1939 году — уже почти половина, 49%. Истинные масштабы этих изменений становятся понятны, если вспомнить, что общее количество студентов в университетах за эти годы сократилось почти вдвое, поэтому можно сказать, что в этой области накануне войны наблюдался настоящий кризис, в особенности там, где дело касалось гуманитарных и юридических специальностей. У этого было несколько причин. И гуманитарные, и юридические науки постоянно подвергались критике со стороны режима, что делало их менее привлекательными для абитуриентов. Также и государственная служба, на которую традиционно шли выпускники юридических учебных заведений, с 1933 года тоже оказалась под градом нападков, ее влияние и престиж стремительно падали, по мере того, как они росли у партии. Преподавание, сфера, в которую шли работать выпускники

гуманитарных вузов в середине 1930-х годов, тоже стремительно теряло популярность, как мы уже увидели ранее. Социальный и политический престиж медицинских профессий в эти годы, напротив, возрос, так как режим ставил расовую гигиену в основу всей своей внутренней политики, а устранение из этой профессии врачей-евреев создало множество вакансий, которые могли занять выпускники арийского происхождения²⁶⁰.

Уменьшение числа специалистов в гуманитарных областях, которые были самыми популярными среди студентов женского пола, отчасти было вызвано тем, что в те годы режим ввел ограничения на набор девушек в университеты. Гитлер придерживался мнения, что основной целью в образовании девушек было сделать из них хороших матерей. 12 января 1934 года Министерство внутренних дел, управляемое Вильгельмом Фриком, основываясь на законе против переполнения немецких высших учебных заведений и школ, приказало, чтобы пропорция девушек-выпускниц средних школ, которым позволялось продолжить обучение в университете, была не больше 10 процентов от количества выпускников — молодых людей. В этом же году на Пасху вступительные экзамены в университеты сдали примерно 10 000 девушек; в результате учиться в университете позволили только 1500, и к 1936 году количество девушек в университетах сократилось вдвое. В элитные нацистские образовательные учреждения — «Школы Адольфа Гитлера» и Орденские замки — девочки не допускались, исключением было несколько государственных элитных школ и НАПОЛАС. Но в ходе реорганизации немецких средних школ, начавшейся в 1937 году, среднее образование для девочек также было отменено. Девочкам запрещалось изучать латынь, знание которой требовалось для поступления в университет, Министерство образования делало все возможное, чтобы они вместо этого изучали домашнее хозяйство, для чего существовали специальные школы; кроме этой, существовала еще лишь одна возможность для девочек получить среднее образование — в специальных школах с изучением языка, где также было обязательно изучение домашнего хозяйства. С апреля 1938 года все девочки, которые, несмотря на все эти препятствия, все-таки попадали на вступительные экзамены в университет, обязаны были провести «год домашнего хозяйства»; только после этого им выдавался аттестат зрелости и разрешалось

учиться в университете, в том случае, если квота еще не была превышена²⁶¹. Количество девушек, получающих высшее образование, упало с 17 000 в 1932–1933 годах до 6000 в 1939-м, сильнее, чем количество молодых людей: за этот же период пропорция девушек в университетах упала с 16 до 11%. Попытки повернуть этот процесс в обратную сторону, чтобы удовлетворить потребность в квалифицированном женском труде, которая возникла, когда экономика стала в основном направлена на перевооружение, ни к чему не привели, так как они шли вразрез со всеми другими мерами, принимаемыми, чтобы не пускать девушек в университеты с 1933 года²⁶².

Закон против переполнения немецких высших учебных заведений и школ, изданный 25 апреля 1933 года, сначала касался только еврейских студентов, но в декабре 1933 года Имперское министерство внутренних дел объявило, что только 15 000 из 40 000 учеников средних школ, которые должны были сдать выпускной экзамен в 1934 году, попадут в немецкие университеты. Безработица все еще была на пугающе высоком уровне, и студентам не имело смысла идти в университет, если не было перспектив работы после его окончания. Но эта мера действовала в течение лишь двух семестров, так как Имперское министерство внутренних дел потеряло контроль над университетами, когда в мае 1934 года было основано Министерство образования, новое министерство сразу же отменило эти ограничения и даже позволило тем, кому отказали в возможности поступить, снова подать заявление, при условии, что они безработные и считаются политически благонадежными²⁶³. Большее влияние, чем эти меры, пожалуй, имело то часто высказываемое презрение, которое нацистское руководство испытывало к университетам и тем, кто там учился и преподавал. В ноябре 1938 года Гитлер начал яростную атаку на интеллектуалов, к которым он, без сомнения, относил университетских преподавателей и профессоров. Он заявил, что интеллектуалы в корне неблагонадежны, бесполезны, даже опасны, и что они противопоставляют свой неукротимый индивидуализм и нескончаемую придирчивость инстинктивному и беспрекословному единству с массами. «Что касается наших интеллектуальных классов, думаю, что они, к сожалению, необходимы; иначе можно было бы когда-

нибудь... я не знаю... истребить их или что-то вроде этого, но, к сожалению, они необходимы»²⁶⁴. Как долго еще они будут нужны, он не сказал. Любой, кто читал «Майн Камфп», знал о его презрении к интеллектуалам, на которых он возлагал немалую часть вины за несчастье 1918 года. Это неизбежно вызвало разочарование среди преподавателей и отбило у абитуриентов желание идти в университет. До 1933 года в Германии университетская степень обеспечивала престиж в обществе и профессиональный успех. Теперь для многих это было не так. Не было никакого сомнения, что немецкие университеты при Третьем рейхе находились в упадочном состоянии. Количество студентов сокращалось, ведущих ученых увольняли, а те, кем их заменяли, были несравнимо ниже уровнем. Рабочие места пустовали²⁶⁵.

Упадок начался еще до того, как Гитлер пришел к власти, из-за массовой безработицы молодые люди и особенно девушки не хотели поступать в университеты, когда перспективы получить по окончании работу были минимальны. Кроме этого, очень маленькая возрастная группа тех, кто родился в годы Первой мировой войны, когда рождаемость упала вдвое по сравнению с довоенным уровнем, в 1934 году стала достигать возраста, когда можно поступать в университет. Вместо того чтобы бороться с последствиями такого демографического спада, режим принялся еще более усугублять их. Наконец, благодаря значительному расширению профессиональной армии с введением в 1935 году воинской повинности в офицерском корпусе, появилось очень большое количество престижных и хорошо оплачиваемых должностей, таким образом, в 1933 году в армию шли только 2% выпускников средних школ, в 1935 году — уже не менее 20%, а в 1937 году — 28%. Теперь выпускники школ, прежде чем продолжить учебу, должны были два года или даже больше посвятить военной службе. В свои двадцать с лишним лет многие молодые люди без восторга относились к тому, что придется провести еще несколько лет не имея работы. Было подсчитано, что запрет на обучение евреев в университете привел к сокращению количества студентов еще на 3–4%, притом что, как мы уже видели, свое влияние на снижение этих показателей оказали и нацистские меры, направленные против обучения в университетах девушек²⁶⁶.

Менее привлекательной учебу в вузе делало еще и решение Нацистского союза студентов о том, что все выпускники средних школ, чтобы им разрешили учиться в университете, должны отработать трудовую повинность на благо рейха. Начиная с Пасхи 1934 года для всех успешных абитуриентов было обязательно пройти шестимесячную трудовую повинность, а студенты первого и второго курсов обязаны были провести десятинедельный срок в трудовом лагере. Целью этих мер была выработка у студентов определенного характера, что было так же важно и в школах; как Бернгард Руст говорил берлинским студентам в июне 1933 года: «Тот, кто плохо себя показал в трудовом лагере, лишается права строить будущее Германии в качестве выпускника университета». Студенты были первыми в Третьем рейхе, кого подвергли таким мерам. Они были направлены не только на то, чтобы позволить студентам реализовать на практике свою приверженность к строительству новой Германии, они также должны были помочь преодолеть классовый снобизм и интеллектуальное высокомерие образованных людей; для того чтобы этого добиться, организаторы трудовой повинности сделали так, чтобы в любом лагере студенты не составляли более 20% людей, работающих в нем²⁶⁷.

Но как ни странно, эта политика не достигла своей цели — помочь построить новое бесклассовое расовое сообщество. Подавляющее большинство студентов, работавших в лагерях, как значилось в докладе студенческой организации в ноябре 1933 года, терпеть не могли того, как «вопящие сержанты» старой армии, «постоянно что-то из себя строящие», которые управляли лагерями, выплескивали свое общественное негодование на молодых подопечных. Строгая военная дисциплина, словесные оскорбления и травля были способами, которые руководство лагерей чаще всего использовало, чтобы унижить студентов. Позднее один из таких студентов вспоминал про этих людей: «Им становилось скучно, они каждый вечер напивались, а затем издевались над нами... Нас выдергивали из постели через три-четыре часа после отбоя, заставляли строиться снаружи в ночном белье, затем бегать вокруг жилого корпуса, затем опять загоняли внутрь, заставляли ползать под кроватями, взбираться на шкафы и петь песни, которые, по-видимому, соответствовали нашим действиям»²⁶⁸.

Многочасовой физический труд, которому они не были обучены, строительство дорог, осушение болот и при этом скудный рацион сильно выматывали многих из студентов, которые по большей части были представителями среднего класса. Помимо прочего над ними постоянно смеялись, подшучивали и оскорбляли большинство других людей, работавших в лагере, которые в основном были крестьянами или рабочими и больше привыкли к тяжелому ручному труду без соответствующей квалификации. Для студентов это был мир, перевернутый с ног на голову, таким образом, в них развивалась не солидарность с другими социальными классами, а ненависть, вражда и обида на них²⁶⁹.

Но для студентов подобные работы не заканчивались трудовой повинностью перед учебой. Как только они поступали в университет, их все более настойчиво призывали работать по несколько недель в год на фабрике или на ферме без оплаты. Эта мера не пользовалась популярностью среди студентов, и совсем небольшая часть из них откликнулась на этот призыв, в 1936 году она составила только 5%. В 1939 году Гиммлер также приказал направить 25 000 студентов на сбор урожая, потому что напряженная международная обстановка в то время не позволяла нанять поляков, которые обычно выполняли эту функцию. Эта мера вызвала повсеместное беспокойство, а в некоторых университетах и открытые протесты. Для решения этой проблемы было привлечено гестапо, и нескольких студентов арестовали. Так или иначе, собирать урожай поехали только 12 000 студентов, остальные нашли способы этого избежать. Другие попытки привнести в университеты дух трудовых лагерей также не увенчались успехом. Нацистские студенческие сообщества хотели организовать вместо индивидуального жилья, которое было у студентов до 1933 года, «товарищеские дома», в которых студенты жили бы совместно. По сути, это было предложением о поглощении, сделанным дуэльным и другим студенческим братствам, чьи помещения должны были использоваться в качестве «товарищеских домов». Братства использовали свое влияние на министерства, в которых многие госслужащие когда-то сами входили в братства, чтобы воспрепятствовать этой инициативе, против этого предложения выступил также Нацистский студенческий союз. И, наконец, в это дело вмешался сам Гитлер, объявив в ноябре 1934 года,

что создание «товарищеских домов» будет потворствовать гомосексуализму²⁷⁰. После отмены братств в 1936 году к этой идее опять вернулись, на этот раз она исходила от Нацистского союза студентов, и к 1939 году существовало уже не менее 232 товарищеских домов, которые стали для студентов более привлекательны, когда в них отменили подъем в 6.15 для выполнения активных физических упражнений. В то же время не было отменено столь же непопулярное требование посвящать по три вечера в неделю занятиям по политическому воспитанию. Многих студентов так или иначе заставляли селиться в «товарищеские дома», и они рассматривали их как общественные организации. После нескольких лет постоянного и интеллектуально плоского политического воспитания в школе и Гитлерюгенде последнее, чего они хотели, попав в университет, — это проходить его снова. Например, те, кто отвечал за «товарищеские дома» в Гамбурге в 1937 году, жаловались на «усталость от всех видов политического воспитания», а один сообразительный студент нацистских убеждений в Марбурге в 1939 году заявил, что разочарован тем, «что в товарищеских домах Национал-социалистического союза немецких студентов обычно продолжает культивироваться лишь образ жизни старых студенческих братств». В Вюрцбурге в 1938 году один нацистский студенческий лидер сделал вывод, что «в университете осталось очень мало по-настоящему политически фанатичных людей. Они либо ожесточены, либо пресыщены»²⁷¹.

III

Национал-социалистический союз студентов не удовлетворился попытками изменить студенческую жизнь организацией обязательных трудовых лагерей, трудовой повинности и «товарищеских домов». Он также старался повлиять и на то, чему в университетах учили. В 1936 году он дал понять, «что мы... вмешаемся туда, где национал-социалистические взгляды на мир не вошли в основу и не стали отправной точкой научных и академических исследований, а преподаватель по своей инициативе не включает эти идеологические основы в свой материал»²⁷².

Нацистские партийные руководители не переставали повторять эту мысль, по-разному подчеркивая ее — резко и открыто, в

выступлениях таких словесных головоломок, как Ганс Франк, или с видимой сдержанностью и мягкостью в обращениях нерешительного Бернгарда Руста. Было ясно, что университеты должны были преследовать те же цели, что и школы, и ставить нацистскую идеологию в основу обучения и исследований. В некоторых университетах появились новые должности и предметы: расовая наука и расовая гигиена, военная история и предыстория, а в период с 1933 по 1945 год в половине немецких университетов стали преподавать немецкий фольклор. Большинство из этих нововведений были результатом инициативы ректоров, а не Министерства образования. В 1939 году институты расовой науки существовали в 12 из 22 немецких университетов (на территории, принадлежавшей Германии в 1937 году). Новые отделы требовали больших финансовых вливаний и привлечения внимания к предметам, которые не были в достаточной степени представлены в немецких университетах на высшем уровне до 1933 года²⁷³.

Во многих университетах эти новые области изучения поддерживались специальными курсами лекций по этим предметам и по политическим идеям национал-социализма, во многих университетах студенты обязательно должны были пройти эти курсы, прежде чем сдавать экзамены. В Гейдельберге ведущий нацистский профессор Эрнст Крик, ставший в 1937 году ректором, читал лекции по национал-социалистическому мировоззрению. Подобные лекции проводились и в других университетах. Однако после первой вспышки энтузиазма большинство специальных курсов лекций по нацистской идеологии были исключены из учебного плана. А к середине 1930-х годов уже менее пяти процентов лекций в немецких университетах были чисто нацистскими по названию и по содержанию. Подавляющее большинство профессоров и лекторов, которые не попали под чистку в 1933 году, продолжали вести свои занятия как обычно, делая лишь небольшие уступки нацистской идеологии, на что постоянно жаловались студенты, придерживающиеся нацистских убеждений. Эти жалобы регулярно озвучивали партийные чиновники на различных мероприятиях, так, недовольное высказывание, сделанное в 1936 году Вальтером Гроссом, главой отдела расовой политики нацистской партии, по поводу «попыток, часто приводящих в смущение, известных ученых играть с наци-

онал-социализмом», было далеко не единственным в своем роде. После 1945 года многие бывшие студенты того периода вспоминали, что их учителя в большинстве своем были профессорами старой школы, лишь внешне принимавшими нацистскую идеологию²⁷⁴. Нацистский союз студентов попытался сам изменить ситуацию и ввести альтернативу существующей учебной программе, создав группы изучения определенных предметов, которыми руководили сами студенты, эти группы должны были обеспечивать глубоко нацистское образование, идущее параллельно с обычными лекциями и занятиями. Но они не стали популярными среди студентов, во многом потому, что они не могли позволить себе пропускать обычные занятия, а значит, должны были бы работать в два раза больше. Эта инициатива вызвала сопротивление со стороны учителей и не была реализована, потому что самим студентам не хватало необходимых знаний в этих областях, и им нужна была помощь преподавателей²⁷⁵. На многих обычных занятиях все еще было возможно относительно свободное обсуждение, а преподаватели могли без больших усилий избежать нацистской идеологии, когда имели дело с чисто техническими предметами, даже на занятиях по философии беседы про Аристотеля и Платона позволяли обсуждать основные вопросы морали и существования, не используя понятий и идеологии национал-социализма²⁷⁶.

Цель нацистов реформировать университеты под свои идеологические цели была реализована не полностью²⁷⁷. В большинстве случаев изменения были небольшими и поверхностными. Изучение докторских диссертаций, написанных в нацистскую эпоху, показало, что только 15% из них были нацистскими по своему языку и используемым подходам²⁷⁸. Профессора, которые традиционно были снобами и сторонниками элиты, открыто презирали «мародеров», которых режим привел в университеты, хотя большинство из этих мародеров были так поглощены управлением университетом, что у них не было времени на то, чтобы продвигать свои идеи среди студентов. С другой стороны, из-за антиинтеллектуализма нацистского движения многие высокопоставленные партийные деятели, стоящие ниже Гитлера, иронично относились ко всем этим идеям и считали их слишком невразумительными, чтобы они имели какое-то значение

для политики. Ни у Альфреда Розенберга, ни у Бернгарда Руста, двух самых высоких руководителей в сфере образования и идеологии, не было достаточной политической сноровки и решимости, чтобы обойти хитрых профессоров, которые оттачивали свое умение плести интриги и притворяться в течение десятилетий внутриуниверситетской борьбы. Консервативные профессора могли приветствовать создание новых подразделений, посвященных главной из навязчивых идей нацистов, потому что она давала возможность избавиться от некоторых не пользующихся популярностью коллег, отправив их в эти подразделения, как это было, например, со сварливым ультраправым историком Мартином Шпаном, которого в 1934 году поставили руководить Институтом пространственной политики в Кёльнском университете. Так одним выстрелом были убиты сразу два зайца — Шпана отправили с кафедры истории, где он был очень непопулярен, туда, где он уже не контактировал с бывшими коллегами, и заодно этим была продемонстрирована преданность университета геополитическим идеям нового режима²⁷⁹.

Однако в целом нацистская идеология была сама по себе слишком ограничена, слишком груба, слишком противоречива, и в конце концов, слишком иррациональна, чтобы оказать серьезное воздействие на обучение и исследования на том сложном уровне, на котором это делалось в университетах. Попытки загнать преподавателей в Национал-социалистический союз преподавателей вузов в декабре 1934 года, что было очень поздно, по сравнению со временем создания подобных организаций в других профессиональных сферах, провалились, во многом из-за того, что у него был очень неумелый руководитель Вальтер «Буби» Шульце, добившийся расположения Гитлера тем, что вправил ему плечо, которое он вывихнул во время неудавшегося путча 1923 года. Своими плохо замаскированными интригами Шульце везде нажил себе врагов. У министерства образования он вызывал раздражение. Профессора считали, что его организация старается оказать на их профессию слишком сильное, неоправданное влияние. Высшая образовательная комиссия нацистской партии, основанная в июле 1934 года — справлялась со своими задачами не лучше, так как ею руководили люди, никак не связанные с ака-

демическим сообществом. Не могло быть о речи о том, чтобы отправлять немецких профессоров на курсы идеологического воспитания или в трудовые лагеря, как их коллег — школьных учителей. Они надежно сидели на своих местах в знакомой им среде и потому имели слабое представление об антиинтеллектуализме нацистов. Изначальный энтузиазм преподавателей-националистов, таких как Мартин Хайдеггер, по отношению к нацистской культурной революции вскоре угас, так как стало ясно, что обновление немецкой науки как самоцель совершенно не интересует новый режим. К 1939 году даже убежденные и решительно настроенные преподаватели-нацисты, такие как Эрнст Крик, спрашивали: «Это профессор изменился? Нет! Его, или по крайней мере его исследования, снова покинул дух 1933 года, даже если во всем остальном он по-прежнему благожелателен»²⁸⁰.

Конечно, такое широкое обобщение нужно уточнить: в некоторых университетах нацизм вторгся в профессорскую среду сильнее, чем в других. Например, Йена, Киль и Кёнигсберг считались сравнительно сильными центрами нацистского обучения и исследований, в то время как университеты в католических районах оказались не так сильно затронуты этим влиянием; Боннский университет на самом деле превратился в нечто вроде свалки для неудобных профессоров, которых в обязательном порядке переводили сюда из других вузов, а среди студентов здесь преобладали католические и консервативные объединения, до того как в середине 1930-х годов нацисты их распустили. В Бонне фанатичные нацисты занимали меньшую часть должностей — около 5%, 10% занимали преданные сторонники партии, а остальное те, кто либо симпатизировал партии на поверхностном уровне, либо относился к ней с безразличием, либо преподавателями, враждебно относящимися к режиму; то, что почти четверть профессоров в Бонне выступали против нацизма, было необычно, а вот в том, что при назначении на факультетские должности преобладали научные критерии, даже после 1933 года ничего необычного не было, это также касалось и других немецких университетов²⁸¹. Изучив этот вопрос в 1938 году, служба безопасности СС пришла к весьма мрачным выводам. «Почти во всех университетах, — говорили они, — есть жалобы

на пассивное отношение преподавателей, которые отвергают любую политическую или идеологическую работу, разбивающую узкие рамки их специализации»²⁸².

IV

Сложности, которые возникли перед нацистами при их попытках превратить традиционные теоретические предметы в выражение их политической идеологии, наиболее четко прослеживаются в области физики. Предпринимались старательные попытки идеологизировать эту дисциплину, руководил ими физик Филипп Ленард, корифей немецкой науки, ушедший со своей кафедры в Гейдельберге в 1931 году. Он родился в 1862 году в семье виноторговца, учился вместе с Генрихом Герцем, первооткрывателем радиоволн, и удостоился Нобелевской премии за свои новаторские эксперименты с катодовыми лучами в 1905 году. Несмотря на свою Нобелевскую премию, Леонард был полон злобы и негодования на то, что его обошел его собственный ученик Вильгельм Рентген, открывший рентгеновские лучи, и обвинял британского физика Дж. Дж. Томсона, определившего природу катодовых лучей, в том, что он украл его работу по этой теме. Харизматичный и популярный лектор, получивший благодаря своим работам широкую известность в Германии, Ленард подчеркивал важность тщательного и точного эксперимента, а на теорию у него не было времени. Его ненависть к Томсону переросла в общую неприязнь к британцам, а немецкий национализм, который зародился в нем там, где он родился, в Братиславе, в многонациональной Габсбургской монархии, в 1914 году перерос в шовинизм, а в конце Первой мировой войны — в антисемитизм. Все это заставило его действовать с нескрываемой яростью, когда в мае 1919 года была эмпирически подтверждена общая теория относительности, принесящая Альберту Эйнштейну мировую славу²⁸³.

Пацифист, еврей, теоретик и сторонник Веймарской республики, Эйнштейн олицетворял все, что Ленард больше всего ненавидел. Более того, ученые, подтвердившие его теорию, были британцами. Во время последующих дебатов о теории относительности он встал во главе всех ученых, отвергающих теорию Эйнштейна как «еврейское мошенничество» и пытающихся на-

строить против нее ученых-физиков. Он попал в руки к нацистам, когда его отказ присоединиться к официальному трауру по убитому министру иностранных дел Ратенау, к убийству которого он сам незадолго до этого призвал, спровоцировал демонстрации профсоюзов против него в 1922 году, во время которых его пришлось взять под охрану полиции. Университет запретил ему возвращаться к работе, но потом Ленарда восстановили под давлением студентов правых взглядов, в чьей среде он теперь вращался. В 1924 году он открыто одобрил «пивной путч», устроенный Гитлером в прошлом году, и хотя формально он не вступал в нацистскую партию до 1937 года, фактически он уже являлся последователем режима и активно участвовал в работе таких групп, как Союз борьбы за немецкую культуру Розенберга. Он встретил приход Третьего рейха с неукротимым энтузиазмом, радовался, когда из университетов прогнали профессоревреев, и опубликовал в 1936–1937 годах четырехтомный учебник «Немецкая физика», который, как он, судя по всему, надеялся, должен был положить основание новой, основывающейся на расах «арийской физике», которая устранила бы из немецкой физики еврейское учение об относительности²⁸⁴.

Однако возглавить борьбу за арийскую физику Ленарду не дал его уже сравнительно немолодой возраст. Эта роль выпала его другу и близкому коллеге Йоханнесу Штарку, другому одаренному, но весьма склочному экспериментатору, в число открытий которого вошло расщепление спектральных линий в электрическом поле, это явление получило название «эффект Штарка». Как и Ленард, он был немецким националистом и оппонировал Эйнштейну в 1914–1918 годах, не в последнюю очередь из-за его пацифизма и интернационализма. Его растущая враждебность по отношению к современной физике и, в особенности, к тому превосходству теоретической физики, к которому привели открытия Эйнштейна, мешала его карьерному росту в 1920-х годах; он не мог найти работу и винил в своих неприятностях Веймарскую республику, поэтому он установил тесные связи с ведущими нацистскими идеологами, такими как Ганс Шемм и Альфред Розенберг. В результате 1 мая 1933 года министр внутренних дел Вильгельм Фрик назначил Штарка президентом Имперского института физики и техники, а год

спустя он получил должность президента Общества поддержки немецкой науки (позднее — Немецкого исследовательского сообщества), где он отвечал за распределение больших денежных средств, выделяемых государством на исследования. Используя свою власть, Штарк начал последовательную кампанию, направленную на то, чтобы назначить на академические должности сторонников арийской физики и реорганизовать финансирование и управление исследованиями в этой области так, чтобы сократить поддержку ученых, разрабатывающих новые идеи, такие как относительность и квантовая механика²⁸⁵.

Но Штарку слишком хорошо удавалось наживать на свою голову врагов. К тому времени он уже успел вызвать враждебное отношение к себе высокопоставленных госслужащих в Министерстве образования, СС (чьи собственные расовые и генеалогические исследования он резко отвергал, считая их ненаучными) и партийного гаулейтера Баварии Адольфа Вагнера. Внутри «Немецких физиков» тоже существовало разделение, Ленард был поборником чистого исследования, а Штарк ратовал за применение физики в технике. Но, по сути, если из арийской физики убрать политическую полемику и обличение еврейской расы, то от нее не будет никакого толка с ее путанными и противоречивыми идеями. Квантовая механика и относительность были слишком полезны, чтобы их игнорировать, и другие физики спорили с Ленардом и Штарком, говоря, что эти теории воплощают ключевые нордические понятия и ведут к отторжению еврейского материализма. Таким образом, большинство физиков не приняло идей Ленарда и Штарка, и арийская физика развивалась очень медленно. К 1939 году их сторонники работали только на шести из восьмидесяти одной кафедры физики в Германии, и то это были их собственные студенты. Но некоторое влияние они все-таки оказывали. К их успехам можно отнести кампанию, которую они развернули против Вернера Гейзенберга, получившего Нобелевскую премию за свои открытия в квантовой механике. Рожденный в 1901 году, Гейзенберг учился вместе с такими светилами современной физики, как Нильс Бор и Макс Борн, а в 1927 году он стал профессором теоретической физики в Лейпцигском университете. Консервативный националист, хоть и политически пассивный, Гейзенберг, как и многие его коллеги, ясно чувствовал,

что ущерб, который нанесло немецкой науке увольнение исследователей-евреев, можно компенсировать только если в Германии останутся такие ученые, как он²⁸⁶.

Но арийские физики считали иначе. Они начали решительную кампанию против его назначения на престижную кафедру теоретической физики в Мюнхене в 1937 году. Открытые обвинения Штарком Гейзенберга в нацистской прессе как последователя ненавистного Эйнштейна были весьма спорными, на самом деле Эйнштейн отвергал квантовую механику. Однако эти нападки определенно представляли собой угрозу для общепринятой физики. Гейзенберг составил письменный протест, который подписали семьдесят пять ведущих физиков, это была практически беспрецедентная общественная реакция в условиях Третьего рейха. Физики выступали в защиту принципа, что в экспериментах нельзя достичь никакого прогресса без теоретического объяснения законов природы. Действия арийских физиков, заявили они, вредят науке и отталкивают от нее студентов. В Германии было уже слишком мало молодых физиков. После этого открытые атаки прекратились, но арийские физики тайно заручились поддержкой службы безопасности СС под руководством Рейнгарда Гейдриха и Мюнхенского отделения Национал-социалистического союза немецких преподавателей университетов, чтобы помешать назначению Гейзенберга. Чтобы этому противостоять, Гейзенберг воспользовался тем, что его семья была знакома с семьей Генриха Гиммлера, отец которого был школьным учителем в Мюнхене в то же время, что и его отец. Он попросил свою мать встретиться с матерью Гиммлера, и в результате руководитель СС в 1938 году восстановил его доброе имя. Но в конечном счете победили все-таки Штарк и его сторонники. Должность в Мюнхенском университете все-таки была занята не Гейзенбергом, а Вильгельмом Мюллером, который был даже не физиком, а специалистом по аэродинамике, чьей главной рекомендацией была публикация небольшой книжки под названием «Евреи и наука» в 1936 году, в которой он критиковал относительность как еврейское мошенничество. После этого в Мюнхенском университете вообще прекратилось изучение теоретической физики, такой результат был вполне характерен для арийских физиков, у которых это было величайшим достижением²⁸⁷.

Физика была единственной традиционной научной дисциплиной, которую так потрясли попытки некоторых самых выдающихся научных деятелей превратить ее в чисто нацистскую форму знания, исключение составляла разве что биология. Была предпринята довольно незначительная попытка создать «немецкую математику», где основное место занимала не алгебра, а геометрия, потому что она была более тесно связана с идеальными человеческими формами, о которых говорит нацистское расовое учение, но никакого развития она не получила, потому что большинство математиков не обратило на нее внимания, посчитав ее невразумительной и бесполезной²⁸⁸. Подобным образом попытка создать «немецкую химию», которая, как и другие подобные дисциплины, появилась по инициативе самих ученых, а не режима или нацистских руководителей, была слишком размыта и расплывчата, чтобы принести какой-то реальный результат. Имея не такую сильную антисемитскую направленность, как арийская физика, она критиковала «западный» рационализм и основывала свои теории на восстановлении органических представлений о природе, которых придерживались немецкие романтики; но результаты здесь были еще менее впечатляющими, не в последнюю очередь потому, что арийские химики не могли похвастаться кем-то, равным по уровню Ленарду или Штарку, в своих рядах²⁸⁹. Все эти попытки идеологизировать науку объединяло очень характерное для национал-социализма подозрительное отношение к абстракции и формализму, которые так же ярко проявились в официальном осуждении «дегенеративного искусства». Но «дегенеративную науку», очевидно, было еще сложнее четко определить и связать с либеральными и левыми тенденциями в культурной политике²⁹⁰. В конечном итоге наука не перестала существовать, но понесла потери. При Третьем рейхе, с 1933 по 1939 год, в немецких университетах наблюдалось резкое падение качества обучения и исследований. Причина этого состояла не только в том, что многие выдающиеся еврейские ученые вынуждены были эмигрировать, но еще в том, что немецкие ученые постепенно лишились возможности посещать научные конференции, общаться с профессорами из других стран, обмениваться результатами исследований и других способов поддерживать контакт с международным научным сообществом, что

всегда играло весьма значительную роль в том, чтобы двигать вперед новые разработки. После 1933 года резко сократилось количество ученых из стран с высоким уровнем науки и исследований, приезжающих в Германию. Уже в 1936 году Гейзенберг жаловался своему датскому коллеге Нильсу Бору на то, что становится все более изолирован. Иностранные ученые и организации стали меньше контактировать с немецкими коллегами в знак протеста против увольнения ученых-евреев, путешествия за границу были резко ограничены или стали служить политическим целям, подписка библиотек на иностранные журналы отменялась, если в них, как, например, в британском издании *Nature*, содержался хоть маленький намек на критику Третьего рейха²⁹¹.

Но, несмотря на эти нововведения, научные разработки в нацистской Германии не угасли и не прекратились. Хотя уровень университетов и падал, но университеты никогда не были единственными учреждениями, проводившими научные исследования. Начиная с девятнадцатого века большие современные компании, специализирующиеся на электрической, машиностроительной и химической промышленности, сильно зависели от своих собственных отделов по исследованиям и разработкам, где работали высококвалифицированные и высокооплачиваемые ученые. Стараясь удержать лидирующие позиции на мировом рынке, они надеялись именно на эти технологические инновации. Но, наверно, еще большее значение имело то, что государство само активно вкладывалось в научно-исследовательские институты не только внутри университетов, но и, что еще более важно, за их пределами, посредством разнообразных организаций, в первую очередь Немецкого исследовательского сообщества и Общества кайзера Вильгельма. Неудивительно, что Третий рейх направлял очень большие средства на развитие военных и околвоенных технологий — от разработки нового оружия до синтетического горючего. Медицина и биология получали большое финансирование на разработки в таких областях, как улучшение урожайности, химические удобрения и синтетические волокна. По мере того как стала назреть острая необходимость в перевооружении и подготовке к войне, те части научного сообщества, которые могли этому поспособствовать,

стали получать все больше средств. Именно благодаря такой политике Гейзенберг и его коллеги смогли не только отстоять свое убеждение, что теоретическая физика необходима для разработки сложных военных технологий, но и добиться того, что в 1936 году Йоханнес Штарк был удален из руководства Немецким исследовательским сообществом, потому что его закостенелая враждебность к теоретической физике препятствовала финансированию исследований, необходимых для войны²⁹².

Государство значительно увеличило финансирование немецкого исследовательского сообщества и Общества кайзера Вильгельма, поставив условие, что гранты будут выданы в том случае, если претенденты продемонстрируют то, что их работа имеет отношение к подготовке Германии к войне. Другие правительства в других государствах и в другие времена, конечно, тоже поддерживали исследования, которые считали полезными для государства, и надо сказать, такая тенденция редко радовала представителей гуманитарных наук. Но делали они это с большим размахом, интенсивностью и целеустремленностью, чем что-либо другое. Научное сообщество в Германии было необычайно сильно, учитывая общее население страны, в 1933 году оно, наверно, было самым сильным в мире. При Третьем рейхе, в особенности в финансируемых государством исследовательских институтах и отделах по исследованиям и разработкам в компаниях, оно продолжало создавать научные и технические инновации. Сюда относится открытие ядерного деления Отто Ганом и Лизой Мейтнер в 1938 году, создание важных лекарственных средств, таких как метадон и димедрол, нервно-паралитического газа зарина, технологические разработки, такие как реактивный двигатель, электронные микроскопы и электронный компьютер, и крупные изобретения, такие как экструзия холодной стали, инфракрасная аэрофотосъемка, выключатель электропитания, магнитофон, рентгеновская трубка, цветная фотография, дизельный двигатель и межконтинентальные баллистические ракеты. Было даже сделано заявление, что первый телевизионный сигнал, достаточно сильный, чтобы выйти за пределы Земли, передавал речь Гитлера на открытии Олимпийских игр 1936 года. Таким образом, режим, который отдавал приоритет военной подготовке в школах и университетах в ущерб другим дисциплинам, также

широко поддерживал все самые современные, самые продвинутые научные и технические исследования, если была видна пусть даже малейшая возможность использовать их на войне, которую режим в ближайшем будущем собирался развязать в Европе²⁹³.

V

Традиционный подход к теоретическим предметам в немецких университетах сохранился во многом благодаря тому, что они были слишком сложны и запутанны, чтобы их можно было приспособить к грубым категориям нацистской идеологии²⁹⁴. Например, что касается истории, в первые годы режима признанные профессора упорно сопротивлялись попыткам нацистов ввести новый, расовый подход к прошлому, подход «крови и почвы». Идеологи, такие как Альфред Розенберг, требовали, чтобы в университетах и школах история стала формой политической пропаганды и идеологического воспитания и чтобы были забыты традиционные идеи объективности, основанной на научном исследовании. Немецкие историки с середины девятнадцатого века привыкли стараться видеть прошлое как оно есть и считать государство главной движущей силой в истории. Теперь им говорили, что Карл Великий был немцем, хотя многие историки считали, что немцев тогда вообще еще не существовало, или ученых просили засвидетельствовать, что раса является основой исторических изменений и развития. Некоторые с готовностью стали развивать идею о том, что Карл Великий был немцем. А что касается специалиста по восточной Европе Алберта Бракмана, он даже предпринял попытку свести к минимуму влияние на Карла Великого христианской веры. Но традиционалисты, такие как Герман Онкен, настаивали на том, что история — это в первую очередь поиск правды, независимо от идеологического подтекста. Другой историк, Йоханнес Галлер, публично поддержавший нацистов на выборах в июле 1932 года и в ноябре 1934 года, заявил, что историки, принимающие «мифологический взгляд на прошлое», совершают хакари: «Так как, — заявил он, — там, где говорит миф, истории уже нечего сказать». Поэтому многие историки в университетах противи-

лись попыткам режима устроить революцию в их предмете, основав новые организации, такие как Имперский институт истории новой Германии, руководил которым Вальтер Франк. Новое учреждение не добилося успеха. В целом им не удалось провести никаких новых исследований, не считая тех, которые проводил отдел, занимающийся еврейским вопросом, руководил которым Карл Александр фон Мюллер, чье сотрудничество с Гитлером началось еще в конце Первой мировой войны в Мюнхене²⁹⁵.

В 1935 году Мюллер стал редактором главного издания по исторической тематике — «Хисторише цайтшрифт» («Исторический журнал», *Historische Zeitschrift*), сместив с этой должности Фридриха Мейнеке. Но кроме нескольких небольших статей и докладов по «еврейскому вопросу», истории немцев за границей и одной или двум другим темам, журнал, как и раньше, продолжал публиковать специализированные статьи по теоретическим вопросам, основанные на подробном изучении архивов²⁹⁶. В исторических организациях и исследовательских институтах был введен лидерский принцип, но на самом деле это мало что изменило; в этой профессии уже существовала строгая иерархия, огромная власть была сосредоточена в руках старших профессоров. Национальная организация историков сначала включила в свой исполнительный комитет нескольких выдающихся нацистов, а затем, в 1936 году, она сама оказалась под контролем Министерства образования. В результате делегатов от Германии на международные исторические конференции стали отбирать по политическим соображениям, а на ежегодном конгрессе организации стали преобладать нацистские историки из имперского института Вальтера Франка. Это привело в основном к тому, что университетские историки уже просто не видели смысла в том, чтобы посещать его, апатия большинства из них достигла такого уровня, что конгресс 1937 года оказался последним²⁹⁷. Как в следующем году отмечала служба безопасности СС, историки чаще всего довольствовались тем, что «составляли научные энциклопедии и вносили свой вклад в освещение отдельных исторических эпох. Не наблюдалось никаких особых признаков того, что нацистские идеи и методы как-то развивались»²⁹⁸. По-видимому, профессия историка осталась в стороне от влияния нацистского режима, и ей удалось сохранить наследие великих немецких ис-

ториков прошлого от атак современного антиинтеллектуализма.

Но когда историки, в особенности старшего поколения, говорили, что история — это не политический предмет, они имели в виду то же, что и многие консерваторы при Веймарской республике, что ее не следует привязывать к политике нацистов, а не то, что она лишена политического содержания. С их точки зрения, патриотизм не политичен, вера в историческую правильность и неизбежность объединения Германии Бисмарком в 1871 году была не политична, утверждение, что Германия не виновата в развязывании войны в 1914 году, не политично. Научный, объективный подход к прошлому чудесным образом совпадал с националистскими предрассудками и предубеждениями образованной немецкой буржуазии того времени. Например, для всех было аксиомой, что миграция германцев на восток в Средние века принесла цивилизацию славянам. Таким образом, получалось, что право немцев завоевать славянские нации, такие как Польша и Чехословакия, было обосновано историческими фактами, исторической миссией Германии по развитию цивилизации в этой части Европы. Никто даже не задумывался, что они, возможно, читают историю задом наперед²⁹⁹. Таким образом, хотя ни один из докторов истории не был членом нацистской партии до 1933 года, практически никто из них не оставил свою должность из политических соображений, когда нацисты стали контролировать университеты, потому что практически никто не видел в этом необходимости³⁰⁰.

Не все историки поддерживали традиционную концепцию объективности Леопольда фон Ранке, в особенности молодое поколение. Один из них, Ганс Ролфелс, открыто отверг «предвзятое заблуждение об объективности без определенной точки зрения», как он его назвал, и поддержал сознательное «соединение науки с жизнью»³⁰¹. Но даже молодые ученые, отвергавшие понятие объективности, все равно настаивали на том, что необходимо сохранить научные стандарты исследования и не допустить открытого превращения истории в пропаганду. Таким образом, бескомпромиссные идеологи, такие как Розенберг и Гиммлер, встретили резкое сопротивление, когда попытались навязать историкам расовую интерпретацию истории, «кровь и почву», языческие антихристианские взгляды и другие подобные идеи. Сам Гитлер вмес-

то этого предпочитал восхвалять немецкую военную отвагу и великих национальных героев прошлых лет. Такая точка зрения была гораздо более близка профессорам. Несмотря на то что были некоторые молодые ученые, проводившие популистские исследования истории простых людей, служащие нацистской или квазинацистской идеологии, ключевую роль в Германии, как и во многих других европейских странах, тогда играла все же дипломатическая и военная история, и основным занятием историка тогда часто считалось написание биографий великих людей³⁰².

В этом отношении довольно типичным примером историка того времени был фрейбургский профессор Герхард Риттер, ставший в 1930-е годы одним из самых выдающихся представителей профессии. Он родился в 1888 году в образованной семье представителей среднего класса, в его жизни оставило неизгладимый след участие в битве на Сомме в 1916 году. В этих обстоятельствах к его патриотизму добавилась большая доза здравого реализма, и хотя он постоянно призывал к пересмотру Версальского договора и отрицал вину Германии в развязывании войны в 1914 году, он также постоянно предостерегал от безответственного разжигания войны и пустого патриотического разглагольствования. Может показаться странным, но Риттер никогда не был связан с антисемитизмом и не доверял популизму нацистов, полагая, что политикой должна заниматься элита, а не безответственные и необразованные массы. После того как Гитлер пришел к власти, позиция Риттера была непостоянна, он то отчасти поддерживал власть, то частично сопротивлялся ей. Воинственный и храбрый, он не мешкая встал на сторону своих еврейских учеников и коллег, которых режим преследовал или прогонял из учебных заведений. С другой стороны, во многих вопросах он решительно поддержал внутреннюю и внешнюю политику Гитлера, в то же время постоянно надеясь, что реформы пойдут менее радикальным путем. Как он писал в 1936 году в биографии Фридриха Великого, немцы хорошо научились «жертвовать политической свободой» ради «привилегии принадлежать ведущему национальному государству». В частных беседах он критически отзывался о многих аспектах нацистского режима, но его книги и статьи в широком плане выполняли свою образовательную функцию, подчеркивая обычные для историка темы немец-

кой государственности и жизни великих немцев, даже если нацистское руководство не вполне разделяло некоторые точки зрения, которые в них принимались³⁰³.

Подобным образом и в других дисциплинах было не так сложно соответствовать основным требованиям режима, сохранив при этом по крайней мере некоторую научную автономию. Например, в Гейдельбергском университете факультет общественных и экономических наук сосредоточил свои исследования на демографии, сельскохозяйственной экономике и области с расплывчатым названием «пространственные исследования», где на самом деле накапливались знания, касающиеся планируемого расширения рейха для обеспечения «жизненного пространства». Социологи закладывали свои убеждения в тщательную эмпирическую работу и с равнодушием относились к неистовым нацистским идеологам, которые хотели использовать свой собственный фанатизм для карьерного роста. В других университетах можно было наблюдать то же самое³⁰⁴. В обучении и исследованиях, касающихся немецкого языка и литературы, профессора и преподаватели в нацистский период в основном обращали внимание на историю языка и литературы как область, в которой можно проследить сквозь эпохи проявления немецкого духа и немецкую расовую самобытность. Эту традицию они противопоставляли той угрозе, которую представляло зарубежное влияние — романская литература и американская популярная культура. Казалось, это абсолютно нацистская точка зрения, но большинство ученых не придерживались ее даже еще до начала Первой мировой войны³⁰⁵.

Теологические факультеты, которые организационно делились на протестантские и католические, были в более тяжелом положении. Протестантские факультеты теологии стали местом жарких споров между сторонниками «Немецких христиан» и Исповедальной церкви. Например, в Боннском университете, где балом правил Карл Барт, главный теолог Исповедальной церкви, в апреле 1933 года был избран новый декан, представитель «Немецкого христианства» Эмиль Пфеннингсдорф. За три последующих года он уволил или перевел в другие места десять из четырнадцати сотрудников факультета и назначил на их место своих сторонников, в результате факультет скоро остался без

студентов. Враждебное отношение нацистов к католической церкви выразилось в том, что государственные власти не позволили нанять людей на должности факультета Католической филологии в Бонне, которые освободились после увольнений. В 1939 году восемь из двенадцати должностей факультета пустовали; только насильственный перевод двух профессоров теологического факультета в Мюнхене, который нацисты также закрыли, позволил продолжать обучение на факультете. Подобные беспорядки происходили и в других университетах³⁰⁶.

Невероятно ярко эта ситуация контрастировала с тем, что происходило на факультетах, ставших при нацизме самыми важными, — медицинских. Преподаватели медицины к 1935 году составляли примерно треть всех университетских преподавателей, а абсолютное превосходство медицины над другими дисциплинами в университетах отразилось в том, что с 1933 по 1945 год 59% ректоров университетов были представителями медицинских профессий. Большой интерес режима к преподаванию медицины стал заметен уже в 1933 году, когда Гитлер назначил Фрица Ленца на кафедру расовой гигиены в Берлине, первую в Германии; впоследствии возникли подобные кафедры и в других университетах, а если этого не происходило, то устраивались регулярные курсы лекций по этому предмету. К сожалению, не только сам предмет не был достаточно разработан в интеллектуальном плане, но еще и те, кто принимался его преподавать, часто отличались идеологическим фанатизмом, а не научной компетенцией. Знающие студенты смеялись над такими учителями за их спиной, но даже они часто не могли пройти самые простые тесты по этому предмету, например, относя к арийцам евреев с нордической внешностью. Абсурдность таких тестов не мешала профессорам тратить много времени и энергии на расовые исследования. Например, в Гиссенском университете Институт наследственного здоровья и сохранения расы, который в 1933 году частично спонсировала нацистская партия, в 1938 году стал полноценным факультетом, где деканом был «старый боец» Генрих Вильгельм Кранц, который, когда еще изучал медицину в университете, принял участие в хладнокровном расстреле пятнадцати рабочих подразделением Добровольческого корпуса в Тюрингии в начале Капповского путча в 1920 году. На самом деле Кранц был офтальмологом и не

имел никакого научного опыта в физической антропологии, но это не помешало ему использовать свои партийные связи, чтобы начать создавать свою империю в сфере расовых исследований³⁰⁷.

Если квалификация учителей там часто была весьма низкой, а содержание того, чему они учили, — сомнительно с научной точки зрения, по крайней мере расовую гигиену в принципе принимали на большинстве медицинских факультетов в 1930-х годах. Но нацисты хотели навязать университетам не только это. Главой Нацистского союза врачей еще со времени до 1933 года, а с 1936 года руководителем Имперской палаты врачей был Герхард Вагнер, близкий товарищ Рудольфа Гесса и сторонник нетрадиционной медицины³⁰⁸. Вагнер поддерживал целостный подход, основывающийся на использовании трав и других природных средств, известный как «немецкое целительство». Он не скрывал своего презрения к механистическому, научному принципу общепринятой университетской медицины и выступал против зависимости от синтетической фармакологии. В июне 1934 года Вагнер основал в Дрездене клинику, задачей которой было распространение натуропатических идей «нового немецкого целительства». После этого он организовал ряд специальных обучающих курсов. Расовая гигиена была неотъемлемой частью обучения в новой академии для государственных организаторов здравоохранения, которую Вагнер основал в Мюнхене в 1933 году. Вскоре «народное здоровье» стало изучаться и в университетских медицинских школах. Вагнер содействовал этому постоянными и часто успешными попытками повлиять на Министерство образования, чтобы оно назначило нужных ему людей для преподавания медицины в университетах, где освободились места, после того как в 1933–1934 годах были уволены занимавшие их евреи. Например, в университете в Бонне начиная с 1933 года освободилось двенадцать из семнадцати должностей; десять из четырнадцати профессоров, вступивших в должность до 1945 года, были активными нацистами и образовывали доминирующую группу внутри факультета. Часто те, кого назначили на эти должности, были ниже уровнем, чем их предшественники, и как исследователи и как практикующие врачи. Но даже при этом до 1938 года существовала такая острая нехватка квалифицированных кадров на медицинские должности, что Министерство образования стало просить тех, кто уxo-

дил в отставку, не покидать свои места. Например, в Берлине 67-летнего Вальтера Штокеля, выдающегося гинеколога, оставили в его должности, потому что нельзя было найти ему замену. Дело в том, что у компетентных терапевтов и хирургов зарплата была больше и было больше свободы для проведения исследований, чем у работников промышленности и вооруженных сил. Количество студентов, изучающих такие дисциплины, как расовая гигиена, было уже так велико, что для преподавания даже привлекали специалистов в других областях³⁰⁹.

Таким образом, Третий рейх оказывал действительно пагубное влияние на всю систему образования. «Наука никому больше не нужна», — отметил Виктор Клемперер в своем дневнике в октябре 1933 года, когда в его университете по два раза в неделю стали отменять лекции, чтобы освободить время для военных тренировок³¹⁰. При режиме, построенном на презрении к интеллекту, вряд ли этому стоило удивляться. Нацисты считали систему образования в первую очередь средством привить молодежи их собственный взгляд на мир и, прежде всего, подготовить их к войне. Все, что стояло у них на пути, включая традиционные образовательные ценности, такие как свобода исследований, критический ум или идеал чистого исследования, замалчивалось или отбрасывалось. По мере того как приготовления к войне стали все активнее, потребность в вооруженных силах и врачах стала более актуальна; и в 1939 году курс университетского обучения для студентов-медиков сократили. Качество обучения уже упало из-за сокращения времени на обычное медицинское обучение, чтобы освободить время для новых предметов, таких как расовая гигиена, не говоря о многочисленных обязанностях студентов перед партией, от трудовых лагерей до участия в мероприятиях штурмовиков. Уже в 1935 году хирург Фердинанд Зауэрбрух жаловался на низкий уровень знаний у нового набора студентов, многих из которых, как он заявил, взяли потому, что они или их родители были членами партии. Были даже доказательства того, что проходной балл специально понизили, чтобы они могли поступить. Если последним условием для допуска к медицинской практике могла служить диссертация по расовой гигиене, то было неудивительно, почему традиционалисты, такие как Зауэрбрух, были обеспокоены будущим профессии врача в Германии³¹¹.

Но тем не менее в медицине, как и в других областях, профессора обычно проводили обучение и исследования так же, как они делали это раньше. При всех этих нападках на академическую медицину Вагнер понимал, что для реализации многих евгенических идей нацистов врачи были необходимы. Он не обратил внимания на идею, продвигаемую некоторыми сторонниками «нового немецкого целительства», о необходимости отмены медицинских факультетов. Кроме того, успешные медицинские исследования в Германии были широко признаны во всем мире, и существовали сильные националистские доводы в пользу того, чтобы продолжить эту гордую традицию. Серьезные медицинские исследования в разнообразных областях явно были необходимы для защиты немецких войск от инфекционных заболеваний и для улучшения здоровья немецкой нации в целом. Итак, медицинские исследования при Третьем рейхе все же продолжались. В 1939 году патологоанатом Герхард Домагк даже получил Нобелевскую премию за разработку лекарственных сульфамидных препаратов для борьбы с бактериальными инфекциями (режим не разрешил ее принять). Чтобы обеспечить здоровье и плодovitость расово приемлемой части населения, нацисты активно поддерживали профилактическую медицину и исследования главных опасных для здоровья факторов. Связь между курением и раком легких впервые установил именно нацистский эпидемиолог, после чего в июне 1939 года было основано государственное ведомство по борьбе с употреблением табака. Партийные и государственные органы устанавливали многочисленные запреты на канцерогенные вещества, такие как асбест или опасные пестициды и пищевые красители. Уже в 1938 году люфтваффе запретило курение в своих зданиях, затем в 1939 году курить запретили на почте и в партийных организациях. О вреде курения предостерегали книги, брошюры и плакаты, в которых также отмечалось, что Гитлер сам никогда не брал в рот трубки, сигары или сигареты. Алкоголя он также не употреблял, и нацисты так же активно боролись с чрезмерным потреблением пива, вина и крепких напитков. То, что производители табака, пивовары и виноторговцы чаще всего принадлежали нацистской партии и оказывали ей существенную финансовую поддержку, не сыграло большой роли, улучшить здоровье арийской расы было важнее³¹².

Такая политика помогла закрыть глаза медицинских исследователей на негативные стороны нацистской политики здравоохранения. Улучшение расы включало в себя не только подобные исследования и предохранительные меры, но также, как мы увидим далее, устранение того, что могло негативно повлиять на расу и ее будущее через принудительную стерилизацию, и, возможно, убийство, скрывающиеся под безобидным словосочетанием «профилактическая медицина»³¹³. Вторжение расовой гигиены и евгеники в медицинское образование при Третьем рейхе повлияло и на медицинскую этику, медицинские исследователи в других областях тоже поддались идее о том, что расово неполноценных недочеловеков можно с чистой совестью использовать как объекты медицинских экспериментов³¹⁴. Огромное значение и престиж медицины и относящихся к ней областей в Третьем рейхе заставляли некоторых исследователей считать, что все оправдано во имя научного прогресса, но только если его достижения можно напрямую связать с благом для нации в битве за ее могущество, даже если это абстрактное чистое исследование. Презрение режима к общепринятой морали укрепляло их в этом убеждении. Глубоко укоренившаяся христианская вера, на которой основывалась медицинская этика и которой придерживались миллионы немцев, казалась нацистам еще одним препятствием для мобилизации арийского расового духа. Не было никаких четких доказательств того, что нацистам удалось реализовать свои амбиции и лишить огромные массы немецкого народа их понятий о морали и культурной самобытности и заменить их необоснованным энтузиазмом к их собственному мировоззрению. Все же верность политической системе, даже такой радикальной, как Третий рейх, никогда не определяется только идеологической принадлежностью. По крайней мере в традиционной политике столь же важны материальные факторы. Нацисты пришли к власти в самый разгар самой пагубной экономической депрессии современности и отчасти благодаря ей. Если они могли вытащить Германию из болота массовой безработицы и экономического упадка, в которое она попала в конце 1920-х годов, этого одного было достаточно, чтобы убедить людей принять Третий рейх, даже если они оставались безразличны к его целям в религии, культуре и образовании.

ГЛАВА 4

БОГАТСТВО И ГРАБЕЖ

«Битва за работу»

I

27 июня гитлеровское правительство издало закон, санкционирующий строительство нового типа дорог — автобанов (Autobahn). Дороги с двусторонним движением должны были связать основные города друг с другом, устроив таким образом сеть коммуникаций, которая позволит перевозить людей и грузы напрямую и с невиданной до этого скоростью. Изначально идея зародилась в Италии, где первый прототип был построен уже в 1924 году. К этому времени частными предприятиями уже была предложена схема соединения Гамбурга, Франкфурта и Базеля, и с 1926 года она довольно подробно разрабатывалась, но в условиях депрессии этот проект не был осуществлен. Когда Гитлера назначили рейхсканцлером, то он почти сразу снова принялся за этот проект. Выступая на Берлинской международной автомобильной выставке 11 февраля 1933 года, Гитлер объявил, что состояние государственных дорог в скором времени станет главным критерием, по которому будет измеряться благосостояние нации. Страстный любитель автомобилей, он проехал на машине по всей стране во время избирательных кампаний прошлых лет и считал, что поездка на машине, за рулем, или хотя бы на пассажирском сиденье гораздо красивее полета на самолете или путешествия в поезде. Поэтому новые дороги должны были проходить по живописным местам, и на них должны были быть придорожные стоянки, где путешественники могли выйти из маши-

ны, вытянуть ноги и насладиться немецким сельским пейзажем. Для Фрица Тодта, человека, которого Гитлер назначил 30 июня 1933 года контролировать строительство автострад, они даже выполняли расовую функцию, привязывая немецкую душу автомобилиста к лесам, горам и полям его родной земли и выражая восторг нордической расы от приключений, скорости и острых ощущений, которые позволяли испытать современные технологии¹.

Именно благодаря Тодту Гитлер согласился с этой идеей. По образованию и происхождению он был инженер-строитель, работал над строительством гидронированных и асфальтовых дорог для мюнхенской фирмы «Загер и Вёрнер» и был членом нацистской партии с начала 1923 года. Он родился в швабском городе Пфорцхейме в 1891 году, получил техническое образование и во время Первой мировой войны служил в авиации. Приверженцем партии его делало в первую очередь восхищение Гитлером как человеком. После поражения Мюнхенского путча Тодт избегал активного участия в политике и вместо этого сосредоточился на своей карьере, но к 1933 году он стал членом резерва СА и руководителем инженерного отдела партийного Боевого союза немецких инженеров и архитекторов, основанного в предшествующем году. Как и другие члены партии, имеющие профессиональную квалификацию, он считал ее решительным, энергичным, современным движением, которое покончит с оставшимся от Веймарской республики хаосом и приведет Германию к новому будущему, основанному на централизованном применении науки и технологии в обществе, культуре и экономике в интересах немецкой расы. В партии он старался противостоять враждебному отношению экономических мыслителей, таких как Готфрид Федер, к механизации и рационализации, которые они считали разрушительными процессами, предлагая новые амбициозные строительные проекты, такие как автострады, по которым он предоставил отчет руководству партии в декабре 1932 года. К этому времени у него появилась хорошая возможность реализовать свои идеи, когда его назначили главным технологическим консультантом кабинета заместителя Гитлера, Рудольфа Гесса. Когда Гитлер объявил о начале программы строительства автострад, то он предложил реализовать именно идеи Тодта².

23 сентября 1933 года Гитлер перевернул первый пласт дерна на строительстве давно планируемой дороги из Гамбурга в Базель; к

мая 1935 года был открыт первый ее участок, из Франкфурта в Дармштадт; к лету 1938 года было закончено 3500 километров. Автостреды — это, пожалуй, самое долгосрочное из всех пропагандистских мероприятий Третьего рейха; они сохранились и до сегодняшнего дня. Гитлер лично проявлял большой интерес к тому, по каким местам прокладывались дороги, и иногда вмешивался и вносил в проект изменения, если они проходили не по самым живописным маршрутам. Он также настаивал, чтобы все проекты мостов и станций техобслуживания проходили через него. Некоторые из них являли собой смелые примеры модернизма, и Гитлер велел изменить эти проекты, поручив это не инженерам, а архитекторам; проекты двух станций техобслуживания принадлежат бывшему главе «Баухауса» Мису ван дер Роэ. Современные технологии, огромные мосты простой конструкции, перекинутые через реки и ущелья, изящные дороги с двусторонним движением, прорезающие холмы и тянущиеся по равнинам, сделали эти автостреды одним из самых удивительных творений Третьего рейха. Тодт велел планировщикам использовать как насыпи, так и врезку в ландшафт, высаживать на обочинах местные виды растений и проектировать дороги так, чтобы всем водителям и их пассажирам был хорошо виден пейзаж³. Но на самом деле это выражало не связь немецкой души с природой, а власть технологий над ней, пропаганда усиливала ощущение, что эти дороги — современный аналог древнеегипетских пирамид, превосходящий своим размахом готические соборы Средних веков и Великую Китайскую стену. «Вырубите лес, — гласил дерзкий лозунг на рисунке автостреды, сделанном Карлом Теодором Проценем, — взорвите скалу — пересекайте долину — преодолейте расстояние — проложите путь через немецкую землю»⁴.

Были и другие моменты, в которых планы Тодта не реализовались так, как он предполагал. В дополнение к 3500 километрам, завершенным к 1938 году, к 1945 году было закончено только 500, так как строительные ресурсы скоро были отданы строительным программам, более тесно связанным с войной; Имперское министерство обороны даже наложило запрет на строительство дорог, не имеющих стратегической важности, и настояло на том, чтобы приоритет отдавался военным дорогам в стратегически важных регионах, таких как Восточная Пруссия. Из-за таких остановок, а

также задержек, происходивших уже после войны, автострада, связывающая Гамбург с Базелем, оставалась незавершенной вплоть до 1962 года⁵. Более того, совсем немногие имели возможность воспользоваться ими, так как Германия была одним из самых немоторизованных обществ в Европе. В 1935 году только 1,6% населения Германии имели автомобили, по сравнению с 4,9% во Франции, 4,5% в Британии и 4,2% в Дании. Даже в Ирландии автомобили были у 1,8% жителей. Все эти цифры кажутся незначительными, если сравнить их с процентом автовладельцев в США, который составлял 20,5%, то есть одну пятую часть населения⁶.

В своей речи на Берлинской автомобильной выставке Гитлер объявил не только о начале программы строительства дорог, но и о поддержке автоспорта и сокращении бремени налогов на владение машиной⁷. В результате количество рабочих в автомобильной промышленности только с марта по июнь 1933 года выросло на 40%. Производство автомобилей удвоилось с 1932 по 1933 год и еще раз удвоилось к 1935 году. Каждый год теперь производили более четверти миллиона автомобилей, а цены стали гораздо ниже, чем они были в конце 1920-х годов. Продажи зарубежных автомобилей в Германии упали с 40% всех продаж автомобилей до менее чем 10% шестью годам позднее⁸. Количество пассажирских автомобилей на дорогах в 1932 году составляло лишь чуть больше полумиллиона, а в 1936 году — уже лишь чуть меньше миллиона⁹. Даже Виктор Клемперер в начале 1936 года купил себе автомобиль, несмотря на растущие финансовые трудности, хотя потом он почти пожалел о своем решении: «Машина, — писал он 12 апреля 1936 года, — съедает мое сердце, нервы, время, деньги. И дело не столько в моем не очень хорошем умении водить и волнениях, которые это приносит, — добавил он, — и даже не в том, что мне трудно куда-то заехать и выехать, проблема в том, что машина никогда не работает как надо, что-то все время ломается»¹⁰.

Но даже он вынужден был признать, что новые дороги «впечатляют». Когда он ехал по одной из них 4 октября 1936 года, он с воодушевлением отметил, что он и его жена насладились «величественным видом» и он даже «несколько раз осмеливался разогнаться до 80 километров в час»¹¹. Но несмотря на увеличение количества частных автомобилей и моторизацию немецкого общества, к 1939 году этот процесс не зашел очень далеко, и назвать его

двигателем экономического восстановления Германии в те годы было бы преувеличением¹². Если быть точным, до 1938 года производство транспортных средств в Германии росло быстрее, чем в любой европейской стране, но в ней по-прежнему был только 1 автомобиль на 44 жителя, по сравнению с 1 на 18 в Британии и Франции¹³. Подавляющее большинство путешествий и перевозок все еще производилось Немецкими железными дорогами, самым крупным работодателем в Германии в то время, которые оказались под централизованным контролем и стали получать дополнительные средства, достаточно большие, чтобы на 50% увеличить количество электрических локомотивов и в четыре раза увеличить количество небольших маневровых локомотивов с 1932 по 1938 год¹⁴. Но в целом железные дороги испытывали в то время хроническую нехватку финансирования. Руководство железными дорогами, не желая лишаться лидирующих позиций в перевозке грузов, добилось того, что отмена налогов на продажи автомобилей неиндивидуального пользования была отложена до января 1935 года, хотя, как только это произошло, производство таких автомобилей стало увеличиваться гораздо быстрее, чем у пассажирских автомобилей — в 1934–1935 годах оно выросло на 263% по сравнению с 74% у пассажирских машин¹⁵.

Но тем не менее даже после этого производство автомобилей являлось важной частью технологических представлений Гитлера о будущем Германии, в которые входило то, что автомобиль должен быть практически у каждого. Уже в 1920-х годах, коротая часы досуга в Ландсбергской тюрьме, он натолкнулся на статью о «моторизации Германии», и до начала 1930-х годов он составлял примерные эскизы маленького семейного автомобиля, который стоил бы меньше тысячи рейхсмарок и потому был бы доступен подавляющему большинству населения. Столкнувшись со скептическим отношением представителей автопромышленности, Гитлер стал сотрудничать с конструктором гоночных машин Фердинандом Порше, который составил проект опытного образца уже к концу 1937 года. По собственному настоянию Гитлера производство машины финансировалось Немецким трудовым фронтом, нацистским преемником профсоюзов, который построил для производства автомобилей новую большую фабрику. Таким образом, должно было прекратиться

превосходство принадлежащих США заводов «Опель» и «Форд» на рынке маленьких автомобилей в Германии. Дав новому автомобилю имя «Народный автомобиль» (Volkswagen) или автомобиль «Сила через радость» (KdF-Wagen), Гитлер представлял, что с конвейера будет сходить до миллиона моделей каждый год. Была начата масштабная рекламная кампания, убеждающая рабочих откладывать часть своих доходов на такой автомобиль, реклама шла под лозунгом «Машина для каждого»¹⁶.

Кампания оказалась весьма успешна. В апреле 1939 года агент социал-демократов в Рейнланде — Вестфалии сообщал: «Для многих немцев сообщение о появлении народного автомобиля — это большое счастье и большая неожиданность. KdF-Wagen вызвал настоящий психоз. Долгое время эта машина была основной темой для бесед во всех слоях общества. Все остальные серьезные проблемы, касающиеся внутренней или внешней политики, временно отодвигались на второй план. Унылый немец каждый день, сам того не замечая, оказался под впечатлением от этой музыки будущего. Где бы в Германии ни появлялись новые модели этой машины, вокруг них собирались толпы. Политик, обещающий машину для каждого, имеет власть над массами, если массы верят его обещаниям. А что касается «силы через радость», немцы действительно верят обещаниям Гитлера»¹⁷. Гитлер лично представил одну из первых моделей на международной автомобильной выставке в Берлине 17 февраля 1939 года и подарил другую такую машину Еве Браун на день рождения. И хотя при Третьем рейхе с конвейера не сошла ни одна серийная модель, машина прошла испытание временем: после войны машина получила название Volkswagen, или народный автомобиль, в народе она была известна как «жук» из-за округлой формы, которую Гитлер придал ей в изначальной модификации. Она стала одной из самых популярных пассажирских машин во второй половине XX века»¹⁸.

II

Создание моторизованного общества не было просто грандиозным технологическим видением будущего. Его целью также были выгоды, лежащие в более обозримом будущем. Фриц Тодт подсчитал, что создание автострад обеспечит работой 600 000 че-

ловек, не только на самих дорогах, но также и в промышленности, предоставляющей основные материалы для их строительства. К июню 1935 года только на строительстве дорог работало около 125 000 человек, таким образом, программа действительно создала рабочие места, хотя и меньше, чем предполагалось¹⁹. Нацисты достигли такого ошеломительного успеха на выборах в начале 1930-х годов во многом благодаря своим обещаниям вытащить Германию из катастрофической экономической депрессии, в которую она попала. В январе 1933 года шесть миллионов человек были зарегистрированы как безработные, из статистики занятости исчезли еще три миллиона, среди них было много женщин. В середине 1929 года работа была у двадцати миллионов немцев, к январю 1933 года эта цифра упала до 11,5 миллиона. Гораздо больше людей работали с сокращенным рабочим днем или были вынуждены принять сокращения рабочего времени или зарплат. Массовая безработица лишила рабочее движение их основного оружия — забастовки — и облегчила режиму их уничтожение в первые месяцы 1933 года. Тем не менее вернуть Германию к работе было основным приоритетом, который объявило коалиционное правительство, организованное, когда Гитлер стал канцлером 30 января 1933 года²⁰. Уже 1 февраля 1933 года Гитлер в своем первом выступлении по радио объявил, что «спасение немецкого рабочего от массивной и всеобщей атаки безработицы» было ключевой целью его нового правительства. «За четыре года, — объявил он, — безработица наконец должна быть побеждена»²¹.

Гитлеровское правительство смогло использовать схемы создания рабочих мест, уже запущенные его предшественниками. Эффективное отступление Германии от Золотого стандарта летом 1931 года позволило государству влить в экономику средства и попытаться восстановить ее. Под давлением профсоюзов недолго просуществовавшее правительство генерала Курта фон Шлейхера положило этому процессу хорошее начало в конце 1932 года, основываясь на планах, уже составленных их предшественниками Францом фон Папеном и Генрихом Брюнингом. В то время как Папен дал на 300 миллионов марок налоговых льгот для строительства дорог, развития сельского хозяйства и жилищного строительства, Шлейхер заложил для этих целей

500 миллионов прямо в бюджет; летом 1933 года нацисты увеличили эту цифру до 600 миллионов. Эффект от этой программы начал проявляться только в 1933 году, позволив нацистам приписать эту заслугу себе. Эти планы в большой степени были детищем Гюнтера Гереке, экономиста, который 15 декабря 1932 года стал имперским комиссаром по созданию рабочих мест и пробыл на этом посту до 1933 года. К 27 апреля 1933 года министр труда Франц Зельде смог объявить, что количество безработных упало более чем на полмиллиона. Несомненно, это отчасти было обусловлено сезонными факторами, так как после зимнего падения безработица опять выросла. Начало восстановления экономики, которое уже было заметно в последние месяцы 1932 года, также сыграло свою роль. Правительство Гитлера сформировалось в очень выгодный для него период²².

Но тем не менее нацистская партия тоже внесла в этот процесс свой вклад. В партийной программе 1920-х годов были представлены идеи экономических реформ левого толка, включающих в себя захват государством некоторых частных предприятий, так что, когда спустя десять лет приход к власти стал вполне реальной перспективой, Гитлеру и его правительству пришлось постараться, чтобы убедить промышленников и финансистов в том, что они за это время существенно выросли. В 1930 году главный управляющий партии Грегор Штрассер учредил отдел экономической политики, поддерживающий тесные связи с предприятиями и работающий над схемами создания рабочих мест на будущее. В предвыборной кампании нацисты особо напирала на свое предложение использовать государственные кредиты на общественные работы как средство борьбы с безработицей при помощи таких проектов, как осушение болот, строительство каналов, освоение болотистых местностей и т.д. Германия, объявили они, должна выбираться из депрессии своими силами; она больше не может позволять себе ждать, когда восстановится международная торговля²³.

Зельде представлял и другие, более претенциозные предложения, основывающиеся на том, чтобы выпустить казначейские облигации для наиболее трудоемких проектов общественных работ. Кабинет принял эти предложения, и 1 июня 1933 года правительство обнародовало первый закон о снижении безработи-

цы, по которому на общественные работы был ассигнован миллиард марок по так называемой Первой программе Рейнгардта, названной так в честь статс-секретаря Имперского министерства финансов Фрица Рейнгардта. Второй закон о сокращении безработицы, также известный как Вторая программа Рейнгардта, изданный 21 сентября 1933 года, сделал 500 миллионов марок доступными для частного предпринимательства, в особенности в строительной промышленности, которым была предоставлена возможность, чтобы создавать новые проекты и нанимать новых рабочих²⁴. Если взять все эти схемы и добавить другие, менее значительные дополнения к ним, можно посчитать, что правительство выделило более 5000 миллионов марок на проекты по созданию рабочих мест к концу 1933 года, из которых около 3500 было потрачено к началу 1936 года. Таким образом, скромная программа, начатая правительством Шлейхера, была значительно расширена²⁵. В дополнение к этому режим развил схему субсидирования покупки, перепланировки и ремонта домов, начатую при правлении Папена в сентябре 1932 года для стимуляции строительной промышленности. И наконец, существенные средства были направлены в особо пострадавшие области, прежде всего аграрные районы. Режим также имел в виду, что когда начнется война, чем больше промышленных предприятий находилось за пределами больших городов, тем меньший ущерб производству причинили бы вражеские бомбардировки²⁶.

Кроме того, новый режим старался побыстрее убрать людей с рынка труда, сократив, таким образом, количество экономически активных людей, по сравнению с которыми высчитывается процент безработных. Из таких схем стоит отметить выдачу свадебных займов, которая началась как часть закона о сокращении безработицы, изданного 1 июня 1933 года и поддерживаемого устанавливаемыми впоследствии правилами. Молодые пары, собирающиеся пожениться, могли заранее обратиться за беспроцентным займом, который мог составлять до 1000 марок, при условии, что невеста работала по крайней мере шесть месяцев из двух лет до принятия закона. Что особо важно, она должна была оставить работу до свадьбы и не обращаться на рынок труда до тех пор, пока заем не был погашен, если ее муж за это

время не лишался работы. О том, что эта мера не была краткосрочной, говорили условия выплаты, которые доходили до 1% в месяц, так что максимальный срок займа мог достигать восьми с половиной лет. Займы редко достигали максимальной суммы, в среднем они составляли 600 марок, это была примерно треть среднего годового дохода промышленного работника. Однако эти займы сделали еще более привлекательными, добавив новые нюансы. 20 июня 1933 года вышел дополнительный декрет, сокращающий сумму, которую нужно было возвращать, на четверть за каждого ребенка, родившегося у пары. Таким образом, имея четырех детей, пара вообще не должна была ничего выплачивать. Конечно, займы выдавались только парам, которые были признаны арийскими, так что, как и многое другое в Третьем рейхе, кроме их основных функций, они стали играть роль инструмента расовой политики. Чтобы доказать, что они имеют право на заем, претенденты должны были не только пройти медицинское обследование, как предписывал дополнительный декрет, изданный 26 июля 1933 года, но также им могли отказать, если у них были какие-либо наследственные заболевания, или они вели себя асоциально, или были бродягами, или алкоголиками, или связаны с оппозиционными движениями, такими как Коммунистическая партия. Более того, чтобы стимулировать производство и убедиться, что деньги используются правильно, займы выдавались не наличными деньгами, а в форме векселей на покупку мебели и бытовой техники²⁷.

Идея сократить безработицу среди мужчин, убрав женщин с рынка труда, предложенная в 1933 году, была не нова. Действительно, как часть государственных ограничительных мер для стабилизации обстановки в 1924 году и борьбы с кризисом 1930—1932 годов, женщин с так называемым двойным заработком, то есть тех, у которых есть муж и которые при этом сами выполняют оплачиваемую работу, увольняли с государственной службы, также на них оказывали давление в частном секторе²⁸. Все политические партии Веймарской республики, несмотря на то, что женщинам вскоре дали избирательное право, согласились с тем, что место женщины прежде всего в семье, дома²⁹. Нацисты только повторяли то, что говорили другие, но только громче, настойчивей и жестче. Руководил здесь, как и во многих

других вопросах, лично Гитлер. Идея женской эмансипации, сказал он на митинге национал-социалистических женщин 8 сентября 1934 года, была изобретением «еврейских интеллектуалов», не немецкой по своей сути. В Германии, объявил он, мир мужчины — это государство, мир женщины — это «ее муж, ее семья, ее дети и ее дом». Он продолжал: «Мы не считаем правильным, когда женщина вмешивается в мир мужчины, в области, которыми он занимается. Мы считаем естественным, чтобы эти два мира существовали отдельно друг от друга. Одному из них принадлежит сила чувств, сила души. Другому принадлежит сила дальновидности, жесткости, решительности и желания действовать»³⁰.

В 1929 году Геббельс выразил это более простыми словами: «Задача женщины — быть красивой и давать миру детей... Самка птицы прихорашивается для своего партнера и высиживает для него яйца. В свою очередь самец заботится о добыче пищи и охраняет самку от врагов»³¹. В этом высказывании проявилось, помимо всего прочего, невежество Геббельса в орнитологии: конечно, существует множество видов, как павлины или райские птицы, где нарядно выглядит самец, а не самка, а у других видов, как у императорского пингвина, самец следит за яйцами. Также позицию Геббельса отличало то, что он подчеркивал обязанность женщины быть красивой, что, по-видимому, никогда особо не волновало Гитлера. Тем не менее суть была ясна, а аналогия с миром природы — выразительна. «Возрождение Германии, — значилось в азбуке нацистской идеологии в 1933 году, — это дело мужчин». Место женщины было дома³².

Таким образом, схема брачных займов и борьба с тем, чтобы женщина работала где-то, кроме дома, были очень важны для нацистской идеологии и полезны для сокращения показателей безработицы. Как только схема была запущена, нацистские пропагандисты сразу сочли ее очень успешной. В первый полный год использования этой схемы было выдано около четверти миллиона займов. В 1935 году это количество упало почти до 150 000, но в 1936 году — увеличилось более чем до 170 000, к этому времени займом воспользовались около трети пар, только что заключивших брак³³. Эти цифры впечатляли. Однако эффект от мер, принимаемых против безработицы, был меньше,

чем заявляли нацисты. Потому что в целом нельзя было сказать, что женщины борются с мужчинами за одни и те же рабочие места, то есть убрать женщину с рынка труда далеко не всегда означало освободить рабочее место для мужчины. В течение 1920-х и 1930-х годов соотношение полов в экономике менялось. Но в целом сохранился такой же гендерный баланс, как и в конце девятнадцатого века. Женщины составляли менее четверти от общего количества людей, которых можно было отнести к работающим. В основном они занимали места в текстильной, швейной и пищевой промышленности. Большинство домработников также были женщинами, как и большая часть «помощников семьи». Напротив, в промышленных секторах занятости женщин было очень мало. Главное, к чему привели брачные займы, — это изменение в общей статистике по безработице; на самом деле они не освобождали рабочих мест для безработных мужчин, потому что безработный сталевар или строитель вряд ли сможет заняться домашней уборкой или ткачеством, в какой бы отчаянной ситуации он ни находился. К тому же свадебные займы нужно рассматривать в контексте экономического восстановления, которое постепенно начиналось во второй половине 1932 года и впоследствии набирало темп. Во время депрессии не зарегистрированные до этого женщины оказались на рынке труда из-за того, что их отцы или мужья потеряли работу, а когда у мужчин снова стала появляться работа, прежде всего в секторе тяжелой промышленности, который был так важен для перевооружения, эти женщины бросили работу, радуясь, что избавились от двойного бремени хозяйства и ухода за детьми, с одной стороны, и работы — с другой. Многие откладывали свадьбу и рождение детей из-за экономического кризиса. Очень большое количество взятых кредитов в первый год говорит о том, что большая часть тех, кто их получал, принадлежала к этой категории. А значит, они принимали такие решения независимо от государственных поощрений³⁴.

Тем не менее нацисты вскоре начали во весь голос говорить о том, что такие меры резко сократили катастрофические уровни безработицы, разрушающие немецкую экономику и общество с конца 1920-х годов. К 1934 году официальная статистика показала, что безработица составляла уже менее половины того

уровня, на котором она была в предыдущие два года; к 1935 году она составляла не более 2,2 миллиона, а к 1937 году — упала ниже миллионной отметки. Хвастливые заявления Гитлера о том, что он решит проблему безработицы за четыре года, казалось, оправдывались. Люди начали верить непрекращающемуся хвастовству нацистской пропаганды о грядущей победе в «битве за работу». Благодаря этому многие скептики и сомневающиеся с мая 1933 года начали переходить на сторону правительства, а сторонники Третьего рейха прониклись новой порцией эйфории. Вера в то, что Гитлер действительно восстанавливал немецкую экономику, стала основным фактором, способствующим тому, что народ принимал его режим в первые месяцы его существования³⁵. Было ли это «экономическим чудом Гитлера», как многие это называли, которое включало в себя победу над безработицей, кейнсианскую реанимацию экономики дерзкой политикой дефицитного расходования, значительное увеличение финансирования и общее восстановление благосостояния и уровня жизни после той ямы, в которой они были во время депрессии? Были ли именно тогда посеяны семена, из которых после поражения в войне в 1950-х годах возшло экономическое чудо западной Германии?³⁶

Конечно, в какой-то степени восстановление всемирной экономики уже шло, хотя медленными темпами, в Германии этому способствовало то, что предприниматели начинали чувствовать себя уверенней при той политической стабильности, которую, казалось, обеспечивал Третий рейх, в отличие от своих ближайших предшественников. Также когда рабочее движение было подавлено, у них появилось больше пространства для маневра. К тому же в годы депрессии, с 1929 по 1931 год, проблема безработицы усугублялась тем, что на рынок труда хлынула большая возрастная группа родившихся перед Первой мировой войной и закончивших к тому времени школу, с 1932 года ситуация резко изменилась, потому что на рынке труда оказалась маленькая возрастная группа тех, кто родился в годы войны. На самом деле в 1914—1918 году не родилось тех двух миллионов детей, которые должны были, согласно тенденциям в статистике, а смертность среди детей в военные годы, когда была острая нехватка пищи, на 40% превышала обычную. То есть рынок труда

выиграл еще и за счет уменьшения количества людей, нуждающихся в работе³⁷.

Мысль о том, что нацистам просто очень повезло прийти к власти, когда экономика уже была на пути к восстановлению, подкрепляет еще и то, что некоторые из принимаемых ими мер, о которых они так широко трубили, фактически всего лишь восстановили статус-кво прежних лет. Например, касательно жилищного вопроса, количество построенных или перепланированных домов в 1936 году выглядело впечатляюще: 310 490; но это все равно было ниже того количества, которое было достигнуто в 1929 году при столь презируемой нацистами Веймарской республике: 317 682. На самом деле государство сократило субсидии на строительство с миллиона марок в 1928-м до совсем незначительного количества в 1934 году и направило основные ресурсы на субсидирование ремонта зданий. Но даже здесь количество рабочих, дополнительно нанятых в строительной промышленности, в основном определялось теми, кого наняли, часто в обязательном порядке, на земляные работы, вообще не имеющие отношения к строительству³⁸. На самом деле режим не боялся и фальсифицировать статистику. Теперь были зарегистрированы как работающие не только люди, направленные на трудовую повинность, но и те, кто занимался помощью в домашнем хозяйстве и на фермах, не получая за это денег, чаще всего это были женщины. Никто из этих людей не мог считаться активным участником рынка труда, никто из них не получал регулярной зарплаты, на которую можно было прожить, не говоря уже о том, чтобы содержать семью. По таким подсчетам получается, что в Германии было по меньшей мере полтора миллиона «невидимых безработных», а общее количество безработных, по нацистской статистике лишь немного превышающее два миллиона, на самом деле приближалось к четырем³⁹. Уже в январе 1935 года один из современников подсчитал, что в Германии до сих пор было более четырех миллионов безработных⁴⁰. Были и более тонкие методы манипуляций со статистикой. Те, кто был нанят на разовую работу, числились как люди с постоянной занятостью. За период с 1933 по 1934 год количество людей, долгое время не имевших работы и зависящих от социальной поддержки в городах с численностью населения более полумиллиона чело-

век, упало более чем на 60 процентов, впечатляющее достижение, по крайней мере на бумаге. Но все было не так радужно, потому что количество безработных, пользующихся социальной поддержкой, теперь высчитывалось по количеству зарегистрированных на бирже труда, а не по количеству обратившихся за помощью в службы социальной поддержки, как это делалось раньше. Например, в Гамбурге в конце марта 1934 года на бирже труда числилось 54 000 безработных, пользующихся поддержкой, а в службе социальной поддержки эта цифра составляла около 60 000⁴¹.

Вдобавок были введены новые правила, по которым в некоторых областях торговли и промышленности сокращалось время работы, что вызвало необходимость нанять больше сотрудников, но весьма значительно сократить зарплату тех, кто уже работал. Биржи труда обычно могли предложить только временную работу; работа на постоянной основе по-прежнему была дефицитом. Молодых людей и некоторых девушек настойчиво старались отправить на так называемую добровольную трудовую повинность или на сельскохозяйственные работы, где крестьяне часто жаловались на нехватку у них опыта и считали их просто лишними нахлебниками. Тем, кто отказывался, грозили лишением социальных выплат, принудительными работами или даже тюрьмой. В некоторых областях всех безработных молодых людей в возрасте от восемнадцати до двадцати пяти лет собирали вместе и ставили перед выбором — начать обрабатывать землю или тотчас лишиться всех выплат. Однако плата за такую работу была столь низка, что часто не превышала размера социального пособия, а если работающим по этим схемам приходилось жить вдали от дома, то на связанные с этим расходы им нужны были дополнительные средства⁴². Даже на престижных проектах по строительству дорог условия труда были такими плохими, питание таким скудным, а время работы таким большим, что рабочие иногда поджигали свои бараки. Среди тех, кого привлекали к этим проектам, было много парикмахеров, «белых воротничков» или коммивояжеров, словом, тех, кто был совершенно неприспособлен к тяжелому физическому труду. Несчастные случаи были довольно часты и происходили постоянно, акции протеста на одной из стройплощадок привели к арес-

ту тридцати двух из семисот рабочих в течение двух месяцев; самые шумные из недовольных были отправлены в Дахау на «перевоспитание» и для того чтобы запугать других и обеспечить их молчаливое повиновение⁴³. Кроме того что такие меры помогли строго контролировать рабочих и отменить профсоюзы, они помогли сократить чистые реальные зарплаты⁴⁴.

Так называемая Добровольная рабочая служба на самом деле не была изобретением нацистов, она существовала еще до захвата власти, в 1932 году в ней уже было задействовано 285 000 человек. К 1935 году это количество выросло до 422 000, но многие из этих людей были горожанами, которых привлекли к временным сельскохозяйственным работам, таким как сбор урожая, которые все равно в любом случае были бы выполнены сельскохозяйственными работниками. Итак, хотя эти схемы и приводили к сокращению количества безработных, фигурирующих в официальной статистике, они в целом не повлияли на покупательную возможность населения. Осведомленные наблюдатели отмечали, что это восстановление не затрагивало потребительских товаров, производство которых в мае 1935 года было все еще на 15% ниже уровня, на котором оно было семь лет назад. В период с 1933 по 1934 год розничная торговля сокращалась, зарплаты продолжали падать, в то время как цены на еду и одежду росли. Классическая Кейнесианская теория создания рабочих мест, принятая, по крайней мере на бумаге, правительством Папена, рассматривала реанимацию экономики, при которой государственные займы и схемы создания рабочих мест обеспечивали население деньгами и провоцировали потребительский спрос, стимулируя таким образом производство, что приводило к росту занятости, и так далее, пока процесс восстановления не начинает идти сам по себе. Спустя два с половиной года после прихода Гитлера к власти не было особых признаков того, что это действительно происходило⁴⁵.

III

На самом деле нацистская программа создания рабочих мест вовсе не являлась началом восстановления экономики. Гитлер объяснил министрам ее истинные цели 8 февраля 1933 года: «Следующие пять лет в Германии должны быть посвящены пере-

вооружению немецкого народа. Любую схему создания рабочих мест нужно оценивать согласно тому, насколько она необходима с точки зрения перевооружения немецкого народа. Этот принцип должен всегда и везде стоять на первом месте... Положение Германии в мире будет решительно определяться положением ее вооруженных сил. Также от этого зависит положение немецкой экономики»⁴⁶.

Также он добавил, что автостреды нужно строить «по стратегическим принципам»⁴⁷. Когда 29 мая 1933 года Гитлер представил промышленникам план строительства дорог, он даже предложил установить над дорогой железобетонную крышу, которая будет защищать от вражеского нападения с воздуха проходящие под ней танки и бронетранспортеры, идущие на фронт. Но в конечном итоге пути, по которым они проходили, были слишком далеко от всех возможных линий фронта, а поверхность дороги была слишком тонка, чтобы по ней могли проехать танки или другая тяжелая военная техника. Их сияющая белая поверхность представляла для вражеских самолетов такой удобный ориентир, что во время войны пришлось покрасить их маскировочной краской. Но при всей важности, придаваемой их идеологическим, эстетическим и пропагандистским функциям, цель их создания, не только для Гитлера, но и для их архитектора Франца Тодта, была в первую очередь стратегической⁴⁸. Гитлер призвал обратить внимание на то, что, по его мнению, имело большое, если не решающее значение для военного будущего Германии. «Производство двигателей автомобилей и самолетов основывается на одних принципах, — объявил он, — если мы не будем разрабатывать, например, дизельные двигатели для наземного транспорта, будет практически невозможно заложить необходимые основы для его использования в авиации»⁴⁹. Рост производства автомобилей позволит в короткий срок перевести фабрики на военные рельсы, а доходы от продаж двигателей можно пустить на разработку двигателей для самолетов в тех же компаниях⁵⁰.

Моторизация Германии тоже оказалась заблуждением, так как перевод ресурсов на военное производство с середины 1930-х годов стал тормозить выпуск автомобилей, он стал сокращаться, и в 1938 году уже совсем не отвечал спросу. Схема, по которой рабочие под влиянием массовой рекламной кампании еженедельно

расставались с частью своей зарплаты, которая должна была пойти на покупку «Народного автомобиля», оказалась лишь средством заставить их работать сверхурочно и посодействовать таким образом перевооружению. К концу 1939 года 270 000 человек ссудили государству 110 миллионов марок. В конечном счете свои деньги по этой схеме ссудили не менее 340 000 человек. В результате «Фольксваген» не получил ни один из них. В сентябре 1939 года фабрику перевели на военное производство⁵¹. Армия и сама считала, что расширение транспортного производства было необходимым условием для последующей быстрой моторизации вооруженных сил. Если посмотреть более широко, основным видам промышленности, таким как производство железа и стали, обрабатывающая и машиностроительная промышленность, отдавался приоритет перед производством потребительских товаров, потому что они давали основную инфраструктуру для перевооружения. А возвращение немцам работы, в особенности мужчинам, закалило бы их и превратило из безработных тунеядцев в потенциальных бойцов: поэтому важнее было их воспитывать, чем хорошо платить им. По мнению Гитлера, лагеря и бараки, где молодые люди трудились в поте лица за зарплату, не превышающую размера социального пособия, на добровольных работах, которые на самом деле добровольными не были, были важны не в последнюю очередь потому, что они готовили их к лишениям грядущей войны⁵².

В более близкой перспективе Гитлер также хотел снова запустить производство оружия, после долгих лет, когда это было запрещено ограничениями, наложенными на вооруженные силы Германии Версальским миром 1919 года. Обращаясь к высшим руководителям вооруженных сил, СА и СС 28 февраля 1934 года, Гитлер сказал, что важно будет примерно за восемь лет создать «жизненное пространство для избытка населения» на востоке, потому что иначе экономическое восстановление не сможет продолжаться. Так как «западные силы не позволят нам этого сделать... необходимы короткие, решительные удары на западе, а затем на востоке». Таким образом, перевооружение нужно было завершить к 1942 году⁵³. Предстояло пройти еще большой путь. В 1933 году можно было сказать, что у Германии нет воздушных войск, нет боевых кораблей, нет танков, нет самого основного военного оснащения, а армия ограничивалась 100 000 человек. Уже в начале фе-

вряля 1933 года Гитлер запустил программу перевооружения, которая насколько возможно была замаскирована под схему создания рабочих мест (улучшенная программа Шлейхера, сказал он 9 февраля, «помогает скрывать работы по развитию национальной обороны. В ближайшем будущем надо обращать особое внимание на то, чтобы держать их в тайне»)⁵⁴. Армия сама попросила 50 миллионов марок, полученных с программы Шлейхера, на финансирование начальной фазы своего расширения, которое должно было проходить по плану, намеченному еще в 1932 году, в то время как представители авиапромышленности попросили только 43 миллиона. Эти суммы были слишком скромными для Гитлера, который думал, что на перевооружение понадобятся «миллиарды» марок и что его нужно провести как можно скорее, для того чтобы преодолеть сложный период, когда враги Германии начнут понимать, что происходит, а она будет еще не в состоянии оказать серьезное сопротивление, например вторжению Польши. В итоге военные убедили Гитлера в том, что на начальной стадии перевооружения достичь большего было невозможно. Он приказал, чтобы при распределении ресурсов, полученных от программы экономического восстановления, приоритет отдавался армии, в апреле 1933 года он позволил вооруженным силам самим контролировать бюджет перевооружения⁵⁵.

Армия составила список из 2800 предприятий, на которые можно отправлять военные заказы; в 1934 году в него входило более половины всех предприятий железодобывающей, сталелитейной, машиностроительной и автомобильной промышленности. Депрессия привела к тому, что очень многие производственные мощности не использовались, поэтому первые распоряжения часто сводились к тому, чтобы просто залатать дыры, и не требовали дополнительных финансовых вливаний. Инвестиции в промышленность в Германии в 1932 году составили менее 17 процентов от того уровня, на котором они были в 1928 году, но теперь они начали расти, в 1933 году достигли более 21%, в 1934 году — 40%, а в 1935 году — 63%. Практически сразу началась работа по подготовке к созданию немецких ВВС. В марте 1934 года был составлен производственный план, по которому к 1939 году должно было быть выпущено 17 000 самолетов; многие из них маскировали под пассажирские самолеты, но в нужное время их должны

были переделать в бомбардировщики. Из них пятьдесят восемь процентов были записаны как «тренажеры», что было довольно неправдоподобно. К 1935 году в строительстве самолетов было задействовано 72 000 рабочих, по сравнению с 4000 в начале 1933 года. Подобным образом в июле 1933 года Крупп начал массовое производство, как они скромно их называли, «сельскохозяйственных тракторов», хотя на самом деле это были танки. В 1934 году компания Auto Union открыла еще одно производство военной техники, которое в документах значилось под расплывчатым названием «Центральный отдел». В 1933 году флот заказал военного оборудования на 41 миллион марок и кораблей на 70 миллионов марок. Крупные фирмы, такие как Borgsig в Берлине и ассоциация Vochumer в Ганновере, начали производство огнестрельного оружия. Все это немедленно отразилось на занятости населения. Уже в январе 1933 года фабрика винтовок Mauser увеличила количество рабочей силы с 800 до 1300 человек; Rheinmetall, которая изготавливала гаубицы и пулеметы, тоже дополнительно взяла на работу 500 человек. Подобное происходило и в сотнях других компаний по всей Германии. Вся эта бурная деятельность, конечно, оказала воздействие и на промышленность в целом, так как железодобывающие, сталелитейные, машиностроительные, угледобывающие и горнодобывающие компании повысили производительность и наняли больше сотрудников, чтобы справиться с новым, постоянно растущим спросом на вооружение и связанную с ним продукцию. К концу 1934 года правительство, отмечая сокращение показателей безработицы до уровня в два раза меньшего, чем тот, который был, когда они только вступили в должность, приостановило программы создания рабочих мест. С этого времени им уже не приходилось полагаться на такие меры, чтобы трудоустроить тех, у кого еще не было работы⁵⁶.

Последним шагом к сокращению показателей безработицы стало введение обязательной армейской службы в мае 1935 года. Уже в октябре 1933 года Гитлер спросил британского посла, согласится ли его правительство на утроение размера армии Германии до 300 000; армия и сама воспользовалась международным соглашением, подписанным 11 декабря 1932 года, в котором предлагалось заменить условия Версальского договора, касающиеся разоружения, конвенцией, которая давала Германии равные права в рамках новой систе-

мы международной безопасности. Массовый призыв в 1934 году, который изначально предпринимался для того, чтобы обеспечить личным составом только что сформированные военно-воздушные силы, привел к тому, что численность армии к 1 октября увеличилась до 240 000 человек. Но и этого было еще недостаточно. 3 февраля 1933 года Гитлер уже пообещал, что снова введет всеобщую воинскую повинность. 15 марта, используя в качестве предлога увеличение срока службы во французской армии, Гитлер официально объявил о своем решении Совету безопасности рейха, удивив этим многих офицеров. С этого момента все физически годные немецкие мужчины, не являющиеся евреями, должны были в течение года служить в вооруженных силах, если они достигли восемнадцатилетнего возраста и отработали необходимые шесть месяцев трудовой повинности, в августе 1936 года срок службы был увеличен до двух лет. 12 июня 1936 года, по оценке штаба, численность армии составляла чуть больше 793 000 человек, включая резервистов и нестроевых солдат; накануне войны на боевой службе находилось около 750 000 человек и еще около миллиона в резерве. Весной 1935 года немецкое правительство официально объявило о создании военно-воздушных сил (Luftwaffe), в которых к тому времени служило 28 000 офицеров и рядовых; к августу 1939 года это количество выросло до 383 000⁵⁷. Перевооружение флота вначале шло медленнее и основывалось на планах, составленных в ноябре 1932 года, но и здесь впоследствии расширение набрало неудержимый темп. В 1933 году на флоте служили 17 000 офицеров и матросов, хотя в предыдущем году их было всего 2000, к началу войны в 1939 году это количество выросло почти до 79 000⁵⁸. Такое расширение вооруженных сил окончательно положило конец безработице среди молодых людей. После 1936 года Гитлер и нацистское руководство уже не вспоминали про «битву за работу»; подавляющее большинство жителей Германии уже давно приняли как факт то, что эта битва была выиграна⁵⁹.

IV

Когда в январе 1933 года Гитлер стал рейхсканцлером, финансовое положение Германии было весьма опасным. Более трех лет экономической депрессии, самой тяжелой в истории

Германии, заставили его предшественников значительно сократить государственные расходы. Банкротства, разорение предприятий и массовая безработица привели к резкому уменьшению внутреннего валового продукта и стремительному снижению дохода от налогов. Эта ситуация не могла измениться за один день. Например, в 1938 году государственные доходы составили 35% национальных расходов. 17 700 миллионов марок, которые поступили в государственную казну с налогов, хватило только на то, чтобы покрыть лишь немногим более половины государственных расходов, в целом 30 000 миллионов марок. Как режим смог оплатить свою массовую программу перевооружения и создания рабочих мест? Он мог оплатить ее только благодаря так называемому творческому созданию кредитов. Такая политика была бедствием для хозяйственников, придерживающихся традиционных подходов, из-за опасности инфляции, которую такая политика грозила за собой повлечь. Никто не хотел повторения неконтролируемой гиперинфляции 1923 года. Президент Рейхсбанка Ганс Лютер был не в восторге от идеи режима провести перевооружение за счет дефицитного финансирования. Верховный жрец ортодоксальной экономики, он имел и политический опыт на посту рейхсканцлера. Он был озабочен тем, чтобы сохранить нейтралитет Рейхсбанка, контролируемого иностранными инвесторами, и поэтому лично выразил Гитлеру протест, когда 30 января 1933 года штурмовики водрузили над зданием банка свастику. Все это сделало его неудобным союзником для нацистов. Поэтому в середине марта 1933 года Гитлер заменил его Ялмаром Шахтом, финансовым гением, которому Германия во многом обязана тем, что инфляция в конце 1923 года была взята под контроль⁶⁰.

Шахт был своеобразной фигурой в верхушке Третьего рейха. На официальных мероприятиях, куда остальные министры приходили в форме и сапогах, он всегда выделялся в своем сером штатском костюме с высоким белым воротником, в рубашке и галстуке. Худошавый и внешне непритязательный, в очках без оправы, он всегда имел какой-то отстраненный и ученый вид, который резко контрастировал с грубой энергией других нацистских лидеров. Так же резко он отличался от них и своим происхождением. Он родился в 1877 году в небогатой семье и был крещен под

именем Ялмар Орас Грили Шахт; его отец прожил семь лет в Соединенных Штатах и так восхищался Орасом Грили, основателем газеты «New York Herald Tribune» и автором фразы «Иди на запад, молодой человек», что назвал в честь него своего сына. Ялмар, имя, под которым он был известен в Германии, было традиционным в семье его матери, происходившей из Гамбурга и Шлезвиг-Гольштейна. Он учился в знаменитой Гамбургской средней школе, изучал политэкономия у Луйо Брентано в Мюнхенском университете, затем, когда приобрел опыт работы в качестве журналиста, выучил в Париже французский язык и написал докторскую диссертацию по экономике Британии. Таким образом, Шахт занимался очень разными вещами и в разных странах, он продолжал работать с крупными экономистами и обозревателями периода Германской империи, такими как Ганс Дельбрюк и Густав Шмоллер. Он естественным образом вышел на Национальную либеральную партию, сотрудничал с Торговой ассоциацией, через которую вышел на Георга фон Сименса, основателя «Дойче Банка». Благодаря этому знакомству он вошел в настоящий мир финансов и стал быстро продвигаться по службе. Шахт сыграл свою роль в планировании военной экономики в 1914–1918 годах, но он отнюдь не был правым националистом, на самом деле, если ему можно верить, он разошелся с женой в 1938 году из-за ее радикальных пронацистских взглядов. При Веймарской республике Шахт был скорее на стороне демократов⁶¹.

Шахт стал известен к концу 1923 года как уполномоченный по национальной валюте, на эту должность его назначил Ганс Лютер, который в то время был министром финансов. Вероятно, этим он был обязан своим широким связям в финансовых кругах, которые он установил в предыдущие годы, за которые побывал директором ряда банков. Благодаря его вкладу в остановку инфляции Шахта назначили президентом Рейхсбанка, после того, как 20 ноября 1923 года умер предыдущий президент. Здесь он укрепил свою репутацию финансового гения, благополучно обеспечивая стабильность рентной марки, а затем, под громогласные неодобрения крайне правых, сыграл ключевую роль в повторных переговорах о внесении поправок в план Юнга. Когда в начале 1930 года правительство пересмотрело те части плана, которые, по мнению Шахта, нужно было со-

хранить, он подал в отставку и временно отошел от дел. Это может говорить о том, что в своих политических взглядах он перешел к ультраправым националистам; и на самом деле, к этому времени он покинул Демократическую партию, однако не заявив о своей верности никакой другой партии. Когда на обеде, устроенном Германом Герингом, его представили фюреру, нацистский лидер произвел на него благоприятное впечатление. Как и многие другие в правящих кругах, он считал, что радикализм Гитлера можно умерить, если с ним будут работать более консервативные и опытные люди, такие как он сам⁶².

С точки зрения Гитлера, Шахт был лучшим управляющим финансами из тех, кого он знал. Он был нужен ему, чтобы обеспечить финансы для программы перевооружения и чтобы быстрый рост государственных расходов не привел к каким-либо проблемам. Шахту даже не нужно было становиться членом нацистской партии. Позднее он, как и многие другие, заявил, что встал на сторону режима, чтобы не произошло чего-то еще более страшного. На самом же деле к этому времени политические взгляды Шахта приблизились к позиции самого Гитлера. Он не проповедовал жестокость, но определенно стал настоящим радикальным националистом, от всего сердца поддерживающим основную цель режима, заключающуюся в как можно более быстром перевооружении Германии. К концу мая 1933 года он разработал изобретательную схему дефицитного финансирования. «Металлургическому исследовательскому институту» (Metallurgisches Forschungsinstitut) с капиталом 1 миллион рейхсмарок, основанному четырьмя крупными компаниями, было позволено выпускать так называемые векселя Мефо, которые гарантировались государством и Рейхсбанком. Когда банку представили эти векселя, он просто печатал больше банкнот. С 1934 по 1936 год 50% покупок оружия военными делалось именно в этих векселях. Так как Рейхсбанк покрывал эти векселя, печатая деньги, количество банкнот, находящихся в обращении к концу марта 1938 года, увеличилось на 6 миллиардов, к этому времени было выпущено векселей Мефо на 12 миллиардов. Шахта начала беспокоить возможность инфляции, вызванной этими мерами, и в 1937 году он прекратил выпускать векселя Мефо, и вместо них стали использоваться налоговые ваучеры

и беспроцентные казначейские билеты. Тем временем общий долг рейха уже практически вышел из-под контроля. Но ни Гитлер, ни руководители экономики не считали это очень важным. Дефицитное финансирование было лишь кратковременной мерой; в ближайшем будущем эти долги должны были быть оплачены за счет территориального расширения. Кроме быстрого осуществления перевооружения Гитлер активно предпринимал другие меры, чтобы это не только было возможно, но и принесло максимальные экономические выгоды⁶³.

Гитлер с самого начала хотел, чтоб Германия была экономически самодостаточна. Нужно было, чтобы в ходе подготовки к грядущей войне немецкая экономика перестала зависеть от импорта. Гитлер сам видел, к чему привела блокада Германии Антантой в Первой мировой войне: голодное и недовольное население; проблемы с производством оружия из-за нехватки основного сырья. Он не хотел, чтобы это снова произошло. Основным принципом нацистской экономики с начала 1920-х годов была «автаркия», таким словом нацисты обозначали самодостаточность. При обсуждении экономики ей всегда уделялось большое внимание, как, например, в политико-биографическом трактате Гитлера «Моя борьба». Она была тесно связана с другой ключевой идеей нацистской политики — завоеванием «жизненного пространства» в Восточной Европе, которое, по мнению Гитлера, должно было обеспечить поставки продовольствия в города. Поэтому с самого начала политика нацистов сосредотачивалась на том, чтобы увести торговлю с международных рынков и сориентировать ее на страны, к примеру, Юго-Восточной Европы, которые однажды должны были стать частью нацистской империи. Учитывая бедственное положение мировой экономики, сказал Гитлер военным руководителям в начале февраля 1933 года, бесполезно было стараться увеличивать экспорт; единственным способом добиться постоянного и стабильного восстановления экономики было завоевание «жизненного пространства» на востоке, и подготовка к этому была важнее всего остального⁶⁴.

Внутри страны государство старалось добиться автаркии в поставках продовольствия, создав для этого Имперское продовольственное управление 13 сентября 1933 года. Возглавлял его Рихард Вальтер Дарре, который теперь получил звание имперского

руководителя крестьян; это была классическая нацистская организация, построенная иерархически по принципу фюрерства, в районах и местностях на каждом уровне назначались местные руководители крестьян. Уже давно высказывалась идея о том, чтобы объединить производителей, оптовых и розничных торговцев и потребителей в единую цепочку, исключив эксплуатацию одних другими и обеспечив честное сотрудничество. Таким образом, в рыбной промышленности рыболовы, переработчики рыбы, оптовые торговцы рыбой и рыбные магазины объединялись в ассоциацию, управлявшуюся из Берлина, то же было сделано и в других отраслях сельского хозяйства — от выращивания фруктов до производства зерна. За реализацией этих тщательно продуманных схем следили специальные новые организации, защищавшие отечественных производителей определенных видов продуктов, кроме того, эти проекты подкреплялись санкциями, подразумевавшими высокие штрафы и даже тюремное заключение за нарушение правил. Таким образом, можно было контролировать все производство и все поставки продовольствия в стране, фиксировать цены, устанавливать нормы и квоты в интересах производителя. В некотором отношении Дарре видел в Имперском продовольственном управлении, которое должно было работать как отдельное учреждение, средство, позволяющее крестьянам поправить свое экономическое положение и заявить о своем законном месте в новой Германии. Это была также имитация некоторых организаций корпоративного государства фашистской Италии, объединяющих всех представителей определенной социальной или экономической сферы в единую структуру, которая, по крайней мере в теории, должна заменить антагонизм взаимным сотрудничеством и создать чувство общности, устранив реальные и потенциальные источники конфликта⁶⁵.

Но Имперское продовольственное управление оказалось проблемной организацией⁶⁶. Очень скоро идеологическим представлениям Дарре о будущем, в основе которых лежало здоровое и стабильное будущее крестьян, пришли на смену более срочные требования автаркии и перевооружения. В соответствии с общей экономической политикой Имперское продовольственное управление должно было сдерживать цены на низком уровне, ограничивать импорт (в том числе корма для животных) и нормиро-

вать потребление. Контроль цен резко сократил доходы фермеров и лишил их возможности конкурировать с большими промышленными предприятиями в уровне выплачиваемой работникам зарплаты. Нехватка железа и стали наложила жесткие ограничения на производство сельскохозяйственной техники, которая могла бы с успехом заменить недостающую рабочую силу, при условии, что фермеры смогли бы ее оплатить. Уже в сентябре 1934 года Шахт начал «производственную битву», нацеленную на то, чтобы сделать Германию самодостаточной в поставках продуктов питания, а Имперскому продовольственному управлению предстояло сыграть в этом свою роль. Но успех все время ускользал. Субсидии на постройку хранилищ для зерна и силоса и других подобных сооружений привели к определенным результатам. Но этому в высшей степени препятствовали перевод сельскохозяйственных работников в городах на военное производство, изъятие большого количества сельскохозяйственных земель для строительства дорог, аэродромов, казарм, лагерей и военных городков. С 1933 по 1938 год было разрушено 140 деревень, 225 сельских общин было ликвидировано, иногда их земля принудительно продавалась армии, а в последние два года мирной жизни строительство защитных сооружений, известных как «Западный вал», привело к тому, что 5600 ферм, с 13 000 гектарами земли, оказались брошенными. Урожаи зерна упали до уровня 1913 года, дефицит внутреннего производства по отношению к спросу составил от 10 до 30% на свинину и фрукты, 30% на птицу и яйца, около 50% — на жиры, сливочное масло и маргарин, до 60% на бобовые и 90% на растительные масла⁶⁷. В этой, как и в других областях, перевод производства с потребительских товаров на вооружение и связанные с ним отрасли промышленности, ограничение импорта на товары, не связанные с войной, вызвали к осени 1936 года нехватку потребительских товаров, когда спрос начал превышать предложение. Цены из-за этого стали расти. Уже в 1934 году была учреждена должность имперского комиссара по ценам, ее занимал консервативный политик Карл Гёрделер, бургомистр Лейпцига, но его призывы к замедлению перевооружения для решения этих проблем были резко отвергнуты, а его должность была не более чем пропагандистским представлением. Чтобы не дать повториться

ужасной инфляции 1920-х годов, 26 октября 1936 года правительство заморозило цены. 1 января 1937 года растительное и сливочное масло, маргарин и жир стали продаваться по карточкам. Таким образом, уже не только производители, но и покупатели почувствовали себя неуютно⁶⁸.

Так как Дарре был еще и министром сельского хозяйства, ему пришлось согласиться с этими мерами. Каждый раз, когда пересекались интересы государства и Продовольственного управления, первое всегда делало по-своему, а второе оставалось несолоно хлебавши. Поэтому в 1936 году до самодостаточности в продуктах питания было еще очень далеко. Имперское продовольственное управление было зажато между партией и государством. Формально оно не принадлежало ни к тому, ни к другому и совершенно потеряло свои функции, так как обе стороны отстаивали свои интересы. Звезда Дарре стремительно тускнела. Его заместитель Герберт Баке убедил Геринга и Гиммлера в том, что Даре был идеологом, жившим среди грез, а практической цели — самодостаточности в производстве продуктов — может достичь только профессионал, такой как он. Кроме того, серьезные трения с Робертом Леем, касающиеся интересов работников сельского хозяйства, привели к посягательствам на Имперское продовольственное управление со стороны сельских жителей. Лей также смог использовать свое положение заведующего организационным отделом НСДАП для того, чтобы лишить организацию Дарре ряда функций, например образовательной и обучающей, что предвляло ее присоединение к Трудовому фронту. Стараясь укрепить свою угасающую власть, Дарре на самом деле уже уступил требованиям автаркии, к примеру, он поддержал закон, изданный 26 июня 1936 года, позволяющий государству в обязательном порядке объединять фермы друг с другом для создания больших и более эффективных единиц. Более того, он был также вынужден передать заботу об их социальном и культурном благосостоянии партии и подчиняющимся ей организациям. То, что среди крестьян его проекты совсем не пользовались популярностью, окончательно решило его судьбу⁶⁹.

Геринг и Баке много сил тратили на то, чтобы поддержать внутреннее производство продуктов питания: для этого принимались такие меры, как займы фермерам на покупку тех-

ники с небольшими процентами, снижение цен на удобрения, ценовые стимулы для производства зерна, яиц и подобных дефицитных продуктов, а в некоторых случаях — требования выращивать культуры, позволяющие получать растительные масла и жиры, а также сырье для текстиля, например лен. Они также старались справиться с растущей нехваткой рабочей силы в сельском хозяйстве. С самого появления Третьего рейха сотни и тысячи людей направлялись на фермы, чтобы возместить постоянную нехватку рабочих рук, хотя многие из них были слишком молоды, недостаточно сильны физически или слишком мало знали о крестьянском труде, чтобы принести большую пользу. Даже заключенные концентрационных лагерей направлялись на работы по очистке болотистой местности для ее последующей обработки. Не об этом думал Дарре, когда учреждал имперские крестьянские дворы и Имперское продовольственное управление. Накануне войны от его изначального плана уже совсем ничего не осталось⁷⁰.

На самом деле к 1939 году Германия смогла сама себя обеспечить некоторыми основными продуктами, такими как хлеб, картофель, сахар и мясо, но множество продуктов, в основном жиры, бобовые (кроме чечевицы) и даже яйца, приходилось импортировать в значительных количествах, чтобы удовлетворить спрос. Количество сельскохозяйственных рабочих за период с 1933 по 1939 год упало на 1,4 миллиона, отчасти потому, что были уволены иностранные рабочие, отчасти из-за того, что люди продолжали уходить на более высокооплачиваемую работу в городах⁷¹. Освоения новых земель было недостаточно, чтобы что-то существенно изменить. В 1938 году 30% корма для лошадей, которые все еще были очень важны для военной транспортной системы, приходилось импортировать. Урожай злаков в 1939 году был не намного лучше, чем в 1913-м. Накануне войны около 15% поставок продуктов в Германии все еще приходило из-за рубежа⁷². И в этом нацисты тоже видели указание на необходимость завоевания «жизненного пространства» на востоке, чтобы восполнить дефицит. С другой стороны, то, что торговые соглашения, заключенные Шахтом, обеспечили дешевую сельскохозяйственную продукцию из Юго-Восточной Европы, позволило Гитлеру и Герингу избежать более драконовских мер и не заставлять крестьян пол-

ностью подчиняться требованиям автаркии, что еще больше бы их оттолкнуло. В деревнях не нужно было вводить военные законы и организовывать очередные принудительные работы, чтобы удовлетворить требованиям государства. Таким образом, некоторые меры, которые ранее ввел Дарре, сохранились, и в 1939 году фермеры уже могли сказать, что за последние шесть лет их ситуация улучшилась, общий доход от сельского хозяйства вырос на 71% по сравнению с уровнем 1933 года, это гораздо меньше, чем в промышленности, но все же накануне войны обстановка была лучше, чем в 1920-х годах⁷³.

Немецким потребителям пришлось не так сладко. По мере того как государство готовило продовольственные запасы для войны и переводило работников сельского хозяйства в промышленность, связанную так или иначе с вооружением, все большее количество продуктов начинали выдавать по карточкам. К началу весны 1939 года ввели карточки на фрукты и кофе, а на сливочное и растительное масла они были введены уже давно. Яблоки оставались несобранными, потому что работников, которые это делали, перевели в города. Людям советовали выращивать фрукты самим и консервировать их на зиму. После нескольких бедных урожаев в середине 1930-х годов, вызванных плохой погодой, похолодания весной 1938 года, во время которого замерзли цветки деревьев, и эпидемии ящура у скота в том же году поставки продовольствия отнюдь не улучшились. Сократился импорт кофе, потому что нехватка твердой валюты в Германии ограничивала возможности импортеров платить за него. Из-за нехватки пшеницы и ржи работу пекарей стали официально контролировать, они должны были печь только «гомогенизированный хлеб», сделанный из смеси низкосортных видов муки. Белый хлеб можно было купить только предоставив медицинский сертификат. Чтобы люди не уходили от контроля и не покупали молоко напрямую у производителей, молочные фермы с 1 января 1939 года должны были отправлять всю свою продукцию на центральные молочные склады. Позднее, в этом же году, сообщалось, что в Мюнхене в Пасхальную неделю невозможно было найти яиц, а в Эльберфельде люди не могли испечь пасхальные куличи из-за того, что не было масла. Были организованы специальные курсы для домохозяек, где им показывали, как

готовить «рыбный гуляш», потому что для настоящего гуляша практически невозможно было купить мясо. 28 марта 1939 года мясной отдел в супермаркете «Херти» на Донхоффплац в Берлине был открыт только для того, чтобы продавать зарегистрированным покупателям их недельную порцию жиров; свежего или замороженного мяса не было вообще. Нехватка продовольствия неизбежно привела к процветанию черного рынка дефицитных продуктов. На берлинских рынках фруктов не оставалось уже в семь часов утра, еще до прихода инспекции, которая должна была удостовериться, что владельцы торговых палаток не выходят за установленные ценовые рамки. Импортные фрукты, такие как бананы и апельсины, было особенно трудно найти. Обойти эти правила могли только состоятельные люди, встающие очень рано, цены при этом были значительно выше установленного максимума. В Руре многие рабочие могли позволить себе есть мясо только один раз в неделю. В мае 1939 года агент социал-демократов сообщал: «Люди сильно страдают от нехватки всех видов продовольствия и приличной целой одежды. Но, — добавил он, — это не приводит ни к каким беспокойствам, кроме очередей перед магазинами, которые стали обычным явлением»⁷⁴.

Бизнес, политика и война

I

Несмотря на то что создавались такие международные организации, как Имперское продовольственное управление, Гитлер и нацистское руководство обычно старались управлять народным хозяйством путем жесткого контроля рыночной экономики, а не с помощью национализации или прямого отчуждения предприятий в пользу государства⁷⁵. Например, режим заставил гигантский химический синдикат «И.Г. Фарбен» разрабатывать и производить синтетическое топливо для автомобилей и самолетов путем гидрогенизации угля, чтобы снизить зависимость Германии от импорта нефти; 14 декабря 1933 года было подписано соглашение, по которому синдикат должен был производить около 300 000 тонн в год, а государство гарантиро-

вало, что в течение десяти лет будет покупать его продукцию⁷⁶. Если какая-то из компаний отказывалась удовлетворять такие требования, режим просто прижимал ее к ногтю, как в случае с Гуго Юнкерсом, производителем самолетов, который в конце 1933 года был вынужден продать рейху контрольный пакет акций двух его компаний, после того как отказался переводить их с гражданского на военное производство. После его смерти в апреле 1935 года обе компании были национализированы, хотя и ненадолго⁷⁷. Помимо этого Министерство экономики активно настаивало на создании картелей в основных сферах промышленности, чтобы государству было проще направлять и контролировать рост военного производства⁷⁸. Но несмотря на то что государство все больше вмешивалось в экономику, нацистские экономисты все время повторяли, что в Германии должна сохраниться свободная рыночная экономика, в которой государство должно обеспечивать руководство и ставить основные цели. Для этой цели, по крайней мере сначала, когда основными целями были «битва за работу» и ориентация экономики на перевооружение, Гитлеру было нужно содействие бизнеса.

Поэтому было неудивительно, что на должность министра экономики он выбрал ведущего представителя делового сообщества, после того как вздорного немецкого националиста Альфреда Гугенберга насильно заставили покинуть этот пост⁷⁹. Это был генеральный директор страховой компании «Альянс» Курт Шмитт. Он родился в 1886 году в скромной буржуазной семье врача, был активным членом дуэльного корпуса, когда учился в университете, где он изучил торговое право, затем недолгое время работал на государственной гражданской службе в Баварии под руководством Густава Риттера фон Кара, который позднее снискал себе печальную славу, когда стал одним из ультраправых в Баварии. Вскоре после начала войны Шмитт устроился в Мюнхенское отделение «Альянса». Будучи невероятно трудолюбивым, он все же не был холодным книжным червем. Он разработал человеческий подход к страхованию, сам являясь посредником между заявителем и страхователем, значительно сократив таким образом количество судебных исков на крупные суммы, с которыми компании приходилось сталкиваться. Неудивительно, что это привело к его быстрому продвижению по службе, ко-

торому не сильно воспрепятствовала война, с которой его быстро комиссовали с небольшой раной, в которую постоянно попадала инфекция, из-за чего он так и не вернулся на фронт. Он стал генеральным директором, когда ему было тридцать четыре года. Вскоре, поощряемый своими подчиненными, он начал носить дорогие, сшитые на заказ костюмы и водить компанию с высшим светом общества в джентльменских клубах Берлина. Под руководством Шмитта «Альянс» быстро расширился, благодаря слияниям и поглощениям, которые в 1920-х годах были характерны и для других сфер делового мира. Как и другие бизнесмены, Шмитт был недоволен условиями, в которых были вынуждены работать частные предприятия в веймарскую эпоху, и ратовал за изменение закона, влияющего на страхование через Имперскую ассоциацию частного страхования. Это свело его с некоторыми из политических лидеров, на которых произвели впечатление его профессионализм, решительность и его очевидная финансовая проницательность. К началу 1930-х годов он стал публичным человеком и имел некоторую репутацию, которую впоследствии подкрепило его выступление на экономическом консультативном совете, организованном Брюнингом. Брюнинг и Папен вместе предложили ему стать министром финансов. Он не принял этих предложений, посчитав, что текущая экономическая ситуация не позволит ему успешно справиться с этой работой⁸⁰.

К этому времени Шмитт начал контактировать с нацистской партией. В ноябре 1930 года, как это позднее произошло и с Шахтом, он встретился с Герингом на обеде и оказался под большим впечатлением от его политических речей. Вскоре Шмитт уже удовлетворял немалый вкус Геринга к еде и вину на регулярных обедах в Берлинском ресторане за счет его компании. Через некоторое время он встретился и с Гитлером. Обещание нацистов разделиться с угрозой коммунизма и положить конец политическим партийным дрызгам веймарской эпохи заставили его присоединиться к ним. Сделав себя сам, поднявшись благодаря собственным способностям, Шмитт был менее привержен традиционной консервативной политике, чем его коллеги, родившиеся в семьях предпринимателей и госслужащих с давними традициями и выросшие в это среде. Когда нацисты за-

хватали в Германии власть, Шмитт забыл про свою прежнюю осторожность и весной 1933 года стал членом НСДАП, 20 апреля его компания отмечала день рождения Гитлера. Шмитт разделял общий для представителей элиты предрассудок, что евреи занимают слишком видное положение в общественной и интеллектуальной жизни, банковской, финансовой, юридической сферах; когда он говорил о них, то чаще всего использовал эпитет «неприятный». Он согласился с предложением Геринга, которое он сделал на одной из личных встреч, оно заключалось в том, чтобы лишить евреев права голоса и не позволять им руководить немцами. К лету его беседы с Герингом принесли заметные плоды. Когда Гитлер искал замену Гугенбергу на посту министра экономики, Геринг убедил его, что будет политически выгодно назначить на этот пост представителя делового сообщества. Гитлер предложил это Шмитту, который принял присягу 30 июня 1933 года, посчитав, что теперь, когда экономика была стабилизирована, он мог сыграть свою роль⁸¹.

Несмотря на попытки укрепить свою позицию, такие как вступление в ряды СС, Шмитт не мог составить никакой конкуренции таким большим шишкам в нацистском руководстве, как Геббельс, Лей или даже Дарре, каждый из которых в течение нескольких месяцев смог увести из-под контроля его министерства значительные области экономики. Постоянные неприятности доставляли такие мелкие чиновники, как Готфрид Федер, нацистский теоретик экономики, вписавший в программу партии в 1920 году отмену «процентного рабства». Заявления Шмитта и его указания государственным и региональным чиновникам не подвергать риску восстановление экономики санкциями против еврейских предприятий не публиковались в прессе, и «старые бойцы», как правило, игнорировали их. Серьезнее всего было то, что Шмитт выступал против непродуктивных, по его мнению, расходов на перевооружение и красивых, но бесполезных, с его точки зрения, проектов, таких как автостреды. И здесь на него не обращали внимания. Шмитт не одобрял раздутых пропагандистских заявлений об экономическом восстановлении, прекращении безработицы и тому подобных вещах. Он все больше разочаровывался в себе самом. Под нарастающим давлением со всех сторон 28 июня 1934 года у него произошел серьезный сердечный приступ,

после чего 30 января следующего года он оставил свой пост. Вскоре он вернулся в страховой бизнес. Он понял, что как политик он некомпетентен, и отвергал все последующие предложения заняться чем-то, кроме известной ему сферы деятельности⁸².

3 августа 1934 года место Шмитта на посту действующего министра экономики сначала временно, а 30 января 1935 года уже на постоянной основе занял Ялмар Шахт, который лично дал Гитлеру понять, что в отличие от своего предшественника он будет рассматривать перевооружение как главный приоритет вне зависимости от экономической ситуации. В управлении экономикой Шахту была дана диктаторская власть. Он начал с того, что в срочном порядке лишил Федерера его должности в министерстве и избавился от остальных партийных деятелей, которые, судя по жалобам армии, пытались навязать свои идеи в управлении экономикой. За последующие несколько месяцев Шахт учредил новый орган под эгидой своего министерства, в котором все компании в обязательном порядке должны были вступить в одну из семи имперских групп (промышленность, торговля, банковское дело и т.д.), которые в свою очередь делились по специализации и по регионам. Это позволило министерству усилить контроль над тем, как реализуется политика перевооружения, основываясь на существующей системе частных предприятий, а не на антикапиталистических идеях Федерера⁸³.

Но уже к этому времени зарождающийся бум вооружения начал давать некоторые нежелательные результаты. Поддерживая внутреннее промышленное производство, государство и армия заставили промышленность забыть о производстве товаров, идущих на экспорт, прежде всего потребительских товаров. При продолжающемся спаде в мировой торговле и установлении санкций Британией и Соединенными Штатами в знак протеста против преследования режимом евреев это вызвало сокращение экспорта с 1260 миллионов рейхсмарок в последнем квартале 1933 года до 990 миллионов во втором квартале 1934 года. Одновременно с этим рос объем импорта, так как в Германии увеличивался спрос на такие продукты, как резина, масло и хлопок. Импорт сырья с середины 1932 года по начало 1934 года вырос на 32%, а доходы от экспорта упали на 15%. Ситуацию усугубило еще и то, что Британия и США позволили своим валютам

обесцениться, в то время как нацистское правительство, как и его предшественники, не хотело обесценивать рейхсмарку, опасаясь, что это вызовет инфляцию. Так немецкие товары стали дороже на мировом рынке, заставляя остальные страны искать другие источники, а импорт товаров в Германию стал дешевле, поощряя фирмы покупать больше таких товаров. В 1934 году платежный баланс Германии оказался в дефиците⁸⁴. Внешний долг Германии рос, а золотовалютные резервы с января по сентябрь сократились почти вдвое⁸⁵. Частичные квоты и ограничения на иностранную валюту не оказали никакого реального воздействия на стремительно ухудшающуюся ситуацию⁸⁶ 14 июня 1934 года Рейсхбанк на шесть месяцев приостановил выплату долгосрочных и среднесрочных внешних долгов⁸⁷.

19 сентября 1934 года, чтобы постараться справиться с этими усугубляющимися проблемами, Ялмар Шахт, только что коронованный «экономический диктатор» Германии, объявил о «Новом плане», согласно которому торговля теперь должна была вестись по двустороннему принципу: это должен был быть своеобразный товарообмен между Германией и другими государствами, при котором допускался импорт только из тех стран, в которые Германия экспортировала значительное количество товаров. «Задачей немецкой политики, — объявил он 3 марта 1935 года, — было осуществление программы перевооружения». Для того чтобы оплатить ее, нужно было по возможности ограничиться импортом сырья, необходимого для военных нужд и продуктов питания, которые нельзя было произвести в Германии⁸⁸. Юго-Восточная Европа казалось особенно благоприятным регионом для двусторонней торговли. Если обратить внимание на Балканы, то открылись бы перспективы появления новых торговых зон для будущей Великой Германии в Восточно-Центральной Европе и реализации проекта *Mittleuropa* (Центральная Европа), о чем нацисты столько мечтали. В случае войны это было бы безопаснее существующих торговых связей на севере и западе. Кроме этого, сокращение международной торговли уменьшило бы зависимость Германии от Британского торгового флота, что было бы очень опасно в случае войны между этими двумя нациями.

Германия ввозила слишком много сырья из самых разных частей Земного шара, и «Новый план» был нацелен на то, чтобы

уменьшить зависимость Германии от этих источников. План осуществляли двадцать пять чиновников, он позволил сократить импорт товаров из других европейских стран в Германию с 7,24 миллиарда рейхсмарок в 1928 году до 2,97 миллиарда десятью годами позднее; к этому времени импорт из Юго-Восточной Европы, в 1928 году составлявший 7,5% от всего импорта, вырос до 22%⁸⁹. Но вскоре армия стала жаловаться на то, что хотя Шахту и удавалось найти деньги на первые стадии перевооружения, у него не получалось подготовить экономику к войне. Прежде всего ограничения на импорт опасно истощили внутренние резервы сырья, руды и металла, а попытки найти им замену — текстиль из собственного сырья, синтетическая резина и горючее, добываемая в Германии нефть и т.д. — не очень сильно способствовали решению этой проблемы. Гитлер решил, что пришло время вмешаться в экономику более радикально, и здесь уже нельзя доверять Шахту, который не скрывал своего мнения о том, что к 1936 году немецкая экономика достигла предела своих возможностей в поддержании перевооружения и военной мобилизации⁹⁰.

II

4 сентября 1936 года Геринг зачитал кабинету объемный меморандум, который Гитлер составил, предвидя неудачу «Нового плана». В нем, как обычно, прежде чем перейти к сути — подготовке экономики к войне, он сделал долгое вступление, касающееся истории и политики. «Политика, — объявил Гитлер, — это борьба нации за жизнь». В этой борьбе угрозу начинает представлять Советский Союз. «Суть большевизма и его цель состоят в устранении тех слоев человечества, которые до этого осуществляли руководство, и замене их всемирным еврейством». Германия должна встать во главе борьбы с этим, так как победа большевизма будет означать «уничтожение немецкого народа». Подготовка к грядущей битве, — заявил Гитлер, — это абсолютный приоритет. Все остальное вторично. «Немецкие вооруженные силы должны быть боееспособны уже через четыре года. Немецкая экономика, — добавил он, — через четыре года должна быть готова к войне». Как обычно, последовало долгое перечисление

представлений Гитлера об экономике: Германия была перенаселена и не могла сама себя прокормить; решением являлось расширение жизненного пространства для получения нового сырья и продовольствия. Для войны невозможно было запастись сырьем, так как необходимое количество попросту было слишком велико. Производство горючего, синтетической резины, искусственных жиров, заменителей железа и металла нужно было поднять до уровня, на котором можно было бы перенести войну. Продукты необходимо было экономить; например, картофель нельзя больше использовать для приготовления алкогольных напитков. Людям надо было идти на жертвы. Нужно было составить экономический план. Интересы нации должны превалировать над интересами отдельных предпринимателей. Предприниматели, хранящие свои средства за границей, должны быть казнены⁹¹.

Представив кабинету этот меморандум, Геринг начал яростную атаку на точку зрения, которую продвигали Шахт и его сторонник, имперский комиссар по ценам Гёрделер, о том, что решение экономической проблемы 1936 года заключается в сокращении масштабов перевооружения. Напротив, так как «решающая схватка с Россией неизбежна», нужно было ускорить ее. Нужно было установить гораздо более жесткий контроль над экономикой и экспортом валюты. Геринг сообщил, что именно ему Гитлер поручил реализацию четырехлетнего плана, о котором фюрер заявил на партийном съезде 9 сентября. Шахт постепенно становился бесполезен. 18 октября 1936 года соответствующий декрет официально закрепил превосходство Геринга. Он использовал его для того, чтобы учредить новую организацию, занимающуюся подготовкой экономики к войне, в ней было шесть отделов, занимающихся производством и распределением сырья, координацией рабочей силы, контролем за ценами, операциями с иностранной валютой и сельским хозяйством. Геринг назначил госслужащих высшего ранга из Министерства труда и Министерства сельского хозяйства, чтобы они управляли двумя соответствующими отделами организации. Таким образом, он начал устанавливать контроль над этими министерствами, обходя Вальтера Дарре и Франца Зельдте, двух ответственных министров. Операция Геринга также позволила избавиться от Шахта, которого в день, когда кабинету был представлен план, принуди-

тельно отправили в отпуск. Вскоре Шахт обнаружил, что Управление четырехлетнего плана принимало политические решения не считаясь с его Министерством экономики. Его протесты ни к чему не привели. Все больше огорчаясь из-за потери власти и все больше беспокоясь из-за быстрого расширения производства сырья и военного оборудования на абсолютно неадекватной, с его точки зрения, финансовой основе, 8 октября 1937 года Шахт написал Гитлеру, вновь сообщив, что, по его мнению, финансовыми делами Третьего рейха может руководить только один человек, и пояснил, что это должен быть он сам. Это определенно была угроза отставки⁹².

Но к этому времени Гитлер потерял всякую уверенность в Шахте, чей экономический реализм уже сильно его раздражал. 25 октября 1937 года командующий флотом адмирал Эрих Ридер официально попросил министра обороны генерала Вернера фон Бломберга, чтобы Гитлер лично рассудил три стороны — армию, флот и ВВС, которые соперничали между собой за дефицитные поставки железа, стали, горючего и другого сырья. В ответ на это Гитлер приказал Бломбергу устроить встречу в Имперской канцелярии 5 ноября 1937 года, на которой нацистский вождь обрисовал общую стратегию небольшой группе руководителей, в которую входили Редер, Бломберг, главнокомандующий сухопутными войсками генерал Вернер фон Фрич, командующий ВВС Герман Геринг и министр иностранных дел Константин фон Нейрат. Записи вел военный адъютант Гитлера полковник Фридрих Хоссбах, впоследствии эти записи использовались как доказательство того, что Гитлер уже тогда готовился в ближайшем будущем начать войну. На самом деле никакого конкретного плана не было, хотя были определенные намерения. Гитлер в первую очередь старался внушить своим слушателям необходимость перевооружения и неизбежность вооруженного конфликта, в особенности в Восточно-Центральной Европе. Многие из того, что он говорил, они уже слышали в его предыдущих выступлениях. «Цель внешней политики Германии, — начал Гитлер, согласно записям Хоссбаха, — сохранить и увеличить «расовый запас» (Volksmasse). А это вопрос пространства». Под этим он, как обычно, имел в виду завоевание Центральной и Восточной Европы, что удовлетворило бы потребность немец-

кой расы в расширении «только на обозримый период одного-трех поколений» до того, как следующее расширение, возможно за море, станет необходимо и достижимо, может быть, с падением Британской империи. Подробно рассмотрев ситуацию с дефицитом сырья и продовольствия, Гитлер пришел к выводу, что Германия не может сохранять «автаркию» как в вопросах продовольствия, так и в вопросах экономики. Решение, в особенности это касалось продовольственных запасов, заключалось в «заполучении пространства для сельскохозяйственного использования» в Европе путем завоевания, это подразумевало устранение проживающего там населения или сокращение его численности. «Проблему Германии, — объявил он, — можно решить только с использованием силы»⁹³.

Гитлер также предостерег, что другие страны догоняют Германию по вооружению и что внутренний продовольственный кризис скоро может достичь критической точки. Хоссбах отметил, что в речи Гитлера звучали ноты беспокойства по поводу его собственного здоровья: «Если вождь еще жив, он твердо и решительно настроен решить проблему пространства для Германии самое позднее к 1943—1945 году». На самом деле он начал бы военные действия раньше, если бы Франция была ослаблена внутренним кризисом или была вовлечена в войну с другим государством. В любом случае с приходом войны основной задачей Германии было расправиться с Австрией и Чехословакией, чтобы снизить угрозу на юго-восточном фланге. Насильственное устранение двух миллионов человек из Чехословакии и одного миллиона из Австрии освободило бы для Германии дополнительные продовольственные запасы. Он добавил, что британцы и французы, скорее всего, не будут вмешиваться, а поляки будут сохранять нейтралитет до тех пор, пока Германия будет побеждать⁹⁴. Таким образом, Гитлер собирался победить продовольственный кризис не сокращением темпов перевооружения, а ускорением планируемого завоевания «жизненного пространства». Несмотря на сомнения некоторых из участников встречи, Гитлер как никогда торопился с перевооружением. Предостережения Шахта и его сторонников, некоторые из которых также были на встрече, просто проигнорировались. Решение экономических проблем Германии было отложено до того времени, когда будет создано «жизненное

пространство» на Востоке. При таком настрое у Гитлера мнение Шахта уже не значило ничего. 26 ноября 1937 года Гитлер принял его заявление об отставке с поста министра экономики. Управление экономикой теперь благополучно перешло в руки Германа Геринга. На обсуждении, проведенном позднее в этом месяце, стало ясно, что Геринг позаботился о том, чтобы с программы перевооружения были сняты все тормоза, какими бы экономическими трудностями это ни грозило⁹⁵.

Вскоре уже можно было увидеть результаты этих изменений. Темпы перевооружения все ускорялись. Как предсказывал Шахт, в 1938 году траты на подготовку к войне явно вышли из-под контроля: на армию было потрачено 9137 миллионов рейхсмарок по сравнению с 478 миллионами в 1933 году; 1632 миллиона было потрачено на флот по сравнению с 192 миллионами пятью годами ранее; и 6026 миллионов потратили на ВВС по сравнению с 76 миллионами в 1933 году. Включая расходы на управление и на погашение векселей Мефо, затраты на перевооружение выросли с 1,5% национального дохода в 1933 году до 7,8% в 1934 году, до 15,7% в 1936 году и до 21,1% двумя годами позднее, в то время как национальный доход за тот же период увеличился практически вдвое. В финансах рейха, в которых в 1932 году был скромный излишек, в 1933 году наблюдался дефицит в 796 миллионов рейхсмарок, а в 1938 году он вырос почти до 9,5 миллиарда. Шахт, теперь в должности президента Рейхсбанка, 7 января 1939 года написал Гитлеру письмо, в котором предупредил, что «чрезмерно растянутые общественно-государственные расходы» быстро приведут к «нарастающей опасности инфляции». «Бесконтрольное разрастание государственных расходов, — сказал он Гитлеру, — сводит на нет любую попытку привести бюджет в порядок. Несмотря на невероятное закручивание налоговых гаек, оно приводит финансовое положение государства к краю пропасти, разрушает эмиссионный банк и его валюту». В ответ на это Гитлер через несколько дней, 20 января 1939 года, уволил его вместе со всем советом директоров. Гитлер сказал Шахту, что он уже не вписывался в национал-социалистические планы⁹⁶.

Шахт отправился в долгий отпуск в Индию, а после возвращения ушел из общественной жизни. После смерти его первой жены он женился на сотруднице Мюнхенского дома немецкого

искусства, женщине на тридцать лет его моложе, а после медового месяца в Швейцарии в 1941 году они зажили тихой жизнью в деревне, хотя у Шахта все еще был ряд довольно бессмысленных титулов, таких как министр без портфеля. Ему на смену пришел бывший статс-секретарь Министерства пропаганды Вальтер Функ, которого Геринг протолкнул на должность министра экономики 15 февраля 1938 года. Фанк встал также и во главе Рейхсбанка, подчинив, таким образом, обе организации Четырехлетнему плану. Нет ничего удивительного в том, что Шахт и члены Совета директоров, работавшие под его руководством, некоторые из которых впоследствии были восстановлены, считали, что «неумеренные траты общественных финансов» достигли еще более дикой скорости, чем раньше. 15 июня 1939 года новый закон снял все ограничения на печатание денег, осуществив, таким образом, самые худшие опасения Шахта. Но Гитлер и нацистское руководство не беспокоились. Они рассчитывали на то, что вторжение и завоевание Восточной Европы покроет все расходы. В феврале 1934 года Гитлер постановил, что перевооружение должно быть закончено к 1942 году. Когда появился Четырехлетний план, эту дату приблизили до 1940 года. Экономические проблемы Германии, как всегда говорил Гитлер, можно было окончательно решить только войной⁹⁷.

III

Переход от «Нового плана» к Четырехлетнему говорил о том, насколько сильно Гитлер торопился достичь своей цели. Но ни один из них нельзя назвать планом в истинном смысле этого слова. По крайней мере Шахт, руководящий экономикой в первые годы Третьего рейха, четко осознавал, что происходит с экономикой и финансами государства в целом. Но Геринг при всей своей несомненной энергии, честолюбии и интуитивном понимании того, как работает власть, не видел общую картину так отчетливо. Он не устанавливал четких приоритетов и не мог этого сделать, потому что у Гитлера никак не получалось окончательно решить, какие войска должны занимать приоритетное положение — авиация, флот или армия. Постоянно разрабатывались новые программы, и тут же их место занимали другие, более претенциозные. В управле-

нии экономикой царил хаос, сферы контроля разных органов пересекались, и за них велась конкуренция, один из высокопоставленных чиновников назвал эту ситуацию «организационные джунгли Четырехлетнего плана». Существовало фундаментальное противоречие между стремлением к автаркии в преддверии долгой войны и отчаянным перевооружением при подготовке к неминуемому конфликту. Оно так и не было разрешено. Также не было достаточной статистической информации, которая была необходима для создания рациональной системы планирования. Несмотря на свою сложную структуру, в которую входил Общий совет, задачей которого было координировать все операции и гармонизировать деятельность всех входящих в него министерств, Четырехлетний план на самом деле представлял собой практически лишь несколько разрозненных инициатив. Однако он принес некоторый успех. Например, производство угля за период с 1936 по 1938 год выросло на 18%, бурого угля — на 23%, а кокса — на 22%. В 1938 году Германия производила на 70% больше алюминия, чем за два года до этого, и стала самым крупным его производителем, превзойдя даже США. В 1932 году Германия могла только на 5,2% удовлетворить спрос на текстиль, который, помимо прочего, был необходим для изготовления военной формы. Увеличение производства вискозы и других искусственных волокон подняло эти цифры до 31% в 1936 году и 43% в 1939 году. Цель сделать так, чтобы Германия больше не полагалась на импортное горючее, стала ближе, так как за период с 1937 по 1939 год производство нефти выросло на 63%, а синтетического горючего — на 69%. В 1937 году Гитлер объявил об основании двух гигантских фабрик по производству буны [т.е. синтетического каучука], которые в скором времени должны были начать производить достаточное его количество, чтобы удовлетворить все требования Германии⁹⁸.

Но за этими впечатляющими цифрами скрывалось то, что Четырехлетний план не привел к желаемому результату и не сделал Германию самодостаточной к 1940 году. Для начала план не смог решить хроническую проблему Германии с платежным балансом. Хотя экспорт в 1937 году вырос, в 1938 году он снова упал, так как немецкие производители больше верили безопасным и выгодным внутренним контрактам, а не рисковали выводить свою продукцию на мировой рынок. В оба этих года импорт по

стоимости превышал экспорт, что еще сильнее сокращало и без того уже истощенные запасы иностранной валюты в Германии. Наверно, это больше, чем что-либо другое, заставило Шахта отстраниться от режима, которому он так верно служил с самого начала⁹⁹. После того как он ушел со сцены, в некоторых областях импорт по-прежнему играл решающую роль. Алюминиевые фабрики в Германии, несмотря на то, что они стремительно увеличивали производительность, почти полностью использовали импортное сырье. Для производства высококачественной стали также были необходимы металлы, которых в Германии не добывали. Производство буны в 1938 году составило не более пяти процентов внутреннего потребления резины в Германии; было произведено только 5000 тонн, хотя планировалось 29 000. В 1939 году половина природной нефти, используемой в Германии, была импортной. Расширение на Восток могло дать новые источники нефти за пределами Германии, но это определенно не устранило бы дефицита резины. Что особенно важно, это увеличение внутреннего производства нужно рассматривать в контексте растущего спроса, прежде всего со стороны вооруженных сил. Изначально вооруженные силы видели в перевооружении средство укрепления защиты страны; но долгосрочной целью всегда была захватническая война на Востоке, и уже 30 декабря 1935 года генерал Людвиг Бек, начальник Генерального штаба, на основании успешных танковых маневров, прошедших предыдущим летом, потребовал создания более мобильной армии, увеличения количества танковых бригад и подразделений мотопехоты. К середине 1936 года армия планировала добавить три бронетанковые дивизии и четыре мотострелковые дивизии к тридцати шести, которые существовали в мирное время. Все это требовало бы огромного количества стали, чтобы произвести необходимую технику, и больших запасов топлива, чтобы ее заправлять¹⁰⁰.

Строительство мощного флота было не такой срочной задачей, так как основной целью Гитлера на ближайшее время было завоевание Европы, прежде всего Восточной Европы. Но в более долгосрочной перспективе, как он отметил во второй своей неопубликованной книге, он предвидел масштабный трансконтинентальный конфликт с Соединенными Штатами, а для этого нужен был большой флот. Весной 1937 года он увеличил количе-

ство линкоров, которое планировалось построить, с четырех до шести, они должны были быть готовы к 1944 году. Кроме того, нужно было построить четыре карманных линкора (в 1939 году вместо них было решено построить три линейных крейсера), а скорость постройки стремительно увеличивалась, так как все время приближалась угроза войны с Британией. Расходы на флот выросли с 187 миллионов рейхсмарок в 1932 году до 497 двумя годами позднее, 1161 миллион в 1936 году и 2390 миллионов в 1939 году. В 1936 году на строительство кораблей шло около половины всех расходов флота, хотя накануне войны эта цифра составила уже только четверть, так как в команду новых кораблей привлекались люди, а для новых орудий производились боеприпасы. Даже в 1938 году для флота, который планировалось построить, требовалось шесть миллионов тонн горючего в год и два миллиона тонн дизельного топлива, при том что все потребление природной нефти в Германии составляло шесть миллионов, меньше половины из которых производилось внутри страны. Планы по расширению авиационных войск были даже более претенциозны, но очень быстро они натолкнулись на такие же ограничения. Не обращая внимания на возражения армии и флота, которые считали, что самолеты — это фактически только вспомогательная сила, 10 мая 1933 года Гитлер создал Министерство авиации, руководил которым Герман Геринг, сам бывший летчик-истребитель. Геринг, которому помогал его талантливый и энергичный статс-секретарь Эрхард Мильх, бывший директор авиакомпания «Люфтганза», сразу же принял план, составленный другим директором «Люфтганзы» Робертом Кнауссом, который хотел создать независимые военно-воздушные войска, призванные воевать на двух фронтах, с Францией и Польшей. Ключом к успеху были бомбардировщики дальнего действия, как утверждал Кнаусс. К 1935 году производство самолетов было реорганизовано, компоненты производили разные фирмы, экономя, таким образом, время крупных производителей, таких как Юнкерс, Хейнкель или Дорнье. К целям министерства скоро добавилось создание истребителей ПВО. В июле 1934 года долгосрочная программа предусматривала строительство к концу марта 1938 года более 2000 истребителей, 2000 бомбардировщиков, 700 пикирующих бомбардировщиков, более

1500 разведочных самолетов и еще тысячи тренировочных самолетов. Но в 1937 году дефицит железа и стали начал серьезно мешать этим претенциозным планам. Постоянные изменения в конструкции бомбардировщиков еще сильнее все замедлили. Производство самолетов фактически сократилось с 5600 до 5200 за период с 1937 по 1938 год¹⁰¹.

Тем временем импорт железной руды вырос с более чем 4,5 миллиона тонн в 1933 году до почти 21 миллиона тонн в 1938 году; требования перевооружения довели над требованиями автаркии. Тем не менее ограничения на иностранную валюту серьезно препятствовали компенсации дефицитов за счет импорта. К 1939 году армия стала навязывать, как позднее выразились американские наблюдатели, «резкие ограничения использования автомобилей ради экономии резины и горючего». Уже в 1937 году автопромышленности была выделена только половина от того количества стали, которое ей требовалось. Боеприпасов не хватало, а строящихся казарм было недостаточно для того, чтобы вместить стремительно растущее количество солдат. Флот не мог получить того количества стали, которое было необходимо для завершения программы по строительству кораблей¹⁰². В 1937 году ВВС получили только треть от требуемой для производственных целей стали. Но в октябре 1938 года Геринг объявил о расширении воздушных войск до такого огромного размера, что им потребовалось бы 85 процентов авиатоплива, производимого во всем мире. Около 20 000 боевых и резервных самолетов должны были быть готовы к действию в начале приближающейся войны в конце 1941 — начале 1942 годов. Когда война действительно началась, у ВВС было только 4000 самолетов, готовых к бою. Это была впечатляющая цифра, особенно по сравнению с ситуацией, наблюдавшейся шесть лет назад, но это было гораздо меньше, чем было нужно Герингу¹⁰³.

К 1939 году нехватка сырья стала ставить простых немцев в их повседневной жизни в абсурдное положение. Начиная с 1937 года режим начал поощрять сбор металлолома, для того, чтобы удовлетворить ненасытные требования металлопромышленности. Теперь у людей был долг перед родиной, заключавшейся в сдаче властям всех старых или не использующихся металлических предметов. Имперскому комиссару Вильгельму Зиглеру по-

ручили организовать сбор металлолома, и все чаще устраивалось его насильственное изъятие. В 1938 году он приказал демонтировать все металлические заборы вокруг садов по всему рейху. Штурмовики в униформе насильно выкапывали ограждения вокруг фабрик, церквей, кладбищ и парков. Железные фонарные столбы заменили на деревянные. Группы эсэсовцев сносили ограды вокруг семейных могил, забирали проволоку, трубы и другие неиспользуемые металлические предметы с фабрик. Члены Гитлерюгенда искали на чердаках и в подвалах у людей ненужные изделия из белой жести, не используемые металлические батареи, старые ключи и тому подобное. Повсюду организовывались местные комиссии по поиску металлолома. Использование металла в мирных целях было строго ограничено строителями, устанавливающими в домах центральное отопление с металлическими трубами вместо старомодных, выложенных изразцами, печей. При установке унитаза его выходные трубы должны были делаться не из металла, а из глины. Владельцы домов и городские советы пытались заменить конфискованные столбы и ограды деревянными, но дерева тоже не хватало, что в свою очередь приводило к дефициту бумаги. Строительным компаниям велели сократить использование древесины на 20%, а деревенским жителям велели топить торфом и не трогать дерево, которое можно было использовать в промышленности. Было ограничено бытовое использование угля. Были установлены официальные ограничения на использование золота производителями часов. Стал развиваться черный рынок металлических деталей для стиральных машин и другой бытовой техники. Были случаи, когда медь и другие металлы воровали и продавали производителям оружия, чье положение было столь отчаянным, что они не задавали много вопросов о том, откуда их брали¹⁰⁴.

IV

Кроме дефицита сырья, программа перевооружения также создавала нехватку рабочей силы, которая с течением времени становилась все существеннее. Так как в металлургическом, машиностроительном производстве, на фабриках, производящих оружие и боеприпасы, не хватало квалифицированных и полуквали-

фицированных работников, режим был вынужден пересмотреть свое отношение к работающим женщинам. Если женщина не может работать в тяжелой промышленности, то она определенно может работать в канцелярии, на сборочных линиях современных отраслей производства, таких как химия и электротехника, и, в более широком масштабе, в производстве потребительских товаров. Уже в 1936–1937 годах рядом декретов правительство отменило требование, что женщина, получившая брачный заем, должна уйти с работы и не устраиваться на другую. Это привело к немедленному увеличению количества обращений за займами, как и можно было ожидать, и предвзовет изменения в отношении государства к полновесному женскому труду. Только в одной сфере, скорее по случайности, ограничения стали жестче: после конференции в Имперском министерстве юстиции рейха в августе 1936 года, на которой участники среди прочих подняли вопрос о женщине в системе правосудия, Мартин Борман спросил Гитлера, следует ли позволять женщинам работать юристами. Ответ Гитлера был полностью отрицательным: женщины, сказал он Борману, не могут быть судьями или адвокатами; если у них юридическое образование, они должны идти на госслужбу¹⁰⁵. Но во всех других областях женщины уже активно возвращались к работе. Количество женщин-врачей увеличилось с 2814, или 6% всех представителей профессии, в 1934 году до 3650, или 7% всех врачей, в начале 1939 года, к этому времени 42% из них были замужем. Что было более значимо, количество женщин, работающих в промышленности, выросло с 1 205 000 в 1933 году до 1 846 000 в 1938 году. Усиливающаяся нехватка рабочей силы в деревне тоже привела к тому, что женский труд стал чаще использоваться на фермах. Понимая необходимость оказания социальной поддержки, в особенности замужним работающим женщинам с детьми, Германский трудовой фронт, нацистский преемник старых профсоюзов, стал оказывать все возрастающее давление на работодателей, чтобы они предоставляли дневных нянь для маленьких детей работающих женщин, регулировали время и условия работы женщин так, чтобы их здоровье не пострадало¹⁰⁶.

В феврале 1938 года организация Четырехлетнего плана объявила о том, что женщины моложе двадцати пяти лет, которые хотели работать в промышленности или сфере обслуживания, долж-

ны были сначала год отработать в сельском хозяйстве (или выполняя домашнюю работу для замужних работающих женщин). Через десять месяцев эта схема была продлена, она мобилизовала к июлю 1938 года 66 400 молодых женщин и еще 217 000 к июлю 1939 года. Это принесло гораздо лучшие результаты, чем добровольные работы, которые устраивали различные организации нацистских женщин примерно с теми же целями; к 1939 году по этим программам работало лишь чуть больше 36 000 молодых женщин, в основном на фермах¹⁰⁷. Одной из молодых девушек, принявших участие в такой программе, была Мелита Машман, которая работала по программе в сельском регионе — Восточной Пруссии. Здесь она увидела бедность и отсталость, которые были так чужды той мелкобуржуазной среде, в которой она жила в Берлине. Многочасовая тяжелая физическая работа прерывалась лишь небольшими паузами для занятий спортом, политическим воспитанием и пением. Тем не менее, несмотря на все трудности, как верный член Союза немецких девушек, она сочла, что этот опыт поднял ей настроение и даже вдохновил. Позднее она призналась: «Наш лагерь представлял собой уменьшенную модель того, каким я видела национальное сообщество. Это была очень удачная модель. Никогда ни до, ни после этого я не видела такого прекрасного сообщества, даже там, где состав был во всех отношениях более однороден. Среди нас были крестьянки, студентки, девушки с фабрик, парикмахеры, школьницы, служащие и так далее... Знание того, что эта модель национального сообщества позволила мне испытать такое счастье, породило во мне оптимизм, которого я упрямо придерживалась вплоть до 1945 года. Поддерживаемая этим опытом, я верила, несмотря на все доказательства обратного, что весь мир однажды будет как наш лагерь, если не в следующем, то в будущих поколениях»¹⁰⁸.

Однако самим фермерам необученные городские девушки не приносили большой пользы. Более того, что касается экономики в целом, две трети замужних женщин накануне войны, к 1939 году, все еще не были зарегистрированы как работающие. А если они и работали, то по сокращенному графику — уборщицами или домработницами, чаще всего в деревнях¹⁰⁹.

В 1939 году все резко изменилось — 90% незамужних взрослых женщин имели работу. Но увеличение количества работающих

женщин с 1933 года уступает тому, насколько этот показатель вырос у мужчин: с 1933 по 1939 год процент женщин, работающих в промышленности, упал с 29 до 25%. Попытка Германского трудового фронта убедить предприятия обеспечить условия для работы женщин с детьми не привели ни к чему. Мобилизация потенциальной женской рабочей силы все же продолжала сопровождаться заявлениями со стороны режима и его руководителей, что основная задача женщины — рожать и воспитывать детей для рейха. Так как существовали брачные займы с поощрениями за рождение детей, а также в ходе перевооружения появились рабочие места для мужчин, матерям не имело смысла заниматься тяжелой работой на фабрике, когда они воспитывали детей. К концу 1937 года правительство даже стало предлагать выпускницам обучаться домоводству и уходу за детьми, прежде чем оказаться на рынке труда. На самом деле ни работающие мужчины, ни сами женщины, ни режим не считали приемлемым, чтобы женщина работала в тяжелой горнорудной или сталелитейной промышленности или на другом производстве, связанном с изготовлением вооружения, все это считалось делом мужчин. Несмотря на давление со стороны вооруженных сил, призывающих к мобилизации, как выразился в июне 1939 года один чиновник, огромной потенциальной рабочей силы, состоящей из 3,5 миллионов неработающих женщин, противоречие между экономическими соображениями и идеологией все-таки привело к тому, что до 1939 года женщин не привлекали к военному производству¹¹⁰.

Гитлер и другие нацистские лидеры были обеспокоены еще одной назревающей проблемой. Полагая, что в Первой мировой войне Германия потерпела поражение в тылу, а не в окопах, они были почти одержимы стремлением избежать повторения ситуации 1914–1918 годов, когда в тылу семьи солдат страдали от бедности и лишений. Осознание этого, как они считали, деморализовало войска и сделало население подверженным уговорам революционеров и подрывных элементов. Готовясь к войне в конце 1930-х годов, нацисты все время помнили про 1918 год. Привлечение женщин к работе на фабриках придало бы этому конкретные очертания. С началом новой войны мужчины, отправленные в бой, будут сражаться лучше, если будут знать, что их жены не трудятся в поте лица у конвейера, производя боепри-

пасы, а находятся вместе со своими детьми под защитой Третьего рейха¹¹¹. Это означало, что, когда в 1936 году перевооружение увеличило потребность в определенных специальностях, режиму нужно было находить рабочую силу как-то по-другому. Прежде всего это означало использование иностранного труда. В 1933 году наем и практически все виды контроля над иностранными рабочими уже были централизованы и находились в руках Министерства труда, контроль основывался на законах и правилах, по которым приоритет отдавался немецким работникам, а работники из других стран считались гражданами второго класса. До лета 1938 года иностранные рабочие были по большей части неквалифицированы, и их труд использовался на фермах и на стройплощадках. Большую часть такой рабочей силы составляли польские сезонные рабочие и итальянцы. С 1936—1937 по 1938—1939 годы количество иностранных рабочих увеличилось с 274 000 до 435 000. Однако иностранные рабочие образовывали утечку в экономике, так как увозили на родину столь необходимую твердую валюту. Поэтому количество таких работников нужно было строго контролировать либо искать средства не давать им нарушать платежный баланс. К 1938—1939 годам стало назреть решение, которое, как это бывало и во многих других областях, заключалось в будущем завоевании других государств. Иностраных рабочих будут набирать принудительно из военнопленных и других социальных групп таких стран, как Польша и Чехословакия, как только немцы захватят над ними власть. И у них будет установлен особенно жесткий полицейский режим, который будет говорить им, что они должны делать. В 1938 году появились первые соответствующие распоряжения, а в июне 1939 года их ужесточили. Во время войны правила должны были стать просто драконовскими¹¹².

Однако все эти меры мало способствовали решению сиюминутных, текущих проблем. Трудности, которые испытывала немецкая экономика в 1938—1939 годах, свидетельствовали о фундаментальных противоречиях Четырехлетнего плана. Его основной целью было достижение автономии в производстве продуктов питания, сырья, в подготовке к долгой войне, такой же, как в 1914—1918 годах, а она, по мнению Гитлера, должна была произойти очень скоро. Война во всей Европе, сосредоточенная

на Востоке, но затрагивающая и традиционного врага — Францию и, возможно, Великобританию, должна была начаться уже после 1940 года. Но ускоряя темпы перевооружения, план вызвал трудности, которые можно было разрешить только начав боевые действия раньше и получив, таким образом, сырье и продовольствие от завоеванных стран, таких как Австрия и Чехословакия. Это, в свою очередь, означало, что война начнется еще до того, как Германия будет полностью к ней готова. Грядущая война должна быть быстрой и решительной, потому что в 1938—1939 годах экономика явно была не в состоянии выдержать долгий конфликт¹¹³. Это решение Гитлер ясно видел уже в 1937 году, когда на встрече, ход которой записал Фридрих Хоссбах, он рассказал своим военачальникам, что планируемый «бросок на Чехию» нужно провести «с молниеносной скоростью»¹¹⁴. Экономика была просто не готова к затяжному конфликту. Так родилась концепция «молниеносной войны» (*Blitzkrieg*). Но ни экономическое планирование, ни военные технологии или производство вооружения никак не способствовали его реализации.

V

Четырехлетний план характеризовался резким увеличением вмешательства государства в экономику. Приоритеты расставлял режим, а не промышленность, создавались механизмы, позволяющие следить за тем, что предприятия выполняют все требования, каковы бы ни были последствия для них самих. Руководили планом бескомпромиссные национал-социалисты: Геринг, его главный руководитель, гаулейтеры Вальтер Кепплер и Адольф Вагнер, «старый боец» Вильгельм Кеплер и другие. Они пришли на смену экономическим бюрократам-традиционалистам, работающим с Шахтом. Но в то же время при том, насколько важны для плана были синтетическое горючее и синтетическая резина, а также химические удобрения для сельского хозяйства и синтетические волокна для одежды и военной формы, было неудивительно, что старшие руководители «И.Г. Фарбен», гигантской компании, которой делались заказы на производство этой продукции, играли ключевую роль в руководстве планом. Самым выдающимся из них был один из директоров фирмы Карл Крауч,

ответственный за исследования и разработки в рамках плана, но были и другие, в частности Йоханес Экель, глава химического отдела. Конечно, они состояли в руководстве планом, прежде всего потому, что были для этого достаточно компетентны; но, кроме того, они занимали эти должности и в интересах своей компании. Поэтому некоторые историки называют Четырехлетний план «Планом И.Г. Фарбен» и утверждают, что программами вооружения и достижения автаркии двигало желание предприятий получить больше прибыли. На самом деле после войны двадцать пять представителей руководства компании оказались на Нюрнбергском процессе по обвинению в заговоре о подготовке и развязывании войны. И хотя их оправдали по этим обвинениям, в литературе, и не только марксистской, «И.Г. Фарбен» и вообще крупным немецким предприятиям приписывается большая часть ответственности за организацию войны в Европе в 1933—1939 годы¹¹⁵. И в то время и после того, в особенности в 1950-е и 1960-е годы, было написано множество марксистской и неомарксистской литературы, где авторы пытались показать, что экономикой, а также внешней и военной политикой Третьего рейха двигали интересы капиталистов¹¹⁶.

Но уже в 1960-е некоторые марксистские историки утверждали, что, по крайней мере в нацистской Германии, экономика подчинялась политике, и ее основные параметры определялись идеологией, а не капиталистами¹¹⁷. Правда в том, что экономическую систему Третьего рейха трудно однозначно отнести к какой-либо категории. В некоторых моментах ее полная иррациональность вообще не дает назвать ее системой. Внешне Четырехлетний план в Германии очень сильно напоминал сталинскую пятилетку в Советском Союзе. Но нацистское экономическое планирование разрабатывалось явно не в интересах рабочего класса, как это было в Советском Союзе, по крайней мере внешне. В то время как советское планирование при Сталине практически полностью устранило свободный рынок и свободное предпринимательство, оно не трогало коммерческие предприятия, как большие компании, вроде «И.Г. Фарбен», так и мелких розничных торговцев и владельцев кустарных мастерских. С другой стороны, в речах нацистов, особенно в 1920-х годах, явно прослеживались антикапиталистические тенденции,

поэтому не было удивительно, что предприниматели резко изменили свою позицию и поддержали НСДАП, когда в 1933 году Гитлер стал канцлером. Уничтожение рабочего движения в последующие месяцы убедило многих предпринимателей в том, что они были правы, выступив на стороне режима. Но с течением времени предприниматели обнаружили, что у режима были и свои собственные цели, которые все больше расходились с интересами компаний. Главной из этих целей было как никогда неистовое стремление к перевооружению и подготовке к войне. Сначала фирмы с радостью приспособились к такой политике, она принесла им новые заказы, которых становилось все больше. Восстановление экономики, спровоцированное перевооружением, приносило доход даже производителям потребительских товаров. Но через несколько лет, когда требования режима переросли способность немецкой промышленности удовлетворить их, у компаний стали нарастать сомнения¹¹⁸.

Некоторые промышленники прореагировали на эти действия так же остро, как крупный сталепромышленник Фриц Тиссен, который в 1933 году поддерживал нацистскую партию настолько же бурно, насколько он в ней разочаровался спустя шесть лет. В 1939 году Тиссена сильно огорчало то, как государство руководит экономикой, он предсказывал, что скоро нацисты начнут расстреливать промышленников, не выполняющих условия Четырехлетнего плана, точно так же, как это было в Советской России. После начала войны он сбежал за границу, гестапо конфисковало его имущество, а впоследствии его арестовали во Франции и поместили в концлагерь¹¹⁹. Его тревогу по поводу усиливающегося вмешательства государства в экономику разделяли и многие другие. Больше всего их беспокоил Четырехлетний план. Стараясь увеличить внутренние запасы сырья, Геринг прежде всего осудил промышленников за то, что они эгоистично использовали свою продукцию в целях повышения собственной прибыли, вместо того чтобы пускать ее на перевооружение Германии, затем он взял этот вопрос в свои руки, национализировал частные месторождения железной руды, захватил контроль над всеми частными сталелитейными заводами и учредил новую компанию, известную как «Герман Геринг Верке».

Основанная в 1937 году компания, учрежденная государством и управляемая им, находящаяся в Зальцгиттере, производила и обрабатывала низкосортную немецкую железную руду по невыгодной цене, чего не хотели делать частные предприниматели. «Герман Геринг Верке» использовала государственные деньги для того, чтобы оплатить расходы на коксующийся уголь и другое сырье, а также на зарплату рабочим, создавая конкуренцию частным фирмам. Это должно было увеличить стоимость немецкого железа и стали и затруднить их экспорт; а экспортировались в то время товары, приносящие максимальную прибыль. Что было еще хуже, «Герман Геринг Верке» вскоре стала поглощать сначала маленькие фирмы в этой отрасли, а затем, в апреле 1938 года, — компанию Rheinmetall-Borsig, производящую вооружение. Национализация огромного концерна Тиссена на самом деле была частью более широкого процесса, направленного на то, чтобы заставить промышленность служить интересам автаркии и перевооружения. Представители тяжелой промышленности в фирмах, таких как «Объединенные сталелитейные заводы» (Vereinigte Stahlwerke), которых тайно поддерживал Шахт, пока еще он занимал свою должность, яростно возражали против такого роста национализации и контроля и против конкуренции государства с их собственными предприятиями. Они начали составлять интриги против Четырехлетнего плана и обсуждать способы того, как ослабить государственный контроль. Но оказалось, что за их тайными встречами велась слежка, их телефонные разговоры записывались на пленку, вся эта информация доставлялась Герингу, он даже вызвал двоих главных заговорщиков в свой кабинет и включил им записи их телефонных разговоров. Натолкнувшись на такое давление и недвусмысленную угрозу тюремного заключения и заточения в концлагерь, разочарованные, напуганные и разобщенные промышленники были вынуждены отступить¹²⁰.

Типичным представителем такой категории людей был стальной магнат и производитель оружия Густав Крупп фон Болен унд Гальбах, председатель совета концерна «Крупп» в Эссене, в рабочем поселке компании в Руре, с тех пор как в 1906 году он женился на женщине из семьи Круппов. Круппы давно и очень тесно сотрудничали с прусским государством, поставляя

ему оружие. Кайзер Вильгельм II лично дал Густаву фон Болену унд Гальбаху разрешение добавить Крупп к своему имени, когда он женился на наследнице семьи Берте Крупп. С этого момента Густав, который до этого строил карьеру в дипломатии (хотя и родился в семье промышленников), видел в сохранении фирмы основную задачу своей жизни. Жесткий, официальный, холодный и нестигаемый, он много трудился ради своей компании и был вознагражден большими заказами на вооружение, в результате чего в 1917 году 85% продукции Круппа предназначалось для военных целей. Хотя он и не был особо активен в политике, Густав, как и большинство промышленников, был консервативным националистом. С 1909 года председателем контрольного совета компании был Гинденбург, разделявший многие взгляды Круппа. Будучи патерналистом, поддерживающим своих рабочих жильем, социальными выплатами и другими привилегиями в обмен на то, чтобы они не вступали в профсоюзы и не занимались политикой, Густав считал, что государство должно вести себя примерно так же, заботясь о народе, пока он сохранял ему верность. Фирме стало сложнее придерживаться такой политики, когда после войны началась инфляция, и еще сложнее во время французской оккупации в 1923 году, Густав тогда семь месяцев провел в тюрьме за то, что якобы поддерживал немецкое сопротивление. Но все-таки компания выстояла и благополучно перешла на мирное производство до тех пор, пока в 1929 году не грянул мировой экономический кризис. К 1933 году производство компанией стали и угля составило почти половину от количества, выпускаемого в 1927 году, а количество работников в Эссене сократилось с 49 000 до чуть более чем 28 000¹²¹.

Эти события не сделали Густава Круппа сторонником нацизма. Напротив, нацистская демагогия вызывала у него неприязнь, и он предпочел поддержать радикально-консервативное правительство Франца фон Папена. Положение Круппа подкрепляла должность руководителя Имперской ассоциации немецкой промышленности, национальной организации работодателей, от лица которой он выступал против идеи автаркии и продвигал идею сильного государства, которое должно подавить профсоюзы, сократить расходы на социальную помощь и предоставить политическую стабильность, необходимую для восста-

новления экономики. Как и многие другие, когда Гитлер пришел к власти, он вначале посчитал, что была создана очередная Веймарская республика, которая не продержится долго. На последующей предвыборной кампании он выделил средства Папену и Немецкой народной партии в отчаянной надежде на то, что все-таки победят консерваторы. Под давлением Тиссена и других сторонников нового режима он был вынужден согласиться на «координацию» имперской ассоциации. Когда Пауля Сильверберга, промышленника из Кельна и одного из самых выдающихся деятелей Ассоциации, в 1933 году лишили его должностей и вынудили покинуть страну из-за того, что он был евреем, Крупп посчитал важным приехать к нему в его новый дом в Швейцарии. Он не вступил в нацистскую партию в первые годы ее правления, и хотя он стал директором организации «пожертвований Адольфу Гитлеру от немецкой экономики», которая с июня 1933 года регулярно снабжала партию крупными суммами денег, это было сделано во многом для того, чтобы отделаться от постоянных и бессистемных просьб о пожертвованиях, которые гаулейтеры, штурмовики и местные партийные чиновники направляли промышленникам и предпринимателям. Один человек, встретивший Круппа в Берлине в конце 1934 года, увидел, что произвол нацистской партии привел его в отчаяние. «Поверьте мне, — сказал он, — мы здесь в худшем положении, чем жители Тимбукту»¹²².

Тем не менее в первые годы своего правления Третий рейх не разочаровал Круппа. Его утешали присутствие в правительстве таких людей, как Папен и Шахт, доминирование в вооруженных силах таких офицеров, как Бломберг и Фрич, относительно ортодоксальная финансовая политика, которой придерживалось Министерство экономики, и прежде всего толстые книги заказов, которые позволили Круппу к 1935 году в два раза увеличить свои прибыли и увеличить количество работников в Эссене с 26 360 в начале октября 1932 года до 51 801 двумя годами позднее. Но вскоре Крупп стал замечать, что режим не дает ему той свободы действий, которая ему требовалась. Развитие фирмы во многом определялось экспортом, включая большие контракты на производство оружия с Турцией и Латинской Америкой, Круппа беспокоило стремление режима к автаркии, и в 1935 году

он публично высказался против этого. Он продолжал выпускать разнообразную продукцию, и вооружение было только одним из ее типов. В 1937 году его начало тревожить то, что режим стал недооценивать основную тяжелую промышленность, враждебно относился к внешней торговле и стремился сделать производственные предприятия собственностью государства, прежде всего это касалось Имперских заводов. Рост прибыли у фирмы резко замедлился. Независимость, которая была нужна Круппу для его предприятий, стала существенно ограничиваться маниакальным стремлением режима как можно скорее подготовиться к войне в Европе, в которой фирма Круппа должна была сыграть очень важную роль. Правительство предоставило ей беспроцентные займы для расширения производства, но только при условии, что государство будет решать, для чего она будет использоваться. Все обернулось совсем не так, как надеялся Крупп, и уже в 1937 году он начал передавать свое дело более молодому преемнику, который, как он надеялся, будет отстаивать интересы фирмы более агрессивно, чем он мог сделать это сам. В 1941 году у него случился инсульт, за которым потом последовало еще несколько, в результате он был вынужден окончательно оставить свое предприятие. Не в состоянии больше вести дела, он дожил до 1950 года, не вполне понимая, что вокруг него происходит¹²³.

По всей видимости, у такого концерна, как «И.Г. Фарбен», чья продукция играла ключевую роль в планах режима по достижению автаркии, было еще больше возможностей получить прибыль при Третьем рейхе. Начиная с 1933 года стало стремительно расти его влияние на формирование и осуществление правительственной экономической политики. Концерн начал готовиться к войне уже 5 сентября 1935 года, основав отдел взаимодействия с армией, задачей которого было координировать подготовку экономики к войне. Однако не стоит преувеличивать роль этой компании, так как доля ее расходов согласно плану составляла только четверть, а доля химической промышленности в экономике Третьего рейха в целом не подверглась большому увеличению. Для программы перевооружения всегда были более важны производство железа, стали и горная промышленность. В то же самое время «И.Г. Фарбен» была вынуждена значительно переориентировать свою продукцию, чтобы удовлетворить рас-

тушую необходимость в военной продукции. Сложные и, казалось, бесконечные переговоры о финансовых условиях, на которых компания должна производить необходимую государству буну (синтетический каучук), показали, насколько велика была пропасть между предприятием, для которого важнее всего была прибыль, и Четырехлетним планом, который не интересовало ничего, кроме наращивания темпов перевооружения и достижения автаркии. «И.Г. Фарбен» не особо торопилась этому способствовать, так как хотела свести к минимуму затраты. К осени 1939 года производство буны в стране составило немногим более двух третей от тех 30 000 тонн, которые требовались государству, в сентябре 1939 года производство и запасы резины могли позволить вести войну в течение лишь двух месяцев¹²⁴. Такая осторожность позволила компании избежать большого вреда от Четырехлетнего плана, хотя темпы роста снизились по сравнению с первыми годами экономического восстановления в стране. С 1933 по 1936 год чистая прибыль выросла на 91%, а с 1936 по 1939 год — еще на 71%. У пяти отраслей на предприятии, которые были для плана главными — производство мазута, металла, резины, пластиков и азота для взрывчатки, — доля в обороте «И.Г. Фарбен» увеличилась с 28% в 1936 году до почти 33% в 1939 году; в этот период на них приходилось более 40 процентов продаж компании. Но вклад, который делали товарные специализации, установленные планом, в общий товарооборот «И.Г. Фарбен», вырос лишь с 28,4% в 1936 году до 32,4% в 1939 году, причем компания должна была сама платить за разработку нового производства. Таким образом, как Четырехлетний план не очень сильно зависел от «И.Г. Фарбен», так и компания не зависела от плана¹²⁵.

Крупные предприятия, без сомнения, выигрывали от перевооружения и в целом экономического восстановления страны, которое начало происходить естественным образом еще до того, как нацисты пришли к власти, и которому затем поспособствовало перевооружение. Финансовая политика Шахта была дерзкой и изобретательной, но все же довольно ортодоксальной в финансовом плане. К 1938 году компании продолжали придерживаться выбранного курса, и режим, чтобы устранить ограничения, которые накладывало на перевооружение стремление

предпринимателей в первую очередь к прибыли, начал брать все в свои руки. Упорно добиваясь ускорения темпов перевооружения, режим все больше начинал вмешиваться в экономику через Четырехлетний план. К 1938 году нацистская партия и различные относящиеся к ней организации, такие как Германский трудовой фронт, под управлением Гитлера создавали крупные экономические предприятия, которые должны были помочь обойти традиционные экономические процессы ради политических целей режима. В автопромышленности такой кампанией был «Фольксваген»; в металлургии — «Герман Геринг Верке». Издавалось все больше законов и правил, целью которых было установить ограничения на цены, заставить предприятия проводить рационализацию, направить инвестиции в военные отрасли промышленности, наложить производственные квоты, контролировать внешнюю торговлю и многое другое. Про обещания НСДАП национализировать немецкие банки и фондовые биржи постепенно забыли, когда Гитлеру и его помощникам стали понятны реалии финансового мира. Им нужны были деньги, а значит, нужны были и банки, чтобы их предоставлять¹²⁶. Но и здесь режим постепенно установил довольно жесткий и всесторонний контроль над финансовыми учреждениями, для того чтобы направить их капитал в программу перевооружения. К 1939 году ряд законов о кредитах, ссудах, займах и банках значительно ограничил возможности вкладывать средства куда-либо кроме перевооружения¹²⁷. Предприниматели все больше времени тратили на то, чтобы разобраться с правилами и требованиями, которые на них накладывало государство. Режим вмешивался в каждую мелочь в производстве и торговле. Например, 2 марта 1939 года полковник фон Шелл, полномочный представитель автомобильной промышленности, выпустил ряд указов, ограничивающих количество моделей, которые можно было выпускать. Таким образом, производство запчастей можно было рационализировать и снизить его стоимость, а военный транспорт можно было чинить быстрее и эффективнее. Вместо 113 различных видов грузовиков и фургонов теперь разрешалось производить только 19, причем было четко назначено, какая компания какие модели будет производить. «В промышленности сохранилась частная собственность, — сделал вывод один критический наблюдатель, — но почти исчезла

предпринимательская инициатива, которую подавляют приказы от государства»¹²⁸. Неудивительно, что многие считали, что в национал-социализме снова в силу вступал социализм.

Ариизация экономики

I

«Социализм» в идеологии нацистов начала 1920-х годов включал серьезный элемент враждебности к крупному бизнесу, как правило, приправленный изрядной долей антисемитизма. В последние годы Веймарской республики Гитлер сделал все, что было в его силах, чтобы уменьшить значение этих факторов. Вполне предсказуемо, что в результате этого осталась постоянная ненависть к роли евреев в немецкой экономике, которую нацисты всячески преувеличивали, исходя из своих целей. Экономическая история Третьего рейха на самом деле неотделима от истории конфискации режимом собственности евреев, масштабной кампании разграбления с некоторыми аналогами в современной истории. В соответствии с такими идеологическими императивами одной из главных целей нацистской пропаганды до 1933 года стали универсальные магазины (Warenhaus), где с конца XIX века люди могли покупать недорогие, массово производимые товары всех видов. Многие из основателей таких магазинов были евреями, что, вероятно, отражало существовавшую долю евреев в сфере галантерейной и сходных областях розничной торговли.

Самое знаменитое из этих предприятий было основано членами семьи Вертхейм после 1875 года, когда Ида и Абрахам Вертхейм открыли в Штральзунде небольшой магазин по продаже одежды и фабричных товаров. Вскоре к ним присоединились их пятеро сыновей, которые предложили новую схему розничной торговли, основными принципами которой стали более высокий товарооборот, низкая прибыль, фиксированные цены, широкий выбор ассортимента, право возврата или обмена товаров и оплата строго наличными деньгами. Фирма быстро росла и в 1893–1894 годах построила себе большое новое здание на Ораниенштрассе в берлинском районе Кройцберг, за которым последовало еще три

магазина в столице. Вертгейм предложил новую концепцию магазина, со светлыми, просторными и грамотно спроектированными помещениями, с внимательными продавцами-консультантами и смесью из дешевых и дорогих товаров, которая стимулировала незапланированные покупки. Компания также демонстрировала современный взгляд на трудовые отношения и благосостояние сотрудников, она стала первой фирмой в Германии, которая сделала воскресенье нерабочим днем для всех своих сотрудников. Вертгеймы были не единственной еврейской семьей, которая основала сеть универмагов. Например, в 1882 году Герман Тиц со своим племянником Оскаром открыли небольшой магазин в Гере, работавший на тех же принципах. Он также процветал, и к 1930 году семья Тиц владела 58 универмагами, включая знаменитый KdW (Kaufhaus des Westens – Западный универмаг) в Берлине. По сравнению с годовыми продажами в магазинах Тиц, которые составляли 490 миллионов рейхсмарок в 1928 году, и огромным штатом из более чем 31 450 сотрудников, сеть Вертгеймов, имевшая всего семь магазинов и 10 450 сотрудников и продажи в размере 128 миллионов рейхсмарок, была относительно средним предприятием¹²⁹.

Несмотря на свою популярность, доля этих универсальных магазинов в общих розничных продажах Германии до конца 1920-х годов составляла менее 5%¹³⁰. Антисемитские атаки на них замалчивались до 1914 года даже среди ассоциаций мелких магазинов¹³¹. Эта ситуация изменилась вместе с экономическими проблемами первых лет Веймарской республики. 16-й пункт программы НСДАП от 1920 года был обращен напрямую к мелким торговцам и требовал «немедленного изъятия из частной собственности крупных магазинов и сдачи их внаем по дешевым ценам мелким производителям»¹³². В 1932 году в одной местной предвыборной брошюре в Нижней Саксонии был опубликован призыв к розничным торговцам и мелким оптовикам присоединяться к НСДАП с целью противодействия открытию новых филиалов «вампирского бизнеса» Вулворта, который якобы стремился уничтожить их во имя «финансового капитала»¹³³. В марте 1933 года штурмовики ворвались в филиал Вулворта в Готе и разгромили весь магазин. Яростным атакам подверглись многие универмаги независимо от их владельцев. В Брауншвейге ресторан в местном

универсальном магазине был разнесен вдребезги коричневорубашечниками, вооруженными пистолетами. Хотя и без такого драматизма, но в первые месяцы Третьего рейха также звучало много требований закрыть универмаги или обложить их такими налогами, которые приведут к банкротству. Однако Министерство экономики и нацистское руководство быстро осознали, что закрытие предприятий, которые давали работу многим тысячам человек, серьезно подорвет «борьбу за труд». Гесс выступил в защиту универмагов, а национальный бойкот еврейских магазинов 1 апреля 1933 года забылся уже на следующий день¹³⁴.

Тем не менее в скором времени универмаги стали преследовать в менее очевидных формах. Когда, начиная с лета 1933 года, Министерство финансов начало выдавать ссуды на браки, то, например, товарные купоны, в виде которых формировалась ссуда, нельзя было погашать в универсальных магазинах, если они принадлежали евреям или были тем или иным образом связаны с еврейским бизнесом. По оценкам одного официального отчета, такие магазины и компании потеряли по меньшей мере 135 миллионов рейхсмарок на продажах в 1934 году. Универмагам, независимо от их владельцев, и еврейским компаниям всех видов начиная с середины 1933 года также было запрещено публиковать рекламу в прессе. Эти меры, совпавшие с максимальным спадом продаж, который начался с наступлением Депрессии в 1933 году, привели к серьезным проблемам. Продажи в магазинах Германа Тица упали на 41% в 1933 году. Компании пришлось просить у банков заем в 14 миллионов рейхсмарок. Одобренный министром экономики Шмитом, который хотел избежать масштабного банкротства с увольнением 14 000 человек, серьезными убытками для поставщиков и финансовыми проблемами для банков, этот заем был предоставлен на условиях «ариизации» управления или, другими словами, при условии смещения еврейских владельцев, членов советов директоров и других руководителей. Оставшиеся братья Тиц после длительного аудита в 1934 году были вынуждены уйти, получив компенсацию в 1,2 миллиона рейхсмарок. В качестве прикрытия Шмит получил одобрение Гитлера на ввод этих мер. Начиная с того момента эти магазины стали носить название «Герти», которое остроумно содержало связь с именем их основателя и в то же вре-

мя провозглашало перевод бизнеса на новые рельсы. Магазины Леонарда Тица были переименованы в нейтральное «Кауфхоф» (Kaufhof), или «Торговый двор»¹³⁵.

Эти события заставили оставшихся членов семьи Вертхейм перейти к активным действиям, чтобы защитить свои собственные интересы. На помощь был вызван друг семьи, банкир Эмиль Георг фон Штаусс, лично знавший Гитлера и Геринга и разными способами поддерживавший нацистскую партию. Его защита позволила расстроить планы штурмовиков по закрытию магазина Вертхеймов в Бреслау. Однако нацистские активисты, особенно те, кто был связан с профсоюзной Организацией фабричных ячеек, перекрыли Георгу Вертхейму доступ в собственные магазины. Он больше не посетил ни один из них после 1934 года и перестал принимать участие в заседаниях Наблюдательного совета компании. Чтобы избежать повторения проблем, накрывших семью Тиц, он перевел свои акции и некоторые акции своего покойного брата на имя своей жены Урсулы, которая не была еврейкой. После этого она стала мажоритарным акционером. Однако это не привело к окончанию неприятностей для фирмы. Когда «Герти» и другие сети успешно нейтрализовали натиск нацистов на универмаги, дав понять, что они больше не принадлежали евреям, враждебность локальных нацистов и центрального правительства вместе с партийными организациями оказалась целиком направлена на сети вроде Вертхеймов, которые еще оставались на плаву. Министерство пропаганды приказало закрыть все книжные отделы Вертхеймов в начале 1936 года после доноса бывшего сотрудника в Бреслау, хотя компания уже сняла по крайней мере 2500 запрещенных книг со своих полок. Штаусс смог добиться отмены приказа, хотя и ценой пожертвования в 24 000 рейхсмарок в пользу Фонда Германа Шиллера. Когда Георг Вертхейм со своим сыном попробовали пожаловаться на такое давление в разговоре с министром экономики Шахтом, тот заявил: «С волками жить — по-волчьи выть»¹³⁶.

Проблемы значительно усилились в 1936 году. На самом деле продажи Вертхеймов выросли, в то время как их конкуренты испытывали ощутимый спад. Причиной этого могло стать увольнение еврейских управляющих и сотрудников из конкурирующих сетей, которое привело к назначению на их места неопытного персонала, или тот факт, что только Вертхеймы сохранили в неприкосно-

венности свой широко известный образ, имя и стилистику. Тем не менее Штаус, который теперь имел акции Урсулы Вертхейм в доверительном управлении, пока она тратила свой доход на дорогостоящие круизы, сначала заставил мелких семейных акционеров передать свои доли нееврейским держателям по стоимости, значительно меньшей рыночной, и четко дал понять Георгу и Урсуле Вертхейм, что управление Гесса в качестве условия сохранения ей своих акций потребовал от них развестись. Что они и сделали в 1938 году. Получив от Гитлера распоряжение купить землю в Берлине, на которой должно было быть построено новое здание Имперской канцелярии, Штаус выбрал участок, на котором находилась недвижимость Вертхеймов, заставил банки занизить ее стоимость для экономии, а затем вынудил Вертхейма продать ее, чтобы расплатиться с некоторыми долгами, которые кредитовавшие его банки начали теперь требовать назад. К 1938 году еврейских акционеров больше не осталось, оба еврейских управляющих были вынуждены уйти, а последние 34 еврейских сотрудника были уволены. И нет свидетельств, что они получили какое-либо выходное пособие, в отличие от своих коллег в других сетях. В консультациях с Министерством экономики Штаус согласился изменить название магазинов с «Вертхейм» на AWAG. Это был похожий, хотя и не такой очевидный компромисс о переименовании, к которому пришли в случае с семьей Тиц. Большинство людей считало, что новое название было аббревиатурой для «A. Wertheim AG» («Albrecht Wertheim Aktiengesellschaft» — «Акционерное общество Альбрехта Вертхейма»). Однако на самом деле это сокращение означало Allgemeine Warenhaus Aktiengesellschaft («АО Общая сеть универмагов») и должно было уничтожить любые ассоциации с семьей. Георг Вертхейм, разменявший девятый десяток и практически ослепший, умер 31 декабря 1939 года. Годом позже его вдова вышла замуж за Артура Линдгенса, нееврейского члена контрольного совета новой компании¹³⁷.

II

Судьба универсальных магазинов иллюстрирует в миниатюре изменение приоритетов нацистской партии с 1920 года. Начав с провозглашения антикапиталистических лозунгов, нацисты сна-

чала ослабили их под влиянием экономической необходимости, а затем заменили на решительную политику устранения евреев из немецкой экономики. Разумеется, сами универмаги не исчезли, кампания против еврейских владельцев открыла новые возможности расширения бизнеса для нееврейских предприятий. Если, как утверждали нацисты, экономические проблемы страны в 1920-х и 1930-х годах происходили от евреев, то разве не удалось бы их решить, помимо прочего избавившись от еврейского экономического влияния на бизнес, вместо того чтобы атаковать сам бизнес? Бойкот 1 апреля 1933 года уже ясно показал намерения НСДАП в этом отношении. И хотя сам бойкот получил относительно небольшую общественную поддержку, партийные группы продолжали изводить владельцев и нападать на еврейские магазины и компании, что и показал пример магазина Вертхеймов в Бреслау. Штурмовики продолжали рисовать лозунги на витринах еврейских магазинов с целью отвадить от них постоянных клиентов или заставить местные власти размещать свои заказы у других поставщиков. Обеспокоенные экономическими эффектами таких действий правительство и НСДАП выпустили ряд официальных предупреждений. Гитлер лично издал декларацию в начале октября 1933 года, в которой явно разрешал госслужащим покупать товары в еврейских лавках и универмагах. Однако в рождественский сезон продаж 1933 года во многих областях банды штурмовиков снова стояли у еврейских магазинов с плакатами, в которых каждый входивший внутрь объявлялся предателем немецкой расы. Растущее число местных рынков затрудняло ведение дел для еврейских предпринимателей, еврейским фирмам было запрещено публиковать рекламу, местные власти разорвали все деловые отношения с еврейскими компаниями, а кроме того, весной 1934 года снова стали проводиться бойкоты. Такие события часто сопровождались насильственными действиями — от битья окон еврейских магазинов до взрыва синагоги в Ахаусе в Вестфалии. Кульминацией этого стала массовая демонстрация в городе Гунценхаузен во Франкони, в которой приняло участие около 1500 жителей из общего населения в 5600 человек. Воодушевленные страстной антисемитской речью местного нацистского лидера, демонстранты ворвались в дома и квартиры городских евреев и бросили 35 человек в местную тюрьму, где одного впоследствии нашли повешенным¹³⁸.

Немецкие покупатели неохотно поддерживали бойкоты. Под угрозой репрессий в случае отказа прекратить закупаться в еврейских магазинах своего городка жители Фалькенштейна, как отмечал в своем дневнике Виктор Клемперер в июне 1934 года, ездили в соседний Ауэрбах и делали покупки в местном еврейском магазине, где бы их не узнали. А жители Ауэрбаха, в свою очередь, посещали еврейский магазин в Фалькенштейне¹³⁹. Даже Герман Геринг еще в 1936 году был замечен во время длительного посещения коврового магазина Бернхеймера в Мюнхене, закончившегося покупкой двух ковров на внушительную сумму в 36 000 рейхсмарок. Местная полиция сообщала, что февральские распродажи в текстильном доме Салли Айхенгрюн в Мюнхене в том же году привлекали толпы покупателей. Оба предприятия принадлежали евреям. В следующий год Служба безопасности (СД) выражала недовольство, что, особенно в католических регионах, люди до сих пор игнорировали призывы НСДАП не покупать товары у евреев¹⁴⁰. Однако партийные активисты не отступали. Многие из них действовали из личных интересов, стремясь избавиться от конкурентов в то время, когда потребительская экономика находилась в депрессии¹⁴¹. Яростные кампании по бойкоту продолжались в течение всего 1934 года и достигли новых высот в рождественский сезон продаж. В ноябре, например, окружное руководство партии в Баден-Бадене направило следующее угрожающее письмо в еврейский магазин игрушек с уведомлением владельца: «Мы никоим образом не потерпим, чтобы в вашем неарийском магазине продавались фигурки солдат СА и СС. Это раздражает людей, и мы уже получили множество жалоб. Поэтому мы требуем прекратить продажу этих моделей в вашем еврейском магазине. В противном случае мы снимаем с себя всю ответственность за сохранение порядка и общественного спокойствия»¹⁴².

23 и 24 декабря 1934 года члены партии в гражданской одежде заблокировали входы в еврейские лавки и универмаги во Франкфурте-на-Майне и стали выкрикивать оскорбления в адрес покупателей, избивая тех, кто все-таки пытался пройти внутрь. Они разбивали окна магазинов, а когда прибыла полиция, чтобы их арестовать, начали вести себя так угрожающе, что сотрудники были вынуждены обнажить оружие¹⁴³. Эта кам-

пания оказалась прелюдией к гораздо более широкой волне экономического террора, в ходе которого местные партийные организации угрожали лишить социальных выплат любого, кого бы увидели входящим в еврейский магазин. Госслужащие и муниципальные работники во многих районах получили приказ не вмешиваться в эти дела. Подобные действия были особенно распространены в землях с множеством небольших городов, вроде Померании, Гессе и Центральной Франконии. В Марбурге большая группа студентов ворвалась в еврейский обувной магазин, выгнала покупателей и разграбила либо уничтожила товар. В Бюдингене окна практически всех еврейских лавок были разбиты в ночь с 18 на 19 апреля 1935 года. Подобные инциденты происходили повсеместно. После некоторой приостановки таких действий летом 1935 года по стране прокатилась новая волна антисемитских атак на еврейские магазины, включая тотальный бойкот центра Мюнхена 25 мая, осуществленный в основном бойцами СС в гражданской одежде, которые врываются в магазины и избивали сотрудников. Эта акция закончилась только после того, как бойкотчики предприняли попытку штурма полицейского участка, чтобы освободить одного из своих арестованных соратников¹⁴⁴.

Реакция государственных министерств на такие действия была смешанной. Например, министр иностранных дел фон Нейрат говорил своим коллегам, что антисемитские инциденты не окажут эффекта на международное мнение, а их прекращение не приведет к какому-либо улучшению в положении Германии на международной арене. С другой стороны, министр экономики Ялмар Шахт высказывал крайнюю обеспокоенность их воздействием на экономику, включая экономические отношения с другими странами. И действительно, когда партийная организация в городе Арнсвальде в Бранденбурге повесила фотографию жены местного управляющего филиалом Рейхсбанка на доске объявлений в качестве «предательницы», поскольку ее видели за покупками в еврейском магазине, Шахт в знак протеста закрыл это отделение. 18 августа 1935 года он выступил с публичным обращением в Кёнигсберге. «Господи, — говорил он, — защити меня от моих друзей. От тех, кто героически размалевывает витрины магазинов под покровом темноты, клеймя любого немца, поку-

пающего продукты в еврейском магазине, предателем народа». Тем не менее, несмотря на свои последующие утверждения об обратном, Шахт в принципе не был против исключения евреев из экономической жизни. Он верил, как он объяснял группе министров и высокопоставленных чиновников два дня спустя, что «поддержка этого беззакония вместе с другими действиями поднимает вопрос перевооружения». Как отмечается в протоколе заседания, его комментарии завершились заявлением о том, что программа НСДАП должна быть выполнена, но только на основе законных постановлений». Шахт соглашался с представителями гестапо и Партии в том, что путь вперед лежал в организованном законном ограничении возможностей евреев заниматься бизнесом, введении отличительных знаков для еврейских магазинов и исключении еврейского бизнеса из общественной жизни¹⁴⁵. Шахт сам по себе в полной мере разделял антисемитские предрассудки большинства немецкой буржуазии, отмечая уже в 1953 году, что евреи принесли «чужеродный дух» в немецкую культуру Веймарской республики и были чересчур заметны во многих областях общественной жизни¹⁴⁶. Он всецело сотрудничал в кампании по увольнению еврейских сотрудников из Рейхсбанка в рамках так называемого Закона о восстановлении профессиональной государственной службы и открыто защищал антисемитские законы, принятые режимом в период 1933–1935 годов. Он отвергал только явное насилие¹⁴⁷.

Вместе с тем существовали и менее жестокие средства давления на еврейские фирмы, которые часто оказывались более эффективными. Огромный размер нацистских организаций, таких как СА, Германский трудовой фронт или даже сама НСДАП, давал им большую экономическую власть, позволяя размещать крупные заказы на строительство, поставку мебели, флагов, униформы и всякого рода материалов. Они использовали это с самого начала, чтобы подавлять еврейские компании. Обувная индустрия была показательным примером. Неудивительно, что при Третьем рейхе она получила огромную прибыль от гигантского роста спроса на сапоги. И эти заказы, разумеется, шли в обход еврейских производств. Еврейские фирмы, однако, доминировали в этой отрасли, поэтому возникла очевидная необходимость их скорейшей ариизации. Практически сразу, как только

Гитлер стал рейхсканцлером, например, началась кампания против обувной компании Salamander, которая наполовину принадлежала евреям и имела контракты примерно с 2000 независимыми филиалами, из которых около 500 также принадлежали евреям. Штурмовики уже врывались в некоторые из этих магазинов и закрыли их к концу марта 1933 года, в то время как нацистская пресса организовала кампанию бойкотов против самой фирмы, обвиняя ее (без оснований) в обмане покупателей и не позволяя получать какие-либо оптовые заказы от партийных организаций. Цены начали стремительно падать. Видя нарастание кризиса, еврейская семья, владевшая половиной акций, продала их за один миллион рейхсмарок нееврейской семье, которая владела другой половиной. После этого компания уволила еврейских сотрудников, вывела из совета директоров евреев и аннулировала свои контракты с филиалами, принадлежавшими евреям, 20% которых к концу 1934 года уже перешли в руки неевреев. Кампания в прессе, бойкоты и закрытия немедленно прекратились, и товарооборот снова начал повышаться. В этом случае мы не видим свидетельств открытого идеологического антисемитизма со стороны части владельцев или управляющих фирмы — они просто подчинились экономическим реалиям в ситуации, спровоцированной местными организациями нацистов и штурмовиков¹⁴⁸.

А там, где играли роль экономические соображения другого рода, местные и региональные партийные организации могли призывать к сдержанности. Например, в Гамбурге, портовом городе, чьи интересы не совпадали с политикой перевооружения нового режима и курсом на автаркическое государство, местная экономика восстанавливалась после Депрессии намного медленнее, чем где-либо еще. Продолжавшиеся экономические неурядицы, которые на референдуме 19 августа 1934 года привели к поразительным 20% голосов «против» назначения Гитлером самого себя главой государства, заставили гаулейтера Карла Кауфмана особенно осторожно относиться к любому нарушению экономической жизни города. В Гамбурге было более 1500 еврейских компаний, которые существовали намного дольше, чем их аналоги в других частях рейха. Торговая элита Гамбурга не испытывала никакого энтузиазма по поводу антисемитской политики режима, а самые влиятельные организации, такие как Тор-

говая палата, отказывались предоставлять сведения о том, какие фирмы принадлежали евреям, а какие нет. Вплоть до ноября 1934 года она пользовалась услугами еврейского издателя для публикации своих информационных бюллетеней. Старые торговцы и бизнесмены традиционно с отторжением относились к любому вмешательству государства в мир бизнеса и считали ариизацию предвестником более глобальной национализации бизнеса¹⁴⁹. Однако такое отношение изменилось к 1938 году. К этому времени даже самым упертым ганзейским купцам стало понятно, что нацистский режим установился надолго. Экономическое выздоровление достигло точки, когда устранение еврейских компаний больше не казалось большой угрозой экономической стабильности. И что более важно, растущие ограничения на сделки с иностранной валютой в 1936–1937 годах привели к закрытию значительного числа еврейских компаний в городе, занимавшихся импортом и экспортом. Множество надзорных структур, включая Управление по розыску иностранных валютных активов (Devisenfahndungsamt), организованное при поддержке Рейнгарда Гейдриха 1 августа 1936 года, и местные эквиваленты, позволяли властям устанавливать контроль над компаниями, если те подозревались в содействии выводу капитала из Германии. Сотрудники таких организаций подделывали признания и записи допросов и доносили на адвокатов еврейских компаний в гестапо. В результате в Гамбурге в период с декабря 1936 по октябрь 1939 года на еврейских бизнесменов было выдано 1314 приказов об аресте¹⁵⁰.

Такие действия были обоснованы в меморандумах и других внутренних документах, наполненных яркой антисемитской риторикой, изобиловавших фразами о «еврейской беспринципности», «еврейских дельцах черного рынка» и схожими выражениями. Президент Гамбургского регионального управления финансов называл одного еврейского подозреваемого в 1936 году «паразитом на теле народа». Пока государство играло свою роль в этом представлении, региональный советник по экономике нацистской партии в 1936 году утвердил себя на роль другого координирующего агента по ариизации еврейского бизнеса. Более, чем в других частях Германии, управление советника взяло на себя руководство над этим процессом, хотя в действитель-

ности оно не имело на это никаких законных прав. Оно назначило доверенных управляющих в еврейские фирмы и настояло на увольнении всех оставшихся еврейских сотрудников. Оно также сознательно установило крайне низкий уровень цен при покупке таких фирм, требуя выставлять их на торги без учета деловой репутации, поскольку (как утверждалось), будучи еврейскими фирмами, они таковой не имели. Сотрудники управления все были молодыми людьми, закончившими университеты, убежденными нацистами с минимальным опытом ведения бизнеса, такими как доктор Густав Шлоттерер (26 лет), Карло Отте (24 года) и доктор Отто Вольф (25 лет). Главному экономисту отдела ариизации в Гамбурге Карлу Фрие было всего 19 лет, когда он пришел работать в управление советника. Их безжалостность, бывшая характерной для поколения, рожденного незадолго до Первой мировой войны и выросшего в годы инфляции, революции, политической нестабильности и экономической депрессии, не терпела никакого противодействия. Вскоре Гамбургская торговая палата была вынуждена забыть о своем прошлом нежелании действовать в соответствии с программой ариизации и потребовала, чтобы все покупки еврейских фирм до 1938 года были перепроверены и покупателям была выплачена компенсация за все нематериальные активы, учтенные в тех сделках¹⁵¹.

Удивительным в этом процессе было не столько то, как он продвигался партийными экономистами, но масштаб вовлечения в него государственных агентств, которые были даже более беспринципными, чем первые. Здесь, как и в правовой системе, представление о «двойном государстве», в котором юридические нормы поддерживаются традиционными институтами «нормативного» государства и подрываются новым, полулегальным аппаратом «привилегированного государства» Гитлера, необходимо подвергнуть детальному анализу либо вообще отбросить¹⁵². Целый ряд государственных управлений был задействован в устранении евреев из экономической жизни. В некотором смысле это было неудивительно, поскольку работавшие в них госслужащие участвовали в изгнании евреев из своих же управлений в 1933–1934 годах. Налоговая реформа 16 октября 1934 года, например, требовала, чтобы все налоговые законы отражали национал-социалистическое представление о мире и опирались на

принципы национал-социализма при анализе отдельных дел. В результате еврейские компании часто сталкивались с новыми требованиями в связи с якобы не выплаченными налогами, поскольку налоговые нормы интерпретировались свободно и не в пользу евреев. Таким образом, процесс ариизации начался уже в 1933 году, он начался не просто когда Шахта сняли с поста главы экономики в 1936 году, и совсем не по этой причине. Шахт лично подписал приказ 26 ноября 1935 года, запрещающий еврейским биржевым маклерам заниматься торгами, и последовательно настаивал на введении законов, ограничивавших еврейскую экономическую деятельность в последние два месяца 1935 года. Ограничения в связи с иностранной валютой, особенно важные в случае с еврейскими фирмами в Гамбурге, по большей части были заслугой Шахта, а Рейхсбанк 14 октября 1936 года приказал своим филиалам инициировать расследования сделок с иностранной валютой, если прежде это не было проведено другими¹⁵³. Таким образом, ариизация была постоянным процессом, иногда медленным, иногда стремительным, но всегда идущим вперед¹⁵⁴.

III

С 1936 года Четырехлетний план, несомненно, ускорил весь процесс. Личный меморандум Гитлера, где утверждался план, в его обычном стиле определял «международное еврейство» как скрытую силу, стоящую за большевистской угрозой, и требовал введения законов, которые бы делали всех немецких евреев финансово ответственными за любой ущерб немецкой экономике, например, за накопление валютных резервов за границей. За такое преступление в качестве наказания Гитлер требовал ввести смертную казнь¹⁵⁵. Органом, занимавшимся расследованием операций с иностранной валютой, который сыграл такую мрачную роль в Гамбурге, стал предвестник плана, Штаб по сырьевым и валютным резервам, учрежденный Герингом весной 1936 года. Обсуждение дальнейших антиеврейских экономических мер в министерствах продолжалось весь 1936 год, их результатом стали законы, принятые в конце года, которые запрещали перевод фондов, принадлежавших евреям, за границу. За этим по-

следовал ряд судебных процессов, закончившихся множеством приговоров к тюремному заключению, однако до смертной казни дело еще не доходило. По этим новым законам простого подозрения в том, что кто-то собирался перевести фонды, было достаточно, чтобы их конфисковать. Они дали юридическое основание для растущего числа экспроприаций в последующие месяцы и годы. Полномочия, определяемые в плане, в особенности нормирование основных видов сырья, сознательно использовались для создания невыгодных условий для еврейских фирм. Теперь правительство изменило чрезвычайный декрет, изначально изданный при Генрихе Брюнинге с целью предотвратить вывод крупных капиталов из Германии, снизив сумму, попадающую под действие декрета, с 200 000 рейхсмарок до 50 000 и связав ее с оценочной налогооблагаемой стоимостью собственности, а не с суммой, полученной от продажи. В результате эмигрировавшие евреи стали терять гораздо больше, чем 25% налога, установленного декретом Брюнинга. В 1932–1933 годах данный налог позволил положить в казну менее миллиона марок; в 1935–1936 годах этот доход возрос почти до 45 миллионов; в 1937–1938 годах он составил более 80 миллионов, а в 1938–1939 годах – 342 миллиона. Кроме того, перевод капитала за границу облагался 20-процентной пошлиной, взимаемой Немецким золотовалютным учетным банком, через который должны были осуществляться переводы. В июне 1935 года эта пошлина была увеличена до 68%, в октябре 1936 года до 81%, а июне 1938 года до 90%. Таким образом, еврейские компании и физические лица подвергались систематическому грабежу не только со стороны других предприятий и нацистской партии, но и со стороны государства и подконтрольных ему институтов¹⁵⁶.

В то же время спонтанные локальные бойкоты и атаки продолжались, в особенности в преддверии Рождества, а законы и нормативные требования, принимаемые в Берлине, делали жизнь все более сложной для бизнеса евреев. Все чаще их заставляли продавать свои компании по заниженной цене под угрозой ареста и тюремного заключения по сфабрикованным обвинениям, которые не имели ничего общего с ведением бизнеса. Например, в городе Зуль в 1935 году гаулейтер Фриц Заукель арестовал еврейского владельца оружейной компании «Симсон» и

бросил его в тюрьму, после того как тот отказался продать свое дело по бросовой цене. Затем, объявив о прямом одобрении Гитлера, он передал права владения специально созданному фонду якобы в интересах национальной обороны. В качестве причины отказа в какой-либо компенсации владельцам приводились выдуманные долги компаний¹⁵⁷. К 1 января 1936 года многие еврейские банкиры были вытеснены из своего бизнеса или решили, что с них достаточно, и закрылись, чтобы эмигрировать из страны. Примерно четверть из 1300 частных банкиров Германии прекратили работу. Подавляющее большинство из 300 закрытых частных банков принадлежали евреям¹⁵⁸. Только несколько крупнейших банков, таких как М.М. Warburg в Гамбурге, упрямо боролись за выживание вплоть до 1938 года, не в последнюю очередь из чувства долга по отношению к еврейскому сообществу и традициям компании¹⁵⁹. Четверть всех еврейских предприятий всех типов были ариизованы или закрыты к этому моменту¹⁶⁰. К июлю 1938 года в Германии оставалось только 9000 еврейских магазинов из почти 50 000, существовавших в 1933 году. В начале Третьего рейха в Германии в общей сложности работало примерно 100 000 еврейских фирм; к июлю 1938 года около 70% было ариизировано или закрыто¹⁶¹. Различные нормативные требования заставили отойти от дел даже самые скромные еврейские частные фирмы. Например, летом 1936 года введение официальной системы регистрации для старьевщиков заставило бросить свое дело от 2000 до 3000 еврейских торговцев¹⁶².

В большинстве регионов ариизация продолжалась практически непрерывно с 1933 года. В Марбурге, например, уже в 1933 году были ариизированы или ликвидированы 11 из 64 еврейских компаний в городе, семь — в 1934 году, восемь — в 1935 году, девять — в 1936 году, шесть — в 1937 году и пять — за первые три квартала 1938 года. В Гёттингене 54 из 98 еврейских компаний, работавших в городе в 1933 году, были ариизированы или ликвидированы к началу 1938 года¹⁶³. В этот момент всем стало очевидно, что началась завершающая стадия процесса. Для ее ускорения Геринг и Министерство внутренних дел 26 апреля 1938 года выпустили декрет, который заставлял всех евреев или лиц, имевших еврейского супруга, декларировать все денежные средства, находившиеся на родине или за границей, объемом более

5000 рейхсмарок, после чего началось внутреннее обсуждение об окончательном исключении евреев из экономики. Дальнейшие приказы запрещали евреям работать в качестве аукционистов, владеть оружием или продавать его и получать проценты от акционерных обществ. К этому времени давление на еврейские компании стало практически невыносимым. С осени 1937 года местные власти начали в приказном порядке устанавливать отличительные знаки рядом с помещениями еврейских компаний, что стало открытым приглашением к агрессии, бойкотам и нападениям. В период с января по октябрь 1938 года прошло примерно 800 процедур ариизации, включая 340 фабрик и 22 частных банка. Темп возрастал. Так, в феврале 1938 года в Мюнхене все еще работало 1680 независимых еврейских торговцев, к 4 октября эта цифра сократилась до 666, и две трети из них находились в собственности по иностранному паспорту. Окончательное исключение евреев из экономики Германии было не за горами, и многие немецкие компании и частные предприниматели были готовы пожинать его плоды¹⁶⁴.

Дележ награбленного

I

16 апреля 1938 года мюнхенский бизнесмен, работавший экспертом-консультантом по вопросам ариизации, написал жесткое письмо в местную Торгово-промышленную палату. По его словам, он был «национал-социалистом, членом СА и почитателем Гитлера», однако он писал, что «мне настолько отвратительны жестокие... варварские методы, применяющиеся против евреев, что с этого момента я отказываюсь каким-либо образом участвовать в ариизации, даже если это означает потерю весьма значительной зарплаты консультанта... Будучи опытным, честным и понимающим бизнесменом, я более не могу стоять в стороне и соглашаться с тем, что многие арийские предприниматели, бизнесмены и прочие... бессовестно пытаются захватывать еврейские магазины и фабрики, стараясь получить их за как можно меньшие деньги, выплачивая смехотворную цену. Эти

люди ведут себя как стервятники, с затуманенным взором и вывалившимся от жадности языком, стремясь урвать от умершего тела еврейского бизнеса»¹⁶⁵.

Ариизация действительно давала множество возможностей обогащения для нееврейских компаний и бизнесменов. И многие охотно ими пользовались. По крайней мере при ликвидации еврейских фирм остальные предприятия в той же отрасли экономики могли поздравить себя с потерей конкурентов. Так было на всех уровнях. Например, сообщалось, что в результате ариизации в январе 1939 года около 2000 магазинов в Гамбурге оказались заброшенными, что было с удовлетворением отмечено руководителем городского Союза нацистских коммерсантов. Поскольку большинство еврейских предприятий были небольшого размера, от их закрытия в первую очередь выигрывали средние нееврейские компании. И действительно, в некоторой степени режим добивался именно этого, как, например, в случае с дроблением и продажей по одному из сетевых магазинов в Гамбурге, таких как обувные лавки Боттина и универмаги Фейдлера¹⁶⁶.

Конечно, в то время это еще не было широко распространено. Особое возмущение у мелких торговцев вызывало то, что власть не смогла выполнить своего обещания закрыть универсальные магазины и разбить крупные сети. «Универмаги, — жаловался один из них в 1938 году, — еврейские или арийские, все равно ведут нечестную конкуренцию с малыми компаниями»¹⁶⁷. Берлинский бизнесмен, находясь в поездке за пределами Германии, в своем письме изгнанному руководству социал-демократической партии в 1939 году утверждал, что именно самые крупные корпорации занимались скупкой еврейских предприятий. «Этот процесс привел к чудовищной концентрации промышленной и финансовой власти во всех отраслях экономики, которой без всяких угрызений совести пользовались руководители больших концернов»¹⁶⁸. Однако крупные фирмы в начале колебались перед переходом к агрессивным действиям. Большие еврейские компании и объединения меньше страдали от локальных бойкотов и нападений, чем малые, независимые предприятия и магазины, и, по крайней мере в первые годы Третьего рейха, режим соблюдал осторожность и не оказывал чрезмерного

давления на них, потому что они были необходимы для восстановления экономики и перевооружения, кроме того, многие из них имели серьезную международную репутацию¹⁶⁹.

Евреи оставались в советах директоров таких фирм, как «Маннесман» и «И.Г. Фарбен», некоторое время после 1933 года. В наблюдательном совете «Дойче-банка» еврейский директор работал вплоть до июля 1938 года, хотя он и находился за границей с предыдущего года. Однако это были исключения. Большинство компаний склонились перед давлением и уволили еврейских директоров, членов правления и сотрудников. «Дрезднер-банк» продолжал политику сокращений, начатую после поглощения «Данат-банка» в 1931 году после его банкротства, но теперь увольнялись в основном еврейские сотрудники. Банк был обязан так поступать по закону 9 мая 1933 года. Закон 7 апреля был распространен на «правомочные общественные организации и подобные институты и предприятия», охватывая очень широкий спектр организаций. Теперь сотрудники банка должны были заполнять подробные формы с указанием своих религиозных и расовых корней, сведений о воинской службе и других важных факторов. Нормативные правила позволяли организациям использовать «крайнюю необходимость» в качестве причины для удержания сотрудников, поэтому банк смог избежать хаоса, который возник бы в результате единовременных массовых увольнений, но после 30 июня 1934 года Министерство экономики больше не выдавало таких разрешений. К концу года в наблюдательном совете банка не осталось ни одного еврея, 80% незащищенных евреев покинули службу к октябрю 1935 года, а все оставшиеся были уволены годом позже. Эти меры, без сомнения, приветствовались молодыми неевреями, которые работали в банке, поскольку они открывали широкие возможности карьерного роста, который в противном случае задерживался бы на неопределенное время. Семь ведущих руководителей, которых заставили уволиться в 1933–1934 годах из-за еврейской национальности, были заменены людьми 30–40 лет, которые вряд ли получили бы такие посты иначе. Пришедшие на смену не высказывали особого сочувствия тем, кто ушел. Только в некоторых случаях, в особенности в «И.Г. Фарбен», еврейских сотрудников переводили на должности в иностранных филиалах, не лишая их

сразу всех источников дохода¹⁷⁰. Вне зависимости от их судьбы устранение еврейских менеджеров из немецких компаний помогло возвышению новой молодой управленческой элиты, которая уже начала перенимать бразды правления от старого поколения к моменту начала войны¹⁷¹.

Страховая компания «Альянс», глава которой, Курт Шмитт, был предшественником Шахта на посту министра экономики, была еще одной фирмой, которая не слишком усердствовала в политике увольнений. В ней весьма хорошо обошлись с двумя еврейскими директорами, когда тех заставили уйти. С другой стороны, фирма не оказала серьезного сопротивления, попав под давление нацистской прессы и Имперского наблюдательного управления по страхованию с требованием уволить еврейских сотрудников и прекратить сотрудничество с еврейскими продавцами и агентами. Например, в 1933 году компания продлила контракт со своим агентом Гансом Грюнебаумом, работавшим в Штутгартском филиале с 1929 года, на пять лет, а затем в 1936 году продлила его снова до 1941 года. Однако это привлекло внимание враждебно настроенной местной прессы, после чего последовало угрожающее письмо из управления регионального лидера нацистской партии. Компания парировала, заявив, что еврейские агенты были необходимы для ведения дел с еврейскими клиентами. Но нацисты проигнорировали этот аргумент. Контракт Грюнебаума был аннулирован в начале июня 1938 года. Компания согласилась выплатить ему полную годовую комиссию в размере 35 000 рейхсмарок вплоть до конца 1939 года, хотя сколько ему удалось взять с собой при эмиграции в Америку, неизвестно. В любом случае к этому времени государственные запреты на деятельность евреев в качестве коммивояжеров, агентов по недвижимости и схожих профессий положили конец этому виду деловых отношений¹⁷².

В первые годы Третьего рейха крупные фирмы иногда предлагали честную цену за еврейские предприятия, как в случае с приобретением еврейской «Северонемецкой хмелевой компании» компанией «Хенкель»¹⁷³. Рассматривая подобные сделки, управления региональных консультантов по экономике часто направляли такие контракты обратно, даже когда они сами ранее утверждали, что покупатели имели достаточные средства,

были экспертами в соответствующей области и когда сделки были приемлемыми с расовой и политической точки зрения. Так, например, в Южной Вестфалии подавляющее большинство контрактов возвращались для пересмотра, поскольку предлагавшаяся цена считалась слишком высокой¹⁷⁴. Однако по мере того как ариизация набирала обороты, крупные компании, особенно созданные не так давно, стали отбрасывать какие-либо сомнения и присоединялись к гонке за прибылью¹⁷⁵. Как в случае с универмагами Вертхейма, порой ариизация могла проводиться изнутри, когда еврейские директора уступали место неевреям. Из 260 крупных фирм, перешедших в руки неевреев к концу 1936 года, относительно небольшое их число перешло в результате захвата¹⁷⁶. Однако с 1936 года и далее, учитывая число еврейских предприятий, оказавшихся на рынке, большие фирмы стали искать для себя новые коммерческие возможности. К 1937 году захваты производились охотно и повсеместно. Так, машиностроительная фирма «Маннесман» получила металлургическую компанию «Вольф, Неттер и Якоби» с оборотом более 40 миллионов рейхсмарок в 1936—1937 годах; она также участвовала в консорциуме, который поглотил компанию Штерна по сбору металлолома в Эссене, которую пришлось продать с торгов после аннулирования контрактов¹⁷⁷. В некоторых случаях ариизация становилась выходом из экономических трудностей, вызванных политикой режима, особенно в сфере потребительских товаров. Обувная компания «Саламандер», например, проведшая самостоятельную ариизацию в 1933 году, попала под сильное давление Четырехлетнего плана, который требовал экспортировать кожаную обувь за так необходимую иностранную валюту и использовать кожаменители для обуви, продаваемой на внутреннем рынке. Использование самой кожи строго нормировалось уже в 1934 году. Для «Саламандер» оказалось очень удобным создать ряд вертикально интегрированных комбинатов за счет скупки еврейских кожевенных и дубильных компаний, таких как «Майер и сын» в Оффенбахе, которая была куплена в 1936 году. Работая в обратном направлении, в 1933 году кожевенная фабрика Карла Фройденберга купила еврейскую обувную фирму «Так», которая уже страдала от бойкотов и нападений местных нацистов¹⁷⁸.

К 1937 году практически все крупные компании в Германии присоединились к дележу награбленного. Например, такая большая компания, как «Альянс», оставила все прежние сомнения и с еще большим цинизмом стала активно пользоваться тяжелым положением еврейских страховых агентств, которые теперь принуждали бросать свой бизнес. Пока было возможно, «Альянс» предлагала ссуды под недвижимость покупателям собственности евреев и их активов¹⁷⁹. А банки, в свою очередь, сделали огромные деньги на комиссиях с таких продаж. В 1935 году, например, когда еврейский владелец берлинской «Электрической компании Арона», ведущего производителя радиоприемников, после нескольких сроков в концентрационном лагере наконец сдался и согласился продать свою компанию альянсу «Сименс—Шукерт» и еще одной фирме, «Дойче-банк» получил с этой сделки 188 000 рейхсмарок. Вскоре все ведущие банки соревновались между собой за этот прибыльный бизнес. «Дойче-банк» установил комиссию в 2% за свои посреднические услуги при таких транзакциях и с 1937 по 1940 год заработал таким образом несколько миллионов рейхсмарок¹⁸⁰. Схожим образом «Коммерцбанк» выступал в роли агента для покупателей еврейских компаний, отказывая последним в новых займах исходя из своих деловых интересов. Еврейским торговцам не оказывали никакой помощи и не давали никаких консультаций, напротив, поскольку банк конкурировал на очевидно растущем рынке с другими банками, занимавшимися тем же самым в условиях усиливавшихся ограничений на инвестиции в промышленность и международную торговлю, «Коммерцбанк» активно искал компании, с которых можно было бы получить свою комиссию по подобным операциям. К 1938 году процесс ариизации стал неотъемлемой частью рутинной работы крупных банков¹⁸¹.

Непосредственное участие в ариизации еврейских компаний приносило намного большую прибыль. Например, империя розничных магазинов Гельмута Хортена была во многом создана в результате ариизации¹⁸². Разумеется, некоторые покупки, возможно пятая часть от всего числа подобных сделок, совершались личными друзьями или людьми, сочувствовавшими еврейским предпринимателям, которых те уговорили купить свои компании по завышенным ценам (чтобы замаскировать неза-

конный учет в стоимости нематериальных активов) или за суммы, включавшие тайные бонусы, а когда такое было невозможно, убедили принять на себя доверительное владение до конца Третьего рейха, когда бы тот ни наступил. Выплата справедливой цены при Третьем рейхе, особенно в конце 1930-х годов, и, таким образом, поддержание основных принципов бизнес-этики, было уголовным преступлением. Более того, некоторые сочувствовавшие бизнесмены, чтобы обойти правила и положения, регулировавшие процесс ариизации в то время, тайно и незаконно перечисляли еврейским предпринимателям ежемесячные суммы, не указанные в документах на передачу или, как в одном случае, контрабандой доставляли швейцарские часы и золотые цепочки в Амстердам, передавая их еврейскому владельцу после его эмиграции. Некоторые фирмы, такие как химическая компания «Дегусса», действуя скорее из деловой логики, чем по моральным соображениям, оставляли еврейских руководителей ариизированных фирм на местах в течение некоторого времени, потому что ценили их опыт и деловые связи¹⁸³.

Намного большая часть покупателей, примерно 40%, не предпринимали никаких попыток обойти установленные правила. Они выплачивали минимальную цену, что стало обычным явлением, пользуясь обесцениванием товаров на складах, чтобы добиться максимально выгодной для себя сделки. Есть все свидетельства того, что они считали такие операции совершенно законными, и действительно, после войны многие из них с негодованием восприняли требования компенсации прежним еврейским владельцам компаний, полученные таким путем. Третья категория также составляла около 40% и включала многих активных членов нацистской партии, которые поощряли ариизацию и стремились сбросить цену, насколько это было возможно. Например, в Гамбурге конкуренты по бизнесу провели кампанию против фирмы «Бейерсдорф», которая занималась производством крема для рук «Нивеа», размещая в местной прессе объявления и распространяя наклейки, на которых говорилось: «Каждый, кто покупает товары «Нивеа», поддерживает еврейскую компанию»¹⁸⁴. Некоторые не гнушались прибегать к угрозам и шантажу или обращаться за помощью в гестапо. Характерный инцидент произошел летом 1935 года в городе Фюрстен-

вальде, когда еврейский владелец магазина после долгих переговоров согласился продать его нееврею, который настойчиво пытался сбить цену. Когда он забирал деньги от покупателя во время решающей встречи в офисе его адвоката, открылась дверь, и в комнату вошли два представителя гестапо, объявившие о том, что деньги конфискуются на основании закона о собственности «врагов государства». Забрав их у еврейского предпринимателя, они арестовали его за сопротивление властям, а покупатель запретил ему и его семье возвращаться в свою квартиру над магазином, хотя контракт это и разрешал¹⁸⁵.

Иностранные компании также вели активную ариизацию своего персонала. Озабоченные своим статусом при открыто националистическом режиме, некоторые из них особенно быстро стремились избавиться от еврейских сотрудников после захвата власти нацистами в 1933 году. Управляющий директор «Олекс», немецкого подразделения компании, которая впоследствии стала «Бритиш Петролеум», уволил еврейских сотрудников или сократил их действовавшие контракты уже в конце весны 1933 года. Позже в этом же году швейцарская химическая компания «Гейджи» получила официальный сертификат арийского предприятия, чтобы иметь возможность и дальше продавать нацистской партии красители для «производства символики национального движения»¹⁸⁶. Крупнейшие иностранные фирмы, такие как автомобильный завод «Опель», подразделение «Дженерал моторс», а также немецкий филиал «Форд мотор корпорейшн», приняли политику ариизации и избавились от всех еврейских рабочих. Обе эти компании также позволили переориентировать свои заводы на военное производство, хотя ограничения на операции с иностранной валютой, разумеется, не разрешали им экспортировать свои прибыли в США. Таким образом, учитывая данные ограничения, для иностранных компаний не было особого смысла участвовать в схватке за еврейские компании¹⁸⁷.

Эта схватка быстро выродилась в болото шантажа, вымогательства, коррупции и грабежей. Да, Геринг в должности руководителя Четырехлетнего плана и Гесс, заместитель фюрера по партии, приказали проводить ариизацию в русле закона и требовали, чтобы партийные чиновники не получали каких-либо финансовых выгод от этого процесса. Этот приказ повторялся

другими старшими нацистами, включая Генриха Гиммлера и гаулейтера Бадена Роберта Вагнера. Однако было очевидно, учитывая частоту и настойчивость подобных предупреждений, что партийные чиновники были полностью готовы пользоваться экспроприацией еврейских компаний в целях личной наживы. Нацистские активисты среднего и нижнего ранга просто не были готовы позволить ненавистным органам государства и закону стать на пути борьбы с евреями и часто считали, что совершаемые ими грабежи были справедливой наградой за жертвы, понесенные ими во «времена борьбы» при Веймарской республике. В любом случае они рассматривали еврейскую собственность и средства как украденные у немецкой расы. Массовое, общенациональное и в целом нескоординированное насилие, приведшее нацистов к власти в первой половине 1933 года, стало для коричневорубашечников фоном, который позволял красть золото и ювелирные украшения из домов и квартир, принадлежавших евреям, при случае пытая владельцев, чтобы те отдали ключи от сейфа. Далеко не единичны были случаи, когда арестованных евреев отпускали за большой денежный «залог», который немедленно исчезал в карманах людей СА и СС, совершавших арест. Партийные чиновники в Бреслау, которые угрожали евреям насилием, если те отказывались платить, сначала были арестованы за получение денег путем угроз, а затем освобождены, когда государственный прокурор оправдал их действия, пожуриив за «чрезмерное национал-социалистическое рвение»¹⁸⁸.

После «Ночи длинных ножей» в конце июня 1934 года такие акции более или менее сошли на нет, хотя летом следующего года был зафиксирован ряд других. Однако ариизация еврейских компаний, особенно когда она велась партийными управлениями региональных консультантов по экономике, давала возможности обогащения совершенно иного масштаба. Например, в Тюрингии партийный региональный консультант по экономике брал 10% комиссионных от цены покупки при сделках по ариизации с целью (по его словам) покрытия расходов управления. В конце концов он положил в банк более миллиона рейхсмарок, открыв специальный партийный счет, с которого средства распределялись между избранными членами партии на покупку других еврейских компаний, когда те выставлялись на продажу.

Так, «партайгеноссе Ульриху Клогу» был предоставлен заем в 75 000 рейхсмарок для покупки цементного завода, а «партайгеноссе Игнацу Идингеру» было выделено 5000 рейхсмарок на ариизацию отеля «Блум» в Оберхофе. По схожим схемам работали и в других регионах. Возврат этих денег не предполагался. Высшее руководство нацистской партии сумело очень сильно обогатиться таким способом. Гаулейтер Гамбурга Карл Кауфманн требовал и от продавцов, и от покупателей «взносов на ариизацию», которые использовал, например, для покупки всех акций химической фабрики «Зигфрид Крох». Региональный лидер по образованию в Вюртемберге-Гогенцоллерне сумел выкупить сланцевый карьер в Метцингене, таким образом увеличив свой ежегодный доход в десять раз¹⁸⁹.

На более низком уровне многие скромные активисты партии могли получать деньги в ходе действий по ариизации для покупки лотерейных лотков, табачных киосков и других мелких лавок. Учитывая официальный запрет на спекуляцию, неудивительно, что близкие родственники главных местных партийных чиновников стали действовать вместо них, как в случае с Герхардом Филером, купившим еврейский магазин обуви и кожаных изделий для себя через торговую фирму своего брата, бургомистра Мюнхена. Во многих таких случаях было очевидно, что семья конкретного нацистского чиновника действовала сообща. Такие действия по обходу закона вместо его открытого игнорирования плавно переходили в криминальную деятельность, когда партийные чиновники обманом вымогали деньги у евреев, предлагая фиктивную помощь или защиту или брали взятки за помощь в обходе положений финансового законодательства, которые сильно затрудняли эмиграцию. Бизнесмены, желавшие получить хорошие шансы на покупку еврейских фирм по дешевке, были особенно щедры в своих пожертвованиях.

«Чтобы заниматься бизнесом при нацистах, — говорил своему американскому коллеге агент по недвижимости в Аахене, получивший серьезную прибыль в результате ариизации еврейской собственности, — нужно было найти друга в каждом государственном управлении, однако подкупать в открытую было слишком опасно. Надо было работать неявно». Его излюбленными методами были приглашение ключевых партийных функ-

ционеров на ужин в дорогой ресторан с изысканными винами или угощение выпивкой в пивных и барах, бывших излюбленными местами местной партийной элиты. «Это стоило мне изрядных денег, — признавал он, — но в конечном счете позволяло установить связи»¹⁹⁰.

II

Ариизация была только одним компонентом масштабной и быстро развивающейся системы грабежей, экспроприации и присвоения чужого имущества при Третьем рейхе. Все началось наверху, с самого Гитлера. Вначале, после смерти Гинденбурга, Гитлер смог прибрать к рукам официальные фонды президента. Расходы из них раньше подвергались внутреннему аудиту Министерства финансов и должны были утверждаться рейхстагом, то же относилось и к личному бюджету рейхсканцлера. После успешного лишения рейхстага политической силы и устранения любых возможностей расследования правительственных действий со стороны прессы и СМИ, не говоря о набирающем обороты культе личности, окружавшем персону Гитлера, который не допускал ни малейшей критики в адрес Вождя, открылись новые пути для использования этих фондов на любые цели, нужные Гитлеру. Несмотря на некоторые опасения в высших рядах госчиновников, Гитлер начал понемногу выделять деньги всем подряд со все большей щедростью. Зная об этом, ведущие нацисты стали предлагать канцлеру вещи, заслуживавшие его щедрости. Уже осенью 1933 года по предложению имперского министра внутренних дел и одного из его сотрудников Гитлер назначил из фонда рейхсканцлера ежемесячное пособие в размере 300 рейхсмарок семнадцати людям, названным «предтечами расового возрождения и борьбы с евреями» в нацистском движении. Вместе с другими схожими деятелями в список попал писатель Рихард Унгевиттер из Штутгарта, автор многочисленных книг с такими названиями, как «От служения евреям к свободе» и «Разрушение расы евреями». К 1936 году подобная щедрость Гитлера стала распространяться на людей, в годы Веймарской республики находившихся в заключении за измену того или иного вида. Больше ста мужчин и женщин получили пенсии в размере от 50 до

500 рейхсмарок в месяц за особые заслуги перед партией. Выдавая такие пособия, Гитлер ясно давал понять, что он компенсирует расистским и антисемитским пропагандистам и активистам партии их жертвы, понесенные до захвата власти, подчеркивая собственное представление коричневорубашечников и «старых бойцов» о себе как о бескорыстных мучениках, боровшихся за великое дело, и привязывая их к новому режиму как идеологическими, так и материальными стимулами¹⁹¹.

Гитлер не обделял вниманием и армию, полковые штаб-квартиры которой часто получали в подарок написанные маслом картины на военные темы, пожертвованные фюрером. Более того, начиная с 1937 года официальные фонды Гитлера использовались для выплаты 100 000 рейхсмарок в год «офицерам вооруженных сил для отдыха и лечения». Поддержание благожелательного отношения армии было, безусловно, важной задачей, особенно после убийства генерала фон Шлейхера в «Ночь длинных ножей», и Гитлер потратил значительные суммы на повышение пенсий уволившимся в запас офицерам, таким как вице-адмирал фон Ройтер, который приказал затопить сдавшийся немецкий флот в заливе Скапа-Флоу 21 июня 1919 года. Август фон Макензен, к середине 1930-х годов последний из оставшихся в живых фельдмаршалов кайзеровской армии и поэтому ставший знаковой фигурой вооруженных сил, получил в дар без налогов большое поместье в районе Пренцлау, а также 350 000 рейхсмарок на его восстановление. Будучи монархистом, Макензен посчитал необходимым обратиться к бывшему кайзеру в изгнании Вильгельму II с извинениями за принятие этого поместья, поскольку, по его мнению, только сам кайзер имел право делать такие подарки. Как можно было ожидать, кайзера это не удивило, и с этого момента он считал фельдмаршала предателем его дела. Гитлер давал щедрые субсидии многим другим землевладельцам-аристократам, помогая тем разобраться со своими долгами и удерживая от участия в заговорах вместе с бывшим кайзером¹⁹².

Для обеспечения такой щедрости фонды, выделяемые из государственного бюджета в личное распоряжение Гитлера, постоянно увеличивались, пока не достигли огромной суммы в 24 миллиона рейхсмарок в 1942 году¹⁹³. Гитлер мог добавить к этим

суммам авторские отчисления от продаж «Майн Кампф», которая закупалась оптом всеми отделениями нацистской партии и фактически являлась обязательной книгой на полке каждого простого гражданина. Только в 1933 году эти отчисления составили 1,2 миллиона рейхсмарок. С 1937 года Гитлер также стал требовать выплат за использование своего портрета на почтовых марках, чего никогда не позволял себе Гинденбург. По словам Шпеера, присутствовавшего на той встрече, только один чек, переданный министром связи Гитлеру, был выписан на 50 миллионов рейхсмарок. Ежегодное благотворительное пожертвование немецкого бизнеса в «Фонд Адольфа Гитлера» составляло еще один источник средств, вместе с гонорами и отчислениями, выплачивавшимися при любой публикации речей Гитлера в газетах. Гитлер также получал значительные суммы от наследства по завещаниям благодарных скончавшихся нацистов. Если сложить все эти доходы, становится понятно, что Гитлеру не слишком нужна была его скромная зарплата рейхсканцлера в 29 200 рейхсмарок или ежегодное возмещение расходов в 18 000 рейхсмарок. Поэтому в самом начале своего правления он публично отказался от зарплаты и возмещения в качестве пропагандистского жеста с целью показать дух бескорыстной преданности, с которым он управлял страной. Тем не менее, когда Мюнхенское налоговое управление в 1934 году напомнило ему о том, что он никогда не платил налогов на доходы и теперь был должен более 400 000 рейхсмарок с учетом просрочки, на бестактных чиновников было оказано такое давление, что они не долго думая согласились списать всю сумму долга и уничтожить все документы по налоговым делам Гитлера в придачу. Гитлер в знак благодарности за эту услугу назначил главе налогового управления Людвигу Мирре надбавку к жалованью в размере 2000 рейхсмарок в год, не облагаемых налогом¹⁹⁴.

Личное положение Гитлера в роли харизматичного вождя Третьего рейха, стоявшего над законом, не только ему, но и другим давало иммунитет от обычных правил финансового учета. Его непосредственные подчиненные были обязаны своим положением не какому-либо выборному органу, а только самому Гитлеру, и отчитывались они только перед ним. Такие же личные отношения повторялись на всех уровнях политического устройст-

ва вплоть до самого низа. Результатом этого неизбежно стала обширная и расширяющаяся сеть коррупции, поскольку покровительство, кумовство и взяточничество быстро стали играть ключевую роль в связывании всей системы в единое целое. После 1933 года верность сторонников партии поддерживалась развитой системой персональных льгот. Для сотен тысяч безработных активистов нацистской партии это в первую очередь означало предоставление им работы. Уже в июле 1933 года Рудольф Гесс обещал трудоустроить всех тех, кто вступил в партию до 30 января 1933 года. В октябре того же года Имперское управление по страхованию безработных и трудоустройству в Берлине начало централизованную кампанию по предоставлению рабочих мест всем членам партии с номерами билетов до 300 000, всем, занимавшим ответственные посты в партии более года, и находившимся в рядах СА, СС или «Стального шлема» до 30 января 1933 года. Это вызвало некоторое недовольство, поскольку число членов партии перевалило отметку в 300 000 человек уже к концу 1930 года, и огромное количество присоединившихся позже не попадали под действие данной программы. Однако на деле эти правила не слишком соблюдались — любой, называвший себя старым нацистом, мог рассчитывать на участие, а амбициозные нацисты, уже имевшие работу, использовали эту схему, чтобы найти себе более выгодное место. К 1937 году Имперское управление почтовой службы предоставило работу более 30 000 «достойным национал-социалистам», и только 369 из 2023 нацистов, которым дали постоянную и хорошо оплачиваемую государственную должность в Военном министерстве к концу 1935 года, раньше на самом деле были безработными.

Такая система «работы для друзей» на самом деле была отработана в ходе долгой практики в Пруссии и других местах, когда армейские офицеры, уходившие в запас, автоматически получали места на государственной службе, как правило в полиции. Применение такого принципа к членам СА и нацистской партии было другим делом, поскольку они награждались за членство в политической партии, а не потому, что раньше служили своей стране. Масштаб и внезапность введения такой политики также были в новинку. К октябрю 1933 года нацистская партия в Берлине нашла работу для 10 000 своих членов, а 90% всех кон-

торских должностей на госслужбе были переданы «старым бойцам». Если претендента на работу предлагал местный штурмовик, от работодателя требовалось немалое мужество, чтобы отказать в приеме, несмотря на самые ужасные характеристики кандидата. Многие из получивших государственные должности обнаружили, что их предыдущее членство в партии, СА или СС учитывалось при расчете трудового стажа на новых местах, что давало серьезное преимущество по сравнению с коллегами, когда дело доходило до повышения. Некоторые из таких должностей были простой видимостью работы. Например, в июле 1933 года штурмовик Пауль Эллерхузен, комендант концентрационного лагеря в Фульсбюттеле и клерк без образования, безработный с 1929 года, был назначен личным секретарем имперского уполномоченного в Гамбурге в звании государственного советника. Вскоре он был переведен на более высокооплачиваемую работу в Городском управлении по делам молодежи, однако на работе он появлялся крайне редко, потому что практически постоянно был в запое¹⁹⁵.

Похожих историй в Германии было предостаточно. Муниципальные коммунальные службы, вроде газового управления, водоснабжения и других, предлагали много мест для людей СА, часто превышая необходимую численность штата. Аудит Гамбургского фонда здравоохранения показал, что в нем работало на 228 администраторов больше, чем фактически было необходимо. Тысячи старых партийцев находили комфортные должности в транспортной системе. Так, например, местная железная дорога в Гамбурге приняла в штат больше тысячи человек в 1933–1934 годах, при этом необходимость в новых кадрах роли не играла. Например, Герберту Дункеру, региональному лидеру крестьян Гамбурга, платили 10 000 рейхсмарок в год как «сельскохозяйственному советнику энергетической компании Гамбурга», ни разу не удосужившись выяснить, в чем могла бы заключаться подобная работа. Таким образом, государственным предприятиям в конечном счете приходилось субсидировать нацистскую партию и ее дочерние организации. Схожее давление оказывалось на многие другие частные компании. Тем временем законы, принятые в 1934 и 1938 годах, освобождали членов партии от ответственности в связи с исками об ущербе, нанесенном ими

профсоюзам и другим организациям в 1933 году, и позволяли снять с себя все долги без уплаты штрафов, если у них до 1 января 1934 года имелись финансовые трудности¹⁹⁶. Напротив, бывшие активисты коммунистической и социал-демократической партии сталкивались с систематическими отказами в получении работы, пока спрос на рабочие руки в военной промышленности не стал таким острым, что об их прежней политической деятельности оказалось удобнее забыть. Опыт Вилли Эрбаха, квалифицированного рабочего, бывшего членом Рейхсбаннера, полувоенного крыла социал-демократов, в этом смысле является весьма показательным: уволенный за свою политическую деятельность в 1933 году, он не мог найти работу в течение следующих трех лет, до 1936 года, когда на бирже труда его внезапно направили на завод Круппа в Эссене. Вместе с тем намного менее квалифицированные рабочие не имели особых трудностей с поиском работы, если они были членами нацистской партии¹⁹⁷.

Возможности быстрого роста своей карьеры получили все вплоть до обычных штурмовиков, которые не гнушались забирать себе сейфы, мебель, постельное белье и оборудование, найденное в офисах профсоюзов, разоренных 2 мая 1933 года, и в домах арестованных граждан. Здесь типичным примером является история лидера студенческого профсоюза Мюнхена, Фридриха Оскара Штебеля, победителя в продолжительной внутренней борьбе, которая привела к его назначению главой Немецкого студенческого профсоюза в сентябре 1933 года. Штебель отпраздновал свое возвышение, используя профсоюзные взносы студентов для оплаты личных расходов, одежды, машин и на другие цели, а также для финансирования и экипировки походного оркестра для своего развлечения. Местный студенческий совет в Берлине потратил пожертвования своих членов на покупку не менее семи автомобилей своим руководителям в личное пользование¹⁹⁸. Количество денег и собственности, влиявших в партию с начала 1933 года, было настолько огромным, что немногие могли устоять перед искушением стащить немного лично для себя. Партийное казначейство строго относилось к растратам своих фондов, и между 1 января 1934 и 31 декабря 1941 года оно направило в суд не меньше 10 887 уголовных дел в связи с неправомерным использованием партийных

средств, обвиняемыми по которым проходили не только сама Партия, но и дочерние организации. В ситуации 1933 года хаос в области аудита счетов и контроля финансов в целом был неизбежен, учитывая практически экспоненциальный рост численности нацистской партии и огромного числа связанных с ней групп. Нисколько не удивительно, что среди 1,6 млн человек, вступивших в партию в первые несколько месяцев 1933 года, многие тем самым надеялись нажать себе состояние¹⁹⁹.

III

С такими деньгами, поступавшими на их счета, неудивительно, что нацистские служащие на всех уровнях иерархии вскоре начали вести образ жизни, о котором даже не мечтали до 1933 года. В том числе и люди на самом верху. Например, глава Министерства пропаганды Йозеф Геббельс в 1932 году подал в налоговую инспекцию декларацию, в которой указал свой годовой доход в размере 619 рейхсмарок. Однако в течение нескольких лет он зарабатывал 300 000 рейхсмарок в год на гонорарах за свои еженедельные передовицы в нацистском журнале «Рейх», эта сумма была вне всяких сравнений со стандартными журналистскими ставками и фактически представляла собой огромную ежегодную взятку от издателя журнала Макса Аманна. В свою очередь Геббельс списывал 20% своего заработка как деловые расходы, хотя в действительности таковых не имел. На эти деньги министр пропаганды помимо прочего приобрел виллу на берлинском острове Шваненвердер, которую ее прежнего владельца, еврейского врача Шарлотту Херц, заставили продать. В 1936 году городские власти Берлина передали в его пожизненное пользование еще одно поместье на озере Богензее, после этого он потратил 2,2 миллиона рейхсмарок на его расширение и обновление. В 1938 году он продал свой дом в Шваненвердере промышленнику Альфреду Людвигу, который после этого сдавал его Геббельсу бесплатно. Вместе с тем, в общественном мнении Геббельс считался одним из наименее коррумпированных лидеров нацистов, как и Альберт Шпеер, чьи архитектурские гонорары вместе с обычными рождественскими подарками от руководителя Германского трудового фронта Роберта Лея и налоговыми

льготами, в обычном порядке предоставлявшимися нацистским руководителям, сделали его миллионером еще до войны²⁰⁰.

Самым скандально известным из всех был Герман Геринг, на расширение и ремонт охотничьей усадьбы «Каринхалле» которого было затрачено свыше 15 миллионов рейхсмарок из средств налогоплательщиков. На содержание и управление этим роскошным поместьем уходило почти полмиллиона марок, которые также выплачивались из кармана налогоплательщиков, кроме того, Герингу принадлежала другая охотничья усадьба в Восточной Пруссии, вилла в Берлине, шале в Оберзальцберге, замок Вильденштейн и пять других охотничьих домов, не говоря о частном поезде, вагоны которого вмещали десять автомобилей и действующую пекарню, а личные покои Геринга в поезде, занимавшие два полных вагона, обошлись казне в 1,32 миллиона рейхсмарок даже без экстравагантно роскошной отделки интерьера. Позже, в 1937 году, Имперская ассоциация автопроизводителей подарила ему яхту стоимостью в три четверти миллиона рейхсмарок для личного пользования. Во всех этих местах Геринг держал большие и постоянно растущие коллекции предметов искусства, хотя настоящая возможность создать поистине огромную коллекцию представилась ему только во время войны. Как и другие лидеры нацистов, он скрывал большую часть своих доходов от налоговых органов и получал льготы по оставшимся средствам. Уклонение от налогов стало еще проще после выхода в 1939 году постановления о том, что налоговые дела имперских министров и старших руководителей нацистской партии должны были вестись исключительно финансовыми управлениями центрального Берлина и северного Мюнхена, которые без всяких сомнений решали бы любые конфликты в их пользу²⁰¹.

Такое кричащее швыряние деньгами не только говорило о личной коррумпированности, которая поражает любую диктатуру, но и отражало распространенное желание среди высших нацистских деятелей символически продемонстрировать то, что они являются новыми хозяевами Германии. Охота стала любимым времяпрепровождением многих гаулейтеров, которые скупали охотничьи угодья, даже если раньше никогда не проявляли интереса к этому наиболее аристократическому из развлечений. Столкнувшись с необходимостью не отставать в этом отношении

от своих коллег, гаулейтер Гамбурга Карл Кауфман сначала не мог добиться особых успехов, поскольку в его городском феоде не было охотничьих земель. Однако после создания Великого Гамбурга в 1937 году включение в состав города лесной территории на севере дало ему шанс. Он немедленно объявил ее природным заповедником, запустил туда дичи, закрыл от широкой публики одиннадцатикилометровой изгородью, а затем стал арендовать ее у города для личного использования. Схожим образом большинство высокопоставленных нацистов последовали примеру Гитлера, приобретая картины старых мастеров и новые работы на Большой выставке немецкого искусства и размещая их на стенах своих огромных вилл и охотничьих поместий, не потому, что они как-то особенно почитали искусство, но потому, что это было явным символом их статуса в нацистской иерархии²⁰².

Неудивительно, что коррупция соседствовала с воровством и вымогательством, когда нацистские лидеры и их подчиненные сталкивались с беспомощными и беззащитными. Ненависть, питаемая нацистскими активистами к евреям, коммунистам, марксистам и другим «врагам рейха», давала им полную внутреннюю свободу грабить тех по своему усмотрению. В ходе жестокого захвата власти в 1933 году банды коричневорубашечников, служившие в качестве вспомогательной полиции, регулярно проводили «домашние обыски», которые были лишь предлогами для грабежа. В концентрационных лагерях офицеры и командиры рассматривали мастерские, в которых работали заключенные, как свои личные предприятия, присваивая себе производимые там мебель, картины, гравюры и пр. Комендант концентрационного лагеря в Лихтенбурге заставил заключенных изготовить новые переплеты для своих книг, прошить туфли и ботинки для себя и своих домочадцев, смастерить новые почтовые ящики и гладильные доски для дома и выполнить множество других поручений. Младшие служащие лагеря заставляли заключенных воровать спаржу и клубнику для них с лагерного огорода, «организовывали» доставку продуктов с кухни для себя и расхищали средства лагерной столовой. Кража личных вещей и денег, имевшихся у несчастных, которым не повезло попасть в лагерь, была правилом, а не исключением. В 1938 году комендант Бухенвальда Карл Кох конфисковал у евреев, направлен-

ных в лагерь, наличных денег и предметов на сумму не меньше 200 000 рейхсмарок, частично разделив их между подчиненными, но положив большую часть денег на свой личный счет²⁰³.

Если кого-то на достаточно высоком уровне начинали судить за такие преступления, это скорее всего было результатом невнимательности, чем признаком честности со стороны начальства. Когда Роберта Шёпвинкеля, высокопоставленного чиновника в Имперской ассоциации немецких владельцев гостиниц, и двух его старших помощников судили и признали виновными за хищение 100 000 рейхсмарок, это в первую очередь стало результатом того, что они начали вести себя настолько вызывающе нагло, что владелец отеля «Рейнхотель Дреезен» в Бад-Гедесберге, где часто останавливался Гитлер, обратился к фюреру и сообщил тому, что если ничего не предпринять для привлечения Шёпвинкеля к ответу, режим может потерять лояльность всего гостиничного бизнеса в долине Рейна²⁰⁴. Немногие судебные дела вроде этого позволяли лидерам режима выставять себя в роли решительных борцов с коррупцией в отличие от их предшественников при Веймарской республике. На самом деле коррупция такого рода чаще всего скрывалась от СМИ. Она стимулировалась отсутствием какого-либо контроля со стороны прессы или общества над правительством и партией, личностным характером власти при режиме и общей нелюбовью нацистов к формальным административным структурам и правилам. В условиях экономического спада начала и середины 1930-х годов власть казалась быстрым путем к богатству, и лишь немногие на сколько-нибудь ответственных постах в нацистской партии могли сопротивляться искушению воспользоваться ею. Среди населения быстро распространялись слухи и истории о коррупции. В сентябре 1934 года Виктор Клемперер записал разговор с членом Гитлерюгенда, сыном своего друга, который рассказывал, как лидеры группы воровали членские взносы на экскурсии и использовали их для покупки себе таких дорогих вещей, как мотоциклы. Он говорил, что это было известно всем²⁰⁵.

Трясина коррупции, в которую быстро погружалась экономика после 1933 года, стала богатым источником горького юмора среди населения. Как говорили в народе, «реакционером является тот, кто имеет хорошо оплачиваемую работу, на которую

метит какой-нибудь нацист». Страсть Геринга к униформе и титулам была особым источником насмешек среди простых людей. Так, говорили, что «одним Гер-ом называется количество медалей, которое может унести на груди один человек». Другая шутка — в ходе визита в Рим в рамках переговоров с Ватиканом Геринг телеграфировал Гитлеру: «Миссия завершена. Папа лишен сана. Тиара и облачение понтифика на мне сидят как влитые». В другой шутке говорилось, как однажды ночью жена Геринга проснулась и увидела своего обнаженного мужа, который стоял рядом с кроватью, размахивая маршалским жезлом. Она спросила, что тот делает. На что он ответил: «Я произвожу свое нижнее белье в верхнюю одежду». Шутки о коррупции даже попадали на сцену. В 1934 году актер кабаре Вильгельм Финк, выступая с комедийным номером в берлинском клубе «Катакомба», стоял, вытянув вперед правую руку в нацистском приветствии, а в это время портной снимал с него мерку для нового костюма. «Какой пиджак вы хотите? — спросил портной. — С шевронами и нашивками?» «Вы имеете в виду смиренную рубашку?» — отвечал Финк. «Какие у него будут карманы?» «Широко распахнутые, сейчас это модно», — отвечал Финк. Вскоре после этого кабаре было закрыто по приказу Геббельса, а Финка отправили в концентрационный лагерь. Гитлера насмешки о коррупции, публичные или частные, как правило, обходили стороной. Обвинения в коррупции выдвигались против его подчиненных, в первую очередь против «маленьких Гитлеров», которые властвовали в регионах. Типичная шутка включала детей Геббельса, которых по очереди приглашали на чай в дома Геринга, Лея и других лидеров партии. После каждого визита они возвращались домой, восторгаясь потрясающими кремовыми пирожными, угощениями и прочими сладостями, которыми их потчевали хозяева. Однако после посещения Гитлера, где им давали только солодовый кофе и маленькие печенья, они спрашивали: «Папа, а что, фюрер не состоит в партии?»²⁰⁶

Но, несмотря на такой юмор, широко распространено было ощущение, что к 1939 году нацистский режим добился серьезных успехов в экономической сфере. В конечном счете экономика восстановилась после Депрессии быстрее, чем в других странах. Иностранный долг Германии стабилизировался, про-

центные ставки упали до половины значения 1932 года, фондовая биржа встала на ноги после Депрессии, валовой национальный продукт вырос на 81% за тот же период, а инвестиции в промышленность и производство снова достигли уровня 1928 года. Две самые большие экономических беды веймарского периода, инфляция и безработица, были побеждены²⁰⁷. Всего этого удалось достичь благодаря растущему вмешательству государства в экономику, которое к 1939 году достигло беспрецедентных пропорций. Несмотря на любые пропагандистские лозунги о битве за рабочие места, нацистская экономическая политика стимулировалась огромным желанием Гитлера и партийного руководства, которых поддерживали вооруженные силы, подготовиться к войне. Вплоть до второй половины 1936 года такая подготовка не вызывала особых возражений со стороны бизнеса, однако когда в силу вступил Четырехлетний план, темпы перевооружения стали обгонять возможности экономики по его поддержке, и бизнес начал возмущаться под гнетом быстро усиливающихся ограничений и барьеров. Более серьезные опасения вызывало то, что частные предприятия стали проигрывать в конкурентной борьбе компаниям, образованным и финансируемым режимом, который все нетерпимей относился к капиталистическому стремлению к прибылям. Однако ничего из этого, что бы ни подозревали критики, не представляло возврата к социалистическим принципам, которых нацисты придерживались в начале своей истории. Эти принципы были забыты давным-давно, и на самом деле они никогда не были социалистическими. Третий рейх никогда не собирался вводить тотальную государственную собственность и централизованное планирование, как это было в сталинской России. Постулаты дарвинизма, вдохновлявшие режим, говорили о том, что конкуренция между компаниями и отдельными лицами должна была оставаться руководящим принципом экономики, так же как конкуренция между разными государственными агентствами и партией была основным принципом политики и управления²⁰⁸.

Тем не менее Гитлер хотел гарантировать, чтобы фирмы конкурировали в достижении общих политических целей, установленных им самим. Однако эти цели были фундаментально противоречивыми. С одной стороны, автократия устанавливалась

для подготовки Германии к продолжительной войне, с другой — перевооружение проводилось с безрассудной импульсивностью, которая не учитывала требований экономической независимости. Если оценивать успехи режима с точки зрения собственных целей, нацисты смогли лишь частично реализовать поставленные задачи к лету 1939 года. Подготовка к полномасштабной войне не отвечала требованиям, программа вооружения неполна, ужасная нехватка сырья означала, что целевые показатели по производству танков, кораблей, самолетов и оружия не были достигнуты даже близко. Ситуация усугублялась личной неспособностью Гитлера определить стабильные и разумные приоритеты по программе перевооружения. Ответом на причины этих провалов был грабёж. Коррупция, вымогательства, экспроприация и прямые грабежи, ставшие отличительным признаком режима, его вождей и слуг на всех уровнях в ходе программы ариизации, сделали грабёж главным пунктом в отношении нацистов к собственности и средствам существования народов, которых они не считали арийцами. Огромная нагрузка, возложенная на экономику Германии в период с 1933 по 1939 год, могла быть разрешена, о чем Гитлер несколько раз заявлял лично, только за счет завоевания жизненного пространства на Востоке. После захвата власти «старые бойцы» партии получали за свои жертвы в «годы борьбы» при Веймарской республике деньги, должности, недвижимость и источники доходов. Теперь в большем масштабе тот же принцип применялся к экономике Германии и остальных стран Европы — от немецкого народа требовали жертв в подготовке к войне, но после ее начала он должен был получить награду в виде огромных территорий Восточной Европы, которые предлагали огромное богатство, обеспечили бы страну продовольствием на обозримое будущее и одним махом решили бы все экономические проблемы Германии²⁰⁹.

А пока немецкий народ должен был пойти на жертвы. Режим направил все свои усилия на увеличение производства, вместе с тем жестко ограничивая потребление. Нехватка жиров, сливочного масла и других потребительских товаров, не говоря о предметах роскоши, таких как импортные фрукты, стала обычным признаком жизни в 1939 году. Людей постоянно призывали сдавать свои деньги в различные программы сбережений, которые

переводились в государственные облигации, долговые расписки и налоговые кредиты, что позволяло расходовать огромные средства на военно-промышленный комплекс. Людей безжалостно призывали экономить и экономить, вместо того, чтобы тратить, тратить и тратить. Вводились схемы обязательных пенсионных накоплений для индивидуальных предпринимателей, заставлявшие их вкладывать деньги в страховые компании, откуда государство могло забирать их для финансирования перевооружения. В то же время правительственные службы и военные часто задерживали оплату работы подрядчиков на сроки, превышающие целый год, таким образом, используя их услуги в виде скрытых займов. Во многих малых и средних предприятиях, занятых производством вооружений или в связанных проектах, это порождало настолько серьезные проблемы платежей, что они иногда не могли вовремя выплачивать своим сотрудникам зарплату²¹⁰. Режим оправдывал все это обычными заявлениями о жертвах ради великих будущих благ немецкого расового сообщества. Но допускали ли люди реальность такого сообщества? Сумел ли Третий рейх, как обещали нацисты, смести классовые противоречия и враждебность, которые привели к неспособности веймарской демократии, и объединить всех немцев в стремлении возродить национальное единство и бороться за общее дело? От выполнения этих обещаний зависела очень большая часть популярности и успеха режима.

ГЛАВА 5

СТРОИТЕЛЬСТВО «НАРОДНОЙ ОБЩНОСТИ»

Кровь и почва

I

Для Фридриха Рек-Маллещевена Третий рейх представлял собой приход к власти толпы и уничтожение всех социальных авторитетов. Несмотря на то что Рек вел аристократический образ жизни в Верхней Баварии, где у него был старинный загородный дом с одиннадцатью гектарами земли, фактически он был северным немцем. Как он объяснял в интервью мюнхенской газете в 1929 году, его лояльность новому режиму объяснялась не баварскими, а древними прусскими аристократическими корнями. Глубоко консервативный, сноб, погруженный в ностальгию по былым дням до того, как Бисмарк силой притащил воюющих юнкеров в современный мир, Рек всей душой ненавидел нацистскую Германию. В относительной безопасности своего сельского убежища он изливал в своем дневнике все отвращение, питаемое к новому порядку вещей. «Я в плену у орды злобных обезьян», — писал он. Гитлер был «куском грязи», которого ему следовало застрелить, когда была возможность, когда он носил револьвер для защиты от беснующихся толп того времени и однажды натолкнулся на Гитлера в ресторане «Остерия» в Мюнхене в 1932 году. Услышав речь Гитлера, Рек исполнился уверенности в том, что Вождь был «банальным идиотом». Он выглядел «как кондуктор трамвая», с его лица «свисали нездоровые наплывы жира, оно колебалось, как болото, не имело формы — грязное, студенистое, болезненное». Однако люди боготворили это «грязное... чудовище»,

этого «опьяненного властью шизофреника». Рек не выносил «бычьего и абсолютного дебильного рева «Хайль!»... истеричных дамочек, впавшей в транс молодежи, всего народа, павшего в психическое состояние воющих дервишей». «Воистину, — писал он в 1937 году, — человек не может пасть ниже. Эта толпа, с которой я связан общей национальностью, не только не видит собственной деградации, но и в любой момент готова потребовать от любого из своих членов реветь вместе со всеми... того же уровня деградации»¹.

По мнению Река, лидеры нацистов «были грязными мелкими буржуа, которые... уселись за стол изгнанных ими хозяев»². В отношении немецкого общества в целом он с горечью писал в сентябре 1938 года: «Обычный человек живет как робот, переваривая пищу или засыпая со своей женщиной с выбеленными перекистью волосами, и делает детей, чтобы этот термитник продолжал функционировать. Он повторяет слово за словом заклинания Великого Маниту, доносит на одних и становится объектом доносов других, умирает или погибает, продолжая свое растительное существование... Но даже не это, не наводнение мира неандертальцами так невыносимо. Невыносимо то, что эта орда неандертальцев требует от немногих оставшихся человеческих существ, чтобы те по доброй воле превратились в пещерных людей, угрожая им в случае отказа физическим уничтожением»³.

Рек осматривательно каждую ночь прятал свой дневник глубоко в лесу или в полях на своей земле, постоянно меняя место, чтобы его не могло найти гестапо⁴.

Особенное отчаяние Река вызывало то, что произошло с молодым поколением аристократии. Посетив как-то раз берлинский ночной клуб в начале 1939 года, он обнаружил, что тот был наполнен «юношами из сельских дворян, и все они носили униформу СС»: «Они веселились, роняя кубики льда из ведерок для шампанского в декольте своих дам и извлекая их оттуда, глубоко засовывая руки, посреди всеобщего ликования. Они... общались друг с другом так громко, что их, наверное, было слышно на Марсе, а речь сплошь была насыщена жаргонными словечками сутенеров времен Первой мировой войны и Добровольческих бригад — в это превратился наш язык за последние двадцать лет.

...Наблюдать за этими людьми означает смотреть на непреодолимую пропасть, отделявшую всех нас от прошлой жизни... Первое, что бросается в глаза, это пугающая пустота их лиц. Иногда в их глазах можно уловить отблеск, внезапную вспышку сознания. Это совсем не похоже на нормальную молодежь. Это типичный взгляд для данного поколения, непосредственное отражение животной, истеричной жестокости»⁵.

По его пророческим словам, эти люди «превратят картины Леонардо в гору пепла, если их вождь назовет их развращенными». Они будут «творить еще более страшные вещи, и самое ужасное состоит в том, что они будут абсолютно неспособны даже *почувствовать* всю глубину собственной деградации». Аристократы древнего и благородного происхождения, негодовал он, принимали бессмысленные титулы и звания от режима, который унизил их, и тем самым пятнали позором свои знаменитые фамилии. «Эти люди безумны. Они дорого заплатят за свое безумие». Традиционный нравственный и социальный порядок был перевернут с ног на голову, и больше всех в этом он винил самого Гитлера. «Я ненавижу тебя каждую прожитую мной минуту, — обращался он к вождю нацистов в уединении своего дневника в августе 1939 года. — Я ненавижу тебя так сильно, что с радостью готов отдать свою жизнь за твою смерть и с радостью встречу свою смерть, если смогу лишь краем глаза увидеть твою, отправляясь вместе в небытие»⁶.

Неистовое презрение Река к нацифицированным массам было довольно необычным. Острота и точность некоторых его наблюдений, возможно, отчасти были следствием его крайней маргинальности. Поскольку его заявления о благородном происхождении, сделанные в статье 1929 года в одной мюнхенской газете, были такими же ложными, как и подробности о его корнях среди балтийской аристократии, которые он указал в тщательно сфабрикованном генеалогическом древе. На самом деле он был просто Фрицем Реком. Его дед был хозяином гостиницы, и хотя его отец смог заработать себе достаточное состояние и уважение, чтобы быть избранным в Прусский парламент в 1900 году, он заседал в нижней палате как обычный простолюдин, а не в верхней палате, где сидели наследные дворяне. Сам Рек имел диплом врача, но посвящал большую часть своего времени

написанию романов, пьес, журналистских эссе, сценариев для кино и многого другого. Он придумал для себя подробное фантастическое прошлое, включая службу на различных театрах военных действий и даже службу в британской колониальной армии. Все это было выдумкой. Вместе с тем утверждения Река о своем аристократическом происхождении как будто не вызывали подозрений или враждебности в кругах, в которых он вращался. Его позиция подчеркивалась вызывающе высокомерным и надменным поведением на публике. Рек в своей общественной и личной жизни использовал все атрибуты прусского юнкера. Его вера в свой аристократический характер и ценности социальной элиты носителей титулов и культуры, по всей видимости, была совершенно искренней⁷. И сколько бы деталей в его дневнике ни было придумано, ненависть Река к Гитлеру и нацистам была, бесспорно, подлинной⁸.

Консерватизм Река был намного более экстремальным, чем у большинства настоящих прусских аристократов. По его горькому признанию, он едва ли разделялся молодым поколением. Немецкая аристократия испытала необычайно резкое разделение поколений в годы Веймара. Старое поколение, лишенное финансового и социального фундамента, который обеспечивало им государство во времена рейха Бисмарка, тосковало по возвращению старых дней. Они относились к псевдоуравнительной риторике нацистов с подозрением и настороженностью. Напротив, молодое поколение презирало старых монархистов за то, что в 1918 году они сдались без борьбы. В начале 1930-х годов в лице нацистской партии они видели потенциальный инструмент создания новой руководящей элиты. Они считали аристократию, к которой принадлежали, не общественной группой, связанной общим понятием чести, но расовым организмом, продуктом столетий селекции. Именно такая точка зрения превалировала в семнадцатитысячном Союзе немецких дворян (Deutsche Adelsgenossenschaft) в начале 1920-х годов, когда он запретил принимать в свои ряды еврейских дворян (примерно 1,5% от общего числа). Но ее придерживались не все. Дворяне-католики, в большинстве своем проживавшие на юге Германии, находились в стороне от этого процесса расовой сегрегации, и многие из них встали на сторону Церкви, когда Третий рейх на-

чал оказывать на нее давление. Относительно мало людей даже из молодых баварских аристократов последовали примеру протестантов из северной Германии, вступая в ряды СС, хотя многие из них были в рядах оппозиции в годы Веймарской республики. Напротив, они чувствовали себя более комфортно в других правых организациях, таких как «Стальной шлем». Дворяне старшего возраста во всех регионах Германии обычно были монархистами, более того, открытая приверженность восстановлению немецкой монархии была необходимым условием членства в Союзе дворян, пока тот не был ликвидирован при Третьем рейхе. Вместе с тем многих из них привлекала нацистская враждебность по отношению к социализму и коммунизму, их следование принципу лидерства и другие словесные нападки на буржуазную культуру. Для молодого поколения быстрое расширение вооруженных сил предлагало новые возможности традиционного трудоустройства в качестве офицеров. Одно из главных положений нацистской идеологии о завоевании жизненного пространства в Восточной Европе находило поддержку среди многих померанских и прусских дворян, считавших это возвращением к славным дням колонизации Востока их предками. Осознавая необходимость завоевания голосов консервативных групп населения, нацисты часто приглашали молодых дворянских отпрысков стоять рядом с ними на избирательных платформах в начале 1930-х годов. Молодые члены семьи Гогенцоллерн возглавили поддержку нацистов: принц Август Вильгельм Прусский был офицером штурмовиков вплоть до 1933 года, а кронпринц Фридрих Вильгельм призывал людей голосовать за Гитлера и против Гинденбурга на президентских выборах 1932 года⁹.

Несмотря на то что коричневорубашечники и многие «старые бойцы» продолжали высмеивать изнеженное, выродившееся немецкое дворянство, сам Гитлер понимал, что молодое поколение будет незаменимо для комплектования его нового, многочисленного офицерского корпуса и для создания ореола респектабельности для его дипломатической службы. Он даже разрешил Союзу немецких дворян продолжать свою деятельность под должным надзором нацистского руководства. Однако как только он почувствовал, что необходимость аккуратного обращения с консерваторами отпала, то ясно дал понять, что не будет рассматривать

возможность возрождения монархии. Аристократические празднования дня рождения бывшего кайзера в Берлине в начале 1934 года были сорваны бандами коричневорубашечников, а ряд монархических ассоциаций был запрещен. Все еще сохранявшиеся надежды старого поколения немецких дворян, многие из которых рассчитывали на восстановление монархии, были развеяны после вступления Гитлера на пост главы государства после смерти Гинденбурга. Однако если отношение Гитлера к аристократии и стало прохладней, то это более чем компенсировалось растущим энтузиазмом по отношению к ней со стороны Генриха Гиммлера, начальника СС. Постепенно старое поколение эсэсовцев, история участия которых в военных акциях нередко уходила корнями к Добровольческим корпусам ранних лет Веймарской республики, старело и выходило на пенсию, их замещали высокообразованные дворяне. Нацистские пропагандисты могли называть немецкую аристократию ни на что не годной и деградировавшей, однако Гиммлер был убежден в своей правоте. Века планируемой селекции, по его мнению, должны были привести к стабильному улучшению расовых качеств. Вскоре он начал распространять эту идею среди внимательных слушателей из немецких аристократов. Такие люди, как наследный герцог Мекленбургский и принц Вильгельм Гессенский, уже вступили в СС до 1930 года. А теперь за право вступить в ее ряды молодые аристократы дрались друг с другом, в том числе многие из прусского военного дворянства, включая баронов фон дер Гольца и фон Подбельски и многих других¹⁰.

К 1938 году титулованные особы из дворян занимали почти пятую часть высших постов в СС и составляли примерно одну десятую часть младшего офицерского состава. Для скрепления своих отношений с аристократией Гиммлер убедил все самые уважаемые немецкие конные ассоциации, хранителей спортивных традиций высшего общества и закрытых клубов снобистского общения вступить в СС независимо от их политических воззрений, к большому неудовольствию некоторых ветеранов СС старого поколения. Таким образом, на чемпионатах по верховой езде стали регулярно побеждать наездники СС, что раньше было прерогативой частных конноспортивных клубов. Однако некоторые люди, особенно родившиеся при Веймарской

республике, действовали намного более активно и заинтересованно. Типичным примером среди них был Эрих фон дем Бах-Зелевски, добровольцем ушедший на войну в возрасте пятнадцати лет, вступивший в Добровольческий корпус и впоследствии уволенный из армии в 1924 году за поддержку нацистов. Он зарабатывал на жизнь, управляя компанией такси, а потом фермой, до того как вступил в нацистскую партию и СС в 1930 году. А к концу 1930 года он уже быстро двигался вверх в партийной иерархии. Среди других молодых дворян с похожими карьерами были Людольф фон Альвенслебен, также служивший в Добровольческом корпусе, потерявший усадьбу в Польше в конце войны и компенсацию за потери в ходе инфляции и предпринявший неудачную попытку открыть компанию такси, которая в конечном счете разорилась, и барон Карл фон Эберштейн, который пытался зарабатывать себе на жизнь в 1920-х годах, работая в турагентстве. Наблюдения Рек-Маллецевена в берлинском ночном клубе были точными и проницательными: многие из молодой юнкерской аристократии действительно стали новой немецкой элитой Гиммлера. Другие, особенно те, кто поступил в армию или на дипломатическую службу, несмотря на весь свой энтузиазм в начале карьеры, со временем оказались горько разочарованными в новом режиме¹¹.

II

Материальное благосостояние немецкой аристократии традиционно было связано с землей. И хотя со временем дворяне стали играть значительную, а иногда даже более чем значительную роль в офицерском корпусе, на государственной службе и даже в промышленности, именно земля до сих пор была для многих из них основным источником дохода, общественной власти и политического влияния в 1920-х и 1930-х годах. Рейхс-президент Пауль фон Гинденбург был особенно подвержен влиянию прусской земельной аристократии, в среде которой он вращался, находясь в своем имении в Нойдеке в Восточной Пруссии, а особые концессионные договоры, предлагавшиеся правительством таким землевладельцам, как он, в форме помощи производителям сельскохозяйственной продукции на Вос-

токе, вызывали горячую дискуссию в обществе. Однако для нацистов не крупные землевладельцы, а мелкие крестьяне и фермеры являлись основой немецкого общества в сельской местности. В 17-м пункте Программы нацистской партии от 1920 года выдвигалось требование о «проведении земельной реформы в соответствии с интересами германской нации» и «принятии закона о безвозмездной конфискации земли для общественных нужд». После пункта 16, который требовал ликвидации универсальных магазинов, это положение на первый взгляд, казалось, было направлено против больших земельных владений. Однако критики нацистов выставили его так, будто партия угрожала экспроприацией и крестьянским хозяйствам, поэтому 13 апреля 1928 года Гитлер издал «разъяснение» этого пункта в виде списка требований, который повсеместно назывался фиксированным, неизменным и необсуждаемым. 17-й пункт Программы партии, по его словам, просто относился к еврейским спекулянтам земель, которые не управляли землей в общественных интересах, но использовали ее для наживы. Крестьянам не нужно было волноваться: нацистская партия свято чтит принцип неприкосновенности частной собственности¹².

Успокоенные этим заявлением и доведенные до отчаяния глубочайшим экономическим кризисом, в котором оказалось сельское хозяйство еще до начала Депрессии, крестьянство Северной Германии стало регулярно голосовать за нацистов, начиная с 1930 года. Земельная аристократия оставалась в стороне, предпочитая поддерживать националистов. На первый взгляд нацизм не мог что-либо им предложить. Тем не менее их интересы были широко представлены в коалиции, которая пришла к власти 30 января 1933 года. Альфред Гугенберг, лидер националистов, был не только министром экономики, но и министром сельского хозяйства и в этой роли быстро предложил ряд мер, направленных на выведение его сторонников, в первую очередь немецких фермеров, из экономического болота, в котором они оказались. Он запретил кредиторам отбирать задолжавшие фермы до 31 октября 1933 года, повысил пошлины на импорт основных сельскохозяйственных товаров, а 1 июня представил меры, позволявшие аннулировать некоторые долги. Для защиты молочных ферм Гугенберг сократил производство маргарина на 40% и издал приказ,

по которому в его состав обязательно должно было входить сливочное масло. Последняя мера за очень короткое время привела к повышению почти на 50% цен на жиры, включая сливочное масло и маргарин, и вызвала широкую общественную критику. Это стало еще одним гвоздем в политический гроб Гутенберга. К концу июня процесс координации уже давно охватил основные сельскохозяйственные группы давления и стал подбираться к самой Националистической партии Гутенберга. К концу месяца он ушел в отставку со всех постов и исчез в политическом забвении¹³.

Его заменил Рихард Вальтер Дарре, сельскохозяйственный эксперт партии и изобретатель нацистского лозунга «Кровь и почва». Для Дарре важным было не улучшение экономического положения в сельском хозяйстве, а поддержка фермеров как источника германской расовой силы. В своих книгах «Крестьянство как источник жизненной силы нордической расы», опубликованной в 1928 году, и «Новая аристократия крови и почвы», вышедшей в следующем году, Дарре утверждал, что основные качества немецкой расы были получены от крестьянства начала Средних веков, которое не угнеталось и не подавлялось земельной аристократией, а, наоборот, образовывало вместе с ней единое расовое сообщество. Существование землевладений носило исключительно функциональный характер и не отражало превосходство интеллекта или характера их владельцев¹⁴. Эти идеи оказали серьезное влияние на Генриха Гиммлера, который назначил Дарре начальником своего Главного управления расы и поселений. Идея Гиммлера о новой расовой аристократии, которая будет управлять Германией, во многом была схожа с представлениями Дарре, по крайней мере вначале. Кроме того, мысли Дарре нравились Гитлеру, который в 1930 году пригласил его вступить в партию и стать главой нового управления, занимавшегося делами сельского хозяйства и крестьянства. К 1933 году Дарре создал большую и организованную пропагандистскую машину, которая распространяла среди крестьян информацию об их ключевой роли в становлении Третьего рейха. Он также внедрил такое огромное число членов нацистской партии в различные сельскохозяйственные группы давления, вроде Имперского крестьянского союза, что ему было относительно легко организовать их координацию в первые месяцы прихода нового режима к власти¹⁵.

К моменту ухода Гугенберга Дарре успешно контролировал нацифицированную национальную организацию фермеров, а его назначение министром сельского хозяйства еще больше укрепило его в положении лидера девяти миллионов фермеров и сельскохозяйственных рабочих, которые вместе со своими иждивенцами составляли примерно 30% населения Германии в целом¹⁶. В течение пары месяцев после своего назначения он уже был готов ввести меры, направленные на реализацию своих идей. Помимо учреждения Имперского продовольственного управления они включали создание новых законов о наследовании, которые, по представлениям Дарре, должны были сохранить крестьянство и превратить его в основу нового социального порядка. В некоторых частях Германии, особенно на юго-западе, согласно законам и обычаям, касавшимся раздела имущества, после смерти фермера его земля и собственность равномерно делились между сыновьями, что вело к дроблению (созданию таких малых ферм, которые были нежизнеспособны) и пролетаризации мелких крестьян. Идеалом Дарре была Германия, заполненная фермами достаточно большими, чтобы обеспечить свою самоокупаемость. Он считал, что вместо того, чтобы делить фермы на равные части между наследниками или, как на севере Германии, передавать их старшему сыну, они должны были полностью достаться самым сильным и эффективным наследникам. Сохранение их в семье также позволяло оградить их от рынка. С годами стимулируемый такими правилами естественный отбор должен был усилить крестьянство, которое тогда смогло бы выполнить свое предназначение стать средой, в которой родилась бы новая руководящая каста для всей нации. 29 сентября 1933 года в целях реализации этой амбициозной задачи был принят Имперский закон о неотчуждаемой собственности. Он должен был возродить старый немецкий обычай майората. Под действие нового закона попадали все фермы площадью от 7,5 до 125 гектаров. Их нельзя было покупать, продавать, разделять или отбирать за долги. Их также нельзя было использовать в качестве залога для получения ссуд. Это были поистине драконовские ограничения свободного рынка земли. Но они были не слишком реалистичны. В действительности они в основном повторяли абстрактное и идеализированное представление Дарре о креп-

ком и самодостаточном крестьянском хозяйстве. А Германия была страной, где столетия наследования с разделением имущества породили тысячи очень мелких ферм, с одной стороны, а аккумулятивное сосредоточение собственности в руках землевладельцев привело к созданию большого числа владений площадью намного больше 125 гектаров, с другой. Под действие закона попадало только 700 000 ферм (22% от общего числа), что составляло около 37% площадей в Германии, занятых обрабатываемыми землями или лесами. Из них 85% ферм находилось в нижней части списка, имея площадь от 20 до 50 гектаров. В некоторых областях, особенно в Мекленбурге и в восточной долине Эльбы с развитой системой землевладения, с одной стороны, и на юго-западе с сильно раздробленными участками, с другой, закон применялся к относительно малому числу владений и имел незначительный эффект. Тем не менее в некоторых частях центральной Германии его потенциальное влияние было весьма велико¹⁷.

Дарре рассчитывал решить проблему наследников, лишенных наследства по новому закону, поощряя их создавать новые фермы на Востоке. Это было возрождением горячо поддерживаемой немецкими консерваторами традиции «колонизации» Востока, но с одним ключевым отличием: территория, которую теперь предстояло колонизировать для создания нового общества мелких и самодостаточных крестьянских хозяйств, уже была занята крупными и средними имениями юнкеров. 11 мая 1934 года Дарре выступил с резким осуждением нынешних владельцев земель, которые, по его словам, за века уничтожили крестьянство Восточной Эльбы и сделали многих мелких фермеров безземельными рабочими. Настало время вернуть крестьянам землю, украденную у них юнкерами. Разумеется, из-за отказа от идеи, изначально высказанной в пункте 17 программы нацистской партии, об экспроприации земли у крупных собственников и ее разделении между мелкими крестьянскими хозяйствами даже Дарре не смог бы ввести обязательные меры для реализации своих предложений. Поэтому он настоял на том, чтобы государство не предпринимало никаких мер для помощи землевладельцам, испытывавшим финансовые трудности. Эта позиция была схожа с позицией самого Гитлера, который объявил 27 апреля 1933 го-

да о том, что обанкротившиеся крупные землевладения должны «колонизироваться» безземельными немецкими крестьянами¹⁸.

Амбициозные планы Дарре были реализованы лишь частично. Они сделали его крайне непопулярным среди многих слоев населения, включая большие группы крестьян. Более того, несмотря на готовность разрешить разделение обанкротившихся землевладений, Гитлер в качестве главного решения аграрных проблем Германии рассматривал завоевание жизненного пространства на Востоке. По его мнению, колонизация должна была подождать до тех пор, пока Германия не распространит свою власть на Польшу, Беларусь и Украину. В любом случае, несмотря на весь свой словесный эгалитаризм, Гитлер не хотел разрушать экономический фундамент прусской земельной аристократии. Многие экономические эксперты понимали, что Junkerские владения, во многих из которых с девятнадцатого века было успешно рационализировано и модернизировано производство и управление, были намного более эффективными в качестве производителей продовольствия, чем мелкие крестьянские хозяйства, а сохранение поставок продуктов в настоящем нельзя было заложить ради создания расовой утопии в будущем. Таким образом, на практике число новых мелких ферм, созданных на востоке Эльбы, не слишком увеличилось по сравнению с последними годами Веймарской республики. Сыновья фермеров, лишённые наследства по новому закону, в целом не смогли получить себе новую землю. И в любом случае многие католические крестьяне с холмов Южной Германии не испытывали никакого энтузиазма, когда их вырывали из традиционных мест обитания и переводили на далекие берега Померании и Восточной Пруссии, далеко от их семей, в окружение чуждых протестантов, говорящих на странных диалектах, в незнакомые, плоские и непримечательные пейзажи¹⁹.

В рамках схемы погашения долгов, внедренной предшественником Дарре, Альфредом Гутенбергом, правительство выделило 650 миллионов рейхсмарок для обеспечения платежеспособности фермеров. Это была сумма одного порядка с 454 миллионами, выплаченными при Веймарской республике в период между 1926 и 1933 годами. Задолжавшие фермеры, попавшие под защиту Имперского закона о неотчуждаемой собственности, обнаружили,

что угроза потери имущества исчезла. Однако владельцы неотчуждаемых ферм часто получали отказ в кредитах из-за того, что больше не могли использовать свои фермы в качестве залога. То, что некоторые фермеры стали ссылаться на свой новый статус, отказываясь выплачивать прошлые долги, только укрепляло решимость поставщиков и перекупщиков заставлять тех платить наличными за любые приобретаемые товары. Таким образом, закон еще больше усложнил для них вложение средств в дорогие машины и покупку небольших сельскохозяйственных участков, прилегающих к их фермам. «Какой для нас толк в наследных фермах, которые будут освобождены от долгов в течение 30 лет, — говорил один из фермеров, — если сейчас мы не можем получить никаких денег, потому что никто не желает нам ничего давать?»²⁰ Сыновья и дочери фермеров, внезапно лишившиеся наследства, испытывали острую обиду и возмущение: многие из них работали не покладая рук всю свою жизнь в качестве неоплачиваемых семейных помощников, ожидая своей доли от отцовской земли, а теперь эта возможность была грубо уничтожена положениями нового закона. Фермеры, сочувствовавшие положению своих детей, больше не могли следовать обычаю, распространенному в районах с правилом майората, перезакладывать ферму для получения денег на приданое или передавать наличные средства своим лишенным наследства отпрыскам в завещании. В практике только одного нотариуса было отмечено двадцать помолвок, которые были расторгнуты весной 1934 года после введения закона, поскольку отцы невест больше не могли получить денег на приданое²¹. Более того, для лишенных наследства теперь стало еще сложнее купить собственную ферму, даже если у них были некоторые наличные деньги, поскольку уход 700 000 ферм с рынка собственности в соответствии с новым законом привел к повышению цен на отчуждаемые участки. Как ни парадоксально, Имперский закон о неотчуждаемой собственности не оставил невезучим сыновьям и дочерям фермеров других вариантов, кроме как покинуть свою землю и переехать в город, против чего изначально и боролся Дарре. Установленные законом ограничения были настолько обременительными, что многие фермеры с неотчуждаемой собственностью больше не чувствовали, что на самом деле владеют своей землей, они просто оказались попечителями и управляющими²².

Устранение правил автоматического наследования создало серьезное напряжение в семье. Согласно ряду отчетов, фермеры считали, что закон «станет причиной войны между озлобленными отпрысками», и полагали, что «за ним последует введение системы семей из одного ребенка» — еще одно возможное следствие закона, которое было совершенно противоположно замыслу Дарре. В Баварии в конце 1934 года один такой фермер, старейший член партии в районе, был отправлен за решетку на три месяца за публичное высказывание о том, что Гитлер не был фермером и не имел детей, иначе бы он никогда не утвердил такой закон. На суде он повторил это утверждение, хотя и без непристойностей, присутствовавших в оригинальном заявлении. Крестьяне даже обращались в суд, оспаривая решение, квалифицировавшее их как фермеров с неотчуждаемой собственностью²³. К лету 1934 года фермеры ополчились против аграрной политики нацистов повсеместно. Говорили, что в Баварии атмосфера ярмарочных дней была настолько враждебна к партии, что местные жандармы не осмеливались вмешиваться, а известные нацисты избегали встреч с фермерами, не желая подвергаться шквалу очень неприятных вопросов. Даже в таких регионах, как Шлезвиг-Гольштейн, где сельское население в огромных количествах голосовало за нацистов в 1930—1933 годах, в июле 1934 года крестьяне были подавлены сложившейся ситуацией, особенно ценами на свинину. Кроме того, как сообщал в это время один агент социал-демократов с северо-запада Германии: «Раньше средние и крупные землевладельцы Ольденбурга и Восточной Фризии горячо поддерживали нацистов. Но сейчас они практически единодушно отвернулись от них и вернулись к своим прежним консервативным взглядам. Основной вклад в такое изменение отношения внесли скотоводы Восточной Фризии и богатые фермеры в польдерах в результате Закона о неотчуждении имущества, а также средние фермеры и пользователи земель в первую очередь из-за введения обязательных норм по производству молока и яиц»²⁴.

Проблема здесь заключалась в том, что вместо того, чтобы напрямую продавать молоко и яйца потребителям, как и прежде, фермеры теперь должны были проходить через запутанную структуру Имперского продовольственного управления, и это

означало, что они получали только 10 пфеннигов за литр молока вместо прежних 16, поскольку оптовики брали комиссию в 10 пфеннигов, а максимальная цена была фиксирована на отметке в 20. Неудивительно, что вскоре стал действовать черный рынок яиц и молока, раздражавший власти, которые отвечали полицейскими рейдами, массовой конфискацией контрабандных яиц и арестами вовлеченных людей²⁵.

Старые крестьяне помнили радужные обещания, которые раздавал Дарре в 1933 году, и продолжали жаловаться, не сдерживаясь, и более открыто, чем в любых других слоях общества, поскольку режим не мог применять против них слишком серьезные санкции в виду их незаменимости. Нацистские ораторы продолжали сталкиваться с яростной критикой на собраниях с фермерами. На одном таком мероприятии в Силезии в 1937 году, когда выступающий вышел из себя и заявил аудитории, что гестапо скоро научит их быть национал-социалистами, большинство слушателей просто встали и ушли. Фермеры жаловались не только на низкие цены, бегство своих рабочих с земли, стоимость машин, удобрений и других необходимых вещей, но и на высокие зарплаты чиновников Имперского продовольственного управления, которые занимались только тем, что мешали работать. Многие, как и другие немцы, возмущались постоянными требованиями пожертвований и взносов со стороны партии и дочерних организаций²⁶. Особенно громки были голоса владельцев неотчуждаемых ферм, которые чувствовали себя настолько спокойными за свои владения, что могли позволить себе говорить порой с поразительной откровенностью. Один такой фермер на вопрос молодого нациста о том, как могли крестьяне в какой-то баварской деревне поддерживать партию, если они с такой легкостью готовы были ее проклинать, ответил: «Да ну, мы не гитлеровцы — они только в Берлине есть». Когда юноша заявил, что он должен просветить их и образумить, фермер под аплодисменты присутствовавших ответил ему: «Нас не надо просвещать, бездельник! Ты еще в школе должен быть!» Фермеры чувствовали, что они потеряли свободу покупать и продавать свои товары на свободном рынке, а фермеры с неотчуждаемой собственностью лишились и возможности распоряжаться своим имуществом, ничего не получив взамен. Вместе с тем многие на-

блюдатели отмечали, «что фермеры проклинали все правительства во все времена». Недовольство режимом нацистов не было чем-то необычным. Более того, молодые крестьяне и сыновья фермеров видели новые возможности при новом режиме, часто в виде рабочих мест в администрации самого Имперского продовольственного управления. Нацистская идеология «крови и земли» была для них более привлекательна, чем для циничных старых крестьян, которые считали, что видели все это и раньше и в конечном счете уделяли больше внимания более осязаемым вещам. Однако даже старые фермеры понимали, что их положение в 1939 году было не таким плохим, как шесть или семь лет назад²⁷.

III

Несмотря на серьезное давление, которое оказывалось на фермеров при Третьем рейхе, фундаментального изменения деревенского сообщества между 1933 и 1939 годами не произошло. В сельских районах протестантского севера Германии нацистской партии удалось объединить местное мнение, часто благодаря поддержке уважаемых в сообществе людей, таких как деревенские пасторы или школьные учителя, процветающие фермеры, а иногда и местные крупные землевладельцы, пообещав не допустить классовой борьбы, бушевавшей в городах, которая могла нарушить относительный покой деревни. Здесь, как и везде, обещание единого национального сообщества было мощным лозунгом, который позволил нацистам добиться широкой поддержки до 1933 года²⁸. Богатые крестьянские семьи во многих деревнях без усилий заняли руководящие роли при новом рейхе. В сельской Баварии нацистская партия старалась не раздражать местное мнение, забрасывая «старых бойцов» в деревенские советы или мэрии, если те не пользовались уважением односельчан благодаря своей фамилии или репутации в традиционной иерархии фермерского сообщества. Нацисты действовали особенно осторожно в районах с сильными позициями католичества, где жители продолжали голосовать за центристскую партию или ее баварский эквивалент, Баварскую народную партию, вплоть до 1933 года. Основными задачами было достиже-

ние консенсуса и нейтрализация потенциальной оппозиции. Со своей стороны сельские жители в основном благожелательно воспринимали новый режим, если при нем сохранялся существовавший социальный и политический порядок²⁹.

Например, в баварской деревне Миетрахинг местный казначей Хинтерштокер, занимавший свой пост с 1919 года, был убежден другими членами Баварской народной партии вступить в нацистскую партию в 1933 году, чтобы он мог сохранить свой пост и не позволить какому-нибудь неистовому «старому бойцу» получить доступ к финансам сообщества. Когда в 1935 году возникла угроза того, что бургомистром может стать особенно нелюбимый нацист, старейшины деревни еще раз убедили популярного и всегда готового помочь Хинтерштокера сделать доброе дело и стать бургомистром самому. В последующие годы Хинтерштокер на своем посту делал все от него зависящее, чтобы смягчить воздействие самых непопулярных мер режима на деревню, и специально каждый год участвовал в религиозных обрядах в деревне, к глубокому одобрению других жителей. 12 декабря 1945 года региональный администратор этого района заявил американским оккупационным властям, что 90% населения высказывались за восстановление его на этой должности³⁰. В другой баварской деревне, когда местная партийная организация попыталась поставить «старого бойца» на один из ключевых постов, местная администрация выпустила предупреждение: «Районное управление не может согласиться с предложением о назначении мастера-портного С. бургомистром общины Лангенпрейзинга. По результатам обсуждения с советниками было единогласно решено предложить действующему бургомистру Нирту остаться на этой должности, поскольку фермер больше подходит для этого поста, чем мастер-портной С... Районное управление также считает, что назначение на должность уважаемого фермера является лучшей гарантией успешного ведения общинных дел»³¹.

Членам деревенских советов, когда протоколы их собраний попадали на более высокие уровни власти, иногда даже приходилось напоминать, что при Третьем рейхе мэры назначались, а не избирались³². В некоторых частях сельского Липпе нацисты попадали в еще более сложные ситуации, как в случае с бургомистром Вёрмейером в деревне Доноп, который отказался прини-

мать участие в делах нацистской партии и использовать приветствие «Хайль Гитлер!» при подписи своих писем, не держал флага со свастикой и проводил успешные экономические бойкоты против деревенских ремесленников и торговцев, которые поддерживали усилия местного партийного лидера по его смещению с поста. Несмотря на постоянные угрозы, Вёрмейер смог сохранить за собой свой пост вплоть до 1945 года³³.

Солидарность внутри деревенских общин во многих частях Германии создавалась веками за счет сложной системы обычаев и традиций, которые регулировали общие права, таких как жатва, рубка леса и др. Деревни часто были населены переплетенными группами семей и родственников, а роль неоплачиваемых семейных помощников, которыми во время особенного спроса на рабочую силу могли становиться двоюродные братья и сестры, дяди и тети с окрестных ферм, а также сами домочадцы, точно так же регулировалась давней неприкосновенной традицией. Случайности постоянной жизни на земле привели к созданию экономики, основанной на системе взаимных обязательств, которую нелегко было изменить, поэтому Имперский закон о неотчуждаемой собственности вызывал такое недовольство во многих сельских регионах, даже среди тех, для блага кого он был задуман. Вместе с тем в деревенских общинах наблюдалось серьезное классовое и имущественное неравенство, не только между фермерами с одной стороны и мельниками, скотопромышленниками, кузнецами и другими ремесленниками с другой, но и между самими фермерами. Например, в деревне Кёрле в Гессе, где в 1930-х годах проживало около 1000 человек, община была разделена на три основные группы. Наверху находились «лошадные фермеры», четырнадцать крепких крестьянских хозяйств с 10–30 гектарами земли, производившие достаточно избыточного продукта, чтобы позволить себе держать лошадей и нанимать рабочих и прислугу на постоянной основе или временно на время сбора урожая. В середине находились «владельцы коров», в 1928 году их было шестьдесят шесть, которые были более или менее самодостаточными и владели от 2 до 10 гектаров земли, но работали у них родственники, и лишь иногда в периоды острой необходимости они прибегали к помощи наемных рабочих, которым, как правило, платили натурой, а не

деньгами. Наконец, внизу социальной пирамиды были «владельцы козлов», восемьдесят хозяйств, имевших меньше 2 гектаров земли, зависевшие от аренды тяглового скота и плугов у лошадных фермеров и оплачивавшие их услуги своим трудом³⁴.

К концу 1920-х годов экономическая ситуация в этой последней группе стала настолько шаткой, что ряду мужчин пришлось искать дополнительный заработок посреди недели на производстве в соседних городах, с которыми деревня была связана железными дорогами. В результате они начали контактировать с коммунистами и социал-демократами, и скоро эта идеология стала преобладающей среди многих беднейших семей в Кёрле. Тем не менее сеть взаимных обязательств и связей помогала объединять общину и цементировала роль лошадных фермеров в качестве естественных и признанных лидеров. Политические различия волновали деревенскую элиту, однако они до сих пор выражались в основном вне традиционных деревенских структур. Лошадные фермеры и владельцы коров в основном придерживались националистических взглядов и без всякого удовольствия приняли известие об увольнении прежнего бургомистра в 1933 года и назначении новым мэром местного нацистского лидера. Вместе с тем нацистская риторика с одобрением воспринималась обществом на всех социальных уровнях. Жители деревень, воодушевленные излияниями Министерства пропаганды и его многочисленных СМИ, готовы были видеть в Гитлере главу национального хозяйства, основанного на сети взаимных обязательств в органичном национальном сообществе. Поскольку в сельской местности пропаганда была значительно ограничена, учитывая наличие одного радиоприемника на каждых двадцать пять жителей, по сравнению с одним приемником на восемь горожан, даже в 1939 году, и отсутствие прямого доступа в кинотеатры, министерство прикладывало все усилия, чтобы донести свои воззвания до людей, призывая их покупать «народные приемники» и направляя мобильные кинотеатры по деревням. Они стремились донести идею о новом Народном единстве, где крестьянство должно было занять центральное место, и эта идея принималась благосклонно и помогала убедить старых фермеров в том, что в конечном счете изменится не так много. Возможно, новый режим мог бы даже восстановить иерархические социаль-

ные структуры, которые были подорваны уходом молодежи из бедных семей в города и распространением марксистской идеологии среди владельцев козлов³⁵.

Учитывая такую связанную социальную структуру, неудивительно, что деревенские сообщества оставались практически неизменными во время прихода нацистов к власти и после него. Захват власти не встречал особого сопротивления. Местные коммунисты часто подвергались домашним обыскам и угрозам ареста, а с социальной точки зрения подавление рабочего движения в Кёрле ясно подтверждало доминирующее положение лошадных фермеров и владельцев коров по сравнению с деревенским низшим классом, владельцами козлов. Однако использование идей национального единения для уничтожения оппозиции новому режиму также имело свои последствия для деревни, связанные с тем, насколько далеко здесь может пойти процесс координации. Владельцы козлов и их сыновья были слишком ценны для деревенской элиты, чтобы покончить с ними раз и навсегда. Так, придерживавшийся монархических взглядов отец местного нациста, возглавлявшего рейды полиции и коричневых рубашек по домам местных коммунистов в 1933 году, пригрозил лишить того наследства, если кто-либо из тех пострадавших был бы изгнан из деревни, заставив его смягчить свои действия. Когда в деревню приехали штурмовики со стороны для конфискации велосипедов местного клуба, находившегося рядом с офисом коммунистической партии, местный владелец отеля, давний член нацистской партии, представил им фиктивное соглашение, которое показывало, что клуб должен был ему столько денег, что он имел полное право забрать велосипеды себе в счет оплаты. Штурмовики убрались, а владелец отеля спрятал велосипеды у себя на чердаке, где они оставались до окончания войны, после чего их забрали себе прежние владельцы. Деревенская солидарность часто оказывалась более важной, чем политика, особенно когда людям угрожали извне³⁶.

Тем не менее они не смогли оставаться полностью вне влияния Третьего рейха. Например, в Кёрле, как и в других частях сельской Германии, нацистский режим привел к возникновению напряженности между поколениями, поскольку большинство отцов во всех социальных группах были против нацизма,

тогда как многие сыновья рассматривали членство и деятельность в партии как средство утверждения своего положения в глазах старого поколения. Вступая в различные нацистские организации, они находили для себя новую роль, которая не зависела от старших. В опросах после войны сельские жители заявляли, что первые годы Третьего рейха принесли «войну» в каждый дом³⁷. По мере роста спроса на промышленную рабочую силу все больше юношей, а также и девушек из хозяйств владельцев козлов стали зарабатывать на жизнь в городах, открыв новый источник дохода для семьи, а также сталкиваясь с новыми идеями и новыми формами социальной организации. Гитлерюгенд, Имперская рабочая служба, армия и различные женские организации принимали в свои ряды мальчиков и девочек, юношей и девушек из деревень и показывали им новый огромный мир. Кроме того, нарастающее давление нацистов на Церковь стало подрывать положение одного из центральных сельских институтов, который был как местом общения, так и центром социальных связей. Однако в то же время эти изменения имели свои пределы. Вера старого поколения в сельское сообщество и зависимость фермеров от помощи молодежи означали, что заносчивость молодого поколения прощалась, создаваемое ей напряжение развеивалось ироническим отношением, а хозяйства и само сообщество оставались нетронутыми. А участие молодежи в организациях нацистской партии не подарило им особой личной независимости — в основном оно подразумевало распространение их общественной лояльности на новый набор институтов³⁸.

Тот факт, что действия режима не привели к фундаментальным изменениям сельских социальных структур, возможно, может объяснить, почему в конечном счете, несмотря на все свое недовольство, крестьяне не перешли к открытой оппозиции. Основные проблемы — нехватка рабочих рук, нежелательные побочные эффекты Имперского закона о неотчуждаемой собственности, низкие цены на продукцию, устанавливаемые Имперским продовольственным управлением, — создавали для крестьянства преграды, которые они всеми силами пытались преодолеть с помощью традиционной хитрости, добавляя в муку дешевые примеси, продавая продукты напрямую на черном рынке и т. д. Они также могли прибегать к помощи закона, и многие

так и поступали. Последствия Имперского закона о неотчуждаемой собственности, например, смягчались включением положений о законном лишении фермеров с неотчуждаемой собственностью их хозяйств, если те отказывались выплачивать свои долги или не могли вести дела надлежащим образом. Особые местные суды, в которых широко были представлены местные жители, не боялись исключать из своих рядов таких недобросовестных дельцов, поскольку это было очевидно в интересах эффективного производства продовольствия, а также сохранения мира и спокойствия в сельской местности³⁹. В целом такие суды принимали решения, исходя из практических, а не идеологических соображений, и в некоторой степени способствовали смягчению гнева крестьянского сообщества в связи с разрушительными последствиями Закона о неотчуждаемой собственности⁴⁰.

В сельском протестантском районе Штаде на побережье Северной Германии, где на выборах в начале 1930-х годов нацисты уже получали намного больше среднего числа голосов, фермеры в целом поддерживали систему фиксированных цен и квот, поскольку она делала жизнь более определенной, а весь характер крестьянского общества здесь, как и в других частях Германии, никогда полностью не приспособился к условиям свободного капиталистического рынка. Что им не нравилось, так это слишком низкие фиксированные цены. Чем ниже были цены, тем больше они возмущались. Как можно ожидать от людей, вся жизнь которых, как и их предков, была построена вокруг необходимости выживать за счет непредсказуемых урожаев, они принимали действия режима в штыки, только когда те негативно влияли на их заработок. Более того, уклонение от производственных квот, установленных Имперским продовольственным управлением или Четырехлетним планом, чаще было следствием противоречивых и иррациональных способов управления аграрной экономикой, а не принципиальных возражений против квот. Так, например, когда мелкие фермеры отказывались исполнять свои обязательства по зерновым квотам, что они делали довольно часто, во многих случаях это было связано с тем, что они могли использовать непроданное зерно для корма скота и таким образом выполнять свои квоты по молоку и мясу. Солидарность сельских сообществ также означала, что фермеры чувствовали

себя в относительной безопасности, уклоняясь от исполнения квот или высказывая свое неудовольствие аграрной политикой режима: в отличие от ситуации в городской Германии, в сельской местности крайне редко на кого-либо доносили в гестапо или в партию за критику режима, за исключением случаев особо жестких конфликтов между старыми деревенскими элитами и честолюбивым, но политически несостоявшимся молодым поколением. Несмотря на призывы Имперского продовольственного управления и администрации Четырехлетнего плана, фермеры часто с подозрением относились к сельскохозяйственной модернизации, новым технологиям и незнакомым машинам, не говоря о практических сложностях получения этих вещей. Вследствие этого Третий рейх не предпринимал особых усилий по принудительной модернизации мелких крестьянских хозяйств. Наоборот, грандиозные национальные праздники, такие как ежегодный Фестиваль сбора урожая, который собирал больше участников, чем любая церемония или ритуальное действо Третьего рейха, только убеждали крестьян в их исключительной роли в национальном обществе. В конечном счете реализовать к 1939 году обещание Дарре о создании новой сельской утопии не удалось, как и противоположную задачу режима по обеспечению продовольственной безопасности. Однако очень немногие крестьяне были реально заинтересованы в этом, как бы лестно о них ни говорила сопутствующая пропаганда. По-настоящему важным для них было зарабатывать на приличную жизнь, лучше, чем в годы Депрессии, и этого им было бы достаточно⁴¹.

Судьба среднего класса

I

Крестьянство в немецком политическом дискурсе конца девятнадцатого и начала двадцатого столетия обычно относилось к особой и аморфной социальной группе, известной под непереводаемым немецким термином *Mittelstand*. Этот термин в первую очередь отражал желание правых пропагандистов определить понятное положение в обществе для людей, не относившихся ни к

пролетариату, ни к буржуазии. Этот класс, грубым эквивалентом для которого во французском является название «малая буржуазия», а в английском — «низший слой среднего класса», в начале 1930-х годов вырос в гораздо больше чем простую социальную группу. В немецкой политике он имел собственный набор ценностей. Расположенный между двумя противоборствующими классами, на которые разделилось общество, он представлял людей, стоявших на своих ногах, независимых, много работающих, здоровое ядро немецкого народа, несправедливо отодвинутых в сторону классовой борьбой. Именно к этим людям, мелким лавочникам, ремесленникам со своими мастерскими, экономически независимым фермерам, нацисты изначально обращали свои призывы. Программа нацистской партии от 1920 года в действительности помимо прочего представляла собой детище крайне правой политики немецкого *Mittelstand*; поддержка этих людей была одним из факторов, которые определили взлет партии⁴².

Обид у таких групп было множество, предполагаемых врагов — легион. Мелкие лавочники не любили большие универсальные магазины, ремесленники ненавидели массовое производство крупных фабрик, крестьяне ворчали о нечестной конкуренции со стороны крупных землевладений. Все они легко велись на доводы политической риторики, которая для их проблем находила козлов отпущения, таких как евреи. Представители всех таких групп в приходе к власти Третьего рейха видели возможность реализовать свои давние чаяния. И вначале они действительно имели определенный успех. Локальные нападения на универсальные магазины, бойкоты и дискриминация со стороны ремесленников и мелких лавочников, действовавших под флагами нацистской партии и СА, быстро получили поддержку в Законе о защите индивидуальной торговли, принятом 12 мая 1933 года. С этого момента сетевым магазинам запрещалось расширяться и открывать новые филиалы, добавлять новые отделы и сдавать в своих помещениях площади для самостоятельных предприятий, таких как парикмахерские и обувные мастерские. Было приказано закрыть рестораны в универмагах, которые, по общему мнению, подрывали бизнес независимых владельцев отелей и ресторанов. В августе 1933 года новый декрет установил дальнейшие запреты для универмагов на разме-

шение под своей крышей пекарен, сосисочных, часовых мастерских, фотоателье и автосервисов. Три месяца спустя универсамы и сетевым магазинам было запрещено предлагать скидку на товары выше 3%, эта мера была распространена и на потребительские кооперативы. Фирмы, занимавшиеся доставкой товаров по почте, были закрыты. Партийные организации прилагали все усилия, чтобы обеспечить размещение своих контрактов на униформу и экипировку в малых предприятиях. С сентября 1933 года правительственные субсидии на ремонт и восстановление жилых помещений обеспечили рывок в развитии для многих плотников, водопроводчиков, каменщиков и других мастеров⁴³. Группы давления ремесленников, раздраженные тем, что не смогли добиться своего в годы Веймара, настаивали на введении более высоких квалификационных требований для своих профессий и признания их корпоративного статуса в виде обязательного членства в профессиональных объединениях и смогли добиться этого: с июня 1934 года ремесленники должны были входить в гильдию (Innung), которая должна была управлять их конкретной отраслью, а с января 1935 года эта деятельность стала контролироваться Министерством экономики. После 1935 года ремесленники обязаны были сдавать экзамен на мастера для официальной регистрации и получения разрешения на открытие мастерской. Это были давние стремления, которые в определенной мере должны были восстановить статус многих ремесленников, по их мнению, потерянный в ходе индустриализации и подъема фабричного массового производства. Их активно поддерживал Шахт, который считал, что мелкие мастерские и их владельцы вносили значительный вклад в экономику и заслуживали защиты от попыток Трудового фронта снизить их статус до уровня простых рабочих путем их приема в ряды своих членов⁴⁴.

Но, несмотря на всю риторику и давление, оказываемое местными активистами из партии и коричневыми рубашками, чье прошлое во многих случаях было связано исключительно с миром мелких лавочников, торговцев и ремесленников, первоначальная волна практических действий и законодательных инициатив, направленных на пользу малого бизнеса, вскоре стихла, когда главной регулирующей силой экономики стало требование к перевооружению. Интенсивное перевооружение непре-

менно стимулировало крупный бизнес. Несмотря на все обещания нацистов спасти низшие слои среднего класса и мелких бизнесменов, число ремесленных предприятий, увеличившееся в ходе экономического восстановления с 1931 по 1936 год примерно на 18%, снизилось на 14% в период 1936–1939 годов⁴⁵. Между 1933 и 1939 годом число сапожных мастерских сократилось на 12%, плотницких – на 14%. Общий оборот ремесленной торговли к 1939 году так и не восстановился до своего уровня в 1926 году. В действительности многие ремесленники стали беднее промышленных рабочих. Нехватка сырья, конкуренция со стороны крупных предприятий, чрезмерная стоимость покупки оборудования, необходимого для обработки, например искусственной кожи, были одними из многих факторов, приводивших к этим проблемам. Некоторые традиционные ремесла, такие как производство скрипок в Миттевальде или часов в Шварцвальде, быстро подрывались фабричным производством и испытывали резкий спад. Кроме того, малые компании, как и их более крупные конкуренты, все больше окружались государственными ограничениями. Обязательное членство в гильдиях и требование сдавать экзамен для получения официального сертификата компетентности, которые позволяли им открывать свой бизнес, оказались крайне сомнительным благом. Многим ремесленникам приходилось сдавать экзамены снова и снова, а бумажная работа, связанная с этим, становилась слишком большой нагрузкой для многих из них, особенно когда в 1937 году от них потребовали вести записи о доходах и расходах. Вместо корпораций с внутренним управлением ремесленники оказались втянутыми в создание объединений, организованных по принципу лидерства с управлением свыше. Обещание о повышении статуса в новом корпоративном государстве оказалось обманчивым. Помимо этого, Четырехлетний план требовал быстрого обучения вместо тщательной подготовки и высоких стандартов, которые составляли весь смысл обязательных экзаменов, таким образом, Ремесленные палаты потеряли эксклюзивное право присваивать квалификацию мастера⁴⁶.

Доля малого бизнеса сокращалась из-за потери рабочей силы в связи с мобилизацией и более высокими зарплатами, которые предлагались работникам в отраслях, ориентированных на во-

енные задачи. Официальная статистика 1922–1939 годов позволяла предположить, что концентрация бизнеса стала результатом сокращения на 7% числа владельцев и менеджеров в торговле, коммуникациях и транспорте. Действительно, отчасти она объяснялась закрытием еврейских мастерских — с 1933 по 1938 год их число упало с 10 000 до 5000, а к концу 1938 года исчезли и все оставшиеся. Практически все они были слишком мелкими, чтобы имело смысл их захватывать, и действительно, общее число ариизированных компаний составило немногим больше 345, остальные были просто закрыты. Однако были и более серьезные причины такого сокращения. За тот же период число неоплачиваемых семейных рабочих в торговых предприятиях выросло на 11%, поскольку найти оплачиваемых сотрудников становилось все трудней. По мере ухода молодежи из этого сектора экономики в другие, более выгодные, или в связи с призывом в вооруженные силы все чаще во главе компаний оказывались старики и женщины. Исследование магазинов бытовой химии, проведенное в начале 1939 года, например, показало, что 44% управлялись женщинами, а более 50% владельцев-мужчин были старше 50 лет и почти 40% из них вынуждены были искать другие источники дохода⁴⁷.

Еще одно финансовое бремя на ремесленников было возложено после декабря 1938 года, когда их обязали страховать свой бизнес без государственной помощи. К 1939 году Четырехлетний план с его фиксированными квотами и ценами серьезно ограничил независимость мелких предпринимателей, начиная с мясников, зеленщиков, кондитеров, пекарей и галантерейных магазинчиков и заканчивая сапожниками, продавцами табачных изделий и лоточниками. Исполнение правил и аудит требовали времени, а новые налоги и обязательные взносы снижали прибыли. Катастрофическая нехватка рабочих рук в военном производстве и отраслях, связанных с вооружениями, привела к официальному давлению на мелкие компании и мастерские с целью увеличения промышленной рабочей силы в масштабах страны. К 1939 году даже независимые ремесленники обязаны были вести записи с датами посещения обучающих курсов, экзаменов и семинаров. Такая регистрация позволяла в любой момент призывать на обязательные работы. Опытные мастера

обувных дел, например, направлялись на фабрики «Фольксваген» для переобучения и работы в качестве драпировщиков. С целью ускорения переброски ремесленных рабочих на военно ориентированное производство (как в случае с фабриками «Фольксваген») Ремесленные палаты в 1939 году получили приказ провести переучет своих членов и выбрать нежизнеспособные предприятия в сфере легкой промышленности. В результате было отобрано около 3% ремесленных компаний, и почти все они представляли собой мастерские с одним рабочим, в которых владельцы были настолько бедны, что вынуждены были полагаться на социальные пособия для обеспечения своих жизненных потребностей⁴⁸.

Характерной для многих таких групп при Третьем рейхе была ситуация с частными фармацевтами, розничной отраслью, в основном состоящей из мелких независимых аптек. Многие фармацевты видели в приходе Третьего рейха шанс реализовать свои давние мечты официально приравнять свою профессию к медицине, остановить растущую мощь крупных производителей лекарств и восстановить репутацию аптекаря как квалифицированного, образованного эксперта, профессионала, который производил большую часть лекарственных средств и препаратов самостоятельно и был защищен от конкуренции со стороны знахарей и других неквалифицированных шарлатанов путем организации законодательной монополии. Однако эти мечты быстро растаяли как мираж. Хотя образование фармацевтов было реформировано в 1934 году, а в 1935 году их компании с некоторыми возражениями были ариизированы, сами аптекари не смогли договориться о том, как лучше всего представить свои требования о монополии, и их организации были поглощены Трудовым фронтом в 1934 году. Вскоре приоритеты режима возобладали, и фармацевты оказались вовлеченными в разработки собственных лекарств с целью сделать Германию независимой от импорта и помочь подготовить медикаменты, которые могли понадобиться после начала войны. В этой игре основными игроками были крупные фармацевтические компании, и военные нужды вскоре показали практически полную нежизнеспособность псевдосредневековой идеи о независимых аптекарях, производящих собственные лекарства и проверенные препараты⁴⁹.

Похожая картина наблюдалась во многих других областях независимого бизнеса. Например, в ветеринарном деле шли такие же процессы координации — существовавшие организации ликвидировались, а в январе 1934 года около 4000 из 7500 ветеринаров в Германии уже были членами новой Имперской ассоциации немецких ветеринарных врачей. Здесь, как и в других областях, добровольные профессиональные ассоциации часто проводили координацию самостоятельно и в награду получали формальное членство в Имперской палате ветеринарных врачей в 1936 году. Однако ранние попытки одной группы специалистов установить цеховую форму национальной организации очень скоро были пресечены в пользу стандартных управленческих структур Третьего рейха, централизованных, иерархических и находящихся под единым контролем правительства, как и в других областях малого бизнеса⁵⁰.

Наблюдатели социал-демократов в Германии сообщали об изрядном недовольстве ремесленников и мелких лавочников своим положением при Третьем рейхе. Уже в мае 1934 года мелкие бизнесмены и розничные торговцы жаловались на то, что экономическая ситуация не улучшилась до уровня, когда люди могли бы тратить больше на предлагавшиеся ими потребительские товары и услуги, а партия постоянно вымогала у них различные взносы, которые те были обязаны платить. Среди многих их обид было то, что обещания обуздать потребительские кооперативы, которые во многих случаях представляли собой организации, близкие социал-демократическому рабочему движению, не были сдержаны. Преобразованные в Германский трудовой фронт в результате координации и используемые в качестве удобного средства поощрения «старых бойцов», которые назначались на разные руководящие должности, кооперативы потеряли только субсидии и налоговые привилегии, предоставленные им при Веймарской республике. Майский закон 1935 года предписывал ликвидировать финансово несостоятельные кооперативы, однако попытки запретить членство в них для госслужащих были пресечены Гессом в 1934 году. И хотя к 1936 году примерно треть из 12 500 кооперативов в стране закрылась, часто под давлением со стороны местных партийных групп, в их членах все еще состояло около двух миллионов человек, и мелкие торговцы чувст-

вовали себя обманутыми, потому что те не были закрыты все разом⁵¹. По сообщению агента социал-демократов в Силезии, в этих кругах наблюдалось «горькое разочарование»: «Беспредельные поборы заставляют людей покупать нищенские вещи. Обороты быстро снижаются. Из-за низких зарплат рабочие могут покупать только самые дешевые товары, и, разумеется, они направляются в универсальные магазины и на распродажи. Люди ругаются как базарные торговки и уже стали в открытую выражать свое разочарование на общественных собраниях... На недавнем собрании в Герлице один лавочник сказал в ходе обсуждения: “Что они обещали нам раньше?! Что универмаги будут закрыты, кооперативные общества ликвидированы, а магазины с одной ценой на все товары исчезнут. Ничего этого не произошло! Нас обманули и предали!” На следующий день этого человека арестовали. Это вызвало взрыв возмущения»⁵².

Не только медленно восстанавливался потребительский спрос, но и сам режим в этом смысле не был достаточно национал-социалистическим⁵³.

В 1935 году даже некоторые мелкие торговцы и ремесленники, раньше рьяно поддерживавшие нацистов, часто выражали свое недовольство отсутствием улучшений в своем положении. Один мастер-ремесленник из Ахена говорил, что все его коллеги были против Гитлера, но только трое из пятидесяти, которых он знал, имели смелость выражать свое мнение, остальные молчали⁵⁴. Нельзя было сказать, что нацисты ничего для них не делали, как говорилось в одном отчете социал-демократов, однако практически все эти меры были о двух концах. Стало трудно получать кредиты, медленно восстанавливался спрос, контроль цен оказывал пагубное влияние на прибыли, сборы с гильдий были крайне обременительными, сами гильдии управлялись неэффективно, а налоги повышались и собирались с гораздо большим рвением, чем раньше⁵⁵. В конечном счете даже социал-демократы вынуждены были признать в 1939 году, что «в данный момент недовольство ремесленников своим все более тяжелым положением вряд ли имеет какие-либо политические причины». Они возмущались из-за недостатков сырья, жаловались на уход своих рабочих в вооруженные силы или в военно-промышленный комплекс и проклинали требование вести детальный

учет своих операций, однако ничего из этого не вылилось в какую-либо обобщенную критику самого режима. Социал-демократы решили, что это был «социальный слой, для которого политическое мышление всегда было чуждо». Но это было сомнительно. Разочарование вело к разрушению иллюзий и даже к несогласию, но, как и в других социальных группах, здесь имелись достаточные причины, почему это не вылилось в прямую оппозицию режиму. Те ремесленники и мелкие бизнесмены, которые держались на плаву, а таких было подавляющее большинство, видели, что, несмотря на все проблемы и страдания, их экономическое положение было по крайней мере лучше, чем при Депрессии. В секторе малого бизнеса сохранялось глубокое разделение между промышленностью и розничной торговлей, сферой обслуживания и производством и по многим другим показателям. Наконец, из всех слоев немецкого общества он активней других приветствовал правый национализм, антисемитизм и антидемократические мнения, начиная с конца девятнадцатого века. Потребовалось бы нечто большее, чем экономические проблемы, чтобы развернуть их против режима⁵⁶.

II

Ремесленники и лавочники были не единственной социальной группой, которая надеялась на улучшение своего положения при Третьем рейхе. Клерки и штатные сотрудники частного бизнеса давно с завистью смотрели на более высокую зарплату, статус и привилегии госслужащих. Известные в народе как новый *Mittelstand*, они тем не менее глубоко различались по политическим взглядам, их либеральные и социал-демократические организации враждовали с крайне правыми, а их поддержка нацистской партии в годы Веймара примерно равнялась среднему проценту по стране. Многие надеялись, что при Третьем рейхе будет восстановлено разделение на клерков и рабочих, которое было разрушено в прошлые годы. Страх «пролетаризации» был главной движущей силой всех союзов офисных работников: левых, центристских и правых. Однако после прихода Гитлера к власти они оказались горько разочарованными. Лидеры всех трех политических крыльев союзов офисных работников были арестованы

и помещены в концентрационные лагеря, а сами союзы вместе с другими организациями клерков были объединены в Немецкий трудовой фронт⁵⁷. Более того, тот факт, что рабочие и их организации оказались формально интегрированы в национальное общество, снимал и другой барьер. Офисные работники не имели внутренней сплоченности или своей особой культуры, которые отличали организованные профсоюзы социал-демократов и, в меньшей степени, коммунистов, поэтому они были более уязвимы к разделению и запугиванию и менее способны даже к пассивному сопротивлению⁵⁸. Поэтому неудивительно, что один агент социал-демократов в страховом бизнесе в Центральной Германии сообщал в 1936 году, что большинство таких людей были политически инертными, за исключением нескольких бывших сторонников «Стальных шлемов» и националистов, которые хотя и не были фанатичными сторонниками Гитлера, но тем не менее с удовлетворением смотрели на то, как он уничтожил «марксизм» в 1933 году. «Большинство рабочих мужчин тупо принимают политическое принуждение и различные нормативные требования», — признавал он. Большинство из этих людей происходили из низших слоев среднего класса. Они во всех проблемах винули «маленьких Гитлеров» режима и продолжали боготворить самого фюрера. Здесь шансы сколько-нибудь критического отношения к режиму были практически нулевыми⁵⁹.

Более сложной была ситуация в среде профессионалов с высшим образованием, адвокатов, врачей, учителей, инженеров, университетских профессоров и других. Как мы видели, Третий рейх оказал различное влияние на социальное положение этих групп — с одной стороны, был снижен статус адвокатов, госслужащих, школьных учителей и профессоров, а с другой — был серьезно повышен статус врачей. Нацистское презрение к интеллектуальности и популизм имели явно разрушительный эффект на социальный престиж таких групп в целом, и это отразилось в изменениях, произошедших в университетском образовании, включая катастрофическое сокращение числа студентов, требование проводить много времени в трудовых лагерях и ликвидация автономных студенческих организаций вроде советов. Быстро растущие влияние и престиж вооруженных сил открывали новые возможности для талантливых и амбициозных юношей

из высшего и среднего классов в офицерском корпусе и по сравнению с ними делали работу по профессии скучной и бесперспективной. Часто повторявшееся и открытое презрение нацистов к юриспруденции делало такую карьеру непривлекательной, поэтому неудивительно, что к 1939 году повсюду раздавались жалобы на недостаток подходящих сотрудников в судебной и адвокатской специальности. Даже для таких относительно успешных при Третьем рейхе профессий, как инженеры, их положение улучшилось совсем незначительно. Перевооружение, требовавшее технического опыта в проектировании танков, кораблей, самолетов и вооружений, фортификационные сооружения вроде линии Зигфрида и общественные проекты вроде автомагистралей, строительство престижных зданий в Берлине, Мюнхене и в других местах — эти и другие задачи даже вынудили Министерство труда отменить для инженеров действие ограничений на перемещение рабочей силы в 1937 году, особенно если они меняли работу для дальнейшего профессионального обучения и развития. Однако ничего из этого не вело к увеличению их оплаты: например, в такой компании, как «Сименс», начальная зарплата квалифицированного инженера все еще была меньше, чем у школьного учителя первого года в 1936 году, организация инженеров под руководством Фрица Тодта в 1939 году продолжала жаловаться на то, что выпускники гуманитарных специальностей имели более высокое общественное уважение, чем инженеры. Присуждение в 1938 году на партийном съезде в Нюрнберге второй немецкой премии в области науки и искусства (замена запрещенной к тому времени Нобелевской премии) Фрицу Тодту, автоконструктору Фердинанду Порше и авиационным инженерам Вильгельму Мессершмитту и Эрнсту Хейнкелю в знак признания достижений немецких технологий в глазах большинства инженеров не было достойной компенсацией⁶⁰.

А все профессиональные объединения серьезно потеряли в своей автономности в ходе процесса координации в первые месяцы Третьего рейха, когда многие профессиональные союзы закрывали, объединяли и переводили под руководство нацистской партии. Все молча соглашались с этими действиями, как и раньше при вытеснении социал-демократов и коммунистов и изгнании евреев из профессиональных ассоциаций с последующим

изгнанием из самих профессий. Упрощение университетского образования и профессионального обучения с их упором на идеологическое обучение и военную подготовку, а не на традиционное приобретение знаний и навыков усугубляло регламентирование профессиональной деятельности и вело к ощутимой деморализации среди многих специалистов. Даже врачи, вероятно самая привилегированная из традиционных профессий при Третьем рейхе, потеряли некоторые из своих старых привилегий, не получив ничего взамен. Например, когда в 1935 году правительство издало Имперский указ о врачах, дополненный Профессиональным уставом от ноября 1937 года, врачи обнаружили себя тесно связанными новыми правилами, установленными сверху, с уголовными санкциями, угрожавшими всем нарушителям. Дисциплинарные суды быстро стали активно рассылать предупреждения, налагать штрафы и даже приостанавливать врачебную деятельность тех, кто преступал закон. Теперь врачи не только должны были сами информировать созданную в 1936 году Имперскую врачебную палату о любых изменениях в своем финансовом положении и направлять туда все новые контрактные соглашения на утверждение, они также должны были нарушать врачебную тайну и сообщать властям о всех серьезных случаях алкоголизма, наследственных и врожденных болезнях и заболеваниях, передающихся половым путем. Указ 1935 года хотя и признавал в теории принцип конфиденциальности, явно утверждал, что на практике он мог игнорироваться, «если того требовал здравый смысл», который, разумеется, определялся режимом и его слугами. Врачи независимо от своей квалификации также обязаны были проходить курсы обучения расовой гигиене и наследственной биологии. Только в 1936 году такие курсы пришлось посетить пяти тысячам врачей: многие из них возмущались из-за необходимости слушать бесконечные лекции нацистских идеологов, чей уровень часто был ниже их собственного и чьи идеи многие из врачей рассматривали с оправданным скептицизмом и подозрением⁶¹.

Еще больший удар по их коллективной гордости нанес отказ режима признать давнее требование работников медицины о запрете «шарлатанов», или знахарей без университетского образования, которых в Германии в 1935 году было не меньше 14 000,

то есть трое человек на каждых десять дипломированных врачей. Национал-социалистический союз врачей, в котором состояла примерно треть врачей, не имел достаточного влияния и престижа и в целом считался весьма неэффективным. Положение Имперской врачебной палаты, в которой обязаны были состоять все врачи, было сильнее, но основная проблема заключалась в том, что руководители нацистов, начиная с Гитлера и до более низких уровней, с большим интересом относились к альтернативной медицине. Как мы уже видели, глава Имперской врачебной палаты Герхард Вагнер поддерживал так называемое новое немецкое целительство и пытался протолкнуть курсы по нему в программу медицинских факультетов⁶². В виду противоречивых взглядов организации врачей, с одной стороны, и своих руководителей, с другой, режим в течение многих лет колебался, пока в феврале 1939 года окончательно не было объявлено, что все непрофессиональные лекари должны были зарегистрироваться в Немецком союзе природных целителей, и с этого момента этой деятельностью больше не мог заниматься никто другой. Это не только давало лекарям профессиональный статус, но и с этого момента любой, кто мог продемонстрировать необходимый уровень знаний, мог получить звание «природного целителя», что приравнивало его к врачу, а врачей с университетским образованием теперь можно было принудительно привлекать для помощи зарегистрированным природным целителям, если те просили о помощи. Особенно талантливые целители могли получить доступ к медицинским кафедрам в университетах, не имея необходимой квалификации. Наконец, весь набор правил и положений не был подкреплён какими-либо санкциями против незарегистрированных целителей, которые могли продолжать свою практику, если они не брали за нее платы. Таким образом, медицинская профессия в Германии столкнулась с потерей профессионального статуса, увеличением вмешательства государства и разрушением традиционных нравственных императивов⁶³.

Однако все это более чем уравнивалось огромным повышением власти врачей над отдельным человеком при Третьем рейхе, которая поддерживалась государственной политикой стерилизации и медицинской фильтрации в связи с самыми разными целями, начиная с призыва в армию и заканчивая заключени-

ем брака. Здоровье имело важнейшее значение для режима, главным приоритетом которого была расовая пригодность, и подавляющее большинство врачей охотно следовали новым государственным требованиям в этой области. На самом деле идея расовой гигиены имела широкую популярность в медицинской профессии задолго до 1933 года. После 1937 года заработок врачей резко увеличился, средний суммарный доход повысился с 9000 рейхсмарок в 1933 году до почти 14 000 четыре года спустя, а к 1939 году он достигал 20 000. Устранение множества еврейских врачей из профессии привело к росту практики оставшихся, восстановление экономики увеличило желание людей вкладывать деньги в фонды медицинского страхования, а сами фонды были реформированы, чтобы снизить стоимость посещения врачей для пациентов и упростить получение оплаты для врачей. Это сделало профессию врача намного более прибыльной, чем адвоката, а их доходы примерно в два раза превышали доходы стоматологов, чья роль в расовой гигиене и связанных с ней здравоохранительных схемах была более или менее минимальной. Быстрый рост вооруженных сил открывал новые возможности работы в медицинском корпусе не только для хирургов, но и для других врачей. Врачи привлекались для оказания медицинских услуг во многих филиалах нацистской партии, начиная со штурмовиков и заканчивая Гитлерюгендом. Самые амбициозные могли вступить в ряды СС, где могли заработать репутацию и сделать себе карьеру намного быстрее, чем в гражданской профессии. Гиммлер организовал медицинскую академию СС в Берлине для их идеологического обучения, а руководитель врачей в СС носил высокое звание имперского врача СС, равного по званию самому рейхсфюреру Гиммлеру. В целом оценивается, что в Германии около двух третей врачей были связаны с нацистской партией и ее филиалами. Ключевая роль врачей в воображаемом нацистами будущем отражалась в существовании таких институтов, как Школа руководства немецких врачей, тренировочный лагерь, расположенный в живописной части сельского района Мекленбурга, где члены Имперского врачебного союза проходили двухнедельную программу по нацистской идеологии для подготовки к политическим ролям в будущем Третьего рейха. Молодые врачи могли реализовывать свои амбиции в крайне идеологизиро-

ванной области расовой гигиены, а более старшие, уважаемые члены профессионального сообщества могли вести традиционную работу и даже получать за нее больше, чем раньше, в обмен на беспрецедентно высокий уровень вмешательства в свою работу со стороны государства. Это была негласная сделка, на которую пошло большинство медицинских работников⁶⁴.

III

Другим профессиональным группам повезло меньше, в особенности это касалось обширной и разветвленной государственной службы в Германии. Несмотря на попытку Гитлера в 1934 году устранить разделение труда между традиционной государственной службой и партией, напряженность и противостояние между обычной и привилегированной ветвью «двойного государства» продолжались и становились еще сильнее. Хотя некоторые государственные институты вроде Министерства внутренних дел считали своим долгом предупреждать госслужащих о необходимости игнорировать инструкции со стороны агентств или отдельных функционеров нацистской партии, не имевших официальных полномочий, сам Гитлер, особенно в послании, прочтенном на партийном съезде в Нюрнберге 11 сентября 1935 года, регулярно настаивал на том, что если государственные институты не могли исполнять политику партии, то «движение» должно было брать эту функцию на себя. «Борьба с внутренними врагами не сможет быть сорвана официальной бюрократией или ее некомпетентностью»⁶⁵. В результате государственная служба вскоре стала весьма непривлекательной для амбициозных молодых выпускников вузов, страстно желавших пробиться наверх в этой жизни. Как говорилось в отчете Службы безопасности в 1939 году: «Развитие сферы государственной службы в целом снова оказалось неверным направлением. Хорошо известные, угрожающие тенденции за рассматриваемый период продолжились в больших масштабах. Среди них нехватка персонала, безрезультатный набор и отсутствие молодых сотрудников из-за низкой зарплаты и публичной диффамации государственной службы, ошибки в кадровой политике в виду отсутствия какого-либо единого подхода и т.д.»⁶⁶.

Уже в 1937 году наблюдались серьезные проблемы с набором на работу. Юридические факультеты немецких институтов, выпускники которых составляли значительную часть будущих государственных служащих, серьезно сократились в размерах с 1933 года, когда студенты стали идти на более модные направления, такие как медицина. С другой стороны, бюрократизация нацистской Германии — термин, фактически использовавшийся в 1936 году Имперским статистическим управлением, — привела к 20-процентному росту занятости в федеральных, земельных и районных администрациях с 1933 по 1939 год. Однако высокооплачиваемые административные посты в партии и ее дочерних организациях еще не появились. В 1938 году наблюдалась серьезная нехватка персонала в государственных управлениях на всех уровнях. Вместе с тем только летом 1939 года были хотя бы частично отменены сокращения зарплат, установленные программой жесткой экономии Брюнинга во время Депрессии. Министр внутренних дел Вильгельм Фрик рисовал катастрофическую картину хронической задолженности государственных служащих и предсказывал, что государственная служба вскоре окажется неспособна выполнять свои функции. Однако партия и ее лидеры, постоянно демонстрировавшие свое презрение к государственному аппарату и его сотрудникам, винить в резком упадке престижа и уважения государственной службы могли только себя⁶⁷.

Учитывая эти процессы, неудивительно, что в сентябре 1937 года озабоченный госслужащий граф Фриц-Дитлоф фон дер Шуленберг, состоявший в нацистской партии с 1932 года, выступил с отчаянным заявлением о происходивших событиях. Он привлек внимание министров к Имперскому закону о государственной службе, в котором она называлась одним из столпов государства. Без нее, отмечал он, не удалось бы должным образом реализовать Четырехлетний план. Однако ее эффективной работе мешал резкий упадок, вызванный постоянными политическими и расовыми чистками, а безудержный рост численности партии и государственных институтов привел к хаосу конкурирующих юрисдикций, который делал надлежащее управление практически невозможным. Он продолжал: «Несмотря на то что она [госслужба] имеет на своем счету значительные достижения за период после прихода к власти, ее публично осмеивают, на-

зывая «бюрократией», общество и сам Вождь порицают ее как чуждую народу и нелояльную, при этом никто не готов официально осудить такое пренебрежение к социальному институту, от которого зависит функционирование государства. Госслужащие, особенно на руководящих постах, *подвергаются нападениям* на своей работе, *что по факту является нападением на само государство...* В результате такого отношения государственные служащие чувствуют себя *обесчещенными, лишенными достоинства и доведенными до грани отчаяния. Приход новых кадров практически прекратился...* Статус госслужащего снизился практически до уровня пролетариата... А в бизнесе предлагаются во много раз большие зарплаты...»⁶⁸.

Среди старших госслужащих, таких как Шуленберг, разочарование в связи с разрушением высоких надежд, которые они питали в 1933 году, было практически осязаемым. Ситуация, о которой он говорил, была даже хуже, чем во времена Веймара. Давняя и уважаемая традиция государственной службы уничтожалась⁶⁹.

Разрушение иллюзий Шуленберга быстро сделало его крайне враждебным к режиму. Однако в отношении подавляющего большинства госслужащих сила традиции и инерции оказались гораздо сильнее. Государственная служба занимала особое место в немецком обществе и политике с момента своего образования в Пруссии восемнадцатого века. Некоторые идеалы служения нации, презрения к политике и веры в эффективное управление дожили до двадцатого века и определяли отношение служащих к нацистам. Строгие бюрократические процедуры, формальные правила, изобилие званий и должностей и многое другое выделяли государственную службу в качестве особого института с особым самосознанием. Его нелегко было заменить. Некоторые продолжали службу в интересах нации, которую, по их мнению, государственная служба всегда представляла. Других привлекал авторитарный стиль Третьего рейха, его упор на национальное единство, устранение публичных политических конфликтов и, возможно в первую очередь, эффективное устранение целого ряда ограничений на бюрократическую деятельность. На смену подотчетности пришла эффективность, что также было привлекательно для многих служащих. В каждом министерстве в Берлине, каждом региональном и местном управлении госслужа-

шие подчинялись законам и декретам, переданным им Гитлером, Герингом и другими министрами для исполнения, потому что они считали это своим долгом. Инакомыслие, разумеется, было искоренено в 1933 году, однако подавляющее большинство немецких бюрократов в любом случае были крайне консервативны и верили в авторитарное государство, считали коммунистов и даже социал-демократов предателями и поддерживали возобновление национальной экспансии и перевооружение⁷⁰.

Одним из таких бюрократов, во многом очень типичным для своего времени, был Фридрих Карл Гебенслебен, сотрудник управления городского планирования в Брауншвейге, объемная семейная переписка которого случайно сохранилась и содержит подробное описание положения среднего класса при Третьем рейхе. Карл Гебенслебен родился в 1871 году, в год объединения Германии, получил образование инженера и работал в системе железных дорог Берлина до прихода на свой пост в 1915 году. Он безусловно был человеком большой честности, ему доверяли коллеги, и в начале 1930-х годов он сочетал свой административный пост с должностью помощника мэра города. Его жена Елизавета родилась в 1883 году и происходила из процветающей фермерской семьи, как и он сам. Пара была одним из столпов брауншвейгского общества, они часто посещали концерты и поддерживали местный театр, их видели на всех важнейших общественных празднованиях, приемах и других подобных мероприятиях. Их дочь Ирмгард родилась в 1906 году, она вышла замуж за голландца, и большинство семейных писем было адресовано ей в Голландию. Их сын Эберхард родился в 1910 году, изучал право в нескольких университетах, включая Берлин и Гейдельберг, что было нормальной практикой в то время, и планировал сделать себе карьеру на государственной службе рейха. В целом это была крепкая, традиционная буржуазная семья. Но в начале 1930-х годов они явно находились в состоянии глубокой тревоги, обеспокоенные в первую очередь страхом перед коммунистической или социалистической революцией. Елизавета Гебенслебен в своем письме дочери 20 июля 1932 года выражала распространенное в то время мнение о том, что Германии угрожала смертельная опасность со стороны коммунистов, которых поддерживали и подстрекали социал-демократы. Она

считала, что страна была наводнена русскими агентами, а насилие на улицах было началом запланированной дестабилизации страны. Таким образом, любые меры по предотвращению угрозы были оправданны⁷¹.

Задого до прихода нацистов к власти Елизавета Гебенслебен стала почитательницей Гитлера и его движения. «Эта готовность нести жертвы, этот горящий патриотизм и идеализм!» — восхищалась она в 1932 году, наблюдая демонстрацию нацистской партии. — И в то же время такая строгая дисциплина и контроль!»⁷² Неудивительно, что она горячо поддержала новое коалиционное правительство под руководством Гитлера, назначенное 30 января 1933 года, — в последний момент, как думала она, наблюдая за демонстрацией коммунистов против этого назначения («Не слишком ли поздно Гитлер встал у руля? Большевизм пустил намного, намного более глубокие корни в сознании людей, чем этого можно было ожидать»)⁷³. Поэтому массовое, грубое насилие, обрушенное нацистами на своих противников в последующие месяцы, не заставляло ее не спать по ночам. «Эти безжалостные, решительные действия национального правительства, — писала она 10 марта 1933 года, — могут отвернуть от него часть людей, но совершенно очевидно, что сначала необходимо провести коренную чистку, в противном случае не удастся начать восстановление»⁷⁴.

«Чистка» подразумевала и социал-демократического бургомистра Брауншвейга Эрнста Бёме, избранного в 1929 году в возрасте 37 лет. 13 марта 1933 года нацистские штурмовики ворвались на заседание совета и грубо выволокли его на улицу. В течение нескольких дней в заточении его заставили подписать документы с отречением от всех постов в городском управлении. Банда эсэсовцев привезла его в здание социал-демократической газеты, раздела догола и бросила на стол, избив до бессознательного состояния, после чего они вылили на него ведро воды, одели снова, провели по улицам и бросили в городскую тюрьму, откуда он вышел некоторое время спустя, чтобы вернуться к своей частной жизни. Будучи его помощником, Карл Гебенслебен временно и без колебаний занял пост городского бургомистра. Хотя он и был расстроен трагической и неожиданной сценой, разывавшейся в палате совета, Карл жестко потребовал от газет оп-

ровергнуть сообщение в своих репортажах о том, что он плакал, когда бургомистра выводили из здания. Он действительно тесно работал с Бёме последние несколько лет, однако его моральный кодекс государственного служащего никогда бы не позволил такое неприкрытое выражение эмоций. Его жена Елизавета хотя и не одобрила это («Я бы предпочла, чтобы Бёме сняли с должности без этого позора»), утешала себя мыслью о том, что при революции 1918 года консервативный бургомистр в то время также был унижен «красными»⁷⁵.

Как и другие консерваторы, Гебенслебены были успокоены почтением к традиции, продемонстрированным на церемонии открытия Рейхстага в Постдаме 21 марта. Они сдули пыль со своего черно-бело-красного имперского флага и с триумфом вывесили его наружу, а Карл принял участие в праздничном марше по улицам Брауншвейга⁷⁶. Все, что не нравилось Гебенслебену, особенно акты насилия, совершаемые штурмовиками и эсэсовцами, они списывали на работу коммунистических агентов⁷⁷. Они безоговорочно верили в сфабрикованные обвинения в растратах, выдвинутые нацистами против профсоюзных чиновников и других служащих⁷⁸. Когда Елизавета рассказывала дочери о речах Гитлера на радио, в ее словах слышалось возрожденное чувство национальной гордости: теперь у Германии был канцлер, на которого обращал внимание весь мир⁷⁹. Убежденная протестантка, она присоединилась к «Немецким христианам» («Что ж, реформы в церкви. Это хорошо») и с упоением слушала, как ее пастор сравнивал Гитлера с Мартином Лютером⁸⁰. Заблуждения семьи были так же велики, как и ее энтузиазм. Карл Гебенслебен приветствовал «жесткую дисциплину», введенную в общественной жизни и экономике «принципом лидерства, который был правомерным сам по себе», и «координацию вплоть до самых мелких институтов», однако полагал, что со временем в стране разрешат умеренную оппозицию на манер английской. В конце мая он со своей женой, наконец, вступил в нацистскую партию не в целях обезопасить себя, но из истинного чувства верности новой Германии. С гордостью, но немного смущенно он писал своей дочери: «Так что твоему «старика» пришлось как можно быстрее достать себе коричневую рубашку, форменную фуражку, галстук и партийный значок.

Мама считает, что униформа мне потрясающе идет и делает меня на пару десятков (?) лет моложе!!! Вот так! Ох, дорогая моя, если бы кто-нибудь сказал мне раньше! Но это удивительное чувство, видеть, как все пытаются в строгой дисциплине работать на благо своей Родины, строго придерживаясь лозунга: *Общественное благо — главный приоритет*⁸¹.

Как администратор Карл поддержал решение прекратить рассмотрение большинства будущих вопросов в городском совете, а вместо этого решать их в малой комиссии. «Таким образом, можно сохранить время и силы для полезной работы»⁸². Перед собой он видел новое время эффективных действий и согласованного управления. Однако все обернулось не совсем так, как он предполагал.

Это был не единственный вопрос, по которому Гебенслебены обманывали себя. В семье было много заблуждений по поводу отношения режима к евреям. В начале антисемитизм не был особо важной причиной для симпатии к нацизму в семье. Когда Елизавета Гебенслебен увидела разбитые витрины еврейских магазинов в городе в середине марта 1933 года, она списала это на счет «провокаторов... которые, как было установлено, пробрались в ряды НСДАП с целью дискредитации националистического движения внутри страны и за рубежом... Коммунисты и сочувствующие». Она думала, что если бы в этом участвовали нацисты, очевидно, что Гитлер этого бы не одобрил⁸³. Она считала антисемитские речи Геббельса и Геринга «ужасающими» и была встревожена тем, что нацисты срывали постановки под управлением дирижера Фрица Буша в Лейпциге (она считала, что это происходило, потому что тот был евреем, хотя это было не так). Такие нападения на еврейских деятелей культуры были «ужасающими», писала она и добавляла: «Среди евреев тоже есть свои проходимцы, но нельзя забывать обо всех великих людях еврейского происхождения, которым принадлежат такие огромные достижения в области науки и культуры»⁸⁴.

Однако вскоре после бойкота еврейских магазинов 1 апреля 1933 года и сопутствующей массовой пропаганды она начала говорить по-другому. «Эпоха, в которой мы сейчас живем, — писала она своей дочери в случайном пророческом озарении 6 апреля 1933 года, — будет объективно оценена только нашими потом-

ками». Она продолжала: «Вокруг нас вершится мировая история. Но мировая история вращается вокруг судьбы одного человека, и именно это формирует нашу эпоху, которая так чиста и возвышенна в своей цели, и так трудна, потому что наряду с испытываемой нами радостью мы также ощущаем сочувствие судьбе отдельного человека. Это относится и к судьбе отдельного еврея, но не меняет мнения по еврейскому вопросу по существу. Еврейский вопрос имеет мировое значение, как и коммунизм, и если Гитлер намерен решить его так же, как и вопрос коммунизма, и его цель будет достигнута, то, наверное, однажды Германии станут завидовать»⁸⁵.

Она считала бойкот оправданным, учитывая «кампанию клеветы против Германии», которая, по словам режима, была организована марксистами и евреями за границей. Все рассказы о жестокостях против евреев в Германии были «голой выдумкой», резко объявляла она своей дочери в Голландии, следуя предписанию Геббельса придерживаться этой линии для всех, кто имел контакты с иностранцами. Она либо забыла те случаи, которые так шокировали ее всего три недели назад, либо сознательно решила не думать о них. Версальский мирный договор украл у Германии «возможность жить», напоминала она дочери: «Германия защищает себя тем оружием, которое у нее есть. То, что некоторым евреям указывают на дверь в юридической системе и медицине, правильно с экономической точки зрения, как бы сильно это ни ударяло по отдельным невинным гражданам». Она считала, разумеется ошибочно, что их число в соответствующих профессиях сокращается до процента, которое составляли евреи от всего населения (она не думала о том, что этот принцип не применялся к другим группам в немецком обществе, например, к протестантам, доля которых на руководящих постах была непропорционально выше, чем доля католиков). В любом случае, говорила она, демонстрируя, насколько глубоко нацистская пропаганда проникла в ее сознание в течение всего нескольких недель (возможно, потому, что она попала на благодатную почву скрытых предубеждений), евреям свойственно «коварство»: «Евреи желают править, а не служить». Ее муж Карл рассказывал истории об амбициях и продажности евреев, которые оправдывали чистки⁸⁶. К октябрю 1933 года она без усилий начала пользо-

ся нацистским языком в своих письмах, называя «Коричневую книгу» коммунистического фронта с описанием нацистских жестокостей работой «лживых еврейских клеветников»⁸⁷.

Что касалось Карла, то для него достижением Третьего рейха была замена беспорядка и сумятицы порядком. «Когда национал-социалистическое правительство пришло к власти, — говорил он в приветственной речи нацистскому бургомистру Брауншвейга при его вступлении на свою должность 18 октября 1933 года, — оно столкнулось с хаосом». Ликвидация бесконечно дерущихся между собой политических партий веймарских лет проложила дорогу для систематического улучшения городской жизни. Кроме того, мы возродили чувство собственного достоинства Германии⁸⁸. Когда беспорядок снова попытался поднять свою голову в конце июня 1934 года в виде мятежа Эрнста Рёма и его коричневорубашечников, Елизавета с облегчением вздохнула, увидев действия Гитлера. В отличие от дочери она не выражала никаких сомнений в оправданности убийств, совершаемых по приказам Гитлера. «Ты чувствуешь себя абсолютно незначительным перед лицом величия, правдивости и открытости такого человека», — писала она⁸⁹. После этих событий родственникам было больше не о чем говорить в отношении политики. Их внимание обратилось на собственные заботы в связи с рождением внуков и на сына Карла и Елизаветы Эберхарда, который собирался поступать в докторантуру с консервативным пронацистским юристом Вальтером Йеллинеком в Гейдельберге, однако после обширного обсуждения Йеллинек внезапно исчез из переписки: оказалось, что он был евреем и поэтому потерял свою работу⁹⁰.

Эберхард прошел вневойсковую подготовку в СА, отслужил в армии и после этого поступил на работу в Министерство экономики в качестве младшего чиновника, вступив в нацистскую партию 29 ноября 1937 года. Семейный интерес к политике не возродился. Нацистская Германия предложила Гебенслебенам стабильность, о которой они мечтали, некоторый возврат к нормальному положению вещей после волнений веймарского периода. По сравнению с этим незначительные сомнения и жалобы о том, как это было сделано, казались несущественными, едва ли стоившими внимания. Поражение коммунизма, преодоление

политического кризиса, восстановление национальной гордости — именно этого жаждали Гебенслебены. Все остальное они игнорировали, оправдывали либо незаметно принимали, поддаваясь постоянному вдальбливанию идей в головы народа со стороны пропагандистского аппарата Третьего рейха. Конформизм семей среднего класса вроде Гебенслебенов был куплен за иллюзии, которые будут грубо разрушены после 1939 года, Карл и Елизавета не дожили до этого момента. Карл умер в день выхода на пенсию 1 февраля 1936 года от сердечного приступа, а его вдова последовала за ним 23 декабря 1937 года. Карьера Эберхарда на государственной службе продлилась недолго: в 1939 году он был призван в армию⁹¹.

Укрощение пролетариата

I

Самым большим социальным классом в Германии в 1933 году, без сомнения, был пролетариат, который составлял примерно 46% от экономически активного населения. Перепись занятости от 16 июня 1933 года, запланированная еще давно и проведенная без особого вмешательства нацистов, показала, что еще 17% можно было отнести к государственным служащим, офисным работникам или солдатам, 16,4% были индивидуальными предпринимателями, такой же процент — неоплачиваемыми семейными помощниками (в основном в малых фирмах) и 3,8% — домашней прислугой. Рассматривая взрослое население по экономическим сегментам, перепись показала, что в 1933 году 13,1 миллиона человек были заняты в промышленности и в ремесленном деле, 9,3 миллиона работали в сельском хозяйстве и лесной промышленности, 5,9 миллиона — в торговле и на транспорте, 2,7 миллиона — на государственной и частной службе и 1,3 миллиона — в домашнем хозяйстве. Другими словами, рабочий класс в немецком обществе был многочисленным и быстро растущим, сельскохозяйственные рабочие составляли существенную, но сокращающуюся долю населения, а сектор обслуживания, который доминирует в развитых экономиках

двадцать первого века, находился в зачаточном состоянии, хотя и демонстрировал быстрый рост. В современных отраслях, таких как производство химических веществ, печать и копирование, а также электротехника, от 20 до 25% работников составляли женщины, их число было значительным и в некоторых областях сектора обслуживания. Однако в традиционных и все еще чрезвычайно сильных отраслях, таких как горнодобывающая промышленность, металлообработка, строительство и пр., все еще правили мужчины. Примерно четверть всех экономически активных людей в промышленности были сконцентрированы в металлургии и машиностроении в самом широком смысле этих понятий. В 1933 году в этих отраслях работало больше трех миллионов человек, а в строительстве было занято около двух миллионов. К этой основе традиционного класса промышленных рабочих можно добавить 867 000 человек в лесодобывающей и деревообрабатывающей отрасли, немногим больше 700 000 в горнодобывающей промышленности, на добыче соли и торфа, а также 605 000 человек на каменоломнях и обработке камня. В этих областях женщины составляли очень малую часть рабочих — например, меньше 2% в горнодобывающей отрасли и строительстве. И именно эти классические мужские профессии, а в начале 1930-х годов соответствующая безработица, задавали тон рабочему и трудовому движению в целом⁹².

Массовая безработица в начале 1930-х годов подорвала сплоченность и боевой дух рабочего класса. Она дестабилизировала многочисленное и хорошо организованное движение профсоюзов в Германии. В поисках решения ведущие партии, представлявшие интересы рабочего класса, либо, как социал-демократы, теряли способность к независимым действиям, либо обманывались тщетными и саморазрушительными революционными фантазиями, как коммунисты. В 1933 году они заплатили за это. В период с марта по июль 1933 года нацисты уничтожили давно сложившееся рабочее движение Германии, закрыли профсоюзы и запретили две основные партии рабочего класса. Организованное сопротивление остатков старого рабочего движения продолжалось еще немного, но в конечном счете также было подавлено⁹³. Тем временем нацисты принялись за создание новой рабочей организации, которая занималась бы координацией рабочих

под контролем государства. Существовавший нацистский профсоюз, Национал-социалистическая организация фабричных ячеек, пользовалась недоверием со стороны работодателей, которые видели угрозу в ее милитаристской направленности. Бизнес не хотел избавляться от старых профсоюзов только ради того, чтобы их место заняла другая, более могущественная форма объединения. Промышленников и банкиров тревожил беспорядок на фабриках, провоцируемый агентами Организации фабричных ячеек, которые нападали на выбранных представителей профсоюзов и рабочих советов и изгоняли их, присваивая себе их функции. Работодатели вскоре начали жаловаться, что эти агенты вмешивались в ход бизнеса, выдвигали необоснованные требования и в целом нарушали нормальную работу, подавляя своим авторитетом. Например, в Саксонии гаулейтер Мартин Мучман даже арестовал президента Государственного банка Карла Дегенхардта и держал его в заключении целый месяц. Подобные действия не приветствовались деловым сообществом⁹⁴.

Такая дестабилизация была не в последнюю очередь следствием завышенных амбиций Организации фабричных ячеек, влияние которой в этот период было непропорционально велико в сравнении с ее относительно небольшой численностью всего в 300 000 человек. Поддерживаемые силой штурмовиков и политикой координации нового режима ее агенты уже вошли в исполнительные органы профсоюзов и начали вести там свои дела задолго до окончательного уничтожения профсоюзов 2 мая 1933 года. Главный человек в Организации фабричных ячеек, Рейнгард Мухов, которому не было и тридцати, когда нацисты захватили власть, отточил свои навыки в многочисленных яростных трудовых конфликтах последних лет Веймарской республики, в особенности в ходе забастовки берлинских транспортных рабочих в 1932 году, в которой нацисты стояли плечом к плечу с коммунистами. Будучи помощником Геббельса по пропаганде в роли гаулейтера Берлина, Мухов направил свою энергию на столичный рабочий класс, к которому сам и принадлежал. По его мнению, Организация фабричных ячеек должна была вырасти в гигантскую профсоюзную организацию, представляющую всех трудящихся Третьего рейха. В этом виде она бы стала важным элементом нового корпоративного государства. Она бы занима-

лась определением ставок и зарплат, предлагала бы правительству новые меры защиты трудящихся и приняла бы на себя социальные функции профсоюзов⁹⁵.

Однако руководство нацистской партии не хотело переносить классовый конфликт из Веймарской республики в новый рейх. Уже 7 апреля Гесс приказал Организации фабричных ячеек не вмешиваться в дела или нарушать работу профсоюзов, которые играли ключевую роль по выплате субсидий безработным членам во время Депрессии. Захват профсоюзов 2 мая в некотором отношении стал классическим примером стремления руководства нацистов облекать нескоординированную активность в некоторую институциональную форму, когда та начинала доставлять неприятности⁹⁶. Профсоюзы были немедленно заменены Германским трудовым фронтом, что было официально отпраздновано на церемонии 10 мая 1933 года, на которой присутствовали Гитлер и члены правительства. На пост руководителя Трудового фронта был назначен один из самых ярких деятелей Третьего рейха — Роберт Лей. Он родился в 1890 году и стал седьмым из восьми детей в семье западнонемецкого фермера. Лей пережил серьезную психологическую травму, оказавшую значительное влияние на всю его жизнь, когда ребенком наблюдал, как его отец, попавший под неподъемное бремя долгов, чтобы вернуть их, попытался получить страховку и для этого поджег свою ферму. Судя по автобиографическим запискам Лея, бедность и позор, постигшие семью после осуждения отца за поджог, породили у мальчика постоянное чувство социальной незащищенности и ненависти к высшим классам. Умный и амбициозный, он решил исправить свое положение прилежным обучением и, что было нехарактерно для человека его происхождения, поступил в университет. Начиная с 1910 года он изучал химию, частично зарабатывая себе на жизнь временными работами. Но в 1914 году война положила конец всему этому. Лей немедленно записался добровольцем и служил в артиллерийской части на Западном фронте до 1916 года, когда, уставший от постоянных обстрелов и кровавого затишья окопной войны, выучился на пилота и начал летать на самолетах-разведчиках. 29 июля его самолет был подбит, но чудесным образом его второму пилоту удалось совершить аварийную посадку. Однако они приземлились

за линией фронта на вражеской территории. Лей попал в плен и провел остаток войны во французском военном лагере. В результате этого происшествия Лей получил серьезные травмы, включая не только повреждение ноги, которую удалось спасти только после шести операций, но и лобной доли мозга, которая с годами, по всей видимости, становилась все тяжелее. Он начал заикаться, все чаще уходил в запой и демонстрировал несдержанное поведение самого разного вида⁹⁷.

Лей вернулся в университет в конце войны и закончил обучение, получив степень доктора в 1920 году за диссертацию по пищевой химии, часть которой была опубликована в научном журнале. Учитывая эти заслуги, неудивительно, что он получил хорошее место в химической компании «Байер» в Леверкузене. Это позволило ему жениться и создать семью. Однако он оставался недовольным и неуверенным, а его раздражение от унылой рутины повседневной жизни подогревалось чтением романтической утопической литературы. Французская оккупация долины Рейна, где он проживал, зажгла его националистические чувства, которые трансформировались в обожание Гитлера, после того как Лей прочитал репортажи о речи лидера нацистов на суде над мюнхенскими путчистами. В начале 1924 года Лей вступил в нацистскую партию и вскоре стал ведущим местным активистом, а в июне 1925 года поднялся до положения гаулейтера Южного Рейна. Как и многие выдающиеся нацисты первых лет, впервые услышав выступление Гитлера, Лей сразу же стал его горячим поклонником. Он стал безгранично обожать вождя нацистов, возможно, как предполагают психоисторики, видя в нем замену отца, чей позор бросил такую тень на все детство Лея. Лей поддерживал Гитлера в спорах, которые привели к разрыву рейнских отделений партии с нацистским руководством в середине 1920-х годов, и помогал ему вернуть власть в партии обратно после вынужденного бездействия, последовавшего за поражением мюнхенского путча 1923 года. Именно поэтому и потому что Лей, несмотря на заикание, оказался успешным и вдохновенным оратором, Гитлер постоянно пропускал мимо ушей жалобы от коллег Лея о его злоупотреблениях средствами, высокомерном отношении к подчиненным и административной некомпетентности. Вскоре Лей возглавил региональную на-

цистскую газету, полную антисемитской пропаганды, ярость которой практически не уступала более известной газете «Штюрмер», издававшейся Юлиусом Штрейхером, гаулейтером Нюрнберга. В «Вестдойчер Беобахтер» постоянно печатались неподтвержденные обвинения евреев в ритуальных убийствах и порнографические истории о выдуманных соращениях арийских девушек их еврейскими работодателями. Такие публикации привели к нескольким судебным искам и штрафам, наложенным на Лея, однако они нисколько не мешали ему поддерживать подобную политику редакции⁹⁸.

Гитлер привел Лея в мюнхенскую штаб-квартиру партии в 1931 году, где тот занял место Грегора Штрассера после его внезапного ухода с поста начальника партийной организации в декабре 1932 года, хотя и не унаследовал огромную административную власть своего предшественника. Опыт Лея в завоевании голосов избирателей в преимущественно рабочих областях Рейна, а также его утопический идеализм и социальное недовольство придавали его националистическим идеям отчетливо коллективистский оттенок. Это сделало его очевидным кандидатом на роль разработчика планов по переустройству немецких трудовых организаций в начале апреля 1933 года. С формальной политической точки зрения задача Лея состояла в реализации представления Гитлера об объединенном рабочем классе новой Германии, в завоевании поддержки, вероятно, самого непокорного и антинацистского класса немецкого общества. Однако Лею не хватало опыта сделать это самостоятельно. Он быстро сумел разместить отделения Трудового фронта в бывших офисах профсоюзов и объединить его с Организацией партийных ячеек. Но у него не было особых альтернатив, кроме как использовать чиновников Организации для создания внутренних структур Трудового фронта. Вначале они просто назначили новое руководство в существовавших профсоюзных институтах под новыми названиями и организовали их в пять больших подгрупп. Таким образом, прежнее профсоюзное объединение стало одной подгруппой со всеми своими подчиненными подразделениями, такими как пресс-служба и газета, объединения офисных служащих образовали вторую подгруппу, розничные торговцы — третью, ремесленники — четвертую, предприниматели — пятую. Ка-

залось, что путь для Трудового фронта, на котором он стал бы ядром корпоративного государства по итальянской фашистской модели, отражая интересы всех различных отраслей экономики на службе нового политического порядка, был открыт⁹⁹.

Однако эти идеи, выдвинутые Муховым и лидерами Организации фабричных ячеек, просуществовали недолго. Ни ремесленники, ни предприниматели не были заинтересованы в них, розничные торговцы никогда не имели большого влияния, а самой динамичной силой в новой структуре были сам Мухов и его друзья. Вскоре Трудовой фронт стал тем, во что они хотели превратить Организацию фабричных ячеек, некоторым суперобъединением, представлявшим помимо прочего интересы рабочих. В этом качестве он издавал приказы, регулировавшие оплачиваемые отпуска, соглашения о ставках, декреты о равной оплате труда женщин, постановления об охране здоровья и безопасном труде и многом другом. Но на локальном уровне тревога оставалась, некоторые чиновники угрожали отправлять работодателей в концентрационные лагеря, если те отказывались принимать их требования. Мухов обвинил в этом бывших социал-демократов и даже некоторых бывших коммунистов и организовал проверку политического прошлого всех функционеров Трудового фронта, собираясь исключить около 100 000 человек из организации. Однако число жалоб продолжало увеличиваться, они поступали от министра труда, министра внутренних дел и даже министра транспорта — все они беспокоились из-за того, что их власть подрывалась односторонними действиями функционеров Трудового фронта более низкого уровня. Казалось, что ситуация ускользает из-под контроля, и наступило время взять ее в свои руки¹⁰⁰.

II

19 мая 1933 года под давлением со стороны работодателей и государственных министерств в Берлине кабинет обнародовал Закон о трудовых координаторах. Он устанавливал двенадцать государственных чиновников, задачей которых было регулирование ставок, условий работы и трудовых договоров в соответствующих регионах, а также поддержание мира между рабочими и

работодателями. Координаторы были чиновниками Имперского министерства труда. Только двое из них входили в Организацию фабричных ячеек, пятеро были юрисконсультами, а четверо — государственными служащими. Довольно туманные положения Закона были детализированы в следующем Законе об организации национального труда, вышедшем 20 января 1934 года, проект которого составил госслужащий, ранее работавший в промышленной группе¹⁰¹. Новые законы отменяли систему двухстороннего коллективного договора и регулирования между работодателями и профсоюзами, которая была одним из важнейших достижений веймарской трудовой политики, и заменяли ее новой структурой, основанной на «принципе лидерства» национал-социалистов. В них отмечалось, что антагонизм между рабочими и работодателями ушел в прошлое, все могли работать вместе в гармонии в рядах нового объединенного немецкого расового сообщества. Чтобы подчеркнуть это, законы формулировались на неофеодалном языке взаимной выгоды, который, как и в период настоящего феодализма Средних веков, скрывал тот факт, что реальная власть в основном находилась в руках одной стороны: у работодателей. Во власти координаторов труда было назначать доверительные советы для отдельных заводов, вести арбитраж споров, утверждать увольнения, регулировать рабочие часы и устанавливать базовые ставки сдельной оплаты, а также направлять дела об оскорблении власти, провокациях, саботаже, обмане доверия и схожих нарушениях в Суды чести, которые исполняли квазилегитимные функции и состояли из судей, назначаемых Министерством юстиции из своих сотрудников. Работодатель теперь назывался «лидером завода» (Betriebsfuhrer), а рабочие — его «дружиной» (Gefolgschaft). Заменив веймарскую систему выборных рабочих советов и имевшие обязательную силу трудовые договоры, новая система передавала всю власть в руки хозяев вместе с координаторами труда. На деле Суды чести оказались бесполезным нововведением. В 1934—1936 годах в них было рассмотрено только 516 дел, в основном касавшихся физического насилия в отношении учеников со стороны мастеров-ремесленников. Они выглядели честными и справедливыми на бумаге, однако на деле практически не оказывали никакого влияния¹⁰².

Эта новая система отношений в промышленности отражала важную победу работодателей, которых поддерживали Гитлер и нацистское руководство и которые отчаянно нуждались в сотрудничестве промышленности в проведении перевооружения. Пока новые координаторы труда с открытым презрением говорили об идее корпоративного государства, шансы Организации фабричных ячеек на распространение своих идей были перечеркнуты убийством Рейнгарда Мухова в ресторанной драке 12 сентября 1933 года. Это лишило радикальное крыло Трудового фронта движущей силы и открыло дорогу Лею, который стал намного опытнее в переплетениях трудовых отношений по сравнению с предыдущей весной, и смог вернуть себе лидерство. 1 ноября 1933 года Лей сказал рабочим на заводе «Сименс» в Берлине: «Мы все — солдаты труда, и некоторые командуют, а некоторые подчиняются. Мы снова должны научиться уважать подчинение и ответственность... Мы не можем встать на капитанский мостик все сразу, потому что тогда некому будет поднимать паруса и тянуть канаты. Нет, мы не можем все стать командирами и должны принять этот факт»¹⁰³.

Лей реорганизовал Трудовой фронт, избавившись от остатков профсоюзной культуры и взглядов и упразднив последние самостоятельные функции Организации фабричных ячеек, поддавшись давлению Министерства труда и новых законов о труде, требовавших отмены ее участия в переговорах по соглашениям о зарплате. Трудовой фронт был преобразован в том же ключе, что и партия — вертикальная организация заменила прошлое параллельное представительство рабочих, офисных служащих и других. Теперь он состоял из ряда центральных департаментов — пропаганды, юридического, образовательного, социального и т.д., приказы которых спускались в соответствующие отделы на региональном и местном уровнях. Старые чиновники Организации фабричных ячеек делали все, что было в их силах, чтобы саботировать работу новой системы, но после «Ночи длинных ножей» они были уволены скопом. За этими политическими маневрами лежало понимание Гитлера и других лидеров режима, что перевооружение, их главный экономический приоритет, можно было осуществить быстро и без проблем, только удерживая рабочих под контролем. Это подразумевало исключение на-

ибо более революционных элементов в Трудовом фронте наряду с подавлением любых идей о «второй революции», выдвигавшихся коричневыми рубашками и их руководителями. К осени 1934 года стало очевидно, что в битве за лидерство в трудовых отношениях работодатели взяли верх. Однако в результате этой борьбы они не смогли добиться того, к чему реально стремились. Организация и структура низовых уровней национал-социализма действительно имела много общего с тем видом управления и промышленных отношений, к которым стремились многие работодатели в 1920-х и начале 1930-х годов, но она также предполагала серьезный уровень вмешательства в трудовые отношения со стороны государства, Трудового фронта и партии в тех областях, где руководство традиционно желало единоличного контроля. Профсоюзы ушли в прошлое, но несмотря на это, работодатели больше не были хозяевами в своих домах¹⁰⁴.

Тем временем аппарат Германского трудового фронта быстро заработал репутацию, вероятно, самого коррумпированного из всех главных институтов Третьего рейха. За это большую ответственность нес сам Лей. Положение главы Трудового фронта сделало его очень обеспеченным человеком с зарплатой в 4000 рейхсмарок, к которым добавлялось 2000 рейхсмарок за пост начальника партийной организации, 700 рейхсмарок за работу депутатом рейхстага и 400 рейхсмарок за должность прусского государственного советника. Но это было только начало. Его книги и брошюры, которые рекомендовалось покупать служащим Трудового фронта оптом для распространения среди членов, приносили солидные отчисления, а доход от его газеты, 50 000 рейхсмарок в год, направлялся прямым в его карман. Лей свободно использовал на личные нужды значительные средства, конфискованные Трудовым фронтом у прежних профсоюзов, а в 1940 году он получил в дар от Гитлера один миллион рейхсмарок. Имея такие средства, он купил несколько огромных вилл в самых фешенебельных районах немецких городов. Текущие расходы, которые в его вилле в берлинском районе Грюневальд включали зарплату повара, двух нянь, горничной, садовника и экономки, покрывались Трудовым фронтом до 1938 года, и даже после этого он оплачивал все расходы Лея на развлечения. Он увлекался дорогими автомобилями и подарил два своей вто-

рой жене. У Лея также был железнодорожный вагон, переделанный для личного использования. Он коллекционировал картины и мебель для своих домов. В 1935 году он приобрел поместье рядом с Кёльном и немедленно приступил к его превращению в нацистскую утопию. Он сломал старые здания и нанял архитектора Клеменса Клотца, создателя Орденских замков, для строительства нового грандиозного дома, конфисковал прилегающие земли, чтобы увеличить площадь своего имения, осушил болота, приобрел новую технику и учредил программу обучения для помощников фермеров. Здесь Лей играл в неофеодального помещика, с вымуштрованным персоналом, стоящим по стойке смирно, приветствуя его по возвращении из Берлина, кроме того, он получил для фермы официальный статус наследного майоратного владения.

Уютно расположившись в таких роскошных резиденциях в окружении дорогих картин и мебели, Лей проводил свой досуг, увиваясь за женщинами и все больше злоупотребляя алкоголем, что часто приводило к неловким сценам на публике. Пьяные вечеринки, устраиваемые им со своей свитой, часто заканчивались драками. Однажды в Гейдельберге во время очередного дебоша был избит министр-президент Бадена. В 1937 году Лей был явно пьян, принимая герцога и герцогиню Виндзорских, а после того как он въехал вместе с ними в своем «Мерседесе» в закрытые ворота завода, Гитлер спешно заменил его на Германа Геринга, который оставался с ними до конца их визита. Два года спустя после череды событий Лей вступил в связь с молодой певицей-сопрано Инге Шпилькер и женился на ней в 1938 году сразу после развода со своей первой женой. Ослепленный ее красотой, он заказал картину с ней, обнаженной выше талии, которую с гордостью показывал посещавшим его высоким гостям, а по слухам, однажды он сорвал с нее одежду в присутствии гостей, чтобы показать, какое у нее прекрасное тело. Попадшая под такое давление и неспособная справиться с усиливавшимся алкоголизмом Лея, Инге сама стала прикладываться к бутылке, пристрастилась к наркотикам и застрелилась 29 декабря 1942 года после последней из яростных ссор с мужем. Гитлер неоднократно предупреждал лидера Трудового фронта о недопустимости такого поведения, однако тот никак на это не реагировал. Как

и во многих других случаях, нацистский лидер был готов прощать практически любые выходы своих подчиненных, пока те оставались верными ему¹⁰⁵.

Коррупция в Трудовом фронте совсем не заканчивалась на самом Лее, напротив, можно сказать, что он показывал пример своим подчиненным, как использовать организацию для личного обогащения. Огромное число деловых предприятий разного рода, которыми управлял Трудовой фронт, предлагало самые разнообразные возможности делать деньги на стороне. Строительные компании Трудового фронта под руководством высокопоставленного чиновника Антона Карла, имевшего судимости за воровство и хищение, выплатили больше 580 000 рейхсмарок в виде взяток только в 1936—1937 годах для подписания контрактов. Зепп Дитрих, командир «Лейбштандарта СС Адольф Гитлер», оценил подарки, которыми его осыпал Карл, включая золотой портсигар, охотничье оружие, шелковые рубашки и отпуск в Италии для его жены, и подписал со строительной фирмой Карла из Трудового фронта контракт на перестройку казарм своей части в Берлине. В ответ на благосклонность и нужные решения Карл использовал банк Трудового фронта для предоставления руководителям нацистов дешевых кредитов и даже покупал им дома по цене, гораздо ниже их рыночной стоимости. Адьютанты Гитлера Юлиус Шауб и Вильгельм Брюкнер, его фотограф Генрих Гоффман и все, кто мог напрямую обращаться к фюреру, часто получали взятки от Трудового фронта. Лей передал 20 000 рейхсмарок каждому из них в виде «рождественского подарка» только в 1935 году¹⁰⁶. Социал-демократические наблюдатели с ликованием отмечали огромное число случаев коррупции и хищения с участием официальных лиц Трудового фронта каждый год. Например, в 1935 году они отметили, что Алоис Венгер, чиновник Трудового фронта в Констанце, был обвинен в присвоении фондов, предназначенных для финансирования досуговых мероприятий для рабочих, и подделке квитанций для обмана аудиторов. Еще один чиновник, «старый боец» нацистской партии, растратил взносы коллег по Трудовому фронту и вымогательством получил 2000 рейхсмарок от своего работодателя для покрытия пропавших денег. Все их он потратил на выпивку. Что происходило со взносами членов Трудового фронта,

сообщал другой агент социал-демократов, можно было видеть у штаб-квартиры организации в Берлине: «До 1932 года перед старой Палатой профсоюзов было припарковано 2–3 частных автомобиля. Они принадлежали Рабочему банку или профсоюзам. Сегодня надо видеть, как они собираются там в ряд, от 50 до 60 машин каждый день. А иногда еще больше. Водители Трудового фронта получают незаполненные квитанции на бензин и могут заливать в баки столько, сколько захотят, что они часто и делают, потому что им не нужно за это отчитываться. Коррупция в Трудовом фронте видна повсюду, а общий уровень нравов соответственно крайне низок»¹⁰⁷.

Лей был далеко не единственным пользователем фондов Трудового фронта, его открытая и явная продажность была только верхушкой айсберга казнокрадства. Такие дела не вызывали большой любви к нему со стороны миллионов рабочих, которые вынуждены были поддерживать Трудовой фронт обязательными взносами из своих зарплат.

III

Нацистский режим прекрасно понимал, что упразднение профсоюзов и жесткая регламентация жизни и подчинение рабочих в коррумпированном и авторитарном Трудовом фронте может вызвать недовольство в рядах крупнейшего социального класса Германии, который до 1933 года обеспечивал мощную поддержку самым ярким врагам нацизма, коммунистам и социал-демократам. Поэтому вместе с постоянной пропагандой, трубившей о победах в «борьбе за труд», режим также стремился найти альтернативные способы примирить рабочий класс с Третьим рейхом. Основным из них была уникальная организация, известная под названием «Национал-социалистическое объединение “Сила через радость”», основанное как подразделение Германского трудового фронта 27 ноября 1933 года. «Сила через радость» организовывала досуг рабочих, не позволяя им заниматься этим самостоятельно, с целью использования свободного времени в интересах расового сообщества и примирения противоречивых сфер работы и досуга, завода и дома, конвейера и отдыха. Предполагалось, что рабочие будут набираться сил для

дальнейшей работы, испытывая радость во время отдыха. Помимо прочего «Сила через радость» должна была стать мостом между раздробленными социальными классами, предоставив развлечения среднего класса для широких масс. Материальные блага, заявил Роберт Лей в своей инаугурационной речи 27 ноября, не могли сделать немецкий народ счастливым, что было грубой ошибкой «марксистов» веймарских годов. Национал-социалисты собирались использовать духовные и культурные рычаги воздействия, чтобы добиться интеграции рабочих в национальное сообщество. Многие позаимствовав у итальянской фашистской организации «После работы» (*Dopolavoro*), но протянув свои щупальца и до рабочего места, «Сила через радость» быстро работала многочисленный набор мероприятий и выросла в одну из самых крупных организаций Третьего рейха. К 1939 году в ней работало более 7000 сотрудников на окладе и 135 000 добровольцев, организованных в подразделения, занимавшиеся спортом, образованием и туризмом с инспекторами на каждом заводе и в каждой мастерской, где работало больше двадцати человек¹⁰⁸.

«Сила через радость, — объявил Роберт Лей в июне 1938 года, — это самый простой образ, к которому можно свести национал-социализм для широких масс»¹⁰⁹. Она занималась внедрением идеологического контекста во все виды отдыха. И использовала для этого весьма серьезные ресурсы. К 1937 году «Сила через радость» получала от Трудового фронта субсидии в размере 29 миллионов рейхсмарок в год, при этом использование ею разнообразных развлекательных и культурных учреждений рабочего движения социал-демократов приносило дополнительные средства, в том числе доходы от туристических отелей и спортивных площадок. Благодаря этим ресурсам «Сила через радость» могла предложить различные развлекательные мероприятия с серьезными скидками, доступные для множества рабочих и их семей. В 1934–1935 годах более трех миллионов человек посещали спортивные секции и гимнастические вечера организации, и многие другие за очень небольшие деньги обучались игре в теннис, хождению под парусом и другим видам спорта, которые ранее были типичными развлечениями верхнего слоя среднего класса. В культурной сфере организация приобретала пакеты театральных абонементов, которые распространяла среди своих

членов за символическую плату, выкупая более половины всех мест в театрах Берлина к 1938 году. Она проводила концерты классической музыки на заводах, создав для этого несколько разъездных оркестров, строила театры, создавала гастролирующие актерские труппы и проводила выставки. В 1938 году более 2,5 миллиона человек посетили ее концерты и больше 13,5 миллиона — «народные представления». Больше 6,5 миллиона человек побывали на операх и опереттах и почти 7,5 миллиона — на театральных спектаклях. 1,5 миллиона человек посетили различные выставки и более 2,5 миллиона участвовали в «гуляньях», проводившихся на автострадах рейха. Членство в организации предоставлялось автоматически всем членам Трудового фронта, поэтому к 1936 году в нее входило 35 миллионов человек. Она вела активную рекламу внутри страны и за рубежом, завоевав сердца множества восторженных поклонников в Британии, США и других странах, которые восхищались ее энергией в распространении культуры в массы¹¹⁰.

Самым удивительным начинанием «Силы через радость», безусловно, была организация массового туризма для рабочих. «Для многих, — отмечалось в феврале 1938 года, — “Сила через радость” является лишь организацией путешественников»¹¹¹. Уже в 1934 году около 400 000 человек побывали в организованных туристических поездках, проведенных «Силой через радость» в Германии. К 1937 году эта цифра выросла до 1,7 миллиона человек, кроме того, примерно 7 миллионов человек приняли участие в экскурсиях выходного дня и 1,6 миллиона — в организованных пешеходных прогулках. Хотя эти цифры несколько упали в 1938—1939 годах, нет никаких сомнений в успехе данных мероприятий. Групповые заказы позволяли организовывать туры с очень большими скидками, например до 75% в случае железнодорожных билетов и 50% при бронировании отелей и койкомест с завтраком. Это оказывало серьезный эффект на экономику туристических регионов — уже в 1934 году, например, «Сила через радость» привезла в южную Баварию 175 000 туристов, которые потратили в общей сложности пять с половиной миллионов рейхсмарок на свои отпуска. Самым удивительным были иностранные вояжи, проводившиеся организацией, будь то железнодорожные поездки в места вроде дружественной фа-

шистской Италии или круизы на Мадейру, в которой правил благосклонно настроенный к немцам диктатор доктор Салазар. Только в 1939 году в рамках таких организованных поездок 175 000 человек посетили Италию, и большое число побывало в круизах. К 1939 году организация владела восемью круизными лайнерами (два из которых были специально для этого построенные) и арендовала еще четыре практически на постоянной основе для доставки своих членов в такие экзотические места, как Ливия (итальянская колония), Финляндия, Болгария и Стамбул, с целью отметить солидарность Германии с фактическими или потенциальными союзниками и обозначить границы будущей европейской империи под господством Германии. В этом году в таких круизах побывало 140 000 отдыхающих. Когда бы они ни обращались, представители местных немецких консульств всегда были готовы приветствовать их и организовывать поездки и экскурсии, а дружественные правительства часто организовывали щедрые приемы для туристов¹¹².

Круизы «Силы через радость» были тщательно организованы, чтобы объединить развлечение с идеологической подготовкой. Их целью было представить новую Германию остальному миру или по крайней мере некоторым дружественным странам. В традиционных пассажирских лайнерах каюты и другие помещения делились по классам в соответствии с платежной способностью, но «Сила через радость» с презрением относилась к таким пережиткам прошлого и праздновала единство немецкого расового сообщества, спуская со стапелей новые корабли одного класса и переоборудуя другие в такие же модели. На борту пассажирам напоминали, что они были там не для развлечения и не для похвалы, как прежние буржуазные пассажиры круизных лайнеров, но для участия в серьезном культурном предприятии. Их призывали одеваться скромно, не злоупотреблять алкоголем, избегать романов и беспрекословно подчиняться приказам руководителей поездок. Новый лайнер «Роберт Лей» имел на своем борту спортивный зал, театр и плавательный бассейн, предоставляя отдыхающим возможность постоянно заниматься физическими упражнениями и участвовать в серьезных культурных мероприятиях. В туристических брошюрах рекламировались достижения круизов и сухопутных туров в объединении немцев разных клас-

сов и регионов происхождения в общем деле, посвященном построению гармоничного расового сообщества Третьего рейха. Участники должны были посещать зарубежные страны в первую очередь с целью больше узнавать о мире и напоминать себе о превосходстве немцев над другими расами. Внутри Германии главной целью путешествий было способствовать объединению нации за счет знакомства людей с другими областями их родины, где они раньше никогда не бывали, особенно если, как в некоторых удаленных сельских регионах, их можно было представить центрами древних немецких народных традиций¹¹³.

Вместе с тем, как это довольно часто было в нацистской Германии, реальность не слишком соответствовала пропагандистским заявлениям. Туристы «Силы через радость» часто проживали в весьма плохих условиях, в том числе в старых общежитиях без возможности уединения либо без должных санитарных условий. Концерты классической музыки были не всегда по нраву рабочим, особенно если им приходилось за них платить. Один концерт, проводимый для организации в Лейпциге, пришлось отменить, когда из 1000 билетов было продано только 130¹¹⁴. Некоторые театры, например «Западный театр» в Берлине, ставили в программу дешевые оперетты специально для «Силы через радость», тогда как в ведущие театры продолжали ходить в основном средние классы. Даже когда организация покупала целые блоки мест на определенные представления и предлагала их для своих членов со скидкой, они обычно разбивались театрами из среднего класса¹¹⁵. Представление о бесклассовом обществе быстро развеивалось, когда шумные туристические группы «Силы через радость» приезжали в тихие сельские курорты. Совсем не способствуя развитию чувства национальной солидарности, групповые туры в самой Германии вызывали серьезные возражения со стороны местных туристических организаций, отелей и курортов, которых не устраивало то, что их цены серьезно сбивались при льготных оптовых закупках для новой организации. Прежние обеспеченные туристы ужасались тому, что их любимые места отдыха заполнили орды из более низких социальных классов, чье вызывающее поведение часто приводило к жалобам со стороны владельцев отелей и гостиниц, а также частных турфирм¹¹⁶.

Организацию это не смущало, и она начала строительство собственного образцового курорта на балтийском острове Рюген в Проре. Строительство началось под руководством Альберта Шпеера 3 мая 1936 года и должно было завершиться в 1940 году. Курорт занимал восемь километров побережья Балтийского моря, он состоял из шестиэтажных корпусов, столовых и располагался вокруг огромного общего здания, которое могло вместить все 20 000 отдыхающих на время проведения коллективных демонстраций энтузиазма по отношению к режиму и его деятельности. Он был специально спроектирован для семей, чтобы восполнить недостаток туристических зданий для них в других предприятиях «Силы через радость», и должен был быть достаточно дешевым, чтобы посещать его могли даже простые рабочие по цене не более 20 рейхсмарок за недельное пребывание. Курорт был оборудован самыми современными техническими средствами, включая центральное отопление комнат с холодной и горячей водой, подогреваемый плавательный бассейн, кинотеатр, площадки для игры в кегли, пристань для круизных лайнеров, большую железнодорожную станцию и многое другое. Спроектированный Клеменсом Клотцем, архитектором Орденского замка в Фогельзанге, он представлял собой псевдоклассический нацистский модернизм во всем его великолепии. Как и все остальное в «Силе через радость», он демонстрировал гигантоманию, коллективизм и растворение индивидуума в массе. В отличие от современных лагерей отдыха в Британии, организованных предпринимателем Билли Бутлином, которые предлагали гостям отдельные коттеджи и освобождали их от назойливого вмешательства в личную жизнь таких одиозных фигур, как «блэкпулские домохозяйки» (ставшее нарицательным именование жительниц Блэкпула, сдававших комнаты в аренду отдыхающим и известных своей бесцеремонностью), большие гостиничные корпуса в Проре состояли из маленьких комнат вдоль бесконечных безликих коридоров, а жизнь отдыхающих вне номера строго контролировалась, вплоть до ограничений на площадь, которую каждая семья могла занимать на пляже. В самый разгар строительства на курорте работало почти столько же строительных рабочих, сколько и на постройке автодорог, однако он так и не был открыт: начало войны привело к немедленной при-

остановке работ, хотя некоторые здания позже были срочно завершены для размещения эвакуированных людей из разбомбленных городов. Серьезно разграбленный местными жителями и оккупационными русскими войсками после войны, курорт впоследствии использовался в качестве казарм и тренировочного центра в коммунистической Восточной Германии и сегодня лежит в руинах¹¹⁷.

IV

Таким образом, «Сила через радость» так и не смогла преодолеть трудности, которые должен был разрешить курорт в Проре. Однако у нее были провалы посерьезней этого. Потому что люди, путешествовавшие от организации, упрямо отказывались делать это на тех условиях, которые предполагал режим. Обеспокоенная возможным влиянием бывших социал-демократов, участвовавших в турах, и запрещенными контактами между рабочими из сферы вооружений и иностранными агентами, организация договорилась с гестапо и службой безопасности СС о том, чтобы они отправляли тайных агентов под маской туристов с целью шпионить за отдыхающими. Картина, составленная по отчетам таких агентов практически сразу после начала их работы в марте 1936 года, оказалась не слишком радостной. Вместо преодоления социального разделения в интересах расового сообщества туры «Силы через радость» часто выявляли социальные различия, которые в противном случае могли оставаться скрытыми. Поскольку доходы от таких туров были крайне низки, владельцы отелей и ресторанов часто подавали некачественную еду и напитки групповым путешественникам, которые негодовали из-за этого, поскольку путешествующие самостоятельно туристы за соседним столиком получали что-то, гораздо лучшее. Театральные билеты, продававшиеся организации, часто оказывались самыми плохими в зале, а классовое негодование только усиливалось из-за того, что таким посетителям приходилось с галерки наблюдать за буржуазией в мехах, сидящей в партере. В круизах, где никакие усилия по переоборудованию внутренней структуры кораблей не могли полностью устранить различия в классе между каютами на верхних палубах и теми,

которые находились в трюме, партийные чиновники, госслужащие и другие всегда получали лучшие места. Такие люди на самом деле получали львиную долю мест в самых лучших круизах, из-за этого путешествие на Мадейру в народе стали называть «туром бонз» (Bonzenfahrt). Анализ списков пассажиров на круизных лайнерах «Силы через радость» показал, что ее штатные сотрудники составляли самую многочисленную группу отдыхающих, так же как и в традиционном туризме. Только 10% из тысячи пассажиров на круизе в Норвегию в 1935 году были из рабочих, а остальные были партийными чиновниками, которые выпили все запасы алкоголя на корабле задолго до того, как он вернулся в порт приписки. «Они обжирались в ресторане и заливались алкоголем как свиньи», — жаловался один из членов экипажа. Среди рабочих преобладали незамужние женщины и молодые неженатые мужчины, другими словами, подавляющее большинство составляли рабочие, имевшие зарплату и свободные средства, а не семейные мужчины и матери. Большинство рабочих в путешествии были квалифицированными и с весьма неплохой зарплатой. Менее обеспеченные обычно получали серьезные субсидии от своих работодателей. Цена таких туров все равно оставалась вне возможностей большинства наемных рабочих, которые могли повысить свои доходы, только работая еще больше, сокращая, таким образом, возможности ездить на отдых. Во многих случаях они не могли позволить себе дополнительные расходы, неизбежно связанные с путешествиями, например на выходную одежду¹¹⁸.

В круизах и других путешествиях, пока партийные чиновники и пассажиры среднего класса щедро тратили деньги на подарки, сувениры, дорогую еду и развлечения на берегу, рабочие не могли позволить себе даже самые малые дополнения к базовому комплекту услуг, включенных в сам тур. Со стороны отдыхающих из рабочего класса поступало множество жалоб на возмутительное поведение буржуазных туристов и незначительное социальное смещение в большинстве поездок. Классовый антагонизм дополнялся региональной враждой, так, в одном круизе в Италию разногласия между жителями Рейнской области и Силезии достигли такого уровня, что две эти группы отказывались оставаться друг с другом в одном помещении. В одной из следующих

поездок в Италию на том же корабле группа вестфальцев оскорбила соседей из Силезии, назвав их «поляками», и только вмешательство команды позволило не допустить перерастания ссоры в драку¹¹⁹. Более того, поведение многих отдыхающих в поездках часто явно не соответствовало стандартам, установленным организаторами. Как и любые другие туристы, большинство из них на самом деле хотели расслабиться. Вместо того чтобы ограничивать себя и вести с соответствии с принципами расового сообщества, они искали удовольствий для себя. Агенты гестапо сообщали о массовых пьянках и разгульном поведении. Говорили, что на некоторых кораблях спасательные лодки каждую ночь занимали любвеобильные парочки. Особенно бесстыдно, жаловалось гестапо, вели себя молодые незамужние женщины, число которых в круизах было весьма велико. Один агент предположил, что они выезжали в такие поездки исключительно «в эротических целях». Флирты, интрижки и романы с мужчинами на борту или, что намного хуже, со смуглыми молодыми итальянцами, греками или арабами на берегу вызывали частые критические комментарии от шпионов гестапо. Пассажиры в целом демонстрировали удручающее отсутствие интереса к политическим лекциям и собраниям. Хуже всех были партийные функционеры, пьянство и разгульное поведение которых стало притчей во языцех. Например, в одном из круизов, организованных для региональных партийных лидеров, гестапо обнаружило в списке пассажиров двух известных проституток. Вполне предсказуемо, самый плохой пример показывал сам Роберт Лей, который часто ездил в туры «Силы через радость», где большую часть времени находился в состоянии такого сильного опьянения, что капитану приходилось выписывать для него двух матросов, которые поддерживали его с двух сторон при выходе на палубу, чтобы тот не выпал за борт. Высокие чины из «Силы через радость» организовали для него эскорт из группы белокурых голубоглазых красоток, которые обеспечивали ему «компанию» на протяжении вояжей¹²⁰. Неудивительно, что в народе «Силу через радость» вскоре прозвали «борделем для бонз» (Bonzenbordell)¹²¹.

Несмотря на то что организация в целом не смогла достигнуть своих идеологических целей, она все равно оставалась одной из самых популярных культурных инноваций режима.

Предлагая отдых и другие мероприятия, которые в противном случае оставались бы за пределами возможностей многих членов, «Сила через радость» имела большую поддержку у рабочих¹²². Многое из того, что она предлагала, было в новинку для целевой аудитории. Например, в начале 1934 года был проведен опрос 42 000 рабочих на заводе «Сименс» в Берлине, который показал, что 28 500 из них никогда не были на отдыхе за пределами Берлина и его окрестностей — они с радостью хватались за возможности, предоставляемые «Силой через радость». «Раз уж мы получаем это так задешево, то иногда вполне можно повытаскивать руку в салюте!» — сказал один из них агенту социал-демократов в 1934 году¹²³. Мнение о том, что «нацисты создали что-то по-настоящему хорошее», было весьма распространенным среди людей, отмечалось в другом таком отчете¹²⁴. Другой агент сообщал в феврале 1938 года из Берлина: «"Сила через радость" имеет огромную популярность. Ее программы позволяют удовлетворить страстное желание простого человека однажды выбраться из своего окружения и принять участие в удовольствиях «больших» людей. Это хитрая игра, основанная на мелочных буржуазных страстях политически несознательных рабочих. Для таких людей действительно по-настоящему большим событием становится круиз в Скандинавию или просто поездка в Шварцвальд или в Харц. Они воображают, что это позволяет им подняться по социальной лестнице на уровень выше»¹²⁵.

Участие в программах «Силы через радость» было так распространено, что оно породило популярную шутку о том, что люди теряли свою силу из-за чересчур большой радости¹²⁶. Некоторые отчаявшиеся социал-демократические комментаторы заключали, что программа в конечном счете имела важную функцию в примирении людей, особенно ранее оппозиционных элементов, с режимом. «Рабочие, — отмечал один из них в 1939 году, — ясно ощущают, что "Сила через радость" пытается пустить им пыль в глаза, но все равно принимают участие в ее деятельности, таким образом, ее пропагандистские цели в конечном счете достигаются»¹²⁷.

«Сила через радость» действительно имела большой символический эффект, который простирался далеко за пределы ее реальных программ. Ее путешествия и круизы вспоминались рабочими больше всего по сравнению с остальными делами мирных лет

Третьего рейха¹²⁸. Даже те, кто никогда не был на организованных ею массовых турах, или, как мрачно признавали бывшие социал-демократы, особенно такие люди, восхищались ее предприимчивостью и инициативой и стремлением предложить простым людям удовольствия, прежде для них недоступные¹²⁹. Один социал-демократический наблюдатель подытожил ее цели и результаты в декабре 1935 года: «Атомизация и потеря индивидуальности, трудотерапия и надзор за людьми. Не должно остаться места для индивидуального досуга, физической активности и культурных мероприятий, не должно остаться места для добровольных собраний и любых самостоятельных действий, которые бы из них проистекали. И вместе с этим массам необходимо что-то «предложить»... Как минимум «Сила через радость» отвлекает людей, вносит свою лепту в одурманивание их мозгов и выполняет свою пропагандистскую задачу от имени режима»¹³⁰.

Люди, участвовавшие в программах «Силы через радость», возможно, с неохотой принимали идеологический посыл, но в то же время такие мероприятия отвлекали их еще дальше от традиций самообразования и самосовершенствования социал-демократической и коммунистической массовой культуры. Это, без сомнения, было одной из причин, почему некоторые из социал-демократических наблюдателей смотрели на них сверху вниз («Сила через радость», — фыркнул один из них в 1935 году, — не имеет никакой культурной базы. Ее мероприятия остаются на уровне деревенских пивных ярмарок в крестьянских постоянных дворах»)¹³¹. Однако в то же время организация продолжала свою работу и в конечном счете добилась окончательного разрушения культурных традиций рабочего движения из-за расширявшейся коммерциализации досуга. Развитые культурные системы социал-демократов и коммунистов, создававшиеся с XIX века, выполняли серьезные просветительские функции и были связаны с различными базовыми ценностями рабочего движения. Нацисты не только дискредитировали их, но и изменили в более популистском направлении, связанным с появлением популярной неполитической культуры при Веймарской республике. Частичным следствием этого стало то, что в своем повторном рождении после 1945 года культура рабочего класса оказалась намного менее идеологизированной, чем раньше¹³².

Однако эти результаты необходимо оценивать относительно общей ситуации. Большинство людей, посещавших театры и концерты, продолжали делать это в частном порядке. «Сила через радость» привлекала большое внимание, но никогда не бронировала больше 11% всех мест в немецких отелях в год¹³³. Ежегодный оборот крупнейшего коммерческого туристического агентства «Центральной европейской туристической компании» составлял 250 миллионов рейхсмарок в 1938 году по сравнению с 90 миллионами оборота туристического департамента «Силы через радость»¹³⁴. Более того, после начала войны «Сила через радость» значительно сократила масштабы своей деятельности, ее круизные корабли были превращены в военные транспорты, отели — в госпитали, а курорты — в пансионаты для выздоравливающих, тогда как коммерческий туризм, несмотря на некоторые неодобрительные замечания властей, продолжал процветать. Однако с самого начала режим стремился преобразовать его в своих целях, поощряя людей путешествовать внутри Германии, а не за границей (по патриотическим и экономическим причинам), и стремясь направлять туристов в те страны, где их присутствие в качестве послов новой Германии оказалось бы наиболее полезным. Появились новые туристические места, начиная с огромных зданий вроде Имперской канцелярии и заканчивая местами поклонения и памяти погибших нацистов. Путеводители были переписаны в соответствии с идеологическими постулатами режима, с одной стороны упирая на непрерывную связь с отдаленным германским прошлым, а с другой — где только можно упоминая о связи Гитлера и других нацистских руководителей с туристическими местами. Руководство Третьего рейха знало о трениях, возникших между растущей индустрией коммерческого туризма и организованным туризмом «Силы через радость», но вместо того чтобы приструнить первый в интересах последнего, министр пропаганды Йозеф Геббельс и босс туристической отрасли Готфрид Федер поняли, что людям необходимо было избавляться от стресса и напряжения повседневной работы, даже если они делали это вне политического окружения. В нацистской Германии начало зарождаться общество потребления, и несмотря на приоритет перевооружения в своей экономической политике, режим не только был не способен, но и не желал его останавливать¹³⁵.

Требования потребителей, возможно, были одной из причин провала деятельности департамента «Силы через радость» под названием «Красота труда». Основной его задачей также была компенсация низких зарплат и длинного рабочего дня, но он предполагал реализовывать ее не через предоставление возможностей отдыха, а через улучшения на рабочих местах. «Красота труда» вела активные кампании по организации мест для мытья и туалетов, раздевалок и личных шкафчиков, душевых кабин и призывала к повышению уровня гигиены и чистоты на заводах, старалась улучшить проветривание, снизить шум, предоставлять спецодежду, призывала к аккуратности и порядку. Здоровые рабочие на чистом рабочем месте должны были работать лучше и получать большее удовольствие от своей деятельности, и чтобы подчеркнуть эту мысль, «Красота труда» организовывала концерты и схожие мероприятия прямо на производственных площадках, поддерживала строительство спортивных и развлекательных сооружений на территориях заводов и давила на работодателей с целью организации приличного питания для рабочих и уборки строительного мусора из рабочих помещений. В 1938 году она заявляла, что примерно 34 000 компаний добились больших успехов в этом направлении, проведя косметический ремонт и украсив свои мастерские, построив зоны отдыха и улучшив санитарные условия. Такие действия работодателей поддерживались налоговыми льготами, а «Красота труда» также проводила соревнования и учреждала призы самым успешным фирмам, награждая победителей сертификатами «образцовых компаний» с подписью Гитлера. Преимущества для работодателей и государства в плане ожидаемого повышения производительности были очевидны. Однако все эти улучшения достигались за счет самих рабочих, поскольку многие компании заставляли своих же сотрудников делать ремонт, уборку и заниматься строительством во вне рабочее время и бесплатно, урезали зарплату для покрытия расходов, а тем, кто отказывался принимать в этом «добровольное» участие, угрожали увольнением и даже отправкой в концентрационный лагерь¹³⁶.

Рабочие не купились на напыщенную риторику властей, особенно если они находились под влиянием коммунистических или социал-демократических идей до 1933 года, каких были мил-

лионы. И если, несмотря на все это, «Сила через радость» в целом пользовалась популярностью, то это было не из-за предлагаемой цели мотивировать людей работать еще усердней, но потому, что она давала им возможность сбежать от скуки и напряжения повседневной рабочей жизни. Люди участвовали в ее развлекательных и туристических мероприятиях, поскольку для подавляющего большинства из них все остальное было недоступно. Многие считали, что раз уж они все равно платили обязательные взносы в Трудовой фронт, то могли с полным правом ожидать что-то взамен. Со временем сдались даже бывшие социал-демократы, которые прежде не желали принимать никакие предложения от ненавистного Трудового фронта¹³⁷. Как сообщалось в одном из социал-демократических отчетов в 1935 году, «мероприятия «Силы через радость» реально предлагают дешевую возможность получить незамысловатый отдых. Старые друзья встречаются друг с другом в простой обстановке и за кружкой пива могут говорить о вещах, прямо противоположных тем, о которых твердят организаторы»¹³⁸. Не только старые социал-демократы понимали уравновешивающую функцию таких мероприятий. В меморандуме, ходившем в Имперском министерстве труда в 1936 году, трезво говорилось: «Туристические поездки, спектакли и концерты не заставят исчезнуть погрязшие в нищете трущобы и не наполнят голодные рты». «Развлекательный круиз на роскошном пароходе, — подвел итог один чиновник Трудового фронта в 1940 году, — на самом деле не принесет расслабления, если туристу в конечном счете придется возвращаться к материальным трудностям его повседневного существования»¹³⁹.

Социальные обещания и реальность

I

Представление о том, что «Сила через радость» и связанные с ней программы были подменой реальных экономических улучшений, было широко распространено, и оно имело серьезные основания. Большинство статистических исследований сходятся в том, что экономическая ситуация для большинства наемных

рабочих не улучшилась сколько-нибудь значительно в период между 1933 и 1939 годами. Штатная часовая ставка в 1933 году составляла 97% от ее размера в 1932 году, она не восстановилась и к 1939 году, увеличившись только на один процент — до 98%¹⁴⁰. Немецкий институт деловых исследований, стремясь опровергнуть утверждение о том, что стандарты жизни фактически опустились вниз, вместе с тем 24 февраля 1937 года признал, что перевооружение повлекло за собой «огромные экономические жертвы для немецкого народа»¹⁴¹. Расчет реальных зарплат всегда был запутанным делом, а в Третьем рейхе это выражалось гораздо сильнее, чем в большинстве других стран. Уполномоченный по ценообразованию Гёрделер относился к задаче поддержания низких потребительских цен очень серьезно, но даже Имперское министерство экономики в 1935 году допускало, что официальная статистика недооценивала взлет цен, не говоря уже о стоимости аренды жилья и других факторах. Недавние исследования показали, что средние фактические зарплаты в промышленности были ниже уровня 1928 года (по общему признанию, особенно удачного года для немецкой экономики) вплоть до 1937 года, повысившись до 108% в 1939 году. Однако на деле это означало, что многие рабочие, занятые в легкой промышленности, продолжали получать меньше, чем до Депрессии. Только в отраслях, связанных с производством вооружений, люди зарабатывали значительно большие деньги¹⁴². Более того, в уравнение также необходимо включить дефицит на различные товары и падающее качество многих продуктов из-за растущего использования заменителей основных исходных материалов, таких как кожа, резина и хлопок. В середине 1930-х годов потребление многих основных продуктов питания на душу населения фактически упало. Кроме того, повышение зарплат в первую очередь достигалось увеличением продолжительности рабочего дня. В июле 1934 года координаторы труда получили право увеличивать рабочее время свыше установленного законом периода в восемь часов в день, особенно в военных отраслях, которым они активно пользовались. Например, в производстве станков среднее рабочее время в неделю, упав во время Депрессии с 49 в 1929 году до 43 часов в 1933 году, выросло до 50 часов в первой половине 1939 года¹⁴³. Несмотря на это, уровень зар-

плат в виде процента от национального дохода в период с 1932 по 1938 год упал на 11%. Неравенство фактически усилилось в период с 1928 года, когда 10% самых высокооплачиваемых сотрудников зарабатывали 37% всего национального дохода, по 1936 год, когда они стали получать 39%¹⁴⁴. Бесчисленные вычеты из зарплатных фондов в организации типа «Силы через радость», Трудового фронта и других, не говоря о бесконечных поборах на улицах, сокращали доходы еще больше, в некоторых случаях почти на 30%. В таких обстоятельствах неудивительно, что в 1937–1938 годах рабочие были вынуждены трудиться сверхурочно, чтобы просто поддерживать свое существование хотя на самом скромном уровне¹⁴⁵.

Сверхурочное время, которое обычно оплачивалось с коэффициентом 1,4, было единственным реальным способом увеличить доход для большинства рабочих, поскольку упразднение профсоюзов лишило их роли в официальном процессе определения зарплат. Работать сверхурочно или нет, решал каждый отдельный сотрудник. Результатом этого стало быстрое раздробление рабочих, поскольку каждый боролся со своими товарищами за увеличение зарплаты и повышение производительности. К повышению производительности вела не рационализация, а простая дополнительная работа: великим периодом рационализации и механизации была середина 1920-х годов. Эти тенденции продолжились во многих отраслях и в Третьем рейхе, но намного медленней¹⁴⁶. И конечно, переработки, которые в легкой промышленности воспринимались государством и его агентствами с недовольством, исключительно приветствовались в военно-промышленном комплексе. Не в последнюю очередь это было связано с лихорадочной гонкой перевооружения, которая вела не только к проблемам с поставкой сырья, но и ко все более серьезной нехватке квалифицированных рабочих. В первые годы Третьего рейха правительство стремилось направить рабочие руки в сельское хозяйство, где такая нехватка была очевидной, особенно через службу труда и трудовые лагеря того или иного рода. Законы, принятые 15 мая 1934 года и 26 февраля 1935 года, требовали от рабочих иметь рабочие книжки со сведениями об их обучении, квалификации и занятости, которые хранились на биржах труда, чтобы к ним можно было обращаться, когда пра-

вительству требовались рабочие на новые места. Если рабочий хотел отправиться за границу на выходные, он должен был получить разрешение с биржи труда. Работодатели могли оставлять в книжках критические замечания, что затрудняло сотрудникам получение работы в будущем. По мере ускорения гонки перевооружения правительство начало использовать рабочие книжки для направления рабочих рук в военные отрасли. 22 июня 1938 года Геринг издал Закон об обязательной службе, разрешавший президенту Имперского института биржи труда и страхования по безработице призывать рабочих на временной основе для участия в отдельных проектах, на которых не хватало людей. В феврале 1939 года эти полномочия были расширены и стали позволять призыв на неограниченный срок. Вскоре более миллиона рабочих было призвано на военные заводы, строительство оборонительных сооружений, таких как, например, Западная стена, более известная под названием «Линия Зигфрида», представлявшая собой обширную систему укреплений для защиты западных границ Германии, и в другие проекты, считавшиеся необходимыми для грядущей войны. Только 300 000 из них были призваны на долгосрочной основе, но один миллион все равно составлял серьезную часть рабочей силы страны, которая к тому моменту насчитывала 23 миллиона рабочих¹⁴⁷.

Такие меры не только лишали рабочих возможности менять работу, переходить на более высокооплачиваемые места или переезжать в другие регионы. Они часто помещали людей в условия, в которых те не могли нормально существовать. Например, в феврале 1939 года социал-демократические наблюдатели отмечали, что среди рабочих, силой снятых с их мест в Саксонии для работы над укреплениями рядом с Триером на другой стороне Германии, был 59-летний бухгалтер, который никогда в руках не держал кирки или лопаты, и другие совершенно неподходящие люди. Принудительный труд использовался в качестве наказания. «Любой, кто позволит себе неосторожное слово, отправляется туда, а нехватка рабочих рук означает, что он не будет арестован». Рабочие на текстильных производствах подвергались обязательному медицинскому осмотру для определения, подходят ли они для физического труда на укреплениях. Говорили, что люди, отказывавшиеся ехать, брались под арест и до-

ставлялись на новое место под тюремной охраной, где их назначали на самые изнурительные работы. Направляясь в Берлин на поезде, один наблюдатель был удивлен, когда: «В Дуйсбурге в поезд забралась группа примерно из 80 человек. Они громко переговаривались, были бедно одеты, некоторые были прямо в рабочей одежде, а весь багаж в основном состоял из бедняцкого саквояжа времен Третьего рейха — коробки из-под стирального порошка. В моем купе сел руководитель поездки вместе с несколькими женщинами и девушками. Вскоре стало понятно, что это бывшие рабочие ткацких фабрик из-под Крефельда и Рейдта, которых переселяли в Бранденбург. Мужчины должны были работать на строительстве дорог, а женщины — на новой фабрике. Люди заходили в наше купе один за другим, чтобы получить свои 2 рейхсмарки за поездку от руководителя. Вскоре некоторые из них были уже пьяными, они потратили свои деньги в вагоне-ресторане на пиво»¹⁴⁸.

Журналисту объяснили, что такие группы перевозили на поездах в новые места каждую неделю. Женатые мужчины имели право посещать свои семьи четыре раза в год.

Даже это не разрешило проблем, которые усиливались еще больше нескончаемыми потребностями вооруженных сил в новых рекрутах. В апреле 1939 года биржа труда в Ганновере сообщала о нехватке 100 000 рабочих для самых разных проектов, примерно половина из них относилась к строительству. Постройка Западной стены забирала из отрасли огромное число людей. В августе 1939 года в Берлине было около 25 000 вакансий в металлообрабатывающей промышленности. Вскоре после этого управление военно-воздушных сил выразило недовольство тем, что ему не хватает 2600 инженеров в области самолетостроения. Администраторы труда в правительстве были в таком отчаянии, что даже предлагали освободить 8000 государственных преступников, которые оказались квалифицированными металлургическими рабочими, однако поскольку большинство из них находилось в тюрьме по политическим причинам, это предложение было отвергнуто. Все это давало рабочим в ключевых отраслях новые возможности торговаться. 6 октября 1936 года министерства экономики и труда в письме, направленном непосредственно Гитлеру, отмечали, что нехватка рабочих рук вела к просрочкам в

исполнении контрактов и задержке всей программы перевооружения. Работодатели брали дела в свои руки и переманивали рабочих у своих конкурентов, предлагая более высокую зарплату, повышая, таким образом, цену производимых ими товаров. На некоторых заводах рабочие трудились по 14 часов в день или по 60 часов в неделю¹⁴⁹. В конце 1930-х годов рабочие компании «Даймлер-Бенц» в среднем работали 54 часа в неделю по сравнению с 48 часами в последние годы перед Депрессией¹⁵⁰. В некоторых случаях Трудовой фронт, обеспокоенный мирным расположением рабочих, вел более гибкую политику в отношении увеличения зарплат, чем того желало правительство, что привело к публикации 1 октября 1937 года крайне жесткой директивы Рудольфа Гесса от имени фюрера с призывом ко всем партийным институтам не идти на популистские меры, соглашаясь с требованиями по зарплате. Он обещал, что со временем дела станут лучше, но на данный момент все еще необходимо было идти на жертвы¹⁵¹.

25 июня 1938 года Геринг разрешил Координаторам труда зафиксировать максимальные зарплаты в попытке удержать цены под контролем. Экономические последствия перевооружения для рынка труда были против него. К этому времени рабочие заводов стали использовать даже остановки работы — фактически неофициальные забастовки — для повышения зарплат. Принудительное введение продленного рабочего дня вело к тому, что рабочие работали медленнее или прикидывались больными, причем эти явления принимали такие масштабы, что некоторые чиновники начали даже говорить о «пассивном сопротивлении» на рабочих местах. Рабочие, призванные на такие проекты, как Западная стена, оказывались перед угрозой тюремного заключения, если они покидали свое место без разрешения. Например, в начале 1939 года сообщалось, что один такой рабочий, Генрих Бонсак, был приговорен к трем месяцам тюрьмы за то, что дважды покинул строительство «Западного вала» без разрешения, чтобы повидаться с семьей в Ванне-Эйкеле. То, что рабочие бежали с «Западного вала», было неудивительно: строительство велось круглосуточно, сменами по 12 часов. Жилищные условия были ужасными, оплата низкой, меры безопасности отсутствовали, несчастные случаи были часты, а если строительст-

во отставало от графика, рабочих заставляли работать по две, а то и три смены, чтобы его нагнать, с перерывами только каждые двенадцать часов. Другой рабочий, токарь, получил отказ от работодателя в Кёльне оставить свою работу ради другой, более высокооплачиваемой, в другом месте, а когда он заболел и не вышел на работу, врач компании заставил его вернуться на рабочее место. Когда вскоре его станок оказался поврежден, его арестовали и приговорили к шести месяцам тюрьмы за саботаж — обвинение, весьма часто использовавшееся властями в то время. Призыв на работы вдали от дома привел к стольким происшествиям, что в ноябре 1939 года Гитлер издал приказ о том, чтобы по возможности рабочие направлялись на проекты или на заводы в районе их проживания, однако на деле эта мера не имела особого эффекта¹⁵².

Похожим образом режим все чаще стремился реализовывать свою политику за счет террора. Любимым приемом работодателей были угрозы в адрес нарушителей спокойствия об увольнении и немедленном переводе на строительство «Западного вала». Это не имело особого успеха. Потеряв терпение, некоторые предприниматели начали обращаться в гестапо с просьбой внедрить своих агентов в среду рабочих для отслеживания случаев тунеядства и отлынивания от работ. Начиная со второй половины 1938 года трудовое законодательство стало пополняться все более жесткими санкциями за такие нарушения, как отказ от работы и даже курение и распитие алкогольных напитков на рабочем месте, однако эти меры были довольно малоэффективными, а суды оказались переполненными такими делами, которые требовали слишком много времени на рассмотрение. В августе 1939 года администрация Трудового фронта на заводе «И.Г. Фарбен» в Вольфене оповестила всех рабочих о том, что в будущем все халтурщики будут передаваться в гестапо без суда. Уже в апреле четыре компании в Нюрнберге обратились в гестапо с просьбой заняться выявлением сотрудников, саботирующих работу. На железнодорожном машиностроительном заводе в Дрездене гестапо два раза в неделю даже проводило обыски у рабочих без объяснения причин. Заводы, занимавшиеся производством оружия и боеприпасов, часто волновались из-за возможного шпионажа и диверсий. И первыми кандидатами на арест были быв-

шие коммунисты и социал-демократы, несмотря на то, что они уже давным-давно прекратили свою политическую активность. Осенью 1938 года на авиационном заводе «Хейнкель» в Ростоке и Варнемюнде, где рабочие имели относительно привилегированное положение и хорошую зарплату, заводская полиция арестовывала сотрудников практически каждый день, действуя по доносам шпионов, внедренных в рабочую среду. На многих предприятиях рабочих арестовывали за саботаж, когда они протестовали против снижения ставок оплаты или ухудшения условий труда. Вмешательство гестапо на некоторых фабриках достигло такого уровня, что даже владельцы начали протестовать. После ареста 174 сотрудников военного завода в Глейвице в 1938 году работодатели добились их освобождения через сутки, объяснив гестапо, что на некоторую критику в адрес режима со стороны рабочих можно закрывать глаза, иначе производство остановится, а это совершенно точно не было в интересах страны¹⁵³.

Давление и фрагментация политической и организационной жизни заставляли людей стремиться к реализации личных целей: получить постоянную работу, жениться, завести детей, улучшить жилищные условия, съездить в отпуск. Именно поэтому столько немцев вспоминали «Силу через радость» такими теплыми словами после войны. Вместе с тем, обращаясь к этому периоду, они с трудом могли не только вспомнить общественные события, но и просто восстановить свои воспоминания в хронологическом порядке. Время с 1933 по 1939 год или даже по 1941 год стало размытым пятном в памяти людей, когда рутина частной жизни делала один день неотличимым от другого. Для многих экономические достижения стали единственной реальной целью, политика стала бессмысленным раздражающим цирком, в ней невозможно было участвовать сколько-нибудь независимо или самостоятельно, поэтому в ней не имело смысла участвовать вообще, кроме тех мероприятий, где это было обязательно. С этой точки зрения 1939 год вызывал некоторую ностальгию, это был последний год относительного мира и процветания перед погружением в водоворот войны и разрушения, нищеты и смерти, который длился до 1948 года. Именно в середине и конце 1930-х годов были заложены основы трудолюбивого, относительно аполитичного немецкого общества времен

«экономического чуда» 1950-х годов. К концу 1930-х годов огромная масса немецких рабочих смирилась, часто с той или иной степенью неприязни, с Третьим рейхом. Они могли скептически относиться к его базовым идеологическим установкам, с раздражением принимать постоянные призывы к одобрению и поддержке и испытывать глубокое недовольство из-за того, что он не смог обеспечить должный уровень экономического благополучия. Они могли жаловаться на многие аспекты жизни и в душе презирать многих его руководителей и институты. Однако многие люди признавали, что режим дал им постоянную работу и смог преодолеть, неважно какими средствами, экономические невзгоды и падения веймарского периода. Достаточно было только этого, чтобы большинство немецких рабочих готовы были мириться с ним, особенно учитывая то, что возможности организованного сопротивления были так малы, а цена за выражение недовольства была так высока. На немецких заводах и производствах в канун Второй мировой войны было широко распространено неформальное и индивидуальное недовольство, но его нисколько нельзя было назвать оппозицией, не говоря уже о сопротивлении, и оно ни в коей мере не порождало ощущения кризиса у правящей элиты Третьего рейха¹⁵⁴.

II

Как Третьему рейху удалось решить проблемы безработных и бедняков, миллионы которых страдали во время Депрессии и продолжали страдать после его прихода к власти? Нацистская идеология по существу не одобряла идею общественного благополучия. В «Майн Кампф» Гитлер, описывая время, проведенное им среди бедняков и нищих в Вене до Первой мировой войны, с негодованием высказывался о том, как социальная помощь обеспечивала защиту вырожденцев и слабаков. С социалдарвинистской точки зрения, благотворительность и филантропия были злом, которое следовало искоренить, чтобы усилить немецкую расу и ликвидировать ее слабейшие элементы в процессе естественного отбора¹⁵⁵.

Нацистская партия часто обвиняла развитую систему социального обеспечения, образовавшуюся при Веймарской респуб-

лике, в бюрократизме, сложности и в ложных ориентирах. Вместо оказания помощи биологически и расово ценным Веймарское социальное государство, поддерживаемое кучей частных благотворительных организаций, по мнению нацистов, действовало совершенно без разбора, поддерживая множество расово неполноценных людей и не предпринимая ничего для возрождения немецкой расы. Такая точка зрения в некотором отношении была не так уж далека от мнения чиновников государственных и частных служб соцобеспечения, которые в начале 1930-х годов приняли на вооружение доктрину расовой гигиены и поддерживали идею четкого разделения людей на заслуживающих помощи и вырожденцев, хотя практическая реализация такого разделения была невозможна до 1933 года, когда социальные организации, чье отношение к нищим становилось все более жестким в ходе Депрессии, быстро перешли к использованию уголовных наказаний к уклонявшимся от работы, беднякам и душевнобольным. Таким образом, нацистские представления о соцобеспечении не были полностью чужды мнениям чиновников соответствующих служб в поздние годы Веймарской республики¹⁵⁶.

Однако учитывая десять миллионов людей, получавших социальную помощь в разгар Депрессии, для нацистов было бы политическим самоубийством списать всю массу безработных и малоимущих как не достойных помощи. Несмотря на все улучшения ситуации с безработицей или же видимость такого улучшения весной, летом и осенью первого года власти нацистов, министр пропаганды Йозеф Геббельс понимал, что экономическое положение остается крайне сложным для множества людей, которым предстояло прожить за чертой бедности первую полную зиму под правлением Третьего рейха. Чтобы укрепить репутацию режима и убедить людей, что он делает все возможное для воспитания солидарности между обеспеченными и малоимущими немцами, Гитлер и Геббельс 13 сентября 1933 года объявили об учреждении краткосрочной программы помощи, названной «Зимней программой поддержки немецкого народа». Она позволила создать, формализовать, скоординировать и реализовать целый ряд экстренных схем помощи, уже внедренных региональными партийными лидерами. Более важно то, что продолжила и расширила схожие схемы, уже обсуждавшиеся при Вей-

марской республике и официально учрежденные в 1931 году при рейхсканцлере Брюнинге¹⁵⁷. Вскоре 1,5 миллиона добровольцев и 4000 сотрудников на зарплате раздавали суп беднякам в центрах помощи, разносили пакеты с едой беднякам, собирали и распределяли одежду для безработных и их семей и участвовали во множестве других централизованных благотворительных мероприятий. Когда Гитлер в широко освещавшейся речи призвал людей делать пожертвования, уже на следующий день различные организации, включая штаб-квартиру нацистской партии в Мюнхене, перечислили два миллиона рейхсмарок. Общее число пожертвований за зиму 1933/34 года составило 358 миллионов рейхсмарок. Министерство пропаганды Геббельса трубило о своем удовлетворении свидетельством нового духа общественной солидарности и взаимопомощи среди немецких людей¹⁵⁸. Таким образом, это была не благотворительность и не государственная соцподдержка, хотя на деле она осуществлялась государством, министром пропаганды и специально назначенным имперским уполномоченным по зимней поддержке. Напротив, заявлял Геббельс, это была форма расовой самопомощи, оказываемой немецким народом для немецкого народа¹⁵⁹.

Но опять же реальность здесь отличалась от пропаганды. Потому что пожертвования на программу «Зимней помощи» фактически были обязательными для всех с самого начала. Когда на пороге появлялся крепкий штурмовик в коричневой униформе и требовал взнос, немногие находили в себе смелость отказаться, а те, кто отказывался, подвергались угрозам и запугиванию, пока не ломались и не бросали свои деньги в ящик для сборов. В Баварии было объявлено, что те, кто не вносит пожертвования, будут считаться врагами Родины; некоторых публично проводили по улицам с плакатами на шеях, обличавшими их равнодушие, а некоторых даже увольняли с работы. Здесь очень показателен опыт одного фермера с майоратной собственностью во Франконии, который отказался делать пожертвование в 1935 году. Крейзлейтер Герстнер заявил ему, что «вы недостойны носить почетное звание фермера в национал-социалистической Германии», и предупредил, что потребуются «принять меры по предотвращению общественных беспорядков, вызванных вашим отношением», другими словами, фермер мог быть помещен в «превентивное заключе-

ние» в концентрационном лагере или столкнуться с физическим насилием со стороны местных штурмовиков. В одном кинотеатре в Бреслау в декабре 1935 года восемь вооруженных эсэсовцев появились на сцене в конце спектакля и объявили, что все выходы заблокированы, а в зале присутствуют враги народа, и все должны внести пожертвование на программу «Зимней помощи», чтобы доказать, что они не из их числа. По окончании краткого объявления двери распахнулись, и в зал вошли 50 штурмовиков с ящиками для пожертвований. В других местах рабочим приходилось соглашаться на автоматический вычет пожертвований из зарплаты в размере 20% от базового подоходного налога (позже эта цифра была сокращена до 10%). Те, кто зарабатывал слишком мало, чтобы платить налоги, все равно должны были вносить 25 пфеннигов с каждой суммы заработка. На одном заводе в 1938 году рабочим заявили, что если они откажутся от выплат, то сумма, которую они должны уплачивать, будет прибавляться к суммам, удерживаемым из зарплат их сослуживцев¹⁶⁰.

Самое главное, что при согласии на автоматические выплаты плательщик получал право прибить к своей парадной двери специальную табличку, увидев которую, коричневорубашечники, члены Гитлерюгенда или других партийных организаций, собиравшие пожертвования, должны были не беспокоить хозяина и идти дальше. Однако на некоторых заводах рабочих просили делать дополнительные взносы, даже если они соглашались на удержание средств по программе «Зимней помощи» из своей зарплаты. И даже это не ограждало их от назойливого внимания штурмовиков, стоявших на улицах со своими ящиками для сборов, или от давления, оказывавшегося на владельцев магазинов и покупателей, с целью оставлять мелочь в ящиках «Зимней помощи», которые располагались на прилавках большинства розничных магазинов. Организаторы «Зимней помощи» предлагали собирать различные наборы иллюстрированных карточек, включая фотографии Гитлера. Детей иногда освобождали от школы на часть дня и раздавали им всякие безделушки для продажи на улицах с целью сбора средств на «Зимнюю помощь». Купив значок программы, можно было избавиться от внимания уличных сборщиков, однако лучше было приобрести специальный гвоздь, который служил свидетельством того, что человек

имел щит «Зимней помощи», в который вбивались эти гвозди стоимостью 5 пфеннигов каждый, пока вся поверхность щита не покрывалась такими гвоздями, число которых примерно составляло 1500. Ношение значка «Зимней помощи» на улице могло рассматриваться как некоторая форма самозащиты и в то же время было своего рода призывом к другим быть солидарными с режимом. Зимой 1938/39 года было продано около 170 миллионов значков. Они широко использовались в качестве украшения рождественских елок дома¹⁶¹.

Как и в случае со многими другими чрезвычайными мерами в Третьем рейхе, «Зимняя помощь» вскоре стала постоянным атрибутом социополитического ландшафта. Эта деятельность была оформлена законодательно 5 ноября 1934 года в виде Закона о сборах, который позволял Министерству внутренних дел и казначею нацистской партии приостанавливать деятельность любых благотворительных организаций и фондов, которые конкурировали с «Зимней помощью», таким образом, заставляя проводить все благотворительные акции в летние месяцы и гарантируя, что требования взносов будут обращены ко всем немцам круглый год. 4 декабря 1936 года это было подкреплено Законом о «Зимней помощи», который официально закрепил эту схему на постоянной основе. Статистика впечатляла. Зимой 1938/39 года выплаты из зарплат составили 105 миллионов рейхсмарок, а вместе со сборами и пожертвованиями, самые крупные из которых делались промышленными предприятиями и крупным бизнесом, общая сумма оказалась равна 554 миллионам. Таким образом, взносы по программе «Зимней помощи» составляли примерно 3% от среднего дохода рабочего в то время. С 1933 года, разумеется, произошли некоторые изменения. После зимы 1935/36 года евреи были исключены из списков как жертвователей, так и получающих. А экономическое восстановление привело примерно к двукратному сокращению тех, кто получал «Зимнюю помощь», с 16 миллионов в 1933/34 году до 8 миллионов в 1938/39 году. К важным дополнениям к этой схеме можно отнести День национальной солидарности 1 декабря, когда выдающиеся деятели режима появлялись на публике, помогая собирать пожертвования на улицах, которые в общей сложности составили 4 миллиона рейхсмарок в 1935 году и не

менее 15 миллионов в 1938 году. Кроме того, к этому времени для каждой семьи, фактически для каждого немецкого гражданина, стало более или менее обязательным каждое первое воскресенье месяца питаться анттопфом (дешевым тушеным рагу), все ингредиенты которого стоили не больше 50 пфеннигов. Вечером штурмовики или эсэсовцы либо представители нацистского управления по соцобеспечению могли постучать в дверь с требованием вернуть разницу между 50 пфеннигами и фактической стоимостью семейного обеда в качестве компенсации. Та же политика проводилась и в ресторанах. Гитлер демонстративно соблюдал эти правила, за воскресным обедом передавая список своим гостям с предложением сделать пожертвование подходящего размера. Альберт Шпеер впоследствии жаловался, что каждый такой обед «стоил ему от пятидесяти до ста марок». В таких условиях число гостей Гитлера в первое воскресенье каждого месяца скоро сократилось до двух или трех, что, по словам Шпеера, «вызывало едкие замечания Гитлера о духе жертвоприношения среди его соратников»¹⁶².

Тем временем нацистская партия вела активную деятельность по реструктуризации частных благотворительных организаций. Главным человеком здесь был Эрих Хильгенфельдт, уроженец Саара, родившийся в 1897 году и служивший офицером в Первую мировую войну. Бывший активист «Стального шлема», Хильгенфельдт вступил в нацистскую партию в 1929 году и стал крейзлейтером в Берлине. Таким образом, он был близок с Йозефом Геббельсом, который в роли гаулейтера был его непосредственным партийным начальником. Хильгенфельдт скоординировал и централизовал ряд внутренних благотворительных групп СА и партии в столице в Национал-социалистическую народную благотворительность (NSV). Вместе с Магдой Геббельс, женой министра пропаганды, в роли своего патрона и при поддержке самого Гитлера Хильгенфельдт 3 мая 1933 года распространил свое влияние на партийные группы взаимопомощи во всей стране, несмотря на серьезное сопротивление со стороны Роберта Лея и Балдура фон Шираха, которые хотели, чтобы соцобеспечением занимались их собственные организации. Хильгенфельдт успешно доказал, что соцобеспечение не было главным приоритетом ни для Трудового фронта, ни для Гитлер-

югенда, и поэтому необходимо было создать отдельную организацию, которая бы полностью занялась этим вопросом. В неспокойные месяцы с марта по июль 1933 года он успешно взял под свой контроль практически все частные социальные и благотворительные организации в Германии, в первую очередь разветвленную сеть органов соцобеспечения социал-демократов и коммунистов. 25 июля 1933 года в Германии оставалось лишь четыре негосударственных благотворительных организации: NSV, Протестантская миссия, Католическая благотворительная ассоциация и Немецкий Красный Крест. Однако теперь государственное финансирование получала только нацистская организация. Большое число социальных институтов, как, например, церковные детские сады, были переданы ей Протестантской миссией во время краткого господства «Немецких христиан» над протестантской церковью, и несмотря на формальное разрешение собирать пожертвования в летние месяцы, остальные организации, особенно Благотворительная ассоциация, сталкивались с постоянным противодействием своей работе в виде физического насилия со стороны банд коричневорубашечников, а начиная с 1936 года они должны были вести сборы на улицах и по домам граждан в то же время, что и нацистская организация, что ставило их в крайне невыгодное положение по сравнению с могущественным конкурентом¹⁶³.

Министр внутренних дел Вильгельм Фрик дал людям ясно понять, куда должны были направляться пожертвования: как он заявил в октябре 1934 года, «было бы недопустимым позволить использовать благие порывы народа в целях, реализация которых не была в интересах национал-социалистического государства и, следовательно, не в интересах общественного блага». Это предполагало, что теперь христианская благотворительность должна была быть заменена стремлением к самопожертвованию, которое занимало такое высокое место в списке предполагаемых качеств немецкой расы в нацистской идеологии. В этом была и другая цель: в отличие от «Зимней помощи» и других организаций, вроде Красного Креста, нацистская партия с самого начала ограничивала свои пожертвования исключительно людьми «арийского происхождения»¹⁶⁴. Национал-социалистическая народная благотворительность закрепила в своем уставе положение о том, что

ее целью являлось развитие «живых, здоровых сил немецкого народа». Оно собиралось помогать только расово полноценным, способным и готовым работать, политически надежным, а также готовым и способным размножаться. Те, кто «не мог в полной мере исполнять свои общественные обязательства», исключались. Помощь не должна была оказываться алкоголикам, бродягам, гомосексуалистам, проституткам, тунеядцам или «асоциальным элементам», закоренелым преступникам, лицам с наследственными болезнями (очень широко толковавшаяся категория) и людям неарийских рас. Чиновники NSV с готовностью критиковали государственные социальные организации за неразборчивость, с которой они оказывали помощь, таким образом, еще больше подталкивая их на путь расовой гигиены, на который те и без того уже вступили. Христианское понимание благотворительности еще более достойно порицания, по мнению нацистов, а отстранение от дел Благотворительной ассоциации и Протестантской миссии силами нацистских благотворительных организаций в том числе должно было в максимально возможной степени ограничить то, что считалось нежелательными расовыми эффектами христианской филантропии¹⁶⁵.

Несмотря на эти ограничения, NSV вместе с «Силой через радость», наверное, было самой популярной партийной организацией в Третьем рейхе. Имевшая в своем составе 17 миллионов человек в 1939 году, она являла собой привлекательный образ заботы и поддержки более слабых членов немецкого расового сообщества, или по крайней мере тех, кто попал в трудное положение не по своей вине. Например, в 1939 году она содержала 8000 дневных яслей и предоставляла путевки в дома отдыха для матерей, еду для больших семей и разного рода другую помощь. Однако ее боялись и не любили в низших слоях общества, негодую из-за ее назойливых опросов, моральных суждений о поведении и постоянной угрозы использовать принуждение и привлекать гестапо, если люди не соответствовали определенным критериям, дававшим право на поддержку. Многие с ужасом смотрели на то, как она грубо отодвинула в сторону благотворительные христианские организации, на помощь которых люди полагались в прежние времена. Также невозможно было игнорировать распространенное раздражение и даже гнев и страх,

вызывавшиеся повсеместными уличными сборами, которые, по словам социал-демократического агента в 1935 году, «полностью приняли черты организованного грабежа». «Степень домогательства настолько высока, — сообщал другой агент, — что никто не может его избежать». «В прошлом году еще можно было говорить о нем как о неудобстве, — жаловался на “Зимнюю помощь” один гражданин в декабре 1935 года, — но этой зимой она стала настоящей чумой». Были сборы не только в пользу «Зимней помощи», но и в пользу Гитлерюгенда для строительства новых общежитий для молодежи, сборы на поддержку немцев за границей, сборы на бомбоубежища, сборы для бедствующих «старых бойцов», лотереи в пользу создания новых рабочих мест и многие другие местные поборы. Были вычеты из зарплат на производство автомобилей «фольксваген» и взносы на работе в пользу «Силы через радость» и «Красоты труда» и многое, многое другое. Такие пожертвования товарами, деньгами или в форме неоплачиваемого добровольного труда в конечном счете представляли собой новый, неофициальный налог. Люди роптали и проклинали, однако все отчеты говорят, что они все равно платили. Не было никаких организованных бойкотов в связи с какими-либо сборами, несмотря на некоторые отдельные случаи отказа платить. Люди привыкли к бесконечным требованиям жертвовать деньги, одежду или другие продукты, это стало нормальной частью повседневной жизни. Было распространено мнение, что среди лиц, наиболее часто получавших помощь, таким образом, были старые нацисты, кроме того, было много историй о том, что с нацистами обращались намного лучше, чем с бывшими коммунистами и социал-демократами. Это было неудивительно, поскольку политическая надежность действительно была основным критерием получения поддержки. На самом деле помощь чаще всего получали члены партии и их прихлебатели. Также неудивительно было количество анекдотов, посвященных коррупции во всем этом механизме. Так, в одной из шуток два чиновника партии, гуляя, нашли банкноту в 50 рейхсмарок в водосточной канаве. Подняв ее, один из них заявил, что собирается пожертвовать их для программы «Зимней поддержки». На что другой спросил его: «А зачем ты пытаешься забрать их себе таким окольным путем?»¹⁶⁶.

Перевод социальных расходов на формально добровольную основу давал режиму возможность экономить официальные доходы от налогов и использовать их на перевооружение. Трудовой призыв, брачные займы и другие схемы по выводу людей с рынка труда вели к дальнейшему снижению бремени льготных выплат для государства и к дополнительной экономии государственных средств, которые можно было направить на военные нужды. Льготы для безработных были значительно сокращены правительством и местными властями еще до прихода нацистов к власти. Новому режиму потребовалось немного времени, чтобы урезать их еще сильнее. Добровольная служба труда и другие схожие программы, позволявшие снизить неблагоприятную статистику безработицы, также вели к сокращению выплат пособий по безработице. Конечно, как мы уже видели, безработица никуда не делась зимой 1935/36 года, однако местные власти продолжали снижать уровень социальных выплат любыми возможными средствами. С октября по декабрь 1935 года, когда официальное число безработных на пособия выросло с 336 000 до 376 000 человек, общий размер льготных выплат для них в рейхе фактически упал с 4,7 до 3,8 миллиона рейхсмарок. Органы соцобеспечения повсеместно вызывали безработных на собеседование и проверку, годились ли они для работы, и те, кого считали годным, призывались в ряды Имперской службы труда или в программы чрезвычайной помощи того или иного рода, а те, кто не являлся по вызову, вычеркивались из списков и прекращали получать деньги. Надбавки за аренду жилья снизились, также были значительно сокращены пособия на медикаменты для ухода за стариками и больными. В Кёльне одна женщина из рабочих, обратившаяся в службу соцобеспечения с просьбой помочь в покупке лекарств для своей 75-летней матери, за которой она ухаживала дома, получила ответ, что государство больше не собиралось платить за таких людей, которые были только обузой для национального сообщества¹⁶⁷.

Сокращение социальных выплат стало только частью более глобальной стратегии. Призыв к немцам участвовать в самопомощи, а не полагаться на деньги от государства подразумевал, что неспособные помочь себе самостоятельно были расходным материалом, реальной угрозой для будущего здоровья немецкого

народа. Расово неполноценные, душевнобольные, преступники, «асоциальные» элементы и прочие должны были быть исключены из системы соцобеспечения. Как мы видели, в 1937–1938 годах шли массовые аресты людей из низших слоев общества, социальных изгоев и мелких преступников, которые направлялись в концентрационные лагеря, поскольку нацисты считали их бесполезными для своего режима. Поэтому в конечном счете, когда перевооружение затянуло большую часть безработных, исходные сомнения нацистов в преимуществах социального обеспечения получили подтверждение самого жесткого характера.

III

Национал-социалистическая народная благотворительность, «Зимняя помощь» и «Сила через радость» были, несомненно, самыми популярными программами, организованными Третьим рейхом. Для многих они стали осязаемым свидетельством того, что режим был серьезно намерен реализовать свои обещания по созданию органичного национального сообщества всех немцев, в котором классовые конфликты и социальные антагонизмы будут преодолены, а индивидуальный эгоизм уступит место более важным интересам народа. Эти программы были явно нацелены на уничтожение различий в классе и статусе, привлечение более обеспеченных людей для помощи своим соотечественникам, пострадавшим от Депрессии, и улучшение жизни массы обычных людей самыми разными способами. Парадоксально, но именно обеспеченных людей больше всего привлекала идея народного единства, рабочие слишком глубоко впитали марксистские представления о классовом конфликте, чтобы поддаться ее обаянию. Здесь типичной была реакция Мелиты Машман, молодой женщины, воспитанной в консервативной семье из верхних слоев среднего класса, которой ее националистически настроенные родители внушили представление о Германии как об «ужасной и прекрасной загадочной стране»¹⁶⁸. Беседы в доме ее родителей в начале 1930-х годов часто касались таких вопросов, как унижение Германии от поражения в Первой мировой войне, раздробленность и свары политических партий в рейхстаге, постоянно нарастающий уровень насилия и беспредела на улицах, бедность

и отчаяние растущего числа безработных. Ностальгируя по прошлому, когда страной правил кайзер, и по словам ее родителей, немцы были горды и едины, Мелита сама обнаружила, что не может сопротивляться соблазну нацистских обещаний остановить внутренние распри и объединить все социальные классы в новом национальном сообществе, где богатые и бедные будут равны¹⁶⁹. Ее позицию разделяли многие другие. Хотя реакция на программы соцобеспечения и организацию отдыха, проводимые нацистами для реализации таких идей единения, часто была положительной (особенно в воспоминаниях людей), здесь была и обратная сторона. Сложно было игнорировать элемент принуждения во всех этих начинаниях. Несмотря на беспрестанные заявления режима о ценности самопожертвования, оно не находило всеобщей поддержки. Напротив, многие люди концентрировались на улучшении своего материального положения, что неудивительно, учитывая, что им пришлось пережить в годы войны, инфляции и Депрессии. Классовые различия казались такими же четкими, как и раньше, и усложнялись новым разделением на «старых бойцов» и местных партийных начальников, которых часто считали основными получателями средств в рамках благотворительных программ, и всех остальных. Режиму оказалось крайне сложно истребить различные глубоко укоренившиеся убеждения среди широких слоев населения, начиная от веры в христианскую идею о всеобщем милосердии до врожденной привычки многих рабочих рассматривать любые вопросы через призму марксистских идей о классовой борьбе.

Таким образом, к 1939 году люди разочаровались даже в самых популярных программах, реализованных Третьим рейхом. Первый прилив энтузиазма по отношению к новой власти начал утихать уже в 1934 году, а к началу 1936 года он опустился так низко, что стала таять даже популярность Гитлера¹⁷⁰. Как далеко зашло это разочарование, насколько распространенным оно было и почему оно не переросло в более массовую и принципиальную оппозицию режиму? Хорошее представление о том, как обычные люди относились к Третьему рейху, как изменилось общество в период между 1933 и 1939 годом и насколько было реализовано обещание создать единое органичное национальное сообщество, можно получить, рассмотрев историю какого-либо

провинциального городка в это время. В нижнесаксонском Нортхейме самым очевидным бросающимся в глаза признаком перемен в глазах его жителей было возвращение процветания и порядка после бедности и волнений последних лет Веймарской республики. Уличные стычки и драки на собраниях, которые вызывали большую озабоченность горожан, ушли в прошлое. Нацистский бургомистр города, Эрнст Гирман, выгнав своих соперников из местного отделения партии в сентябре 1933 года, управлял Нортхеймом в одиночку, освобожденный от всяческого демократического контроля, и это положение было закреплено в январе 1935 года вступлением в силу нового федерального закона, который предоставлял мэрам неограниченную власть в управляемых ими городах. Гирман провел серьезную пропагандистскую кампанию по обнародованию детальных планов возрождения городского рынка труда. Эти планы были скептически встречены расчетливыми бизнесменами Нортхейма, однако после того, как безработные были переведены с улиц в трудовые лагеря и на программы общественных работ, общее возрождение экономики, начавшееся в целом до прихода нацистов к власти, стало давать реальные плоды. Рабочие, которых призывали через Имперскую рабочую службу, занимались на самых заметных муниципальных объектах, в том числе на расширении городского парка и ремонте некоторых старых домов¹⁷¹.

Самым заметным строительным проектом стало возведение Тингплаца, нацистского культового места для собраний, театра под открытым небом в ближайшем лесу на земле, купленной городом по очень высокой цене у одного из друзей Гирмана. Большое число новых домов и многоквартирных комплексов возводилось в городе по субсидиям, которые предоставлялись правительством, хотя самый разрекламированный проект, район из сорока восьми новых домов на окраине города, утвержденный в начале 1930-х годов, оказался заморожен из-за возражений, выдвинутых самими местными нацистами в 1932 году. Туда могли переехать только арийский семьи, состоявшие в партии или дочерних организациях, и только если их поддерживала местная партийная организация. Вместе с тем пропаганда вокруг «борьбы за труд» в Нортхейме убедила большинство людей, что Третий рейх действительно смог добиться чудесного экономическо-

го возрождения. Ощущение того, что народ в едином порыве вытаскивал Германию из экономической ямы, усиливалось гиперактивностью местного национал-социалистического управления по сощобеспечению с его ящиками для пожертвований, благотворительными вечерами, «воскресным рагу» и массовыми митингами. Однако самым значительным вкладом в местную экономику со стороны Третьего рейха стало возвращение армии в местные казармы, восстановление которых вызвало мини-бум в строительной индустрии Нортхейма. Тысяча солдат и вспомогательного персонала означали тысячу новых покупателей для местных магазинов и поставщиков¹⁷².

Вместе с тем, согласно отчетам местного отделения гестапо, ничто из этого не убедило многих бывших городских социал-демократов и коммунистов, которые к концу 1935 года все еще не примирились с режимом и продолжали распространять о нем порочащие слухи. Также отмечалась враждебность среди местных католиков, люди продолжали отовариваться в еврейских магазинах, консерваторы были разочарованы и подделывали контракты с армией, а попытка Гирмана уничтожить местную лютеранскую общину и превратить свой город в первый город в Германии, свободный от христиан, разбилась, натолкнувшись на пассивное сопротивление как со стороны духовенства, так и со стороны прихожан. В соответствии с национальной политикой Гирман смог закрыть городскую католическую церковь, добившись этого в основном в результате личных встреч с родителями учеников, в которых они, должно быть, явно слышали скрытую угрозу. Однако вышестоящие власти не позволили ему начать открытую агрессию против лютеран, а обстрел снежками распятия на городской церкви молодыми людьми из Гитлерюгенда оказался не слишком эффективным, так что его кампания провалилась. Гирман не гнушался запугивать людей, которые, по его мнению, не соглашались с политикой государства. Людей, которые не появлялись на собраниях или уходили с них рано, вызывали в мэрию и требовали объяснений, а в одном таком случае Гирман лично написал письмо молодой женщине, которая отказалась поднять свою руку в нацистском приветствии, указав на то, что она подвергнет себя риску физического насилия, если подобное повторится снова. Перед лицом таких

угроз местные жители в целом старались соответствовать политике властей, по крайней мере на виду. Тем не менее нельзя было отрицать распространенную потерю энтузиазма по отношению к режиму в городе после первых месяцев эйфории¹⁷³.

Местное отделение партии не могло противостоять такому разочарованию. К концу 1935 года она растеряла свою динамичность, ее лидеры, включая мэра Гирмана, стали обеспеченными гражданами, получая высокую зарплату и пожиная плоды своей прежней борьбы. Даже Гирман в конце 1930-х годов мало что делал для города, за исключением разве что восстановления городского конного клуба, который он продолжал периодически посещать лично. Нацистские фестивали и празднования стали пустыми ритуалами, в которых люди участвовали в основном из страха, а не по собственному стремлению. Немногочисленные эпизоды открытого насилия против евреев в городе вызывали у жителей разную реакцию, от равнодушия до явного неодобрения. В конце концов, это были беспорядки того рода, которые, по их мнению, Третий рейх должен был прекратить. Бывших социал-демократов с неохотой терпели, если они воздерживались от оппозиционной деятельности, что они в целом и делали после 1935 года, после ликвидации последних групп сопротивления. Районные старосты регулярно посещали семьи на своей территории для сбора взносов на «Зимнюю поддержку» и проверки их политической надежности. Они должны были составлять отчеты по всем жителям своего района, кто подавал заявку на социальную помощь, искал должность в какой-либо из многочисленных городских гильдий и клубов или место на государственной службе. Для этого они должны были заполнять особую форму, указывая детали о посещении заявителем собраний, внося пожертвований на благотворительность и так далее. Однако из тысяч таких отчетов, хранящихся в местных архивах, практически ни один после 1935 года не называл заявителя политически неблагонадежным. Лишь в течение небольшого периода в разгар борьбы с церковью в отчетах проскальзывали негативные отзывы, в основном касавшиеся активных католиков. Многие из записок районных старост были расплывчатыми или содержали мало-вразумительную информацию, однако в них всегда четко говорилось об участии людей в Зимней поддержке и других програм-

мах. Отказ от пожертвований приводил к получению человеком отметки о неблагонадежности и характеристики «эгоистичный» или «недружелюбный». Такие люди усложняли работу районных старост и потенциально могли создавать для них проблемы в случае отказа выплачивать назначенные взносы. Ничто другое не имело особого значения за исключением редких случаев, когда кто-то забывал вывесить флаг на день рождения Гитлера или использовать нацистский салют при приветствии. Была достигнута некоторая степень политической стабильности, и большинство районных старост теперь, казалось, хотели просто спокойно выполнять свои обязанности без сложностей и проблем. Они больше не особо заботились о политических убеждениях людей, если внешне они соответствовали политике режима и держали свои мысли при себе. Конечно, они были более бдительны в бывших коммунистических цитаделях Берлине и Руре, чем в небольших провинциальных городках вроде Нортхейма. И все же к 1939 году был достигнут некоторый *модус вивенди*: горожане независимо от своих взглядов участвовали в общественных ритуалах, как это требовалось, хотя в основном и без особого энтузиазма, а местная партия поддерживала эту ситуацию и не слишком давила на людей. Молчаливое согласие и неискренняя преданность в конечном счете оказались единственным, чего ей удалось добиться, однако вполне можно было предположить, что этого было достаточно, и подобная ситуация была распространена везде¹⁷⁴.

Ситуация в Нортхейме отражала то, что происходило во многих частях Германии. Не все немцы стали фанатичными приверженцами нацизма к 1939 году, но все основные потребности подавляющего большинства людей в порядке, безопасности, работе, возможности улучшить материальное благосостояние и карьерном росте — все то, что казалось невозможным при Веймарской республике, — в основном были удовлетворены, и этого было достаточно, чтобы завоевать лояльность населения. Возможно, пропаганда и не имела такого эффекта в этом отношении, как очевидный факт социальной, экономической и политической стабильности. Жестокость и незаконность ремовской чистки были в целом приняты, например, не потому, что люди поддерживали использование Гитлером убийства как политиче-

ского инструмента, а потому, что она позволила восстановить порядок, который в предшествующие месяцы был поставлен под угрозу рёмовскими штурмовиками. В массах было широко распространено мнение о первенстве порядка, которое нацисты прекрасно понимали, принимали и использовали. В конечном счете, разумеется, оно оказалось призрачным. Но на тот момент этого было достаточно, чтобы выбить почву из-под ног всех оппозиционных движений, которые пытались преобразовать волнения из-за неудовлетворенности теми или иными аспектами повседневной жизни при Третьем рейхе в более организованную форму оппозиции¹⁷⁵.

IV

Руководители Третьего рейха действительно давали очень далеко идущие социальные обещания. Нацизм получил поддержку на выборах в начале 1930-х годов не в последнюю очередь из-за беспрестанного повторения обещаний о ликвидации раздробленности Веймарской республики и объединении немецкого народа в новом национальном, расовом сообществе, основанном на сотрудничестве, а не противоречиях, на взаимной поддержке, а не антагонизме. Классовые различия должны были исчезнуть, а интересы немецкой расы должны были доминировать. Две знаменательные символические пропагандистские демонстрации, поставленные Геббельсом и нацистским руководством в первые месяцы Третьего рейха, День Потсдама и День Национального труда, должны были показать, как новая Германия объединит старые традиции прусского порядка с одной стороны и рабочее движение — с другой. В интервью нацистскому драматургу Гансу Йосту 27 января 1934 года Гитлер заявил, что нацизм «считает Германию единым организмом». «От буржуазных традиций национал-социализм берет национальную решительность, а от материализма марксистских жизненных догм — творческий социализм». Он продолжал: «Национальное сообщество — это означает объединение всего производительного труда, что означает единство всех жизненных интересов, что означает уход от буржуазного индивидуализма и стремление к объединению механически организованных масс, что означает безуслов-

ное приравнивание судьбы одного человека к судьбе нации, личности и народа... Буржуа должен стать гражданином страны, красный товарищ должен стать товарищем по расе. И оба должны в искреннем стремлении облагородить социологическое понятие рабочего и повысить статус почетного права на труд. Такой мандат благородства сам по себе заставляет солдата и крестьянина, торговца и ученого, рабочего и капиталиста принести клятву следовать в единственно возможном направлении, которое являет собой решительное стремление всего немецкого народа — в направлении нации... Буржуазия должна прекратить считать себя хранительницей традиций или капитала, отделенной от рабочих марксистским представлением о собственности, и вместо этого должна открыто стремиться к интеграции с народом в виде рабочих»¹⁷⁶.

Гитлер подчеркивал это, представляя себя человеком рабочего происхождения, скромным гражданином своего народа, который поднялся вверх, никогда не теряя контакта со своими корнями.

Гитлер часто напоминал своим слушателям, как, например, в речи перед аудиторией в миллион человек, собравшейся в берлинском Саду удовольствий в мае 1937 года, что он «не вышел из какого-то дворца: я пришел с рабочей площадки. И я не был генералом. Я был солдатом, как и миллионы других». Окопное фронтовое братство 1914–1918 годов, когда социальные барьеры были отброшены в борьбе за национальную идею, должно было возродиться снова в духе Третьего рейха: «Удивительно, что здесь, в нашей стране, неизвестный человек смог выйти из армии миллионов немцев, рабочих и солдат, и встать во главе рейха и нации! Рядом со мной стоят люди всех классов, которые сегодня стали региональными лидерами. Не забывайте, что бывшие члены буржуазии и аристократии также нашли свое место в этом движении. Для нас неважно, откуда пришел человек, важно то, что он может работать на благо нашего народа»¹⁷⁷.

То, что Гитлер в этом случае использовал слово «бывшие», позволяет предположить, что Третий рейх усердно распространял представление о том, что все классовые различия в новой Германии были уничтожены. «Мы, — говорил Роберт Лей в 1935 году, — единственная страна в Европе, которая смогла покончить

с классовой борьбой»¹⁷⁸. В знак этого во многих институтах нацистской партии выходцев из низших слоев общества часто поднимали на должности, где они оказывались начальниками над выходцами из буржуазии, как, например, в Гитлерюгенде, или назначали прошлых представителей элиты руководителями над социально низшими классами, когда, например, университетские студенты направлялись в трудовые лагеря, а школьные учителя вынуждены были обучаться под началом «старых бойцов» скромного происхождения на обязательных образовательных курсах. Нападки нацистских студентов на традиционные дуэльные общества были только одним из примеров широкой атаки на самые известные символы социальных привилегий в Германии, которая, к недовольству традиционалистов вроде Рек-Маллещевена, сопровождалась обильной риторикой о равноправии и словесными нападками на реакционную природу классовой дискриминации, которая так явно поддерживалась в дуэльных обществах¹⁷⁹.

Самое главное, что такая риторика сопровождалась реальными действиями. Падение статуса, автономии и влияния академических профессий в первые шесть лет Третьего рейха было реальным. Имидж традиционных институтов, таких как университеты, существенно упал в глазах молодых немцев, и в 1939 году туда поступило гораздо меньше людей, чем шесть лет назад. Мелкие бизнесмены и офисные работники видели, что социальное разделение между ними и рабочим классом размывалось сильнее, чем утверждали нацисты. Аристократы оказывались в коридорах власти рядом с дерзкими молодыми нацистами из гораздо более низших классов. Прежде влиятельные люди, от врачей до священников и от крупных землевладельцев до деревенских старейшин, оказались под прицелом. Повсеместно молодые люди или по крайней мере значительное меньшинство среди них ухватились за свой шанс предъявить свои требования старшему поколению: в среде аристократии, в деревне, в школе и университетах. Несомненно, к власти пришла новая политическая элита. От главных нацистов, вроде Геббельса и Геринга, Шираха и Лея, региональных лидеров и до низшего уровня районных старост и командиров взводов Гитлерюгенда, власть получили новые люди, в основном молодежь, часто из низших классов,

а иногда, как в случае с Розенбергом, вообще не из Германии. Более того, произошла девальвация целого ряда традиционных социальных ценностей: приоритет образования ради самого образования среди профессоров, этика Гиппократов в плане постановки интересов пациента выше всего остального среди врачей, даже определение прибыли в качестве единственной меры успеха среди бизнесменов — все они были заменены новыми приоритетами Третьего рейха: война, раса и национальное сообщество.

Однако равенство статуса, о котором так громко и настойчиво заявляли нацисты, не подразумевало равенства социального положения, дохода или благосостояния. Нацисты не проводили радикального изменения системы налогообложения, чтобы, например, уравнивать чистые доходы людей, и не организовали контроль над экономикой, как это было сделано в Советском Союзе или позже в Германской Демократической Республике, чтобы минимизировать различия между богатыми и бедными. При Третьем рейхе были и богатые, и бедные, как и всегда прежде. В конечном счете права аристократии на землю остались без изменений, а молодые дворяне даже получили новую роль в руководстве СС, будущей политической элиты Германии. Крестьянские семьи, проживавшие в своих деревенских сообществах в течение десятилетий или даже столетий, сумели по большей части сохранить свои позиции, в определенной мере приспособившись к новому режиму. Крупные и мелкие бизнесмены продолжали вести свои дела ради обычной для капитализма прибыли. Ученое сообщество отдало самые одиозные ненаучные уродства идеологии нацистов на откуп мелким институтам под их собственным руководством, где они были изолированы от основного потока исследований и образования. Судьи и адвокаты все так же судили и защищали, выступали в судах и отправляли людей в тюрьму. Врачи имели больше власти по сравнению с пациентами, а работодатели — по сравнению со своими рабочими. Церковь совершенно очевидно потеряла влияние в таких областях, как образование, но все исследователи сходятся во мнении, что священники и пасторы в общем и целом сохранили лояльность своей пастве, несмотря на все усилия режима по ее подрыву. Идея национального сообщества убедила многих, возможно да-

же большинство немцев, в том, что партийные распри ушли в прошлое и все люди, казалось, объединялись под руководством Гитлера. «Больше никакой классовой борьбы, — отмечала Луиза Зольмиц в своем дневнике 27 апреля 1933 года, — или марксизма и религиозных противоречий. Только Германия — в Гитлере»¹⁸⁰. Однако очень немногие были убеждены, что социальная утопия, обещанная нацистами в 1933 году, может реально наступить.

Общество невозможно полностью преобразовать всего за шесть лет без масштабнейшего, жестокого насилия, которое имело место в Советской России, начиная с «красного террора» времен Гражданской войны (1918–1921 годы) и заканчивая массовыми сталинскими чистками 1930-х годов. Руководство Третьего рейха, как мы видели, действительно провело ограниченную кампанию по физической ликвидации реальных или предполагаемых диссидентов в своих рядах в конце июня 1934 года, а также уничтожило несколько тысяч реальных или предполагаемых оппонентов внутри Германии, однако основная волна насилия была оставлена для людей за пределами страны и была осуществлена уже во время войны. Здесь не было ничего похожего ни на уничтожение советским режимом около трех миллионов своих граждан в основном в мирное время и заключение миллионов в исправительно-трудовые лагеря, ни на яростные бунты, которые были ответом на введение государственной собственности в промышленности и коллективизацию сельского хозяйства в сталинской России. Точно так же, когда Третий рейх ограничивал зарплаты и потребление, это делалось не в рамках осознанного стремления сократить разрыв между богатыми и бедными, как в случае с гораздо более жесткими ограничениями, вводившимися в советском обществе, но исключительно в целях экономии денег для перевооружения. Нацизм не пытался повернуть время вспять, несмотря на все разговоры о восстановлении иерархий и ценностей мифического немецкого прошлого. Как мы видели, группы, надеявшиеся на возрождение старых социальных границ и институтов, оказались разочарованными так же, как и те, кто ожидал от Третьего рейха проведения радикального перераспределения земли и богатств¹⁸¹.

Проблема была в том, что любая программа социальных изменений, которую могли бы представить нацисты, в конечном

счете полностью подавлялась первоочередной необходимостью подготовки к войне. Все, что помогало Германии подготовиться к завоеванию Восточной Европы, было хорошо, все, что уводило в сторону, было плохо. Реализация любой социальной или расовой утопии была отложена до того момента, когда Германия обрела бы наконец так необходимое жизненное пространство на Востоке, точно так же, как благосостояние масс в конечном счете зависело от того же. Вместе с тем оценка предполагаемых последствий этого становится крайне умозрительной, тем более учитывая, что имеются все свидетельства того, что Гитлер не остановился бы после завоевания Востока, но превратил бы войну за доминирование в Европе в битву за мировое господство. Опять же, некоторые признаки утопического будущего Третьего рейха, нарисованного его лидерами и идеологами, можно было различить уже в 1939 году. Одержимость нацизма технологиями, хотя и стимулированная перевооружением, шла далеко за пределы военных целей. Это был режим, который желал иметь самое современное машиностроение, последние технические новинки, новейшие средства связи. Все это подразумевало большие заводы, крупные предприятия, современные города, развитые организации. Нацистское будущее базировалось на научных принципах: применение расовой гигиены и дарвинистского селекционизма к человеческому обществу без учета каких-либо традиционных моральных или религиозных сомнений, управляемое сложным, иерархическим государственным аппаратом, который не потерпел бы никакого несогласия. Иногда могло показаться, что нацистская пропаганда рисовала крестьянскую Европу, немцев, объединенных узами «крови и земли», которые порабащают и эксплуатируют низшие расы в псевдофеодальном мире, лишенном сложностей и неопределенностей индустриального общества. Деиндустриализация и деурбанизация должны были стать основными факторами окончательного воплощения Третьего рейха в европейском масштабе¹⁸². Однако самые яростные сторонники такого направления, вроде Дарре, были побеждены теми, кто считал, что новый европейский расовый порядок должен был объединить самую современную промышленность, технологии и коммуникации вместе с преобразованным сельским хозяйством и деревней, между которыми

необходимо было добиться нового равновесия¹⁸³.

В реальной жизни Германии XX века усилия нацистов по модернизации попали в контекст, где быстрые социальные и экономические изменения уже шли, начиная с промышленной революции середины девятнадцатого века. И здесь также были неискоренимые противоречия. Например, подготовка к войне, несомненно, ускорила уже шедшие процессы концентрации и рационализации в промышленности и технологические разработки в разных областях. Как мы видели, военные и медицинские исследования повсюду проводились в финансируемых государством институтах и исследовательских отделах крупных компаний. С другой стороны, образовательная политика Третьего рейха быстро вела к снижению профессионального, научного и интеллектуального потенциала будущих профессиональных элит Германии, что стало заметно уже к 1939 году. Если будущая элита и начала появляться из рядов СС и новых элитных школ и Орденских замков, то это была весьма недалекая элита, которая столкнулась бы с большими трудностями в управлении сложной, современной промышленной и технологической социальной и экономической системой любого рода, которая бы смогла вести развернутую современную, технологичную войну. Традиционные социальные институты, такие как профсоюзы, были уничтожены, чтобы обеспечить полное слияние отдельного человека с государством и расой, однако результат был прямо противоположным — уход обычных людей в свои частные закрытые мирки дома и семьи и выведение покупательных потребностей на первое место жизненных приоритетов, которые Третий рейх не желал и не был готов полностью удовлетворить. Уничтожение традиционных институтов рабочего движения можно вполне обоснованно считать скачком в современность, который заложил основу совершенно другой, менее антагонистичной структуре рабочих отношений после 1945 года. Однако в конечном счете снижение влияния традиционного класса промышленных рабочих и возвышение сектора обслуживания в постиндустриальном обществе позволили бы достичь этого результата другими средствами.

Проблема в спорах о том, модернизировал ли Третий рейх немецкое общество, насколько режим стремился изменить соци-

альный порядок и каким образом он в этом преуспел, состоит в том, что общество никогда не было приоритетом политики нацистов. Действительно, социальное разделение должно было быть если не ликвидировано полностью, то по крайней мере сглажено, на смену социальной разобщенности должна была прийти гармония, а социальный статус, хотя и не класс, должен был максимально выровняться в новом рейхе. Но многое из этого было достигнуто символикой, ритуалами и риторикой. В первую очередь Гитлер и нацисты хотели изменить народный дух, ход мыслей и манеру поведения. Они хотели создать нового мужчину и, соответственно, новую женщину, которые бы вышли из пепла Веймарской республики, воссоздать боевое единство и взаимоподдержку времен Первой мировой войны. Их революция была в первую очередь культурной, а не социальной. Вместе с тем в ее основе лежало нечто более конкретное, имевшее реальные физические последствия для тысяч, а в конечном счете и миллионов немцев, евреев и других: идея расового строительства, научного выведения из немецкого народа новой породы героев, следствием чего была ликвидация слабых из цепочки наследования и окончательное устранение тех, кто считался действующим или потенциальным врагом немцев, из модернизированного национального сообщества. Это означало согласованную попытку повысить физическое качество немецкой расы с одной стороны, а с другой — стремление исключить из немецкого общества все нежелательные с точки зрения нацистов элементы и в первую очередь всех евреев, что, как мы увидим, позже и произошло.

ГЛАВА 6

РАСОВАЯ УТОПИЯ

В научном ключе

I

Поборники расовой гигиены приветствовали приход Третьего рейха с неподдельным восторгом. С 1890-х гг. они вели кампании в поддержку социальной политики, основной задачей которой было бы улучшение расы и исключение из цепочки наследования всех, кого они считали слабыми, бездельниками, преступниками, неполноценными или душевнобольными. Наконец, как заметил Фриц Ленц, давний сторонник таких мер, Германия получила правительство, которое было готово всерьез относиться к этим проблемам и пытаться их решать¹. И его энтузиазм был понятен. Самое позднее с 1924 года, когда Гитлер прочел некоторые трактаты о расовой гигиене во время своего пребывания в Ландсбергской тюрьме, будущий фюрер решил, что Германия и немцы могли снова обрести силу, только если государство стало бы применять к немецкому обществу базовые принципы расовой гигиены и инженерии. Нация стала слабой, ее кровь испортилась из-за появления неполноценных элементов. С этим нужно было покончить как можно быстрее. Сильных и расово чистых следовало призывать рожать больше детей, слабых и со смешанным расовым происхождением следовало нейтрализовать тем или иным способом².

Видя, что Гитлер предлагает им уникальную возможность реализовать свои идеи на практике, ведущие идеологи расовой гигиены начали приводить свою доктрину в соответствие с нацист-

ской в тех местах, где раньше они не соответствовали друг другу. Многочисленное меньшинство, однако, было слишком тесно связано с политическими идеями и организациями левых, чтобы сохранить свое членство в Обществе расовой гигиены, которое в 1933 году захватили нацисты и провели глобальную чистку. Еврейские врачи, среди которых довольно многие горячо поддерживали идеи расовой гигиены, были также исключены. Даже Ленц обнаружил, что некоторые его идеи, такие как, например, теория о том, что незаконнорожденные дети были расово неполноценными, подвергались жесткой критике со стороны нацистских идеологов вроде Генриха Гиммлера. Очень быстро ведущие проповедники расовой гигиены в медицине были побеждены молодым поколением, которые управляли основными политическими институтами в этой области, начиная с Расово-политического управления Имперского руководства НСДАП под руководством Вальтера Гросса (родился в 1904 году), Национал-социалистической народной благотворительности, Нацистского союза врачей и, в первую очередь, СС, которые имели собственные идеи в отношении разведения и селекции и ни в грош не ставили медицинские детали, обсуждавшиеся в научных журналах движения расовой гигиены. Тем не менее ведущие фигуры движения не были разочарованы в новом режиме. В личном письме Гитлеру в апреле 1933 года Альфред Плётц, двигатель евгенического движения последних 40 лет, объяснял, что поскольку ему было уже за семьдесят, он был слишком стар для руководящей роли в практической реализации принципов расовой гигиены в новом рейхе, но при этом готов был оказать любую поддержку политике рейхсканцлера³.

Практические действия не заставили себя ждать. В начале Третьего рейха министр внутренних дел Вильгельм Фрик объявил, что новый режим планировал сосредоточить государственные расходы на расово полноценных и здоровых людях. Это не только должно было сократить траты на «второсортных и асоциальных личностей, больных, слабоумных, душевнобольных, инвалидов и преступников», но и «предотвратить размножение наследственно серьезно неполноценных людей». В июле 1933 года эта политика обрела законодательную силу в виде Закона о предотвращении воспроизводства лиц с наследственными заболе-

ваниями⁴. Он учреждал обязательную стерилизацию всех, кто страдал от врожденного слабоумия, шизофрении, маниакально-депрессивного психоза, наследственной эпилепсии, хореи Хантингтона, имел наследственную глухоту, слепоту или серьезные физические уродства или страдал тяжелым алкоголизмом. Эти условия подлежали дальнейшему уточнению, которым занимался многочисленный бюрократический аппарат, учрежденный Имперским министерством внутренних дел для исполнения закона, а решения по отдельным делам принимались в 181 суде наследственного здоровья и апелляционных судах, состоявших из адвоката и двух врачей, которые действовали в соответствии с заключениями от управляющих по общественному здравоохранению и директоров таких организаций, как государственные лечебницы, клиники, дома престарелых, специальные школы и т.д., а также в соответствии с комментариями работников системы соцобеспечения. Принятия такого закона давно требовало влиятельное в Германии движение за расовую гигиену под руководством главных врачей, таких как Альфред Плётц и Фриц Ленц, и требование это стало еще настойчивей в годы Депрессии. Ужасающее бремя соцобеспечения для национальной финансовой системы значительно увеличило число и уверенность тех работников медицинских и социальных профессий, кто считал, что многие аспекты социальных отклонений, бедности и нищеты были результатами наследственной дегенерации людей, страдавших от них. Уже в 1932 году по рекомендации Немецкой ассоциации врачей был предложен проект закона, разрешавшего добровольную стерилизацию. Теперь он вступил в силу⁵.

В Законе 1933 года не было ничего добровольного. Врачи должны были регистрировать каждый случай наследственной болезни, с которым они сталкивались, за исключением касавшихся женщин старше 45 лет, и могли быть подвергнуты штрафу за несоблюдение этого требования. В то же время случайные и размытые критерии, использовавшиеся для определения таких случаев, оставляли достаточную свободу действия. Некоторые пациенты соглашались на стерилизацию, но большинство отказывались. В 1934 году, в первый год действия закона, около 4000 человек подали в апелляционные суды жалобу на управления по стерилизации. 3559 из таких обращений закончились ничем. Как показы-

вают эти цифры, масштаб проводимой стерилизации был весьма значителен. Только в 1934 году в суды было направлено 84 500 обращений на разрешение стерилизации, примерно половина из них касалась мужчин и половина — женщин. Из них почти по 64 500 делам решение было вынесено в тот же год, и более 56 000 решений были в пользу стерилизации. Таким образом, запрос от врача, социального работника или из другого законного источника более чем в 90% случаев утверждался, а вероятность его отправки на апелляцию была крайне мала. В первые четыре года действия закона, таким образом, было стерилизовано более 200 000 человек; к моменту краха Третьего рейха общее число стерилизованных достигло 360 000, и большинство из них было прооперировано до начала войны в сентябре 1939 года⁶.

Три четверти запросов были в отношении «наследственного слабоумия», которое имело крайне туманное и нестрогое определение, что давало в руки врачей и судов огромную власть: например, стала распространенной практика называть различные виды социальных отклонений, таких как проституция, видами «морального слабоумия». Включение алкоголизма затрагивало в основном членов низших классов. Использувавшиеся врачебные методы — вазектомия для мужчин и перевязка труб для женщин — часто были болезненными и иногда приводили к осложнениям: общий уровень операций со смертельным исходом, в подавляющем большинстве это были женщины, составил 0,5%, или 2000 человек. Вскоре масштабы этой программы привели к изменению самой профессии врача, поскольку все они должны были проходить обучение по выявлению наследственной неполноценности (например, по форме мочек ушей пациента, по походке или форме полумесяца в основании ногтей). Медицинские факультеты университетов тратили много времени на составление экспертных отчетов для судов и занимались созданием «практических тестов интеллекта», чтобы отделять агнцев от козлиц («Какая форма государства у нас сейчас? Кем были Бисмарк и Лютер? Почему дома в городе выше, чем в сельской местности?»). Такие тесты приводили к затруднительным ситуациям, когда при проверках в сельских областях обнаруживалась одинаковая степень безграмотности среди предположительно нормальных учеников и потенциально слабоумных. Одной воз-

возможности того, что рядовые члены коричневых рубашек из сельских районов могут провалить такие тесты, было достаточно, чтобы дискредитировать весь процесс тестирования в глазах некоторых высокопоставленных врачей в партии⁷.

Примерно две трети стерилизованных были пациентами психиатрических лечебниц, директора которых усердно штудировали карты своих больных в поисках кандидатов для судов. Пропорция предполагаемых шизофреников здесь была выше. Так, например, в лечебнице «Кауфбойрен-Ирзее» около 82% из 1409 пациентов попали под действие положений закона, хотя в других местах более распространенным соотношением была одна треть. Стерилизация приветствовалась директорами лечебниц, поскольку означала, что во многих случаях после нее пациентов можно было отпускать. Это касалось в первую очередь молодых пациентов в не слишком тяжелом состоянии, таким образом, чем выше были их шансы на выздоровление, тем более вероятной была перспектива стерилизации. В больнице Эглфинг-Хаар две трети пациентов, стерилизованных в 1934 году, были выписаны в течение нескольких месяцев; в лечебнице Эйхберг около 80% стерилизованных в 1938 году также были отпущены в самом скором времени. Это позволяло снизить текущие расходы в то время, когда лечебницы, как и вся остальная система соцобеспечения, должны были серьезно сокращать свои бюджеты. В действительности некоторых молодых женщин, совершенно очевидно, стерилизовали в основном, чтобы они не могли зачать незаконнорожденных детей, которые бы стали обузой для общества⁸.

Основанием для стерилизации чаще были социальные отклонения, чем явные наследственные проблемы. Как писал один врач, направляя кандидата на операцию на основании «морального слабоумия»: «В документах его социального куратора он называется опустившимся нищим и попрошайкой. Он получает половину пенсии за военные ранения из-за туберкулеза легких и кишечника. Тратит деньги крайне безответственно. Много курит и иногда напивается. Постоянно попадает в заключение в Фармзен. Оттуда обычно отправляется бродяжничать. Имеет судимости за сопротивление аресту, нарушение общественного спокойствия, публичные оскорбления и нанесение тяжких телесных повреждений. В документах соцслужбы отмечается, что он часто

мешал работе и нападал на сотрудников, за что ему запретили входить внутрь помещения. По данным д-ра [...], С. он “умственно крайне недоразвитый человек, который не имеет никакой ценности для общества”»⁹.

В случаях, как этот, стерилизация оказывалась в первую очередь наказанием, а не мерой социального контроля. Действительно, перспективы данного человека завести детей казались крайне маловероятными. Стерилизация пациентов лечебниц и подобных учреждений во многих случаях была оправданием за освобождение государственной казны от бремени их содержания.

Таким образом, они не были серьезно больными людьми, и уж совсем не такими, кого недуг обрек на жизнь внутри больничных стен до самой смерти. Те, кто был слишком болен, беспомощен или опасен, чтобы выпускать их в общество, вряд ли могли бы завести детей и поэтому не требовали стерилизации. Так что по сути режим использовал ее для подавления тех слоев общества, которые не соответствовали нацистскому идеалу нового человека: в первую очередь людей из низших классов, нищих, проституток, бродяг, тунеядцев, выходцев из приютов и исправительных школ, трущоб и улиц — людей, которые вряд ли вступили бы в Гитлерюгенд, вносили бы деньги на «Зимнюю помощь», вступали в ряды вооруженных сил, вывешивали флаги на день рождения фюрера или каждый день вовремя приходили бы на работу. Новый закон давал режиму власть вмешиваться в самую интимную сферу человеческого существования — отношение полов и воспроизводство, власть, которая впоследствии будет распространена на обращение с евреями и, по крайней мере потенциально, со всеми взрослыми немцами. Для поддержки этих мер 26 июля 1933 года было издано постановление, которое запрещало получать брачные ссуды людям, страдавшим от наследственных психических или физических заболеваний, другое постановление от сентября 1935 года распространило этот запрет на льготы для детей. Это был только малый шаг с целью полностью запретить нежелательные, с расовой точки зрения, браки¹⁰.

С точки зрения подобных рассуждений, неудивительно было, что «закоренелые преступники» также составляли одну из групп, подлежащих принудительной стерилизации, в пользу

которой давно высказывались психиатры и криминалисты. Некоторые местные работники здравоохранения, среди которых самую скандальную популярность получил Герхард Бётерс из Цвикау, яростно призывали к таким мерам еще при Веймарской республике. Тюремный врач в Штраубинге, Теодор Фирштейн, считал, что «врагов расы, врагов общества» следовало исключить из цепочки наследования как можно быстрее¹¹. Даже социал-демократы, такие как Вильгельм Хёгнер, призывали по крайней мере к добровольной стерилизации рецидивистов, хотя коммунисты и Партия Центра (по совсем другим причинам) были категорически против¹². Гитлер и ведущие нацисты вроде профессионального юриста Ганса Франка активно поддерживали идею включения «закоренелых преступников» в список подлежащих стерилизации. Однако министр юстиции Франц Гюртнер успешно отклонил такую поправку как для Закона о стерилизации, так и для Закона о закоренелых преступниках. Он настаивал на своем, несмотря на давление со стороны евгеников, таких как Эрнст Рюдин, частично из-за того, что чиновники не были убеждены в возможности четко отделить наследственную предрасположенность к преступлениям от отклонений, вызванных средой, но в основном из-за того, что считали это необязательным, поскольку «закоренелые преступники» теперь заключались в тюрьму пожизненно по новым правилам ограничения свободы и поэтому не могли размножаться. Тем не менее государственные заключенные могли стерилизоваться, если они попадали под любые другие критерии, указанные в законе, и тюремные врачи с энтузиазмом выявляли кандидатов среди узников. Критерии для стерилизации были крайне туманными и включали «наследственных слабоумных» и «алкоголиков», к которым решительный тюремный врач мог отнести большую часть заключенных. Ганс Транк, последователь Фирштейна в Штраубинге, например, предложил стерилизовать до трети заключенных тюрьмы, эту цифру посчитали слишком высокой даже в местном Суде наследственного здоровья. Неудивительно, что число заключенных в списках для обязательной стерилизации было самым большим, в декабре 1939 года на эту процедуру было направлено 5400 человек. Также неудивительно было то, что угроза вазектомии и перевязки труб распространяла страх среди аре-

стантов, которые часто подсказывали друг другу правильные ответы в тестах на интеллект, проводимых врачами, и выучивали их наизусть¹³.

С другой стороны, физически неполноценные были затронуты этим процессом гораздо меньше. Действительно, одним из критериев, определенных Законом от 1933 года, было «серьезное наследственное физическое уродство», подразумевавшее любого человека с «отклонением от нормы, которое в достаточной мере мешает нормальному функционированию», если можно было доказать его наследственный характер. С этой точки зрения было совершенно неважно, были ли такие люди психически больными. Они теряли государственную поддержку, поскольку не имели пользы для общества. Уже во время Депрессии учреждения, занимавшиеся уходом за инвалидами в Германии, которые предоставляли 11 000 мест в 1927 году, оказались в таких финансовых условиях, что могли принимать только детей, причем только таких, прогноз лечения которых был положительным. Таким образом, задолго до 1933 года различие между «ценными» и «неполноценными», или людьми, страдавшими от излечимых физических дефектов, с одной стороны, и страдавшими от множества неизлечимых увечий, с другой, стало широко распространенным в медицинских учреждениях. В свете массовой пропаганды, запущенной нацистами против инвалидов в связи с законом о стерилизации от 1933 года, многие семьи забрали своих больных детей или родственников из таких учреждений, опасаясь за их судьбу¹⁴.

Но к середине 1930-х годов атмосфера начала изменяться. Врачи отмечали, что по крайней мере три четверти физических увечий возникали после рождения, и в подавляющем большинстве с крайне малой вероятностью могли передаваться следующему поколению. Такие травмы, как вывих бедра, прекрасно излечивались. Так же, как и косолапость, что должно было стать облегчением для министра пропаганды Йозефа Геббельса, самого известного больного Германии с таким диагнозом. Разумеется, было уже слишком поздно направлять его на стерилизацию, а несерьезность идеи о том, что такой недостаток имеет наследственную природу, была наглядно продемонстрирована прекрасной физической формой его многочисленных отпрысков.

Возможно, очевидный конфуз с определением косолапости как опасности для будущего расы стал одним из факторов изменения отношения к физическим недостаткам в Третьем рейхе. Однако главной причиной здесь была экономика. Хирурги-ортопеды и терапевты, опасаясь за свою работу в случае принятия политики стерилизации и полного отказа от лечения, отмечали, что если люди с физическими ограничениями имели ясный ум, их можно было использовать в самых различных профессиях, особенно если их лечение имело определенный успех. Они отмечали, что успешная терапия требовала раннего лечения, однако отношение нацистов заставляло матерей скрывать недостатки своих детей от медицины из страха перед последствиями.

Местные чиновники на собрании 12 октября 1937 года пришли к выводу, что растущая нехватка рабочей силы вызвала к жизни необходимость интегрировать людей с физическими недостатками в экономику. Отто Перл, организовавший в 1919 году Союз развития самопомощи для инвалидов, успешно пролоббировал замену уничижительного именованья «калека» (Küppel) в официальных документах на более нейтральное «человек с физическими ограничениями» (Körperbehinderte), которое все чаще использовалось с 1934 года. Многие из таких людей были жертвами войны, однако его кампании имели последствия и для более молодых инвалидов. В результате доля принудительно стерилизованных граждан, которые страдали исключительно из-за физических ограничений, в период правления нацистов составила меньше 1%. В 1934 году организация Перла была признана официально, интегрирована в Национал-социалистическую народную благотворительность под названием Имперский союз людей с физическими ограничениями (Reichsbund der Körperbehinderten) и занялась реализацией новой задачи по интеграции своих членов в производительную экономику. Люди, страдавшие от таких заболеваний, как гемофилия, острый прогрессирующий ревматический артрит, тяжелые формы спастических мышечных сокращений или хроническая деформация рук или позвоночника, направлялись в лечебные учреждения с инструкцией оказывать им минимальную помощь. Но даже в этом случае идея обязательной стерилизации была оставлена. В стране, где каждый день на улицах можно встретить многие

тысячи тяжело искалеченных войной инвалидов, было бы трудно оправдать такую политику перед лицом общества¹⁵. Тем не менее такая смена направления имела свои пределы. Физически неполноценные могли быть полезны режиму, но они никоим образом не были полными или равными членами расового общества. Важность, придававшаяся нацистами физическому здоровью и жизненной энергии, определяла их дискриминацию уже в школе — с 17 марта 1935 года им было запрещено получать среднее образование, как и ученикам, которые демонстрировали «стойкую неспособность к физическим тренировкам» и «молодым людям, показавшим стойкое нежелание следить за состоянием своего тела». Не последним способом продвижения вверх в школе, университете, Гитлерюгенде и практически во всех остальных институтах Третьего рейха была демонстрация готовности сражаться. Те, кто не мог этого показать, оставались гражданами второго сорта¹⁶.

Некоторые врачи за пределами Германии также придерживались мнения, что многие социальные болезни были результатом наследственной деградации определенных слоев населения. Даже до того, как нацисты пришли к власти в Германии, в двадцати восьми штатах США были приняты законы о стерилизации, в результате которых около 15 000 человек было подвергнуто принудительной стерилизации, и эта цифра увеличилась больше чем в два раза к 1939 году. Немецкие поборники расовой гигиены, такие как Герхард Бётерс, указывали на американский опыт, оправдывая собственную позицию, другие также между прочим вспоминали о законах, запрещавших межрасовые браки в южных штатах США, в качестве примера, который можно с успехом повторить в Германии. Американский проповедник евгенических теорий Гарри Лафлин, представивший в 1931 году программу по стерилизации около 15 миллионов американцев с неполноценной расовой наследственностью в течение следующих 50 лет, получил звание почетного доктора от Гейдельбергского университета в 1936 году. В свою очередь американские сторонники евгеники восхищались немецкими законами, а сам Лафлин с гордостью утверждал, что в их основу легли и его собственные идеи¹⁷. Законы о стерилизации в той или иной форме были приняты в Швейцарии в 1928 году, в Дании в 1929 году, в

Норвегии в 1934 году и некоторых других европейских странах, как демократических, так и авторитарных. В результате их исполнения стерилизации подверглось 6000 датчан и не менее 40 000 норвежцев. Еще большее число, около 63 000 стерилизаций, было проведено в Швеции в период с 1935 по 1975 год. Утверждалось, что стерилизация в Швеции использовалась для устранения недееспособных людей из цепочки наследования и была нацелена скорее на социальные, а не расовые отклонения. В целом это действительно так, поскольку социальное государство, созданное шведскими социал-демократами в эти десятилетия, не было основано на расистских идеях, как в случае с нацистским государством. Тем не менее Шведский национальный институт расовой биологии среди критериев, подразумевавших принудительную стерилизацию, определил ряд физических характеристик, а цыгане рассматривались им как расово неполноценная группа. Более того, в первые шесть лет Третьего рейха стерилизация, хотя и проводившаяся в масштабах больших, чем где-либо еще, в основном не носила расового характера, то есть не зависела от разделения рас на полноценные и неполноценные: люди, подвергавшиеся стерилизации, в подавляющем большинстве были «арийскими» немцами, и их стерилизовали по причинам, не слишком отличавшимся от тех, которые использовались шведскими властями и поборниками евгеники в других странах примерно в то же время¹⁸. Настоящее различие оформилось только позже, после начала войны, когда нацистский режим перешел от стерилизации социальных изгоев к их уничтожению.

II

Применение принципов расовой гигиены к обществу означало уничтожение традиционной христианской морали и ее замена системой этических норм, в которой добро и зло определялись исключительно на базе воображаемых коллективных интересов немецкой расы. Это не помешало некоторым протестантским чиновникам системы соцобеспечения поддержать эту политику, однако когда католическая церковь стала возражать против таких мер, как принудительная стерилизация, нацистские идеологи, вроде главы объединения врачей Герхарда Вагнера, стали пред-

ставлять это еще одним эпизодом долгой борьбы между религиозным мракобесием и научным просвещением, борьбы, в которой наука обязана была победить¹⁹. Действительно, в некоторых областях различия между консервативным традиционализмом и нацистским модернизмом были более явными, чем в отношении режима к женщинам, браку и семье, которые представлялись нацистским идеологам не в свете обычной христианской морали, а с точки зрения научных принципов расовой политики. Любые совпадения консервативных и национал-социалистических представлений о месте женщины в жизни общества были исключительно поверхностными. Встревоженные длительным снижением рождаемости в Германии на рубеже веков консервативные националисты и нацисты хором проповедовали возврат женщин к домашнему очагу. Однако если консерваторы видели решение этой проблемы в возрождении традиционных схем создания семьи, то нацисты были готовы идти на самые радикальные шаги с целью увеличения числа детей для рейха, добавляя к этому обязательный пункт о том, что такие дети должны были быть расово чистыми и неиспорченными с наследственной точки зрения. А к этим идеям консерваторы питали искреннее отвращение. Аборты, глубоко противные католической морали, оказались показательным примером. В Третьем рейхе были усилены и стали более строго исполняться существующие законы, запрещавшие аборты, если только они не проводились по медицинским показаниям, что позволило сократить число официально разрешенных абортс с примерно 35 000 в год в начале 1930-х годов до менее 2000 в год в конце десятилетия. Однако в 1935 году было разрешено проводить аборты по евгеническим основаниям, и в ноябре 1938 года в суде Люнебурга был создан важный прецедент, когда там был санкционирован аборт для одной еврейской женщины²⁰. В то же время контрацептивы, еще одна красная тряпка для католической церкви, оставались доступными в течение всех 1930-х годов, хотя клиники контроля рождаемости были закрыты из-за связей движения за контроль рождаемости с левыми либертарианскими политиками²¹.

Учитывая их дарвинистское представление о мировой политике, нацисты считали высокий уровень рождаемости важнейшим показателем здоровья нации. Снижение уровня рождаемости оз-

начало старение населения и сокращение числа призывников в вооруженные силы в долгосрочной перспективе. Повышение уровня рождаемости означало молодое, энергичное население и перспективу постоянно увеличивающейся численности военно-служащих в будущем. Сторонники расовой гигиены с беспокойством отмечали снижение уровня рождаемости в Германии с 36 детей на 1000 человек в 1900 году до всего 15 детей на 1000 человек в 1932 году. Уже в 1914 году Фриц Ленц высказал мнение, что в этом виновата эмансипация женщин, и стал призывать к введению запрета на высшее образование для женского пола. Он критиковал других идеологов расовой гигиены, которые утверждали, что здоровая женщина должна за свою жизнь родить от восьми до девяти детей. По его мнению, женщина могла рожать в течение 30 лет по одному ребенку через год, что в итоге давало минимум 15 детей. Все остальное относилось на счет «неестественных причин или патологий»²². Нацисты не могли не согласиться с этим. Сразу после прихода к власти они активно принялись за ликвидацию причин, которые, по их мнению, приводили к снижению уровня рождаемости, и стали активно поощрять женщин рожать больше детей. Их первой целью стало крупное и деятельное феминистическое движение Германии, которое было быстро закрыто, а его составные ассоциации рассеялись или влились в национальную женскую партийную организацию Национал-социалистического женского союза (NS-Frauenschaft). Ведущие радикальные феминистки, включая Аниту Аутспург и Лиду Густаву Хейман, пионеров борьбы за избирательные права женщин, а также Хелену Штокер, сторонницу сексуального освобождения женщин, уехали в изгнание. Помимо прочего их пацифистские убеждения создавали угрозу ареста и тюремного заключения при новом режиме. Более консервативные феминистки вроде Гертруды Баумер, которая занимала ведущие позиции в движении в 1920-х годах, ушли в добровольное «внутреннее изгнание», освободив дорогу женщинам с ярко выраженными нацистскими взглядами²³.

Национал-социалистический женский союз после яростной внутренней борьбы, которая длилась до начала 1934 года, возглавила Гертруда Шольц-Клинк, гордая мать (в конечном счете) одиннадцати детей. Ее приверженность идее семьи была вне всяких вопросов. Женская организация намеревалась активно руко-

водить массовой организацией немецких женщин под названием Германское женское дело (Deutsches Frauenwerk), которая должна была обратить весь женский пол в Германии в нацистскую веру²⁴. После назначения главой двух этих организаций в качестве имперского лидера женщин в феврале 1934 года Шольц-Клинк развернула бурную деятельность, учредив ряд программ, поощрявших женщин рожать больше детей и лучше заботиться об уже имеющихся. Одним из ее самых амбициозных проектов стала Имперская материнская служба. В ее основу лег опыт давно учрежденных групп социального обеспечения женщин. Она проводила курсы по уходу за детьми, кулинарному делу, шитью и расовой гигиене. К марту 1939 года их окончили больше 1,7 миллиона женщин, сами курсы финансировались за счет продажи значков на День матери и небольшого взноса за участие. Сам День матери стал большим пропагандистским событием и превратился в национальный праздник в 1934 году. Геббельс приказал штурмовикам, членам Гилерюгенда и других партийных организаций предоставить своим членам выходной, чтобы они могли провести его со своими семьями. В этот день театры должны были ставить пьесы соответствующей тематики и раздавать бесплатные билеты матерям и семьям, а пасторы и священники должны были читать проповеди о материнстве. На День матери в мае 1939 года три миллиона женщин, родивших от четырех детей и больше, получили звание «Матери рейха» в ходе особых церемоний, проводившихся по всей Германии. Их новый статус был отмечен присуждением специально отчеканенных Почетных крестов германской матери — бронзового за четверых, серебряного за шестерых и золотого за восьмерых и большее число детей. Последнее достижение считалось заслуживающим внимания самого Гитлера, который лично подписывал именные сертификаты. Обладатели этих наград могли отовариваться без очереди в продуктовых магазинах, а члены Гитлерюгенда должны были приветствовать их на улицах. Матери, которые превысили даже этот показатель и родили десять детей, удостоивались чести пригласить Гитлера в качестве крестного отца десятого ребенка. При рождении мальчика это означало, что его называли Адольфом — католические семьи, возмущавшиеся преследованием их церкви со стороны Гитлера, находили такую ситуацию крайне огорчительной²⁵.

Участие Геббельса в этой пропагандистской программе указывало на то, что женская организация Шольц-Клинк ни в коем случае не имела монополии на политику в этой области и ее реализацию. Будучи простой женщиной, Шольц-Клинк довольствовалась низким положением в нацистской иерархии и поэтому не была ровней даже для нацистских лидеров-мужчин, не добившихся успехов в борьбе за власть, которая велась во внутренней политике режима постоянно. Вскоре Трудовой фронт, Имперское продовольственное управление и Национал-социалистический женский союз стали контролировать основные области соцобеспечения женщин, а Трудовой фронт со своими вспомогательными организациями стал заниматься большим числом женских досуговых мероприятий. В то же время ограниченность ресурсов, доступных для Шольц-Клинк, означала, что ее женские организации не смогли добиться поставленных перед ними амбициозных целей: они не смогли достучаться до большинства женщин среднего класса, которые составляли основу прежнего женского движения в годы Веймара, а домохозяйки с неохотой шли на службу нации в том амплуа, в котором предполагала Шольц-Клинк. Их мужья и дети стали тратить все больше времени вне дома на партийных мероприятиях, в лагерях и на вечерних обучающих курсах. Немецкие женщины, ставшие авторами собрания удивительно резких критических обращений к Гитлеру, опубликованного в конце 1933 года, жаловались, что в результате они проваливались «в болото одиночества»²⁶.

Более того, правительственная программа по повышению рождаемости сама по себе означала вмешательство режима в жизнь семьи и отношение полов, который всеми силами заставлял женщин выходить замуж и рожать много детей. Нацистский режим поддерживал интересы больших семей, взяв под свой контроль уже существовавший Имперский союз многодетных семей, организацию, которая также стала инструментом расового проектирования, поскольку многие большие социально неблагополучные семьи были исключены из ее рядов и отлучены от предлагавшихся ею привилегий на основании своей асоциальности или деградации. Для тех, кто соответствовал критериям, имея от четырех детей младше шестнадцати и более, были доступны различные льготы, включая преимущества при обучении, рабочее

место для отца семейства, лучшие условия проживания для семьи в целом, а также надбавки на одного ребенка, введенные в октябре 1935 года, которые в среднем составляли 390 рейхсмарок для одной семьи. К июлю 1937 года эти надбавки получили 400 000 таких семей. 240 000 семей также получали постоянную поддержку, кроме того, родителям выплачивались одноразовые суммы до 1000 рейхсмарок на одного ребенка для покупки домашних вещей, постельных принадлежностей и т.д. С апреля 1936 года правительство ввело дополнительную премию в размере 10 рейхсмарок в месяц для пятого и каждого следующего ребенка в семье. В 1938 году эти льготы были распространены с детей до 16 лет на детей до 21 года. Налоговые реформы позволили установить повышенные пособия для больших семей в национальном масштабе, а местные правительства предпринимали собственные шаги по снижению тарифов на газ, воду и электричество, предоставлению бесплатной формы Гитлерюгенда, частичной оплате расходов на обучение, увеличению зарплат муниципальных сотрудников с четырьмя и более детьми или (как в Лейпциге) ежемесячной публикации «листов почета» из многодетных семей. Бремя этих расходов ложилось на холостых и незамужних, а также на бездетные пары и стало явным призывом к рождению большего числа детей, особенно для малообеспеченных семей: бедная семья с тремя маленькими отпрысками могла серьезно улучшить свое материальное положение, заведя четвертого. Вместе с тем существовали и ограничения, особенно в области обеспечения жильем, где привилегии, которые должны были предоставляться большим семьям, мало что значили на деле, учитывая продолжавшуюся нехватку жилья. Домовладельцы все так же предпочитали сдавать квартиры одиноким людям или бездетным парам, поскольку они расходовали меньше газа, воды и электричества в ситуации с замороженной арендной платой. Государственные инвестиции в жилищное строительство фактически упали с одного и одной трети миллиарда марок в 1928 году до четверти миллиарда в 1938 году²⁷.

Эти проблемы отражались и в том, что снижение процента семей с четырьмя и более детьми не останавливалось. Примерно половина всех пар, обручившихся в 1900–1904 годах, имели четверых детей и больше, однако из женившихся в 1926–1930

годах эта часть составляла только 20%; в 1931–1935 годах она уменьшилась до 18%, а в 1936–1940 годах до 13%²⁸. Усилия режима не приносили особых плодов в условиях снижения размеров семьи в светских браках, которое началось десятилетия назад и продолжалось до сих пор. Экономические, социальные и культурные затраты на содержание более одного или двух детей были просто слишком велики для Третьего рейха²⁹. По крайней мере внешне режим радовался успеху в стабилизации долговременного снижения уровня рождаемости, которое так беспокоило сторонников расовой гигиены. С низкого значения в 14,7 ребенка на тысячу человек в 1933 году уровень рождаемости повысился до 18,0 ребенка в 1934 году и до 18,9 в 1935 году. Затем он выровнялся на отметке в 19,0 ребенка в 1936 году и 18,8 в 1937 году, после чего снова незначительно повысился до 19,6 в 1938 году и до 20,4 в 1939 году³⁰. К началу 1940-х годов сторонний наблюдатель мог с уверенностью заявить, что три миллиона немцев были рождены в результате прямого исполнения политик, предложенных Третьим рейхом³¹. Однако резкое увеличение численности браков почти на четверть в период с 1932 по 1938 год в первую очередь было вызвано экономическим выздоровлением. Люди откладывали брак и рождение детей из-за Депрессии: учитывая, что больше трети работоспособного населения были безработными, это было совершенно понятно. Таким образом, даже без программы брачных займов большинство браков и рождений детей, которые случились после 1934 года, произошли бы в любом случае. Дополнительное число детей отражало усилившиеся сложности для женщин в проведении абортос после 1933 года, и только относительно небольшое число можно отнести непосредственно на счет политик, представленных Третьим рейхом³².

III

Со временем эти программы стали все больше влиять на сферу брака и семьи. В 1938 году новый Закон о браке разрешил способному к зачатию мужу или жене подать на развод на основании «преждевременного бесплодия» или отказа супруга от производства потомства. Основанием для развода также могли стать трехлетнее раздельное проживание и необратимый конфликт. Таким

образом, совершенно не учитывая христианского представления о браке как о божественном союзе двух людей на всю жизнь, Третий рейх надеялся упростить для людей повторное вступление в брак с целью деторождения. К 1941 году около 28 000 человек подали на развод на основании развала брака или раздельного проживания, 3838 разводов было разрешено по причине преждевременного бесплодия и 1771 из-за отказа рожать детей. Это не слишком впечатляющие цифры и они не оказали особого влияния на уровень рождаемости, если оказали его вообще. Тем не менее в обществе, где развод все еще был необычным и в целом осуждаемым явлением, такие разводы составили добрые 20% от общего числа. Ватикан немедленно уведомил немецкого посла о своем осуждении такой практики. Оно было проигнорировано³³. Потенциально намного большее влияние на семью мог оказать Закон о защите наследственного здоровья немецкого народа, опубликованный 18 октября 1935 года. В нем предусматривался запрет на брак в тех случаях, когда один из супругов страдал от наследственного заболевания или был душевнобольным. В результате все пары, желавшие вступить в брак, должны были предоставить письменное свидетельство того, что они соответствовали требованиям закона. Местные управления по здравоохранению оказались бы завалены запросами на медицинское освидетельствование, если бы эти требования стали исполнять в полном масштабе. Поэтому на практике требование проверки выдвигалось в основном служащими регистрационных палат, если у них возникали сомнения в здоровье будущих супругов. На самом деле некоторых из них уже занимались этим еще до принятия закона. Требование о письменном подтверждении было отложено на неопределенный срок и в последующие годы закон ослаблен рядом поправок. Тем не менее он намного усложнил процедуру вступления в брак людям, которые считались асоциальными или умственно неполноценными. Такие диагнозы оставляли их за пределами программы брачных займов и делали весьма вероятным попадание в программу стерилизации³⁴.

Наконец, незаконнорожденность, вечное пятно позора в социально и нравственно консервативных кругах, для нацистов с их отношением к деторождению была совершенно неважна. Если младенец был чист с расовой точки зрения и здоров, то не

имело никакого значения, состояли ли его родители в законном браке. Логическим следствием первоочередного внимания к размножению без учета моральных аспектов стало учреждение Генрихом Гиммлером в 1936 году комплекса роддомов под эгидой ассоциации «Источник жизни» (Lebensborn), находившейся в ведении СС. Они предназначались для расово пригодных незамужних матерей, которые бы в противном случае могли не получить ухода, которого, по мнению Гиммлера, заслуживали. Уровень смертности среди незаконнорожденных младенцев был чрезвычайно высок по сравнению со средним уровнем по государству. Однако эксцентричная попытка Гиммлера призвать свою элиту к выведению будущей расы повелителей оказалась не слишком удачной — эти дома быстро стали использовать семьи высокопоставленных чиновников СС, а впоследствии и нацистской партии в целом, из-за низких расценок, хороших условий и (особенно во время войны) очень удачного сельского расположения. В мирное время меньше половины матерей в этих домах были не замужем, хотя и этого было достаточно, чтобы навлечь на себя огонь критики католиков и консерваторов. Всего в этих домах родилось 8000 детей, чего было явно недостаточно для начала новой расы господ. Гиммлеру также не удалось многого добиться с офицерами СС, которые вообще-то были женаты. Расследование 1939 года показало, что 115 690 женатых сотрудников СС имели в среднем только 1,1 ребенка в семье³⁵.

Помимо всего этого нацисты также предпринимали значительные усилия по распространению образа женщины, который отражал их предполагаемую общественную функцию матерей рейха. Бойкот французской моды стал патриотическим долгом, отказ от косметики и губной помады, активно рекламировавшихся крупными американскими фирмами, выражал приверженность немецкой расе, отказ от курения стал символом женственности и вел к улучшению здоровья потенциальных матерей и неродившихся детей, в чем нацистские медицинские эксперты были уверены уже в 1930-х годах. Родителей призывали заплетать своим дочерям косички и одевать в платья с узкой талией и широкой юбкой, особенно если те были блондинками. Немецкий институт моды начал проводить показы нового немецкого *haute couture*, противопоставляя себя международному домини-

рованию парижской моды. Все это было не простой пропагандой. Например, районное управление партии в Бреслау запрещало женщинам посещать партийные собрания, если те «раскрашивали» себя косметикой. В кафетериях развешивались объявления, требовавшие от женщин воздерживаться от курения, а начальник полиции Эрфурта советовал гражданам «напоминать женщинам, курящим на улицах, об их долге немецких жен и матерей». Сообщалось, что иногда штурмовики вырывали сигареты изо рта женщин, которые курили в общественных местах, или устраивали трепку женщинам с выщипанными бровями и накрашенными губами. Газеты и журналы, с одной стороны, выступали против мужественности «новой женщины» веймарского периода, с короткой стрижкой и мужской одеждой, и с другой — против сексуально соблазнительного образа женщины-вамп, с ее пленительным очарованием и длинными волнистыми волосами. Утверждалось, что лучшим способом достичь здорового, сияющего вида для женщины, который требовался для будущего немецкой расы, были физические упражнения³⁶.

И здесь нацистам также совершенно не удалось реализовать свои замыслы. Сдержать косметическую индустрию оказалось невозможно, и вскоре она нашла новые способы получения прибыли. Журналы стали наполняться советами для немецких женщин, как добиться естественного вида с помощью искусственных средств. Производители шампуней быстро продвигали новые продукты, помогавшие женщинам получить столь желанный белый цвет волос. Немецко-еврейские швейные фирмы были ариизированы, а космополитические модные еврейские дизайнеры были исключены из бизнеса, однако международная мода оказалась слишком сильна, чтобы ей противостоять. Женские журналы продолжали обсуждать внешний вид голливудских звезд и объясняли, как им удается его добиваться. Высокопоставленные женщины в нацистском обществе с презрением относились к нападкам на моду. Магда Геббельс часто курила через мундштук на людях, Винифред Вагнер посещала оперные гала-представления в парижских шелках, и даже подруга Гитлера Ева Браун курила, когда его не было рядом, и регулярно пользовалась косметикой «Элизабет Арден». Немецкому институту моды не хватало энергии, чтобы оказать сколько-нибудь серьез-

ное влияние, и попытки режима помочь замкнутой экономике и повысить национальное самосознание, призывая женщин носить домотканую одежду, сталкивались со все большими сложностями из-за дешевизны массового производства готовых платьев из искусственных материалов. Стремясь изменить распространенное за границей мнение о том, что немецкие женщины были старомодными и безвкусными, женские журналы по приказу Министерства пропаганды пытались убедить их быть элегантными во внешнем виде, особенно когда рядом были иностранцы. Действительно, национальные платья с узким лифом и широкой юбкой в конце 1930-х годов переживали определенное возрождение, однако зачастую они настолько видоизменялись в соответствии с международными модными веяниями, что в них уже сложно было узнать народную одежду. В конечном счете немецких женщин уже нельзя было убедить выглядеть просто как нынешние или будущие матери или заставить вести себя таким образом³⁷. Это было и неудивительно, учитывая, насколько нацисты подорвали традиционное разделение между общественным и личным, домом и внешним миром. Пока государственная политика проникала в домашнюю жизнь, политизируя ее, партийные организации извлекали женщин и детей из дома и приучали их к общественной жизни в лагерях, экспедициях и на собраниях. Результатом этого стало размытие различий, которое не позволяло женщинам соответствовать роли домохозяйки и матери, к которой их готовила нацистская пропаганда. И в некоторых областях противоречивость и нелогичность действий Третьего рейха была заметна еще более ярко³⁸.

Насколько все это отличалось от ситуации в остальной Европе? В 1930-х годах практически все ведущие европейские державы предприняли попытки повышения уровня рождаемости, поскольку почти все правительства были обеспокоены возможным воздействием снижения рождаемости на будущую эффективность вооруженных сил. В Италии Муссолини и в сталинской России были введены поощрения многодетным матерям, а во Франции, где снижение уровня рождаемости в течение очень долгого периода было особенно сильным, пропаганда за повышение рождаемости в годы между войнами достигла поистине лихорадочного накала. В фашистской Италии также велась

борьба за отстранение женщин от работы и предпринимались попытки свести их социальные функции до рождения и воспитания детей, а в Советской России относительно свободная сексуальная атмосфера 1920-х годов при Сталине стала гораздо более пуританской и строгой. Повсеместно разваливались автономные феминистические движения, они теряли поддержку или ликвидировались авторитарными правительствами. Вместе с тем существовали и некоторые различия. Влияние католической церкви в Италии означало, что Муссолини не мог использовать безнравственные методы расового проектирования, которое было краеугольным камнем демографической политики в нацистской Германии. В России, несмотря на то что в политике Москвы по отношению к другим национальностям Советской империи могли проскакивать некоторые расистские нотки, расизм не занимал центрального положения в идеологии режима и в ней не было эквивалентов нацистской стерилизации и законам в области брака или расовых отношений. Более того, хотя в Советской России с неодобрением относились к косметике и высокой моде, в первую очередь это было из-за их буржуазной природы, которая отвлекала женщин от роли рабочих, которая в отличие от нацистской Германии усердно пропагандировалась на плакатах и вывесках, где изображались женщины за рулем тракторов или у сталеплавильных горнов. Помимо всего этого политика в области браков и рождаемости в нацистской Германии, как и любая другая социальная политика, имела как отрицательные, так и положительные результаты и ставила в еще более невыгодное положение те расовые и другие меньшинства, которые не соответствовали представлению Третьего рейха о новом арийском человеке³⁹. И таких было много.

IV

Одной особенной группой, которую в Третьем рейхе считали опасной по расовым причинам, были так называемые цыгане, которых в Германии в начале 1930-х годов проживало около 26 000⁴⁰. Они состояли из больших семейных групп, которые относили себя к одной или другой разновидности больших племен — рома, синти и лаллери — и вели кочевой образ жизни. Они

появились в Центральной Европе в конце XV века, некоторые из Египта (отсюда английское слово «джипси», цыгане), но изначально они произошли из Индии. Темнокожие, говорившие на другом языке, проживавшие в основном в стороне от остального немецкого общества и занимавшиеся кочевыми ремеслами того или иного рода, они вызывали широкое общественное недовольство и привели к созданию жесткого законодательства, направленного против них, в период возникновения новых государств в ходе социальной и политической консолидации после окончания Тридцатилетней войны в 1648 году. Романтики начала XIX века создали идеализированный образ примитивного и экзотического цыганского народа, носителя оккультных знаний, таких как гадание и предсказание. Однако с появлением криминальной биологии в конце века законодатели и управляющие снова стали относить их к уголовным элементам. Цыгане стали все больше подвергаться мелким притеснениям со стороны полиции из-за их отказа соответствовать современному образу горожанина — посещать школы, платить налоги, регистрироваться по месту жительства — и презрения к общепринятым представлениям о частной собственности, труде, законности, санитарных нормах и др. Нарушения развитой сети норм, которые связывали общество в этой и других областях, означали, что большинство цыган имели уголовное прошлое — это убеждало органы обеспечения правопорядка в наследственной предрасположенности цыган к преступлениям. В 1926 году баварское правительство приняло особенно жесткие законы против цыган, приравняв их к бомжам и тунеядцам, и организовало Центральное управление для систематического сбора информации о них. Десять лет спустя оно имело архив примерно в 20 000 дел⁴¹.

Приход Третьего рейха поначалу не означал серьезных изменений в жизни немецких цыган за исключением того, что они попали в категорию людей, с которыми боролся режим, таких как преступники, асоциальные элементы и тунеядцы. Ряд региональных и местных властей усилили свои нападки на кочевников, устраивая рейды по их таборам, сгоняя с мест отдыха и арестовывая тех, кто был уличен в таких действиях, как попрошайничество. 6 июня 1936 года эти усилия были скоординированы в декрете, изданном Имперским министерством внутренних дел,

и в ряде городов начали устраивать специальные лагеря для цыган наподобие созданного во Франкфурте-на-Майне. Это были не совсем концентрационные лагеря, поскольку цыгане, по крайней мере формально, имели право приходить и уходить по своему желанию, и там не предпринимались попытки следить за дисциплиной или вводить наказания. Однако условия были крайне жесткими. Так, в лагере в берлинском пригороде Марцан, где содержалось 600 цыган, силой выдворенных из города в июле 1936 года, было только две уборные, три источника воды, никакого электричества и слишком мало бараков для тех, у кого не было фургонов. Болезни были там обычным делом, в марте 1939 года отмечалось, что около 40% обитателей лагеря болели чесоткой. Жестокие охранники травили собаками тех, кто отказывался подчиниться приказам. К тому времени там находилось больше 800 человек, и в лагере была собственная школа. Тем не менее большинство цыган продолжали жить внутри общества, особенно учитывая высокий уровень смешанных браков с немцами, и многие из них снимали собственные комнаты или квартиры, а не вели традиционный для себя кочевой образ жизни⁴².

В рамках интенсивных мер по предотвращению преступлений, принятых в 1938 году, Гиммлер перенес Баварское центральное управление по делам цыган в Берлин и преобразовал его в имперское управление. В ходе полицейских облав на тунеядцев было арестовано значительное число цыган, однако их еще не преследовали по расовым причинам. Гиммлер издал соответствующий указ по цыганам только 8 декабря 1938 года, хотя тот находился в разработке уже несколько месяцев. В нем объединялись существующие меры и передавались под централизованное управление криминальной полиции в Берлине. Он предписывал регистрировать всех цыган и бродяг и проводить их расово-биологическое освидетельствование. По его результатам выдавалось удостоверение, в котором указывалось, является ли владелец цыганом, человеком с цыганской кровью или бродягой, не имеющим цыганской крови. Человек мог получить работу, водительские права, льготы и пр. только по предъявлении такого удостоверения. Регистрация проводилась на базе полицейских записей и с помощью специального исследовательского института, учрежденного Имперским управлением по здравоохранению в 1936 году

под руководством доктора Роберта Риттера, молодого врача, который быстро стал особым советником правительства по цыганскому вопросу. Родившийся в 1901 году, Риттер был криминальным биологом, он организовал группу исследователей, которые объезжали цыганские таборы, проводили биометрические измерения, регистрировали их жителей, а также брали анализы крови. Тем, кто отказывался сотрудничать, угрожали отправкой в концентрационный лагерь. Группа Риттера собирала церковные записи, объединила их с документами Центрального мюнхенского управления по делам цыган и составила список из более 20 000 человек. Вскоре Риттер хвастался тем, что у него будут полные данные на всех цыган или людей цыганской крови в Германии⁴³.

Риттер утверждал, что цыгане были примитивной, низшей расой, которые по своему устройству были неспособны вести нормальный образ жизни. Таким образом, чистокровные цыгане не представляли угрозы для общества и им следовало разрешить вести свой традиционный образ жизни. Однако он предупреждал, что таких осталось очень мало. Большая часть так называемых цыган состояли в браках с немецкими гражданами и проживали в трущобах, которые стали для них домом, что вело к созданию опасной прослойки преступников и бездельников. Этим он самовольно обратил нацистскую антисемитскую догму, в соответствии с которой чистокровные евреи представляли собой большую угрозу для Германии, чем полукровки. Такие теории давали псевдонаучное оправдание полицейским мерам, которые стал проводить Гиммлер. Они находили широкую поддержку среди социальных работников, криминологов, полицейских властей, муниципалитетов и обычных немецких граждан. Указ от 8 декабря 1938 года запрещал цыганам разъезжать «ордами» (группами из нескольких семей), предусматривал депортацию иностранных цыган и давал полиции право арестовывать бродяг, которые классифицировались как асоциальные элементы. Он распространял уже существовавшее расовое законодательство на цыган, которые теперь должны были предоставлять сертификат пригодности, прежде чем им разрешали вступать в брак. Как правило, в выдаче им отказывали. В марте 1939 года Гиммлер издал указ, в соответствии с которым в будущем следовало не допускать расового смешения между цыганами и немцами. В каж-

дом региональном управлении криминальной полиции следовало создать особый отдел по делам цыган. Такие отделы осуществляли контроль над проведением расового освидетельствования цыган и выдачей специальных удостоверений (коричневого цвета для чистокровных цыган, коричневого цвета с синей полосой для полукровок и серых для остальных бродяг). К началу войны Гиммлер сделал очень многое для подготовки того, что в своем декрете 8 декабря 1938 года он назвал «окончательным решением цыганского вопроса»⁴⁴.

V

Если к решению «цыганского вопроса» режим подходил постепенно и, по крайней мере поначалу, в рамках существовавших полицейских мероприятий, которые лишь отчасти носили расистский характер и не слишком отличались от подобных мер в других европейских странах, то того же нельзя было сказать об отношении к другой, гораздо меньшей группе немецкого общества, так называемым «рейнским ублюдкам». Само выражение было спорным моментом в националистической идеологии, оно относилось к чернокожим детям или детям от смешанных расовых связей, которые практически повсеместно считались результатом насилия над немецкими женщинами со стороны французских африканских колониальных войск во время оккупации долины Рейна после 1919 года и в первую очередь Рура в 1923 году. Однако на самом деле было зафиксировано крайне мало подобных изнасилований. Большинство таких детей рождались в гражданских браках, и, согласно более поздней переписи населения, их было не больше 500–600. Другие афронемцы, которых хоть и считали результатом французской оккупации, были детьми немецких колонистов и африканских женщин в колониальный период до 1918 года или последующие годы, когда многие немцы вернулись из бывших колоний, таких как Камерун и Танганьика (современная Танзания). Однако о предполагаемых изнасилованиях столько говорилось на национальном уровне, что они оставались объектом общественного внимания в течение всех 1920-х годов. Афронемцы считались националистами живым воплощением немецкого позора⁴⁵.

Уже в 1927 году в баварском Министерстве внутренних дел ходили предложения об их принудительной стерилизации, которая бы воспрепятствовала внесению африканских признаков в генетический материал немцев. О них вспомнили практически сразу после прихода нацистов к власти, когда Геринг приказал собрать данные по таким детям, многие из которых уже были подростками. Обследования некоторых из них, проводившиеся экспертами по расовым вопросам, вполне предсказуемо показали, что те были во всех отношениях неполноценными. Однако юридическая база для обращения с ними на условиях, представленных в законе о стерилизации от 1933 года, была крайне шаткой, поэтому после долгого обсуждения среди чиновников в 1937 году было решено, практически наверняка с неявного согласия Гитлера, что такие дети должны подвергаться стерилизации только по приказу Вождя. В гестапо была организована специальная комиссия, состоявшая из поборников расовой гигиены и антропологов, ее отделения были открыты в Рейнской области, молодых людей, попадавших в сферу внимания, находили и проверяли, а программа стерилизации, тайно организованная Эрнстом Яудином, Фрицем Ленцем и Вальтером Гроссом, продолжалась⁴⁶.

Происходившее с людьми, которые попадали в жернова этой программы, хорошо показывает зарегистрированный гестапо как «дело № 357» случай одного мальчика, родившегося в 1920 году в гражданском браке от немецкой матери и французского колониального солдата с Мадагаскара, который признал свое отцовство, подтвержденное матерью. Медицинско-антропологическое освидетельствование, проведенное в 1935 году, заключило, что черты лица мальчика были негерманскими и, вероятно, негроидными. До принятия решения о политике стерилизации он начал работать на барже. Гестапо нашло его и арестовало ночью на 29 июня 1937 года. Исключительно на основе предыдущего подтверждения его происхождения по отцу со стороны матери и медицинского освидетельствования 1935 года комиссия отделения в Кёльне приказала его стерилизовать. Его мать, которая тем временем вышла замуж за немца, дала свое разрешение, как и ее муж, и мальчику сделали вазектомию в Евангелистском госпитале Кёльна 30 июня, через день после ареста. Его выписа-

ли из больницы 12 июля, после чего он вернулся на работу. Юридически являясь немцем, он не имел возможности подать протест или апелляцию на решение, потому что он был низшего сорта, и более чем вероятно, что его родители дали свое согласие на операцию только под серьезным давлением со стороны гестапо. Многие из стерилизованных были еще моложе. Девочек двенадцати лет принудительно отправляли на операцию по перевязке маточных труб. Сомнительно, чтобы многие из них реально понимали, что с ними делают, почему и какие последствия это будет иметь в их жизни. Точное число людей, с которыми так обошлись, неизвестно, но, вероятно, оно составляет около 500. Тем не менее после этого с ними больше ничего особенного не происходило, если только они не переходили в оппозицию режиму по другим причинам. Значительное число афронемцев смогли найти себе работу в цирках и на ярмарках, а также в качестве актеров второго плана в фильмах об Африке. Последствия стерилизации, физические и психологические, остались с ними до конца дней⁴⁷.

VI

Занимаясь гонениями этих расовых меньшинств, нацисты в то же время начали активное преследование гораздо более многочисленной группы немцев. Гомосексуальные отношения между мужчинами (но не между женщинами) с давних пор, как и в других европейских странах, находились в Германии вне закона. Статья 175 Имперского уголовного кодекса предусматривала тюремное заключение для любого мужчины, который «занимается действиями, сходными с половым сношением» с другим мужчиной. Другими словами, чтобы подтвердить обвинение, необходимо было показать, что произошло физическое проникновение. Такое ограничительное определение было сложно доказать, что позволяло безнаказанно заниматься разными видами однополрой любви. Гомосексуальная культура расцвела в свободной атмосфере Берлина и пары других крупных городов Веймарской республики, которые стали своего родом магнитом для гомосексуалистов из других более нетерпимых стран, среди которых, наверное, самым известным был британский писатель

Кристофер Ишервуд. Тем не менее нельзя сказать, что после прихода к власти нацисты делали что-то большее, чем просто исполняли закон, устраивая зачистки в известных берлинских барах и местах встреч для гомосексуалистов и запрещая движение за отмену статьи 175, хотя насилие, сопровождавшее эти действия, совершенно точно нельзя было оправдать каким-либо существовавшим законодательством⁴⁸.

Для нацистов гомосексуалисты были разложившимися, женоподобными извращенцами. Они подрывали силу арийской расы, отказываясь заводить детей, и разрушали идею мужественности, которую провозглашали столько нацистских политиков. Для Генриха Гиммлера, чье ограниченное буржуазное воспитание привело к возникновению нетерпимости в этом вопросе, значительно превышающей обычные социальные предрассудки, гомосексуализм был «симптомом умирающих рас», он приводил к тому, что «все достижения, все попытки чего-либо добиться в государстве были обречены на провал». В обращении к офицерам СС в 1937 году он говорил, что в Веймарской республике были миллионы гомосексуалистов, поэтому неудивительно, что она была слабой, разрозненной и неспособной восстановить должное место Германии в мире. Патологический страх Гиммлера перед гомосексуализмом еще больше усиливался из-за его убеждения, что только тесно сплоченные группы арийских мужчин могли управлять Германией и миром. Связанные тесными узами товарищества, проживающие в казармах и лагерях и проводящие большую часть своего времени в компании друг друга, а не противоположного пола, они слишком легко могли пасть жертвой своих сексуальных порывов, когда гомоэротизм пересекал роковую границу и становился гомосексуализмом. Гиммлер не только имел склонность предупреждать сотрудников СС об опасности гомосексуализма, но и хотел установить самые строгие санкции для любых офицеров или солдат, которые были бы уличены в неподобающих связях, вплоть до смертного приговора⁴⁹.

Что любопытно, нацисты обращали мало внимания на женский гомосексуализм. В Германии, как и в большинстве других европейских стран, он не был вне закона и никак не упоминался в Уголовном кодексе. Тем не менее лесбиянки в нацистской Германии все равно могли быть арестованы и направлены в кон-

концентрационные лагеря, если они переступали черту в глазах властей. В суде такие дела рассматривались в рамках статьи 176 Уголовного кодекса, которая запрещала сексуальную эксплуатацию подчиненных их начальниками в организациях вроде Гитлер-югенда и Союза немецких девушек. Кроме того, учитывая их нетрадиционный образ жизни и частый отказ выполнять то, что режим считал главным и естественным обязательством женщин перед расой, а именно — рожать детей, лесбиянки в некоторых случаях попадали под определение асоциальных элементов. Выход замуж за «голубого» мужчину в качестве прикрытия (для обоих партнеров), ставший распространенной практикой в этих кругах после 1933 года, не обязательно мог помочь, поскольку тот факт, что такие пары редко имели детей, привлекал враждебное внимание властей. Лесбийские клубы и бары были закрыты полицией в 1933 году, и было очевидно, что шансов на их возрождение не было. Вместе с тем в целом нельзя было говорить о систематических гонениях лесбиянок, как это было в случае с гомосексуалистами. Лесбийские общества продолжали функционировать, особенно в крупных городах вроде Берлина, хотя и за закрытыми дверями. Учитывая мнение нацистов о женщинах как о пассивной и подчиненной части общества, однополые связи среди них не рассматривались как опасная угроза⁵⁰.

Напротив, мужской гомосексуализм вызывал серьезную озабоченность, и не только со стороны одержимого Генриха Гимmlера. В публикациях СС иногда проскальзывали его идеи о необходимости «искоренить извращенцев в целях сохранения чистоты расы». Однако у них были свои границы. Медицинское и научное сообщество, разумеется, считало гомосексуальность извращением. Однако, как и в случае других отклонений, оно склонялось к различению между принципиально неизлечимыми, которых, по личной оценке Гимmlера, было около 2% от всех гомосексуалистов, или около 40 000 человек, и остальными, которых можно было вернуть на путь истинный с помощью перевоспитания. Поскольку, по мнению Гимmlера, лучше всего для этих целей подходили концентрационные лагеря, такое перевоспитание непременно состояло из строгих наказаний, которые должны были удерживать людей от дальнейших гомосексуальных связей. Схожей позиции придерживались и суды. И Гимmlеру

пришлось оставить решение этого вопроса именно судам, поскольку в 1933 году СС все еще была относительно небольшой организацией, практически полностью скрытой в тени более многочисленной и совершенно другой по устройству СА. Коричневорубашечники под руководством Рёма, чьи гомосексуальные пристрастия были секретом Полишинеля, не предпринимали вообще никаких действий против гомосексуалистов внутри своих рядов. Не только враги Рёма, социал-демократы, но и его соперники внутри самого нацистского движения несколько раз выносили на обсуждение его гомосексуальные наклонности и пристрастия некоторых других лидеров СА, в первую очередь после возвращения Рёма на пост руководителя штурмовиков в начале 1931 года. Однако Гитлер не обращал внимания на такие попытки. По его словам, СА была «не высоконравственным институтом для обучения милых молодых девушек, а бандой свирепых бойцов». Частная жизнь ее лидеров и членов была их личным делом, если только «в серьезной степени не противоречила базовым установкам национал-социализма». А тем временем все, кто пытался критиковать Рёма и его товарищей за их сексуальное поведение, исключались из движения. Однако это не останавливало обсуждение гомосексуализма Рёма, как внутри, так и вне партии. Но пока Гитлер считал шефа СА незаменимым, все это не имело практического эффекта⁵¹.

Ситуация кардинально изменилась 30 июня 1934 года, когда Гитлер ударил по руководству СА, используя для оправдания своих действий гомосексуализм Рёма и других людей, убитых по его приказу, в первую очередь Эдмунда Хейнса. Это был шанс Гимmlера. В обращении к руководителям СС он заявил, что Рём намеревался установить гомосексуальную диктатуру и привести страну к краху, эту точку зрения высказывал и Альфред Розенберг. С этого момента гомосексуализм вел к немедленному исключению из движения. Волна гомофобии пронеслась над нацистской партией и дочерними организациями. Полиция по всей Германии провела новую серию облав на гомосексуалистов и места их встреч. 48 человек с прошлыми обвинениями в педерастии были арестованы снова и отправлены в концентрационный лагерь в Дахау. В декабре 1934 года 2000 человек были арестованы в ходе ряда полицейских рейдов по барам и клубам для

гомосексуалистов. После истории с Рёмом в гестапо был создан новый отдел, задачей которого стало создание картотеки гомосексуалистов, в первую очередь внутри партии. Это стало еще одной областью, где важную роль играли анонимные доносы, поскольку рассматриваемые проступки в основном совершались не на людях, а за закрытыми дверями. К середине 1935 года по статье 175 шел целый ряд процессов над лидерами Гитлер-югенда. Десятки из них втайне доставлялись в главное управление гестапо в Берлине для допроса. После получения признания многие из них были отправлены в концентрационные лагеря на неопределенный период времени. Гиммлер использовал новую ситуацию, чтобы избавиться от неудобных соперников, таких как гаулейтер Силезии Гельмут Брюкнер, который жаловался по поводу множества убийств, совершенных руководителем СС Удо фон Войршем в его области в ходе чистки после рёмовского путча. Гиммлеру удалось добиться ареста Брюкнера за непристойное сексуальное поведение в отношении офицера армии, уволить его со своего поста и приговорить к 18 месяцам тюрьмы. Протесты Брюкнера о том, что в период тех отношений до 30 июня 1934 года его бисексуальность никого не волновала, остались без внимания⁵².

Брюкнера осудили, что стало весьма распространенной судебной практикой при Третьем рейхе, задним числом в соответствии с новым законом, принятым 28 июня 1935 года. Он дополнил статью 175, включая более строгие наказания за гомосексуальное поведение и предлагая для него новое, намного более размытое определение «неестественного сексуального акта» (Unzucht). Требование о необходимости доказать факт физического проникновения было исключено. В феврале 1937 года Гиммлер посвятил длинную речь этому вопросу, заявив руководителям СС, что любой гомосексуалист, обнаруженный в его организации, с этого момента будет арестован, судим, приговорен и отправлен в концентрационный лагерь, где будет «убит при попытке к бегству»⁵³. Полиция по всей Германии получила новые инструкции по вербовке информаторов в местах, часто посещаемых гомосексуалистами, и удвоила усилия по составлению досье на всех возможных подозреваемых. Неудивительно, что число приговоров по Уголовному кодексу стремительно уве-

личилось. С 1933 по 1935 год в соответствии со статьей 175 в ее прежней и дополненной форме было осуждено около 4000 человек, а в период с 1936 по 1938 год это число превысило 22 000. С 1 октября 1936 года облавами и арестами руководило новое Имперское центральное управление по борьбе с гомосексуализмом и абортами, выросшее из отдела гестапо, созданного для работы в этой же области после рёмовской чистки, что дало новый импульс волне преследований.

Всего при Третьем рейхе по статье 175 было арестовано не менее 50 000 человек, примерно половина из них в 1937—1939 годах, две трети были осуждены и отправлены в тюрьму. Тем не менее эти цифры следует рассматривать в контексте общей тенденции к уголовной трактовке гомосексуальных отношений в развитых промышленных странах, которая продолжалась до последней трети или четверти XX века. Они кажутся не такими шокирующими в сравнении с тем фактом, что примерно 100 000 человек были судимы за нарушение статьи 175 Уголовного кодекса Западной Германии за 12 лет, с 1953 по 1965 год, из которых около половины были признаны виновными⁵⁴. Только после дополнения статьи в 1959 году, а затем в 1965 году в Западной Германии были легализованы добровольные гомосексуальные отношения между взрослыми мужчинами в частной жизни. Тот факт, что гомосексуалисты, попавшие в тюрьму в годы Третьего рейха, были осуждены судами общей юрисдикции по обычной статье Уголовного кодекса, стал главным препятствием в деле признания несправедливости их наказания⁵⁵. Эти цифры также не были сколь-нибудь исключительными по международным стандартам, хотя на пике преследований в 1937—1939 годах, возможно, они и были крайне высокими. В Британии непристойная сексуальная связь между взрослыми мужчинами с XIX века наказывалась двумя годами тюрьмы, в этом отношении поправки в статью 175 от 1935 года были лишь попыткой стать на один уровень с законодательной системой по другую сторону Северного моря. В начале 1950-х годов полиция Англии и Уэльса каждый год регистрировала около 1000 случаев содомии и скотоложства, а также 2500 случаев непристойного сексуального поведения. Эти цифры оказываются значительно выше по сравнению со статистикой времен 1930-х годов, когда фиксировалось не более 500

случаев обоих видов преступлений в год, и в большой степени этот скачок объясняется назначением на старшие должности в органах правопорядка нетерпимых гомофобов в годы между этими периодами⁵⁶.

Вместе с тем даже на этой стадии между нацистской Германией и другими современными странами в отношении преследования гомосексуалистов существовало одно ключевое различие. После освобождения из тюрьмы значительное большинство нарушителей закона Германии немедленно попадали в руки гестапо или СС и направлялись прямым путем в концентрационный лагерь, эта практика стала заметно более распространенной после 1937 года. За весь период с 1933 по 1945 год в лагеря попали от 5000 до 15 000 гомосексуалистов⁵⁷. Там на их лагерную робу пришивался розовый треугольник, означавший, что они являются гомосексуалистами, в отличие от политических заключенных (красный), асоциальных элементов (черный), преступников (зеленый) и т.д. Гомосексуалисты находились в самом низу иерархии заключенных, они подвергались жестокому и презрительному отношению со стороны охраны, а срок их жизни был значительно короче, чем в остальных категориях. В одном исследовании было показано, что уровень их смертности в лагерях составлял около 50% за весь период Третьего рейха, по сравнению с 40% для политических заключенных и 35% для Свидетелей Иеговы. Таким образом, общее число людей, умерших в лагерях, составило от 2500 до 7500 человек⁵⁸. В других странах не было аналогов такой сознательной политике убийства, несмотря на жестокую дискриминацию или избиения гомосексуалистов гомофобами без страха предстать перед судом.

Те, кто выжил, сталкивались с немногим более приятной альтернативой. Значительное число гомосексуалистов также подлежали «добровольной» кастрации для «излечения от порока». Сомнительная с юридической точки зрения природа этой процедуры не мешала давить на заключенных тюрем и концентрационных лагерей с целью заставить их согласиться на кастрацию. Гомосексуалистам в государственных тюрьмах иногда говорили, что если они откажутся, после освобождения их передадут в руки гестапо или снова посадят. В результате в государственных исправительных учреждениях до 1939 года было «добровольно» ка-

стрировано 174 человека. Число кастрированных в лагерях скорее всего было значительно выше и вероятно превышало 2000⁵⁹. Масштаб этой программы полностью заслонял то, что происходило в других странах, в любом случае обязательная кастрация проводилась только в Финляндии и некоторых штатах США. Кроме того, Закон о закоренелых преступниках в Германии от 24 ноября 1933 года разрешал принудительную кастрацию лиц, совершивших половые преступления любого вида, за что выступали ведущие криминологи и эксперты пенитенциарной системы. Для этого достаточно было совершить два серьезных сексуальных преступления, и к концу 1939 года к этому наказанию были приговорены 2000 человек⁶⁰. Среди них были не только насильники и педофилы, но и большое число эксгибиционистов, которые хоть и вели себя оскорбительно и вызывающе по отношению к обществу, но не представляли никакой физической угрозы для кого-либо. Многие совершившие преступление впервые подвергались кастрации немедленно, и им не давали возможности исправиться. К физическим последствиям такой операции относились постоянная боль, потеря волос на теле и увеличение груди, усталость и ожирение. Кроме того, такая операция совсем не обязательно ликвидировала сексуальное влечение. Формально, кастрировать гомосексуалистов против их желания не разрешалось, однако для большого их числа в результате не оставалось особого выбора: альтернативой было пожизненное заключение и вероятная смерть в концентрационном лагере⁶¹. Преследования гомосексуалистов при Третьем рейхе, вероятно, затронули только часть гомосексуального сообщества Германии, но понимание того, что может с ними произойти в случае доноса, ареста и вынесения приговора, должно было вселять ужас в каждого из них⁶².

Нюрнбергские законы

I

Дискриминация меньшинств, таких как гомосексуалисты, цыгане, асоциальные элементы, психически больные, инвалиды или афронемцы, в первую очередь была нацелена на очищение

немецкой расы и подготовку ее к войне за мировое господство. Немецкое общество должно было избавиться от социального балласта, от таких категорий людей, которые не хотели или не могли работать на войну, вступая в вооруженные силы, трудясь на военных фабриках или подготавливаясь к суровым тыловым будням. С этой точки зрения они были обузой для немецкого государства и общества и представляли собой угрозу для будущего. Их удаление из социума путем помещения в тюрьму или исключения из цепочки наследования в конечном счете должно было сэкономить народные средства за счет сокращения числа непроизводительных людей, которых, по мнению нацистов, приходилось поддерживать всем остальным. Однако одно меньшинство в немецком обществе нацисты рассматривали совсем с другой точки зрения: не как утомительное бремя, но как масштабную угрозу, не просто как бездельников, неполноценных или низших людей, хотя в нацистской идеологии они соответствовали и этим определениям, но как активных разрушителей, участвовавших в массовом заговоре по уничтожению всего немецкого, причем этот заговор не просто был организован внутри страны, но действовал в международном масштабе. Этим меньшинством, составлявшим не более 1% населения, было еврейское сообщество Германии⁶³.

Антисемитизм был тесно связан с другими аспектами нацистской расовой политики. Закон о предотвращении рождения детей с наследственными заболеваниями изначально задумывался как составная часть пакета, в который должны были войти законы, лишавшие евреев гражданства и запрещавшие брак и сексуальные отношения с арийцами. Эти законы временно были отозваны, однако в первую очередь из-за опасения о том, что они будут иметь негативное влияние на общественное мнение за границей. В первые годы правления режима государственные евгенические политики против меньшинств, таких как асоциальные элементы, преступники, цыгане и гомосексуалисты, были намного более радикальными, чем законы, направленные против евреев. Разумеется, если евреи попадали в одну из этих групп, с ними обращались более жестко, чем с остальными, однако общая политика режима в отношении еврейского меньшинства Германии не подразумевала стерилизацию или ка-

страцию только потому, что человек был евреем. Тем не менее такие политики показали нацистам, насколько многое может сходить им с рук, и приучили их проводить государственную программу насилия против людей на систематической основе. Этот опыт оказался для них полезным по мере того, как со временем их антисемитские действия становились все более радикальными. Однако в то время контраст был довольно очевиден. После обнародования Закона от 7 апреля 1933 года, который запрещал евреям занимать должности на государственной службе, в университетах, в сфере образования, юриспруденции и в других финансируемых государством институтах, правительство на время приостановило волну антисемитского насилия. Как мы видели, это должно было несколько смирить яростную активность коричневорубашечников. Правительство беспокоилось из-за эффекта, который могли оказать антисемитские акции на хрупкую восстанавливающуюся экономику. Оно почувствовало негативную экономическую и дипломатическую реакцию, которую этот закон и предшествовавший поддержанный правительством бойкот еврейских магазинов могли вызвать со стороны зарубежных стран и иностранных компаний. Наконец, оно отчаянно пыталось успокоить своих упрямых консервативных партнеров, которые в лице рейхспрезидента Гинденбурга, помимо прочего, настаивали на необходимости ограничить действие закона, исключив из него бывших фронтовиков⁶⁴.

Потребовалось некоторое время, чтобы закон от 7 апреля 1933 года оказал свое действие в соответствующих областях, но к концу 1933 года чистка была более или менее завершена. Охлаждение пыла руководства не приветствовалось партийными активистами и в первую очередь полувоенными отрядами штурмовиков, которые продолжали организовывать регулярные локальные бойкоты еврейских компаний в течение этого периода, достигнув новых высот насилия весной 1934 года. Активность штурмовиков была на время приглушена после чистки 30 июня 1934 года, но к Рождеству этого года бойкоты снова стали повсеместными. Более того, как мы видели, местные партийные организации способствовали экономической маргинализации еврейского бизнеса и другими методами, и здесь они находили поддержку партийного руководства⁶⁵. Тем не менее весной и ле-

том 1935 года волна антисемитского насилия набрала новую высоту во многих частях страны. Антисемитская пропаганда стала еще более масштабной, чем когда-либо. Тираж желтой антисемитской газеты «Штюрмер» достиг заоблачных высот в 1935 году, когда ее редактор Юлиус Штрейхер, гаулейтер Франконии, заключил контракт с Трудовым фронтом, согласно которому газета должна была попадать на каждый завод и рабочее место в этой земле. С этого момента газета стала вездесущей. Эта сделка превратила Штрейхера в миллионера: газета всегда была его личной собственностью, а не печатным органом «Эхер-Ферлаг», принадлежавшим нацистам⁶⁶. Обретенные финансовые возможности и влияние позволили Штрейхеру еще активнее, чем раньше, размещать рекламу, расклеивая афиши практически на каждом углу. Другие региональные лидеры помимо Штрейхера проводили публичные собрания и выступали с речами, рассказывая обычным людям, и в особенности членам партии, о пороках евреев. За всем этим стояли более общие идеологические факторы, начиная с увеличения продаж гитлеровской «Майн Кампф» и заканчивая частыми нападка на евреев в партийной прессе. Многие местные группы приняли все это за зеленый свет к началу новой кампании террора⁶⁷.

Причиной возобновления таких атак на немецких евреев со стороны партийных групп и штурмовиков в 1935 году в первую очередь стало снижение популярности режима. Как мы видели, какой бы ни была общественная эйфория, сопровождавшая установление нацистами Третьего рейха в 1933 году, она сошла на нет в течение 1934 года, а краткий скачок энтузиазма, вызванный решительными действиями Гитлера по подавлению рёмовского путча в конце июня 1934 года, превратился в осторожное ожидание к концу этого года. В первые месяцы 1935 года гестапо, СС и другие организации сообщали о резком увеличении общественного недовольства, учитывая то, что финансовая ситуация оставалась крайне сложной, фактический уровень безработицы был высок, цены на продукты и другие товары первой необходимости стремительно росли, и люди начинали уставать от постоянных требований режима об одобрении, поддержке и финансовых жертвованиях. Слухи и анекдоты о коррупции местных и региональных нацистских лидеров множились, и все

усилия Министерства пропаганды по созданию положительного общественного мнения о Третьем рейхе, казалось, завершались провалом⁶⁸. И в самом нацистском движении разрушение всех остававшихся надежд на «вторую революцию» в июне-июле 1934 года породило серьезное разочарование среди людей. Стремление к насилию, укоренившееся во многих частях СА, требовало нового выхода. Как могли коричневые рубашки оправдать свое существование перед собой и перед партией, если не с помощью насилия? В конце концов, именно для этого они и были созданы. Однако желание возродить политику борьбы не сводилось только к раздраженным штурмовикам. Нацистское руководство в целом прекрасно понимало, что оно не только не смогло сохранить энтузиазм широких слоев населения, но и на самом деле теряло ту поддержку, которую когда-либо имело среди них. Требовалось принимать меры.

Не только нацистская партия, но и очень многие люди в государственном аппарате с середины 1933 года желали ввести меры, запрещавшие браки и сексуальные отношения между евреями и неевреями, создав особую категорию гражданства для евреев и ускорив их вывод из экономической жизни. Пункт 4 программы нацистской партии однозначно утверждал, что при Третьем рейхе евреи не могли быть гражданами, а ряд ранних выступлений Гитлера, не говоря уже о «Майн Кампф», ясно дал понять, что для него сексуальные отношения между арийцами и евреями были абсолютно неприемлемы. Исходя из этого принципа, партийная фракция в Рейхстаге уже предприняла неудачную попытку провести закон о запрете межрасовых браков в марте 1930 года, подразумевавший санкции вплоть до смертного приговора. Эти положения должны были распространить влияние партии еще дальше, на самые интимные сферы частной жизни. Более того, новый закон о гражданстве должен был не просто автоматически предоставлять права вследствие расовой принадлежности, но и вводить определенные политические признаки, отказывая неудобным в их гражданских правах. Изгнание евреев из экономической жизни должно было успокоить многих сторонников партии из мелкой буржуазии и предоставить им возможность улучшить собственное материальное положение. Новая кампания антисемитской пропаганды, террора и законодатель-

ных решений должна была отвернуть враждебность общества от режима, возложив всю вину за жалкое положение народа исключительно на евреев⁶⁹.

Антисемитские мероприятия, проводившиеся весной и летом 1935 года, принимали разные формы. Как мы видели, в мае было огромное число бойкотов еврейских магазинов, организованных штурмовиками и эсэсовцами, которые часто сопровождались насилием. Также примерно в то же время на обочинах дорог многих городов и деревень стали появляться уличные знаки. Это не было чем-то совсем новым, поскольку много таких знаков уже было возведено во владении Юлиуса Штрейхера во Франконию, однако весной и летом 1935 года они были установлены в огромном числе мест, включая Южную Баварию. Самый распространенный лозунг на них звучал «Евреев здесь не ждут», на некоторых красовались сдержанные высказывания («Наши потребности в евреях полностью удовлетворены»), угрозы («Евреи въезжают в эту местность на свой страх и риск») и отсылки к религиозным чувствам («Отец евреев — дьявол»)⁷⁰. В некоторых муниципалитетах, включая Веймар, местные власти запрещали евреям посещать кинотеатры, в Магдебурге на всех трамваях появились знаки над входными дверями со словами «Кроме евреев». Там же евреям был закрыт доступ в городскую библиотеку. Гостиницы и рестораны в Штральзунде и других местах закрыли свои двери для еврейских клиентов. Агент социал-демократов сообщал в августе, что плавательные бассейны и общественные бани были закрыты для евреев «в огромном количестве городов». Еврейские кладбища и синагоги осквернялись. Неевреи, имевшие связи с евреями, публично обвинялись в «развращении расы», и часто гестапо приходилось брать их под стражу для их же безопасности. Атмосфера на улицах многих городов Рейнской области, Вестфалии, Гессе, Померании и Восточной Пруссии была настолько пугающей, что многие евреи стали бояться покидать свои дома⁷¹.

Такие действия поощрялись не только общей атмосферой антисемитизма, но и публично ведущими лицами партии. «Некоторые люди считают, — говорил Геббельс на региональном берлинском съезде нацистской партии 30 июня 1935 года, — что мы не замечаем, как евреи снова пытаются расхаживать по нашим

улицам. Они должны соблюдать законы гостеприимства и не вести себя так, будто они такие же, как мы». Получив 15 июля сообщение о том, что антисемитский фильм был освистан «группами еврейских возмутителей спокойствия» на первом показе тремя днями ранее, берлинская партийная газета Геббельса «Ангриф» призвала членов партии обратиться к жестоким мерам: евреи, провозглашала она, должны «всегда чувствовать тяжесть нашей руки». На самом деле еврейская «демонстрация», реальная или выдуманная, была оправданием, с помощью которого Геббельс надеялся обосновать неизбежно последовавшее антисемитское насилие, включая избиения партийными активистами евреев на главной торговой улице, Курфюрстендамм, или нападения на них в окрестных пивных и барах. Этот инцидент в свою очередь поднял новую волну яростных бойкотов в других частях страны.

Геббельс был не единственным нацистским лидером, который подхлестывал своих сторонников таким образом. 30 августа 1935 года Юлиус Штрейхер провел съезд в Гамбурге. Днем ранее два грузовика со штурмовиками проехали по улицам, где проживали евреи, бросая горящие факелы на дорогу и скандируя: «Смерть евреям!» Членам партии сообщили, что присутствие на съезде было обязательным, а в рамках массовой рекламной кампании безработным предлагали билеты по 10 рейхсмарок за штуку. Там собралось двадцать тысяч человек, многие из них из рядов СА, СС, Гитлерюгенда, Имперской рабочей службы и других организаций были расставлены в аудитории для управления аплодисментами в нужных местах речи Штрейхера. Голос Штрейхера превратился в оглушающий рев, он яростно нападал на иностранных корреспондентов, которые критиковали антисемитизм нацистов. «Я говорю, — кричал он, — что в Германии мы делаем с евреями то, что хотим!» Один слушатель тайно сообщал социал-демократам в Праге, что постепенно его речь становилась все более непристойной, он не только объявил, что сотни немецких женщин были изнасилованы евреями, но и приводил живописные детали этих выдуманных преступлений. Когда одна девушка, вышедшая замуж за еврея, спустя девять месяцев родила ребенка, продолжал он, «что, по-вашему, лежало в колыбели, товарищи?! Обезьянка!» Некоторые слушатели на этих словах покинули собрание, другие, привезенные Службой

труда, явно давно уже спали. Несмотря на то что обычные люди в аудитории либо не обращали на это внимания, либо испытывали отвращение, такие речи, вероятно, оказали свое влияние на убежденных нацистов среди них. И они повторялись, хотя и в менее вызывающей форме, другими нацистскими лидерами по всей стране. Большинство местных и региональных партийных лидеров восприняли требование Штрейхера о том, что антисемитские действия должны носить законный и ненасильственный характер, как простую попытку успокоить общественное мнение внутри страны и за рубежом⁷².

II

Ни эта волна террористических акций, ни сопутствующая кампания против католической церкви не достигли желаемого эффекта по возрождению общественной поддержки режима. Более того, одновременное проведение этих кампаний привело к тому, что многие католики стали сочувствовать евреям и считать, как сообщало гестапо в Мюнстере, «что меры против евреев заходят слишком далеко». В любом случае они враждебно воспринимали идею о том, что руководящим принципом социальной активности должна быть расовая, а не религиозная принадлежность. Как сообщало другое отделение гестапо, бойкоты и насилие порождали «отторжение, а не одобрение» среди широких слоев населения. В Мангейме-Некарау покупатели даже вступали в потасовки со штурмовиками, которые пытались запретить им ходить в еврейские магазины. Средние классы в особенности были обеспокоены таким открытым беспорядком на улицах и опасались, что это может повлиять на международное мнение. Некоторые цинично высказывались в том духе, что мелкобуржуазные нацистские активисты просто пытались таким образом бороться с конкуренцией⁷³.

Агент социал-демократов в Баварии, однако, сообщал об этом в несколько других выражениях: «Преследование евреев не встречает сколько-нибудь активной поддержки среди населения. Но с другой стороны, оно все-таки оказывает определенное влияние. Незаметная расовая пропаганда оставляет свои следы. Люди теряют беспристрастность по отношению к евреям, и

многие говорят себе, что нацисты в принципе правы, борясь с ними, люди только против того, чтобы эта борьба принимала экстремальные формы. И когда люди покупают товары в еврейских магазинах, они делают это не для того, чтобы помочь евреям, а в первую очередь, чтобы показать язык нацистам»⁷⁴.

Нацистское руководство не возражало против насилия в принципе, но создавалось растущее ощущение, что любые высказывания Штрейхера имели губительный эффект на международное мнение, в то время когда режиму все еще требовалось сочувствие за рубежом. В последнюю неделю августа 1935 года появилось сообщение, что коричневорубашечники организовали жестокую демонстрацию против евреев в Бреслау и в ходе нее избили шведского консула в городе. Геринг, Борман и Гесс от имени самого Гитлера в конце июля и начале августа уведомили полицию о том, что нескоординированный террор против евреев необходимо было прекратить. Как Геринг сообщил гестапо, скоро должны были появиться общие инструкции по обращению с евреями. Они действительно уже обсуждались. Беспорядочные дебаты велись между Министерством внутренних дел и Министерством юстиции с июля 1934 года, но они не продвигались дальше серьезных юридических препятствий для принятия нового закона, регулирующего вопросы гражданства и межрасовых сексуальных связей. Однако 21 мая 1935 года запрет «смешанных браков» между немецкими солдатами и неарийскими женщинами был включен в новый Закон об обороне. Местные регистрационные управления уже повсеместно стали отклонять заявления на смешанные браки. 19 июля представители Министерства юстиции и внутренних дел и управления Гесса предложили закон, который должен был полностью запретить такие браки. Этот вопрос стал таким актуальным не в последнюю очередь из-за огромного числа нападений на «предателей расы» и волны арестов таких людей со стороны гестапо. В мае 1935 года новый закон, регулирующий предоставление гражданства для иностранцев, уже исключил евреев и других людей неарийского происхождения из списка тех, кто мог его получить. Таким образом, казалось, что консенсус по соответствующим законодательным мерам был достигнут. И когда местные и региональные партийные организации в начале сентября начали это осознать,

волна агрессии против евреев наконец стала стихать, хотя и не остановилась полностью⁷⁵.

К началу ежегодного партийного съезда в Нюрнберге 9 сентября государственные и партийные чиновники были знакомы не только с общей идеей нового закона о гражданстве, но и с большим числом конкретных предложений по его формулировке. В это время в Нью-Йорке магистрат подписал освобождение группы рабочих доков, которые сорвали флаг со свастики с немецкого корабля, сопроводив его длинной речью с осуждением нацизма и всех его начинаний. Это так взбесило Гитлера, что он тут же решил, что пришло время объявить свастику национальным флагом Германии. Как он заявил на партийном съезде 11 сентября 1935 года, недавний конгресс Коминтерна в Москве, где было объявлено о международной войне с фашизмом, продемонстрировал, что настало время вплотную заняться большевистской угрозой, которая считалась детищем международного еврейского заговора. Гитлер назначил заседание рейхстага в Нюрнберге 15 сентября, в последний день съезда. Легкость, с которой он мог отдать такой приказ, показывала, насколько малозначительным стал этот орган представительной власти. По его мнению, это заседание должно было стать благоприятным моментом для представления законов о гражданстве, смешанных браках и государственном флаге вместе. Дописав в спешке подробные проекты этих законов вместе с одним чиновником из Министерства внутренних дел, Гитлер представил их 15 сентября 1935 года. Он заявил, что евреи в Германии использовали напряженную международную ситуацию для организации волнений в обществе: «Из множества мест поступают негодующие жалобы о провокационном поведении отдельных представителей этого народа». Еврейские провокации проводились на самом деле, и таким образом, необходимо было ответить на них решительными действиями, чтобы не допустить «отдельных, неконтролируемых актов защиты со стороны разъяренного населения». Это была типичная смесь лжи и угроз, прикрытая такими же типичными заверениями, что новые законы станут «быстрым и постоянным решением»⁷⁶.

Гитлер поручил детальное обоснование законов Герингу, речь которого в рейхстаге не оставляла никаких сомнений в том, что

он был таким же неистовым антисемитом, как Геббельс, Штрейхер и сам фюрер. Свастика, заявил он перед собравшимися депутатами рейхстага, одетыми в коричневую униформу, была «символом нашей борьбы за нашу родную расу, знаком борьбы против евреев, подрывавших расовые устои». Когда «бесстыдный еврей в своей неизмеримой ненависти» к Германии надругался над флагом в Нью-Йорке, он оскорбил целую нацию. Таким образом, евреям следовало запретить ходить под флагом. Новые законы шли гораздо дальше в защите немецкой крови от загрязнения со стороны евреев и других чуждых рас. По его словам, они «были декларацией веры в силу и благословенность германско-нордического духа. Мы знаем, что согрешение против крови равнозначно согрешению против наследия всего народа. Мы, немцы, вынуждены страдать из-за этого наследственного греха. Мы знаем, что первопричина всего немецкого разложения в конечном счете заключается в этих людях, согрешивших против наследственности. Поэтому мы должны попытаться снова возродить цепочку наследственности, которая идет к нам из глубины веков... И долг любого правительства и в первую очередь долг самих людей в том, чтобы никогда в будущем не допустить нарушения этой расовой чистоты»⁷⁷.

Парламент принял все эти три закона под бурю аплодисментов, а на следующий день в ежедневных газетах они были напечатаны в полном виде на первых страницах. Однако они не были такими простыми и прямолинейными, как это могло показаться на первый взгляд⁷⁸. Имперский закон о гражданстве определял граждан рейха исключительно как людей «немецкой или родственной крови». Не менее важно, что он объявлял, что только люди, которые «своим поведением показывают свое стремление и пригодность преданному служению немецкому народу и рейху», имели право на получение гражданства. Только граждане имели полные политические права. Все остальные, в первую очередь евреи, но также и любые потенциальные противники режима и даже те, кто молча дистанцировался от него, не показывая должного уровня энтузиазма по отношению к его политике, становились просто «жителями страны». Они имели «обязанности по отношению к рейху», но взамен не получали каких-либо политических прав. Разработка деталей реализации была пе-

редана в руки Министерства внутренних дел вместе с управлением Гесса, и через некоторое время два сотрудника министерства, доктор Вильгельм Штукарт и доктор Ганс Глобке, выпустили комментарии, объяснявшие положения закона и его следствия. В течение двух недель министр внутренних дел Фрик приказал уволить всех госслужащих еврейского происхождения, которые оставались на своих местах в силу особых положений закона о государственной службе от 7 апреля 1933 года. Но кого в точности следовало считать евреем? Указ Фрика действовал в отношении людей, у которых по крайней мере трое из дедушек и бабушек были евреями, которые определялись как люди, исповедовавшие иудаизм. По оценкам того времени, которые сильно различались, в Германии в 1935 году было около 50 000 евреев, принявших христианство или рожденных от еврейских родителей, принявших христианство, а также 2000 евреев «на три четверти», сменивших вероисповедание. Такой высокий уровень смешанных браков между евреями и христианами по сравнению с предыдущими десятилетиями привел к появлению от 70 000 до 75 000 человек, у которых было только двое еврейских дедушек и бабушек, и от 125 000 до 130 000, у которых евреем был только один дедушка или бабушка. Кроме того, многие из них состояли в браке с неевреями, как, например, около 20 000 человек, попадавших под нацистскую категорию полных евреев, и многие из них опять же имели детей. Сами нацисты в 1939 году отмечали, что в Великогерманском рейхе (который к тому времени включал Австрию и Судет) было зарегистрировано 20 454 смешанных расовых брака. В той же переписи, где евреи впервые определялись по расовым критериям, также было насчитано 52 005 полуевреев и 32 669 евреев на четверть, проживавших в старом Германском рейхе. Более 90% людей смешанной расы принадлежали к христианской церкви. Как и в любом расистском законодательстве, дьявол был заключен в деталях, и в этих обстоятельствах создание четкого и понятного определения того, кто был евреем, а кто нет, было практически невозможно. Перед нацистскими законодателями возникла неразрешимая идеологическая дилемма. Был ли тот яд, который, по их мнению, еврейская кровь приносила в кровообращение немецкой расы, настолько страшен, что даже его малой примеси

было достаточно, чтобы превратить человека в еврея, или немецкая кровь была такой сильной и здоровой, что не позволяла справиться только с самой мощной примесью еврейства в наследственности человека? Для таких вопросов не было разумных ответов, потому что с самого начала отсутствовал рациональный фундамент для исходных предпосылок, на которых они были основаны. Таким образом, все решения, к которым пришли нацисты в вопросе о смешанных браках и немцах смешанной крови, были совершенно произвольными⁷⁹.

Тонкости расовой классификации дали занятие госслужащим на следующие недели с их бесконечными собраниями и внутренними обсуждениями. Настроенные более осторожно предупреждали, что определение полукреев полными евреями привело бы к обращению существенного числа прежде лояльных немцев к лагерю внутренних врагов нацизма. Их позиция одержала победу, и в дополнительном декрете от 14 ноября 1935 года таких людей назвали метисами 1-й степени, если только они не исповедовали иудаизм или не состояли в браке с полным евреем, в этом случае они считались полными евреями (*Geltungsjuden* — на официальном жаргоне) со всеми вытекающими последствиями. Люди только с одним еврейским дедушкой или бабушкой считались метисами 2-й степени. Существовали и другие положения, касавшиеся всех родившихся после провозглашения нюрнбергских законов в 1935 году (они, как правило, имели больше шансов быть названными полными евреями). Законодатели признавали некоторую случайность таких мер, включив пункт, позволявший Гитлеру исключать из этой категории кого угодно и когда угодно. Он действительно иногда использовал эту возможность, либо это делали другие от его имени с помощью печати с его подписью на документе, известном как Декларация немецкой крови. А тем временем установление еврейского происхождения сводилось к определению того, исповедовали ли дедушки или бабушки конкретного человека иудаизм — это превращало научные утверждения о важности расы и крови в определении еврейской или немецкой идентичности в фарс. Генеалоги вдруг стали самыми востребованными специалистами во всей стране, когда немцы занялись поиском в церковно-приходских книгах и других источниках доказательств своей расовой чистоты для включения их в так

называемое Свидетельство о происхождении (Ahnennachweis), которое теперь стало необходимым документом для карьеры на государственной службе и фактически на любой другой работе⁸⁰.

III

Пресса представляла нюрнбергские законы как меру по стабилизации, которая поможет еврейскому меньшинству в Германии спокойно жить по своим правилам. Министерство пропаганды Геббельса тщательно пресекало триумфальные или злорадующие настроения в прессе, запрещая «передовицы в стиле «Получайте!»⁸¹. Тем не менее законы открыли дорогу для дальнейшей массовой дискриминации всех, кто считался евреем. Через две недели после указа от 14 ноября 1935 года Гитлер задним числом аннулировал его положение, которое запрещало какие-либо дополнительные меры по обеспечению чистоты немецкой крови помимо указанных в законодательстве. Это позволило неправительственным организациям применять арийскую статью к своим членами и сотрудникам — не только к евреям, но и к людям смешанной расы. Дальнейшие меры устанавливали новые ограничения на допуск евреев к государственным должностям. Люди с двумя еврейскими бабушками или дедушками теперь должны были получить официальное разрешение из Имперского комитета по защите немецкой крови, если они хотели вступить в брак с неевреем. Однако представители партии в Комитете отклоняли подобные заявления с такой регулярностью, что в 1936 году он был ликвидирован, а такие заявления стали направляться на рассмотрение одному чиновнику. Несмотря на это, метисы все же могли получать образование, им не запрещали вступать в сексуальные или другие отношения с неевреями, и во многих отношениях они вели более или менее обычную жизнь. Для мужчин это включало военную службу. Руководство армии было всерьез встревожено тем фактом, что запрет на службу в армии для метисов лишит их тысяч потенциальных призывников. В письме адъютанту по сухопутным войскам при Гитлере, полковнику Фридриху Хоссбаху, от 3 апреля 1935 года один чиновник Министерства внутренних дел сообщал о том, что в стране было 150 000 полуевреев и евреев на четверть муж-

ского пола призывного возраста. Это чрезмерное преувеличение только усилило озабоченность армии⁸².

У руководства армии на самом деле были серьезные основания для беспокойства. К концу 1935 года практически все оставшиеся в рядах вооруженных сил еврейские офицеры и рядовые были уволены, а в начале лета 1936 года армия заключила соглашение с Гитлером о том, что белые мужчины, полуевреи и евреи на четверть обязаны были служить, хотя и не могли больше занимать руководящие посты в вооруженных силах, если только не получали особое личное разрешение от Гитлера. Генеалогическое управление нацистской партии бомбардировало военных сведениями об офицерах, которые «не были чистыми арийцами» и, по его мнению, должны были быть смещены со своих постов. Однако многие старшие офицеры в 1936–1937 годах все еще не принимали политического вмешательства в военные дела и игнорировали такие требования. Кроме того, проверка происхождения десятков тысяч человек была практически невыполнимой задачей, и довольно много офицеров смогли успешно скрывать свое частично еврейское происхождение, по крайней мере до начала войны, а иногда даже дольше. А с точки зрения армии, разумеется, единственное, что имело значение, это были ли они хорошими солдатами, моряками или летчиками⁸³.

Отношение армии в четкости отражало спорный и неопределенный статус многих жителей Германии частично еврейского происхождения после 1935 года. Тем не менее в целом люди смешанной расы и даже евреи в некоторой степени были успокоены принятием нюрнбергских законов, поскольку они устраняли главные элементы неопределенности их статуса и обещали покончить с яростными антисемитскими кампаниями предыдущих месяцев. Партийные активисты понятным образом с радостью восприняли эти законы, справедливо посчитав их важным шагом на пути к полному исключению евреев из немецкого общества. Однако агенты и гестапо, и социал-демократов сообщали о критическом и даже враждебном отношении к нюрнбергским законам даже в социальных группах, которые обычно были далеки от симпатий к евреям. Четыре пятых населения Палатината осуждали законы, рабочий класс практически единогласно отвергал нацистский антисемитизм, а мелкая буржуазия не одо-

брыла их, потому что мелкие бизнесмены боялись, что законы приведут к возобновлению бойкотов немецких товаров в других странах. Однако даже социал-демократы допускали, что большинство людей были так запуганы летним насилием и пропагандой вокруг нюрнбергских законов, что переставали ходить в еврейские магазины. Реакция большинства населения характеризовалась равнодушием и пассивностью⁸⁴.

Постепенно непрекращающееся насилие, непрерывная пропаганда и законодательное утверждение нацистских политик государством стали давать свои плоды. Как сообщал один агент социал-демократов из Берлина в январе 1936 года: «Кампания против евреев все-таки оказывает свое влияние на мнение людей. Очень медленно взгляды меняются на противоположные. Сначала люди читали «Штюрмер» из любопытства, но в конечном счете какие-то вещи оттуда остаются в памяти. В то же время необходимо признать, и это многое говорит о немецком народе, что несмотря на годы пропаганды против евреев, те все еще могут жить в Германии. Если бы немцы не были добродушными от природы, такая пропаганда привела бы к тому, что евреев просто забили до смерти на улицах.

...В целом можно заключить, что национал-социалистам действительно удалось создать пропасть между народом и евреями. Убеждение в том, что евреи — это другая раса, сегодня крайне распространено»⁸⁵.

Влияние, которое оказывала постоянная антисемитская агрессия на думающего молодого человека, можно оценить по мемуарам Мелиты Машман. Она много общалась с евреями, которые составляли примерно треть ее класса в средней школе, расположенной в богатом районе Берлина, куда она ходила в начале 1930-х годов. Там девочки-нееврейки инстинктивно не думали о своих еврейских одноклассниках, как о «евреях», которые «были чем-то таинственным, зловещим и анонимным». «Антисемитизм моих родителей, — продолжала Машман в открытом письме, которое она писала бывшему еврейскому однокласснику после войны, — был частью их мировоззрения, принятого без раздумий... Многие дружили с некоторыми евреями, так же, как многие, будучи протестантами, дружили с некоторыми католиками. Однако если никому не приходило в голову враждовать с католиками по идеоло-

гическим вопросам, то в отношении евреев это было совершенно нормально... Эти проповеди о том, что все беды народов происходят из-за евреев, что еврейский дух разлагает, а еврейская кровь нечиста, заставляли думать о старом господине Леви или Розеле Ко-не. Я представляла себе только страшилище — «Еврея». А когда я узнала, что евреев изгоняют из их профессий и домов и помещают в гетто, шестеренки в моей голове автоматически переключились, — я никогда не думала о том, что такая судьба могла постигнуть и тебя или старого Леви. Преследовали только злых евреев»⁸⁶.

Однако вступив в нацистский Союз немецких девушек, она решила, что «открытый разрыв» со своей еврейской школьной подругой «...был моим долгом, потому что ты мог делать только одно из двух: либо дружить с евреями, либо быть национал-социалистом»⁸⁷.

Машман позже вспоминала, что, вынужденные постоянно выслушивать антисемитскую пропаганду, она со своими друзьями из среднего класса считали ее весьма вульгарной и часто смеялись над нелепыми попытками убедить их в том, что евреи проводили ритуальные убийства или подобные преступления. Будучи образованными людьми, они с презрением относились к скандальному антисемитскому «Штюрмеру». Однако хотя она не принимала участия в насильственных акциях или бойкотах, Машман считала, что те были оправданны, и говорила себе: «Евреи — это враги новой Германии... Если евреи сажают ростки ненависти к нам по всему миру, они должны понять, что у нас в руках есть заложники из числа их самих». Позже она подавляла память о насилии, виденном ей на улицах, а «с годами мне все легче удавалось быстро отвлекаться в таких ситуациях. Это был единственный способ, несмотря ни на какие обстоятельства, не допустить натиска сомнений в правильности того, что происходило»⁸⁸. Похожие процессы рационального объяснения и моральных уступок были характерны и для многих других.

IV

С сентября 1935 года антисемитизм стал принципом, определявшим как общественную, так и частную жизнь. Бывший краеугольным камнем нацистской идеологии с самого начала, теперь

он стал пронизывать более обширные слои немецкого общества глубже, чем когда-либо. Теперь вся государственная служба занималась претворением в жизнь нюрнбергских законов. Судьи, прокуроры, полицейские, гестапо и другие правоохранительные органы тратили все больше времени на реализацию антисемитского законодательства. Городские советы и их сотрудники в библиотеках, бассейнах и других муниципальных учреждениях выполняли антисемитские постановления. Владельцы гостиниц, магазинов (многие из которых защищали себя, вывешивая таблички, на которых указывалось, что они представляют собой «настоящие арийские предприятия»), торговцы, бизнесмены, люди всех профессий знали о законах против евреев и не колебались при их исполнении. Конечно, тайные отчеты социал-демократов были заполнены примерами того, как отдельные землевладельцы и хозяева ресторанов закрывали глаза на уведомления о необходимости запретить доступ для еврейских клиентов. Тем не менее все это имело свой эффект. Вместе с усиливавшейся экономической маргинализацией нюрнбергские законы стали важным шагом по направлению к устранению евреев из немецкого общества. Их изоляция стала намного сильнее, чем раньше, после сентября 1935 года⁸⁹.

Третья мера, предложенная на Нюрнбергском партийном съезде 1935 года, названная нацистами Законом о защите немецкой крови и чести, вероятно, стала самой значительной из всех в плане проникновения нацизма в частную жизнь. Она запрещала браки между евреями и немцами «или родственными расами» и сексуальные отношения вне брака между этими категориями, что также провозглашалось в Законе о гражданстве. Евреям не разрешалось нанимать на работу в качестве домашней прислуги немецких женщин младше сорока пяти лет, что было отсылкой к сексуальным фантазиям, часто появлявшимся на страницах «Штюрмера». Эти законы должны были исполняться обычными судами. Дела на рассмотрение поступали под мрачным заголовком «расовое загрязнение» (*Rassenschande*, буквально — «расовый позор» или «расовый стыд»). По своей природе в таких делах было сложно собрать доказательную базу, поэтому обвинению приходилось полагаться в первую очередь на доносы соседей, знакомых и иногда членов семей обвиняе-

мых. С 1936 по 1939 год по делам о расовом загрязнении выносились около 420 обвинительных приговоров в год, и две трети из них касались еврейских мужчин. Под постоянным давлением со стороны гестапо и Имперского министерства юстиции суды становились все более строгими, например в 1938 году большинство приговоров по делам о расовом загрязнении, вынесенных региональным судом Гамбурга, включали длительные периоды заключения в исправительных колониях, а не в обычных тюрьмах. Определение незаконных сексуальных отношений было расширено до такой степени, что стало включать практически любые телесные контакты между евреями и «арийцами», включая общепринятые объятия и поцелуи⁹⁰. В оставшиеся месяцы 1935 года было вынесено 11 приговоров по расовым преступлениям, а в первый полный год действия закона в 1936 году это число увеличилось до 358, в 1937 году оно составило 512, в 1938-м — 434, в 1939-м — 365, а в 1940-м — 231. Снижение цифр могло объясняться увеличением эмиграции евреев молодого и среднего возраста. Также возможно, что свое влияние оказал устрашающий характер закона, поскольку со временем приговоры становились все более строгими⁹¹.

В тюрьмах такие преступники часто подвергались антисемитским оскорблениям со стороны охраны, в некоторых учреждениях их держали впроголодь, и даже хорошее поведение часто считалось «типичным для расового характера, который умеет приспособливаться даже в положении полного бессилия», как отмечал один служащий баварской тюрьмы в 1939 году. «Я очень сильно страдаю из-за ненависти к евреям, — писал молодой еврейский заключенный своей матери в письме, конфискованном тюремными властями в июне 1938 года. — Один из охранников называет меня Моисеем, хотя прекрасно знает, как меня зовут на самом деле... Другой сегодня на обеде назвал меня проклятой еврейской свиньей». Их беды не заканчивались на этом. Согласно приказу, изданному Имперским министерством юстиции 8 марта 1938 года, евреи, помещенные в тюрьму за расовое загрязнение, повторно арестовывались гестапо по окончании их срока и отправлялись в концентрационные лагеря⁹². Там они часто оказывались в изоляции в силу природы своего предполагаемого преступления. В бухенвальдском концентрационном лагере

Юлиус Мейер, молодой человек двадцати одного года, с хорошим образованием из еврейской семьи среднего класса, отбывавший двухлетний тюремный срок по доносу своего соседа, который был свидетелем его интимной связи с горничной его семьи нееврейского происхождения, был направлен лагерным врачом на кастрацию. Отказавшись подписать форму согласия на основании того, что его эмиграционные документы должны уже скоро быть готовы, Мейер был избит эсэсовским охранником по приказу врача, ему не оказали никакой медицинской помощи и на двенадцать дней поместили в карцер. Применяв все влияние, которое у них было, родители Мейера оформили эмиграционные документы и получили приказ из штаб-квартиры в Берлине, но не о его освобождении, а об отмене приказа о кастрации. Таким образом, телеграмма была направлена не коменданту, который тогда организовал бы его немедленное освобождение, а лагерному врачу, для которого к тому времени сломать волю Мейера стало делом личной гордости: по его приказу Мейера вернули в карцер, где он был убит эсэсовским охранником⁹³.

Закон предлагал множество новых возможностей для преследований и гонений на немецких евреев, особенно мужчин. В декабре 1935 года 43-летний еврейский клерк был приговорен к одному году и трем месяцам тюрьмы за расовое загрязнение. Он жил вместе со своей нееврейской подругой в течение года и у них был девятимесячный ребенок. Однако у обвинений часто были самые нелепые основания. Например, в Бад-Дюркхейме 66-летний еврей Герман Баум был приговорен к году тюрьмы в ноябре 1935 года по свидетельству 15-летней девочки, которая утверждала, что он пытался ее поцеловать. Гестапо вызывало домашнюю прислугу, которая работала в еврейских семьях, и сообщало, что те должны покинуть свое место, и засыпало наводящими вопросами («но ведь он трогал вас иногда за плечо, правда?») в надежде совершить арест, угрожало бросить их самих в тюрьму, если они отказывались обвинять своих хозяев в преступлениях⁹⁴. В ноябре 1935 года в гестапо поступил донос на 50-летнего еврейского предпринимателя Людвиг Абрахамсона о его сексуальных отношениях с нееврейской работницей Вильгельминой Корт. В ходе допроса он признал, что активно добивался ее благосклонности (есть сомнения в том, что это было на

самом деле правдой, учитывая методы, которые использовались в гестапо для получения признаний). Он был приговорен к двум годам тюрьмы, а по освобождении был переведен в концентрационный лагерь Бухенвальд, откуда ему удалось выйти только 6 октября 1938 года, представив доказательства своего намерения эмигрировать. Еще более шокирующий случай произошел с Ханнелорой Кригер, рабочей на заводе по производству алкогольных напитков, которую в апреле 1938 года анонимно обвинили в сексуальных отношениях со своим начальником Юлиусом Розенхеймом. Она заявила, что тот требовал от нее сексуальных услуг в обмен на деньги, но на суде изменила свои показания, заявив, что их связь закончилась в 1934 году до принятия закона. Суд оправдал обоих, однако гестапо арестовало Розенхейма после окончания процесса и все равно поместило его в концентрационный лагерь⁹⁵.

Если поведение Кригер только граничило с проституцией, то настоящие проститутки были особенно уязвимы для обвинений со стороны враждебных соседей в оказании услуг евреям. Еврейские мужчины и женщины, состоявшие в отношениях с нееврейскими партнерами, стали предпринимать серьезные меры предосторожности для их сокрытия после сентября 1938 года, но неизбежно многие из них стали жертвами доносов любопытных соседей или рьяных нацистских соглядатаев. Со временем людей стали обвинять в том, что они просто были «дружелюбны с евреями». Владельцев гостиниц обвиняли за неосторожные слова о том, что они все равно были рады видеть евреев в своих номерах, немецких граждан — за дружеские отношения с евреями, совершенно лишённые сексуальной составляющей, и даже за пожатие рук с евреем на улице. Иногда поведение, в котором обвиняли таких людей, могло означать принципиальную оппозицию нацистскому антисемитизму, однако гораздо чаще оно было результатом равнодушия к официальным правилам и нормам либо было старой привычкой. Многие из таких доносов были ложными, однако в некотором смысле это было неважно, поскольку ложные доносы вносили такой же вклад, как и правдивые, в общую атмосферу, в которой немцы постепенно разрывали все свои связи с еврейскими друзьями и знакомыми, как это сделала Мелита Машман. Действуя далеко за пределами положений

нюрнбергских законов и тщательно разбирая все поступавшие обвинения, несмотря на всю необоснованность и корыстные интересы доносчиков, гестапо и другие органы правопорядка и контроля по частям разрушали сложные сети социальных связей, которые создавались между немецкими евреями и их друзьями-немцами в течение десятилетий. Они полагались на целую систему партийных учреждений, от районных старост и выше, которые также стремились предотвратить любые социальные связи между арийцами и евреями⁹⁶.

Лишь иногда районные старосты закрывали глаза на подобные отношения, как в случае с молодым адвокатом и многообещающим журналистом Раймундом Претцелем и его подругой, еврейской женщиной, которую он встретил, возвращаясь из Парижа в 1934 году. Претцель покинул Германию из-за неприятия репрессий и расизма Третьего рейха, а также в стремлении добиться руки одной девушки. Когда она вышла замуж за другого мужчину, он вернулся в Германию и стал зарабатывать на жизнь неполитическими статьями для художественных рубрик в газетах и журналах. Его новая подруга была уволена из библиотеки из-за своей расы, а ее брак недавно распался. Ее сын Питер был голубоглазым блондином, и его даже фотографировали как идеального арийского ребенка. Когда Претцель переехал к ней, они нарушили нюрнбергские законы, однако районному старосте понравилась эта семья и он старался оградить их от проблем. Но в 1938 году она забеременела, и опасность обвинения стала слишком велика. Взяв Питера с собой, она направилась в эмиграционное управление и оформила отъезд, чтобы переехать к своему брату в Англию. Сам Претцель добился разрешения поехать в Англию отдельно, заявив, что он готовил серию статей об английской жизни. Британские власти стали смотреть на него с большим подозрением, когда он надолго превысил планировавшееся время поездки. Он столкнулся с большими сложностями в поиске работы и был спасен только Фредериком Варбургом, главой издательского дома «Зекер и Варбург», которого впечатлило краткое изложение книги, представленное Претцелем в поисках контракта. Это удовлетворило британское министерство внутренних дел, которое продлило Претцелю визу еще на год. Тем временем он

женился на своей подруге, и у них родился сын. Однако их будущее было совершенно неопределенным, как и для тысяч других людей, эмигрировавших в то же время⁹⁷.

«Евреи – вон из Европы»

I

Евреи эмигрировали из Германии, особенно если они были достаточно молоды, чтобы начать новую жизнь за границей, и достаточно обеспечены, чтобы профинансировать это. Разумеется, это не была добровольная или бесплатная эмиграция, это было бегство в изгнание с целью вырваться из условий, которые для многих людей становились совершенно невыносимыми. Мы не знаем точно, сколько евреев уехало из Германии в эти годы. У нас имеется только официальная статистика, в которой евреев продолжали определять исключительно по вероисповеданию. Учитывая очень высокий уровень обращения в христианство в несколько десятилетий до 1933 года, в официальных цифрах могут отсутствовать 10% или более людей, бежавших из страны из-за того, что нацистский режим считал их евреями независимо от религии. По официальной статистике, в 1933 году в Германии проживало 437 000 немцев иудейской веры. К концу 1937 года эта цифра сократилась до 350 000. 37 000 человек иудейской веры покинули Германию в 1933 году под влиянием бойкотов 1 апреля и закона от 7 апреля; снижение количества эмигрантов до 23 000 в следующем году отражало отсутствие в 1934 году схожих акций или законов на государственном уровне. Это число оставалось относительно низким и в последующие годы – 21 000 в 1935 году, 25 000 в 1936 году и 23 000 в 1937 году. Будучи европейцами, большинство из них предпочитали переезжать в другую страну на том же континенте – 73% из еврейских эмигрантов в 1933 году остались в Европе, и только 8% перебрались за океан, в Соединенные Штаты. В 1933 году, несмотря на относительную слабость сионизма в Германии, не менее 19% перебрались в Палестину. Всего в период с 1933 по 1939 год туда уехало 52 000 немецких евреев. Важной причиной такого необычно большого

числа стал тот факт, что представители сионистского движения в Германии и Палестине подписали специальное соглашение с нацистским правительством 27 августа 1933 года. Известное как Гаварское трансфертное соглашение, оно было лично утверждено Гитлером и предписывало немецкому Министерству экономики разрешать евреям, уезжавшим в Палестину, переводить значительную часть своих денежных средств туда (в общей сложности это составило около 140 миллионов рейхсмарок), в то время как уезжавшие в другие страны вынуждены были бросать большую часть своих накоплений⁹⁸.

Причины, по которым нацисты более благосклонно относились к эмигрантам в Палестину, были довольно сложны. С одной стороны, они считали сионистское движение важной частью всемирного еврейского заговора, уничтожению которого они посвятили свои жизни. С другой, помощь в еврейской эмиграции в Палестину могла приглушить международную критику антисемитской политики внутри страны. Более того, главная цель нацистов в эти годы состояла в выдворении евреев из Германии, а предпочтительно и из Европы, и несмотря на всю жестокость по отношению к ним, на этой стадии их полное физическое уничтожение еще не планировалось. Германия без евреев, по мнению нацистов, стала бы более сильной и готовой подмять под себя остальную Европу, а затем и весь мир. Только после этого нацисты собирались заняться решением еврейской проблемы на мировом уровне. Сионисты были готовы вести дела с нацистами, если в результате достигалось увеличение еврейского присутствия в Палестине. Немецкие евреи должны были привезти с собой необходимые умения и опыт, а по мнению многих ведущих сионистов, и средства для инвестиций. В обмен по Гаварскому соглашению, в котором были официально оформлены эти договоренности, из Палестины в Германию организовывался экспорт остро необходимых товаров, таких как цитрусовые. Таким образом, для обеих сторон это был брак по расчету. Однако решение это все больше подвергалось сомнению внутри самого нацистского режима. И не в последнюю очередь в результате организации Отдела по делам евреев в СС в 1935 году. Он стал одним из главных подразделений СС, и в его руководство вошла радикальная группа молодых офицеров, включая Дитера Висли-

цени, Теодора Даннекера и Адольфа Эйхмана. Этих людей все больше беспокоило, что поощрение евреев к эмиграции в Палестину ускорило бы создание там еврейского государства с опасными последствиями для Германии в долгосрочной перспективе⁹⁹.

Для сионистов во мраке преследований и дискриминации главным образом в виде бойкота 1 апреля 1933 года и последующего закона о государственной службе виделся луч надежды, поскольку это заставило глубоко разделенных немецких евреев объединиться. Уже в 1932 году ввиду усиления антисемитского террора региональные еврейские ассоциации решили учредить национальную организацию, которая была основана 12 февраля 1933 года. Она занималась практически исключительно опротестованием утверждений о своей связи с тем, что нацисты называли международной кампанией по бойкоту немецких товаров. Только в сентябре 1933 года эта организация вместе с рядом других, включая «Немецких сионистов», учредили объединенную организацию в виде Имперского представительства немецких евреев под председательством берлинского раввина Лео Бека. Ее задачей стала перегруппировка и защита жизни евреев в новой Германии. Ее лидеры настаивали на диалоге с нацистами, возможно, надеясь на заключение конкордата, наподобие того, который Третий рейх заключил с католиками. Они подчеркивали патриотизм многих евреев по отношению к рейху, указывая на их фронтовые заслуги в Первую мировую войну. Евреи были не единственными немцами, которые верили, что насилие, сопровождавшее захват власти, вскоре утихнет, а на его место придет стабильное и организованное государство. Лео Бек даже призывал к подготовке большого досье, иллюстрировавшего еврейский вклад в жизнь Германии.

Однако досье было запрещено еще до его публикации¹⁰⁰. Финансовые взыскания, наложенные на немецких евреев, ариизация еврейских компаний и усиление ограничений на экспорт валюты и движимого имущества вели к тому, что немецким евреям становилось все труднее получить прибежище в странах, правительства которых не желали видеть у себя иммигрантов, если те стали бы бременем для системы соцобеспечения. Проблемой было даже найти деньги на выезд из Германии. Дело осложнялось еще и тем, что все большая часть немецких евреев оказыва-

лась вплотную к пенсионному возрасту или старше него. Еврейские иммигранты работоспособного возраста часто получали отказ из-за высокого уровня безработицы, который сохранялся во многих странах в результате Депрессии. Еврейские организации в принимающих странах оказывали всю посильную помощь, предоставляя средства и возможности для работы, оформляя визы и прочие документы, однако их возможности влиять на государственную политику были крайне ограничены, им также мешал собственный страх разбудить волну антисемитизма у себя дома¹⁰¹.

6 июля 1938 году в Эвиане, на французском побережье Женевского озера, собралась конференция по обсуждению феномена усиливавшейся международной миграции, на которой собрались представители тридцати двух стран. На ней была предпринята попытка учредить общепринятые правила, особенно в свете возможного выдворения сотен тысяч разоренных евреев из Польши и Румынии. Однако она старалась не оскорбить чувства Германии во время, когда международные отношения становились все более напряженными. Немецкое правительство не приняло участия в ней, заявив, что еврейские эмигранты являются внутренним делом. Одна делегация за другой давала понять, что их страны не будут либерализовывать свою политику по отношению к беженцами, а, наоборот, скорее ужесточат ее. Британия и европейские государства считали себя в основном транзитными странами, откуда еврейские мигранты быстро переедут за океан. Растущее сопротивление миграции подпитывалось антииммигрантскими настроениями во многих странах, а также заявлениями о «подавлении» со стороны людей «чуждой» культуры¹⁰².

В то же время, разумеется, ситуация предлагала новые возможности коррумпированным немецким чиновникам, которые часто требовали денег или подарков в обмен на свое согласие поставить важную печать на документы будущих эмигрантов. Искушение обогатиться было тем сильнее, учитывая, что эмигранты практически все свои сбережения оставляли в Германии. Одному еврею, подавшему заявление на оформление эмиграционных документов, после выполнения предварительных формальностей чиновник заявил следующее: «Ну, вы же не забудете обо мне, когда будете эмигрировать, так ведь?» Я спросил его,

что ему было нужно, и сообщил, что посмотрю, что можно сделать. Несколько часов спустя я ужинал дома, когда раздался дверной звонок. Там стоял этот чиновник собственной персоной, в униформе, на которую был накинут плащ. Когда я открыл дверь и очень удивился, увидев его там, он заявил, что просто хотел сказать мне, что очень бы хотел получить круглый стол и ковер 2 на 3 метра. И действительно, наши эмиграционные документы были оформлены удивительно быстро»¹⁰³.

Чтобы обойти ограничения на вывоз валюты и другие сложности, гестапо в конечном счете организовало незаконные транспорты для еврейских эмигрантов, фрахтуя суда, ходившие до Палестины по Дунаю через Черное море, и устанавливая немислимые цены за билеты¹⁰⁴.

II

Для тех, кто остался в Германии, лидеры еврейского сообщества организовали новые структуры с целью попытаться как-то облегчить их ситуацию. 13 апреля 1933 года был основан Центральный комитет помощи и восстановления наподобие схожего Центрального института по экономической помощи евреям в предыдущем месяце. Эти организации выдавали займы евреям, оказавшимся в трудном экономическом положении, пытались искать работу для уволенных и проводили курсы переквалификации для евреев, которые хотели заняться сельским хозяйством или ремеслом (многие из них позже эмигрировали). Все больше еврейских организаций оказывали транспортную, бюрократическую и иногда финансовую помощь тем, кто хотел уехать из страны. До 1938 года евреи все еще имели право на получение социальных льгот, поэтому еврейские благотворительные организации были скорее дополнительным источником помощи для по-настоящему обездоленных, однако по мере все большего обеднения еврейского сообщества деятельность таких благотворительных фондов становилась все более важной¹⁰⁵.

Процесс сегрегации имел особенно сильное воздействие на еврейских детей. В 1933 году в Германии было около 60 000 еврейских детей от семи лет, начальный возраст для школы, до четырнадцати, когда школа переставала быть обязательной, а так-

же значительное число учеников в средней школе. Эмиграция, особенно среди евреев, которые воспитывали маленьких детей или готовились стать родителями, сократила численность молодого еврейского населения (от 6 до 25 лет) с 117 000 человек в 1933 году до 60 000 в 1938 году. Дети столкнулись с согласованной политикой нацистов по их изгнанию из немецких школ. Закон против переполнения немецких школ и университетов, принятый 25 апреля 1933 года, вместе с указами о его реализации установил максимальный предел приема неарийских детей, равный 1,5% для всех школ, кроме начальной. В то же время яростная враждебность Нацистского студенческого союза довольно быстро привела к вытеснению большинства еврейских студентов из университетов, так что к осеннему семестру 1933 года их осталось только 590 человек по сравнению с 3950 в летнем семестре предыдущего года. Схожим образом враждебность фанатичных нацистских учителей и активистов Гитлерюгенда в школах стала решающим фактором по изгнанию оттуда еврейских детей. Например, в Вюртемберге 11% еврейских детей были вынуждены оставить среднюю школу по условиям нового закона, однако около 58% бросили ее в результате враждебности некоторых учителей и детей в школах. Давление было настолько серьезным, что даже министр образования Руст выражал недовольство таким положением вещей в мае 1933 года и продолжал свою критику в июле того же года.

В некоторых школах еврейские дети должны были сидеть на специальных «еврейских скамьях» в классе и не могли посещать занятия по немецкому языку. Они вынуждены были слушать учителей, называвших евреев преступниками и предателями. И им запрещалось принимать участие в празднованиях и торжественных мероприятиях, концертах и спектаклях. Учителя намеренно унижали их и ставили плохие отметки. Разумеется, атмосфера сильно различалась от школы к школе. В некоторых рабочих областях другие дети демонстрировали значительную солидарность со своими еврейскими одноклассниками, в то время как в маленьких городах местные хулиганы превращали их жизнь в пытку, заставляя постоянно жить в страхе оказаться избитыми. Результатом такого давления стало то, что число еврейских детей в государственных средних школах Пруссии упало

с 15 000 в мае 1932 года до 7000 в мае 1935 года и всего до 4000 в следующем году. Данные цифры, скорее всего, не в полной мере отражают масштабы этого явления, поскольку они учитывают только детей родителей иудейской веры, не включая детей, считавшихся режимом евреями по расовым признакам. К 1938 году всего 1% учеников государственных средних школ Пруссии были евреями, а с января этого года этим ребятам все равно было официально запрещено участвовать в общих вступительных экзаменах в университет. Все оставшиеся еврейские школьники были выгнаны из школы в конце года¹⁰⁶.

Исключение еврейских детей из немецких государственных школ срочно потребовало создания образовательных учреждений для еврейского сообщества на замену. Родители из еврейского среднего класса свысока смотрели на еврейские школы в 1933 году, многие считали их стандарты низкими и не разделяли их религиозную политику. Это особенно касалось родителей христианской веры, которые вдруг обнаружили, что режим считает их расовыми евреями и не делает различий между ними и сообществом, связей с которым они старательно избегали. Многие местные еврейские сообщества не имели образовательных учреждений вообще. Озабоченные родители, шокированные изоляцией, в которой оказывались их дети из-за враждебного отношения к ним в государственных школах, часто брались за организацию таких учреждений. К 1935 году более половины из 30 000 еврейских детей в возрасте от 5 до 11 лет ходили в еврейские общественные школы, которые в основном финансировались еврейскими организациями. Было сложно найти квалифицированных учителей, классы часто оказывались чрезмерно большими, до 50 детей в каждом, а занятия проводились в тесных и непригодных помещениях. Особенно в средних школах дети из разных семей, с разными способностями и уровнем образования вдруг оказались в одних условиях. Для многих родителей и детей самой серьезной проблемой стал транспорт. Велась яростная споры между идеологическими направлениями ортодоксов, либералов и секуляристов по поводу учебной программы, утихшие только по мере усиления дискриминации и репрессий, которые делали эти споры неважными. В начале 1937 года в Германии действовало 167 еврейских школ, в которых училось около 24 000 детей из

39 000. Эмиграция вскоре сократила их число, к октябрю 1939 года в Германии оставалось менее 10 000 учеников-евреев, а большое число еврейских школ было закрыто. Их достижением в первую очередь было то, что они предлагали образовательную среду, свободную от расовой ненависти, милитаризма и жестокой физической силы, которые стали доминировать в подавляющем большинстве немецких школ к тому времени¹⁰⁷.

Взаимная помощь среди евреев играла свою роль и в других областях. Еврейские спортсмены и женщины создали собственные организации, после того как евреи были изгнаны из ведущих спортивных клубов в 1933 году. В 1934 году их численность составляла не менее 35 000 человек. Еще более заметным достижением стало создание Еврейского культурного союза, организованного бывшим заместителем директора Берлинской оперы Куртом Зингером. 8000 еврейских художников, музыкантов, актеров и писателей состояли в Еврейском культурном союзе, который существовал исключительно для еврейского сообщества, в конечном счете, чтобы воспользоваться преимуществами членства в нем, туда вступили 180 000 евреев. Его создание было официально одобрено Германом Герингом. С точки зрения нацистов, это было правильно, поскольку отмечало полное отделение еврейской культурной жизни от страны в целом и в то же время убеждало остальных немцев в том, что евреям не запрещалось писать, рисовать или играть на сцене. Однако Зингер был быстро смещен в сторону, а Культурным союзом больший период его существования руководил нацист Ганс Хинкель. Он работал под покровительством Геринга и отвечал за устранение евреев из культурных институтов Пруссии, поэтому для Геринга было очевидным, что тот должен был возглавить и Культурный союз. В скором времени Хинкель стал запрещать Культурному союзу и его членам исполнять немецкие работы, начиная со средневековых и романтических пьес и заканчивая Шиллером (1934) и Гёте (1936). Еврейские музыканты не могли исполнять музыку Рихарда Вагнера или Рихарда Штрауса. К этому списку был добавлен Бетховен в 1937 году и Моцарт в 1938 году¹⁰⁸.

Тем не менее только в сезон 1934–1935 года Союз поставил шестьдесят девять оперных спектаклей и провел 117 концертов. И хотя некоторые видные члены Союза считали такие меропр-

ятия возможностью показать вклад еврейских актеров и музыкантов, вносимый ими в культурную жизнь Германии, многие другие, вероятно, понимали, что это было признаком медленной изоляции еврейской культуры в Германии. Постепенно ограничивая сферу деятельности Культурного союза, нацисты неумолимо создавали для него условия, в которых все, что он мог делать, это предлагать «еврейскую» культуру исключительно для евреев. Культурная изоляция немецких евреев была завершена после 10 ноября 1938 года, когда им запретили посещать немецкие театры, кинотеатры, концерты, лекции, цирки, кабаре, танцы, выставки и другие культурные мероприятия. После этого 1 января 1939 года еврейские культурные организации всех типов были объединены в централизованный Еврейский культурный союз, включавший и остававшиеся еврейские издательства. Для еврейских аудиторий можно было предлагать множество работ, включая произведения еврейских писателей и композиторов, запрещенных нацистами по расовым причинам. Проводились выставки еврейских художников и публичные чтения еврейских писателей. Немцы-неевреи, конечно же, посещать такие мероприятия не могли. Многие, если не большинство, сомневались в том, могла ли существовать немецкая еврейская культура независимо и отдельно от нееврейской. Большинство еврейских писателей, художников и композиторов не просто допускали возможность, но и на самом деле считали себя немцами¹⁰⁹.

Возможно, это покажется парадоксальным, но многие евреи считали процесс культурной изоляции достаточно обнадеживающим, поскольку они свыклись с новыми ограничениями своей жизни. Один из них позже критически отмечал: «Евреев более или менее никто не трогал в пределах очерченных для них границ. В Еврейском культурном союзе, в еврейских школах, синагогах они могли жить так, как захотят. Не допускалось и было опасным только вмешательство в арийскую сферу»¹¹⁰. Такое отношение во многих случаях было психологической необходимостью для тех, кто остался в стране. Это были в основном старые и бедные люди. В 1933 году 20% немецких граждан иудейской веры, родившиеся в Германии, были старше 50 лет. К 1938 году доля еврейского населения в Германии старше 50 лет увеличилась до 48%, а годом позже она превысила половину¹¹¹. Многие

евреи были немецкими патриотами, их семьи имели глубокие связи с родными городами и областями, сложившиеся в течение десятилетий и даже веков. Для некоторых разрыв таких связей становился слишком тяжелым испытанием. Многие уезжали из Германии в слезах, обещая вернуться, когда все образуется. Неудивительно, что многие немецкие евреи отказывались эмигрировать или искренне не видели в этом необходимости. «Почему я должен уезжать? — отвечал один немецкий еврей среднего возраста на просьбы своего обеспокоенного сына в 1937 году. — Все еще остынет. В конце концов, мы живем под властью закона. Что может со мной произойти? Я старый солдат, я четыре года воевал за свою Родину на Западном фронте и получил Железный крест 1-й степени»¹¹².

III

Особой группой оставшихся евреев были те, кто состоял в браке с человеком, считавшимся режимом арийцем. В 1933 году было 35 000 смешанных браков, то есть в которых супруги принадлежали к иудейскому и христианскому вероисповеданию. Большинство таких браков были между еврейскими мужчинами и женщинами-христианками. Нюрнбергские законы, конечно, переопределяли смешанные браки в расовых терминах. К этому времени в большинстве из них оба супруга исповедовали христианскую веру. Но гестапо оказывало все большее давление на супругов-неевреев с целью заставить их пойти на развод. Суды стали быстро удовлетворять заявления на развод со стороны нееврейских супругов на основании того, например, что те только с приходом к власти национал-социализма осознали опасность расового загрязнения. Учитывая, что к тому времени евреи были выдворены практически из всех областей общественной и социальной жизни, еврейские мужья в смешанных браках были вынуждены передать все права по воспитанию детей, управлению финансовыми делами, накоплениями, бизнесом, собственностью и практически всем остальным своим нееврейским женам. По мере закрытия любых экономических возможностей для мужа все чаще главным кормильцем в семье становилась жена. 28 декабря 1938 года по приказу Гитлера Геринг издал но-

вые правила в отношении статуса смешанных браков. Чтобы смягчить возможный гнев со стороны арийских родственников, он объявил, что смешанные браки, где муж был евреем, а дети были воспитаны в христианской вере, или где жена была еврейской и в семье не было детей, должны считаться «привилегированными» и на них не должны были распространяться некоторые будущие дискриминационные законы режима¹¹³.

Таким образом, для смешанных браков с мужем-евреем и без детей, или где жена обратилась в иудаизм, или где дети были воспитаны в иудейской вере, никакие привилегии не действовали. Жены-нееврейки в такой ситуации испытывали серьезное и постоянно возрастающее давление с целью заставить их развестись. Нацистские законы о браке, закрепленные в первую очередь в Законе о браке от 6 июля 1938 года, определяли брак как союз между двумя людьми здоровой крови, одной расы и разных полов, заключенный в общих интересах с целью рождения детей здоровой крови и их воспитания в традициях праведного немецкого расового товарищества. Смешанные браки очевидным образом не попадали под это определение, а с сентября 1935 года под запрет попали и другие. Новый закон систематизировал последние судебные решения по существующим смешанным бракам и развивал их еще дальше. По новому закону люди немецкой крови, имевшие еврейского супруга или супругу, теперь могли обратиться в суд с просьбой расторгнуть их брак исключительно по расовым причинам. Кроме того, жена-нееврейка могла подать на развод с мужчиной-евреем, потерявшим источник дохода, по причине того, что тот не мог исполнять свой долг по обеспечению семьи. Раздельное проживание в течение трех лет теперь также стало основанием для развода, таким образом, если муж-еврей провел это время в концентрационном лагере или в изгнании за границей, его жена-нееврейка могла развестись с ним без каких-либо проблем. Усиливавшиеся финансовые и другие трудности неизбежно создавали огромное напряжение в таких браках, и даже без прямого давления со стороны гестапо или различных партийных организаций (что происходило сплошь и рядом) они очень часто распадались. Требовалась недюжинная смелость, верность и любовь для сохранения смешанного брака в таких обстоятельствах¹¹⁴.

Однако к 1938 году люди стали узнавать, что развод означал не просто дополнительные трудности для еврейского супруга, но и, весьма вероятно, насилие, заключение и смерть. После смерти нееврейского супруга гестапо, как правило, через день появлялось на пороге дома и арестовывало оставшегося еврейского мужа или жену. Кроме того, гестапо начало практиковать регулярные приглашения арийских женщин, вышедших замуж за евреев, в полицейское управление для дружеской беседы. Почему милая белокурая немецкая женщина хотела продолжать быть замужем за евреем в сложившихся обстоятельствах? Разве жизнь не стала бы лучше после развода? Ей надо было только сказать, что национал-социализм развеял ее прежние заблуждения относительно еврейской угрозы, чтобы начать процесс развода. Обещания смешивались с угрозами. Развод означал бы радужные перспективы карьеры для ее детей, которые бы были переклассифицированы в немцев, а также улучшение экономической ситуации для ее семьи, которая избавилась бы от супруга-иждивенца. Отказ приговаривал детей на печальное существование, лишенное многих преимуществ и привилегий, полагававшихся чистокровным немцам. Если она отказалась бы развестись, то государство конфисковало бы ее собственность. Доведенные до отчаяния, некоторые немецкие женщины в смешанных браках и без детей разводились, чтобы сохранить свои накопления, и продолжали тайно встречаться со своими мужьями, когда те покидали семейное гнездо. Однако многие сопротивлялись этому давлению и с гневом реагировали на предложение развестись по финансовым основаниям: неужели вы думаете, спрашивали они, это было главной причиной заключения брака?¹¹⁵

Одной из таких женщин была Ева, жена Виктора Клемперера, которая пережила вместе с ним все злоключения 1930-х. Будучи ветераном войны и мужем арийки, он все еще имел право сохранить свою должность профессора французской литературы в Дрезденском техническом университете, однако его отстранили от принятия экзаменов, он не мог найти издателя для своей последней книги, а его возможности преподавания были так жестко ограничены, что посещение его лекций упало до считанных единиц, и он оказался перед опасностью стать ненужным. Он приходил в еще большее отчаяние, видя сохранявшиеся

иллюзии относительно режима среди его еврейских друзей — вокруг него увольняли его еврейских коллег, а молодые еврейские семьи, которые он знал, эмигрировали в Палестину. Как немецкого националиста, его шокировало то, как другие еврейские друзья закрывались в своей еврейской идентичности и теряли связи с Германией. Он считал, что сионизм был немногим лучше нацизма. Он видел, как его еврейские друзья эмигрировали в Палестину, но не думал об этом сам — «любой, кто отправляется туда, меняет национализм и ограниченность на национализм и ограниченность» — и в любом случае, он чувствовал, что не сможет приспособиться к другой жизни в его возрасте. Он писал, что был «бесполезным созданием чрезмерной культуры»¹¹⁶.

В начале октября 1934 года он с женой переехал в дом, который они давно строили для себе в Дёльцшене, тихом пригороде Дрездена¹¹⁷. Они едва успели привести дом в порядок, когда положение Клемперера стало резко ухудшаться. В марте 1935 года не входивший в нацистскую партию министр образования Саксонии был уволен, а его место занял нацистский гаулейтер Мартин Мучман. «На всех направлениях разрушения культуры, гонений на евреев и внутренней тирании, — писал Клемперер в своем дневнике, — Гитлер привлекает все более ужасающих существ»¹¹⁸. 30 апреля 1935 года он получил уведомление об увольнении со своей должности, подписанное Мучманом. Никто из коллег не сделал ничего, чтобы помочь ему, а единственным человеком, проявившим сочувствие, оказалась секретарь кафедры. В поиске новой работы Клемперер написал некоторым из своих коллег за границей, но из этого ничего не вышло, в любом случае он не думал, что его жена Ева, которая очень часто болела, смогла бы выдержать невзгоды изгнания. Теперь, на середине шестого десятка, ему пришлось жить на пенсию, равную лишь половине его предыдущей зарплаты. Его спас старший брат Георг, успешный хирург, семидесяти лет, уехавший из Германии и уже вышедший на пенсию, который одолжил Виктору 6000 рейхсмарок, что было не единственной его помощью своим нуждавшимся родственникам. Тем временем антисемитские нападки становились чаще и более явными. В центре Дрездена Клемперер обратил внимание на человека, который выкрикивал: «Любой, кто покупает у еврея, — предатель нации!» 17 сентября

1935 года он отметил принятие нюрнбергских законов. «Мне плохо от отвращения»¹¹⁹. Лишенный возможности преподавать, Клемперер упорно продолжал писать свою историю французской литературы XVIII века, хотя перспективы ее публикации были совершенно призрачны. А тем временем он проводил много времени в поездках на своем новом автомобиле и обсуждая со своими друзьями возможность, отдаленную, как он отмечал, краха Третьего рейха. Он писал, что все роптали, но никто не был готов что-либо предпринять, а многие считали Третий рейх необходимым бастионом против коммунизма. Клемперер начал чувствовать, что его взгляды меняются. «Никто не сможет забрать у меня мою немецкую национальность, — писал он, — но мой национализм и патриотизм умерли навеки»¹²⁰.

Однако для некоторых оказалось проще отделить свое одобрение националистических политик Третьего рейха от обеспокоенности в связи с его антисемитизмом. Когда вышедший на пенсию майор Фридрих Зольмиц занял должность местного старосты Союза по защите от авианалетов вскоре после прихода нацистов к власти, они со своей женой, казалось, готовы были без проблем принять Третий рейх. Однако в начале 1934 года он был вынужден направить Питеру Шёнау, местному нацистскому лидеру, прошение о своей отставке из-за постоянной враждебности Шёнау по отношению к себе. Зольмиц с горечью утверждал, что во всех своих действиях следовал приказам партии, включая реализацию Арийской статьи, исключая всех евреев с ответственных постов, связанных с подготовкой к авианалетам. Он не мог понять, почему именно он попал под огонь критики. Однако причиной давления на Зольмица оказалось то, что он сам был евреем¹²¹.

Что касается религии, семья была христианская и не имела контактов с еврейским сообществом, что без сомнения объясняет, почему его жена, Луиза Зольмиц, в тайне своего дневника, смогла написать в 1933 году, что в Гамбурге «ни один штурмовик не делает евреям ничего плохого, в их адрес не выкрикиваются проклятия, повседневная жизнь в Гамбурге не менялась, все занимаются своими делами, как обычно»¹²². У Луизы Зольмиц не было еврейских предков. Но даже для нее нацистский бойкот еврейских магазинов, проведенный 1 апреля 1933 года, показался причиной

для беспокойства, «жестокой первоапрельской шуткой». «Вся наша душа, — сокрушалась она, — предвкушала возрождение Германии, а не это». Тем не менее, размышляла она, по крайней мере с улиц пропали восточноевропейские евреи («подземные твари из Восточной Галиции, кажется, исчезли на время»)¹²³. А годом позже она с горечью говорила о дискриминации, от которой страдали ее еврейский муж и полуеврейская дочь. Она была вынуждена с отчаянием смотреть «как Фр[идрих] оказался во власти бесчестных мошенников, как его исключили из СА и «Стального шлема», Национал-социалистической ассоциации боевых офицеров и Академической ассоциации. Понимать, что все пути к счастью, в профессиональной или семейной жизни, окажутся закрыты для Гиз[еллы]! Дрожать при каждом случайном слове, каждом визите, каждом письме: что людям от нас нужно?»¹²⁴

В 1935 году после принятия нюрнбергских законов Зольмиц потерял право на гражданство, несмотря на то, что он со своей нееврейской женой позже получили статус привилегированного смешанного брака, поскольку они воспитывали свою дочь в христианской вере. Нюрнбергские законы, писала она 15 сентября 1935 года, стали «нашим гражданским смертным приговором». Они означали, что, как и в 1918 году, семье запретили вывешивать Имперский флаг (теперь украшенный свастикой) и многое другое: «Наш черно-бело-красный флаг унижен во второй раз. Любой мужчина, взявший в жены мою дочь, окажется в тюрьме вместе с ней. Горничную придется уволить... Наш ребенок — изгнанное, забракованное, презируемое, никчемное существо. Кто на самом деле понимает, что такое изоляция от людей, вырванность из общества женщины, «породненной с евреем»? Большинство людей или многие из них все равно отвергают еврейство, как и я, они не имеют никакого отношения к нему и не хотят иметь. И никогда не имели, не знают никаких евреев. А когда мы вместе с нашими товарищами по расе, каждое случайное слово пугает нас, мы вздрагиваем от каждого шороха»¹²⁵.

Разгневанные отношением к себе Зольмицы написали личное письмо Гитлеру. Оно было направлено в местную полицию и Министерство внутренних дел, которое сообщило паре, что они ни при каких условиях не могут получить освобождение от действия положений закона¹²⁶. Несмотря на это, Луиза Зольмиц со-

храняла оптимизм. Растущая изоляция ее дочери и ее обида из-за невозможности вступить в Союз немецких девушек продолжали беспокоить ее, однако семья была вполне обеспечена, а национальная гордость за достижения Германии при Третьем рейхе более чем компенсировала незначительные неприятности, от которых в 1937 году она отмахивалась, как «от надоедливой гнусы летних озер»¹²⁷.

IV

И действительно, начиная с конца 1935 года ситуация с евреями в Германии на некоторое время успокоилась. Причина этого была довольно неожиданной и по крайней мере в одном отношении находилась вне контроля нацистского режима. Дело в том, что в 1936 году Германия должна была принимать Олимпийские игры, это решение было принято Международным олимпийским комитетом задолго до прихода нацистов к власти. Зимние игры должны были пройти на лыжном курорте в Гармиш-Пантенкирхене, а летние — в Берлине. Сначала Гитлер относился к этому скептически. Спорт сам по себе никак не был связан с нацистской идеологией, а интернациональный характер этого события был для него крайне подозрителен. Однако после начала кампании бойкота, в особенности в Соединенных Штатах, из-за отношения Третьего рейха к евреям, он понял, что перенос Игр в любое другое место окажется губительным для репутации страны, а проведение Игр в Германии предоставит уникальную возможность изменить мировое мнение в пользу Третьего рейха. Поэтому подготовка шла в соответствии с планом. В немецкой команде не было ни одного еврея. Стремясь избежать бойкота со стороны США, тренеры немецкой команды попытались включить в состав еврейских атлетов, но запрет на посещение евреями ведущих спортивных площадок в Германии с 1933 года означал, что ни один из них не сумел пройти квалификацию. В команду попали три полуеврея, все они проживали за пределами Германии, включая белокурую фехтовальщицу Хелену Майер. Наряду с заверениями немецкой стороны о том, что они будут придерживаться духа олимпийского движения, этого казалось достаточно, чтобы избежать международного бойкота¹²⁸.

Были предприняты самые тщательные подготовительные меры, чтобы представить Германию миру в максимально положительном свете. В своей берлинской газете «Атака» Геббельс обращался к берлинцам: «Мы должны быть более привлекательными, чем парижане, более добродушными, чем венцы, более жизнерадостными, чем римляне, более космополитичными, чем лондонцы, и более практичными, чем нью-йоркцы»¹²⁹. Чтобы гарантировать положительное впечатление, людей с криминальным прошлым арестовывали и выдворяли из города или заключали в тюрьму на время проведения Олимпиады. В центре обширного спортивного комплекса на северо-западе Берлина был построен огромный новый стадион вместимостью 110 000 зрителей. Игры освещались по всему миру по радио и впервые они показывались по телевидению, хотя и только в качестве эксперимента, потому что тогда практически ни у кого не было телеприемников. Лени Рифеншталь с помощью техники, прекрасно зарекомендовавшей себя на съемках фильма «Триумф воли» о Нюрнбергском съезде 1934 года, поставила картину «Олимпия», которая и поныне считается классическим олимпийским фильмом, празднованием силы человеческого тела, что прекрасно соответствовало как олимпийским идеалам, так и нацистской идеологии. В столице везде были развешаны нацистские и олимпийские флаги, а на церемонии открытия хор из 3000 человек под руководством Рихарда Штрауса исполнил его новый Олимпийский гимн, после которого была спета Песня Хорста Весселя. Олимпийский огонь был зажжен, Гитлер объявил Игры открытыми, и 5000 спортсменов начали соревнования¹³⁰.

Разумеется, Гитлер был только гостем на Играх, которые проводились под руководством Международного олимпийского комитета, и когда он стал вызывать победивших немецких атлетов в свою ложу для личных поздравлений, представители комитета строго напомнили ему о том, что он не должен оскорблять международный дух Игр, проводя различия между победителями из разных стран. Он должен был поздравлять всех без исключения или воздержаться от поздравлений вообще. Неудивительно, что он выбрал второй вариант, хотя и продолжил поздравлять немецких победителей в частном порядке. Однако этот инцидент и тот факт, что он покинул стадион во время соревнований по прыж-

кам в высоту после того, как последний немецкий спортсмен был из соревнований, дали начало позднему мифу о том, что Гитлер унизил самую яркую звезду Игр, четырехкратного золотого призера Джесси Оуэнса, отказавшись пожать ему руку, потому что тот был черным, и покинув стадион, когда тот пришел первым в забеге. Однако даже Гитлер был не настолько глуп, чтобы портить впечатление, которое Игры оказывали на международное мнение, таким резким поступком. Как позже говорил Альберт Шпеер, Гитлер действительно не был рад победам Оуэнса, которые он относил на счет превосходства в силе примитивного человека. В будущем, говорил он в личной беседе, такие нечестные соревнования должны быть запрещены, а всех цветных нельзя допускать к Играм вообще. Под впечатлением от успеха Олимпиады Гитлер приказал Шпееру спроектировать новый стадион во много раз больше нынешнего. В 1940 году Игры должны были пройти в Японии, как и планировалось, согласился он, но после этого они должны были навсегда переселиться в Берлин¹³¹.

«Боюсь, нацисты преуспели в своей пропаганде, — писал Уильям Л. Ширер 16 августа 1936 года после окончания Игр. — Во-первых, они потратили на Олимпиаду такое количество денег, как никто до них, и это понравилось спортсменам». Во-вторых, они создали прекрасную атмосферу для обычных гостей, особенно крупных бизнесменов, некоторые из которых рассказали ему, что были «приятно удивлены нацистским приемом». То же самое происходило и на зимних Олимпийских играх раньше в этом году, хотя Ширер навлек на свою голову гнев Министерства пропаганды за репортаж о том, как «нацистские чиновники забрали себе все лучшие гостиницы, а прессу разместили в дешевых мотелях», что было полной правдой. Ширер также рассказал своим американским читателям, что нацисты в Гармише «убрали все знаки, на которых было написано, что евреям здесь не место (а они висят по всей Германии), и гости Олимпиады не увидят ничего подобного, указывающего на обращение нацистов с евреями в этой стране»¹³².

Это тоже было правдой. Гитлер в явной форме дистанцировался от «Штурмовика» в июне 1936 года в качестве уступки международному мнению, а сама газета исчезла из столицы рейха на время проведения Игр¹³³. В своих главных речах в 1936 году он лишь вскользь упоминал о евреях¹³⁴. 13 августа 1936 года

Виктор Клемперер отмечал, что для нацистского режима Олимпиада была «во всех отношениях политическим мероприятием. «Немецкий Ренессанс через Гитлера», как я прочел недавно. Людям дома и за границей постоянно твердят, что они стали свидетелями возрождения, расцвета, нового мышления, единства, стойкости и славы, а также, разумеется, миролюбивого духа Третьего рейха, который с любовью обнимает весь мир. Теперь запрещено распевать лозунги на улицах (на время Олимпиады), кампании против евреев, воинственные речи — все дискредитирующее исчезло из газет до 16 августа, но повсюду все равно круглосуточно висят флаги со свастикой»¹³⁵.

Однако, несмотря на все это, помощник Гесса Мартин Борман в феврале 1936 года напомнил официальным лицам партии о том, что «задача НСДАП выкорчевать еврейство во всех сферах общественной жизни Германии остается неизменной». Она несколько не изменилась и не была забыта, это стало очевидно сразу же после окончания летних Олимпийских игр¹³⁶.

V

Тем временем несколько тысяч евреев, уехавших из страны в 1933 году, вернулись в последующие годы, когда ситуация на улицах, казалось, успокоилась по сравнению с массовым насилием во время захвата власти, а главные лица режима ослабили свою антисемитскую риторику. Ограничения на прием на работу иностранных рабочих, введенные французским правительством, когда на страну в 1934 году обрушилась Депрессия, заставили многих немецких евреев направиться обратно на родину. Отмечая в первые месяцы 1935 года прибытие «элементов, которые следует считать нежелательными», баварская политическая полиция постановила: «В целом можно считать, что неарийцы эмигрировали по политическим причинам, даже если они заявляли, что уезжали за границу, чтобы начать новую жизнь. Возвращающихся эмигрантов мужского пола следует отправлять в концентрационный лагерь Дахау, возвращающихся женщин следует отправлять в концентрационный лагерь в Морингене»¹³⁷.

Гораздо худшие вещи были впереди¹³⁸. Более того, несмотря на все косметические изменения антисемитских политик наци-

стов в 1936 году, ариизация еврейского бизнеса продолжалась неослабно в течение всего года, а введение в действие Четырехлетнего плана осенью, как мы видели, привело к резкому ускорению этого процесса. Он сопровождался новой волной бойкотов во многих областях страны, это подразумевало, что многие немецкие покупатели продолжали ходить в еврейские магазины, а нацистское руководство на всех уровнях со все большим раздражением смотрело на эту ситуацию. Гестапо запустило согласованную программу по искоренению давно установленного во многих регионах Германии обычая, когда крестьяне обращались к еврейским торговцам скотом при покупке и продаже своих животных. Фермерам, упорно не желавшим разрывать свои связи, угрожали отзывом охотничьих разрешений, отказом в «Зимней поддержке» и другими мерами, а еврейских торговцев скотом арестовывали или физически изгоняли с рынков и скотобоев, а их бухгалтерские книги конфисковывали и передавали нееврейским конкурентам. В результате к концу 1937 года их практически полностью исключили из этого бизнеса¹³⁹.

Однако насильственные действия в широком масштабе начались снова только в 1938 году. И опять же они проводились руководством Третьего рейха во главе с Гитлером. По мере повышения агрессивности военной и внешней политики режима необходимость заботиться о реакции иностранных государств на антисемитское насилие становилась меньше, чем раньше. Проводимая поэтапно ариизация экономики теперь практически достигла своей цели, и в результате выдворения евреев из экономической жизни страны не произошло никаких катастроф. В воздухе витал призрак войны, и с точки зрения режима было необходимо как можно быстрее сократить число евреев в Германии, чтобы свести к минимуму возможность повторения истории с «ударом в спину», которая привела к поражению в Первой мировой войне, — этот миф не в последний раз сыграл ключевую роль в определении политики Гитлера и его главных помощников. В преддверии грядущей войны очередное определение немецких евреев на место внутреннего врага могло стать важным средством для подготовки общественного мнения к конфликту. Эта новая фаза антисемитского насилия, третья после 1933 года и 1935 годов, была начата лично Гитлером на партийном съезде

13 сентября 1937 года, когда он посвятил большую часть своей речи обвинению евреев в том, что они были «во всех отношениях низшей расой», беспринципными, склонными к разрушению и развалу общества изнутри, что они уничтожали всех умнее себя и стремились к установлению большевистского царства террора. За этой речью последовали антисемитские волнения в Данциге, а затем новая волна бойкотов еврейских магазинов во время рождественского сезона. Описывая долгий личный разговор с Гитлером 29 ноября 1937 года, Геббельс отметил в своем дневнике: «Евреи должны убраться из Германии, а лучше вообще из Европы. Это, конечно, займет некоторое время, но оно должно случиться и случится. Вождь твердо в этом уверен»¹⁴⁰.

Новая волна преследований принесла за собой целый ворох новых законов и указов, которые значительно ухудшили положение немецких евреев. 25 июля 1938 года 2443 из остававшихся 3152 еврейских врачей потеряли свои лицензии, а 709 лишились права называться врачами, но могли продолжать лечить еврейских пациентов, которые в противном случае лишились бы медицинской помощи вообще. Указ от 27 сентября вводил те же принципы для еврейских адвокатов — 172 из 1753 получили разрешение продолжать практику, но только с еврейскими клиентами. За ними 17 января 1939 года последовали еврейские дантисты, ветеринары и аптекари. 28 марта 1938 года новый закон о еврейских культурных обществах лишил их предыдущего статуса общественных организаций с 1 января прошлого года, отменив законодательную защиту и подвергнув повышенному налогообложению. Следующие меры ускоряли ариизацию экономики за счет изгнания евреев из других профессий, ликвидации налоговых льгот для евреев с детьми, принудительной регистрации денежных активов евреев и других способов. Министерство внутренних дел начало работу над новым законом, принятым 17 августа, который обязал всех евреев с 1 января 1939 года принять еврейские имена либо добавлять имя «Израиль» или «Сара» к существующему. Таким образом, евреев теперь можно было автоматически выявлять по удостоверению личности, которое каждый немец уже давно обязан был носить всегда с собой и предъявлять по первому требованию. Для многих евреев этот закон самым унижительным способом дал понять, что теперь они во всех

отношениях были отдельной низшей расой. Теперь муж Луизы Зольмиц Фридрих неизбежно должен был получить имя Израиль, и она сильно беспокоилась о том, что он мог впасть в депрессию, которая настигала многих людей в его ситуации: «Стыд, который вызывает статья 1.1.39, разъедает его, позорящее, угнетающее дополнительное имя»¹⁴¹.

Полная изоляция от остального общества, вот о чем думал региональный партийный лидер Берлина Йозеф Геббельс летом 1938 года, выслушивая жалобы региональных лидеров из других областей Германии о том, что они видели множество евреев на улицах столицы Третьего рейха. Полицией-президент Берлина, граф Хеллдорф, по поручению Геббельса подготовил отчет, в котором рекомендовалось учредить особый идентификационный знак для евреев и их магазинов, специальное удостоверение для евреев, исключить их из целого ряда профессий, организовать специальные отделения для них в поездах, поселить их в выделенных кварталах города и пр. Такие идеи теперь получали все большее распространение. Служба безопасности под руководством Гейдриха отмечала, что для Берлина будет нецелесообразно начинать этот процесс самостоятельно, хотя к тому времени здесь проживала треть всего еврейского населения Германии, в любом случае эти меры не были частью какой-либо единой схемы еврейской эмиграции. Поэтому они не были приняты. Тем не менее эти предложения не были забыты, а тем временем берлинская полиция провела облаву на известное кафе на Курфюрстендамм и арестовала около 300 еврейских клиентов, включая множество иностранцев. Среди них, по сообщению полиции, было много преступников. Этого было совершенно недостаточно для Геббельса, который вызвал Хеллдорфа для беседы. «Цель — изгнать евреев из Берлина, — писал он в дневнике 4 июня 1938 года, — ...и без всякой сентиментальности». Эту цель он поставил перед аудиторией из 300 старших офицеров полиции Берлина 10 июня 1938 года. В этом вопросе Геббельс действовал не в одиночку. Несколькими днями ранее более 1500 евреев было арестовано по личному приказу Гитлера в ходе масштабной полицейской операции против «асоциальных элементов», нищих, попрошайек и др. Этих евреев, известных полиции по прежним судимостям, включая нарушение расовых законов, не должны были от-

править на принудительные работы, что предстояло гораздо большему числу «асоциальных элементов», арестованных в ходе этой акции. После ареста предполагалось заставить их эмигрировать. И действительно, их освободили только тогда, когда через еврейские агентства были выполнены все необходимые процедуры для их эмиграции. Помимо этого данная акция также была направлена на создание у обычных людей впечатления о том, что евреи ничем не отличаются от уголовников, которое старательно поддерживалось репортажами в ежедневной прессе¹⁴².

Все эти речи, законы, указы и полицейские рейды четко давали понять рядовым нацистам, что время насильственных действий на улицах снова пришло. Пример массовых сцен насилия в Вене после аннексии Австрии в марте 1938 года стал дополнительным стимулом¹⁴³. Берлинские нацисты поощрялись Геббельсом и шефом полиции Хеллдорфом, они рисовали звезду Давида на еврейских магазинах, врачебных приемных и адвокатских конторах по всему городу, ограбили многие из них и уничтожили три синагоги. Насилие распространилось на другие города, включая Франкфурт и Магдебург. Гитлер остановил это насилие 22 июня, не в последнюю очередь потому, что оно затрагивало многих евреев из иностранных государств, оказавшихся в то время в городе, а отношения с другими странами были напряжены. Однако эти действия носили сугубо тактический характер. 25 июля 1938 года Геббельс описывал разговор, в котором Гитлер дал свое общее одобрение его действиям в Берлине. «Главное то, что евреи изгоняются. Через 10 лет их не должно остаться в Германии». Каким образом это должно было произойти, было не так важно. Задачи иностранной политики в данный момент не позволяли прибегать к открытому насилию, но оно не исключалось в принципе¹⁴⁴. Изменив тактику, берлинская полиция издала конфиденциальный список из 76 пунктов, в котором перечислялись способы преследования евреев без нарушения закона: вызовы в полицейские управления в Шаббат, придирки при проведении санитарных и пожарных проверок еврейских зданий, затягивание оформления юридических документов (если только это не касалось эмиграции) и т.д. Тем не менее насилие продолжалось, иногда по законным основаниям, иногда без них. Когда местные власти в Нюрнберге и Мюнхене приказали

уничтожить главные синагоги в своих городах, нацисты разгромили синагоги по крайней мере в десятке других городов. В некоторых районах Вюртемберга возобновились нападения на еврейские дома, а еврейских жильцов вытаскивали из их квартир, избивали, плевали на них и вывозили за пределы города. Благодаря официальным мероприятиям предыдущих нескольких месяцев, все еврейские магазины и здания были явно помечены, все евреи получили специальные удостоверения, а их дома были занесены в особый полицейский реестр. Поэтому их было очень просто найти¹⁴⁵. В СС стали обсуждать планы ареста всех оставшихся евреев в случае начала войны. Наконец, под постоянно усиливавшимися требованиями Гитлера обеспечить финансирование и производство вооружений, комитет по реализации Четырехлетнего плана во главе с Германом Герингом стал все пристальней присматриваться к оставшейся собственности и финансовым средствам евреев в Германии¹⁴⁶.

Ситуация снова подходила к той грани, за которой должны были начаться погромы, как летом 1935 года. Тем временем режим начал принимать меры по выдворению немемецких евреев из рейха. Арийские работодатели получили приказ уволить всех таких сотрудников осенью 1937 года, после чего почти тысяча русских евреев были изгнаны из страны, хотя этот процесс и занял больше времени, чем планировалось, из-за отказа сотрудничать со стороны советских властей¹⁴⁷. В следующем году служба безопасности СС обратила свое внимание на 50 000 польских евреев, проживавших в стране. Сорок процентов из них на самом деле родились в Германии, но с точки зрения Гейдриха все они были нежелательными элементами, поскольку никто из них не попадал под действие немецких антиеврейских законов. Опасаясь их возвращения, антисемитская военная диктатура, правившая Польшей, 31 марта 1938 года приняла закон, который позволял лишать польского гражданства этих несчастных людей, которые в таком случае лишались вообще любого гражданства. Переговоры между гестапо и польским посольством в Берлине не привели ни к чему, и 27 октября немецкая полиция начала арестовывать польских рабочих, иногда вместе со всеми семьями, под строгой охраной грузить их на опечатанные поезда и перевозить к польской границе. Таким

образом было перевезено восемнадцать тысяч человек, без какого-либо уведомления, без багажа, кроме минимального набора личных вещей, и часто без еды и питья во время поездки. По прибытии на границу полицейский эскорт выгонял их из вагонов и заставлял переходить на другую сторону. Скоро польские власти закрыли границу со своей стороны, и изгнанники были вынуждены бесцельно бродить по ничейной полосе, пока польское правительство не смягчилось и не организовало лагеря для беженцев прямо на территории границы. Когда польские власти издали приказ о выдворении немецких граждан обратно в Германию, немецкая полиция прекратила такие действия 29 октября 1938 года. В ходе переговоров между двумя правительствами наконец удалось добиться соглашения, по которому высланным лицам разрешалось вернуться в Германию, чтобы собрать свои вещи, после чего они возвращались в Польшу навсегда¹⁴⁸.

«Хрустальная ночь»

I

7 ноября 1938 года семнадцатилетний польский юноша Гершель Гриншпан, выросший в Германии, но в тот момент проживавший в Париже, узнал, что его родители оказались среди тех, кто был депортирован из Германии в Польшу. Он достал револьвер, пошел в немецкое посольство и выстрелил в первого попавшегося дипломата: 3-го секретаря по имени Эрнст фон Рат, который с тяжелым ранением был доставлен в больницу. Политическая обстановка в начале ноября 1938 года уже была напряженной из-за антисемитского насилия, поскольку режим и его самые активные сторонники продолжали увеличивать давление на немецких евреев, заставляя их покидать страну. Неудивительно, что Геббельс из-за этого инцидента устроил огромную пропагандистскую шумиху. В тот же день Министерство пропаганды направило инструкции для прессы, согласно которым этот инцидент должен был получить главное внимание в репортажах. Он должен был называться атакой «мирового еврейства» на Третий рейх, которая повлечет за собой «самые жесткие по-

следствия» для евреев в Германии. Это было громким приглашением действовать для верных сторонников партии. Геббельс приказал региональному шефу пропаганды в Гессене провести ряд нападений на синагоги и другие здания еврейского сообщества, чтобы выяснить, возможно ли проведение полномасштабных погромов. Пока коричневорубашечники действовали, гестапо и СС обеспечивали им поддержку. Штурмовики разгромили местную синагогу в Касселе. В других городах Гессена, а также в областях рядом с Ганновером тоже прошли нападения и поджоги синагог, домов и квартир местных евреев. 9 ноября пресса в едином порыве называла эти акты насилия спонтанным возмущением немецкого народа против преступления в Париже и его зачинщиков. Контраст по сравнению с убийством регионального партийного чиновника Вильгельма Густлофа евреем Давидом Франкфуртером в феврале 1936 года, после которого не было никакой агрессивной словесной или физической реакции со стороны партии, ее руководителей или рядовых членов из-за стремления Гитлера сохранить положительное международное мнение в год Олимпиады, не мог быть более явным. Он показал, что это нападение стало поводом для последовавших событий, а не их причиной¹⁴⁹.

По стечению обстоятельств, когда 7 ноября 1938 года Гриншпан стрелял в посольстве, на следующий день Гитлер готовился выступить с речью перед региональными партийными лидерами и другими старшими членами движения в Мюнхене в годовщину его провалившегося путча 1923 года. Он не упомянул о парижском инциденте, планируя сделать это после смерти фом Рата, которая, безусловно, скоро должна была наступить. Вечером 9 ноября, когда партийные лидеры направлялись в главный зал мюнхенской мэрии, Гитлер получил от своего врача Карла Брандта, отправленного в парижскую больницу лично наблюдать за фом Ратом, известие о смерти чиновника от ран, наступившей в полшестого по немецкому времени. Таким образом, поздно днем 9 ноября эта новость дошла не только до него, но и до Геббельса и Министерства иностранных дел. Гитлер немедленно поручил Геббельсу начать массовые, скоординированные нападения на немецких евреев. Параллельно следовало арестовать всех еврейских мужчин, которых удалось бы найти, и за-

ключить их в концентрационные лагеря. Это была прекрасная возможность с помощью ужасающего взрыва насилия на национальном уровне напугать максимальное число евреев, заставив их покинуть Германию. Смерть фом Рата также предоставляла пропагандистское оправдание для окончательной, полной экспроприации немецких евреев и их окончательной изоляции от немецкой экономики, общества и культуры. Приняв эти решения, Гитлер согласился с Геббельсом, что они должны быть представлены верным сторонникам партии в просчитанном акте театрального обмана, в виде импровизированной реакции на убийство фом Рата, в атмосфере внезапного шока и гнева¹⁵⁰.

За ужином в мэрии, где их могли видеть многие участники, около девяти вечера к Гитлеру с Геббельсом подошел посыльный, сообщивший им то, что они и так уже знали, а именно, что фом Рат скончался от ран. После короткой экспрессивной беседы Гитлер уехал в свою квартиру раньше, чем обычно. После этого около десяти часов Геббельс обратился к региональным лидерам, объявив о смерти фом Рата. В последующем отчете Верховного суда партии история описывается дальше с этого момента: «Вечером 9 ноября 1938 года партийный товарищ, имперский министр пропаганды доктор Геббельс, сообщил партийным лидерам, собравшимся в старом здании мэрии Мюнхена на дружеский ужин, что в регионах Гессе и Магдебург-Ангальт произошли демонстрации против евреев, в ходе которых были разрушены еврейские магазины и сожжены синагоги. Прослушав этот отчет, Вождь решил, что партия не должна готовить или организовывать такие демонстрации, однако для них не должно создаваться никаких препятствий, когда они возникают спонтанно.

...Устные инструкции имперского руководителя пропаганды были восприняты присутствовавшими партийными лидерами так, что партия не должна открыто выступать в роли организатора таких демонстраций, но фактически должна делать это неявно. Эти инструкции были немедленно, то есть задолго до отправки первой телеграммы, переданы по телефону многим партийным товарищам, находившимся в отделениях в своих регионах»¹⁵¹.

В региональных штаб-квартирах партии сотрудники вызывали по телефону местных командиров штурмовиков и партийных активистов, по цепочке передавая приказы по поджогу синагог и

уничтожению еврейских магазинов, домов и квартир. Когда Гитлер и Гиммлер встретились в комнате Гитлера вскоре после традиционного приведения к присяге новобранцев СС в полночь, они вкратце обсудили этот погром. В результате за пять минут до полуночи был издан еще один центральный приказ, в этот раз более официально, по телетайпу. Он исходил от Генриха Мюллера, подчиненного Гиммлера и главы гестапо, в нем начальникам полиции по всей стране передавался личный приказ Гитлера об аресте максимального количества немецких евреев, также отмеченный на следующий день Геббельсом в своем дневнике.

«Акции против евреев, особенно против их синагог, скоро будут проходить по всей Германии. Им нельзя мешать. Однако в сотрудничестве с полицией необходимо принять меры для пресечения мародерства и других крайностей... Необходимо также подготовить арест около 20—30 тысяч евреев в рейхе. В первую очередь следует выбирать евреев, владеющих собственностью»¹⁵².

В следующем телексе, отправленном Гейдрихом в двадцать минут второго ночи, полиции и службе безопасности СС приказывалось не мешать уничтожению еврейской собственности и не пресекать акты насилия, совершаемые против немецких евреев. В нем также предписывалось не допускать мародерства и не трогать иностранных граждан, даже если они были евреями, а также обеспечить сохранность немецких зданий рядом с еврейскими магазинами и синагогами. Необходимо было арестовать столько евреев, сколько было места в лагерях. В 2.56 утра третий телекс, отправленный по приказу Гитлера из кабинета его помощника Рудольфа Гесса, подчеркивал последний пункт, в нем говорилось, что «на самом высоком уровне» было приказано не жечь еврейские магазины во избежание повреждения соседних немецких зданий¹⁵³.

К этому времени сам погром был в полном разгаре. Начальные приказы, переданные по телефону из Мюнхена в управления региональных лидеров, быстро распространились дальше по цепочке. Типичный пример представлял собой лидер СА из Северной марки, Иоахим Майер-Кваде, который присутствовал в Мюнхене, слышал речь Геббельса и позвонил своему начальнику аппарата в Киле в 11.30 вечера. Он сказал ему: «Еврей стрелял из пистолета. Погиб немецкий дипломат. Во Фридрихштад-

те, Киле, Любеке и других местах есть совершенно ненужные молельни. И у этих людей до сих пор есть магазины. Они тоже не нужны. Никакого мародерства. Никаких убийств... Не трогать иностранных евреев. Акции проводить в гражданской одежде и закончить до 5 утра»¹⁵⁴.

Майер-Кваде понял мысль Геббельса. Его подчиненные не испытали трудностей с пониманием того, что имел в виду он сам. Как и другие, получившие схожие приказы в других регионах. По всей Германии штурмовики и партийные активисты праздновали годовщину путча 1923 года в своих штаб-квартирах, когда пришли приказы. Многие из них были пьяны и не расположены принимать предупреждения о недопустимости мародерства и насилия особо серьезно. Банды коричневых рубашек вывалились на улицы, в основном в гражданской одежде, вооруженные канистрами бензина, и направились к ближайшим синагогам. Вскоре практически все оставшиеся еврейские храмы в стране полыхали в огне. Предупрежденные штурмовиками местные полицейские и пожарные не предпринимали ничего, а только защищали соседние строения. Агенты социал-демократов позже подсчитали, что в этой оргии насилия было уничтожено 520 синагог, но их сведения скорее всего неполны, а истинная цифра переваливала за тысячу. После 10 ноября 1938 года оставшиеся в Германии евреи фактически больше не могли отправлять свои религиозные обряды¹⁵⁵.

Вместе с синагогами штурмовики и эсэсовцы также атаковали еврейские магазины и здания. Они били витрины, оставляя тротуары покрытыми толстым слоем разбитого стекла. Отличавшиеся особенно горьким, ироничным юмором, берлинцы вскоре стали называть ночь 9—10 ноября «Хрустальной ночью», или ночью разбитых витрин. Однако штурмовики громили не только окна магазинов, повсюду они вламывались в принадлежавшие евреям помещения, устраивая погромы внутри и унося все, что попадалось под руку¹⁵⁶. После этого они с тем же намерением направились в дома и квартиры еврейских семей. Рассказывали, как в Дюссельдорфе рано утром люди из гестапо будили обычных евреев стуком в дверь. «Пока гестаповцы обыскивали дом, люди из СА снаружи занимались тем, что били окна и двери. Потом приехали эсэсовцы и зашли внутрь, чтобы выполнить свою

работу. Практически везде всю мебель разбивали на куски. Книги и ценности раскидывали по полу, проживавших там евреев оскорбляли и избивали. Повсюду разыгрывались сцены животного ужаса. Лишь иногда попадался порядочный эсэсовец, который ясно давал понять, что он только выполняет свой долг, потому что получил приказ вломиться в квартиру или дом. Так, нам рассказали, что два студента в форме СС разбили по вазе и сообщили своему начальнику: «Приказ выполнен!»¹⁵⁷.

Во многих городах банды штурмовиков врываются на еврейские кладбища, выкапывали и разбивали могильные плиты. Иногда в погроме принимали участие члены Гитлерюгенда. В Эсслинге коричневорубашечники, одетые в обычную одежду и вооруженные топорами и кувалдами, около полпервого ночи ворвались в еврейский приют и сломали все, что смогли, побросав книги, религиозные принадлежности и все, что могло гореть, в один костер, зажженный ими во дворе. Один штурмовик сказал плачущим детям, что если они немедленно не исчезнут, то их тоже бросят в огонь. Некоторым из них пришлось пройти весь путь до Штутгарта, чтобы найти пристанище¹⁵⁸. По всей Германии грабили магазины и дома, забирая ювелирные украшения, фотоаппараты, электроприборы, радиоприемники и другие товары. Всего было уничтожено не меньше 7500 еврейских магазинов из общего числа не больше 9000. Страховая отрасль потом оценила ущерб в 39 миллионов рейхсмарок за разрушения, вызванные огнем, в 6,5 миллиона рейхсмарок за разбитые окна и в 3,5 миллиона рейхсмарок за разграбленное имущество. Полиция появилась только утром 10 ноября 1938 года, поставив охрану у разграбленных зданий, чтобы не допустить дальнейшего воровства¹⁵⁹.

Произошедшее в городе Тройхтлингене было вполне типично для антисемитской Франконии. Сразу после полуночи 10 ноября 1938 года местный командир СА Георг Заубер получил телефонный звонок с приказом уничтожить местные синагоги в своем районе и арестовать всех еврейских мужчин. К 3 утра он прибыл в Тройхтлинген и приказал поднять городских штурмовиков с кроватей и собрать их у пожарной станции. Некоторые из них отправились к ближайшей синагоге, там они собрались у дверей соседнего дома и стали кричать, чтобы хозяин, Моисей Курц-

вайль, открывал, или они его сожгут заживо. Выбив дверь, они прошли через его дом в синагогу и подожгли ее. Вскоре она полностью сгорела. Прибыла пожарная бригада и стала поливать водой соседние дома, принадлежавшие арийцам. Некоторые местные жители собрались у пожара, криками одобрения поддерживая коричневорубашечников, а потом вместе с ними направились к еврейским магазинам, где помогали бить окна и грабить прилавки. Они перешли на еврейские дома, врываясь в какие придется и громя все внутри. Один местный еврей, Мориц Майер, позже рассказывал, как он проснулся между четырьмя и пятью утра 10 ноября от звука шагов в своем саду. Выглянув в окно, он увидел восемь или десять штурмовиков, вооруженных топорами, тесаками, кинжалами и револьверами, которые ворвались в дом и к тому моменту, когда он разбудил свою семью, уже начали бить раковины, зеркала, двери, буфеты и мебель. Майера ударили по лицу, разбив очки, швырнули в угол и забросали кусками мебели. На кухне коричневорубашечники разбили всю посуду, потом спустились в подвал, где в ужасе скрывалась семья Майера, и заставили женщин разбить все бутылки с вином и банки с консервами. Они ушли, только когда там появились местные жители и молодежь, уносившие все, что попадалось под руку. Майер с семьей быстро собрали кое-какие вещи и бежали под насмешки толпы к железнодорожной станции, где сели на поезд до Мюнхена с большинством из остальных 93 евреев из города¹⁶⁰.

II

Экстремальный уровень насилия и сознательное унижение, которым подвергались евреи во время погрома, напоминали поведение коричневорубашечников в первые месяцы 1933 года. Однако в этот раз все происходило в гораздо большем масштабе и с большими разрушениями. Эти события продемонстрировали, что примитивная ненависть к евреям теперь охватила не только штурмовиков и радикальных партийных активистов, но распространялась среди других слоев населения, и в первую очередь среди молодежи, на которую, совершенно понятно, оказало свое влияние нацистское обучение в школах и членство в Гитлерюгенде¹⁶¹. Пройдясь по улицам Гамбурга утром после погро-

ма, Луиза Зольмиц обнаружила, что люди «были удивлены, но вели себя спокойно и одобряюще. Атмосфера ненависти. “Если бы они стали стрелять в нас там, это бы было воспринято без сопротивления” заявила одна пожилая женщина»¹⁶². В Сааре говорили, что евреи были слишком напуганы, чтобы выходить на улицы несколько дней после погрома: «Как только кто-нибудь появляется на людях, за ним устремляются толпы детей, плюют в него, бросают грязью и камнями или вставляют палки между ног, чтобы он упал. Еврей, которого унижают таким образом, не смеет ничего сказать в ответ, иначе его обвинят в запугивании детей. Родители не имеют смелости заставить детей прекратить, потому что опасаются, что это чревато неприятностями»¹⁶³.

Как сообщалось в отчете, детям часто внушали в школе о необходимости относиться к евреям как к преступникам и без угрызений совести воровать их вещи¹⁶⁴. Тем не менее, хотя молодые немцы в особенно антисемитском регионе Франконии и некоторых других областях с готовностью приняли участие в погроме, в некоторых других частях Германии ситуация была совсем иной. «Слушай, — говорил один транспортный рабочий в Берлине своему товарищу на следующий день после погрома, — никто меня не убедит, что это сделал народ. Я спал всю ночь, и мои коллеги спали, а мы же и есть народ, правильно?»¹⁶⁵

Фридрих Рек-Маллецевен испытал глубокое возмущение от «всего этого отчаяния и неизмеримого позора», став свидетелем событий 9–10 ноября 1938 года в Мюнхене. Он допускал, что был неспособен понять это¹⁶⁶. В других местах периодически сообщалось, что полицейские предупреждали евреев заранее, чтобы те могли спрятаться и избежать расправы. Социал-демократы добросовестно записывали все случаи участия местного населения в погроме, в результате заключив, что самой распространенной реакцией во многих местах был настоящий ужас. Сообщалось, что в Берлине общественное осуждение «варьировалось от презрительных взглядов и чувства отвращения до словесного выражения омерзения и даже грубых оскорблений»¹⁶⁷. Писатель и журналист Йохен Клеппер, жена которого была еврейкой, писал в своем дневнике 10 ноября 1938 года: «Мы слышим из разных «еврейских» кварталов города, как люди осуждают такие организованные акции. Похоже на то, что антисемитизм, который был

весьма распространен в 1933 году, серьезно сдал свои позиции после выходящих за все рамки разумного нюрнбергских законов. Но, вероятно, это не так в случае с Гитлерюгендом, где состоят и обучаются все молодые немцы. Я не знаю, каким образом семья может противостоять этому влиянию»¹⁶⁸.

Мелита Машман позже вспоминала, что ее ошеломил вид разграбленных магазинов и беспорядок на улицах, когда она приехала в Берлин утром 10 ноября 1938 года. Спросив полицейского, что случилось, она узнала, что разрушенные здания принадлежали евреям. «Я сказала себе: евреи — это враги новой Германии. Прошлой ночью они узнали, что это значит». И после этого она «как можно быстрее заставила себя забыть об этом»¹⁶⁹.

Многие думали так же, как она. Институты, которые должны были обеспечивать моральное руководство, тоже молчали. Некоторые пасторы критиковали насилие и разрушения, но Исповедующая церковь не заняла никакой позиции, а когда некоторое время спустя она затронула вопрос о ситуации с евреями, то призывала своих членов молиться только за евреев христианской веры¹⁷⁰. Ряд католических священников осторожно и завуалированно намекали на свое неодобрение погрома, подчеркивая «еврейский вклад в христианское учение и историю» в своих проповедях, как отмечали региональные власти в Баварии¹⁷¹. Один священник, провост Бернхард Лихтенберг из Берлина, заявил 10 ноября 1938 года, что синагога, сожженная ночью, также была домом Господа. Однако времена, когда, как в 1933 году, высшие лица католической церкви, как, например, кардинал Фаулхабер, открыто высказывались с осуждением гордости за свою расу, которая вырождается в ненависть к другой, давно прошли¹⁷². По крайней мере многие обычные католики боялись, что они могут стать следующими. Один прохожий в Кёльне утром 10 ноября 1938 года заметил толпу, стоявшую около еще тлевшей синагоги. «Подошел полицейский: “Расходитесь, расходитесь!” На что одна женщина сказала: “Нам что, запрещено думать о том, что мы якобы совершили?”»¹⁷³ Несмотря на это, Третий рейх прошел определенную веху в преследовании евреев. Она ознаменовала массовую вспышку разнузданной разрушительной ярости против них, которая не встречала никакого осмысленного сопротивления. Были ли чувства людей приглуше-

ны пятью годами беспрестанной антисемитской пропаганды, или их человеческие инстинкты были подавлены очевидной угрозой в их собственный адрес в случае открытого осуждения погрома, результат был один. Нацисты поняли, что могли предпринимать любые дальнейшие шаги против евреев, и никто не стал бы пытаться их остановить¹⁷⁴.

Тем временем в Мюнхене Геббельс получал истинное удовольствие от грабежей и разрушения, обрушившихся на еврейское сообщество в городе. «Ударные части Гитлера немедленно отправляются на зачистку Мюнхена, — писал он в дневнике о событиях ночи 9–10 ноября 1938 года. — Потом все и происходит. Синагога превращена в груды обломков... Ударные части выполняют свою страшную работу». Эта волна насилия под руководством Юлиуса Шауба, нацистского ветерана, который принимал участие в провалившемся путче 1923 года и служил личным адъютантом Гитлера с 1925 года, четко отражала атмосферу в непосредственном окружении Гитлера в ту ночь. «Шауб невероятно возбужден, — отмечал Геббельс. — Его прошлое штурмовика просыпается в нем»¹⁷⁵. Получив телефонный звонок около двух ночи с сообщением о первом убитом еврее, Геббельс ответил, что «человек, сообщивший это, не должен расстраиваться из-за одного мертвого еврея — эта смерть потеряется на фоне тысяч евреев в последующие дни»¹⁷⁶. Он едва сдерживал ликование: «В Берлине сожгли 5, а потом 15 синагог. Теперь гнев людей льет через край. Сегодня ночью его невозможно будет усмирить. И я не хочу его усмирять. Необходимо дать свободу действий... По дороге в гостиницу повсюду бьют окна. Bravo! Bravo! Синагоги горят во всех больших городах. Собственность немцев опасности не подвергается»¹⁷⁷.

Однако на рассвете он начал совещаться с Гитлером, вероятно, по телефону о том, как и когда следует остановить эти действия. «Поток новых сообщений не останавливается все утро, — писал он в дневнике 10 ноября 1938 года. — Я обсудил с Вождем, какие меры следует предпринять. Пусть избиения продолжают-ся или их нужно остановить? Надо ответить на этот вопрос». После этого разговора он подготовил приказ о прекращении погрома и отнес его Гитлеру, который обедал в «Остерии», своем любимом мюнхенском ресторане. «Я встретился с фюрером в

Остерии, — писал он. — Он согласен со всем. Его взгляды совершенно радикальны и агрессивны. Само мероприятие прошло без каких-либо проблем». Гитлер одобрил черновик приказа, он был зачитан по радио в тот же день и распечатан на первых страницах газет на следующее утро. Погром наконец завершился¹⁷⁸.

Многие евреи получили серьезные травмы в эту ночь. Даже в официальном отчете о погроме нацисты сообщали о 91 погибшем еврее. Истинное число, наверное, мы никогда не узнаем, но оно наверняка в несколько раз больше, особенно если учесть жестокое обращение с арестованными еврейскими мужчинами, а также не меньше 300 самоубийств из-за отчаяния. Количество смертей, безусловно, исчислялось сотнями и, вероятно, находилось между одной и двумя тысячами¹⁷⁹. Более того, для многих еврейских мужчин насилие продолжалось еще долго после окончания самого погрома. Полиция, штурмовики и части СС по приказу Гитлера арестовывали всех еврейских мужчин, которых удавалось найти, и на улицах и площадях всех немецких городов возникали жуткие сцены. В Саарбрюкене евреев заставляли танцевать и становиться на колени вне синагоги и петь религиозные песни, затем большинство из них, одетых только в пижамы и ночные рубашки, стали обливать водой, пока они не промокли насквозь. В Эссене штурмовики издевались над евреями и поджигали им бороды. В Меппене их заставляли целовать землю перед штаб-квартирой СА, а коричневые рубашки били их ногами и ходили по ним. Во многих местах их заставляли носить плакаты на шеях с надписями вроде «Мы убили фом Рата». Во Франкфурте-на-Майне арестованные мужчины были встречены на железнодорожной станции толпой, которая кричала и насмехалась над ними, а затем набросилась с дубинками и палками. В некоторых городах из школ вывозили целые классы, чтобы они плевали в евреев, которых увозили прочь¹⁸⁰.

Всего в период с 9 по 16 ноября около 30 000 еврейских мужчин было арестовано и доставлено в Дахау, Бухенвальд и Заксенхаузен. Численность узников лагеря Бухенвальд увеличилась с 10 000 в середине сентября 1938 года до 20 000 два месяца спустя. Мориц Майер был схвачен в Мюнхене вместе с большинством других еврейских мужчин из Тройхтлингена и перевезен в Дахау, где ему пришлось много часов простоять по стойке смирно на

ноябрьском морозе вместе с остальными, одетым только в рубашку, носки, брюки и пиджак. Если кто-то двигался, его избивали эсэсовские охранники. Из бараков заранее были вынесены кровати, и людей упаковывали туда, заставляя спать на соломе прямо на полу. Вопрос об умывании даже не стоял, а на всех было только два временных отхожих места. После нового массового заключения евреев в лагерь, единственной причиной для которого была их национальность, атмосфера изменилась, и эсэсовские охранники забыли правила, установленные Теодором Эйке несколько лет назад. Майер видел, как эсэсовцы в Дахау избивали одного старика, когда тот забыл добавить «арестант в превентивном заключении» к своему имени во время переключки, его травмы оказались такими тяжелыми, что он умер. Другого старика с больным мочевым пузырем забили до смерти на месте, когда на переключке он попросил эсэсовца разрешения сходить в уборную. Число смертей в Дахау колебалось от 21 до 41 в год в период 1933—1936 годов, в сентябре 1938 года умерло 19 заключенных, в октябре — 10. После прибытия еврейских заключенных число смертей выросло до 115 в ноябре и 173 в декабре и составило 276 человек за весь год¹⁸¹.

Министерство пропаганды Геббельса не теряло времени и представляло миру эти события как спонтанные взрывы праведного гнева со стороны немецкого народа. «Удар, нанесенный нам международным еврейством, — сообщал «Гёттингена ежедневный листок» (Göttinger Tageblatt) 11 ноября 1938 года, — был слишком сильным, чтобы в своей реакции мы ограничились только словами. Ярость против иудаизма, сдерживаемая в течение поколений, высвободилась. За это евреи могли благодарить своего одноклассового товарища Гриншпана, его духовных учителей и себя самих». Однако газета уверяла свои читателей, что «в ходе происходивших событий с самими евреями обращались вполне сносно»¹⁸². В том же русле работал и главный нацистский ежедневник «Фёлькишер Беобахтер», игнорируя правду до такой степени, которая намного превосходила даже то, что обычно попадало на его страницы: «Во всей западной части Берлина, как и в других частях столицы, где все еще важничают евреи, не осталось ни одной нетронутой витрины еврейского магазина. Гнев и ярость горожан, сохранявших самую строгую

дисциплину, несмотря ни на что, не выходили за определенные рамки во избежание крайностей, и с головы евреев не упало ни одного волоса. Товары, выставленные на витринах магазинов, некоторые из которых были оформлены очень богато и роскошно, остались в неприкосновенности»¹⁸³.

В порыве лицемерия Министерство пропаганды приказало газетам 10 ноября писать, что «повсюду бились окна, синагоги самопроизвольно загорались или вспыхивали по другим причинам». Геббельс настаивал на том, чтобы в прессе таким историям не уделяли особого внимания, потому что газеты читали, разумеется, не только внутри Германии, но и за ее пределами, кроме того, нельзя было публиковать фотографии разрушений¹⁸⁴.

11 ноября 1938 года в «Фёлькишер Беобахтер» Геббельс обрушился с критикой на «враждебность по отношению к Германии со стороны в большинстве своем еврейской иностранной прессы», которая слишком остро реагировала на погром. В этой статье, перепечатанной во многих изданиях, наполненных заголовками вроде «Последнее предупреждение мировому еврейству», он называл такие репортажи лживыми. Спонтанная реакция немецкого народа на подлое убийство фом Рата происходила из «здорового инстинкта». «Немецкий народ, — провозглашал он с гордостью, — это антисемитский народ. Мы не испытываем удовольствия или радости, позволяя ограничивать свои права или допуская провокации в свой адрес со стороны паразитной еврейской расы». Правительство, заключал он, сделало все в своих силах, чтобы остановить демонстрации, и народ подчинился. Германии и немцам нечего стыдиться¹⁸⁵. Однако зарубежная пресса придерживалась другого мнения, испытывая смесь глубокого шока и неверия. Действительно, для многих иностранных обозревателей события 9–10 ноября 1938 года стали поворотным моментом в их оценке нацистского режима¹⁸⁶.

III

На встрече за обедом в ресторане «Остерия» в Мюнхене 10 ноября 1938 года Гитлер и Геббельс помимо утверждения варианта указа об окончании погрома также обсудили дальнейшие планы. Гитлер снова вернулся к своей идее, высказанной в меморандуме,

посвященном внедрению Четырехлетнего плана в 1936 году, о законе, который бы вводил коллективную ответственность для евреев Германии за любой ущерб, причиненный немецкому народу «лицами этого криминального слоя»¹⁸⁷. «Фюрер, — писал Геббельс в своем дневнике, — хочет ввести очень жесткие меры для евреев. Теперь они должны сами восстанавливать свой бизнес. Страховые компании не выплатят им ни пфеннига. После этого Вождь собирается провести постепенную экспроприацию еврейских компаний»¹⁸⁸. Такие меры на самом деле уже действовали. 14 октября 1938 года на закрытом собрании Геринг объявил, что пришло время окончательно вывести всех евреев из экономики страны. Две недели спустя, 28 октября, банки отмечали, что Управление по контролю за иностранной валютой Гейдриха готовило меры по ограничению возможностей для продажи евреями своих активов. Поскольку такие активы были недавно зарегистрированы, закон Гитлера о «компенсации» от 10 ноября 1938 года можно было начать реализовывать немедленно. Ответственность за исполнение этого проекта легла на Германа Геринга как главу Четырехлетнего плана, и 11 ноября 1938 года Гитлер позволил ему, приказав собрать заседание, посвященное этой задаче. Оно прошло 12 ноября. Председательствовал на нем Геринг, а в аудитории присутствовало около ста участников, включая Геббельса, Гейдриха, министра финансов фон Крозигка, министра экономики Вальтера Функа и представителей полиции, Министерства иностранных дел и страховых компаний. На заседании велись подробные протоколы. Они очень четко говорили об отношении нацистского руководства к евреям после погрома¹⁸⁹.

Геринг начал с обращения к собравшимся товарищам о том, что Гитлер приказал ему в письменном виде и по телефону провести скоординированную окончательную экспроприацию евреев. С долей иронии он пожаловался, что «демонстрации» 9–10 ноября нанесли вред экономике, товары, сделанные людьми и принадлежавшие им, были уничтожены. «Я бы предпочел, — сказал он, — чтобы вы забили до смерти 200 евреев, но не портили столько ценной собственности». Геббельс добавил, что экономика была не единственной областью, из которой теперь предстояло изгнать евреев. Так, они все еще могли ездить в одном купе с немцами в поезде. Протокол продолжался:

«Геббельс: ...Им будут выделять отдельные купе только после того, как все немцы получают места. Они не должны смешиваться с немцами, а если мест больше нет, им придется стоять в коридоре.

Геринг: В этом случае, я думаю, будет более разумным выделить им отдельные купе.

Геббельс: Если поезд перегружен, то нет!

Геринг: Минутку. Должен быть только один еврейский вагон. Если он полон, то пусть другие евреи остаются дома.

Геббельс: А если предположить, что в Мюнхен на экспрессе едет не так много евреев, допустим, два еврея на весь поезд, а остальные купе забиты битком. Получится, что у этих евреев будет целое купе на двоих. Поэтому евреи могут просить место только после того, как все немцы спокойно сядут.

Геринг: Я бы выделил евреям один вагон или одно купе. А если возникнет ситуация, о которой вы говорили, и поезд будет перегружен, поверьте мне, нам не понадобится помощь закона. Мы выкинем их вон, и пусть они сидят в туалете всю дорогу!»¹⁹⁰

Геббельс также хотел запретить евреям находиться во всех пока еще разрешенных для них общественных местах типа парков и садов, пляжей и курортов. Отделение евреев от остальной части немецкого общества должно было завершиться: и действительно, в тот же день Имперская палата культуры издала указ, запрещающий евреям посещать кинотеатры, театры, концерты и выставки. Министерство внутренних дел приказало им сдать все огнестрельное оружие и запретило носить какое-либо оружие. Муниципалитеты получили право запрещать им находиться на определенных улицах или районах в указанное время. Гиммлер аннулировал их водительские удостоверения и регистрационные документы на машины. Другой приказ, вступивший в силу 6 декабря 1938 года, запрещал евреям использовать спортивные и игровые площадки, общественные бани и плавательные бассейны¹⁹¹.

Как бы Геринг, Геббельс и другие, присутствовавшие на собрании 12 ноября 1938 года, ни расходились во мнениях по незначительным вопросам, они единогласно согласились издать серию указов, в которых бы получили материальное воплощение планы экспроприации евреев, обсуждавшиеся в течение предыдущих недель и месяцев. Убийство фом Рата, которое пропагандистский аппарат Геббельса уже отнес на счет еврейского загово-

ра, предоставило идеальную возможность для этого, однако если бы его не было, несомненно, в качестве предложения было бы использовано что-то другое. Спор по железнодорожным купе был решен Гитлером, с которым Геринг обсудил этот вопрос в декабре. Вождь постановил, что создавать какие-либо особые отделения для евреев недопустимо, но в то же время им следовало запретить находиться в спальнях купе или вагонах-ресторанах на поездах дальнего следования. Он одобрил решение запретить евреям посещать известные рестораны, отели, скверы, многолюдные улицы и фешенебельные кварталы. Тогда же евреям запретили учиться в университетах. 30 апреля 1939 года их лишили прав на аренду жилья, подготовив почву для принудительного выселения в гетто. Теперь их можно было выселить, невзирая на протесты, если владелец жилья предлагал им в качестве замены другую площадь, сколь угодно плохую. Муниципальные власти могли приказывать евреям сдавать часть своего дома другим евреям. С конца января 1939 года евреев также лишили всех налоговых льгот, включая пособия на детей, теперь они вынуждены были платить налоги по единой, самой высокой ставке¹⁹².

Непосредственным результатом собрания 12 ноября стал изданный в тот же день приказ, согласно которому евреи должны были выплатить коллективный штраф в размере 1 миллиарда рейхсмарок в качестве компенсации за гибель фом Рата. Всем еврейским налогоплательщикам 21 ноября было приказано выплатить пятую часть от всего своего имущества, как было объявлено в прошлом апреле, в виде четырех налоговых платежей до 15 августа 1939 года. В октябре 1939 года эта доля была увеличена до четверти на основании того, что собрать сумму в миллиард рейхсмарок не удалось, хотя на самом деле общая собранная сумма составила не менее 1,127 млрд. Кроме того, им приказали устранить последствия беспорядков и разрушений, оставшиеся после погрома, за свой счет, и заплатить за ремонт своей же собственности, несмотря на то, что ущерб был нанесен штурмовиками и сами евреи были совершенно невиновны. Все страховые выплаты еврейским владельцам собственности за ущерб, нанесенный штурмовиками и их пособниками, были конфискованы государством. Эта сумма равнялась 225 миллионам рейхсмарок, таким образом, если добавить ее к штрафу и налогам за вывод

капитала, то общая сумма награбленного у еврейского сообщества в Германии в период 1938—1939 годов значительно превысила 2 миллиарда рейхсмарок, и это даже не принимая во внимание доход от ариизации¹⁹³.

Следующим шагом стал Указ по исключению евреев из экономической жизни Германии от 12 ноября, который запрещал евреям работать практически на всех остававшихся доходных должностях в Германии и требовал увольнять их без компенсации или пенсий. Несколько недель спустя, 3 декабря 1938 года, в Указе об утилизации еврейских активов было постановлено провести ариизацию всех оставшихся еврейских компаний, и государству разрешалось при необходимости назначать доверенных лиц для ее реализации. Уже 1 апреля 1939 года около 15 000 из 39 000 еврейских компаний, все еще существовавших в апреле 1938 года, были ликвидированы, около 6000 были ариизированы, чуть больше 4000 проходили ариизацию и для примерно 7000 рассматривалась возможность проведения ариизации¹⁹⁴. Все это, трубила пресса в преддверии 12 ноября, было «оправданными карательными мерами за подлое убийство советника посольства фом Рата»¹⁹⁵.

21 февраля 1939 года евреям приказали положить все свои личные средства, ценные бумаги и прочие ценности, включая ювелирные украшения (за исключением свадебных колец), на специальные заблокированные счета, и чтобы снять оттуда какие-либо деньги, необходимо было получать официальное разрешение. Такие разрешения выдавали крайне редко, если вообще выдавали, и в конечном счете правительство присвоило себе эти счета без всякой компенсации. Таким образом, практически все евреи, оставшиеся в Германии, оказались нищими и стали все больше зависеть от поддержки благотворительных программ Имперской еврейской ассоциации в Германии, которая была создана 7 июля 1938 года в качестве более гибкой и податливой преемницы Имперского представительства. Гитлер явно приказал сохранить ее, чтобы рейху не пришлось брать на себя обязательства по поддержке полностью разоренных евреев. Однако другие нацистские лидеры утверждали, что обедневших и зачастую безработных евреев, не достигших еще пенсионного возраста, которых было примерно половина из оставшегося числа, сле-

довало использовать в качестве рабочей силы на благо рейха, а не оставлять просто так. Такие планы уже обсуждались в октябре 1938 года задолго до погрома, и были утверждены на собрании, созванном Герингом 6 декабря 1938 года. 20 декабря 1938 года Имперское агентство по безработице издало предписание для региональных бирж труда, согласно которому, учитывая существенное увеличение числа безработных евреев, их следовало направлять на работы, освобождая, таким образом, немцев, которые могли заниматься производством оружия. 4 февраля 1939 года Мартин Борман повторил этот указ. Еврейских рабочих следовало держать отдельно от других. Фирмы, которые предоставляли им работу, не несли никаких потерь. Некоторых набирали для работы в сельском хозяйстве, остальные использовались в качестве подсобных рабочих. Служба труда стала лучшим средством убрать разоренных евреев с улиц, после того как они были исключены из общественной системы соцобеспечения. К маю 1939 года около 15 000 безработных евреев участвовали в программах принудительного труда, занимаясь такими вещами, как сбор мусора, чистка улиц или строительство дорог. Учитывая простоту отделения их от других рабочих на строительстве дорог, именно оно стало основной областью, куда их направляли, и к лету 1939 года около 20 000 человек были заняты на тяжелой работе по строительству автомагистралей, к которой большинство из них были совершенно не готовы. Использование евреев на принудительных работах в 1939 году имело достаточно незначительный масштаб, однако уже было понятно, что оно достигнет намного более высокого уровня после начала войны, и в начале года были подготовлены соответствующие планы по созданию специальных трудовых лагерей, в которых будут использоваться евреи¹⁹⁶.

IV

Когда 16 ноября 1938 года Гейдрих наконец приказал остановить аресты еврейских мужчин после погрома, это было сделано не для того, чтобы вернуть их обратно в общество, где они могли бы продолжить свою жизнь при Третьем рейхе. Всех евреев старше шестидесяти, больных, инвалидов, а также участвующих

в ариизации следовало отпустить немедленно. Освобождение остальных во многих случаях происходило лишь при условии, что они пообещают покинуть страну. Жене Морица Майера сказали, что его не отпустят, пока его уже эмигрировавшие братья и сестры не передадут ему свою долю в его собственности. Его отпустили на том условии, что он продаст свой дом и бизнес. Майер передал права на проведение переговоров местному нееврейскому бизнесмену и в феврале 1939 года со своим братом Альбертом и семьями навсегда уехал в Палестину¹⁹⁷. Как показывает его пример, погром можно понять только в контексте стремления режима заставить евреев эмигрировать и таким образом положить конец еврейскому присутствию в Германии. Служба безопасности рапортовала, что еврейская эмиграция «серьезно замедлилась и... практически прекратилась в результате оборонительной позиции других стран и нехватки валютных средств в их распоряжении. Дополнительным фактором была полная пассивность самих евреев, организации которых занимались своими делами только при сильном давлении со стороны властей. В этой ситуации ноябрьские события внесли фундаментальные изменения».

«Радикальные меры против евреев в ноябре, — продолжалось в отчете, — резко увеличили желание эмигрировать среди еврейского сообщества... До максимальной степени». В последующие месяцы были предприняты меры по преобразованию такого желания в действия¹⁹⁸.

В январе 1939 года Гейдрих направил новое распоряжение полицейским властям по всей Германии, в котором предписывалось освобождать из концентрационных лагерей всех евреев, у которых на руках имелись эмиграционные документы, и сообщать им, что они будут помещены в лагерь пожизненно, если когда-нибудь вернуться в Германию. В это время после массовых арестов 9–10 ноября предыдущего года в лагерях все еще находилось много еврейских мужчин, и им давалось три недели на выезд из страны после освобождения¹⁹⁹.

Однако в то же время нацистская политика в Германии на деле значительно усложняла эмиграцию для евреев. Бюрократические формальности, связанные с обработкой заявки на эмиграцию, были настолько запутанны, что за исключением крайне не-

большого числа арестованных в ноябре 1938 года людям было практически невозможно уложиться в трехнедельный срок. Еврейские агентства, часто состоявшие из бывших националистов или членов партии Центра, успешно работали с чиновниками в Имперском министерстве внутренних дел по организации эмиграции вплоть до 30 января 1939 года, однако после этого Геринг в роли главы Четырехлетнего плана передал соответствующие полномочия в Имперский центр еврейской эмиграции под руководством Гейдриха, основанный 24 января 1939 года. Средства евреев были заблокированы, чтобы они не могли оплатить свой проезд до Америки. Одной из задач центра было «в первую очередь способствовать эмиграции беднейших евреев», поскольку, как отмечалось в циркуляре Министерства иностранных дел в январе 1939 года, «это приведет к усилению антисемитских настроений в западных странах, в которых евреи найдут убежище...» В нем подчеркивалось, что «в интересах Германии выдворять еврейских нищих за границу, поскольку чем беднее иммигрант, тем сильнее бремя на экономику принимающей страны»²⁰⁰.

Несмотря на все препятствия, после погрома и арестов наблюдался резкий всплеск еврейской эмиграции из Германии. Объятые паникой евреи наводняли иностранные посольства и консульства, в отчаянии пытаясь получить въездную визу. Число тех, кому повезло, практически невозможно указать наверняка, однако, по собственным данным еврейских организаций, в конце 1937 года в Германии все еще проживало около 324 000 иудеев, а в конце 1938 года их было 269 000. К маю 1939 года эта цифра снова упала ниже 188 000 и до 164 000 к началу войны в сентябре 1939 года. По официальной переписи населения, проведенной в то время, в Германии оставалось 233 646 еврея. Из них 213 930 принадлежали иудейской вере, и, соответственно, около 20 000 евреев были католиками. Примерно 26 000 человек от общего числа были иностранными евреями, однако, по официальным данным, в «старом рейхе» к тому времени оставалось около 207 000 немецких евреев, из них около 187 000 практиковали иудейство. Таким образом, цифры, предоставленные еврейскими организациями, были примерно верны, поскольку численность евреев-христиан и иностранных евреев более или менее была равна²⁰¹.

Согласно одному исследованию, из Германии за десять месяцев с 10 ноября 1938 года по 1 сентября 1939 года уехало примерно 115 000 евреев, а в целом с момента захвата нацистами власти число беженцев составило 400 000 человек. Теперь большинство бежало в страны за пределами континентальной Европы. 132 000 уехали в США, около 60 000 в Палестину, 40 000 в Великобританию, по 10 000 в Бразилию и Аргентину, 7000 в Австралию, 5000 в Южную Африку и 9000 в свободный порт Шанхай, который оставался неожиданно удобным убежищем вплоть до войны. Многие другие немцы, попадавшие в категорию евреев, даже несмотря на то, что они не практиковали иудаизм, присоединились к волне эмигрантов. Огромное число людей бежало в ужасе даже без паспортов и виз, из-за этого соседним странам пришлось организовать для них специальные лагеря. До погрома вопрос об эмиграции был темой постоянных и жарких споров между немецкими евреями, после него сомнений больше не оставалось. Режим больше не притворялся, утверждая, что евреи будут защищены законом, теперь любой нацистский активист или чиновник мог их эксплуатировать, избивать, арестовывать или убивать. Для многих евреев шок от погрома оказался слишком глубоким, он уничтожил последние еще остававшиеся иллюзии о том, что их патриотизм, служба на войне, навыки, образование или просто тот факт, что они были человеческими существами, защитит их от нацистов²⁰².

Уже на конференции в Эвиане стало очевидным, что нативисты и ксенофобы в ряде стран оказывали давление на свои правительства с целью прекратить еврейскую иммиграцию из Германии с целью сохранить свою родную культуру от «затопления» — весьма маловероятная перспектива, учитывая крайне незначительное число немецких евреев и даже отбросив в сторону другие соображения. Однако в то же время еврейские дети могли довольно легко влиться в культурную среду принимающих стран, а шок, испытанный миром после событий 9–10 ноября 1938 года, и последующее жуткое ухудшение ситуации с оставшимися евреями в Германии заставили организовать несколько программ по созданию для еврейских детей нового дома за границей. 1700 детей были отправлены в Голландию и более 9000 в Великобританию. Однако попытка протестантского и католического духовен-

ства получить разрешение на въезд в США для 20 000 детей провалилась, столкнувшись с резким общественным недовольством. Билль о предоставлении такого убежища был отозван его автором, сенатором Робертом Ф. Вагнером, когда конгресс указал на то, что эти 20 000 мест должны быть выделены из существующих квот на иммиграцию, что означало бы отказ во въезде для 20 000 взрослых людей²⁰³. Эмиграция становилась сложнее, чем когда-либо, по мере приближения войны: еще один пример все более иррациональной и противоречивой природы политики нацистского режима в более общем контексте.

Однако, как показывал опыт Виктора Клемперера, оставаться в Германии также было совсем не простым делом. По мере нагнетания антисемитской атмосферы весной и летом 1938 года Клемпереру приходилось сталкиваться с постоянными придирами местных властей по мелким вопросам строительства и обслуживания его дома и сада в Дёльщене в пригороде Дрездена. В мае 1938 года нееврейская уборщица Клемпереров уволилась после того, как местные власти пригрозили уволить ее дочь, если та продолжила бы работать в их семье. Проживая за пределами города, Клемперерам удалось избежать насилия 9–10 ноября 1938 года, но 11 ноября двое полицейских провели тщательный обыск в их доме (якобы в поисках спрятанного оружия). На чердаке они нашли военную саблю Клемперера, и его арестовали. Хотя с ним обращались пристойно и отпустили через несколько часов, не предъявив обвинения, для него это стало серьезным шоком. Более сильный удар был нанесен тогда, когда Клемпереру, с прошлого года уже не имевшему доступа в читальный зал местной библиотеки, было официально запрещено входить внутрь здания вообще. По словам Клемперера, библиотекарь на абонементе плакал, выписывая запрет, и говорил, что хочет поубивать всех нацистов («не просто убить — пытаться, пытаться, пытаться»)²⁰⁴. Резкое ускорение принятия антисемитских законов после погрома привело к появлению новых ограничений в других областях жизни Клемперера. 6 декабря 1938 года он упомянул о новом указе Гимmlера об отзыве водительских лицензий у всех евреев и запрете на посещение общественных кинотеатров. Не имея возможности продолжать свои исследования французской литературы XVIII века из-за запрета на посещение библи-

отеки, Клемперер теперь оказался лишен двух своих основных хобби. Он получил огромный счет из налогового управления после погрома и боялся, что его дом скоро конфискуют. Дальнейшие попытки эмигрировать ни к чему не привели, хотя его друзья и знакомые покидали страну во все больших количествах. Прирожденный писатель, Клемперер теперь принялся за свои мемуары, и записи в дневнике стали еще более объемными. Он не изменил своего убеждения, что немецкие евреи в первую очередь были немцами и уже потом евреями, и продолжал считать сионизм не многим лучшей альтернативой нацизму. Однако жизнь быстро становилась все более сложной, и в будущем он видел только еще большие беды²⁰⁵.

Похожая атмосфера подавленности распространилась в доме Луизы Зольмиц и ее еврейского мужа. Сразу после погрома их вызвали в гестапо, где Фридриха Зольмица не арестовали только из-за того, что он показал им свои военные медали. Тем не менее ему пришлось сдать все свое старое оружие («полученное с честью, отданное с позором»). Штраф, наложенный на немецких евреев, стал еще одним ударом. «Теперь Фредди тоже признает это: мы уничтожены». Однако опять военная служба Зольмица защитила его. На вопрос финансовых чиновников, хотел ли он эмигрировать, он ответил: «Я старый офицер, рожденный в Германии, в Германии я и умру». Чиновники позволили ему переписать свою собственность и имущество на свою жену, чтобы избежать их конфискации. Однако запрет евреям на посещение театров и других общественных мест, а также маячившая угроза разорения тяжелым грузом лежала на их сердце. «Сегодня больше нельзя пользоваться своим имуществом, — писала Луиза Зольмиц. — Сегодня дом перестал быть убежищем и крепостью»²⁰⁶.

V

Как показывают эти события, к лету 1939 года оставшиеся в Германии евреи оказались полностью маргинализированы, изолированы и лишены основных средств к существованию. Однако для Гейдриха этого было недостаточно. На собрании 12 ноября 1938 года он признал, что невозможно заставить их всех эмигрировать в течение короткого промежутка времени. Он предло-

жил обязать всех евреев, оставшихся в Германии до эмиграции, носить особый значок. «Но мой дорогой Гейдрих, — запротестовал Геринг, — вы не сможете избежать создания крупных гетто во всех городах. Их просто придется создать»²⁰⁷. На тот момент, как 6 декабря 1938 года сообщал Геринг, Гитлер лично наложил вето на предложение сконцентрировать евреев в особых домах и обязать их носить желтый знак на публике, опасаясь негативной реакции международного сообщества, которое осудило погром и последовавшие за ним законы. Он также ограничил меры против смешанных браков и людей смешанной расы, в соответствии с определениями в нюрнбергских законах, чтобы жесткое обращение не породило недовольства среди их нееврейских родственников. Однако на деле еврейское сообщество в Германии быстро бежало в гетто, практически отрезанные от течения повседневной жизни, быстро исчезая из поля зрения большинства немцев²⁰⁸.

Именно в это время после не встретившего никакого сопротивления насилия 9–10 ноября и заключения, пусть и на несколько недель, в концентрационные лагеря 30 000 еврейских мужчин Гитлер впервые начал угрожать им полной физической ликвидацией. В течение предыдущих двух лет он удерживался от публичных враждебных заявлений в адрес евреев, частично из соображений внешней политики, частично из желания лично дистанцироваться от того, что было одной из наименее популярных сторон режима среди подавляющего большинства немецкого населения. Это полностью соответствовало его подходу в целом, когда он ушел с партийного собрания 9 ноября после принятия решения о начале погрома²⁰⁹. Однако такое относительное воздержание от открытого оправдания антисемитской политики на словах не означало, что Гитлер отказался от ее реализации на практике. Он обсуждал это несколько раз в личных беседах в 1936 и 1937 годах, и нет особых сомнений в том, что его речь на партийном съезде в сентябре 1937 года стала призывом к усилению антисемитизма, который снова начался в это время²¹⁰. Характерно, что он представил погром как выражение общей и фанатичной ненависти к евреям среди немецкого народа, которую он лично изо всех сил пытался обуздать. «Как вы думаете, господин Пироу, — спрашивал он министра обороны

Южной Африки 24 ноября, — что случилось бы в Германии, если бы я перестал защищать евреев? Мир просто не способен этого представить»²¹¹.

В этой фразе явно ощущалась едва прикрытая угроза. Гитлер стремился заставить страны, участвовавшие в эвианской конференции, принять больше беженцев, и он делал это, давая понять, что может произойти с евреями, если им откажут во въезде. 21 января 1939 года он говорил министру иностранных дел Чехословакии: «Евреи среди нас будут уничтожены. 9 ноября 1938 года не пройдет евреям даром, этот день будет отомщен»²¹².

30 января 1939 года Гитлер повторил эти угрозы на публике и распространил их на всю Европу. В обращении к рейхстагу по случаю шестой годовщины своего назначения рейхсканцлером он говорил: «Я часто выступал с пророческими заявлениями и в основном надо мной смеялись. В годы моей борьбы за власть в первую очередь именно евреи со смехом восприняли мое пророчество о том, что однажды я стану лидером государства и всего народа и вместе со многими другими проблемами я решу еврейский вопрос. Я думаю, что с тех пор громовой смех в глотках евреев заглох навсегда. Сегодня я снова хочу быть пророком. Если международное финансовое еврейство в Европе и других странах снова преуспеет в развязывании мировой войны, то результатом будет не большевизация земли и, таким образом, победа еврейства, но полное уничтожение еврейской расы в Европе»²¹³.

Эта угроза, дословно переданная в еженедельной хронике, не могла быть более публичной. Ее запомнили и впоследствии цитировали огромное число раз при удобных случаях. Поэтому она заслуживает пристального внимания.

Погром ноября 1938 года отражал радикализацию режима на последних стадиях подготовки к войне²¹⁴. Часть этой подготовки, по мнению Гитлера, должна была заключаться в нейтрализации того, что он считал еврейской угрозой. С презрительным отношением к реальности, характерным для параноидальных антисемитов, он полагал, что международная финансовая система вместе с международным коммунизмом, которыми из-за кулис управляли евреи, стремились распространить эту европейскую войну, которую, они знали, Германия выиграет, на весь мир, что могло означать только вовлечение в нее Соединенных Штатов.

Только в этом случае у них бы были какие-либо шансы на успех. К этому моменту Германия должна была стать повелительницей Европы и взять под свой контроль подавляющее большинство евреев на континенте. Таким образом, в предвкушении этого момента Гитлер объявил, что он возьмет европейских евреев в заложники, чтобы удержать Америку от вступления в войну. Если бы США приняли сторону врагов Германии, то евреи не только в Германии, но и во всей Европе были бы уничтожены. Теперь нацистский терроризм приобрел новое измерение: практику взятия заложников на самом высоком возможном уровне²¹⁵.

VI

Всем было понятно, что радикализация антисемитизма, произошедшая в 1938 году, стала частью финального этапа давно готовящейся войны за немецкое доминирование и расовую реорганизацию Европы. Выдворение или (в случае неудачи) изоляция немецких евреев в параноидальной идеологии нацистов было неперенным условием для установления внутренней безопасности и отражения угрозы извне — угрозы, которая в действительности существовала только в их воспаленном воображении. Эта радикализация в 1938 году произошла не в последнюю очередь из-за того, что процесс захвата и реорганизации уже начался вместе с аннексией Австрии. Еврейское сообщество Германии в целом было преуспевающим, и его экспроприация государством и многочисленными частными предприятиями в это время ускорила не в последнюю очередь из-за постоянной отчаянной потребности в средствах для оплаты растущих счетов за вооружение. Есть искушение назвать антиеврейское насилие в Третьем рейхе «деградацией в варварство», но это будет означать фундаментальное непонимание его динамики. Бойкоты и экспроприация еврейских магазинов и компаний проводились мелкими бизнесменами из низших слоев среднего класса, которые были разочарованы неспособностью режима улучшить их экономическую ситуацию более традиционными средствами. Однако социальная и экономическая ликвидация немецкого еврейского сообщества направлялась сверху в рамках общей подготовки к войне. Она оправдывалась радикальной националис-

тической теорией, которая была связана не с туманным представлением о возвращении Германии к спокойному средневековому застою, а, наоборот, с современной технологичной войной за доминирование в Европе, основанной на том, что в то время считалось самой современной, научной теорией расовой пригодности и расового превосходства.

Такой антисемитизм в расистском облачении был принципиально современной идеологией, которая проявлялась и в других странах Центральной и Восточной Европы того времени. Так, в Польше действовала агрессивная антисемитская партия «Эндекс» (национальные демократы) под руководством Романа Дмовски, которая в 1930-х смогла собрать широкую коалицию средних классов под знаменами фашистской идеологии. Польшей после 1935 года управляла военная хунта, а «Эндекс» находилась в оппозиции, тем не менее они организовывали массовые бойкоты еврейских магазинов и компаний, которые часто сопровождались масштабным насилием: согласно одному исследованию, в период с декабря 1935 года по март 1939 года в более чем 150 польских городах в ходе жестоких антисемитских акций было убито 250 и ранено 500 польских евреев. «Эндекс» требовала лишить евреев гражданских прав, запретить им служить в армии, учиться в университетах, заниматься бизнесом, работать по специальности и многое другое. Польские евреи, которые составляли 10% населения, около 3,5 миллиона человек, должны были быть перемещены в гетто, а затем принуждены к эмиграции. Такое давление заставляло все более слабеющее правительство, растерянное после смерти диктатора Пилсудского в 1935 году, подумать о введении антисемитских мер, чтобы попытаться прекратить переход своих сторонников в ряды «Эндекс». Уже в 1920-х евреям было запрещено работать на государственных должностях и получать правительственные контракты. Теперь для евреев были введены серьезные ограничения на учебу в средних школах и университетах, а также на ведение медицинской и адвокатской практики. Численность еврейских студентов в польских университетах упала с 25% в 1921–1933 годах до 8% в 1938–1939 годах²¹⁶.

К этому времени польским студентам удалось заставить своих еврейских сокурсников сидеть на отдельных «гетто-скамейках» во время лекций. Помимо этого, все больше усиливались

ограничения для экспортного бизнеса евреев и ремесленных мастерских, которые были основой экономической жизни евреев в стране, где они в целом не были среди самых обеспеченных слоев общества. В 1936 году правительство запретило ритуальное убийство животных в соответствии с иудейской традицией, что стало прямой атакой не только на религиозные обычаи иудеев, но и оказалось ударом по источнику дохода для огромного числа евреев, которые этим зарабатывали себе на жизнь. Запрет на торговлю по воскресеньям ударил по еврейским розничным магазинам, которым теперь необходимо было либо работать в еврейский Шаббат, либо терять клиентов, закрывая двери на два дня в неделю. В 1938 году правящая партия приняла программу по еврейскому вопросу из тринадцати пунктов, в которой предлагались различные новые меры, подчеркивавшие иноземный статус евреев в Польском национальном государстве. К 1939 году перед евреями был закрыт доступ в профессии, даже если они получили необходимую квалификацию в университете. Все больше правящая партия принимала на вооружение политики, впервые предложенные нацистами в Германии: в январе 1939 года, например, некоторые ее депутаты внесли предложение подготовить польский вариант нюрнбергских законов.

Однако между ними существовало одно важное различие. Подавляющее большинство польских евреев говорили на идише, а не на польском и придерживались иудаизма. Для польских националистов, как и для польской Католической церкви, они казались ключевым препятствием для национальной интеграции. В результате в Польше с ними обращались как с национальным меньшинством. Таким образом, польский антисемитизм в целом имел религиозную, а не расовую природу, хотя границы между ними неизбежно оказывались более чем размытыми в яростной антисемитской риторике, которая следовала нацистскому примеру²¹⁷. В конце 1930-х годов польское правительство оказывало активное давление на международное сообщество, чтобы оно разрешило массовую эмиграцию евреев из страны, что, как мы видели, стало главной причиной созыва эвианской конференции. Одной из идей, распространенных среди антисемитов во многих частях Европы с конца девятнадцатого века, было отправить евреев на французский остров Мадагаскар

рядом с восточным побережьем Африки. По этому вопросу в конце 1930-х годов между правительствами Польши и Франции велись длительные переговоры, которые, однако, закончились безрезультатно²¹⁸.

Схожие идеи и политики можно было найти и в других странах Центральной и Восточной Европы, которые в то время боролись за создание новой национальной идентичности, в первую очередь это касалось Румынии и Венгрии²¹⁹. В этих странах действовали собственные фашистские движения: «Железная гвардия» в Румынии и «Скрещенные стрелы» в Венгрии, которые мало уступали, если уступали вовсе, немецким национал-социалистам в силе своей ненависти к евреям. Здесь, как и в Германии, антисемитизм был связан с радикальным национализмом, убеждением, что нация не достигла своей полной самореализации и главным препятствием в этом были евреи. В Румынии в начале 1930-х годов проживало около 750 000 евреев, или 4,2% населения, и, как и в Польше, они считались национальным меньшинством. Под усиливавшимся давлением со стороны радикально фашистской «Железной гвардии» в конце 1930-х годов король Кароль назначил недолго просуществовавшее правое правительство, начавшее вводить антисемитское законодательство, продолженное королем, после того как он объявил себя диктатором в 1938 году. К сентябрю 1939 года по крайней мере 270 000 евреев были лишены румынского гражданства. Многих исключили из профессий, включая юриспруденцию, полицию, образование и офицерский корпус, и на всех них оказывалось сильное давление с целью заставить эмигрировать из страны²²⁰.

Ситуация с примерно 445 000 евреями в Венгрии больше походила на немецкую, чем на польскую, — они разговаривали на венгерском и давно ассимилировались. Большинство из них проживало в Будапеште и считало себя венграми во всех отношениях. Важность роли, которую евреи играли в недолго просуществовавшем коммунистическом режиме Белы Куна в 1919 году, подогревала антисемитизм правых. Лидер контрреволюции в стране, адмирал Миклош Хорти, в конце 1930-х годов создал союз Венгрии и нацистской Германии в надежде вернуть обратно территории, переданные Чехословакии и Румынии по мирному соглашению 1919 года. Это в свою очередь привело новых сто-

ронников в лагерь «Скрещенных стрел», популярность которых правительство попыталось сбить в мае 1938 года, приняв Первый закон о евреях, в котором перечислялись подробные ограничения на долю еврейских сотрудников в компаниях, профессиях и других сферах жизни. Позже в том же году был принят Второй закон о евреях, вступивший в силу в мае, который урезал эти квоты еще сильнее, с 20% до 6%, и полностью запрещал евреям издавать газеты, заведовать кинотеатрами и театрами, преподавать, покупать землю, служить на офицерских должностях в армии и работать на государственной службе. Эти законы явно отражали влияние нацистской Германии и в большой степени носили расовый характер, распространяясь, например, на евреев, принявших христианство после 1919 года. Сам Хорти не одобрял этого, но не мог исключить расистские положения из этих законов²²¹.

В более широком масштабе все страны, созданные или воссозданные в Центральной и Восточной Европе в конце Первой мировой войны на озвученных президентом США Вудро Вильсоном принципах национального самоопределения, включали многочисленные нацменьшинства, которые они стремились в большей или меньшей степени заставить ассимилироваться с доминирующей национальной культурой. Однако евреи практически во всех отношениях несли дополнительное бремя, учитывая, что националисты считали их агентами международного заговора, союзниками русского коммунизма, с одной стороны, и международной финансовой машины — с другой, и, таким образом, они представляли собой угрозу национальной независимости намного большую, чем другие нацменьшинства. Таким образом, учитывая ситуацию в других странах Центральной и Восточной Европы, политики, принятые и реализованные нацистами против евреев в период 1933–1939 гг., не кажутся чем-то экстраординарным. Германия в то время была далеко не единственной страной в регионе, в которой евреи сталкивались с ограничением своих гражданских прав и уничтожением средств к существованию, где их заставляли массово эмигрировать и они становились объектом преследований, насилия и убийств. Даже во Франции существовало сильное антисемитское движение правых, подогреваемое резкой враждебностью к

пришедшему к власти в 1936 году правительству Народного фронта Леона Блюма, который сам был евреем и социалистом и имел поддержку коммунистической партии в Палате депутатов.

Однако существовали и явные различия, которые возникали частично из-за того, что Германия была намного больше, могущественней и, несмотря на экономический кризис начала 1930-х годов, более преуспевающей, чем другие страны в регионе, а частично из-за того, что немецкое еврейское меньшинство было намного глубже ассимилировано, чем еврейские меньшинства в Польше или Румынии. Только в Германии были реально предложены и приняты расистские законы в области брака и сексуальных отношений, хотя похожий закон был предложен и в Румынии. Только в Германии у евреев систематически отнимали их собственность, работу и средства к существованию, хотя схожие ограничения действовали и в других странах. Только в Германии правительство организовало погром на национальном уровне, хотя в других местах, конечно, проходили сотни мелких погромов. И только в Германии правители страны смогли заставить более половины всего еврейского населения бежать из страны, хотя, безусловно, в других местах также существовали влиятельные политические группы, которые страстно желали того же самого. Но в первую очередь только в Германии националистические экстремисты смогли захватить власть в 1930-х годах, а не просто получили определенное влияние, и только в Германии ликвидация еврейского влияния считалась государством и правящей партией неотъемлемой частью возрождения национального духа и создания нового, расово чистого человеческого общества. В эти годы антисемитские политики Третьего рейха стали своего рода эталоном для антисемитов в других странах, однако нигде больше не было режима, который бы считал их настолько важными, что их следовало проводить на всех уровнях и распространить на всю Европу. Время пойти на такие шаги для Третьего рейха еще не наступило. Оно пришло только после начала Второй мировой войны.

ГЛАВА 7

НА ПУТИ К ВОЙНЕ

От слабости к силе

I

Рабочие привычки Гитлера часто менялись. Ему не было знакомо понятие режима. Его богемный стиль проявлялся в образе жизни и после прихода к власти. Он часто не спал до рассвета и смотрел фильмы в своем личном кинозале, а на следующий день вставал очень поздно. Обычно он начинал работу около десяти утра, два или три часа слушал доклады от Ганса Генриха Ламмерса, главы Имперской канцелярии и главного посредника между Гитлером и его министрами, и Вальтера Функа, помощника Геббельса в Министерстве пропаганды. Закончив работать с текущими административными, законодательными и пропагандистскими вопросами, он иногда проводил срочные консультации с некоторыми министрами или со статс-секретарем Отто Мейсснером, который возглавлял бывшую Президентскую канцелярию. Обед, как правило, подавался в час дня, однако иногда его приходилось переносить, если Гитлер задерживался. Среди гостей обычно были люди из его ближайшего окружения, включая адъютантов, шоферов и фотографа Генриха Гоффмана. Периодически компанию ему составляли Геринг, Геббельс и Гиммлер, а позже и Альберт Шпеер, но большинство основных министров бывали у него редко. А если они теряли расположение Гитлера, то вообще никогда не допускались в его общество. Так, например, министр сельского хозяйства Вальтер Дарре в конце 1930-х годов в течение более двух лет безуспешно пытал-

ся добиться аудиенции у Гитлера, чтобы обсудить ситуацию с падением производства продовольствия. После обеда Гитлер обсуждал вопросы международной политики и военные дела с различными советниками или обдумывал архитектурные планы со Шпеером. Вместо того чтобы тратить часы на изучение документов, Гитлер всегда предпочитал разговаривать с людьми, чем и занимался подолгу и, как правило, без остановок со стороны своих угодливых слушателей за обедом или ужином¹.

Когда Гитлер находился в своей резиденции в Оберзальцберге в Баварских Альпах, его стиль жизни становился еще более непредсказуемым. Это изначально небольшое шале на вершине горы было реконструировано после 1933 года и превратилось в большой комплекс зданий, известных вместе под названием Бергхоф («Горный двор»), с потрясающими видами на горы с террасы и другими зданиями ниже по склону для членов его свиты. Здесь он иногда выходил из личных покоев только около обеда, совершал прогулку вниз по холму (внизу его ждала машина, готовая завезти обратно наверх), приветствовал потоки обычных граждан, которые с трудом взбирались в гору, чтобы молча пройти мимо него и вытащить кусок из его оград в качестве сувенира, а при хорошей погоде посидеть на террасе и отдохнуть. После обеда он снова смотрел старые фильмы и редко ложился в постель раньше двух или трех ночи. С ним часто была Ева Браун, симпатичная молодая женщина младше него на двадцать три года, бывшая сотрудница Генриха Гоффмана. Сексуальная жизнь Гитлера, являвшаяся предметом досужих домыслов и в то время и после, по-видимому, была совершенно обычной, за исключением того, что он отказывался жениться и демонстрировать свои отношения на публике, опасаясь, что таким образом он может разрушить ауру одиночества во власти и неуязвимости, которой окружала его официальная пропаганда. Раньше, в 1931 году, в результате несчастного случая погибла его племянница Ангела (Гели) Раубал, что породило множество неприятных, но беспочвенных слухов об их связи. Ева Браун, наивная и покорная женщина, взидала на Гитлера с благоговением и была ошеломлена его вниманием. Этот роман был быстро принят окружением Гитлера, но сохранялся в тайне от широкой публики. Купаясь в роскоши и исполняя немногие необременительные обя-

занности, Ева Браун находилась в Бергхофе в качестве личной подруги Гитлера, а не официальной супруги².

Отсутствие порядка в стиле руководства Гитлера означало, что он уделял мало внимания сложным и неинтересным для него вопросам, таким как управление трудовыми ресурсами или детали финансового управления, которые он с радостью оставлял Шахту и его преемникам. Иногда это означало, что он давал свое разрешение на меры, которые приходилось откладывать в долгий ящик из-за оппозиции со стороны влиятельных кругов, как в случае с указом о Трудовом фронте, выпущенном в октябре 1934 года³. Это также означало, что имевшие прямой контакт с ним или утверждавшие его график встреч люди получали серьезное влияние. Доступ к Вождю стал одним из важнейших ключей к власти. Однако богемный стиль жизни Гитлера не значил, что он был ленивым или инертным или отдалился от внутренней политики после 1933 года. Когда того требовали обстоятельства, он мог вмешаться энергично и решительно. Альберт Шпеер, часто сопровождавший его во второй половине 1930 года, отмечал, что «он часто позволял проблеме вызреть в течение недель, когда он, казалось, был полностью занят несущественными делами. Затем приходило «внезапное озарение», и он проводил несколько дней в интенсивной работе, подготавливая свое окончательное решение»⁴. Другими словами, в своих рабочих привычках Гитлер был скорее беспорядочным, чем ленивым. Он самостоятельно писал свои речи и часто участвовал в длительных и изматывающих поездках по Германии, общаясь и встречаясь с чиновниками и выполняя свои ритуальные функции в роли главы государства. В интересных ему вопросах он не колебался и принимал на себя непосредственное управление, даже когда дело касалось мелких деталей. Например, в области культуры и искусства Гитлер лично определял политику, которой следовало придерживаться, и сам отбирал картины, которые можно было направлять на выставки. Его предрассудки, например в отношении композитора Пауля Хиндемита, всегда оказывались решающими. Также и в расовой политике Гитлер принял на себя главную роль, подталкивая или приостанавливая реализацию антисемитских и других мер в соответствии с обстоятельствами. В таких областях Гитлер не просто реагиро-

вал на предложения своих подчиненных, как предполагали некоторые. Напротив, именно Гитлер заложил основные общие принципы, в соответствии с которыми должна была строиться политика государства. Они были простыми, четкими и понятными и вбивались в умы и сердца нацистских активистов с 1920-х годов в его книге «Майн Кампф», в его речах и в массовой и беспрестанной пропаганде, начатой партией еще до 1933 года и продолженной Министерством пропаганды после. Подчиненным Гитлера не нужно было в каждом отдельном случае гадать, что ему хотелось бы видеть: принципы, определявшие их поведение, были на виду, все, что от них требовалось, это проявлять минимальную инициативу. Помимо этого в решающие моменты, вроде бойкота 1 апреля 1933 года или погрома 9–10 ноября 1938 года, Гитлер лично отдавал приказы на те или иные действия, используя формулировки, которые, с его точки зрения, не затрагивали деталей, но общая идея которых вместе с тем была совершенно ясна⁵. Несмотря на это, наибольший интерес Гитлера вызывали, безусловно, внешняя политика и подготовка к войне. Бесспорно, именно Гитлер, лично подталкивал Германию к войне с самого момента своего вступления на пост рейхсканцлера, подчиняя все остальные аспекты политики этой приоритетной цели и, как мы видели, в результате порождая все большую напряженность в экономике, обществе и политической системе. Война, которую он планировал, должна была стать намного более масштабной, чем просто ряд локальных конфликтов, необходимых для пересмотра территориальных решений Версальского мирного договора. В одном из множества однотипных выступлений 23 мая 1928 года он объявил, что намеревался «повести за собой народ в кровопролитную войну не ради корректировки границ, но для сохранения страны на многие годы за счет захвата такого количества территорий, что пролитая кровь в будущем окупится многократно»⁶. Он не изменил этого намерения и после прихода к власти. В начале августа 1933 года, например, он сообщил двум посетившим его американским бизнесменам, что хотел аннексировать не только Австрию, Польский коридор и Эльзас и Лотарингию, но и немецкоговорящие части Дании, Италии, Чехословакии, Югославии и Румынии. Это означало тотальное доминирование Германии в Европе⁷. В долговремен-

ной перспективе он действительно хотел видеть Германию в роли властителя мира⁸. Но для начала, разумеется, Гитлер должен был решить другую проблему – крайнюю слабость Германии на международной арене, учитывая ограничения на вооруженные силы, установленные Версальским мирным договором, экономический спад, хаотическую и непоследовательную, по его мнению, конституцию и множество внутренних врагов. Таким образом, изначальной задачей Гитлера, которая определяла его международную политику в первые несколько лет Третьего рейха, было удержать в узде потенциальных врагов Германии, пока она перевооружалась⁹.

На практике реализовать это оказалось совсем не сложно. В начале и середине 1930-х годов международное сообщество сильно сочувствовало Германии. Идеализм, сыгравший такую важную роль в появлении мирных соглашений 1918–1919 гг., давно обернулся против них самих. Принцип национального самоопределения, позволивший провозгласить независимость таких стран, как Польша, в случае с Германией был явно сознательно забыт, поскольку миллионам немецкоговорящих людей в Австрии, чешских Судетах, некоторых областях Силезии (которые теперь вошли в состав Польши) и других местах отказали в праве стать частью нового рейха.

Распространенное среди элит Великобритании и Франции мнение о том, что Первая мировая война стала гибельным результатом стечения обстоятельств и неверных решений, подпитывало ощущение вины за жесткость условий мира и общее неверие в положение о развязывании войны, которое возлагало всю вину на Германию. Выплата репараций была преждевременно прекращена в 1932 году, но сохранившиеся ограничения на немецкие вооружения для многих казались нечестными и абсурдными, особенно учитывая воинственно националистические и авторитарные правительства в таких странах, как Венгрия и Польша. Для Великобритании и Франции Депрессия означала резкое сокращение расходов и огромное нежелание тратить лишние средства на оружие, особенно в виду необходимости защищать и поддерживать их широко раскинувшиеся заморские империи в Индии, Африке, Индокитае и других частях света. В любом случае позднее наступление Депрессии во Франции в

середине 1930-х годов сделало быстрое перевооружение крайне сложной задачей. Большинство послевоенных политиков Великобритании и Франции были фигурами среднего масштаба. Наблюдая смерть лучших и ярчайших представителей своего поколения на фронтах Первой мировой войны, они были решительно настроены не допустить подобной бойни, если это было в их человеческих силах. Их нежелание готовиться и тем более вступать в войну из-за проблем европейской политики, которые казались вполне решаемыми другими средствами при наличии минимальной доброй воли заинтересованных сторон, наконец, осложнялось мучительным страхом от того, что принесет с собой такая война: не только возобновление обоюдного истребления в окопах, но и массированные воздушные бомбардировки крупнейших городов, огромные разрушения и потери гражданского населения и, вполне вероятно, даже социальную революцию¹⁰.

Таким образом, в результате все, что необходимо было сделать Гитлеру на опасной начальной стадии перевооружения, это убедить международное сообщество в том, что он хотел лишь исправить несправедливость мирного соглашения, добиться приемлемого уровня национального самоопределения для немцев и восстановить для своей страны ее полагающееся по праву, равное положение среди мировых держав, чего он собирался достичь с использованием соответствующих средств защиты от потенциальных агрессоров. И в целом, именно этим он и занимался вплоть до середины 1938 года при поддержке не только Внешнеполитического управления нацистской партии под руководством Альфреда Розенберга, но и консервативных бюрократов, которые продолжали занимать основные посты в Министерстве иностранных дел Германии под руководством барона Константина фон Нейрата. Националисты все до единого, чиновники с раздражением воспринимали политику «исполнения», проводимую министром иностранных дел Густавом Штресеманом в 1920-х годах, и приветствовали изменение линии поведения, предложенное рейхсканцлером Генрихом Брюнингом, который заменил главного помощника Штресемана на более агрессивно настроенного Бернхарда фон Бюлова на посту статс-секретаря в 1930 году. Дипломаты приветствовали новый режим в январе 1933 года, особенно потому, что Нейрат, который сохранил за собой пост

министра иностранных дел по явному желанию президента Гинденбурга, был одним из них. 13 марта 1933 году Бюлов направил Нейрату и военному министру Бломбергу меморандум, в котором подчеркивал, что среднесрочные задачи внешней политики теперь, после аннулирования репараций и окончания французской, британской и американской военной оккупации Рейнской области, должны быть направлены на возвращение территорий, переданных полякам в 1918–1919 годах, и включение Австрии в состав рейха. Однако он рекомендовал в ближайшем будущем не предпринимать каких-либо агрессивных мер, до тех пор, пока перевооружение не вернет Германии ее силу¹¹.

Однако путь к реализации этих целей был извилист. Международные переговоры по разоружению, стартовавшие в Женеве в начале 1932 года, зашли в тупик, поскольку англичане и французы не желали создания военного паритета с Германией ни за счет сокращения собственных вооруженных сил, ни за счет наращивания немцами своих собственных. Военный министр Бломберг, все больше желавший ввести в стране призыв на военную службу, особенно перед угрозой со стороны эрзац-армии коричневорубашечников Эрнста Рёма, при поддержке Министерства иностранных дел, через голову Гитлера, уговорил немецких представителей в Женеве занять жесткую линию в отношении продолжавшихся возражений английской и французской делегаций на снятие ограничений для вооруженных сил Германии. Когда переговоры остановились, Бломберг убедил Гитлера покинуть их 14 октября 1933 года и подчеркнуть серьезность этого шага, выйдя из состава Лиги Наций, главного организатора переговоров¹². Гитлер объявил, что это было сделано «ввиду неумеренных, унижительных и оскорбительных требований других держав». Торжественно заявляя о своем стремлении к миру и готовности пойти на разоружение при условии, что другие страны поступят так же, Гитлер в продолжительной речи, передававшейся в тот же вечер по радио, заявил, что не собирается больше терпеть намеренного оскорбления Германии. Германия была унижена Версальским миром и брошена в пучину экономической катастрофы из-за репараций, согласиться с еще большим унижением, которое выражалось в отказе от предоставления равных прав на переговорах по разоружению, было слиш-

ком. Он объявил, что решение примет немецкий народ на всеобщем референдуме¹³. Он прошел несколько недель спустя с предсказуемым подавляющим большинством голосов в поддержку решения Гитлера, что не в последней степени было достигнуто благодаря массовому запугиванию и манипуляции голосами. Хотя и нельзя сказать наверняка, но весьма вероятно, что большинство избирателей поддержали бы выход из состава Лиги Наций в свободном голосовании, и только бывшие коммунисты и левые социал-демократы, наверное, сказали бы «нет»¹⁴.

Выход из Лиги Наций стал первым решительным шагом во внешней политике Третьего рейха. За ним вскоре последовал другой шаг, который вызвал общее удивление как внутри Германии, так и за ее пределами: десятилетний пакт о ненападении с Польшей, подписанный 26 января 1934 года, продавленный лично Гитлером, несмотря на серьезные возражения со стороны Министерства иностранных дел. Для Гитлера преимуществом этого пакта было то, что он позволял прикрыть уязвимый восточный фланг Германии в период тайного перевооружения и улучшить торговые связи, которые в то время оставались крайне неразвитыми. Кроме того, он обеспечивал некоторую безопасность свободному городу Данцигу, который теперь управлялся местным нацистским правительством под протекторатом Лиги Наций, но был отрезан от остальной Германии коридором к Балтийскому морю, переданным Польше по условиям Версальского мира. Этот пакт можно было использовать, чтобы продемонстрировать Великобритании и другим странам, что Германия была мирной нацией. Даже имевший очень хорошую репутацию Густав Штресеман, министр иностранных дел Веймарской республики, не смог заключить «Восточное Локарно», а только добился решения некоторых вопросов на Западе в договоре под этим именем. Для поляков пакт стал гарантом безопасности, которая раньше обеспечивалась Лигой Наций, и заменил союз, заключенный в 1921 году с Францией, внутренняя политическая и экономическая ситуация в которой превращала этот альянс в крайне сомнительный инструмент защиты от немецкой агрессии (еще одной выгодной стороной этого пакта для немцев, конечно, был подрыв французского влияния). Однако для Гитлера этот пакт был исключительно временным средством: клочком

бумаги, который в нужный момент выполнил свою роль и который можно было разорвать без церемоний, когда в нем пропала бы необходимость. Миру предстояло увидеть еще много таких договоров¹⁵.

II

Большую часть 1934 года внимание Гитлера было обращено на внутреннюю политику, особенно к проблемам, которые привели к чистке СА в конце июня и возникли после нее. Непосредственно перед чисткой Гитлер совершил свою первую зарубежную поездку в роли канцлера Германии, посетив фашистского лидера Муссолини в Венеции с целью добиться его одобрения событий, которые вскоре должны были развернуться. Гитлер восхищался Муссолини совершенно искренне. Однако атмосфера на встрече была отчетливо холодной. Муссолини с крайним подозрением относился к намерениям нацистов в отношении Австрии, которую считал зоной своих собственных интересов. Небольшая, не имеющая выхода к морю страна в Альпах, граничившая с Италией, немецкоговорящая Австрия находилась в состоянии постоянной политической нестабильности с того момента, как международное сообщество отклонило предложение о ее слиянии с Германией после краха монархии Габсбургов в 1918–1919 годах. Лишь немногие австрийцы верили в жизнеспособность своей страны. За серьезной инфляцией начала 1920-х годов последовала дефляция, а затем, как и в Германии, наступила Депрессия. Страна в политическом отношении была разделена на два больших политических лагеря: социалистов, которые в основном принадлежали рабочему классу «красной» Вены, где проживала примерно треть всего семимиллионного населения страны, и Христианскую социалистическую партию, симпатизировавшую католикам, которую поддерживали средние классы Вены, консервативные фермеры и избиратели из небольших провинциальных городов. Напряженность между ними вылилась в открытое противостояние в 1933 году, когда канцлер, христианский социалист Энгельберт Дольфус, навсегда распустил парламент и установил авторитарный режим. Усилившееся преследование социалистов со стороны по-

лиции спровоцировало вооруженное восстание в рабочих кварталах Вены в феврале 1934 года. Оно было подавлено грубой силой с привлечением австрийской армии. Лидеры социалистов, включая самого влиятельного идеолога Отто Бауэра, бежали через знаменитую венскую канализацию. После этого Дольфус объявил всех социалистов вне закона. Тысячи людей были арестованы и брошены в тюрьму. 1 мая 1934 года австрийский диктатор ввел новую конституцию для своей страны. В ней упразднялись выборы и, по крайней мере на бумаге, устанавливалась бледная копия корпоративного государства, основанного на модели, предложенной Муссолини¹⁶.

Несмотря на всю кажущуюся решительность этих мер, положение Дольфуса оставалось крайне шатким. Экономическая ситуация была хуже, чем когда-либо. Многочисленный рабочий класс Вены кипел от негодования. Справа волнения порождались полувоенными бригадами национальной самообороны, желавшими видеть более радикальную форму фашизма, более напоминающую итальянскую модель. Прежде небольшая австрийская нацистская партия быстрыми темпами росла в численности и по своим амбициям. Ее формальный запрет Дольфусом в июле 1933 года не имел особого эффекта. На момент своего запрета в партии насчитывалось около 70 000 членов, среди которых были торговцы и мелкие лавочники из Вены и внутренних районов Австрии, мелкие госслужащие, ветераны армии, выпускники университетов и множество сотрудников полиции и жандармерии. В последующие месяцы в ряды партии вошло еще около 20 000 человек. Объединенные вместе, хотя и довольно случайно, яростным, злобным антисемитизмом, усиленным антиклерикализмом и ненавистью к католицизму, они обращались к идеям пангерманизма Георга Риттера фон Шенерера, которые оказали такое сильное влияние на молодого Адольфа Гитлера в Линце и Вене до 1914 года. Главной задачей партии было немедленное объединение с Третьим рейхом. Ее члены, слушавшие постоянный поток нацистской пропаганды, изливавшийся через радиостанции у границы, все больше убеждались в том, что объединение было неизбежно. Насилие и террор стали их излюбленными средствами подрыва австрийской государственности, в результате которого страна должна была стать легкой добычей для Третьего рейха¹⁷.

К началу лета 1934 года показалось, что настало время действовать. Фридолин Гласс, командир 89-го штандарта СС в Вене, решил свергнуть австрийское правительство. 25 июля 1934 года 150 его бойцов, в основном безработных рабочих и солдат, которые были уволены из рядов армии за нацистские взгляды, оделись в форму австрийской армии и проникли в австрийскую канцелярию. Правительство уже покинуло здание, но эсэсовцы поймали Дольфуса, который пытался бежать через боковой вход, и застрелили его. Бросившись после этого в соседний главный офис австрийской радиовещательной корпорации, путчисты ворвались в радиорубку и объявили стране, что правительство подало в отставку. Их сторонники в полиции, вероятно, обеспечили им беспрепятственный проход в здания. Однако такую поддержку им оказывали повсеместно. Австрийский штаб СА, лидеры которого собрались в соседнем отеле, на всех стадиях путча делали вид, что ничего о нем не знали, и отказывались вмешиваться. Почти четыре недели спустя после того, как лидеры немецкой СА были расстреляны СС, они все еще не могли смириться со случившимся. Мятежи во многих частях страны, запущенные, как и планировалось, радиообращениями путчистов, были подавлены австрийской армией, которой кое-где помогали Бригады национальной обороны. Всего было около нескольких сотен убитых и раненых. Там, где восстание было организовано силами СА, СС отказывалась им помогать. Даже нацистские офицеры в армии и полиции во многих частях страны с готовностью участвовали в подавлении революции. Австрийские нацисты показали себя плохо обученными и неважно подготовленными к таким действиям, чересчур самоуверенными, раздробленными внутри и некомпетентными. В Вене министр юстиции Курт фон Шушниг собрал новое правительство и после коротких переговоров с путчистами всех их арестовал. Гитлер не интересовался их судьбой. Два человека, которые застрелили Дольфуса, были повешены во дворе регионального суда Вены. Их последними словами были «Хайль Гитлер!». Австрийский посол в Риме, который был замешан в заговоре, предпринял неудачную попытку самоубийства. Даже до этих событий один австрийский нацист сокрушался, что «среднестатистический австриец не имеет никаких организаторских способностей».

В деле организации ему нужна прусская помощь!.. Без прусского таланта к организации в решающие моменты у нас всегда будет царить хаос». Кровавый, но нелепый путч, казалось, полностью подтвердил его слова. После этого Шушницг смог восстановить клерикально-фашистскую диктатуру в более жестком виде, обуздав Бригады национальной обороны и загнав нацистов в подполье, откуда они продолжали совершать акты насилия и саботажа против государственных институтов, хотя и без особых результатов¹⁸.

Гитлер, без сомнения, знал об этих событиях заранее. Австрийские эсэсовцы проходили подготовку к путчу в концентрационном лагере Дахау. После запрета австрийской нацистской партии в июне 1933 года доктор Тео Габихт, депутат немецкого Рейхстага, которого Гитлер назначил руководить австрийскими нацистами, организовал подполье из изгнания в Мюнхене. Он занимался тайной антисемитской пропагандой в Австрии, обвиняя Дольфуса в том, что он был президентом режима евреев. Именно на квартире Габихта в Мюнхене незадолго до начала путча встречались ведущие австрийские нацисты, чтобы окончательно обговорить все детали подготовки. Он рассказал Гитлеру о планах, и тот дал свое благословение на всеобщее восстание, предполагая, вероятно из-за чрезмерного оптимизма Габихта по этому поводу, что австрийская армия поддержит путч. Однако в своем изгнании в Мюнхене Габихт был крайне недостаточно информирован о реальном положении дел в Австрии. Путч провалился, армия осталась с правительством, а кроме того, Муссолини выдвинул свои войска к перевалу Бреннер и дал совершенно ясно понять, что он вмешается на стороне австрийского правительства, если ситуация выйдет из-под контроля. Гитлер был вне себя от ярости и унижения. Раздавая заверения в своем осуждении путча, которые не могли никого обмануть, он отправил Габихта в отставку и закрыл мюнхенское отделение австрийской партии¹⁹.

Однако в одном отношении эта катастрофа предоставила определенную возможность. Ухудшение отношений с немецким соседом было настолько серьезным, говорил Гитлер вице-канцлеру фон Папену, который все еще находился под домашним арестом после «Ночи длинных ножей», что для исправления ситуации требовалось участие очень высокопоставленного поли-

тика. Будучи личным другом убитого австрийского канцлера и известным католическим государственным деятелем, Папен прекрасно подходил для того, чтобы успокоить крайне напряженные австро-германские отношения. Поэтому Гитлер назначил его послом в Вене. Понимая, что у него не было особого выбора, Папен согласился. По его просьбе из тюрьмы выпустили его секретаря Гюнтера фон Чиршки-Бёгендорфа, находившегося там после событий 30 июня, который отправился в Австрию вместе с ним. Последний оставшийся в правительстве консервативный политик с независимым мнением наконец был убран с пути — неожиданный побочный результат плохо организованного путча²⁰.

III

Дипломатическая изоляция Германии зимой 1934/35 года, казалось, стала окончательной²¹. Единственным лучом света во мраке оказались результаты референдума, проведенного в малой земле Саар в западной части долины Рейна 13 января 1935 года. На мирных переговорах в 1919 году французы, которые явно рассчитывали, что им удастся отделить эту территорию от Германии при наличии достаточного времени, провели через Лигу Наций постановление, по которому Саар переходил под их мандат при условии, что по истечении пятнадцати лет будет проведен референдум, на котором жители этого региона выскажут свое окончательное мнение по поводу того, в какой стране они хотят жить. Пятнадцать лет закончились в конце 1934 года. Вообще говоря, в подавляющем большинстве говорившие на немецком языке жители Саара никогда не желали отделяться от Германии: 445 000 саарцев, около 91% из подавших свой голос, выразили свое желание стать гражданами Третьего рейха. Они сделали это по ряду причин. Перспектива оказаться во Франции в роли немецкоговорящего меньшинства была не слишком привлекательной. В Эльзасе и Лотарингии французские власти шли на все меры с целью подавить немецкий язык и культуру и вели жесткую дискриминацию тех, кто оставался верен своему прошлому. В Сааре французские правители также проявили себя бестактными эксплуататорами. Практически везде их считали

не демократами, а империалистами. В Германии к этому времени отношения между нацистами и католиками еще не ухудшились настолько, что католическая церковь, к которой относилось подавляющее большинство саарцев, посчитала бы необходимым рекомендовать сохранить подобный *статус кво* и тем более перейти под управление Франции, где коммунистическая партия, казалось, постоянно набирала силу. Чтобы священники советовали своей пастве голосовать за Германию, нацисты снизили накал своей антикатолической пропаганды в преддверии референдума. На что духовенство ответило своей поддержкой²².

Более того, когда Партия Центра в Германии добровольно самораспустилась в 1933 году в качестве компенсации за конкордат, она сделала то же самое и в Сааре, хотя это не было строго обязательно. В течение 1920-х годов она вела агрессивную кампанию за возвращение Саара Германии, хотя по существу все политические партии в Сааре занимались тем же, а в июне 1934 года объединилась в нацистами и остатками националистов и другими партиями в борьбе за положительный исход голосования в виде единого «Немецкого фронта», который представлялся избирателям как организация вне политики. Только коммунисты и социал-демократы отказались войти в него, однако, учитывая, что они также многие годы боролись за возвращение в состав Германии, их внезапное изменение позиции смутило их сторонников и лишь немногими было воспринято как искреннее. До этого момента, действительно, патриотические ритуалы, военные дни памяти, национальные фестивали и многие другие мероприятия, которые финансово и в других отношениях поддерживались националистическими энтузиастами в Германии, способствовали укреплению национального самосознания в Сааре. Их эффект не мог исчезнуть за пару лет. Нацистская партия в Германии также предлагала различные материальные льготы саарцам, направляя «Зимнюю помощь» через границу для помощи нуждающимся, назначая учителям и другим госслужащим повышенную пенсию и организуя другие финансовые льготы, которые можно было получить в Германии, играя на контрасте экономического восстановления в рейхе и быстро усиливавшейся Депрессии во Франции. Министерство пропаганды Геббельса развернуло массивные кампании по немецкому радио и экспортировало большое число

дешевых «народных приемников» в Саар, чтобы люди могли получить обращенное к ним послание. Рейнские издательства печатали миллионы листовок, которые вскоре попадали к своим читателям во всем Сааре. В регионе было распространено 80 000 плакатов, призывавших голосовать за Германию. Было проведено полторы тысячи общественных митингов с целью убедить людей в правильности объединения. На самом референдуме 47 000 саарцев, проживавших в рейхе, были привезены домой для участия в голосовании, чтобы еще больше усилить поддержку националистов. По сравнению с этим кампания против воссоединения практически не была заметна и подрывалась изнутри противоречиями тех, кто ратовал за сохранение *статус кво*, и тех, кто стремился влиться в состав Франции²³.

Во многих частях Саара местные отделения нацистской партии за кулисами политической борьбы вели кампании массового запугивания и насилия с целью помешать оппозиции голосовать против воссоединения с Германией. Развернутый террор близко напоминал первые месяцы 1933 года в Германии. Митинги социал-демократов разгонялись коричневыми рубашками со стальными прутьями. Людей, распространявших агитационные материалы против воссоединения, избивали резиновыми дубинками и даже стреляли в них. Антифашистские пивные подвергались нападениям и обстрелам. Митинги оппозиции превращались в бунты. Как отмечал один местный житель, атмосфера стала напоминать гражданскую войну. Пока все это происходило, местная полиция держалась в стороне. Когда части СС направлялись в этот район для помощи в развертывании террора, слухи, распространявшиеся в рамках кампании за воссоединение, заставляли избирателей верить в то, что голосование не будет тайным, что было вполне вероятно, учитывая то, что происходило на референдумах и выборах в самой Германии. Повсюду высказывались недвусмысленные намеки на то, что голосовавшие против будут отправлены в концентрационные лагеря после прихода немцев. Особенно в небольших городах и деревнях личности местных коммунистов и социал-демократов были всем известны, поэтому антинацисты понимали, что это было не пустой угрозой. Международные наблюдатели, назначенные следить за проведением референдума, признавали, что

кампания была жестокой, и требовали остановить террор, однако солдатами командовали офицеры, настроенные враждебно по отношению к коммунистам и социал-демократам, поэтому никаких действий не предпринималось²⁴. Неудивительно было то, что большинство бывших сторонников коммунистов и социал-демократов решили, что объединение с Германией станет наилучшим выходом — они не знали реалий жизни в Третьем рейхе, а их немецкое национальное самосознание было сильно. Рабочее движение всегда было слабым в Сааре, где, как отмечал один немецкий профсоюзный лидер, главным работодателем было прусское государство, одевавшее горняков в униформу и наказывавшее нонконформистов, а крупные промышленники обладали огромным влиянием. «Население Саара, — заключал он покорно, — в политическом смысле относится к самым отсталым слоям в Германии»²⁵. Насколько по результатам референдума можно было делать общие выводы об отношении большинства немцев к Третьему рейху, остается под вопросом, особенно учитывая малую численность населения и специфическую политическую культуру пограничного региона. Для большинства саарцев ответом было «Да» ради Германии, независимо от Гитлера и нацистов²⁶.

Под давлением правительство в Берлине пообещало, что немецкие законы и практики будут вводиться в Сааре постепенно и в особенности что евреи не будут подвергаться такому насилию, которое было распространено в рейхе с конца января 1933 года. Однако совсем скоро саарцы уже на себе смогли испытать жизненные реалии Третьего рейха. «Прусские» заезжие политики заняли основные офисы и должности, гестапо организовало свою штаб-квартиру в старом здании профсоюза, а людей, подозреваемых в симпатиях к Франции, без церемоний увольняли с работы. Известные коммунисты и социал-демократы бежали из страны незамедлительно. Множество простых саарцев, разумеется, никогда не сомневались в правильности своего голоса в пользу воссоединения, однако, несмотря на это, оно не принесло им немедленного повышения уровня жизни, которое им обещали. Безработица не исчезла в одночасье, а регион стал страдать от нехватки продовольствия. Местным евреям сначала разрешали эмигрировать на более выгодных условиях, чем в других

частях Германии, но с сентября 1935 года после введения нюрнбергских законов они столкнулись со всей безжалостностью нацистского антисемитизма. Звучали недовольные голоса, были даже забастовки, но никакого реального сопротивления. Условия в этом в целом сельскохозяйственном регионе с немногочисленными городскими сообществами и без сильных традиций рабочего движения делали его практически невозможным²⁷. Только около 1938 года экономическое возрождение, стимулированное перевооружением, привело к тому, что саарцы начали успокаиваться, а постоянная пропаганда из Берлина, нацификация образования и обязательное членство в Гитлерюгенде распространяло приверженность Третьему рейху среди молодого поколения саарцев²⁸.

Всему этому еще предстояло произойти, когда 1 марта 1935 года в день официального объединения Гитлер в Саарбрюкене говорил о своей радости в связи с решением саарцев. Он сказал, что это был великий день для Германии и для Европы. Он показал силу и популярность Третьего рейха и его идей среди всех немцев. «В конечном счете, — провозгласил он, — кровь сильнее, чем какие-либо документы на бумаге. Что было написано чернилами, однажды будет перечеркнуто кровью». Намек для немецкоговорящих меньшинств в других европейских странах, в особенности в Польше и Чехословакии, был совершенно понятен²⁹. Гамбургская учительница Луиза Зольмиц отметила «День возвращения Саара домой», в последний раз вывесив свой старый черно-бело-красный имперский флаг, перед тем как поднять над домом новый, украшенный свастикой³⁰. По всей Германии в празднование этого события развевались флаги. Помимо прочего это голосование привело в отчаяние тайную социал-демократическую и коммунистическую оппозицию в Германии и еще больше укрепило самоуверенность рядовых нацистов³¹.

Оно также усилило смелость немецкого Вождя в вопросах международной политики. Гитлеру становилось все сложнее скрывать скорость и масштабы перевооружения от мира, а референдум в Сааре дал опору для новых требований военных, выполнение которых было бы совершенно невозможно скрыть от внимательных глаз за рубежом. Успех саарского референдума подтолкнул его к объявлению 16 марта 1935 года о существова-

нии военно-воздушных сил у Германии и введении призыва. Он сказал, что армия будет увеличена до более полумиллиона человек, в пять раз больше численности, разрешенной Версальским мирным договором. На следующий день в Берлине прошел грандиозный военный парад, на котором военный министр генерал Вернер фон Бломберг объявил, что Германия готова снова занять свое законное место в мире наций³². Конечно, Гитлер заверил всех, что все, чего желала Германия, это мир. Многие из симпатизировавших ему людей среднего класса поверили в это. «У нас снова есть всеобщая воинская повинность!» — с ликованием писала Луиза Зольмиц в своем дневнике:

«День, о котором мы мечтали с позора 1918 года... Утром Франция ввела у себя двухлетний срок военной службы, за который они так долго бились, а вечером мы объявили о всеобщей воинской повинности в ответ на это. Нам бы никогда не пришлось пережить Версаль, если бы всегда принимались такие меры, давались такие ответы... Всеобщая воинская повинность нужна не для войны, а для сохранения мира. Потому что беззащитная страна между хорошо вооруженными государствами обязательно выглядит как приглашение обращаться с ней, как с территорией, по которой можно свободно маршировать и которую можно грабить. Мы не забыли рурскую интервенцию»³³.

Когда по радио прозвучало официальное объявление, писала Луиза: «Я встала. Меня переполняло воодушевление, это был слишком важный момент. Я должна была слушать стоя»³⁴.

Однако это объявление породило и широкое волнение среди многих немцев, особенно тех, кто видел Первую мировую войну. Многие молодые люди с недовольством восприняли перспективу быть призванными после того, как они уже провели много месяцев на трудовой службе. Однако в то же время некоторые более возрастные рабочие приветствовали облегчение, которое эти перемены должны были принести в ситуацию с безработицей. И вместе с тем, что в одном репортаже называлось общим «настоящему сильным военным психозом», у тех же людей часто возникало чувство удовлетворения от того, что Германия наконец-то снова вернула себе международное уважение. «Нет никаких сомнений, — отмечал агент социал-демократов в области Рейна и Вестфалии, — что беспрестанное муссирование темы о

равном уважении и немецкой свободе оказало глубокое влияние на бывших марксистских рабочих и вызвало замешательство среди них»³⁵.

Международная реакция была отрезвляющей. Правительства Великобритании, Франции и Италии встретились в итальянской Стресе 11 апреля 1935 года и заявили о своей решимости защитить целостность Австрии против германской угрозы, которая была видна с июля 1934 года и теперь, по всей видимости, снова набирала обороты. Меньше чем неделю спустя Лига Наций официально осудила программу перевооружения Германии. Вскоре после этого Франция заключила соглашение с Советским Союзом. Эти действия имели скорее театральный, чем реальный эффект. Продолжение политики двусторонних переговоров с отдельными странами началось с Польского пакта. Гитлер обсуждал военно-морское соглашение с Великобританией с ноября 1934 года. Он понимал, что пройдет еще очень много времени, прежде чем возрождающийся немецкий флот сможет надеяться сравняться по численности с огромным флотом Великобритании, а пока он любой ценой хотел успокоить англичан, чтобы те не мешали завоеванию Германией доминирующего положения на континенте. Позже, как он говорил главе флота адмиралу Редеру в июне 1934 года, можно было создать флот достаточной силы и обратить его против Великобритании, что планировали Редер и его помощники, позже, но не сейчас. Свои гарантии британцам Гитлер сопровождал угрозами. Он предупреждал британских переговорщиков о том, что перевооружение Германии было основано на самых последних технологических достижениях, и особенно это касалось военно-воздушных сил (в этом было изрядное преувеличение). В долгосрочной перспективе Германии требовались колонии для расширения своего жизненного пространства (плохо прикрытая угроза широко раскинувшейся Британской империи). Однако Гитлер заявил, что предпочел был предпринять первые шаги в этом направлении вместе с Великобританией, а не против нее, в надежде сгладить некоторые острые углы в их отношениях. Британцы, понимая, что им не удастся заставить Германию вернуться в Лигу Наций, и волнуясь из-за растущей силы флота Японии, согласились с этими, казавшимися совершенно разумными условия-

ми, и 18 июня 1935 года было подписано совместное Англо-германское военно-морское соглашение, которое позволяло немцам создать свой флот численностью не превышающей 35% от британского и имеющий такое же количество подводных лодок. Оно позволило обойти соглашение в Стресе, заключенное лишь несколько месяцев назад, и стало подлинным дипломатическим триумфом для Гитлера³⁶.

Немецкую делегацию в Лондоне возглавлял человек, которому скоро предстояло войти в ряды нацистских лидеров: Иоахим фон Риббентроп. Он родился в 1893 году в долине Рейна в семье профессионального солдата буржуазного происхождения. Риббентроп закончил грамматическую школу, но вместо того, чтобы пойти в университет, занимался различной деятельностью в Великобритании, Канаде, франкоязычной Швейцарии, прекрасно овладев английским и французским языками, а также установил множество контактов, которые оказались для него полезны в будущем. В Первую мировую войну он служил на Восточном и Западном фронтах и получил за храбрость Железный крест. В конце войны он оказался в прусской военной миссии в Константинополе, где был назначен в военную группу для подготовки мирной конференции. Таким образом, к моменту ухода из армии в 1919 году, поучаствовав во многих путешествиях и дипломатических мероприятиях, Риббентроп приобрел сильный интерес к международной политике. Однако сначала он вернулся в бизнес — продажа хлопка, затем алкогольных напитков, благодаря своему браку с Аннелис Хенкель, дочерью известного производителя немецких игристых вин «Сект». Этот брак подарил ему финансовую независимость и вход в высшее общество. Поскольку он был усыновлен тетей из аристократической ветви своего семейства, он мог добавлять дворянскую частицу «фон» к своему имени. Однако это имело для него негативные последствия. Ходили слухи, что он заплатил своей тете за эту услугу. Более того, некоторые отмечали, что хотя в запутанном законодательстве об усыновлении частица «фон» и считалась частью имени родителя приемного ребенка и поэтому подлежала передаче приемным детям, в нем было уточнение о том, что ее перенос ни в коем случае не подразумевал передачу дворянского статуса приемному ребенку. Эта история многое говорит как о социаль-

ных амбициях Риббентропа, так и о его социальной неуклюжести: в Лондоне в 1930-х годах его иногда называли «фон Риббенсноб»³⁷.

Риббентроп не был нацистом первой волны. В течение большого периода существования Веймарской республики он разделял ненависть большинства немцев среднего класса к мирному соглашению, презирал парламентскую систему и был серьезно озабочен угрозой коммунизма, однако он не обращался к крайне правым вплоть до 1932 года. Будучи членом модного клуба для джентльменов «Херренклуб» в Берлине, завсегдатаями которого были аристократы, включая Папена и его друзей, Риббентроп встретил Гитлера и оказался участником сложных переговоров, которые, в конечном счете, привели к его назначению рейхсканцлером в январе 1933 года. Для провинциального Гитлера Риббентроп, как и старый близкий друг вождя нацистов Путци Ганфштангль, казался светским человеком, опытным в международных делах, полиглотом и с хорошими навыками социального общения. Гитлер стал использовать его для особых дипломатических миссий, не привлекая консервативное, связанное рутиной Министерство иностранных дел. Несомненно, с одобрения Гитлера Риббентроп организовал свое независимое управление наподобие управления Альфреда Розенберга для разработки внешней политики и влияния на нее. Вскоре в нем служило 150 человек, которые занимались своего рода межуправленческой партизанской войной с отсталыми руководителями МИДа. Успех Риббентропа в заключении Англо-германского военно-морского соглашения принес ему славу человека, умеющего ладить с британцами, и поздним летом 1936 года Гитлер назначил его послом в Лондоне, поручив еще больше улучшить отношения и при возможности организовать официальный англо-германский альянс³⁸.

К сожалению, все это было своего рода недопониманием. Дипломатическая манера Риббентропа — резкая, безапелляционная, авторитарная — может, и импонировала Гитлеру, но не слишком приветствовалась среди дипломатов, и в Лондоне новый посол вскоре получил другое ироническое прозвище «фон Брикендроп» (от «To drop a brick» — «допустить бестактность»). Скоро он стал сгорать от негодования в связи с кажущимся пре-

небрежением со стороны британского высшего общества. Во многом оно возникало из-за неловких ситуаций, в которых он оказывался по собственной вине. Крайняя точка была достигнута во время приема при дворе в 1937 году, когда он напугал стеснительного, заикавшегося короля Георга VI, приветствовав его шелканьем каблуков и нацистским салютом «Хайль Гитлер!». На самом деле Риббентроп совсем не любил ни Великобританию, ни англичан. Когда сэр Джон Саймон, британский министр иностранных дел, во время переговоров по морскому флоту выразил свое удовольствие необычной откровенностью Риббентропа, он, наверное, не имел в виду сказать комплимент. Риббентропу не нравилось лондонское назначение, он три месяца откладывал принятие этого поста и ездил домой в Берлин так часто, что юмористический лондонский журнал «Панч» назвал его «странствующим арийцем». «Старые бойцы» в нацистском руководстве, включая Геббельса и Геринга, ненавидели его и презирали, негодуя от того влияния, которое получил этот выскочка, поэтому Риббентропу необходимо было находиться в Берлине, чтобы сохранить свое положение. Однако он имел кое-какое влияние и на самого Гитлера. Он бомбардировал его депешами из Лондона, рассказывая о совершенном различии британских и немецких целей в мировой политике и предсказывая войну между двумя странами. Однако в то же время он также считал Великобританию изнеженной и нерешительной и поэтому регулярно говорил Гитлеру не рассматривать всерьез возможность британского вторжения в Европу. Гитлер прислушался к его словам. Но они в конечном счете также оказались плохим советом³⁹.

IV

Однако вначале все это казалось весьма вероятным, поскольку ближе к концу 1935 года международная ситуация в Европе начала претерпевать серьезные изменения. Во-первых, в октябре 1935 года Муссолини начал вторжение в Абиссинию, последнюю остававшуюся крупную неколонизированную африканскую страну, преследуя свою мечту о создании новой Римской империи и стремясь отомстить за унижительное поражение итальянской армии от эфиопских войск в битве при Адове в 1896 го-

ду. Плохо вооруженные войска эфиопского негуса Хайле Селассие не могли равняться с механизированными легионами итальянцев. Эта короткая война, пожалуй, впервые продемонстрировала смертоносный потенциал превосходства в воздухе. Без какого-либо серьезного сопротивления итальянские самолеты уничтожали эфиопские силы в ходе постоянных бомбардировок, используя не только осколочные снаряды для уничтожения кавалерии, но и ядовитый газ для ликвидации плохо дисциплинированной пехоты. Это не было противостоянием. Однако Абиссиния была большой страной, и итальянским войскам потребовалось время, чтобы проникнуть в глубь нее и оккупировать. Хайле Селассие совершил драматическое путешествие в Женеву, где обратился к Лиге Наций с просьбой о помощи и получил широкое сочувствие среди многих стран. Со своей стороны Муссолини предполагал, что французы и англичане не станут вмешиваться, но общественное мнение заставило нового министра иностранных дел Великобритании Энтони Идена поддержать введение экономических санкций против Италии со стороны Лиги. Внезапно оказавшись в изоляции, итальянский диктатор призвал своего прогермански настроенного зятя Галеаццо Чиано обратиться к Гитлеру за помощью⁴⁰.

Гитлер увидел в этом возможность нарушить дипломатическую изоляцию Германии. Убийство Дольфуса стало самым сложным моментом в его отношениях с Муссолини, у которого он почерпнул столько идей и которым до сих пор восхищался⁴¹. Теперь ситуация начала улучшаться. Однако Министерство иностранных дел Германии все еще испытывало глубокие сомнения относительно мотивов итальянцев. Вызвав немецкого посла в Риме Ульриха фон Хасселя в Берлин, Гитлер сообщил ему в присутствии министра Нейрата, что настало время забыть о трениях 1934 года как о «пройденной главе» и прийти на помощь Италии. «Мы должны сделать все возможное, — сказал он, — чтобы не позволить мировым врагам авторитарной формы государственного правления сконцентрироваться на нас как на единственном объекте». Если итальянский фашизм был бы уничтожен, Германия оказалась бы в одиночестве. Кроме того, Германия, формально сохраняя нейтралитет по абиссинскому вопросу, отказалась вводить санкции против Италии и продол-

жала вести с ней дела как обычно. В благодарность за эту поддержку Муссолини сообщил Гитлеру, что, по его мнению, с этого момента Австрия находилась в сфере интересов Германии. Стреза, сказал он фон Хасселю, была делом прошлого⁴². В любом случае санкции не принесли никакого результата. Итальянцы довели войну до успешного завершения в мае 1936 года, пока Великобритания, Франция и Лига продолжали пререкаться и колебаться. Эти события предрешили судьбу Лиги, неэффективность которой теперь стала очевидной. Они также убедили Гитлера и Муссолини, что им нечего было бояться Великобритании и Франции. А кроме того, итальянская победа предоставила конкретные свидетельства того, что превосходство в воздухе было ключом к военному успеху. Англичане, которые до этого момента доминировали в Средиземноморье благодаря своему флоту, теперь вдруг оказались уязвимыми. Чтобы закрепить новую дружбу с Германией, Муссолини уволил своего профранцузского министра иностранных дел и 9 июня 1936 года назначил на его место Чиано⁴³.

К этому времени Франция значительно ослабила свои позиции в Европе, что делало возможный союз с Италией намного менее привлекательным. Англичане и французы не встречались по поводу реакции на эфиопскую войну. Внутренние политические потрясения во Франции, которые завершились победой Народного фронта на выборах в мае 1936 года, казалось, заставили французских политиков сконцентрировать свое внимание на внутренних проблемах. Международное сообщество продемонстрировало полную неспособность обуздать имперские амбиции Италии. А возобновление отношений Италии с Германией дало немцам больше свободы действия. Все эти факторы убедили Гитлера в том, что Франция и Великобритания не будут пытаться помешать немецкой армии войти в долину Рейна. Западная часть Германии все еще оставалась демилитаризованной зоной в соответствии с положениями Версальского мирного договора даже после ухода англо-французских оккупационных войск в конце 1920-х годов. Гитлеру сошел с рук выход из Лиги Наций. Ему сошло с рук объявление перевооружения Германии. А внутренняя ситуация в Германии весной 1936 года была настолько сложна, учитывая нехватку продовольствия, усилившийся

конфликт с католической церковью и общее недовольство и раздражение, что какая-нибудь дипломатическая победа была бы крайне кстати, чтобы поднять моральный дух народа. Гитлер уже получил заверения от руководства армии в том, что это можно было сделать. Оно согласилось с тем, что это было необходимо, чтобы организовать надлежащую оборону на Западе. Тем не менее Бломберг и старшие генералы были крайне взволнованы, понимая, что армия пока еще не могла соперничать с французской, если бы те решили действовать. Колебался даже Гитлер, понимая в полной мере весь риск, на который он шел. В начале марта, при полной поддержке Риббентропа, он решился. Предстоящая ратификация франко-советского пакта французской Палатой депутатов должна была стать предложением. Немецкие армейские части, марширующие в долину Рейна, должны были быть усилены полицейскими отрядами, чтобы численность войск казалась больше, чем была на самом деле. Вся операция должна была готовиться в обстановке строжайшей секретности, а войска должны были прибывать на оговоренные позиции по ночам. Даже правительство ничего не знало вплоть до последней минуты⁴⁴.

7 марта 1936 года Гитлер появился в Рейхстаге, который был в спешном порядке собран на дневную сессию в опере Кролла. Когда он вышел, чтобы обратиться с речью к ни о чем не подозревающим депутатам, немецкие отряды уже маршировали по демилитаризованной зоне с восхода, а в час дня они достигли самой реки. Гитлер начал с тирады против большевизма. После этого он перешел к недавнему подписанию французами пакта с Советским Союзом, который был утвержден 4 марта. Ввиду этого, сообщил он Рейхстагу, Германия больше не могла считать себя связанной условиями Локарнского пакта 1925 года, который регулировал ее отношения с Францией. Американский журналист Уильям Л. Ширер, присутствовавший на заседании, наблюдал сцены массовой истерии, которая последовала за выступлением: «И вот шестьсот депутатов, личные назначенцы Гитлера, маленькие люди с большими телами, жирными шеями, короткими прическами и выпирающими животами, в коричневой униформе и в тяжелых ботинках, маленькие люди, бывшие глиной в его умелых руках, вскочили на ноги, как роботы, вытянув правые

руки в нацистском салюте и проревели “Хайль!”. Гитлер вскинул руку, призывая к тишине... Он сказал глубоким, сильным голосом: “Люди немецкого Рейхстага!” Гробовая тишина. “В этот исторический момент, когда в западных провинциях рейха прямо в эту минуту немецкие отряды маршируют к своим будущим мирным гарнизонам, мы все вместе произнесем две священные клятвы”. Он не может продолжать. Для его “парламентской” толпы стало новостью, что немецкие солдаты уже идут по долине Рейна... Они вскакивают на ноги, крича и плача... Их руки подняты в рабском приветствии, их лица искривлены истерикой, их рты широко открыты, они кричат, кричат, их глаза, горящие фанатизмом, прикованы к их новому богу, их Мессии»⁴⁵.

Гитлер, как обычно, дал две клятвы: что Германия никогда не подчинится силе, с одной стороны, и будет бороться за мир, с другой. Как и раньше, он объявил, что у Германии не было территориальных претензий в Европе. И он предложил заключить ряд мирных договоров, чтобы убедить в этом своих соседей. Все это было только словами. Чтобы подчеркнуть важность момента, он также распустил Рейхстаг и на 29 марта 1936 года объявил выборы, объединенные с референдумом по его решениям. Свою первую речь в избирательной кампании он произнес 12 марта в Карлсруэ, на правом берегу реки на расстоянии вытянутой руки от Франции⁴⁶.

Немецкие пропагандистские фильмы и репортажи в прессе показывали картины бьющихся в экстазе жителей долины Рейна, приветствующих войска нацистским салютом и усыпающих их дорогу цветами. Луиза Зольмиц писала: «Я была совершенно подавлена событиями того дня... восхищена нашими марширующими солдатами, величием Гитлера и властью его речи, силой этого человека... Мы ждали таких слов, такой жесткости... Но мы и мечтать не смели о таких делах. Снова и еще раз снова Вождь предъявляет миру свершившийся факт... Если бы мы 2000 лет говорили с миром на таком языке — нам не пришлось бы использовать его слишком часто, нас бы всегда понимали и мы смогли бы сохранить много нашей крови и слез, не допустить потери территорий и унижения... Репортажи о настроениях во всех городах говорят о беспрецедентном ликовании»⁴⁷.

Однако наблюдатели социал-демократов рассказывали другую историю. «Оккупация зоны Рейна, — сообщал один из

них, — якобы была встречена радостным ликованием со стороны всего населения. Однако, судя по отчетам со всего Запада, можно понять, что празднуют только нацисты»⁴⁸.

Следует признать, что некоторые бизнесмены были довольны, потому что считали, что теперь их дела пойдут на лад. Действительно, большинство людей одобряли ремилитаризацию. В отдельных районах это известие с особенным энтузиазмом встретила молодежь. «В конце концов, это наша страна, — говорил один рабочий. — Почему мы не можем иметь в ней какие угодно войска?»⁴⁹ Однако также был распространен страх того, что подобные действия повлекут за собой войну. Многие активные нацисты отвечали, указывая на заявленные мирные намерения Гитлера. Только немногие хвастались тем, что с радостью примут известие о войне⁵⁰. Люди гордились восстановлением национального суверенитета, но в то же время отчаянно волновались из-за опасностей широкомасштабной войны, из-за перспектив массированных бомбардировок немецких городов и из-за повторения смертей и разрушений 1914—1918 годов⁵¹. Страх подавляющего большинства только усиливался из-за массовых мер защиты от воздушных налетов, которыми сопровождалась ремилитаризация. «Люди, — подводил итог один агент социал-демократов, — крайне взбудоражены. Они боятся войны, потому что все уверены, что Германия эту войну проиграет и будет уничтожена»⁵².

В марте 1936 года немцы затаив дыхание наблюдали, как войска в составе 3000 человек промаршировали в глубь долины Рейна, которых поддерживали еще 30 000, остававшихся на восточном берегу реки. Если бы французы решили направить свои войска для отпора, то немцы были бы выбиты оттуда в течение нескольких часов, несмотря на приказ Гитлера не отступать. Однако они этого не сделали. Поверив, что немецкое военное присутствие было в десять раз больше фактического, и ослабленное из-за общественного беспокойства в связи с возможной войной накануне всеобщих выборов, французское правительство выбрало бездействие. Их позицию поддерживали англичане, которые постарались ограничить любую поспешную реакцию. В конечном счете произошло лишь то, что Германия восстановила свой суверенитет над своей собственной территорией, и никто

не считал, что это стоило развязывания масштабной войны. Никто на данном этапе не думал, что Гитлер чем-то отличается от предыдущих немецких политиков, которые никогда не скрывали своего желания вернуть войска обратно в долину Рейна. На самом деле общественное равнодушие по этому вопросу в Великобритании было настолько сильно, что правительство даже отказалось поддержать идею установить санкции Лиги Наций для Германии за то, что фактически было нарушением международных мирных соглашений. На тот момент Гитлер сделал свою самую большую ставку и не проиграл⁵³.

Этот опыт, подтвержденный очередными сфальсифицированными выборами и референдумом от 29 марта 1936 года, на которых были набраны неизбежные 98,9% голосов в поддержку нацистской партии и действий правительства, утвердил Гитлера в том, что он не может проиграть. Уверовав в миф о своей непобедимости, он начал ускорять марш Германии в сторону европейского доминирования и мирового господства. «Ни угрозы, ни предупреждения, — говорил он в Мюнхене 14 марта 1936 года, — не заставят меня свернуть с пути. Я иду по дороге, уготованной мне Провидением, с инстинктивной уверенностью лунатика»⁵⁴.

Создание Великой Германии

I

Ремилиитаризация долины Рейна глубочайшим образом изменила баланс международных сил в Европе. До этого момента, как было ясно продемонстрировано в 1923 году, французы могли заставить Германию выполнять свои обязательства, введя войска в область Рейна и заняв крупнейший промышленный регион страны Рур. Теперь они больше не имели такой возможности. После 1936 года французы занимали исключительно оборонительное положение. Это дало Третьему рейху свободу действия против малых стран Восточной Европы. Шокированные событиями, которые сделали их исключительно уязвимыми, многие из них, прежде состоявшие в союзе с Францией, стали предпри-

нимать шаги по улучшению отношений с Третьим рейхом. Австрия попала в зону особого риска, учитывая новоиспеченную дружбу между Германией и Италией⁵⁵. А в скором времени отношения Гитлера и Муссолини стали еще более тесными. Потому что после победы левых на испанских выборах в феврале 1936 года правые армейские офицеры в разных частях страны 17 июля 1936 года подняли организованное восстание с целью свергнуть Республику и установить военную диктатуру. Восстание не смогло достичь поставленных целей в большей части страны, и вскоре Испания погрузилась в отчаянную и кровавую гражданскую войну. Немецкие госслужащие и бизнесмены в Испании просили Гитлера поддержать мятежников, а один из лидеров восстания, генерал Франсиско Франко, обратился к Гитлеру за помощью напрямую. Она не заставила себя долго ждать⁵⁶.

Еще до конца июля 1936 года немецкие самолеты прибыли в Испанию и стали заниматься переброской войск мятежников на основные направления с целью не допустить провала восстания. После этого скромного начала немецкая интервенция вскоре достигла впечатляющих масштабов. Основные причины для нее были как военные, так и политические. Политическая ситуация в Испании стремительно поляризовалась, и Гитлер начал беспокоиться о том, что победа республиканцев может привести страну в руки коммунистов, в то время как правительство Народного фронта, поддерживаемое коммунистической партией, только что пришло к власти во Франции. Союз двух стран мог стать в Западной Европе серьезным препятствием для его планов экспансии и войны на Востоке, особенно в отношении Советского Союза, что, в конечном счете, было неизбежно. Помимо этого, он понял, что война станет идеальным полигоном для новых вооруженных сил и боевой техники Германии⁵⁷. Вскоре Вернер фон Бломберг — глава немецкого военного министерства, недавно произведенный в фельдмаршалы, — приехал в Испанию и сообщил Франко, что предоставит в его распоряжение немецкие войска и боевую технику при условии, что тот начнет вести войну более агрессивно, чем раньше. В ноябре 1936 года в Кадис прибыли 11 000 немецких солдат и обслуживающего персонала вместе с самолетами, артиллерией и танками. К концу месяца Третий рейх официально признал националистический режим

правительством Испании, а немецкие войска были объединены в одно боееспособное соединение – легион «Кондор»⁵⁸.

Гитлер и его генералы четко понимали, что немецкая помощь Франко не может увеличиваться бесконечно, не вызвав негодования со стороны других европейских держав. Великобритания и Франция договорились о политике невмешательства. Это не привело к прекращению поставок для националистов, в особенности из Соединенного Королевства, но означало, что для сохранения видимости общего нейтралитета другим странам следовало быть осторожными в масштабах своего вмешательства. Помощь Муссолини мятежникам была намного больше, чем со стороны Гитлера, но обе страны уступали в объемах поддержки, которую оказывал республиканцам Советский Союз. Под знамена Республики стекались добровольцы из многих стран, из которых были сформированы Интернациональные бригады. На сторону франкистов встало достаточно небольшое число людей. В такой ситуации, казалось, было в общих интересах ограничить конфликт и не допустить его перерастания в масштабную войну. Ставки были не слишком высоки. Поэтому Гитлер сохранял относительно небольшую численность легиона «Кондор», хотя и формировал его прекрасно обученными и профессиональными солдатами⁵⁹.

Однако под командованием генерала Гуго Шперле тот сыграл значительную роль в военных успехах националистов. Вскоре легион уже тестировал свои новые 88-миллиметровые зенитные орудия против республиканских самолетов. Однако самый серьезный вклад в войну был сделан его бомбардировщиками, которые участвовали в организованном наступлении, предпринятом по приказу Шперле в Стране басков. 31 марта 1937 года легионские «Юнкерсы» разбомбили незащищенный город Дуранго, убив 248 жителей, включая нескольких священников и монахов, первый европейский город, подвергшийся массированной бомбардировке. Однако гораздо более разрушительным оказался налет, совершенный ими вместе с четырьмя новыми бомбардировщиками «Хейнкель» Не. 111 и несколькими неопробованными истребителями «Мессершмитт» Вf. 109 на город Герника 26 апреля 1937 года. Сорок три самолета, включая небольшое число итальянских, сбросили 45 000 кг зажигательных, фугасных и шрапнельных бомб на город, пока истребители на бреющем полете

расстреливали из пулеметов жителей и беженцев на улицах. В тот момент в городе, население которого не превышало 7000 человек, было много беженцев, отступавших республиканских солдат и крестьян, приехавших на ярмарочный день. Более 1600 человек было убито и более 800 ранено. Центр города сровняли с землей. Налет подтвердил распространенные в Европе опасения о разрушительных последствиях воздушных бомбардировок. И без того ставший символом нападения на басков, налет получил мировую известность благодаря изгнанному прореспубликанскому испанскому художнику Пабло Пикассо, отразившему его в своей картине «Герника», которую ему поручили написать для Всемирной выставки в Париже, где с удивительной силой изображены страдания города и его людей⁶⁰.

Международное негодование, с которым был воспринят этот налет, заставил немцев и испанских националистов отрицать свою причастность. Многие годы после этого утверждалось, что баски сами взорвали свой город⁶¹. В частных беседах полковник Вольфрам фон Рихтгофен, организовавший налет, с удовлетворением отмечал, что новые самолеты и бомбы доказали свою эффективность, хотя он и был несколько разочарован тем, что генералы испанских националистов не смогли после налета организовать немедленный решительный удар по своим баскским противникам⁶². Но легион «Кондор» больше не повторял этот смертоносный эксперимент. Позже его предложение использовать скоростные танки на заключительной фазе войны было отклонено традиционалистом Франко. Тем не менее благодаря помощи немцев и итальянцев, более качественному снабжению и профессиональному генералитету, внутреннему единству и международному нейтралитету франкисты в конце марта 1939 года добились победы. 18 мая 1939 года под руководством Рихтгофена легион гордо промаршировал перед Франко в Мадриде на параде, посвященном окончательной победе⁶³. И снова пассивность международного сообщества дала Гитлеру свободу действий. Испанская гражданская война стала для него еще одним примером вялого малодушия Великобритании и Франции и, таким образом, еще больше убедила его действовать еще быстрее в реализации своих собственных задач. По крайней мере в этом смысле испанский конфликт ускорил наступление войны⁶⁴.

Однако в ближайшей перспективе он сцементировал союз Гитлера и Муссолини. Уже в сентябре 1936 года Ганс Франк приехал в Рим, чтобы начать переговоры, а в следующем месяце министр иностранных дел Италии Чиано посетил Германию, чтобы подписать тайное соглашение с Гитлером. В ноябре 1936 года Муссолини уже открыто говорил об «оси Рим — Берлин». Обе страны договорились уважать амбиции друг друга и действовать вместе против Испанской республики. В то же время за спиной Министерства иностранных дел Гитлер поручил ведомству Риббентропа заключить антикоминтерновский пакт с Японией и договориться об оборонительном альянсе против Советского Союза. На тот момент он не имел особой ценности, но вместе с «осью Рим — Берлин» завершил объединение ревизионистских, экспансионистских стран, которое приняло такой разрушительный вид во Второй мировой войне⁶⁵. Попытка привлечь Великобританию к участию в антикоминтерновском пакте, начатая назначением Риббентропа послом в Лондоне в августе 1936 года, никогда бы не увенчалась успехом. Она провалилась из-за бестактности нового посланника и использования им угрозы подорвать морскую империю Великобритании в качестве инструмента шантажа — угрозы, которую британцы принимали полностью всерьез. Более того, по мнению Гитлера, на тот момент только заключение глобального договора с Соединенным Королевством могло бы стоить охлаждения отношений с итальянцами, учитывая масштабы британского присутствия в Средиземноморье. Он не оставил идею о договоре какого-либо вида с британцами и продолжал верить, что Великобритания не будет вмешиваться в европейские события, как бы они ни разворачивались. Однако на тот момент подобные планы занимали второе место по сравнению с решением текущих задач на Европейском континенте⁶⁶.

II

Эти цели оказались значительно ближе к осуществлению во второй половине 1936 года. Полным ходом шло выполнение Четырехлетнего плана, который должен был позволить достаточно быстро создать в Германии армию, способную вести масштабную войну в начале 1940-х годов. «Ось Рим — Берлин», Антикоминтер-

новский пакт, успешное участие в испанской гражданской войне и доминирование политики умиротворения в британском правительстве вместе помогли убедить Гитлера в том, что он мог ускорить реализацию своих внешнеполитических планов даже без союза с Великобританией. Именно в такой атмосфере Гитлер провел совещание с Бломбергом, Фричем, Герингом, Нейратом и Редером 5 ноября 1937 года, на котором полковник Хоссбах отметил намерение нацистского фюрера предпринять военные действия против Австрии и Чехословакии в самом ближайшем будущем⁶⁷. Но к этому времени Гитлер начал ощущать, что многие его начинания сводятся на нет обструкционизмом и отсутствием энтузиазма со стороны некоторых его подчиненных. Зимой 1937/38 года он начал менять их на людей, которые были готовы ускорить подготовку к войне. Однако изрядное число высших военных руководителей, поддерживаемых сторонниками в Министерстве иностранных дел, начали испытывать крайнюю озабоченность постоянно усиливавшимся желанием Гитлера развязать войну. Германия могла захватить Австрию и, вероятно, Чехословакию, однако состояние военной подготовки в стране, по их мнению, было далеко от того, которое позволило бы выиграть войну с Великобританией и Францией, если бы военный конфликт в Центральной и Восточной Европе привел бы к крупномасштабному противостоянию. Военный министр фельдмаршал Вернер фон Бломберг, министр иностранных дел Константин фон Нейрат и главнокомандующий сухопутными войсками Вернер фон Фрич — все выражали серьезные сомнения после совещания в ноябре 1937 года. Глава Генштаба сухопутных войск генерал Людвиг Бек был обеспокоен еще больше и выражал свою тревогу из-за безответственности Гитлера. Все эти люди верили, что глобальная война была и неизбежна, и желательна, однако они также были убеждены, что начинать ее в тот момент было опасно и преждевременно⁶⁸.

В первые месяцы 1938 года один неожиданный скандал предоставил Гитлеру возможность действовать. 12 января 1938 года Бломберг, одинокий вдовец, женился на женщине младше его на тридцать пять лет. Он встретил ее, гуляя в Тиргартене в Берлине. Новая жена Бломберга, Маргарет Грун, была простой девушкой из небогатой семьи. Гитлер одобрил этот союз, поскольку

ку он демонстрировал незначительность социальных различий в Третьем рейхе. Поэтому он согласился стать свидетелем на церемонии бракосочетания. Однако прошлое Грун на самом деле было совсем не безупречным. Фрич получил анонимный звонок, в котором ему сообщили, что она состояла на учете в полиции как проститутка, позировала для порнографических фотографов и была осуждена за кражу у клиента. Полиция подтвердила ее личность. 24 января Геринг решил, что его долг — показать ее полицейское досье Гитлеру. Взволнованный тем, каким посмешищем он мог бы стать, если бы стало известно, что он был свидетелем на свадьбе бывшей проститутки, Гитлер впал в глубокую депрессию и потерял сон. Ситуация для него осложнялась еще и тем, что порнографические снимки делал еврей, с которым Грун жила в то время. Геббельс писал в своем дневнике, что это был самый серьезный кризис режима после дела Рёма. «Вождь, — говорил он, — полностью разбит». По мнению Геббельса, единственным приемлемым выходом из этой ситуации для Бломберга было застрелиться. Бломберг отверг предложение Геринга отменить свадьбу, и ему пришлось уйти с поста военного министра. 27 января Гитлер видел его в последний раз, на следующий день фельдмаршал и его жена уехали в Италию в годичный отпуск⁶⁹.

Однако на этом история совсем не закончилась. Размышляя о том, что и другие высокопоставленные офицеры могли быть запятнаны моральными скандалами, Гитлер внезапно вспомнил о представленном ему летом 1936 года досье на генерал-полковника Фрича, в котором содержались заявления о его гомосексуальной связи с одним берлинским проституткой-мужчиной Отто Шмидтом. В то время Гитлер отмахнулся от этих утверждений и приказал уничтожить досье. Однако дотошный Гейдрих просто запер его в сейф и представил Гитлеру 25 января 1938 года. Шокированный военный адъютант Гитлера, полковник Хоссбах, сообщил об этом фон Фричу, который заявил, что все те утверждения были абсолютно ложными. Возможно, рассказал Фрич на в спешке организованной на следующий день встрече с Гитлером, Герингом и Отто Шмидтом, вытащенным по такому случаю из тюрьмы гестапо, речь шла о периоде 1933—1934 годов, когда он регулярно обедал наедине с членом Гитлерюгенда, которого бесплатно подкармливал. Если так, то он мог заверить всех в том, что эти отношения бы-

ли совершенно невинными. Ранее не знавший об этой связи Гитлер встревожился еще больше. И не слишком бурное негодование Фрича, с которым он отмел историю Шмидта, также не очень ему помогло. На допросе 27 января в гестапо Шмидт выложил дополнительные детали его предполагаемой связи с Фричем. Командующий сухопутными войсками без труда их опроверг. Но ущерб был уже нанесен. Гитлер больше не доверял ему. Министр юстиции Гюртнер, которого спрашивали по этому поводу, предположил, что Фричу не удалось очистить свое имя. Погруженный в еще более глубокую меланхолию, Гитлер отменил свою ежегодную речь на годовщине своего назначения рейхсканцлером 30 января. 3 февраля 1938 года он попросил Фрича уйти в отставку⁷⁰.

По настоянию Гюртнера 18 марта 1938 года Фрича судил военный трибунал. С него однозначно сняли все обвинения, которые базировались, как заключил суд, на ошибочном опознании: тот Фрич оказался другим человеком. Не имея больше доступа в высшие военные инстанции, он отправился добровольцем на польский фронт и был убит в бою 22 сентября 1939 года. Бломберг пережил войну в отставке и умер в тюрьме союзников в марте 1946 года⁷¹. Тем временем Гитлеру необходимо было найти выход из этого кризиса. И после напряженных консультаций с Геббельсом он наконец сделал свой ход. Смещение двух высших людей в армии можно было с выгодой представить как часть гораздо более масштабных перестановок. Гитлер отправил в отставку не меньше четырнадцати генералов, включая шестерых в военно-воздушных силах. Среди них было много людей, прохладно относившихся к национал-социализму. Еще сорок шесть высокопоставленных офицеров были переведены на другие посты. На посту главнокомандующего сухопутными войсками Фрича заменил Вальтер фон Браухич, артиллерийский офицер, которое произвели в генерал-полковники. Браухич не был нацистом, но горячо почитал Гитлера и был намного более предан ему, чем его предшественник. Гитлер отмахнулся от требований Геринга назначить военным министром его. Его текущее военное звание (капитан в отставке) было слишком низким, чтобы его восприняли всерьез другие генералы, а кроме того, эта должность могла сделать его слишком могущественным. Гитлер отделался от него, присудив звание фельдмаршала⁷².

Кресло военного министра оставалось незанятым. С этого момента Гитлер стал выполнять его функции самостоятельно в качестве верховного главнокомандующего, создав три подчиненных министерства для каждого из трех родов вооруженных сил, координацией которых занималось новое Верховное командование вермахта (*Oberkommando der Wehrmacht* или ОКВ) под началом генерала Вильгельма Кейтеля, высокопоставленного военного администратора в старой структуре. В то же время Гитлер воспользовался возможностью заменить Нейрата на посту министра иностранных дел на своего человека, Иоахима фон Риббентропа, которому можно было доверять гораздо больше. Консервативный Ульрих фон Хассель был отозван из посольства в Риме и заменен на более уступчивого посла. Гитлер также объявил о назначении лояльного Вальтера Функа на место Шахта в Министерстве экономики, откуда Шахт ушел 26 ноября 1937 года. Официальное объяснение этих перемен заключалось в том, что Бломберг и Фрич ушли в отставку по причине плохого здоровья, однако Гитлер рассказал реальную подоплеку как правительству, которое собралось в последний раз 5 февраля 1938 года, так и высокопоставленным генералам — раньше в тот же день. Армейские офицеры, убежденные подробными деталями, приведенными Гитлером, были в ужасе. Нравственная незапятнанность армейского руководства была поставлена под сомнение. Теперь оно было целиком в руках Гитлера. 20 февраля он несколько часов выступал с обращением в Рейхстаге. Он объявил, что вооруженные силы теперь «были преданы национал-социалистическому государству в слепой вере и послушании»⁷³.

После этих изменений Гитлер получил неограниченный контроль над внешней, военной и экономической политикой Германии. В окружении прислужников, которые постоянно твердили о своем восхищении им, не осталось никого, кто мог бы его сдерживать. К тому времени он также оттолкнул от себя нескольких близких друзей, которые имели хоть сколько-нибудь независимое мнение. Один из них, Эрнст «Путци» Ганфштангль, поддерживавший Гитлера в начале его пути, получил в 1932 году ничего не значащий титул советника по иностранной прессе в нацистской партии. Однако он не мог пошатнуть доминирование Геббельса в области пропаганды, и сам Гитлер больше никак

его по-настоящему не использовал. Ушли те унижительные времена, когда Гитлер вышагивал по гостиной Ганфштангля, размахивая руками в такт, пока тот играл Вагнера на пианино. Тщеславный, самодовольный, никогда не принадлежавший рабочему когорте обожателей Гитлера, Ганфштангль вызывал все большее раздражение среди нацистского руководства красочными рассказами о своей храбрости, которую он демонстрировал, оставшись в Нью-Йорке во время Первой мировой войны после вступления в войну Америки в 1917 году, когда многие из нацистов воевали на фронте. А когда к этому он добавил пренебрежительное отношение к смелости немецких войск, сражавшихся на стороне Франко в годы испанской гражданской войны, Гитлер и Геббельс решили преподать ему урок. В феврале 1937 года Гитлер приказал Ганфштанглю отправиться в Испанию, чтобы установить связь с немецкими военными корреспондентами за линией фронта. Во время полета пилот, следуя инструкциям Гитлера, сообщил Ганфштанглю, что на самом деле он был направлен для исполнения секретной миссии в тылу врага. Не отличавшийся особой смелостью Ганфштангль запаниковал. В конечном счете пилот посадил самолет на аэродроме рядом с Лейпцигом, заявив о какой-то неисправности двигателя. Все фрагменты этого были запечатлены на пленку операторами Геббельса. Геббельс отмечал в своем дневнике, что, посмотрев получившийся фильм, можно было умереть со смеху. Ганфштангль не понял шутки. Убежденный в том, что на него была предпринята попытка покушения, он бежал в Швейцарию и больше не вернулся⁷⁴.

III

В начале 1938 года Гитлер снова обратил свое внимание на Австрию. 11 июля 1936 года он заключил официальное соглашение с австрийским правительством, в котором Австрия признала, что являлась немецким государством, а австрийский диктатор Курт фон Шушниг выполнил требование Гитлера предоставить «национальной оппозиции», то есть австрийской нацистской партии, долю в правительстве. Однако если Шушниг считал это соглашение улаживанием проблем, возникших в австро-

германских отношениях после попытки переворота двухлетней давности, то Гитлер рассматривал его исключительно как начало сложного политического процесса, который в конечном счете должен был привести к разрушению австрийского суверенитета и созданию полноценного союза с Германией⁷⁵. Тем не менее достаточно долгое время Гитлер не считал, что пришел подходящий момент для действия. В течение 1936 года он призывал австрийских нацистов к осторожности, не желая вызывать международную тревогу, пока остальная Европа переваривала ремилизацию долины Рейна и ее последствия. Он продолжал в том же духе и большую часть 1937 года. Руководство австрийских нацистов следовало приказам, приглушая свою враждебность к католической церкви, которая вызывала такой гнев у северных соседей. Австрия была всецело католическим государством, и было крайне важно сохранить по крайней мере нейтралитет духовенства, а лучше заручиться его поддержкой в отношении идеи об объединении с Германией. Рядовых членов движения раздражали ограничения, которые такая политика накладывала на их действия, и подпольная активность партии была серьезно разрознена. Другим источником напряженности стало назначение Шушнигом пронацистского адвоката Артура Зейсс-Инкварта в состав правительства. Негодование австрийской нацистской партии по поводу этого включения одного из своих лидеров в политический аппарат правительства было настолько велико, что в октябре 1937 года она официально исключила из своих рядов одного из членов команды Зейсс-Инкварта — Одило Глобочника. Австрийское отделение СС под руководством Эрнста Кальтенбруннера особенно упорствовало в распространении незаконных действий наперекор желаниям партийного руководства. В свете такой разрозненности можно было забыть о любых надеждах на ликвидацию австрийской независимости изнутри⁷⁶.

Однако пока Гитлер призывал соблюдать осторожность, Герман Геринг занимал более решительную позицию. В роли главы Четырехлетнего плана его все больше беспокоила быстро растущая нехватка сырья и квалифицированных рабочих для проведения перевооружения и подготовки к войне. В Австрии в избытке было и то и другое. Геринг особенно стремился захватить богатые железорудные залежи в Штирии. Он четко продемонстрировал

свои намерения, показав специально подготовленную карту Европы, где Австрия уже была включена в состав Германии, Муссолини в сентябре 1937 года и высокопоставленным чиновникам австрийского МИДа два месяца спустя. Молчание Муссолини он принял за согласие. Поглощение Австрии прекрасно вписывалось в геополитические представления Геринга об обширной экономической сфере в Центральной Европе под руководством Германии — о Миттельевропе (Mitteleuropa), концепция которой была достаточно популярна уже с начала 1900-х годов. Он также настаивал на объединении валют двух стран. Эту идею австрийское правительство встретило без особого воодушевления, поскольку полагало, что это неминуемо приведет к политическому слиянию, учитывая намного большую экономическую силу Германии. Такая агрессивная политика была чересчур жестка, говорил Гитлер Муссолини во время визита итальянского лидера в Германию в сентябре 1937 года. Тем не менее он ничего не предпринял, чтобы остановить инициативы Геринга. Потому что на деле он уже склонялся к позиции Геринга и начинал считать, что поглощение Австрии раньше или позже обязательно произойдет⁷⁷.

Усилившееся ощущение неотложности, которое захватило Гитлера в начале 1938 года, имело несколько причин. Немецкое перевооружение продолжалось бурными темпами, однако другие страны также начинали перевооружаться, и вскоре преимущество, созданное Германией, могло быть потеряно. Кроме того, на тот момент опыт показывал, что Великобритания и Франция не хотели идти на жесткие меры против Германии в случае ее экспансии. Это нежелание было подчеркнуто заменой 21 февраля 1938 года Энтони Идена на более склонного к уступкам лорда Галифакса на посту британского министра иностранных дел. Но сколько могло продолжаться такое стремление к умиротворению? Более того, около 1937—1938 годов Гитлер сам почувствовал, что его время истекает. Он приближался к своему пятидесятому дню рождения и стал беспокоиться о своем здоровье. В мае 1938 года он даже подозревал, что болен раком. Но среди текущих и более насущных задач было отвлечь внимание от кризиса в армейском руководстве, и для этого как никогда бы сгодились какое-либо яркое действие во внешней политике. И здесь не в первый и не в последний раз события сыграли на руку Гитлеру. Растущее сближение между Гер-

манией и Италией привело помимо прочего к снятию всех прежних возражений Муссолини относительно захвата Австрии Германией, о чем Гитлер, бывший прирожденным австрийцем, думал с самого начала своей политической карьеры. Более того, Шушнигт, воодушевленный тем, что специальным послом в Вене был назначен Франц фон Папен, страстно желал встретиться с Гитлером, чтобы попытаться добиться прекращения насилия австрийских нацистов, которые, как он боялся, планировали переворот наподобие провалившегося путча, который привел к смерти его предшественника в 1934 году. Эта встреча имела самые важные последствия⁷⁸.

Правительство Шушнигта постоянно слабело начиная с 1936 года. Ему не удалось добиться практически никаких успехов в улучшении экономики, которая была глубоко подавлена продолжавшейся Депрессией. Годы мучительной бедности и массовой безработицы лишили большинство населения всяких иллюзий в отношении правительства и убедили больше, чем когда-либо, что маленькая Австрийская республика никогда не будет экономически жизнеспособной сама по себе. В течение 1920-х годов все ведущие политические партии стремились к воссоединению Австрии, которая была частью Германии во всех своих инкарнациях вплоть до 1866 года, с рейхом. Хотя захват власти нацистами привел к тому, что придерживавшиеся марксистских взглядов австрийские социалисты исключили это требование из своей программы в 1933 году, не было сомнений, что многие из них продолжали считать это наилучшим решением проблем своей страны. В конце концов, думали они, присоединившись к Третьему рейху, они бы просто поменяли неудачную диктатуру на удачную. Более того, многие социалисты, озлобленные жестоким подавлением своего движения со стороны правительства и армии в феврале 1934 года, ни при каких обстоятельствах не стали бы поддерживать ненавидимого Шушнигга, которого считали в первую очередь виноватым за убийство сотен своих товарищей во время конфликта. В более общем смысле австрийский антисемитизм, как отмечалось в правительственном отчете от 1936 года, «постоянно усиливался», по мере того как люди искали виноватых в своих проблемах. Он вдохновлялся не только австрийскими нацистами, но и малочисленным, но набиравшим популярность

движением монархистов под руководством эрцгерцога Отто фон Габсбурга, наследника трона Габсбургов. Попытка Шушнигга организовать для себя поддержку, основав собственное движение фашистского толка «Отечественный фронт», полностью провалилась. Фашистские движения в Европе черпали свою силу из недовольства народа, а контролируемая правительством имитация никого не убедила. В 1936 году Шушнигг запретил непокорные Бригады национальной обороны. Это лишило его единственной остававшейся полувоенной силы, которая могла бы ему помочь в сопротивлении немецкому вторжению. Полувоенная организация австрийских социалистов уже была распущена при его предшественнике Дольфусе. Тысячи недовольных солдат военизированных отрядов склонялись в своих предпочтениях к подпольной австрийской нацистской партии, которая также была запрещена при Шушнигге⁷⁹.

Организованная Папеном встреча между Гитлером и Шушниггом состоялась в Берхтесгадене 12 февраля 1938 года. Чтобы устроить австрийского диктатора, Гитлер собрал в горном дворце высокопоставленных немецких военных, включая командира легиона «Кондор» Гуго Шперле. Гитлер уже имел детальные сведения от Зейсса-Инкварта о позиции Шушнигга. Не дав тому возможности высказать свои доводы, Гитлер разразился гневной тирадой. «Вся история Австрии, — вещал он, — представляет собой один безостановочный акт государственной измены. Это было в прошлом и продолжается и поныне. Этот исторический парадокс сегодня должен прийти к давно назревшему финалу». В течение двух часов он разглагольствовал о своей непобедимости («Я реализовал все поставленные собой задачи и таким образом стал, пожалуй, самым великим немцем за всю историю») и дал понять, что если австрийцы не примут его требования, за этим последует военное вмешательство без помех со стороны иностранных государств («Немецкий рейх — это великая держава, и никто не сможет и не станет пытаться мешать нам наводить порядок внутри наших границ»)⁸⁰. Когда Шушнигг заколебался и попросил время посоветоваться, Гитлер вызвал генерала Кейтеля, который десять минут сидел в комнате, излучая скрытую угрозу, прежде чем был отправлен назад. На следующее утро, чтобы подчеркнуть серьезность своих намерений,

Кейтеля вызвали в Берлин для подготовки военных маневров у австрийской границы с целью запугивания⁸¹.

15 февраля основательно испугавшийся Шушнигг принял требования Гитлера и официально согласился вести совместную внешнюю политику с Германией, легализовать австрийскую нацистскую партию в рамках Отечественного фронта, освободить заключенных нацистов и отменить все меры, предпринятые против них, а также начать программы военного и экономического сотрудничества. По требованию Гитлера Зейсс-Инкварт был назначен австрийским министром внутренних дел. Многие австрийские нацисты ненавидели Зейсс-Инкварта, готовность которого идти на компромиссы с правительством они считали изменой, и в ответ на это разбили все окна в немецком посольстве в Вене. 21 февраля 1938 года Гитлер вызвал пятерых главных руководителей австрийских нацистов в Берлин и отправил их в отставку, запретив возвращаться. С этого момента, сказал он, партия должна была перейти на легальное положение. Он сообщил, что путь вперед заключался в эволюционном развитии посредством захвата австрийского правительства, а не в революции снизу. Но даже это не смогло погасить радикализм некоторых членов австрийской нацистской партии, которые организовали публичные демонстрации, намного превосходившие по масштабу мероприятия Отечественного фронта. Сообщалось, что все больше людей использовали гитлеровский салют и свастику на публике, несмотря на попытки Зейсс-Инкварта запретить их в стремлении реализовать политику захвата власти изнутри. Полиция теперь отказывалась следить за соблюдением этих норм, а армия также перешла на сторону национал-социалистов. Похожие противоречия возникали из-за официального давления сверху вкупе с разговорами о сдержанности и быстро нараставшего давления снизу. Принятие Шушниггом условий соглашения с Гитлером превратило Австрию в сателлит Германии. Теперь среди нараставшего ожидания того, что это приведет к быстрому объединению двух стран, его поддержка и без того хрупкая легитимность австрийского государства исчезали у него на глазах⁸².

Утром 9 марта 1938 года в ответ на эту все более усугубляющуюся ситуацию Шушнигг вдруг объявил, что 13 марта будет проведен референдум, на котором австрийским избирателям будет задан

вопрос, поддерживают ли они «свободную, немецкую, независимую и социальную, христианскую и единую Австрию» и отдают ли свой голос «за свободу, работу и равенство всех, кто выступает за народ и родину». Чтобы гарантировать ответ «да» на этот запутанный вопрос, принять участие в голосовании могли только люди старше двадцати четырех лет, что позволило исключить большую часть нацистов, основную часть которых составляла молодежь. Более того, в условиях репрессивной клерикально-фашистской диктатуры Шушнигга не было никаких гарантий того, что голосование будет свободным или тайным, и сам канцлер не предоставлял подобных заверений. А отсутствие нормального списка избирателей открывало возможности для массовых подлогов. Гитлер пришел в ярость от этого, по его мнению, предательства берхтесгаденского соглашения. Вызвав Геринга и Геббельса, он устроил лихорадочное обсуждение того, что можно было предпринять, чтобы остановить голосование. Пока армия в спешке составляла планы вторжения, основанные только на анализе, подготовленном ранее на случай возможного восстановления монархии Габсбургов, Гитлер в десять утра 11 марта 1938 года направил Шушниггу ультиматум: референдум следовало отложить на две недели, а формулировку изменить на вопрос, схожий с использовавшимся на референдуме в Сааре. Другими словами, в вопросе должен был содержаться неявный призыв одобрить объединение, а не отклонить. Шушнигг должен был подать в отставку, а на его место должен был быть назначен Зейсс-Инкварт. Шушнигг согласился отложить голосование, но отказался уйти с поста. Перехватив инициативу, Геринг позвонил по телефону нервничавшему и сопротивлявшемуся Зейссу-Инкварту и приказал ему сообщить австрийскому главе государства Вильгельму Микласу, что если тот не назначит Зейсса-Инкварта канцлером, «то вторжение войск, уже стянутых к границе, произойдет этой же ночью и станет концом Австрии». Он также добавил: «Вы должны дать национал-социалистам свободу действий во всей стране. Теперь им можно выходить на улицы везде»⁸³.

К вечеру 11 марта демонстрации австрийских нацистов уже шли по всей стране, а отряды СС заняли штаб-квартиру провинциального правительства Тироля. Нацистский гаулейтер Верхней Австрии объявил исступленной толпе из 20 000 человек, собрав-

шихся на главной площади в Линце, что Шушницг подал в отставку, что тот и сделал в 15.30 под влиянием второго ультиматума Геринга. Референдум был отменен. Случайно в Вене Уильям Л. Ширер был «захвачен оружей, истеричной нацистской толпой». По его словам, полиция «смотрела на это с ухмылкой». Некоторые уже надели наручные повязки со свастикой. «Молодые хулиганы швыряли булыжники из мостовых в окна еврейских магазинов. Толпы восторженно ревели». По мере распространения демонстраций Геринг приказал Зейссу-Инкварту направить официальный запрос с просьбой ввести немецкие войска для восстановления порядка. Еще не назначенный канцлером, он колебался, поэтому запрос направил Вильгельм Кеппелер, глава австрийского бюро нацистской партии, который теперь находился в Вене. Он ушел в десять минут девятого вечера 11 марта 1938 года. Тем временем Гитлер направил принца Филиппа Гессенского к Муссолини, чтобы заручиться его нейтралитетом. В 21.45 принц позвонил Гитлеру лично и сообщил, что все было в порядке. «Пожалуйста, сообщите Муссолини, что я никогда ему этого не забуду, — сказал Гитлер. — Никогда, никогда, никогда, что бы ни случилось». Англичане заняли нейтральную позицию. В полночь австрийский президент наконец уступил и назначил Зейсс-Инкварту канцлером. В любом случае было слишком поздно. Подгоняемый Герингом, который заявил, что он покажется слабым, если не будет действовать, независимо от того, примут ли австрийцы ультиматум, Гитлер дал Кейтелю приказ о вторжении в четверть девятого. Раньше этим вечером Шушницг выступил с эмоциональным обращением к австрийскому народу, обрисовав условия ультиматума и опровергнув наличие каких-либо беспорядков. «Даже в этой ужасной ситуации мы не готовы проливать кровь», — сказал он. В 5.30 утра 12 марта 1938 года немецкие войска, переброшенные в Баварию в предыдущие два дня, перешли австрийскую границу. Они не встретили никакого сопротивления⁸⁴.

IV

Когда утром немецкие части медленно проходили по главным городам Австрии, их встречали исступленные толпы, кричащие «Хайль!» и бросавшие цветы к их ногам. Повсюду прежде

тайные члены запрещенной австрийской нацистской партии открыто выражали свою принадлежность, для виду выставя напоказ пуговицы со свастикой, скрытые раньше за отворотами⁸⁵. Получив заверения военных в том, что он будет в безопасности, Гитлер прилетел в Мюнхен, откуда переехал через границу на машине с открытым верхом в сопровождении моторизованной колонны своих эсэсовских телохранителей. Прибыв в 15.30 в свой родной город, Браунау-на-Инне, он был встречен радостными толпами, которые приветствовали его на протяжении всей дороги. Позже вечером после четырехчасовой поездки, постоянных остановок из-за разгоряченных людей на улицах, он прибыл в Линц, где присоединился к группе высокопоставленных нацистов, включая Гимmlера и Зейсс-Инкварта. Когда прозвенели церковные колокола, Гитлер обратился к огромной толпе с балкона городской ратуши, постоянно прерываемый криками «Хайль!» и пением «Один народ, один рейх, один фюрер». «Все дальнейшие попытки разлучить этот народ, — предупредил он, — обречены на провал»⁸⁶. Возложив цветы на могилу своих родителей в Леондинге и посетив свой старый дом, Гитлер вернулся в отель, чтобы обдумать, как лучше всего организовать официальное объединение Австрии и Германии. Вначале он думал только о том, чтобы стать президентом Австрии и провести референдум об объединении, который бы оставил большую часть существовавших институтов Австрии без изменений. Однако полученный им восторженный прием убедил его, что настал момент, когда можно было провести полное включение Австрии в рейх без какого-либо серьезного противодействия. «Эти люди здесь — немцы», — говорил он британскому журналисту⁸⁷.

Вечером 13 марта 1938 года был утвержден закон об аншлюсе Австрии, предложенный высокопоставленным чиновником Министерства внутренних дел, прилетевшим из Берлина, утвержденный восстановленным австрийским правительством и подписанный Гитлером. Союз двух стран привел к образованию Великой Германии (Grossdeutschland). Вначале сама Австрия стала провинцией под руководством Зейсс-Инкварта, но теперь Гитлер был настроен уничтожить австрийскую идентичность и полностью уничтожить влияние Вены, столицы, которую, по сравнению с другими регионами, он никогда не любил. В апреле

1939 года рейнский гаулейтер Йозеф Бюркель, прилетевший, чтобы стать имперским уполномоченным по воссоединению Австрии с рейхом, упразднил региональные собрания и объединил их с партийной администрацией, таким образом сохранив идентичность самих регионов. Австрия стала Восточной маркой (Ostmark). Ее суверенитет был полностью ликвидирован в 1942 году, когда она была разделена на имперские регионы Альп и Дуная⁸⁸. Это было не то, на что рассчитывали многие австрийцы, и в особенности венцы. Даже лидеры австрийской нацистской партии были горько разочарованы, потеряв свои места, на которые были назначены администраторы из Германии. Однако, по крайней мере в начале, их энтузиазм был подавляющим. 14 марта 1938 года автомобильная кавалькада Гитлера выехала из Линца в Вену, ее снова останавливали приветствующие толпы. По прибытии ему пришлось обратиться к ним с балкона своего отеля, чтобы успокоить. Задержка его прибытия дала венским нацистам время подготовиться: по случаю были закрыты школы и отменена работа, нацистов и ребят из Гитлерюгенда свозили на автобусах из деревень. 15 марта Гитлер обратился к огромной опьяненной толпе численностью около 250 тысяч человек в Вене, объявив, что новая историческая миссия Австрии теперь заключалась в том, чтобы стать бастионом против угрозы с Востока⁸⁹.

Принятие австрийцами аншлюса было обеспечено не только долгим разочарованием граждан в своем маленьком нежизнеспособном государстве, но и тщательной подготовкой со стороны нацистов. Социалисты давно высказывались в пользу воссоединения, и некоторые сомнения у них были только из-за той формы, которую приняло немецкое правительство в 1933 году, а не из-за каких-либо общих национальных принципов.

Партия в любом случае была уничтожена Дольфусом в ходе короткого гражданского конфликта в феврале 1934 года. Ее лидеры в большинстве своем находились в изгнании, в тюрьме или в подпольной оппозиции либо ушли с политической сцены. Нацисты провели серьезную работу с умеренным крылом партии, убедив ее лидера Карла Реннера открыто заявить 3 апреля, что он скажет «да» на предстоящем референдуме. А на встрече, организованной неутомимым Францем фон Папеном, кардинал Инницер, глава австрийских католиков, принял личные заверения

Гитлера в том, что Церковь и ее институты, включая школы, останутся в неприкосновенности. И без того склонный видеть в нацизме наилучшую защиту от большевистской угрозы, Инницер призвал других видных священнослужителей, чтобы издать совместное заявление в пользу воссоединения 18 марта, поставив личную подпись «Хайль Гитлер!» внизу страницы⁹⁰. Организованный Йозефом Бюркелем, успешно осуществившим голосование в Сааре, референдум был совмещен с выборами, на которых избирателям был предложен список кандидатов в Рейхстаг Великой Германии, составленный самим фюрером. Он прошел 10 апреля в обстановке массовых подтасовок и запугиваний. Предсказуемое число в 99,75% австрийцев высказалось за аннексию, хотя, вероятно, даже если судить по некоторым отчетам гестапо, только от четверти до трети венских избирателей на самом деле поддерживали идею объединения⁹¹.

Скоро австрийцы узнали, что на практике означало включение в состав Третьего рейха. Почтовая служба, железные дороги, банковская система, валюта и все другие экономические институты были заменены немецкими эквивалентами, системы налогообложения были объединены с января 1940 года. В течение двух дней после захвата австрийская экономика была включена в Четырехлетний план. Немецкие фирмы стали захватывать австрийские компании, которые экономические управляющие плана считали неэффективными и отсталыми. Разумеется, некоторые австрийские компании уже принадлежали немцам, однако захват подхлестнул новую войну приобретений. В Линце был учрежден новый гигантский концерн «Герман Геринг Верке», который занялся разработкой крупных австрийских месторождений железной руды. В результате объединения производство бензина и стали значительно возросло. Значительные запасы золота и иностранной валюты Австрии, также перешедшие рейху, позволили временно резко увеличить резервы Германии. Перенос немецкой границы на юго-восток упростил торговлю с Балканами. Австрия также поставляла рабочую силу для Четырехлетнего плана. Слияние с уже перегретой немецкой экономикой принесло много преимуществ австрийцам, безработица быстро сокращалась, а наплыв немецких солдат и управленцев в Австрию повысил местный спрос на товары и услуги. Однако

экономические проблемы Австрии не исчезли за одну ночь, а более высокие зарплаты в Германии оказались недостаточным стимулом, чтобы привлечь квалифицированных промышленных рабочих из австрийских провинций. Поэтому, чтобы устранить нехватку рабочих рук в Германии и помочь сократить безработицу в Австрии, Геринг решил набирать рабочих силой. Декрет по этому поводу был издан 22 июня 1938 года, и в следующем году 100 000 австрийских рабочих, включая 10 000 квалифицированных машиностроителей, были принудительно направлены на работу в области, которые теперь назывались Старым рейхом. Их отъезд из страны, предоставление новых рабочих мест в самой Австрии и регистрация всех австрийских рабочих в Немецком трудовом фронте и организации «Сила через радость» оказали серьезный успокаивающий эффект на рабочую оппозицию⁹².

Однако нацисты не собирались рисковать. В числе первых прибывших в Вену были Гиммлер и Гейдрих, которые привезли с собой группу офицеров гестапо для искоренения оппозиции. Несмотря на то что многие руководители прошлого режима бежали из страны, экс-канцлер Шушниг отказался уехать, был арестован и оставался в заключении до краха Третьего рейха. Секретарь Папена Вильгельм фон Кеттелер был захвачен гестапо, вскоре после этого его безжизненное тело нашли в канале. Бывший лидер Бригад национальной обороны майор Фей, сыгравший ключевую роль в подавлении нацистского восстания в 1934 году, покончил жизнь самоубийством вместе со всей своей семьей, 2555 офицеров были уволены из австрийской армии, а еще большее число были переведены на административные должности. Эти меры затронули больше 40% офицерского корпуса. Остальные войска были разбросаны по немецкой армии, что окончательно уничтожило суверенитет австрийцев. Министр безопасности, руководивший полицией, был заменен на главу австрийских подразделений СС Эрнста Кальтенбруннера, а новым шефом полиции Вены стал Отто Штейнхойзль, сыгравший важную роль в неудавшемся путче 1934 года. Шесть тысяч обычных немецких полицейских были призваны в качестве подкрепления вместе со значительным числом агентов гестапо. Однако в целом австрийская полиция не нуждалась в кардинальной чистке. Многие из них были тайными нацистами. Они

с готовностью передали подробные и длинные списки оппозиционеров, составленные при Дольфусе и Шушнигге. Гестапо быстро взялось за дело, арестовав всех, кто представлял собой угрозу для нацистской власти, — в общем 21 000 человек в ночь с 12 на 13 марта. Для их размещения в концентрационном лагере Дахау были организованы дополнительные помещения. Многие из этих заключенных были освобождены позже в этом году и только 1500 остались до конца 1938 года. В Австрии не было серьезного сопротивления почти до конца войны. Тем временем Гиммлер создал совершенно новый лагерь в Маутхаузене рядом с Линцем, где заключенные со всего рейха добывали камень для строительных проектов Шпеера. Условия в нем были самыми невыносимыми из всех лагерей на территории Великой Германии до вторжения в Советский Союз в 1941 году. Городской совет Вены выделил эту землю при условии, что часть добываемого камня будет использоваться для мощения городских улиц⁹³.

Самое жесткое давление обрушилось на австрийских евреев, подавляющее большинство которых, около 170 000 из 200 000 человек, проживали в Вене. В течение многих лет испытывавшие жестокое разочарование от своего нелегального положения австрийские нацисты накопили столько не нашедшей выхода агрессии, которая превосходила все, что видели до этого в Старом рейхе. Бескомпромиссные нацисты радовались тому, что один из них назвал «освобождением Вены и Восточной Марки от чужеродного еврейского правления» и объявил «всеобщее очищение евреизированной Австрии»⁹⁴. Все различные стадии антисемитской политики и мер, которые в течение долгого времени применялись в Германии, теперь происходили в Австрии одновременно в одном взрыве яростной ненависти и насилия. Новые нацистские руководители страны быстро ввели в действие все антисемитские нормы Старого рейха, включая Арийскую статью и (в мае 1938 года) нюрнбергские законы. Евреев разом изгнали с госслужбы и из профессиональной деятельности. Для проведения ариизации еврейских компаний было создано разветвленное Управление по передаче собственности со штатом в 500 человек. Огромные средства евреев попали в руки старых австрийских нацистов, которые потребовали их в качест-

ве компенсации за годы репрессий, от которых они страдали при Шушнигге (и за которые евреи не могли нести никакой вины)⁹⁵. К маю 1938 года 7000 из 33 000 еврейских компаний в Вене были закрыты, к августу 1938 года закрылось еще 23 000. Оставшиеся были ариизированы. Официальные процедуры часто предварялись неофициальным насилием. Вскоре после захвата банда штурмовиков затолкала Франца Ротенберга, председателя правления «Кредитанштальта», самого влиятельного австрийского банка, в машину и выкинула его на предельной скорости, нанеся ему тяжелые травмы. Исидор Поллак, генеральный директор фабрики по производству динамита, в апреле был так сильно избит коричневорубашечниками, что скончался от травм, его фирму захватила «И.Г. Фарбен», а «Кредитанштальт» попал в руки «Дойчебанка»⁹⁶.

Тем временем австрийские нацисты врываются в еврейские дома, квартиры и апартаменты, грабя их содержимое, выгоняя жильцов на улицу, где их собирали в кучу под гром проклятий и ударов и уводили смывать антинацистские рисунки с городских зданий. Вскоре придумали новую разновидность этого спорта: евреев заставляли становиться на колени на улице и стирать австрийские кресты и другие знаки, нарисованные краской или мелом, под насмешливые комментарии и аплодисменты зевак. Часто их обливали холодной водой, толкали и пинали, пока они делали свою унижительную работу. «День за днем, — писал Георг Гедье, венский корреспондент лондонской «Дейли Телеграф», — нацистские штурмовики, окруженные наседавшими, глумившимися и насмежавшимися толпами «золотых венских сердец», вытаскивали евреев из магазинов, офисов и домов, мужчин и женщин, давали им жесткие щетки и заставляли на коленях ползать по улицам и часами выполнять безнадежную задачу по уничтожению следов пропаганды Шушнигга. Все это я видел из окна своего кабинета, выходящего на Грабен. (Где таких следов не было, я видел, как нацисты рисовали их, чтобы евреям было что стирать.)... Каждое утро на Габсбургерштрассе частям СС сообщали, сколько евреев нужно было согнать в этот день для рабской работы... Любимым заданием была чистка емкостей с фекалиями в казармах СС, которую евреев заставляли делать голыми руками»⁹⁷.

Других евреев, выходивших по своим делам на улицы, безнаказанно оскорбляли, отбирали кошельки и меховые шубы, после чего избивали⁹⁸.

К 17 марта 1938 года даже Гейдрих предложил приказать гестапо арестовать нацистов, ответственных за такие действия. И только 29 апреля руководителям штурмовиков пригрозили отставкой в случае, если они не прекратят этот произвол, после чего волна насилия стала спадать. Тем временем нацисты начали официальную конфискацию еврейских квартир в Вене. 44 000 из 70 000 были ариизированы к концу 1938 года. Они также начали принудительное изгнание еврейского населения в гораздо более прямой форме, чем это происходило в Старом рейхе. В маленьком восточном регионе Бургенланде, граничащим с Венгрией, новые нацистские правители конфисковали собственность 3800 членов давно сложившегося здесь еврейского сообщества, закрыли все еврейские компании, арестовали лидеров сообщества, а затем объявили о создании специальной зоны безопасности на границе в качестве предлога для изгнания всего еврейского населения. Многих евреев приволакивали в полицейские участки и избивали до тех пор, пока они не подписывали документы о передаче своего имущества. Полиция привозила их к границе и заставляла переходить ее. Однако поскольку соседние страны часто отказывались принимать их, многие евреи оказывались выброшенными на произвол судьбы на ничейной полосе. Так, например, пятьдесят одного человека бесцеремонно сгрузили на пустынном песчаном островке Дуная, что вызвало категорическое осуждение в мировой прессе. Большинство бежало к друзьям и родственникам в Вене. К концу 1938 года в Бургенланде евреев не осталось. Гестапо, несшее частичную ответственность за это массовое бегство, с 25 по 27 мая арестовало в Вене 1900 евреев, у которых были какие-либо хоть самые незначительные судимости, и отправило их в Дахау, где их поместили в отдельные бараки и обращались с ними особенно жестоко. Полиция также арестовала и выдворила из страны всех иностранных евреев и даже немецких евреев, проживавших в Вене. Всего к ноябрю 1938 года из Австрии было депортировано 5000 евреев. К этому времени евреев, живших за пределами столицы, силой перевозили в Вену. Все эти события породили па-

нику среди австрийских евреев. Несколько сот человек в отчаянии покончили с собой. Тысячи других стремились покинуть страну любыми возможными путями. Чтобы ускорить этот процесс, 20 августа 1938 года нацистские власти учредили Центральное ведомство по еврейской эмиграции⁹⁹.

Управлял им Адольф Эйхман, человек, который в будущем получит страшную славу за свое участие в уничтожении европейских евреев в годы войны. Поэтому его карьера заслуживает более детального рассмотрения на тот момент, в 1938 году, когда он впервые получил серьезную должность, не в последнюю очередь потому, что процедуры, которые он организовал в Центральном ведомстве, получили гораздо более широкое применение позднее. Эйхман родился в долине Рейна в 1906 году и жил в Австрии с того времени, как его семья переехала в Линц за год до начала Первой мировой войны. Он принадлежал среднему классу по происхождению и воспитанию, у него не было университетского образования, но в 1920-х годах он работал торговым представителем нефтяной компании. Будучи представителем немногочисленного протестантского меньшинства Австрии, он горячо поддерживал пангерманский национализм, вступил в независимое молодежное движение и водил дружбу с правыми националистами, в основном с Кальтенбруннерами, семьей из среднего класса, придерживавшейся пангерманских взглядов. Он вступил в австрийскую нацистскую партию в 1932 году и попал под влияние Эрнста Кальтенбруннера, 29-летнего выпускника юридического факультета и бывшего активиста студенческого братства. Кальтенбруннер был активным антисемитом, он вступил в австрийское отделение СС в 1930 году, а в 1932 году убедил Эйхмана присоединиться к нему. Потеряв работу в годы Депрессии, Эйхман переехал в Германию в августе 1933 года и прошел интенсивную физическую и идеологическую подготовку в СС. Вскоре он перешел в Службу безопасности СС Гейдриха, где занялся сбором информации о масонах в Германии. Его усердие и эффективность обеспечили ему быстрое продвижение по карьерной лестнице. К 1936 году он работал в еврейском департаменте Службы безопасности, составлял справочные документы по поводу сионизма, эмиграции и схожих тем и впитывал пред-

ставления о радикальном, «рациональном» антисемитизме, царившие в департаменте¹⁰⁰.

Эйхман прибыл в Вену 16 марта 1938 года в составе особой части, уже имевшей за своими плечами целый список арестов известных евреев. Служба безопасности понимала, что для организованного проведения принудительной эмиграции требовалось сотрудничество еврейских лидеров, особенно если в план нужно было включить беднейших евреев, у которых не было средств на отъезд и начало новой жизни на другом месте. Эйхман вызвал к себе для разговора самых видных представителей еврейского сообщества, находившихся на тот момент в заключении, и выбрал Йозефа Лёвенхерца, уважаемого адвоката, как наиболее подходившего для его задачи. Он отправил его обратно в камеру с приказом не выпускать до тех пор, пока он не придумает план массовой эмиграции австрийских евреев. Просьба Лёвенхерца оптимизировать систему обработки заявок, которая позволила бы покончить с бюрократией и намеренными задержками, распространенными в то время, нашла самое живое понимание. Эйхман установил официальный порядок обработки заявок и сделал так, что конфискованные средства еврейского сообщества и его членов использовались Центральным ведомством для помощи в эмиграции бедным евреям. Подталкиваемые ужасающими историями о жестоком обращении с австрийскими евреями в Дахау, систематическим притеснением и оскорблениями со стороны чиновников агентства и непрекращающимся террором на улицах, австрийские евреи тысячами выстраивались в очереди для получения выездных виз. Лёвенхерц и другие евреи были привлечены для работы в агентстве, и им постоянно угрожали высылкой в Дахау, если бы они не выполняли свои квоты. В результате, как позднее хвастался Эйхман, к маю 1939 года законным путем эмигрировало около 100 000 австрийских евреев, а еще несколько тысяч пересекли границу незаконно, многие из которых в конечном счете добрались до Палестины. Получивший в качестве награды повышение и наслаждавшийся обретенной властью Эйхман стал грубым и жестоким в обращении с отдельными евреями. Его ведомство с конвейерной системой обработки, систематическим грабежом еврейских накоплений для субсидирования эмигра-

ции беднейших, использованием террора и еврейских осведомителей, стало моделью для Службы безопасности СС в ее последующей политике обращения с евреями¹⁰¹.

V

Включение Австрии в состав Третьего рейха и сопутствовавшие ему антиеврейские эксцессы дали огромный толчок для усиления антисемитизма по всей Германии. Помимо других причин прибавление 200 000 евреев к населению Третьего рейха практически восстановило численность евреев, которых нацистам удалось заставить покинуть пределы Германии в период с марта 1933 года по май 1938 года¹⁰². Это делало все усилия как будто бесполезными. Поэтому нацисты удвоили свои усилия по проведению принудительной эмиграции. Без примера Австрии и чувства триумфа и неуязвимости, которое он вызывал у активистов нацистской партии, невозможно понять всплеск ненависти к евреям, который захлестнул Германию летом 1938 года и вылился в погром 9–10 ноября. Этот погром в полной мере ощутили и в Австрии. В Вене было сожжено сорок две синагоги, большая часть из оставшихся еврейских магазинов были уничтожены, а около 2000 еврейских семей выкинули из домов и квартир. 10 ноября отряд эсэсовцев разгромил штаб-квартиру еврейского сообщества и офисы сионистов. Эйхман жаловался, что погром нарушил организованное проведение эмиграции, но на самом деле прекрасно понимал, что его основной задачей было ускорить весь процесс за счет внезапного проявления массового террора, и именно такой эффект он произвел в Австрии, как и в других местах¹⁰³.

Таким же впечатляющим был импульс, который получили культурные амбиции высокопоставленных нацистов в результате аннексии Австрии и экспроприации ее еврейского сообщества. Они конфисковали множество собраний произведений искусства, включая принадлежавшие Ротшильдам, которые Имперское министерство финансов в конечном счете стало распродавать, чтобы покрыть некоторые свои расходы. Обер-бургомистр Нюрнберга смог вернуть королевские регалии Священной Римской империи, вывезенные из его города в Вену в 1794 году, перед

подготовкой к партийному съезду 1938 года. Торговцы произведениями искусства стали собираться вокруг разграбленных коллекций, как стервятники у туш животных. Герман Геринг запретил дальнейшие продажи и экспорт, желая в будущем получить некоторые работы для себя. Однако во главе грабежей все равно стоял Гитлер. Визит в Рим в мае 1938 года убедил его, что для Великой Германии также была необходима настоящая художественная столица, и его взгляд устремился в сторону Линца, где он провел свое детство. 26 июня 1939 года он приказал Гансу Поссе, историку искусств и директору Дрезденского музея, создать коллекцию для планировавшегося музея искусств в Линце. 24 июля австрийская администрация под руководством Брюкеля получила уведомление от Бормана, что все конфискованные коллекции должны были быть переданы Поссе или лично Гитлеру. К октябрю Поссе смог заполучить и собрания Ротшильдов. Началось разграбление культурного наследия Европы¹⁰⁴.

Об этих актах мародерства знали немногие немцы. Их первая реакция на аннексию была смешанной. Был очевиден тот же шаблон, что и в предыдущие разы, как в случае с ремилитаризацией долины Рейна в 1936 году: национальная гордость смешивалась с нервозностью и даже паникой, которые порождались страхом перед масштабной войной. По данным некоторых отчетов, именно они были первой реакцией на австрийский кризис, довольно быстро сменившись националистическим энтузиазмом, когда другие европейские державы дали понять, что войны не будет, по крайней мере в этот раз. «Гитлер — гений политики, — таково было распространенное мнение. — Он по-настоящему великий государственный деятель, он превосходит даже Наполеона, потому что он завоевывает мир без войны». Здесь ключевым фактором был мирный характер аннексии. Рабочие могли и испытывать разочарование из-за отсутствия социалистической оппозиции («где была Красная Вена?»), но многие были крайне впечатлены бескровным переворотом Гитлера: «Он действительно хороший парень», — вспоминал один из них¹⁰⁵.

Речь Гитлера в Вене 15 марта 1938 года была встречена ликованием, которое один агент социал-демократов описывал как: «Массовый энтузиазм и радость от такого успеха... Ликование не имело границ... Даже слои общества, до этого времени отно-

сившиеся к Гитлеру прохладно или отвергавшие его, оказались захвачены моментом и признали, что в конечном счете Гитлер был великим и умным политиком, который снова вернет Германии величие и уважение, потерянные в 1918 году»¹⁰⁶.

Аннексия Австрии принесла Гитлеру беспрецедентную популярность. Националисты из средних классов были в экстазе, несмотря ни на какие другие сомнения относительно политики Третьего рейха¹⁰⁷. Воссоединение Германии и Австрии было, как писала Луиза Зольмиц в своем дневнике, «мировой историей, свершением моей старой немецкой мечты о по-настоящему единой Германии, и этого добился человек, который ничего не боится, не знает компромиссов, препятствий или трудностей». С растущим восхищением она слушала радио, по которому транслировали разворачивавшиеся события, записывая каждый ход, каждую речь в нараставшем экстазе, несмотря на все проблемы, из-за которых страдала ее семья в силу своего смешанного расового статуса. «Это как сон, — писала она, — ты полностью оторван от своего мира и от самого себя... Приходится вспоминать, что ты выброшен из народного сообщества, как преступник или опустившийся человек».¹⁰⁸ Виктор Клемперер был в отчаянии: «Мы не доживем до дня падения Третьего рейха», — писал он 20 марта 1938 г. Он также отмечал, что «со вчерашнего дня на каждом столбе нашей ограды висят широкие желтые листы со Звездой Давида: *Еврей*»¹⁰⁹.

Что касается самого Гитлера, успех аннексии еще больше повысил его уверенность в себе, стал дополнительным доказательством того, что он был избран самим Провидением, что он не мог ошибаться. Его речи того времени полны упоминаний о его предопределенной судьбой роли архитектора возрождения Германии. Рядом с ним не оставалось никого, способного его сдерживать. Армия, все еще испытывавшая шок и разочарование после истории с Бломбергом и Фричем, никак не отреагировала на этот крупный успех. Даже офицеры, которые теперь были убеждены, что в конечном счете Гитлер приведет их в пропасть, чувствовали, что не могут предпринять каких-либо мер ввиду гигантской популярности нацистского вождя. А Гитлер уже смотрел в сторону Чехословакии, подстрекаемый Риббентропом, который беззаботно убеждал его, что Великобритания не

станет вмешиваться. Реакция других европейских стран на аннексию Австрии была такой ничтожной, что, казалось, не было никаких причин считать, почему захват Чехословакии, объявленный Гитлером в качестве промежуточной цели на собрании, записанном полковником Хоссбахом в 1937 году, может не состояться¹¹⁰.

В своем обращении к Рейхстагу 18 марта 1938 года Гитлер в эмоциональных выражениях уже говорил о «жестоком насилии, которому подвергаются бесчисленные миллионы немецких расовых товарищей» по всей Европе. 28 марта в середине кампании публичных выступлений и съездов за проведение объединенных выборов и референдума 10 апреля Гитлер провел тайное совещание с лидером Судетской немецкой партии, поддерживаемой нацистами организации, которая заявляла, что представляет немецкое меньшинство в Чехословакии. Гитлер заявил, что партия должна прекратить сотрудничество с чешским правительством и, наоборот, начать кампанию «полной свободы для судетских немцев»¹¹¹. Началась подготовка к ниспровержению Чехословакии. Ее конечной целью было полное уничтожение Чехословацкого государства и его поглощение Великогерманским рейхом в той или иной форме. Только так можно было изменить границы Германии таким образом, чтобы создать плацдарм для вторжения в Польшу и Россию и создания «жизненного пространства» для немцев в Восточной Европе на расовых принципах, о котором давно мечтал Гитлер. 28 марта Гитлер сообщил своим генералам и чиновникам МИДа, что он «полностью убежден в том, что Чехословакия должна исчезнуть с карты мира». Два дня спустя были представлены скорректированные военные планы для реализации этого «окончательного решения по уничтожению Чехословакии в ходе военных действий в ближайшем обозримом будущем»¹¹². Таким образом, Гитлер впервые вступал на путь, который нельзя было представить как урегулирование несправедливых штрафных санкций, наложенных на Германию в мирном соглашении 1919 года. Последствия этого шага были грандиозными.

Уничтожение Чехословакии

I

Чехословацкая республика в 1938 году была одной из немногих оставшихся в Европе демократий. Опиравшиеся на глубоко укоренившиеся либеральные традиции, чешские представители на мирных переговорах 1919 года смогли добиться независимости от габсбургской монархии, которой прежде принадлежали Богемия и Моравия. Новое государство в отличие от своего австрийского соседа на юге начало свое существование, имея прекрасные перспективы, включая мощную промышленную базу. Однако, как и в других странах, оставшихся на развалинах габсбургской империи, в Чехословакии было весьма много национальных меньшинств, самое многочисленное из которых состояло примерно из 3 миллионов немцев, в основном сконцентрированных в западных, северо-западных и юго-западных приграничных областях страны. Хотя чешский был официальным государственным языком, почти девять из десяти этнических немцев могли продолжать использовать свой родной язык в бюрократических делах, немецкий использовался в школах соответствующих районов, а немецкое меньшинство было представлено в чешском парламенте. Немецкие партии участвовали в коалиционных правительствах, а немецкоговорящие граждане могли свободно выбирать себе профессию, хотя им требовалось знание чешского, если они хотели работать на госслужбе. Этнические немцы, которых чаще называли судетскими немцами по названию области, в которой проживали многие из них, обладали всеми правами личности как граждане страны, где гражданские свободы уважали больше, чем в большинстве других государств Европы. Гарантий коллективных прав немецкоговорящего меньшинства не было, однако в конце 1920-х годов широко обсуждалась идея предоставить ему статус второго «государственного народа» наряду с чехами¹¹³.

В начале 1930-х годов два фактора положили конец относительно мирному сосуществованию чехов и немцев. Первым стала мировая экономическая Депрессия, которая ударила по немецкоговорящему меньшинству особенно сильно. Потребитель-

ские отрасли легкой промышленности, такие как производство стекла и текстиля, расположенные в основном в немецких районах страны, развалились. К 1933 году этнические немцы составляли две трети всех безработных в Республике. Перегруженная система соцобеспечения государства обрекла их на бедность и нужду. В этот момент в игру вступил второй фактор, захват нацистами власти в Германии, который заставил все большее число отчаявшихся судетских немцев обратиться в сторону Третьего рейха, поскольку немецкая экономика начала восстанавливаться под влиянием перевооружения, тогда как чешская продолжала чахнуть в депрессии. В этих условиях чешские немцы образовали Судетскую немецкую партию, которая требовала экономических привилегий в виде региональной автономии. В то же время она торжественно заявляла о своей лояльности Чехословацкому государству и держалась на порядочном расстоянии от нацистов, находящихся по ту сторону границы в Германии. Партийный лидер, школьный учитель Конрад Генлейн, попал под усиливавшееся давление со стороны бывших членов запрещенных экстремистских групп немецких националистов, которые вступили в его организацию в начале 1933 года. К 1937 году успехи внешней политики Гитлера позволили им одержать верх. На выборах в 1936 году партия получила 63% голосов этнических немцев. В начале 1937 года чешское правительство, понимая грозившую опасность, пошло на ряд важных экономических уступок, допустив немецкоговорящих граждан на государственную службу и заключив правительственные контракты с судетскими немецкими компаниями. Однако уже было слишком поздно. Теперь в сундуки партии лились средства из Берлина, и с этой финансовой поддержкой немецкое правительство смогло заставить Генлейна принять политику отделения Судета от Чехословакии¹¹⁴.

Весной 1938 года Судетская немецкая партия, нетерпение которой резко усилилось после немецкой аннексии Австрии, перешла к агрессивным мерам. Массовое запугивание своих противников на местных выборах помогло увеличить ее голоса до 75%¹¹⁵. По мере увеличения давления со стороны Берлина чешскому правительству пришлось согласиться с автономией Судетской Германии и предложить дополнительные экономиче-

ские льготы региону. Однако это было бесполезно¹¹⁶. Генлейн стремился получить независимость, а Гитлер хотел начать войну. Но вторжение в Чехословакию, где подавляющее большинство населения было непримиримыми противниками Гитлера, нацизма и идеи о немецком захвате своей страны, было совсем другим делом по сравнению с вторжением в Австрию, где подавляющее большинство населения в той или иной мере поддерживало эти варианты. Чехословакия была более крупной, богатой и могущественной страной, чем Австрия, с развитой военной промышленностью, включая промышленную империю «Шкода», которая была одним из ведущих производителей вооружений в Европе. В отличие от австрийской армии, которая была малочисленной, плохо подготовленной к военным действиям и глубоко расколотов в своем отношении к Германии, чешская армия была большой, хорошо дисциплинированной и прекрасно вооруженной машиной, объединенной в стремлении противостоять немецкой агрессии. Немецкие генералы испытывали нервозность еще до ремилитаризации долины Рейна и аннексии Австрии. Они практически ударились в панику, когда узнали о намерениях Гитлера уничтожить Чехословакию. Для этого не было проведено достаточной военной подготовки, перевооружение еще не достигло своей цели, кроме того, вероятность иностранной интервенции и масштабной войны в этот раз была намного выше, чем раньше. В конечном счете, прежде Чехословакия состояла в союзе с Францией, и вторжение нельзя было представить никак иначе, как акт агрессии против суверенного государства, в отношении которого, в отличие от Австрии, Германия не могла заявить миру о своей роли сюзерена¹¹⁷.

В принципе генералы не имели особых возражений по поводу захвата Чехословакии, которая географически глубоко вдавалась в новую Великую Германию на стратегически опасных направлениях. Ненависть к славянам и демократам смешивалась в их головах с более общей идеей об образовании Германской империи в Центральной и Восточной Европе. Более того, получив военную промышленность чехов, квалифицированные рабочие руки и огромные запасы сырья, Третий рейх смог бы решить свои все более усиливавшиеся проблемы в этих областях. Все это увеличивало стратегическую ценность Чехословакии в глазах

Германа Геринга, репутация которого серьезно повысилась после аннексии Австрии. Однако Геринг и генералы не были уверены, что настал подходящий момент для похода на чехов. Это казалось опрометчивым и безрассудным поступком, подразумевавшим реальный риск полномасштабной войны, к которой Германия, по их мнению, была еще не готова. Они считали, что будет намного более разумно подождать, наращивать давление и добиваться постепенных уступок. Их сомнения выросли, когда стало понятно, что Великобритания на этот раз не останется в стороне. Когда Геббельс развернул массовую пропагандистскую кампанию, полную ужасающих историй о вымышленном бесчеловечном обращении с судетскими немцами со стороны чехов, верховных армейских военачальников стало захватывать ощущение кризиса¹¹⁸.

5 мая начальник Генштаба сухопутных войск Людвиг Бек сообщил Гитлеру, что Германия не была готова выиграть войну, если Великобритания, что, по его мнению, было весьма вероятно, выступит на стороне чехов. Позже в этом месяце он повторил свое предупреждение с еще большей настойчивостью, а 16 июля направил старшим генералам меморандум с предупреждением о самых печальных последствиях в случае вторжения. Он даже обсуждал идею коллективной отставки высшего генералитета с целью сорвать планы Гитлера. Однако другие генералы все еще были деморализованы скандалом Бломберга — Фрича. Они придерживались традиционного представления о том, что долгом солдата было подчиняться приказам, а не вмешиваться в политику. Они боялись, что нарушение личной присяги верности Гитлеру обесчестит их. Они прекрасно видели огромное уважение и могущество Гитлера после аннексии Австрии. И они несколько не отвергали план Гитлера по нападению на Чехословакию, они были только не согласны с выбранным временем. Поэтому, несмотря на то что они разделяли многие опасения Бека, в этот раз они отказались его поддержать. Тем не менее Гитлер все еще чувствовал необходимость обратиться к офицерам за поддержкой на встречах 13 июня и 10 августа 1938 года. Его поддержал главнокомандующий сухопутными войсками генерал Браухич, после того как Гитлер 16 июля 1938 года представил ему меморандум Бека и изложил свою точку зрения на этот вопрос. Тем временем

Бек потерял часть своих позиций в результате военных игр, проведенных его собственным Генштабом в июне, которые показали, что Чехословакию можно было завоевать в течение одиннадцати дней, что позволяло быстро перебросить войска на Запад и организовать оборону в случае возможного военного вмешательства Франции и Великобритании. На возражения о том, что оборонительная Западная стена еще не была готова, Гитлер выступил с еще одной речью. Он заявил, что британцы и французы не станут вмешиваться. А Фриц Тодт, которому он без консультаций с главнокомандующим сухопутными войсками в мае поручил ускорить строительство «Западного вала», сообщал, что в любом случае закончит фортификационные работы к началу зимы¹¹⁹.

Чувствуя себя полностью изолированным, Бек подал в отставку с поста начальника Генштаба сухопутных войск 18 августа 1938 года, на его место пришел генерал Франц Гальдер, его помощник. Этот выбор был очевиден, однако Гальдер на самом деле был совсем не тем человеком, которым его считало нацистское руководство. Он родился в 1884 году в франконской военной семье с сильными консервативными симпатиями, служил артиллерийским офицером. Он нисколько не был надежным инструментом нацистской агрессии, разделяя многие из опасений Бека по поводу рискованности политики Гитлера. В этом к нему присоединялись многие другие консервативные офицеры и дипломаты, в особенности глава военной разведки адмирал Вильгельм Канарис и Эрвин фон Вицлебен, генерал пехоты и командующий войсками Берлинского военного округа. Их неодобрение безрассудных планов Гитлера о начале войны было таким глубоким, что они начали обдумывать план по его свержению. Они объединили силы с группой молодых офицеров, которые уже замыслили ниспровержение Гитлера, в частности с Хансом Остером, подполковником в разведывательном управлении Канариса. В заговор также были посвящены гражданские, которые потребовались бы для формирования посленацистского правительства, включая консервативных политиков, имевших более или менее серьезные сомнения относительно направления, в котором двигался режим, таких как Шахт и Гёрделер, чиновников МИДа, таких как статс-секретарь Эрнст фон Вайцзеккер и его помощники Адам фон Тротт цу Зольц и Ханс Бернд фон Хефтен,

и высокопоставленных госслужащих, включая Ганса Бернда Гизевиуса, бывшего помощника министра внутренних дел, и графа Питера Йорка фон Вартенбурга из Управления имперского уполномоченного по ценообразованию. Заговорщики прощупывали почву среди других обеспокоенных консерваторов и приступили к детальному планированию переворота, продумывая переброску войск и обсуждая, следует ли убивать Гитлера или просто заключить под стражу. Некоторые из них, особенно Гёрделер, ездили в другие страны, в частности в Великобританию, и передавали частные предупреждения высокопоставленным политикам, министрам правительств, госслужащим и другим лицам, которые готовы были узнать об агрессивных намерениях Гитлера. Их встречали с вежливым выражением интереса, однако им не удалось заручиться какими-либо конкретными обещаниями поддержки, хотя довольно трудно сказать, в чем бы она могла выражаться на этой стадии подготовки¹²⁰.

Фундаментальная нежизнеспособность этого заговора была обусловлена тем, что его участники в целом не отвергали главную цель Гитлера по расчленению Чехословакии, они просто осуждали его безответственную спешку, в условиях, когда немецкая экономика и вооруженные силы были все еще не готовы для масштабной европейской войны, к которой, по их опасению, должна была привести агрессия против Чехословакии. Таким образом, если бы Гитлеру удалось добиться своей цели без провоцирования масштабной войны, это бы выбило почву у них из-под ног¹²¹. Более того, участники заговора не имели поддержки в нацистской партии или в огромном бюрократическом аппарате организаций, с помощью которых она управляла Германией. И офицерский корпус, и Министерство иностранных дел, два центра заговора, не раз дискредитировали себя в предыдущие месяцы, особенно в связи с аннексией Австрии. В Военном министерстве, говорил Геринг, офицеры в разгар кризиса отличались «упадком боевого духа». «Это должно прекратиться!» — добавлял он¹²². Если бы Гальдеру и его заговорщикам удалось бы арестовать Гитлера, то армия, заклеянная Геббельсом как реакционная машина, не имела бы особой народной поддержки, даже если предположить, что другие генералы объединились бы под их знаменами. Таким образом, успех этого меро-

приятия был маловероятен. Но в любом случае вопрос о перевороте был снят с повестки дня из-за событий на дипломатическом фронте¹²³.

II

В начале сентября ситуация накалилась до предела. В отличие от аннексии Австрии захват Чехословакии требовал длительной подготовки в силу гораздо более серьезных военных и международных препятствий, которые стояли у Гитлера на пути. Ему потребовалось несколько месяцев, чтобы преодолеть возражения генералов и приступить к разработке военных планов, которой он занимался лично, поскольку не верил, что генералы смогут сделать это удовлетворительно. В течение лета беспрестанная античешская пропаганда Геббельса не оставила у международного сообщества никаких сомнений в том, что Берлин готовил вторжение. День за днем огромные заголовки в газетах кричали о выдуманных жестокостях чехов, расстрелах невинных судетских немцев, «женщинах и детях, раздавленных бронированными чешскими автомобилями», терроре населения со стороны чешской полиции, угрозах газовых атак на деревни судетских немцев и политических махинациях Праги, этого «мирового центра поджигателей», троянского коня большевизма в Центральной Европе¹²⁴. Чехи действительно заключили союз с Советским Союзом, однако на практике он почти ничего не значил, что им вскоре предстояло узнать. Гораздо важнее было то, что целостность Чехословакии гарантировалась договором с Францией. Если бы Франция пришла на помощь чехам, то Великобритании также пришлось бы вмешаться, как в случае с Бельгией в схожих обстоятельствах в 1914 году. Британский премьер-министр Невилл Чемберлен понимал, что Великобритания, хотя и проводила спешное перевооружение, совершенно не была готова вести масштабную европейскую войну. Он понимал, что давление на государственный бюджет страны окажется чрезмерным. Более того, он считал, что масштабная война повлечет за собой бомбардировки британских городов, после которых Герника покажется детским лепетом. Против них не только не было защиты, считалось, что с большой вероятностью они будут походить на

итальянские бомбардировки эфиопов с использованием отравляющих газов против беззащитных людей. Действительно, в разгар кризиса британское правительство раздало гражданскому населению противогазы и объявило об эвакуации Лондона. В любом случае первое место в глобальной стратегии Великобритании занимала Империя, самая большая в мире, а Европа, где у Соединенного Королевства было немного непосредственных интересов, стояла на втором. «Как это ужасно, фантастично, невероятно, — говорил Чемберлен своим слушателям во время радиопередачи Би-Би-Си в конце сентября 1938 года, — что нам приходится копать траншеи и тренироваться надевать противогазы из-за свары в далекой стране между людьми, о которых мы ничего не знаем»¹²⁵.

Чехословакия действительно была намного дальше в сознании британцев, как и в представлении их премьер-министра, чем Индия, Южная Африка или Австралия. Чемберлен, несомненно, понимал, что будет иметь малую или не получит вообще никакой общественной поддержки в вопросе войны против Германии из-за судетской проблемы, несмотря на то, что к тому времени в британском политическом мире уже начали звучать голоса с требованием остановить гитлеровское завоевание Европы¹²⁶. Чемберлен все еще полагал, что Гитлер не ведет завоевание Европы, а занимается исправлением несправедливостей Версальского мирного договора и защитой угнетаемых немецких меньшинств. Если бы он получил то, что хотел в Судетах, то, может быть, тогда его удалось бы успокоить и избежать масштабной войны. Чемберлен решил вмешаться, чтобы не допустить войны, заставив чехов уступить. Когда Гитлер выступил с речью на Нюрнбергском партийном съезде 12 сентября 1938 года, угрожая войной, если судетским немцам откажут в самоопределении, Чемберлен созвал совещание. Пока головорезы Генлейна по приказу Гитлера организовали волну жестоких акций, они должны были спровоцировать жесткую ответную реакцию со стороны чешской полиции, которую можно было использовать в качестве предлога для немецкой интервенции. Чемберлен впервые в жизни сел в самолет — резкий контраст с Гитлером, для которого этот современный транспорт стал обычным делом много лет назад, — и полетел в Мюнхен. В ходе дли-

тельного разговора с глазу на глаз, на котором присутствовал только переводчик, Чемберлен согласился на пересмотр границ Чехословакии в соответствии с пожеланиями судетских немцев. Однако это, по-видимому, не удовлетворило немецкого фюрера. Чемберлен отреагировал на взрыв негодования Гитлера, спросив, зачем тот согласился на встречу, если не видел никакой альтернативы войне. Получив такой ультиматум, немецкий лидер с неохотой согласился на следующую встречу¹²⁷.

22 сентября 1938 года, сообщив британскому правительству о своих уступках, Чемберлен еще раз полетел в Германию и встретился с Гитлером в отеле «Дреезен» в Бад-Годесберге на Рейне. Он заверил Гитлера, что французы согласились с его условиями. Поэтому проблем в достижении соглашения не должно было возникнуть. Однако, к его удивлению, Гитлер представил ему новый набор требований. Недавнее насилие в Чехословакии, заявил он, означало, что ему придется захватить Судеты практически немедленно. Более того, Польша и Венгрия, находившиеся в руках милитаристских, авторитарных националистских правительств, почувствовавших кровь в атмосфере, окружавшей переговоры, также выставили свои требования по чешским территориям, граничившим с их собственными, и их, по словам Гитлера, также необходимо было удовлетворить. Позиции сторон стали ужесточаться. Чешское правительство, понимая всю серьезность ситуации, приняло условия англичан и французов. Однако в то же время под влиянием кризиса к власти в Праге пришло милитаристское правительство, и стало понятно, что больше никаких компромиссов не будет. Британский кабинет отклонил годесбергские предложения, опасаясь, что британская общественность воспримет их как унижение правительства. Чемберлен направил в Берлин представительную миссию, которая должна была сообщить Гитлеру, что Великобритания не потерпит односторонних действий. Гитлер в ярости пригласил сэра Ораса Уилсона, руководителя делегации, на речь, с которой он собирался выступить в Дворце спорта вечером 26 сентября. Она завершилась яростным выпадом против чехов. Уильям Л. Ширер, присутствовавший на съезде, отмечал, что Гитлер «кричал и визжал в самом ужасном состоянии возбуждения, в котором я его видел... с фанатичным огнем в глазах». Доведя себя до неистовства, он объявил под оглушительные аплодис-

менты 20 000 нацистов, что терпеть чешский геноцид против немецкого меньшинства больше было нельзя. Он сам поведет туда войска. Датой вторжения должно было стать 1 октября¹²⁸.

Пока британцы и чехи готовились к войне, в конечном счете отступил именно Гитлер. Наверное, удивительно, что решающим фактором здесь было влияние Германа Геринга, который стал таким воинственным после Австрии. Как и генералов, его страшило то, что речь шла о риске масштабной войны из-за конфликта, по которому ключевые уступки в пользу Германии уже были сделаны. Поэтому за спиной Гитлера он организовал встречу с англичанами, французами и, что важно, итальянцами, которые попросили Гитлера отложить вторжение до проведения этой конференции. Убеденный серьезными сомнениями Геринга по поводу войны и получивший в просьбе Муссолини возможность выйти из этой ситуации без унижения, Гитлер согласился. Встреча состоялась в Мюнхене 29 сентября 1938 года без участия чешских представителей, которых не пригласили. Геринг заранее составил черновик соглашения и оформил его в официальном стиле с помощью статс-секретаря МИД Вайцзекера. Риббентроп был обеими руками за войну («он слепо ненавидит Англию», отмечал Геббельс в своем дневнике)¹²⁹. Поэтому ему не сообщили о черновике документа, который был передан итальянскому послу, предложившему его Гитлеру 28 сентября в качестве проекта Муссолини. Спустя тринадцать часов переговоров по подробным условиям 29 апреля 1938 года представители четырех стран подписали Мюнхенское соглашение. На следующий день Чемберлен представил Гитлеру декларацию о том, что Великобритания и Германия никогда снова не вступят в войну. Гитлер подписал его без колебаний. По возвращении в Англию Чемберлен размахивал ею перед приветствовавшими его толпами из окна здания дома номер 10 по Даунинг-стрит. «Я верю в мир для нашего поколения», — говорил он им. По всей видимости, он искренне верил, что смог добиться решения, удовлетворявшего всех, включая чехов, которые, по его словам, были спасены. После первой встречи с немецким фюрером он сказал своей сестре, что Гитлер был человеком, слову которого можно было верить. И опыт дипломатических «качелей» на переговорах, казалось, не развеял его иллюзий¹³⁰.

Ощущение успокоения было таким же осязаемым в Германии, как и в Великобритании. С мая в Германии наблюдалось распространенное общественное беспокойство по поводу возможной войны, которое обострялось военной мобилизацией чешского правительства в том же месяце. Прежде паника была кратковременной. Однако в этот раз кризис тянулся несколько месяцев. Даже Служба безопасности СС признавала, что среди населения наблюдался «военный психоз», который длился вплоть до подписания Мюнхенского соглашения. «Учитывая превосходство противника, возникли пораженческие настроения, которые выросли в жесткую критику «авантюрной политики рейха». Многие люди полагали, что включение пораженной кризисом Судетской области в состав Германии станет тяжелым экономическим бременем для рейха. В самые напряженные моменты кризиса люди в панике снимали свои накопления из банков, жители районов, граничивших с Чехословакией, готовились к бегству на запад. Многие немцы, что было прискорбно с точки зрения Службы безопасности, предпочитали черпать сведения из иностранных радиопередач, а это еще больше усиливало их пессимизм. Служба винила в этой тенденции в первую очередь интеллигентов¹³¹.

Однако беспокоились не только интеллигенты. До этого момента Гитлер срывал аплодисменты огромной массы немцев, добиваясь оглушительных успехов во внешней политике без кровопролития. Но теперь, когда казалось, что кровь все-таки прольется, на вещи стали смотреть по-другому. Агенты социал-демократов отмечали в мае 1938 года, что общее беспокойство резко контрастировало с энтузиазмом августа 1914 года. Конечно, большинство считало требования судетских немцев обоснованными. Однако они желали видеть их выполнение без войны¹³². Как отмечалось в одном июльском отчете, никто не думал, что Германия победит в войне против Великобритании и Франции. Некоторые ожесточенные бывшие социал-демократы даже надеялись на то, что она все-таки произойдет, потому что поражение было наилучшим способом избавиться от нацистов. Однако среди многих рабочих был широко распространен фатализм. Молодежь часто была поглощена образом Великой Германии, раскинувшейся на завоеванном континенте. Многие взрослые

люди были сбиты с толку и чувствовали недостаток информации¹³³. По мере усиления подготовки к войне беспокойство в народе росло¹³⁴.

«Военный психоз» населения, отмечал в своем дневнике Геббельс 31 августа, нарастал¹³⁵. В Руре наблюдатели социал-демократов незадолго до Мюнхенского соглашения сообщали: «Повсюду царит жуткое беспокойство. Люди боятся, что дело дойдет до войны и Германия примет в ней участие. Энтузиазма по поводу войны нет ни у кого. Люди понимают, что война с большей частью Европы и против Америки закончится поражением Германии... Если дело дойдет до войны, она будет настолько непопулярна в Германии, насколько это вообще возможно»¹³⁶.

Даже молодые люди, несмотря на весь свой энтузиазм по поводу Великой Германии, теперь были озабочены сложившейся ситуацией¹³⁷.

Беспокоились не только рабочие классы или опрошенные агентами социал-демократов люди. «Война, война, война, — писала Луиза Зольмиц в своем дневнике 13 сентября 1938 года, — куда ни пойти, везде только об этом и говорят». Некоторое время ее страх перед масштабной войной перевешивал всегдашний патриотизм. Однако внезапно 1914 год стал означать нечто отличное от духа национального единства: «1914-й зловеще возвращается. Каждый убитый судетский немец — это Франц Фердинанд»¹³⁸. Тем не менее ее патриотически настроенный муж Фридрих Зольмиц все равно попробовал записаться добровольцем на военную службу в час нужды для его страны. Его заявка была отклонена¹³⁹. Среди населения в целом уверенность в способности Гитлера добиваться успехов на международной арене без кровопролития была намного меньше, чем в предыдущих случаях, как, например, во время ремилитаризации Рейнской области или аннексии Австрии, именно потому, что чешский кризис длился так долго. В конце лета и начале осени 1938 года отмечалось увеличение числа людей, попавших в специальные суды по обвинению в критике самого Гитлера¹⁴⁰.

Поэтому волна облегчения, захлестнувшая страну после объявления о Мюнхенском соглашении, была невообразима. «Все мы можем жить дальше, — писала Луиза Зольмиц в своем дневнике, — расслабленные, счастливые, с нас спало гигантское дав-

ление... Это удивительное, уникальное чувство. Мы вернули Судеты и сохранили мир с Англией и Францией»¹⁴¹. Как сообщал один агент социал-демократов в Данциге, практически все считали Мюнхенское соглашение «стопроцентным успехом Гитлера»¹⁴². Это было и неудивительно, учитывая расположение города. Напротив, среди католических рабочих в Руре бытовало беспокойство, что успех Гитлера приведет к еще более безжалостной кампании против Церкви. Тем не менее все испытали огромное облегчение от того, что Гитлер получил новую территорию для Германии без кровопролития. Неудивительно поэтому, что Чемберлена с восторгом приветствовали, когда он проезжал по улицам Мюнхена после подписания соглашения. Все сходились во мнении, что соглашение значительно усилило власть и престиж Гитлера. Только упертые противники режима были раздражены тем, что они называли предательством чехов со стороны западных демократий. И только самые отчаянные пессимисты говорили, «что все это не остановится»¹⁴³.

Сам Гитлер был совсем не в восторге от разрешения этой ситуации. Его обманом лишили войны, к которой он готовился. Он чувствовал разочарование из-за вмешательства Геринга. С этого момента отношения между ними охладились, в результате чего позиции Риббентропа, исключенного из мюнхенских переговоров, укрепились, как и положение Гимmlера, который поддерживал Гитлера в его стремлении к войне. Армейские генералы и другие участники их заговора были вынуждены оставить свои планы переворота ввиду мирного разрешения кризиса, однако они также серьезно сдали свои позиции в отношениях с Гитлером, кроме того, наиболее радикально настроенные из них чувствовали себя обманутыми из-за вмешательства Чемберлена. Более того, Гитлер был прекрасно осведомлен о том, что большинство немцев не хотели войны, несмотря на все усилия Третьего рейха убедить их в ее желательности. 27 сентября 1938 года он организовал военный парад в Берлине как раз в то время, когда берлинцы заканчивали работу и направлялись домой, и можно было ожидать, что они остановятся, чтобы посмотреть и поприветствовать грузовики и танки, направлявшиеся в сторону чешской границы. Однако, как отмечал Ширер, «они ныряли в метро, отказывались смотреть, а те немногие, остановившиеся на

тротуаре, стояли в полной тишине, не в силах подобрать слова поддержки для цвета своей молодежи, направлявшейся на славную войну. Это была сама впечатляющая антивоенная демонстрация, которую я когда-либо видел. Говорили, что Гитлер был взбешен. Я недолго стоял на углу, когда по Вильгельмштрассе со стороны Канцелярии подошел полицейский и прокричал нашей немногочисленной группе стоявших на обочине, что фюрер вышел на балкон для смотра войск. Немногие пошевелились. Я пошел посмотреть. Гитлер стоял там, а на улице не было и двух сотен людей...»¹⁴⁴

Разгневанный и разочарованный, Гитлер вернулся внутрь.

10 ноября 1938 года (сразу после антисемитского погрома, в ходе которого по всей Германии арестовывали еврейских мужчин) Гитлер выразил свое разочарование на закрытой встрече с представителями немецкой прессы: «Только постоянно подчеркивая стремление немцев к миру и наши мирные намерения, мне удалось шаг за шагом добиться свободы для народа Германии и, таким образом, дать ему оружие, необходимое для осуществления следующего шага. Самоочевидно, что такая мирная пропаганда, проводимая в течение десятилетий, также будет иметь не слишком желательный эффект, поскольку в сознании многих людей может породить впечатление, что нынешний режим отличается решимостью и готовностью сохранять мир в любых обстоятельствах. Однако это в первую очередь приведет к тому, что в долгосрочной перспективе немецкий народ вместо того, чтобы готовиться к действию, выработает в себе пораженческий дух, что уничтожит все успешные достижения действующего режима»¹⁴⁵.

Гитлер продолжил проповедовать против «интеллектуалов», которые подрывали волю к войне. Он заявил, что задачей прессы является убедить людей в необходимости войны. Их необходимо было заставить слепо верить в верность политики руководства, даже если она включала войну. Сомнения бы только сделали их несчастными. «Теперь настала необходимость постепенно переориентировать немецкий народ психологически и четко дать ему понять, что существуют вещи, которых нельзя достичь мирными средствами, но которых приходится добиваться силой»¹⁴⁶. То, что эту задачу не удалось реализовать больше чем за

пять лет идеологического обучения и подготовки на всех уровнях, было удивительным признанием поражения. Это показывало, что подавляющее большинство немцев, по мнению Гитлера, совершенно не могли обеспечить режиму необходимую ему народную поддержку даже в области внешней политики, цели которой вроде бы были наиболее понятными и желанными¹⁴⁷.

III

1 октября 1938 года немецкие войска промаршировали через границу на территорию Чехословакии, а прекрасно оснащенная чешская армия снялась с укрепленных позиций, которые она занимала в горных приграничных районах и которые можно было легко защищать. Сцены, сопровождавшие аннексию Германией Австрии, повторились в Судетах. Исступленные сторонники Судетской немецкой партии Генлейна выстроились вдоль улиц, приветствуя немецких солдат, бросали цветы им под ноги и вытягивали руки в гитлеровском салюте. Среди тех, кто не поддерживал нацистов, преобладало совсем другое настроение. Более 25 000 человек, в основном чехи, уже бежали из Судетов в чешские регионы в сентябре. В период между подписанием Мюнхенского соглашения и концом 1938 года за ними последовало еще 150 000 из этой же области и из других приграничных районов, и еще 50 000 в последующие несколько месяцев. Среди беженцев были чехи и немцы, которые считались евреями в соответствии с нюрнбергскими законами — они прекрасно понимали, что их ждет, если они останутся. К маю 1939 года число евреев в Судетах сократилось с 22 000 до менее 2000. Бежала пятая часть чешского населения приграничья. Почти четверть судетских немцев были противниками партии Генлейна, и 35 000 из них также уехали, в основном немецкие социал-демократы и коммунисты. Судьба оставшихся показала, что, уехав, они поступили мудро. Гестапо и Служба безопасности СС вступили на территорию Судетов вслед за немецкими войсками и арестовали около 8000 этнических немцев и 2000 чехов, которые были противниками нацизма, и после формальных судов над ними поместили большую часть в концентрационные лагеря, а меньшую — в государственные тюрьмы. Немногим более месяца спустя на-

силие погрома 9–10 ноября распространилось и на Судеты, и те евреи, которые оставались там, на себе испытали массовую агрессию, грабежи и разрушение своей собственности. Пятьдесят тысяч служащих чехословацкого государства в системе железных дорог, почтовой службе, школах и местной администрации были уволены и заменены на немцев, после чего они также уехали в оставшуюся часть Чехословацкой Республики, как она теперь называлась¹⁴⁸.

В основном немецкоговорящие области Западной и Северной Богемии, Северной Моравии и Южной Силезии были включены в Третий рейх в виде рейхсгау Судеты, Южная Богемия стала частью Баварии, а Южная Моравия была отписана бывшей Австрии. Генлейн был назначен имперским уполномоченным по новому региону в Имперском министерстве внутренних дел, а на места в региональной и местной администрации, освобожденные чехами, евреями и левыми, госслужащих набирали со всех областей Германии. Тем не менее большинство управленцев на всех уровнях были судетскими немцами — в резком контрасте с Австрией, — нацистский режим предпринял все усилия с целью сохранения отчетливого чувства собственной идентичности для Судетов, оставив в руках людей Старого рейха только гестапо и СС (включая Службу безопасности). Сами судетские немцы активно вливались в нацистскую партию и в ряды СА. Однако вскоре им предстояло сильно разочароваться. Многолетние местные добровольные ассоциации и клубы были распущены и включены в состав организаций нацистской партии, управлявшихся из Берлина. Неприязнь к чужакам из Старого рейха, несмотря на их достаточно небольшое число, вскоре стала повсеместной. Остро чувствовалась безработица, однако промышленным рабочим приходилось мириться с длинным рабочим днем и низкой оплатой, которая стала нормой в Старом рейхе. 22% чешского промышленного производства располагались в аннексированных областях, и оно быстро вливалось в военную экономику Германии, многие немецкие фирмы из всех сил стремились воспользоваться плодами германизации и ариизации чешских и еврейских компаний. «И.Г. Фарбен», «Карл Цейсс — Йена» и крупнейшие немецкие банки и страховые компании совершили значительные приобретения,

хотя компании судетских немцев тоже участвовали в грабеже не без выгоды для себя. 410 000 чехов, остававшихся в аннексированных районах, обнаружили, что их язык запрещен для официального использования, их средние школы закрывались, а добровольные ассоциации и клубы ликвидировались. Они превратились в граждан второго сорта¹⁴⁹.

Мюнхенское соглашение также стало сигналом для небольших стран стремиться отрезать свой кусок от чехословацкого пирога. 30 сентября 1938 года польское правительство потребовало передачи полосы земли в районе Тешена у северной границы Чехословакии, где проживало значительное число поляков, чехам пришлось согласиться, и польские войска вошли на эту территорию 2 октября 1938 года. Чешский генерал, который передавал этот регион, заметил своему польскому коллеге, что тому не придется долго наслаждаться новым владением. Польша, безусловно, была следующей в немецком списке. Однако принципы сохранения границ, закрепленные Версальским миром 1919 года, мало значили перед лицом бушующего национализма польских полковников, которые ввели в захваченной области те же политики авторитарного правления, которые они применяли и дома¹⁵⁰. Вдоль южной границы Чехословакии авторитарное правительство Венгрии во главе с адмиралом Хорти также потребовало себе длинную полосу земли, где доминировало венгерское меньшинство. Однако их вооруженные силы не были подготовлены к вторжению, поэтому им пришлось обратиться к переговорам. Положение осложнялось тем, что теперь на поверхность всплыли напряженные отношения между чехами и словаками, которые отражали давние экономические, социальные, религиозные и культурные различия между двумя основными национальными группами в республике. 7 октября 1938 года лидеры словацких политических партий провозгласили свою автономию с собственным правительством, но по крайней мере номинально в территориальных пределах государства, оставшегося после Мюнхенского соглашения. Конфликтующие требования словаков и венгров в конечном счете были разрешены вмешательством итальянцев, которые с одобрения немцев объявили об урегулировании этого спора 2 ноября 1938 года. В соответствии с ним венгры получали дополни-

тельную территорию в размере 12 000 квадратных километров, где проживало около одного миллиона человек, включая многочисленное меньшинство из более 200 000 словаков. Это было меньше, чем они требовали изначально, но достаточно, чтобы удовлетворить их амбиции на тот момент, и Гитлер ясно дал понять, что он не потерпит с их стороны каких-либо военных действий с целью дальнейшего захвата. Полное отсутствие представителей Великобритании и Франции на переговорах с пугающей ясностью демонстрировало ту уверенность, с которой страны Оси теперь контролировали ситуацию в этой части Европы¹⁵¹.

Признавая этот жестокий факт, правительства в регионе из всех сил старались привести свою политику в соответствие с желаниями немцев. В новом разделенном на три части государстве, управлявшемся из Праги, правые правительства запретили деятельность коммунистов и предприняли решительные меры против социал-демократов. Военное правительство в чешском регионе отчаянно пыталось не обидеть Германию, которая теперь окружала большую его часть. Автономные словацкие власти в Братиславе создали однопартийное государство и проводили свою политику с использованием военизированных формирований, Глинковой гвардии, которая вскоре получила печальную известность за свою жестокость. В третьем недавно созданном автономном регионе на востоке, известном в то время как Карпатская Украина, где основное влияние имел немецкий консул, велось жесткое подавление национальных меньшинств, а украинский был сделан единственным государственным языком. 7 декабря 1938 года был подписан договор об экономическом сотрудничестве с Германией, который дал Третьему рейху контроль над минеральными ресурсами края. Венгры присоединились к Антикоминтерновскому пакту, а румынское правительство предложило Германии свою дружбу. В обеих странах политика правительства быстро смещалась вправо, в Румынии король Кароль совершил переворот против своего собственного кабинета. В Венгрии, Польше и Румынии распространялись антиеврейские меры. Все эти события свидетельствовали о своего рода панике среди небольших государств Восточной Европы. Многие годы Франция пы-

талась объединить их с целью противостояния немецкой экспансии. Мюнхенское соглашение положило всему этому конец¹⁵².

Но Гитлер считал его исключительно временным препятствием для своих планов оккупации и завоевания всей Чехословакии, что бы об этом ни думали западные державы. Со стратегической точки зрения, обладание оставшейся частью страны дало бы дополнительную стартовую площадку для похода на Польшу, военное правительство которой твердо отвергало предложения Гитлера присоединиться к Антикоминтерновскому пакту. Польское правительство также отказывалось уступить Германии Данциг, свободный город под протекторатом Лиги Наций, и коридор, который давал Польше доступ к Балтийскому морю, но отрезал провинцию Восточная Пруссия от остальной части рейха. В большинстве своем немецкое население Данцига поддерживало стремления нацистов, как и другой город на границе Восточной Пруссии и Литвы, Мемель, который был передан литовцам после Первой мировой войны. Теперь Гитлер хотел вернуть оба города Германии, и после окончательного срыва переговоров с польским правительством он начал усиливать давление. Оккупация оставшейся части Чехословацкого государства также должна была предоставить важные экономические ресурсы рейху, поскольку здесь располагалось множество чешских военных производств и крайне необходимые минеральные ресурсы, конструкторские центры, сталелитейные комбинаты, текстильные, стеклодувные и другие заводы, а также квалифицированные рабочие, работавшие на них. Учитывая ухудшение экономической ситуации в рейхе зимой 1938—1939 гг., захват этих ресурсов стал еще более острой задачей. Большие запасы современных вооружений и военного оборудования чехословацкой армии должны были снять некоторые проблемы в военных поставках в Германии. Чешские резервы иностранной валюты также оказались бы крайне полезными. Уже 21 октября 1938 года Гитлер приказал вооруженным силам готовиться к ликвидации Чехословацкого государства и оккупации Мемеля и окружающих его территорий. В первые два месяца 1939 года он произнес три речи перед разными многочисленными группами армейских офице-

ров на закрытых встречах, рассказывая о своем видении Германии в роли доминирующей силы в Европе, об уверенности в необходимости решения проблемы жизненного пространства в Восточной Европе и использования вооруженных сил для решения этих задач¹⁵³.

Возможность компенсировать уступки, сделанные в Мюнхенском соглашении, представилась благодаря быстрому ухудшению отношений между чехами и словаками в республике по поводу финансовых ресурсов. Когда конфликт перерос в кризис, ошибочная уверенность в том, что словаки готовы были объявить полную независимость, заставила чешское правительство 10 марта 1939 года направить войска для оккупации Братиславы. После лихорадочных переговоров словацкие лидеры прилетели в Берлин, где их поставили перед однозначным выбором: либо объявить о полной независимости под протекцией Германии, либо быть захваченными венграми, которые уже заявляли о подобной возможности. Они решили выбрать первый вариант. 14 марта 1939 года словацкий парламент объявил о независимости страны, а на следующий день ее лидеры с неохотой попросили Третий рейх о защите от чехов, после того как немецкие канонерки на Дунае направили свои пушки на правительственные здания в Братиславе. Столкнувшись с неминуемым уничтожением страны, президент Чехословакии Эмиль Гаха вместе со своим министром иностранных дел Франтишком Хвалковским отправился в Берлин, чтобы встретиться с Гитлером. Как и до него в случае с Шушнигом, Гаху заставили ждать глубоко за полночь (пока Гитлер смотрел развлекательный фильм), затем немецкий фюрер безжалостно набросился на него в присутствии высокопоставленных государственных деятелей, военных и других, включая Геринга и Риббентропа. Немецкие войска были уже в пути, сказал Гитлер. Когда Геринг добавил, что немецкие бомбардировщики сбросят свой боезапас на Прагу в течение нескольких часов, пожилой и больной чешский президент потерял сознание. Когда личный врач Гитлера привел его в чувство, Гаха позвонил в Прагу, приказав своим войскам не стрелять по вторгавшимся немцам, после чего около четырех утра 15 марта 1939 года подписал документ, в котором соглашался на установление немецкого протектората над своей страной.

«Я войду в историю как самый великий немец из всех», — сказал восторженный Гитлер своим секретарям, выйдя из комнаты для переговоров¹⁵⁴.

IV

В шесть утра немецкие войска пересекли чешскую границу. Они подошли к Праге в девять. В этот раз на их пути не было толп, бросавших под ноги цветы, только группы мрачных и негодующих чехов, которые иногда поднимали вверх кулаки в жесте неповиновения. Этого следовало ожидать, позднее отмечал Гитлер, нельзя было требовать от них энтузиазма. Днем Гитлер поездом приехал к границе, а затем в метель проехал на машине с открытым верхом, приветствуя немецкие войска, проходившие мимо него. Когда он приехал в Прагу, она была пуста. Чешские отряды были в казармах, сдав оружие и боевую технику немцам, гражданские оставались по домам. Гитлер провел ночь в Градчинском замке, символическом месте собрания чешской верховной власти, где ему подали скромный ужин — к его приезду ничего не было готово, — и занялся проработкой условий декрета, провозглашавшего немецкий протекторат, вместе с министром внутренних дел Фриком и статс-секретарем Вильгельмом Штукартом, который уже подготавливал проект положения по управлению Австрией после ее аннексии¹⁵⁵.

Декрет был зачитан Риббентропом по пражскому радио утром 16 марта 1939 года, в нем объявлялось, что остававшиеся чешские земли с этого момента будут называться Имперским протекторатом Богемия и Моравия — прежнее название этих земель при габсбургской монархии. Демократические институты, включая парламент, были упразднены, однако была сохранена номинальная чешская администрация под руководством Гахи в роли президента, с премьер-министром и Комитетом национального единства с пятьюдесятью назначаемыми членами. Все примерно 400 000 чешских госслужащих и чиновников сохранили свои места, а из Германии прибыло около 2000 управленцев того же уровня или в качестве руководителей. Другие чешские институты, включая суды, также сохранились, однако чешское законодательство оставалось в силе, только если оно касалось

вопросов, не охваченных законами Великогерманского рейха, которые теперь распространялись на всю территорию протектората и имели главенствующую силу во всех отношениях.

Все чехи и другие национальности теперь подчинялись этим законам и декретам, изданным протекторатом, однако немцы, проживавшие на территории протектората, включая уже находившихся там этнических немцев, подчинялись только немецким законам. Важно, что чехам не давалось немецкое гражданство. Это породило различие в правах, которое в будущем стало гораздо более отчетливым и затронуло намного более многочисленные группы людей¹⁵⁶.

Реальная власть находилась в руках имперского протектора. На этот пост Гитлер назначил Константина фон Нейрата, бывшего министра иностранных дел, старого консерватора, которому Гитлер был благодарен за его роль в разрешении Мюнхенского кризиса в сентябре прошлого года. Нейрат вместе с немецкими армейскими офицерами, такими как командующий войсками в Богемии Йоханнес Бласковиц, попытался проводить относительно умеренный курс, поддерживать дисциплину в рядах оккупантов и сдержанно действовать в отношении чехов. Однако постепенно маска умеренности начала спадать. Поддержанный в своем решении Карлом Германом Франком, своим помощником, который возглавлял СС и полицию в протекторате, Нейрат приказал арестовать тысячи коммунистов, которых допросили в гестапо и в большинстве своем отпустили, и множество немецких беженцев, включая социал-демократов, которых захватили в ходе немецкого вторжения в Прагу. Большинство из них отправили в концентрационные лагеря в Германии. 8 июня 1939 года гестапо после убийства немецкого полицейского арестовало целый городской совет горнодобывающего района Кладно, их жестоко избили, некоторые умерли. В то же время в других местах было распущено шесть муниципальных советов, и на их место пришли немецкие администраторы. Далее последовали более жесткие законы и были предприняты меры для выявления евреев внутри протектората с целью применения к ним нюрнбергских законов¹⁵⁷.

Тем временем на оккупированную территорию вошли особые части, которые захватили огромное количество боевой техники, оружия и боеприпасов, включая 1000 самолетов, 2000 легких ар-

тиллерийских орудий, более 800 танков и многое другое помимо этого. Однако все это было лишь малой частью военных потребностей Германии, кроме того, часть из захваченного пришлось продать за границу за остро необходимую иностранную валюту. Еврейские фирмы были немедленно экспроприированы, а их средства переведены немецким компаниям. Был захвачен золотой резерв чешского государства (Банк Англии, к изрядному раздражению британского правительства, в 1939 году отправил более 800 000 унций золота с лондонского счета чешского правительства новым оккупационным властям в Праге). Тем не менее представители Четырехлетнего плана и Имперского министерства экономики, прибывшие в Прагу 15 марта, пытались не подрывать чешскую экономику и не заставлять нееврейских чешских бизнесменов бросать свои предприятия. Чешские международные компании, как, например, обувная империя «Батя», давали серьезную прибыль, и их деятельность не подвергалась серьезным ограничениям со стороны немецких оккупантов. «Шкода» и другие предприятия тяжелой промышленности продолжали производить продукцию в основном для экспорта в страны помимо Германии. Однако в то же время немцы быстро вводили меры, уже действовавшие у них на родине, с целью призыва рабочих и управления трудовыми ресурсами. Безработные чешские крестьяне уже пытались бежать от безработицы, находя временные места в развивавшейся немецкой экономике — более 105 000 человек в 1938 году, — а теперь немецкие агенты стали набирать людей в еще больших количествах. В первые несколько месяцев оккупации около 30 000 человек, в основном квалифицированных рабочих-станочников, удалось уговорить отправиться на работу в Старый рейх¹⁵⁸.

Основываясь на опыте аннексии Австрии и впервые распространяя его на страну, которую они считали завоеванной чужой землей, в ходе оккупации Чехословакии нацисты создали ряд институтов, которые стали моделью для других стран позднее. Местная промышленность продолжила функционировать под немецким контролем и с большим вовлечением Германии в виде захватов немецкими фирмами, в особенности это касалось экспроприированных еврейских компаний. Местная бюрократия и номинальное правительство остались на своих местах под контролем немецкого администратора — имперского уполномоченного. Эко-

номика была интегрирована в более обширную немецкую сферу влияния, включая разделение труда с Германией — в данном случае чешская промышленность должна была ориентироваться на экспорт в Юго-Восточную Европу, а немецкая — на Запад. Средства государства и еврейского населения были безжалостно разграблены (сокровища чешской короны были перевезены в Германию, за ними последовали намного большие богатства)¹⁵⁹.

Чешские рабочие, призванные в Старый рейх, получали особый юридический статус людей второго сорта. Ранее, учитывая необходимость сохранять хорошие отношения с их родными странами, иностранным рабочим в Германии за нарушение закона грозила в основном только депортация. Теперь же такая угроза не только рассматривалась как необязательная, но считалась непродуктивной. Новые нормы, принятые 26 июня и 4 июля 1939 года, предусматривали помещение в предварительное заключение в концентрационных лагерях для чешских рабочих в Германии за воровство, мародерство, политическую активность, демонстрацию враждебного отношения к национал-социалистическому государству или за отказ работать. Это немедленно поставило их вне закона. Несмотря на это, 18 000 чешских рабочих добровольно приехали на работу в разные части рейха в марте 1939 года, и еще более 16 000 в апреле и в мае. После этого эти цифры резко сократились. Рядом больше не было мест, способных удовлетворить спрос рейха на рабочую силу. Вероятность принудительного призыва становилась все более очевидной. 23 июня 1939 года, рассматривая перспективы предстоящего европейского конфликта, Геринг отмечал: «Во время войны сотни тысяч людей с заводов, не задействованных в военной экономике, будут работать в Германии, в основном в сельском хозяйстве, жить в бараках и под надзором»¹⁶⁰. Дорога к систематической высылке и эксплуатации миллионов европейцев на благо немецкой военной экономики была открыта.

Эта модель стала дурным предзнаменованием для Словакии, которая также была включена в экономическую империю Германии. Воодушевленные Гитлером венгры, управлявшие Словакией несколько веков до Версальского мирного договора, который отобрал ее у них, изначально надеялись получить эту территорию назад. Они с раздражением восприняли решение словаков, под-

держанное немецким правительством, объявить независимость под немецким протекторатом. Гитлер попытался успокоить венгерского регента адмирала Хорти, объявив 12 марта, что тот может аннексировать Карпатско-Украинский регион Чехословакии, которого Венгрия давно уже добивалась. Оба правительства одобрили такой план действий, отметив, что 6 марта 1939 года чехословацкое правительство фактически упразднило Карпатско-Украинскую автономию. А упоминание распространенных злоупотреблений полномочиями со стороны властей позволяло теперь представить оккупацию как еще один случай чешской тирании, которая требовала вмешательства из-за рубежа. В этом регионе лишь 12% из 552 000 жителей были венграми, однако правительство в Будапеште считало, что эта область исторически принадлежала Венгрии по праву. Оно направило туда свои войска 16 марта 1939 года, перебросив часть сил через словацкую границу, пока немцы не приказали им остановиться¹⁶¹. Наконец, в качестве последнего акта этой быстрой череды событий Риббентроп сообщил литовскому министру иностранных дел, вызванному в Берлин 20 марта, что немецкие самолеты начнут бомбить их столицу Ковно (Каунас), если их правительство не согласится уступить Мемель Германии, чего требовала немецкая община, в большинстве своем придерживавшаяся нацистских взглядов. Судьбы Чехословакии и Карпатской Украины теперь было достаточно, чтобы убедить литовцев согласиться, и документы о передаче были подписаны 23 марта. Немецкие войска вошли на территорию Мемеля в тот же день, а днем Гитлер лично прибыл туда на военном корабле, чтобы поприветствовать ликующих местных немцев. Он уехал в Берлин в тот же вечер¹⁶².

И снова ему удалось аннексировать большую территорию без кровопролития. Кризис марта 1939 года был краткосрочным, и он не позволил развиваться своего рода «военному психозу», который охватил людей летом предыдущего года. Включение Мемеля в состав рейха одобряли практически все, даже многие среди бывших социал-демократов. Тем не менее агенты социал-демократов сообщали о распространенном беспокойстве в связи с последствиями вторжения в Чехословакию, не в последнюю очередь потому, что его нельзя было оправдать спасением немецкого меньшинства от угнетения, как бы это ни пыталась

представить геббельсовская пропаганда. «Я думаю, — говорил один рабочий, — им надо было оставить чехов в покое, это не кончится добром». И только после объявления о том, что оккупация прошла без потерь, народ начал рукоплескать очередному успеху Гитлера. Отмечалось, что многие люди вели себя равнодушно, поскольку их националистические чувства были приглушены предыдущими успехами в Австрии и Судетах. Среди средних классов было распространено ощущение, что это не имело значения, раз войны удалось избежать. Однако отмечалось, что сомнений в связи с этим захватом было гораздо больше, чем раньше. На тот момент это была наименее популярная победа Гитлера. «Однажды мы уже побеждали без остановки, — цинично сказал один рабочий, вспоминая пропагандистские лозунги Первой мировой войны, — и это закончилось плохо»¹⁶³.

«Марш на Восток»

I

Волнение, которое испытывали многие простые немцы в связи с войной, помимо прочего усиливалось международной реакцией на уничтожение Чехословакии. Британское правительство под руководством премьер-министра Невилла Чемберлена считало подписанное в результате упорных переговоров Мюнхенское соглашение неприкосновенным, великим дипломатическим достижением, которое разрешало все остававшиеся проблемы в Центральной Европе. Чемберлен поверил заверениям Гитлера в том, что у того больше не было территориальных притязаний. Теперь лист бумаги, которым Чемберлен размахивал перед торжествующей толпой сторонников в качестве свидетельства, что он установил «мир для нашего поколения», был разорван на клочки. Британское мнение, озвученное на задних скамьях Палаты общин, резко обернулось против немцев. Нерешительно, следуя совету Министерства иностранных дел, Чемберлен в своей публичной речи 17 марта высказал подозрение в том, что Гитлер стремился не к исправлению несправедливостей Версальского мира 1919 года, но «к силовому доминированию над миром»¹⁶⁴.

На следующий день британский кабинет согласился начать переговоры с польским правительством с целью определить наилучший способ остановить немецкую угрозу для их страны. Пока Великобритания и Франция прикладывали все усилия для ускорения перевооружения и велись лихорадочные переговоры с поляками, новости об угрозе для Польши со стороны Германии стали достоянием гласности в отчетах из Берлина, опубликованных в британской прессе 29 марта. Чемберлен немедленно дал государственную гарантию того, что если независимость Польши будет поставлена под угрозу, то Великобритания обязательно вмешается для ее защиты. Эта гарантия должна была отпугнуть немцев. Однако она оказалась ограничена различными секретными условиями, которые позволяли продолжать политику умиротворения. Британское правительство заявило, что эта гарантия будет иметь силу, только если поляки не станут демонстрировать «провокационное или глупое упрямство» в ответ на требования немцев о возвращении Данцига и Польского коридора. Таким образом, Чемберлен все еще продолжал думать об урегулировании путем переговоров, которое бы оставило Польшу в таком же уязвимом положении, как Мюнхенское соглашение оставило Чехословакию. В конечном счете Польша тоже была далекой страной. Более того, эта гарантия приводилась бы в действие только в случае мобилизации польских национальных сил обороны для оказания отпора немецкому вторжению. Чемберлен все еще продолжал надеяться на мир, сменив свою позицию с прямого умиротворения на комбинацию умиротворения и сдерживания¹⁶⁵.

С немецкой точки зрения, гарантии Чемберлена не доставало правдоподобия по ряду причин. Для начала — как Великобритания собиралась фактически помогать Польше, если бы война действительно началась? Как можно было решить географические и транспортные проблемы? Неопределенность гарантии и постоянные оговорки Чемберлена только усиливали сомнения. Но главное, опыт предыдущих лет, начиная с Рейна и Австрии и заканчивая Мюнхенским соглашением, твердо убедил Гитлера, что Великобритания и Франция постараются всеми силами избежать участия в военных действиях. По его мнению, их лидеры были бесхребетными трусами¹⁶⁶. Более того, в отличие от преды-

душей войны немецкая армия и ее руководство не колеблясь начали бы агрессию против поляков, которых в отличие от современной и хорошо вооруженной чешской армии они считали отсталыми, плохо организованными и экипированными. Уже в конце марта 1939 года Браухич, которому Гитлер сообщил о необходимости начать военные действия против Польши, если переговоры по Данцигу и Коридору завершатся ничем, подготовил предварительный план вторжения под кодовым названием «План Вайс». Гитлер одобрил его, дописал вступление, в котором объявлял, что будет стремиться локализовать конфликт, и приказал готовить его осуществление в начале сентября 1939 года. Как и в предыдущие годы в Берлине началась пропагандистская кампания против объекта враждебных намерений Германии. Пятичасовой военный парад по столице в честь 50-летия Гитлера 20 апреля 1939 года стал, как писал Геббельс в своем дневнике, «ярчайшей демонстрацией силы и мощи Германии. Впервые была показана наша самая тяжелая артиллерия», — добавлял он. Восемь дней спустя, 28 апреля 1939 года, Гитлер официально объявил в Рейхстаге об аннулировании Пакта о ненападении с Польшей, подписанного в 1934 году, и Военно-морского соглашения с Великобританией, подписанного в следующем году. В начале апреля 1939 года Вайцзеккер сообщил полякам, что срок на переговоры по Данцигу и Коридору подошел к концу¹⁶⁷.

23 мая 1939 года Гитлер сообщил руководителям вермахта, включая Геринга, Гальдера и Редера, что «дальнейшие успехи невозможны без кровопролития». «Сегодня на карту поставлен не Данциг, — продолжал он. — Для нас это вопрос расширения нашего жизненного пространства на Восток и обеспечения продовольственной безопасности для страны... Если судьба приведет нас к конфронтации с Западом, хорошо бы было иметь изрядные территории на Востоке». Поэтому напасть на Польшу необходимо было при первой подходящей возможности. Гитлер допускал, что Великобритания и Франция могли прийти на помощь Польше. «Таким образом, Англия является нашим врагом, и война с ней — это вопрос жизни и смерти». При возможности Польша должна была погибнуть в одиночестве без сторонней помощи. Однако в долгосрочной перспективе война с Англией и Францией была неизбежна. «Англия — это главный источник враждеб-

ности против Германии». Гитлеру также хотелось бы надеяться, что такая война будет короткой. Однако, сказал он, необходимо было готовиться к войне, которая будет продолжаться десять или пятнадцать лет. «Время решит не в пользу Англии». Если оккупировать Голландию, Бельгию и Францию, подвергнуть бомбардировке английские города, перекрыть атлантические поставки с помощью морской и воздушной блокады, то Англия истечет кровью. Однако, добавил он, Германия, наверное, не будет готова к такому конфликту в ближайшие пять лет. Таким образом, немецкая политика в 1939 году должна была ориентироваться на максимальную изоляцию Польши и обеспечение условий, в которых предстоящие военные действия не привели бы к немедленной общеевропейской войне¹⁶⁸. Этот довольно непоследовательный набор задач, а местами и бессвязные замечания выдавали неуверенность Гитлера по поводу последствий вторжения в Польшу. Однако для их поддержки была организована целая дипломатическая кампания, целью которой было лишить Польшу любой возможной помощи. 22 мая немецкий альянс с Италией был преобразован в «Стальной пакт», в то же время были заключены соглашения о ненападении с Латвией, Эстонией и Данией. Договор, подписанный в марте 1939 года, давал Германии доступ к румынским источникам нефти на случай войны, и одновременно были заключены похожие, хотя и не такие односторонние торговые соглашения со Швецией и Норвегией по поставкам железной руды. Однако переговоры с Турцией, Югославией и Венгрией оказались не такими успешными, на них звучали заверения в добрых намерениях, особенно в экономической области, но не было каких-либо конкретных результатов¹⁶⁹. Но самый удивительный шаг был сделан в направлении Москвы. Уже в мае Гитлер начал понимать, что для успеха вторжения было жизненно необходимо обеспечить благожелательный нейтралитет Советского Союза, чьи протяженные границы с Польшей имели центральное стратегическое значение. Существовала опасность, что Великобритания и Франция заручатся поддержкой Советов с целью сдержать немецкую агрессию. К концу июня 1939 года Гитлер уже не включал в свои речи традиционные обличения угрозы мирового большевизма. Вместо этого он направил свой огонь против западных демократий¹⁷⁰. В то же время Риббентроп начал

тайно подготавливать почву для заключения официального соглашения с Советами. Его ободрила речь, произнесенная Сталиным 10 марта 1939 года, в которой тот объявил, что не захочет приходить на помощь западным капиталистическим странам, если они вступят в вооруженный конфликт с Германией, поскольку их политика соглашательства с гитлеровскими требованиями очевидным образом вела к усилению Германии в отношении ее долгосрочных планов по нападению на Советский Союз. 3 мая 1939 года Сталин подал ясный сигнал Берлину, уволив Максима Литвинова, долгое время занимавшего пост министра иностранных дел, который активно выступал за коллективную безопасность и цивилизованные отношения с Западом. Вместо него он поставил своего верного сторонника Вячеслава Молотова. Ни от чьего внимания не ускользнул тот факт, что Литвинов был евреем, а Молотов — нет¹⁷¹.

Сталин в 1939 году оказался в сложной ситуации. В течение предыдущих нескольких лет он вел жестокие чистки среди высшего генералитета, руководства военной промышленности и старших армейских офицеров. В высших эшелонах власти осталось лишь немного людей, имевших непосредственный опыт военных действий. Компетентных технических экспертов арестовывали и расстреливали тысячами. Военная готовность Советского Союза была плачевной¹⁷². Сталин с июня 1939 года знал о намерениях Гитлера оккупировать Польшу в конце августа или начале сентября¹⁷³. Больше всего другого ему требовалось убедиться, что вторжение не пойдет дальше. Ему было необходимо время, чтобы перегруппировать и перестроить Красную Армию, модернизировать вооружения и производство боевой техники и подготовиться к нападению, которое, он точно знал, обязательно последует некоторое время спустя после завоевания Польши Германией. В некоторой степени он оставлял возможность формирования союза с западными странами, однако они колебались, считая его ненадежным, а Риббентроп и немецкий МИД были полны желания заключить альянс, несмотря на личные сомнения Гитлера. Когда знаки из Москвы стали еще очевиднее, Риббентроп увидел в них возможность шокировать англичан, которых он до сих пор страстно ненавидел за свои унижения в годы службы в качестве посла в Лондоне, и

провернуть блестящую дипломатическую операцию, которая подарит вечную благодарность и одобрение Гитлера. Переговоры по улучшению советско-германских торговых отношений начинались, срывались и начинались снова. И Молотов, и Риббентроп отмечали, что экономическое соглашение должно иметь политическое измерение. И это было не за горами. В начале августа 1939 года Риббентроп и Вайцзеккер с одобрения Гитлера подготовили планы совместного разделения Польши с Советским Союзом. Но Сталин все еще колебался. Однако наконец 21 августа он согласился со все более настойчивыми запросами Гитлера о подписании официального пакта. Отметя в сторону нерешительные британские попытки достигнуть договоренности, советский диктатор пригласил Риббентропа в Москву. Тот прибыл 23 августа. Ранним утром 24 августа Пакт о ненападении был подписан¹⁷⁴.

Официальный союз между двумя странами, которые в предыдущие шесть лет открыто поливали друг друга грязью и были главными поддерживающими силами двух противоборствующих сторон в испанской гражданской войне, оказался, мягко говоря, неожиданным¹⁷⁵. Однако для этого соглашения у обеих сторон были веские причины. С точки зрения Гитлера, оно было необходимо для обеспечения согласия Советов на немецкое вторжение в Польшу. В противном случае крайне отчетливой становилась возможность кошмарного сценария с вторжением, перерастающим в европейскую войну на двух фронтах. Для Сталина оно давало отсрочку и открывало заманчивые перспективы масштабной войны между европейскими капиталистическими державами вплоть до их взаимного уничтожения. Более того, если в опубликованной версии Пакта определялось, что обе страны не станут объявлять войну друг другу в течение десяти лет, будут улаживать споры путем переговоров или при содействии третьих сторон и увеличат масштаб торговых отношений, то в секретных положениях Германия и Советский Союз распределяли между собой сферы влияния в Центральной и Восточной Европе. В соответствии с ними Сталин получал восточную часть Польши вместе с Латвией, Литвой и Эстонией, а Гитлер — западную часть. Значение этих положений трудно переоценить. И Гитлер, и Сталин понимали, что Пакт вряд ли продержится оговоренные

десять лет. В действительности он не просуществовал и двух. Однако в конечном счете определенные в нем границы Польши, соответствующие немецкой и советской зонам влияния, сохранились, а советская оккупация балтийских государств продлилась практически до конца XX века¹⁷⁶.

У Пакта были и другие последствия. Во время подробных переговоров немецкая сторона подняла вопрос о немецких политических беженцах в Советском Союзе. У Сталина не было причин защищать их, напротив, он крайне подозрительно относился к иностранцам любого рода, которые нашли свой дом в России, а также к многим русским, вступавшим с ними в контакт. Поэтому он согласился выслать их обратно в Третий рейх. После подписания Пакта советские власти собрали примерно 4000 немецких граждан и передали их гестапо. От 1000 до 1200 были немецкими коммунистами. Некоторые, как, например, Маргрет Бубер-Нойман, уже были помещены под стражу сталинской тайной полицией до того, как их отправили в немецкий концентрационный лагерь. Ее мужа Гейнца Ноймана исключили из руководства Немецкой компартии в 1932 году за призывы к созданию объединенного фронта с социал-демократами против нацистской угрозы, отправили в Испанию, а потом в Москву, где в 1937 году арестовали и казнили. Его вдову депортировали напрямую из советского трудового лагеря в концентрационный лагерь Равенсбрук в 1940 году. Для немецких коммунистов-евреев была уготована еще более страшная судьба. Среди них был дирижер и композитор Ганс Вальтер Давид. Он родился в 1893 году, бежал в Париж в 1933 году, а затем в Москву в 1935 году. Он стал жертвой большой сталинской чистки 1937 года и был приговорен к заключению в лагерь в 1939 году якобы за шпионаж в пользу Германии — пример параноидальной подозрительности Сталина к иностранцам в Советском Союзе. В апреле 1940 года Давиду сообщили, что его приговор был заменен на депортацию. Он был передан немцам 2 мая 1940 года и убит в СС. В феврале 1940 года благодарное немецкое посольство в Москве поблагодарило советские власти за их сотрудничество в нахождении и передаче большого числа беженцев вроде него¹⁷⁷.

Тем временем коммунистические партии по всей Европе отчаянно пытались сделать Пакт популярным среди своих членов,

многие из которых стали коммунистами в первую очередь из-за того, что их партия вроде бы собиралась до конца сражаться с мировым фашизмом. За неверием последовала дезориентация. Многие чувствовали себя преданными. Однако вскоре большинство коммунистов согласилось с тем, что Пакт, возможно, был не таким уж плохим решением. Годы обучения в строгой партийной дисциплине, поддержки всех изменений в партийной доктрине и политике в конечном счете сильно упростили принятие рядовыми членами даже такой удивительной смены курса на 180 градусов. Некоторые думали, что это может даже привести к легализации коммунистической партии в Германии, многие считали, что война между капиталистическими державами в любом случае была не их делом, все почитали Сталина как великого мыслителя и мастера политической интриги, гения, который всегда знал, что будет лучше и чьи решения всегда оказывались верными¹⁷⁸. Некоторые нацисты также сомневались в целесообразности Пакта. Антикоммунизм был центральным догматом нацистской идеологии, и теперь казалось, что Гитлер отвергал его. Наутро после объявления о подписании Пакта сад перед Коричневым домом, штаб-квартирой нацистов в Мюнхене, был усыпан партийными значками, с ненавистью выброшенными возмущенными членами партии. Альфред Розенберг, фанатичный антикоммунист, винил в организации Пакта амбициозного Риббентропа. Он считал, что союз с Великобританией был бы предпочтительней. Тем не менее, как и большинство других нацистов, он так привык безоговорочно принимать все решения Гитлера, что в конечном счете согласился. Многие понимали, что сближение с Советским Союзом было чисто тактическим. «Вождь сделал блестящий ход», — восторженно писал Геббельс в своем дневнике¹⁷⁹.

II

Растущее нетерпение Гитлера в последние дни и недели перед подписанием Пакта обуславливалось не в последнюю очередь тем, что вторжение в Польшу уже было назначено на 26 августа 1939 года¹⁸⁰. Тем временем Гитлер предпринял меры с целью избежать развития «военного психоза», который доставил столько

беспокойства обычным немцам во время чехословацкого кризиса предыдущим летом. Он постарался вести себя на публике так, как будто бы ничего необычного не происходило, съездил в тур по любимым местам своего детства в Австрии, посетил Байройтский фестиваль, огромную выставку немецкого искусства и культуры в Мюнхене и провел несколько недель в своем горном особняке в Оберзальцберге. Он объявил, что ежегодный партийный съезд в Нюрнберге станет «Съездом мира» и начнется в первых числах сентября (он предполагал, что к этому времени немецкие войска уже будут маршировать по Польше). И он постарался обратить общественное внимание на позицию Польши в отношении Данцига. На самом деле это был второстепенный вопрос, не более чем предлог. Однако начиная с мая Геббельс стал выпускать ежедневные инструкции для прессы, позволившие развернуть кампанию ненависти против Польши, в которой дело представлялось так, будто этнические немцы, проживавшие в стране и в первую очередь в Данциге, находились под постоянной, смертельной и растущей угрозой насилия со стороны поляков. «Этнические немцы бегут от польского террора, — кричали заголовки. — В немецкие дома вламываются с топорами — Недели польского террора — Сотни беженцев арестованы поляками». Поляки якобы убивали этнических немцев, стреляли в немецких прохожих в Данциге и в целом постоянно их запугивали, делая жизнь невыносимой. Несмотря на то что политика польского правительства по отношению к этническому немецкому меньшинству была намного менее либеральной и терпимой, чем в Чехословакии, эти истории были гротескными преувеличениями, если не сказать чистой выдумкой. Со своей стороны нацисты, которые доминировали в политической жизни Данцига, поддерживали напряженность, провоцируя поляков и устраивая постановочные сцены для немецкой прессы, например, организуя жестокие нападения на польских сотрудников таможни и распространяя рассказы об их зверствах, когда те пытались защитить себя¹⁸¹.

Однако волна пропаганды, поднятая Геббельсом, представляла события в таком свете, будто снова настали времена Судетов, а включение Данцига в состав рейха вместе с пока еще неподписанным соглашением по Польскому коридору и, возмож-

но, опять при содействии Великобритании и Франции, было именно тем, чего добивался Гитлер. Даже социал-демократы признавали, что поляков презирало и недолюбливало подавляющее большинство немецкого населения, включая рабочих, которые считали их грязными, отсталыми и дешевыми конкурентами на рынке труда. Горькая память о боях конца Первой мировой войны не стерлась и двадцать лет спустя. Тем не менее была надежда, что эти вопросы удастся уладить мирным путем. «Данциг, — думали сторонники социал-демократов, — это, в конце концов, чисто немецкий город. Кто может что-либо сказать против того, что Германия забирает его себе обратно? Ситуация с Данцигом в целом намного проще, чем с Чехословакией». Разумеется, Англия и Франция должны были это понять¹⁸².

Такие взгляды были распространены и среди сторонников нацистов. «Никто из нас, — вспоминала позднее Мелита Машман, — не сомневался, что Гитлер избежит войны, если он сможет придумать способ»¹⁸³. В конце концов, ему столько раз это уже удавалось. Гитлер был гением дипломатии, и люди верили его заверениям в том, что он был приверженцем мира¹⁸⁴. В отчете об отношении к кризису со стороны сельского населения в баварском районе Эберманштадте от 30 июня 1939 года местный чиновник без колебаний утверждал: «Желание мира сильнее желания войны. Таким образом, среди подавляющего большинства населения решение данцигского вопроса найдет понимание, только если оно будет достигнуто таким же мирным путем, как в ходе предыдущих аннексий на Востоке».¹⁸⁵ Мысль о том, что Гитлер искал мирного решения ситуации с Данцигом, не только должна была свести к минимуму озабоченность собственного населения. 11 августа 1939 года Гитлер по собственной инициативе встретился в Оберзальцберге с Верховным уполномоченным Лиги Наций в Данциге, швейцарским дипломатом Карлом Буркхардтом, с целью продемонстрировать свою готовность к переговорам с британцами. Однако он полностью испортил этот просчитанный ход, начав кричать, что сотрет Польшу в порошок, если ее правительство не выполнит его требований¹⁸⁶.

Никакие дипломатические шаги Гитлера не оказали значительного эффекта на позицию, которую занимали другие международные игроки в этой смертельной игре, даже его объявле-

ние о Нацистско-советском пакте. Польское правительство всегда с подозрением и недоброжелательно относилось к Советскому Союзу, с которым Польша вела ожесточенную войну в начале 1920-х гг., поэтому с этой точки зрения Пакт не играл особой роли. События в Данциге и схожие волнения в Силезии только укрепили решимость поляков сопротивляться любым сделкам, учитывая, что они лишь предоставят Польшу Германии, как это произошло с Мюнхенским соглашением и Чехословакией. Но в любом случае вероятность заключения сделки была мала. И британское, и французское правительства настаивали на том, что Нацистско-советский пакт не сможет изменить их решение выступить на стороне Польши, как сообщил Чемберлен в письме Гитлеру, доставленном в Оберзальцберг в целом прогермански настроенным британским послом сэром Невиллом Хендерсоном 23 августа 1939 года. Получив письмо, Гитлер обрушился на Хендерсона с гневной речью против британцев, которые, кричал он, собирались уничтожить Германию раз и навсегда в интересах низших рас. Однако 25 августа 1939 года по возвращении в Берлин Гитлер взял другой курс, в общих чертах обрисовав Хендерсону соглашение с Великобританией, которое можно было заключить после решения польского вопроса. Когда Хендерсон улетел назад в Лондон для консультаций, Гитлер узнал, что британцы только что заключили военный союз с Польшей. Плохая репутация Риббентропа в Великобритании сводила на нет его попытки выиграть расположение Чемберлена. На время убрав в сторону своего министра иностранных дел, Гитлер обратился к Герингу, которого всегда гораздо больше уважали в Лондоне. Шведский друг Геринга Биргер Далерус был направлен в британскую столицу с целью дальнейшего прощупывания почвы. Из ответа, доставленного Хендерсоном 28 августа 1939 года, они уяснили для себя, что британское правительство было готово признать границы между Германией и Польшей, утвержденные в ходе мирных переговоров, и поддержать возвращение зарубежных немецких колоний, переданных под мандат Лиги Наций по условиям Версальского мира 1919 года, однако британцы по-прежнему собирались поддержать Польшу военной силой в случае вторжения Германии¹⁸⁷.

22 августа 1939 года Гитлер вызвал высших руководителей вооруженных сил в Оберзальцберг и сообщил, что вторжение состоится. Они прибыли в гражданской одежде, чтобы избежать подозрений. Пакт со Сталиным должен был быть вскоре подписан, и Гитлер находился в уверенном расположении духа. Он сказал, что еще весной решил завоевать Польшу. «Сначала я думал через несколько лет направить наши силы против Запада и только после этого против Востока. Однако последовательность этих действий нельзя жестко закрепить». Польская ситуация стала недопустимой. Настал момент для удара. «Англия и Франция взяли на себя обязательства, которые ни одна из этих стран не в состоянии выполнить. В Англии нет настоящего перевооружения, а только пропаганда». Таким образом, после вторжения в Польшу полномасштабная война начаться не могла. Риск для западных демократий был слишком велик. В то же время завоевание Востока открывало поставки зерна и сырья, что свело бы на нет любые будущие попытки блокады. «Положено начало уничтожению английской гегемонии». «Наши враги, — добавил он, — это мелкие жалкие черви. Я хорошо изучил их в Мюнхене»¹⁸⁸. За обедом некоторые присутствовавшие офицеры высказали свою обеспокоенность в связи с такими мыслями. Многие из них чувствовали, что Гитлер обманывается, утверждая, что Великобритания и Франция не станут вмешиваться. Чтобы укрепить их решимость, Гитлер снова обратился к ним днем. «Каждый, — сказал он им, — должен разделять мнение о том, что нам было определено воевать с западными державами с самого начала. Это война не на жизнь, а на смерть». Западные лидеры были «слабыми людьми». Даже если бы они объявили войну, они мало что могли сделать в короткие сроки. «Уничтожение Польши остается приоритетной задачей», — заключил он¹⁸⁹.

Гитлер на самом деле продолжал верить, что англичане не станут вмешиваться, а угроза усиления Америки, по его мнению, должна была подтолкнуть их к союзу с Германией¹⁹⁰. Однако озвученные в этот раз перед генералами планы начать вторжение 26 августа были неожиданно сорваны Муссолини, который посчитал себя оскорбленным из-за того, что, несмотря на все заверения Стальского пакта, Гитлер не стал полностью посвящать его в свои планы по поводу Польши. Известие о планируемом втор-

жении, переданное Риббентропом Чиано раньше в этом месяце, стало полным сюрпризом для итальянцев. 24 августа 1939 года Гитлер написал Муссолини личное письмо с просьбой о поддержке. 25 августа 1939 года, когда войска уже получили приказы о выдвижении, в Имперскую канцелярию пришел ответ Муссолини. Уже были закрыты немецкие аэропорты, отменен ежегодный Нюрнбергский съезд и определена дата введения продовольственных раций — 27 августа 1939 года. Муссолини заявил Гитлеру, что Италия была не готова предложить какую-либо военную помощь в случае войны. «Итальянцы ведут себя точно так же, как в 1914 году», — негодовал Гитлер. Он отменил прежние приказы, и вторжение удалось остановить незадолго до того, как войска достигли польской границы¹⁹¹.

Начался эндшпиль. Справившись со своим гневом в адрес итальянцев, которые в дополнение к своей демонстрации оскорбления предложили созвать конференцию с англичанами и французами с целью выработать решение на манер Мюнхенского соглашения, Гитлер попытался добиться нейтралитета от Англии и Франции. На последующих встречах с Хендерсоном ему так и не удалось заставить британцев изменить свою позицию по ключевому вопросу об их гарантии помощи Польше в случае вооруженного конфликта. Многие из того, что говорил Гитлер, включая предложение провести референдум на территории Коридора и вернуть Данциг Германии, было лишь дымовой завесой, которая должна была убедить немецкий народ в том, что он предпринял все возможные усилия для сохранения мира. Когда Риббентроп передал предложение Хендерсону в Имперской канцелярии в полночь 30 августа 1939 года, он прочитал его слишком быстро, чтобы посол смог сделать какие-либо замечания, а затем швырнул его на стол, заявив, что оно все равно уже было просрочено. Переводчик на встрече позже рассказывал, что атмосфера была настолько ужасной, что он боялся, что дело дойдет до драки. Гитлер приказал передать свое предложение по немецкому радио вечером 31 августа 1939 года, обвинив в его провале англичан и поляков, которых попросили прислать своего представителя в Берлин в самую последнюю минуту. К этому моменту армия получила новый пакет приказов о нападении на Польшу в ночь на 1 сентября 1939 года¹⁹².

Действуя в соответствии с планом, подготовленным некоторое время назад Гейдрихом, эсэсовцы в гражданской одежде провели имитацию атаки на немецкую радиостанцию в Глейвице в Верхней Силезии. Ее сотрудники были заменены на людей из другого отдела СС. Доказательством этого инсценированного нападения поляков стали два тела заключенных из концентрационного лагеря Заксенхаузен, которых убили инъекцией яда и подбросили на радиостанцию, где их сфотографировали немецкие СМИ. В приказах, утвержденных Гитлером лично, тела назывались «консервами». Третьего, Франца Хоньока, польского немецкого гражданина, арестовали 30 августа 1939 года как человека, который внешне вполне был похож на участников польских народных дружин. На следующий день СС забрала его из полицейского заключения в Глейвице. Ему ввели усыпляющую инъекцию, привезли на радиостанцию и все еще без сознания застрелили. Чтобы добавить правдоподобности всему представлению, говорившие по-польски эсэсовцы выкрикивали антигерманские лозунги в микрофон, перед тем как уйти. Обычно радиостанция использовалась только для экстренных прогнозов погоды, поэтому вряд ли кто-нибудь что-то услышал. Эсэсовцы, одетые в униформу польской армии, инсценировали еще два инцидента на границе. Когда один эсэсовец выходил из здания немецкой таможни, которое он только что помогал разнести на куски, он наткнулся на несколько тел в польской униформе. По его словам, их головы были побриты, лица превращены в кровавую маску, чтобы сделать невозможным опознание, а тела были полностью окоченевшими¹⁹³.

В четверть пятого утра 1 сентября 1939 года немецкий линкор «Шлезвиг-Гольштейн» открыл огонь по польскому гарнизону и складу боеприпасов в Вестерплатте, полуострове у дельты Вислы, который прикрывал вход в бухту Данцига, а пикирующие бомбардировщики «штука» на бреющем полете приблизились к городу. Польские сотрудники железной дороги и почты подверглись нападению со стороны местных немецких полицейских отрядов, а в нескольких местах завязались перестрелки. Альберт Форстер, гаулейтер Данцига, поместил уполномоченного Лиги Наций Буркхардта под домашний арест и дал ему два часа, чтобы покинуть город. Буркхардт собрал свои чемоданы и уехал в Лит-

ву. По всей границе между Польшей и Германией части немецких вооруженных сил подняли пограничные шлагбаумы и вступили на польскую территорию, а самолеты военно-воздушных сил вторглись в воздушное пространство Польши, груженные бомбами для бомбежки польских железных дорог, автомагистралей и мостов, военных баз, городов и сел. В десять утра Гитлер обратился к собранным в спешке депутатам Рейхстага. Изможденный и опустошенный лихорадочными переговорами предыдущих дней, Гитлер был нервным и смущенным, несколько раз запинался и казался странно нерешительным. Он заявил, что поляки совершили не меньше четырнадцати серьезных нарушений границы в предыдущую ночь (ссылаясь на инсценированные людьми Гейдриха представления). Эти и другие бесчинства требовали ответного удара. «С этого момента на бомбу мы будем отвечать бомбой. Против того, кто будет использовать ядовитые газы, мы будем применять ядовитые газы. Тот, кто будет отходить от принятых правил гуманного ведения войны, должен ожидать от нас того же самого». После окончания его речи депутаты торжественно проголосовали за включение Данцига в состав рейха, однако только после того, как Гитлер сделал замечание, которое было не только полно дурных предчувствий, но и несло в себе явное пророчество. Он сказал, что готов был принести любую жертву. «Сейчас я не желаю ничего другого, кроме как быть первым солдатом Германского рейха. Поэтому я надел этот мундир, который всегда был самым священным и дорогим для меня. Я не сниму его, пока мы не завоюем победу, иначе я скорее умру!» Он уже держал в мыслях самоубийство на случай поражения¹⁹⁴.

III

В Великобритании и Франции, так же как и в Польше, вооруженные силы готовились к войне с начала кризиса. Британское правительство объявило о всеобщей мобилизации 31 августа и, опасаясь воздушных налетов, приступило к эвакуации женщин и детей из городов. Снаружи государственных зданий выкладывались штабеля из мешков с песком, был издан приказ о полном выключении света в ночное время, а Чемберлен начал обсуждать формирование военного кабинета, включающего та-

ких противников политики умиротворения, как Уинстон Черчилль. Однако нервные визиты и встречи конца августа стали склонять Чемберлена к мысли о возможности мирного решения. Внутри британского правительства разгорелись яростные споры. Пока Чемберлен находился в смятении, его министр иностранных дел лорд Галифакс продолжал вести переговоры с французами, итальянцами и немцами. Они ни к чему не привели. Большая часть кабинета, отбросив в сторону аргументы в пользу отсрочки, поддержали объявление «последнего предупреждения» Гитлеру. Вечером 1 сентября 1939 года Хендерсон сообщил немецкому правительству, что конференция по польскому вопросу, предложенная итальянцами на основании предложения Гитлера от 29 августа, могла состояться только при условии прекращения огня со стороны немецких войск и их возвращения домой¹⁹⁵.

2 сентября 1939 года через несколько часов телефонных переговоров между британским МИДом, французами и итальянцами Чемберлен появился перед Палатой общин в полном составе почти в восемь часов вечера. Он начал с рассказа собравшимся о том, что он не получил ответа от Гитлера на последнее предупреждение, доставленное накануне. «Возможно, — продолжал он, — задержка вызвана обдумыванием предложения, выдвинутого в это время итальянским правительством, о прекращении вооруженного противостояния и немедленного созыва конференции с участием пяти стран — Великобритании, Франции, Польши, Германии и Италии». Оно ни словом не обмолвился об ограничении времени на ответ, не упомянул о кровавой резне и разрушениях, происходивших в Польше, где польские войска и гражданские лица гибли в ходе наземных и воздушных атак немцев. Его уклончивые слова снова напомнили о Мюнхене. Однако настроение среди политической элиты, как и в стране в целом, с марта 1939 года изменилось. Подавляющее большинство людей теперь было убеждено, что Третий рейх стремился к европейскому или даже мировому доминированию, и настало время его остановить. По Палате прокатилась волна гнева. Когда Артур Гринвуд встал, чтобы высказать ответ оппозиции, его грубо перебили. «От лица Лейбористской партии...» — начал Гринвуд. «Говори от лица Англии!» — прокричал консервативный депутат Лео Эмери. Такие чувства разделяли многие в Палате общин¹⁹⁶.

Гринвуд не растерялся. «Я крайне обеспокоен, — сказал он. — Тридцать восемь часов назад был совершен акт агрессии... Я спрашиваю, как долго мы готовы колебаться в то время, когда Великобритания и все чтимые ею жизненные принципы и вся человеческая цивилизация находятся в опасности». Чемберлен был раздавлен враждебностью, которую вызвали эти слова. Один посетитель в открытой галерее позже описывал его как «потерявшегося старого хрыча с дрожащим голосом и руками». Большинство министров правительства встретились неофициально сразу же после заседания без него, потрясенные его отказом от прежних позиций. Они решили, что тот должен предъявить Германии ультиматум. Галифакс и Чемберлен испугались, что если они не сделают этого, правительство падет. Общественное мнение Великобритании выступало за жесткие действия. Пока над Лондоном бушевала сильнейшая буря, правительство собралось на совещание в 11.20 вечера и приняло решение. Следующим утром в девять часов 3 сентября 1939 года Хендерсон передал официальный ультиматум в немецкое Министерство иностранных дел. Германия должна была согласиться на прекращение огня и вывод своих войск в течение двух часов, в противном случае Великобритания объявляла войну¹⁹⁷.

Немцы ответили многостраничным давно подготовленным документом, который Хендерсону передали незадолго до истечения срока действия ультиматума в 11.00. В нем утверждалось, что Германия стремилась лишь исправить несправедливости Версальского мирного договора, а Великобритания обвинялась в подстрекании польской агрессии. Днем французы представили схожий, хотя и более пространный ультиматум. Он также был отвергнут в ту же ночь. Заверений о том, что Германия не собиралась вторгаться во Францию. К этому времени Чемберлен уже выступил с обращением к британскому народу, в котором заявил, что при отсутствии удовлетворительного ответа на ультиматум «наша страна вступит в войну с Германией». «Все, ради чего я работал, — говорил он в Палате общин вскоре после этого, — все, на что я надеялся, все, во что я верил, будучи государственным деятелем, разбилось вдребезги». Рано днем эти новости были переданы по немецкому радио в виде ряда объявлений, изданных Гитлером. Он говорил, что сделал все возможное, чтобы сохранить мир, однако британская

тяга к войне разрушила эти попытки. Винить в этом нужно было не британский народ, а только его еврейское плутократическое руководство. В общении с членами нацистской партии он был более откровенен. «Наш еврейско-демократический мировой враг преуспел в вовлечении английского народа в войну с Германией, — заявил он им, добавив: — 1918 год не повторится»¹⁹⁸.

Другие не были столь уверены. Консерваторы, объединившиеся во время мюнхенского кризиса предыдущего года для противостояния попыткам Гитлера начать войну, были еще более испуганы, когда тот обратил свое внимание на Польшу. Различными путями они пытались связаться с британским и французским правительством, однако их послания были противоречащими: одни требовали большей жесткости, другие общего европейского урегулирования — поэтому их не восприняли всерьез.¹⁹⁹ Когда Гитлер аннулировал свой изначальный приказ о вторжении в Польшу, некоторые, включая Шахта, Остера и Канариса, на некоторое время подумали, что удар по репутации погубит его. Однако в этот раз у них не было поддержки генералов. Высшие офицеры были более уверены, причем совершенно обоснованно, в своем превосходстве над силами польского сопротивления, они давно вынашивали планы нанести удар по полякам, они устали от постоянных запугиваний со стороны нацистского вождя и с огромным удивлением и облегчением восприняли успешное расчленение Чехословакии — все это перевешивало любые имевшиеся сомнения в политике Гитлера. Через год после мюнхенского кризиса вооруженные силы находились в намного более готовом состоянии, Советский Союз был нейтрализован, и в действительности не было ничего, что британцы или французы могли бы сделать для спасения Польши от уничтожения. Гитлер собирался вступить в войну в сентябре 1938 года, но его планы были расстроены в последнюю минуту вмешательством англичан и французов. В этот раз он был настроен гораздо решительней. Несмотря на все уловки последних дней августа 1939 года, его решимость вторгнуться в Польшу, даже с риском масштабной европейской войны, была непоколебима. Когда Геринг, все еще пытавшийся избежать конфликта с британцами, сказал ему 29 августа 1939 года, что необязательно было «ставить на карту все», Гитлер ответил: «В своей жизни я всегда рисковал всем, что имею»²⁰⁰.

Война не была целью, близкой большинству немецких людей. К 29 августа 1939 года их беспокойство становилось все сильнее. По сообщению одного чиновника, настроение в сельском баварском районе Эберманштадте было «крайне подавленным... Хотя признаков страха перед войной обнаружить нельзя... нет никаких сомнений, что энтузиазма по этому поводу нет также. Память о мировой войне и ее последствиях все еще слишком свежа, чтобы люди могли питать ура-патриотические настроения». Начало войны, добавлялось в другом отчете, составленном несколько недель спустя, вызвало общее «уныние» среди населения²⁰¹. Наблюдатели социал-демократов соглашались: не было «никакого энтузиазма по поводу войны»²⁰². Стоя на Вильгельмплац около полудня 3 сентября, Уильям Л. Ширер присоединился к толпе из около 250 человек, которые слушали по громкоговорителю известие об объявлении Великобритании войны. «Когда оно закончилось, — писал он, — не было даже шепота». Он решил проверить настроения немного глубже: «Я ходил по улицам, — продолжал он. — На лицах людей было изумление и подавленность... Думаю, в 1914 году возбуждение в Берлине в первые дни Мировой войны было невероятным. Сегодня никакого торжества, никаких криков “ура”, никакого ликования и бросания цветов, никакой военной истерии». Возрождения легендарного духа 1914 года в сентябре 1939 года не было. Пропагандистская война с целью наполнить сердца немцев ненавистью к их новым врагам провалилась²⁰³.

Когда Германия вступила в войну, предчувствие беды и беспокойство стали самыми распространенными эмоциями среди людей. В Гамбурге Луиза Зольмиц была в отчаянии. «Кто способен сотворить чудо? — спрашивала она 29 августа 1939 года. — Кто поможет измученному человечеству уйти от войны к миру? Легко ответить: никто и ничто... Готовится бойня, которой мир еще не видел»²⁰⁴. В первую очередь отчаяние было порождено страхом перед бомбардировками немецких городов. Оно только усиливалось из-за тщательной подготовки к воздушным налетам, к которой людей теперь привлекали районные старосты. «Воздушные налеты, — сказал мужу Луизы Зольмиц один знакомый 31 августа 1939 года, — ну, это не так страшно, если мы немного к ним подготовимся. Это немного снимет нагрузку с

фронта». Почувствует ли фронт облегчение, спросил Фридрих, если родители, жены, дети и дома солдат будут уничтожены?»²⁰⁵ Не видя в них особой пользы, Луиза Зольмиц шила мешки для песка, чтобы положить их перед окнами. «Мир полон крови и жестокости, — отмечала она после начала войны. — И для нас наступает время, которого мы так боялись, время, по сравнению с которым 30-летняя война покажется экскурсией воскресной школы... Теперь, когда раны Европы за 21 год только начали затягиваться, Запад будет уничтожен»²⁰⁶.

IV

Война была целью Третьего рейха и его лидеров с момента их прихода к власти в 1933 году. С того времени до фактического начала боевых действий в сентябре 1939 года они безудержно готовили нацию к конфликту, который приведет Германию к доминированию в Европе, а в конечном счете — в мире. Масштабы этих амбиций были видны в гигантизме строительных проектов, подготовленных Гитлером и Шпеером для Берлина, который должен был стать городом Германия — новой столицей мира. А безмерное стремление нацистов к завоеваниям и доминированию над остальным миром влекло за собой соответствующую попытку радикально изменить сознание, дух и тело немецких людей, чтобы сделать их способными и достойными ожидавшей их роли новой расы повелителей. Безжалостная нацификация немецких социальных институтов, которая дала нацистской партии практически полную монополию на организацию ежедневной жизни с 1933 года, была только началом. Если быть точными, Гитлер и другие лидеры нацистов в 1933—1934 годах объявили, что при создании Третьего рейха они хотели объединить лучшие качества старой и новой Германии, соединить традиционное и революционное и успокоить консервативные элиты так же, как они направили энергию своего собственного движения на построение новой Германии. Действительно, в конце июня 1934 года требования более радикальных нацистов о непрерывной революции были беспощадно подавлены в ходе «Ночи длинных ножей», а консерваторы получили кровавое напоминание о том, что Третий рейх не собирался возвращаться к порядкам прежних кайзеровских времен.

Однако синтез старого и нового, который, казалось, был восстановлен резней 30 июня 1934 года, на самом деле уже давал трещину. Неравномерно, но безошибочно баланс смещался в сторону нового. В отличие от других режимов, возникших на обломках марксистской революции, как, например, в Венгрии, Третий рейх оказался явлением намного большим, чем простая контрреволюция. Его амбиции простирались гораздо дальше восстановления любого реального, воображаемого, обновленного или улучшенного статус-кво. Практически сразу нацистский режим начал попытки провести координацию всех основных институтов государства, которые по тактическим соображениям он не пытался перевести под свой контроль в начале существования Третьего рейха, включая армию, Церковь и бизнес. Это оказалось непростой задачей, поскольку приоритеты перевооружения требовали осторожности в отношении бизнеса и военных, а нападение на самые глубокие религиозные верования людей вызвало, пожалуй, самое открытое и явное противодействие, с которым столкнулись нацисты после подавления рабочего движения. Однако к 1939 году был сделан большой прогресс. Бизнес, изначально испытывавший энтузиазм в связи с прибылями, которые можно было получить от восстановления и перевооружения, оказался недостаточно патриотичным с точки зрения нацистов, и с 1936 года он стал подвергаться все большему давлению, ограничениям и в целом сдвигался в сторону из-за государственного стремления к военной подготовке, которая делала прибыль вопросом второй важности. Смелое, творческое, но в конечном счете традиционное управление Шахта было отброшено прочь в 1937–1938 годах, когда оно стало создавать препятствия на пути к глобальной войне. Вооруженные силы с готовностью перешли под контроль Гитлера с 1934 года и с радостью сотрудничали в перевооружении в течение следующих трех лет. Однако когда высокопоставленные офицеры, такие как Бек, Бломберг и Фрич, стали тормозить ход событий, ускорившийся в начале 1938 года, они были заменены вместе с министром иностранных дел Нейратом. Оставшиеся сомневающиеся были вынуждены на некоторое время замолчать из-за успешной аннексии Гитлером Судетов в сентябре 1938 года.

К этому времени режим так же недвусмысленно заявил о своей позиции в области культурной политики, совершенно явно

продемонстрировав свое отношение к модернистскому искусству на Выставке дегенеративного искусства, проведенной в Мюнхене в июле 1937 года. И он начал проводить безжалостную евгеническую социальную политику, которая отменяла в сторону традиционную христианскую мораль в стремлении создать физически и духовно идеальную арийскую расу. Здесь радикальные программы были введены с самого начала, включая принудительную стерилизацию якобы деградировавших людей и первые шаги по исключению евреев из государственной службы, профессий, экономической жизни и — после издания нюрнбергских законов в 1935 году — из сексуальной жизни немцев. Однако и здесь процесс значительно ускорился в 1938 году после введения в действие новых законов о браке и разводах, которые должны были разрешить воспроизводство только для наследственно пригодных немцев и подталкивали бездетные пары расходиться в интересах расы. Насилие антисемитского погрома 9–10 ноября 1938 года, последовавшая окончательная экспроприация немецкого еврейского сообщества и их исключение из оставшихся областей социальной и культурной жизни, где они могли соседствовать с другой частью населения, были лишь наиболее яркими выражениями этого ускорившегося темпа. Не так часто упоминаемым, но не менее серьезным по последствиям для своих жертв стало преобразование концентрационных лагерей в 1938–1939 годах из мест заключения и удержания остатков социал-демократической и коммунистической политической оппозиции, ныне полностью истребленной, в свалки людей с нежелательной наследственностью, которых все чаще использовали в качестве рабской силы на тяжелых работах в каменоломнях и на других занятиях, предназначенных, в конечном счете, для того, чтобы их уничтожить.

Ни по одному из этих направлений нацисты не пытались повернуть назад. Напротив, во всех областях их одержимость современностью быстро становилась очевидной. Она отражалась не только в конструкторских бюро военных заводов, судостроительных верфях, самолетостроительных компаниях, конвейерах по производству боеприпасов, медицинских исследовательских лабораториях и химических компаниях. Евгеника, включая принудительную стерилизацию, сама по себе широко признавалась учеными и комментаторами по всему миру, это было типично для соци-

альной политики того времени. Для ее сторонников вера в центральную роль расы в человеческих делах основывалась, как считалось, на последних достижениях современной науки. Современность принимала конкретную, осязаемую форму в Третьем рейхе. Новые лекарства, синтетические заменители бензина, резины и натуральных волокон, новые средства коммуникации, такие как телевидение, новые металлические сплавы, ракеты, которые можно было запускать в космос — все эти и многие другие проекты с энтузиазмом поддерживались государством через финансируемые правительством исследовательские институты и субсидии на исследования и разработки крупным компаниям. Открытое лицо нацистского модернизма проявлялось в автомагистралях, властно пронизывавших горы и пролежавших по глубоким равнинам, в нацистских зданиях вроде Орденсбургов, места проведения Нюрнбергского партийного съезда, или Имперской канцелярии в Берлине, где последние технологии прятались за неоклассическим дизайном, который был последней модой в архитектуре по всему миру. Даже в искусстве, где Гитлер лично проследил, чтобы все произведения ведущих школ модернизма того времени исчезли со стен немецких галерей и музеев, массивные, мускулистые скульптуры Арно Брекера и его подражателей говорили не о традиционных чертах человеческого тела, а о новом типе человека, физически совершенного и готового к применению силы. Даже идиллические сцены деревенской жизни работы немецких художников школы «Крови и почвы» говорили не о возвращении к сельскому миру, погрязшему в иерархическом и узколобом прошлом, но скорее о новом порядке, где крестьяне были независимыми, преуспевающими и гордыми людьми, занимавшимися производством продовольствия, которое требовалось Германии для будущих войн. Для миллионов немцев Третий рейх с его реальным или плановым массовым распределением технологических чудес, таких как «народный радиоприемник» или «народный автомобиль», означал современность и прогресс, доступные для всех²⁰⁷.

Современность в сознании руководителей нацистов была связана с конфликтом и войной. Социал-дарвинизм, одобренный наукой принцип, ставший базой для большинства идей нацистов, говорил о мире, в котором нации и расы вели непрерывную борьбу за выживание. Таким образом, существовала первоочередная

необходимость, как это представляли Гитлер и высокопоставленные нацисты, подготовить Германию и немцев для войны. По мере резкого усиления этой необходимости, в основном начиная с конца 1937 года, усиливался радикализм и безжалостность режима²⁰⁸. Традиционные ограничения были отброшены в сторону. Тщательность и жесткость, с которой нацисты пытались перестроить Германию и немцев, не имели аналогов практически нигде. Все области интеллектуальной и культурной жизни были ориентированы на подготовку сознания людей к войне. Школы и университеты все больше превращались в тренировочные лагеря, в том числе и в ущерб обучению и образованию. А сами тренировочные лагеря распространялись повсеместно и стали неотъемлемой частью жизни, и не только для молодежи. Третий рейх вел широкомасштабный эксперимент по воспитанию людей, как физическому, так и духовному, в котором не было ограничений по мере воздействия на тело и душу конкретного человека, он пытался изменить нацию в организованную массу, которая бы чувствовала и действовала как одно целое. С самого начала принуждение и страх стали такой же частью этого процесса, как пропаганда и убеждение. Если какое-либо государство и заслуживало называться тоталитарным, то Третий рейх был именно таким.

Во всех этих областях Третий рейх заметно продвинулся к реализации своих целей за шесть с половиной лет, которые прошли от его воцарения весной 1933 года до начала войны осенью 1939 года. Тем не менее шести с половиной лет было едва ли достаточно, чтобы достичь масштаба и глубины преобразований, к которым стремились нацисты. В одной области за другой тоталитарные цели приходилось корректировать с учетом упрямства человеческой натуры. Масштаб и жестокость давления заставляли людей удаляться в личную сферу, где они чувствовали себя в относительной безопасности, разговаривая о политике, на публике они отдавали свой ожидаемый долг режиму, но для большинства этим все и ограничивалось. Самые популярные внутренние программы и достижения режима были те, которые решали личные желания и потребности людей: «Сила через радость», Национал-социалистическое управление по соцобеспечению, снижение безработицы, общее ощущение стабильности и порядка после тревог и волнений лет Веймара. Подавляющее большинство взрослых, чье мировоззре-

ние было сформировано до наступления Третьего рейха, более или менее сохранили свои ценности в неприкосновенности. Иногда они сильно пересекались с нацистскими, иногда нет. Нацисты в первую очередь ориентировались на молодое поколение. В долгосрочной перспективе, по мере развития тысячелетней истории Третьего рейха, сомнения старых поколений не должны были иметь значения. Будущее находилось в руках молодых, и оно должно было быть нацистским.

Молодые, разумеется, как и их родители, желали личных удовольствий для себя, и чем больше они ощущали, что их обманывают в ходе постоянной мобилизации в Гитлерюгенде, школах и университетах, тем сильнее они выражали свое недовольство жизнью при Третьем рейхе. Некоторые учителя и университетские профессеры смогли дистанцироваться от нацистской идеологии, хотя альтернативы, которые они могли предложить, редко сколь-нибудь серьезно отличались от идей, проповедовавшихся нацистами. Развлекательные материалы в СМИ, кино, на радио, в журналах, театрах и других источниках постоянно увеличивались в объеме, по мере того как скука от прямой пропаганды среди молодых и взрослых становилась все более очевидной. Образование и культура смогли выжить, хотя и только в урезанной форме. Однако несмотря на это шесть с половиной лет непрерывной, неослабной пропаганды возымели свое действие. Все комментаторы любых взглядов сходились во мнении, что молодые поколения, родившиеся в середине 1920-х годов и позже, в целом ближе воспринимали идеи национал-социализма, чем их родители. Например, именно молодежь и даже дети стали главными участниками ноябрьского погрома 1938 года после штурмовиков и эсэсовцев, которые дали старт насилию, в то время как их родители во многих районах стояли в стороне, потрясенные кровавой бойней на улицах.

Но даже старшие поколения не имели иммунитета против таких идей: в частности, антисемитизм распространялся настолько активно, что люди начали использовать его язык практически рефлексивно и стали воспринимать евреев как отдельную расу, как бы они ни критиковали открытое насилие ноябрьского погрома 1938 года и как бы ни симпатизировали отдельным евреям, с которыми были знакомы лично.

Однако в первую очередь именно национализм нацистов завоевывал поддержку людей. Как бы они ни были обеспокоены угрозой масштабной войны, нет никаких сомнений в том, что большинство немцев, включая многих бывших социал-демократов и, по всей видимости, немалое число бывших коммунистов, испытывали гордость и удовлетворение от достижений Гитлера в избавлении от ненавидимого ярма Версальского договора. Выход из Лиги Наций, референдум по Саару, ремилитаризация долины Рейна, аннексия Австрии, включение в состав рейха Судетов, возврат Мемеля и Данцига — все это, казалось, смывает позор мирного соглашения 1919 г., восстанавливает законное место Германии в мире и утверждает право немцев на самоопределение, предоставленное стольким другим нациям после Первой мировой войны.

И все это немцы считали делом рук в первую очередь одного человека — Адольфа Гитлера — фюрера Третьего рейха. Пропагандистский образ Гитлера как мирового политика, который вернул немцам гордость за свою страну практически в одиночку, конечно, не полностью соответствовал действительности. Даже в области внешней политики были ситуации, особенно это касается аннексии Австрии, где он следовал советам других (в данном случае — Геринга), или, как во время мюнхенского кризиса, был вынужден против своих убеждений поддаваться на давление международного сообщества. Другие, в частности Риббентроп, также оказали значительное влияние на процесс принятия решений в некоторых ключевых моментах. Тем не менее именно Гитлер, а не кто-либо другой, иногда под влиянием своих непосредственных помощников, иногда без него, вел Германию по дороге к войне в период с 1933 по 1939 год. Он заложил общие принципы политики и идеологии, которым должны были в точности следовать другие. В критические моменты он принимал бразды правления в свои руки, в периоды кризисов часто неуверенно и нерешительно, но всегда двигаясь к своей главной цели: войне. История Третьего рейха с 1933 по 1939 год не была историей непрерывной радикализации, обусловленной присущей системе нестабильностью или постоянной борьбой за власть между ее второстепенными руководителями и приспешниками, при которой, как правило, осуществлялась реализация самых радикальных политик. Несмотря на всю иррациональность и не-

стабильность, Третий рейх двигался вперед в первую очередь сверху, силами Гитлера и его главных сторонников, в основном Герингом и Геббельсом, к которым позже присоединился Риббентроп. Когда Гитлер собирался замедлить осуществление какой-либо конкретной программы, как, например, в случае с политикой антисемитизма в преддверии Олимпийских игр 1936 года, он не испытывал в этом никаких сложностей. Это не означает, что все, что происходило при Третьем рейхе, контролировалось Гитлером, но это значит, что он всегда держал в руках бразды правления, определяя общее направление развития.

Сам Гитлер, разумеется, не испытывал сомнений относительно своей важности для всего, что происходило в нацистской Германии. С течением времени его успехи во внешней политике стали убеждать его в том, что, как он неоднократно говорил ближе к концу 1930-х годов, он был самым великим из когда-либо рождавшихся немцев: человеком, назначенным судьбой, игроком, который выигрывал во всех раундах, идущим во сне, ведомым Провидением. Задолго до 1939 года он начал верить в свой собственный миф. Всякий, кто пытался каким-либо образом ограничить его, отодвигался в сторону. До этого времени его все более непоколебимая вера в себя оказывалась более чем оправданной. Однако в сентябре 1939 года он допустил свой первый серьезный просчет. Несмотря на все свои усилия, несмотря на заверения Риббентропа, несмотря на вмешательство Геринга, несмотря на колебания Чемберлена, англичане объявили войну. Однако на данный момент Гитлера это не беспокоило. На Западе в первые несколько месяцев конфликта было так мало военных действий, что они вскоре стали называться «Странной войной». Настоящая война велась на Востоке. Война против Польши, начатая 1 сентября 1939 года, с самого начала была войной расового завоевания, порабощения и уничтожения. «Закройте сердца для жалости, — сказал Гитлер своим генералам 22 августа 1939 года. — Действуйте жестоко! Сильный всегда прав! Восемьдесят миллионов людей должны получить свое по праву. Мы должны обеспечить их безопасное существование. Максимально жестко!»²⁰⁹ Жестокость и суровость, смерть и разрушение — вот что означала начавшаяся война для миллионов людей.

ПРИМЕЧАНИЯ

Глава 1. Полицейское государство

1. Karl-Heinz Minuth (ed.), *Aktender Reichskanzlei: Die Regierung Hitler, 1933–1934* (2 vols., Voppar, 1983), I. 630–31 (в этой цитате объединены два разных источника этой речи).

2. Kurt Werner and Karl-Heinz Biernat, *Die Kopenicker Blutwoche, Juni 1933* (Berlin, 1958).

3. Цитируется в Martin Broszat, *Der Staat Hitlers: Grundlegung und Entwicklung seiner inneren Verfassung* (Munich, 1969), 251–2.

4. Richard J. Evans, *The Coming of the Third Reich* (London, 2003), 344–9.

5. Richard Bessel, *Political Violence and the Rise of Nazism: The Storm Troopers in Eastern Germany 1925–1934* (London, 1984), 97; Peter Longerich, *Die braunen Bataillone: Geschichte der SA* (Munich, 1989), 184.

6. Bessel, *Political Violence*, 119–22; описание общей ситуации см в Wolfgang Sauer, *Die Mobilmachung der Gewalt* (Karl Dietrich Bracher et al., *Die nationalsozialistische Machtergreifung: Studien zur Errichtung des totalitären Herrschaftssystems in Deutschland 1933/34* (3 vols., Frankfurt am Main, 1974 [1960] III. 255–324).

7. Peter H. Merkl, *Political Violence under the Swastika: 581 Early Nazis* (Princeton, 1975), 472–3, с цитированием свидетельства Абеля № 58.

8. Norbert Frei, *National Socialist Rule in Germany: The Fuhrer State 1933–1945* (Oxford, 1993 [1987]), 13.

9. Bessel, *Political Violence*, 126.

10. Longerich, *Die braunen Bataillone*, 179–88.

11. Heinz Hohne, *Mordsache Rohm: Hitlers Durchbruch zur Alleinherrschaft, 1933–1934* (Reinbek, 1984), 127–8.

12. John W. Wheeler-Bennett, *The Nemesis of Power: The German Army in Politics 1918–1945* (London, 1953), 761.

13. Immo von Fallois, *Kalkul und Illusion: Der Machtkampf zwischen Reichswehr und SA während der Rohm-Krise 1934* (Berlin, 1994), 105–8.

14. Hohne, *Mordsache Rohm*, 59–122 — о растущих амбициях Рёма и 177–206 — о растущей тревоге руководства армии. См. также Evans, *The Coming of the Third Reich*, 316–17.

15. Fallois, Kalkul, 131; Robert J. O'Neill, *The German Army and the Nazi Party 1933–1939* (London, 1966), 38–42.

16. Minuth (ed.), *Akten der Reichskanzlei: Die Regierung Hitler, 1933–1934*, I. 1156–8.

17. Bessel, *Political Violence*, 130–32, где приводится досье на Макса Гейдебрека в бывшем Берлинском центре документов, теперь Берлинский государственный архив.

18. Heinrich Bennecke, *Die Reichswehr und der «Rohm-Putsch»* (Munich, 1964), 43–4; Sauer, *Die Mobilmachung*, подчеркивает неопределенность и отсутствие серьезной политической базы в рёмовском представлении о революции (338–9); см. также Hohne, *Mordsache Rohm*, 207–26.

19. Minuth (ed.), *Akten der Reichskanzlei: Die Regierung Hitler, 1933–1934*, II. i, 393.

20. Frei, *National Socialist Rule*, 15–16; Edmund Forschbach, Edgar J. Jung: *Ein konservativer Revolutionar 30. Juni 1934* (Pfullingen, 1984).

21. Elke Frohlich (ed.), *Die Tagebücher von Joseph Goebbels: Samtliche Fragmente, part I: Aufzeichnungen 1924–1941* (Munich, 1987–96), II. 472 (21 May 1934).

22. Hohne, *Mordsache Rohm*, 227–38.

23. Klaus Behnken (ed.), *Deutschland-Berichte der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands (Sopade) 1934–1940* (7 vols., Frankfurt am Main, 1980), I (1934), 99–117, 187.

24. Minuth (ed.), *Akten der Reichskanzlei: Die Regierung Hitler, 1933–1934* II. 1, 197–200; Max Domarus (ed.), *Hitler: Speeches and Proclamations 1932–1945: The Chronicle of a Dictatorship* (4 vols., London, 1990– [1962–3]), I. 442–6.

25. Hohne, *Mordsache Rohm*, 218–24.

26. Domarus, *Hitler*, I. 447.

27. Frohlich (ed.), *Die Tagebücher*, I/II. 472–3 (29 June 1934).

28. Franz von Papen, *Memoirs* (London, 1952), 307–11; Hans-Adolf Jacobsen and Werner Jochmann (eds.), *Ausgewählte Dokumente zur Geschichte des National-sozialismus* (3 vols., Bielefeld, 1961).

29. Domarus, *Hitler*, I. 463–4.

30. Papen, *Memoirs*, 310–11.

31. Wheeler-Bennett, *Nemesis*, 319–20; Hohne, *Mordsache Rohm*, 239–46.

32. Longerich, *Die braunen Bataillone*, 215–16.

33. Domarus, *Hitler*, I. 466.

34. O'Neill, *The German Army*, 72–6; Longerich, *Die braunen Bataillone*, 215–17; Ian Kershaw, *Hitler, I: 1889–1936: Hubris* (London, 1998), 510–12; Domarus, *Hitler*, I. 466–7; Bessel, *Political Violence*, 131–3; Hohne, *Mordsache Rohm*, 239–46.

35. Ralf Georg Reuth, *Goebbels: Eine Biographie* (Munich, 1990), 313.

36. Domarus, *Hitler*, I. 468–9.

37. Herbert Michaelis and Ernst Schraepler (eds.), *Ursachen und Folgen: Vom deutschen Zusammenbruch 1918 und 1945 bis zur staatlichen Neuordnung*

Deutschlands in der Gegenwart, X: Das Dritte Reich: Die Errichtung des Führerstaates, die Abwendung von dem System der kollektiven Sicherheit (Berlin, 1965), 168–72, документ № 2378 (воспоминания Эриха Кемпка, впервые опубликованные в иллюстрированном немецком журнале Quick, 1954, № 24).

38. Longerich, Die braunen Bataillone, 216–17; Domarus, Hitler, I. 470–71.

39. Longerich, Die braunen Bataillone, 217–18; Domarus, Hitler, I. 472–7; Kershaw, Hitler, I. 513–14; Behnken (ed.), Deutschland-Berichte, I. 194–5; приказы Гитлера для СА в Volkischer Beobachter, Sondernummer, 1 July 1934, первая страница; убийство Рёма в Karl Buchheim and Karl Otmar von Aretin (eds.), Krone und Ketten: Erinnerungen eines bayerischen Edelmannes (Munich, 1955), 365–6, выдержки и перевод в Noakes and Pridham (eds.), Nazism, I. 10.

40. Detailed narrative in Hohne, Mordsache Rohm, 247–96.

41. Отчет о Шлейхере в Erste Beilage der Germania, 180, 2 July 1934: «Schleicher und sieben SA-Führer erschossen»; подробности в Hohne, Mordsache Rohm, 247–96, также для последующих абзацев.

42. Hohne, Mordsache Rohm, 247–96.

43. Bessel, Political Violence, 133–7.

44. Геринг позже заявлял, что тот «расширил мою задачу, нанеся удар также против этих недовольных». То, что он сделал это спонтанно и по своей собственной инициативе, узнав о событиях в Мюнхене, как полагают некоторые историки, весьма сомнительно, учитывая тщательность, с которой были подготовлены остальные мероприятия, а также резкость, с которой Гитлер обвинял Папена и его помощников несколько дней назад. Мнение о том, что эти действия были «импровизацией», см в Longerich, Die braunen Bataillone, 218 (хотя его основное доказательство, заявление Геринга, на самом деле не свидетельствует о том, что тот решил «расширить» свою задачу спонтанно и без консультаций; необходимость объясниться была очевидна, учитывая, что оправдание чистки было предоставлено предполагаемыми действиями Рёма, а не Шлейхера и Папена); свидетельства тщательного заблаговременного планирования см. в Bessel, Political Violence, 133–7. Дополнительные детали см. в Kershaw, Hitler, I. 512–15 и Heinz Hohne, The Order of the Death's Head: The Story of Hitler's SS (London, 1972 [1966]), 85–121. Sauer, Die Mobilmachung, 334–64, отмечает систематическую работу по подготовке, проведенную Гитлером и руководством партии, начиная с апреля, подчеркивая важность пропагандистской атаки на Рёма и СА, особенно внутри партии. О Баллершtedте см. в Evans, The Coming of the Third Reich, 181. О Людендорфе см. в Harald Peuschel, Die Manner um Hitler: Braune Biographien, Martin Bormann, Joseph Goebbels, Hermann Goring, Reinhard Heydrich, Heinrich Himmler und andere (Dusseldorf, 1982).

45. «Goebbels erstattet Bericht: Die grosse Rede des Reichspropagandaministers», Berliner Tageblatt, 307, 2 July 1934, 3.

46. Minuth (ed.), Akten der Reichskanzlei: Die Regierung Hitler, 1933–1934, I. 1354–8; репортаж в Berliner Tageblatt, 310, 4 July 1934, первая страница.

47. Erste Beilage der Germania, 180, 2 July 1934; там же, 181, 3 July 1934; Berliner Tageblatt, 306, 1 July 1934, 2; о «чистке» см. в частности заявление Геринга, приведенное там же на стр. 3, и в Volkischer Beobachter, 182/183, 1/2 July 1934, первая страница.

48. Domarus, Hitler, I. 498.

49. Kershaw, Hitler, I. 517–22. Послевоенные попытки привлечь выживших убийц к ответу задокументированы в Otto Gritschneider, «Der Führer hat Sie zum Tode verurteilt...»: Hitlers «Rohm-Putsch» — Morde vor Gericht (Munich, 1993).

50. Bernd Stöver (ed.), Berichte über die Lage in Deutschland: Die Meldungen der Gruppe Neu Beginnen aus dem Dritten Reich 1933–1936 (Bonn, 1996), 169–85 — некоторые примеры.

51. Behnken (ed.), Deutschland-Berichte, I. 197–203; Martin Broszat et al. (eds.), Bayern in der NS-Zeit (6 vols., Munich, 1977–83), I. 71 (Bekirksamt Ebermannstadt, Halbmonatsbericht, 14 July 1934); Thomas Klein (ed.), Die Lageberichte der Geheimen Staatspolizei über die Provinz Hessen-Nassau 1933–1936 (Cologne, 1986), 117; Wolfgang Ribbe (ed.), Die Lageberichte der Geheimen Staatspolizei über die Provinz Brandenburg und die Reichshauptstadt Berlin 1933 bis 1936, I: Der Regierungsbezirk Potsdam (Cologne, 1998), 141–2; Berliner Illustrierte Nachtausgabe, 151, 2 July 1934, первая страница о толпе; там же 153, 4 July 1934, первая страница о предупреждении полиции; о Министерстве пропаганды см. в Gabriele Toepser-Ziegert (ed.), NS-Presseanweisungen der Vorkriegszeit: Edition und Dokumentation, II: 1934 (Munich, 1985), 264 (3 July 1934).

52. Ian Kershaw, The «Hitler Myth»: Image and Reality in the Third Reich (Oxford, 1987), 83–95.

53. Jochen Klepper, Unter dem Schatten deiner Flügel: Aus den Tagebüchern der Jahre 1932–1942 (Stuttgart, 1955), 194.

54. Staatsarchiv Hamburg 622–1, 11/511–13: Familie Solmitz: Luise Solmitz geb. Stephan, 1889–1973, Tagebuch: vols. 28 and 29, записи за 21 марта 1933 г., 3 апреля 1933 г., 30 июня 1934 г. (расшифровки хранятся в Forschungsstelle für Zeitgeschichte в Гамбурге).

55. См. список в Hohnе, Mordsache Rohm, 319–21.

56. Longerich, Die braunen Bataillone, 223; Bessel, Political Violence, 147–8.

57. Longerich, Die braunen Bataillone, 227–30.

58. Hohnе, The Order, 113, 118 с цитированием «Der Spiegel», 15 мая 1957 г., стр. 29, и Bennecke, Die Reichswehr und der «Rohm-Putsch», 65, 87–8; Peter Hoffmann, Claus Schenk Graf von Stauffenberg und seine Brüder (Stuttgart, 1992), 132; Hermann Foertsch, Schuld und Verhängnis: Die Fritsch-Krise im Frühjahr 1938 als Wendepunkt in der Geschichte der nationalsozialistischen Zeit (Stuttgart, 1951), 57–8.

59. Ferdinand Sauerbruch, Das war mein Leben (Bad Worishofen, 1951), 519–20; о датах визита см. в Kershaw, Hitler, I. 748, n. 144. В Papen, Memoirs, 334 это отрицается.

60. Tagebuch Luise Solmitz, 2 августа 1934 г.; Minuth (ed.), Akten der Reichskanzlei: Die Regierung Hitler, 1933–1934, II. I, 384–90. На самом деле

Гитлер стал снова использовать титул «рейхспрезидент» при назначении Деница своим преемником в своем «Политическом завещании». Это демонстрировало его лицемерное отношение к «неразрывной» связи этого титула с Гинденбургом; в действительности титул «фюрер» был неразрывно связан с Гитлером и относился только к нему. См. Hans Buchheim, «The SS — Instrument of Domination», in Helmut Krausnick et al., *Anatomy of the SS State* (London, 1968 [1965]), 127–301, at 137.

61. Minuth (ed.), *Akten der Reichskanzlei: Die Regierung Hitler, 1933–1934*, I. 1385 № 6.

62. O'Neill, *The German Army*, 85–91.

63. Ibid., 85–91; о Беке см. в Gert Buchheit, *Ludwig Beck, ein preussischer General* (Munich, 1964), 46.

64. O'Neill, *The German Army*, 87.

65. Buchheim, «The SS», 127–32, с цитированием Эрнста Рудольфа Губера, *Verfassungsrecht des Grossdeutschen Reiches* (Hamburg, 1939). О Боксгейме см. в *The Coming of the Third Reich*, 274.

66. Там же, 454–6.

67. Ernst Fraenkel, *The Dual State: Law and Justice in National Socialism* (New York, 1941).

68. Minuth (ed.), *Akten der Reichskanzlei: Die Regierung Hitler, 1933–1934*, I. 648 (Lammers to Hess, 11 July 1933).

69. Victor Klemperer, *Tagebucher 1933–1934* (Ich will Zeugnis ablegen bis zum letzten: *Tagebucher 1933–1945*, I) (Berlin, 1999 [1995]), 42–3 (20 июля 1933 г.).

70. Перепечатано и переведено в Noakes and Pridham (eds.), *Nazism*, II. 39–40; см. также следующие комментарии и документы, там же 41–64.

71. Там же 39–51; Broszat, *Der Staat Hitlers*, 244–73, 301–25; о Бормане и Гессе см. в Evans, *The Coming of the Third Reich*, 219–20, 176–7.

72. Noakes and Pridham (eds.), *Nazism*, II. 52–64.

73. Там же, 57.

74. Alfred Kube, «Hermann Goring: Second Man in the Third Reich», в Ronald Smelser and Rainer Zitelmann (eds.), *The Nazi Elite* (Basingstoke, 1993 [1989]), 62–73, в 65–6; также более конспективно см. в Alfred Kube, *Pour le merite und Hakenkreuz: Hermann Goring im Dritten Reich* (Munich, 1987 [1986]) и Stefan Martens, *Hermann Goring: «Erster Paladin des Fuhrers» und «Zweiter Mann im Reich»* (Paderborn, 1985).

75. Buchheim, «The SS», 142–3; Hohne, *The Order*, 70–76; Evans, *The Coming of the Third Reich*, 226–30.

76. Hohne, *The Order*, 124–8.

77. Там же, 121–32.

78. Там же, 131–6; Josef Ackermann, *Heinrich Himmler als Ideologe* (Gottingen, 1970) 253–4.

79. Hans Peter Bleuel, *Strength Through Joy: Sex and Society in Nazi Germany* (London, 1973 [1972]), 199.

80. Gunnar C. Bohnert, «An Analysis of the Age and Education of the SS Fuhrerkorps 1925–1939», *Historical Social Research*, 12 (1979), 4–17; Friedrich Zipfel, «Gestapo and SD: A Sociographic Profile of the Organisers of the Terror», in Stein U. Larsen et al. (eds.), *Who Were the Fascists? Social Roots of European Fascism* (Bergen, 1980), 301–11.

81. Hanno Sowade, «Otto Ohlendorf: Non-conformist, SS Leader and Economic Functionary» в Smelser and Zitellmann (eds.), *The Nazi Elite*, 155–64, здесь 155–8. Более общее описание ситуации см. в. Michael Wildt, *Generation des Unbedingten: Das Fuhrungskorps des Reichssicherheitshauptamtes* (Hamburg, 2002), 41–208.

82. Joachim C. Fest, *The Face of the Third Reich* (London, 1979 [1963]), 152–70 и Gunther Deschner, «Reinhard Heydrich: Security Technocrat», в Smelser and Zitellmann (eds.), *The Nazi Elite*, 85–96, приводятся противоречивые описания характеров.

83. Hohne, *The Order*, 147–57.

84. Shlomo Aronson, *Reinhard Heydrich und die Fruhgeschichte von Gestapo und SD* (Stuttgart, 1971).

85. Собственный взгляд на свою отставку см. в Rudolf Diels, *Lucifer ante Portas: Es spricht der erste Chef der Gestapo* (Stuttgart, 1950). Детальное изложение всех этих событий см. в Christoph Graf, «Kontinuitaten und Bruche. Von der Politischen Polizei der Weimarer Republik zur Geheimen Staatspolizei», в Gerhard Paul and Klaus-Michael Mallmann (eds.), *Die Gestapo — Mythos und Realitat* (Darmstadt, 1995), 73–83, и Johannes Tuchel, «Gestapa und Reichssicherheitshauptamt. Die Berliner Zentralinstitutionen der Gestapo», там же, 84–100.

86. George C. Browder, *Foundations of the Nazi Police State: The Formation of Sipo and SD* (Lexington, Ky., 1990); он же *Hitler's Enforcers: The Gestapo and the SS Security Service in the Nazi Revolution* (New York and Oxford, 1996); и Peter Nitschke, «Polizei und Gestapo. Vorausseilender Gehorsam oder polykratischer Konflikt?», в Paul and Mallmann (eds.), *Die Gestapo*, 306–22.

87. Лучшее недавнее изложение этих событий см. в Michael Schneider, *Unterm Hakenkreuz: Arbeiter und Arbeiterbewegung 1933 bis 1939* (Bonn, 1999), 34–120; см. также Evans, *The Coming of the Third Reich*, 316–49, 355–61.

88. Краткое общее введение см. в Detlev J. K. Peukert, «Working-Class Resistance: Problems and Options», в David Clay Large (ed.), *Contending with Hitler: Varieties of German Resistance in the Third Reich* (Washington, D.C., 1991), 35–48.

89. Werner Blumenberg, *Kampfer fur die Freiheit* (Berlin, 1959).

90. Подробности см. в Gerhard Hetzer, «Die Industriestadt Augsburg. Eine Sozialgeschichte der Arbeiteropposition», в Martin Broszat et al. (eds.), *Bayern, III. 1–234, особенно 182–200*; Helmut Beer, *Widerstand gegen den Nationalsozialismus in Nurnberg 1933–1945* (Nuremberg, 1976); Heike Breitschneider, *Der Widerstand gegen den Nationalsozialismus in Munchen 1933 bis 1945* (Munich, 1968); Kurt Klotzbach, *Gegen den Nationalsozialismus: Widerstand und Verfolgung in Dortmund 1930–1945: Eine historisch-politische*

Studie (Hanover, 1969); Hans-Josef Steinberg, Widerstand und Verfolgung in Essen 1933–1945 (Hanover, 1969); Karl Ditt, Sozialdemokraten im Widerstand: Hamburg in der Anfangsphase des Dritten Reiches (Hamburg, 1984), а также множество других местных и региональных исследований; более общее изложение в Schneider, Unterm Hakenkreuz, 928–62.

91. Otto Buchwitz, 50 Jahre Funktionär der deutschen Arbeiterbewegung (Stuttgart, 1949), 156–63.

92. Erich Matthias, Mit dem Gesicht nach Deutschland (Dusseldorf, 1968), 215–25.

93. Gerd-Rainer Horn, «Radicalism and Moderation within German Social Democracy in Underground and Exile, 1933–1936», German History, 15 (1997), 200–220; Detlef Lehnert, Sozialdemokratie zwischen Protestbewegung und Regierungspartei 1848 bis 1983 (Frankfurt am Main, 1983), 155–64.

94. Hetzer, «Die Industriestadt Augsburg» предлагает яркое описание этих расхождений во взглядах. См. также Lewis J. Edinger, German Exile Politics: The Social Democratic Executive Committee in the Nazi Era (Berkeley, Calif., 1956).

95. William Sheridan Allen, «Social Democratic Resistance against Hitler and the European Tradition of Underground Movements», в Francis R. Nicosia and Lawrence D. Stokes (eds.), Germans Against Nazism: Nonconformity, Opposition and Resistance in the Third Reich: Essays in Honour of Peter Hoffmann (Oxford, 1990), 191–204.

96. Hans Gerd Schumann, Nationalsozialismus und Gewerkschaftsbewegung: Die Vernichtung der deutschen Gewerkschaften und der Aufbau der Deutschen Arbeitsfront (Hanover, 1958), 128–30.

97. Franz Osterroth and Dieter Schuster, Chronik der deutschen Sozialdemokratie (Hanover, 1963), 389; Ditt, Sozialdemokraten, 87–8; Allen, «Social Democratic Resistance», 191–2; Schneider, Unterm Hakenkreuz, 1065–9.

98. Francis L. Carsten, The German Workers and the Nazis (London, 1995); Schneider, Unterm Hakenkreuz, 866, 887–9, 1004–8; Richard Lowenthal, Die Widerstandsgruppe «Neu Beginnen» (Berlin, 1982); Jan Foitzik, Zwischen den Fronten: Zur Politik, Organisation und Funktion linker politischer Kleinorganisationen im Widerstand 1933 bis 1939/40 (Bonn, 1986); Stover (ed.), Berichte, xix–xxxix.

99. Hermann Weber, Die Wandlung des deutschen Kommunismus: Die Stalinisierung der KPD in der Weimarer Republik (abridged edn, Frankfurt am Main, 1971 [1969]), 245–6.

100. Eric D. Weitz, Creating German Communism, 1890–1990: From Popular Protests to Socialist State (Princeton, 1997), 286–9.

101. Horst Duhnke, Die KPD von 1933 bis 1945 (Cologne, 1972); Schneider, Unterm Hakenkreuz, 902–26; более общее описание см. в Margot Pikarski and Gunter Uebel (eds.), Gestapo-Berichte: Über den antifaschistischen Widerstandskampf der KPD 1933 bis 1945 (3 vols., Berlin, 1989–90). Общие положения см. в Peter Dohms (ed.) Flugschriften in Gestapo-Akten: Nachweis und Analyse der Flugschriften in den Gestapo-Akten des Hauptstaatsarchivs

Dusseldorf (Siegburg, 1977) и в Margot Pikarski and Gunter Uebel (eds.), *Die KPD lebt! Flugblätter aus dem antifaschistischen Widerstandskampf der KPD, 1933–1945* (Berlin, 1980).

102. Detlev J. K. Peukert, *Die KPD im Widerstand: Verfolgung und Untergrundarbeit an Rhein und Ruhr, 1933 bis 1945* (Wuppertal, 1980), 106–9.

103. Allan Merson, *Communist Resistance in Nazi Germany* (London, 1985), 127.

104. См. пессимистические отчеты в Stover (ed.), *Berichte*, 34–5, 87–90.

105. Edward H. Carr, *Twilight of the Comintern, 1930–1935* (London, 1982); Beatrix Herlemann, *Die Emigration als Kampfposten: Die Anleitung des kommunistischen Widerstandes in Deutschland aus Frankreich, Belgien und den Niederlanden* (Konigstein im Taunus, 1982); Hermann Weber, «Die KPD in der Illegalität», in Richard Lowenthal and Patrick von zur Muhlen (eds.), *Widerstand und Verweigerung in Deutschland 1933 bis 1945* (Berlin, 1982), 83–101.

106. Weitz, *Creating German Communism*, 292–300.

107. Merson, *Communist Resistance*, 124–52; Peukert, *Die KPD im Widerstand*; Eric A. Johnson, *Nazi Terror: The Gestapo, Jews, and Ordinary Germans* (New York, 1999), 161–94.

108. Weitz, *Creating German Communism*, 289–91.

109. См. пример в Hetzer, «Die Industriestadt Augsburg», 150–78.

110. Schneider, *Unterm Hakenkreuz*, 1061–4.

111. Anne Applebaum, *Gulag: A History of the Soviet Camps* (London, 2003) и Robert Conquest's classic *The Great Terror: A Reassessment* (London, 1992 [1968]); Simon Sebag Montefiore, *Stalin: The Court of the Red Tsar* (London, 2003) (121–38 об убийстве Кирова).

112. Weber, *Die Wandlung*, 357–8; он же «Weisse Flecken» in der Geschichte: *Die KPD-Opfer der Stalinistischen Sauberungen und ihre Rehabilitierung* (Frankfurt am Main, 1990); and Institut für die Geschichte der Arbeiterbewegung (ed.), *In den Fängen des NKWD: Deutsche Opfer des stalinistischen Terrors in der UdSSR* (Berlin, 1991).

113. Richard J. Evans, *Rituals of Retribution: Capital Punishment in Germany 1600–1987* (Oxford, 1996), 620–23. Рассматриваемый принцип знаком юристам под названием «nulla poena sine lege» (отсутствие наказания без устанавливающего его закона).

114. Gunther Wieland, *Das war der Volksgerichtshof: Ermittlungen, Fakten, Dokumente* (Pfaffenweiler, 1989), 15–18; Evans, *Rituals*, 622–4, 576–7.

115. Hans Joachim Bernhard et al. (eds.), *Der Reichstagsbrandprozess und Georgi Dimitroff: Dokumente* (2 vols., Berlin, 1981–9); Georgi Dimitroff, *Reichstagsbrandprozess: Dokumente, Briefe und Aufzeichnungen* (Berlin, 1946).

116. *Völkischer Beobachter*, 24 December 1934, цитируется в Wieland, *Das war der Volksgerichtshof*, 15.

117. Gerhard Fieberg (ed.), *Im Namen des deutschen Volkes: Justiz und Nationalsozialismus: Katalog zur Ausstellung des Bundesministers der Justiz* (Cologne, 1989), 267.

118. Wieland, Das war der Volksgerichtshof, 22–9; Hannes Heer, Ernst Thalmann in Selbstzeugnissen und Bilddokumenten (Reinbek, 1975), 119–27.

119. Wieland, Das war der Volksgerichtshof, 45; см. также в частности Klaus Marxen, Das Volk und sein Gerichtshof: Eine Studie zum nationalsozialistischen Volksgerichtshof (Frankfurt am Main, 1994), и Walter Wagner, Der Volksgerichtshof im nationalsozialistischen Staat (Stuttgart, 1974).

120. Marxen, Das Volk, 57–61, 79–87; Holger Schluter, Die Urteilspraxis des nationalsozialistischen Volksgerichtshofs (Berlin, 1995).

121. Ingo Muller, «Nationalsozialistische Sondergerichte. Ihre Stellung im System des deutschen Strafverfahrens», в Martin Bennhold (ed.), Spuren des Unrechts: Recht und Nationalsozialismus. Beiträge zur historischen Kontinuität (Cologne, 1989), 17–34; Hans Wullenweber, Sondergerichte im Dritten Reich: Vergessene Verbrechen der Justiz (Frankfurt am Main, 1990). Среди множества местных работ см. в частности Robert Bohn und Uwe Danker (eds.), «Standgericht der inneren Front»: Das Sondergericht Altona/Kiel 1932–1945 (Hamburg, 1998); Karl-Dieter Bormscheuer (ed.), Justiz im Dritten Reich: NS-Sondergerichtsverfahren in Rheinland-Pfalz: Eine Dokumentation (3 vols., Frankfurt am Main, 1994, образцовая подборка документов); Gisela Diewald-Kerkmann et al., Vor braunen Richtern: Die Verfolgung von Widerstandshandlungen, Resistenz und sogenannter Heimtücke durch die Justiz in Bielefeld 1933–1945 (Bielefeld, 1992); Christiane Oehler, Die Rechtsprechung des Sondergerichts Mannheim 1933–1945 (Berlin, 1997); Herbert Schmidt, «Beabsichtige ich die Todesstrafe zu beantragen»: Die nationalsozialistische Sondergerichtsbarkeit im Oberlandesgerichtsbezirk Düsseldorf 1933 bis 1945 (Essen, 1998); Gerd Weckbecker, Zwischen Freispruch und Todesstrafe: Die Rechtsprechung der nationalsozialistischen Sondergerichte Frankfurt a.M. und Bromberg (Baden-Baden, 1998).

122. Evans, Rituals, 643–4, 659, 662; Bernhard Dusing, Die Geschichte der Abschaffung der Todesstrafe in der Bundesrepublik Deutschland unter besonderer Berücksichtigung ihres parlamentarischen Zustandekommens (Schwenningen/Neckar, 1952), 210–11.

123. Цитируется Anthony McElligott, «Das Altonaer Sondergericht und der Prozess vom Blutsonntag» (Vortrag im Rahmen der Veranstaltung des Stadtteilarchivs Ottensen, der Bezirksversammlung und der Kulturbehörde, Hamburg-Altona, 3 June 1992), 20–21. Эти приговоры двадцатилетнего Бруно Теша и троих других в конечном счете были аннулированы в ноябре 1992 г.

124. Evans, Rituals, 644–5.

125. Jan Valtin (pseudonym of Richard Krebs), Out of the Night (London, 1941, переиздано с комментариями в Lyn Walsh et al., London, 1988), 318–20.

126. Lothar Gruchmann, Justiz im Dritten Reich, 1933–1940: Anpassung und Unterwerfung in der Ara Gurtner (Munich, 1988), 897–8; Martin Hirsch et al. (eds.), Recht, Verwaltung und Justiz im Nationalsozialismus: Ausgewählte Schriften, Gesetze und Gerichtsentscheidungen von 1933 bis 1945 (Cologne, 1984), 421–556; Eduard Kohlrausch (ed.), Deutsche Strafgesetze vom 19.

Dezember 1932 bis 12. Juni 1934 (Berlin, 1934); Evans, *Rituals*, 624–50; и в особенности Bernward Dorner, «Heimtücke»: Das Gesetz als Waffe: Kontrolle, Abschreckung und Verfolgung in Deutschland, 1933–1945 (Paderborn, 1998). For the judges, see Ralph Angermund, *Deutsche Richterschaft 1919–1945: Krisenerfahrung, Illusion, politische Rechtssprechung* (Frankfurt am Main, 1990).

127. Edmund Mezger, *Kriminalpolitik auf kriminologischer Grundlage* (Stuttgart, 1934), v.

128. Gruchmann, *Justiz*, 822–924; Jorgen Regge and Werner Schubert (eds.), *Quellen zur Reform des Strafund Strafprozessrechts*, 2. Abteilung: NS-Zeit (1933–1939) — *Strafgesetzbuch*, I: Entwürfe eines Strafgesetzbuchs; II: Protokolle der Strafrechtskommission des Reichsjustizministeriums (2 vols., Berlin, 1988–9).

129. «Rede des Reichsrechtsführers Reichsminister Dr. Frank auf dem zweiten Empfangsabend des Wirtschaftsrates der Deutschen Akademie in Berlin über die Grundlagen der nationalsozialistischen Rechtsauffassung», 21 January 1936: document no. 59, in Paul Meier-Benneckenstein (ed.), *Dokument der deutschen Politik* (6 vols., Berlin, 1935–9), IV: Deutschlands Aufstieg zur Grossmacht 1936, 33746.

130. Klaus Drobisch, «Alltag im Zuchthaus Luckau 1933 bis 1939», in Dietrich Eichholtz (ed.), *Verfolgung, Alltag, Widerstand: Brandenburg in der NS-Zeit: Studien und Dokumente* (Berlin, 1993), 247–72, 269–70.

131. Cited in Nikolaus Wachsmann, *Hitler's Prisons: Legal Terror in Nazi Germany* (New Haven, 2004), 179.

132. Там же, 165–83.

133. Там же, протокол собрания 1937 г. перепечатан в Fieberg (ed.), *Justiz*, 160–61.

134. Dusing, *Die Geschichte*, 10–11; Evans, *Rituals*, 915–16; см. также Wilfried Knauer (ed.), *Nationalsozialistische Justiz und Todesstrafe: Eine Dokumentation zur Gedenkstätte in der Justizvollzugsanstalt Wolfenbittel* (Braunschweig, 1991).

135. Исчерпывающее обозрение разнообразных наследственных и частных или условно наследственных теорий преступности того периода см. в Richard Wetzell, *Inventing the Criminal: A History of German Criminology 1880–1945* (Chapel Hill, N.C., 2000), 179–232.

136. Christian Muller, *Das Gewohnheitsverbrechergesetz vom 24. November 1933: Kriminalpolitik als Rassenpolitik* (Baden-Baden, 1997); он же «Modernes» Strafrecht im Nationalsozialismus: Das Gewohnheitsverbrechergesetz vom 24. 11. 1933», in Franz-Josef Duwell and Thomas Bormbaum (eds.), *Themen juristischer Zeitgeschichte*, III (Baden-Baden, 1999), 46–70.

137. Nikolaus Wachsmann, «From Indefinite Confinement to Extermination: «Habitual Criminals» in the Third Reich», в Robert Gellately and Nathan Stoltzfus (eds.), *Social Outsiders in Nazi Germany* (Princeton, 2001), 165–91, особенно 171–2; Wachsmann, *Hitler's Prisons*, 128–35.

138. Там же, 67.

139. Там же, 90–114; Erich Kosthorst and Bernd Walter, Konzentrations- und Strafgefangenenlager im Dritten Reich: Beispiel Emsland (3 vols., Dusseldorf, 1983); Elke Suhr, Die Emslandlager: Die politische und wirtschaftliche Bedeutung der emslandischen Konzentrations- und Strafgefangenenlager 1933–1945 (Bremen, 1985).

140. Friedrich Schlotterbeck, *The Darker the Night, The Brighter the Stars! A German Worker Remembers (1933–1945)* (London, 1947), 61–2.

141. Там же.

142. Wachsmann, *Hitler's Prisons*, 78–88.

143. Wachsmann, «From Indefinite Confinement», 174.

144. Wachsmann, *Hitler's Prisons*, 69–71 и Рис. 1.

145. Там же, 70.

146. Gruchmann, *Justiz*, 897–8.

147. Michael Haerdter (ed.), *Wohnsitz: Nirgendwo: Vom Leben und Überleben auf der Strasse* (Berlin, 1982); Wolfgang Ayass, «Asoziale» im Nationalsozialismus (Stuttgart, 1995); Klaus Scherer, «Asoziale» im Dritten Reich: Die vergessenen Verfolgten (Munster, 1990); Gellately and Stoltzfus (eds.), *Social Outsiders*.

148. Quoted in Patrick Wagner, «Vernichtung der Berufsverbrecher». Die vorbeugende Verbrechensbekämpfung der Kriminalpolizei bis 1937», in Herbert et al. (eds.), *Die nationalsozialistischen Konzentrationslager: Entwicklung und Struktur* (2 vols., Göttingen, 1998), I. 87–110, 101.

149. Там же (полезный обзор литературы см. в том I, 17–40); Johannes Tuchel, *Konzentrationslager: Organisationsgeschichte und Funktion der «Inspektion der Konzentrationslager» 1934–1938* (Boppard, 1991) и Karin Orth, *Das System der nationalsozialistischen Konzentrationslager: Eine politische Organisationsgeschichte* (Hamburg, 1999).

150. Там же, 23–6; Klaus Drobisch and Gunther Wieland, *System der NS-Konzentrationslager 1933–1939* (Berlin, 1993), 71–5; Klaus Drobisch, «Frühe Konzentrationslager», in Karl Giebel et al. (eds.), *Die frühen Konzentrationslager in Deutschland: Austausch zum Forschungsstand und zur pädagogischen Praxis in Gedenkstätten* (Bad Boll, 1996), 41–60; Falk Pingel, *Haftlinge unter SS-Herrschaft: Widerstand, Selbstbehauptung und Vernichtung im Konzentrationslager* (Hamburg, 1978), 30–49.

151. Evans, *The Coming of the Third Reich*, 345.

152. Martin Broszat, «The Concentration Camps 1933–1945», in Krausnick et al., *Anatomy of the SS State*, 397–496, 408–31.

153. Rudolf Hoss, *Commandant of Auschwitz: The Autobiography of Rudolf Hoess* (London, 1959 [1951]), 263; см. также Klaus Drobisch, «Theodor Eicke. Verkörperung des KZ-Systems», in Helmut Bock et al. (eds.), *Sturz ins Dritte Reich: Historische Miniaturen und Porträts 1933/35* (Leipzig, 1983), 283–9; Charles W. Sydnor, *Soldiers of Destruction: The SS Death's Head Division, 1933–1945* (Princeton, N.J., 1990 [1977]), 3–36; и более общее описание в Hans-Gunter Richardi, *Schule der Gewalt: Das Konzentrationslager Dachau, 1933–1934* (Munich, 1983), особенно 119–26 об Эйке.

154. См. Barbara Distel and Ruth Jakusch, Konzentrationslager Dachau, 1933–1945 (Munich, 1978), 68–9; о замене ранних лагерей организованной системой см. в Johannes Tuchel, «Planung und Realitat des Systems der Konzentrationslager 1934–1938», in Herbert et al. (eds.), Die nationalsozialistischen Konzentrationslager, 43–59; и Giebeler et al. (eds.), Die fruhen Konzentrationslager.
155. Hoss, Commandant, 83–4.
156. Там же, 74–5.
157. Broszat, «Concentration Camps», 429–45.
158. Там же, 436; Pingel, Haftlinge, 50; more generally, Tuchel, Konzentrationslager, 121–58.
159. Wachsmann, Hitler's Prisons, 113; Noakes and Pridham (eds.), Nazism, II. 326.
160. Wachsmann, Hitler's Prisons, 128.
161. Gunther Kimmel, «Das Konzentrationslager Dachau: Eine Studie zu den nationalsozialistischen Gewaltverbrechen», in Broszat et al. (eds.), Bayern, II. 349–413, esp. 351–72; Orth, Das System, 33–5; Ulrich Herbert, «Von der Gegenerbekämpfung zur «rassischen Generalpravektion». «Schutzhaft» und Konzentrationslager in der Konzeption der Gestapo-Führung 1933–1939», у него же в Die nationalsozialistischen Konzentrationslager, 60–81.
162. Tuchel, «Planung und Realitat»; Herbert, «Von der Gegenerbekämpfung zur «rassischen Generalpravektion», 60–86.
163. Gunter Morsch, «Oranienburg-Sachsenhausen, Sachsenhausen-Oranienburg», in Herbert et al. (eds.), Die nationalsozialistischen Konzentrationslager, 111–34, 127–9.
164. Pingel, Haftlinge, 80–87; Orth, Das System, 53.
165. Evans, The Coming of the Third Reich, 378–80.
166. Ayass, «Asoziale», 22–4; Pingel, Haftlinge, 27.
167. Patrick Wagner, Volksgemeinschaft ohne Verbrecher: Konzeptionen und Praxis der Kriminalpolizei in der Zeit der Weimarer Republik und des Nationalsozialismus (Hamburg, 1996), 271.
168. Ayass, «Asoziale», 140–65.
169. Цитируется там же, 153.
170. Там же.
171. Paul B. Jaskot, The Architecture of Oppression: The SS, Forced Labor and the Nazi Monumental Building Economy (London, 2000), 21–4.
172. Ayass, «Asoziale», 169–72; Orth, Das System, 46–54.
173. Broszat, «Concentration Camps», 446–59; Toni Siegert, «Das Konzentrationslager Flossenbürg, gegründet für sogenannte Asoziale und Kriminelle», in Broszat et al. (eds.), Bayern, II. 429–93; Michael Burleigh and Wolfgang Wippermann, The Racial State: Germany 1933–1945, 167–73; Jeremy Noakes, «Social Outcasts in the Third Reich», in Richard Bessel (ed.), Life in the Third Reich (Oxford, 1987), 183–96.
174. Orth, Das System, 48–9; Pingel, Haftlinge, 35–9; Hermann Kaienburg, «Funktionswandel des KZ-Kosmos? Das Konzentrationslager Neuengamme

1938–1945», in Herbert et al. (eds.), *Konzentrationslager*, 259–84; он же «Vernichtung durch Arbeit»: Der Fall Neuengamme: Die Wirtschaftsbestrebungen des SS und ihre Auswirkungen auf die Existenzbedingungen der KZ-Gefangenen (Bonn, 1990).

175. Orth, *Das System*, 56–9. О законах и постановлениях, которые определяли направление этих различных категорий в лагеря, см. также ниже в Главе 6, о категориях см. также в Paul Martin Neurath, *Die Gesellschaft des Terrors: Innenansichten der Konzentrationslager Dachau und Buchenwald* (Frankfurt am Main, 2004), 86–112. Книга Нойрата изначально была предложена в качестве докторской диссертации в Колумбийском университете, Нью-Йорк, 1951 г.

176. Walter Poller, *Arztsschreiber in Buchenwald: Bericht des Haftlings 996 aus Block 39* (Hamburg, 1946), 9–22; quote on 21–2.

177. Orth, *Das System*, 59–61; Poller, *Arztsschreiber*, 23–74; более общее описание см. в Wolfgang Sofsky, *Die Ordnung des Terrors: Das Konzentrationslager* (Frankfurt am Main, 1993), 27–40.

178. Poller, *Arztsschreiber*, 75–105; о лагерьной музыке см. в Guido Fackler, «Des Lagers Stimme»: Musik im KZ: Alltag und Haftlingskultur in den Konzentrationslagern 1933 bis 1936 (Bremen, 2000).

179. Leo Stein, *I Was in Hell with Niemoller* (London, 1942), 113–47.

180. Neurath, *Die Gesellschaft*, 44–86.

181. Там же, 113–32; Hans Buchheim, «Command and Compliance», in Krausnick et al., *Anatomy*, 303–96.

182. Poller, *Arztsschreiber*, 227.

183. Lothar Gruchmann, «Die bayerische Justiz im politischen Machtkampf 1933/ 34: Ihr Scheitern bei der Strafverfolgung von Mordfällen in Dachau», in Broszat et al. (eds.), *Bayern*, II. 415–28.

184. См. различные репортажи, переизданные в Kimmel, «Das Konzentrationslager», 356–8.

185. Sybil Milton, «Die Konzentrationslager der dreissiger Jahre im Bild der in- und ausländischen Presse», in Herbert et al. (eds.), *Die nationalsozialistischen Konzentrationslager*, 135–47; Falk Pingel, «Konzeption und Praxis der nationalsozialistischen Konzentrationslager 1933 bis 1938. Kommentierende Bemerkungen», там же, 148–66, особенно 157–60.

186. Цитируется по разным современным источникам в Klaus-Michael Mallmann and Gerhard Paul, «Omniscient, Omnipotent, Omnipresent? Gestapo, Society and Resistance», in David F. Crew (ed.), *Nazism and German Society 1933–1945* (London, 1994), 166–96, также 167–9; и в Robert Gellately, *The Gestapo and German Society: Enforcing Racial Policy 1933–1945* (Oxford, 1990), 4–8.

187. Mallmann and Paul, «Omniscient, Omnipotent, Omnipresent?», 174–7.

188. Hohne, *The Order*, 162–3; Andreas Seeger, «Vom bayerischen «Systembeamten» zum Chef der Gestapo. Zur Person und Tätigkeit Heinrich Mullers (1900–1945)», in Paul and Mallmann (eds.), *Die Gestapo*, 255–67.

189. Hohne, *The Order*, 167–9; Volker Eichler, «De Frankfurter Gestapo-Kartei. Entstehung, Struktur, Funktion, Überlieferungsgeschichte und Quellenwert», in Paul and Mallmann (eds.), *Die Gestapo*, 178–99; Rainer Eckert, «Gestapo-Berichte. Abbildungen der Realität oder reine Spekulation?», там же, 200–218.

190. Melita Maschmann, *Account Rendered: A Dossier on My Former Self* (London, 1964), 43–5.

191. Valtin, *Out of the Night*, 448–73. Исторические реалии, стоявшие за образным описанием Кребсом своей жизни, см. в Ernst von Waldenfels, *Der Spion, der aus Deutschland kam: Das geheime Leben des Seemanns Richard Krebs* (Berlin, 2003), for these events 179–209.

192. Valtin, *Out of the Night*, 487.

193. Waldenfels, *Der Spion*, 210–58.

194. Valtin, *Out of the Night*, 512–51; Dieter Nelles, «Jan Valtins «Tagebuch der Holle» — Legende und Wirklichkeit eines Schlüsselromans der Totalismustheorie», 1999: *Zeitschrift für Sozialgeschichte des 20. und 21. Jahrhunderts*, 9 (1994), 11–45, содержит противоположно настроенное изложение, где рассказ Кребса во многом корректируется, однако оно также исправляется в более сбалансированной работе Waldenfels.

195. Полное описание см. в Waldenfels, *Der Spion*, 209–58, esp. 214, 220, 237; см. также подробный, но не полностью убеждающий критический анализ этой книги в Dieter Nelles, «Die Rehabilitation eines Gestapo-Agenten: Richard Krebs/Jan Valtin», *Sozial-Geschichte*, 18 (2003), 148–58.

196. Mallmann and Paul, «Omniscient, Omnipotent, Omnipresent?».

197. Там же; Gellately, *The Gestapo*, 144–58; Robert Gellately, «The Gestapo and German Society: Political Denunciation in the Gestapo Case Files», *Journal of Modern History*, 6 (1988), 654–94; Martin Broszat, «Politische Denunziationen in der NS-Zeit: Aus Forschungserfahrungen im Staatsarchiv München», *Archivalische Zeitschrift*, 73 (1977), 221–38; процентный анализ в Reinhard Mann, *Protest und Kontrolle im Dritten Reich: Nationalsozialistische Herrschaft in Alltag einer rheinischen Grossstadt* (Frankfurt am Main, 1987), 295; см. также Gisela Diewald-Kerkmann, *Politische Denunziation im NS-Regime oder die kleine Macht der «Volksgenossen»* (Bonn, 1995), и у него же «Denunziantentum und Gestapo. Die freiwilligen «Helfer» aus der Bevölkerung», in Paul and Mallmann (eds.), *Die Gestapo*, 288–305 (о неприязни гестапо к тем, кто направлял доносы по личным мотивам).

198. Weckbecker, *Zwischen Freispruch und Todesstrafe*, 77, 388, 779–800; Manfred Zeidler, *Das Sondergericht Freiberg: Zu Justiz und Repression in Sachsen, 1933–1940* (Dresden, 1998); Oehler, *Die Rechtsprechung*; Hans-Ulrich Ludewig and Dietrich Kuessner, «Es sei also jeder gewarnt»: *Das Sondergericht Braunschweig 1933–1945* (Braunschweig, 2000); Klaus Bastlein, «Sondergerichte in Norddeutschland als Verfolgungsinstanz», in Frank Bajohr (ed.), *Norddeutschland im Nationalsozialismus* (Hamburg, 1993), 218–38.

199. Peter Huttenberger, «Heimtückefälle vor dem Sondergericht München 1933–1939», in Broszat et al. (eds.), *Bayern*, IV. 435–526.

200. Там же, 452–57, 473–92.

201. Helmut Prantl (ed.), Die kirchliche Lage in Bayern nach den Regierungspräsidentenberichten 1933–1943, V: Regierungsbezirk Pfalz 1933–1940 (Mainz, 1978), 157–8 (Monatsbericht der Regierung Speyer, 6 March 1937); KlausMichael Mallmann and Gerhard Paul, Herrschaft und Alltag: Ein Industrieviertel im Dritten Reich (Bonn, 1991), 327–53.

202. Huttenberger, «Heimtuckefalle», 512; Mallmann and Paul, Herrschaft, 175–245.

203. Bernward Dörner, «NS-Herrschaft und Denunziation. Anmerkungen zu Defiziten in der Denunziationsforschung», Historical Social Research, 26 (2001), 55–69, 58–61.

204. Mann, Protest und Kontrolle, 292; источник сведений гестапо невозможно обнаружить в 13% случаев.

205. Hetzer, «Die Industriestadt Augsburg», 146–50.

206. Там же, 146–50. О пивных в роли центров общения и социальной коммуникации см. в Richard J. Evans (ed.), Kneipensprache im Kaiserreich: Die Stimmungsberichte der Hamburger Politischen Polizei 1892–1914 (Reinbek, 1989).

207. Victor Klemperer, I Shall Bear Witness: The Diaries of Victor Klemperer 1933–1941 (London, 1998 [1995]), 29.

208. Friedrich Reck-Malleczewen, Diary of a Man in Despair (London, 2000 ^947^ 52–3.

209. Hans-Jochen Gamm, Der Flusterwitz im Dritten Reich: Mundliche Dokumente zur Lage der Deutschen während des Nationalsozialismus (Munich, 1990 [1963]), 41, 52.

210. Там же, 37.

211. Там же, 42.

212. Цитируется в Meike Wohlert, Der politische Witz in der NS-Zeit am Beispiel ausgesuchter SD-Berichte und Gestapo-Akten (Frankfurt am Main, 1997), 150–51. Утверждение Волерт о том, что большинство шуток рассказывалось на публике, остается под сомнением, однако поскольку шутки, рассказанные лично, редко доходили до внимания гестапо и Службы безопасности СС, именно они стали основой для ее работы.

213. Klepper, Unter dem Schatten, 194.

214. Wohlert, Der politische Witz, 156–63.

215. Там же, 44.

216. Klemperer, Tagebücher 1933–34, 9 (10 марта 1933 г.).

217. Там же, 19 (2 апреля 1933 г.).

218. Charlotte Beradt, Das Dritte Reich des Traums (Frankfurt am Main, 1981 [1966]).

219. Там же, 19–22, 40, 74.

220. Там же, 5. Заявление Лея можно найти в Robert Ley, Soldaten der Arbeit (Munich, 1938), 71.

221. Detlef Schmichen-Ackermann, «Der «Blockwart». Die unteren Parteifunktionäre im nationalsozialistischen Terror- und Überwachungsapparat»,

Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte (VfZ) 48 (2000), 575–602; также Dieter Rebenisch, «Die «politische Beurteilung» als Herrschaftsinstrument der NSDAP», in Detlev Peukert and Jürgen Reulecke (eds.), Die Reihen fast geschlossen: Beiträge zur Geschichte des Alltags unterm Nationalsozialismus (Wuppertal, 1981), 107–28, о местных партийных группах в качестве инструментов наблюдения и контроля.

222. Bernward Dörner, «Alltagsterror und Denunziation. Zur Bedeutung von Anzeigen aus der Bevölkerung für die Verfolgungswirkung des nationalsozialistischen «Heimtücke-Gesetzes» in Krefeld», in Berliner Geschichtswerkstatt (ed.), Alltagskultur, Subjektivität und Geschichte: Zur Theorie und Praxis der Alltagsgeschichte (Münster, 1994), 254–71.

223. Ulrich Herbert, «Die guten und die schlechten Zeiten». Überlegungen zur diachronen Analyse lebensgeschichtlicher Interviews», in Lutz Niethammer (ed.), «Die Jahre weiss man nicht, wo man die heute hinsetzen soll»: Faschismuserfahrungen im Ruhrgebiet (Berlin, 1983), 67–96, интервью с Вилли Эрбахом на стр. 73–6.

224. Karl Dietrich Bracher, Stufen der Machtergreifung (vol. I of Bracher et al., Die nationalsozialistische Machtergreifung), 475–7; Otmar Jung, Plebiszit und Diktatur: Die Volksabstimmungen der Nationalsozialisten. Die Fäule «Austritt aus dem Völkerbund» (1933), «Staatssoberhaupt» (1934) und «Anschluss (Österreichs)» (1938) (Tübingen, 1995).

225. Klemperer, I Shall Bear Witness, 36 (23 октября 1933 г.).

226. Bracher, Stufen, 475–85. О референдуме см. ниже 618–19.

227. Behnken (ed.), Deutschland-Berichte, II (1934), 347–9; Bracher, Stufen 485–98. Евреям пока было разрешено голосовать на этих выборах. Robert Gellately, Backing Hitler: Consent and Coercion in Nazi Germany (Oxford, 2001), 14–16, рассматривает эти сфабрикованные результаты как «удивительное» свидетельство «общественной поддержки» нацистского режима. Hans-Ulrich Wehler, Deutsche Gesellschaftsgeschichte, IV: Vom Beginn des ersten Weltkriegs bis zur Gründung der beiden deutschen Staaten 1914–1949 (Munich, 2003), 614, заходит настолько далеко, что утверждает без рассмотрения самого свидетельства, что референдумы отражали реальные взгляды немецкого народа, «поскольку государство не стремилось к систематическому манипулированию общественным мнением». Это утверждение ссылалось на референдум 1933 г., а также (см. 652) неявно на последующие «выборы». Серьезная недооценка Велером террористического компонента нацистского режима рассматривается в Rudiger Hachmann, «Bürgertum, Revolution, Diktatur — zum vierten Band von Hans-Ulrich Wehlers «Gesellschaftsgeschichte», Sozial-Geschichte, 19 (2004), 60–87, 77–83.

228. Tagebuch Luise Solmitz, 19 августа 1934 г.

229. Klemperer, I Shall Bear Witness, 79 (21 августа 1934 г.). Клемперер и его жена оба сказали «нет» на предыдущем референдуме..

230. Behnken (ed.), Deutschland-Berichte, V (1938), 415–26; Theodor Eschenburg, «Streiflichter zur Geschichte der Wahlen im Dritten Reich», VfZ 3

(1955), 311–6; об истории с обезжиренным молоком см. в Hohne, *The Order*, 201; о епископе см. в Paul Kopf and Max Miller (eds.), *Die Vertreibung von Bischof Joannes Baptista Sproll von Rottenburg 1938–1945: Dokumente zur Geschichte des kirchlichen Widerstands* (Mainz, 1971). Хорошее местное исследование выборов и референдумов с 1933 по 1938 г. см. в Hetzer, «Die Industriestadt Augsburg», 137–46. Показатель в 98% был достигнут уже в 1936 г.

231. *Tagebuch Luise Solmitz*, 29 марта 1936 г. Подробности беспрецедентных террора и запугивания на этих выборах см. в Behnken (ed.), *Deutschland-Berichte*, III (1936), 407–60.

232. Jeremy Noakes, «The Origins, Structure and Function of Nazi Terror», in Noel O'Sullivan (ed.), *Terrorism, Ideology and Revolution* (Brighton, 1986), 67–87, отмечает, что после 1933 г. террором угрожали чаще, чем реально использовали; довод в пользу того, что это произошло, потому что большинство немцев научились внешне демонстрировать согласие с политикой режима, см ниже, 495–7.

233. Robert G. Gellately, «Die Gestapo und die deutsche Gesellschaft: Zur Entstehungsgeschichte einer selbstüberwachenden Gesellschaft», in Detlef SchmiedenAckermann (ed.), *Anpassung, Verweigerung, Widerstand: Soziale Milieus, Politische Kultur und der Widerstand gegen den Nationalsozialismus in Deutschland im regionalen Vergleich* (Berlin, 1997), 109–21; он же «Allwissend und allgegenwärtig? Entstehung, Funktion und Wandel des Gestapo-Mythos», in Paul and Mallmann (eds.), *Die Gestapo*, 47–72, at 67.

234. Werner Rohr, «Über die Initiative zur terroristischen Gewalt der Gestapo — Fragen und Einwände zu Gerhard Paul», у него же и Brigitte Berlekamp (eds.), *Terror, Herrschaft und Alltag im Nationalsozialismus: Probleme der Sozialgeschichte des deutschen Faschismus* (Münster, 1995), 211–24.

235. Diewald-Kerkmann, *Politische Denunziation*, 63.

236. For an example of the recent tendency to trivialize the brutality and ideological commitment of the Gestapo, see Gerhard Paul and Klaus-Michael Mallmann, «Auf dem Wege zu einer Sozialgeschichte des Terrors: Eine Zwischenbilanz», in idem (eds.), *Die Gestapo*, 3–18 (attacking «the image of the Gestapo officer as a brutal, criminal-psychopathic demon in a black leather overcoat», 11). Examples of the willingness of some Gestapo officers to employ physical violence and torture are provided in Hans-Dieter Schmid, ««Anständige Beamte» und «uble Schlager». Die Staatspolizeileitstelle Hannover», in *ibid.*, 133–60.

237. Dorner, «NS-Herrschaft», 61–8.

238. Gellately, «Allwissend und Allgegenwärtig?».

239. For a powerful statement of these, and similar points, see Michael Burleigh, *The Third Reich. A New History* (London, 2000), 149–215.

240. Bernward Dorner, «Gestapo und «Heimtücke». Zur Praxis der Geheimen Staatspolizei bei der Verfolgung von Verstoßen gegen das «Heimtücke-Gesetz»», in Paul and Mallmann (eds.), *Die Gestapo*, 325–43, at 341.

241. Charles Townshend, *Terrorism: A Very Short Introduction* (Oxford, 2002), 36–52.

242. Dieter Nelles, «Organisation des Terrors im Nationalsozialismus», Sozialwissenschaftliche Literatur-Rundschau, 25 (2002), 5–28; Karl-Heinz Reuband, «Denunziation im Dritten Reich. Die Bedeutung von Systemunterstützung und Gelegenheitsstrukturen», Historical Social Research, 26 (2001), 219–34, 243.

243. Herbert, «Die guten und die schlechten Zeiten», interview with Willi Erbach, at 73–6.

Глава 2. Мобилизация духа

1. Helmut Heiber (ed.), Goebbels-Reden (2 vols., Dusseldorf, 1971–2), I: 1932–39, 131–41 (Berlin, Grosser Saal der Philharmonie — Eröffnung der Reichskulturkammer, 15. 11. 33) и 82–107 (Berlin, Haus des Rundfunks — Ansprache an die Intendanten und Direktoren der Rundfunkgesellschaften, 25. 3. 33), 82, 88, 131–4.

2. Там же, 92–3.

3. Josef Wulf, Die bildenden Künste im Dritten Reich: Eine Dokumentation (Gutersloh, 1963), 94, текст декрета.

4. Evans, The Coming of the Third Reich, 392–461, о культурной революции 1933 г.

5. Цитируется в Zbynek Zeman, Nazi Propaganda (Oxford, 1973), 38, с упоминанием Karlheinz Schmeer, Die Regie des öffentlichen Lebens im Dritten Reich (Munich, 1956), 28.

6. Werner Skrentny, «Terrassen, Hochhauser und die 13 Laden: Hoheluft und Eimsbüttel», in idem (ed.), Hamburg zu Fuss: 20 Stadtteilrundgänge durch Geschichte und Gegenwart (Hamburg 1986), 133. О создании Адольф-Гитлерплац в Миттлервеллерсбахе см., например, в Broszat et al. (eds.), Bayern, I. 69. More generally, see Richard Grunberger, A Social History of the Third Reich (Harmondsworth, 1974 [1971]), 101–22.

7. Ernest Kohn Bramsted, Goebbels and National Socialist Propaganda 1925–1945 (East Lansing, Mich., 1965), 203–18.

8. Речь баварского министра образования Ганса Шемма, опубликованная в Munchner Neueste Nachrichten, 21 April 1933, цитируется и переведена в Kershaw, The «Hitler Myth», 58–9.

9. Tagebuch Luise Solmitz, 17 августа 1934 г.

10. Kershaw, The «Hitler Myth», 60.

11. Там же, 48–60.

12. Там же, 67–9, 84–95; Peter Reichel, Der schöne Schein des Dritten Reiches: Faszination und Gewalt des Faschismus (Munich, 1991), 138–56.

13. Peter Reichel, «Volksgemeinschaft» und Führer-Mythos», in Bernd Ogan and Wolfgang W. Weiss (eds.), Faszination und Gewalt: Zur politischen Ästhetik des Nationalsozialismus (Nuremberg, 1992), 137–50, 138–42.

14. Frederic Spotts, Hitler and the Power of Aesthetics (London, 2002), 56–72. Более общее описание см. в Wolfgang Benz, «The Ritual and Stage

Management of National Socialism. Techniques of Domination and the Public Sphere», in John Milfull (ed.), *The Attractions of Fascism: Social Psychology and the Aesthetics of the «Triumph of the Right»* (New York, 1990), 273–88. Флаги, штандарты и другие символы описываются в Horst Ueberhorst, «Feste, Fahnen, Feiern: Die Bedeutung politischer Symbole und Rituale im Nationalsozialismus», in Rudiger Voigt (ed.), *Symbole der Politik, Politik der Symbole* (Opladen, 1989), 157–78. О культе жертвоприношения см. в Jay W. Baird, *To Die for Germany: Heroes in the Nazi Pantheon* (Bloomington, Ind., 1990).

15. William L. Shirer, *Berlin Diary: The Journal of a Foreign Correspondent 1934–1941* (London, 1970 [1941]), 22–7.

16. Hilmar Hoffmann, *The Triumph of Propaganda: Film and National Socialism 1933–1945* (Providence, R.I., 1996), 151–7; Reichel, *Der schöne Schein*, 116–38; Yvonne Karow, *Deutsches Opfer: Kultische Selbstausschöpfung auf den Reichsparteitagen der NSDAP* (Berlin, 1997); Siegfried Zelnhefer, *Die Reichsparteitage der NSDAP: Geschichte, Struktur und Bedeutung der größten Propagandafeste im nationalsozialistischen Feierjahr* (Neustadt an der Aisch, 1991); idem, «Die Reichsparteitage der NSDAP», in Ogan and Weiss (eds.), *Faszination und Gewalt*, 79–94; Hans-Ulrich Thamer, «Von der «Ästhetisierung der Politik»: Die Nürnberger Parteitage der NSDAP», там же, 95–103.

17. Хороший анализ см. в David Welch, *Propaganda and the German Cinema 1933–1945* (Oxford, 1983), 147–59.

18. Longerich, *Die braunen Bataillone*, 227–30; Zelnhefer, «Die Reichsparteitage», отмечает, что СС закрыла район красных фонарей Нюрнберга на время Съезда. См. также выше стр.. 40.

19. Подробный анализ с упором на псевдорелигиозные аспекты съезда см. в Herbert Heinzelmann, «Die Heilige Messe des Reichsparteitages. Zur Zeichensprache von Leni Riefenstahls «Triumph des Willens»», in Ogan and Weiss (eds.), *Faszination und Gewalt*, 163–8.

20. Welch, *Propaganda*, 158–9; Kershaw, *The «Hitler Myth»*, 69–70; см. также Siegfried Kracauer, *From Caligari to Hitler: A Psychological History of the German Film* (Princeton, 1947), 300–303.

21. Leni Riefenstahl, *Memoiren 1902–1945* (Berlin, 1990 [1987]), 185–231. Признанный критический очерк работ Рифеншталь см. в Susan Sontag, «Fascinating Fascism», in Brandon Taylor and Wilfried van der Will (eds.), *The Nazification of Art: Art, Design, Music, Architecture and Film in the Third Reich* (Winchester, 1990), 204–18; more generally, Glenn B. Infield, *Leni Riefenstahl: The Fallen Film Goddess* (New York, 1976).

22. Речь в Кайзерхофе 28 марта 1933 г., опубликованная в Gerd Albrecht (ed.), *Der Film im Dritten Reich: Eine Dokumentation* (Karlsruhe, 1979), 26–31, полный перевод на английский язык см. в David Welch (ed.), *The Third Reich: Politics and Propaganda* (London, 2002), 185–9.

23. Heiber (ed.), *Goebbels-Reden*, I. 82–107, 95 (речь 25 марта 1933 г.).

24. В интервью Геббельса журналу «Лихт-Билд-Бюхне» от 13 октября 1933 г. повторяется фраза, впервые использованная в речи 19 мая 1933 г.,

приведенной в *Volkischer Beobachter* от 20 мая 1933 г., обе цитируются в Welch, *Propaganda*, 76–7.

25. Там же, 75–88.

26. Там же, 88–93. Анализ схожего фильма, *Hitler Youth Quex*, см. в Eric Rentschler, *The Ministry of Illusion: Nazi Cinema and its Afterlife* (Cambridge, Mass., 1996), 53–69; Jay W. Baird, «From Berlin to Neubabelsberg: Nazi Film Propaganda and Hitler Youth Quex», *Journal of Contemporary History*, 18 (1983), 495–515, интересное осмысление признанного антрополога Грегори Бэйтсона в Gregory Bateson, «An Analysis of the Nazi Film Hitlerjunge Quex», in Margaret Mead and Rhoda Metraux (eds.), *The Study of Culture at a Distance* (Chicago, 1953), 302–14.

27. Welch, *Propaganda*, 31; Boguslaw Drewniak, *Der deutsche Film 1938–45: Ein Gesamtüberblick* (Dusseldorf, 1987), 621 и в других местах со статистикой по киноиндустрии.

28. Welch, *Propaganda*, 159–64; Marcus S. Phillips, «The Nazi Control of the German Film Industry», *Journal of European Studies*, 1 (1971), 37–68, 53; также Baird, *To Die For Germany*, 172–201.

29. Welch, *Propaganda*, 11–14; Andrea Winkler-Mayerhopfer, *Starkult als Propagandamittel: Studien zum Unterhaltungsfilm im Dritten Reich* (Munich, 1992).

30. Carsten Laqua, *Wie Micky unter die Nazis fiel: Walt Disney und Deutschland* (Reinbek, 1992), 15–35, 45, 56–61. Буква «е» исчезла из имени Микки-Мауса в немецком, потому что она меняла оригинальное произношение.

31. 34. Там же, 65–71, 81, 86–7, 93–6.

32. Welch, *Propaganda*, 11–13; см. также Wolfgang Becker, *Film und Herrschaft: Organisationsprinzipien und Organisationsstrukturen der nationalsozialistischen Filmpropaganda* (Berlin, 1973), 32–67, и 67–98 о цензуре; см. также Kraft Wetzel and Peter Hagemann, *Zensur: verbotene deutsche Filme 1933–1945* (Berlin, 1978), and Klaus-Jürgen Maiwald, *Filmzensur im NS-Staat* (Dortmund, 1983).

33. Jürgen Spiker, *Film und Kapital: Der Weg der deutschen Filmwirtschaft zum nationalsozialistischen Einheitskonzern* (Berlin, 1975), 168–82; Klaus Kreimeier, *The UFA Story: A History of Germany's Greatest Film Company 1918–1945* (New York, 1996), 205–65.

34. Welch, *Propaganda*, 17–24, 30–38; Reichel, *Der schöne Schein*, 180–207.

35. Welch, *Propaganda*, 43; Karsten Witte, «Die Filmkomodie im Dritten Reich», in Horst Denkler and Karl Prumm (eds.), *Die deutsche Literatur im Dritten Reich: Themen, Traditionen, Wirkungen* (Stuttgart, 1976), 347–65; см. также Erwin Leiser, *Nazi Cinema* (London, 1974 [1968]).

36. Joseph Wulf, *Theater und Film im Dritten Reich: Eine Dokumentation* (Gutersloh, 1963), 329, quoting *Film-Kurier*, 29 September 1933; см. также там же, 330; более общее описание см. в Felix Moeller, *Der Filmminister: Goebbels und der Film im Dritten Reich* (Berlin, 1998), and Stephen Lowry, *Pathos und Politik: Ideologie in Spielfilmen des Nationalsozialismus* (Tubingen, 1991).

37. Общее описание см. в David S. Hull, *Film in the Third Reich: A Study of the German Cinema 1933–1945* (Berkeley, Calif., 1969); Gerd Albrecht, *Nationalsozialistische Filmpolitik: Eine soziologische Untersuchung über die Spielfilme des Dritten Reichs* (Stuttgart, 1969), 284–311; Karsten Witte, *Lachende Erben, Toller Tag: Filmkomodie im Dritten Reich* (Berlin, 1995); а также Linda Schulte-Saase, *Entertaining the Third Reich: Illusions of Wholeness in Nazi Cinema* (Durham, N.C., 1996), с обоснованием позиции о политической значимости нацистского развлекательного кино.

38. Welch, *Propaganda*, 191–203, Hoffmann, *The Triumph*, 192–210.

39. Welch, *The Third Reich*, 38–41; Joseph Wulf, *Presse und Funk im Dritten Reich: Eine Dokumentation* (Gutersloh, 1963), 315–18; Grunberger, *A Social History*, 506–11; Inge Marssolek, «Radio in Deutschland 1923–1960: Zur Sozialgeschichte eines Mediums», *Geschichte und Gesellschaft*, 27 (2001), 207–39, 217; производители были выведены из-под управления Имперской палаты радиовещания в 1934 г. и стали относиться к Министерству экономики (там же, 40–41). Палата в ноябре 1939 г. была преобразована в Имперскую радиовещательную компанию (Wulf, *Presse und Funk*, 299–304). См. также Inge Marssolek and Adelheid von Saldern (eds.), *Zuhören und Gehörtwerden, I: Radio im Nationalsozialismus: Zwischen Lenkung und Ablenkung* (Tübingen, 1998) и Florian Cebulla, *Rundfunk und landliche Gesellschaft 1924–1945* (Göttingen, 2004), 209–46.

40. Klepper, *Unter dem Schatten*, 59 (25 мая 1933 г.), 65–6 (7 июня 1933 г.), 85 (10 июля 1933 г.); см. также Evans, *The Coming of the Third Reich*, 408–9. Его издателем был Немецкий издательский институт (Deutsche Verlags-Anstalt).

41. Heiber (ed.), *Goebbels-Reden, I*, 82–107, 87.

42. Marssolek, «Radio», 217.

43. Heiber (ed.), *Goebbels-Reden, I*, 91–4.

44. Welch, *The Third Reich*, 40–42; Ribbe (ed.), *Die Lageberichte, I*, 144–5, z62, 189; Grunberger, *A Social History*, 507; Norbert Frei and Johannes Schmitz, *Journalismus im Dritten Reich* (Munich, 1989), 86–7; цифры из Hans Pohle, *Der Rundfunk als Instrument der Politik: Zur Geschichte des Rundfunks von 1923 bis 1928* (Hamburg, 1955), 327–9; более общее описание см. в Ansgar Diller, *Rundfunkpolitik im Dritten Reich* (Munich, 1980); Nanny Drechsler, *Die Funktion der Musik im deutschen Rundfunk 1933–1945* (Pfaffenweiler, 1988); Reichel, *Der schone Schein*, 159–79; Gerhard Hay, «Rundfunk und Horspiel als «Führungsmittel» des Nationalsozialismus», in Denkler and Prumm (eds.), *Die deutsche Literatur*, 366–81; Hans-Jorg Koch, *Das Wunschkonzert im NS-Rundfunk* (Cologne, 2003), 168–271; Uta C. Schmidt, «Der Volksempfänger: Tabernakel moderner Massenkultur», in Inge Marssolek and Adelheid von Saldern (eds.), *Radiozeiten: Herrschaft, Alltag, Gesellschaft (1924–1960)* (Potsdam, 1999), 136–59. В 1930-х телевидение было только экспериментальным; передачи показывались по приемниками, установленным на витринах магазинов: см. Klaus Winker, *Fernsehen unterm Hakenkreuz: Organisation, Programm, Personal* (Cologne, 1994).

45. Heinz Boberach (ed.), *Meldungen aus dem Reich, 1938–1945: Die*

geheimen Lageberichte des Sicherheitsdienstes der SS (17 vols., Herrsching, 1984), II. 277–8.

46. Alan E. Steinweis, «Weimar Culture and the Rise of National Socialism: The Kampfbund für deutsche Kultur», *Central European History*, 24 (1991), 402–23.

47. См. Reinhard Bollmus, *Das Amt Rosenberg und seine Gegner: Studien zum Machtkampf im nationalsozialistischen Herrschaftssystem* (Stuttgart, 1970).

48. Hildegard Brenner, *Die Kunstpolitik des Nationalsozialismus* (Reinbek, 1963), 7–21, 73–86, хороший анализ по теме.

49. Reuth, Goebbels, 304.

50. Spotts, Hitler, 3–9, 74–5; Reichel, *Der schöne Schein*, 83–100.

51. Welch, *The Third Reich*, 30–32; Alan E. Steinweis, «Cultural Eugenics: Social Policy, Economic Reform, and the Purge of Jews from German Cultural Life», in Glenn R. Cuomo (ed.), *National Socialist Cultural Policy* (New York, 1995), 23–37; Jonathan Petropoulos, «A Guide through the Visual Arts Administration of the Third Reich», in *ibid.*, 121–53; Brenner, *Die Kunstpolitik*, 53–63.

52. Spotts, Hitler, 76–7; Alan E. Steinweis, *Art, Ideology, and Economics in Nazi Germany: The Reich Chambers of Music, Theater, and the Visual Arts* (Chapel Hill, N.C., 1993), 4–6, 34–49, 83–102; Jonathan Petropoulos, *Art as Politics in the Third Reich* (Chapel Hill, N.C., 1996), 34–8, 64–70.

53. Там же, 51–6.

54. Erik Levi, *Music in the Third Reich* (New York, 1994), 14–23; Spotts, Hitler, 74; Petropoulos, *Art*, 38–40.

55. Steinweis, «Cultural Eugenics», 28–9.

56. Modris Eksteins, *The Limits of Reason: The German Democratic Press and the Collapse of Weimar Democracy* (Oxford, 1975), 25–8, 125–33, 267–72, 215, 251–4.

57. *Ibid.*, 260, 268–9, 272–3, 275, 277–9, 283–6, 290, 303; Gunther Gillessen, *Auf verlorenem Posten: Die Frankfurter Zeitung im Dritten Reich* (Berlin, 1986), 44–63.

58. Там же, 329–69, 537; Frei and Schmitz, *Journalismus*, 51–2; о враждебности нацистов к Фойллетону см. в see Wulf, *Presse und Funk*, 197–208.

59. Множество примеров в Gillessen, *Auf verlorenem Posten*.

60. Klein (ed.), *Die Lageberichte*, 525 (ноябрь 1935 г.), 551–3 (декабрь 1935 г.); Gillessen, *Auf verlorenem Posten*, 342–3.

61. Там же, 383.

62. Klein (ed.), *Die Lageberichte*, 574 (январь 1936 г.).

63. Цитируется в Eksteins, *The Limits of Reason*, 291.

64. Gillessen, *Auf verlorenem Posten*, 146; серьезно аргументированная защита Гиллессеном газеты и ее сотрудников (527–38) не скрывает масштабов компромисса, на который им пришлось пойти с режимом; см. сбалансированный, но в целом пессимистичный вердикт в Frei and Schmitz, *Journalismus*, 51–3. Схожий пример с либеральной ежедневной газетой *Berliner Tageblatt* см. в документальной работе, смешанной с личными воспоминаниями,

Margret Boveri, *Wir lügen alle: Eine Hauptstadtzeitung unter Hitler* (Olten, 1965).

65. Eksteins, *The Limits of Reason*, 202–4; Oron J. Hale, *The Captive Press in the Third Reich* (Princeton, N.J., 1964), 289–99; Bramsted, Goebbels, 124–42.

66. Welch, *The Third Reich*, 43–6; Hale, *The Captive Press*, 143–68; Eksteins, *The Limits of Reason*, 281–311; Wulf, *Presse und Funk*, 39. То, что I.G. Farben владела Frankfurt Newspaper вплоть до 1938 г., было серьезным свидетельством огромного влияния, которым обладала корпорация при Третьем рейхе. См. ниже 370–71, 375–6.

67. Welch, *The Third Reich*, 46; Noakes and Pridham (eds.), *Nazism*, II. 193–5; текст закона см. в Wulf, *Presse und Funk*, 72–6. О стремлении нацистов не задеть «религиозные чувства» в 1933 г. см. ниже.

68. Norbert Frei, *Nationalsozialistische Eroberung der Provinzpresse: Gleichschaltung, Selbstanpassung und Resistenz in Bayern* (Stuttgart, 1980), 164–7, 322–4; Hale, *The Captive Press*, 102–42, о партии и издательской индустрии на национальном и региональном уровне.

69. Grunberger, *A Social History*, 492–506; Hermann Froschauer and Renate Geyer, *Quellen des Hasses: Aus dem Archiv des «Sturmer» 1933–1945* (Nuremberg, 1988); Fred Hahn (ed.), *Lieber Sturmer! Leserbriefe an das NS-Kampfblatt 1924–1945* (Stuttgart, 1978).

70. Wulf, *Presse und Funk*, 87–99. Недавнее издание см. в Gabriele Toepser-Ziegert (ed.), *NS-Pressenanweisungen der Vorkriegszeit. Edition und Dokumentation*, I: 1933; II: 1934; III: 1935; IV: 1936; и следующие тома: V: 1937; VI: 1938, ed. Karen Peter (Munich, 1985–98). Общие сведения о политике см. в Karl-Dietrich Abel, *Presselenkung im NS-Staat: Eine Studie zur Geschichte der Publizistik in der nationalsozialistischen Zeit* (Berlin, 1990 [1968]).

71. Общее описание см. в Jürgen Hagemann, *Die Presselenkung im Dritten Reich* (Bonn, 1970), 25–60; Fritz Sanger, *Politik der Täuschungen: Missbrauch der Presse im Dritten Reich: Weisungen, Informationen, Notizen, 1933–1939* (Vienna, 1975); и Henning Storek, *Dirigierte Öffentlichkeit: Die Zeitung als Herrschaftsmittel in den Anfangsjahren der nationalsozialistischen Regierung* (Opladen, 1972).

72. Gillessen, *Auf verlorenem Posten*, 224; о кампании режима против католической прессы см. в Hale, *The Captive Press*, 169–89, и ниже, 235.

73. Welch, *The Third Reich*, 47; Grunberger, *A Social History*, 504.

74. Klein (ed.), *Die Lageberichte*, 244–5; Ribbe (ed.), *Die Lageberichte*, I. 144–5 (Regierungspräsident Potsdam, август 1934).

75. Wulf, *Presse und Funk*, см. также Noakes and Pridham (eds.), *Nazism*, II. 202.

76. David Bankier, *The Germans and the Final Solution: Public Opinion under Nazism* (Oxford, 1992), 20–27; Hale, *The Captive Press*, 57, 145–63, 231.

77. Heiber (ed.), *Goebbels-Reden*, I. 174–205 (Berlin: Sitzungssaal des ehemaligen Preussischen Herrenhauses — 1. Reichspressetag des Reichsverbandes der Deutschen Presse, 18. 11. 34), 184–6.

78. Frohlich (ed.), *Die Tagebücher, I/II: Diktate*, VIII. 101 (14 апреля 1943 г.).

79. Hans Fallada, *Kleiner Mann — was nun?* (Reinbek, 1978 [1932]); английский перевод см. в Susan Bennett, *Little Man — What Now?* (London, 1996).

80. Jenny Williams, *More Lives than One: A Biography of Hans Fallada* (London, 1998), 107–9, 127. Более общее описание см. в Cecilia von Studnitz, *Es war wie ein Rausch: Fallada und sein Leben* (Dusseldorf, 1997), оригинальный очерк см. в Henry Ashby Turner, Jr, «Fallada for Historians», *German Studies Review*, 26 (2003), 477–92.

81. Williams, *More Lives*, 135–49; Hans Fallada, *Wer einmal aus dem Blechknapf frisst* (Reinbek, 1980 [1934]).

82. Williams, *More Lives*, 149, 175–6, 188. Paul Mayer (ed.), Ernst Rowohlt in Selbstzeugnissen und Bilddokumenten (Reinbek, 1968); Walter Kiaulehn, *Mein Freund der Verleger — Ernst Rowohlt und seine Zeit* (Reinbek, 1967); Ровольт выжил в войне и стал ведущим издателем в послевоенной Германии.

83. Там же, 150–62; Hans Fallada, *Wir hatten mal ein Kind: Eine Geschichte und Geschichten* (Reinbek, 1980 [1934]).

84. Williams, *More Lives*, 173–267 and 284 n. 18 (Rudolf Ditzen to Elizabeth Ditzen, 22 December 1946); Frohlich (ed.), *Die Tagebücher*, I/V. 15, 126 (31 января 1938 г.); Hans Fallada, *Altes Herz geht auf die Reise* (Munich, 1981 [1936]); *Wolf unter Wolfen* (Reinbek, 1991 [1937]); *Der eiserne Gustav: Roman* (Berlin, 1984 [1938]); *Der Trinker/Der Alpdruck* (Berlin, 1987 [1950]). См. также Gunnar Muller-Waldeck and Roland Ulrich (eds.), *Hans Fallada: Sein Leben in Bildern und Briefen* (Berlin, 1997). Подробную историю послевоенной карьеры Фаллады и Дитцена см. в Sabine Lange, «... wir haben nicht nur das Chaos, sondern wir stehen an einem Beginn»... Hans Fallada 1945–1946 (Neubrandenburg, 1988).

85. Evans, *The Coming of the Third Reich*, 409–12.

86. Kurt R. Grossmann, Ossietzky. Ein deutscher Patriot (Frankfurt am Main, 1973 [1963]), 278–318; Josef Wulf, *Literatur und Dichtung im Dritten Reich: Eine Dokumentation* (Gutersloh, 1963), 259–61; Evans, *The Coming of the Third Reich*, 120, 136, 409, 429.

87. Wolfgang Emmerich, «Die Literatur des antifaschistischen Widerstandes in Deutschland», in Denkler and Prumm (eds.), *Die deutsche Literatur*, 427–58.

88. James M. Ritchie, *German Literature under National Socialism* (London, 1983), 111–22; Ralf Schnell, *Literarische innere Emigration: 1933–1945* (Stuttgart, 1976), 113–32, цитата на стр. 121; Peter Barbian, «Literary Policy in the Third Reich», in Cuomo (ed.), *National Socialist Cultural Policy*, 155–96; Reinhold Grimm, «Im Dickicht der inneren Emigration», in Denkler and Prumm (eds.), *Die deutsche Literatur*, 406–26.

89. Ritchie, *German Literature*, 123–9; Friedrich P. Reck-Malleczewen, Bockelson: Geschichte eines Massenwahns (Stuttgart, 1968 [1937]); см. также ниже, 414–16; более общее описание см. в Heidrun Ehrke-Rotermund and Erwin Rotermund, *Zwischenreiche und Gegenwelten: Texte und Vorstudien zur «Verdeckten ibweise» im «Dritten Reich»* (Munich, 1999), 315–93, 527–46, о Пеке и Юнрепе.

90. Klaus Vondung, «Der literarische Nationalsozialismus. Ideologische, politische und sozialhistorische Wirkungszusammenhänge», in Denkler and Prumm (eds.), *Die deutsche Literatur*, 44–65; Karl Prumm, «Das Erbe der Front. Der antidemokratische Kriegerroman der Weimarer Republik und seine nationalsozialistische Fortsetzung», там же, 138–64 (и другие дополнения в том же томе).

91. Heiber (ed.), Goebbels-Reden, I. 131–41, 137.

92. Kurt Eggers, *Deutsche Gedichte* (Munich, 1934), 8, in Wulf, *Literatur*, 286; Alexander von Bormann, «Das nationalsozialistische Gemeinschaftslied», in Denkler and Prumm (eds.), *Die deutsche Literatur*, 256–80; Gottfried Niedhart and George Broderick (eds.), *Lieder in Politik und Alltag des Nationalsozialismus* (Frankfurt am Main, 1999); и Eberhard Frommann, *Die Lieder der NS-Zeit: Untersuchungen zur nationalsozialistischen Liedpropaganda von den Anfängen bis zum Zweiten Weltkrieg* (Cologne, 1999).

93. Wulf, *Literatur*, 366, reprinting Fritz Sotke, «So ist es», in *Wille und Macht* (15 января 1934 г.), 1.

94. Reichel, *Der schöne Schein*, 323–35; более общее описание см. в Sebastian Graeb-Konneker, *Autochthone Modernität: Eine Untersuchung der vom Nationalsozialismus geforderten Literatur* (Opladen, 1996) and Uwe-Karsten Ketelsen, *Literatur und Drittes Reich* (Scherfeld, 1992); см. также Baird, *To Die For Germany*, 130–54, о поэте Герхарде Шумане.

95. Evans, *The Coming of the Third Reich*, 417–18.

96. Wulf, *Literatur*, 113–23; Ritchie, *German Literature*, 48–54; там же Gottfried Benn: *The Unreconstructed Expressionist* (London, 1972) — см. в частности его перевод работы Benn's «To the Literary Emigres: A Reply», 89–96; Reinhard Alter, *Gottfried Benn: The Artist and Politics (1910–1934)* (Frankfurt am Main, 1976), 86–144

97. Wolfgang Willrich to Gottfried Benn, 27 August 1937, переиздано в Wulf, *Literatur*, 120–22.

98. Glenn R. Cuomo, «Purging an «Art-Bolshevist»: The Persecution of Gottfried Benn in the Years 1933–1938», *German Studies Review*, 9 (1986), 85–105; см. также Gottfried Benn, *Gesammelte Werke*, ed. Dieter Wellershoff (4 vols., Wiesbaden, 1961), I. 440–52, «Der neue Staat und die Intellektuellen», о защите нацистского захвата власти.

99. Jan-Pieter Barbian, *Literaturpolitik im «Dritten Reich»: Institutionen, petenzen, Betätigungsfelder* (Munich, 1995 [1993]), 54–66 о начальных чистках; 66–156 — подробное исследование цензорских институтов. См. также Dietrich Strothmann's survey, *Nationalsozialistische Literaturpolitik: Ein Beitrag zur Publizistik im Dritten Reich* (Bonn, 1960), с деталями запрещенных работ; и Evans, *The Coming of the Third Reich*, 426–31.

100. Wulf, *Literatur*, 160–64; Ritchie, *German Literature*, 71–4. См. также Siegfried Schliebs, «Verboten, verbrannt, verfolgt... Wolfgang Herrmann und seine «Schwarze Liste: Schöne Literatur» vom Mai 1933. Der Fall des Volksbibliothekars Dr Wolfgang Hermann», in Hermann Haarmann et al. (eds.), «Das war ein Vorspiel nur...»: *Bucherverbrennung in Deutschland 1933: Voraussetzungen und Folgen*.

Ausstellung der Akademie der Künste vom 8. Mai bis 3. Juli 1983 (Berlin, 1983), 442–54; Barbian, Literaturpolitik, 217–319 об обмене книгами, 319–63 о библиотеках; Engelbrecht Boese, Das öffentliche Bibliothekswesen im Dritten Reich (Bad Honnef, 1987); и Margaret F. Stieg, Public Libraries in Nazi Germany (Tuscaloosa, Ala., 1992); Strothmann, Nationalsozialistische Literaturpolitik, 222–4, and Grunberger, A Social History, 452–3, об иностранных авторах.

101. Brenner, Die Kunstpolitik, 51.

102. Reichel, Der schone Schein, 336–45; Boguslaw Drewniak, «The Foundations of Theater Policy in Nazi Germany», in Cuomo (ed.), National Socialist Cultural Policy, 67–94; более подробно о театрах в книге того же автора Das Theater im NS-Staat: Szenarium deutscher Zeitgeschichte 1933–1945 (Dusseldorf, 1983), с обсуждением судьбы классики на стр. 167–89; еще подробнее в справочнике Thomas Eicher et al., Theater im «Dritten Reich»: Theaterpolitik, Spielplanstruktur, NS-Dramatik (Seelze-Velber, 2000); documentary extracts in Wulf, Theater und Film; очерки по конкретным аспектам см. в Glen W. Gadberry (ed.), Theater in the Third Reich, the Prewar Years: Essays on Theater in Nazi Germany (Westport, Conn., 1995).

103. Steinweis, Art, 134–7.

104. Подробности см. в Wulf, Theater und Film.

105. Friederike Euler, «Theater zwischen Anpassung und Widerstand: Die Munchner Kammerspiele im Dritten Reich», in Broszat et al. (eds.), Bayern, II. 91–173; Grunberger, A Social History, 457–74.

106. William Niven, «The Birth of Nazi drama?: Thing Plays», in John London (ed.), Theatre under the Nazis (Manchester, 2000), 54–95, 73; более подробно в Rainer Stommer, Die inszenierte Volksgemeinschaft: Die «Thing-Bewegung» im Dritten Reich (Marburg, 1985), краткое исследование см. в Johannes M. Reichl, Das Thingspiel: Über den Versuch eines nationalsozialistischen Lehrstück-Theaters (Euringer — Heynick — Moller) (Frankfurt, 1998), 14–33; истоки движения рассматриваются в Egon Menz, «Sprechchor und Aufmarsch. Zur Entstehung des Thingspiels», in Denkler and Prumm (eds.), Die deutsche Literatur, 330–46; Brenner, Die Kunstpolitik, 95–106, and Rainer Stommer, «Da oben versinkt einem der Alltag...». Thingstatten im Dritten Reich als Demonstration der Volksgemeinschaftsideologie», in Peukert and Reulecke (eds.), Die Reihen fast geschlossen, 149–73.

107. Heiber (ed.), Goebbels-Reden, I. 168–72 (Berlin, Sportpalast, Eröffnung der «Woche des deutschen Buches», 5. 11. 34), 177.

108. Donald R. Richards, The German Bestseller in the Twentieth Century: A Complete Bibliography and Analysis 1915–1940 (Berne, 1968) (записи по отдельным авторам в таблице В, списки бестселлеров в таблице А); проверенные цифры см. в Tobias Schneider, «Bestseller im Dritten Reich. Ermittlung und Analyse der meistverkauften Romane in Deutschland 1933–1944», VfZ 52 (2004), 77–97.

109. Речь Ганса Харемейера Reichsarbeitsgemeinschaft für deutsche Buchwerbung от 28 августа 1935 г. см. в Wulf, Literatur, 243–4; см. также речь Геббельса от 5 ноября 1934 г. (№ 107 выше).

110. Wilhelm Baur, цитируется там же, 274–7.
111. Schneider, «Bestseller», 80–85.
112. Kershaw, Hitler, I. 15–17.
113. Hans Dieter Schafer, Das gesplante Bewusstsein: Über deutsche Kultur und Lebenswirklichkeit 1933–1945 (Munich, 1982), 7–54; Thymian Bussemer, Propaganda und Popularkultur. Konstruierte Erlebniswelten im Nationalsozialismus (Wiesbaden, 2000), 76–115.
114. Evans, The Coming of the Third Reich, 122–4, 413–16.
115. Frohlich (ed.), Die Tagebücher (Munich, 2004), I/I. 293 (29 августа 1924 г.).
116. Peter Paret, An Artist against the Third Reich: Ernst Barlach, 1933–1938 (Cambridge, 2003), 17–18, 23–69; Shearer West, The Visual Arts in Germany 1890–1937: Utopia and Despair (Manchester, 2000), 93–9; Brenner, Die Kunstpolitik, 65–71; Wolfgang Tarnowski, Ernst Barlach und der Nationalsozialismus: Ein Abendvortrag, gehalten am 20. Oktober 1988 in der Katholischen Akademie Hamburg (Hamburg, 1989), 41–5; Joseph Wulf, Die bildenden Künste im Dritten Reich: Eine Dokumentation (Gutersloh, 1963), 32. См. также Akademie der Künste, Berlin (ed.), Zwischen Anpassung und Widerstand: Kunst in Deutschland 1933–1945 (Berlin, 1978).
117. Paret, An Artist, 23–5, 38–43, 59; наверное, более точным названием для блестящей книги Паре было бы «Третий рейх против Артиста».
118. Ernst Barlach, Die Briefe, ed. Friedrich Dross (2 vols., Munich, 1968–9), II. 414 (Барлах Лео Кестенбергу, 13 ноября 1933 г.).
119. Там же, II. 374 (Эрнст Барлах Гансу Барлаху, 2 мая 1933 г.).
120. Цитируется в Paret, An Artist, 171 п. 33, перепечатано в Alfred Rosenberg, Blut und Ehre: Ein Kampf für deutsche Wiedergeburt: Reden und Aufsätze von 1919–1933 (Munich, 1934), 250.
121. Paret, An Artist, 78–9, с цитатой Barlach, Die Briefe, II. 388–9 (Барлах Алоису Шардту, 23 июля 1933 г.) и 425 (Барлах Карлу Альберту Ланге, 25 декабря 1933 г.).
122. Он пережил войну и возвращен в собор.
123. Maschmann, Account Rendered, 25.
124. Frohlich (ed.), Die Tagebücher, I/III. 56 (4 апреля 1936 г.).
125. Barlach, Briefe, II. 735 (Барлах Хайнцу Прибатчу, 23 октября 1937 г.).
126. Paret, An Artist, 137.
127. Peter Adam, The Arts of the Third Reich (London, 1992), 196–201.
128. Jonathan Petropoulos, The Faustian Bargain: The Art World in Nazi Germany (New York, 2000), 218–53; там же, «From Seduction to Denial: Arno Breker's Engagement with National Socialism», in Richard A. Etlin (ed.), Art, Culture, and Media under the Third Reich (Chicago, 2002), 205–29; Wulf, Die bildenden Künste, 252; Volker Probst, Der Bildhauer Arno Breker (Bonn, 1978). Брекер защищал себя и свое искусство в мемуарах, опубликованных после войны, см. Arno Breker, Im Strahlungsfeld der Ereignisse, 1925–1965 (Preussisch Oldendorf, 1972).

129. Klaus Backes, *Hitler und die bildenden Künste: Kulturverständnis und Kunstpolitik im Dritten Reich* (Cologne, 1988), 10–56.
130. Erhard Kloss (ed.), *Reden des Führers: Politik und Propaganda Adolf Hitlers 1922–1945* (Munich, 1967), 108–20.
131. Evans, *The Coming of the Third Reich*, 413–16.
132. Lynn H. Nicholas, *The Rape of Europa: The Fate of Europe's Treasures in the Third Reich and the Second World War* (New York, 1994), 9–15.
133. Petropoulos, *The Faustian Bargain*, 13–25; более общее описание см. в Reichel, *Der schöne Schein*, 356–70.
134. Adam, *Arts*, 121–3; West, *The Visual Arts*, 188–9. Обзор работ запрещенных художников см. в Werner Haftmann, *Verfemte Kunst: Bildende Künstler der inneren und äusseren Emigration in der Zeit des Nationalsozialismus* (Cologne, 1986) (Бекман, 47–67, Клее, 1112–25, Кирхнер 126–32 и Шлеммер 37–13).
135. Petropoulos, *Art*, 57.
136. Spotts, *Hitler*, 151–64. Frohlich (ed.), *Die Tagebücher, I/II* (5 июня 1937 г.); Backes, *Hitler*, 57–70; о предшествующих выставках см. в Christoph Zuschlag, «An «Educational Exhibition». The Precursors of Entartete Kunst and its Individual Venues», in Stephanie Barron (ed.), «Degenerate Art': The Fate of the Avant-Garde in Nazi Germany (Los Angeles, 1991), 83–103, и более подробно см. в Christoph Zuschlag, «Entartete Kunst»: Ausstellungsstrategien in Nazi-Deutschland (Worms, 1995), 58–168 (протесты 1933 г. отмечены на стр. 329).
137. Wulf, *Die bildenden Künste*, 140–44.
138. Petropoulos, *The Faustian Bargain*, 25; Reinhard Merker, *Die bildenden Künste im Nationalsozialismus: Kulturideologie, Kulturpolitik, Kulturproduktion* (Cologne, 1983), 143–5; Annegret Janda, «The Fight for Modern Art: The Berlin Nationalgalerie after 1933», in Barron (ed.), «Degenerate Art», 105–18.
139. Annegret Janda (ed.), *Das Schicksal einer Sammlung: Aufbau und Zerstörung der Neuen Abteilung der Nationalgalerie im ehemaligen Kronprinzen-Palais Unter den Linden 1918–1945* (Berlin, 1986), 16.
140. Inge Jardi et al., *Beyond Reason: Art and Psychosis: Works from the Prinzhorn Collection* (London, 1996) и Hans Prinzhorn, *Bildnerei der Geisteskranken: Ein Beitrag zur Psychologie und Psychopathologie der Gestaltung* (Berlin, 1922).
141. Fritz Kaiser, *Führer durch die Ausstellung Entartete Kunst* (Berlin, 1937), 24–8.
142. Merker, *Die bildenden Künste*, 148–52. Эти инструкции, по всей видимости, не были выполнены.
143. Kaiser, *Führer*, 2–22. Эта брошюра переиздана в Barron (ed.), «Degenerate Art», 359–90; см. также «Mario-Andreas von Luttichau», «Entartete Kunst», Munich, 1937: *A Reconstruction*, in *ibid.*, 45–81, и подробное изложение в Zuschlag, «Entartete Kunst», 169–204 и 222–99.
144. Robert Bottcher, *Kunst und Kunsterziehung im neuen Reich* (Breslau, 1933), 41; Wolfgang Willrich, *Säuberung des Kunsttempels: Eine kunstpolitische*

Kampfschrift zur Gesundung deutscher Kunst im Geiste nordischer Art (Munich, 1937), 6.

145. Wulf, *Die bildenden Künste*, 319–20, 324, 327–33; об организации пропаганды в прессе см. в Karen Peter (ed.), *NS-Presseanweisungen der Vorkriegszeit: Edition und Dokumentation*, V: 1937 (Munich, 1998), 579, 587, 590, 631, 701.

146. *Berliner Morgenpost*, 172, 20 July 1937, первая страница; *Berliner Illustrierte Nachtausgabe*, 25 февраля 1938 г.

147. Peter Guenther, «Three Days in Munich, July 1937», in Barron (ed.), «Degenerate Art», 33–43; о реакции Каролы Рот и других см. в Paul Ortwin Rave, *Kunstdiktatur in Dritten Reich* (Hamburg, 1949); телеграмму см. в Zuschlag, «Entartete Kunst», 331; сведения о ценах см. в Peter-Klaus Schuster (ed.), *Die «Kunststadt» München 1937: Nationalsozialismus und «Entartete Kunst»* (Munich, 1987), 103–4; в нем также имеется факсимильная копия выставочной брошюры (183–216).

148. Sean Rainbird (ed.), *Max Beckmann* (London, 2003), 274–7.

149. Backes, *Hitler*, 71–7 — хороший краткий обзор.

150. Norbert Wolf, *Ernst Ludwig Kirchner 1880–1938: On the Edge of the Abyss of Time* (Cologne, 2003), 86–90.

151. Kaiser, *Fuhrer*, 24–8.

152. Wulf, *Die bildenden Künste*, 118–27. Литературную критику ждала та же судьба (Strothmann, *Nationalsozialistische Literaturpolitik*, 258–300).

153. Цитируется и переведено в Adam, *The Arts*, 123.

154. Там же, 121–4.

155. Adam, *The Arts*, 121–2; Merker, *Die bildenden Künste*, 155–6 (см. также цитаты выше).

156. Brenner, *Die Kunstpolitik*, 159.

157. Adam, *The Arts*, 122–7.

158. Merker, *Die bildenden Künste*, 155–6; Zuschlag, «Entartete Kunst», 205–21; Petropoulos, *Art*, 76–81. Wulf, *Die bildenden Künste*, 340–41 о репортажах в прессе и объявлениях аукционов.

159. Stephanie Barron, «The Galerie Fischer Auction», in Barron (ed.), «Degenerate Art», 135–69.

160. Angelika Königseder and Juliane Wetzel, «Die «Bilderverbrennung» 1939 — ein Pendant?», *Zeitschrift für Geschichtswissenschaft*, 51(2003), 439–46, отмечает, что, несмотря на изрядное число документальных свидетельств о предложениях сжигать произведения искусства, нет письменных доказательств того, что это реально производилось, также нет каких-либо свидетельских показаний. У этой истории имеется только один источник Rave, *Kunstdiktatur*. Тем не менее ни одну из работ из списка, предложенного к сожжению, не видели после 20 марта 1939 г. См. также Andreas Huneke, «On the Trail of Missing Masterpieces: Modern Art from German Galleries», in Barron (ed.), «Degenerate Art», 121–33; Petropoulos, *Art*, 82–3 и 338 № 50; и Georg Bussmann, *German Art of the Twentieth Century* (Munich, 1985), 113–24.

161. Wulf, *Die bildenden Künste*, 325–6.
162. Boberach (ed.), *Meldungen*, II. 275.
163. Там же, 115.
164. Wulf, *Die bildenden Künste*, 96–110.
165. Nicholas, *The Rape*, 13.
166. Wulf, *Die bildenden Künste*, 113–7.
167. Там же, 172–4, 181–4, 190–94.
168. Spotts, *Hitler*, 77–83.
169. Klaus Wolbert, *Die Nackten und die Toten des «Dritten Reiches»: Folgen einer politischen Geschichte des Körpers in der Plastik des deutschen Faschismus* (Giessen, 1982), 34–60, 188–92, 235–6.
170. Merker, *Die bildenden Künste*, 163–6. Сводку репортажей прессы см. в Otto Thomae, *Die Propaganda-Maschinerie: Bildende Kunst und Öffentlichkeitsarbeit im Dritten Reich* (Berlin, 1978), 37–69.
171. Merker, *Die bildenden Künste*, 165 (with different figures); Petropoulos, *Art*, 57.
172. Guenther, «Three Days in Munich», 33–43, 33–4; см. также Mario-Andreas von Luttichau, «Deutsche Kunst» und «Entartete Kunst»: *Die Munchner Ausstellungen 1937*», in Schuster (ed.), *Die «Kunststadt» München*, 83–118.
173. Adelheid von Saldern, «Art for the People: From Cultural Conservatism to Nazi Cultural Policies», там же *The Challenge of Modernity: German Social and Cultural Studies, 1890–1960* (Ann Arbor, Mich., 2002), 299–347.
174. Karl Arndt, «Das «Haus der deutschen Kunst» — ein Symbol der neuen Machtverhältnisse», in Schuster (ed.), *Die «Kunststadt» München*, 61–82; там же «Paul Ludwig Troost als Leitfigur der nationalsozialistischen Repräsentationsarchitektur», in Iris Lauterbach (ed.), *Bürokratie und Kult: Das Parteizentrum der NSDAP am Königsplatz in München: Geschichte und Rezeption* (Munich, 1995), 147–56; о ситуации в области проектирования, строительства и сдачи в эксплуатацию зданий см. в Karl Arndt, «Die Münchener Architekturszene 1933/34 als ästhetischpolitisches Konfliktfeld», in Broszat et al. (eds.), *Bayern*, III. 443–512, 443–84.
175. Цитируется в Wulf, *Die bildenden Künste*, 220.
176. Rolf Badenhausen, «Betrachtungen zum Bauwillen des Dritten Reiches», *Zeitschrift für Deutschkunde* 1937, 222–3, выдержки см. в Wulf, *Die bildenden Künste*, 223–4; Hans Lehmbruch, «Acropolis Germaniae. Der Königsplatz — Forum der NSDAP», in Lauterbach (ed.), *Bürokratie und Kult*, 17–46; более общее описание см. в Reichel, *Der schöne Schein*, 287–311; о признательности перед классицизмом см. в Alex Scobie, *Hitler's State Architecture: The Impact of Classical Antiquity* (Philadelphia, Pa., 1990), 56–68; о нацистском культе мертвых см. в Sabine Behrenbeck, *Der Kult um die toten Helden: Nationalsozialistische Mythen: Riten und Symbole 1923 bis 1945* (Vierow bei Greifswald, 1996), esp. 343–446; о церемониях, сопровождавших перемещение тел мучеников, см. в Baird, *To Die for Germany*, 41–72.

177. Barbara Miller Lane, *Architecture and Politics in Germany, 1918–1945* (Cambridge, Mass., 1968), 169–84.

178. Norbert Borrmann, Paul Schultze-Naumburg, 1869–1949. Maler — Publizist — Architekt: Vom Kulturreformer der Jahrhundertwende zum Kulturpolitiker im Dritten Reich (Essen, 1989), 198–220; более общее описание см. в Joachim Petsch, «Architektur und Stadtebau im Dritten Reich — Anspruch und Wirklichkeit», in Peukert and Reulecke (eds.), *Die Reihen fast geschlossen*, 175–98, and Elke Pahl-Weber and Dirk Schubert, «Myth and Reality in National Socialist Town Planning and Architecture: Housing and Urban Development in Hamburg, 1933–45», *Planning Perspectives*, 6 (1991), 161–88.

179. Jochen Thies, «Nazi Architecture — A Blueprint for World Domination: The Last Aims of Adolf Hitler», in David Welch (ed.), *Nazi Propaganda: The Power and the Limitations* (London, 1983), 45–64, 52; документацию по Берлину, Гамбургу, Линцу, Мюнхену и Нюрнбергу см. в Jost Dülffer et al. (eds.), *Hitlers Städte: Baupolitik im Dritten Reich* (Cologne, 1978); см. также Dirk Schubert, «...Ein neues Hamburg entsteht... Planungen in der «Führerstadt» Hamburg zwischen 1933–1945», in Hartmut Frank (ed.), *Faschistische Architekturen: Planen und Bauen in Europa 1930 bis 1945* (Hamburg, 1985), 299–318; Backes, Hitler, 117–93.

180. Adam, *The Arts*, 245–59; см. также Dieter Bartetzko, *Zwischen Zucht und Ekstase: Zur Theatralik von NS-Architektur* (Berlin, 1985); Robert R. Taylor, *The Word in Stone: The Role of Architecture in the National Socialist Ideology* (Berkeley, Calif., 1974), 250–69; Anna Teut, *Architektur im Dritten Reich 1933–1945* (Frankfurt am Main, 1967); Jochen Thies, *Architekt der Weltherrschaft: Die «Endziele» Hitlers* (Dusseldorf, 1976), 62–164; Merker, *Die bildenden Künste*, 186–238.

181. Paul Giesler, «Bauen im Dritten Reich», *Die Kunst im Dritten Reich*, September 1939, цитируется в Adam, *The Arts*, 256; детальное иллюстрированное исследование см. в Angela Schonberger, *Die neue Reichskanzlei von Albert Speer: Zum Zusammenhang von nationalsozialistischer Ideologie und Architektur* (Berlin, 1981), 37–173.

182. Thies, *Architekt*, 62–104.

183. Albert Speer, *Inside the Third Reich: Memoirs* (London, 1971 [1970]), 45–6.

184. Jost Dülffer, «Albert Speer: Cultural and Economic Management», in Ronald Smelser and Rainer Zitelmann (eds.), *The Nazi Elite* (London, 1993 [1989]), 212–23; о вандализме Геббельса см. в Evans, *The Coming of the Third Reich*, 398. Однако Вальтер Френц и Лени Рифеншталь выступили с противоположным заявлением о создании «собора света» Walter Frentz and Leni Riefenstahl (Gitta Sereny, *Albert Speer: His Battle with Truth* (London, 1995), 129).

185. Siegfried Zelnhefer and Rudolf Kas (eds.), *Kulissen der Gewalt: Das parteitagsgelände in Nürnberg* (Munich, 1992), 31–48 (Siegfried Zelnhefer, «Bauen als Vorgriff auf den Sieg. Zur Geschichte des Reichsparteitagsgeländes»).

186. Karen A. Fiss, «In Hitler's Salon: The German Pavilion at the 1937 Paris Exposition Internationale», in Etlin (ed.), Art, 316–42, 318–19, с цитированием из Paul Westheim, Paul Westheim: Kunstkritik aus dem Exil, ed. Tanja Frank (Hanau, 1985), 151; см. также Kurt Winkler, «Inszenierung der Macht: Weltausstellung 1937. Das «Deutsche Haus» als Standarte», in Klaus Behnken and Frank Wagner (eds.), Inszenierung der Macht: Ästhetische Faszination in Faschismus (Berlin, 1987), 217–25. Большая высота немецкого павильона по сравнению с советским аналогом была продуманным шагом; Шпеер получил планы советской конструкции заранее (Fies, «In Hitler's Salon», 321–3).

187. Speer, Inside, 117–22, 195–220.

188. Dülffer, «Albert Speer», 213–15; Joachim Petach, «Architektur als Weltanschauung: Die Staats- und Parteiarchitektur im Nationalsozialismus», in Ogan and Weiss (eds.), Faszination und Gewalt, 197–204.

189. Speer, Inside, 197; Sereny, Albert Speer, 126–31.

190. Gerhard Splitt, Richard Strauss 1933–1935: Ästhetik und Musikpolitik zu Beginn der nationalsozialistischen Herrschaft (Pfaffenweiler, 1987), 42–59, с обсуждением вероятных мотивов Штрауса в виде подробного рассмотрения свидетельств, которое портится необязательным гневным тоном морального осуждения; более уравновешенное рассмотрение см. в Michael H. Kater, Composers of the Nazi Era: Eight Portraits (New York, 2000), 220–23.

191. Kater, Composers, 225–7.

192. Там же, 211–12; Franz Grasberger (ed.), Der Strom der Töne trug mich fort: Die Welt um Richard Strauss in Briefen (Tutzing, 1967), 171–2; Walter Thomas, Richard Strauss und seine Zeitgenossen (Munich, 1964), 218.

193. Harry Graf Kessler, Tagebücher 1918–1937, ed. Wolfgang Pfeiffer-Belli (Frankfurt am Main, 1982 [1961]), 563 (14 июня 1928 г.); Kater, Composers, 213–16.

194. Там же, 217–25.

195. Там же, 229–46; Fred K. Prieberg, Trial of Strength: Wilhelm Furtwängler and the Third Reich (London, 1991 [1986]), 166–9.

196. Fred K. Prieberg, Musik im NS-Staat (Frankfurt am Main, 1982), 207–8; Josef Wulf, Musik im Dritten Reich: Eine Dokumentation (Gutersloh, 1963), 182–3; Saul Friedländer, Nazi Germany and the Jews, I: The Years of Persecution 1933–1939 (London, 1997), 130–35; Albrecht Riethmüller, «Stefan Zweig and the Fall of the Reich Music Chamber President, Richard Strauss», in Michael H. Kater and Albrecht Riethmüller (eds.), Music and Nazism: Art under Tyranny, 1933–1945 (Laaber, 2003), 269–91. О бестселлерах Стефана Цвейга см. в Richards, The German Bestseller, 252–3; одна из книг Цвейга была продана тиражом более 300 000 экземпляров с 1927 по 1931 г., а две другие тиражом в 170 000 каждая в период с 1922 по 1933 г. и с 1931 по 1933 г. соответственно.

197. Strauss, «Geschichte der schweigsamen Frau», и Strauss to Hitler, 13 июля 1935 г., оба в Wulf, Musik, 183–4.

198. Kater, Composers, 247–59; Prieberg, Musik, 208–15; Lothar Gall, «Richard Strauss und das «Dritte Reich» oder: Wie der Künstler Strauss sich miss-

brauchen liess», in Hanspeter Krellmann (ed.), *Wer war Richard Strauss? Neunzehn Antworten* (Frankfurt am Main, 1999), 123–36.

199. Levi, *Music*, 57–70, 94–8; Michael H. Kater, *The Twisted Muse: Musicians and Their Music in the Third Reich* (New York, 1997), 77–9; Prieberg, *Musik*, 277–82; Wulf, *Musik*, 414–23 (выдержки из «Лексикона» и схожих антисемитских работ на стр. 386–91).

200. Dirk Blasius, «Die Ausstellung «Entartete Musik» von 1938. Ein Beitrag zum Kontinuitätsproblem der deutschen Geschichte», in Othmar N. Haberl and Tobias Korenke (eds.), *Politische Deutungskulturen: Festschrift für Karl Rohe* (Baden Baden, 1999), 199–211. Нет времени создавать каталог выставки *Entartete-Musik*, однако на пятидесятилетие была проведена памятная выставка с реконструкцией событий, см. Albrecht Dumling and Peter Girth (eds.), *Entartete Musik: Eine kommentierte Rekonstruktion zur Dusseldorfer Ausstellung von 1938* (Dusseldorf, 1988); вступительное слово Циглера см. на стр. 128–43; см. также Albrecht Dumling, «The Target of Racial Purity: The «Degenerate Music» Exhibition in Dusseldorf, 1938», in Etlin (ed.), *Art*, 43–72; у него же *Banned by the Nazis: Entartete Musik: The Exhibition of Dusseldorf 1938/88 in Texts and Documents* (London, 1995); Eckhard John, *Musikbolschewismus: Die Politisierung der Musik in Deutschland 1918–1938* (Stuttgart, 1994), 367–81; и с утверждением о непопулярности современной музыки при Веймарской республике см. в Pamela M. Potter, «The Nazi «Seizure» of the Berlin Philharmonic, или Decline of a Bourgeois Musical Institution», in Cuomo (ed.), *Nazi Cultural Policy*, 39–65. См. также Hans Severus Ziegler, *Entartete Musik: Eine Abrechnung* (Dusseldorf, 1938).

201. Frohlich (ed.), *Die Tagebücher*, I/V. 323 (29 мая 1938 г.).

202. Zuschlag, «Entartete Kunst», 315–20.

203. Levi, *Music*, 70–73; Prieberg, *Musik*, 144–64; Wulf, *Musik*, 407; Potter, «The Nazi «Seizure»», 54.

204. Levi, *Music*, 74–81.

205. Там же, 98–102.

206. Levi, *Music*, 104–5; Prieberg, *Musik*, 225–34. Соната для фортепиано номер 1 Берга была исполнена 29 ноября 1944 г. на поэтических чтениях в Вене с музыкальным интермеццо, организованным Антоном фон Веберном (там же, 299).

207. Там же, 104–7; Prieberg, *Musik*, 137–8.

208. Levi, *Music*, 107–11; Kater, *Composers*, 31–6.

209. Levi, *Music*, 111–14; Wulf, *Musik*, 337–40 (цитаты). См. также Giseler Schubert, «The Aesthetic Premises of a Nazi Conception of Music», in Kater and Riethmüller (eds.), *Music and Nazism*, 64–74.

210. Wulf, *Musik*, 341.

211. Frohlich (ed.), *Die Tagebücher*, I/III. 140 (27 июля 1936 г.). Ванфрид — это семейный дом Вагнеров в Байрете.

212. Kater, *The Twisted Muse*, 197–201; Levi, *Music*, 199–201; Potter, «The Nazi «Seizure»», 39–65. См. также более общее описание в Michael Meyer, *The Politics of Music in the Third Reich* (New York, 1991).

213. Levi, Music, 114–16.

214. Bernd Sponheuer, «The National Socialist Discussion on the «German Quality» in Music», in Kater and Riethmuller (eds.), Music and Nazism, 32–42; Reinhold Brinkmann, «The Distorted Sublime: Music and National Socialist Ideology — A Sketch», там же, 43–63.

215. Kater, Composers, 3–30. Настоящим именем Эгга было Майер; ему настолько не нравилась его распространенность, что он использовал псевдоним на основе имени своей жены «Elisabeth, geborene Karl» — «Элизабет, урожденная Карл»). Те, кто недолюбливал его, говорили, что на самом деле он имел в виду «Ein grosser Komponist» (великий композитор»). См. также Michael Walter, Hitler in der Oper: Deutsches Musikleben 1919–1945 (Stuttgart, 1995), 175–212.

216. Там же, 111–43; см. также автобиографию жены Орфа Luise Rinser, Saturn auf der Sonne (Frankfurt am Main, 1994), 94–5.

217. Frederic Spotts, Bayreuth: A History of the Wagner Festival (New Haven, 1994), 159–88; Brigitte Hamann, Winifred Wagner oder Hitlers Bayreuth (Munich, 2002); Hans Rudolf Vaget, «Hitler's Wagner: Musical Discourse as Cultural Space», in Kater and Riethmuller (eds.), Music and Nazism, 15–31.

218. Spotts, Hitler, 223–63; у него же Bayreuth, 165–75.

219. Speer, Inside, 103–5.

220. Levi, Music, 192–3.

221. Levi, Music, 217–18; более общее описание см. в Volker Dahm, «Nationale Einheit und partikulare Vielfalt. Zur Frage der kulturpolitischen Gleichschaltung im Dritten Reich», VfZ 43 (1995), 221–65. О сложных отношениях Пфитцнера с нацистским руководством см. в Kater, Composers, 144–82. Пфитцнер был разъярен благосклонностью, с которой режим воспринимал некоторых модернистских композиторов. На вопрос, что он думает о современной музыке, он с презрением ответил: «Эгк с Орфом могут идти по известному адресу» (Berndt W. Wessling, Wieland Wagner: Der Enkel (Cologne, 1997), 257); см. также John, Musikbolschewismus, 58–89, о роли Пфитцнера в формировании враждебного отношения среди правых к «музыкальному большевизму» в Веймарской республике.

222. Wulf, Musik, 403, с цитированием Karl Grunsky, «Gedanken uber Mendelssohn», Westdeutscher Beobachter, 10 марта 1935 г.

223. Celia Applegate, «The Past and Present of Hausmusik in the Third Reich», in Kater and Riethmuller (eds.), Music and Nazism, 136–49.

224. Steinweis, Art, I41 —2.

225. О нацистских теориях музыки см. в Pamela M. Potter, Most German of the Arts: Musicology and Society from the Weimar Republic to the End of Hitler's Reich (New Haven, 1998), 200–234.

226. Walter Thomas, Bis der Vorhang fiel: Berichtet nach Aufzeichnungen aus den Jahren 1940 bis 1945 (Dortmund, 1947), 241.

227. Kater, Composers, 86–110; у него же Different Drummers: Jazz in the Culture of Nazi Germany (New York, 1992), 29–56; у него же The Twisted

Muse, 233–9; Wulf, Musik, 346–58; см. также Bernd Polster (ed.), *Swing Heil: Jazz im Nationalsozialismus* (Berlin, 1989).

228. Kater, *Different Drummers*, 90–95; Frohlich (ed.), *Die Tagebuecher*, I/III. 161–2 (2 июня 1937 г.), 165–6 (5 июня 1937 г.), 293 (7 октября 1937 г.), 326 (5 ноября 1937 г.), 346 (26 ноября 1937 г.).

229. Kater, *Different Drummers*, 101–10; Arno Klonne, *Jugend im Dritten Reich: Die Hitler-Jugend und ihre Gegner* (Dusseldorf, 1982), 241–6.

230. Hartmut Berghoff, *Zwischen Kleinstadt und Weltmarkt: Hohner und die Harmonika 1857–1961. Unternehmensgeschichte als Gesellschaftsgeschichte* (Paderborn, 1997), 311, 360–61, 375, 615.

231. Там же, 375, 412–19, 445–6.

232. Reichel, *Der schone Schein*, 371.

233. Gerhard Paul, *Aufstand der Bilder: Die NS-Propaganda vor 1933* (Bonn, 1990); Peter Zimmermann, «Die Bildsprache des Nationalsozialismus im Plakat», in Maria Ruger (ed.), *Kunst und Kunstkritik der dreissiger Jahre: 29 Standpunkte zu kunstlerischen und asthetischen Prozessen und Kontroversen* (Dresden, 1990), 223–36; Evans, *The Coming of the Third Reich*, 289–91.

234. См. пример в Marla S. Stone, *The Patron State: Culture and Politics in Fascist Italy* (Princeton, N.J., 1998); Edward Tannenbaum, *The Fascist Experience: Italian Society and Culture, 1922–1945* (New York, 1972), 213–302; Orlando Figes and Boris Kolonitskii, *Interpreting the Russian Revolution: The Language and Symbols of 1917* (New Haven, 1999), 30–103, 153–86, и Richard Stites, *Russian Popular Culture: Entertainment and Society since 1900* (Cambridge, 1992); см. сводку в Richard J. Overy, *The Dictators: Hitler's Germany and Stalin's Russia* (New York, 2004), 349–91. Комментарии нацистов о выставке футуристов см. в Willrich, *Sauberung*, 32.

235. Что является тенденцией, например, в Spotts, *Hitler, or Ehrhard Bahr, «Nazi Cultural Politics: Intentionalism v. Functionalism»*, in Cuomo (ed.), *National Socialist Cultural Policy*, 5–22.

236. Dahm, «*Nationale Einheit*», рассматривает растущее преобладание развлечений над прямой пропагандой как свидетельство роста свободы культурных продюсеров, особенно местного и регионального уровня, однако, разумеется, это было полностью согласовано с общими культурными целями режима.

237. Jutta Sywottek, *Mobilmachung fur den totalen Krieg: Die propagandistische Vorbereitung der deutschen Bevolkerung aufden Zweiten Weltkrieg* (Opladen, 1976).

238. См. также ниже стр. 465–7 о культурной программе организации «Сила через радость» и 563–5 о еврейской культуре в Третьем рейхе.

239. Heiber (ed.), *Goebbels-Reden*, I. 219–28 (Hamburg: Musikhalle — Eroffnung der 2. Reichs-Theaterfestwoche, 17. 4. 35), 219–28, 220.

240. Rainer Stollmann, «Faschistische Politik als Gesamtkunstwerk. Tendenzen der Asthetisierung des politischen Lebens im Nationalsozialismus», in Denkler and Prumm (eds.), *Die deutsche Literatur*, 83–101 (несколько чрезмерно теоретизи-

ровано); изначально понятие об эстетизации политики появилось в послесловии знаменитой статьи Вальтера Бенямина «Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости», у него же, *Gesammelte Schriften* 1/II, ed. Rolf Tiedemann and Hermann Schweppenhäuser (Frankfurt am Main, 1974), 508.

241. Heiber (ed.), Goebbels-Reden, I. 219–28 (Hamburg, Musikhalle — Eröffnung der 2. Reichs-Theaterfestwoche, 17. 6. 35), 220, 224, 227.

242. Klemperer, I Shall Bear Witness, 109 (27 февраля 1935 г.); *Tagebuch Luise Solmitz*, том 30 (5 июля 1935 — 16 июня 1937 г.), в разных местах.

243. John Heskett, «Modernism and Archaism in Design in the Third Reich», in Taylor and van der Will (eds.), *The Nazification of Art*, 110–27.

244. Uwe Westphal, *Werbung im Dritten Reich* (Berlin, 1989), 50–72. Но см. также Hans Deischmann, *Objects: A Chronicle of Subversion in Nazi Germany* (New York, 1995).

245. Victor Klemperer, *Tagebücher*, 14 (22 марта 1933 г.).

246. Rolf Steinberg (ed.), *Nazi-Kitsch* (Darmstadt, 1975) (краткий каталог иллюстраций этих объектов); о загадке см. 23.

247. Marion Godau, «Anti-Moderne?», in Sabine Weissler (ed.), *Design in Deutschland 1933–45: Ästhetik und Organisation des Deutschen Werkbundes im «Dritten Reich»* (Giessen, 1990), 74–87.

248. Joachim Wolschke-Bulmahn and Gert Groning, «The National Socialist Garden and Landscape Ideal: Bodenständigkeit (Rootedness in the Soil)», in Etlin (ed.), *Art*, 73–97; и Vroni Heinrich-Hampf, «Über Gartenidylle und Gartenarchitektur im Dritten Reich», in Frank (ed.), *Faschistische Architekturen*, 271–81.

249. Leopold von Schenkendorf and Heinrich Hoffmann (ed.), *Kampf um's Dritte Reich: Eine Historische Bilderfolge* (Altona-Bahrenfeld, 1933).

250. *Die Kunst im Dritten Reich 1937*, 160, цитируется в Britta Lammers, *Werbung im Nationalsozialismus: Die Kataloge der «Grossen Deutschen Kunstausstellung», 1937–1944* (Weimar, 1999), 9.

251. Reichel, *Der schöne Schein*, 373–5; о скрытии современных конструкций псевдоархаичными фасадами см. в Lothar Suhling, «Deutsche Baukunst. Technologie und Ideologie im Industriebau des «Dritten Reiches»», in Herbert Mehrrens and Steffen Richter (eds.), *Naturwissenschaft, Technik und NS-Ideologie: Beiträge zur Wissenschaftsgeschichte des Dritten Reichs* (Frankfurt am Main, 1980), 243–81.

252. Zeman, *Nazi Propaganda*, 177; Robert E. Herzstein, *The War that Hitler Won: The Most Infamous Propaganda Campaign in History* (London, 1979); Alexander D. Hardy, *Hitler's Secret Weapon: The «Managed» Press and Propaganda Machine of Nazi Germany* (New York, 1967).

253. Victor Klemperer, *LTI. Notizbuch eines Philologen* (Leipzig, 1975 [1947]); см. также Gerhard Bauer, *Sprache und Sprachlosigkeit im «Dritten Reich»* (Cologne, 1990 [1988]); Wolfgang Bergsdorf, «Sprachlenkung im Nationalsozialismus», in Martin Greiffenhagen (ed.), *Kampf um Wörter? Politische Begriffe im Meinungsstreit* (Munich, 1980), 65–74; Werner Bohleber

and Jorg Drews (ed.), «Gift, das du unbewusst eintrinkst...» Der Nationalsozialismus und die deutsche Sprache (Bielefeld, 1994 [1991]); Siegfried Bork, Missbrauch der Sprache: Tendenzen nationalsozialistischer Sprachregelung (Munich, 1970); Karl-Heinz Brackmann and Renate Birkenhauer, NS-Deutsch: «Selbstverständliche» Begriffe und Schlagwörter aus der Zeit des Nationalsozialismus (Straelen, 1988); Dolf Sternberger et al., Aus dem Wörterbuch des Unmenschen (Dusseldorf, 1968 [1957]).

254. Ribbe (ed.), Die Lageberichte, 162.

255. Там же, 189, 246.

256. Behnken (ed.), Deutschland-Berichte, IV (1937), 1224–5 (14 октября 1937 г.). Похоже там же, III (1936), 1109–10.

257. Bankier, The Germans, 14–20, 28–34.

258. Kershaw, The «Hitler Myth», 48–147.

259. Ian Kershaw, «How Effective was Nazi Propaganda?», in David Welch (ed.), Nazi Propaganda: The Power and the Limitations (London, 1983), 180–205; более общее описание см. в Peter Longerich, «Nationalsozialistische Propaganda», in Karl Dietrich Bracher et al. (eds.), Deutschland 1933–1945: Neue Studien zur nationalsozialistischen Herrschaft (Dusseldorf, 1992), 291–314.

Глава 3. Перестройка душ

1. Doris L. Bergen, Twisted Cross: The German Christian Movement in the Third Reich (Chapel Hill, N.C., 1996), 101–18; Manfred Kittel, «Konfessioneller Konflikt und politische Kultur in der Weimarer Republik», in Olaf Blaschke (ed.), Konfessionen im Konflikt: Deutschland zwischen 1800 und 1970: ein zweites konfessionelles Zeitalter (Gottingen, 2002), 243–97.

2. Общий обзор см. в Thomas Nipperdey, Deutsche Geschichte 1866–1918 (2 vols., Munich 1990), I: Arbeitswelt und Burgegeist, 468–507. Более подробно см. в Wolfgang Altgeld, Katholizismus, Protestantismus, Judentum: Über religiös begründete Gegensätze und nationalreligiöse Ideen in der Geschichte des deutschen Nationalismus (Mainz, 1992); у него же «Religion, Denomination and Nationalism in Nineteenth-Century Germany», in Helmut Walser Smith (ed.), Protestants, Catholics and Jews in Germany, 1800–1913 (Oxford, 2001), 49–65; Helmut Walser Smith, German Nationalism and Religious Conflict: Culture, Ideology, Politics, 1870–1914 (Princeton, N.J., 1995); John Horne and Alan Kramer, German Atrocities 1914: A History of Denial (New Haven, 2001), 157–8; Manfred Gailus, Protestantismus und Nationalsozialismus: Studien zur nationalsozialistischen Durchdringung des protestantischen Sozialmilieus in Berlin (Cologne, 2001), 40–51. О религиозных различиях и политике в Веймарской республике см. в Georges Castellan, L'Allemagne Weimar 1918–1933 (Paris, 1969), 209–40, которая до сих пор является одним из общих изложений истории Веймарской республики с серьезным отношением к религии. О Дне Потсдама см. в Evans, The Coming of the Third Reich, 350–51.

3. Martin Niemöller, From U-Boat to Pulpit (London, 1936 [1934]), 143.

4. Там же, 180–83, 187; James Bentley, Martin Niemoller (Oxford, 1984), 20–30, 39–40.

5. Там же, 42–68.

6. Nipperdey, *Deutsche Geschichte 1866–1918*, I. 507–28 о секуляризации в девятнадцатом веке; Hugh McLeod, *Religion and the People of Western Europe 1789–1989* (Oxford, 1997 [1981], 118–31, содержит хороший общий обзор; у него же, *Piety and Poverty: Working-Class Religion in Berlin, London, and New York 1870–1914* (New York, 1996) — подробный сравнительный анализ.

7. Richard Steigmann-Gall, *The Holy Reich: Nazi Conceptions of Christianity 1919–1945* (Cambridge, 2003), 13–19, 68; Gailus, *Protestantismus*, 29–40, 643–4; см. также Gunter Brakelmann, «Hoffnungen und Illusionen evangelischer Prediger zu Beginn des Dritten Reiches: Gottesdienstliche Feiern aus politischen Anlassen», in Peukert and Reulecke (eds.), *Die Reihen fast geschlossen*, 129–48.

8. Steigmann-Gall, *The Holy Reich*, 134–40.

9. Gunter Brakelmann, «Nationalprotestantismus und Nationalsozialismus», in Christian Jansen et al. (eds.), *Von der Aufgabe der Freiheit: Politische Verantwortung und bürgerliche Gesellschaft im 19. und 20. Jahrhundert: Festschrift für Hans Mommsen zum 5. November 1995* (Berlin, 1995), 337–50.

10. Detlef Schmiechen-Ackermann, *Kooperation und Abgrenzung: Bürgerliche Gruppen, evangelische Kirchengemeinden und katholisches Sozialmilieu in der Auseinandersetzung mit dem Nationalsozialismus in Hannover* (Hanover, 1999), 138–60; Ernst Klee, «Die SA Jesu Christi»: *Die Kirche im Banne Hitlers* (Frankfurt am Main, 1989), 11–81; Bjorn Mensing, *Pfarrer und Nationalsozialismus: Geschichte einer Verstrickung am Beispiel der Evangelisch-Lutherischen Kirche in Bayern* (Göttingen, 1998), esp. 147–79; Robert P. Ericksen, *Theologians under Hitler: Gerhard Kittel, Paul Althaus, and Emanuel Hirsch* (New Haven, 1985).

11. Rainer Lachele, *Ein Volk, ein Reich, ein Glaube: Die Deutschen Christen in Württemberg 1925–60* (Stuttgart, 1993); Thomas M. Schneider, *Reichsbischof L. Müller: Eine Untersuchung zu Leben, Werk und Persönlichkeit* (Göttingen, 1993); Reijo E. Heinonen, *Anpassung und Identität: Theologie und Kirchenpolitik der Bremer Deutschen Christen 1933–1945* (Göttingen, 1978), esp. 19–47; Kurt Meier, *Die Deutschen Christen: Das Bild einer Bewegung im Kirchenkampf des Dritten Reiches* (Göttingen, 1964), esp. 1–37; James A. Zabel, *Nazism and the Pastors: A Study of the Ideas of Three Deutsche Christen Groups* (Missoula, Mont., 1976).

12. Цитируется в Bracher, *Stufen*, 448.

13. Gailus, *Protestantismus*, 139–95.

14. Цитируется в Bracher, *Stufen*, 451.

15. Klaus Scholder, *Die Kirchen und das Dritte Reich, I: Vorgeschichte und Zeit der Illusionen 1918–1934* (Frankfurt am Main, 1977), часть 2, главы 4–7, 10 и 12 содержат авторитетное и подробное изложение этих событий.

16. Gailus, *Protestantismus*, 640–46. Bergen, *Twisted Cross*, 61–81.

17. Там же, 103, 145, 166; Scholder, *Die Kirchen*, 702–5.

18. Eberhard Bethge, Dietrich Bonhoeffer: Theologe, Christ, Zeitgenosse (Munich, 1967), 321–6, 363–5; Jurgen Schmidt, Martin Niemoller im Kirchenkampf (Hamburg, 1971), 121–78; более общее описание протестантизма и антисемитизма в этот период см. в Jochen-Christoph Kaiser, «Protestantismus, Diakonie und «Judenfrage» 1933–41», VfZ 37 (1989), 673–714.

19. Gailus, Protestantismus, 647–53. Эти цифры относятся к Исповедующей церкви в период с середины до конца 1930-х (см. следующий абзац).

20. Eberhard Busch, Karl Barths Lebenslauf: Nach seinen Briefen und autobiographischen Texten (Munich, 1975). Работы Барта о Исповедующей церкви доступны в Karl Barth zum Kirchenkampf: Beteiligung — Mahnung — Zuspruch (Munich, 1956), 213–36; см. также Karl Barth, The German Church Conflict (London, 1965).

21. Bracher, Stufen, 441–62; John S. Conway, The Nazi Persecution of the Churches 1933–1945 (London, 1968), 191; Bergen, Twisted Cross, 17–18.

22. Ribbe (ed.), Die Lageberichte, I. 385 (Lagebericht, Dec. 1935); Helmut Witetschek (ed.), Die kirchliche Lage in Bayern nach den Regierungspräsidentenberichten 1933–1945, II: Regierungsbezirk Ober- und Mittelfranken (Mainz, 1967), 66 (Lagesonderbericht der Regierung 9 December 1935, no. 54); о Нимёллере см. в Gailus, Protestantismus, 327–31, and Martin Niemoller, Dahlemer Predigten 1936/37 (Munich, 1981).

23. Ribbe (ed.), Die Lageberichte, 231.

24. Klein (ed.), Die Lageberichte, 365 (Lagebericht, Dec. 1935).

25. Подробное описание этих событий до осени 1934 г. см. в Scholder, Die Kirchen, II: Das Jahre der Ernüchterung 1934. Barmen und Rom (Berlin, 1985), 11–118, 159–220, 269–356.

26. О Мейсере см. в Witetschek (ed.), Die kirchliche Lage, II. 34–59.

27. Bonhoeffer to Sutz, 28 April 1934, in Dietrich Bonhoeffer, Gesammelte Schriften, ed. Eberhard Bethge (Munich, 1958), I. 39–40 (цитируется в Bergen, Twisted Cross, 140).

28. Gailus, Protestantismus, 654–6, 661–2.

29. Bentley, Martin Niemoller, 67–9; Gailus, Protestantismus, 656–8. Wolfgang Gerlach, Als die Zeugen schwiegen: Bekennende Kirche und die Juden (Berlin, 1993).

30. Gailus, Protestantismus, 658.

31. Klepper, Unter dem Schatten, 41 (8 марта 1933 г., 11 марта 1933 г.), 46–7 (30 марта 1933 г.); Christopher Clark, The Politics of Conversion: Missionary Protestantism and the Jews in Prussia, 1728–1941 (Oxford, 1995), 285–98.

32. Robert P. Erickson, «A Radical Minority: Resistance in the German Protestant Church», in Nicosia and Stokes (eds.), Germans Against Nazism, 115–36; Shelley Baranowski, The Confessing Church, Conservative Elites, and the Nazi State (New York, 1986); Scholder, Die Kirchen, I. 701–42; Steigmann-Gall, The Holy Reich, 184–5; Ruth Zerner, «German Protestant Responses to Nazi Persecution of the Jews», in Randolph Brahm (ed.), Perspectives on the Holocaust (Boston, 1983), 57–68, с цитированием проповеди Нимёллера на

стр. 63; Victoria Barnett, *For the Soul of the People: Protestant Protest against Hitler* (Oxford, 1992), 60–103; об Арийской статье см. в Bergen, *Twisted Cross*, 57; об Исповедующей церкви и антисемитизме см. в Friedlander, *Nazi Germany*, 44–5; шокирующий пример конфронтации между пасторами Христианской и Исповедующей церковью по поводу Арийской статьи см. в Broszat et al. (eds.), *Bayern*, I. 110–11 (*Aus Monatsbericht der Gendarmerie-Station Heiligenstadt*, 25 Nov. 1937).

33. Ribbe (ed.), *Die Lageberichte*, 231.

34. Там же, 230.

35. Bracher, *Stufen*, 458–62.

36. Bergen, *Twisted Cross*, 189–90.

37. Conway, *The Nazi Persecution*, 116–39.

38. Там же, 202–214; Ribbe (ed.), *Die Lageberichte*, 243–4; Bentley, Martin Niemoller, 92–130.

39. Steigmann-Gall, *The Holy Reich*, 185–7 (несочувствующий обзор, где опускаются детали жестокого обращения с Нимёллером); Conway, *The Nazi Persecution*, 212–13, 433 №24; Bentley, Martin Niemoller, 143–7. Нимёллера судили вместе с Отто Дибелиусом, другим важным, хотя и менее известным деятелем Исповедующей церкви, которого также освободили.

40. Stein, *I Was in Hell*, 147–51, цитируется на стр. 148, 151.

41. Bentley, Martin Niemoller, 147–57.

42. Gailus, *Protestantismus*, 329–31, 333–44.

43. Peter Novick, *The Holocaust and Collective Memory: The American Experience* (London, 2000), 221; текст, одобренный вдовой Нимёллера Сибиллой Нимёллер, цитируется полностью (на немецком) в Ruth Zerner, «Martin Niemoller, Activist as Bystander: The Oft-Quoted Reflection», in Marvin Perry and Frederick M. Schweitzer (eds.), *Jewish-Christian Encounters over the Centuries: Symbiosis, Prejudice, Holocaust, Dialogue* (New York, 1994), 327–40, 336, 7

44. Последующие манипуляции с заявлением Нимёллера в Энциклопедии холокоста и других местах привели к переносу евреев на первое место в списке; в других, включая Мемориальный музей холокоста США в Вашингтоне, полностью исчезли коммунисты. См. Lionel Kochan, «Martin Niemoller», in Yisrael Gutman (ed.), *Encyclopedia of the Holocaust* (4 vols., New York, 1990), III. 1061; Jeshajahu Weinberg and Rina Elieli, *The Holocaust Museum in Washington* (New York, 1995), 163. В 1946 г. Нимёллер в своей проповеди отмечал, что если бы в 1933 г. он сумел увидеть в коммунистах, заключенных в концентрационные лагеря, самого Иисуса Христа, брошенного в тюрьму, и встал бы на их защиту, то события могли развернуться по-другому (Bentley, Martin Niemoller, 165).

45. Adolf Hitler, *Mein Kampf*, translated by Ralph Manheim (London, 1969 [1925–7]), 393; более общее описание см. в Steigmann-Gall, *The Holy Reich*, 29–46, 51–84.

46. Там же, 133–4.

47. Некоторые уточнения см. в Oded Heilbrunner, *Die Achillesferse des deutschen Katholizismus* (Gerlingen, 1998). For Catholic criticism of the Nazis, see Guenter Lewy, *The Catholic Church and Nazi Germany* (New York, 1964), 3–24.

48. Alfons Kupper (ed.), *Staatliche Akten über die Reichskonkordatsverhandlungen 1933* (Mainz, 1969) содержит обширную документацию о беспокойстве Церкви.

49. Scholder, *Die Kirchen*, I. 627–62, цитирует на стр. 630, 632; Lewy, *The Catholic Church*, 115–50. Подробности о различии позиций внутри Церкви по этим тактикам см. в Ludwig Volk, *Bayerns Episkopat und Klerus in der Auseinandersetzung mit dem Nationalsozialismus 1930–1934* (Mainz, 1965); и Saul Friedlander, *Pius XII and the Third Reich* (London, 1966).

50. Conway, *The Nazi Persecution*, 67–71, 89–90.

51. Там же, 78–81.

52. Там же, 90–94; Lewy, *The Catholic Church*, 168–75; см. выше, 32–6, о событиях 1934 г.

53. Alfred Rosenberg, *Der Mythos des 20. Jahrhunderts: Eine Wertung der seelisch-geistigen Gestaltenkämpfe unserer Zeit* (Munich, 1935), 607–36; Robert Cecil, *The Myth of the Master Race: Alfred Rosenberg and Nazi Ideology* (London, 1972), 82–104, которая до сих пор является лучшим анализом идей Розенберга.

54. Klein (ed.), *Die Lageberichte*, 270 (Lagebericht, May 1935); Lewy, *The Catholic Church*, 151–68.

55. Bernhard Stasiewski (ed.), *Akten deutscher Bischöfe über die Lage der Kirche 1933–1945*, II: 1934–1935 (Mainz, 1976), 299–300 (Hirtenwort des deutschen Episkopats, 23 August 1935).

56. Peter Löffler (ed.), *Bischof Clemens August Graf von Galen: Akten, Briefe und Predigten 1933–1946*, I: 1933–1939 (Mainz, 1988), lxiv–lxvii, 168–84.

57. Там же, 188–9 (Гален Гитлеру, 7 апреля 1935 г.).

58. Conway, *The Nazi Persecution*, 107–12; Klein (ed.), *Die Lageberichte*, 193, 207–8, 235, 246–8, 270, 282.

59. Там же, 319; Conway, *The Nazi Persecution*, 157–60.

60. Klein (ed.), *Die Lageberichte*, 364.

61. Там же, 208, 222–3.

62. Witetschek (ed.), *Die kirchliche Lage*, I: *Regierungsbezirk Oberbayern* (Mainz, 1966), 145, 150, 153 (отчеты от 9 июня и 7–10 июля 1936 г.).

63. Там же, 251 (Monatsbericht der Regierung Oberbayern, 10 июля 1937).

64. Frohlich (ed.), *Die Tagebücher*, I/III. 353–4 (31 January 1937); см. более общее описание в Hans Gunter Hockerts, «Die Goebbels-Tagebücher 1932–1941: Eine neue Hauptquelle zur Erforschung der nationalsozialistischen Kirchenpolitik», in Dieter Albrecht et al. (eds.), *Politik und Konfession: Festschrift für Konrad Repgen zum 60. Geburtstag* (Berlin, 1983), 359–92.

65. Jeremy Noakes, «The Oldenburg Crucifix Struggle of November 1936: A Case Study of Opposition in the Third Reich», in Peter D. Stachura (ed.), *The Shaping of the Nazi State* (London, 1978), 210–33. Схожий инцидент рассматривается в

Cham, Bavaria, see Walter Ziegler (ed.), *Die kirchliche Lage in Bayern nach den Regierungspräsidentenberichten 1933–1943*, IV: *Regierungsbezirk Niederbayern und Oberpfalz 1933–1945* (Mainz, 1973), 229 (Monatsbericht der Regierung Regensburg, 8 мая 1939 г.); документы о состоянии Церкви в Аахене см. в Bernhard Vollmer (ed.), *Volksopposition im Polizeistaat: Gestapo und Regierungsberichte 1934 bis 1936* (Stuttgart, 1957); о Бадене см. в Jorg Schadt (ed.), *Verfolgung und Widerstand unter dem Nationalsozialismus in Baden: Die Lageberichte der Gestapo und des Generalstaatsanwalts Karlsruhe 1933–1940* (Stuttgart, 1975).

66. Heinz Boberach (ed.), *Berichte des SD und der Gestapo über Kirchen und Kirchenvolk in Deutschland 1934–1944* (Mainz, 1971): «Lageberichte des Chefs des Sicherheitsamtes des Reichsführers SS, Mai/Juni 1934», 3–63, at 25–31; там же: «Das katholische Vereinswesen: Die Organisation der katholischen Jugendvereine. Sonderbericht des Chefs des Sicherheitshauptamtes des Reichsführers SS, September 1935», 118–51 (цитируется на стр. 125); там же: «Lagebericht der Zentralabteilung II/1 des Sicherheitshauptamtes des Reichsführers SS für Januar 1938», 274–8.

67. Steinweis, Art, 137–8.

68. Dieter Albrecht (ed.), *Der Notenwechsel zwischen dem Heiligen Stuhl und der deutschen Reichsregierung* (3 vols., Mainz, 1965–80), I: *Von der Ratifizierung des Reichskonkordats bis zur Enzyklika «Mit brennender Sorge»*, 6 (Denkschrift des erzbischöflichen Ordinariats München-Freising, 2 октября 1933), 3–8, 37–44 и ответ немецкого правительства от 15 января 1934 г. (Promemoria des Heiligen Stuhls an die deutsche Reichsregierung 31 January 1934), 47–72, и т. д.

69. Там же, 61.

70. Witetschek (ed.), *Die kirchliche Lage*, III: *Regierungsbezirk Schwaben* (Mainz, 1971), содержит особенно хорошее описание огромного числа местных столкновений; см. также Ziegler (ed.), *Die kirchliche Lage*, IV. xxxv; Edward N. Peterson, *The Limits of Hitler's Power* (Princeton, N.J., 1969), 301–4; и Ian Kershaw, *Popular Opinion and Political Dissent in the Third Reich: Bavaria 1933–1945* (Oxford, 1983), 185–223.

71. Оба черновика Энциклики перепечатаны в Albrecht (ed.), *Der Notenwechsel*, I. 404–43.

72. Там же, 410; современный английский перевод см. в *On the Condition of the Church in Germany* (London, 1937); см. также Ernst C. Helmreich, *The German Churches under Hitler: Background, Struggle and Epilogue* (Detroit, Mich., 1979), 279–83; Conway, *The Nazi Persecution*, 164–7.

73. Albrecht (ed.), *Der Notenwechsel*, I. 421.

74. Там же, II: 1937–1945, ответ немецкого посла Пачелли, 12 апреля 1937 г. (1–5) и последующая переписка; также also Witetschek, *Die kirchliche Lage*, II. 166–71 (Monatsbericht der Regierung Ansbach, 6 апреля 1937 г.).

75. Boberach (ed.), *Berichte* (Lagebericht der Zentralabteilung II/1 des Sicherheitshauptamtes des Reichsführers SS für Januar 1938), 274–8.

76. Edward D. R. Harrison, «The Nazi Dissolution of the Monasteries: A Case-Study», *English Historical Review*, 109 (1994), 323–55; Witetschek (ed.), *Die Kirchliche Lage*, I. 244–6, 252–3, 299 (отчеты управления полиции от 7 июля 1937 г., 7 августа 1937 г., отчет правительства от 10 ноября 1938 г.).

77. Ulrich von Hehl et al. (eds.), *Priester unter Hitlers Terror: Eine biographische und statistische Erhebung* (2 vols., Mainz, 1996 [1984]).

78. *Völkischer Beobachter*, 212 (31 июля 1935 г.), 2; там же, 337, Ausgabe A/Nord-deutsche Ausgabe, Berlin, 3 декабря 1935 г., первая страница.

79. Там же., 345, 11 декабря 1935 г., стр. 2; Nachtausgabe, 121, 26 мая 1936 г.

80. *Berliner Morgenpost*, 102, 29 апреля 1937 г., первая страница; о священниках и монахах, обвиненных в сексуальных домогательствах к девочкам, см. в Ziegler (ed.), *Die kirchliche Lage*, IV. 173–5 (*Monatsbericht der Regierung Regensburg*, 8 декабря 1937 г.).

81. *12-Uhr-Blatt*, Berlin, 102, 29 апреля 1937 г., первая страница.

82. Там же, 128, 29 мая 1937 г., первая страница.

83. Hans Gunter Hockerts, *Die Sittlichkeitsprozesse gegen katholische Ordensangehörige und Priester 1936/37: Eine Studie zur nationalsozialistischen Herrschaftstechnik und zum Kirchenkampf* (Mainz, 1971), 78–112; цитата из *Völkischer Beobachter*, 12 июня 1936 г., 91.

84. Цитируется в Reuth, Goebbels, 361.

85. *12-Uhr-Blatt*, Berlin, 128, 29 мая 1937 г., стр. 1–2; Nachtausgabe, 122, 29 May 1937, стр. 3; *Völkischer Beobachter*, 159, 30 мая 1937 г., стр. 3–4; Hockerts, *Die Sittlichkeitsprozesse*, 113–18.

86. Conway, *The Nazi Persecution*, 168–91; Цитата из Бертрама на стр. 179; Hockerts, *Die Sittlichkeitsprozesse*, 132–46. Broszat et al. (eds.), *Bayern*, I. 107.

87. *Völkischer Beobachter*, 145, 25 мая 1937 г., стр. 3.

88. Conway, *The Nazi Persecution*, 168–95; Witetschek (ed.), *Die kirchliche Lage*, II. 300 n.2; George L. Mosse (ed.), *Nazi Culture: Intellectual, Cultural and Social Life in the Third Reich* (New York, 1975), 250–55, список жалоб епископа Исповедальной церкви Теофила Вурма из Вюртембурга за июнь 1939 г. см. в Joachim Beckmann (ed.), *Kirchliches Jahrbuch für die evangelische Kirche in Deutschland 1933–1944* (Gutersloh, 1948), 343–7; Rolf Eilers, *Die nationalsozialistische Schulpolitik: Eine Studie zur Funktion der Erziehung im totalitären Staat* (Cologne, 1963), 22–8, 85–92 о статистике; хорошее местное исследование см. в Franz Sonnenberger, «Der neue «Kulturkampf». Die Gemeinschaftsschule und ihre historischen Voraussetzungen», in Broszat et al. (eds.), *Bayern*, III. 235–327.

89. Witetschek (ed.), *Die kirchliche Lage*, I: 283 (*Monatsbericht der Regierung Oberbayern*, 9 декабря 1937 г.).

90. Helmut Prantl (ed.), *Die kirchliche Lage in Bayern nach den Regierungspräsidentenberichten 1933–1945*, V: *Regierungsbezirk Pfalz 1933–1940* (Mainz, 1978), IV.

91. Ziegler (ed.), *Die kirchliche Lage*, IV, 201 (*Monatsbericht der Regierung Regensburg*, 8 июня 1938 г.).

92. Albrecht (ed.), *Der Notenwechsel*, II. в разных местах.

93. Цитируется в Conway, *The Nazi Persecution*, 216–17.

94. Там же, 218–19; Kershaw, *The «Hitler Myth»*, 105–20. О сельском школьном учителе, ставшем главным инициатором борьбы против Церкви, возглавляемой сельским священником, см. в современных отчетах Нацистской организации учителей в Broszat et al. (eds.), *Bayern*, 1. 549–51.

95. Evans, *The Coming of the Third Reich*, 13–14; Denis Mack Smith, *Modern Italy: A Political History* (New Haven, 1997 [1959]), 83–5, 91–2, 200–201; Theodore Zeldin (ed.), *Conflicts in French Society: Anticlericalism, Education and Morals in the Nineteenth Century* (London, 1970).

96. Steigmann-Gall, *The Holy Reich*, 91–101.

97. Преувеличенные заявления о влиянии Розенберга см., например, в Robert A. Pois, *National Socialism and the Religion of Nature* (London, 1986), 42.

98. Henry Picker, *Hitlers Tischgespräche im Führerhauptquartier 1941–42* (Bonn, 1951), 275 (11 апреля 1942 г.); Fest, *The Face*, 254–5.

99. Reinhard Bollmus, «Alfred Rosenberg: National Socialism's «Chief Ideologue»?» in Smelser and Zitellmann (eds.), *The Nazi Elite*, 183–93, 187; и более общее описание см. в Harald Iber, *Christlicher Glaube oder rassistischer Mythos: Die Auseinandersetzung der Bekennenden Kirche mit Alfred Rosenbergs «Der Mythos des 20. Jahrhunderts»* (Frankfurt am Main, 1987), 170–81; and Raimund Baumgartner, *Weltanschauungskampf im Dritten Reich: Die Auseinandersetzung der Kirchen mit Alfred Rosenberg* (Mainz, 1977), 106–34, 153.

100. Promemoria des Heiligen Stuhls an die Deutsche Reichsregierung, 13 May 1934, in Albrecht (ed.), *Der Notenwechsel*, 125–64, 134–7, также цитируется и переведено в Conway, *The Nazi Persecution*, 109.

101. Johann Neuhausler, *Kreuz und Hakenkreuz: Der Kampf des Nationalsozialismus gegen die katholische Kirche und der kirchliche Widerstand* (Munich, 1946), 251, цитируется в Mosse (ed.), *Nazi Culture*, 241.

102. Nuremberg Document PS–3751 в Wulf, *Literatur*, 299–300. Другие примеры см. в Gilmer W. Blackburn, *Education in the Third Reich: A Study of Race and History in Nazi Textbooks* (Albany, N.Y., 1985), 75–92, 85.

103. Reck-Malleczewen, *Diary*, 33. Однако о некоторой сомнительности историй Река см. ниже, 416.

104. Steigmann-Gall, *The Holy Reich*, 126–7; Albrecht (ed.), *Der Notenwechsel*, I. 134–7.

105. Steigmann-Gall, *The Holy Reich*, 101–4.

106. Ackermann, Heinrich Himmler, 253–4; Bradley F. Smith and Agnes F. Peterson (eds.), *Heinrich Himmler-Geheimreden 1933–1945 und andere Ansprachen* (Frankfurt am Main, 1974), 160–61; Hans-Jochen Gamm, *Der braune Kult: Das Dritte Reich und seine Ersatzreligion: Ein Beitrag zur politischen Bildung* (Hamburg, 1962), 78–89, 156–90; Manfred Ach and Clemens Pen-trop (eds.), *Hitlers «Religion»: Pseudoreligiöse Elemente im nationalsozialistischen Sprachgebrauch* (Munich, 1991 [1979]).

107. Klein (ed.), *Die Lageberichte*, I. 195; (Übersicht der Staatspolizeistelle Kassel über die politische Lage im November 1934); Steigmann-Gall, *The Holy Reich*, 222.

108. Там же, 87–91.

109. Там же, 219–28.

110. Там же, 230–40.

111. Conway, *The Nazi Persecution*, 213–22; Heike Kreutzer, *Das Reichskirchen ministerium im Gefuge der nationalsozialistischen Herrschaft* (Dusseldorf, 2000), 100–130.

112. Gailus, *Protestantismus*, 664–6.

113. Detlef Garbe, *Zwischen Widerstand und Martyrium: Die Zeugen Jehovas im «Dritten Reich»* (Munich, 1993); Michael H. Kater, «Die ernsten Bibelforscher im Dritten Reich», *VfZ* 17 (1969), 181–218; Zeidler, *Das Sondergericht Freiberg*, 49–55; Gerhard Hetzer, «Ernste Bibelforscher in Augsburg», in Broszat et al. (eds.), *Bayern*, IV. 621–43. Имеется хорошее местное исследование в Walter Struve, *Aufstieg und Herrschaft des Nationalsozialismus in einer industriellen Kleinstadt: Osterode am Harz 1918–1945* (Essen, 1992), 242–74.

114. Wachsmann, *Hitler's Prisons*, 125–8; Hans-Ulrich Ludewig and Dietrich Kuessner, «Es sei also jeder gewarnt»: *Das Sondergericht Braunschweig 1933–1945* (Braunschweig, 2000), 89–90.

115. Hans-Eckhard Niermann, *Die Durchsetzung politischer und politisierter Strafjustiz im Dritten Reich* (Dusseldorf, 1995), 295–305; Schmidt, «Beabsichtige ich, die Todesstrafe zu beantragen», 105–7; Wachsmann, *Hitler's Prisons*, 180–83.

116. Hoss, *Commandant*, 94–8, 151–2.

117. Ribbe (ed.), *Die Lageberichte*, 230 (Lagebericht der Staatspolizeistelle Potsdam fur Februar 1935).

118. Hohne, *The Order*, 131–6; Ackermann, Heinrich Himmler, 253–4; Steigmann-Gall, *The Holy Reich*, 120, 122, 132, 149–53. О взглядах Гитлера на религиозные идеи Гиммлера см. в Speer, *Inside*, 94–5, 122. Об общественном беспокойстве в связи с «мнимой враждебностью СС по отношению к христианству» см. в Ribbe (ed.), *Die Lageberichte*, 429 (Lagebericht der Staatspolizeistelle Potsdam fur den Monat Februar 1936). См. также Wolfgang Dierker, ««Niema's Jesuiten, Niema's Sektierer»: Die Religionspolitik des SD 1933–1941», in Michael Wildt (ed.), *Nachrichtendienst, politische Elite, Mordeinheit: Der Sicherheitsdienst des Reichsfuhrers SS* (Hamburg, 2003), 86–117.

119. Domarus, *Hitler*, III. 1145–7 (дополненный перевод).

120. Klaus Vondung, *Magie und Manipulation: Ideologischer Kult und politische Religion des Nationalsozialismus* (Gottingen, 1971); Eric Voegelin, *The New Science of Politics: An Introduction* (Chicago, 1952); James M. Rhodes, *The Hitler Movement: A Modern Millenarian Revolution* (Stanford, 1980); Uriel Tal, *Structures of German «Political Theology» in the Nazi Era* (Tel Aviv, 1979); Claus-Ekkehard Barsch, *Die politische Religion des Nationalsozialismus: Die religiose Dimension der NS-Ideologie in den Schriften von Dietrich Eckart, Joseph Goebbels, Alfred Rosenberg und Adolf Hitler* (Munich, 1998); Michael Ley and Julius H. Schoeps (eds.), *Der Nationalsozialismus als politische Religion*

(Bodenheim, 1997); Hans Maier, *Politische Religionen: Die totalitären Regime und das Christentum* (Freiburg, 1995).

121. Множество примеров см. в Blackburn, *Education*, глава 4 («The Secular Religious Character of National Socialist History», 75–92); современные наблюдения об использовании религиозного языка в отношении Гитлера см. в Klemperer, *I Shall Bear Witness*, 39 (11 November 1933).

122. Domarus (ed.), *Hitler*, II. 833.

123. Gailus, *Protestantismus*, 664–5; Kershaw, *The «Hitler Myth»*, 106–8.

124. Philippe Burrin, «Political Religion. The Relevance of a Concept», *History and Memory*, 9 (1997), 321–49, содержит другие примеры религиозного языка в нацистской риторике, но слишком просто обходит молчанием враждебность Гитлера к возрождению псевдогерманского язычества: Richard Steigmann-Gall, «Was National Socialism a Political Religion or a Religious Politics?», in Michael Geyer and Hartmut Lehmann (eds.), *Religion und Nation: Nation und Religion. Beiträge zu einer unbewaltigten Geschichte* (Gottingen, 2004), 386–408, содержит другие примеры враждебности многих руководителей нацистов к языческой псевдорелигии.

125. George L. Mosse, *The Nationalization of the Masses: Political Symbolism and Mass Movements in Germany from the Napoleonic Wars through the Third Reich* (New York, 1975).

126. Blackburn, *Education*, 87.

127. Detlev J. K. Peukert, «The Genesis of the «Final Solution» from the Spirit of Science», in Thomas Childers and Jane Caplan (eds.), *Reevaluating the Third Reich* (New York, 1993), 234–52.

128. «Aus dem Jahresbericht des Direktors der Grossen Stadtschule (Gymnasium und Oberrealschule) zu Wismar über das Schuljahr 1933/34», no. 105 in Joachim S. Hohmann and Hermann Langer (eds.), «Stolz, ein De tscher z sein...» *Nationales Selbstverständnis in Schulaufsätzen 1914–1945* (Frankfurt am Main, 1995), 208.

129. Там же, 226, no. 118: «Adolf Hitler als Knabe: Aus dem Schreibheft von A. Sch., Weingarten, o.J.».

130. Там же, 257, no. 142: «Waren unsere germanischen Vorfahren Barbaren? Aufsatz des Schülers M. K., Volksschule Tiefensee, 22. September 1937».

131. Там же, 276–7, no. 156: «Totengedenken. Aufsatzentwurf des 14jährigen Schülers M. K., Volksschule Tiefensee, vom November 1938».

132. Behnken (ed.), *Deutschland-Berichte*, II (1935), 203.

133. Hohmann and Langer (eds.), «Stolz», 270–71, no. 153: «Die Judenfrage ist eine Rassenfrage. Aufsatzentwurf von M. K., Schüler der 8. Klasse an der Volksschule in Tiefensee, Kreis Eilenburg, 1938»; другие примеры школьных заданий этого периода см. в Dieter Rossmeissl, «Ganz Deutschland wird zum Führer halten...» *Zur politischen Erziehung in den Schulen des Dritten Reiches* (Frankfurt am Main, 1985), 110–66.

134. Blackburn, *Education*, 34–74; Mosse (ed.), *Nazi Culture* 283–4, с цитированием из *Times* (London), 29 января 1935 г. См. также Kurt-Ingo Flessau,

Schule der Diktatur: Lehrpläne und Schulbücher des Nationalsozialismus (Munich, 1977), 59–62, 76–82.

135. Hohmann and Langer, «Stolz», 209; Eilers, Die nationalsozialistische Schulpolitik, 13–15.

136. Иллюстрация опубликована в Lisa Pine, Nazi Family Policy, 1933–1945 (Oxford, 1997), 59; см. более общее описание в Rossmeissl, «Ganz Deutschland», 171–80.

137. Deutsches Lesebuch für Volksschulen: Fünftes und sechstes Schuljahr (Braunschweig, n.d.), 365–6, цитируется в Mosse (ed.), Nazi Culture, 291–3.

138. Franz Poggeler, «Politische Inhalte in Fibeln und Lesebüchern des «Dritten Reiches»», in Joachim S. Hohmann (ed.), Erster Weltkrieg und Nationalsozialistische «Bewegung» im deutschen Lesebuch 1933–1945 (Frankfurt am Main, 1988), 75–104.

139. Пример такой иллюстрации в школьном учебнике см. в Hohmann and Langer, «Stolz», 234; также Lisa Pine, «The Dissemination of Nazi Ideology and Family Values through School Textbooks», History of Education, 25 (1996), 91–110; и иллюстрации там же, Nazi Family Policy, 61–3.

140. Sylvelin Wissmann, Es war eben unsere Schulzeit: Das Bremer Volksschulwesen unter dem Nationalsozialismus (Bremen, 1993), 52; более общее описание см. в Eilers, Die nationalsozialistische Schulpolitik, 28–30, and Flessau, Schule der Diktatur, 66–73.

141. Behnken (ed.), Deutschland-Berichte, III (1936), 197–8. Официальные директивы см. в Margarete Gotz, Die Grundschule in der Zeit des Nationalsozialismus: Eine Untersuchung der inneren Ausgestaltung der vier unteren Jahrgänge der Volksschule auf der Grundlage amtlicher Massnahmen (Bad Heilbrunn, 1997), 40–140. Об использовании неофициальных нацистских памфлетов и учебных материалов, распространяемых по школам до официально утвержденных учебников см. в Benjamin Ortmeier, Schulzeit unterm Hitlerbild. Analysen, Berichte, Dokumente (Frankfurt am Main, 1996), 50–54; более общее описание см. в Joachim Trapp, Kölner Schulen in der NS-Zeit (Cologne, 1994), 1–112.

142. Kurt-Ingo Flessau, «Schulen der Partei(lich)keit? Notizen zum allgemeinbildenden Schulwesen des Dritten Reichs», in idem et al. (eds.), Erziehung im Nationalsozialismus: «...und sie werden nicht mehr frei ihr ganzes Leben!» (Cologne, 1987), 65–82; у него же Schule der Diktatur, 13–20; Wissmann, Es war eben unsere Schulzeit, 162, 193, плакаты и доски для объявлений см. в Eilers, Die nationalsozialistische Schulpolitik, 31–7: показ фильмов в школах стал предметом обычной нацистской борьбы между Министерством пропаганды и Министерством образования (там же, 32). Школьное радио в то время особой роли не играло (там же, 32–33). О фестивалях см. в Rossmeissl, «Ganz Deutschland», 69–76.

143. Wolfgang Keim, Erziehung unter der Nazi-Diktatur, II: Kriegsvorbereitung, Krieg und Holocaust (Darmstadt, 1997), 34–56; Reinhard Dithmar, «Literaturunterricht und Kriegserlebnis im Spiegel der nationalsozialistis-

chen Programmatik», in Hohmann (ed.), *Erster Weltkrieg*, 54–74; Roland Schopf, «Von Nibelungentreue, Martyrertod und verschwörerischer Verschwiegenheit», in *ibid.*, 194–214; Eilers, *Die nationalsozialistische Schulpolitik*, 85–98.

144. Norbert Hopster and Ulrich Nassen, *Literatur und Erziehung im Nationalsozialismus: Deutschunterricht als Körperkultur* (Paderborn, 1983), 31–40; Flessau, *Schule der Diktatur*, 58–9.

145. Там же, 140–43.

146. Ortmeier, *Schulzeit*, 55–78, о нацификации различных предметов; также Geert Platner (ed.), *Schule im Dritten Reich: Erziehung zum Tod? Eine Dokumentation* (Munich, 1983), 42–54 и 246–55, о расизме, и 55–62 и 203–45 о милитаризме.

147. Flessau, *Schule der Diktatur*, 82–4, 143–54.

148. Цитируется в Behnken (ed.), *Deutschland-Berichte*, VI (1939), 329; примеры см. также в Wissmann, *Es war eben unsere Schulzeit*, 59–69.

149. Franz Schnass, *Nationalpolitische Heimat- und Erdkunde* (Osterwieck am Harz, 1938), 54–5; Bruno Plache, *Das Raumgefuge der Welt. Erdkundebuch für Schulen mit höheren Lehrzielen*, I: *Deutschland* (Gottingen, 1939), 2. Hans-Gunther Bracht, *Das höhere Schulwesen im Spannungsfeld von Demokratie und Nationalsozialismus: Ein Beitrag zur Kontinuitätsdebatte am Beispiel der preussischen Aufbauschule* (Frankfurt am Main, 1998), 603–17, подчеркивает сложность изменения этого предмета в соответствии с нацистской идеологией.

150. Flessau, *Schule der Diktatur*, 82–3.

151. Henning Heske, «...und morgen die ganze Welt...» *Erdkundeunterricht im Nationalsozialismus* (Giessen, 1988), 188–250; среди примеров Ekkehart Staritz, *Deutsches Volk und deutscher Raum: Vom alten Germanien zum Dritten Reich* (Berlin, 1938) и Friedrich W. Schaafhausen, *Das Auslandsdeutschum* (Cologne, 1934). Хороший обзор нацистского обучения см. в Margret Kraul, *Das deutsche Gymnasium 1780–1980* (Frankfurt am Main, 1984), 157–65.

152. Flessau, *Schule der Diktatur*, 99, 138–9.

153. Karl August Eckhardt, *Die Grundschulausbildung* (Dortmund, 1938), 90.

154. Platner (ed.), *Schule*, 121–3. Однако в воспоминаниях многих известных немцев, опубликованных в этом сборнике, таких как будущий федеральный канцлер Гельмут Коль (82–3), в ретроспективе недооценивается масштаб проникновения нацизма и милитаризма в школы в тот период; выдержки из учебника, переизданные позже в книге (203–65), являются нежным исправлением.

155. Trapp, *Kolner Schulen*, 39–40, 51–5.

156. «Six Years Education in Nazi Germany», анонимного автора (1945 г. или 1946 г.); печатный текст Leonard Nachlass, Box 12, Folder «Englische Untersuchungen ueber die Deutschen zu verschiedenen Fragen der Schulpolitik», Georg-Eckert Institut für Schulbuchforschung, Braunschweig. Я благодарен Риккарда Торриани за то, что он предоставил мне копию этого документа.

157. См. Bracht, *Das höhere Schulwesen*, где приводится хороший обзор баланса свободы и принуждения в обучении на примере одной крупной

школы. Hermann Schnorbach (ed.), *Lehrer und Schule in der NS-Zeit. Dokumente des Widerstands von 1930 bis 1945* (Königstein im Taunus, 1983), примечательна отсутствием каких-либо документов о сопротивлении со стороны учителей и их учеников при Третьем рейхе. См. также Michael H. Kater, *Hitler Youth* (Cambridge, Mass., 2004), 42–4, о растущей политизации и конформизму учителей. О еврейских учениках см. ниже 562–3.

158. Eilers, *Die nationalsozialistische Schulpolitik*, 66–9 (цифры на стр. 68 n. 140).

159. Wolfgang Wippermann, «Das Berliner Schulwesen in der NS-Zeit. Fragen, Thesen und methodische Bemerkungen», in Benno Schmoldt (ed.), *Schule in Berlin: Gestern und heute* (Berlin, 1989), 57–73, 61–3; и Michael Burleigh and Wolfgang Wippermann, *The Racial State: Germany 1933–1945* (Cambridge, 1991), 208, на основе этой статьи и других источников по местной истории.

160. Eilers, *Die nationalsozialistische Schulpolitik*, 98–9.

161. Там же, 3–6, 69.

162. Там же, 6, 72–5, 76–85; Willi Feiten, *Der nationalsozialistische Lehrerbund: Entwicklung und Organisation: Ein Beitrag zum Aufbau und zur Organisationsstruktur des nationalsozialistischen Herrschaftssystems* (Weinheim, 1981), 177–84 (цифры на стр. 181); Wolfgang Keim, *Erziehung unter der Nazi-Diktatur, I: Antidemokratische Potentiale, Machtantritt und Machtdurchsetzung* (Darmstadt, 1995), 97–112. Шемм умер в 1935 г., а его преемник Вехтлер изменил дату основания с 1927 на 1929, поскольку сам он присоединился только позднее. См. Schnorbach (ed.), *Lehrer und Schule*, 26–7; Behnken (ed.), *Deutschland-Berichte, IV* (1937), 874–5; и Trapp, *Kolner Schulen*, 28–47.

163. Behnken (ed.), *Deutschland-Berichte, II* (1935), 203; Wilfried Breyvogel and Thomas Lohmann, «Schulalltag im Nationalsozialismus», in Peukert and Reulecke (eds.), *Die Reihen fast geschlossen* 199–221, at 215–16.

164. Breyvogel and Lohmann, «Schulalltag», 216–18; примеры телесных наказаний см. в Behnken (ed.), *Deutschland-Berichte, II* (1935), 208–9.

165. Broszat et al., *Bayern I*. 543 («Bericht NSLB, Kreis Garmisch-Partenkirchen, Gau München-Oberbayern», 2 июня 1938 г.); Trapp, *Kolner Schulen*, 39.

166. Broszat et al. (eds.), *Bayern, II*. 531–2.

167. Behnken (ed.), *Deutschland-Berichte, II* (1935), 205–12, и III (1936), 205–7, возможно, с переоценкой масштаба оппозиции принципиальных учителей режиму. Другие уточнения о снижении численности учителей см. там же, VI (1939), 322–6.

168. Официальную статистику, выдержки и комментарии см. там же, VI (1939), 319–20;

169. Там же, I (1934), 580.

170. Там же, III (1936), 190–2

171. Там же, VI (1939), 321.

172. Там же, I (1934), 568.

173. Там же, II (1935), 202; Wissmann, Es war eben unsere Schulzeit, 173.
174. Behnken (ed.) Deutschland-Berichte, IV (1937), 1048–9; Rossmeissl, «Ganz Deutschland», 47–50.
175. Eilers, Die nationalsozialistische Schulpolitik, 54–66.
176. Behnken (ed.), Deutschland-Berichte, I (1934), 567–74.
177. Там же, III (1936), 192.
178. Kater, Hitler Youth, 16; Arno Klonne, Jugend im Dritten Reich: Die HitlerJugend und ihre Gegner (Cologne, 1999 [1982]), 33–4. Пример работы по теме «Warum bin ich nicht in der Hitlerjugend?» от 25 апреля 1934 г. см. в Hohmann and Langer (eds.), «Stolz», 222–3 (no. 113: Aufsatz von M.S.: студенты пообещали присоединиться сразу же).
179. Klonne, Jugend, 15–42, таблица членов на стр. 33 (цифры за 1939 г. включают Австрию и Судеты). О неучебных днях см. в Behnken (ed.), Deutschland-Berichte, I (1934), 552 и Trapp, Kolner Schulen, 67–72. См. недавнюю работу о Гитлерюгенде Kater, Hitler Youth.
180. См. Hubert Steinhaus, Hitlers padagogische Maximen: «Mein Kampf» und die Destruktion der Erziehung im Nationalsozialismus (Frankfurt am Main, 1981), 65–75, и Flessau, Schule der Diktatur, 22–31.
181. Hitler, Mein Kampf, 380, 383, 389.
182. Karl Christoph Lingelbach, Erziehung und Erziehungstheorien im nationalsozialistischen Deutschland: Ursprunge und Wandlungen der 1933–1945 in Deutschland vorherrschenden erziehungstheoretischen Stromungen; ihre politischen Funktionen und ihr Verhaltnis zur ausserschulischen Erziehungspraxis des «Dritten Reiches» (Frankfurt am Main, 1987 [1970]), 25–33, 65–80, 162–87; Ernst Hojer, Nationalsozialismus und Padagogik: Umfeld und Entwicklung der Padagogik Ernst Kriecks (Wurzburg, 1996), 5–33 (о Гитлере).
183. Domarus (ed.), Hitler, II. 701 (14 сентября 1935 г.); дополнительные строки.
184. Behnken (ed.), Deutschland-Berichte, III (1936), 1316.
185. Klonne, Jugend, 57–62.
186. Цитируется в Behnken (ed.), Deutschland-Berichte, V (1938), 1361.
187. Там же, I, 362.
188. Там же, I (1934), 554.
189. Klonne, Jugend 133–4; хороший пример см. также в Hermann Graml, «Integration und Entfremdung: Inanspruchnahme durch Staatsjugend und Dienstpflicht», in Ute Benz and Wolfgang Benz (eds.), Sozialisation und Traumatisierung: Kinder in der Zeit des Nationalsozialismus (Frankfurt am Main, 1992), 70–79, 74–9.
190. Maschmann, Account Rendered, 19–20.
191. Там же, 27–8; более общее описание см. в Dagmar Resse, «Bund Deutscher Madel — Zur Geschichte der weiblichen deutschen Jugend im Dritten Reich», in Frauengruppe Faschismusforschung (ed.), Mutterkreuz und Arbeitsbuch: Zur Geschichte der Frauen in der Weimarer Republik und im Nationalsozialismus (Frankfurt am Main, 1981), 163–87.

192. Behnken (ed.), Deutschland-Berichte, I (1934), 554; более общее описание см. в Klonne, Jugend, 121–7.
193. Behnken (ed.), Deutschland-Berichte, I (1934), 555.
194. Там же, III (1936), 1313–4; личные воспоминания того же плана см. в Hans Siemsen, Die Geschichte des Hitlerjungen Adolf Goer (Dusseldorf, 1947), 49.
195. Behnken (ed.), Deutschland-Berichte, IV (1937), 842–4.
196. Klonne, Jugend, 57; Rossmeissl, «Ganz Deutschland», 77–89 (о собраниях).
197. Behnken (ed.), Deutschland-Berichte, I (1934), 556–7.
198. См. Reichsjugendfuhrung (ed.), HJ im Dienst: Ausbildungsvorschrift fur die Ertuchtung der deutschen Jugend (Berlin, 1935).
199. Baldur von Schirach, Die Hitler-Jugend: Idee und Gestalt (Leipzig, 1938 [1934]), 57–65.
200. Behnken (ed.), Deutschland-Berichte, I (1934), 559–60; там же, II (1935), 219–20; там же, III (1936), 1314–16, 1323; другие примеры там же, IV (1937), 839–42; другие примеры жестокости см. в Kater, Hitler Youth, 30–31.
201. Behnken (ed.), Deutschland-Berichte, V (1938), 1366.
202. Там же, I, 378, I, 391–2.
203. Там же; также там же, III (1936), 1324–6; и «Six Years Education in Nazi Germany», 4 (п. 156, выше).
204. Behnken (ed.), Deutschland-Berichte, V (1938), 1379.
205. Kurt Hass (ed.), Jugend unterm Schicksal — Lebensberichte junger Deutscher 1946–1949 (Hamburg, 1950), 61–2, цитируется в Klonne, Jugend, 142–3.
206. Karl-Heinz Janssen, «Eine Welt brach zusammen», in Hermann Glaser and Axel Silenius (eds.), Jugend im Dritten Reich (Frankfurt am Main, 1975), 88–90.
207. Behnken (ed.), Deutschland-Berichte, V (1938), 1391.
208. Там же, V (1938), 1403.
209. Там же, III (1936) 1320–22; Kater, Hitler Youth, 38, пример члена Гитлерюгенда, донесшего на своего отца в гестапо за критику Гитлера.
210. Schirach, Die Hitler-Jugend, 104.
211. Behnken (ed.), Deutschland-Berichte, V (1938), 1403–5.
212. Там же, III (1936), 1322–3; схожий пример см. в Klemperer, I Shall Bear Witness, 195 (31 декабря 1936 г.).
213. Behnken (ed.), Deutschland-Berichte, I (1934), 564–6.
214. Там же., V (1938), 1392, 1,395, 1,398–1,400; другие примеры там же, II (1935), 692–4.
215. Там же, V (1938), 1, 396; там же, III (1936) 1, 317–19, о других сексуальных скандалах см. в Siemsen, Die Geschichte, 172–3.
216. Kater, Hitler Youth, 61–2, 151–2.
217. Behnken (ed.), Deutschland-Berichte, IV (1937), 845.
218. Там же, IV (1937), 836, также 876–7; более общее описание см. в Daniel B. Horn, «The Hitler Youth and Educational Decline in the Third Reich», History of Education Quarterly, 16 (1976), 425–47.

219. Wissmann, Es war eben unsere Schulzeit, 52.

220. Michael Zimmermann, «Ausbruchshoffnungen: Junge Bergleute in den dreissiger Jahren», in Niethammer (ed.), «Die Jahre weiss man nicht», 97–132, 99–100.

221. Boberach (ed.), Meldungen, II. 286 (Vierteljahreslagebericht 1939 des Sicherheitshauptamtes).

222. Behnken (ed.), Deutschland-Berichte, I (1934), 574; Eilers, Die nationalsozialistische Schulpolitik, 121–6. Более общее описание см. в Ortmeier, Schulzeit, 61–4, и Rossmeyssl, «Ganz Deutschland», 54–7.

223. Trapp, Kolner Schulen, 39.

224. Eilers, Die nationalsozialistische Schulpolitik, 50–54, 111–14; Behnken (ed.), Deutschland-Berichte, VI (1939), 332.

225. Там же, 313–14; Trapp, Kolner Schulen, 113–15.

226. Harald Scholtz, NS-Ausleseschulen: Internatsschulen als Herrschaftsmittel des Fuhrerstaates (Gottingen, 1973), 29–49, 57–69; Eilers, Die nationalsozialistische Schulpolitik, 41–2.

227. Elke Frohlich, «Die drei Typen der nationalsozialistischen Ausleseschulen», in Johannes Leeb (ed.), «Wir waren Hitlers Eliteschuler»: Ehemalige Zoglinge der NS-Ausleseschulen brechen ihr Schweigen (Hamburg, 1998), 192–210, 194–6 и 200.

228. Там же, 201; Behnken (ed.), Deutschland-Berichte, V (1938), 1, 386.

229. Frohlich, «Die drei Typen», 196–7.

230. Scholtz, NS-Ausleseschulen, 69; Horst Ueberhorst (ed.), Elite für die Diktatur: Die Nationalpolitischen Erziehungsanstalten 1933–1945: Ein Dokumentarbericht (Dusseldorf, 1969); см. также воспоминания в Leeb (ed.), «Wir waren», 19–21, 76–7.

231. Frohlich, «Die drei Typen», 202–3; Kraul, Das deutsche Gymnasium, 173–6, подчеркивает противоречивое положение Институтов политического образования — между элитными школами и центрами идеологического воспитания. См. также Stefan Baumeister, NS-Führungskader. Rekrutierung und Ausbildung bis zum Beginn des Zweiten Weltkriegs 1933–1939 (Konstanz, 1997), 22–47. Kater, Hitler Youth, 52, несколько преувеличивает их эффективность; по этому вопросу см. также Christian Schneider et al., Das Erbe der NAPOLA: Versuch einer Generationengeschichte des Nationalsozialismus (Hamburg, 1996), 33–91, 189–92.

232. Eilers, Die nationalsozialistische Schulpolitik, 112.

233. Scholtz, NS-Ausleseschulen, 162–80; Kraul, Das deutsche Gymnasium, 176–8.

234. Behnken (ed.), Deutschland-Berichte, V (1938), 1, 387; Eilers, Die nationalsozialistische Schulpolitik, 46–7.

235. Scholtz, NS-Ausleseschulen, 245.

236. Eilers, Die nationalsozialistische Schulpolitik, 47; Frohlich, «Die drei Typen», 203–7; Baumeister, NS-Führungskader, 48–66; см. также Kater, Hitler Youth, 48–51.

237. Behnken (ed.), Deutschland-Berichte, V (1938), 1, 387–8.
238. Eilers, Die nationalsozialistische Schulpolitik, 48–9; Baumeister, NS-Führungskader, 67–76.
239. Hans-Dieter Armtz, Ordensburg Vogelsang 1934–1945: Erziehung zur politischen Führung im Dritten Reich (Euskirchen, 1986), 104, 180–82.
240. Hardy Kruger, «Von der Ordensburg nach Babelsberg», in Leeb (ed.), «Wir waren», 49–55.
241. Frohlich, «Die drei Typen», 208–10; Baumeister, NS-Führungskader, 81–5; Scholtz, NS-Ausleseschulen, 299–324.
242. Baumeister, NS-Führungskader, 88–90; Scholtz, NS-Ausleseschulen, 288.
243. Eilers, Die nationalsozialistische Schulpolitik, 21–2.
244. Industrie- und Handelskammer Saarbrücken, cited in Behnken (ed.), Deutschland-Berichte, VI (1939), 317, дополнительные примеры.
245. Hans Schemm, Hans Schemm spricht: Seine Reden und sein Werk (Bayreuth, 1941 [1945]), 243–7, цитируется в Mosse (ed.), Nazi Culture, 282–3; также Behnken (ed.), Deutschland-Berichte, IV (1937), 868–9; там же, 1051–4.
246. Там же, I (1934), 575.
247. Trapp, Kolner Schulen, 67, 12–23.
248. Behnken (ed.), Deutschland-Berichte, IV (1937), 866.
249. Там же, IV (1937), 878.
250. «Aus Tätigkeitsbericht des NSLB, Gau Mainfranken, Fachschaft II (Höhere Schulen), für das 2. und 3. Vierteljahr 1937», in Broszat et al. (eds.), Bayern, I. 542–3.
251. Behnken (ed.), Deutschland-Berichte, IV (1937), 834. См. также Georg Schwingl, Die Pervertierung der Schule im Nationalsozialismus: Ein Beitrag zum Begriff «Totalitäre Erziehung» (Regensburg, 1993), 159–64 («Schule als vormilitärische Institution»).
252. Michael Gruttner, Studenten im Dritten Reich (Paderborn, 1995), 87–92; Hellmut Seier, «Der Rektor als Führer. Zur Hochschulpolitik des Reichserziehungsministeriums 1934–1945», VfZ 12 (1964), 105–46. Речь Гитлера см. в Domarus (ed.), Hitler, II. 744. Традиционно ректорат был скорее церемониальным, чем исполнительным управлением, см., например, Frank Golczewski, Kolner Universitätslehrer und der Nationalsozialismus: Personengeschichtliche Ansätze (Cologne, 1988), 248–60.
253. Цитируется в Gruttner, Studenten, 93.
254. Там же, 94–100. Раннюю историю Национал-социалистического союза немецких студентов см. в Evans, The Coming of the Third Reich, 214–15, 429–31.
255. Gruttner, Studenten, 1–2; более общее описание см. в Michael S. Steinberg, Sabers and Brown Shirts: The German Students' Path to National Socialism, 1918–1935 (Chicago, 1977), 72–103.
256. Gruttner, Studenten, 245–59, цитата на стр. 254; см. также Geoffrey J. Giles, Students and National Socialism in Germany (Princeton, N.J., 1985), 136–50.
257. Gruttner, Studenten, 259–60, 324.

258. Там же, 287–316, цитата на стр. 307; Helma Brunck, *Die Deutsche Burschenschaft in der Weimarer Republik und im Nationalsozialismus* (Munich, 1999), 330–59; Friedhelm Golucke (ed.), *Korporationen und Nationalsozialismus* (Schernfeld, 1989); Michael Gruttner, «Die Korporationen und der Nationalsozialismus», in Harm-Hinrich Brandt and Matthias Stickler (eds.), «Der Burschen Herrlichkeit». *Geschichte und Gegenwart des studentischen Korporationswesens* (Wurzburg, 1998), 125–43; Steinberg, Sabers, 154–72; Giles, *Students*, 175–86; Rosco G. S. Weber, *The German Student Corps in the Third Reich* (London, 1986), 102–69 (информативно, но несколько преувеличены масштабы сопротивления братств нацизму). Среди распустившихся братств также были недугельные католические группы, см. Hans Jurgen Rosgen, *Die Auflösung der katholischen Studentenverbände im Dritten Reich* (Bochum, 1995), 105–46.

259. Gruttner, *Studenten*, 101–2, 487. В этой и последующей статистике приводятся цифры за 1939 г. для Старого рейха, то есть без Австрии и аннексированной части Чехословакии, они округлены до ближайшей тысячи или целых процентов.

260. Там же, 126–35, 490.

261. Eilers, *Nationalsozialistische Schulpolitik*, 18–21.

262. Gruttner, *Studenten*, 491 и 109–26; Irmgard Weyrather, «Numerus Clausus für Frauen — Studentinnen im Nationalsozialismus», in *Frauengruppe Faschismusforschung* (ed.), Mutterkreuz, 131–62; Jill Stephenson, *Women in Nazi Society* (London, 1975), 130–46.

263. Gruttner, *Studenten*, 102–3; Norbert Wenning, «Das Gesetz gegen die Überfüllung deutscher Schulen und Hochschulen vom 25. April 1933 — ein erfolgreicher Versuch der Bildungsbegrenzung?», *Die deutsche Schule*, 78 (1986), 141–60.

264. Domarus, *Hitler*, II. 1, 251–2; см. также Wilhelm Treue, «Rede Hitlers vor der deutschen Presse (10 ноября 1938 г.)», *VfZ* 6 (1958), 175–91, где перепечатана вся речь; *Völkischer Beobachter*, 10 ноября 1938 г. («Adolf Hitlers Rede an Grossdeutschland»).

265. Хороший пример см. в Peter Chroust, *Giessener Universität und Faschismus. Studenten und Hochschullehrer 1918–1945* (2 vols., Munster, 1994), I. 187.

266. Gruttner, *Studenten*, 101–2.

267. Там же, 227–9, цитата на стр. 227–8.

268. Gerhard Szczesny, *Als die Vergangenheit Gegenwart war: Lebensanlauf eines Ostpreussen* (Berlin, 1990), 90, цитируется вместе с другими схожими воспоминаниями в Gruttner, *Studenten*, 230–31.

269. Там же, 229–37.

270. Там же, 260–71, 341–8.

271. Там же, 317–31, цитаты на стр. 329 и 331; схожие выводы см. в Konrad H. Jarausch, *Deutsche Studenten 1800–1970* (Frankfurt am Main 1984), 197–8; и Geoffrey J. Giles, «The Rise of the National Socialist Students»

Association and the Failure of Political Education in the Third Reich», in Stachura (ed.), *The Shaping*, 160–85, 180–81; см. также Steinberg, *Sabers*, 141–53, и Giles, *Students*, 186–201.

272. «Eine nötig gewordene Klarstellung», *Der Student in Mecklenburg-Lubeck*, 15 December 1936, 9, цитируется в Gruttner, *Studenten*, 156.

273. Там же, 155–67.

274. Там же, 168–78, цитата на стр. 17 п. 99.

275. Там же, 331–40.

276. Там же, 178–93.

277. Мнение о том, что нацификация велась широко и глубоко в немецких университетах, см. в Steven P. Remy, *The Heidelberg Myth: The Nazification and Denazification of a German University* (Cambridge, Mass., 2002), 50–84; однако его доводы основаны на выборочной подборке из большинства нацистских профессоров и их исследований, анализ аспектов университетской жизни, включая соискание учетных степеней, основание новых исследовательских институтов, рецензирование журналов и другие совершенно второстепенные вопросы, практически полностью не касается собственно преподавания. Кроме того, распространенные донацистские консервативные идеи в ней рассматриваются как привнесенные в университеты нацистами. См. также Christian Jansen, *Professoren und Politik: Politisches Denken und Handeln der Heidelberger Hochschullehrer 1914–1935* (Göttingen, 1992), 230–36, где демонстрируется переход гейдельбергских профессоров к антивеймарской, но и ненацистской правой позиции в период 1930–1935 гг.

278. Leon Poliakov and Josef Wulf, *Das Dritte Reich und seine Denker: Dokumente* (Berlin, 1959), 73; Wilhelm Ribhegge, *Geschichte der Universität Münster: Europa in Westfalen* (Münster, 1985), 194.

279. Golczewski, *Kolner Universitätslehrer*, 338–49.

280. Gruttner, *Studenten*, 198–205; Kriek quote on 204; Giles, *Students*, 151–62; см. попытку найти баланс в Hellmut Seier, «Nationalsozialistisches Wissenschaftsverständnis und Hochschulpolitik», in Leonore Siegele-Wenschkewitz and Gerda Stuchlik (eds.), *Hochschule und Nationalsozialismus: Wissenschaftsgeschichte und Wissenschaftsbetrieb als Thema der Zeitgeschichte* (Frankfurt am Main, 1990), 5–21.

281. Hans-Paul Hopfner, *Die Universität Bonn im Dritten Reich: Akademische Biographien unter nationalsozialistischer Herrschaft* (Bonn, 1999), 540–44.

282. Boberach (ed.), *Meldungen*, II. 83 (Vierteljahreslagebericht 1938 des Sicherheitshauptamtes).

283. Alan D. Beyerchen, *Scientists under Hitler. Politics and the Physics Community in the Third Reich* (New Haven, Conn., 1977), 79–85.

284. Там же, 85–102; цитата (93) из неопубликованных мемуаров Ленарда, цитируется в Charlotte Schmidt-Schonbeck, *300 Jahre Physik und Astronomie an der Kieler Universität* (Kiel, 1965), 119.

285. Beyerchen, *Scientists*, 103–16.

286. Gruttner, Studenten, 194–8; Beyerchen, Scientists, 116–40, 63–4; Werner Heisenberg, *Der Teil und das Ganze: Gespräche im Umkreis der Atomphysik* (Munich, 1969), 206–12; но см. также Paul Forman, «Physics and Beyond: Historiographic Doubts: Encounters and Conversations with Werner Heisenberg», *Science*, 172 (14 мая 1971 г.), 687–8; и Steffen Richter, «Die «Deutsche Physik»», in Herbert Mehrtens and Steffen Richter (eds.), *Naturwissenschaft, Technik und NS-Ideologie: Beiträge zur Wissenschaftsgeschichte des Dritten Reichs* (Frankfurt am Main, 1980), 116–41, где подчеркивается политическая природа арийской физики и отсутствие какого-либо реального ее вклада в научную теорию или практику.

287. Beyerchen, Scientists, 141–67.

288. Helmut Lindner, «Deutsche» und «gegentypische» Mathematik. Zur Begründung einer «arteigenen Mathematik» im «Dritten Reich» durch Ludwig Bieberbach», in Mehrtens and Richter (eds.), *Naturwissenschaft*, 88–115, 105–8.

289. Martin Bechstedt, «Gestalthafte Atomlehre» — Zur «Deutschen Chemie» im NS-Staat», там же, 142–65; также Horst Remane, «Conrad Weygand und die «Deutsche Chemie»», in Christoph Meinel and Peter Voswinckel (eds.), *Medizin, Naturwissenschaft, Technik und Nationalsozialismus. Kontinuitäten und Diskontinuitäten* (Stuttgart, 1994), 183–91.

290. Herbert Mehrtens, «Entartete Wissenschaft? Naturwissenschaften und Nationalsozialismus», in Siegele-Wenschkewitz and Stuchlik (eds.), *Hochschule und Nationalsozialismus*, 113–28.

291. Beyerchen, Scientists, 71–8; Remy, *The Heidelberg Myth*, 55–6; Horst Moller, «Nationalsozialistische Wissenschaftsideologie», in Jorg Troger (ed.), *Hochschule und Wissenschaft im Dritten Reich* (Frankfurt am Main, 1984), 65–76, 74–6; и Klaus Hentschel (ed.), *Physics and National Socialism: An Anthology of Primary Sources* (Basle, 1996), 116–18 (с перепечаткой анонимной статьи из *Nature*, 136 (14 декабря 1935 г.), 927–8, о «национал-социализме и международной науке».

292. Helmut Maier (ed.), *Rüstungsforschung im Nationalsozialismus: Organisation, Mobilisierung und Entgrenzung der Technikwissenschaften* (Göttingen, 2002), особенно полезное в отношении исследования и разработок; у него же, *Forschung als Waffe: Rüstungsforschung in der Kaiser-Wilhelm-Gesellschaft und das KWI für Metallforschung 1900 bis 1947* (Göttingen, 2005); Susanne Heim, *Kalorien, Kautschuk, Karrieren. Pflanzenzüchtung und landwirtschaftliche Forschung in Kaiser-Wilhelm-Instituten 1933–1945* (Göttingen, 2003); Herbert Mehrtens, «Kollaborationsverhältnisse: Natur- und Technikwissenschaften im NS-Staat und ihre Historie», in Meinel and Voswinckel (eds.), *Medizin*, 13–32.

293. Kristie Macrakis, *Surviving the Swastika: Scientific Research in Nazi Germany* (New York, 1993), 84–186, 199–205; John Gimbel, *Science, Technology and Reparations: Exploitation and Plunder in Postwar Germany* (Stanford, Calif., 1990), 22.

294. Более общее описание см. в Hartmut Lehmann and Otto Gerhard Oexle (eds.), *Nationalsozialismus in den Kulturwissenschaften* (2 vols., Gottingen, 2004).

295. Karen Schonwalder, *Historiker und Politik: Geschichtswissenschaft im Nationalsozialismus* (Frankfurt am Main, 1992), 75–88, цитаты на стр. 77 и 311 n.85; Helmut Heiber, *Walter Frank und sein Reichsinstitut für Geschichte des neuen Deutschlands* (Stuttgart, 1966), где приведен крайне подробный анализ; Winfried Schulze, «German Historiography from the 1930s to the 1950s», in Hartmut Lehmann and James Van Horn Melton (eds.), *Paths of Continuity: Central European Historiography from the 1930s to the 1950s* (Cambridge, 1994), 19–42, 24–5; более подробно у него же в *Deutsche Geschichtswissenschaft nach 1945* (Munich, 1989), 31–45; см. также Bernd Faulenbach, «Tendenzen der Geschichtswissenschaft im «Dritten Reich», in Renate Knigge-Tesche (ed.), *Berater der braunen Macht: Wissenschaft und Wissenschaftler im NS-Staat* (Frankfurt am Main, 1999), 26–52, 36–7 и 45–7; Peter Lambert, «From Antifascist to Volkshistoriker: Demos and Ethnos in the Political Thought of Fritz Rorig, 1921–45», in Stefan Berger et al. (eds.), *Writing National Histories: Western Europe Since 1800* (London, 1999), 137–49.

296. Schonwalder, *Historiker*, 87; см. также полезное восточногерманское исследование (которое следует использовать с обычными оговорками) в Hans Schleier, «Die Historische Zeitschrift 1918–1943», in Joachim Streisand (ed.), *Studien über die deutsche Geschichtswissenschaft von 1871 bis 1945* (2 vols., Berlin, 1965, 1969), II. 251–302, и более позднее и краткое изложение того же автора «German Historiography under National Socialism: Dreams of a Powerful Nation-state and German Volkstum Come True», in Berger et al. (eds.), *Writing National Histories*, 176–88.

297. Schonwalder, *Historiker*, 85–6; Gerhard Ritter, «Die deutschen Historikertage», *Geschichte in Wissenschaft und Unterricht*, 4 (1953), 513–21, 517.

298. Boberach (ed.), *Meldungen*, II. 86 (Jahreslagebericht 1938 des Sicherheitshauptamtes).

299. Более общее описание см. в Ingo Haar, *Historiker im Nationalsozialismus: Deutsche Geschichtswissenschaft und der «Volkstumskampf» im Osten* (Gottingen, 2002); Michael Burleigh, *Germany Turns Eastwards. A Study of Ostforschung in the Third Reich* (Cambridge, 1988); Christoph Klessmann, «Osteuropaforschung und Lebensraumpolitik im Dritten Reich», in Peter Lundgreen (ed.), *Wissenschaft im Dritten Reich* (Frankfurt am Main, 1985), 350–83; Karl Ferdinand Werner, *Das NS-Geschichtsbild und die deutsche Geschichtswissenschaft* (Stuttgart, 1967), 9–23.

300. James Van Horn Melton, «Continuities in German Historical Scholarship, 1933–1960», in Lehmann and Melton (eds.), *Paths*, 1–18, 5; Georg G. Iggers, «Introduction», у него же *The Social History of Politics: Critical Perspectives in West German Historical Writing since 1945* (Leamington Spa, 1985), 1–48, 17. Одним из немногих уволенных в 1933 г. стал Франц Шнабель, либеральный католический историк и автор большой многотомной

истории Германии девятнадцатого века (Lothar Gall, «Franz Schnabel (1887–1966)», in Lehmann and Melton (eds.), Paths, 155–65).

301. Hans Rothfels, Ostraum, Preussentum und Reichsgedenke: Historische Abhandlungen. Vorträge und Reden (Leipzig, 1935), vi; Schonwalder, Historiker, 78–9, 91–104.

302. Там же, 77–80. См. также Peter Schottler (ed.), Geschichtsschreibung als Legitimationswissenschaft 1918–1945 (Frankfurt am Main, 1997); Willi Oberkrome, Volksgeschichter: Methodische Innovation und volkische Ideologisierung in der deutschen Geschichtswissenschaft 1918–1945 (Göttingen, 1992), 102–70; и Reinhard Kuhn, «Reichsdeutsche Geschichtswissenschaft», in Troger (ed.), Hochschule, 92–104.

303. Christoph Cornelissen, Gerhard Ritter: Geschichtswissenschaft und Politik im 20. Jahrhundert (Düsseldorf, 2001), 230–46 (цитата на стр. 245 из Gerhard Ritter, Friedrich der Grosse. Ein historisches Profil (Leipzig, 1936), 252–3); см. также Klaus Schwabe, «Change and Continuity in German Historiography from 1933 into the Early 1950s: Gerhard Ritter (1888–1967)», in Lehmann and Melton (eds.), Paths, 82–108

304. Carsten Klingemann, Soziologie im Dritten Reich (Baden-Baden, 1996) об исследованиях различных немецких институтов и университетов; см. также у него же, «Social- Scientific Experts — No Ideologues: Sociology and Social Research in the Third Reich», in Stephen P. Turner and Dirk Kasler (eds.), Sociology Responds to Fascism (London, 1992), 127–54; Otthein Rammstedt, «Theorie und Empirie des Volksfeindes. Zur Entwicklung einer «deutschen Soziologie»», in Lundgreen (ed.), Wissenschaft, 253–313; также Klaus Brintzinger, Die Nationalökonomie an den Universitäten Freiburg, Heidelberg und Tübingen 1918–1945: Eine institutionshistorische, vergleichende Studie der wirtschaftswissenschaftlichen Fakultäten und Abteilungen südwestdeutscher Universitäten (Frankfurt am Main, 1996).

305. Wilhelm Vosskamp, «Kontinuität und Diskontinuität: Zur deutschen Literaturwissenschaft im Dritten Reich», in Lundgreen (ed.), Wissenschaft, 140–62.

306. Hopfner, Die Universität Bonn, 34–8, 146–217. Более общее описание см. в сборнике Lehmann and Oexle (eds.), Nationalsozialismus.

307. Michael H. Kater, Doctors under Hitler (Chapel Hill, 1989), 111–20.

308. Там же, 22–5, 120–21.

309. Там же, 120–26, 147. Hopfner, Die Universität Bonn, 271–330. По данным Кэтер, 17% врачей в Германии в 1933 г. были евреями, а доля преподавателей медицины в университетах была, несомненно, выше (Kater, Doctors, 139).

310. Klemperer, I Shall Bear Witness, 35 (9 октября 1933 г.).

311. Kater, Doctors, 172–3.

312. Robert N. Proctor, The Nazi War on Cancer (Princeton, N.J., 1999), 4, 198–203.

313. Там же, 6–7.

314. Kater, Doctors, 174–6.

Глава 4. Богатство и грабеж

1. Spotts, Hitler, 386–9; Martin Kornumpf, HAFRABA e.V.: Deutsche Autobahn-Planung 1926–1934 (Bonn, 1990); Kurt Gustav Kaftan, Der Kampf um die Autobahnen: Geschichte der Autobahnen in Deutschland 1907–1935 (Berlin, 1955).

2. Franz Wilhelm Seidler, «Fritz Todt: From Motorway Builder to Minister of State», in Smelser and Zitelmann (eds.), The Nazi Elite, 245–56, at 245–9; более общее описание см. у него же в Fritz Todt: Baumeister Dritten Reiches (Berlin, 1987 [1986]).

3. Fritz Todt, «Der Strassenbau in nationalsozialistischen Staat», in Hans Heinrich Lammers and Hans Pfundtner (eds.) Grundlagen, Aufbau und Wirtschaftsordnung des nationalsozialistischen Staates, (3 vols., Berlin, 1937), III: Die Wirtschaftsordnung des nationalsozialistischen Staates; см. также James Shand, «The Reichsautobahn: Symbol for the Third Reich», Journal of Contemporary History, 19 (1984), 189–200; и Erhard Schutz and Eckhard Gruber, Mythos Reichsautobahn: Bau und Inszenierung der «Strassen des Fuhrers» 1933–1941 (Berlin, 1996).

4. Spotts, Hitler, 391–3; Rainer Stommer (ed.), Reichsautobahn: Pyramiden des Dritten Reiches (Marburg, 1982), 107; Thomas Zeller, ««The Landscape's Crown»: Landscape, Perception, and Modernizing Effects of the German Autobahn System, 1934–1941», in David E. Nye (ed.), Technologies of Landscape: From Reaping to Recycling (Amherst, Mass., 1999), 218–40;

5. Spotts, Hitler, 393–4; Ludolf Herbst, Das nationalsozialistische Deutschland 1933–1945: Die Entfesselung der Gewalt: Rassismus und Krieg (Frankfurt am Main, 1996), 97–8; Hans-Joachim Winkler, Legenden um Hitler (Berlin, 1963), 7–14; Dan P. Silverman, Hitler's Economy: Nazi Work Creation Programs 1933–1936 (Cambridge, Mass., 1998), 147–57.

6. Richard J. Overy, «Cars, Roads, and Economic Recovery in Germany, 1932–1938», Economic History Review, 2nd series, 28 (1975), 466–83, перепечатано у него же в War and Economy in the Third Reich (Oxford, 1994), 68–89.

7. Domarus (ed.), Hitler, I. 250–51.

8. Overy, «Cars, Roads, and Economic Recovery»; еженедельный отчет Немецкого института деловых исследований (Institut für Konjunkturforschung, Berlin), том 7, № 7 марта 1934 г., 53–5.

9. Gerhard Kroll, Von der Weltwirtschaftskrise zur Staatskonjunktur (Berlin, 1958), 462, 505; также Harry Niemann and Armin Hermann (eds.), Die Entwicklung der Motorisierung im Deutschen Reich und den Nachfolgestaaten (Stuttgart, 1995).

10. Klemperer, I Shall Bear Witness, 153 (исправленный перевод).

11. Там же, 158 (исправленный перевод).

12. Geoffrey Spenceley, «R. J. Overy and the Motorisierung: A comment», Economic History Review, 32 (1979), 100–106; Richard J. Overy, «The German Motorisierung and Rearmament. A Reply», Economic History Review 32 (1978), 207–13.

13. Heinz Wehner, «Die Rolle des faschistischen Verkehrswesens in der ersten Periode des zweiten Weltkrieges», Bulletin des Arbeitskreises Zweiter Weltkrieg, 2 (1966), 37–61, at 41–2, cited in Hans-Erich Volkmann, «The National Socialist Economy in Preparation for War», in Militärgeschichtliches Forschungsamt (ed.), Germany and the Second World War (10 vols., Oxford, 1990– [1979–]), I: The Build-up of German Aggression (Oxford, 1990), 157–372, 228–9.

14. Klaus Hildebrand, «Die Deutsche Reichsbahn in der nationalsozialistischen Diktatur 1933–1945», in Lothar Gall and Manfred Pohl (eds.), Die Eisenbahn in Deutschland. Von den Anfängen bis zur Gegenwart (Munich, 1999), 165–243, 176–7; см. также Stefan Arold, Die technische Entwicklung und rustungswirtschaftliche Bedeutung des Lokomotivbaus der Deutschen Reichsbahn im Dritten Reich (1933–1945) (Stuttgart, 1997). Характерный концептуальный гигантизм Гитлера проявил себя и здесь, когда он предложил создать новые, большие железнодорожные пути с более широкой колеей, чем у существовавших (там же, 97).

15. Fritz Blaich, Wirtschaft und Rustung im «Dritten Reich» (Dusseldorf, 1987), 15–20; Simon Reich, The Fruits of Fascism: Postwar Prosperity in Historical Perspective (Ithaca, N.Y., 1990), 151.

16. Hans Mommsen and Manfred Grieger, Das Volkswagenwerk und seine Arbeiter im Dritten Reich (Dusseldorf, 1996), 52–113; о «Силе через радость» см. ниже, 465–75.

17. Behnken (ed.), Deutschland-Berichte, VI (1939), 488.

18. Shelley Baranowski, Strength Through Joy: Consumerism and Mass Tourism in the Third Reich (New York, 2004), 240–41; Reich, The Fruits, 147–201; в 1938 г. Ford и Opel производили 52% всех автомобилей, выпускавшихся и продававшихся в Германии (там же, 159).

19. Karl Larmer, Autobahnbau in Deutschland 1933 bis 1945: Zu den Hintergründen (Berlin, 1975), 54–7; Silverman, Hitler's Economy, 261.

20. Richard J. Overy, «Unemployment in the Third Reich», у него же War and Economy, 37–67, 37–42 (изначально опубликовано под тем же названием в Business History, 29 (1987), 253–82); Dietmar Petzina, «The Extent and Causes of Unemployment in the Weimar Republic», in Peter D. Stachura (ed.), Unemployment and the Great Depression in Weimar Germany (London, 1986), 29–48.

21. Domarus (ed.), Hitler, I. 234.

22. Willi A. Boelcke, Die deutsche Wirtschaft 1930–1945: Interna des Reichswirtschaftsministeriums (Dusseldorf, 1983), 13–29.

23. Avraham Barkai, Nazi Economics: Ideology, Theory, and Policy (Oxford, 1990 [1988]), 28–35; Boelcke, Die deutsche Wirtschaft, 29–38; Wolfram Fischer, Deutsche Wirtschaftspolitik 1918–1945 (Opladen, 1968), 52–5.

24. Michael Schneider, «The Development of State Work Creation Policy in Germany, 1930–1933», in Stachura (ed.), Unemployment, 163–86; Helmut Marcon, Arbeitsbeschaffungspolitik der Regierungen Papen und

Schleicher. Grundsteinlegung fur die Beschäftigungspolitik im Dritten Reich (Bern, 1974).

25. Herbst, Das nationalsozialistische Deutschland, 95–6; Schneider, Unterm Hakenkreuz, 256–62.

26. Overy, «Unemployment», 63–5; Еженедельный отчет Немецкого института деловых исследований, том 7, № 17 (3 мая 1934 г.), 77–82.

27. Выдержка из закона, переведенного в Noakes and Pridham (eds.), Nazism, II. 257; Pine, Nazi Family Policy, 17.

28. Helen L. Boak, «The State as an Employer of Women in the Weimar Republic», in William Robert Lee and Eve Rosenhaft (eds.), The State and Social Change in Germany, 1880–1980 (Oxford, 1990), 61–98; более общее описание см. в Renate Bridenthal and Claudia Koonz, «Beyond Kinder, Kuche, Kirche: Weimar Women in Politics and Work», in Renate Bridenthal et al. (eds.), When Biology Became Destiny: Women in Weimar and Nazi Germany (New York, 1984), 33–65.

29. Julia Sneeringer, Winning Women's Votes: Propaganda and Politics in Weimar Germany (Chapel Hill, N.C., 2002).

30. Frankfurter Zeitung, 9 September 1934, цитируется в Noakes and Pridham (eds.), Nazism, II. 255–6.

31. Goebbels, Michael, 41 (1934 edn), цитируется в Mosse (ed.), Nazi Culture, 41.

32. Engelbert Huber, Das ist Nationalsozialismus (Stuttgart, 1933), 121–2, цитируется в Mosse (ed.), Nazi Culture, 47.

33. Clifford Kirkpatrick, Women in Nazi Germany (London, 1939), 121.

34. Helgard Kramer, «Frankfurt's Working Women: Scapegoats or Winners of the Great Depression?», in Richard J. Evans and Dick Geary (eds.), The German Unemployed: Experiences and Consequences of Mass Unemployment from the Weimar Republic to the Third Reich (London, 1987), 108–41.

35. Herbst, Das nationalsozialistische Deutschland, 89–91; Kershaw, The «Hitler Myth», 59–64.

36. Werner Abelshauser, «Kriegswirtschaft und Wirtschaftswunder. Deutschlands wirtschaftliche Mobilisierung fur den Zweiten Weltkrieg und die Folgen fur die Nachkriegszeit», VfZg 47 (1999), 503–38; более полная английская версия у него же в «Germany: Guns, Butter, and Economic Miracles», in Mark Harrison (ed.), The Economics of World War II: Six Great Powers in International Comparison (Cambridge, 1998), 122–76.

37. Harold James, «Innovation and Conservatism in Economic Recovery: The Alleged «Nazi Recovery» of the 1930s», in Childers and Caplan (eds.), Reevaluating the Third Reich, 114–38; Peter Marschalck, Bevölkerungsgeschichte Deutschlands im 19. und 20. Jahrhundert (Frankfurt am Main, 1984), 67–71, 148.

38. Silverman, Hitler's Economy, 244, и 359 п. 68, с критикой статистики, предоставленной Овери, «Unemployment», 65; однако цифры Веймарской республики также не были особенно впечатляющими, см. Dan P. Silverman, «A Pledge Unredeemed: The Housing Crisis in Weimar Germany», Central European History, 3 (March 1970), 112–39, 119–20. См. также Blaich, Wirtschaft, 15–21.

39. «Germany's Economic Recovery», *The Economist*, 10 августа 1935 г., 271–2.

40. Willi Hemmer, *Die «unsichtbaren» Arbeitslosen. Statistische Methoden — Soziale Tatsachen* (Zeulenroda, 1935), 189; также Christoph Buchheim, «Zur Natur des Wirtschaftsaufschwungs in der NS-Zeit», in idem et al. (eds.), *Zerrissene Zwischenkriegszeit: Wirtschaftshistorische Beiträge: Knut Borchardt zum 65. Geburtstag* (Baden-Baden, 1994), 97–119, 105–7.

41. Birgit Wulff, «The Third Reich and the Unemployed: National Socialist Work-creation Schemes in Hamburg, 1933–4», in Evans and Geary (eds.), *The German Unemployed*, 281–302; Timothy W. Mason, *Social Policy in the Third Reich: The Working Class and the «National Community»* (Providence, R.I., 1993 [1977]), 109–28; Fritz Petrick, «Eine Untersuchung zur Beseitigung der Arbeitslosigkeit unter der deutschen Jugend in den Jahren von 1933 bis 1935», *Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte* (1967), 287–300; Claudia Brunner, *Arbeitslosigkeit im NS-Staat: Das Beispiel München* (Pfaffenweiler, 1997), 337–40.

42. Birgit Wulff, *Arbeitslosigkeit und Arbeitsbeschäftigungsmassnahmen in Hamburg 1933–1939: Eine Untersuchung zur nationalsozialistischen Wirtschafts- und Sozialpolitik* (Frankfurt am Main, 1987), 269–82; подробности по другим областям см. в Behnken (ed.), *Deutschland-Berichte*, I (1934), 123–9, 214–25.

43. Behnken (ed.), *Deutschland-Berichte*, II (1935), 786–7; Silverman, *Hitler's Economy*, 10–27 и 164–74; Bernhard Vollmer (ed.), *Volksopposition im Polizeistaat*, 96–7.

44. Christoph Buchheim, «Die Wirtschaftsentwicklung im Dritten Reich — mehr Desaster als Wunder. Eine Erwiderung auf Werner Abelshauser», *VfZ* 49 (2001), 653–4; более подробное у него же в «Zur Natur».

45. «Germany's Economic Recovery», *The Economist*, 10 августа 1935 г., 271–2, и 17 августа 1935 г., 316–17; еженедельный отчет Немецкого института деловых исследований, том 8, № 22/23 (8 июня 1935 г.), 45–7; там же, 32/33 (22 августа 1935 г.), 64–6; «Unemployment in Germany», *The Economist*, 31 августа 1935 г., 421.

46. Karl-Heinz Minuth (ed.), *Akten der Reichskanzlei: Die Regierung Hitler, 1933–1934*, I. 49–51; также в Blaich, *Wirtschaft*, 55–6 (Ministerbesprechung vom 8. 2. 1933).

47. Volkmann, «The National Socialist Economy», 221–2; Dietmar Petzina, «Hauptprobleme der deutschen Wirtschaftspolitik 1932/33», *VfZg* 15 (1967), 18–55, 40; Gunther Gereke, *Ich war königlich-preussischer Landrat* (Berlin, 1970), 157–8.

48. Spotts, *Hitler*, 393–4.

49. Domarus (ed.), *Hitler*, I. 250–51.

50. Blaich, *Wirtschaft*, 15–26.

51. Neil Gregor, *Daimler-Benz in the Third Reich* (London, 1998), 54; Fritz Blaich, «Why Did the Pioneer Fall Behind? Motorization in Germany between the Wars», in Theo Barker (ed.), *The Economic and Social Effects of the Spread of Motor Vehicles: An International Centenary Tribute* (London, 1988), 148–64;

Behnken (ed.), *Deutschland-Berichte*, VI (1939), 480–85; Mommsen and Grieger, *Das Volkswagenwerk*, 179–202 (цифры на стр. 197).

52. Volkmann, «The National Socialist Economy», 228–9.

53. Robert J. O'Neill, *The German Army and the Nazi Party, 1933–1939* (London, 1968 [1966]), 65–6, с цитированием неопубликованных мемуаров фельдмаршала фон Вайхса.

54. «Sitzung des Ausschusses der Reichsregierung für Arbeitsbeschaffung vom 9. 2. 1933», in Minuth (ed.), *Akten der Reichskanzlei: Die Regierung Hitler, 1933–1934*, I. 58–69, и Blach, *Wirtschaft*, 56–8. Этот обман быстро был раскрыт иностранными обозревателями. К 1935 г. говорил об отчете, выпущенном Имперским статистическим бюро: «Затраты на создание рабочих мест», как явно отражено в новом отчете, включают расходы на перевооружение» (*The Economist*, 10 августа 1935 г., 280).

55. Volkmann, «The National Socialist Economy», 223–4; Michael Geyer, *Deutsche Rüstungspolitik 1860–1980* (Frankfurt am Main, 1984), 139–40; там же, «Das Zweite Rüstungsprogramm (1930–1934): Eine Dokumentation», *Militärgeschichtliche Mitteilungen*, 17 (1975), 125–72, 134 и 158; см. также Boelcke, *Die deutsche Wirtschaft*, 29–33.

56. Volkmann, «The National Socialist Economy», 228–34; также Peter Kirchberg, «Typisierung in der Kraftfahrzeugindustrie und der Generalbevollmächtigte für das Kraftfahrwesen», *Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte* (1969), 117–42; см. также Edward L. Homze, *Arming the Luftwaffe: The Reich Air Ministry and the German Aircraft Industry, 1919–1939* (Lincoln, Nebr., 1976). В некоторых работах в этой области недооценивается масштаб перевооружения с начала Третьего рейха и роль государства в его проведении, а также военная необходимость отвергается в пользу множества явно гражданских мер по созданию рабочих мест, см., например, Overy, «Cars, Roads and Economic Recovery»; у него же «Hitler's War Plans and the German Economy, 1933–1939», у него же *War and Economy*, 177–204; Michael Wolffsohn, «Arbeitsbeschaffung und Rüstung im nationalsozialistischen Deutschland 1933», *Militärgeschichtliche Mitteilungen*, 22 (1978), 9–22; или Burton H. Klein, *Germany's Economic Preparations for War* (Cambridge, Mass., 1959); критические комментарии см. в Barkai, *Nazi Economics*, 217–24, и Berenice A. Carroll, *Design for Total War: Arms and Economics in the Third Reich* (The Hague, 1968). Первенство перевооружения уже было подчеркнуто в Sauer, *Die Mobilmachung*, 140–64.

57. Wilhelm Deist, «The Rearmament of the Wehrmacht», in *Militärgeschichtliches Forschungsamt* (ed.), *Germany*, I. 373–540, 487.

58. Там же, 456–7; O'Neill, *The German Army*, 134–5.

59. Boelcke, *Die deutsche Wirtschaft*, 171.

60. Volkmann, «The National Socialist Economy», 234–8; Hans Luther, *Vor dem Abgrund 1930–1933: Reichsbankpräsident in Krisenzeiten* (Frankfurt am Main, 1964), особенно последняя глава, 302–8.

61. Hjalmar Schacht, *My First Seventy-Six Years: The Autobiography of Hjalmar Schacht* (London, 1955), 10–154.

62. Там же, 155–306.

63. Volkmann, «The National Socialist Economy», 234–41; см. также Willi A. Boelcke, *Die Kosten von Hitlers Krieg: Kriegsfinanzierung und finanzielles Kriegserbe in Deutschland 1933–1948* (Paderborn, 1985); Fischer, *Deutsche Wirtschaftspolitik*, 66–71; Dietmar Petzina, *Die deutsche Wirtschaft in der Zwischenkriegszeit* (Wiesbaden, 1977), 117–24.

64. Volkmann, «The National Socialist Economy», 173–200; Blaich, *Wirtschaft*, 28.

65. Gustavo Corni and Horst Gies, *Brot, Butter, Kanonen. Die Ernährungswirtschaft in Deutschland unter der Diktatur Hitlers* (Berlin, 1997), 75–250, на сегодня является самым детальным исследованием Имперского продовольственного управления. См. также Horst Gies, «Der Reichsnahrstand: Organ berufsständischer Selbstverwaltung oder Instrument staatlicher Wirtschaftslenkung?», *Zeitschrift für Agrargeschichte und Agrarsoziologie*, 21 (1973), 216–33; и у него же «Die Rolle des Reichsnahrstandes im Nationalsozialistischen Herrschaftssystem», in Gerhard Hirschfeld and Lothar Kettenacker (eds.), *The «Führer State»: Myth and Reality: Studies on the Structure and Politics of the Third Reich* (Stuttgart, 1981), 270–304.

66. Horst Gies, «Aufgaben und Probleme der nationalsozialistischen Ernährungswirtschaft 1933–1939», *Vierteljahrsschrift für Sozialund Wirtschaftsgeschichte*, 22 (1979), 466–99.

67. Blaich, *Wirtschaft*, 27; Volkmann, «The National Socialist Economy», 245–72.

68. Blaich, *Wirtschaft*, 23–4, 27; Volkmann, «The National Socialist Economy», 258–62; Michael Kruger-Charle, «Carl Goerdelers Versuche der Durchsetzung einer alternativen Politik 1933 bis 1937», in Jürgen Schmadeke and Peter Steinbach (eds.), *Der Widerstand gegen den Nationalsozialismus: Die deutsche Gesellschaft und der Widerstand gegen Hitler* (Munich, 1986), 383–404.

69. Gies, «Die Rolle»; see also idem, «Der Reichsnahrstand»; у него же «Revolution oder Kontinuität? Die personelle Struktur des Reichsnahrstandes», in Gunther Franz (ed.), *Bauernschaft und Bauernstand 1500–1970: Budinger Vorträge 1911–1972* (Limburg, 1975), 323–30; John E. Farquharson, *The Plough and the Swastika: The NSDAP and Agriculture in Germany 1928–45* (London, 1976), 161–82.

70. Gies, «Die Rolle»; Jürgen von Krudener, «Zielkonflikte in der nationalsozialistischen Agrarpolitik: Ein Beitrag zur Diskussion des Leistungsproblems in zentral gelenkten Wirtschaftssystemen», *Zeitschrift für Wirtschafts- und Sozialwissenschaften*, 94 (1974), 335–61; Behnen (ed.), *Deutschland-Berichte*, V (1938), 488–98; Gustavo Corni, *Hitler and the Peasants: Agrarian Policy of the Third Reich, 1930–1939* (Princeton, N.J., 1990 [1989]), 245–68; Beatrix Herlemann, «Der Bauer klebt am Hergebrachten»: *Bauerliche Verhaltensweisen unterm Nationalsozialismus auf dem Gebiet des heutigen Landes Niedersachsen* (Hanover, 1993), 74–7 и 145–53; Farquharson, *The Plough*, 71–106.

71. See Corni, Hitler and the Peasants, 220–44; Farquharson, *The Plough*, 183–202; Herlemann, «Der Bauer», 154–71.

72. Volkmann, «The National Socialist Economy», 293–300, 350–54.

73. John H. Farquharson, *The Plough*, 169–70; хороший пример успешного перехода к автаркии в одной области см. в John Perkins, «Nazi Autarchic Aspirations and the Beet-Sugar Industry, 1933–39», *European History Quarterly*, 20 (1990), 497–518; более общее описание см. в Corni, *Hitler and the Peasants* 156–83.

74. Behnken (ed.), *Deutschland-Berichte VI* (1939), 624–42; подробное исследование производства продовольствия и рыночного регулирования см. в Corni and Gies, *Brot*, 251–395.

75. Мнение в работе Peter Temin, *Lessons from the Great Depression* (Cambridge, Mass., 1989), 109–11, о том, что экономика Третьего рейха была социалистической, поскольку управлялась государством, которое постоянно оказывало свое влияние и направляло значительные ресурсы на социальные проекты, не убеждает; по этим критериям практически все современные экономики можно назвать социалистическими (Buchheim, «Zur Natur», 99–100).

76. Описание общей ситуации здесь см. в Peter Hayes, *Industry and Ideology: IG Farben in the Nazi Era* (New York, 1987), 36–47, 114–20.

77. Homze, *Arming the Luftwaffe*, 192–3.

78. Dieter Swatek, *Unternehmenskonzentration als Ergebnis und Mittel nationalsozialistischer Wirtschaftspolitik* (Berlin, 1972); Ingeborg Esenwein-Rothe, *Die Wirtschaftsverbände von 1933 bis 1945* (Berlin, 1965).

79. Об управлении Гутенбергом своим министерством см. в Boelcke, *Die deutsche Wirtschaft*, 47–65.

80. Gerald D. Feldman, *Allianz and the German Insurance Business, 1933–1945* (Cambridge, 2001), 1–50.

81. Там же, 51–78.

82. Там же, 78–105; Boelcke, *Die deutsche Wirtschaft*, 65–76.

83. Volkmann, «The National Socialist Economy», 204–15; Noakes and Pridham, *Nazism*, II. 72–8.

84. Volkmann, «The National Socialist Economy», 242–4; «The Balance of Trade in Germany», дополнение к еженедельному отчету Немецкого института деловых исследований (Берлин, 11 апреля 1934 г.).

85. «The Transfer Problem and Germany's Foreign Exchange Reserves», еженедельный отчет Немецкого института деловых исследований, 7 (Берлин, 6 июня 1934 г.); «German Foreign Exchange Control and Foreign Trade», дополнение к Еженедельному отчету Немецкого института деловых исследований (Берлин, 31 октября 1934 г.); Herbst, *Das nationalsozialistische Deutschland*, 160–62.

86. «A Review of the First Year of German Foreign Trade Under the «New Plan»», еженедельный отчет Немецкого института деловых исследований, 8 (Берлин, 2 октября 1935 г.).

87. «The German Moratorium», *The Economist*, 23 июня 1934 г., 1, 378–9; более общее описание первого периода работы Шахта на этой должности см. в Boelcke, *Die deutsche Wirtschaft*, 77–82.

88. Volkmann, «The National Socialist Economy», 245–7, с цитированием меморандума Шахта от 3 мая 1935 г.

89. Blauch, Wirtschaft, 27; Boelcke, Die deutsche Wirtschaft, 100–117.

90. Volkmann, «The National Socialist Economy», 262–72; Fischer, Deutsche Wirtschaftspolitik, 71–6.

91. Меморандум Четырехлетнего плана перепечатан в Blauch, Wirtschaft, 60–67, и Wilhelm Treue (ed.), «Hitlers Denkschrift zum Vierjahresplan 1936», VfZ 3 (1955), 184–210, и полностью переведен в Noakes and Pridham (eds.), Nazism, II. 86–93. См. также Arthur Schweitzer, «Der ursprüngliche Vierjahresplan», Jahrbucher für Nationalökonomie und Statistik, 160 (1956), 348–96; и Dietmar Petzina, Autarkiepolitik im Dritten Reich: Der nationalsozialistische Vierjahresplan (1936–42) (Stuttgart, 1968).

92. Schacht, My First Seventy-Six Years, 362–77 (со склонностью к извинениям, со многими опущениями и вводящими в заблуждение утверждениями).

93. Friedrich Hossbach, Zwischen Wehrmacht und Hitler 1934–1938 (Göttingen, 1965 [1949]), 181–9, и Hermann Gackenholtz, «Reichskanzlei 5. November 1937: Bemerkungen über «Politik und Kriegführung» im Dritten Reich», in Richard Dietrich and Gerhard Oestreich (ed.), Forschungen zu Staat und Verfassung: Festgabe für Fritz Hartung (Berlin, 1958), 459–84.

94. Hossbach, Zwischen Wehrmacht und Hitler, 186; Walter Busmann, «Zur Entstehung und Überlieferung der «Hossbach-Niederschrift», VfZ 16 (1968), 373–84; Bradley F. Smith, «Die Überlieferung der Hossbach-Niederschrift im Lichte neuer Quellen», VfZ 38 (1990), 329–36; Jonathan Wright and Paul Stafford, «Hitler, Britain and the Hossbach Memorandum», Militärgeschichtliche Mitteilungen, 42 (1987), 77–123. Эти исследования ясно показывают, что скептицизм в отношении подлинности документа, выраженный в Alan J. P. Taylor, The Origins of the Second World War (London, 1964 [1961]), 21–2 и 131–4, неоправдан.

95. Schacht, My First Seventy-Six Years, 362–77 (следует использовать с обычной осторожностью); Noakes and Pridham (eds.), Nazism, II. 95–8, 357–8.

96. Blauch, Wirtschaft, 26, 83, 91–4; Schacht, My First Seventy-Six Years, 386–94. Budgetary balances in Albrecht Ritschl, Deutschlands Krise und Konjunktur 1924–1934: Binnenkonjunktur, Auslandsverschuldung und Reparationsproblem zwischen Dawes-Plan und Transfersperre (Berlin, 2002), таблица A9; цифры национального дохода там же в таблице A12.

97. O'Neill, The German Army, 63–6, с цитированием неопубликованных мемуаров фельдмаршала фон Вейхса; Schacht, My First Seventy-Six Years, 395–414; более общее описание см. в Volkmann, «The National Socialist Economy», 273–86.

98. Там же, 300–309, 356; Fischer, Deutsche Wirtschaftspolitik, 77–82; Petzina, Die deutsche Wirtschaft, 124–39. Об «организационных джунглях» см. в Hans Kehr, Krisenmanager im Dritten Reich. 6 Jahre Frieden — 6 Jahre Krieg: Erinnerungen (Düsseldorf, 1973), 74–86, 98–117. О невозможности

планирования и неспособности режима собирать адекватную статистику и обрабатывать ее см. в J. Adam Tooze, *Statistics and the German State, 1900–1945: The Making of Modern Economic Knowledge* (Cambridge, 2001), 215–45.

99. Volkmann, «The National Socialist Economy», 309–15.

100. Там же, 354–72.

101. Wilhelm Deist, «The Rearmament of the Wehrmacht», 374–540, 456–504; Homze, *Arming the Luftwaffe*; Michael Salewski, *Die deutsche Seekriegsleitung 1935–1945* (3 vols., Frankfurt am Main, 1970–75); Jost Dülffer, *Weimar, Hitler und die Marine: Reichspolitik und Flottenbau 1920–1939* (Dusseldorf, 1973); Lutz Budrass, *Flugzeugindustrie und Luftrüstung in Deutschland 1918–1945* (Dusseldorf, 1998) является одним из самых новых исчерпывающих исследований.

102. Volkmann, «The National Socialist Economy», 300–309.

103. Richard J. Overy, «The German Pre-war Production Plans: November 1936 – April 1939», *English Historical Review*, 90 (1975), 778–97.

104. Behnken (ed.), *Deutschland-Berichte*, VI (1939), 614–24.

105. «Schreiben des Stellvertreters des Führers, Entscheidung, dass Frauen weder Richter noch Anwalt werden sollen, 24 August 1936», перепечатано в виде документа №108 в Ursula von Gersdorff, *Frauen im Kriegsdienst 1914–1945* (Stuttgart, 1969), 282.

106. Matthew Stibbe, *Women in the Third Reich* (London, 2003), 84–91; Tim Mason, «Women in Germany, 1925–1940: Family, Welfare and Work», у него же *Nazism, Fascism and the Working Class* (Cambridge, 1995), 131–211 (работа изначально опубликованная в *History Workshop Journal*, 1 (1976), 74–133, и 2 (1976), 5–32); Dorte Winkler, *Frauenarbeit im «Dritten Reich»* (Hamburg, 1977); Annemarie Troger, «The Creation of a Female Assembly-Line Proletariat», in Bridenthal et al. (eds.), *When Biology Became Destiny*, 237–70; Carola Sachse, *Industrial Housewives: Women's Social Work in the Factories of Nazi Germany* (London, 1987); Stephenson, *Women in Nazi Society*, 75–115 (статистика по врачам на стр. 166).

107. Lore Kleiber, ««Wo ihr seid, da soll die Sonne scheinen!» — Der Frauenarbeitsdienst am Ende der Weimarer Republik und im Nationalsozialismus», in *Frauengruppe Faschismusforschung* (ed.), *Mutterkreuz*, 188–214; Jill Stephenson, «Women's Labor Service in Nazi Germany», *Central European History*, 15 (1982), 241–65; Stefan Bajohr, «Weiblicher Arbeitsdienst im «Dritten Reich». Ein Konflikt zwischen Ideologie und Ökonomie», *VfZ* 28 (1980), 331–57.

108. Maschmann, *Account Rendered*, 31–6.

109. Elizabeth D. Heineman, *What Difference Does a Husband Make? Women and Marital Status in Nazi and Postwar Germany* (London, 1999), 40–41.

110. Stibbe, *Women*, 88; Annemarie Troger, «Die Frau im wesensgemassen Einsatz», in *Frauengruppe Faschismusforschung* (ed.), *Mutterkreuz*, 246–72.

111. Timothy W. Mason, «The Legacy of 1918 for National Socialism», in Anthony Nicholls and Erich Matthias (eds.), *German Democracy and the Triumph of Hitler: Essays in Recent German History* (London, 1971), 215–39.

112. Ulrich Herbert, *Hitler's Foreign Workers: Enforced Foreign Labor in Germany under the Third Reich* (Cambridge, 1997 [1985]), 27–60; см. также ниже 686–7.

113. Herbst, *Das nationalsozialistische Deutschland*, 160–77.

114. Hossbach, *Zwischen Wehrmacht und Hitler*, 186.

115. Josiah E. DuBois, Jr, *The Devil's Chemists: 24 Conspirators of the International Farben Cartel who Manufacture Wars* (Boston, Mass., 1952); Joseph Borkin, *The Crime and Punishment of I. G. Farben* (New York, 1978); Richard Sasuly, *IG Farben* (New York, 1947); Dietrich Eichholtz, «Zum Anteil des IG Farben Konzerns an der Vorbereitung des Zweiten Weltkrieges», *Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte* (1969), 83–105; Ferdinand Grocek, «Ein Staat im Staate — der IG-Farben Konzern», *Marxistische Blätter*, 4 (1966), 41–8; Willi Kling, *Kleine Geschichte der IG Farben — der Grossfabrikant des Todes* (Berlin, 1957); more generally, Arthur Schweitzer, *Big Business in the Third Reich* (Bloomington, Ind., 1964).

116. Хорошие обзоры этой литературы см. в Pierre Aycoberry, *The Nazi Question: An Essay on the Interpretations of National Socialism (1922–1975)* (New York, 1981); A. James Gregor, *Fascism: The Classic Interpretations of the Interwar Period* (Morristown, N.J., 1983); Wolfgang Wippermann, *Zur Analyse des Faschismus: Die sozialistischen und kommunistischen Faschismustheorien, 1921–1945* (Frankfurt am Main, 1981); and Anson G. Rabinbach, «Toward a Marxist Theory of Fascism and National Socialism», *New German Critique*, 1 (1974), 127–53.

117. Timothy Mason, «The Primacy of Politics — Politics and Economics in National Socialist Germany», in Stuart J. Woolf (ed.), *The Nature of Fascism* (London, 1968), 165–95.

118. Alan S. Milward, «Fascism and the Economy», in Walter Laqueur (ed.), *Fascism: A Reader's Guide: Analyses, Interpretations, Bibliography* (New York, 1976), 409–53.

119. Мемуары Фрица Тиссена «I Paid Hitler» (London, 1941), ненадежны; см. Henry Ashby Turner, Jr, «Fritz Thyssen und «I Paid Hitler»», *VfZ* 19 (1971), 225–44; см. также also Horst A. Wessel, *Thyssen & Co., Mulheim an der Ruhr: Die Geschichte einer Familie und ihrer Unternehmung* (Stuttgart, 1991), 48, 171.

120. Richard J. Overy, «Heavy Industry in the Third Reich: The Reichswerke Crisis», у него же, *War and Economy in the Third Reich*, 93–118 (впервые опубликована в *European History Quarterly*, 15 (1985), 313–39).

121. Richard J. Overy, ««Primacy Always Belongs to Politics»: Gustav Krupp and the Third Reich», у него же *War and Economy in the Third Reich*, 119–43, 119–25.

122. Felix Somary, *The Raven of Zurich: The Memoirs of Felix Somary* (London, 1986), 175; более общее описание см. в Overy, «Primacy», 126–34; Henry Ashby Turner, Jr, *German Big Business and the Rise of Hitler* (New York, 1985), 338–9.

123. Overy, «Primacy», 135–43; Lothar Gall, Krupp: Der Aufstieg eines Industriemagnaten (Berlin, 2000); William Manchester, The Arms of Krupp 1587–1968 (New York, 1970 [1968]), 499–511, 645–7, 743.

124. Hayes, Industry and Ideology, 125–211.

125. Там же, 158–9, 180–83; Raymond G. Stokes, «From the IG Farben Fusion to the Establishment of BASF AG (1925–1952)», in Werner Abelshauser et al., German Industry and Global Enterprise. BASF: The History of a Company (Cambridge, 2004), 206–361, 262–3, 273–89. Gottfried Plumpe, Die I.G. Farbenindustrie AG. Wirtschaft, Technik und Politik 1904–1945 (Berlin, 1990) в большой мере повторяет Хайеса, однако в некоторых вопросах она менее критична, см. Peter Hayes, «Zur umstrittenen Geschichte der I.G. Farbenindustrie AG», Geschichte und Gesellschaft, 18 (1992), 405–17; ответ Плампе не убеждает, см. Gottfried Plumpe, «Antwort auf Peter Hayes», Geschichte und Gesellschaft, 18 (1992), 526–32.

126. Harold James, «Die Deutsche Bank und die Diktatur 1933–1945», in Lothar Gall et al., Die Deutsche Bank 1870–1995 (Munich, 1993), 315–408; см. также Harold James, The Nazi Dictatorship and the Deutsche Bank (Cambridge, 2004).

127. Details in Behnken (ed.), Deutschland-Berichte, VI (1939), 511–16.

128. Там же, 611–13.

129. Simone Ladwig-Winters, «The Attack on Berlin Department Stores (Warenhäuser) after 1933», in David Bankier (ed.), Probing the Depths of German Antisemitism: German Society and the Persecution of the Jews, 1933–1941 (Jerusalem, 2000), 246–67, 246–50; у него же, Wertheim — Ein Warenhausunternehmen und seine Eigentümer: Ein Beispiel der Entwicklung der Berliner Warenhäuser bis zur «Arisierung» (Münster, 1997); Klaus Strohmeier, Warenhäuser: Geschichte, Blüte und Untergang in Warenmeer (Berlin, 1980); Heidrun Homburg, «Warenhausunternehmen und ihre Gründer in Frankreich und Deutschland oder: eine diskrete Elite und mancherlei Mythen», Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte (1992), 183–219. Rudolf Lenz, Karstadt. Ein deutscher Warenhauskonzern 1920–1950 (Stuttgart, 1995); Werner E. Mosse, The German-Jewish Economic Elite 1820–1935: A Socio-Cultural Profile (Oxford, 1989), 18–20, 29–31, 70–78, 103–5, III-13, 140–42; см. также Konrad Fuchs, Ein Konzern aus Sachsen: Das Kaufhaus Schocken als Spiegelbild deutscher Wirtschaft und Politik, 1901 bis 1953 (Stuttgart, 1990).

130. Ladwig-Winters, «The Attack», 251.

131. Robert J. Gellately, The Politics of Economic Despair. Shopkeepers and German Politics, 1890–1914 (London, 1974), 141–3.

132. Albrecht Tyrell (ed.), Führer befiehlt... Selbstzeugnisse aus der «Kampfzeit» der NSDAP: Dokumentation und Analyse (Düsseldorf, 1969), 24.

133. Переведено и перепечатано в Noakes and Pridham (eds.), Nazism, I. 76.

134. Heinrich Uhlig, Die Warenhäuser im Dritten Reich (Cologne, 1956), 78–9, 88–127.

135. Uhlig, Warenhauser, 115–19; Ladwig-Winters, «The Attack», 255–6; Johannes Ludwig, Boykott — Enteignung — Mord: Die «Entjudung» der deutschen Wirtschaft (Hamburg 1989), 104–27.

136. Ladwig-Winters, «The Attack», 226–62 (цитата на стр. 262). Об организации фабричных ячеек см. ниже 456–60.

137. Ladwig-Winters, «The Attack», 263–7; хороший местный пример кампании против универсальных магазинов см. в Franz Fichtl et al., «Bambergers Wirtschaft Judenfrei: Die Verdrängung der jüdischen Geschäftsleute in den Jahren 1933 bis 1939» (Bamberg, 1998), 66–72.

138. Peter Longerich, Politik der Vernichtung: Eine Gesamtdarstellung der nationalsozialistischen Judenverfolgung (Munich, 1998), 46–54; Helmut Genschel, Die Verdrängung der Juden aus der Wirtschaft im Dritten Reich (Göttingen, 1966), 78–87; Gerhard Kratzsch, Der Gauwirtschaftsapparat der NSDAP: Menschenführung — «Arisierung» — Wehrwirtschaft im Gau Westfalen-Süd (Münster, 1989), 117; Fichtl et al., «Bambergers Wirtschaft», 101–10; лучшим общим обзором до сих пор является работа Avraham Barkai, From Boycott to Annihilation: The Economic Struggle of German Jews 1933–1943 (Hanover, N.H., 1989 [1988]).

139. Klemperer, I Shall Bear Witness, 65 (13 июня 1934 г.).

140. Friedlander, Nazi Germany, 234–5.

141. Joachim Meynert, Was vor der «Endlösung» geschah. Antisemitische Ausgrenzung und Verfolgung in Minden-Ravensburg, 1933–1945 (Münster, 1988), 82–99.

142. Цитируется в Longerich, Politik, 55.

143. Там же.

144. Там же, 55–6, 70–88.

145. Все цитируется там же, 97–8; репортаж и перевод в The Economist, 24 августа 1935 г., 36–6. Об утверждении Шахта о его сопротивлении антисемитизму см. в Schacht, My First Seventy-Six Years, 467–8; это во многом было воспринято как правда его первым серьезным биографом в Heinz Pentzlin, Hjalmar Schacht: Leben und Wirken einer umstrittenen Persönlichkeit (Berlin, 1980). Boelcke, Die deutsche Wirtschaft, 117–28 и 210–17 содержит полезное введение в ариизацию, но слишком благожелательно относится к Шахту.

146. Schacht, My First Seventy-Six Years, 357.

147. Albert Fischer, «The Minister of Economics and the Expulsion of the Jews from the German Economy», in Bankier (ed.), Probing, 213–25; см. также у него Hjalmar Schacht und Deutschlands «Judenfrage»: Der «Wirtschaftsdiktator» und die Vertreibung der Juden aus der deutschen Wirtschaft (Cologne, 1995).

148. Petra Brautigam, Mittelstandische Unternehmer im Nationalsozialismus: Wirtschaftliche Entwicklungen und soziale Verhaltensweisen in der Schuh- und Lederindustrie Badens und Württembergs (Munich, 1997), 167–73, 297–336.

149. Frank Bajohr, «The «Aryanization» of Jewish Companies and German Society: The Example of Hamburg», in Bankier (ed.), Probing, 226–45, 227–34.

О традиционных коммерческих обычаях см. в Richard J. Evans, *Death in Hamburg: Society and Politics in the Cholera Years 1830–1910* (Oxford, 1987), 33–9, 392–4; и Niall Ferguson, *Paper and Iron: Hamburg Business and German Politics in the Era of Inflation 1897–1927* (Cambridge, 1995), 60–64.

150. Bajohr, «The «Aryanization»», 235–8; более подробно у него же в «Aryanization» in *Hamburg: The Economic Exclusion of Jews and the Confiscation of their Property in Nazi Germany* (New York, 2002 [1997]), глава 4.

151. Bajohr, «The «Aryanization»», 234–41; более высокопоставленный бизнесмен занимал эквивалентную должность в региональной штаб-квартире партии в Южной Вестфалии, см. Gerhard Kratzsch, «Die «Entjudung» der mittelstandischen Wirtschaft im Regierungsbezirk Arnsberg», in Arno Herzig et al. (eds.), *Verdrängung und Vernichtung der Juden in Westfalen* (Münster, 1994), 91–114, 97. В некоторых областях, напротив, государственные управления утверждали себя более активно, см., например, Hans-Joachim Fliedner, *Die Judenverfolgung in Mannheim 1933–1945* (Stuttgart, 1971), 114, and Kratzsch, *Der Gauwirtschaftsapparat*, 151 и 180; также Dirk van Laak, «Die Mitwirkenden bei der «Arisierung». Dargestellt am Beispiel der rheinisch-westfälischen Industrieregion, 1933–1940», in Ursula Buttner (ed.), *Die Deutschen und die Judenverfolgung im Dritten Reich* (Hamburg, 1992), 231–57.

152. Bajohr, «The «Aryanization»», 237, с критикой Fraenkel, *The Dual State* (см. выше, 45), и Uwe Dietrich Adam, *Judenpolitik im Dritten Reich* (Düsseldorf, 1972), 359.

153. Fischer, Hjalmar Schacht, 187; Longerich, *Politik* 124; Stefan Mehl, *Das Reichsfinanzministerium und die Verfolgung der deutschen Juden, 1933–1943* (Berlin, 1990); Behnen (ed.), *Deutschland-Berichte*, V (1938), 1, 291.

154. Fichtl et al., «Bamberg's Wirtschaft 63–97, 111–32.

155. Treue (ed.), «Hitlers Denkschrift», 204, 210.

156. Longerich, *Politik*, 124–6; Bajohr, «Aryanization», 185–221; Dorothee Mussnug, *Die Reichsfluchtsteuer 1931–1933* (Berlin, 1993).

157. Hans Nothnagel and Ewald Dahn, *Juden in Suhl: Ein geschichtlicher Überblick* (Konstanz, 1995), 129–31.

158. Albert Fischer, «Judische Privatbanken im «Dritten Reich»», *Scripta Mercaturae. Zeitschrift für Wirtschafts- und Sozialgeschichte*, 28 (1994), I – 54; Christopher Kopper, «Die «Arisierung» jüdischer Privatbanken im Nationalsozialismus», *Sozialwissenschaftliche Informationen für Unterricht und Studium*, 20 (1991), 11–16.

159. См. Christopher Kopper, «Privates Bankwesen im Nationalsozialismus. Das Bankhaus M. M. Warburg & Co.», in Werner Plumpe and Christian Kleinschmidt (eds.), *Unternehmen zwischen Markt und Macht: Aspekte deutscher Unternehmens- und Industriegeschichte im 20. Jahrhundert* (Essen, 1992), 61–73; и A. Joshua Sherman, «A Jewish Bank during the Schacht Era: M. M. Warburg & Co., 1933–1938», in Arnold Paucker (ed.), *The Jews in Nazi Germany 1933–1943* (Tübingen, 1986), 167–72.

160. Barkai, *From Boycott*, 70.

161. Longerich, Politik, 126–7; Avraham Barkai, «The Fateful Year 1938: The Continuation and Acceleration of Plunder», in Walter H. Pehle (ed.), November 1938: From «Reichskristallnacht» to Genocide (New York, 1991 [1988]), 95–122, 97–9. Цифры относятся к Старому рейху.

162. Genschel, Die Verdrängung, 126; более общее описание см. в Gunter Plum, «Wirtschaft und Erwerbsleben», in Wolfgang Benz (ed.), Die Juden in Deutschland 1933/1945: Leben unter nationalsozialistischer Herrschaft (Munich, 1988), 268–313, 292–304; местное исследование см. в Meynert, Was vor der «Endlösung» geschah, 156–77.

163. Longerich, Politik, 128; Barbara Handler-Lachmann and Thomas Werther, Vergessene Geschäfte, verlorene Geschichte: Jüdisches Wirtschaftsleben in Marburg und seine Vernichtung im Nationalsozialismus (Marburg, 1992); Axel Bruns-Wustefeld, Lohnende Geschäfte. Die «Entjudung» der Wirtschaft am Beispiel Göttingens (Hanover, 1997); также Benigna Schönhagen, Tübingen unterm Hakenkreuz: Eine Universitätsstadt in der Zeit des Nationalsozialismus (Tübingen, 1991).

164. Barkai, «The Fateful Year», 97–113; Longerich, Politik, 126–30, 159–61, 165–9. Если только не указано другое, эта статистика относится только к Старому рейху; статистика по аннексии 1938 г. также включает Австрию. Дополнительные детали см. в Plum, «Wirtschaft», 304–13. Более общее описание см. в Peter Hayes and Irmtrud Wojak (eds.), «Arisierung» im Nationalsozialismus: Volksgemeinschaft, Raub und Gedächtnis (Frankfurt am Main, 2000). Среди многих полезных местных исследований см. в частности Dirk van Laak, «Wenn einer ein Herz im Leibe hat, der lässt sich von einem deutschen Arzt behandeln» — Die «Entjudung» der Essener Wirtschaft von 1933 bis 1941», in Alte Synagoge (ed.), Entrechtung und Selbsthilfe: Zur Geschichte der Juden in Essen unter dem Nationalsozialismus (Essen, 1994), 12–30.

165. Barkai, «The Fateful Year», с цитированием Peter Hanke, Zur Geschichte der Juden in München zwischen 1933 und 1945 (Munich, 1967), 154–5.

166. Avraham Barkai, «Die deutschen Unternehmer und die Judenpolitik im «Dritten Reich»», Geschichte und Gesellschaft, 15 (1989), 227–47. Bajohr, «The «Aryanization»», 241 — 2; местное исследование, показывающее огромное число различных типов и размеров затронутых организаций, см. в Angelika Baumann and Andreas Heusler (eds.), München «arisiert»: Entrechtung und Enteignung der Juden in der NS-Zeit (Munich, 2004).

167. Behnken (ed.), Deutschland-Berichte, V (1938), 750.

168. Там же, VI (1939), 599; отражается в Genschel, Die Verdrängung, 213.

169. Harold James, The Deutsche Bank and the Nazi Economic War against the Jews: The Expropriation of Jewish-owned Property (Cambridge, 2001), 36–48.

170. Dieter Ziegler, «Die Verdrängung der Juden aus der Dresdner Bank 1933–1938», VfZ 47 (1999), 187–216; Stokes, «From the IG Farben Fusion», 291–2. О банках более общее описание см. в Christopher Kopper, Zwischen

Marktwirtschaft und Dirigismus: Bankenpolitik im «Dritten Reich» 1933–1939 (Bonn, 1995).

171. Paul Erker, *Industrieeliten in der NS-Zeit: Anpassungsbereitschaft und Eigeninteresse von Unternehmern in der Rüstungs- und Kriegswirtschaft 1936–1945* (Passau, 1993), 7–14.

172. Feldman, *Allianz*, 125–39.

173. Friedlander, *Nazi Germany*, 234–6.

174. Kratzsch, *Der Gauwirtschaftsapparat*, 217–18, 506.

175. James, *The Deutsche Bank*, 36–48.

176. Barkai, *From Boycott*, 75.

177. Behnken (ed.), *Deutschland-Berichte*, V (1938), 176–9.

178. Brautigam, *Mittelstandische Unternehmer*, 332–6; об обувном бизнесе «Так» см. в Ludwig, *Boycott*, 128–53.

179. Feldman, *Allianz*, 147–9.

180. James, *The Deutsche Bank*, 49–50; Peter Hayes, «Big Business and «Aryanization» in Germany 1933–1939», *Jahrbuch für Antisemitismusforschung* 3 (1994), 254–81, 267. I.G. Farben, по-видимому, играла совсем малую роль в таких приобретениях, см. Stokes, «From the IG Farben Fusion», 291.

181. Bernhard Lorentz, «Die Commerzbank und die «Arisierung» im Altreich. Ein Vergleich der Netzwerkstrukturen und Handlungsspielräume von Grossbanken in der NS-Zeit», *VfZ* 50 (2002), 237–68; Ludolf Herbst and Thomas Weihe (eds.), *Die Commerzbank und die Juden 1933–1945* (Munich, 2004).

182. Ludwig, *Boycott*, 154–74.

183. Bajohr, «The «Aryanization», 242–5; Peter Hayes, «Fritz Roessler and Nazism: The Observations of a German Industrialist, 1930–37», *Central European History*, 20 (1987), 58–83; более подробно см. в Peter Hayes, *From Cooperation to Complicity. Degussa in the Third Reich* (New York, 2005).

184. Frank Bajohr and Joachim Szodrzynski, «Keine jüdische Hautcreme mehr benutzen.» Die antisemitische Kampagne gegen die Hamburger Firma Beiersdorf», in Arno Herzig (ed.), *Die Juden in Hamburg 1590–1990* (Hamburg, 1991), 515–26.

185. Longerich, *Politik*, 127; Bajohr, «The «Aryanization», 242–7.

186. Rainer Karlsch and Raymond G. Stokes, *Faktor Öl: Die Geschichte der Mineralölwirtschaft in Deutschland, 1859–1974* (Munich, 2003), 161–3; Lukas Straumann and Daniel Wildmann, *Schweizer Chemieunternehmen im «Dritten Reich»* (Zurich, 2001), 68–9.

187. Reinhold Billstein et al., *Working for the Enemy: Ford, General Motors and Forced Labor in Germany during the Second World War* (New York, 2000).

188. Frank Bajohr, *Parvenus und Profiteure: Korruption in der NS-Zeit (Frankfurt am Main, 2001)*, 99–105.

189. Там же, 104–18; у него же «Gauleiter in Hamburg. Zur Person und Tätigkeit Karl Kaufmanns», *VfZ* 43 (1995), 27–95.

190. Bajohr, *Parvenus*, 115; Saul K. Padover, *Experiment in Germany: The Story of an American Intelligence Officer* (New York, 1946), 57.

191. Gerd R. Ueberschar and Winfried Vogel, *Dienen und Verdienen: Hitlers Geschenke an seine Eliten* (Frankfurt am Main, 1999), 35–55; Bajohr, Parvenus, 17–21.

192. Ueberschar and Vogel, *Dienen und Verdienen*, 50–69.

193. Там же, 77–8.

194. Там же, 90–93; Bajohr, Parvenus, 34–6; см. также Wulf C. Schwarzwaller, *The Unknown Hitler: His Private Life and Fortune* (Bethesda, Md., 1989 [1986]), и «Der Nazi-Diktator zahlte nicht mal Steuern», *Die Welt*, 17 December 2004.

195. Bajohr, Parvenus, 21–6. Эта система породила шутку о том, что НСДАП означает «Na, suchst du auch Postchen?» («Значит, вы тоже ищите небольшие должности в государстве?») (Gamm, *Der Flusterwitz*, 77).

196. Bajohr, Parvenus, 27–33.

197. Herbert, «Die guten und die schlechten Zeiten», интервью с Вилли Эрбахом.

198. Steinberg, *Sabers*, 142–4.

199. Bajohr, Parvenus, 49–55.

200. Там же, 63–8.

201. Там же, 69–70.

202. Там же, 71–4.

203. Там же, 75–94; Behnken (ed.), *Deutschland-Berichte*, IV (1937), 549–53.

204. Там же, 514–18.

205. Klemperer, *I Shall Bear Witness*, 84–5 (27 сентября 1934 г.).

206. Grunberger, *A Social History*, 419–25, 468–9; Gamm, *Der Flusterwitz*, 88, 90; Kershaw, *The «Hitler Myth»*, 96–104. Финка потом отпустили, но исключили из Имперской палаты культуры *Reich Culture Chamber* и запретили работать, хотя позже он вернулся и занимался развлекательными мероприятиями для войск во время войны (Grunberger, *A Social History*, 469).

207. Richard J. Overy, «Germany, «Domestic Crisis», and War in 1939», у него же, *War and Economy*, 205–32, 214–15.

208. Peter Hayes, «Polycracy and Policy in the Third Reich: The Case of the Economy», in Childers and Caplan (eds.), *Reevaluating*, 190–210. Об оставшемся пространстве для маневра для бизнесменов и промышленников в 1939 г. см. в Fritz Blaich, «Die bayerische Industrie 1933–1939. Elemente von Gleichschaltung, Konformismus und Selbstbehauptung», in Broszat et al. (eds.), *Bayern*, II. 237–80.

209. Tim Mason, «The Domestic Dynamics of Nazi Conquests: A Response to Critics», in Childers and Caplan (eds.), *Reevaluating the Third Reich*, 161–89.

210. Behnken (ed.), *Deutschland-Berichte*, VI (1939), 643–9; Overy, «Domestic Crisis», 216, таблица 7.1.

Глава 5. Строительство «народной общности»

1. Friedrich Reck-Malleczewen, *Diary of a Man in Despair* (London, 1995 [1966]), 36–9, 59, 36, 95, 85–6.
2. Там же 63.
3. Там же, 78.
4. Там же, 52.
5. Там же, 84–5.
6. Там же, 85.
7. Christine Zeile, «Ein biographischer Essay», in Friedrich Reck, *Tagebuch eines Verzweifelten* (Frankfurt am Main, 1994), 251–98. Норман Стоун в своем предисловии к английскому изданию не подвергает сомнению титул Река (дневник, 5–15, 12); так же как и его переводчик (предисловие переводчика, 17–20, 18). Burleigh, *The Third Reich*, 5, также представляет как «аристократа»; Gellately, *The Gestapo*, 131, называет его «дворянином из южной Германии». Подробное развенчание его фантазий см. в Alphons Kappeler, *Ein Fall von «Pseudologia phantastica» in der deutschen Literatur: Fritz Reck-Malleczewen* (2 vols., Goppingen, 1975), I. 5–179.
8. Kappeler, *Ein Fall*, II. 482–92.
9. Heinz Reif, *Adel im 19. und 20. Jahrhundert* (Munich, 1999), 54, 112, 117; Georg H. Kleine, «Adelsgenossenschaft und Nationalsozialismus», *VfZ* 26 (1978), 100–143; Shelley Baranowski, «East Elbian Landed Elites and Germany's Turn to Fascism: The Sonderweg Controversy Revisited», *European History Quarterly*, 26 (1996), 209–40; Willibald Gutsche and Joachim Petzold, «Das Verhältnis der Hohenzollern zum Faschismus», *Zeitschrift für Geschichtswissenschaft*, 29 (1981), 917–39; Wolfgang Zöllitsch, «Adel und adlige Machteliten in der Endphase der Weimarer Republik. Standespolitik und agrarische Interessen», in Heinrich August Winkler (ed.), *Die deutsche Staatskrise 1930–1933: Handlungsspielräume und Alternativen* (Munich, 1992), 239–62; Karl Otmar von Aretin, «Der bayerische Adel von der Monarchie zum Dritten Reich», in Broszat et al. (eds.), *Bayern, III*. 513–68, at 525, 542, 554–6. Stephan Malinowski, *Vom König zum Führer. Sozialer Niedergang und politische Radikalisierung im deutschen Adel zwischen Kaiserreich und NS-Staat* (Berlin, 2003), 321–475, содержит исчерпывающий и простой обзор аристократических клубов и групп давления.
10. Hohne, *The Order*, 142–8; Gutsche and Petzold, «Das Verhältnis»; Reif, *Adel*, 54; более общее описание см. в Martin Broszat and Klaus Schwabe (eds.), *Die deutschen Eliten und der Weg in den Zweiten Weltkrieg* (Munich, 1989).
11. Malinowski, *Vom König*, 560–78. См. также работы в Heinz Reif (ed.), *Adel und Bürgertum in Deutschland, II: Entwicklungslinien und Wendepunkte im 20. Jahrhundert* (Berlin, 2001), подробные примеры рассматриваются в Friedrich Keinemann, *Vom Krummstab zur Republik: Westfälischer Adel unter preussischer Herrschaft 1802–1945* (Bochum, 1997) и Eckart Conze, *Von deutschem Adel: Die Grafen von Bernstorff im zwanzigsten Jahrhundert* (Stuttgart, 2000).

12. Tyrell, *Fuhrer befehl...*, 24; Noakes and Pridham (eds.), *Nazism*, I. 61.
13. Evans, *The Coming of the Third Reich*, 369–73; Corni, *Hitler and the Peasants*, 39–65; Petzina, *Die deutsche Wirtschaft*, 115–16.
14. Matthias Eidenbenz, «Blut und Boden»: Zu Funktion und Genese der Metaphern des Agrarismus und Biologismus in der nationalsozialistischen Bauernpropaganda R. W. Darres (Bern, 1993); Освальд Шпенглер первым поместил эти два слова в один контекст, хотя и противопоставлял их друг другу (там же, 2–3).
15. Evans, *The Coming of the Third Reich*, 228, 334; Gustavo Corni, «Richard Walther Darre: The Blood and Soil Ideologue», in Smelser and Zitelmann (eds.), *The Nazi Elite*, 18–27; Horst Gies, *R. Walther Darre und die nationalsozialistische Bauernpolitik 1930 bis 1933* (Frankfurt am Main, 1966); у него же «Die nationalsozialistische Machtergreifung auf dem agrarpolitischen Sektor», *Zeitschrift für Agrargeschichte und Agrarsoziologie*, 16 (1968), 210–32; Horst Gies, «NSDAP und landwirtschaftliche Organisationen in der Endphase der Weimarer Republik», *VfZ* 15 (1967), 341–67; Farquharson, *The Plough* 13–73; Herlemann, «Der Bauer», 53–73.
16. Horst Gies, «Die nationalsozialistische Machtergreifung», 210–32; у него же «Landbevölkerung und Nationalsozialismus. Der Weg in den Reichsnahrstand», *Zeitgeschichte*, 13 (1986), 123–41.
17. Farquharson, *The Plough*, 107–40.
18. Corni, *Hitler and the Peasants*, 121; Minuth (ed.), *Akten der Reichskanzlei: Die Regierung Hitler, 1933–1934*, I. 399–401.
19. Corni, *Hitler and the Peasants*, 116–42; Farquharson, *The Plough*, 141–60.
20. Behnken (ed.), *Deutschland-Berichte*, I (1934), 52 (апрель/май).
21. Там же, 52.
22. Там же, 741 (ноябрь/декабрь, отчет из южной Баварии); более общее описание см. в Friedrich Grundmann, *Agrarpolitik im «Dritten Reich»: Anspruch und Wirklichkeit des Reichserbhofgesetzes* (Hamburg, 1979); Herlemann, «Der Bauer», 127–45.
23. Behnken (ed.), *Deutschland-Berichte*, I (1934), 741–2.
24. Там же, 232 (также для предыдущего абзаца); более общее описание см. в работе Corni, *Hitler and the Peasants*, 143–55.
25. Behnken (ed.), *Deutschland-Berichte*, I (1934), 232–3; см. также Michael Schwartz, «Bauern vor dem Sondergericht. Resistenz und Verfolgung im bauerlichen Milieu Westfalens», in Anselm Faust (ed.), *Verfolgung und Widerstand im Rheinland und in Westfalen 1933–1945* (Cologne, 1992), 113–23.
26. Пример см. в Herlemann, «Der Bauer», 226–9.
27. Behnken (ed.), *Deutschland-Berichte*, IV (1937), 1098–140; примеры на стр. 1100 и 1103.
28. Wolfram Pyta, *Dorfgemeinschaft und Parteipolitik 1918–1933: Die Verschränkung von Milieu und Parteien in der protestantischen Landgebieten Deutschlands in der Weimarer Republik* (Dusseldorf, 1996), 470–73.

29. Zdenek Zofka, Die Ausbreitung des Nationalsozialismus auf dem Lande: Eine regionale Fallstudie zur politischen Einstellung der Landbevölkerung in der Zeit des Aufstiegs und der Machtergreifung der NSDAP 1928–1936 (Munich, 1979); Herlemann, «Der Bauer», 77–88.

30. Zdenek Zofka, «Dorfeliten und NSDAP. Fallbeispiele der Gleichschaltung aus dem Kreis Gunzburg», in Broszat et al. (eds.), Bayern, IV. 383–434, 429 (Aus dem Schreiben des Landrats von Bad Aibling an die zuständige Behörde der US-Militarregierung vom 12. Dezember 1945).

31. Там же, 431 (Aus einem Schreiben des Bezirksamts Erding an die Kreisleitung Erding vom 5. März 1937).

32. Там же, 432 (Aus der Stellungnahme des Bezirksamtes Munchen vom 27. September 1938).

33. Caroline Wagner, Die NSDAP auf dem Dorf: Eine Sozialgeschichte der NS-Machtergreifung in Lippe (Munster, 1998).

34. Gerhard Wilke, «Village Life in Nazi Germany», in Richard Bessel (ed.), Life in the Third Reich (Oxford, 1987), 17–24. См. также исчерпывающее исследование Kurt Wagner, Leben auf dem Lande im Wandel der Industrialisierung: «Das Dorf war fruher auch keine heile Welt»: Veränderung der dorflichen Lebensweise und der politischen Kultur vor dem Hintergrund der Industrialisierung am Beispiel des nordhessischen Dorfes Korle (1800–1970) (Frankfurt am Main, 1986).

35. Gerhard Wilke and Kurt Wagner, «Family and Household: Social Structures in a German Village Between the Two World Wars», in Richard J. Evans and William Robert Lee (eds.), The German Family: Essays on the Social History of the Family in Nineteenth- and Twentieth-century Germany (London, 1981), 120–47; Grunberger, A Social History, 200, с цитированием Hans Muller, Deutsches Bauerntum zwischen Gestern und Morgen (Witzburg, 1940), 28.

36. Gerhard Wilke, «The Sins of the Fathers: Village Society and Social Control in the Weimar Republic», in Richard J. Evans and W. R. Lee (eds.), The German Peasantry: Conflict and Community in Rural Society from the Eighteenth to the Twentieth Centuries (London, 1986), 174–204.

37. Схожие факты по Липпе см. в Wagner, Die NSDAP, в разных местах.

38. Kurt Wagner and Gerhard Wilke, «Dorfleben im Dritten Reich: Korle in Hessen», in Peukert and Reulecke (eds.), Die Reihen fast geschlossen, 85–106. Другое сравнимое исследование см. в Wolfgang Kaschuba and Carola Lipp, «Kein Volk steht auf, kein Sturm bricht los. Stationen dorflichen Lebens auf dem Weg in den Faschismus», in Johannes Beck et al. (eds.), Terror und Hoffnung in Deutschland 1933–1945: Leben im Faschismus (Reinbek, 1980), 111–55, и у него же Dorfliches Überleben: Zur Geschichte materieller und sozialer Reproduktion landlicher Gesellschaft im 19. und fruhen 20. Jahrhundert (Tubingen, 1982), 232–59. Более общую оценку см. в Wolfgang Kaschuba, Lebenswelt und Kultur der unterburgerlichen Schichten im 19. und 20. Jahrhundert (Munich, 1990), 47–9.

39. Daniela Munkel, Nationalsozialistische Agrarpolitik und Bauernalltag (Frankfurt am Main, 1996), 192–320; см. также у него Bauern und

Nationalsozialismus: Der Landkreis Celle im Dritten Reich (Bielefeld, 1991); у него же, «Hakenkreuz und «Blut und Boden»: Bauerliches Leben im Landkreis Celle 1933–1939», Zeitschrift für Agrargeschichte und Agrarsoziologie, 40 (1992), 206–47.

40. См. также обсуждение в Herlemann, «Der Bauer», 88–119.

41. Munkel, Nationalsozialistische Agrarpolitik, 278–80, 319–20, 466–81; Wagner, Die NSDAP, однако подчеркивает относительно высокий уровень доноительства в некоторых деревнях в Липпе. О провале сельскохозяйственной модернизации см. в Peter Exner, Landliche Gesellschaft und Landwirtschaft in Westfalen, 1919–1969 (Paderborn, 1997); Joachim Lehmann, «Mecklenburgische Landwirtschaft und «Modernisierung» in den dreissiger Jahren», in Frank Bajohr (ed.), Norddeutschland, 335–46; and Daniela Munkel (ed.), Der lange Abschied vom Agrarland: Agrarpolitik, Landwirtschaft und landliche Gesellschaft zwischen Weimar und Bonn (Göttingen, 2000). Краткий анализ Фестиваля сбора урожая см. в Herlemann, «Der Bauer», 223.

42. Из большой литературы см. в частности Heinz-Gerhard Haupt (ed.), Die radikale Mitte: Lebensweisen und Politik von Kleinhandlern und Handwerkern in Deutschland seit 1848 (Munich, 1985); David Blackburn, «Between Resignation and Volatility: The German Petty Bourgeoisie in the Nineteenth Century», у него же Populists and Patricians: Essays in Modern German History (London, 1987), 84–113; Heinrich August Winkler, Mittelstand, Demokratie und Nationalsozialismus: Die politische Entwicklung von Handwerk und Kleinhandel in der Weimarer Republik (Cologne, 1972); Adelheid von Saldern, Mittelstand im «Dritten Reich»: Handwerker — Einzelhandler — Bauern (Frankfurt am Main, 1979).

43. David Schoenbaum, Hitler's Social Revolution: Class and Status in Nazi Germany, 1933–1939 (London, 1967), 136–7; Saldern, Mittelstand, passim; Behnken (ed.), Deutschland-Berichte, VI (1939), 228–32.

44. Friedrich Lenger, Sozialgeschichte der deutschen Handwerker seit 1800 (Frankfurt am Main, 1988), 195–203. О Трудовом фронте см. ниже, 459–65.

45. Blaich, Wirtschaft, 19–20; Petzina, Die deutsche Wirtschaft, 142.

46. Lenger, Sozialgeschichte, 132–7 и 163–202; Bernhard Keller, Das Handwerk im faschistischen Deutschland: Zum Problem der Massenbasis (Cologne, 1980), 68–84 (некоторые полезные сведения, несмотря на марксистско-ленинский подход).

47. Schoenbaum, Hitler's Social Revolution, 136–43, 147–50; Behnken (ed.), Deutschland-Berichte, VI (1939), 251–4.

48. Lenger, Sozialgeschichte, 195–203; Schoenbaum, Hitler's Social Revolution, 136–43, 147–50. Утверждение Адельгейда фон Зальдерна о том, что ремесленники достигли много из желаемого при Третьем рейхе, убеждает только частично даже для периода 1933–36 гг. и совершенно неубедительно для последующего времени, см. Heinrich August Winkler, «Der entbehrliche Stand. Zur Mittelstandspolitik im «Dritten Reich»», Archiv für Sozialgeschichte, 17 (1977), 1–4; Adelheid von Saldern, Mittelstand; eadem, «Alter Mittelstand» im «Dritten Reich».

Anmerkungen zu einer Kontroverse», *Geschichte und Gesellschaft*, 12 (1986), 235–43; Heinrich August Winkler, «Ein neuer Mythos vom alten Mittelstand. Antwort auf eine Antikritik», *Geschichte und Gesellschaft*, 12 (1986), 548–57.

49. Gerald Schroder, «Die «Wiedergeburt» der Pharmazie — 1933 bis 1934», in Mehrrens and Richter (eds.), *Naturwissenschaft*, 166–88; Franz Leimkugel, «Antisemitische Gesetzgebung in der Pharmazie, 1933–1939», in Meinel and Voswinckel (eds.), *Medizin*, 230–35.

50. Martin F. Brumme, « «Prachtvoll fegt der eiserne Besen durch die deutschen Lande.» Die Tierärzte und das Jahr 1933», in Meinel and Voswinckel (eds.), *Medizin*, 173–82.

51. Schoenbaum, *Hitler's Social Revolution*, 144–6.

52. Behnken (ed.), *Deutschland-Berichte*, I (1934), 49–50.

53. Там же, 111–12.

54. Там же, II (1935), 453–60.

55. Там же, 334–54.

56. Там же, VI (1939), 868–98.

57. Gunther Schulz, *Die Angestellten seit dem 19. Jahrhundert* (Munich, 2000), 36–7; Michael Prinz, *Vom neuen Mittelstand zum Volksgenossen: Die Entwicklung des sozialen Status der Angestellten von der Weimarer Republik bis zum Ende der NS-Zeit* (Munich, 1986), 92–143, 229.

58. Prinz, *Vom neuen Mittelstand*, 334–5.

59. Behnken (ed.), *Deutschland-Berichte*, III (1936), 732–3.

60. Konrad H. Jarausch, *The Unfree Professions: German Lawyers, Teachers, and Engineers, 1900–1950* (New York, 1990), 142–69.

61. Kater, *Doctors*, 35–6.

62. См. выше, 317–18.

63. Kater, *Doctors*, 35–40.

64. Там же, 25–34, 54–74; см. также у него, «Medizin und Mediziner im Dritten Reich», *Historische Zeitschrift*, 244 (1987), 299–352.

65. Domarus, *Hitler*, II. 692.

66. Boberach (ed.), *Meldungen*, II. 281 (*Vierteljahrslagebericht 1939 des Sicherheitshauptamtes Band 2*).

67. Jane Caplan, *Government without Administration: State and Civil Service in Weimar and Nazi Germany* (Oxford, 1988), 215–59, 60–61.

68. Документ напечатан в Hans Mommsen, *Beamtentum im Dritten Reich: Mit ausgewählten Quellen zur nationalsozialistischen Beamtenpolitik* (Stuttgart, 1976) 146–8.

69. Caplan, *Government*, 321–5.

70. Jane Caplan, «The Imaginary Unity of Particular Interests»: The «Tradition» of the Civil Service in German History», *Social History*, 4 (1978), 299–317; у него же «Bureaucracy, Politics and the National Socialist State», in Stachura (ed.), *The Shaping*, 234–56.

71. Hedda Kalshoven, *Ich denk so viel an Euch: Ein deutsch-holländischer Briefwechsel 1920–1949* (Munich, 1995 [1991]), 151–2.

72. Там же, 152.
73. Там же, 161 (3 февраля 1933 г.).
74. Там же, 169 (10 марта 1933 г.).
75. Там же, 177–8 (14 марта 1933 г.).
76. Там же, 182–4 (22 марта 1933 г.).
77. Там же, 187 (30 марта 1933 г.).
78. Там же, 189 (6 апреля 1933 г.).
79. Там же, 199 (17 мая 1933 г.).
80. Там же, 198 (12 мая 1933 г.).
81. Там же, 202–3 (25 мая 1933 г.).
82. Там же, 202 (25 мая 1933 г.).
83. Там же, 175–6 (14 марта 1933 г.).
84. Там же, 180 (14 марта 1933 г.).
85. Там же, 189 (6 апреля 1933 г.).
86. Там же, 189–90 (6 апреля 1933 г.).
87. Там же, 216 (18 октября 1933 г.).
88. Там же, 212–13 (Braunschweigische Landeszeitung, 19 октября 1933 г.).
89. Там же, 236 (14 июля 1934 г.); также письмо ее дочери от 7 июля на той же странице.
90. Evans, *The Coming of the Third Reich*, 425.
91. Kalshoven, *Ich denk*, 17–31. Нет причин полагать, что в семье перестали говорить о политике в своих письмах из страха перед возможностью их вскрытия в гестапо, хотя такая возможность имеется.
92. Hanna Haack, «Arbeitslose in Deutschland. Ergebnisse und Analyse der Berufszahlungen vom 16. Juni 1933», *Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte* (1986), 36–69; полезная краткая сводка в Heinrich August Winkler, *Der Weg in die Katastrophe: Arbeiter und Arbeiterbewegung in der Weimarer Republik 1930 bis 1933* (Berlin, 1987), 93–9; см. также классическое исследование Thedor Julius Geiger, *Die soziale Schichtung des deutschen Volkes* (Stuttgart, 1967 [1932]). Категория «экономически активных» (Erwerbspersonen) включала зарегистрированных безработных в этих секторах, а также лиц, все еще имеющих работу (Erwerbstätige).
93. Evans, *The Coming of the Third Reich*, 333–49, 355–61.
94. Boelcke, *Die deutsche Wirtschaft*, 68–9. Hans-Gerd Schumann, *Nationalsozialismus und Gewerkschaftsbewegung: Die Vernichtung der deutschen Gewerkschaften und der Aufbau der «Deutschen Arbeitsfront»* (Hanover, 1958), 63; Ronald Smelser, *Robert Ley: Hitler's Labor Front Leader* (Oxford, 1988), 117–25; Mason, *Social Policy*, 63–108.
95. Smelser, *Robert Ley*, 126–34.
96. Schumann, *Nationalsozialismus und Gewerkschaftsbewegung*, 63–5.
97. Ronald Smelser, «Robert Ley: The Brown Collectivist», у него же и в Zitelmann (eds.), *The Nazi Elite*, 144–54, 144–5; также более подробно в Smelser, *Robert Ley*, 6–16.
98. Там же, 17–69.

99. Там же, 125–34.
100. Там же, 135–9.
101. Timothy W. Mason, «The Workers. Opposition in Nazi Germany», *History Workshop Journal*, 11 (1987), 120–37.
102. Smelser, Robert Ley, 140–42; Noakes and Pridham (eds.), *Nazism*, II. 149; Schoenbaum, *Hitler's Social Revolution*, 91–8.
103. Цитируется в Broszat, *Der Staat Hitlers*, 190 (сноска).
104. Heidrun Homburg, *Rationalisierung und Industriearbeit. Arbeitsmarkt — Management — Arbeiterschaft im Siemens-Konzern Berlin 1900–1939* (Berlin, 1991), 681–2.
105. Smelser, Robert Ley, 98–116; Speer, *Inside*, 217; Felix Kersten, *The Kersten Memoirs 1940–1945* (London, 1956 [1952]) (не всегда надежна); Hans-Peter Bleuel, *Strength Through Joy: Sex and Society in Nazi Germany* (London, 1973 [1972]), 3.
106. Bajohr, *Parvenus*, 55–62.
107. Behnken (ed.), *Deutschland-Berichte*, IV (1937), 538–40.
108. Shelley Baranowski, *Strength Through Joy*, 11–51; см. также Hermann Weiss, «Ideologie der Freizeit im Dritten Reich: Die NS-Gemeinschaft «Kraft durch Freude»», *Archiv für Sozialgeschichte*, 33 (1993), 289–303.
109. Цитируется в Behnken (ed.), *Deutschland-Berichte*, V (1939), 463.
110. Baranowski, *Strength Through Joy*, 51–66; также von Saldern, «»Art for the People»», 322–9; Schneider, *Unterm Hakenkreuz*, 228–9.
111. Behnken (ed.), *Deutschland-Berichte*, V (1938), 158.
112. Baranowski, *Strength Through Joy*, 118–42; Schneider, *Unterm Hakenkreuz*, 230–34.
113. Baranowski, *Strength Through Joy*, 142–54.
114. Behnken (ed.), *Deutschland-Berichte*, II (1935), 176; схожие отчеты там же, 846–7.
115. Там же, VI (1939), 468.
116. Baranowski, *Strength Through Joy*, 165–7; Behnken (ed.), *Deutschland-Berichte*, VI (1939), 464–8.
117. Jurgen Rostock and Franz Zadniecek, *Paradiesruinen: Das KdF-Seebad der Zwanzigtausend auf Rugen* (Berlin, 1997 [1992]); Baranowski, *Strength Through Joy*, 155–61, 231; Hasso Spode, «Ein Seebad für zwanzigtausend Volksgenossen: Zur Grammatik und Geschichte des Fordistischen Urlaubs», in Peter J. Brenner (ed.), *Reisekultur in Deutschland: Von der Weimarer Republic zum «Dritten Reich»* (Tubingen, 1997), 7–47; ср. John K. Walton, *The British Seaside: Holidays and Resorts in the Twentieth Century* (Manchester, 2000). У курорта был повседневный аналог в виде «Города Силы через радость», построенного для размещения рабочих нового завода «Фольксваген», см. Mommsen and Grieger, *Das Volkswagenwerk*, 250–82.
118. Baranowski, *Strength Through Joy*, 66–74; Behnken (ed.), *Deutschland-Berichte*, II (1935), 175; другие отчеты см. там же, V (1938), 165–75, VI (1939), 468–85 и 879–87.

119. Baranowski, *Strength Through Joy*, 166–75.
120. Там же, 162–75; Mason, *Social Policy*, 160 и п. 20; William D. Bayles, *Caesars in Goosestep* (New York, 1940); Behnken (ed.), *Deutschland-Berichte*, I (1934), 524; там же, VI (1939), 479.
121. Там же, (1936), 884.
122. Hasso Spode, « «Der deutsche Arbeiter reist»: Massentourismus im Dritten Reich», in Gerhard Huck (ed.), *Sozialgeschichte der Freizeit: Untersuchungen zum Wandel der Alltagskultur in Deutschland* (Wuppertal, 1980), 281–306; Schneider, *Unterm Hakenkreuz*, 670–78; Behnken (ed.), *Deutschland-Berichte*, I (1934), 523–7.
123. Mason, *Social Policy*, 159.
124. Behnken (ed.), *Deutschland-Berichte*, VI (1939), 474.
125. Там же, V (1938), 172.
126. Mason, *Social Policy*, 158–64.
127. Behnken (ed.), *Deutschland-Berichte*, VI (1939), 468.
128. Herbert, « «Die guten und die schlechten Zeiten»», 67–96.
129. Schneider, *Unterm Hakenkreuz*, 676; Behnken (ed.), *Deutschland-Berichte*, VI (1939), 474.
130. Там же, II (1935), 1 455–6.
131. Там же, 849.
132. Важное исследование этого процесса см. в Lynn Abrams, *Workers' Culture in Imperial Germany: Leisure and Recreation in the Rhineland and Westphalia* (London, 1992); о культурных традициях рабочего движения см., помимо прочих исследований, Vernon L. Lidtke, *The Alternative Culture: Socialist Labor in Imperial Germany* (New York, 1985), and W. L. Guttsman, *Workers' Culture in Weimar Germany: Between Tradition and Commitment* (Oxford, 1990).
133. Baranowski, *Strength Through Joy*, 165.
134. Schneider, *Unterm Hakenkreuz*, 672; Christine Keitz, «Die Anfänge des modernen Massentourismus in der Weimarer Republik», *Archiv für Sozialgeschichte*, 33 (1993), 179–209, 192.
135. See Kristin A. Semmens, *Seeing Hitler's Germany: Tourism in the Third Reich* (London, 2005).
136. Baranowski, *Strength Through Joy*, 75–117; Chup Friemert, *Schonheit der Arbeit: Produktionsästhetik im Faschismus* (Munich, 1980); и Anson G. Rabinbach, «The Aesthetics of Production in the Third Reich», in George L. Mosse (ed.), *International Fascism: New Thoughts and New Approaches* (London, 1979), 189–222. Пример см. в Matthias Frese, *Betriebspolitik im «Dritten Reich»: Deutsche Arbeitsfront, Unternehmer und Staatsbürokratie in der westdeutschen Grossindustrie, 1933–1939* (Paderborn, 1991), 383–95; другие отчеты см. в Behnken (ed.), *Deutschland-Berichte*, III (1936), 886–7 и V (1938), 173–5.
137. Там же, VI (1939), 463.
138. Там же, II (1935), 846.

139. Цитируется в Schneider, Unterm Hakenkreuz, 678.
140. Blaiich, Wirtschaft, 19–20.
141. «Upswing Without Prosperity? Some Notes on the Development in the Lower Income Classes in Germany», дополнение к еженедельному отчету Немецкого института деловых исследований (Берлин, 24 февраля 1937 г.).
142. Rudiger Hachtmann, Industriearbeit im «Dritten Reich»: Untersuchungen zu den Lohn- und Arbeitsbedingungen in Deutschland 1933–1945 (Gottingen, 1989), 156–9; Dietmar Petzina et al. (eds.), Sozialgeschichtliches Arbeitsbuch, III: Materialien zur Statistik des Reiches 1914–1945 (Munich, 1978), 98; Mason, Social Policy, 128–33.
143. Schneider, Unterm Hakenkreuz, 546–52.
144. Petzina et al. (eds.), Sozialgeschichtliches Arbeitsbuch, III. 103.
145. Klaus Wisotzky, Der Ruhrbergbau im Dritten Reich: Studien zur Sozialpolitik im Ruhrbergbau und zum sozialen Verhalten der Bergleute in den Jahren 1933 bis 1939 (Dusseldorf, 1983), 81–7; Behnken (ed.), Deutschland-Berichte, V (1938), 311–12.
146. См., например, Michael Stahlmann, Die erste Revolution in der Autoindustrie: Management und Arbeitspolitik von 1900–1940 (Frankfurt am Main, 1993), 85–8 (об автомобильном заводе «Опель»); Magnus Tessner, Die deutsche Automobilindustrie im Strukturwandel von 1919 bis 1938 (Cologne, 1994), 205–6; и Homburg, Rationalisierung, в разных местах.
147. Timothy Mason, Arbeiterklasse und Volksgemeinschaft: Dokumente und Materialien zur deutschen Arbeiterpolitik 1936–1939 (Opladen, 1975), 669–70; Behnken (ed.), Deutschland-Berichte, VI (1939), 163–7; о дисциплинировании рабочих в автомобильной промышленности см. в Ernst Kaiser and Michael Knorn, «Wir lebten und schliefen zwischen den Toten»: Rustungsproduktion, Zwangsarbeit und Vernichtung in den Frankfurter Adlerwerken (Frankfurt am Main, 1994), 39–48.
148. Behnken (ed.), Deutschland-Berichte, VI (1939), 159–60.
149. Mason, Arbeiterklasse, 198–203.
150. Bernard P. Bellon, Mercedes in Peace and War: German Automobile Workers, 1903–1945 (New York, 1990), 227.
151. Mason, Social Policy, 181–94. У него же Arbeiterklasse, 463–4.
152. Behnken (ed.), Deutschland-Berichte, VI (1939), 167–8, 338–46.
153. Mason, Social Policy, 266–74; Behnken (ed.), Deutschland-Berichte, V (1938), 1086–94; VI (1939), 352–6; см. также подробный пример в Andreas Meyhoff, Blohm und Voss im «Dritten Reich»: Eine Hamburger Grosswerft zwischen Geschäft und Politik (Hamburg, 2001).
154. Herbert, «Die guten und die schlechten Zeiten», 93; мнение о том, что классовый конфликт такого рода внес свою лепту в предвоенный кризис, см. в Timothy Mason, «Arbeiteropposition im nationalsozialistischen Deutschland», in Peukert and Reulecke (eds.), Die Reihen fast geschlossen, 293–314; пересмотренные соображения в Mason, Social Policy, 275–331; сбалансированная оценка в Schneider, Unterm Hakenkreuz, 752–65; по-

дробное местное исследование горнодобывающего сообщества в Klaus Tenfelde, «Proletarische Provinz: Radikalisierung und Widerstand in Penzberg/Oberbayern 1900 bis 1945», in Broszat et al. (eds.), Bayern, IV: 1–382, 320–37.

155. Hitler, Mein Kampf, 27–8.

156. Evans, The Coming of the Third Reich, 140–45, 378–80; David F. Crew, Germans on Welfare: From Weimar to Hitler (New York, 1998), 6, 212–15.

157. Florian Tennstedt, «Wohltat und Interesse. Das Winterhilfswerk des Deutschen Volkes. Die Weimarer Vorgeschichte und ihre Instrumentalisierung durch das NS-Regime», Geschichte und Gesellschaft, 13 (1987), 157–80.

158. Thomas E. de Witt, «The Struggle Against Hunger and Cold: Winter Relief in Nazi Germany, 1933–1939», Canadian Journal of History, 12 (1978), 361–81.

159. Herwart Vorlander, Die NSV: Darstellung und Dokumentation einer nationalsozialistischen Organisation (Boppard, 1988), 4–5, 44–62.

160. Behnken (ed.), Deutschland-Berichte, II (1935), 1,430, и V (1938), 77115; De Witt, «The Struggle».

161. De Witt, «The Struggle»; также Herwart Vorlander, «NS-Volkswohlfahrt und Winterhilfswerk des deutschen Volkes», VfZ 34 (1986), 341–80; и у него же Die NSV, 230, 53–4.

162. De Witt, «The Struggle»; Speer, Inside, 179–80; Vorlander, Die NSV, 51–2.

163. Там же, 6–37.

164. Там же, 214.

165. Цитируется в Adelheid Graf zu Castell Rudenhausen, «»Nicht mitzuleiden, mitzukämpfen sind wir da!« Nationalsozialistische Volkswohlfahrt im Gau Westfalen-Nord», in Peukert and Reulecke (eds.), Die Reihen fast geschlossen, 223–44, 224–5.

166. Gamm, Der Flusterwitz, 90; Behnken (ed.), Deutschland-Berichte, II (1935), 1,421–47; Castell Rudenhausen, «Nicht mitzuleiden»; см. также Peter Zolling, Zwischen Integration und Segregation: Sozialpolitik im «Dritten Reich» am Beispiel der «Nationalsozialistischen Volkswohlfahrt» (NSV) in Hamburg (Frankfurt am Main, 1986).

167. Behnken (ed.), Deutschland-Berichte, II (1935), 1,447–55; см. также там же, I (1934), 42–8.

168. Maschmann, Account Rendered, 13.

169. Там же, 10–18.

170. Kershaw, The «Hitler Myth», 64–5, 73–7.

171. William Sheridan Allen, The Nazi Seizure of Power: The Experience of a Single German Town 1922–1945 (New York, 1984 [1965]), 266–73.

172. Там же.

173. Там же.

174. Там же, 274–91. См. также очень подробное, хотя и более политически ориентированное местное исследование в Struve, Aufstieg, и собрание документов под редакцией Lawrence D. Stokes, Kleinstadt und

Nationalsozialismus: Ausgewählte Dokumente zur Geschichte von Eutin, 1918–1945 (Neumunster, 1984) (Северная Германия).

175. Bernd Stöver, Volksgemeinschaft im Dritten Reich: Die Konsensbereitschaft der Deutschen aus der Sicht sozialistischer Exilberichte (Düsseldorf, 1993), 115–203, 421.

176. Domarus (ed.), Hitler, I. 415–17.

177. Там же, II. 892.

178. Volkischer Beobachter, 29 сентября 1935 г., цитируется в Schoenbaum, Hitler's Social Revolution, 67.

179. См. выше, 268, 300–301; о взглядах Река см. дневник, 63–4.

180. Tagebuch Luise Solmitz, 28 августа 1934 г.

181. Выборочное сравнение см. в Overly, The Dictators, 218–64; о мнении, что Третий рейх модернизировал немецкое общество с помощью кейнсианской экономической политики и разрушения традиционных социальных институтов вроде профсоюзов, см. в Werner Abelshauser and Anselm Faust, Wirtschafts- und Sozialpolitik: Eine nationalsozialistische Revolution? (Tübingen, 1983).

182. Henry Ashby Turner, Jr, «Fascism and Modernization», у него же (ed.), Reappraisals of Fascism (New York, 1975), 117–39.

183. См. полезное обсуждение в Ian Kershaw, The Nazi Dictatorship: Problems and Perspectives of Interpretation (4th edn, London, 2000 [1985]), 161–82; Horst Matzerath and Heinrich Volkmann, «Modernisierungstheorie und Nationalsozialismus», in Jürgen Kocka (ed.), Theorien in der Praxis des Historikers (Göttingen, 1977), 86–116; Jeremy Noakes, «Nazism and Revolution», in Noel O'Sullivan (ed.), Revolutionary Theory and Political Reality (London, 1983), 73–100. О мнении, что нацизм сознательно стремился модернизировать немецкое общество, см. в Rainer Zitelmann, Hitler: The Politics of Seduction (London, 1999 [1987]). Оно не было широко распространено, по крайней мере не в форме, предложенной Цительманом.

Глава 6. Расовая утопия

1. Paul Weindling, Health, Race and German Politics between National Unification and Nazism, 1870–1945 (Cambridge, 1989), 60–84; Evans, The Coming of the Third Reich, 35–6; Robert N. Proctor, Racial Hygiene: Medicine under the Nazis, (London, 1988), 47.

2. Evans, The Coming of the Third Reich, 34–8, 377–8; Hans-Walter Schmuhl, Rassenhygiene, Nationalsozialismus, Euthanasie: Von der Verhütung zur Vernichtung «lebensunwerten Lebens», 1890–1945 (Göttingen, 1987), 49–105.

3. Weindling, Health, 489–503.

4. Schmuhl, Rassenhygiene, 1543.

5. Evans, The Coming of the Third Reich 37, 145, 377–80; Proctor, Racial Hygiene, 10–104 (о комитете Фрика см. на стр. 95); Schmuhl, Rassenhygiene, 154–68; Christian Ganssmüller, Die Erbgesundheitspolitik des dritten Reiches:

Planung, Durchführung und Durchsetzung (Cologne, 1987), 34–115; Jeremy Noakes, «Nazism and Eugenics: The Background to the Nazi Sterilization Law of 14 July 1933», in Roger Bullen et al. (eds.), *Ideas into Politics: Aspects of European History 1880–1950* (London, 1984), 75–94.

6. Gisela Bock, *Zwangssterilisation im Nationalsozialismus: Studien zur Frauenpolitik und Rassenpolitik* (Opladen, 1986), 230–32.

7. Ganssmüller, *Die Erbgesundheitspolitik*, 45–6: еще 40 000 были стерилизованы в областях, аннексированных Германией в 1938–1939 гг.

8. Michael Burleigh, *Death and Deliverance: «E thanasia» in Germany c. 1900–1945* (Cambridge, 1994), 56–66.

9. Цитируется в Andrea Brucks, «Zwangssterilisation gegen «Ballastexistenzen»», in Klaus Frahm et al. (eds.), *Verachtet — verfolgt — vernichtet: Zu den «vergessenen» Opfern des NS-Regimes* (Hamburg, 1986), 103–8.

10. Longerich, *Politik*, 61–2.

11. Joachim Müller, *Sterilisation und Gesetzgebung bis 1933* (Husum, 1985); Wachsmann, *Hitler's Prisons*, 151.

12. Michael Schwartz, *Sozialistische Eugenik: Eugenische Sozialtechnologien in Debatten und Politik der Deutschen Sozialdemokratie 1890–1933* (Bonn, 1995).

13. Wachsmann, *Hitler's Prisons*, 149–56.

14. Klaus-Dieter Thomann, ««Kruppel sind nicht minderwertig.» Körperbehinderte im Nationalsozialismus», in Meinel and Voswinckel (eds.), *Medizin*, 208–20, 208–12, с цитированием Wilhelm Frick, «Bevölkerungs- und Rassepolitik», in Elisabeth Unverricht (eds.), *Unsere Zeit und Wir: Das Buch der deutschen Frau* (Gauting, 1933), 97–109, 103.

15. Thomann, «Kruppel», 213–16.

16. Rossmeißl, «Ganz Deutschland», 134.

17. Proctor, *Racial Hygiene*, 95–101; Stefan Kuhl, *The Nazi Connection: Eugenics, American Racism, and German National Socialism* (New York, 1994).

18. Alberto Spektorowski and Elisabeth Mizrahi, «Eugenics and the Welfare State in Sweden: The Politics of Social Margins and the Idea of a Productive Society», *Journal of Contemporary History*, 39 (2004), 333–52; Alex Duval Smith and Maciej Zeremba, «Outcasts from Nordic Super-Race», *Observer*, 24 августа 1997 г., 6.

19. Proctor, *Racial Hygiene*, 171; о социальной политике протестантов см. в Sabine Schleiermacher, *Sozialethik im Spannungsfeld von Sozial- und Rassenhygiene* Der Mediziner Hans Harmsen im Centralesschuss für die Innere Mission (Husum, 1998).

20. Proctor, *Racial Hygiene*, 123.

21. James Woycke, *Birth Control in Germany 1871–1933* (London, 1988), 154; Evans, *The Coming of the Third Reich*, 375–8; Stibbe, *Women*, 43; Henry P. David et al., «Abortion and Eugenics in Nazi Germany», *Population and Development Review*, 14 (1988), 81–112.

22. Quoted in Proctor, *Racial Hygiene*, 124.

23. Richard J. Evans, *The Feminist Movement in Germany 1894–1933* (London, 1976), 255–60; у него же, *The Coming of the Third Reich*, 185–6.

24. Stibbe, *Women*, 34–40; Jill Stephenson, *The Nazi Organization of Women* (London, 1981), 97–125; у него же, «The Nazi Organisation of Women, 1933–1939», in Stachura (ed.), *The Shaping*, 186–209. Некоторые из одиннадцати детей Шольц-Клинк умерли в младенчестве.

25. Irmgard Weyrather, *Muttertag und Mutterkreuz: Die Kult um die «deutsche Mutter» im Nationalsozialismus* (Frankfurt am Main, 1993); Susanna Dammer, «Kinder, Küche, Kriegsarbeit — Die Schulung der Frauen durch die NS-Frauenschaft», in *Frauengruppe Faschismusforschung* (ed.), *Mutterkreuz*, 215–45; Karin Hausen, «Mother's Day in the Weimar Republic», in Renate Bridenthal et al. (eds.), *When Biology Became Destiny*, 131–52; у него же «The «German Mother's Day» 1923–1933», in Hans Medick and David Sabeau (eds.), *Interest and Emotion: Essays in the Study of Family and Kinship* (Cambridge, 1984), 371–413.

26. Stibbe, *Women*, 34–40; Claudia Koonz, *Mothers in the Fatherland: Women, the Family and Nazi Politics* (London, 1988 [1987]), 177–219; Stephenson, *The Nazi Organization*, 130–77; Pine, *Nazi Family Policy*, 47–81; Michael Kater, «Die deutsche Elternschaft im nationalsozialistischen Erziehungssystem. Ein Beitrag zur Sozialgeschichte der Familie», *Vierteljahrsschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte*, 67 (1980), 484–512; Dammer, «Kinder, Küche, Kriegsarbeit».

27. Pine, *Nazi Family Policy*, 88–116; Dorothee Klinksiek, *Die Frau im NS-Staat* (Stuttgart, 1982), 93; Jill Stephenson, «Reichsbund der Kinderreichen: The League of Large Families in the Population Policy of Nazi Germany», *European Studies Review*, 9 (1979), 350–75.

28. Marschalck, *Bevölkerungsgeschichte*, 158.

29. Gisela Bock, «Antinatalism, Maternity and Paternity in National Socialist Realism», in Crew (ed.), *Nazism*, 110–40, 124.

30. Marschalck, *Bevölkerungsgeschichte*, 159.

31. Proctor, *Racial Hygiene*, 126.

32. Stibbe, *Women*, 53–4; Bock, *Zwangssterilisation*, 166–7.

33. Pine, *Nazi Family Policy*, 16–18; Gabriele Czarnowski, ««The Value of Marriage for the Volksgemeinschaft»: Policies towards Women and Marriage under National Socialism», in Richard Bessel (ed.), *Fascist Italy and Nazi Germany: Comparisons and Contrasts* (Cambridge, 1996), 94–112, 107–8; Stephenson, *Women in Nazi Society*, 41–3.

34. Ganssmuller, *Die Erbgesundheitspolitik*, 132–47.

35. Hohne, *The Order*, 130–46; Pine, *Nazi Family Policy*, 38–46; Catrine Clay and Michael Leapman, *Master Race: The Lebensborn Experiment in Nazi Germany* (London, 1995).

36. Irene Guenther, *Nazi Chic? Fashioning Women in the Third Reich* (Oxford, 2004), 91–141.

37. Там же, 91–141, 167–201.

38. Таким образом, главный спор 1980-х между работой Claudia Koonz, *Mothers in the Fatherland*, где подчеркивается создание защищенной до-

машней сферы и вовлеченности, а иногда даже поощрении женщинами насилия и ненависти, которые демонстрировали мужчины в общественной жизни, и Bock, «Anti-Natalism», в которой делается упор на то, что женщины были жертвами все более директивной, жестокой и негативной политики государства в отношении женщин как будущих матерей, в большой степени основан на неправильном понимании — см. Adelheid von Saldern, «Victims or Perpetrators? Controversies about the Role of Women in the Nazi State», in Crew (ed.), *Nazism*, 141–65; и Dagmar Reese and Carola Sachse, «Frauenforschung zum Nationalsozialismus. Eine Bilanz», in Lerke Gravenhorst and Carmen Tatschmurat (eds.), *Tochter-Fragen: NS-Frauengeschichte* (Freiburg, 1990), 73–106.

39. Maria S. Quine, *Population Politics in Twentieth-Century Europe: Fascist Dictatorships and Liberal Democracies* (London, 1996); Richard Stites, *The Women's Liberation Movement in Russia: Feminism, Nihilism, and Bolshevism, 1860–1930* (Princeton, N.J., 1978).

40. Sybil H. Milton, ««Gypsies» as Social Outsiders in Nazi Germany», in Gellately and Stoltzfus (eds.), *Social Outsiders*, 212–32, приводит намного более высокие цифры, в районе 35 000 (212). Как отмечается в Guenter Lewy, *The Nazi Persecution of the Gypsies* (New York, 2000), 1–14, в Германии стало распространено называть цыган по их племенным названиям (синти и рома, Roma, хотя самую малочисленную группу, лаллери, обычно неявно опускали), поскольку нацисты использовали термин *Zigeuner* для названия цыган в целом. Аргументы против использования этого термина перечисляются в Burleigh and Wippermann, *The Racial State*, 113. Однако то, что его использовали нацисты, не делает его уничижительным само по себе, и, как справедливо отмечает Леви, «некоторые цыганские авторы настаивали на продолжении использования этого термина с целью сохранить историческую преемственность и выразить солидарность с теми, кого преследовали под этим именем» (ix). Следом за Леви далее используется термин «цыган».

41. Evans, «Social Outsiders»; Michael Zimmermann, *Verfolgt, vertrieben, vernichtet: Die nationalsozialistische Vernichtungspolitik gegen Sinti und Roma* (Essen, 1989), 14–42; у него же *Rassenutopie und Genozid: Die nationalsozialistische «Lösung der Zigeunerfrage»* (Hamburg, 1996); Rainer Hehemann, *Die «Bekämpfung des Zigeunerunwesens» im Wilhelminischen Deutschland und in der Weimarer Republik, 1871–1933* (Frankfurt am Main, 1987); Joachim S. Hohmann, *Geschichte der Zigeunerverfolgung in Deutschland* (Frankfurt am Main, 1981); Leo Lucassen, *Zigeuner: Die Geschichte eines polizeilichen Ordnungsbegriffes in Deutschland, 1700–1945* (Cologne, 1996); Joachim S. Hohmann, *Verfolgte ohne Heimat: Die Geschichte der Zigeuner in Deutschland* (Frankfurt am Main, 1990). Баварский закон частично приведен в Burleigh and Wippermann, *The Racial State*, 114–15.

42. Wolfgang Wippermann and Ute Brucker-Boroujerdi, «Nationalsozialistische Zwangslager in Berlin, III: Das «Zigeunerlager Marzahn»», *Berliner Forschungen*, 2 (1987), 189–201; Eva von Hase-Mihalik and Doris

Kreuzkamp, «Du kriegst auch einen schönen Wohnwagen»: Zwangslager für Sinti und Roma während des Nationalsozialismus in Frankfurt am Main (Frankfurt am Main, 1990); Karola Fings and Frank Sparing, «z. Zt. Zigeunerlager»: Die Verfolgung der Dusseldorfer Sinti und Roma im Nationalsozialismus (Cologne, 1992); Frank Sparing, «The Gypsy Camps: The Creation, Character and Meaning of an Instrument for the Persecution of Sinti and Romanies under National Socialism», in Karola Fings et al., From «Race Science» to the Camps: The Gypsies during the Second World War (Hatfield, 1997), 39–70.

43. Lewy, The Nazi Persecution, 24–49; Joachim S. Hohmann, Robert Ritter und die Erben der Kriminalbiologie: «Zigeunerforschung» im Nationalsozialismus und in Westdeutschland im Zeichen des Rassismus (Frankfurt am Main, 1991). Декрет приведен в Burleigh and Wippermann, The Racial State, 120–21.

44. Lewy, The Nazi Persecution, 47–55; Proctor, Racial Hygiene, 214–15; Herbert Heuss, «German Policies of Gypsy Persecution», in Fings et al., From «Race Science», 15–37; Karola Fings, «Romanies and Sinti in the Concentration Camps», там же 109; см. также, Ulrich König, Sinti und Roma unter dem Nationalsozialismus: Verfolgung und Widerstand (Bochum, 1989), 75–82, и Wolfgang Wippermann, Das Leben in Frankfurt am Main zur NS-Zeit, II: Die nationalsozialistische Zigeunerverfolgung (Frankfurt am Main, 1986), 19–27.

45. Evans, The Coming of the Third Reich, 186–7.

46. Reiner Pommerin, «Sterilisierung der Rheinlandbastarde»: Das Schicksal einer farbigen deutschen Minderheit 1918–1937 (Dusseldorf, 1979), 56–77; Proctor, Racial Hygiene, 112–14.

47. Pommerin, «Sterilisierung», 77–84.

48. Evans, The Coming of the Third Reich, 127–8, 375–6.

49. Burkhard Jellonek, Homosexuelle unter dem Hakenkreuz: Die Verfolgung von Homosexuellen im Dritten Reich (Paderborn, 1990), 19–50; Richard Plant, The Pink Triangle: The Nazi War Against Homosexuals (Edinburgh, 1987 [1986]), 104; Smith and Peterson (eds.), Heinrich Himmler: Geheimreden 1933–1945, 90–91, 115–23; Geoffrey J. Giles, «The Institutionalization of Homosexual Panic in the Third Reich», in Gellately and Stoltzfus (eds.), Social Outsiders, 233–55.

50. Claudia Schoppmann, Days of Masquerade: Life Stories of Lesbian Women During the Third Reich (New York, 1996 [1993]).

51. Jellonek, Homosexuelle, 51–94; Proctor, Racial Hygiene, 212–14.

52. Jellonek, Homosexuelle, 95–110; Hans-Georg Stumke, «Vom «unausgeglichenen Geschlechtshaushalt». Zur Verfolgung Homosexueller», in Frahm et al. (eds.), Verachtet — verfolgt — vernichtet, 46–63.

53. Цитируется полностью в Hans-Georg Stumke and Rudi Finkler, Rosa Winkel, rosa Listen: Homosexuelle und «Gesundes Volks empfinden» von Auschwitz bis heute (Reinbek, 1981), 217–21.

54. Jürgen Baumann, Paragraph 175: Über die Möglichkeit, die einfache, nichtjugendgefährdende und nichtöffentliche Homosexualität unter Erwachsenen straffrei zu lassen (zugleich ein Beitrag zur Sakularisierung des Strafrechts) (Berlin, 1968), 66.

55. Jellonnek, *Homosexuelle*, 12–13.

56. Jeffrey Weeks, *Sex, Politics and Society: The Regulation of Sexuality since 1800* (London, 1981), 239–40; Joachim S. Hohmann (ed.), *Keine Zeit für gute Freunde: Homosexuelle in Deutschland 1933–1969 — Ein Lese- und Bilderbuch* (Berlin, 1982).

57. Rudiger Lautmann, et al., «Der rosa Winkel in den nationalsozialistischen Konzentrationslager», in idem (ed.), *Seminar: Gesellschaft und Homosexualität* (Frankfurt am Main, 1977), 325–65, 332–3.

58. Rudiger Lautmann, «Gay Prisoners in Concentration Camps as Compared with Jehovah's Witnesses and Political Prisoners», in Michael Berenbaum (ed.), *A Mosaic of Victims: Non-Jews Persecuted and Murdered by the Nazis* (London, 1990), 200–206.

59. Albrecht Langeluddecke, *Die Entmannung von Sittlichkeitsverbrechern* (Berlin, 1963); Wachsmann, *Hitler's Prisons*, 140–41; Geoffrey Giles, «The Most Unkindest Cut of All». Castration, Homosexuality and Nazi Justice», *Journal of Contemporary History*, 27 (1992), 41–61; Jellonnek, *Homosexuelle*, 140–71.

60. Wachsmann, *Hitler's Prisons*, 139–49, 368. Общее число достигло 2300 к 1945 г. (Longerich, *Politik*, 62).

61. Wachsmann, *Hitler's Prisons*, 400–401; Frank Sparing, «Zwangskastration im Nationalsozialismus. Das Beispiel der Kriminalbiologischen Sammelstelle Köln», in Peter Busse and Klaus Schreiber (eds.), *Kriminalbiologie* (Düsseldorf, 1997), 169–212.

62. Burkhard Jellonnek, «Staatspolizeiliche Fahndungs- und Ermittlungsmethoden gegen Homosexuelle. Regionale Differenzen und Gemeinsamkeiten», in Paul and Mallmann (eds.), *Die Gestapo*, 343–56.

63. Хорошее введение к ситуации с евреями в Германии в 1933–1945 гг. см. в Michael A. Meyer (ed.), *German-Jewish History in Modern Times*, IV: *Renewal and Destruction, 1918–1945* (New York, 1998), 195–388; Marion A. Kaplan, *Between Dignity and Despair: Jewish Life in Nazi Germany* (New York, 1998). Об антисемитизме нацистов и его предшественниках см. также в Evans, *The Coming of the Third Reich*, 21–34, 164–5, 431–40.

64. Longerich, *Politik*, 59.

65. Об экономических бойкотах см. выше, 382–6.

66. Hermann Froschauer, «Streicher und «Der Stürmer»», in Ogan and Weiss (eds.), *Faszination und Gewalt*, 41–8; Hahn (ed.), *Lieber Stürmer!*

67. Bankier, *The Germans*, 28–37.

68. Longerich, *Politik*, 70–74; Bankier, *The Germans*, 14–20.

69. Bankier, *The Germans*, 28–9; Longerich, *Politik*, 74–8, 94–5; Лонгерих убедительно выступает против точки зрения многих историков, что антисемитские погромы 1935 г. были спонтанными попытками рядовых членов партии заставить руководство принять законодательные меры (e.g. Adam, *Judenpolitik*, 114–16; Herbst, *Das nationalsozialistische Deutschland*, 153–5; Ian Kershaw, «The Persecution of the Jews and German Popular Opinion in the Third Reich», *Leo Baeck Institute Year Book*, 26 (1981), 261–89, 265; Hermann Graml,

Reichskristallnacht: Antisemitismus und Judenverfolgung im Dritten Reich (Munich 1988), 143. Доводы в пользу того, что антисемитские выступления 1935 г. носили в основном тактический характер, см. в Hans Mommsen and Dieter Obst, «Die Reaktion der deutschen Bevölkerung auf die Verfolgung der Juden 1933–1943», in Hans Mommsen and Susanne Willems (eds.), Herrschaftsalldag im Dritten Reich: Studien und Texte (Dusseldorf, 1988), 374–421, 385.

70. Иллюстрации в Ian Kershaw, «Antisemitismus und Volksmeinung. Reaktionen auf die Judenverfolgung», in Broszat et al. (eds.), Bayern, II, 281–348, 302–8.

71. Longerich, Politik, 86–90; Behnken (ed.), Deutschland-Berichte, II (1935), 920–33.

72. Там же, 933–7; Longerich, Politik, 86–90, 100; Friedlander, Nazi Germany, 137–9.

73. Longerich, Politik, 85–94; Behnken (ed.), Deutschland-Berichte, II (1935), 923 (август 1935 г.).

74. Там же, 922 (август 1935 г.), цитируется в Longerich, Politik, 93.

75. Там же, 94–101; Lothar Gruchmann, «Blutschutzgesetz» und Justiz: Entstehung und Anwendung des Nurnberger Gesetzes von 15. September 1935», in Ogan and Weiss (eds.), Faszination und Gewalt, 49–60. Подробности дальнейших жестоких антисемитских акций в последние недели августа см. в Behnken (ed.), Deutschland-Berichte, II (1935), 1026–45, в начале сентября — в Longerich, Politik, 107. Обсуждения с общим описанием нюрнбергских законов с 1933 г. см. в Friedlander, Nazi Germany, 118–23.

76. «Die Reichstagsrede des Fuhrers», Berliner Tageblatt, 438, 16 сентября 1935 г., 2. Longerich, Politik, 102–5, и Bankier, The Germans, 41–66, четко дают понять, что Нюрнбергские законы не были импровизацией; см. также Werner Strauss, «Das Reichsministerium des Innern und die Judengesetzgebung»: Aufzeichnungen von Dr. Bernhard Losener», VfZ 9 (1961), 264–313; Friedlander, Nazi Germany, 141–50; и Hermann Graml, Reichskristallnacht, 133–56.

77. «Goring begrundet die Gesetze», Berliner Tageblatt, 438, 16 сентября 1935 г., 2.

78. Longerich, Politik, 105–6.

79. Beate Meyer, «The Mixed Marriage: A Guarantee of Survival or a Reflection of German Society during the Nazi Regime?», in Bankier (ed.), Probing, 54–77; Friedlander, Nazi Germany, 151, о статистике, см. также Beate Meyer's fundamental study, «Judische Mischlinge»: Rassenpolitik und Verfolgungserfahrung 1933–1945 (Hamburg, 1999), 25, 162–5. Первой переключкой евреев на расовой основе стала перепись 1939 г. (Statistisches Jahrbuch fur das Deutsche Reich, 59 (Berlin, 1941–2), 27: «Die Juden und judische Mischlinge in den Reichsteilen und nach Gemeindegrossenklassen 1939»).

80. Jeremy Noakes, «The Development of Nazi Policy towards the German-Jewish «Mischlinge», 1933–1945», Leo Baeck Institute Year Book, 34 (1989), 291–354; у него же «Wohin gehoren die «Judenmischlinge»? Die Entstehung der ersten Durchfuhrungsverordnungen zu den Nurnberger Gesetzen», in Ursula Buttner

(ed.), *Das Unrechtsregime: Internationale Forschung über der Nationalsozialismus: Festschrift für Werner Jochmann zum 65. Geburtstag* (2 vols., Hamburg, 1986), II, 69–89; Longerich, *Politik*, 112–15; Friedlander, *Nazi Germany*, 151–67; Meynert, *Was vor der «Endlösung» geschah*, 247–51; Meyer, «Judische Mischlinge», 29–31 и 96–104; Kaplan, *Between Dignity and Despair*, 74–93.

81. Toepser-Ziegert (ed.), *NS-Presseanweisungen*, III: 1935, 586 (16 сентября 1935 г.).

82. Meyer, «Judische Mischlinge», 230–37.

83. Bryan M. Rigg, *Hitler's Jewish Soldiers: The Untold Story of Nazi Racial Laws and Men of Jewish Descent in the German Military* (Lawrence, Kans., 2002), 51–109. Название вводит в заблуждение — они совершенно не были «еврейскими» солдатами, то, что они были наполовину или на четверть евреями, делало их больше немцами, чем евреями, в том, что касалось вооруженных сил. Данные Ригга о 150 000 немецких солдатах смешанной расы, служивших в период между 1933 и 1945 г., кажутся преувеличением, учитывая что в переписи 1939 г. общее число людей всех возрастов и обоих полов, которые относились к смешанной расе в соответствии с нюрнбергскими законами, составляло не более 114 000 в Германии и Австрии вместе.

84. Сводка имеется в Longerich, *Politik*, 106–11; оригиналы см. в Behnken (ed.), *Deutschland-Berichte*, II (1935), 1026–1045, и III (1936), 20–55; см. также Otto Dov Kulka, «Die Nürnberger Rassengesetze und die deutsche Bevölkerung im Lichte geheimer NS-Lage- und Stimmungsberichte», *VfZ* 32 (1964), 582–624.

85. Behnken (ed.), *Deutschland-Berichte*, III (1936), 26–7.

86. Maschmann, *Account Rendered*, 40–41.

87. Там же, 30.

88. Там же, 30, 40–41, 45–7, 49–51, 56.

89. Longerich, *Politik*, 108–9, убедительно выступает против мнения Банкьера (*The Germans*, 76–80) о том, что «подавляющее большинство населения одобряло нюрнбергские законы, поскольку они отождествлялись с расовой политикой», и «в большинстве случаев возражения происходили из личных интересов».

90. Wachsmann, *Hitler's Prisons*, 158; Ernst Noam and Wolf-Arno Kropat (eds.), *Justiz und Judenverfolgung* (2 vols., Wiesbaden, 1975), I. *Juden vor Gericht 1933–1945*, 109–68; Inge Marssolek, «Die Zeichen an der Wand». *Denunziation aus der Perspektive des jüdischen Alltags im «Dritten Reich»*, *Historical Social Research*, 26 (2001), 204–18.

91. Gruchmann, «Blutschutzgesetz», 53.

92. Wachsmann, *Hitler's Prisons*, 162, 180.

93. Walter Poller, *Medical Block Buchenwald: The Personal Testimony of Inmate 996, Block 36* (London, 1988 [1946]), 128–36.

94. Behnken (ed.), *Deutschland-Berichte*, III (1936), 36, 40–41.

95. Gellately, *The Gestapo*, 165–79; см. также Christl Wickert, «Popular Attitudes to National Socialist Antisemitism: Denunciations for «Insidious

Offenses» and «Racial Ignominy», in Bankier (ed.), *Probing*, 282–95, и Wolfgang Wippermann, *Das Leben in Frankfurt zur NS-Zeit, I: Die nationalsozialistische Judenverfolgung* (Frankfurt am Main, 1986), 68–83.

96. Gellately, *The Gestapo*, 197–8, убедительно опровергает доводы в Sarah Gordon, *Hitler, Germans and the «Jewish Question»* (Princeton, N.J., 1984), о том, что поведение этого рода сводилось к неприятию НА: нюрнбергских законов. См. также Alexandra Przyrembel, «*Rassenschande*: Reinheitsmythos und Vernichtungslegitimation im Nationalsozialismus (Göttingen, 2003).

97. Oliver Pretzel, *Afterword*, in Sebastian Haffner, *Defying Hitler: A Memoir* (London, 2002 [2000]), 241–50.

98. Werner Rosenstock, «Exodus 1933–1939: A Survey of Jewish Emigration from Germany», *Leo Baeck Institute Yearbook*, 1 (1956), 373–90; Herbert A. Strauss, «Jewish Emigration from Germany: Nazi Policies and Jewish Responses», *Leo Baeck Institute Yearbook*, 25 (1980), 313–61, 26 (1981), 343–409; Avraham Barkai, «German Interests in the Haavara-Transfer Agreement 1933–1939», *Leo Baeck Institute Yearbook*, 35 (1990), 254–66; Friedlander, *Nazi Germany*, 60–65; «*Judische Bevölkerungsstatistik*», in Wolfgang Benz (ed.), *Die Juden in Deutschland 1933–1945: Leben unter nationalsozialistischer Herrschaft* (Munich, 1988), 733, в соответствии с которой в Германии в 1933 г. было примерно 100 000 не немецких евреев в дополнение к 437 000 немцам иудейской веры, отмеченным в официальной статистике. В мае 1939 г. в Германии все еще проживало более 25 000 не немецких евреев. В цифрах 1939 г. учитывается Австрия; в цифрах 1938 г. — нет. Об эмиграционных налогах см. выше, 389–90. Местное исследование см. в Meynert, *Was vor der «Endlösung» geschah*, 178–207.

99. Francis R. Nicosia, *The Third Reich and the Palestine Question* (London, 1985), 29–49; у него же «Ein nützlicher Feind: Zionismus im nationalsozialistischen Deutschland 1933–1939», *VfZ* 37 (1989), 367–400; Graml, *Reichskristallnacht*, 131–2; Juliane Wetzels, «Auswanderung aus Deutschland», in Benz (ed.), *Die Juden*, 413–98, 446–77; Соглашение приведено с другими связанными материалами в Rolf Vogel, *Ein Stempel hat gefehlt: Dokumente zur Emigration deutscher Juden* (Munich, 1977), 107–53. О серьезных трудностях, с которыми сталкивались немецкие евреи, приезжавшие в Палестину, см. в Wolfgang Benz, *Flucht aus Deutschland: Zum Exil im 20. Jahrhundert* (Munich, 2001), 120–50, и Werner Feilchenfeld et al., *Haavara-Transfer nach Palästina und Einwanderung deutscher Juden 1933–1939* (Tübingen, 1972).

100. Friedlander, *Nazi Germany*, 60–62, 65; Jacob Boas, «German-Jewish Internal Politics under Hitler 1933–1939», *Leo Baeck Institute Yearbook*, 29 (1984), 2–25; Longerich, *Politik*, 56–8.

101. Yehuda Bauer, *My Brother's Keeper: A History of the American Jewish Joint Distribution Committee 1929–1939* (Philadelphia, Pa., 1974); Louise London, «Jewish Refugees, Anglo-Jewry and British Government Policy», in David Cesarani (ed.), *The Making of Modern Anglo-Jewry* (Oxford, 1990),

163–90; Bernard Wasserstein, «Patterns of Jewish Leadership in Great Britain during the Nazi Era», in Randolph L. Braham (ed.), *Jewish Leadership during the Nazi Era: Patterns of Behavior in the Free World* (New York, 1985), 29–43. Richard Bolchover, *British Jewry and the Holocaust* (Cambridge, 1993), страстное, но одностороннее обвинение.

102. Louise London, *Whitehall and the Jews 1933–1948: British Immigration Policy and the Holocaust* (Cambridge, 2000), 16–57; A. Joshua Sherman, *Island Refuge: Britain and Refugees from the Third Reich, 1933–1939* (London, 1973); Bernard Wasserstein, *Britain and the Jews of Europe, 1939–1945* (Oxford, 1979); Vicki Caron, *Uneasy Asylum: France and the Jewish Refugee Crisis, 1933–1942* (Stanford, Calif., 1999); Fritz Kieffer, *Judenverfolgung in Deutschland — eine innere Angelegenheit? Internationale Reaktionen auf die Flüchtlingsproblematik 1933–1939* (Stuttgart, 2002). For Poland and Romania, см. ниже, 606–10.

103. Quoted in Wetzel, «Auswanderung», 428.

104. Paul Sauer, *Die Schicksale der jüdischen Bürger Baden-Württembergs während der nationalsozialistischen Verfolgungszeit, 1933–1945* (Stuttgart, 1969), 138–9; более общее описание см. в Salomon Adler-Rudel, *Jüdische Selbsthilfe unter dem Naziregime 1933–1939 im Spiegel der Berichte der Reichvertretung der Juden in Deutschland* (Tübingen, 1974), 72–120.

105. David Kramer, «Jewish Welfare Work under the Impact of Pauperization», in Arnold Paucker (ed.), *The Jews in Nazi Germany* (Tübingen, 1986), 173–88; Beate Gohl, *Jüdische Wohlfahrtspflege im Nationalsozialismus: Frankfurt am Main 1933–1943* (Frankfurt am Main, 1997); Avraham Barkai, «Jewish Life under Persecution», in Meyer (ed.), *German-Jewish History*, 231–57; и у него же «Shifting Organizational Relationships», 259–82.

106. Clemens Vollnhals, «Jüdische Selbsthilfe bis 1938», in Benz (ed.), *Die Juden in Deutschland*, 314–411, 330–41, также для предыдущего абзаца.

107. Там же, 341–63; см. также Wolf Gruner, «Public Welfare and the German Jews under National Socialism», in Bankier (ed.), *Probing*, 78–105; и Adler-Rudel, *Jüdische Selbsthilfe*, 19–46, 121–82.

108. Vollnhals, «Jüdische Selbsthilfe»; Volker Dahm, «Kulturelles und geistiges Leben», in Benz (ed.), *Die Juden*, 75–267, 83–124; Esriel Hildesheimer, *Jüdische Selbstverwaltung unter dem NS-Regime: Der Existenzkampf der Reichsvertretung und Reichsvereinigung der Juden in Deutschland* (Tübingen, 1994); Longerich, *Politik*, 44, 133; Dorothea Bessen, «Der Jüdische Kulturbund Rhein-Ruhr 1933–1938», in Alte Synagoge (ed.), *Entrechtung und Selbsthilfe*, 43–65; и Paul Mendes-Flohr, «Jewish Cultural Life under National Socialism», in Meyer (ed.), *German-Jewish History*, IV. 283–312.

109. Henryk M. Broder and Heike Geisel, *Premiere und Pogrom: Der Jüdische Kulturbund 1933–1941. Texte und Bilder* (Berlin, 1992); Hajo Bernett, *Der jüdische Sport im nationalsozialistischen Deutschland 1933–1938* (Schorndorf, 1978); Kurt Duwell, «Jewish Cultural Centers in Nazi Germany: Expectations and Accomplishments», in Jehuda Reinharz and Walter Schatzberg (eds.), *The Jewish Response to German Culture: From the Enlightenment to the*

Second World War (Hanover, N.H., 1985), 294–316; Wetzel, «Auswanderung», 438–41; хороший обзор см. в Friedlander, *Nazi Germany*, 65–8.

110. Michael Meyer, 1941, цитируется в Wetzel, «Auswanderung», 418, после его незаконной эмиграции в Палестину в предыдущем году.

111. Там же, 413–98, и Статистическое приложение на стр. 733. Все эти цифры относятся к Старому рейху, то есть не включая Австрию и Судеты.

112. Цитируется в Monika Richarz (ed.), *Judisches Leben in Deutschland: Selbstzeugnisse zur Sozialgeschichte 1918–1945*, III (Stuttgart, 1982), 339.

113. Meyer, «The Mixed Marriage», 54–61; у него же «Judische Mischlinge», 68–76; Nathan Stoltzfus, *Resistance of the Heart: Inter-marriage and the Rosenstrasse Protest in Nazi Germany* (New York, 1996), 43–9.

114. Meyer, «The Mixed Marriage».

115. Stoltzfus, *Resistance*, 106–8.

116. Klemperer, *Tagebucher 1933/34*, 38–9 (9 июля 1933 г.); в английском издании отсутствует.

117. Klemperer, *I Shall Bear Witness*, 33 (9 октября 1933 г.), 60 (5 апреля 1934 г.), 66 (13 июня 1933 г.), 71 (14 июля 1933 г.), 77 (4 августа 1934 г.).

118. Там же, 111 (23 марта 1935 г.).

119. Там же, 114 (30 апреля 1935 г.), 114–16 (2 мая 1935 г.), 117 (7 мая 1935 г.), 119 (30 мая 1935 г.), 124 (11 августа 1935 г.), 126 (16 сентября 1935 г.), 128 (17 сентября 1935 г.), 129 (6 октября 1935 г.); также 179 (29 августа 1936 г.) и 191 (24 ноября 1936 г.).

120. Там же, 260 (9 октября 1938 г.).

121. *Tagebuch Luise Solmitz*, 1934 (рукопись), 120–21.

122. Там же, 25 марта 1933 г.

123. Там же, 31 марта, 1 апреля 1933 г.

124. Там же, 8 марта 1934 г.

125. Там же, 15 сентября, 19 сентября 1935 г.

126. Там же, 8 марта, 9 марта, 17 сентября 1936 г.

127. Там же, 9 февраля, 12 февраля 1937 г.

128. Heinz Hohne, *Die Zeit der Illusionen: Hitler und die Anfänge des Dritten Reiches 1933–1936* (Dusseldorf, 1991), 333–51.

129. Цитируется в *New York Times*, 6 июля 1936 г., 6, в Richard D. Mandell, *The Nazi Olympics* (London, 1972 [1971]), 140.

130. Там же, 122–58.

131. Speer, *Inside*, 119, 129; Mandell, *The Nazi Olympics*, 116, 119.

132. Shirer, *Berlin Diary*, 44–5, 57–8. Ширер использовал слово «пансион» вместо «дешевый мотель».

133. Friedlander, *Nazi Germany*, 125. Mandell, *Nazi Olympics*, 142.

134. Kershaw, *The «Hitler Myth»*, 236–7.

135. Klemperer, *Tagebucher 1935–1936*, 123; см. у него же *I Shall Bear Witness*, 293.

136. Longerich, *Politik*, 116–21.

137. Цитируется в Wetzel, «Auswanderung», 498.

138. Там же, 420.

139. Falk Wiesemann, «Juden auf dem Lande: Die wirtschaftliche Ausgrenzung der jüdischen Viehhändler in Bayern», in Peukert and Reulecke (eds.), *Die Reihen fast geschlossen*, 381–96; Longerich, *Politik*, 122–3.

140. Longerich, *Politik*, 155–9; Domarus, *Hitler*, II. 939–40; Peter Longerich, *Der ungeschriebene Befehl: Hitler und der Weg zur Endlösung* (Munich, 2001), 53–6; Frohlich (ed.), *Die Tagebücher*, I/IV, 429 (29 ноября 1937 г.).

141. Longerich, *Politik*, 159–60, 170–87; *Tagebuch Luise Solmitz*, 14 сентября 1938 г.

142. Longerich, *Politik*, 170–80; см. также Wolf Gruner, «Die Reichshauptstadt und die Verfolgung der Berliner Juden 1933–1945», in Reinhard Rurup (ed.), *Jüdische Geschichte in Berlin: Bilder und Dokumente* (Berlin, 1995), 229–66, 229–42; и Frohlich (ed.), *Die Tagebücher* I/V. 340 (11 июня 1938 г.).

143. См. ниже, 657–61.

144. Frohlich (ed.), *Die Tagebücher* I/V. 393 (25 июля 1938 г.).

145. Michael Wildt, «Violence against Jews in Germany, 1933–1939», in Bankier (ed.), *Probing*, 191–4.

146. Longerich, *Politik*, 181–95; Wolf-Arno Kropat, «Reichskristallnacht»: *Der Judenpogrom vom 7. bis 10. November 1938 — Urheber, Täter, Hintergründe* (Wiesbaden, 1997), 36–49.

147. Longerich, *Politik*, 161–2.

148. Там же, 116, 195–7; Trude Maurer, «The Background for Kristallnacht: The Expulsion of Polish Jews», in Pehle (ed.), November 1938, 44–72; Sybil Milton, «The Expulsion of Polish Jews from Germany October 1938 to July 1939: A Documentation», *Leo Baeck Institute Yearbook*, 29 (1984), 169–200; современные отчеты см. в Behnken (ed.), *Deutschland-Berichte*, V (1938), 1181–6.

149. Helmut Heiber, «Der Fall Grunspan», *VfZ*, 5 (1957), 134–72; Graml, *Reichskristallnacht*, 9–16; Kropat, «Reichskristallnacht», 50–55; Hans-Jürgen Doscher, «Reichskristallnacht»: *Die November-Pogrome 1938* (Frankfurt am Main, 1988), 57–76, с документами и фотографиями. О кампании в прессе см. в Wolfgang Benz, «The Relapse into Barbarism», in Pehle (ed.), November 1938, 1–43, 3–8; Hagemann, *Die Presselenkung*, 148; and Peter (ed.), *NS-Pressenanweisungen*, VI: 1938 (Munich, 1999), 1047, 11050–54. О событиях в Гессе см. в Kropat, «Reichskristallnacht», 56–78, у него же в *Kristallnacht in Hessen: Der Judenpogrom vom November 1938: Eine Dokumentation* (Wiesbaden, 1997 [1988]), 19–50. Общее обсуждение см. в Longerich, *Der ungeschriebene Befehl*, 60–61.

150. См. надежные описания в Wolfgang Benz, «The Relapse into Barbarism», 3–15; и у него же «Der Novemberpogrom 1938», in Benz (ed.), *Die Juden*, 499–544; Роль Гитлера рассматривается в Longerich, *Der ungeschriebene Befehl*, 61–4; доказательства по происхождению погрома тщательно отображены в Longerich, *Politik*, 198–202 и в сопутствующих концевых сносках; см. также Kropat, «Reichskristallnacht», 79–89 and 172–81. О задачах Гитлера в связи с началом погрома см. в Domarus (ed.), *Hitler*, II. 1,235–42. Многие исследования, изображающие погром в виде импровиза-

ции или приписывающие его начало исключительно Геббельсу, не обращаются ни к фактам, ни к контексту событий предыдущих месяцев и недель — такие доводы см., например, в Dieter Obst, «Reichskristallnacht»: Ursachen und Verlauf des antisemitischen Pogroms vom November 1938 (Frankfurt am Main, 1991); Uwe Dietrich Adam, «How Spontaneous Was the Pogrom?», in Pehle (ed.), November 1938, 73–94; Doscher, «Reichskristallnacht», 77–80. См. также с разными акцентами Hermann Graml, Reichskristallnacht, 17–19; Ulrich Herbert, «Von der «Reichskristallnacht» zum «Holocaust». Der 9. November und das Ende des «Radau-Antisemitismus»», у него же Arbeit, Volkstum, Weltanschauung: Über Fremde und Deutsche im 20. Jahrhundert (Frankfurt am Main, 1995), 59–78; Barkai, From Boycott to Annihilation, 133–8; Kurt Patzold and Irene Runge, Pogromnacht 1938 (Berlin, 1988); Kaplan, Between Dignity and Despair, 11944; и Kropat, «Reichskristallnacht», с набором основных документов.

151. Nuremberg Document PS 3063 (Report of the Supreme Party Tribunal, 13 February 1939), in Trial of the Major War Criminals before the International Military Tribunal, Nuremberg, 14 November 1945–1 October 1946 (Nuremberg, 1948), XXXII. 20–29.

152. Muller to all Stapostellen and Stapoleitstellen, 9 November 1939, in Trial of the Major War Criminals, XXV. 376–80, 377 (ND 374-PS); Hermann Graml, Anti-Semitism in the Third Reich (Cambridge, Mass., 1992), 13; о встрече Гитлера с Гиммлером см. в Kershaw, Hitler, II. 883 n. 56.

153. Цитируется и обсуждается с другими документами в Richard J. Evans, Lying About Hitler. History, Holocaust and the David Irving Trial (New York, 2001), 52–61; см. также Longerich, Politik, 198–202; Graml, Reichskristallnacht, 20–22; и Kropat, «Reichskristallnacht», 89–108.

154. Цитируется в Longerich, Politik, 199–200.

155. Saskia Lorenz, «Die Zerstörung der Synagogen unter dem Nationalsozialismus», in Arno Herzog (ed.), Verdrängung, 153–72; Behnken (ed.), Deutschland-Berichte, V (1938), 21, 187.

156. Хорошее свидетельство полноценного участия СС см. в Michael Zimmermann, «Die «Reichskristallnacht» 1938 in Essen», in Alte Synagoge (ed.), Entrechtung und Selbsthilfe, 66–97.

157. Behnken (ed.), Deutschland-Berichte, V (1938), 1 188.

158. Sauer, Die Schicksale, 420.

159. Avraham Barkai, «The Fateful Year», 95–122; Longerich, Politik, 203. Другие подробности см., например, в Karl H. Debus, «Die Reichskristallnacht in der Pfalz», Zeitschrift für die Geschichte des Oberrheins, 129 (1981), 445–515; Joachim Meynert, Was vor der «Endlösung» geschah, 208–22; Graml, Reichskristallnacht, 22–49; Fichtl et al., «Bambergers Wirtschaft», 135–89; Kropat, «Reichskristallnacht», 109–18; у него же Kristallnacht in Hessen, 51–136; и Wippermann, Das Leben, 1. 97–107. Herbert Schultheis, Die Reichskristallnacht in Deutschland nach Augenzeugenberichten (Bad Neustadt an der Saale, 1985), приводит современную подборку показаний свидетелей.

160. Wildt, «Violence», 191–200.

161. Longerich, Politik, 203–5 and 642–3, n. 231; Friedlander, Nazi Germany, 269–79.
162. Tagebuch Luise Solmitz, 10 ноября 1938 г.
163. Behnken (ed.), Deutschland-Berichte, V (1938), I 191.
164. Там же.
165. Там же, I, 208.
166. Reck-Malleczewen, Diary, 80.
167. Behnken (ed.), Deutschland-Berichte, V (1938), I 207.
168. Klepper, Unter den Schatten, 675.
169. Maschmann, Account Rendered, 56–7. Другие различные отзывы немцев-неевреев приводятся и обсуждаются в Benz, «Der Novemberpogrom», 525–8; Bankier, The Germans, 85–8; Kropat, «Reichskristallnacht», 153–69; у него же Kristallnacht in Hessen, 241–6; и Helmut Gatzert, Novemberpogrom 1938 in Gutersloh: Nachts Orgie der Gewalt, tags organisierte Vernichtung (Gutersloh, 1993), 63–7. Jorg Wollenberg (ed.), The German Public and the Persecution of the Jews 1933–1945: «No One Participated, No One Knew» (Atlantic Highlands, N. J., 1996 [1989]) содержит документы и обзоры разного качества.
170. Friedlander, Nazi Germany, 297.
171. Witetschek (ed.), Die kirchliche Lage, I. 300 (no. 122, Regierung Oberbayern, 10 December 1938).
172. Michael Faulhaber, Judaism, Christianity, and Germany: Advent Sermons Preached in St Michael's, Munich in 1933 (London, 1934), 1–6, 13–16, 107–10, переиздано в Mosse (ed.), Nazi Culture, 256–61; Friedlander, Nazi Germany, 297; Walter Zwi Bacharach, «The Catholic Anti-Jewish Prejudice, Hitler and the Jews», in Bankier (ed.), Probing, 415–30.
173. Horst Matzerath (ed.), «... vergessen kann man die Zeit nicht, das ist nicht möglich...» Kolner erinnern sich an die Jahre 1929–1945 (Cologne, 1985), 172; см. также Ursula Buttner, «The Jewish Problem becomes a Christian Problem»: German Protestants and the Persecution of the Jews in the Third Reich», in Bankier (ed.), Probing, 431–59.
174. Longerich, Politik, 206.
175. Frohlich (ed.), Die Tagebücher, I/VI. 180–81 (10 ноября 1938 г.).
176. Trial of the Major War Criminals, XXXII. 29 (ND 3063-PS).
177. Frohlich (ed.), Die Tagebücher, I/VI. 181 (10 ноября 1938 г.).
178. Там же, 182 (11 ноября 1938 г.); о призыве прекратить эти действия см. в «Keine weiteren Aktionen mehr», Berliner Volks-Zeitung, 534, 11 November 1938, первая страница; «Keine Einzel-Aktionen gegen das Judentum», Berliner Morgenpost, 270, 11 ноября 1938 г., первая страница; и т.д.
179. Longerich, Politik, 204; о самоубийствах см. в Konrad Kuriet and Helmut Eschwege (eds.), Selbstbehauptung und Widerstand: Deutsche Juden im Kampf um Existenz und Menschenwürde 1933–1945 (Hamburg, 1984), 202.
180. Obst, Reichskristallnacht, 284–5, 297–307; Wildt, «Violence», 201–2; Zimmermann, «Die «Reichskristallnacht»», 77.

181. Wildt, «Violence», 204; Pingel, Haftlinge, 94; Anthony Read and David Fisher, *Kristallnacht: Unleashing the Holocaust* (London, 1989), 121–35; Kropat, «Reichskristallnacht», 138–41; у него же *Kristallnacht in Hessen*, 167–79.
182. Цитируется в Benz, «The Relapse», 17.
183. *Volkischer Beobachter*, 11 November 1938 (North German edition), 2; Benz, «The Relapse», 18.
184. Peter (ed.), *NS-Pressenanweisungen*, VI: 1938, 1060–61.
185. Reprinted in *Berliner Morgenpost*, 271, 12 ноября 1938 г., первая страница. Более общий анализ см. в Herbert Obenaus, «The Germans: «An Antisemitic People». The Press Campaign after 9 November 1938», in Bankier (ed.), *Probing*, 147–80.
186. Read and Fisher, *Kristallnacht*, 166–79.
187. Treue (ed.), «Hitlers Denkschrift», 210.
188. Frohlich (ed.), *Die Tagebücher*, I/VI. 182 (11 ноября 1938 г.).
189. Barkai, «The Fateful Year», 119–20; крупные выдержки из протоколов см. в Wilfried Mairgunther, *Reichskristallnacht* (Kiel, 1987), 90–130.
190. *Trial of the Major War Criminals*, XXVIII. 499–540, 509–10.
191. Bruno Blau (ed.), *Das Ausnahmerecht für die Juden in Deutschland, 1933/1945* (Dusseldorf, 1954 [1952]), 54–62; «Dr. Goebbels: Theater, Kinos, Konzerte für Juden verboten», *Berliner Illustrierte Nachtausgabe*, 266, 12 ноября 1938 г., первая страница; Longerich, *Politik*, 208–9; Kropat, «Reichskristallnacht», 127–34. Убедительную критику легенды о том, что Гейтинг и Геббельс не одобряли идею погрома в принципе, см. в Graml, *Reichskristallnacht*, 177, и Kropat, «Reichskristallnacht», 119–27.
192. Jonny Moser, «Depriving Jews of Their Legal Rights in the Third Reich», in Pehle (ed.), November 1938, 123–38; более общее описание см. в Kropat, «Reichskristallnacht», 134–8.
193. Barkai, «The Fateful Year», 119–20; «Beratung über die Massnahmen gegen Juden: Die Aufbringung der Summe von 1 Milliarde», *Berliner Illustrierte Nachtausgabe*, 267, 14 ноября 1938 г., первая страница.
194. Genschel, *Die Verdrängung*, 206; местные примеры см. в Fichtl et. al., «Bambergers Wirtschaft», 183–97.
195. «Dr. Goebbels über die Lösung der Judenfrage», *Berliner Illustrierte Nachtausgabe*, 267, 14 ноября 1938 г., 2; полный список самих мер см. в Longerich, *Politik*, 208–19; также Friedlander, *Nazi Germany*, 280–305.
196. Barkai, «The Fateful Year», 121–2; Moser, «Depriving Jews», 123–38, 126–34; Konrad Kwiet, «Nach dem Pogrom: Stufen der Ausgrenzung», in Benz (ed.), *Die Juden*, 545–659; Longerich, *Politik*, 218–19; Wolf Gruner, *Der geschlossene Arbeitseinsatz deutscher Juden: Zur Zwangsarbeit als Element der Verfolgung, 1938–1943* (Berlin, 1997); местные примеры см. в Uwe Lohalm, «Local Administration and Nazi Anti-Jewish Policy», in Bankier (ed.), *Probing*, 109–46, и Meynert, *Was vor der «Endlösung» geschah*, 230–33. Об Имперской ассоциации см. в Otto Dov Kulka (ed.), *Deutsches Judentum unter dem*

Nationalsozialismus, I: Dokumente zur Geschichte der Reichsvertretung der deutschen Juden 1933–1939 (Tubingen, 1997), 410–28.

197. Wildt, «Violence», 204–8.

198. Boberach (ed.), Meldungen, II. 21–6, 221–2.

199. Wetzel, «Auswanderung», 420.

200. Цитируется в Hannah Arendt, *The Origins of Totalitarianism* (London, 1973 [1955]), 269, п. 2; см. также Wetzel, «Auswanderung», 426, 429; и Avraham Barkai, «Self-Help in the Dilemma: «To Leave or to Stay?»», in Meyer (ed.), *German-Jewish History*, IV. 313–32. О происхождении Имперского центра см. ниже, 659–61.

201. Не учитывая Австрию и Судеты, после добавления которых цифра увеличилась до 330 539 (*Statistisches Jahrbuch für das deutsche Reich*, 59 (1941/42), 27: «Die Juden und jüdischen Mischlinge in den Reichsteilen und nach Gemeindegrossenklassen 1939»).

202. «Jüdische Bevölkerungsstatistik», in Benz (ed.), *Die Juden*, 733. Эти цифры получены вычитанием примерно 26 000 иностранных евреев из общей численности за каждый год по данным Ветцеля. Другие статистические данные см. в Konrad Kwiet, «To Leave or Not to Leave: The German Jews at the Crossroads», in Pehle (ed.), November 1938, 139–53.

203. Wetzel, «Auswanderung», 423–5; Arthur D. Morse, *While Six Million Died: A Chronicle of American Apathy* (New York, 1967); David Wyman, *Paper Walls: America and the Refugee Crisis, 1938–1941* (Amherst, Mass., 1968); Richard Breitman and Alan Kraut, *American Refugee Policy and European Jewry, 1933–1945* (Bloomington 1987); см. также Irving Abella and Harold Troper, *None Is Too Many: Canada and the Jews of Europe, 1933–1948* (Toronto, 1983).

204. Klemperer, *I Shall Bear Witness*, 241 (20 марта 1938 г.), 247 (23 мая 1938 г.), 251 (12 июля 1938 г.), 252–3 (10 августа 1938 г.), 263–4 (27 ноября 1938 г.), 266 (3 декабря 1938 г.).

205. Там же, 267–8 (6 декабря 1938 г.), 269 (15 декабря 1938 г.), 279 (10 января 1939 г.). См. также Susanne Heim, «The German-Jewish Relationship in the Diaries of Victor Klemperer», in Bankier (ed.), *Probing*, 312–25; более общее описание см. в Meynert, *Was vor der «Endlösung» geschah*, 223–9.

206. *Tagebuch Luise Solmitz*, 12 ноября 1938 г., 13 ноября 1938 г., 15 ноября 1938 г., 22 ноября 1938 г., 1 декабря 1938 г., 14 марта 1939 г., 29 августа 1939 г.

207. *Trial of the Major War Criminals*, XXVIII. 534 (ND 1816-PS). О встрече 6 декабря см. в Longerich, *Politik*, 210–12.

208. Longerich, *Politik*, 206; Friedlander, *Nazi Germany*, 288–92 и 298–9.

209. Kershaw, *The «Hitler Myth»*, 235–9.

210. Longerich, *Der ungeschriebene Befehl*, 55–7.

211. Там же, 67; James Marshall-Cornwell et al. (eds.), *Akten zur deutschen auswärtigen Politik, 1918–1945: Aus den Akten des Deutschen Auswärtigen Amtes* (Series A-E, Baden-Baden, 1951–95), Series D, IV. 291–5, 293 («Aufzeichnung des Legationsrats Hewel, Berchtesgaden», 24 November 1938).

212. «Aufzeichnung des Legationsrats Hewel», 21 января 1939 г., in Marshall-Cornwell et al. (eds.), Akten, Series D, IV, 167–71, 170.
213. Domarus, Hitler, II. 1055–8.
214. Herbert A. Strauss, «The Drive for War and the Pogroms of November 1938: Testing Explanatory Models», Leo Baeck Institute Yearbook, 35 (1990), 267–78.
215. Longerich, Politik, 220–21; Philippe Burrin, Hitler and the Jews: The Genesis of the Holocaust (London, 1994 [1989]), 61–3. Мнение о том, что угрозу Гитлера не следовало принимать всерьез, см. в Graml, Reichskristallnacht, 105–6.
216. Friedlander, Nazi Germany, 211–24; William W. Hagen, «Before the «Final Solution»: Toward a Comparative Analysis of Political Anti-Semitism in Interwar Germany and Poland», Journal of Modern History, 68 (1996), 351–81; Joseph Marcus, Social and Political History of the Jews in Poland, 1919–1939 (Berlin, 1983) — не всегда точная в деталях; Celia S. Heller, On the Edge of Destruction: Jews of Poland between the two World Wars (New York, 1977); Yisrael Gutman, The Jews of Poland between Two World Wars (Hanover, N.H., 1989); James D. Wynot, Jr, « «A Necessary Cruelty»: The Emergence of Official Anti-Semitism in Poland, 1935–39», American Historical Review, 76 (1971), 1035–58.
217. Emanuel Melzer, «The Polish Authorities and the Jewish Question, 1930–1939», in Alfred A. Greenbaum (ed.), Minority Problems in Eastern Europe between the World Wars, with Emphasis on the Jewish Minority (Hebrew University of Jerusalem, Institute for Advanced Studies, typescript, Jerusalem, 1988), 77–81; Jerzy Tomaszewski, «Economic and Social Situation of Jews in Poland, 1918–1939», там же, 101–6; Ezra Mendelsohn, The Jews of East Central Europe between the World Wars (Bloomington, Ind., 1983), 11–83.
218. Magnus Brechtken, «Madagaskar für die Juden»: Antisemitische Idee und politische Praxis 1885–1945 (Munich, 1997), 81–164.
219. Mendelsohn, The Jews; Bela Vago, The Shadow of the Swastika: The Rise of Fascism and Anti-Semitism in the Danube Basin, 1936–1939 (London, 1975).
220. Mendelsohn, The Jews, 171–211; David Schaary, «The Romanian Authorities and the Jewish Communities in Romania between the Two World Wars», in Greenbaum (ed.), Minority Problems, 89–95; Paul A. Shapiro, «Prelude to Dictatorship in Romania: The National Christian Party in Power, December 1937 – February 1938», Canadian-American Slavic Studies, 8 (1974), 45–88.
221. Mendelsohn, The Jews, 85–128; см. также вступительный раздел Randolph H. Braham, The Politics of Genocide: The Holocaust in Hungary (2 vols., New York, 1980).

Глава 7. На пути к войне

1. Kershaw, Hitler I: 484–6, 531–6.
2. Anton Joachimsthaler, Hitlers Liste: Ein Dokument persönlicher Beziehungen (Munich, 2003); Semmery, Seeing Hitler's Germany, 56.

3. Kershaw, Hitler, I. 537.

4. Speer, Inside, 194–5.

5. Evans, The Coming of the Third Reich, 434; выше 168, 172, 177, 180, 581–2.

6. Volkischer Beobachter, 25 мая 1928 г., цитируется в Gerhard L. Weinberg, The Foreign Policy of Hitler's Germany, I: Diplomatic Revolution in Europe 1933–1936 (London, 1970), 22 (исправленный перевод); оригинал в Barbel Dusik (ed.), Hitler: Reden, Schriften, Anordnungen: Februar 1925 bis Januar 1933 (5 vols., Munich 1992–8), II. 848–59, 856.

7. Цитируется в Weinberg, The Foreign Policy, I. 163; описание общей ситуации см. в Anthony Komjathy and Rebecca Stockwell, German Minorities and the Third Reich: Ethnic Germans of East Central Europe between the Wars (New York, 1980).

8. Общие аргументы см. в Thies, Architekt der Weltherrschaft; более подробно см. в Milan Hauner, «Did Hitler Want a World Dominion?», Journal of Contemporary History, 13 (1978), 15–32; Gunter Moltmann, «Weltherrschaftsideen Hitlers», in Otto Brunner and Dietrich Gerhard (eds.), Europa und Übersee: Festschrift für Egmont Zechlin (Hamburg, 1961), 197–240; and Geoffrey Stoakes, Hitler and the Quest for World Dominion (Leamington Spa, 1986).

9. Полезные вводные замечания см. в Hermann Graml, «Grundzüge nationalsozialistische Aussenpolitik», in Martin Broszat and Horst Möller (eds.), Das Dritte Reich: Herrschaftsstruktur und Geschichte (Munich, 1986 [1983]), 104–26; у него же «Wer bestimmte die Aussenpolitik des Dritten Reiches? Ein Beitrag zur Kontroverse um Polykratie und Monokratie im NS-Herrschaftssystem», in Manfred Funke et al. (eds.), Demokratie und Diktatur: Geist und Gestalt politischer Herrschaft in Deutschland und Europa: Festschrift für Karl Dietrich Bracher (Düsseldorf, 1987), 223–36; Wolfgang Michalka, «Conflicts within the German Leadership on the Objectives and Tactics of German Foreign Policy 1933–9», in Wolfgang J. Mommsen and Lothar Kettenacker (eds.), The Fascist Challenge and the Policy of Appeasement (London, 1983), 48–60; and Andreas Hillgruber, «Grundzüge der nationalsozialistischen Aussenpolitik 1933–1945», Saeculum, 24 (1973), 328–45.

10. Разные мнения о британской и французской внешней политике в 1930-х см. в David Dilks, «We Must Hope for the Best and Prepare for the Worst»: The Prime Minister, the Cabinet and Hitler's Germany, 1937–1939», in Patrick Finney (ed.), The Origins of the Second World War (London, 1997) 43–61; Sidney Aster, «Guilty Men»: The Case of Neville Chamberlain», там же, 62–77; Anthony Adamthwaite, «France and the Coming of War», там же, 78–89; Robert A. C. Parker, «Alternative to Appeasement», там же, 206–21.

11. Gunter Wollstein, «Eine Denkschrift des Staatssekretärs Bernhard von Bulow vom März 1933», Militärgeschichtliche Mitteilungen, 1 (1973), 77–94; описание общей ситуации см. в Peter Krüger, Die Aussenpolitik der Republik von Weimar (Darmstadt, 1985); Hans-Adolf Jacobsen, Nationalsozialistische

Aussenpolitik 1933–1939 (Frankfurt am Main, 1968), 20–89 и 319–47; Jost Dülffer, «Grundbedingungen der nationalsozialistischen Aussenpolitik», in Leo Hupps and Georg Molich (eds.), *Strukturelemente des Nationalsozialismus. Rassenideologie, Unterdruckungsmaschinerie, Aussenpolitik* (Cologne, 1981), 61–88; у него же «Zum «decision-making process» in der deutschen Aussenpolitik 1933–1939», in Manfred Funke (ed.), *Hitler, Deutschland und die Mächte: Materialien zur Aussenpolitik des Dritten Reiches* (Dusseldorf, 1976), 186–204.

12. Kershaw, Hitler, I. 490–95; Weinberg, *The Foreign Policy*, I. 159–79; см. также Gunter Wollstein, *Vom Weimarer Revisionismus zu Hitler: Das Deutsche Reich und die Grossmächte in der Anfangsphase der nationalsozialistischen Herrschaft in Deutschland* (Bonn, 1973).

13. Domarus (ed.), Hitler I. 364–75.

14. См. выше, 109–10.

15. Herbert S. Levine, *Hitler's Free City. A History of the Nazi Party in Danzig, 1925–39* (Chicago, 1973), Weinberg, *The Foreign Policy*, I. 184–94; Klaus Hildebrand, *The Foreign Policy of the Third Reich* (London, 1973 [1970]), 24–33 (подчеркивает связность долгосрочного, поэтапного подхода Гитлера); Manfred Messerschmidt, «Foreign Policy and Preparation for War», in *Militärgeschichtliches Forschungsamt* (ed.), *Germany*, 541–717, 590–93; Klaus Hildebrand, *Das vergangene Reich: Deutsche Aussenpolitik von Bismarck bis Hitler, 1871–1945* (Stuttgart, 1995), 586–92.

16. Martin Kitchen, *The Coming of Austrian Fascism* (London, 1980), 36–110; Bruce F. Pauley, *Hitler and the Forgotten Nazis. A History of Austrian National Socialism* (Chapel Hill, N.C., 1981), 3–15; George E. R. Gedy, *Fallen Bastions: The Central European Tragedy* (London, 1939), 9–126. Charles A. Gulick, *Austria from Habsburg to Hitler* (2 vols., Berkeley, Calif., 1948), очень подробный рассказ, сегодня весьма устаревший.

17. Francis L. Carsten, *Fascist Movements in Austria: From Schonerer to Hitler* (London, 1977), 229–70, до сих пор уважаемое исследование; Kitchen, *The Coming*, 173–262; Pauley, *Hitler and the Forgotten Nazis*, 16–103, подчеркивает внутреннюю разобщенность в партии; о Шенерере см. в Evans, *The Coming of the Third Reich*, 42–4, 163–4; и более общее описание см. в Bruce F. Pauley, *From Prejudice to Persecution: A History of Austrian Anti-Semitism* (Chapel Hill, N.C., 1992).

18. Carsten, *Fascist Movements*, 254–92 (цитата на стр. 254); Gedy, *Fallen Bastions*, 101–43; Pauley, *Hitler and the Forgotten Nazis*, 104–54; Hildebrand, *Das vergangene Reich*, 593–9.

19. Kershaw, Hitler, I. 522–4; среди других работ см. также Dieter Ross, *Hitler und Dollfuss: Die deutsche Österreich-Politik, 1933–1934* (Hamburg, 1966).

20. Domarus (ed.), Hitler, I. 504–7.

21. Hildebrand, *Das vergangene Reich*, 578–86.

22. Patrick von zur Muhlen, «Schlagt Hitler an der Saar!» *Abstimmungskampf, Emigration und Widerstand im Saargebiet, 1933–1945* (Bonn, 1979), 230–32;

Gerhard Paul, «Deutsche Mutter — heim zu Dir!» Warum es misslang, Hitler an der Saar zu schlagen: Der Saarkampf 1933 bis 1935 (Cologne, 1984), 376–401.

23. Muhlen, «Schlagt Hitler», 73–4, 195, 229; Paul, «Deutsche Mutter», 102–32; Markus Gestier, Die christlichen Parteien an der Saar und ihr Verhältnis zum deutschen Nationalstaat in den Abstimmungskämpfen 1935 und 1955 (St Ingbert, 1991), 48–69; Ludwig Linsmayer, Politische Kultur im Saargebiet 1920–1932: Symbolische Politik, verhinderte Demokratisierung, nationalisiertes Kulturleben in einer abgetrennten Region (St Ingbert, 1992), 447; Klaus-Michael Mallmann and Gerhard Paul, Milieus und Widerstand: Eine Verhaltensgeschichte der Gesellschaft im Nationalsozialismus (Bonn 1995), 203–23; Dieter Muskalla, NS- Politik an der Saar unter Josef Burckel: Gleichschaltung — Neuordnung — Verwaltung (Saarbrücken, 1995), 71.

24. Muhlen, «Schlagt Hitler», 204–7, 230–31; Paul, «Deutsche Mutter», 214–32; Linsmayer, Politische Kultur, 447.

25. Behnken (ed.), Deutschland-Berichte, II (1935), 9–15 (цитата на стр. 10).

26. Mallmann, and Paul, Herrschaft, 26–32.

27. Klaus-Michael Mallmann and Gerhard Paul, Das zersplitterte Nein: Saarländer gegen Hitler (Bonn, 1989), VI–VII; у него же Herrschaft, 39–54; у него же Milieus, 530–35; Muskalla, NS-Politik, 187, 551–96, 600–601.

28. Mallmann and Paul, Herrschaft, 55–64, 114–34.

29. Domarus (ed.), Hitler, II. 643–8, 644; Behnken (ed.), Deutschland-Berichte, II (1935), 117–20, 154–7.

30. Tagebuch Luise Solmitz, 1 марта 1935 г.

31. Stover (ed.), Berichte, 336.

32. Weinberg, The Foreign Policy, I. 203–6.

33. Tagebuch Luise Solmitz 1935: 16 марта 1935 г.

34. Там же.

35. Behnken (ed.), Deutschland-Berichte, II (1935), 409–14. Описание Уильяма Л. Ширера (Berlin Diary, 32–4), в котором отражен всеобщий и беспрецедентный энтузиазм, резко отличается его глубоким убеждением, выраженным в его работе The Rise and Fall of the Third Reich, что все немцы «в душе милитаристы».

36. Kershaw, Hitler, I. 556–8; Dulffer, Weimar, 256–67, 325–54; Geoffrey T. Waddington, «Hitler, Ribbentrop, die NSDAP und der Niedergang des Britischen Empire 1935–1938», VfZ 40 (1992), 274–306; Hildebrand, Das vergangene Reich, 600–604.

37. Fest, The Face, 265–82; Wolfgang Michalka, «Joachim von Ribbentrop: From Wine Merchant to Foreign Minister», in Smelser and Zitellmann (eds.), The Nazi Elite, 165–72.

38. Jacobsen, Nationalsozialistische Aussenpolitik, 298–318.

39. Fest, The Face, 271–6; Michalka, «Joachim von Ribbentrop», 166–8; Jacobsen, Nationalsozialistische Aussenpolitik, 252–318; более подробно см. в Wolfgang Michalka, Ribbentrop und die deutsche Weltpolitik 1933–1940: Aussenpolitische Konzeptionen und Entscheidungsprozesse im Dritten Reich

(Munich, 1989 [1980]); недавняя переоценка в Stefan Kley, Hitler, Ribbentrop und die Entfesselung des Zweiten Weltkrieges (Paderborn, 1996).

40. Об эфиопской войне см. в George L. Steer, Caesar in Abyssinia (London, 1936), Alberto Sbacchi, Legacy of Bitterness: Ethiopia and Fascist Italy, 1935–1941 (Laurenceville, N.J., 1997), и Anthony Mockler, Haile Selassie's War (Oxford, 1984); background in Denis Mack Smith, Mussolini's Roman Empire (London, 1976).

41. Evans, The Coming of the Third Reich, 184–5.

42. «Memorandum by the Ambassador in Italy (20 January 1936)», in John W. Wheeler-Bennett et al. (eds.), Documents on German Foreign Policy 1918–1945 (13 vols., London, 1950–70), series C, IV: The Third Reich: First Phase (London, 1962), 1013–16.

43. Weinberg, The Foreign Policy, I. 207–38.

44. Там же, 239–63.

45. Shirer, Berlin Diary, 49–51.

46. Там же, 54–6; Domarus (ed.), Hitler, II, 787–90.

47. Tagebuch Luise Solmitz, 7 марта 1936 г.

48. Behnken (ed.), Deutschland-Berichte, III (1936), 303.

49. Там же, 468.

50. Там же, 300–320, 460–78 («Rheinlandbesetzung und Kriegs-Angst»).

51. Stover, Volksgemeinschaft, 418–19.

52. Behnken (ed.), Deutschland-Berichte, III (1936), 302; см. также Kershaw, The «Hitler Myth», 124–9.

53. Weinberg, The Foreign Policy, I. 239–63; Donald Cameron Watt, «German Plans for the Reoccupation of the Rhineland: A Note», Journal of Contemporary History, 1 (1966), 193–9; Hildebrand, Das vergangene Reich, 604–17; James T. Emmerson, The Rhineland Crisis, 7 March 1936: A Critical Study in Multilateral Diplomacy (London, 1977).

54. Domarus, Hitler, II. 790; Kershaw, Hitler, I. 590–91.

55. Weinberg, The Foreign Policy, I. 264–84. Широко обсуждавшийся историками вопрос о том, в какой момент лучше всего можно было остановить Гитлера, является надуманным, поскольку практически ни одно европейское правительство не желало этого до 1939 г. Только этот воображаемый сценарий является основой для выводов в Stephen A. Schuker, «France and the Remilitarization of the Rhineland, 1936», French Historical Studies, 14 (1986), 299–338, о том что 1936 г. стал переломным моментом (см. также Finney (ed.) The Origins of the Second World War, 222–44).

56. Weinberg, The Foreign Policy, I. 284–93, в некотором отношении чрезмерное внимание к экономическим вопросам; дополнительные подробности у него же The Foreign Policy of Nazi Germany, II: Starting World War II, 1937–1939 (Chicago, 1980), 142–66; see also Paul Preston, The Spanish Civil War 1936–69 (London, 1986), 80–81.

57. Paul Preston, Franco: A Biography (London, 1993), 158–61; Hugh Thomas, The Spanish Civil War (3rd edn, London, 1986 [1961]), 579–80;

Christian Leitz, «Nazi Germany's Intervention in the Spanish Civil War and the Foundation of HISMA/ROWAK», in Paul Preston and Ann L. Mackenzie (eds.), *The Republic Besieged: Civil War in Spain, 1936–1939* (Edinburgh, 1996), 53–85; Hans Henning Abendroth, «Deutschlands Rolle im Spanischen Bürgerkrieg», in Manfred Funke (ed.), *Hitler, Deutschland und die Mächte*, 471–88.

58. Preston, Franco, 203–9; более общее описание см. в Hans-Henning Abendroth, *Hitler in der spanischen Arena: Die deutsch-spanischen Beziehungen im Spannungsfeld der europäischen Interessenpolitik vom Ausbruch des Bürgerkrieges bis zum Ausbruch des Weltkrieges (1936–1939)* (Paderborn, 1973); Robert H. Whealey, *Hitler and Spain: The Nazi Role in the Spanish Civil War, 1936–1939* (Lexington, Ky., 1989).

59. Preston, Franco, 243–4.

60. Thomas, *The Spanish Civil War*, 623–31.

61. Herbert R. Southworth, *Guernica! Guernica! A Study of Journalism, Propaganda and History* (Berkeley, Calif., 1977).

62. Preston, Franco, 246.

63. Там же, 303, 329–30.

64. Willard C. Frank, «The Spanish Civil War and the Coming of the Second World War», *International History Review*, 9 (1987), 368–409.

65. Hildebrand, *The Foreign Policy*, 45; Herbst, *Das nationalsozialistische Deutschland*, 177–83; Elizabeth Wiskemann, *The Rome-Berlin Axis: A History of the Relations between Hitler and Mussolini* (London, 1949); John P. Fox, *Germany and the Far Eastern Crisis, 1931–1938: A Study in Diplomacy and Ideology* (Oxford, 1982); Theo Sommer, *Deutschland und Japan zwischen den Mächten 1935–1940: Vom Antikominternpakt zum Dreimächtepakt: Eine Studie zur diplomatischen Vorgeschichte des Zweiten Weltkrieges* (Tubingen, 1962); Weinberg, *The Foreign Policy*, II. 167–91.

66. Hildebrand, *The Foreign Policy*, 38–50; Josef Henke, *England in Hitlers politischem Kalkül, 1935–1939* (Boppard, 1973); Klaus Hildebrand, *Vom Reich zum Weltreich: Hitler, NSDAP und koloniale Frage 1919–1945* (Munich, 1969), 491–548; более общее описание см. в Wolfgang Michalka, Ribbentrop.

67. См. выше, 358–60.

68. O'Neill, *The German Army*, 178–95; Kershaw, *Hitler*, II. 49–51; Klaus-Jürgen Müller, *Das Heer und Hitler: Armee und nationalsozialistisches Regime 1933–1940* (Stuttgart, 1988 [1969]), 244.

69. Классическая работа об этих событиях Karl-Heinz Janssen and Fritz Tobias, *Der Sturz der Generale: Hitler und die Blomberg-Fritsch Krise 1938* (Munich, 1994). Яркий краткий обзор этих и последующих событий см. в Kershaw, *Hitler*, II. 51–7. Goebbels quotes in Frohlich (ed.), *Die Tagebücher, I/V. 117* (27 января 1938 г.) и 118–20 (28 января 1938 г.).

70. Janssen and Tobias, *Der Sturz*, 140.

71. Там же, 173–84 о суде над Фричем, 245–51 о его смерти и 253–8 о судьбе Бломберга после войны; см. также O'Neill, *The German Army*, 196–204.

72. Janssen and Tobias, *Der Sturz*, 197–233, 197–9.

73. Domarus, Hitler, II. 1025 (вся речь частично приведена и частично обобщена на стр. 1019–340).

74. David G. Marwell, «Ernst Hanfstaengl: Des «Fuhrers» Klavierspieler», in Ronald Smelser et al. (eds.), *Die braune Elite*, II: 21 weitere biographische Skizzen (Darmstadt, 1993), 137–49, реферат кандидатской диссертации автора «Unwanted Exile: A Biography of Dr Ernst «Putzi» Hanfstaengl» (SUNY, Binghampton, 1988). См. также полезный известный обзор Peter Conradi, *Hitler's Piano Player: The Rise and Fall of Ernst Hanfstaengl, Confidant of Hitler, Ally of FDR* (New York, 2004).

75. Kershaw, Hitler, II. 63–6; Gerhard L. Weinberg, «Hitler's Private Testament of May 2, 1938», *Journal of Modern History*, 27 (1955), 415–19; Gerhard Botz, *Der 13. März und die Anschluss-Bewegung: Selbstaufgabe, Okkupation und Selbstfindung (Österreichs 1918–1945)* (Vienna, 1978), 5–14; Carsten, *Fascist Movements*, 299–301.

76. Там же, 293–314; Gedye, *Fallen Bastions*, 144–216.

77. Alfred Kube, *Pour le merite und Hakenkreuz: Hermann Goring im Dritten Reich* (Munich, 1986), 233–43; Hildebrand, *Das vergangene Reich*, 618–51; Stefan Martens, «Die Rolle Hermann Görings in der deutschen Aussenpolitik 1937/38», in Franz Knipping and Klaus-Jürgen Müller (eds.), *Machtbewusstsein in Deutschland am Vorabend des Zweiten Weltkrieges* (Paderborn, 1984), 75–82, о роли Геринга; Kley, Hitler, 35–49, о роли Риббентропа.

78. Kershaw, Hitler, II. 63–4; см. также Weinberg, *The Foreign Policy*, II. 261–312; Weinberg, «Hitler's Private Testament».

79. Carsten, *Fascist Movements*, 271–88; Barbara Jelavich, *Modern Austria: Empire and Republic 1800–1986* (Cambridge, 1987), 192–216; Behnken (ed.) *Deutschland-Berichte*, V (1938), 236–49.

80. Domarus, Hitler, II. 1013 –14; Kurt von Schuschnigg, *Austrian Requiem* (London, 1947), 13–32, 21, 25; Jelavich, *Modern Austria*, 217–18. О Папене см. в Franz Müller, *Ein «Rechtskatholik» zwischen Kreuz und Hakenkreuz: Franz von Papen als Sonderbevollmächtigter in Wien 1934–1938* (Frankfurt am Main, 1990); и Joachim Petzold, *Franz von Papen: Ein deutsches Verhängnis* (Munich, 1995), 239–51.

81. Kershaw, Hitler, II. 70–72; Gedye, *Fallen Bastions*, 217–35; Erwin A. Schmidl, *März 38: Der deutsche Einmarsch in Österreich* (Vienna, 1987), 31–42, о немецкой военной подготовке.

82. Carsten, *Fascist Movements*, 315–23; Schmidl, *März 38*, 1–29, 43–68.

83. «Generalfeldmarschall Goring mit Seyss-Inquart, 11.3.1938», in *International Military Tribunal*, XXXI. 360–2; см. также Jelavich, *Modern Austria*, 218–21; Gedye, *Fallen Bastions*, 236–77; и Frohlich (ed.), *Die Tagebücher*, I/5, 197–201 (10–11 марта 1938 г.); Schmidl, *März 38*, 69–109; Pauley, *Hitler and the Forgotten Nazis*, 155–92.

84. Kershaw, Hitler, II. 76–8; Carsten, *Fascist Movements*, 323; Shirer, *Berlin Diary*, 80–85; Gedye, *Fallen Bastions*, 278–99; Frohlich (ed.), *Die Tagebücher*,

I/5, 202–6 (12–13 марта 1938 г.); Schmidl, Marz 38, 111–34, о захвате власти в провинциях; Pauley, Hitler and the Forgotten Nazis, 193–215.

85. Shirer, Berlin Diary, 84–6, один из примеров.

86. Domarus, Hitler, II. 1049–50; Kershaw, Hitler, II. 79–82.

87. Domarus, Hitler, II. 1051 (интервью с Уордом Прайсом, 12 марта 1938 г.); Schmidl, Marz 38, 211–38; Frohlich (ed.), Die Tagebücher, I/5, 204–12 (13–16 марта 1938 г.); Gerhard Botz, Die Eingliederung Österreichs in das deutsche Reich: Planung und Verwirklichung des politisch-administrativen Anschlusses (1938–1940) (Linz, 1972), 22–39, о ранних идеях и предложениях. О причинах задержки приезда Гитлера в Вену, ошибочно объяснявшейся заторами на дорогах из сломавшихся немецких танков и грузовиков, см. в Kershaw, Hitler, II. 868, n. 115.

88. Domarus (ed.), Hitler, II. 1052–5; Botz, Die Eingliederung, 61–72, о Законе 13 февраля 1938 г.; 73–115 о последующих событиях.

89. Domarus (ed.), Hitler, II. 1055–7; Pauley, Hitler and the Forgotten Nazis, 216–22.

90. Domarus (ed.), Hitler, II. 1059; Pauley, Hitler and the Forgotten Nazis, 217; Gerhard Botz, Wien vom «Anschluss» zum Krieg: Nationalsozialistische Machtübernahme und politisch-soziale Umgestaltung am Beispiel der Stadt Wien 1938/ 39 (Vienna, 1978), 117–46.

91. Botz, Wien, 175–85. В некоторых избирательных округах число голосов «да» было больше числа избирателей. О методах, повсеместно применявшихся в ходе таких голосований при Третьем рейхе, см. выше, 109–13. См. также Evan B. Bukey, «Popular Opinion in Vienna after the Anschluss», in Fred Parkinson (ed.), Conquering the Past: Austrian Nazism Yesterday and Today (Detroit, Mich., 1989), 151–64.

92. Hans-Erich Volkmann, «The National Socialist Economy in Preparation for War», in Militärgeschichtliches Forschungsamt (eds.), Germany, 157–372, 323–7; Norbert Schausberger, «Wirtschaftliche Aspekte des Anschlusses Österreichs an das Deutsche Reich (Dokumentation)», Militärgeschichtliche Mitteilungen, 8 (1970), 133–64; у него же Der Griff nach Österreich: Der Anschluss (Vienna, 1978).

93. Gordon Brook-Shepherd, The Austrians: A Thousand-Year Odyssey (London, 1996), 341–3; Botz, Wien, 55–8, 255–9; Schmidl, Marz 38, 232–7; Florian Freund, «Mauthausen — zu Strukturen von Haupt- und Aussenlagern», in Wolfgang Benz (ed.), KZ-Aussenlager — Geschichte und Erinnerung (Dachau, 1999), 254–72.

94. Robert Korber, Rassesieg in Wien, der Grenzfeste des Reiches (Vienna, 1939), 271, 281.

95. Longerich, Politik, 162–5. См. также Herbert Rosenkranz, Verfolgung und Selbstbehauptung: Die Juden in Österreich 1938–1945 (Vienna, 1978).

96. Friedlander, Nazi Germany, 241–4 (ошибочно утверждает, что Ротенберг был убит).

97. Gedye, Fallen Bastions, 308–9.

98. Там же; Botz, Wien, 93–105.

99. Longerich, Politik, 163–4; Wolfgang Neugebauer (ed.), Widerstand und Verfolgung im Burgenland: Eine Dokumentation (Vienna, 1979); Gerhard Botz, Wohnungspolitik und Judendeportation in Wien, 1938 bis 1945: Zur Funktion des Antisemitismus als Ersatz nationalsozialistischer Sozialpolitik (Vienna, 1975); Gedye, Fallen Bastions, 300–306, 360–62; Eckart Fruh, «Terror und Selbstmord in Wien nach der Annexion Österreichs», in Felix Kreissler (ed.), Fünfzig Jahre danach — Der «Anschluss» von innen gesehen (Vienna, 1989), 216–26.

100. David Cesarani, Eichmann: His Life and Crimes (London, 2004), 18–60; см. также Peter Black, «Ernst Kaltenbrunner: Chief of the Reich Security Main Office», in Smelser and Zitellmann (eds.), The Nazi Elite, 133–43, у него же Ernst Kaltenbrunner: Vassall Himmlers: Eine SS-Karriere (Paderborn, 1991).

101. Там же, 61–76; Doron Rabinovici, Instanzen der Ohnmacht: Wien 1938–1945: Der Weg zum Judenrat (Frankfurt am Main, 2000); Hans Safrian, Die EichmannManner (Vienna, 1993); у него же «Expediting Expropriation and Expulsion: The Impact of the «Vienna Model» on Anti-Jewish Policies in Nazi Germany, 1938», Holocaust and Genocide Studies, 14 (2000), 390–414; Gabriele Anderl and Dirk Rupnow, Die Zentralstelle für jüdische Auswanderung als Beraubungsinstitution (Vienna, 2004); Friedlander, Nazi Germany, 243–8; Deborah Dwork and Robert Jan Van Pelt, Holocaust: A History (London, 2002), 95–8, 121–5; Botz, Wien, 243–54.

102. Behnken (ed.), Deutschland-Berichte, VI (1939), 381.

103. Cesarani, Eichmann, 70–71; Botz, Wien, 397–411.

104. Nicholas, The Rape, 37–46; Petropoulos, The Faustian Bargain, 170–85.

105. Behnken (ed.), Deutschland-Berichte, V (1938), 260.

106. Там же, 264.

107. Kershaw, The «Hitler Myth», 129–32.

108. Tagebuch Luise Solmitz, 11 марта 1938 г., 12 марта 1938 г., 13 марта 1938 г.

109. Klemperer, I Shall Bear Witness, 241 (20 марта 1938 г.).

110. Kershaw, Hitler, II. 90–91.

111. Domarus (ed.), Hitler, II. 1061 and 1076.

112. Цитируется в Kershaw, Hitler, II. 100–101.

113. Jurgен Tampke, Czech-German Relations and the Politics of Central Europe: From Bohemia to the EU (London, 2003), 25–44; Rudolf Jaworski, Vorposten oder Minderheit? Der Sudetendeutsche Volkstumskampf in den Beziehungen zwischen der Weimarer Republik und der CSR (Stuttgart, 1977); Jaroslav Kucera, Minderheit im Nationalstaat: Die Sprachenfrage in den tschechisch-deutschen Beziehungen 1918–1938 (Munich, 1999).

114. Tampke, Czech-German Relations, 45–53; Hugh Seton-Watson, Eastern Europe between the Wars 1918–1941 (New York, 1967 [1945]), 277–83; Carlile A. Macartney and Alan W. Palmer, Independent Eastern Europe: A History (London, 1966), 156–9, 190–98, 363–6; Christoph Boyer, Nationale

Kontrahenten oder Partner? Studien zu den Beziehungen zwischen Deutschen und Tschechen in der Wirtschaft der CSR (Munich, 1999); Ronald M. Smelser, *The Sudeten Problem 1933–1938: Volkstumspolitik and the Formulation of Nazi Foreign Policy* (Folkestone, 1975); Gedye, *Fallen Bastions*, 363–450; Jorg Kracik, *Die Politik des deutschen Aktivismus in der Tschechoslowakei 1920–1938* (Frankfurt am Main, 1999).

115. Nancy M. Wingfield, *Minority Politics in a Multinational State: The German Social Democratic Party 1918–1938* (New York, 1989), 169, но см. также Reinhard Schmutzer, «Der Wahlsieg der Sudetendeutschen Partei: Die Legende von der faschistischen Bekenntniswahl», *Zeitschrift fur Ostforschung*, 41 (1992), 345–85.

116. Tampke, *Czech-German Relations*, 53–4.

117. Kershaw, *Hitler*, II. 87–108; Klaus-Jurgen Muller, General Ludwig Beck: Studien und Dokumente zur politisch-militarischen. Vorstellungswelt und Tätigkeit des Generalstabschefs des deutschen Heeres 1933–1938 (Boppard, 1980); критикуемая работа Peter Hoffmann, «Generaloberst Ludwig Becks militärpolitisches Denken», *Historische Zeitschrift*, 234 (1981), 101–21; убедительный ответ в Klaus-Jurgen Muller, «Militärpolitik nicht Militaropposition!», *Historische Zeitschrift*, 235 (1982), 355–71.

118. O'Neill, *The German Army*, 211–22; Muller, *Das Heer*, 300–344.

119. Muller (ed.), General Ludwig Beck, 287.

120. Joachim Fest, *Plotting Hitler's Death: The Story of the German Resistance* (London, 1996 [1994]), 71–101, предлагает драматическое описание заговора; Klemens von Klemperer, *German Resistance against Hitler: The Search for Allies Abroad 1938–1945* (Oxford, 1992), 86–110, и Patricia Meehan, *The Unnecessary War: Whitehall and the German Resistance to Hitler* (London, 1992), пытается учесть иностранную помощь. Среди множества старых описаний см. Harold C. Deutsch, *The Conspiracy against Hitler in the Twilight War* (Minneapolis, 1968), и Peter Hoffmann, *Widerstand — Staatsstreich — Attentat: Der Kampf der Opposition gegen Hitler* (4th edn, Munich, 1985 [1969]).

121. Попытки доказать, что оппозиция на этом этапе руководствовалась более фундаментальными принципами, не получили распространения среди историков. См. Muller, «Militärpolitik», о противоречиях в мотивах Бека и Rainer A. Blasius, *Für Grossdeutschland — gegen den grossen Krieg: Staatssekretar Ernst Frhr. von Weizsacker in den Krisen um die Tschechoslowakei und Polen 1938/39* (Cologne, 1981), о мотивах Вайцзекера. О Гальдере см. в O'Neill, *The German Army*, 224–31.

122. Цитируется по мемуарам генерала Вейхса там же, 226.

123. См. работы в Hildebrand, *Das vergangene Reich*, 651–66, and Weinberg, *The Foreign Policy*, II. 313–464.

124. Behnken (ed.), *Deutschland-Berichte*, V (1938), 559, 823–5; Shirer, *Berlin Diary*, 111; Frohlich (ed.), *Die Tagebucher*, I/VI. 80–81 (10 сентября 1938 г.), 95 (17 сентября 1938 г.) и далее.

125. The Times, 28 сентября 1938 г. Политика умиротворения Чемберлена породила огромное количество противоречивой литературы. Martin Gilbert, *The Roots of Appeasement* (London, 1966), ранняя попытка найти сбалансированный подход; Robert A. C. Parker, *Chamberlain and Appeasement: British Policy and the Coming of the Second World War* (London, 1993) хорошее подробное исследование; Keith Robbins, *Munich 1938* (London, 1968) остается лучшим общим анализом кризиса.

126. Robert A. C. Parker, *Churchill and Appeasement* (London, 2000), 167–89; David Reynolds, *In Command of History: Churchill Fighting and Writing the Second World War* (London, 2004), 91–110.

127. Kershaw, Hitler, II. 108–13; Robbins, *Munich 1938*, 268–80.

128. Domarus (ed.), Hitler, II. 1181–94; Shirer, *Berlin Diary*, 116; Robbins, *Munich 1938*, 288–302; Frohlich (ed.), *Die Tagebucher*, I/VI. 94–116 (17–27 сентября 1938 г.).

129. Там же, 119 (29 сентября 1938 г.).

130. Robbins, *Munich 1938*, 303–19; The Times, 1 октября 1938 г.; Kershaw, Hitler, II. 113–23; см. также Kley, Hitler, 49–146.

131. Boberach (ed.), *Meldungen*, II. 72–3.

132. Behnken (ed.), *Deutschland-Berichte*, V (1938), 367–90.

133. Там же, 681–99.

134. Там же, 809–41.

135. Frohlich (ed.), *Die Tagebucher*, I/VI. 65 (31 августа 1938 г.).

136. Behnken (ed.), *Deutschland-Berichte*, V (1938), 915–18.

137. Там же, 913–39.

138. *Tagebuch Luise Solmitz*, 13, 14 сентября 1938 г.

139. Там же, 16 сентября 1938 г.

140. Kershaw, *The «Hitler Myth»*, 132–9.

141. *Tagebuch Luise Solmitz*, 1939 г.; 30 сентября.

142. Behnken (ed.), *Deutschland-Berichte*, V (1938), 944–6.

143. Там же, 947.

144. Shirer, *Berlin Diary*, 117.

145. Domarus, Hitler, II. 1245 (исправленный перевод).

146. Там же, 1244–55 (исправленный перевод).

147. Kershaw, *The «Hitler Myth»*, 123–4.

148. Tampke, *Czech-German Relations*, 57; Volker Zimmermann, *Die Sudetendeutschen im NS-Staat. Politik und Stimmung der Bevölkerung im Reichsgau Sudetenland (1938–1945)* (Essen, 1999), 79–82; Peter Heumos, *Die Emigration aus der Tschechoslowakei nach Westeuropa und dem Nahen Osten 1938–1945* (Munich, 1989), 15–27; Detlef Brandes et al. (eds.), *Erzwungene Trennung: Vertreibungen und Aussiedlungen in und aus der Tschechoslowakei 1938–1947 im Vergleich mit Polen, Ungarn und Jugoslawien* (Essen, 1999). Многие беженцы потом эмигрировали в Британию и другие страны за пределами региона.

149. Tampke, *Czech-German Relations*, 57–9; Zimmermann, *Die Sudetendeutschen*, 183–209; Hayes, *Industry and Ideology*, 232–43; Feldman,

Allianz, 302–4; Alice Teichova, «The Protectorate of Bohemia and Moravia (1939–1945): The Economic Dimension», in Mikulas Teich (ed.), *Bohemia in History* (Cambridge, 1998), 267–305, 267–9.

150. Hans Roos, *A History of Modern Poland from the Foundation of the State in the First World War to the Present Day* (London, 1966 [1961]), 154–6; Macartney and Palmer, *Independent Eastern Europe*, 387–8.

151. Там же, 388–9; Jorg K. Hoensch, *A History of Modern Hungary 1867–1986* (London, 1988 [1984]), 131–41.

152. Macartney and Palmer, *Independent Eastern Europe*, 388–97.

153. Kershaw, *Hitler*, II. 157–68.

154. Там же, 168–71; Macartney and Palmer, *Independent Eastern Europe*, 398–9; Donald Cameron Watt, *How War Came: The Immediate Origins of the Second World War, 1938–1939* (London, 1989), 141–54; Hildebrand, *Das vergangene Reich*, 666–78; Weinberg, *The Foreign Policy*, II. 465–534; Frohlich (ed.), *Die Tagebucher* I/6, 285–7 (15 марта 1939 г.).

155. Vojtech Mastny, *The Czechs under Nazi Rule: The Failure of National Resistance, 1939–42* (London, 1971), 45–64; Frohlich (ed.), *Die Tagebucher*, I/VI. 289 (17 марта 1939 г.).

156. Teichova, «The Protectorate», 274–5.

157. Frohlich (ed.), *Die Tagebucher*, I/VI. 125 (2 октября 1938 г.); Mastny, *The Czechs*, 56; Detlef Brandes, *Die Tschechen unter deutschem Protektorat, I: Besatzungspolitik, Kollaboration und Widerstand im Protektorat Bohmen und Mahren bis Heydrichs Tod* (Munich, 1968); у него же «Die Politik des Dritten Reiches gegenüber der Tschechoslowakei», in Funke (ed.), *Hitler, Deutschland und die Mächte*, 508–23; у него же «Nationalsozialistische Tschechenpolitik im Protektorat Bohmen und Mahren», у него же и Vaclav Kural (eds.), *Der Weg in die Katastrophe: Deutsch-tschechoslowakische Beziehungen 1938–1947* (Essen, 1994), 39–56.

158. Brandes, *Die Tschechen*, 154–5; Mastny, *The Czechs*, 65–85; Teichova, «The Protectorate», 277–80; David Blaazer, «Finance and the End of Appeasement: The Bank of England, the National Government and the Czech Gold», *Journal of Contemporary History*, 40 (2005), 25–40.

159. Nicholas, *The Rape*, 43–4; Mastny, *The Czechs*, 80–82.

160. Подробности, включая цитату Геринга (исправленный перевод), см. в Herbert, *Hitler's Foreign Workers*, 57; см. «Sitzungsbericht zur 2. Sitzung des Reichsverteidigungsrates», in *International Military Tribunal*, XXXIII. 147–60, 153–4.

161. Hoensch, *Modern Hungary*, 142–3; Macartney and Palmer, *Independent Eastern Europe*, 400–401.

162. Watt, *How War Came*, 156–7; Kershaw, *Hitler*, II. 175–6; см. также Martin Broszat, «Die memeldeutschen Organisationen und der Nationalsozialismus 1933–1939», *VfZ* 5 (1957), 273–8.

163. Behnken (ed.), *Deutschland-Berichte*, VI (1939), 275–93; цитаты на стр. 283; Kershaw, *The «Hitler Myth»*, 139–40.

164. Neville Chamberlain, *The Search for Peace* (London, 1939), 418; Frohlich (ed.), *Die Tagebucher*, VI/VI. 291–2 (19 марта 1939 г.).
165. Anna M. Cienciala, «Poland in British and French Policy in 1939: Determination to Fight — or Avoid War?», *Polish Review*, 34 (1989), 199–226; Watt, *How War Came*, 162–87; Parker, *Chamberlain and Appeasement*, 204–6; Simon Newman, *March 1939: The British Guarantee to Poland: A Study in the Continuity of British Foreign Policy* (Oxford, 1976); Philip M. H. Bell, *The Origins of the Second World War in Europe* (London, 1986), 250–55.
166. Более общее описание см. в Andreas Hillgruber, *Deutsche Grossmacht- und Weltpolitik im 19. und 20. Jahrhundert* (Dusseldorf, 1979 [1977]), 180–97.
167. Kershaw, *Hitler*, II. 177–90; Christian Hartmann and Sergej Slutsch, «Franz Halder und die Kriegsvorbereitungen im Fruhjahr 1939: Eine Ansprache des Generalstabschefs des Heers», *VfZ* 45 (1997), 467–95; Frohlich (ed.), *Die Tagebucher*, I/VI. 323 (21 апреля 1939 г.); Watt, *How War Came*, 188–98; Domarus (ed.), *Hitler*, III. 1519–96.
168. Там же, 1616–24.
169. Weinberg, *The Foreign Policy*, II. 192–248.
170. Domarus (ed.), *Hitler*, III. 1633.
171. Watt, *How War Came*, 232–4; Joachim von Ribbentrop, *The Ribbentrop Memoirs* (London, 1954 [1953]), 109–15.
172. David M. Glantz, *Stumbling Colossus: The Red Army on the Eve of World War* (Lawrence, Kans., 1998); John Erickson, *The Soviet High Command: A Military-Political History, 1918–1941* (London, 2001 [1962]).
173. Dmitri Volkogonov, *Stalin: Triumph and Tragedy* (London, 1995 [1989]), 357.
174. Watt, *How War Came*, 447–61; Kershaw, *Hitler*, II. 189–205; Weinberg, *The Foreign Policy*, II. 601–11; Frohlich (ed.), *Die Tagebucher*, I/VII. 73 (23 августа 1939 г.); более подробно см. в Anthony Read and David Fisher, *The Deadly Embrace: Hitler, Stalin, and the Nazi-Soviet Pact, 1939–1941* (London, 1988); Geoffrey K. Roberts, *The Unholy Alliance: Stalin's Pact with Hitler* (London, 1991), 221–6.
175. См. Hans-Erich Volkmann (ed.), *Das Russlandbild im Dritten Reich* (Cologne, 1994).
176. Robert Service, *Stalin: A Biography* (London, 2004), 395–403; Roberts, *The Unholy Alliance*, 267–8, о секретных дополнительных протоколах.
177. Weber, «Weisse Flecken», 36–7; Institut fur Geschichte der Arbeiterbewegung (ed.), *In den Fangen des NKWD: Deutsche Opfer des stalinistischen Terrors in der UdSSR* (Berlin, 1991); Margarete Buber-Neumann, *Under Two Dictators* (London, 1949), 159–75.
178. Peukert, *Die KPD im Widerstand*, 326–33.
179. Kershaw, *Hitler*, II. 205–6; Frohlich (ed.), *Die Tagebucher*, I/VII. 73 (23 августа 1939 г.).
180. Kley, *Hitler*, 201–24.
181. Behnken (ed.), *Deutschland-Berichte*, VI (1939), 546–60; Kershaw, *Hitler*, II. 197–201; Levine, *Hitler's Free City*; Rudiger Ruhnau, *Die Freie Stadt*

Danzig, 1919–1939 (Berg am See, 1979); Weinberg, *The Foreign Policy*, II. 525–627, обширный рассказ о кризисе; Albert S. Kotowski, *Polens Politik gegenüber seiner deutschen Minderheit 1919–1939* (Wiesbaden, 1998); и Martin Broszat, *Zweihundert Jahre deutsche Polenpolitik* (Frankfurt am Main, 1972 [1963]), 173–233, о трезвой оценке положения этнических немцев в независимой Польше; Christian Raitz von Frentz, *A Lesson Forgotten: Minority Protection under the League of Nations: The Case of the German Minority in Poland, 1920–1934* (Munster, 2000), о международной ситуации.

182. Behnken (ed.), *Deutschland-Berichte*, VI (1939), 561.

183. Maschmann, *Account Rendered*, 58.

184. Ilse McKee, *Tomorrow the World* (London, 1960), 27; более общее описание см. в Ian Kershaw, «Der Überfall auf Polen und die öffentliche Meinung in Deutschland», in Ernst W. Hansen et al. (eds.), *Politischer Wandel, organisierter Gewalt und nationale Sicherheit: Beiträge zur neueren Geschichte Deutschlands und Frankreichs: Festschrift für Klaus-Jürgen Müller* (Munich, 1995), 237–50.

185. Broszat et al. (eds.), *Bayern*, I. 131 (Aus Monatsbericht des Bezirksamts, 30. 6. 1939); см. также Kershaw, *The «Hitler Myth»*, 142.

186. Carl J. Burckhardt, *Meine Danziger Mission 1937–1939* (Munich, 1960), 337–53; Watt, *How War Came*, 322–7, 433–40; Herbert S. Levine, «The Mediator: Carl J. Burckhardt's Efforts to Avert a Second World War», *Journal of Modern History*, 45 (1973), 439–53; и Paul Stauffer, *Zwischen Hofmannsthal und Hitler: Carl J. Burckhardt: Facetten einer aussergewöhnlichen Existenz* (Zurich, 1991).

187. Watt, *How War Came*, 462–78; Kershaw, *Hitler*, II. 211–14; о Хендерсоне см. в Neville, *Appeasing Hitler*.

188. Domarus (ed.), *Hitler*, III. 1663–7; о сохранявшихся надеждах Гитлера на нейтралитет Британии см., например, в Frohlich (ed.), *Die Tagebücher*, I/VII. 75 (24 августа 1939 г.).

189. Domarus (ed.), *Hitler*, III. 1668–9; Kershaw, *Hitler*, II. 206–10; см. также Winfried Baumgart, «Zur Ansprache Hitlers vor den Führern der Wehrmacht am 22. August 1939. Eine quellenkritische Untersuchung», *VfZ* 16 (1968), 120–49; Hermann Böhm, «Zur Ansprache Hitlers vor den Führern der Wehrmacht am 22. August 1939», *VfZ* 19 (1971), 294–300; and Winfried Baumgart, «Zur Ansprache Hitlers vor den Führern der Wehrmacht am 22. August 1939: Eine Erwiderung», *VfZ* 19 (1971), 301–4.

190. Gerwin Strobl, *The Germanic Isle: Nazi Perceptions of Britain* (Cambridge, 2000), 202–16.

191. Watt, *How War Came*, 479–528.

192. Kershaw, *Hitler*, II. 218–23; Domarus (ed.), *Hitler*, III. 1700–42; Hildebrand, *Das vergangene Reich*, 678–704.

193. Hohne, *The Order*, 238–44; Jürgen Runzheimer, «Der Überfall auf den Sender Gleiwitz im Jahre 1939», *VfZ* 10 (1962), 408–26; Watt, *How War Came*, 530–34; Alfred Spiess and Heiner Lichtenstein, *Das Unternehmen Tannenberg: Der Anlass zum Zweiten Weltkrieg* (Wiesbaden, 1979), 74–84, 132–5.

194. Domarus (ed.), Hitler, III. 1744–57 (исправленный перевод); военно-политический взгляд в Horst Rohde, «Hitler's First Blitzkrieg and Its Consequences for North-eastern Europe», in Militargeschichtliches Forschungsamt (ed.), Germany and the Second World War, II: Germany's Initial Conquests in Europe (Oxford, 2000 [1991]), 67–150; польская точка зрения в Janusz Piekalkiewicz, Polenfeldzug: Hitler und Stalin zerschlagen die Polnische Republik (Bergisch-Gladbach, 1982); подробное изложение окончательного кризиса в Weinberg, The Foreign Policy, II. 628–55; и Kley, Hitler, 225–320.

195. Watt, How War Came, 530–89; Frohlich (ed.), Die Tagebucher, I/VII. 82–8 (29 августа — 1 сентября 1939 г.).

196. Parker, Churchill and Appeasement, 253–7.

197. Watt, How War Came, 590–604.

198. Там же; Domarus (ed.), Hitler, III. 1,758–91; Frohlich (ed.), Die Tagebucher, I/VII. 90–2 (3–4 сентября 1939 г.).

199. Klemperer, German Resistance, 110–34.

200. Kershaw, Hitler, II. 224–30; Leonidas E. Hill (ed.), Die Weizsacker-Papiere 1933–1950 (Frankfurt am Main, 1974), 162.

201. Broszat et al. (eds.), Bayern, I. 133–4 (Aus Monatsbericht des Gendarmerie-Kreisfuhrers, 29. 8. 1939; Aus Monatsbericht des Bezirksamts, 30. 9. 1939).

202. Behnken (ed.), Deutschland-Berichte, VI (1939), 980.

203. Sywottek, Mobilmachung, 238–41; Shirer, Berlin Diary, 158–60.

204. Tagebuch Luise Solmitz, 1939 г.; 29 августа.

205. Там же, 31 августа 1939 г.

206. Там же, 1 сентября 1939 г.

207. Более общее описание см. в Peter Fritzsche, «Nazi Modern», Modernism/Modernity, 3 (1996), 1–21.

208. Richard Bessel, Nazism and War (London, 2004), 32–89.

209. Domarus (ed.), Hitler, III. 1668–9.

БИБЛИОГРАФИЯ

Abel, Karl-Dietrich, *Presselenkung im NS-Staat: Eine Studie zur Geschichte der Publizistik in der nationalsozialistischen Zeit* (Berlin, 1990 [1968]).

Abella, Irving M., and Troper, Harold, *None Is Too Many: Canada and the Jews of Europe, 1933–1948* (New York, 1983).

Abelshauser, Werner, Germany: Guns, Butter, and Economic Miracles, in Harrison (ed.), *The Economics of World War II*, 122–76.

—, Kriegswirtschaft und Wirtschaftswunder. Deutschlands wirtschaftliche Mobilisierung für den Zweiten Weltkrieg und die Folgen für die Nachkriegszeit, *VfZ* 47 (1999), 503–38.

—, *The Dynamics of German Industry: The German Road Towards the New Economy and the American Challenge* (New York, 2005).

—, and Faust, Anselm (eds.), *Wirtschafts- und Sozialpolitik: Eine nationalsozialistische Revolution?* (Tübingen, 1983).

—, et al., *German Industry and Global Enterprise: BASF: The History of a Company* (Cambridge, 2004).

Abendroth, Hans-Henning, *Hitler in der spanischen Arena: Die deutsch-spanischen Beziehungen im Spannungsfeld der europäischen Interessenpolitik vom Ausbruch des Bürgerkrieges bis zum Ausbruch des Weltkrieges, 1936–1939* (Paderborn, 1973).

—, Deutschlands Rolle im Spanischen Bürgerkrieg, in Funke (ed.), *Hitler, Deutschland und die Mächte*, 471–88.

Abrams, Lynn, *Workers Culture in Imperial Germany: Leisure and Recreation in the Rhineland and Westphalia* (London, 1992).

Ach, Manfred, and Pentrop, Clemens (eds.), *Hitlers Religion: Pseudoreligiöse Elemente im nationalsozialistischen Sprachgebrauch* (Munich, 1991 [1979]).

Ackermann, Josef, *Heinrich Himmler als Ideologe* (Göttingen, 1970).

Adam, Peter, *The Arts of the Third Reich* (London, 1992).

Adam, Uwe Dietrich, *Judenpolitik im Dritten Reich* (Düsseldorf, 1972).

—, How Spontaneous Was the Pogrom?, in Pehle (ed.), *November 1938*, 73–94.

Adamthwaite, Anthony, France and the Coming of War, in Finney (ed.), *The Origins of the Second World War*, 78–89.

Adler-Rudel, Salomon, *Jüdische Selbsthilfe unter dem Naziregime 1933–1939, im Spiegel der Berichte der Reichsvertretung der Juden in Deutschland* (Tübingen, 1974).

Akademie der Künste, Berlin (ed.), *Zwischen Anpassung und Widerstand: Kunst in Deutschland 1933–1945* (Berlin, 1978).

Albrecht, Dieter (ed.), *Der Notenwechsel zwischen dem Heiligen Stuhl und der Deutschen Reichsregierung* (3 vols., Mainz, 1965–80).

–, et al. (eds.), *Politik und Konfession: Festschrift für Konrad Repgen zum 60. Geburtstag* (Berlin, 1983).

Albrecht, Gerd, *Nationalsozialistische Filmpolitik: Eine soziologische Untersuchung über die Spielfilme des Dritten Reichs* (Stuttgart, 1969).

–, *Der Film im Dritten Reich: Eine Dokumentation* (Karlsruhe, 1979).

Allen, William Sheridan, *The Nazi Seizure of Power: The Experience of a Single German Town, 1922–1945* (New York, 1984 [1965]).

–, Social Democratic Resistance against Hitler and the European Tradition of Underground Movements, in Nicosia and Stokes (eds.), *Germans Against Nazism*, 191–204.

Alter, Reinhard, *Gottfried Benn: The Artist and Politics (1910–1934)* (Frankfurt am Main, 1976).

Alte Synagoge, (ed.), *Entrechtung und Selbsthilfe: Zur Geschichte der Juden in Essen unter dem Nationalsozialismus* (Essen, 1994).

Altgeld, Wolfgang, *Katholizismus, Protestantismus, Judentum: Über religiös begründete Gegensätze und nationalreligiöse Ideen in der Geschichte des deutschen Nationalismus* (Mainz, 1992).

–, Religion, Denomination and Nationalism in Nineteenth-Century Germany, in Smith (ed.), *Protestants, Catholics, and Jews*, 49–65.

Anderl, Gabriele, and Rupnow, Dirk, *Die Zentralstelle für jüdische Auswanderung als Beraubungsinstitution* (Vienna, 2004).

Angermund, Ralph, *Deutsche Richterschaft 1919–1945: Krisenerfahrung, Illusion, politische Rechtsprechung* (Frankfurt am Main, 1990).

Applebaum, Anne, *Gulag: A History of the Soviet Camps* (London, 2003).

Applegate, Celia, The Past and Present of *Hausmusik* in the Third Reich, in Kater and Riethmüller (eds.), *Music and Nazism*, 136–49.

Arendt, Hannah, *The Origins of Totalitarianism* (London, 1973 [1955]).

Aretin, Karl Otmar von, Der bayerische Adel von der Monarchie zum Dritten Reich, in Broszat et al. (eds.), *Bayern*, III. 513–68.

–, and Buchheim, Karl (eds.), *Krone und Ketten: Erinnerungen eines bayerischen Edelmannes* (Munich, 1955).

Arndt, Karl, Die Münchener Architekturszene 1933/34 als ästhetisch-politisches Konfliktfeld, in Broszat et al. (eds.), *Bayern*, III. 443–512.

–, Das Haus der deutschen Kunst – ein Symbol der neuen Machtverhältnisse, in Schuster (ed.), *Die Kunststadt München*, 61–82.

–, *Nationalsozialismus und Entartete Kunst: Die Kunststadt München 1937*

(Munich, 1988). –, Paul Ludwig Troost als Leitfigur der nationalsozialistischen Repräsentationsarchitektur, in Lauterbach (ed.), *Bürokratie und Kult*, 147–56. Arntz, H. Dieter, *Ordensburg Vogelsang 1934–1945: Erziehung zur politischen*

- Führung im Dritten Reich* (Euskirchen, 1986). Arold, Stefan, *Die technische Entwicklung und rüstungswirtschaftliche Bedeutung des Lokomotivbaus der Deutschen Reichsbahn im Dritten Reich (1933–1945)* (Stuttgart, 1997). Aronson, Shlomo, *Reinhard Heydrich und die Frühgeschichte von Gestapo und SD* (Stuttgart, 1971). Aster, Sidney, *Guilty Men: The Case of Neville Chamberlain*, in Finney (ed.), *The Origins of the Second World War*, 62–77. Ayass, Wolfgang, *Asoziale im Nationalsozialismus* (Stuttgart, 1995). Aycöoberry, Pierre, *The Nazi Question: An Essay on the Interpretations of National Socialism (1922–1975)* (NewYork, 1981). Bacharach, Walter Zwi, *The Catholic Anti-Jewish Prejudice, Hitler and the Jews*, in Bankier (ed.), *Probing*, 415–30. Backes, Klaus, *Hitler und die bildenden Künste: Kulturverständnis und Kunstpolitik im Dritten Reich* (Cologne, 1988). Bahr, Ehrhard, *Nazi Cultural Politics: Intentionalism v. Functionalism*, in Cuomo (ed.), *National Socialist Cultural Policy*, 5–22. Baird, Jay W., *From Berlin to Neubabelsberg: Nazi Film Propaganda and Hitler Youth*, *Quex, Journal of Contemporary History*, 18 (1983), 495–515. —, *To Die for Germany: Heroes in the Nazi Pantheon* (Bloomington, Ind., 1990). Bajohr, Frank, *Gauleiter in Hamburg. Zur Person und Tätigkeit Karl Kaufmanns*, *VfZ* 43 (1995), 27–95. —, *The Aryanization of Jewish Companies and German Society: The Example of Hamburg*, in Bankier (ed.), *Probing*, 226–45. —, *Parvenüs und Profiteure: Korruption in der NS-Zeit* (Frankfurt am Main, 2001). —, *Aryanization in Hamburg: The Economic Exclusion of Jews and the Confiscation of their Property in Nazi Germany* (NewYork, 2002 [1997]). —, (ed.), *Norddeutschland im Nationalsozialismus* (Hamburg, 1993). —, and Szodrzyński, Joachim, *Keine jüdische Hautcreme mehr benutzen. Die antisemitische Kampagne gegen die Hamburger Firma Beiersdorf*, in Herzig (ed.), *Die Juden in Hamburg*, 15–26. Bajohr, Stefan, *Weiblicher Arbeitsdienst im Dritten Reich. Ein Konflikt zwischen Ideologie und Ökonomie*, *VfZ* 28 (1980), 331–57. Bankier, David, *The Germans and The Final Solution: Public Opinion under Nazism* (Oxford, 1992). — (ed.), *Probing the Depths of German Antisemitism: German Society and the Persecution of the Jews, 1933–1941* (Jerusalem, 2000). Baranowski, Shelley, *The Confessing Church, Conservative Elites, and the Nazi State* (NewYork, 1986). —, *East Elbian Landed Elites and Germanys Turn to Fascism: The Sonderweg Controversy Revisited*, *European History Quarterly*, 26 (1996), 209–40. —, *Strength Through Joy: Consumerism and Mass Tourism in the Third Reich* (NewYork, 2004).

Barbian, Jan-Pieter, *Literaturpolitik im Dritten Reich: Institutionen, Kompetenzen, Betätigungsfelder*. (Munich, 1995 [1993]).

Barbian, Peter, Literary Policy in the Third Reich, in Cuomo (ed.), *National Socialist Cultural Policy*, 155–96.

Barkai, Avraham, *From Boycott to Annihilation: The Economic Struggle of German Jews 1933–1943* (Hanover, N.H., 1989 [1988]).

–, Die deutschen Unternehmer und die Judenpolitik im Dritten Reich, *Geschichte und Gesellschaft*, 15 (1989), 235–7.

–, *Nazi Economics: Ideology, Theory, and Policy* (Oxford, 1990 [1988]).

–, German Interests in the Haavara-Transfer Agreement 1933–1939, *Leo Baeck Institute Yearbook* 35 (1990), 254–66.

–, The Fateful Year 1938: The Continuation and Acceleration of Plunder, in Pehle (ed.), *November 1938*, 95–122.

–, Jewish Life under Persecution, in Meyer (ed.), *German-Jewish History*, 231–57.

–, Shifting Organizational Relationships in Meyer (ed.), *German-Jewish History*, 259–82.

–, Self-Help in the Dilemma: To Leave or to Stay?, in Meyer (ed.), *German-Jewish History*, 313–32.

Barker, Theo (ed.), *The Economic and Social Effects of the Spread of Motor Vehicles: An International Centenary Tribute* (London, 1988).

Barlach, Ernst, *Die Briefe*, ed. Friedrich Dross (2 vols., Munich, 1968–9).

Barnett, Victoria, *For the Soul of the People: Protestant Protest against Hitler* (Oxford 1992).

Barron, Stephanie (ed.), *Degenerate Art: The Fate of the Avant-Garde in Nazi Germany* (Los Angeles, 1991).

–, The Galerie Fischer Auction, in eadem (ed.), *Degenerate Art*, 135–71.

Bärsch, Claus-Ekkehard, *Die politische Religion des Nationalsozialismus: Die religiöse Dimension der NS-Ideologie in der Schriften von Dietrich Eckhard, Joseph Goebbels, Alfred Rosenberg und Adolf Hitler* (Munich, 1998).

Bartetzko, Dieter, *Zwischen Zucht und Ekstase: Zur Theatralik von NS-Architektur* (Berlin, 1985).

Barth, Karl, *Karl Barth zum Kirchenkampf: Beteiligung, Mahnung, Zuspruch* (Munich, 1956).

–, *The German Church Conflict* (London, 1965).

Bästlein, Klaus, Sondergerichte in Norddeutschland als Verfolgungsinstanz, in Bajohr (ed.), *Norddeutschland im Nationalsozialismus*, 218–38.

Bateson, Gregory, An Analysis of the Nazi Film *Hitlerjunge Quex*, in Mead and Mertraux (eds.), *The Study of Culture at a Distance*, 302–14.

Bauer, Gerhard, *Sprache und Sprachlosigkeit im Dritten Reich* (Cologne, 1990 [1988]).

Bauer, Yehuda, *My Brothers Keeper: A History of the American Jewish Joint Distribution Committee, 1929–1939* (Philadelphia, 1974).

Baumann, Angelika, and Heusler, Andreas (eds.), *München arisiert: Entrechtung und Enteignung der Juden in der NS-Zeit* (Munich, 2004).

Baumann, Jürgen, *Paragraph 175: Über die Möglichkeit, die einfache, nicht-jugendgefährdende und nichtöffentliche Homosexualität unter Erwachsenen straffrei zu lassen* (Berlin, 1968).

Baumeister, Stefan, *NS-Führungskader: Rekrutierung und Ausbildung bis zum Beginn des Zweiten Weltkriegs, 1933–1939* (Konstanz, 1997).

Baumgart, Winfried, Zur Ansprache Hitlers vor den Führern der Wehrmacht am 22. August 1939. Eine quellenkritische Untersuchung, *VfZ* 16 (1968), 120–49.

–, Zur Ansprache Hitlers vor den Führern der Wehrmacht am 22. August 1939: Eine Erwiderung, *VfZ* 19 (1971), 301–4.

Baumgärtner, Raimund, *Weltanschauungskampf im Dritten Reich: Die Auseinandersetzung der Kirchen mit Alfred Rosenberg* (Mainz, 1977).

Bayles, William D., *Caesars in Goosestep* (NewYork, 1940).

Bechstedt, Martin, Gestaltliche Atomlehre – Zur Deutschen Chemie im NS-Staat, in Mehrtens and Richter (eds.), *Naturwissenschaft*, 142–65.

Beck, Johannes, et al. (eds.), *Terror und Hoffnung in Deutschland, 1933–1945: Leben im Faschismus* (Reinbek, 1980).

Becker, Wolfgang, *Film und Herrschaft; Organisationsprinzipien und Organisationsstrukturen der nationalsozialistischen Filmpropaganda* (Berlin, 1973).

Beer, Helmut, *Widerstand gegen den Nationalsozialismus in Nürnberg 1933–1945* (Nuremberg, 1976).

Behnken, Klaus (ed.), *Deutschland-Berichte der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands (Sopade) 1934–1940* (7 vols., Frankfurt am Main, 1980).

–, and Wagner, Frank, *Inszenierung der Macht: Ästhetische Faszination im Faschismus* (Berlin, 1987).

Behrenbeck, Sabine, *Der Kult um die toten Helden: Nationalsozialistische Mythen, Riten und Symbole 1923 bis 1945* (Vierow bei Greifswald, 1996).

Bell, Philip M. H., *The Origins of the Second World War in Europe* (London, 1986).

Bellon, Bernard P., *Mercedes in Peace and War: German Automobile Workers, 1903–1945* (NewYork, 1990).

Benjamin, Walter, Das Kunstwerk im Zeitalter seiner technischen Reproduzierbarkeit, in idem, *Gesammelte Schriften*, I/II, ed. Rolf Tiedermann and Hermann Schweppenhäuser (Frankfurt am Main, 1974).

Benn, Gottfried, *Gesammelte Werke*, ed. Dieter Wellershoff (4 vols., Wiesbaden, 1961).

Bennecke, Heinrich, *Die Reichswehr und der Röhm-Putsch* (Munich, 1964).

Bennhold, Martin (ed.), *Spuren des Unrechts: Recht und Nationalsozialismus. Beiträge zur historischen Kontinuität* (Cologne, 1989).

Bentley, James, *Martin Niemöller, 1892–1984* (Oxford, 1984).

Benz, Ute, and Benz, Wolfgang, *Sozialisation und Traumatisierung: Kinder in der Zeit des Nationalsozialismus* (Frankfurt am Main, 1992).

Benz, Wolfgang (ed.), *Die Juden in Deutschland 1933–1945. Leben unter nationalsozialistischer Herrschaft* (Munich, 1988).

- , The Ritual and Stage Management of National Socialism. Techniques of Domination and the Public Sphere, in Milfull (ed.), *The Attractions of Fascism*, 273–88.
- , The Relapse into Barbarism, in Pehle (ed.), *November 1938*.
- (ed.), *KZ-Aussenlager – Geschichte und Erinnerung* (Dachau, 1999).
- , *Flucht aus Deutschland: Zum Exil im 20. Jahrhundert* (Munich, 2001).
- Beradt, Charlotte, *Das Dritte Reich des Traums* (FrankfurtamMain, 1981 [1966]).
- Berenbaum, Michael, *A Mosaic of Victims: Non-Jews Persecuted and Murdered by the Nazis* (NewYork, 1990).
- Bergen, Doris L., *Twisted Cross: The German Christian Movement in the Third Reich* (Chapel Hill, N.C., 1996).
- Berger, Stefan, et al. (eds.), *Writing National Histories: Western Europe since 1800* (London, 1999).
- Berghoff, Hartmut, *Zwischen Kleinstadt und Weltmarkt: Hohner und die Harmonika 1857–1961: Unternehmensgeschichte als Gesellschaftsgeschichte* (Paderborn, 1997).
- Bergsdorf, Wolfgang, Sprachlenkung im Nationalsozialismus, in Greiffenhagen (ed.), *Kampf um Wörter?*, 65–74.
- Berliner Geschichtswerkstatt (ed.), *Alltagskultur, Subjektivität und Geschichte: zur Theorie und Praxis von Alltagsgeschichte* (Münster, 1994).
- Berliner Illustrierte Nachtausgabe* (1933–9).
- Bernett, Hajo, *Der jüdische Sport im nationalsozialistischen Deutschland 1933–1938* (Schorndorf, 1978).
- Bernhard, Hans Joachim, et al. (eds.), *Der Reichstagsbrandprozess und Georgi Dimitroff: Dokumente* (2 vols., Berlin, 1981–9).
- Bessel, Richard, *Political Violence and the Rise of Nazism: The Storm Troopers in Eastern Germany 1925–1934* (London, 1984).
- (ed.), *Life in the Third Reich* (Oxford, 1987).
- (ed.), *Fascist Italy and Nazi Germany: Comparisons and Contrasts* (Cambridge, 1996).
- , *Nazism and War* (London, 2004).
- Bessen, Dorothea, Der Jüdische Kulturbund Rhein-Ruhr 1933–1938, in Alte Synagoge (ed.), *Entrechtung und Selbsthilfe*, 43–65.
- Bethge, Eberhard, *Dietrich Bonhoeffer: Theologe, Christ, Zeitgenosse* (Munich, 1967).
- Beyerchen, Alan D., *Scientists under Hitler: Politics and the Physics Community in the Third Reich* (NewHaven, Conn., 1977).
- Billstein, Reinhold, et al., *Working for the Enemy: Ford, General Motors, and Forced Labor in Germany during the Second World War* (NewYork, 2000).
- Blaazer, David, Finance and the End of Appeasement: The Bank of England, the National Government and the Czech Gold, *Journal of Contemporary History*, 40 (2005), 25–40.
- Black, Peter, Ernst Kaltenbrunner: Chief of the Reich Security Main Office, in Smelser and Zitellmann (eds.), *The Nazi Elite*, 133–43.

- , *Ernst Kaltenbrunner: Vassall Himmlers: Eine SS-Karriere* (Paderborn, 1991).
- Blackbourn, David, *Populists and Patricians: Essays in Modern German History* (London, 1987).
- Blackburn, Gilmer W., *Education in the Third Reich: A Study of Race and History in Nazi Textbooks* (Albany, N. Y., 1985).
- Blaich, Fritz, Die bayerische Industrie 1933–1939. Elemente von Gleichschaltung, Konformismus und Selbstbehauptung, in Broszat *et al.* (eds.), *Bayern*, II. 237–80.
- , *Wirtschaft und Rüstung im Dritten Reich* (Düsseldorf, 1987).
- , Why Did the Pioneer Fall Behind? Motorization in Germany between the Wars, in Barker (ed.), *The Economic and Social Effects of the Spread of Motor Vehicles*, 149–55.
- Blaschke, Olaf (ed.), *Konfessionen im Konflikt: Deutschland zwischen 1800 und 1970: Ein zweites konfessionelles Zeitalter* (Göttingen, 2002).
- Blasius, Dirk, Die Ausstellung Entartete Musik von 1938. Ein Beitrag zum Kontinuitätsproblem der deutschen Geschichte, in Haberl and Korenke (eds.), *Politische Deutungskulturen*, 199–211.
- Blasius, Rainer A., *Für Grossdeutschland – gegen den grossen Krieg: Staatssekretär Ernst Frhr. von Weizsäcker in den Krisen um die Tschechoslowakei und Polen 1938/39* (Cologne, 1981).
- Blau, Bruno, *Das Ausnahmerecht für die Juden in Deutschland 1933–1945* (Düsseldorf, 1954 [1952]).
- Bleuel, Hans Peter, *Strength Through Joy: Sex and Society in Nazi Germany* (London, 1973 [1972]).
- Blumenberg, Werner, *Kämpfer für die Freiheit* (Berlin, 1959).
- Boak, Helen L., The State as an Employer of Women in the Weimar Republic, in Lee and Rosenhaft (eds.), *The State and Social Change in Germany*, 61–98.
- Boas, Jacob, German-Jewish Internal Politics under Hitler 1933–1939, *Leo Baeck Institute Yearbook*, 29 (1984), 2–25.
- Boberach, Heinz (ed.), *Berichte des SD und der Gestapo über Kirchen und Kirchen-volk in Deutschland 1934–1944* (Mainz, 1971).
- , *Meldungen aus dem Reich, 1938–1945: Die geheimen Lageberichte des Sicherheitsdienstes der SS* (17 vols., Herrsching, 1984).
- Bock, Gisela, *Zwangssterilisation im Nationalsozialismus: Studien zur Rassenpolitik und Frauenpolitik* (Opladen, 1986).
- , Antinatalism, Maternity and Paternity in National Socialist Realism, in Crew(ed.), *Nazism*, 110–40.
- Bock, Helmut, *et al.* (eds.), *Sturz ins Dritte Reich: Historische Miniaturen und Porträts 1933/35* (Leipzig, 1983).
- Boelcke, Willi A., *Die deutsche Wirtschaft 1930–1945: Interna des Reichswirtschaftsministeriums* (Düsseldorf, 1983).
- , *Die Kosten von Hitlers Krieg: Kriegsfinanzierung und finanzielles Kriegserbe in Deutschland 1933–1948* (Paderborn, 1985).

Boese, Engelbrecht, *Das öffentliche Bibliothekswesen im Dritten Reich* (Bad Honnef, 1987).

Bohleber, Werner, and Drew, Jörg, *Gift, das du unbewusst eintrinkst... Der Nationalsozialismus und die deutsche Sprache* (Bielefeld, 1994 [1991]).

Böhm, Hermann, Zur Ansprache Hitlers vor den Führern der Wehrmacht am 22. August 1939, *VfZ* 19 (1971), 294–300.

Bohn, Robert, and Danker, Uwe *Standgericht der inneren Front: Das Sondergericht Altona/Kiel 1932–1945* (Hamburg, 1998).

Böhnert, Gunnar C., An Analysis of the Age and Education of the SS *Führerkorps* 1925–1939, *Historical Social Research*, 12 (1979), 4–17.

Bolchover, Richard, *British Jewry and the Holocaust* (Cambridge, 1993).

Bollmus, Reinhard, *Das Amt Rosenberg und seine Gegner: Studien zum Machtkampf im nationalsozialistischen Herrschaftssystem* (Stuttgart, 1970).

—, Alfred Rosenberg: National Socialisms Chief Ideologue?, in Smelser and Zitelman (eds.), *The Nazi Elite*, 183–93.

Bonhoeffer, Dietrich, *Gesammelte Schriften* (Munich, 1958).

Bork, Siegfried, *Missbrauch der Sprache: Tendenzen nationalsozialistischer Sprachregelung* (Munich, 1970).

Borkin, Joseph, *The Crime and Punishment of I. G. Farben* (New York, 1978).

Bormann, Alexander von, Das nationalsozialistische Gemeinschaftslied, in Denkler and Prümm (eds.), *Die deutsche Literatur*, 256–80.

Bornscheuer, Karl-Dieter (ed.), *Justiz im Dritten Reich: NS-Sondergerichtsverfahren in Rheinland-Pfalz: Eine Dokumentation* (3 vols., Frankfurt am Main, 1994).

Borrmann, Norbert, *Paul Schultze-Naumburg, 1869–1949: Maler, Publizist, Architekt: Vom Kulturreformer der Jahrhundertwende zum Kulturpolitiker im Dritten Reich* (Essen, 1989).

Böttcher, Robert, *Kunst und Kunsterziehung im neuen Reich* (Breslau, 1933).

Botz, Gerhard, *Die Eingliederung OÖ sterreichs in das deutsche Reich: Planung und Verwirklichung des politisch-administrativen Anschlusses (1938–1940)* (Linz, 1972).

—, *Wohnungspolitik und Judendeportation in Wien 1938 bis 1945: Zur Funktion des Antisemitismus als Ersatz nationalsozialistischer Sozialpolitik* (Vienna, 1975).

—, *Der 13. März 38 und die Anschlussbewegung: Selbstaufgabe, Okkupation und Selbstfindung Österreichs 1908–1945* (Vienna, 1978).

—, *Wien, vom Anschluss zum Krieg: Nationalsozialistische Machtübernahme und politisch-soziale Umgestaltung am Beispiel der Stadt Wien 1938/39* (Vienna, 1978).

Boveri, Margret, *Wir lügen alle: Eine Hauptstadtzeitung unter Hitler* (Olten, 1965).

Boyer, Christoph, *Nationale Kontrahenten oder Partner? Studien zu den Beziehungen zwischen Tschechen und Deutschen in der Wirtschaft der CSR* (Munich, 1999).

Bracher, Karl Dietrich, et al., *Die nationalsozialistische Machtergreifung: Studien zur Errichtung des totalitären Herrschaftssystems in Deutschland 1933/34* (3 vols., Frankfurt am Main, 1974 [1960]).

—, et al. (eds.), *Deutschland 1933–1945: Neue Studien zur nationalsozialistischen Herrschaft* (Bonn, 1993 [1992]).

Bracht, Hans-Günther, *Das höhere Schulwesen im Spannungsfeld von Demokratie und Nationalsozialismus: Ein Beitrag zur Kontinuitätsdebatte am Beispiel der preussischen Aufbauschule* (Frankfurt am Main, 1998).

Brackmann, Karl-Heinz, and Birkenhauer, Renate, *NS-Deutsch: Selbstverständliche Begriffe und Schlagwörter aus der Zeit des Nationalsozialismus* (Straelen, 1988).

Braham Randolph L., *The Politics of Genocide: The Holocaust in Hungary* (2 vols., New York, 1980).

—, *Perspectives on the Holocaust* (Boston, 1983).

— (ed.), *Jewish Leadership during the Nazi Era: Patterns of Behavior in the Free World* (New York, 1985).

Brakelmann, Günter, Hoffnungen und Illusionen evangelischer Prediger zu Beginn des Dritten Reiches: gottesdienstliche Feiern aus politischen Anlässen, in Peukert and Reulecke (eds.), *Die Reihen fast geschlossen*, 129–48.

—, Nationalprotestantismus und Nationalsozialismus, in Jansen et al. (eds.), *Von der Aufgabe der Freiheit*, 337–50.

Bramsted, Ernest Kohn, *Goebbels and National Socialist Propaganda, 1925–1945* (East Lansing, Mich., 1965).

Brand-Claussen, Bettina (ed.), *Beyond Reason: Art and Psychosis: Works from the Prinzhorn Collection* (London, 1996).

Brandes, Detlef, Die Politik des Dritten Reiches gegenüber der Tschechoslowakei, in Funke (ed.), *Hitler, Deutschland und die Mächte*, 508–23.

—, *Die Tschechen unter deutschem Protektorat* (2 vols., Munich, 1967–75).

—, and Kural, Vaclav (eds.), *Der Weg in die Katastrophe: Deutsch-tschechoslowakische Beziehungen 1938–1947* (Essen, 1994).

—, et al., *Erzwungene Trennung: Vertreibungen und Aussiedlungen in und aus der Tschechoslowakei, 1938–1947 im Vergleich mit Polen, Ungarn und Jugoslawien* (Essen, 1999).

Brandt, Harm-Hinrich, and Stickler, Mattias (eds.), *Der Burschen Herrlichkeit: Geschichte und Gegenwart des studentischen Korporationswesens* (Würzburg, 1998).

Bräutigam, Petra, *Mittelständische Unternehmer im Nationalsozialismus: Wirtschaftliche Entwicklungen und soziale Verhaltensweisen in der Schuh- und Lederindustrie Badens und Württembergs* (Munich, 1997).

Brechtken, Magnus, *Madagaskar für die Juden: Antisemitische Idee und politische Praxis 1885–1945* (Munich, 1997).

Breitman, Richard, and Kraut, Alan, *American Refugee Policy and European Jewry, 1933–1945* (Bloomington, Ind., 1987).

Breitschneider, Heike, *Der Widerstand gegen den Nationalsozialismus in München 1933 bis 1945* (Munich, 1968).

Breker, Arno, *Im Strahlungsfeld der Ereignisse 1925–1965* (Preussisch Oldendorf, 1972).

Brenner, Hildegard, *Die Kunstpolitik des Nationalsozialismus* (Reinbek, 1963).

Brenner, Peter J., *Reisekultur in Deutschland: Von der Weimarer Republik zum Dritten Reich* (Tübingen, 1997).

Breyvogel, Wilfried, and Lohmann, Thomas, Schulalltag im Nationalsozialismus, in Peukert and Reulecke (eds.), *Die Reihen fast geschlossen*, 199–221.

Bridenthal, Renate, and Koonz, Claudia, Beyond *Kinder, Küche, Kirche*: Weimar Women in Politics and Work, in Bridenthal et al. (eds.), *When Biology Became Destiny*, 33–65.

Bridenthal, Renate, et al. (eds.), *When Biology Became Destiny: Women in Weimar and Nazi Germany* (New York, 1984).

Brinkmann, Reinhold, The Distorted Sublime: Music and National Socialist Ideology – A Sketch, in Kater and Riethmüller (eds.), *Music and Nazism*, 42–63.

Brintzinger, Klaus-Rainer, *Die Nationalökonomie an den Universitäten Freiburg, Heidelberg und Tübingen 1918–1945: Eine institutionenhistorische, vergleichende Studie der wirtschaftswissenschaftlichen Fakultäten und Abteilungen südwestdeutscher Universitäten* (Frankfurt am Main, 1996).

Broder, Henryk M., and Geisel, Eike (eds.), *Premiere und Pogrom: Der Jüdische Kulturbund 1933–1941: Texte und Bilder* (Berlin, 1992).

Brook-Shepherd, Gordon, *The Austrians: A Thousand-year Odyssey* (London, 1996).

Broszat, Martin, Die memeldeutschen Organisationen und der Nationalsozialismus 1933–1939, *VfZ* 5 (1957), 273–8.

–, *Der Staat Hitlers: Grundlegung und Entwicklung seiner inneren Verfassung* (Munich, 1969).

–, The Concentration Camps 1933–1945, in Krausnick et al., *Anatomy*, 397–496.

–, *Zweihundert Jahre deutsche Polenpolitik* (Frankfurt am Main, 1972 [1963]).

–, Politische Denunziationen in der NS-Zeit: Aus Forschungserfahrungen im Staatsarchiv München, *Archivalische Zeitschrift*, 73 (1977), 221–38.

–, and Möller, Horst (eds.), *Das Dritte Reich: Herrschaftsstruktur und Geschichte* (Munich, 1986 [1983]).

–, and Schwabe, Klaus (eds.), *Die Deutschen Eliten und der Weg in den Zweiten Weltkrieg* (Munich, 1989).

–, et al. (eds.), *Bayern in der NS-Zeit* (6 vols., Munich, 1977–83).

Browder, George C., *Foundations of the Nazi Police State: The Formation of Sipo and SD* (Lexington, Ky., 1990).

–, *Hitlers Enforcers: The Gestapo and the SS Security Service in the Nazi Revolution* (New York and Oxford, 1996).

Brücks, Andrea, Zwangssterilisation gegen Ballastexistenzen, in Frahm et al. (eds.), *Verachtet – verfolgt – vernichtet*, 103–8.

Brumme, Martin F., Prachtvoll fegt der eiserne Besen durch die deutschen Lande. Die Tierärzte und das Jahr 1933, in Meinel and Voswinkel (eds.), *Medizin*, 173–82.

Brunck, Helma, *Die Deutsche Burschenschaft in der Weimarer Republik und im Nationalsozialismus* (Munich, 1999).

Brunner, Claudia, *Arbeitslosigkeit im NS-Staat: Das Beispiel München* (Pfaffenweiler, 1997).

Brunner, Otto, and Gerhard, Dietrich (eds.), *Europa und U{5}bersee: Festschrift für Egmont Zechlin* (Hamburg, 1961).

Bruns-Wüstefeld, Alex, *Lohnende Geschäfte: Die Entjudung der Wirtschaft am Beispiel Göttingens* (Hanover, 1997).

Buber-Neumann, Margarete, *Under Two Dictators* (London, 1949).

Buchheim, Christoph, Zur Natur des Wirtschaftsaufschwungs in der NS-Zeit, in idem et al. (eds.), *Zerrissene Zwischenkriegszeit: Wirtschaftshistorische Beiträge: Knut Borchardt zum 65. Geburtstag* (Baden-Baden, 1994), 97–119.

—, Die Wirtschaftsentwicklung im Dritten Reich — mehr Desaster als Wunder. Eine Erwiderung auf Werner Abelshauser, *VfZ* 49 (2001), 653–4.

Buchheim, Hans, Command and Compliance, in Krausnick et al., *Anatomy*, 303–96.

—, The SS: Instrument of Domination, in Krausnick et al., *Anatomy*, 127–301.

Buchheit, Gert, *Ludwig Beck, ein preussischer General* (Munich, 1964).

Buchwitz, Otto, *50 Jahre Funktionär der deutschen Arbeiterbewegung* (Stuttgart, 1949).

Budrass, Lutz, *Flugzeugindustrie und Luftrüstung in Deutschland 1918–1945* (Düsseldorf, 1998).

Bukey, Evan B., Popular Opinion in Vienna after the Anschluss, in Parkinson (ed.), *Conquering the Past*, 151–64.

Bullen, R. J., et al. (eds.), *Ideas into Politics: Aspects of European History 1880– 1950* (London, 1984).

Burckhardt, Carl Jacob, *Meine Danziger Mission, 1937–1939* (Munich, 1960).

Burleigh, Michael, *Germany Turns Eastwards: A Study of Ostforschung in the Third Reich* (Cambridge, 1988).

—, *Death and Deliverance: Euthanasia in Germany c.1900–1945* (Cambridge, 1994).

—, *The Third Reich: A New History* (London, 2000).

—, and Wippermann, Wolfgang, *The Racial State: Germany 1933–1945* (Cambridge, 1991).

Burrin, Philippe, *Hitler and the Jews: The Genesis of the Holocaust* (London, 1994 [1989]).

—, Political Religion. The Relevance of a Concept, *History and Memory*, 9 (1997), 321–49.

Busch, Eberhard, *Karl Barths Lebenslauf: Nach seinen Briefen und autobiographischen Texten* (Munich, 1975).

Bussemer, Thymian, *Propaganda und Populärkultur: Konstruierte Erlebniswelten im Nationalsozialismus* (Wiesbaden, 2000).

Bussmann, Georg, *German Art of the Twentieth Century* (Munich, 1985).

Bussmann, Walter, Zur Entstehung und U{5}berlieferung der Hossbach-Niederschrift, *VfZ* 16 (1968), 373–8.

Büttner, Ursula (ed.), *Die Deutschen und die Judenverfolgung im Dritten Reich* (Hamburg, 1992).

–, The Jewish Problem becomes a Christian Problem: German Protestants and the Persecution of the Jews in the Third Reich, in Bankier (ed.), *Probing*, 431–59.

– (ed.), *Das Unrechtsregime: Internationale Forschung über den Nationalsozialismus: Festschrift für Werner Jochmann zum 65. Geburtstag* (2 vols., Hamburg, 1986).

Caplan, Jane, Bureaucracy, Politics and the National Socialist State, in Stachura (ed.), *The Shaping*, 234–56.

–, The Imaginary Unity of Particular Interests: The Tradition of the Civil Service in German History, *Social History*, 4 (1978), 299–317.

–, *Government Without Administration: State and Civil Service in Weimar and Nazi Germany* (Oxford, 1988).

Caron, Vicki, *Uneasy Asylum: France and the Jewish Refugee Crisis, 1933–1942* (Stanford, 1999).

Carr, Edward Hallett, *The Twilight of Comintern, 1930–1935* (London, 1982).

Carroll, Berenice A., *Design for Total War: Arms and Economics in the Third Reich* (The Hague, 1968).

Carsten, F. L., *Fascist Movements in Austria: From Schönerer to Hitler* (London, 1977).

–, *The German Workers and the Nazis* (London, 1995).

Castellan, Georges, *L'Allemagne de Weimar, 1918–1933* (Paris, 1969).

Castell Rüdenhausen, Adelheid Gräfin zu, Nicht mitzuleiden, mitzukämpfen sind wir da! Nationalsozialistische Volkswohlfahrt im Gau Westfalen-Nord, in Peukert and Reulecke (eds.), *Die Reihen fast geschlossen*, 223–44.

Cebulla, Florian, *Rundfunk und ländliche Gesellschaft 1924–1945* (Göttingen, 2004).

Cecil, Robert, *The Myth of the Master Race: Alfred Rosenberg and Nazi Ideology* (London, 1972).

Cesarani, David, *The Making of Modern Anglo-Jewry* (Oxford, 1990).

–, *Eichmann: His Life and Crimes* (London, 2004).

Chamberlain, Neville, *The Search for Peace* (London, 1939).

Childers, Thomas, and Caplan, Jane (eds.), *Reevaluating the Third Reich* (New York, 1993).

Chroust, Peter, *Giessener Universität und Faschismus: Studenten und Hochschul-lehrer, 1918–1945* (2 vols., Münster, 1994).

Cienciala, Anna M., Poland in British and French Policy in 1939: Determination to Fight – or Avoid War?, *Polish Review*, 34 (1989), 199–226.

Clark, Christopher, *The Politics of Conversion: Missionary Protestantism and the Jews in Prussia, 1728–1941* (Oxford, 1995).

Clay, Catrine, and Leapmahn, Michael, *Master Race: The Lebensborn Experiment in Nazi Germany* (London, 1995).

- Conquest, Robert, *The Great Terror: A Reassessment* (London, 1992 [1968]).
- Conradi, Peter, *Hitlers Piano Player: The Rise and Fall of Ernst Hanfstaengl, Confidant of Hitler, Ally of FDR* (New York, 2004).
- Conway, John S., *The Nazi Persecution of the Churches 1933–1945* (London, 1968).
- Conze, Eckart, *Von deutschem Adel: Die Grafen von Bernstorff im zwanzigsten Jahrhundert* (Stuttgart, 2000).
- Cornelissen, Christoph, *Gerhard Ritter: Geschichtswissenschaft und Politik im 20. Jahrhundert* (Düsseldorf, 2001).
- Corni, Gustavo, *Hitler and the Peasants: Agrarian Policy of the Third Reich, 1930–1939* (Princeton, N.J., 1990 [1989]).
- , Richard Walther Darrar: The Blood and Soil Ideologue, in Smelser and Zitellmann (eds.), *The Nazi Elite*, 18–27.
- Corni, Gustavo, and Gies, Horst, *Butter, Brot, Kanonen: Die Ernährungswirtschaft in Deutschland unter der Diktatur Hitlers* (Berlin, 1997).
- Crew, David F., *Germans on Welfare: From Weimar to Hitler* (New York, 1998).
- (ed.), *Nazism and German Society, 1933–1945* (London, 1994).
- Cuomo, Glenn R., Purging an Art-Bolshevist: The Persecution of Gottfried Benn in the Years 1933–1938, *German Studies Review*, 9 (1986), 85–105.
- (ed.), *National Socialist Cultural Policy* (New York, 1995).
- Czarnowski, Gabriele, The Value of Marriage for the *Volksgemeinschaft*: Policies towards Women and Marriage under National Socialism, in Bessel (ed.), *Fascist Italy*, 94–112.
- Dahm, Volker, Kulturelles und geistiges Leben, in Benz (ed.), *Die Juden*, 75–267.
- , Nationale Einheit und partikulare Vielfalt. Zur Frage der kulturpolitischen Gleichschaltung im Dritten Reich, *VfZ* 43 (1995), 221–65.
- Dammer, Susanna, Kinder, Küche, Kriegsarbeit – Die Schulung der Frauen durch die NS-Frauenschaft, in Frauengruppe Faschismusforschung (ed.), *Mutter-kreuz*, 215–45.
- David, Henry P., et al., Abortion and Eugenics in Nazi Germany, *Population and Development Review*, 14 (1988), 81–112.
- Debus, Karl H., Die Reichskristallnacht in der Pfalz, *Zeitschrift für die Geschichte des Oberrheins*, 129 (1981), 445–515.
- Deischmann, Hans, *Objects: A Chronicle of Subversion in Nazi Germany* (New York, 1995).
- Deist, Wilhelm, The Rearmament of the Wehrmacht, in Militärgeschichtliches Forschungsamt (ed.), *Germany, I: The Build-up of German Aggression*, 373–540.
- Denkler, Horst, and Prümm, Karl (eds.), *Die deutsche Literatur im Dritten Reich: Themen, Traditionen, Wirkungen* (Stuttgart, 1976).
- Deschner, Günther, Reinhard Heydrich: Security Technocrat, in Smelser and Zitellmann (eds.), *The Nazi Elite*, 85–96.
- Deutsch, Harold C., *The Conspiracy Against Hitler in the Twilight War* (Minneapolis, 1968).

De Witt, Thomas E., The Struggle Against Hunger and Cold: Winter Relief in Nazi Germany, 1933–1939, *Canadian Journal of History*, 12 (1978), 361–81.

Diels, Rudolf, *Lucifer ante Portas: Es spricht der erste Chef der Gestapo* (Stuttgart, 1950).

Dierker, Wolfgang, Niemas Jesuiten, Niemas Sektierer: Die Religionspolitik des SD 1933–1941, in Wildt (ed.), *Nachrichtendienst*, 86–117.

Dietrich, Richard, and Oestreich, Gerhard (eds.), *Forschungen zu Staat und Verfassung: Festgabe für Fritz Hartung* (Berlin, 1958).

Diewald-Kerkmann, Gisela, *Politische Denunziation im NS-Regime oder die kleine Macht der Volksgenossen* (Bonn, 1995).

—, Denunziantentum und Gestapo. Die freiwilligen Helfer aus der Bevölkerung, in Paul and Mallmann (eds.), *Die Gestapo*, 288–305.

—, et al., *Vor braunen Richtern: Die Verfolgung von Widerstandshandlungen, Resistenz und Sogenannter Heimtücke durch die Justiz in Bielefeld 1933–1945* (Bielefeld, 1992).

Dilks, David, We Must Hope for the Best and Prepare for the Worst: the Prime Minister, the Cabinet and Hitler's Germany 1937–1939, in Finney (ed.), *The Origins of the Second World War*, 43–61.

Diller, Ansgar, *Rundfunkpolitik im Dritten Reich* (Munich, 1980).

Dimitroff, Georgi, *Reichstagsbrandprozess: Dokumente, Briefe und Aufzeichnungen* (Berlin, 1946).

Distel, Barbara, and Jakusch, Ruth, *Konzentrationslager Dachau, 1933–1945* (Munich, 1978).

Dithmar, Reinhard, Literaturunterricht und Kriegserlebnis im Spiegel der national-sozialistischen Programmatik, in Hohmann (ed.), *Erster Weltkrieg*, 54–74.

Ditt, Karl, *Sozialdemokraten im Widerstand: Hamburg in der Anfangsphase des Dritten Reiches* (Hamburg, 1984).

Dohms, Peter, *Flugschriften in Gestapo-Akten: Nachweis und Analyse der Flugschriften in den Gestapo-Akten des Hauptstaatsarchivs* (Siegburg, 1977).

Domarus, Max (ed.), *Hitler: Speeches and Proclamations, 1932–1945: The Chronicle of a Dictatorship* (4 vols., London, 1990– [1962–3]).

Dörner, Bernward, Alltagsterror und Denunziation. Zur Bedeutung von Anzeigen aus der Bevölkerung für die Verfolgungswirkung des nationalsozialistischen Heimtücke-Gesetzes in Krefeld, in Berliner Geschichtswerkstatt (ed.), *Alltagskultur, Subjektivität und Geschichte: Zur Theorie und Praxis der Alltagsgeschichte* (Münster, 1994), 254–71.

—, Gestapo und Heimtücke. Zur Praxis der Geheimen Staatspolizei bei der Verfolgung von Verstößen gegen das Heimtücke-Gesetz, in Paul and Mallmann (eds.), *Die Gestapo*, 325–43.

—, *Heimtücke: Das Gesetz als Waffe: Kontrolle, Abschreckung und Verfolgung in Deutschland, 1933–1945* (Paderborn, 1998).

—, NS-Herrschaft und Denunziation. Anmerkungen zu Defiziten in der Denunziationsforschung, *Historical Social Research*, 26 (2001), 55–69.

Döschner, Hans-Jürgen, *Reichskristallnacht: Die November-Pogrome 1938* (Frankfurt am Main, 1988), 57–76.

Drechsler, Nanny, *Die Funktion der Musik im deutschen Rundfunk, 1933–1945* (Pfaffenweiler, 1988).

Drewniak, Boguslaw, *Das Theater im NS-Staat: Szenarium deutscher Zeitgeschichte, 1933–1945* (Düsseldorf, 1983).

–, *Der deutsche Film 1938–1945: Ein Gesamtüberblick* (Düsseldorf, 1987).

–, The Foundations of Theater Policy in Nazi Germany, in Cuomo (ed.), *National Socialist Cultural Policy*, 67–94.

Drobisch, Klaus, Theodor Eicke. Verkörperung des KZ-Systems, in Bock et al. (eds.), *Sturz ins Dritte Reich*, 283–9.

–, Alltag im Zuchthaus Luckau 1933 bis 1939, in Eichholtz (ed.), *Verfolgung, Alltag, Widerstand*, 242–72.

–, Frühe Konzentrationslager, in Giebeler et al. (eds.), *Die frühen Konzentrationslager in Deutschland*, 41–60.

–, and Wieland, Günther, *System der NS-Konzentrationslager 1933–1939* (Berlin, 1993).

Du Bois, Josiah E., Jr, *The Devils Chemists: 24 Conspirators of the International Farben Cartel Who Manufacture Wars* (Boston, Mass., 1952).

Duhnke, Horst, *Die KPD von 1933 bis 1945* (Cologne, 1972).

Dülffer, Jost, *Weimar, Hitler und die Marine: Reichspolitik und Flottenbau, 1920–1939* (Düsseldorf, 1973).

–, Zum decision-making process in der deutschen Aussenpolitik 1933–1939, in Funke (ed.), *Hitler, Deutschland und die Mächte*, 186–204.

–, Grundbedingungen der nationalsozialistischen Aussenpolitik, in Haupts and Mölich (eds.), *Strukturelemente*, 61–88.

–, Albert Speer: Cultural and Economic Management, in Smelser and Zitelmann (eds.), *The Nazi Elite*, 212–23.

–, et al., *Hitlers Städte: Baupolitik im Dritten Reich* (Cologne, 1978).

Dümling, Albrecht, The Target of Racial Purity: The Degenerate Music Exhibition in Düsseldorf, 1938, in Etlin (ed.), *Art*, 43–72.

–, and Girth, Peter (eds.), *Entartete Musik: Eine kommentierte Rekonstruktion zur Düsseldorfer Ausstellung von 1938* (Düsseldorf, 1988).

– (ed.), *Banned by the Nazis: Entartete Musik: The Exhibition of Düsseldorf, 1938 in Texts and Documents* (London, 1995 [1988]).

Dusik, Bärbel (ed.), *Hitler: Reden, Schriften, Anordnungen: Februar 1925 bis Januar 1933* (5 vols., Munich, 1992–8).

Düsing, Bernhard, *Die Geschichte der Abschaffung der Todesstrafe in der Bundesrepublik Deutschland unter besonderer Berücksichtigung ihres parlamentarischen Zustandekommens* (Schwenningen/Neckar, 1952).

Düwell, Kurt, Jewish Cultural Centers in Nazi Germany: Expectations and Accomplishments, in Reinhartz and Schatzberg (eds.), *The Jewish Response*, 294–316.

Dwork, Deborah, and Van Pelt, Robert Jan, *Holocaust: A History* (New York, 2002).

Eckert, Rainer, Gestapo-Berichte. Abbildungen der Realität oder reine Spekulation?, in Paul and Mallmann (eds.), *Die Gestapo*, 200–218.

Eckhardt, Karl August, *Die Grundschulbildung* (Dortmund, 1938).

Edinger, Lewis Joachim, *German Exile Politics: The Social Democratic Executive Committee in the Nazi Era* (Berkeley, Calif., 1956).

Eggers, Kurt, *Deutsche Gedichte* (Munich, 1938).

Ehrke-Rotermund, Heidrun, and Rotermund, Erwin, *Zwischenreiche und Gegenwelten: Texte und Vorstudien zur Verdeckten Schreibweise im Dritten Reich* (Munich, 1999).

Eicher, Thomas, et al., *Theater im Dritten Reich: Theaterpolitik, Spielplanstruktur, NS-Dramatik* (Seelze-Velber, 2000).

Eichholtz, Dietrich, Zum Anteil des IG Farben Konzerns an der Vorbereitung des Zweiten Weltkrieges, *Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte* (1969), 83–105.

– (ed.), *Verfolgung, Alltag, Widerstand: Brandenburg in der NS-Zeit: Studien und Dokumente* (Berlin, 1993).

Eichhorn, Ernst, et al., *Kulissen der Gewalt: Das Reichsparteitagsgelände in Nürnberg* (Munich, 1992).

Eichler, Volker, Die Frankfurter Gestapo-Kartei. Entstehung, Struktur, Funktion,

U{5}berlieferungsgeschichte und Quellenwert, in Paul and Mallmann (eds.), *Die Gestapo*, 178–99.

Eidenbenz, Mathias, *Blut und Boden: Zu Funktion und Genese der Metaphern des Agrarismus und Biologismus in der nationalsozialistischen Bauern-propaganda R. W. Darrers* (Bern, 1993).

Eilers, Rolf, *Die nationalsozialistische Schulpolitik: Eine Studie zur Funktion der Erziehung im totalitären Staat* (Cologne, 1963).

Eksteins, Modris, *The Limits of Reason: The German Democratic Press and the Collapse of Weimar Democracy* (Oxford, 1975).

Emmerich, Wolfgang, Die Literatur des antifaschistischen Widerstandes in Deutschland, in Denkler and Prümm (eds.), *Die deutsche Literatur*, 427–58.

Emmerson, James Thomas, *The Rhineland Crisis, 7 March 1936: A Critical Study in Multilateral Diplomacy* (London, 1977).

Ericksen, Robert P., *Theologians under Hitler: Gerhard Kittel, Paul Althaus, and Emanuel Hirsch* (NewHaven, Conn., 1985).

–, A Radical Minority: Resistance in the German Protestant Church, in Nicosia and Stokes (eds.), *Germans Against Nazism*, 115–36.

Erickson, John, *The Soviet High Command: A Military-Political History, 1918–1941* (London, 2001 [1962]).

Erker, Paul, *Industrieeliten in der NS-Zeit: Anpassungsbereitschaft und Eigeninteresse von Unternehmen in der Rüstungs- und Kriegswirtschaft, 1936–1945* (Passau, 1993).

Eschenburg, Theodor, Streiflichter zur Geschichte der Wahlen im Dritten Reich, *VfZ* 3 (1955), 311–16.

Esenwein-Rothe, Ingeborg, *Die Wirtschaftsverbände von 1933 bis 1945* (Berlin, 1965).

Etlin, Richard A. (ed.), *Art, Culture, and Media under the Third Reich* (Chicago, 2002).

Euler, Friederike, Theater zwischen Anpassung und Widerstand. Die Münchner Kammerspiele im Dritten Reich, in Broszat et al. (eds.), *Bayern*, II. 91–173.

Evans, Richard J., *The Feminist Movement in Germany, 1894–1933* (London, 1976).

—, *Death in Hamburg: Society and Politics in the Cholera Years, 1830–1910* (Oxford, 1987).

— (ed.), *Kneipengespräche im Kaiserreich: Die Stimmungsberichte der Hamburger politischen Polizei 1892–1914* (Reinbek, 1989).

—, *Rituals of Retribution: Capital Punishment in Germany 1600–1987* (Oxford, 1996).

—, *Lying About Hitler: History, Holocaust, and the David Irving Trial* (New York, 2001).

—, *The Coming of the Third Reich* (London, 2003).

—, and Geary, Dick (eds.), *The German Unemployed: Experiences and Consequences of Mass Unemployment from the Weimar Republic to the Third Reich* (London, 1987).

—, and Lee, William Robert (eds.), *The German Family: Essays on the Social History of the Family in Nineteenth- and Twentieth-Century Germany* (London, 1981).

—, *The German Peasantry: Conflict and Community in Rural Society from the Eighteenth to the Twentieth Centuries* (London, 1986).

Exner, Peter, *Ländliche Gesellschaft und Landwirtschaft in Westfalen, 1919–1969* (Paderborn, 1997).

Fackler, Guido, *Des Lagers Stimme: Musik im KZ: Alltag und Häftlingskultur in den Konzentrationslagern 1933 bis 1936* (Bremen, 2000).

Fallada, Hans, *Kleiner Mann – was nun?* (Reinbek, 1978 [1932]). —, *Wer einmal aus dem Blechnapf frisst* (Reinbek, 1980 [1934]).

—, *Wir hatten mal ein Kind: Eine Geschichte und Geschichten* (Reinbek, 1980 [1934]).

—, *Altes Herz geht auf die Reise* (Munich, 1981 [1936]).

—, *Der eiserne Gustav: Roman* (Berlin, 1984 [1938]).

—, *Der Trinker/Der Alpdruck* (Berlin, 1987 [1950]).

—, *Wolf unter Wölfen* (Reinbek, 1991 [1937]).

—, *Little Man – What Now?*, translated by Susan Bennett (London, 1996).

Fallois, Immo von, *Kalkül und Illusion: Der Machtkampf zwischen Reichswehr und SA während der Röhm-Krise 1934* (Berlin, 1994).

Farquharson, John E., *The Plough and the Swastika: The NSDAP and Agriculture in Germany 1928–45* (London, 1976).

Faulenbach, Bernd, Tendenzen der Geschichtswissenschaft im Dritten Reich, in Knigge-Tesche (ed.), *Berater der Braunen Macht*, 26–52.

Faulhaber, Michael von, *Judaism, Christianity and Germany: Advent Sermons Preached in St Michaels, Munich, in 1933* (London, 1934).

Faust, Anselm (ed.), *Verfolgung und Widerstand im Rheinland und in Westfalen, 1933–1945* (Cologne, 1992).

Feilchenfeld, Werner, et al., *Haavara-Transfer nach Palästina und Einwanderung deutscher Juden 1933–1939* (Tübingen, 1972).

Feiten, Willi, *Der Nationalsozialistische Lehrerbund: Entwicklung und Organisation: Ein Beitrag zum Aufbau und zur Organisationsstruktur des nationalsozialistischen Herrschaftssystems* (Weinheim, 1981).

Feldman, Gerald D., *Allianz and the German Insurance Business, 1933–1945* (Cambridge, 2001).

Ferguson, Niall, *Paper and Iron: Hamburg Business and German Politics in the Era of Inflation, 1897–1927* (Cambridge, 1995).

Fest, Joachim C., *The Face of the Third Reich* (London, 1979 [1963]).

—, *Plotting Hitler's Death: The Story of the German Resistance* (London, 1996 [1994]).

Fichtl, Franz, et al., *Bamberg's Wirtschaft Judenfrei: Die Verdrängung der jüdischen Geschäftsleute in den Jahren 1933 bis 1939* (Bamberg, 1998).

Fieberg, Gerhard (ed.), *Im Namen des deutschen Volkes: Justiz und Nationalsozialismus: Katalog zur Ausstellung des Bundesministers der Justiz* (Cologne, 1989).

Figes, Orlando, and Kolinitiskii, Boris, *Interpreting the Russian Revolution: The Language and Symbols of 1917* (New Haven, Conn., 1999).

Fings, Karola, and Sparing, Frank, z. *Zt. Zigeunerlager: Die Verfolgung der Düsseldorf Sinti und Roma im Nationalsozialismus* (Cologne, 1992).

—, et al., *From Race Science to the Camps: The Gypsies during the Second World War* (Hatfield, 1997).

Finney, Patrick (ed.), *The Origins of the Second World War* (London, 1997).

Fischer, Albert, *Jüdische Privatbanken im Dritten Reich*, *Scripta Mercaturae: Zeitschrift für Wirtschafts- und Sozialgeschichte*, 28 (1994), 1–54.

—, *Hjalmar Schacht und Deutschlands Judenfrage: Der Wirtschafts-diktator und die Vertreibung der Juden aus der deutschen Wirtschaft* (Cologne, 1995).

—, *The Minister of Economics and the Expulsion of the Jews from the German Economy*, in Bankier (ed.), *Probing*, 213–25.

Fischer, Wolfram, *Deutsche Wirtschaftspolitik 1918–1945* (Opladen, 1968).

Fiss, Karen A., *In Hitler's Salon: The German Pavilion at the 1937 Paris Exposition Internationale*, in Etlin (ed.), *Art*, 316–42.

Flessau, Kurt-Ingo, *Schule der Diktatur: Lehrpläne und Schulbücher des Nationalsozialismus* (Munich, 1977).

—, et al. (eds.), *Erziehung im Nationalsozialismus: ... und sie werden nicht mehr frei ihr ganzes Leben!* (Cologne, 1987).

Flüedner, Hans-Joachim, *Die Judenverfolgung in Mannheim 1933–1945* (Stuttgart, 1971).

Foertsch, Hermann, *Schuld und Verhängnis: Die Fritsch-Krise im Frühjahr 1938 als Wendepunkt in der Geschichte der nationalsozialistischen Zeit* (Stuttgart, 1951).

Foitzik, Jan, *Zwischen den Fronten: Zur Politik, Organisation und Funktion linker politischer Kleinorganisationen im Widerstand 1933 bis 1939/40* (Bonn, 1986).

Forman, Paul, *Physics and Beyond: Historiographic Doubts: Encounters and Conversations with Werner Heisenberg*, *Science*, 172 (14 May 1971), 687–8.

Forschbach, Edmund, *Edgar J. Jung: Ein konservativer Revolutionär. 30. Juni 1934* (Pfullingen, 1984).

Fox, John P., *Germany and the Far Eastern Crisis, 1931–1938: A Study in Diplomacy and Ideology* (Oxford, 1982).

Fraenkel, Ernst, *The Dual State: Law and Justice in National Socialism* (New York, 1941).

Frahm, Klaus, et al. (eds.), *Verachtet – verfolgt – vernichtet: Zu den vergessenen Opfern des NS-Regimes* (Hamburg, 1986).

Frank, Hartmut (ed.), *Faschistische Architekturen: Planen und Bauen in Europa, 1930 bis 1945* (Hamburg, 1985).

Frank, Willard C., *The Spanish Civil War and the Coming of the Second World War*, *International History Review*, 9 (1987), 368–409.

Franz, Günther (ed.), *Bauernschaft und Bauernstand 1500–1970: Büdinger Vor-träge 1911–1972* (Limburg, 1975).

Frauengruppe Faschismusforschung (ed.), *Mutterkreuz und Arbeitsbuch: Zur Geschichte der Frauen in der Weimarer Republik und im Nationalsozialismus* (Frankfurt am Main, 1981).

Frei, Norbert, *Nationalsozialistische Eroberung der Provinzpresse: Gleichschaltung, Selbstanpassung und Resistenz in Bayern* (Stuttgart, 1980).

–, and Schmitz, Johannes, *Journalismus im Dritten Reich* (Munich, 1989).

–, *National Socialist Rule in Germany: The Führer State 1933–1945* (Oxford, 1993 [1987]).

Frese, Matthias, *Betriebspolitik im Dritten Reich: Deutsche Arbeitsfront, Unternehmer und Staatsbürokratie in der westdeutschen Grossindustrie, 1933–1939* (Paderborn, 1991).

Freund, Florian, Mauthausen – zu Strukturen von Haupt- und Aussenlagern, in Benz (ed.), *KZ-Aussenlager*, 254–72.

Friedländer, Saul, *Pius XII and the Third Reich* (London, 1966).

–, *Nazi Germany and the Jews: The Years of Persecution 1933–1939* (New York, 1997).

Friemert, Chup, *Schönheit der Arbeit: Produktionsästhetik im Faschismus* (Munich, 1980).

Fritzsche, Peter, *Nazi Modern, Modernism/Modernity*, 3 (1996), 1–21.

Fröhlich, Elke (ed.), *Die Tagebücher von Joseph Goebbels, I: Aufzeichnungen 1923–1941* (9 vols.); *II: Diktate 1941–1945* (15 vols.) (Munich, 1993–2000).

–, *Die drei Typen der nationalsozialistischen Ausleseschulen*, in Leeb (ed.), *Wir waren*, 192–210.

Frommann, Eberhard, *Die Lieder der NS-Zeit: Untersuchungen zur nationalsozialistischen Liedpropaganda von den Anfängen bis zum Zweiten Weltkrieg* (Cologne, 1999).

Froschauer, Hermann, Streicher und Der Stürmer, in Ogan and Weiss (eds.), *Faszination und Gewalt*, 41–8.

—, and Geyer, Renate, *Quellen des Hasses: Aus dem Archiv des Stürmer 1933–1945* (Nuremberg, 1988).

Früh, Eckhart, Terror und Selbstmord in Wien nach der Annexion OÖ sterreichs, in Kreissler (ed.), *Fünfzig Jahre danach*, 216–26.

Fuchs, Konrad, *Ein Konzern aus Sachsen: Das Kaufhaus Schocken als Spiegelbild deutscher Wirtschaft und Politik 1901 bis 1953* (Stuttgart, 1990).

Funke, Manfred (ed.), *Hitler, Deutschland und die Mächte: Materialien zur Aussenpolitik des Dritten Reiches* (Düsseldorf, 1976).

—, Nationalsozialistische Tschechenpolitik im Protektorat Böhmen und Mähren, in idem and Vaclav Kural (eds.), *Der Weg in die Katastrophe: Deutsch-tschechoslowakische Beziehungen 1938–1947* (Essen, 1994).

—, et al. (eds.), *Demokratie und Diktatur: Geist und Gestalt politischer Herrschaft in Deutschland und Europa: Festschrift für Karl Dietrich Bracher* (Düsseldorf, 1987).

Gackenholtz, Hermann, Reichskanzlei 5. November 1937: Bemerkungen über Politik und Kriegführung im Dritten Reich, in Dietrich and Oestreich (ed.), *Forschungen zu Staat und Verfassung*, 459–84.

Gadberry, Glen W., *Theatre in the Third Reich, the Prewar Years: Essays on Theatre in Nazi Germany* (Westport, Conn., 1995).

Gailus, Manfred, *Protestantismus und Nationalsozialismus: Studien zur national-sozialistischen Durchdringung des protestantischen Sozialmilieus in Berlin* (Cologne, 2001).

Gall, Lothar, Franz Schnabel (1887–1966), in Lehmann and Melton (eds.), *Paths*, 155–65.

—, *Krupp: Der Aufstieg eines Industrieimperiums* (Berlin, 2000).

—, Richard Strauss und das Dritte Reich oder: Wie der Künstler Strauss sich missbrauchen liess, in Krellmann (ed.), *Wer war Richard Strauss?*, 123–36.

—, and Pohl, Manfred (eds.), *Die Eisenbahn in Deutschland: Von den Anfängen bis zur Gegenwart* (Munich, 1999).

Gamm, Hans-Jochen, *Der braune Kult: Das Dritte Reich und seine Ersatzreligion. Ein Beitrag zur politischen Bildung* (Hamburg, 1962).

—, *Der Flüsterwitz im Dritten Reich: Mündliche Dokumente zur Lage der Deutschen während des Nationalsozialismus* (Munich, 1990 [1963]).

Ganssmüller, Christian, *Die Erbgesundheitspolitik des Dritten Reiches: Planung, Durchführung und Durchsetzung* (Cologne, 1987).

Garbe, Detlef, *Zwischen Widerstand und Martyrium: Die Zeugen Jehovas im Dritten Reich* (Munich, 1993).

Gatzen, Helmut, *Novembepogrom 1938 in Gütersloh: Nachts Orgie der Gewalt, tags organisierte Vernichtung* (Gütersloh, 1993).

Gedy, George E. R., *Fallen Bastions: The Central European Tragedy* (London, 1939).

Geiger, Theodor Julius, *Die soziale Schichtung des deutschen Volkes* (Stuttgart, 1967 [1932]).

Gellately, Robert, *The Politics of Economic Despair: Shopkeepers and German Politics 1890–1914* (London, 1974).

- , The Gestapo and German Society: Political Denunciation in the Gestapo Case Files, *Journal of Modern History*, 60 (1988), 654–94.
- , *The Gestapo and German Society: Enforcing Racial Policy 1933–1945* (Oxford, 1990).
- , Allwissend und allgegenwärtig? Entstehung, Funktion und Wandel des Gestapo-Mythos, in Paul and Mallmann (eds.), *Die Gestapo*, 47–72.
- , Die Gestapo und die deutsche Gesellschaft: Zur Entstehungsgeschichte einer selbstüberwachenden Gesellschaft, in Schmiechen-Ackermann (ed.), *Anpassung, Verweigerung, Widerstand*, 109–21.
- , *Backing Hitler: Consent and Coercion in Nazi Germany* (Oxford, 2001).
- , and Nathan Stoltzfus (eds.), *Social Outsiders in Nazi Germany* (Princeton, N.J., 2001).
- Genschel, Helmut, *Die Verdrängung der Juden aus der Wirtschaft im Dritten Reich* (Göttingen, 1966).
- Gereke, Günther, *Ich war königlich-preussischer Landrat* (Berlin, 1970).
- Gerlach, Wolfgang, *Als die Zeugen schwiegen: Bekennende Kirche und die Juden* (Berlin, 1993 [1987]).
- Germanys Economic Recovery, *The Economist*, 10 August 1935, 271–2.
- Gersdorff, Ursula von, *Frauen im Kriegsdienst 1914–1945* (Stuttgart, 1969).
- Gestier, Markus, *Die christlichen Parteien an der Saar und ihr Verhältnis zum deutschen Nationalstaat in den Abstimmungskämpfen 1935 und 1955* (St Ingbert, 1991).
- Geyer, Michael, Das Zweite Rüstungsprogramm (1930–1934): Eine Dokument-ation, *Militärgeschichtliche Mitteilungen*, 17 (1975), 125–72.
- , *Deutsche Rüstungspolitik 1860–1980*. (Frankfurt am Main, 1984).
- , and Lehmann, Hartmut (eds.), *Religion and Nation: Nation und Religion: Beiträge zu einer unbewältigten Geschichte* (Göttingen, 2004).
- Giebel, Karl, et al. (eds.), *Die frühen Konzentrationslager in Deutschland: Austausch zum Forschungsstand und zur pädagogischen Praxis in Gedenkstätten* (Bad Boll, 1996).
- Gies, Horst, *R. Walther Darrar und die nationalsozialistische Bauernpolitik in den Jahren 1930 bis 1933* (Frankfurt am Main, 1966).
- , NSDAP und landwirtschaftliche Organisationen in der Endphase der Weimarer Republik, *VfZ* 15 (1967), 341–67.
- , Die nationalsozialistische Machtergreifung auf dem agrarpolitischen Sektor, *Zeitschrift für Agrargeschichte und Agrarsoziologie*, 16 (1968), 210–32.
- , Der Reichsnährstand: Organ berufsständischer Selbstverwaltung oder Instrument staatlicher Wirtschaftslenkung? *Zeitschrift für Agrargeschichte und Agrarsoziologie*, 21 (1973), 216–33.
- , Revolution oder Kontinuität? Die personelle Struktur des Reichsnährstandes, in Franz (ed.), *Bauernschaft und Bauernstand*, 323–30.
- , Aufgaben und Probleme der nationalsozialistischen Ernährungswirtschaft 1933–1939, *Vierteljahrschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte*, 22 (1979), 466–99.

—, Die Rolle des Reichsnährstandes im Nationalsozialistischen Herrschaftssystem, in Hirschfeld and Kettenacker (eds.), *The Führer State*, 270–304.

—, Landbevölkerung und Nationalsozialismus. Der Weg in den Reichsnährstand, *Zeitgeschichte*, 13 (1986), 123–41.

Gilbert, Martin, *The Roots of Appeasement* (London, 1966).

Giles, Geoffrey J., The Rise of the National Socialist Students Association and the Failure of Political Education in the Third Reich, in Stachura (ed.), *The Shaping*, 160–85.

—, *Students and National Socialism in Germany* (Princeton, N.J., 1985). —, The Most Unkindest Cut of All: Castration, Homosexuality and Nazi Justice, *Journal of Contemporary History*, 27 (1992), 41–61.

—, The Institutionalization of Homosexual Panic in the Third Reich, in Gellately and Stoltzfus (eds.), *Social Outsiders*, 233–55.

Gillissen, Günther, *Auf verlorenem Posten: Die Frankfurter Zeitung im Dritten Reich* (Berlin, 1986).

Gimbel, John, *Science, Technology, and Reparations: Exploitation and Plunder in Postwar Germany* (Stanford, Calif., 1990).

Glantz, David M., *Stumbling Colossus: The Red Army on the Eve of World War* (Lawrence, Kans., 1998).

Glaser, Hermann, and Silenius, Axel (eds.), *Jugend im Dritten Reich* (Frankfurt am Main, 1975).

Godau, Marion, Anti-Moderne?, in Weissler (ed.), *Design in Deutschland, 1933–1945*, 74–87.

Gohl, Beate, *Jüdische Wohlfahrtspflege im Nationalsozialismus: Frankfurt am Main 1933–1943* (Frankfurt am Main, 1997).

Golczewski, Frank, *Kölner Universitätslehrer und der Nationalsozialismus: Personengeschichtliche Ansätze* (Cologne, 1988).

Golücke, Friedhelm, *Korporationen und Nationalsozialismus* (Schernfeld, 1989).

Gordon, Sarah Ann, *Hitler, Germans, and the Jewish Question* (Princeton, 1984).

Götz, Margarete, *Die Grundschule in der Zeit des Nationalsozialismus: Eine Untersuchung der inneren Ausgestaltung der vier unteren Jahrgänge der Volksschule auf der Grundlage amtlicher Massnahmen* (Bad Heilbrunn, 1997).

Graeb-Könneker, Sebastian, *Autochthone Modernität: Eine Untersuchung der vom Nationalsozialismus geförderten Literatur* (Opladen, 1996).

Graf, Christoph, Kontinuitäten und Brüche. Von der Politischen Polizei der Weimarer Republik zur Geheimen Staatspolizei, in Paul and Mallmann (eds.), *Die Gestapo*, 73–83.

Graml, Hermann, Wer bestimmte die Aussenpolitik des Dritten Reiches? Ein Beitrag zur Kontroverse um Polykratie und Monokratie im NS-Herrschaftssystem, in Funke et al. (eds.), *Demokratie und Diktatur*, 223–36.

—, Grundzüge nationalsozialistische Aussenpolitik, in Broszat and Möller (eds.), *Das Dritte Reich*, 104–26.

–, *Reichskristallnacht: Antisemitismus und Judenverfolgung im Dritten Reich* (Munich, 1988). Translated as *Anti-Semitism in the Third Reich* (Cambridge, Mass., 1992).

–, Integration und Entfremdung: Inanspruchnahme durch Staatsjugend und Dienstpflicht, in Benz and Benz (eds.), *Sozialisation und Traumatisierung*, 74–9. Grasberger, Franz (ed.), *Der Strom der Töne trug mich fort: Die Welt um Richard Strauss in Briefen* (Tutzing, 1967).

Gravenhorst, Lerne, and Tatschmurat, Carmen (eds.), *Töchter-Fragen: NS-Frauengeschichte* (Freiburg, 1990).

Greenbaum, Alfred A. (ed.), *Minority Problems in Eastern Europe between the World Wars with Emphasis on the Jewish Minority* (Hebrew University of Jerusalem, Institute for Advanced Studies, typescript, Jerusalem, 1988).

Gregor, A. James, *Fascism: The Classic Interpretations of the Interwar Period* (Morristown, N.J., 1983).

Gregor, Neil, *Daimler-Benz in the Third Reich* (London, 1998).

Greiffenhagen, Martin (ed.), *Kampf um Wörter? Politische Begriffe im Meinungsstreit* (Munich, 1980).

Grimm, Reinhold, Im Dickicht der inneren Emigration, in Denkler and Prümmer (eds.), *Die deutsche Literatur*, 406–26.

Gritschneider, Otto, *Der Führer hat Sie zum Tode verurteilt...: Hitlers Röhmputsch-Morde vor Gericht* (Munich, 1993).

Grocek, Ferdinand, Ein Staat im Staate – der IG-Farben Konzern, *Marxistische Blätter*, 4 (1966), 41–8.

Grossmann, Kurt Richard, *Ossietzky, ein deutscher Patriot* (Frankfurt, 1973 [1963]).

Gruchmann, Lothar, Die bayerische Justiz im politischen Machtkampf 1933/34: Ihr Scheitern bei der Strafverfolgung von Mordfällen in Dachau, in Broszat et al. (eds.), *Bayern*, II. 415–28.

–, *Justiz im Dritten Reich, 1933–1940: Anpassung und Unterwerfung in der AERA Gürtner* (Munich, 1988).

–, Blutschutzgesetz und Justiz: Entstehung und Anwerdung des Nürnberger Gesetzes vom 15 September 1935, in Ogan and Weiss (eds.), *Faszination und Gewalt*, 49–60.

Grunberger, Richard, *A Social History of the Third Reich* (Harmondsworth, 1974 [1971]).

Grundmann, Friedrich, *Agrarpolitik im Dritten Reich: Anspruch und Wirklichkeit des Reichserbhofgesetzes* (Hamburg, 1979).

Gruner, Wolf, Die Reichshauptstadt und die Verfolgung der Berliner Juden 1933–1945, in Rüppel et al. (ed.), *Jüdische Geschichte*, 229–66.

–, *Der geschlossene Arbeitseinsatz deutscher Juden: Zur Zwangsarbeit als Element der Verfolgung 1938–1943* (Berlin, 1997).

–, Public Welfare and the German Jews under National Socialism, in Bankier (ed.), *Probing*, 78–105.

Grüttner, Michael, *Studenten im Dritten Reich* (Paderborn, 1995).

—, Die Korporationen und der Nationalsozialismus, in Brandt and Stickler (eds.), *Der Burschen Herrlichkeit*, 125–43.

Guenther, Irene, *Nazi Chic?: Fashioning Women in the Third Reich* (Oxford, 2004).

Guenther, Peter, Three Days in Munich, July 1937, in Barron (ed.), *Degenerate Art*, 33–43.

Gulick, Charles Adams, *Austria from Habsburg to Hitler* (Berkeley, Calif., 1948).

Gutman, Yisrael (ed.), *Encyclopedia of the Holocaust* (4 vols., New York, 1990).

—, *The Jews of Poland between Two World Wars* (Hanover, N.H., 1989).

Gutsche, Willibald, and Petzold, Joachim, Das Verhältnis der Hohenzollern zum Faschismus, *Zeitschrift für Geschichtswissenschaft*, 29 (1981), 917–39.

Guttsman, W. L., *Workers Culture in Weimar Germany: Between Tradition and Commitment* (Oxford, 1990).

Haack, Hanna, Arbeitslose in Deutschland. Ergebnisse und Analyse der Berufszählung vom 16. Juni 1933, *Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte* (1986), 36–69.

Haar, Ingo, *Historiker im Nationalsozialismus: Deutsche Geschichtswissenschaft und der Volkstumskampf im Osten* (Göttingen, 2002).

Haarmann, Hermann, et al. (eds.), *Das war ein Vorspiel nur — : Bücherverbrennung in Deutschland 1933: Voraussetzungen und Folgen. Ausstellung der Akademie der Künste vom 8. Mai bis 3. Juli 1983* (Berlin, 1983).

Haberl, Othmar N., and Korenke, Tobias (eds.), *Politische Deutungskulturen: Festschrift für Karl Rohe* (Baden-Baden, 1999).

Hachtmann, Rüdiger, *Industriearbeit im Dritten Reich: Untersuchungen zu den Lohn- und Arbeitsbedingungen in Deutschland, 1933–1945* (Göttingen, 1989).

—, Bürgertum, Revolution, Diktatur — zum vierten Band von Hans-Ulrich Wehlers Gesellschaftsgeschichte, *Sozial-Geschichte*, 19 (2004), 60–87.

Haerdter, Michael (ed.), *Wohnsitz: Nirgendwo: Vom Leben und vom Überleben auf der Strasse* (Berlin, 1982).

Haffner, Sebastian, *Defying Hitler: A Memoir* (London, 2002 [2000]).

Haftmann, Werner, *Verfemte Kunst: Bildende Künstler der inneren und äusseren Emigration in der Zeit des Nationalsozialismus* (Cologne, 1986).

Hagemann, Jürgen, *Die Presselenkung im Dritten Reich* (Bonn, 1970).

Hagen, William W., Before the Final Solution: Toward a Comparative Analysis of Political Anti-Semitism in Interwar Germany and Poland, *Journal of Modern History*, 68 (1996), 351–81.

Hahn, Fred (ed.), *Lieber Stürmer! Leserbriefe an das NS-Kampfbblatt 1924–1945* (Stuttgart, 1978).

Hale, Oron J., *The Captive Press in the Third Reich* (Princeton, N.J., 1964).

Hamann, Brigitte, *Winifred Wagner oder Hitlers Bayreuth* (Munich, 2002).

Händler-Lachmann, Barbara and Werther, Thomas, *Vergessene Geschäfte, verlorenene Geschichte: Jüdisches Wirtschaftsleben in Marburg und seine Vernichtung im Nationalsozialismus* (Marburg, 1992).

Hanke, Peter, *Zur Geschichte der Juden in München zwischen 1933 und 1945* (Munich, 1967).

Hansen, Ernst W., et al. (eds.), *Politischer Wandel, organisierte Gewalt und nation-ale Sicherheit: Beiträge zur neueren Geschichte Deutschlands und Frankreichs: Festschrift für Klaus-Jürgen Müller* (Munich, 1995).

Hardy, Alexander G., *Hitlers Secret Weapon: The Managed Press and Propaganda Machine of Nazi Germany* (NewYork, 1968).

Harrison, Edward D. R., The Nazi Dissolution of the Monasteries: A Case-Study, *English Historical Review*, 109 (1994), 323–55.

Harrison, Mark (ed.), *The Economics of World War II: Six Great Powers in International Comparison* (Cambridge, 1998).

Hartmann, Christian, and Slutsch, Sergej, Franz Halder und die Kriegsvorbereitungen im Frühjahr 1939. Eine Ansprache des Generalstabschefs des Heers, *VfZ* 45 (1997), 467–95.

Hase-Mihalik, Eva von, and Kreuzkamp, Doris, *Du kriegst auch einen schönen Wohnwagen: Zwangslager für Sinti und Roma während des Nationalsozialismus in Frankfurt am Main* (Frankfurt am Main, 1990).

Hass, Kurt, *Jugend unterm Schicksal: Lebensberichte junger Deutscher 1946–1949* (Hamburg, 1950).

Hauner, Milan, Did Hitler Want a World Dominion?, *Journal of Contemporary History*, 13 (1978), 15–32.

Haupt, Heinz-Gerhard (ed.), *Die radikale Mitte: Lebensweisen und Politik von Kleinhändlern und Handwerkern in Deutschland seit 1848* (Munich, 1985).

Haupts, Leo, and Möhlich, Georg (eds.), *Strukturelemente des Nationalsozialismus: Rassenideologie, Unterdrückungsmaschinerie, Aussenpolitik* (Cologne, 1981).

Hausen, Karin, Mothers Day in the Weimar Republic, in Bridenthal et al. (eds.), *When Biology Became Destiny*, 131–52.

–, The German Mothers Day 1923–1933, in Medick and Sabeian (eds.), *Interest and Emotion*, 371–413.

Hay, Gerhard, Rundfunk und Hörspiel als Führungsmittel des Nationalsozialismus, in Denkler and Prümm (eds.), *Die deutsche Literatur*, 366–81.

Hayes, Peter, Fritz Roessler and Nazism: The Observations of a German Industrialist, 1930–37, *Central European History*, 20 (1987), 58–83.

–, *Industry and Ideology: IG Farben in the Nazi Era* (NewYork, 1987).

–, Zur umstrittenen Geschichte der I. G. Farbenindustrie AG, *Geschichte und Gesellschaft*, 18 (1992), 405–17.

–, Polycracy and Policy in the Third Reich: The Case of the Economy, in Childers and Caplan (eds.), *Reevaluating the Third Reich*, 190–210.

–, Big Business and Aryanization in Germany 1933–1939, *Jahrbuch für Antisemitismusforschung*, 3 (1994), 254–81.

–, *From Cooperation to Complicity: Degussa in the Third Reich* (NewYork, 2005).

—, and Wojak, Irmtrud (eds.), *Arisierung im Nationalsozialismus: Volks-gemeinschaft, Raub und Gedächtnis* (Frankfurt am Main, 2000).

Heer, Hannes, *Ernst Thälmann in Selbstzeugnissen und Bilddokumenten* (Reinbek, 1975).

Hehemann, Rainer, *Die Bekämpfung des Zigeunerunwesens im Wilhelmischen Deutschland und in der Weimarer Republik, 1871–1933* (Frankfurt am Main, 1987).

Hehl, Ulrich von, et al. (eds.), *Priester unter Hitlers Terror: Eine biographische und statistische Erhebung* (2 vols., Mainz, 1996 [1984]).

Heiber, Helmut, Der Fall Grünspan, *VfZ* 5 (1957), 134–72.

—, *Walter Frank und sein Reichsinstitut für Geschichte des neuen Deutschlands* (Stuttgart, 1966). — (ed.), *Goebbels-Reden* (2 vols., Düsseldorf, 1971–2).

Heilbronner, Oded, *Die Achillesferse des deutschen Katholizismus* (Gerlingen, 1998). Heim, Susanne, The German-Jewish Relationship in the Diaries of Victor Klemperer, in Bankier (ed.), *Probing*, 312–25.

—, *Kalorien, Kautschuk, Karrieren: Pflanzenzüchtung und landwirtschaftliche Forschung in Kaiser-Wilhelm-Instituten 1933–1945* (Göttingen, 2003).

Heineman, Elizabeth D., *What Difference Does a Husband Make? Women and Marital Status in Nazi and Postwar Germany* (London, 1999).

Heinonen, Reijo E., *Anpassung und Identität: Theologie und Kirchenpolitik der Bremer Deutschen Christen 1933–1945* (Göttingen, 1978).

Heinrich-Hampf, Vroni, Ueber Gartenidylle und Gartenarchitektur im Dritten Reich, in Frank (ed.), *Faschistische Architekturen*, 271–81.

Heinzelmann, Herbert, Die Heilige Messe des Reichsparteitage. Zur Zeichensprache von Leni Riefenstahls Triumph des Willens, in Ogan and Weiss (eds.), *Faszination und Gewalt*, 163–8.

Heisenberg, Werner, *Der Teil und das Ganze: Gespräche im Umkreis der Atomphysik* (Munich, 1969).

Heller, Celia S., *On the Edge of Destruction: Jews of Poland between the Two World Wars* (New York, 1977).

Helmreich, Ernst C., *The German Churches under Hitler: Background, Struggle, and Epilogue* (Detroit, Mich., 1979).

Hemmer, Willi, *Die unsichtbaren Arbeitslosen: Statistische Methoden, soziale Tatsachen* (Zeulenroda, 1935).

Henke, Josef, *England in Hitlers politischem Kalkül 1935–1939* (Boppard, 1973).

Hentschel, Klaus (ed.), *Physics and National Socialism: An Anthology of Primary Sources* (Basle, 1996).

Herbert, Ulrich, Die guten und die schlechten Zeiten. Ueberlegungen zur dia-chronen Analyse lebensgeschichtlicher Interviews, in Niethammer (ed.), *Die Jahre weiss man nicht*, 67–96. —, *Arbeit, Volkstum, Weltanschauung: Ueber Fremde und Deutsche im 20. Jahrhundert* (Frankfurt am Main, 1995).

—, *Hitlers Foreign Workers: Enforced Foreign Labor in Germany under the Third Reich* (Cambridge, 1997 [1985]).

—, et al. (eds.), *Die nationalsozialistischen Konzentrationslager: Entwicklung und Struktur* (2 vols., Göttingen, 1998).

—, Von der Gegenerbekämpfung zur rassischen Generalprävention. Schutzhaft und Konzentrationslager in der Konzeption der Gestapo-Führung 1933–1939, in idem (eds.), *Die nationalsozialistischen Konzentrationslager*, I. 60–81.

—, Die nationalsozialistischen Konzentrationslager: Geschichte, Erinnerung, Forschung, in idem (eds.), *Die nationalsozialistischen Konzentrationslager*, I. 17–40.

Herbst, Ludolf, *Das nationalsozialistische Deutschland 1933–1945: Die Entfesselung der Gewalt: Rassismus und Krieg* (Frankfurt am Main, 1996).

—, and Weihe, Thomas (eds.), *Die Commerzbank und die Juden 1933–1945* (Munich, 2004).

Herlemann, Beatrix, *Die Emigration als Kampfposten: Die Anleitung des kommunistischen Widerstandes in Deutschland aus Frankreich, Belgien und den Niederlanden* (Königstein im Taunus, 1982).

—, *Der Bauer klebt am Hergebrachten: Bäuerliche Verhaltensweisen unterm Nationalsozialismus auf dem Gebiet des heutigen Landes Niedersachsen* (Hanover, 1993).

Herzig, Arno (ed.), *Die Juden in Hamburg 1590 bis 1990: Wissenschaftliche Beiträge der Universität Hamburg zur Ausstellung Vierhundert Jahre Juden in Hamburg* (Hamburg, 1991).

— and Lorenz, Ina (eds.), *Verdrängung und Vernichtung der Juden unter dem Nationalsozialismus* (Hamburg, 1992).

— et al. (eds.), *Verdrängung und Vernichtung der Juden in Westfalen* (Münster, 1994).

Herzstein, Robert Edwin, *The War that Hitler Won: The Most Infamous Propaganda Campaign in History* (London, 1979).

Heske, Henning,... und morgen die ganze Welt: *Erdkundeunterricht im Nationalsozialismus* (Giessen, 1988).

Heskett, John, Modernism and Archaism in Design in the Third Reich, in Taylor and van der Will (eds.), *The Nazification of Art*, 110–27.

Hetzer, Gerhard, Die Industriestadt Augsburg. Eine Sozialgeschichte der Arbeiter-opposition, in Broszat et al. (eds.), *Bayern*, III. 1–234.

—, Ernste Bibelforscher in Augsburg, in Broszat et al. (eds.), *Bayern*, IV. 621–44.

Heumos, Peter, *Die Emigration aus der Tschechoslowakei nach Westeuropa und dem Nahen Osten 1938* (Munich, 1989).

Hildebrand, Klaus, *Vom Reich zum Weltreich: Hitler, NSDAP und koloniale Frage 1919–1945* (Munich, 1969).

—, *The Foreign Policy of the Third Reich* (London, 1973 [1970]).

—, *Das vergangene Reich: Deutsche Aussenpolitik von Bismarck bis Hitler, 1871–1945* (Stuttgart, 1995).

—, Die Deutsche Reichsbahn in der nationalsozialistischen Diktatur 1933–1945, in Gall and Pohl (eds.), *Die Eisenbahn in Deutschland*, 163–243.

Hildesheimer, Esriel, *J üdische Selbstverwaltung unter dem NS-Regime: Der Existenzkampf der Reichsvertretung und Reichsvereinigung der Juden in Deutschland* (Tübingen, 1994).

Hill, Leonidas E. (ed.), *Die Weizsäcker-Papiere 1933–1950* (Frankfurt am Main, 1974).

Hillgruber, Andreas, Grundzüge der nationalsozialistischen Aussenpolitik 1933–1945, *Saeculum*, 24 (1973), 328–45.

—, *Deutsche Grossmacht- und Weltpolitik im 19. und 20. Jahrhundert* (Düsseldorf, 1979).

Hirsch, Martin, et al. (eds.), *Recht, Verwaltung und Justiz im Nationalsozialismus: ausgewählte Schriften, Gesetze und Gerichtsentscheidungen von 1933 bis 1945* (Cologne, 1984).

Hirschfeld, Gerhard, and Kettenacker, Lothar (eds.), *The Führer State: Myth and Reality: Studies on the Structure and Politics of the Third Reich* (Stuttgart, 1981).

Hitler, Adolf, *Mein Kampf* (London, 1969 [1925–7]).

—, *The Speeches of Adolf Hitler, April 1922–August 1939: An English Translation of Representative Passages* (New York, 1981).

Hockerts, Hans Günter, *Die Sittlichkeitsprozesse gegen katholische Ordensangehörige und Priester 1936/37: Eine Studie zur nationalsozialistischen Herrschaftstechnik und zum Kirchenkampf* (Mainz, 1971).

—, Die Goebbels-Tagebücher 1932–1941: Eine neue Hauptquelle zur Erforschung der nationalsozialistischen Kirchenpolitik, in Albrecht et al. (eds.), *Politik und Konfession: Festschrift für Konrad Repgen zum 60. Geburtstag* (Berlin, 1983), 359–92.

Hoensch, Jörg K., *A History of Modern Hungary, 1867–1986* (London, 1988 [1984]).

Hoffmann, Hilmar, (ed.), *The Triumph of Propaganda: Film and National Socialism, 1933–1945* (Providence, R.I., 1996).

Hoffmann, Peter, Generaloberst Ludwig Beck's militärpolitisches Denken, *Historische Zeitschrift*, 234 (1981), 101–21.

—, *Widerstand – Staatsstreich – Attentat: Der Kampf der Opposition gegen Hitler* (4th edn, Munich, 1985).

—, *Claus Schenk Graf von Stauffenberg und seine Brüder* (Stuttgart, 1992).

Hohmann, Joachim S., *Geschichte der Zigeunerverfolgung in Deutschland* (Frankfurt am Main, 1981).

— (ed.), *Erster Weltkrieg und nationalsozialistische Bewegung im deutschen Lesebuch 1933–1945* (Frankfurt am Main, 1988).

—, *Verfolgte ohne Heimat: Die Geschichte der Zigeuner in Deutschland* (Frankfurt am Main, 1990).

—, *Robert Ritter und die Erben der Kriminalbiologie: Zigeunereforschung im Nationalsozialismus und in Westdeutschland im Zeichen des Rassismus* (Frankfurt am Main, 1991).

— (ed.), *Keine Zeit für gute Freunde: Homosexuelle in Deutschland 1933–1969 – Ein Lese- und Bilderbuch* (Berlin, 1982).

—, and Larger, Hermann, *Stolz, ein Deutscher zu sein...: Nationales Selbstverständnis in Schulaufsätzen, 1914–1945* (Frankfurt am Main, 1995).

Höhne, Heinz, *The Order of the Deaths Head: The Story of Hitlers SS* (London, 1972 [1966]).

—, *Mordsache Röhm: Hitlers Durchbruch zur Alleinherrschaft, 1933–1934* (Reinbek, 1984).

—, *Die Zeit der Illusionen: Hitler und die Anfänge des Dritten Reiches 1933–1936* (Düsseldorf, 1991).

Hojer, Ernst, *Nationalsozialismus und Pädagogik: Umfeld und Entwicklung der Pädagogik Ernst Kriecks* (Würzburg, 1996).

Homburg, Heidrun, *Rationalisierung und Industriearbeit: Arbeitsmarkt – Management – Arbeiterschaft im Siemens-Konzern Berlin 1900–1939* (Berlin, 1991).

—, Warenhausunternehmen und ihre Gründer in Frankreich und Deutschland oder: eine diskrete Elite und mancherlei Mythen, *Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte* (1992), 183–219.

Homze, Edward L., *Arming the Luftwaffe: The Reich Air Ministry and the German Aircraft Industry, 1919–39* (Lincoln, Nebr. 1976).

Hopster, Norbert, and Nassen, Ulrich, *Literatur und Erziehung im Nationalsozialismus: Deutschunterricht als Körperkultur* (Paderborn, 1983).

Horn, Daniel B., The Hitler Youth and Educational Decline in the Third Reich, *History of Education Quarterly*, 16 (1976), 425–47.

Horn, Gerd-Rainer, Radicalism and Moderation within German Social Democracy in Underground and Exile, 1933–1936, *German History*, 15 (1997), 200–220.

Horne, John N., and Kramer, Alan, *German Atrocities, 1914: A History of Denial* (NewHaven, Conn. 2001).

Höpfner, Hans-Paul, *Die Universität Bonn im Dritten Reich: Akademische Biographien unter nationalsozialistischer Herrschaft* (Bonn, 1999).

Höss, Rudolf, *Commandant of Auschwitz: The Autobiography of Rudolf Hoess* (London, 1959 [1951]).

Hossbach, Friedrich, *Zwischen Wehrmacht und Hitler, 1934–1938* (Göttingen, 1965 [1949]).

Huber, Engelbert, *Das ist Nationalsozialismus* (Stuttgart, 1933).

Huber, Ernst Rudolf, *Verfassungsrecht des Grossdeutschen Reiches* (Hamburg, 1939).

Huck, Gerhard (ed.), *Sozialgeschichte der Freizeit: Untersuchungen zum Wandel der Alltagskultur in Deutschland* (Wuppertal, 1980).

Hull, David Stewart, *Film in the Third Reich: A Study of the German Cinema, 1933–1945* (Berkeley, Calif., 1969).

—, On the Trail of Missing Masterpieces: Modern Art from German Galleries, in Barron (ed.), *Degenerate Art*, 121–33.

Hüttenberger, Peter, Heimtückefälle vor dem Sondergericht München 1933–1939, in Broszat et al. (eds.), *Bayern*, IV. 435–526.

Iber, Harald, *Christlicher Glaube oder rassischer Mythos: Die Auseinandersetzung der Bekennenden Kirche mit Alfred Rosenbergs Der Mythos des 20. Jahr-hunderts* (Frankfurt am Main, 1987).

Iggers, Georg G. (ed.), *The Social History of Politics: Critical Perspectives in West German Historical Writing since 1945* (Leamington Spa, 1985).

—, Introduction, in idem (ed.), *The Social History of Politics*, 1–48.

Infield, Glenn B., *Leni Riefenstahl: The Fallen Film Goddess* (New York, 1976).

Institut für die Geschichte der Arbeiterbewegung (ed.), *In den Fängen des NKWD: Deutsche Opfer des stalinistischen Terrors in der UdSSR* (Berlin, 1991).

Jacobsen, Hans Adolf, *Nationalsozialistische Aussenpolitik, 1933–1938* (Frankfurt am Main, 1968).

—, et al. (eds.), *Ausgewählte Dokumente zur Geschichte des Nationalsozialismus, 1933–1945* (3 vols., Bielefeld, 1961).

Jardi, Inge, et al. *Beyond Reason: Art and Psychosis. Works from the Prinzhorn Collection* (London, 1996).

James, Harold, Die Deutsche Bank und die Diktatur 1933–1945, in Lothar Gall et al., *Die Deutsche Bank 1870–1995* (Munich, 1993), 315–408.

—, Innovation and Conservatism in Economic Recovery: The Alleged Nazi Recovery of the 1930s, in Childers and Caplan (eds.), *Reevaluating the Third Reich*, 114–38.

—, *The Deutsche Bank and the Nazi Economic War against the Jews: The Expropriation of Jewish-owned Property* (Cambridge, 2001).

—, *The Nazi Dictatorship and the Deutsche Bank* (Cambridge, 2004).

Janda, Annegret, The Fight for Modern Art: The Berlin Nationalgalerie after 1933, in Barron (ed.), *Degenerate Art*, 105–18.

—, (ed.), *Das Schicksal einer Sammlung: Aufbau und Zerstörung der Neuen Abteilung der Nationalgalerie im ehemaligen Kronprinzen-Palais: Unter den Linden 1918–1945* (Berlin, 1986).

Jansen, Christian, *Professoren und Politik: Politisches Denken und Handeln der Heidelberger Hochschullehrer 1914–1935* (Göttingen, 1992).

—, et al. (eds.), *Von der Aufgabe der Freiheit: Politische Verantwortung und bürgerliche Gesellschaft im 19. und 20. Jahrhundert: Festschrift für Hans Mommsen zum 5. November 1995* (Berlin, 1995).

Janssen, Karl-Heinz, Eine Welt brach zusammen, in Glaser and Silenius (eds.), *Jugend im Dritten Reich*, 88–90.

—, and Tobias, Fritz, *Der Sturz der Generäle: Hitler und die Blomberg-Fritsch Krise 1938* (Munich, 1994 [1938]).

Jaraus, Konrad H., *Deutsche Studenten 1800–1970* (Frankfurt am Main, 1984).

—, *The Unfree Professions: German Lawyers, Teachers, and Engineers, 1900–1950* (New York, 1990).

Jaskot, Paul B., *The Architecture of Oppression: The SS, Forced Labor and the Nazi Monumental Building Economy* (London, 2000).

Jaworski, Rudolf, *Vorposten oder Minderheit?: Der sudetendeutsche Volkstumskampf in den Beziehungen zwischen der Weimarer Republik und der CSR* (Stuttgart, 1977).

Jelavich, Barbara, *Modern Austria: Empire and Republic, 1815–1986* (Cambridge, 1987).

Jellonnek, Burkhard, *Homosexuelle unter dem Hakenkreuz: Die Verfolgung von Homosexuellen in Dritten Reich* (Paderborn, 1990).

–, Staatspolizeiliche Fahndungs- und Ermittlungsmethoden gegen Homosexuelle. Regionale Differenzen und Gemeinsamkeiten, in Paul and Mallmann (eds.), *Die Gestapo*, 343–56.

Joachimsthaler, Anton, *Hitlers Liste: Ein Dokument persönlicher Beziehungen* (Munich, 2003).

John, Eckhard, *Musikbolschewismus: Die Politisierung der Musik in Deutschland, 1918–1938* (Stuttgart, 1994).

Johnson, Eric A., *Nazi Terror: The Gestapo, Jews, and Ordinary Germans* (New York, 1999).

Jung, Otmar, *Plebiszit und Diktatur: Die Volksabstimmungen der Nationalsozialisten: Die Fälle Austritt aus dem Völkerbund (1933), Staatsoberhaupt (1934) und Anschluss Österreichs (1938)* (Tübingen, 1995).

Jupper, Alfons (ed.), *Staatliche Akten über die Reichskonkordatsverhandlungen 1933* (Mainz, 1969).

Kaftan, Kurt Gustav, *Der Kampf um die Autobahnen: Geschichte der Autobahnen in Deutschland 1907–1935* (Berlin, 1955).

Kaienburg, Hermann, Funktionswandel des KZ-Kosmos? Das Konzentrationslager Neuengamme 1938–1945, in Herbert et al. (eds.), *Die nationalsozialistischen Konzentrationslager*, 259–84.

–, *Vernichtung durch Arbeit: Der Fall Neuengamme: Die Wirtschaftsbestrebungen der SS und ihre Auswirkungen auf die Existenzbedingungen der KZ-Gefangenen* (Bonn, 1990).

Kaiser, Ernst, and Knorn, Michael, *Wir lebten und schliefen zwischen den Toten: Rüstungsproduktion, Zwangsarbeit und Vernichtung in den Frankfurter Adlerwerken* (Frankfurt am Main, 1994).

Kaiser, Fritz, *Führer durch die Ausstellung Entartete Kunst* (Berlin, 1937).

Kaiser, Jochen-Christoph, Protestantismus, Diakonie und Judenfrage 1933–41, *VfZ* 37 (1989), 673–714.

Kalshoven, Hedda (ed.), *Ich denk so viel an Euch: Ein deutsch-holländischer Briefwechsel 1920–1949* (Munich, 1995 [1991]).

Kaplan, Marion A., *Between Dignity and Despair: Jewish Life in Nazi Germany* (New York, 1998).

Kappeler, Alphons, *Ein Fall von Pseudologia phantastica in der deutschen Literatur: Fritz Reck-Malleczewen* (2 vols., Göttingen, 1975).

Karlsch, Rainer, and Stokes, Raymond G., *Faktor Öl I: Die Geschichte der Mineral-ölwirtschaft in Deutschland 1859–1974* (Munich, 2003).

Karow, Yvonne, *Deutsches Opfer: Kultische Selbstausschöpfung auf den Reichsparteitagen der NSDAP* (Berlin, 1997).

Kaschuba, Wolfgang, *Lebenswelt und Kultur der unterbürgerlichen Schichten im 19. und 20. Jahrhundert* (Munich, 1990).

—, and Lipp, Carola, Kein Volk steht auf, kein Sturm bricht los. Stationen dörflichen Lebens auf dem Weg in den Faschismus, in Beck *et al.* (eds.), *Terror und Hoffnung*, 111–55.

—, *D örfliches U{5}berleben: Zur Geschichte materieller und sozialer Reproduktion l ändlicher Gesellschaft im 19. und frühen 20. Jahrhundert* (Tübingen, 1982).

Kater, Michael H., Die ersten Bibelforscher im Dritten Reich, *VfZ* 17 (1969), 181–218. —, Die deutsche Elternschaft im nationalsozialistischen Erziehungssystem. Ein Beitrag zur Sozialgeschichte der Familie, *Vierteljahrsschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte*, 67 (1980), 484–512.

—, Medizin und Mediziner im Dritten Reich, *Historische Zeitschrift*, 244 (1987), 299–352.

—, *Doctors under Hitler* (Chapel Hill, N.C., 1989).

—, *Different Drummers: Jazz in the Culture of Nazi Germany* (New York, 1992).

—, *The Twisted Muse: Musicians and their Music in the Third Reich* (New York, 1997).

—, *Composers of the Nazi Era: Eight Portraits* (New York, 2000).

—, *Hitler Youth* (Cambridge, Mass., 2004).

—, and Riethmüller, Albrecht (eds.), *Music and Nazism: Art under Tyranny, 1933–1945* (Laaber, 2003).

Kehrl, Hans, *Krisenmanager im Dritten Reich: 6 Jahre Frieden, 6 Jahre Krieg: Erinnerungen* (Düsseldorf, 1973).

Keim, Wolfgang, *Erziehung unter der Nazi-Diktatur* (2 vols., Darmstadt, 1995–7).

Keinemann, Friedrich, *Vom Krummstab zur Republik: Westfälischer Adel unter preussischer Herrschaft 1802–1945* (Bochum, 1997).

Keitz, Christine, Die Anfänge des modernen Massentourismus in der Weimarer Republik, *Archiv für Sozialgeschichte*, 33 (1993), 179–209.

Keller, Bernhard, *Das Handwerk im faschistischen Deutschland: Zum Problem der Massenbasis* (Cologne, 1980).

Kershaw, Ian, Antisemitismus und Volksmeinung. Reaktionen auf die Judenverfolgung, in Broszat *et al.* (eds.), *Bayern*, II. 280–348.

—, The Persecution of the Jews and German Popular Opinion in the Third Reich, *Leo Baeck Institute Year Book*, 26 (1981), 261–89.

—, *Popular Opinion and Political Dissent in the Third Reich: Bavaria 1933–1945* (Oxford, 1983).

—, How Effective Was Nazi Propaganda?, in Welch (ed.), *Nazi Propaganda*, 180–205.

—, *The Hitler Myth: Image and Reality in the Third Reich* (Oxford, 1987).

—, Der U{5}berfall auf Polen und die öffentliche Meinung in Deutschland, in Hansen *et al.* (eds.), *Politischer Wandel*, 237–50.

—, *Hitler, 1889–1936: I Hubris* (London, 1998).

—, *Hitler, 1936–1945: II Nemesis* (London, 2000).

—, *The Nazi Dictatorship: Problems and Perspectives of Interpretation* (4th edn, London, 2000 [1985]).

- Kersten, Felix, *The Kersten Memoirs, 1940–1945* (London, 1956 [1952]).
- Kessler, Harry Graf, *Tagebücher, 1918–1937*, ed. Wolfgang Pfeiffer-Belli (Frankfurt am Main, 1982 [1961]).
- Ketelsen, Uwe-Karsten, *Literatur und Drittes Reich* (Schernfeld, 1992).
- Kiaulehn, Walther, *Mein Freund der Verleger – Ernst Rowohlt und seine Zeit* (Reinbek, 1967).
- Kieffer, Fritz, *Judenverfolgung in Deutschland – eine innere Angelegenheit? Internationale Reaktionen auf die Flüchtlingsproblematik 1933–1939* (Stuttgart, 2002).
- Kiemeier, Klaus, *The Ufa Story: A History of Germanys Greatest Film Company 1918–1945* (New York, 1996).
- Kimmel, Günther, Das Konzentrationslager Dachau: Eine Studie zu den national-sozialistischen Gewaltverbrechen, in Broszat et al. (eds.), *Bayern*, II. 349–413.
- Kirchberg, Peter, Typisierung in der Kraftfahrzeugindustrie und der Generalbevollmächtigte für das Kraftfahrwesen, *Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte* (1969), 117–42.
- Kirchliches Jahrbuch für die Evangelische Kirche in Deutschland 1933–1944* (Gütersloh, 1948).
- Kirkpatrick, Clifford, *Women in Nazi Germany* (London, 1939).
- Kitchen, Martin, *The Coming of Austrian Fascism* (London, 1980).
- Kittel, Manfred, Konfessioneller Konflikt und politische Kultur in der Weimarer Republik, in Blaschke (ed.), *Konfessionen im Konflikt*, 243–98.
- Klee, Ernst, *Die SA Jesu Christi: Die Kirchen im Banne Hitlers* (Frankfurt am Main, 1989).
- Kleiber, Lore, Wo ihr seid, da soll die Sonne scheinen! – Der Frauenarbeitsdienst am Ende der Weimarer Republik und im Nationalsozialismus, in Frauengruppe Faschismusforschung (ed.), *Mutterkreuz*, 188–214.
- Klein, Burton H., *Germanys Economic Preparations for War* (Cambridge, Mass., 1959).
- Klein, Thomas (ed.), *Die Lageberichte der Geheimen Staatspolizei über die Provinz Hessen-Nassau, 1933–1936* (Cologne, 1986).
- Kleine, George H., Adelsgenossenschaft und Nationalsozialismus, *VfZ* 26 (1978), 100–143.
- Klemperer, Klemens von, *German Resistance Against Hitler: The Search for Allies Abroad, 1938–1945* (Oxford, 1992).
- Klemperer, Victor, *LTI: Notizbuch eines Philologen* (Leipzig, 1975 [1947]).
- , *I Shall Bear Witness: The Diaries of Victor Klemperer 1933–1941* (London, 1998 [1995]).
- , *Tagebücher 1933–1934 (Ich will Zeugnis ablegen bis zum letzten: Tagebücher 1933–1945, I)* (Berlin, 1999 [1995]).
- Klepper, Jochen, *Unter dem Schatten Deiner Flügel: Aus den Tagebüchern der Jahre 1932–1942* (Stuttgart, 1956).
- Klessmann, Christoph, Osteuropaforschung und Lebensraumpolitik im Dritten Reich, in Lundgreen (ed.), *Wissenschaft im Dritten Reich*, 350–83.

Kley, Stefan, *Hitler, Ribbentrop und die Entfesselung des Zweiten Weltkriegs* (Paderborn, 1996).

Kling, Willi, *Kleine Geschichte der IG Farben – der Grossfabrikant des Todes* (Berlin, 1957).

Klingemann, Carsten, Social-scientific Experts – No Ideologues: Sociology and Social Research in the Third Reich, in Turner and Käsler (eds.), *Sociology Responds to Fascism*, 127–54.

–, *Soziologie im Dritten Reich* (Baden-Baden, 1996).

Klinksiek, Dorothee, *Die Frau im NS-Staat* (Stuttgart, 1982).

Clönne, Arno, *Jugend im Dritten Reich: Die Hitler-Jugend und ihre Gegner* (Cologne, 1999 [1982]).

Clöss, Erhard (ed.), *Reden des Führers: Politik und Propaganda Adolf Hitlers, 1922–1945* (Munich, 1967).

Klotzbach, Kurt, *Gegen den Nationalsozialismus: Widerstand und Verfolgung in Dortmund 1930–1945: Eine historisch-politische Studie* (Hanover, 1969).

Knauer, Wilfried (ed.), *Nationalsozialistische Justiz und Todesstrafe: Eine Dokumentation zur Gedenkstätte in der Justizvollzugsanstalt Wolfenbüttel* (Braunschweig, 1991).

Knigge-Tesche, Renate (ed.), *Berater der Braunen Macht: Wissenschaft und Wissenschaftler im NS-Staat* (Frankfurt am Main, 1999).

Knipping, Franz, and Müller, Klaus-Jürgen, *Machtbewusstsein in Deutschland am Vorabend des Zweiten Weltkrieges* (Paderborn, 1984).

Koch, Hans-Jörg, *Das Wunschkonzert im NS-Rundfunk* (Cologne, 2003).

Kochan, Lionel, Martin Niemöller, in Gutman (ed.), *Encyclopedia of the Holocaust*, III. 1, 061.

Kocka, Jürgen (ed.), *Theorien in der Praxis des Historikers* (Göttingen, 1977).

Kohlrausch, Eduard (ed.), *Deutsche Strafgesetze vom 19. Dezember 1932 bis 12. Juni 1934* (Berlin, 1934).

Komjathy, Anthony T., and Stockwell, Rebecca, *German Minorities and the Third Reich: Ethnic Germans of East Central Europe between the Wars* (New York, 1980).

König, Ulrich, *Sinti und Roma unter dem Nationalsozialismus: Verfolgung und Widerstand* (Bochum, 1989).

Königseder, Angelika, and Wetzel, Juliane, Die Bilderverbrennung 1939 – ein Pendant?, in *Zeitschrift für Geschichtswissenschaft*, 5 (2003), 439–46.

Koonz, Claudia, *Mothers in the Fatherland: Women, the Family, and Nazi Politics* (London, 1988 [1987]).

Kopf, Paul, and Miller, Max (eds.), *Die Vertreibung von Bischof Joannes Baptista Sproll von Rottenburg, 1938–1945: Dokumente zur Geschichte des kirchlichen Widerstands* (Mainz, 1971).

Kopper, Christopher, Die Arisierung jüdischer Privatbanken im Nationalsozialismus, *Sozialwissenschaftliche Information für Unterricht und Studium*, 20 (1991), 11–16.

–, Privates Bankwesen im Nationalsozialismus. Das Bankhaus M. M. Warburg & Co., in Werner Plumpe and Christian Kleinschmidt (eds.), *Unternehmen zwis-*

chen Markt und Macht: Aspekte deutscher Unternehmens- und Industrie-geschichte im 20 Jahrhundert (Essen, 1992), 61–73.

–, *Zwischen Marktwirtschaft und Dirigismus: Bankenpolitik im Dritten Reich, 1933–1939* (Bonn, 1995).

Körber, Robert, *Rassensieg in Wien, der Grenzfeste des Reiches* (Vienna, 1939).

Kornrumpf, Martin, *HAFRABA e.V.: Deutsche Autobahn-Planung 1926–1934* (Bonn, 1990).

Kosthorst, Erich, and Walter, Bernd, *Konzentrations und Strafgefangenenlager im Dritten Reich: Beispiel Emsland* (3 vols., Düsseldorf, 1983).

Kotowski, Albert S., *Polens Politik gegenüber seiner deutschen Minderheit, 1919–1939* (Wiesbaden, 1998).

Kracauer, Siegfried, *From Caligari to Hitler: A Psychological History of the German Film* (Princeton, N.J., 1947).

Kracik, Jörg, *Die Politik des deutschen Aktivismus in der Tschechoslowakei, 1920–1938* (Frankfurt am Main, 1999).

Kramer, David, Jewish Welfare Work under the Impact of Pauperization, in Paucker *et al.* (eds.), *The Jews in Nazi Germany*, 173–88.

Kramer, Helgard, Frankfurts Working Women: Scapegoats or Winners of the Great Depression?, in Evans and Geary (eds.), *The German Unemployed* 108–41.

Kratzsch, Gerhard, *Der Gauwirtschaftsapparat der NSDAP: Menschenführung – Arisierung – Wehrwirtschaft im Gau Westfalen-Süd: Eine Studie zur Herrschaftspraxis im totalitären Staat* (Münster, 1989).

–, Die Entjudung der mittelständischen Wirtschaft im Regierungsbezirk Arnsberg, in Herzig *et al.* (eds.), *Verdrängung und Vernichtung*, 91–114.

Kraul, Margret, *Das deutsche Gymnasium 1780–1980* (Frankfurt am Main, 1984).

Krausnick, Helmut, *et al.*, *Anatomy of the SS State* (London, 1968 [1965]).

Kreimeier, Klaus, *The Ufa Story: A History of Germanys Greatest Film Company, 1918–1945* (New York, 1996).

Kreisster, Felix (ed.), *Fünfzig Jahre danach – der Anschluss von innen gesehen* (Vienna, 1989).

Krellmann, Hanspeter (ed.), *Wer war Richard Strauss?: Neunzehn Antworten* (Frankfurt am Main, 1999).

Kreutzer, Heike, *Das Reichskirchenministerium im Gefüge der nationalsozialistischen Herrschaft* (Düsseldorf, 2000).

Kroll, Gerhard, *Von der Weltwirtschaftskrise zur Staatskonjunktur* (Berlin, 1958).

Kropat, Wolf-Arno, *Kristallnacht in Hessen: Der Judenpogrom vom November 1938: Eine Dokumentation* (Wiesbaden, 1997 [1988]).

–, *Reichskristallnacht: Der Judenpogrom vom 7. bis 10. November 1938–Urheber, Täter, Hintergründe* (Wiesbaden, 1997).

– (ed.), *Justiz und Judenverfolgung* (2 vols., Wiesbaden, 1975).

Krudener, Jürgen von, Zielkonflikte in der nationalsozialistischen Agrarpolitik: Ein Beitrag zur Diskussion des Leistungsproblems in zentralgelenk-

ten Wirtschaftssystemen, *Zeitschrift für Wirtschafts- und Sozialwissenschaften*, 94 (1974), 335–61.

Krüger, Hardy, Von der Ordensburg nach Babelsberg, in Leeb (ed.), *Wir waren*, 49–55.

Krüger, Peter, *Die Aussenpolitik der Republik von Weimar* (Darmstadt, 1985).

Krüger-Charler, Michael, Carl Goerdelers Versuche der Durchsetzung einer alternativen Politik 1933 bis 1937, in Schmädeke and Steinback (eds.), *Der Widerstand*, 383–404.

Kucera, Jaroslav, *Minderheit im Nationalstaat: Die Sprachenfrage in den tschech-isch-deutschen Beziehungen 1918–1938* (Munich, 1999).

Kube, Alfred, *Pour le merrite und Hakenkreuz: Hermann Göring im Dritten Reich* (Munich, 1987 [1986]).

–, Hermann Goering: Second Man in the Third Reich, in Smelser and Zitelmann (eds.), *The Nazi Elite*, 62–73.

Kühl, Stefan, *The Nazi Connection: Eugenics, American Racism, and German National Socialism* (New York, 1994).

Kühnl, Reinhard, Reichsdeutsche Geschichtswissenschaft, in Tröger (ed.), *Hochschule*, 92–104.

Kulka, Otto Dov, Die Nürnberger Rassengesetze und die deutsche Bevölkerung im Lichte geheimer NS-Lage- und Stimmungsberichte, *VfZ* 32 (1984), 582–624.

– (ed.) *Deutsches Judentum unter dem Nationalsozialismus, I: Dokumente zur Geschichte der Reichsvertretung der deutschen Juden 1933–1939* (Tübingen, 1997).

Kupper, Alfons (ed.), *Staatliche Akten über die Reichskonkordatsverhandlungen 1933* (Mainz, 1969).

Kwiet, Konrad, Nach dem Pogrom: Stufen der Ausgrenzung, in Benz (ed.), *Die Juden*, 545–659.

–, To Leave or Not to Leave: The German Jews at the Crossroads, in Pehle (ed.), *November 1938*, 139–53.

–, and Eschwege, Helmut (eds.), *Selbstbehauptung und Widerstand: Deutsche Juden im Kampf um Existenz und Menschenwürde 1933–1945* (Hamburg, 1984).

Laak, Dirk van, Die Mitwirkenden bei der Arisierung. Dargestellt am Beispiel der rheinisch-westfälischen Industrieregion, 1933–1940, in Büttner (ed.), *Die Deutschen*, 231–57.

–, Wenn einer ein Herz im Leibe hat, der lässt sich von einem deutschen Arzt behandeln – Die Entjudung der Essener Wirtschaft von 1933 bis 1941, in Alte Synagoge (ed.), *Entrechtung und Selbsthilfe*, 12–30.

Lächele, Rainer, *Ein Volk, ein Reich, ein Glaube: Die Deutschen Christen in Würtemberg 1925–1960* (Stuttgart, 1993).

Ladwig-Winters, Simone, *Wertheim, ein Warenhausunternehmen und seine Eigen-tümer: Ein Beispiel der Entwicklung der Berliner Warenhäuser bis zur Arisierung* (Münster, 1997).

–, The Attack on Berlin Department Stores (*Warenhäuser*) after 1933, in Bankier (ed.), *Probing*, 246–67.

Lambert, Peter, From Antifascist to Volkshistoriker: *Demos and Etnos in the Political Thought of Fritz Rörig, 1921–45*, in Berger *et al.* (eds.), *Writing National Histories*, 137–49.

Lammers, Britta, *Werbung im Nationalsozialismus: Die Kataloge der Grossen Deutschen Kunstausstellung, 1937–1944* (Weimar, 1999).

Lane, Barbara Miller, *Architecture and Politics in Germany, 1918–1945* (Cambridge, Mass., 1968).

Lange, Sabine,... *wir haben nicht nur das Chaos, sondern wir stehen an einem Beginn... Hans Fallada 1945–1946* (Neubrandenburg, 1988).

Langelüddecke, Albrecht, *Die Entmannung von Sittlichkeitsverbrechern* (Berlin, 1963).

Laqua, Carsten, *Wie Micky unter die Nazis fiel: Walt Disney und Deutschland* (Reinbek, 1992).

Laqueur, Walter, *Fascism: A Readers Guide: Analyses, Interpretations, Bibliography* (New York, 1976).

Large, David Clay (ed.), *Contending with Hitler: Varieties of German Resistance in the Third Reich* (Washington, D.C., 1991).

Lärmer, Karl, *Autobahnbau in Deutschland 1933 bis 1945: Zu den Hintergründen* (Berlin, 1975).

Larsen, Stein U. *et al.* (eds.), *Who Were the Fascists? Social Roots of European Fascism* (Bergen, 1980).

Lauterbach, Iris (ed.), *Bürokratie und Kult: Das Parteizentrum der NSDAP am Königsplatz in München: Geschichte und Rezeption* (Munich, 1995).

Lautmann, Rüdiger, *Seminar: Gesellschaft und Homosexualität* (Frankfurt am Main, 1977).

—, Gay Prisoners in Concentration Camps as Compared with Jehovahs Witnesses and Political Prisoners, in Berenbaum (ed.), *A Mosaic of Victims*, 200–206.

Lee, W. Robert, and Rosenhaft, Eve (eds.), *The State and Social Change in Germany 1880–1980* (Oxford, 1990).

Leeb, Johannes (ed.), *Wir waren Hitlers Eliteschüler: Ehemalige Zöglinge der NS-Auslaufeschulen brechen ihr Schweigen* (Hamburg, 1998).

Lehmann, Hartmut, and Melton, James Van Horn (eds.), *Paths of Continuity: Central European Historiography from the 1930s to the 1950s* (Cambridge, 1994).

—, and Oexle, Otto Gerhard (eds.), *Nationalsozialismus in den Kulturwissenschaften* (2 vols., Göttingen, 2004–5).

Lehmann, Joachim, Mecklenburgische Landwirtschaft und Modernisierung in den dreissiger Jahren, in Bajohr (ed.), *Norddeutschland im Nationalsozialismus*, 335–46.

Lehmbruch, Hans, Acropolis Germaniae. Der Königsplatz-Forum der NSDAP, in Lauterbach (ed.), *Bürokratie und Kult*, 17–46.

Lehnert, Detlef, *Sozialdemokratie zwischen Protestbewegung und Regierungspartei 1848 bis 1983* (Frankfurt am Main, 1983).

Leimkugel, Franz, Antisemitische Gesetzgebung in der Pharmazie, 1933–1939, in Meinel and Voswinckel (eds.), *Medizin*, 230–35.

Leiser, Erwin, *Nazi Cinema* (London, 1974 [1968]).

Leitz, Christian, Nazi Germanys Intervention in the Spanish Civil War and the Foundation of HISMA/ROWAK, in Preston and Mackenzie (eds.), *The Republic Besieged*, 53–85.

Lenger, Friedrich, *Sozialgeschichte der deutschen Handwerker seit 1800* (Frankfurt am Main, 1988).

Lenz, Rudolf, *Karstadt: Ein deutscher Warenhauskonzern 1920–1950* (Stuttgart, 1995).

Levi, Erik, *Music in the Third Reich* (New York, 1994).

Levine, Herbert S., *Hitlers Free City: A History of the Nazi Party in Danzig, 1925–39* (Chicago, 1973).

—, The Mediator: Carl J. Burckhardts Efforts to Avert a Second World War, *Journal of Modern History*, 45 (1973), 439–53.

Lewy, Guenter, *The Catholic Church and Nazi Germany* (New York, 1964).

—, *The Nazi Persecution of the Gypsies* (New York, 2000).

Ley, Michael, and Schoeps, Julian H., *Der Nationalsozialismus als politische Religion* (Bodenheim, 1997).

Ley, Robert, *Soldaten der Arbeit* (Munich, 1938).

Lidtke, Vernon L., *The Alternative Culture: Socialist Labor in Imperial Germany* (New York, 1985).

Lindner, Helmut, Deutsche und gegentypische Mathematik. Zur Begründung einer arteigenen Mathematik im Dritten Reich durch Ludwig Bieberbach, in Mehrtens and Richter (eds.), *Naturwissenschaft*, 88–115.

Lingelbach, Karl Christoph, *Erziehung und Erziehungstheorien im nationalsozialistischen Deutschland: Ursprünge und Wandlungen der 1933–1945 in Deutsch-lands vorherrschenden erziehungstheoretischen Strömungen: Ihre politischen Funktionen und ihr Verhältnis zur außerschulischen Erziehungspraxis des Dritten Reiches* (Frankfurt am Main, 1987 [1970]).

Linsmayer, Ludwig, *Politische Kultur im Saargebiet 1920–1932: Symbolische Politik, verhinderte Demokratisierung, nationalisiertes Kulturleben in einer abgetrennten Region* (St Ingbert, 1992).

Löffler, Peter (ed.), *Bischof Clemens August Graf von Galen: Akten, Briefe und Predigten 1933–1946, I: 1933–1939* (Mainz, 1988).

Lohalm, Uwe, Local Administration and Nazi Anti-Jewish Policy, in Bankier (ed.), *Probing*, 109–46.

London, John, *Theatre under the Nazis* (Manchester, 2000).

London, Louise, Jewish Refugees, Anglo-Jewry and British Government Policy, in Cesarani (ed.), *The Making of Modern Anglo-Jewry*, 163–90.

—, *Whitehall and the Jews, 1933–1948: British Immigration Policy, Jewish Refugees, and the Holocaust* (Cambridge, 2000).

Longerich, Peter, *Die braunen Bataillone: Geschichte der SA* (Munich, 1989).

- , Nationalsozialistische Propaganda, in Bracher *et al.* (eds.), *Deutschland 1933–1945*, 291–314.
- , *Politik der Vernichtung: Eine Gesamtdarstellung der nationalsozialistischen Judenverfolgung* (Munich, 1998).
- , *Der ungeschriebene Befehl: Hitler und der Weg zur Endlösung* (Munich, 2001).
- Lorentz, Bernhard, Die Commerzbank und die Arisierung im Altreich. Ein Vergleich der Netzwerkstrukturen und Handlungsspielräume von Grossbanken in der NS-Zeit, *VfZ* 50 (2002), 237–68.
- Lorenz, Saskia, Die Zerstörung der Synagogen unter dem Nationalsozialismus, in Herzig (ed.), *Verdrängung und Vernichtung*, 153–72.
- Löwenthal, Richard, *Die Widerstandsgruppe Neu Beginnen* (Berlin, 1982).
- , and von zur Mühlen, Patrick (eds.), *Widerstand und Verweigerung in Deutschland 1933 bis 1945* (Berlin, 1982).
- Lowry, Stephen, *Pathos und Politik: Ideologie in Spielfilmen des Nationalsozialismus* (Tübingen, 1991).
- Lucassen, Leo, *Zigeuner: Die Geschichte eines polizeilichen Ordnungsbegriffes in Deutschland, 1700–1945* (Cologne, 1996).
- Ludewig, Hans-Ulrich, and Kuessner, David, *Es sei also jeder gewarnt: Das Sondergericht Braunschweig 1933–1945* (Braunschweig, 2000).
- Ludwig, Johannes, *Boykott – Enteignung – Mord: Die Entjudung der deutschen Wirtschaft* (Hamburg, 1989).
- Lundgreen, Peter (ed.), *Wissenschaft im Dritten Reich* (Frankfurt am Main, 1985).
- Luther, Hans, *Vor dem Abgrund, 1930–1933: Reichsbankpräsident in Krisenzeiten* (Berlin, 1964).
- Lüttichau, Mario-Andreas von, Deutsche Kunst and Entartete Kunst: Die Münchner Ausstellungen 1937, in Schuster (ed.), *Die Kunststadt München*, 12–36.
- , *Entartete Kunst*, Munich, 1937: A Reconstruction, in Barron (ed.), *Degenerate Art*, 45–81.
- Macartney, Carlile A., and Palmer, Alan, *Independent Eastern Europe: A History* (London, 1966).
- Mack Smith, Denis, *Mussolinis Roman Empire* (London, 1976).
- , *Modern Italy: A Political History* (NewHaven, Conn., 1997 [1959]).
- Macrakis, Kristie, *Surviving the Swastika: Scientific Research in Nazi Germany* (NewYork, 1993).
- Maier, Hans, *Politische Religionen: Die totalitären Regime und das Christentum* (Freiburg, 1995).
- Maier, Helmut (ed.), *Rüstungsforschung im Nationalsozialismus: Organisation, Mobilisierung und Entgrenzung der Technikwissenschaften* (Göttingen, 2002).
- Maingünther, Wilfred, *Reichskristallnacht* (Kiel, 1987).
- Maiwald, Klaus-Jürgen, *Filmzensur im NS-Staat* (Dortmund, 1983).
- Malinowski, Stephan, *Vom König zum Führer: Sozialer Niedergang und politische Radikalisierung im deutschen Adel zwischen Kaiserreich und NS-Staat* (Berlin, 2003).

Mallmann, Klaus-Michael, and Gerhard, Paul, *Das zersplitterte Nein: Saarländer gegen Hitler* (Bonn, 1989).

—, *Herrschaft und Alltag: Ein Industrierevier im Dritten Reich* (Bonn, 1991).

—, Omniscient, Omnipotent, Omnipresent? Gestapo, Society and Resistance, in Crew(ed.), *Nazism*, 166–96.

—, *Milieus und Widerstand. Eine Verhaltensgeschichte der Gesellschaft im Nationalsozialismus* (Bonn, 1995).

Manchester, William, *The Arms of Krupp, 1587–1968* (New York, 1970 [1968]).

Mandell, Richard D., *The Nazi Olympics* (London, 1972 [1971]).

Mann, Reinhard, *Protest und Kontrolle im Dritten Reich: Nationalsozialistische Herrschaft im Alltag einer rheinischen Grossstadt* (Frankfurt am Main, 1987).

Marcon, Helmut, *Arbeitsbeschaffungspolitik der Regierungen Papen und Schleicher: Grundsteinlegung für die Beschäftigungspolitik im Dritten Reich* (Bern, 1974).

Marcus, Joseph, *Social and Political History of the Jews in Poland, 1919–1939* (Berlin, 1983).

Marschalck, Peter, *Bevölkerungsgeschichte Deutschlands im 19. und 20. Jahrhundert* (Frankfurt am Main, 1984).

Marshall-Cornwell, James et al. (eds.), *Akten zur deutschen auswärtigen Politik, 1918–1945: Aus den Akten des Deutschen Auswärtigen Amtes* (series A-E, Baden-Baden, 1951–95).

Marssolek, Inge, Radio in Deutschland 1923–1960: Zur Sozialgeschichte eines Mediums, *Geschichte und Gesellschaft*, 27 (2001), 207–39.

—, Die Zeichen an der Wand. Denunziation aus der Perspektive des jüdischen Alltags im Dritten Reich, *Historical Social Research*, 26 (2001), 204–18.

—, and Saldern, Adelheid von (eds.), *Zuhören und Gehörtwerden, I: Radio im Nationalsozialismus: Zwischen Lenkung und Ablenkung* (Tübingen, 1998).

—, *Radiozeiten: Herrschaft, Alltag, Gesellschaft (1924–1960)*. (Potsdam, 1999).

Martens, Stefan, Die Rolle Hermann Görings in der deutschen Aussenpolitik 1937/38, in Knipping and Müller (eds.), *Machtbewusstsein*, 75–82.

—, *Hermann Göring: Erster Paladin des Führers und Zweiter Mann im Reich* (Paderborn, 1985).

Marxen, Klaus, *Das Volk und sein Gerichtshof: Eine Studie zum nationalsozialistischen Volksgerichtshof* (Frankfurt am Main, 1994).

Marwell, David G., Ernst Hanfstaengl: Des Führers Klavierspieler, in Smelser et al. (eds.), *Die braune Elite, II: 21 weitere biographische Skizzen*, 137–49.

Maschmann, Melita, *Account Rendered: A Dossier on My Former Self* (London, 1964).

Mason, Timothy W., The Primacy of Politics – Politics and Economics in National Socialist Germany, in Woolf (ed.), *The Nature of Fascism*, 165–95.

—, The Legacy of 1918 for National Socialism, in Nicholls and Matthias (eds.), *German Democracy*, 215–40.

— (ed.), *Arbeiterklasse und Volksgemeinschaft: Dokumente und Materialien zur deutschen Arbeiterpolitik 1936–1939* (Opladen, 1975).

- , The Workers Opposition in Nazi Germany, *History Workshop Journal*, 11 (1987), 120–37.
- , *Social Policy in the Third Reich: The Working Class and the National Community* (Providence, R.I., 1993 [1977]).
- , The Domestic Dynamics of Nazi Conquests: A Response to Critics, in Childers and Caplan (eds.), *Reevaluating the Third Reich*, 161–89.
- , *Nazism, Fascism and the Working Class* (Cambridge, 1995).
- , Women in Germany, 1925–1940: Family, Welfare and Work, in idem, *Nazism, Fascism and the Working Class*, 131–211.
- Mastny, Vojtech, *The Czechs under Nazi Rule: The Failure of National Resistance, 1939–1942* (London, 1971).
- Matthias, Erich, *Mit dem Gesicht nach Deutschland* (Düsseldorf, 1968).
- Matzerath, Horst (ed.), ... vergessen kann man die Zeit nicht, das ist nicht möglich...: Kölner erinnern sich an die Jahre 1929–1945 (Cologne, 1985).
- , and Volkmann, Heinrich, Modernisierungstheorie und Nationalsozialismus, in Kocka (ed.), *Theorien*, 86–116.
- Maurer, Trude, The Background for Kristallnacht: The Expulsion of Polish Jews, in Pehle (ed.), *November 1938*, 44–72.
- Mayer, Paul (ed.), *Ernst Rowohlt in Selbstzeugnissen und Bilddokumenten* (Reinbeck, 1968).
- McKee, Ilse, *Tomorrow the World* (London, 1960).
- McLeod, Hugh, *Piety and Poverty: Working-Class Religion in Berlin, London, and New York, 1870–1914* (New York, 1996).
- , *Religion and the People of Western Europe, 1789–1989* (Oxford, 1997 [1981]).
- Mead, Margaret, and Mertraux, Rhoda (eds.), *The Study of Culture at a Distance* (Chicago, 1953).
- Medick, Hans, and Sabeian, David (eds.), *Interest and Emotion: Essays in the Study of Family and Kinship* (Cambridge, 1984).
- Meehan, Patricia, *The Unnecessary War: Whitehall and the German Resistance to Hitler* (London, 1992).
- Mehl, Stefan, *Das Reichsfinanzministerium und die Verfolgung der deutschen Juden, 1933–1943* (Berlin, 1990).
- Mehrtens, Herbert, Entartete Wissenschaft? Naturwissenschaften und Nationalsozialismus, in Siegele-Wenschkewitz and Stuchlik (eds.), *Hochschule*, 113–28.
- , Kollaborationsverhältnisse: Natur- und Technikwissenschaften im NS-Staat und ihre Historie, in Meinel and Voswinkel (eds.), *Medizin*, 13–32.
- , and Richter, Steffen (eds.), *Naturwissenschaft, Technik und NS-Ideologie: Beiträge zur Wissenschaftsgeschichte des Dritten Reichs* (Frankfurt am Main, 1980).
- Meier, Kurt, *Die Deutschen Christen: Das Bild einer Bewegung im Kirchenkampf des Dritten Reiches* (Göttingen, 1964).
- Meier-Benneckenstein, Paul (ed.), *Dokumente der deutschen Politik, IV: Deutschlands Aufstieg zur Grossmacht 1936* (Berlin, 1937).

Meinel, Christoph, and Voswinckel, Peter (eds.), *Medizin, Naturwissenschaft, Technik und Nationalsozialismus: Kontinuitäten und Diskontinuitäten* (Stuttgart, 1994).

Melton, James Van Horn, Continuities in German Historical Scholarship, 1933–1960, in Lehmann and Melton (eds.), *Paths*, 1–18.

Melzer, Emanuel, The Polish Authorities and the Jewish Question, 1930–1939, in Greenbaum (ed.), *Minority Problems*, 77–81.

Mendelsohn, Ezra, *The Jews of East Central Europe Between the World Wars* (Bloomington, Ind., 1983).

Mendes-Flohr, Paul, Jewish Cultural Life under National Socialism, in Meyer (ed.), *German-Jewish History*, 283–312.

Mensing, Björn, *Pfarrer und Nationalsozialismus: Geschichte einer Verstrickung am Beispiel der Evangelisch-Lutherischen Kirche in Bayern* (Göttingen, 1998).

Menz, Egon, Sprechchor und Aufmarsch. Zur Entstehung des Thingspiels, in Denkler and Prümmer (eds.), *Die deutsche Literatur*, 330–46.

Merker, Reinhard, *Die bildenden Künste im Nationalsozialismus: Kulturideologie, Kulturpolitik, Kulturproduktion* (Cologne, 1983).

Merkel, Peter H., *Political Violence under the Swastika: 581 Early Nazis* (Princeton, N.J., 1975).

Merson, Allan, *Communist Resistance in Nazi Germany* (London, 1985).

Messerschmidt, Manfred, Foreign Policy and Preparation for War, in Militärgeschichtliches Forschungsamt (ed.), *Germany*, 541–717.

Meyer, Beate, *Jüdische Mischlinge: Rassenpolitik und Verfolgungserfahrung 1933–1945* (Hamburg, 1999).

—, The Mixed Marriage: A Guarantee of Survival or a Reflection of German Society during the Nazi Regime?, in Bankier (ed.), *Probing*, 54–77.

Meyer, Michael, *The Politics of Music in the Third Reich* (New York, 1991).

Meyer, Michael A. (ed.), *German-Jewish History in Modern Times* (4 vols., New York, 1998 [1996]).

Meyhoff, Andreas, *Blohm und Voss im Dritten Reich: Eine Hamburger Grosswerft zwischen Geschäft und Politik* (Hamburg, 2001).

Meynert, Joachim, *Was vor der Endlösung geschah: Antisemitische Ausgrenzung und Verfolgung in Minden-Ravensberg, 1933–1945* (Münster, 1988).

Mezger, Edmund, *Kriminalpolitik auf kriminologischer Grundlage* (Stuttgart, 1934).

Michaelis, Herbert, and Schraepfer, Ernst (eds.), *Ursachen und Folgen: Vom deutschen Zusammenbruch 1918 und 1945 bis zur staatlichen Neuordnung Deutschlands in der Gegenwart* (25 vols., Berlin, 1965–79).

Michalka, Wolfgang, Conflicts within the German Leadership on the Objectives and Tactics of German Foreign Policy 1933–9, in Mommsen and Kettenacker (eds.), *The Fascist Challenge and the Policy of Appeasement*, 48–60.

—, *Ribbentrop und die deutsche Weltpolitik, 1933–1940: Ausenpolitische Konzeptionen und Entscheidungsprozesse im Dritten Reich* (Munich, 1989 [1980]).

—, Joachim von Ribbentrop: From Wine Merchant to Foreign Minister, in Smelser and Zitellmann (eds.), *The Nazi Elite*, 165–72.

Milfull, John (ed.), *The Attractions of Fascism: Social Psychology and Aesthetics of the Triumph of the Right* (New York, 1990).

Militärgeschichtliches Forschungsamt (ed.), *Germany and the Second World War* (10 vols., Oxford 1990–[1979–]).

Miller, Susanne, and Polthoff, Heinrich, *A History of German Social Democracy: From 1848 to the Present* (Leamington Spa, 1986).

Milton, Sybil, The Expulsion of Polish Jews from Germany October 1938 to July 1939: A Documentation, *Leo Baeck Institute Yearbook*, 29 (1984), 169–200.

—, Die Konzentrationslager der dreissiger Jahre im Bild der in- und ausländischen Presse, in Herbert *et al.* (eds.), *Die nationalsozialistischen Konzentrationslager*, 135–47.

—, Gypsies as Social Outsiders in Nazi Germany, in Gellately and Stoltzfus (eds.), *Social Outsiders*, 212–32.

Milward, Alan S., Fascism and the Economy, in Laqueur (ed.), *Fascism: A Readers Guide*, 409–53. Minuth, Karl-Heinz (ed.), *Akten der Reichskanzlei: Die Regierung Hitler, 1933–1934* (2 vols., Boppard, 1983).

Mockler, Anthony, *Haile Selassies War* (Oxford, 1984).

Moeller, Felix, *Der Filmminister: Goebbels und der Film im Dritten Reich* (Berlin, 1998).

Möller, Horst, Nationalsozialistische Wissenschaftsideologie, in Tröger (ed.), *Hochschule*, 65–76.

Moltmann, Günter, Weltherrschaftsideen Hitlers, in Brunner and Gerhard (eds.), *Europa und U5}bersee*, 197–240.

Mommsen, Hans, *Beamtentum im Dritten Reich: Mit ausgewählten Quellen zur nationalsozialistischen Beamtenpolitik* (Stuttgart, 1976).

—, and Grieger, Manfred, *Das Volkswagenwerk und seine Arbeiter im Dritten Reich* (Düsseldorf, 1996).

—, and Willems, Susanne (eds.), *Herrschaftsalldag im Dritten Reich: Studien und Texte* (Düsseldorf, 1988).

Mommsen, Wolfgang J., and Kettenacker, Lothar (eds.), *The Fascist Challenge and the Policy of Appeasement* (London, 1983).

Montefiore, Simon Sebag, *Stalin: The Court of The Red Tsar* (London, 2003).

Morsch, Günter, Oranienburg-Sachsenhausen, Sachsenhausen-Oranienburg, in Herbert *et al.* (eds.), *Die nationalsozialistischen Konzentrationslager*, 111–34.

Morse, Arthur D., *While Six Million Died: A Chronicle of American Apathy* (New York, 1967).

Moser, Jonny, Depriving Jews of Their Legal Rights in The Third Reich, in Pehle (ed.), *November 1938*, 127–32.

Mosse, George L. (ed.), *Nazi Culture: Intellectual, Cultural and Social Life in the Third Reich* (London, 1966).

—, *The Nationalization of the Masses: Political Symbolism and Mass Movements in Germany from the Napoleonic Wars through the Third Reich* (New York, 1975).

— (ed.), *International Fascism: New Thoughts and New Approaches* (London, 1979).

Mosse, Werner E., *The German-Jewish Economic Elite, 1820–1935: A Socio-Cultural Profile* (Oxford, 1989).

Mühlen, Patrick von zur, *Schlagt Hitler an der Saar!: Abstimmungskampf, Emigration und Widerstand im Saargebiet, 1933–1935* (Bonn, 1979).

Müller, Christian, *Das Gewohnheitsverbrechergesetz vom 24. November 1933. Kriminalpolitik als Rassenpolitik* (Baden-Baden, 1997).

–, *Modernes Strafrecht im Nationalsozialismus: Das Gewohnheitsverbrechergesetz vom 24. 11. 1933*, in Franz-Josef Düwell and Thomas Bormbaum (eds.), *Themen juristischer Zeitgeschichte*, III (Baden-Baden, 1999), 46–70.

Müller, Franz, *Ein Rechtskatholik zwischen Kreuz und Hakenkreuz: Franz von Papen als Sonderbevollmächtigter Hitlers in Wien 1934–1938* (Frankfurt am Main, 1990).

Müller, Hans, *Deutsches Bauerntum zwischen Gestern und Morgen* (Witzburg, 1940).

Müller, Ingo, *Nationalsozialistische Sondergerichte. Ihre Stellung im System des deutschen Strafverfahrens*, in Bennhold (ed.), *Spuren des Unrechts*, 17–34.

Müller, Joachim, *Sterilisation und Gesetzgebung bis 1933* (Husum, 1985).

Müller, Klaus-Jürgen, *Das Heer und Hitler: Armee und nationalsozialistisches Regime 1933–1940* (Stuttgart, 1969).

– (ed.), *General Ludwig Beck: Studien und Dokumente zur politisch-militärischen Vorstellungswelt und Tätigkeit des Generalstabschefs des deutschen Heeres 1933–1938* (Boppard, 1980).

–, *Militärpolitik nicht Militäropposition!*, *Historische Zeitschrift*, 235 (1982), 355–71.

Müller-Waldeck, Gunnar, and Ulrich, Roland, *Hans Fallada: Sein Leben in Bildern und Briefen* (Berlin, 1997).

Münkel, Daniela, *Bauern und Nationalsozialismus: Der Landkreis Celle im Dritten Reich* (Bielefeld, 1991).

–, *Hakenkreuz und Blut und Boden. Bäuerliches Leben im Landkreis Celle 1933–1939*, *Zeitschrift für Agrargeschichte und Agrarsoziologie*, 40 (1992), 206–47.

–, *Nationalsozialistische Agrarpolitik und Bauernalltag* (Frankfurt am Main, 1996).

–, *Der lange Abschied vom Agrarland: Agrarpolitik, Landwirtschaft und ländliche Gesellschaft zwischen Weimar und Bonn* (Göttingen, 2000).

Muskalla, Dieter, *NS-Politik an der Saar unter Josef Bürckel: Gleichschaltung – Neuordnung – Verwaltung* (Saarbrücken, 1995).

Mussnug, Dorothee, *Die Reichsfluchtsteuer 1931–1933* (Berlin, 1993).

Nelles, Dieter, Jan Valtins Tagebuch der Hölle – Legende und Wirklichkeit eines Schlüsselromans der Totalitarismustheorie, 1999: *Zeitschrift für Sozialgeschichte des 20. und 21. Jahrhunderts*, 9 (1994), 11–45.

–, *Organisation des Terrors im Nationalsozialismus*, *Sozialwissenschaftliche Literatur-Rundschau*, 25 (2002), 5–28.

–, *Die Rehabilitation eines Gestapo-Agenten: Richard Krebs/Jan Valtin*, *Sozial-Geschichte*, 18 (2003), 148–58.

Neugebauer, Wolfgang, (ed.), *Widerstand und Verfolgung im Burgenland: Eine Dokumentation* (Vienna, 1979).

Neuhäusler, Johann, *Kreuz und Hakenkreuz: Der Kampf des Nationalsozialismus gegen die katholische Kirche und der kirchliche Widerstand* (Munich, 1946).

Neurath, Paul Martin, *Die Gesellschaft des Terrors: Innenansichten der Konzentrationslager Dachau und Buchenwald* (Frankfurt am Main, 2004).

Neville, Peter, *Appeasing Hitler: The Diplomacy of Sir Neville Henderson, 1937–39* (Basingstoke, 1999).

Newman, Simon, *March 1939: The British Guarantee to Poland: A Study in the Continuity of British Foreign Policy* (Oxford, 1976).

Nicholas, Lynn H., *The Rape of Europa: The Fate of Europe's Treasures in the Third Reich and the Second World War* (New York, 1994).

Nicholls, Anthony J., and Matthias, Erich (eds.), *German Democracy and the Triumph of Hitler: Essays in Recent German History* (London, 1971).

Nicosia, Francis R., *The Third Reich and the Palestine Question* (London, 1985).

—, Ein nützlicher Feind: Zionismus im nationalsozialistischen Deutschland 1933–1939, *VfZ* 37 (1989), 367–400.

—, and Lawrence D. Stokes (eds.), *Germans Against Nazism: Nonconformity, Opposition and Resistance in the Third Reich: Essays in Honour of Peter Hoffmann* (Oxford, 1990).

Niedhart, Gottfried, and Broderick, George, *Lieder in Politik und Alltag des Nationalsozialismus* (Frankfurt am Main, 1999).

Niemann, Harry, and Herman, Armin (eds.), *Die Entwicklung der Motorisierung im Deutschen Reich und den Nachfolgestaaten* (Stuttgart, 1995).

Niemöller, Martin, *From U-boat to Pulpit* (London, 1936 [1934]).

—, *Dahlemer Predigten 1936/37* (Munich, 1981).

Niermann, Hans-Eckhard, *Die Durchsetzung politischer und politisierter Strafrechts im Dritten Reich* (Düsseldorf, 1995).

Niethammer, Lutz (ed.), *Die Jahre weiss man nicht, wo man die heute hinsetzen soll: Faschismuserfahrungen im Ruhrgebiet: Lebensgeschichte und Sozialkultur im Ruhrgebiet 1930 bis 1960* (Berlin, 1983).

Nipperdey, Thomas, *Deutsche Geschichte 1866–1918* (2 vols., Munich, 1990).

Niven, William, The Birth of Nazi Drama? *Thing Plays*, in London (ed.), *Theatre under the Nazis*, 54–95.

Noakes, Jeremy, The Oldenburg Crucifix Struggle of November 1936: A Case Study of Opposition in the Third Reich, in Stachura (ed.), *The Shaping*, 210–33.

—, Nazism and Revolution, in Noel OSullivan (ed.), *Revolutionary Theory and Political Reality* (London, 1983), 73–100.

—, Nazism and Eugenics: The Background to the Nazi Sterilization Law of 14 July 1933, in Bullen et al. (eds.), *Ideas into Politics*, 75–94.

—, Wohin gehören die Judenmischlinge? Die Entstehung der ersten Durchführungsverordnungen zu den Nürnberger Gesetzen, in Büttner (ed.), *Das Unrechtsregime*, II. 69–89.

—, *The Origins, Structure and Function of Nazi Terror*, in O'Sullivan (ed.), *Terrorism, Ideology and Revolution*, 67–87.

—, *Social Outcasts in the Third Reich*, in Bessel (ed.), *Life in the Third Reich*, 183–96.

—, *The Development of Nazi Policy towards the German-Jewish Mischlinge, 1933–1945*, *Leo Baeck Institute Year Book*, 34 (1989), 291–354.

—, and Geoffrey Pridham (eds.), *Nazism 1919–1945* (4 vols., Exeter, 1983–98 [1974]).

Nitschke, Peter, *Polizei und Gestapo. Vorauseilender Gehorsam oder polykratischer Konflikt?*, in Paul and Mallmann (eds.), *Die Gestapo*, 306–22.

Noam, Ernst, and Kropat, Wolf-Arno (eds.), *Justiz und Judenverfolgung* (2 vols., Wiesbaden, 1975).

Nothnagel, Hans, and Dähn, Ewald, *Juden in Suhl: Ein geschichtlicher U{5}berblick* (Konstanz, 1995).

Novick, Peter, *The Holocaust and Collective Memory: The American Experience* (London, 2000).

Nye, David E. (ed.), *Technologies of Landscape: From Reaping to Recycling* (Amherst, Mass., 1999).

Obenaus, Herbert, *The Germans: An Antisemitic People. The Press Campaign after 9 November 1938*, in Bankier (ed.), *Probing*, 147–80.

Oberkrome, Willi, *Volksgeschichte: Methodische Innovation und völkische Ideo-logisierung in der deutschen Geschichtswissenschaft 1918–1945* (Göttingen, 1992).

Obst, Dieter, *Reichskristallnacht: Ursachen und Verlauf des antisemitischen Pogroms vom November 1938* (Frankfurt am Main, 1991).

Oehler, Christiane, *Die Rechtsprechung des Sondergerichts Mannheim 1933–1945* (Berlin, 1997).

Ogan, Bernd, and Weiss, Wolfgang W., *Faszination und Gewalt: Zur politischen Ästhetik des Nationalsozialismus* (Nuremberg, 1992).

O'Neill, Robert J., *The German Army and the Nazi Party 1933–1939* (London, 1968 [1966]).

Orth, Karin, *Das System der nationalsozialistischen Konzentrationslager: Eine politische Organisationsgeschichte* (Hamburg, 1999).

Ortmeyer, Benjamin, *Schulzeit unterm Hitlerbild: Analysen, Berichte, Dokumente* (Frankfurt am Main, 1996).

Osterroth, Franz, and Schuster, Dieter, *Chronik der deutschen Sozialdemokratie* (Hanover, 1963).

O'Sullivan, Noel (ed.), *Terrorism, Ideology and Revolution* (Brighton, 1986).

Overy, Richard J., *Cars, Roads, and Economic Recovery in Germany, 1932–1938*, *Economic History Review*, 2nd Series, 28 (1975), 466–83.

—, *The German Pre-war Production Plans: November 1936–April 1939*, *English Historical Review*, 90 (1975), 778–97.

—, *The German Motorisierung and Rearmament: A Reply*, *Economic History Review*, 32 (1979), 107–13.

- , Heavy Industry in the Third Reich: The Reichswerke Crisis, *European History Quarterly*, 15 (1985), 313–39.
- , Unemployment in the Third Reich, *Business History*, 29 (1987), 253–82.
- , *War and Economy in the Third Reich* (Oxford, 1994).
- , *The Dictators: Hitlers Germany and Stalins Russia* (New York, 2004).
- Padover, Saul K., *Experiment in Germany: The Story of an American Intelligence Officer* (New York, 1946).
- Pahl-Weber, Elke, and Schubert, Dirk, Myth and Reality in National Socialist Town Planning and Architecture: Housing and Urban Development in Hamburg, 1933–45, *Planning Perspectives*, 6 (1991), 161–88.
- Papen, Franz von, *Memoirs* (London, 1952).
- Paret, Peter, *An Artist Against the Third Reich: Ernst Barlach, 1933–1938* (Cambridge, 2003).
- Parker, Robert A. C., *Chamberlain and Appeasement: British Policy and the Coming of the Second World War* (London, 1993).
- , Alternatives to Appeasement, in Finney (ed.), *The Origins of the Second World War*, 206–21.
- , *Churchill and Appeasement* (London, 2000).
- Parkinson, Fred (ed.), *Conquering the Past: Austrian Nazism Yesterday and Today* (Detroit, Mich., 1959).
- Pätzold, Kurt, and Runge, Irene, *Pogromnacht 1938* (Berlin, 1988).
- Paucker, Arnold et al. (eds.), *The Jews in Nazi Germany, 1933–1945* (Tübingen, 1986).
- Paul, Gerhard, *Deutsche Mutter – heim zu Dir!: Warum es misslang, Hitler an der Saar zu schlagen: Der Saarkampf 1933–1935* (Cologne, 1984).
- , *Aufstand der Bilder: Die NS-Propaganda vor 1933* (Bonn, 1990).
- , and Mallmann, Klaus-Michael, Auf dem Wege zu einer Sozialgeschichte des Terrors: Eine Zwischenbilanz, in idem (eds.), *Die Gestapo*, 3–18.
- , *Milieus und Widerstand: Eine Verhaltensgeschichte der Gesellschaft im Nationalsozialismus* (Bonn, 1995).
- (eds.), *Die Gestapo: Mythos und Realität* (Darmstadt, 1995).
- Pauley, Bruce F., *Hitler and the Forgotten Nazis: A History of Austrian National Socialism* (Chapel Hill, N.C., 1981).
- , *From Prejudice to Persecution: A History of Austrian Anti-Semitism* (Chapel Hill, N.C., 1992).
- Pehle, Walter H., *November 1938: From Reichskristallnacht to Genocide* (New York, 1991).
- Pentzlin, Heinz, *Hjalmar Schacht: Leben und Wirken einer umstrittenen Persönlichkeit* (Berlin, 1980).
- Perkins, John, Nazi Autarchic Aspirations and the Beet-Sugar Industry, 1933–39, *European History Quarterly*, 29 (1990), 497–518.
- Perry, Marvin, and Schweitzer, Frederick M., *Jewish-Christian Encounters over the Centuries: Symbiosis, Prejudice, Holocaust, Dialogue* (New York, 1994).

Petach, Joachim, Architektur als Weltanschauung: Die Staats- und Parteiarchitektur im Nationalsozialismus, in Ogan and Weiss (eds.), *Faszination und Gewalt*, 197–204.

Peter, Karen (ed.), *NS-Presseanweisungen der Vorkriegszeit: Edition und Dokumentation*, V: 1937 (Munich, 1998); VI: 1938 (Munich, 1999).

Peterson, Agnes. F., et al. (eds.), *Himmler: Geheimreden 1933 bis 1945* (Frankfurt am Main, 1974).

Peterson, Edward N., *The Limits of Hitlers Power* (Princeton, N.J., 1969).

Petrick, Fritz, Eine Untersuchung zur Beseitigung der Arbeitslosigkeit unter der deutschen Jugend in den Jahren von 1933 bis 1935, *Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte* (1967), 287–300.

Petropoulos, Jonathan, A Guide through the Visual Arts Administration of the Third Reich, in Cuomo (ed.), *National Socialist Cultural Policy*, 121–53.

—, *Art as Politics in the Third Reich* (Chapel Hill, N.C., 1996).

—, *The Faustian Bargain: The Art World in Nazi Germany* (New York, 2000).

—, From Seduction to Denial: Arno Brekers Engagement with National Socialism, in Etlin (ed.), *Art*, 205–29.

Petsch, Joachim, Architektur und Städtebau im Dritten Reich—Anspruch und Wirklichkeit, in Peukert and Reulecke (eds.), *Die Reihen fast geschlossen*, 175–98.

Petzina, Dietmar, Hauptprobleme der deutschen Wirtschaftspolitik 1932/33, *VfZ* 15 (1967), 18–55.

—, *Autarkiepolitik im Dritten Reich: Der nationalsozialistische Vierjahresplan (1936–42)* (Stuttgart, 1968).

—, *Die deutsche Wirtschaft in der Zwischenkriegszeit* (Wiesbaden, 1977).

—, The Extent and Causes of Unemployment in the Weimar Republic, in Stachura (ed.), *Unemployment*, 29–48.

— et al. (eds.), *Sozialgeschichtliches Arbeitsbuch, III: Materialien zur Statistik des Deutschen Reiches 1914–1945* (Munich, 1978).

Petzold, Joachim, *Franz von Papen: Ein deutsches Verhängnis* (Munich, 1995).

Peukert, Detlev J. K., *Die KPD im Widerstand: Verfolgung und Untergrundarbeit an Rhein und Ruhr 1933 bis 1945* (Wuppertal, 1980).

—, Working-Class Resistance: Problems and Options, in Large (ed.), *Contending with Hitler*, 35–48.

—, The Genesis of the Final Solution from the Spirit of Science, in Childers and Caplan (eds.), *Reevaluating the Third Reich*, 234–52.

—, and Reulecke, Jürgen (eds.), *Die Reihen fast geschlossen: Beiträge zur Geschichte des Alltags unterm Nationalsozialismus* (Wuppertal, 1981).

Peuschel, Harald, *Die Männer um Hitler: Braune Biographien — Martin Bormann, Joseph Goebbels, Hermann Göring, Reinhard Heydrich, Heinrich Himmler und andere* (Düsseldorf, 1982).

Phillips, Marcus S., The Nazi Control of the German Film Industry, *Journal of European Studies*, 1 (1971), 37–68.

Picker, Henry (ed.), *Hitlers Tischgespräche im Führerhauptquartier 1941–42* (Bonn, 1951).

Piekalkiewicz, Janusz, *Polenfeldzug: Hitler und Stalin zerschlagen die Polnische Republik* (Bergisch Gladbach, 1982).

Pikarski, Margot, and Uebel, Günter (eds.), *Die KPD lebt! Flugblätter aus dem antifaschistischen Widerstandskampf der KPD 1933–1945* (3 vols., Berlin, 1980–89).

—, *Gestapo-Berichte über den antifaschistischen Widerstandskampf der KPD 1933 bis 1945* (3 vols., Berlin, 1989–90).

Pine, Lisa, The Dissemination of Nazi Ideology and Family Virtues through School Textbooks, *History of Education*, 25 (1996), 91–110.

—, *Nazi Family Policy, 1933–1945* (Oxford, 1997).

Pingel, Falk, *Häftlinge unter SS-Herrschaft: Widerstand, Selbstbehauptung und Vernichtung im Konzentrationslager* (Hamburg, 1978).

—, Konzeption und Praxis der nationalsozialistischen Konzentrationslager 1933 bis 1938. Kommentierende Bemerkungen, in Herbert et al. (eds.), *Die nationalsozialistischen Konzentrationslager*, 148–66.

Plache, Bruno, *Das Raumgefüge der Welt: Erdkundebuch für Schulen mit höheren Lehrzielen*, I: *Deutschland* (Göttingen, 1939).

Plant, Richard, *The Pink Triangle: The Nazi War against Homosexuals* (Edinburgh, 1987 [1986]).

Platner, Geert (ed.), *Schule im Dritten Reich, Erziehung zum Tod? Eine Dokumentation* (Munich, 1983).

Plum, Günter, Wirtschaft und Erwerbsleben, in Benz (ed.), *Die Juden in Deutschland 1933–1945*, 268–313.

Plumpe, Gottfried, *Die I.G. Farbenindustrie AG: Wirtschaft, Technik und Politik 1904–1945* (Berlin, 1990).

—, Antwort auf Peter Hayes, *Geschichte und Gesellschaft*, 18 (1992), 526–32.

Plumpe, Werner, and Kleinschmidt, Christian (eds.) *Unternehmen zwischen Markt und Macht: Aspekte deutscher Unternehmens- und Industriegeschichte im 20. Jahrhundert* (Essen, 1992).

Pöggeler, Franz, Politische Inhalte in Fibeln und Lesebüchern des Dritten Reiches, in Hohmann (ed.), *Erster Weltkrieg*, 75–104.

Pohle, Heinz, *Der Rundfunk als Instrument der Politik: Zur Geschichte des Rundfunks von 1923 bis 1928* (Hamburg, 1955).

Pois, Robert A., *National Socialism and the Religion of Nature* (London, 1986).

Poliakov, Leron, and Wulf, Josef (eds.), *Das Dritte Reich und seine Denker: Doku-mente* (Berlin, 1959).

Poller, Walter, *Arztstreiber in Buchenwald: Bericht des Häftlings 996 aus Block 36* (Hamburg, 1946).

Polster, Bernd, *Swing Heil: Jazz im Nationalsozialismus* (Berlin, 1989).

Pommerin, Reiner, *Sterilisierung der Rheinlandbastarde: Das Schicksal einer farbigen deutschen Minderheit 1918–1937* (Düsseldorf, 1979).

Potter, Pamela M., The Nazi Seizure of the Berlin Philharmonic, or the Decline of a Bourgeois Musical Institution, in Cuomo (ed.), *National Socialist Cultural Policy*, 39–65.

—, *Most German of the Arts: Musicology and Society from the Weimar Republic to the End of Hitler's Reich* (NewHaven, Conn., 1998).

Prantl, Helmut (ed.), *Die kirchliche Lage in Bayern nach den Regierungspräsidentenberichten 1933–1943, V: Regierungsbezirk Pfalz 1933–1940* (Mainz, 1978).

Preston, Paul, *The Spanish Civil War, 1936–39* (London, 1986).

—, *Franco: A Biography* (London, 1993).

—, and Mackenzie, Anne L. (eds.), *The Republic Besieged: Civil War in Spain 1936–1939* (Edinburgh, 1996).

Prieberg, Fred K., *Musik im NS-Staat* (Frankfurt am Main, 1982).

—, *Trial of Strength: Wilhelm Furtwängler in the Third Reich* (London, 1991 [1986]).

Prinz, Michael, *Vom neuen Mittelstand zum Volksgenossen: Die Entwicklung des sozialen Status der Angestellten von der Weimarer Republik bis zum Ende der NS-Zeit* (Munich, 1986).

Prinzhorn, Hans, *Bildnerei der Geisteskranken: Ein Beitrag zur Psychologie und Psychopathologie der Gestaltung* (Berlin, 1922).

Probst, Volker, *Der Bildhauer Arno Breker* (Bonn, 1978).

Proctor, Robert N., *Racial Hygiene: Medicine under the Nazis* (London, 1988).

—, *The Nazi War on Cancer* (Princeton, N.J., 1999).

Prümm, Karl, Das Erbe der Front. Der antidemokratische Kriegsroman der Weimarer Republik und seine nationalsozialistische Fortsetzung, in Denkler and Prümm (eds.), *Die deutsche Literatur*, 138–64.

Przyrembel, Alexandra, *Rassenschande: Reinheitsmythos und Vernichtungslegitimation im Nationalsozialismus* (Göttingen, 2003).

Pyta, Wolfram, *Dorfgemeinschaft und Parteipolitik, 1918–1933: Die Verschränkung von Milieu und Parteien in den protestantischen Landgebieten Deutschlands in der Weimarer Republik* (Düsseldorf, 1996).

Quine, Maria S., *Population Politics in Twentieth-Century Europe: Fascist Dictatorships and Liberal Democracies* (London, 1996).

Rabinbach, Anson G., Toward a Marxist Theory of Fascism and National Socialism, *New German Critique*, 1 (1974), 127–53.

—, The Aesthetics of Production in the Third Reich, in Mosse (ed.), *International Fascism*, 189–222.

Rabinovici, Doron, Expediting Expropriation and Expulsion: The Impact of the Vienna Model on Anti-Jewish Policies in Nazi Germany, 1938, *Holocaust and Genocide Studies*, 14 (2000), 390–414.

—, *Instanzen der Ohnmacht: Wien 1938–1945: Der Weg zum Judenrat* (Frankfurt am Main, 2000).

Rainbird, Sean (ed.), *Max Beckmann* (NewYork, 2003).

Raitz von Frentz, Christian, *A Lesson Forgotten: Minority Protection under the League of Nations: The Case of the German Minority in Poland, 1920–1934* (Münster, 2000).

Rammstedt, Otthein, Theorie und Empirie des Volksfeindes. Zur Entwicklung einer deutschen Soziologie, in Lundgreen (ed.), *Wissenschaft*, 253–313.

Rave, Paul Ortwin, *Kunstdiktatur im Dritten Reich* (Hamburg, 1949).

Read, Anthony, and Fisher, David, *The Deadly Embrace: Hitler, Stalin, and the Nazi-Soviet Pact, 1939–1941* (London, 1988).

—, *Kristallnacht: Unleashing the Holocaust* (London, 1989).

Rebentisch, Dieter, Die politische Beurteilung als Herrschaftsinstrument der NSDAP, in Peukert and Reulecke (eds.), *Die Reihen fast geschlossen*, 107–28.

Reck, Friedrich, *Bockelson: Geschichte eines Messenwahns* (Stuttgart, 1968 [1937]).

—, *Diary of a Man in Despair* (London, 2000 [1966]).

Reese, Dagmar, and Sachse, Carola, Frauenforschung zum Nationalsozialismus. Eine Bilanz, in Gravenhorst and Tatschmurat (eds.), *Töchter-Fragen*, 73–106.

Regge, Jürgen, and Schubert, Werner (eds.), *Quellen zur Reform des Straf- und Strafprozessrechts, 2. Abteilung: NS-Zeit (1933–1939) – Strafgesetzbuch, I: Entwürfe eines Strafgesetzbuchs; II: Protokolle der Strafrechtskommission des Reichsjustizministeriums* (2 vols., Berlin, 1988–9).

Reich, Simon, *The Fruits of Fascism: Postwar Prosperity in Historical Perspective* (Ithaca, N.Y., 1990).

Reichel, Peter, *Der schöne Schein des Dritten Reiches: Faszination und Gewalt des Faschismus* (Munich, 1992).

—, Volksgemeinschaft und Führer-Mythos, in Ogan and Weiss (eds.), *Faszination und Gewalt*, 137–50.

Reichl, Johannes M., *Das Thingspiel. Über den Versuch eines nationalsozialistischen Lehrstück-Theaters (Euringer – Heynick – Möller)* (Frankfurt, 1998).

Reichsjugendführung, *HJ im Dienst, Ausbildungsvorschrift für die Ertüchtigung der deutschen Jugend* (Berlin, 1935).

Reif, Heinz, *Adel im 19. und 20. Jahrhundert* (Munich, 1999).

— (ed.), *Adel und Bürgertum in Deutschland, II: Entwicklungslinien und Wendepunkte im 20. Jahrhundert* (Berlin, 2001).

Reinharz, Jehuda, and Schatzberg, Walter (eds.), *The Jewish Response to German Culture: From the Enlightenment to the Second World War* (Hanover, N.H., 1985).

Remane, Horst, Conrad Weygand und die Deutsche Chemie, in Meinel and Voswinckel (eds.), *Medizin*, 183–91.

Remy, Steven P., *The Heidelberg Myth: The Nazification and Denazification of a German University* (Cambridge, Mass., 2002).

Rentschler, Eric, *The Ministry of Illusion: Nazi Cinema and its Afterlife* (Cambridge, Mass., 1996).

Resse, Dagmar, Bund Deutscher Mädel. Zur Geschichte der weiblichen deutschen Jugend im Dritten Reich, in Frauengruppe Faschismusforschung (ed.), *Mutterkreuz*, 163–87.

Reuband, Karl-Heinz, Denunziation im Dritten Reich. Die Bedeutung von System-unterstützung und Gelegenheitsstrukturen, *Historical Social Research*, 26 (2001), 219–34.

Reuth, Ralf Georg, *Goebbels: Eine Biographie* (Munich, 1990).

Reynolds, David, *In Command of History: Churchill Fighting and Writing the Second World War* (London, 2004).

Rheinland-Pfalz, Ministerium der Justiz (ed.), *Justiz im Dritten Reich: NS-Sondergerichtsverfahren in Rheinland-Pfalz: Eine Dokumentation* (3 vols., Frankfurt am Main, 1994).

Rhodes, James M., *The Hitler Movement: A Modern Millenarian Revolution* (Stanford, 1980).

Ribbe, Wolfgang (ed.), *Die Lageberichte der Geheimen Staatspolizei über die Provinz Brandenburg und die Reichshauptstadt Berlin 1933 bis 1936*, I: *Der Regierungsbezirk Potsdam* (Cologne, 1998).

Ribbentrop, Joachim von, *The Ribbentrop Memoirs* (London, 1954 [1953]).

Ribhegge, Wilhelm, *Geschichte der Universität Münster: Europa in Westfalen* (Münster, 1985).

Richardi, Hans-Günter, *Schule der Gewalt: Das Konzentrationslager Dachau 1933–1934* (Munich, 1983).

Richards, Donald Ray, *The German Bestseller in the Twentieth Century: A Complete Bibliography and Analysis, 1915–1940* (Berne, 1968).

Richarz, Monika, *Jüdisches Leben in Deutschland: Selbstzeugnisse zur Sozialgeschichte 1918–1945* (3 vols., Stuttgart, 1982).

Richter, Steffen, *Die Deutsche Physik*, in Mehrtens and Richter (eds.), *Naturwissenschaft*, 116–41.

Riefenstahl, Leni, *Memoiren 1902–1945* (Berlin, 1990 [1987]).

Riethmüller, Albrecht, Stefan Zweig and the Fall of the Reich Music Chamber President Richard Strauss, in Kater and Riethmüller (eds.), *Music and Nazism*, 269–91.

Rigg, Bryan Mark, *Hitlers Jewish Soldiers: The Untold Story of Nazi Racial Laws and Men of Jewish Descent in the German Military* (Lawrence, Kans., 2002).

Rinser, Luise, *Saturn auf der Sonne* (Frankfurt am Main, 1994).

Ritchie, James M., *Gottfried Benn: The Unreconstructed Expressionist* (London, 1972).

—, *German Literature under National Socialism* (London, 1983).

Ritschl, Albrecht, *Deutschlands Krise und Konjunktur 1924–1934: Binnenkonjunktur, Auslandsverschuldung und Reparationsproblem zwischen Dawes-Plan und Transfersperre* (Berlin, 2002).

Ritter, Gerhard, *Die deutschen Historikertage, Geschichte in Wissenschaft und Unterricht*, 4 (1953), 513–21.

Robbins, Keith, *Munich 1938* (London, 1968).

Roberts, Geoffrey K., *The Unholy Alliance: Stalins Pact with Hitler* (London, 1991).

Rohde, Horst, *Hitlers First Blitzkrieg and Its Consequences for North-eastern Europe*, in Militärgeschichtliches Forschungsamt (ed.), *Germany*, II. 67–150.

Röhr, Werner, Über die Initiative zur terroristischen Gewalt der Gestapo – Fragen und Einwände zu Gerhard Paul, in idem and Brigitte Berlekamp (eds.), *Terror, Herrschaft und Alltag im Nationalsozialismus. Probleme der Sozialgeschichte des deutschen Faschismus* (Münster, 1995), 211–24.

Rögg, Hans, *A History of Modern Poland: From the Foundation of the State in the First World War to the Present Day* (London, 1966 [1961]).

Rosenberg, Alfred, *Blut und Ehre: Ein Kampf für deutsche Wiedergeburt: Reden und Aufsätze von 1919–1933* (Munich, 1934).

—, *Der Mythos des 20. Jahrhunderts: Eine Wertung der seelisch-geistigen Gestaltenkämpfe unserer Zeit* (Munich, 1935).

Rosenkranz, Herbert, *Verfolgung und Selbstbehauptung: Die Juden in OÖ sterreich 1938–1945* (Vienna, 1978).

Rosenstock, Werner, Exodus 1933–1939: A Survey of Jewish Emigration from Germany, *Leo Baeck Institute Yearbook*, 1 (1956), 373–90.

Rösgen, Hans Jürgen, *Die Auflösung der katholischen Studentenverbände im Dritten Reich* (Bochum, 1995).

Ross, Dieter, *Hitler und Dollfuss. Die deutsche OÖ sterreich-Politik, 1933–1934* (Hamburg, 1966).

Rossmeißl, Dieter, *Ganz Deutschland wird zum Führer halten... Zur politischen Erziehung in den Schulen des Dritten Reiches* (Frankfurt am Main, 1985).

Rostock, Jürgen, and Zadniecek, Franz, *Paradiesruinen: Das KdF-Seebad der Zwanzigtausend auf Rügen* (Berlin, 1997 [1992]).

Rothfels, Hans, *Ostraum Preussentum und Reichsgedanke: Historische Abhandlungen, Vorträge und Reden* (Leipzig, 1935).

Rüger, Maria (ed.), *Kunst und Kunstkritik der dreissiger Jahre: 29 Standpunkte zu künstlerischen und ästhetischen Prozessen und Kontroversen* (Dresden, 1990).

Ruhnau, Rüdiger, *Die Freie Stadt Danzig, 1919–1939* (Berg am See, 1979).

Runzheimer, Jürgen, Der U{5}berfall auf den Sender Gleiwitz im Jahre 1939, *VfZ* 10 (1962), 408–26.

Rürup, Reinhard (ed.), *Jüdische Geschichte in Berlin* (Berlin, 1995).

Sachse, Carola, *Industrial Housewives: Womens Social Work in the Factories in Nazi Germany* (London, 1987).

Safrian, Hans, *Die Eichmann-Männer* (Vienna, 1992).

—, Expediting Expropriation and Expulsion: The Impact of the Vienna Model on Anti-Jewish Policies in Nazi Germany, 1938, *Holocaust and Genocide Studies*, 14 (2000), 390–414.

Saldern, Adelheid von, *Mittelstand im Dritten Reich: Handwerker – Einzelhändler – Bauern* (Frankfurt am Main, 1985 [1979]).

—, Alter Mittelstand im Dritten Reich. Anmerkungen zu einer Kontroverse, *Geschichte und Gesellschaft*, 12 (1986), 235–43.

—, Victims or Perpetrators? Controversies about the Role of Women in the Nazi State, in Crew(ed.), *Nazism*, 141–65.

—, Art for the People: From Cultural Conservatism to Nazi Cultural Policies, in idem, *The Challenge of Modernity*, 299–347.

—, *The Challenge of Modernity: German Social and Cultural Studies, 1890–1960* (Ann Arbor, 2002).

Salewski, Michael, *Die deutsche Seekriegsleitung 1935–1945* (3 vols., Frankfurt am Main, 1970–75).

Sänger, Fritz, *Politik der Täuschungen. Missbrauch der Presse im Dritten Reich. Weisungen, Informationen, Notizen, 1933–1939* (Vienna, 1975).

Sasuly, Richard, *IG Farben* (New York, 1947).

Sauer, Paul, (ed.), *Die Schicksale der jüdischen Bürger Baden-Württembergs während der nationalsozialistischen Verfolgungszeit 1933–1945* (Stuttgart, 1969).

Sauerbruch, Ferdinand, *Das war mein Leben* (Bad Wörishofen, 1951).

Sbacchi, Alberto, *Legacy of Bitterness: Ethiopia and Fascist Italy, 1935–1941* (Lawrenceville, N.J., 1997).

Schaafhausen, Frederick W., *Das Auslandsdeutschtum* (Cologne, 1934).

Schaary, David, The Romanian Authorities and the Jewish Communities in Romania between the Two World Wars, in Greenbaum (ed.), *Minority Problems*, 89–95.

Schacht, Hjalmar H. G., *My First Seventy-Six Years: The Autobiography of Hjalmar Schacht* (London, 1955).

Schadt, Jörg (ed.), *Verfolgung und Widerstand unter dem Nationalsozialismus in Baden: Die Lageberichte der Gestapo und des Generalstaatsanwalts Karlsruhe, 1933–1940* (Stuttgart, 1976).

Schäfer, Hans Dieter, *Das gespaltene Bewusstsein: Über deutsche Kultur und Lebenswirklichkeit 1933–1945* (Munich, 1982).

Schausberger, Norbert, *Der Griff nach OÖ sterreich: Der Anschluss* (Vienna, 1978).

—, Wirtschaftliche Aspekte des Anschlusses OÖ sterreichs an das Deutsche Reich (Dokumentation), *Militärgeschichtliche Mitteilungen*, 8 (1970), 133–64.

Schemm, Hans, *Hans Schemm spricht: Seine Reden und sein Werk* (Bayreuth, 1941 [1935]).

Schenkendorf, Leopold von, and Hoffmann, Heinrich, *Kampf ums dritte Reich: Eine historische Bilderfolge* (Altona-Bahrenfeld, 1933).

Scherer, Klaus, *Asoziale im Dritten Reich: Die vergessenen Verfolgten* (Münster, 1990).

Schirach, Baldur von, *Die Hitler-Jugend: Idee und Gestalt* (Leipzig, 1938 [1934]).

Schleier, Hans, *Die Historische Zeitschrift 1918–1943*, in Streisand (ed.), *Studien über die deutsche Geschichtswissenschaft*, II. 51–302.

—, German Historiography under National Socialism: Dreams of a Powerful Nation-state and German Volkstum Come True, in Berger et al. (eds.), *Writing National Histories*, 176–88.

Schleiermacher, Sabine, *Sozialethik im Spannungsfeld von Sozial- und Rassenhygiene: Der Mediziner Hans Harmsen im Centralesschuss für die Innere Mission* (Husum, 1998).

Schliebs, Siegfried, Verboten, verbrannt, verfolgt... Wolfgang Herrmann und seine Schwarze Liste: Schöne Literatur vom Mai 1933. Der Fall des Volksbibliothekars Dr Wolfgang Herrmann, in Haarmann et al. (eds.), *Das war ein Vorspiel nur...*, 442–54.

Schlotterbeck, Friedrich, *The Darker the Night, The Brighter The Stars: A German Worker Remembers (1933–1945)* (London, 1947).

Schlüter, Holger, *Die Urteilspraxis des nationalsozialistischen Volksgerichtshofs* (Berlin, 1995).

Schmädeke, Jürgen, and Steinbach, Peter (eds.), *Der Widerstand gegen den Nationalsozialismus: Die deutsche Gesellschaft und der Widerstand gegen Hitler* (Munich, 1986).

Schmeer, Karlheinz, *Die Regie des öffentlichen Lebens im Dritten Reich* (Munich, 1956).

Schmid, Hans-Dieter, Anständige Beamte und üble Schläger. Die Staatspolizeileitstelle Hannover, in Paul and Mallmann (eds.), *Die Gestapo*, 133–60.

Schmidl, Erwin A., *März 38: Der deutsche Einmarsch in OÖ sterreich* (Vienna, 1987).

Schmidt, Herbert, *Beabsichtige ich die Todesstrafe zu beantragen: Die nationalsozialistische Sondergerichtsbarkeit im Oberlandesgerichtsbezirk Düsseldorf 1933–1945* (Essen, 1998).

Schmidt, Jürgen, *Martin Niemöller im Kirchenkampf* (Hamburg, 1971).

Schmidt, Uta C., Der Volksempfänger: Tabernakel moderner Massenkultur, in Marssolek and von Saldern (eds.), *Radiozeiten*, 136–59.

Schmidt-Schönbeck, Charlotte, *300 Jahre Physik und Astronomie an der Kieler Universität* (Kiel, 1965).

Schmiechen-Ackermann, Detlef, *Anpassung, Verweigerung, Widerstand: Soziale Milieus, politische Kultur und der Widerstand gegen den Nationalsozialismus in Deutschland im regionalen Vergleich* (Berlin, 1997).

–, *Kooperation und Abgrenzung: Bürgerliche Gruppen, evangelische Kirchengemeinden und katholisches Sozialmilieu in der Auseinandersetzung mit dem Nationalsozialismus in Hannover* (Hanover, 1999).

–, Der Blockwart. Die unteren Parteifunktionäre im nationalsozialistischen Terror- und Überwachungsapparat, *VfZ* 48 (2000), 575–602.

Schmoldt, Benno (ed.), *Schule in Berlin: Gestern und heute* (Berlin, 1989).

Schmuhl, Hans-Walter, *Rassenhygiene, Nationalsozialismus, Euthanasie: Von der Verhütung zur Vernichtung lebensunwerten Lebens, 1890–1945* (Göttingen, 1987).

Schmutzer, Reinhard, Der Wahlsieg der Sudetendeutsche Partei: Die Legende von der faschistischen Bekenntnisswahl, *Zeitschrift für Ostforschung*, 41 (1992), 345–84.

Schnass, Franz, *Nationalpolitische Heimat- und Erdkunde, eine lebensnahe Methodik* (Osterwieck am Harz, 1938).

Schneider, Christian, et al., *Das Erbe der NAPOLA: Versuch einer Generationen-geschichte des Nationalsozialismus* (Hamburg, 1996).

Schneider, Michael, The Development of State Work Creation Policy in Germany, 1930–1933, in Stachura (ed.), *Unemployment*, 163–86.

–, *Unterm Hakenkreuz: Arbeiter und Arbeiterbewegung 1933 bis 1939* (Bonn, 1999).

Schneider, Thomas Martin, *Reichsbischof Ludwig Müller: Eine Untersuchung zu Leben, Werk und Persönlichkeit* (Göttingen, 1993).

Schneider, Tobias, Bestseller im Dritten Reich. Ermittlung und Analyse der meistverkauften Romane in Deutschland 1933–1944, *VfZ* 52 (2004), 77–97.

Schnell, Ralf, *Literarische innere Emigration: 1933–1945* (Stuttgart, 1976).

Schnorbach, Hermann, *Lehrer und Schule unterm Hakenkreuz: Dokumente des Widerstands von 1930 bis 1945* (Königstein im Taunus, 1983).

Schoenbaum, David, *Hitlers Social Revolution: Class and Status in Nazi Germany, 1933–1939* (London, 1967).

Scholder, Klaus, *Die Kirchen und das Dritte Reich, I: Vorgeschichte und Zeit der Illusionen 1918–1934* (Frankfurt am Main, 1977).

—, *Die Kirchen und das Dritte Reich, II: Das Jahr der Ernüchterung 1934: Barmen und Rom* (Berlin, 1985).

Scholtz, Harald, *NS-Ausleseschulen: Internatsschulen als Herrschaftsmittel des Führerstaates* (Göttingen, 1973).

Schönberger, Angela, *Die neue Reichskanzlei von Albert Speer: Zum Zusammenhang von nationalsozialistischer Ideologie und Architektur* (Berlin, 1981).

Schönhagen, Benigna, *Tübingen unterm Hakenkreuz: Eine Universitätsstadt in der Zeit des Nationalsozialismus* (Tübingen, 1991).

Schönwälder, Karen, *Historiker und Politik. Geschichtswissenschaft im Nationalsozialismus* (Frankfurt am Main, 1992).

Schopf, Roland, Von Nibelungentreue, Märtyrertod und verschwörerischer Verschwiegenheit, in Hohmann (ed.), *Erster Weltkrieg*, 194–214.

Schoppmann, Claudia, *Days of Masquerade: Life Stories of Lesbian Women during the Third Reich* (New York, 1996 [1993]).

Schöttler, Peter, *Geschichtsschreibung als Legitimationswissenschaft 1918–1945* (Frankfurt am Main, 1997).

Schröder, Gerald, Die Wiedergeburt der Pharmazie – 1933 bis 1934, in Mehrtens und Richter (eds.), *Naturwissenschaft*, 166–88.

Schubert, Dirk, ... Ein neues Hamburg entsteht.... Planungen in der Führerstadt Hamburg zwischen 1933–1945, in Hartmut Frank (ed.), *Faschistische Architekturen*, 299–318.

Schubert, Giselher, The Aesthetic Premises of a Nazi Conception of Music, in Kater and Riethmüller (eds.), *Music and Nazism*, 64–74.

Schuker, Stephen A., France and the Remilitarization of the Rhineland, 1936, *French Historical Studies*, 14 (1986), 299–338. (Also in Finney (ed.), *The Origins of the Second World War*, 222–44).

Schulte-Sasse, Linda, *Entertaining the Third Reich: Illusions of Wholeness in Nazi Cinema* (Durham, N.C., 1996).

Schultheis, Herbert, *Die Reichskristallnacht in Deutschland nach Augenzeugenberichten* (Bad Neustadt an der Saale, 1985).

Schulz, Günther, *Die Angestellten seit dem 19. Jahrhundert* (Munich, 2000).

Schulze, Winfried, *Deutsche Geschichtswissenschaft nach 1945* (Munich, 1989).

—, German Historiography from the 1930s to the 1950s, in Lehmann and Melton (eds.), *Paths*, 19–42.

Schumann, Hans Gerd, *Nationalsozialismus und Gewerkschaftsbewegung: Die Vernichtung der deutschen Gewerkschaften und der Aufbau der Deutschen Arbeitsfront* (Hanover, 1958).

Schuschnigg, Kurt, *et al.*, *Austrian Requiem* (London, 1947).

Schuster, Peter-Klaus (ed.), *Die Kunststadt München 1937: Nationalsozialismus und entartete Kunst* (Munich, 1988).

Schütz, Erhard H., and Gruber, Eckard, *Mythos Reichsautobahn: Bau und Inszenierung der Strassen des Führers 1933–1941* (Berlin, 1996).

Schwabe, Klaus, Change and Continuity in German Historiography from 1933 into the Early 1950s: Gerhard Ritter (1888–1967), in Lehmann and Melton (eds.), *Paths*, 82–108.

Schwartz, Michael, Bauern vor dem Sondergericht. Resistenz und Verfolgung im bäuerlichen Milieu Westfalens, in Faust (ed.), *Verfolgung und Widerstand*, 113–23.

—, *Sozialistische Eugenik: Eugenische Sozialtechnologien in Debatten und Politik der deutschen Sozialdemokratie 1890–1933* (Bonn, 1995).

Schwarzwäller, Wulf C., *The Unknown Hitler: His Private Life and Fortune* (Bethesda, Md., 1989 [1986]).

Schweitzer, Arthur, Der ursprüngliche Vierjahresplan, *Jahrbücher für National-ökonomie und Statistik*, 160 (1956), 348–96.

—, *Big Business in the Third Reich* (Bloomington, Ind., 1964).

Schwingl, Georg, *Die Pervertierung der Schule im Nationalsozialismus: Ein Beitrag zum Begriff Totalitäre Erziehung* (Regensburg, 1993).

Scobie, Alex, *Hitlers State Architecture: The Impact of Classical Antiquity* (Philadelphia, Pa., 1990).

Seeger, Andreas, Vom bayerischen Systembeamten zum Chef der Gestapo. Zur Person und Tätigkeit Heinrich Müllers (1900–1945), in Paul and Mallmann (eds.), *Die Gestapo*, 255–67.

Seidler, Franz Wilhelm, *Fritz Todt: Baumeister des Dritten Reiches* (Munich, 1986).

—, Fritz Todt: From Motorway Builder to Minister of State, in Smelser and Zitellmann (eds.), *The Nazi Elite*, 245–56.

Seier, Hellmut, Der Rektor als Führer. Zur Hochschulpolitik des Reichserziehungsministeriums 1934–1945, *VfZ* 12 (1964), 105–46.

Seier, Hellmut, Nationalsozialistisches Wissenschaftsverständnis und Hochschulpolitik, in Siegele-Wenschkewitz and Stuchlik (eds.), *Hochschule*, 5–21.

Semmens, Kristin A., *Seeing Hitlers Germany: Tourism in The Third Reich* (London, 2005).

Sereny, Gitta, *Albert Speer: His Battle with Truth* (London, 1995).

Service, Robert, *Stalin: A Biography* (London, 2004).

Seton-Watson, Hugh, *Eastern Europe between the Wars, 1918–1941* (New York,

1967 [1945]). Shand, James, The Reichsautobahn: Symbol for the Third Reich, *Journal of Contemporary History*, 19 (1984), 189–200.

Shapiro, Paul A., Prelude to Dictatorship in Romania: The National Christian Party in Power, December 1937–February 1938, *Canadian-American Slavic Studies*, 8 (1974), 45–88.

Sherman, A. Joshua, *Island Refuge: Britain and Refugees from the Third Reich, 1933–1939* (London, 1973).

—, A Jewish Bank during the Schacht Era: M. M. Warburg & Co., 1933–1938, in Paucker (ed.), *The Jews in Nazi Germany 1933–1943*, 16–76.

Shirer, William L., *Berlin Diary: The Journal of a Foreign Correspondent, 1934–1941* (London, 1970 [1941]).

Siegele-Wenschkewitz, Leonore, and Stuchlik, Gerda, *Hochschule und Nationalsozialismus: Wissenschaftsgeschichte und Wissenschaftsbetrieb als Thema der Zeitgeschichte* (Frankfurt am Main, 1990).

Siebert, Toni, Das Konzentrationslager Flossenbürg, gegründet für sogenannte Asoziale und Kriminelle, in Broszat et al. (eds.), *Bayern*, II, 429–93.

Siemens, Hans, *Die Geschichte des Hitlerjungen Adolf Goers* (Düsseldorf, 1947).

Silverman, Dan P., A Pledge Unredeemed: The Housing Crisis in Weimar Germany, *Central European History*, 3 (1970), 119–20.

—, *Hitlers Economy: Nazi Work Creation Programs, 1933–1936* (London, 1998).

Skrentny, Werner, *Hamburg zu Fuss: 20 Stadtteilrundgänge durch Geschichte und Gegenwart* (Hamburg, 1986).

Smelser, Ronald M., *The Sudeten Problem, 1933–1938: Volkstumspolitik and the Formulation of Nazi Foreign Policy* (Folkestone, 1975).

—, *Robert Ley: Hitlers Labor Front Leader* (Oxford, 1988).

—, Robert Ley: The Brown Collectivist, in idem and Zitelmann (eds.), *The Nazi Elite*, 144–54.

—, and Zitelmann, Rainer (eds.), *The Nazi Elite* (Basingstoke, 1993 [1989]).

—, et al. (eds.), *Die Braune Elite, II: 21 weitere biographische Skizzen* (Darmstadt, 1993).

Smith, Bradley F., Die Überlieferung der Hossbach-Niederschrift im Lichte neuer Quellen, *VfZ* 38 (1990), 329–36.

—, and Peterson, Agnes F. (eds.), *Heinrich Himmler: Geheimreden 1933–1945* (Frankfurt am Main, 1974).

Smith, Helmut Walser, *German Nationalism and Religious Conflict: Culture, Ideology, Politics, 1870–1914* (Princeton, N.J., 1995).

— (ed.), *Protestants, Catholics, and Jews in Germany, 1800–1914* (Oxford, 2001).

Sneeringer, Julia, *Winning Womens Votes: Propaganda and Politics in Weimar Germany* (Chapel Hill, N.C., 2002).

Sofsky, Wolfgang, *Die Ordnung des Terrors: Das Konzentrationslager* (Frankfurt am Main, 1993).

Solmitz, Luise, *Tagebuch* (Staatsarchiv der Freien- und Hansestadt Hamburg, 622–1, 111511–13: Familie Solmitz; transcripts in Forschungsstelle für Zeitgeschichte, Hamburg).

Somary, Felix, *The Raven of Zürich: The Memoirs of Felix Somary* (London, 1986).

Sommer, Theo, *Deutschland und Japan zwischen den Mächten, 1935–1940: Vom Antikominternpakt zum Dreimächtepakt: Eine Studie zur diplomatischen Vorgeschichte des Zweiten Weltkriegs* (Tübingen, 1962).

Sontag, Susan, Fascinating Fascism, in Taylor and van der Will (eds.), *The Nazification of Art*, 204–18.

Southworth, Herbert R., *Guernica! Guernica!: A Study of Journalism, Diplomacy, Propaganda, and History* (Berkeley, Calif., 1977).

Sowade, Hanno, Otto Ohlendorf: Non-conformist, SS Leader and Economic Functionary, in Smelser and Zitelmann (eds.), *The Nazi Elite*, 155–64.

Sparing, Frank, The Gypsy Camps: The Creation, Character and Meaning of an Instrument for the Persecution of Sinti and Romanies under National Socialism in Fings *et al.*, *From Race Science to the Camps*, 39–70.

–, Zwangskastration im Nationalsozialismus. Das Beispiel der Kriminalbiologischen Sammelstelle Köln, in Peter Busse and Klaus Schreiber (eds.), *Kriminalbiologie* (Düsseldorf, 1997).

Speer, Albert, *Inside the Third Reich: Memoirs* (London, 1971 [1970]).

Spektorowski, Alberto, and Mizrachi, Elisabeth, Eugenics and the Welfare State in Sweden: The Politics of Social Margins and the Idea of a Productive Society, *Journal of Contemporary History*, 39 (2004), 333–52.

Spenceley, Geoffrey, R. J. Overy and the Motorisierung: A Comment, *Economic History Review*, 32 (1979), 100–106.

Spiess, Alfred, and Lichtenstein, Heiner, *Das Unternehmen Tannenberg: Der Anlass zum Zweiten Weltkrieg* (Wiesbaden, 1979).

Spiker, Jürgen, *Film und Kapital: Der Weg der deutschen Filmwirtschaft zum nationalsozialistischen Einheitskonzern* (Berlin, 1975).

Splitt, Gerhard, *Richard Strauss 1933–1935: Ästhetik und Musikpolitik zu Beginn der nationalsozialistischen Herrschaft* (Pfaffenweiler, 1987).

Spode, Hasso, Der deutsche Arbeiter reist: Massentourismus im Dritten Reich, in Huck (ed.), *Sozialgeschichte der Freizeit*, 281–306.

–, Ein Seebad für zwanzigtausend Volksgenossen: Zur Grammatik und Geschichte des Fordistischen Urlaubs, in Brenner (ed.), *Reisekultur in Deutschland*, 7–47.

Sponheuer, Bernd, The National Socialist Discussion on the German Quality in Music, in Kater and Riethmüller (eds.), *Music and Nazism*, 32–42.

Spotts, Frederic, *Bayreuth: A History of the Wagner Festival* (NewHaven, Conn. 1994).

–, *Hitler and the Power of Aesthetics* (London, 2002)

Stachura, Peter D. (ed.), *The Shaping of the Nazi State* (London, 1978).

– (ed.), *Unemployment and the Great Depression in Weimar Germany* (London, 1986).

Stahlmann, Michael, *Die erste Revolution in der Autoindustrie: Management und Arbeitspolitik von 1900–1940* (Frankfurt am Main, 1993).

Staritz, Ekkehart, *Deutsches Volk und deutscher Raum: Vom alten Germanien zum Dritten Reich: Vom alten Germanien zum Dritten Reich* (Berlin, 1938).

Stasiewski, Bernhard (ed.), *Akten deutscher Bischöfe über die Lage der Kirche, 1933–1945* (6 vols., Mainz, 1968–85).

Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich, 59 (Berlin, 1941–2).

Stauffer, Paul, *Zwischen Hofmannsthal und Hitler: Carl J. Burckhardt: Facetten einer aussergewöhnlichen Existenz* (Zürich, 1991).

Steer, George L., *Caesar in Abyssinia* (London, 1936). Steigmann-Gall, Richard, *The Holy Reich: Nazi Conceptions of Christianity, 1919–1945* (Cambridge, 2003).

—, Was National Socialism a Political Religion or a Religious Politics?, in Geyer and Lehmann (eds.), *Religion und Nation: Nation und Religion*, 386–408.

Stein, Leo, *I Was in Hell with Niemoeller* (London, 1942).

Steinberg, Hans-Josef, *Widerstand und Verfolgung in Essen, 1933–1945* (Hanover, 1969).

Steinberg, Michael Stephen, *Sabers and Brown Shirts: The German Students Path to National Socialism, 1918–1935* (Chicago, 1977).

Steinberg, Rolf, *Nazi-Kitsch* (Darmstadt, 1975).

Steinhaus, Hubert, *Hitlers pädagogische Maximen: Mein Kampf und die Destruktion der Erziehung im Nationalsozialismus* (Frankfurt am Main, 1981).

Steinweis, Alan E., Weimar Culture and the Rise of National Socialism: The Kampfbund für deutsche Kultur, *Central European History*, 24(1991), 402–23.

—, *Art, Ideology and Economics in Nazi Germany: The Reich Chambers of Music, Theater, and the Visual Arts* (Chapel Hill, N.C., 1993).

—, Cultural Eugenics: Social Policy, Economic Reform, and the Purge of Jews from German Cultural life, in Cuomo (ed.), *National Socialist Cultural Policy*, 23–37.

Stephenson, Jill, *Women in Nazi Society* (London, 1975).

—, The Nazi Organisation of Women, 1933–1939, in Stachura (ed.), *The Shaping*, 186–209.

—, *Reichsbund der Kinderreichen: The League of Large Families in the Population Policy of Nazi Germany*, *European Studies Review*, 9 (1979), 350–75.

—, *The Nazi Organization of Women* (London, 1981).

—, Womens Labor Service in Nazi Germany, *Central European History*, 15 (1982), 241–65.

Sternberger, Dolf, *Aus dem Wörterbuch des Unmenschen* (Düsseldorf, 1968 [1957]).

Stibbe, Matthew, *Women in the Third Reich* (London, 2003).

Stieg, Margaret F., *Public Libraries in Nazi Germany* (Tuscaloosa, Ala., 1992).

Stites, Richard, *The Womens Liberation Movement in Russia: Feminism, Nihilism, and Bolshevism 1860–1930* (Princeton, N.J., 1978).

—, *Russian Popular Culture: Entertainment and Society since 1900* (Cambridge, 1992).

Stoakes, Geoffrey, *Hitler and the Quest for World Dominion* (Leamington Spa, 1986).

Stokes, Lawrence D., *Kleinstadt und Nationalsozialismus: Ausgewählte Dokumente zur Geschichte von Eutin, 1918–1945* (Neumünster, 1984).

Stokes, Raymond G., From the IG Farben Fusion to the Establishment of BASF AG (1925–1952), in Abelshauser *et al.*, *German Industry*, 206–361.

Stollmann, Rainer, Faschistische Politik als Gesamtkunstwerk. Tendenzen der AËsthetisierung des politischen Lebens im Nationalsozialismus, in Denkler and Prümmer (eds.), *Die deutsche Literatur*, 83–101.

Stoltzfus, Nathan, *Resistance of the Heart: Intermarriage and the Rosenstrasse Protest in Nazi Germany* (New York, 1996).

Stommer, Rainer, Da oben versinkt ein Teil des Alltags.... Thingstätten im Dritten Reich als Demonstration der Volksgemeinschaftsideologie, in Peukert and Reulecke (eds.), *Die Reihen fast geschlossen*, 149–73.

– (ed.), *Reichsautobahn: Pyramiden des Dritten Reichs: Analysen zur AËsthetik eines unbewältigten Mythos* (Marburg, 1982).

–, *Die inszenierte Volksgemeinschaft: Die Thing-Bewegung im Dritten Reich* (Marburg, 1985).

Stone, Marla, *The Patron State: Culture and Politics in Fascist Italy* (Princeton, N.J., 1998).

Storek, Henning, *Dirigierte Öffentlichkeit: Die Zeitung als Herrschaftsmittel in den Anfangsjahren der nationalsozialistischen Regierung* (Opladen, 1972).

Stöver, Bernd, *Volksgemeinschaft im Dritten Reich: Die Konsensbereitschaft der Deutschen aus der Sicht sozialistischer Exilberichte* (Düsseldorf, 1993).

– (ed.), *Berichte über die Lage in Deutschland: Die Meldungen der Gruppe Neu Beginnen aus dem Dritten Reich 1933–1936* (Bonn, 1996).

Straumann, Lukas, and Wildmann, Daniel, Schweizer Chemieunternehmen im Dritten Reich (Zürich, 2001).

Strauss, Herbert A., Jewish Emigration from Germany: Nazi Policies and Jewish Responses, *Leo Baeck Institute Yearbook*, 25 (1980), 313–61, and 26 (1981), 343–409.

–, The Drive for War and the Pogroms of November 1938: Testing Explanatory Models, *Leo Baeck Institute Yearbook*, 35 (1990), 267–78.

Strauss, Werner, Das Reichsministerium des Innern und die Judengesetzgebung: Aufzeichnungen von Dr. Bernhard Lösener, *VfZ* 9 (1961), 264–313.

Streisand, Joachim (ed.), *Studien über die deutsche Geschichtswissenschaft von 1871 bis 1945* (2 vols., Berlin, 1965, 1969).

Strobl, Gerwin, *The Germanic Isle: Nazi Perceptions of Britain* (Cambridge, 2000).

Strohmeyer, Klaus, *Warenhäuser: Geschichte, Blüte und Untergang im Warenmeer* (Berlin, 1980).

Strothmann, Dietrich, *Nationalsozialistische Literaturpolitik: Ein Beitrag zur Publizistik im Dritten Reich* (Bonn, 1960).

Struve, Walter, *Aufstieg und Herrschaft des Nationalsozialismus in einer industriellen Kleinstadt: Osterode am Harz 1918–1945* (Essen, 1992).

Studnitz, Cecilia von, *Es war wie ein Rausch: Fallada und sein Leben* (Düsseldorf, 1997).

Stümke, Hans-Georg, Vom unausgeglichene Geschlechtshaushalt: Zur Verfolgung Homosexueller, in Frahm *et al.* (eds.), *Verachtet*, 46–63.

—, and Finkler, Rudi, *Rosa Winkel, rosa Listen: Homosexuelle und Gesundes Volksempfinden von Auschwitz bis heute* (Reinbek, 1981).

Suhling, Lothar, Deutsche Baukunst. Technologie und Ideologie im Industriebau des Dritten Reiches, in Mehrtens and Richter (eds.), *Naturwissenschaft*, 243–81.

Suhr, Elke, *Die Emslandlager: Die politische und wirtschaftliche Bedeutung der emsländischen Konzentrations- und Strafgefangenlager, 1933–1945* (Bremen, 1985).

Swatek, Dieter, *Unternehmenskonzentration als Ergebnis und Mittel nationalsozialistischer Wirtschaftspolitik* (Berlin, 1972).

Sydor, Charles W., *Soldiers of Destruction: The SS Deaths Head Division, 1933–1945* (Princeton, N.J., 1990 [1977]).

Sywottek, Jutta, *Mobilmachung für den totalen Krieg: Die propagandistische Vorbereitung der deutschen Bevölkerung auf den Zweiten Weltkrieg* (Opladen, 1976).

Szczesny, Gerhard, *Als die Vergangenheit Gegenwart war: Lebensanlauf eines Ostpreussen* (Berlin, 1990).

Tal, Uriel, *Structures of German Political Theology in the Nazi Era* (Tel Aviv, 1979).

Tampke, Jürgen, *Czech-German Relations and the Politics of Central Europe: From Bohemia to the EU* (London, 2003).

Tannenbaum, Edward R., *The Fascist Experience: Italian Society and Culture, 1922–1945* (New York, 1972).

Tarnowski, Wolfgang, *Ernst Barlach und der Nationalsozialismus: Ein Abendvortrag, gehalten am 20. Oktober 1988 in der Katholischen Akademie Hamburg* (Hamburg, 1989).

Taylor, Alan J. P., *The Origins of the Second World War* (Harmondsworth, 1964 [1961]).

Taylor, Brandon, and van der Will, Wilfried (eds.), *The Nazification of Art: Art, Design, Music, Architecture, and Film in the Third Reich* (Winchester, 1990).

Taylor, Robert R., *The Word in Stone: The Role of Architecture in the National Socialist Ideology* (Berkeley, Calif., 1974).

Teich, Mikuláš (ed.), *Bohemia in History* (Cambridge, 1998).

Teichová, Alice, The Protectorate of Bohemia and Moravia (1939–1945): The Economic Dimension, in Teich (ed.), *Bohemia in History*, 267–305.

Temin, Peter, *Lessons from the Great Depression* (Cambridge, Mass., 1989).

Tenfelde, Klaus, Proletarische Provinz: Radikalisierung und Widerstand in Penzberg/Oberbayern 1900 bis 1945, in Broszat et al. (eds.), *Bayern*, IV. 320–37.

Tennstedt, Florian, Wohltat und Interesse. Das Winterhilfswerk des Deutschen Volkes. Die Weimarer Vorgeschichte und ihre Instrumentalisierung durch das NS-Regime, *Geschichte und Gesellschaft*, 13 (1987), 157–80.

Tessner, Magnus, *Die deutsche Automobilindustrie im Strukturwandel von 1919 bis 1938* (Cologne, 1994).

Teut, Anna, *Architektur im Dritten Reich, 1933–1945* (Frankfurt am Main, 1967).

Thamer, Hans-Ulrich, Von der Ästhetisierung der Politik: Die Nürnberger Parteitage der NSDAP, in Ogan and Weiss (eds.), *Faszination und Gewalt*, 95–103.

Thies, Jochen, *Architekt der Weltherrschaft: Die Endziele Hitlers* (Düsseldorf, 1976).

—, Nazi Architecture — A Blueprint for World Domination: The Last Aims of Adolf Hitler, in Welch (ed.), *Nazi Propaganda*, 45–64.

Thomae, Otto, *Die Propaganda-Maschinerie: Bildende Kunst und Öffentlichkeitsarbeit im Dritten Reich* (Berlin, 1978).

Thomann, Klaus-Dieter, Krüppel sind nicht minderwertig. Körperbehinderte im Nationalsozialismus, in Meinel and Voswinkel (eds.), *Medizin*, 208–20.

Thomas, Hugh, *The Spanish Civil War* (3rd edn, London, 1986 [1961]).

Thomas, Walter, *Bis der Vorhang fiel* (Dortmund, 1947).

—, *Richard Strauss und seine Zeitgenossen* (Munich, 1964).

Thyssen, Fritz, *I Paid Hitler* (London, 1941).

Todt, Fritz, Der Strassenbau im nationalsozialistischen Staat, in Hans Heinrich Lammers and Hans Pfundtner (eds.), *Grundlagen, Aufbau und Wirtschaftsordnung des national sozialistischen Staates* (Berlin, 1937), III: *Die Wirtschaftsordnung des nationalsozialistischen Staates*.

Toepser-Ziegert, Gabriele (ed.), *NS-Presseanweisungen der Vorkriegszeit: Edition und Dokumentation*, I: 1933; II: 1934; III: 1935; IV: 1936 (Munich, 1984–93).

Tomaszewski, Jerzy, Economic and Social Situation of Jews in Poland, 1918–1939, Greenbaum (ed.), *Minority Problems*, 101–6.

Tooze, J. Adam, *Statistics and the German State, 1900–1945: The Making of Modern Economic Knowledge* (Cambridge, 2001).

Townshend, Charles, *Terrorism: A Very Short Introduction* (Oxford, 2002).

Trapp, Joachim, *Köln Schulen in der NS-Zeit* (Cologne, 1994).

Treue, Wilhelm, Rede Hitlers vor der deutschen Presse (10 November 1938), *VfZ* 6 (1958), 175–91.

— (ed.), Hitlers Denkschrift zum Vierjahresplan 1936, *VfZ* 3 (1955), 184–203.

Trial of the Major War Criminals before the International Military Tribunal, Nuremberg, 14 November 1945–1 October 1946 (Nuremberg, 1948).

Tröger, Annemarie, Die Frau im wesensgemässen Einsatz, in Frauengruppe Faschismusforschung (ed.), *Mutterkreuz*, 246–72.

—, The Creation of a Female Assembly-Line Proletariat, in Bridenthal *et al.* (eds.), *When Biology Became Destiny*, 237–70.

Tröger, Jörg, *Forschung als Waffe: Rüstungsforschung in der Kaiser-Wilhelm-Gesellschaft und das KWI für Metallforschung 1900 bis 1947* (Göttingen, 2005).

— (ed.), *Hochschule und Wissenschaft im Dritten Reich* (Frankfurt am Main, 1984).

Tuchel, Johannes, *Konzentrationslager: Organisationsgeschichte und Funktion der Inspektion der Konzentrationslager, 1934–1938* (Boppard, 1991).

—, Gestapo und Reichssicherheitshauptamt. Die Berliner Zentralinstitutionen der Gestapo, in Paul and Mallmann (eds.), *Die Gestapo*, 84–100.

2, Planung und Realität des Systems der Konzentrationslager 1934–1938, in Herbert *et al.* (eds.), *Die nationalsozialistischen Konzentrationslager*, 43–59.

Turner, Henry Ashby, Jr, Fritz Thyssen and I Paid Hitler, *VfZ* 19 (1971), 225–44.

–, *German Big Business and the Rise of Hitler* (New York, 1985).

–, Fallada for Historians, *German Studies Review*, 36 (2003), 477–92.

–, Fascism and Modernization, in idem (ed.), *Reappraisals of Fascism*, 117–39.

– (ed.), *Reappraisals of Fascism* (New York, 1975).

Turner, Stephen P., and Käsler, Dirk (eds.), *Sociology Responds to Fascism* (London, 1992).

Tyrell, Albrecht (ed.), *Führer befehl... Selbstzeugnisse aus der Kampfzeit des NSDAP: Dokumentation und Analyse* (Düsseldorf, 1969).

Ueberhorst, Horst (ed.), *Elite für die Diktatur: Die Nationalpolitischen Erziehungsanstalten 1933–1945: Ein Dokumentarbericht* (Düsseldorf, 1969).

–, Feste, Fahnen, Feiern: Die Bedeutung politischer Symbole und Rituale im Nationalsozialismus, in Voigt (ed.), *Symbole der Politik*, 157–78.

Ueberschär, Gerd R., and Vogel, Winfried, *Dienen und Verdienen: Hitlers Geschenke an seine Eliten* (Frankfurt, 1999).

Uhlig, Heinrich, *Die Warenhäuser im Dritten Reich* (Cologne, 1956).

Unverricht, Elsbeth, *Unsere Zeit und Wir: Das Buch der deutschen Frau* (Gauting, 1932).

Vaget, Hans Rudolf, Hitlers Wagner: Musical Discourse as Cultural Space, in Kater and Riethmüller (eds.), *Music and Nazism*, 15–31.

Vago, Bela, *The Shadow of the Swastika: The Rise of Fascism and Anti-Semitism in the Danube Basin, 1936–1939* (London, 1975).

Valtin, Jan (pseud. Richard Krebs), *Out of the Night* (London, 1941, reprinted with postscript by Lyn Walsh *et al.*, London, 1988).

Vogelin, Eric, *The New Science of Politics: An Introduction* (Chicago, 1952).

Vogel, Rolf, *Ein Stempel hat gefehlt: Dokumente zur Emigration deutscher Juden* (Munich, 1977).

Voigt, Rüdiger (ed.), *Symbole der Politik: Politik der Symbole* (Opladen, 1989).

Volk, Ludwig, *Bayerns Episkopat und Klerus in der Auseinandersetzung mit dem Nationalsozialismus 1930–1934* (Mainz, 1965).

Völkischer Beobachter, 1933–9.

Volkman, Hans-Erich, *Das Russlandbild im Dritten Reich* (Cologne, 1994).

–, The National Socialist Economy in Preparation for War, in Militärgeschichtliches Forschungsamt (ed.), *Germany and the Second World War*, 157–372.

Volkogonov, Dmitri, *Stalin: Triumph and Tragedy* (London, 1995 [1989]).

Vollmer, Bernhard (ed.), *Volksopposition im Polizeistaat: Gestapo- und Regierungsberichte 1934–1936* (Stuttgart, 1957).

Vollnhals, Clemens, Jüdische Selbsthilfe bis 1938, in Benz (ed.), *Die Juden in Deutschland*, 314–411.

Vondung, Klaus, *Magie und Manipulation: Ideologischer Kult und politische Religion des Nationalsozialismus* (Göttingen, 1971).

—, Der literarische Nationalsozialismus. Ideologische, politische und sozial-historische Wirkungszusammenhänge, in Denkler and Prümm (eds.), *Die deutsche Literatur*, 44–65.

Vorländer, Herwart, NS-Volkswohlfahrt und Winterhilfswerk des deutschen Volkes, *VfZ* 34 (1986), 341–80.

—, *Die NSV: Darstellung und Dokumentation einer nationalsozialistischen Organisation* (Boppard, 1988).

Vosskamp, Wilhelm, Kontinuität und Diskontinuität: Zur deutschen Literatur-wissenschaft im Dritten Reich, in Lundgreen (ed.), *Wissenschaft*, 140–62.

Wachsmann, Nikolaus, From Indefinite Confinement to Extermination: Habitual Criminals in the Third Reich, in Gellately and Stoltzfus (eds.), *Social Outsiders in Nazi Germany*, 165–91.

—, *Hitlers Prisons: Legal Terror in Nazi Germany* (NewHaven, Conn., 2004).

Waddington, Geoffrey T., Hitler, Ribbentrop, die NSDAP und der Niedergang des Britischen Empire 1935–1938, *VfZ* 40 (1992), 273–306.

Wagner, Caroline, *Die NSDAP auf dem Dorf: Eine Sozialgeschichte der NS-Machtergreifung in Lippe* (Münster, 1998).

Wagner, Kurt, *Leben auf dem Lande im Wandel der Industrialisierung: Das Dorf war früher auch keine heile Welt: Die Veränderung der dörflichen Lebensweise und der politischen Kultur vor dem Hintergrund der Industrialisierung, am Beispiel des nordhessischen Dorfes Körle* (Frankfurt am Main, 1986).

—, and Wilke, Gerhard, Dorfleben im Dritten Reich: Körle in Hessen, in Peukert and Reulecke (eds.), *Die Reihen fast geschlossen*, 85–106.

Wagner, Patrick, Vernichtung der Berufsverbrecher. Die vorbeugende Verbrechensbekämpfung der Kriminalpolizei bis 1937, in Herbert *et al.* (eds.), *Die nationalsozialistischen Konzentrationslager*, 87–110.

—, *Volksgemeinschaft ohne Verbrecher: Konzeptionen und Praxis der Kriminalpolizei in der Zeit der Weimarer Republik und des Nationalsozialismus* (Hamburg, 1996).

Wagner, Walter F., *Der Volksgerichtshof im nationalsozialistischen Staat* (Stuttgart, 1974).

Waiwald, Klaus-Jürgen, *Filmzensur im NS-Staat* (Dortmund, 1983).

Waldenfels, Ernst von, *Der Spion, der aus Deutschland kam: Das geheime Leben des Seemanns Richard Krebs* (Berlin, 2003).

Walter, Michael, *Hitler in der Oper: Deutsches Musikleben 1919–1945* (Stuttgart, 1995).

Walton, John K., *The British Seaside: Holidays and Resorts in the Twentieth Century* (Manchester, 2000).

Wasserstein, Bernard, *Britain and the Jews of Europe, 1939–1945* (Oxford, 1979).

—, Patterns of Jewish Leadership in Great Britain during the Nazi Era, in Braham (ed.), *Jewish Leadership during the Nazi Era*, 29–43.

Watt, Donald Cameron, German Plans for the Reoccupation of the Rhineland: A Note, *Journal of Contemporary History*, 1 (1966), 193–9.

—, *How War Came: The Immediate Origins of the Second World War, 1938–1939* (London, 1989).

Weber, Hermann, *Die Wandlung des deutschen Kommunismus: Die Stalinisierung der KPD in der Weimarer Republik* (abridged edn, Frankfurt am Main, 1971 [1969]).

—, Die KPD in der Illegalität, in Löwenthal and von zur Mühlen (eds.), *Widerstand*, 83–101.

—, *Weisse Flecken in der Geschichte: Die KPD-Opfer der Stalinistischen Säuberungen und ihre Rehabilitierung* (Frankfurt am Main, 1990).

Weber, Rosco G. S., *The German Student Corps in the Third Reich* (New York, 1986).

Weckbecker, Gerd, *Zwischen Freispruch und Todesstrafe: Die Rechtsprechung der nationalsozialistischen Sondergerichte Frankfurt a.M. und Bromberg* (Baden-Baden, 1998).

Weekly Report of the German Institute for Business Research (with Supplements), (Institut für Konjunkturforschung, Berlin, 1933–9).

Weeks, Jeffrey, *Sex, Politics, and Society: The Regulation of Sexuality since 1800* (London, 1981).

Wehler, Hans-Ulrich, *Deutsche Gesellschaftsgeschichte*, IV: *Vom Beginn des ersten Weltkriegs bis zur Gründung der beiden deutschen Staaten 1914–1949* (Munich, 2003).

Wehner, Heinz, Die Rolle des faschistischen Verkehrswesens in der ersten Periode des zweiten Weltkrieges, *Bulletin des Arbeitskreises Zweiter Weltkrieg*, 2 (1966), 37–61.

Weinberg, Gerhard L., Hitlers Private Testament of May 2, 1938, *Journal of Modern History*, 27 (1955), 415–19.

—, *The Foreign Policy of Hitler's Germany*, I: *Diplomatic Revolution in Europe, 1933–36* (London, 1970).

—, *The Foreign Policy of Hitler's Germany*, II: *Starting World War II, 1937–1939* (Chicago, 1980).

Weinberg, Jeshajahu, et al., *The Holocaust Museum in Washington* (New York, 1995).

Weindling, Paul, *Health, Race and German Politics Between National Unification and Nazism, 1870–1945* (Cambridge, 1989).

Weiss, Hermann, Ideologie der Freizeit im Dritten Reich: Die NS-Gemeinschaft Kraft durch Freude, *Archiv für Sozialgeschichte*, 33 (1993), 289–303.

Weissler, Sabine (ed.), *Design in Deutschland, 1933–45: Ästhetik und Organisation des Deutschen Werkbundes im Dritten Reich* (Giessen, 1990).

Weitz, Eric D., *Creating German Communism, 1890–1990: From Popular Protests to Socialist State* (Princeton, 1997).

Welch, David (ed.), *Nazi Propaganda: The Power and the Limitations* (London, 1983).

- , *Propaganda and the German Cinema, 1933–1945* (Oxford, 1983).
- , *The Third Reich: Politics and Propaganda* (London, 2002).
- Wenning, Norbert, Das Gesetz gegen die U{5}berfüllung deutscher Schulen und Hochschulen vom 25. April 1933 – ein erfolgreicher Versuch der Bildungsbegrenzung? *Die deutsche Schule*, 78 (1986), 141–60.
- Werner, Karl Ferdinand, *Das NS-Geschichtsbild und die deutsche Geschichtswissenschaft* (Stuttgart, 1967).
- Werner, Kurt, and Biernat, Karl-Heinz, *Die Köpenicker Blutwoche, Juni, 1933* (Berlin, 1958).
- Wessel, Horst A., *Thyssen & Co., Mülheim an der Ruhr: Die Geschichte einer Familie und ihrer Unternehmung* (Stuttgart, 1991).
- Wessling, Berndt Wilhelm, *Wieland Wagner, der Enkel: Eine Biographie* (Cologne, 1997).
- West, Shearer, *The Visual Arts in Germany 1890–1937: Utopia and Despair* (Manchester, 2000).
- Westheim, Paul, *Paul Westheim: Kunstkritik aus den Exil*, ed. Tanja Frank (Hanau, 1985).
- Westphal, Uwe, *Werbung im Dritten Reich* (Berlin, 1989).
- Wetzel, Juliane, Auswanderung aus Deutschland, in Benz (ed.), *Die Juden in Deutschland*, 413–98.
- Wetzel, Kraft, and Hagemann, Peter, *Zensur: Verbotene deutsche Filme 1933–1945* (Berlin, 1978).
- Wetzell, Richard F., *Inventing the Criminal: A History of German Criminology, 1880–1945* (Chapel Hill, N.C., 2000).
- Weyrather, Irmgard, Numerus Clausus für Frauen – Studentinnen im Nationalsozialismus, in Frauengruppe Faschismusforschung (ed.), *Mutterkreuz*, 131–62.
- , *Muttertag und Mutterkreuz: Der Kult um die deutsche Mutter im Nationalsozialismus* (Frankfurt am Main, 1993).
- Whealey, Robert H., *Hitler and Spain: The Nazi Role in the Spanish Civil War, 1936–1939* (Lexington, Ky., 1989).
- Wheeler-Bennett, John W., *The Nemesis of Power: The German Army in Politics, 1918–1945* (London and New York, 1953).
- , et al. (eds.), *Documents on German Foreign Policy 1918–1945* (13 vols., London, 1950–70).
- Wickert, Christl, Popular Attitudes to National Socialist Antisemitism: Denunciations for Insidious Offenses and Racial Ignominy, in Bankier (ed.), *Probing*, 282–95.
- Wieland, Günther, *Das war der Volksgerichtshof: Ermittlungen, Fakten, Dokumente* (Pfaffenweiler, 1989).
- Wiesemann, Falk, Juden auf dem Lande: die wirtschaftliche Ausgrenzung der jüdischen Viehhändler in Bayern, in Peukert and Reulecke (eds.), *Die Reihen fast geschlossen*, 381–96.
- Wildt, Michael, Violence against Jews in Germany, 1933–1939, in Bankier (ed.), *Probing*, 181–212.

—, *Generation des Unbedingten: Das Führungskorps des Reichssicherheitshauptamtes* (Hamburg, 2002).

— (ed.), *Nachrichtendienst, politische Elite, Mordeinheit: Der Sicherheitsdienst des Reichsführers-SS* (Hamburg, 2003).

Wilke, Gerhard, The Sins of the Fathers: Village Society and Social Control in the Weimar Republic, in Evans and Lee (eds.), *The German Peasantry 174–204*.

—, Village Life in Nazi Germany, in Bessel (ed.), *Life in the Third Reich*, 17–24.

—, and Wagner, Kurt, Family and Household: Social Structures in a German Village Between the Two World Wars, in Evans and Lee (eds.), *The German Family*, 120–47.

Williams, Jenny, *More Lives Than One: A Biography of Hans Fallada* (London, 1998).

Willrich, Wolfgang, *Säuberung des Kunsttempels: Eine kunstpolitische Kampfschrift zur Gesundung deutscher Kunst im Geiste nordischer Art* (Munich, 1937).

Wingfield, Nancy M., *Minority Politics in a Multinational State: The German Social Democratic Party 1918–1938* (New York, 1989).

Winkler, Dörte, *Frauenarbeit im Dritten Reich* (Hamburg, 1977).

Winkler, Hans Joachim, *Legenden um Hitler: Schöpfer der Autobahnen* (Berlin, 1963).

Winkler, Heinrich August, *Mittelstand, Demokratie und Nationalsozialismus: Die politische Entwicklung von Handwerk und Kleinhandel in der Weimarer Republik* (Cologne, 1972).

—, Der entbehrliche Stand. Zur Mittelstandspolitik im Dritten Reich, *Archiv für Sozialgeschichte*, 17 (1977), 1–40.

—, Ein neuer Mythos vom alten Mittelstand. Antwort auf eine Antikritik, *Geschichte und Gesellschaft*, 12 (1986), 548–57.

—, *Der Weg in die Katastrophe: Arbeiter und Arbeiterbewegung in der Weimarer Republik 1930 bis 1933* (Berlin, 1987).

— (ed.), *Die deutsche Staatskrise 1930–1933: Handlungsspielräume und Alternativen* (Munich, 1992).

Winkler, Klaus, *Fernsehen unterm Hakenkreuz: Organisation – Programm – Personal* (Cologne, 1994).

Winkler, Kurt, Inszenierung der Macht: Weltausstellung 1937. Das Deutsche Haus als Standarte, in Behnken and Wagner (eds.), *Inszenierung*, 217–25.

Winkler-Mayerhöfer, Andrea, *Starkult als Propagandamittel? Studien zum Unterhaltungsfilm im Dritten Reich* (Munich, 1992).

Wippermann, Wolfgang, *Zur Analyse des Faschismus: Die sozialistischen und kommunistischen Faschismustheorien 1921–1945* (Frankfurt am Main, 1981).

—, *Das Leben in Frankfurt zur NS-Zeit* (4 vols., Frankfurt am Main, 1986).

—, Das Berliner Schulwesen in der NS-Zeit. Fragen, Thesen und methodische Bemerkungen, in Schmoldt (ed.), *Schule in Berlin*, 57–73.

—, and Brucker-Boroujerdi, Ute, Nationalsozialistische Zwangslager in Berlin III: Das Zigeunerlager Marzahn, *Berliner Forschungen*, 2 (1987), 189–94.

Wiskemann, Elizabeth, *The Rome–Berlin Axis: A History of the Relations Between Hitler and Mussolini* (London, 1949).

Wisotzky, Klaus, *Der Ruhrbergbau im Dritten Reich: Studien zur Sozialpolitik im Ruhrbergbau und zum sozialen Verhalten der Bergleute in den Jahren 1933 bis 1939* (Düsseldorf, 1983).

Wissmann, Sylvelin, *Es war eben unsere Schulzeit: Das Bremer Volksschulwesen unter dem Nationalsozialismus* (Bremen, 1993).

Witetschek, Helmut (ed.), *Die kirchliche Lage in Bayern nach den Regierungspräsidentenberichten 1933–1945* (7 vols., Mainz, 1966–71).

Witte, Karsten, Die Filmkomödie im Dritten Reich, in Denkler and Prümm (eds.), *Die deutsche Literatur*, 347–65.

–, *Lachende Erben, toller Tag: Filmkomödie im Dritten Reich* (Berlin, 1995).

Wöhlert, Meike, *Der politische Witz in der NS-Zeit am Beispiel ausgesuchter SD-Berichte und Gestapo-Akten* (Frankfurt am Main, 1997).

Wojak, Irmtrud, et al., *Arisierung im Nationalsozialismus: Volksgemeinschaft, Raub und Gedächtnis* (Frankfurt, 2000).

Wolbert, Klaus, *Die Nackten und die Toten des Dritten Reiches: Folgen einer politischen Geschichte des Körpers in der Plastik des deutschen Faschismus* (Giessen, 1982).

Wolf, Norbert, *Ernst Ludwig Kirchner 1880–1938: On the Edge of the Abyss of Time* (Cologne, 2003).

Wolffsohn, Michael, Arbeitsbeschaffung und Rüstung im nationalsozialistischen Deutschland 1933, *Militärgeschichtliche Mitteilungen*, 22 (1977), 9–19.

Wollenberg, Jörg (ed.), *The German Public and the Persecution of Jews, 1933–1945: No One Participated, No One Knew* (Atlantic Highlands, N.J., 1996 [1989]).

Wollstein, Günter, Eine Denkschrift des Staatssekretärs Bernhard von Bülow vom März 1933, *Militärgeschichtliche Mitteilungen*, 1 (1973), 77–94.

–, *Vom Weimarer Revisionismus zu Hitler: Das Deutsche Reich und die Grossmächte in der Anfangsphase der nationalsozialistischen Herrschaft in Deutschland* (Bonn, 1973).

Wölschke-Bulmahn, Joachim, and Gröning, Gert, The National Socialist Garden and Landscape Ideal: Bodenständigkeit (Rootedness in the Soil), in Etlin (ed.), *Art*, 73–97.

Wolf, Stuart J. (ed.), *The Nature of Fascism* (London, 1968).

Woycke, James, *Birth Control in Germany, 1871–1933* (London, 1988).

Wright, Jonathan, and Stafford, Paul, Hitler, Britain and the Hossbach Memorandum, *Militärgeschichtliche Mitteilungen*, 42 (1987), 77–123.

Wulf, Joseph, *Die bildenden Künste im Dritten Reich: Eine Dokumentation* (Gütersloh, 1963).

–, *Literatur und Dichtung im Dritten Reich: Eine Dokumentation* (Gütersloh, 1963).

–, *Presse und Funk im Dritten Reich: Eine Dokumentation* (Gütersloh, 1963).

–, *Musik im Dritten Reich: Eine Dokumentation* (Gütersloh, 1963).

–, *Theater und Film im Dritten Reich: Eine Dokumentation* (Gütersloh, 1963).

Wulff, Birgit, *Arbeitslosigkeit und Arbeitsbeschaffungsmassnahmen in Hamburg 1933–1939: Eine Untersuchung zur nationalsozialistischen Wirtschafts- und Sozialpolitik* (Frankfurt am Main, 1987).

—, The Third Reich and the Unemployed: National Socialist Work-creation Schemes in Hamburg, 1933–4, in Evans and Geary (eds.), *The German Unemployed*, 281–302.

Willenweber, Hans, *Sondergerichte im Dritten Reich: Vergessene Verbrechen der Justiz* (Frankfurt am Main, 1990).

Wyman, David S., *Paper Walls: America and the Refugee Crisis, 1938–1941* (Amherst, Mass., 1968).

Wynot, James D., Jr, A Necessary Cruelty: The Emergence of Official Anti-Semitism in Poland, 1935–39, *American Historical Review*, 76 (1971), 1,035–58.

Zabel, James A., *Nazism and the Pastors: A Study of the Ideas of Three Deutsche Christen Groups* (Missoula, Mont., 1976).

Zeidler, Manfred, *Das Sondergericht Freiberg: Zu Justiz und Repression in Sachsen, 1933–1940* (Dresden, 1998).

Zeile, Christine, Ein biographischer Essay, in Friedrich R. Reck-Malleczewen, *Tagebuch eines Verzweifelten* (Frankfurt am Main, 1994), 251–98.

Zeinhöfer, Siegfried, Die Reichsparteitage der NSDAP, in Ogan and Weiss (eds.), *Faszination und Gewalt*, 79–94.

Zeldin, Theodore (ed.), *Conflicts in French Society: Anticlericalism, Education and Morals in the Nineteenth Century: Essays* (London, 1970).

Zeller, Thomas, The Landscapes Crown: Landscape, Perception, and Modernizing Effects of the German Autobahn System, 1934–1941, in Nye (ed.), *Technologies of Landscape*, 218–40.

Zelnhöfer, Siegfried, *Die Reichsparteitage der NSDAP: Geschichte, Struktur und Bedeutung der grössten Propagandafeste im nationalsozialistischen Feierjahr* (Neustadt an der Aisch, 1991).

—, and Käs, Rudolf (eds.), *Kulissen der Gewalt: Das Reichsparteitagsgelände in Nürnberg* (Munich, 1992).

Zeman, Zbynek. A. B., *Nazi Propaganda* (Oxford, 1973).

Zerner, Ruth, German Protestant Responses to Nazi Persecution of the Jews, in Braham (ed.), *Perspectives on the Holocaust*, 57–68.

—, Martin Niemöller, Activist as Bystander: The Oft-Quoted Reflection, in Perry and Schweitzer (eds.), *Jewish-Christian Encounters over the Centuries*, 327–40.

Ziegler, Dieter, Die Verdrängung der Juden aus der Dresdner Bank 1933–1938, *VfZ* 47 (1999), 187–216.

Ziegler, Hans Severus, *Entartete Musik: Eine Abrechnung* (Düsseldorf, 1938).

Ziegler, Walter (ed.), *Die kirchliche Lage in Bayern nach den Regierungspräsidenten-berichten 1933–1943, IV: Regierungsbezirk Niederbayern und Oberpfalz 1933–1945* (Mainz, 1973).

Zimmermann, Michael, Ausbruchshoffnungen: Junge Bergeleute in den dreissigen Jahren, in Niethammer (ed.), *Die Jahre weiss man nicht*, 97–132.

—, *Verfolgt, vertrieben, vernichtet: Die nationalsozialistische Vernichtungs-politik gegen Sinti und Roma* (Essen, 1989).

—, *Rassenutopie und Genozid: Die nationalsozialistische Lösung der Zigeunerfrage* (Hamburg, 1996).

Zimmermann, Peter, Die Bildsprache des Nationalsozialismus im Plakat, in Rüger (ed.), *Kunst*, 223–36.

Zimmermann, Volker, *Die Sudetendeutschen im NS-Staat: Politik und Stimmung der Bevölkerung im Reichsgau Sudetenland (1938–1945)* (Essen, 1999).

Zipfel, Friedrich, Gestapo and SD: A Sociographic Profile of the Organisers of the Terror, in Larsen *et al.* (eds.), *Who Were the Fascists?*, 301–11.

Zitelmann, Rainer, *Hitler: The Policies of Seduction* (London, 1999 [1987]).

Zofka, Zdenek, *Die Ausbreitung des Nationalsozialismus auf dem Lande: Eine regionale Fallstudie zur politischen Einstellung der Landbevölkerung in der Zeit des Aufstiegs und der Machtergreifung der NSDAP 1928–1936* (Munich, 1979).

—, Dorfeliten und NSDAP. Fallbeispiele der Gleichschaltung aus dem Kreis Günzburg, in Broszat *et al.* (eds.), *Bayern*, IV. 383–434.

Zolling, Peter, *Zwischen Integration und Segregation: Sozialpolitik im Dritten Reich am Beispiel der Nationalsozialistischen Volkswohlfahrt (NSV) in Hamburg* (Frankfurt am Main, 1986).

Zollitsch, Wolfgang, Adel und adlige Machteliten in der Endphase der Weimarer Republik. Standespolitik und agrarische Interessen, in Winkler (ed.), *Die deutsche Staatskrise*, 239–56.

Zuschlag, Christoph, An Educational Exhibition. The Precursors of Entartete Kunst and Its Individual Venues, in Barron (ed.), *Degenerate Art*, 83–103.

—, *Entartete Kunst: Ausstellungsstrategien in Nazi-Deutschland* (Worms, 1995).

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
ПРОЛОГ	8
 1. ПОЛИЦЕЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО	26
«Ночь длинных ножей»	26
Репрессии и сопротивление	50
«Враги народа»	77
Инструменты террора	93
 2. МОБИЛИЗАЦИЯ ДУХА	133
Просвещение народа	133
Пресса, литература, театр	157
Проблемы ракурса	182
От противоречий к гармонии	207
 3. ПЕРЕСТРОЙКА ДУШ	244
Вопросы веры	244
Католики и язычники	258
Завоевание молодежи	286
«Битва против интеллекта»	318
 4. БОГАТСТВО И ГРАБЕЖ	351
«Битва за работу»	351
Бизнес, политика и война	381
Ариизация экономики	411
Дележ награбленного	426
 5. СТРОИТЕЛЬСТВО «НАРОДНОЙ ОБЩНОСТИ»	450
Кровь и почва	450
Судьба среднего класса	472
Укрощение пролетариата	495
Социальные обещания и реальность	520

6. РАСОВАЯ УТОПИЯ	552
В научном ключе	552
Нюрнбергские законы	586
«Евреи — вон из Европы»	608
«Хрустальная ночь»	632
7. НА ПУТИ К ВОЙНЕ	663
От слабости к силе	663
Создание Великой Германии	690
Уничтожение Чехословакии	720
«Марш на Восток»	745
ПРИМЕЧАНИЯ	772
БИБЛИОГРАФИЯ	887

Научно-популярное издание

Ричард Эванс

**ТРЕТИЙ РЕЙХ:
ДНИ ТРИУМФА**

Зав. редакцией *О.В. Сухарева*
Ответственный редактор *К.А. Залесский*
Технический редактор *Т.П. Тимошина*
Корректор *И.Н. Мокина*
Компьютерная верстка *Е.М. Илюшиной*

ООО «Агентство прав «У-Фактория»
620014, г. Екатеринбург, ул. Малышева, 36, лидер Б
E-mail: ufactoria@gmail.com

ООО «Издательство Астрель»
129085, г. Москва, пр. Олимпийского, д. 3а

ООО «Издательство АСТ»
141100, РФ, Московская область, г. Щелково, ул. Заречная, д. 96

Наши электронные адреса:

www.ast.ru

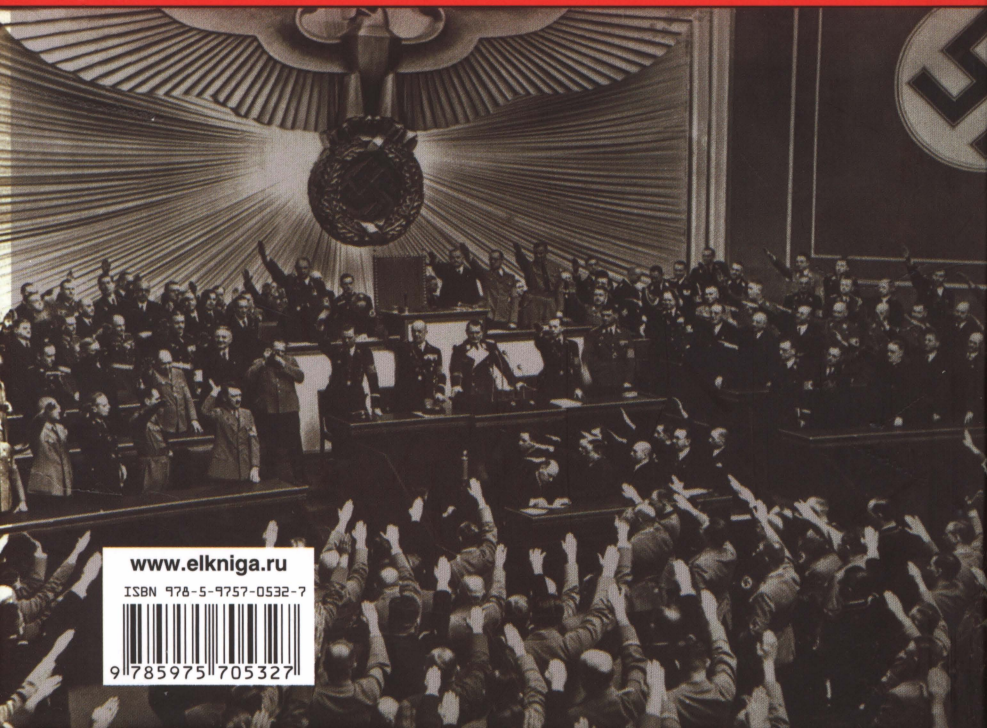
E-mail: astpub@aha.ru

Отпечатано в ОАО «Нижеполиграф»
603006, Нижний Новгород, Варварская ул., 32

Ричард Эванс – один из ведущих современных историков, признанный во всем мире специалист по истории Германии. Его трилогия – новейшее и самое полное исследование истории Третьего рейха.

Эта книга посвящена истории режима, созданного в Германии Гитлером и национал-социалистами с момента, когда он прочно утвердился у власти летом 1933 года, и до 1939 года, когда он развязал Вторую мировую войну. Автор сочетает повествование, описание и анализ, рисуя постоянно меняющуюся ситуацию и показывая, что Третий рейх не был статичной, монолитной диктатурой; он был динамичен, в нем стремительно происходили изменения, и с самого начала его деятелями руководили ненависть и амбиции.

*Новейшее исследование истории
нацистской Германии наконец дает ответ на вопрос,
каким на самом деле был Третий рейх.*

www.elkniga.ru

ISBN 978-5-9757-0532-7

9 785975 705327